

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

БИБЛИОТЕКА

ЛЛ

Александровской Лавры.

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

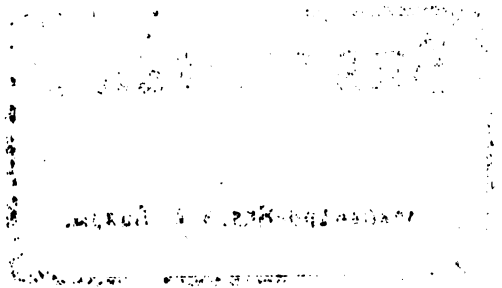
БИБЛИОТЕКА

Л. Л.

Александровской Лавры.

sla 18x d

ГОДЪ VII-й

MISSIONERSTVE OBOZRENIJE
МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

Сентябрь 1902 годъ.

БИБЛИОТЕКА

Александровской Лавры.

„Якоже посла Мя Отець, и Азъ посылаю вы“. Иоанн. XX, 21.

„Идите паче ко овцамъ погибшимъ дому Израилева“. Мѡ. X, 6.

„Скорбь ми есть велія о брати моеи“. Римл. IX, 1—3.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія В. В. Комарова. Невскій пр., 136.

1902.

Содержание сентябрьской книжки

BX460
M 67

журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ за 1902 годъ.

	СТРАН.
I. Трагизмъ толстоства и миръ. <i>Евангелія</i> . Свящ. Дим. Силинг	193—213
II. О миссіонерской постановкѣ учебно-религіозно-воспитательнаго дѣла церковной единовѣрческой школы. Свящ. Г. Чередниковъ	214—221
III. Гернгуттерскія братства. Иером. Алексій (Дородницянъ)	222—234
IV. Разборъ грамоты неокружниковъ отъ 6 мая 7407 лѣта (1899 года), поданной московскому окружническому архіепископу Іоанну, съ замѣчаніями Арсенія, епископа уральскаго. Свящ. Ѳ. Воловей	235—260
V. Собраніе раскольническихъ безпоповщинскихъ (поморскаго согласія) духовныхъ отцовъ Донской области. Свящ. Евгр. Овсянниковъ	261—275

Изъ миссіонерскихъ писемъ, дневниковъ и лѣтописей.

I. Вопросы религіи въ обсужденіи передовыхъ людей. С. Бронницкій	276—289
II. Еретикъ Кирюшка и графъ Толстой на судѣ раскольничьяго собора. С. К. П.	290—302
III. Разстроенные люди (миссіонерскій очеркъ). Д. Боголюбовъ	303—306

Изъ миссіонерской полемики.

IX. О незаконности австрійской іерархіи (бесѣда вторая съ Усовымъ). Мисс. свящ. С. Шалкинскій	307—326
X. Бесѣда съ штундобаптистами о присягѣ. Д. Боголюбовъ	327—330

Миссіонерство, секты и расколъ (хроника).

XI. Изъ залы засѣданій боровскаго окружнаго и калужскаго епархіальнаго миссіонерскихъ съѣздовъ. Открытіе боровскаго съѣзда. — Приглашеніе боровскихъ жепоповъ и почитателей моленныхъ на братскую бесѣду съ представителями съѣзда. — Пренія по вопросу о хожденіи съ иконами по домамъ раскольниковъ. — О неодинаковости практики въ дѣлѣ присоединенія къ Церкви приходскимъ и монастырскимъ духовенствомъ брачущихся изъ раскола. — О значеніи школы въ дѣлѣ миссіи. — О полемическихъ и апологетическихъ приѣмахъ преподаванія Закона Божія. — О допущеніи дѣтей раскольниковъ во второклассныя школы. — Привлеченіе къ мисіи учителей и низшихъ членовъ клира. — Къ вопросу объ уставности богослуженія. N.	331—346
---	---------

БИБЛИОТЕКА

Александровской Лавры.

Трагизм толстовства и миръ Евангелія.

„Миръ Мой даю вамъ“.

Иоан. 14, 27.

Любовь Божія излилась въ сердца
наши Духомъ Святымъ.

Рим. 5, 5.

БЫЛО ВРЕМЯ, когда казнили людей за убѣжденія думая, что, истребляя еретиковъ, этимъ приносятъ вѣрную службу Богу. Между тѣмъ это позорное дѣло было тѣмъ страшнымъ преступленіемъ, какимъ болѣе всего человѣкъ можетъ прогнѣвать Бога, какое ужаснѣе всякой ереси и заблужденія. Гонители не понимали духа и смысла религіи, во имя которой они дѣлались палачами.

Духъ нетерпимости постепенно смягчался до нашего времени, но, къ сожалѣнію, далеко еще не утратилъ своей значительной силы. Мы и теперь видимъ людей, которые во имя „истиннаго“ христіанства, во имя проповѣдуемой ими любви и правды издѣваются надъ лучшими убѣжденіями своихъ ближнихъ, влекутъ на поруганіе самыя возвышенныя воззрѣнія, имѣющія связь съ вѣрованіемъ въ личнаго Бога и во Христа, попираютъ пышный расцвѣтъ тѣхъ идей и чувствъ, которыя въ болѣе узкомъ и первоначальномъ выраженіи и сами они признаютъ. Это—толстовцы. Они охотно говорятъ о своемъ чистомъ христіанствѣ, и однако въ ихъ настроеніи нѣтъ жизненнаго и свѣтлаго мира. Жаль, что та любовь евангельская, которую они отчасти поняли, является почему-то для нихъ поводомъ къ гоненію той же самой любви, но въ безпредѣльно-глубокомъ ея выраженіи и необъятно-широкомъ ея церковномъ содержаніи. Мы (Церковь) проповѣдуемъ любовь Божію, выраженную въ Сынѣ Его Иисусѣ Христѣ и постепенно преобразующую человѣчество вдохновеніемъ Духа

Святого; и за эту вѣру и проповѣдь сектанты насъ влекутъ къ столбу позора и всенароднаго поруганія, возбуждая противъ насъ темныя массы полуинтеллигенціи и тронутаго фабричной культурой народа криками: „вотъ колдуны и шарлатаны!“

Мы не дадимъ мѣста гнѣву; но намъ жаль Льва Николаевича, стоящаго центромъ и душею этого движенія, такъ какъ думается, что самъ онъ долженъ глубоко страдать отъ взведенной имъ на насъ неправды. Мы увѣрены, что это—временное затменіе и недоразумѣніе, которое должно разсѣяться отъ болѣе братскаго и человѣчнаго отношенія къ намъ. Это отношеніе братской любви помогло бы ему проникнуть въ тотъ средоточный и сердечный, если можно такъ выразиться, пунктъ христіанства, который объединяетъ, оживляетъ и одухотворяетъ разумнымъ и реальнымъ смысломъ все самое существенное и основное въ ученіи и жизни Церкви; это—то, что называемъ мы „любовію Божіею“. Только на почвѣ братской любви и довѣрія люди могутъ понимать другъ-друга и доходить до яснаго выраженія своихъ мыслей и убѣжденій.

Въ постоянныхъ волненіяхъ и колебаніяхъ человѣческихъ словъ, мыслей, убѣжденій и настроеній у вѣрующихъ христіанъ, конечно, не можетъ быть ни малѣйшаго опасенія за истину: она выше человѣка и крѣпче его заблужденій и лжи; она лежитъ въ основѣ жизни міра и не поколеблется, если бы не оказалось среди людей даже и единаго носителя ея. Ей съ радостію должны быть принесены всякія жертвы со стороны личности: нѣтъ такого дорогого для сердца и увлекательнаго заблужденія, отъ котораго мы не должны бы были съ восторгомъ отказаться за одинъ просвѣтъ болѣе высокой, болѣе близкой къ истинѣ идеи.

Значитъ, если современное движеніе противъ вѣры и Церкви, въ частности толстовство, намъ кажется неразумнымъ и несогласнымъ съ законами нравственной жизни, если мы позволяемъ себѣ иногда слишкомъ горячо спорить съ нимъ, то это не потому, чтобы мы боялись за истину, или не потому, чтобы намъ было жаль какого-либо дорогого для насъ предразсудка; нѣтъ, если бы дѣло касалось

свободнаго изслѣдованія истины, то вѣдь нѣтъ ничего чище и симпатичнѣе въ человѣкѣ, какъ это благородное неотступное исканіе правды.

Но современному воинственному походу на Церковь, къ сожалѣнію, какъ будто не истина дорога, не правда нужна: ему нужна „побѣда“, его манитъ „позоръ“ побѣжденнаго противника. Что же иное, на самомъ дѣлѣ, означаютъ эти воинственные крики, эти вызывающія оскорбленія по адресу Церкви? Развѣ не чувствуется иногда въ нихъ весьма сильнаго озлобленія, едва сдерживающагося, чтобы не ринуться въ грубый рукопашный бой?..

Какъ много стало у насъ людей, съ гордымъ и довольнымъ видомъ изрекающихъ грубыя ругательства и насмѣшки надъ почти совершенно невѣдомымъ и непонятнымъ имъ церковнымъ ученіемъ и основанной на немъ жизнью. Въ своемъ жаргонѣ они подражаютъ Толстому, подобно ему вѣрятъ въ безусловное остроуміе и силу своихъ рѣчей и ожидаютъ какой-то своей побѣды, чуть ли не насилія какого надъ ненавистной имъ Церковью. Мысль этихъ горячихъ людей впервые затронута Толстымъ и потому отлилась пока въ форму его своеобразной и односторонней мысли.

Не такъ изслѣдуютъ вопросы жизненныхъ убѣжденій и не такъ проповѣдуютъ истину подлинныя мудрецы и благодѣтели человѣчества!.. Прискорбно, что и отъ вождей и учителей движенія мы встрѣчаемъ такое же неправственное, высокоумѣрно-нравственное и грубое глумленіе надъ лучшими и искреннѣйшими убѣжденіями ближнихъ, какое едва ли извинительно и ихъ малопросвѣщеннымъ послѣдователямъ.

Можетъ быть, какимъ-либо глубокимъ трагизмомъ личной совѣсти и убѣжденій или какимъ-либо невольнымъ и неизбежнымъ затменіемъ и могутъ быть въ извѣстной мѣрѣ оправдываемы озлобленныя и фанатизированныя рѣчи Толстого противъ Церкви; но взятыя сами по себѣ, безъ смягчающихъ обстоятельствъ, онѣ странны и непозволительны въ устахъ и подъ перомъ зрѣлаго мудреца. Спорьте съ нами, но избѣгайте клеветы; а если сказали неправду, то слушайте защиту; а не повторяйте своей клеветы съ еще большей настойчивостью. Въ вопросахъ религіозныхъ убѣжденій ни глумленія, ни насмѣшки, ни цинизмъ—совершенно

неумѣстны. Не закрывайте предъ собою истины неправдами ея отдѣльныхъ служителей, а споря съ мнѣніями, не старайтесь испугать и унижить ихъ защитниковъ, для которыхъ они также дороги, какъ для васъ ваши мнѣнія. Все это для Льва Толстого, конечно, не азбучныя истины, и однако онъ не имѣетъ никакой сдержанности въ отношеніи къ намъ. Иногда противъ воли чувствуется, что ему, какъ будто хочется стереть съ лица земли Церковь Христову, главнымъ образомъ, духовенство; онъ какъ будто готовъ посочувствовать всякому насилію надъ ненавистнымъ ему сословіемъ, или по крайней мѣрѣ ихъ всенародному позору и поруганію. Есть въ этомъ настроеніи его много и смѣшного, и больного, и горькаго, но въ общемъ — трудно въ такъ настроенномъ человѣкѣ признать брата-христіанина, человѣка мысли и нравственнаго труда, человѣка свѣтлаго разума и религіозной совѣсти. А онъ самъ и его почитатели такъ настойчиво приписываютъ его дѣятельности термини высшаго человѣческаго и христіанскаго благородства,—и такъ сильно хотѣлось бы этому вѣрить!

Съ какой настойчивостью и страстной мольбой человѣчество ищетъ покоя и счастья жизни, отягченное великими испытаніями земного существованія и мукою своихъ ошибокъ и грѣхопаденій. Оно сознало, что счастье жизни—въ правдѣ ея, и что правда жизни создается чрезъ познаніе истины, чрезъ руководство подлиннымъ принципомъ и идеаломъ жизни. Поэтому-то человѣчество, въ лицѣ лучшихъ сыновъ своихъ, ищетъ и жаждетъ истины, какъ своей жизни, своего счастья. Съ восторгомъ оно останавливается предъ благороднымъ свѣтомъ несомнѣнной истины и неутолимой горечью поражается при разочарованіи въ добытомъ убѣжденіи, при раскрытіи заблужденій и ограниченности своего разума. Въ этомъ иногда затруднительномъ исканіи вѣры и правды какой несравненной любовью и ореоломъ беззавѣтной благодарности окружается братъ-человѣкъ, сильный умомъ, духомъ и словомъ, который честно и доблестно несетъ бремя жизни и братской рукой поддерживаетъ другихъ, ослабѣвающихъ на пути, изыскивая вѣрнѣйшія направленія къ истинѣ и миру. Онъ прислушивается къ воздыханіямъ окружающаго его человѣчества и вдохновляется радостями его, собираетъ вокругъ себя лучшія

силы — умственныя и нравственныя и организуетъ подъ своимъ водительствою общее братское движеніе къ свѣту и правдѣ. Для такого вождя было бы измѣной своему положенію и дѣлу истины, если бы онъ сталъ глумиться надъ благороднѣйшими убѣжденіями рода человѣческаго, которыхъ онъ, положимъ, не понялъ и не принялъ, но которыя давали человѣчеству полное счастье во всѣхъ испытаніяхъ, и создали образцы чистѣйшихъ нравственныхъ жизней и подвиговъ. Толстой на первыхъ порахъ какъ будто былъ этимъ мудрымъ и любящимъ, сильнымъ человѣкомъ-братомъ, но потомъ превратился въ диктатора и единоличнаго законодателя истины.

Идеаль истины стоитъ надъ родомъ человѣческимъ, и люди тянутся къ нему, идутъ и ищутъ его, неся тяжелое ярмо заблужденій и неправды. Истина и покой — въ вѣчной любви и правдѣ жизни, и не можетъ эта истина быть достигнута, сохранена и возвышена однимъ человѣкомъ; она достояніе общечеловѣческой совѣсти, и въ общемъ разрѣшеніи вопросовъ ея каждый имѣетъ право голоса, и никого нельзя зашумливать. Истина—тотъ созидающій жизнь принципъ, который, открывая людямъ смыслъ ихъ жизни и содержаніе счастья, сливаетъ ихъ въ единую жизнь и единую любовь, И этотъ принципъ, не выраженный всецѣло въ какой-либо одной жизни или философіи, той или иной своей стороною присуць почти каждой изъ нихъ: почти въ каждомъ умѣ и въ каждомъ сердцѣ; есть та или другая сторона, тотъ или другой изъ аккордовъ вѣчной гармоніи любви. Поэтому-то такъ важенъ общій опытъ, общее сознание, поэтому-то и придается особенная сила и вѣсъ тому ученію, которое въ большой промежутокъ времени и большому числу людей указало путь къ свѣту и счастью (конечно, это—не единственный и не безусловный принципъ истины).

Такимъ образомъ, путь къ истинѣ и правдѣ жизни есть путь любви, путь взаимнаго, братски-сострадательнаго труда. Въ этомъ трудѣ не нужно намъ диктаторовъ, не нужно униженія ни одной личности, не нужно страстныхъ полемическихъ раздоровъ, ни фанатизма, ни брани, ни травли нашихъ братьевъ при посредствѣ злыхъ унижающихъ кли-

чекъ. Все это было бы ложью во имя истины и злобой во имя любви!

Мудрый никогда самодовольно не успокоивается въ сознаніи своего полнаго и законченнаго вѣдѣнія; онъ cadaго до конца готовъ выслушать и никогда не скажетъ: я все узналъ и все совершенно понялъ. Если мудрецъ во имя своихъ субъективныхъ убѣжденій потребуеть, чтобы предъ нимъ пала вся мудрость тысячелѣтій прошедшихъ, всѣ лучшія упованія настоящаго, чтобы миллионы вѣрующихъ отказались отъ высочайшей религіи, которая вноситъ смыслъ и счастье въ жизнь ихъ, то едва ли онъ вызоветъ сочувствіе у дѣйствительно разумныхъ и совѣтливыхъ людей. Ему будетъ рукоплескать развѣ только горячая толпа, немѣющая устойчивыхъ убѣжденій и воли, способная слѣпо покориться любимому гипнотизеру, сумѣвшему зажечь ея инстинкты и обмануть неопытную мысль внѣшнимъ нарядомъ истины. Многія изъ рѣчей Л. Толстого представляются выраженіемъ именно этой крайней требовательности и нетерпѣнія, несдержаннаго буйства самодовольнаго субъективнаго убѣжденія. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, можно съ такимъ всеуничтожающимъ видомъ, съ такимъ презрѣніемъ всемогнато богатыря къ слабому созданію кидаться на такую стѣну, какъ христіанская Церковь, на такое пониманіе христіанства, какъ вселенское исповѣданіе и служеніе вѣры Христовой? Развѣ можно серьезно думать, что принявши великую книгу Новаго Завѣта, христіанское челоуѣчество бросить ее съ презрѣніемъ и благоговѣнно приметъ грубо-лживую буддистскую каррикатуру ея изъ рукъ Толстого?..

Намъ понятна, конечно, высшая красота и власть яснаго и вдохновеннаго, беззавѣтно непоколебимаго единоличнаго убѣжденія, которое провозглашаетъ себя, несмотря на бурю протеста и соблазна ропщущей массы современниковъ, несмотря на грязь и кровь, которыми готова буйная толпа заклеить вдохновенно-спокойное чело властнаго проповѣдника. Но такая власть принадлежитъ только подлинной истинѣ, съ которой въ концѣ-то концовъ нельзя спорить, а можно развѣ только гнать ее, которая несомнѣнно покорить себѣ умы челоуѣчества, имѣя силу создать высшій смыслъ и счастье его. Главный признакъ такой истины въ томъ, что она созидаетъ, а не разрушаетъ, что она полна

радости и свѣтлой надежды, въ ней никогда не бываетъ основаній и элементовъ унынія, озлобленности, ненависти самые укоры ея полны глубочайшей симпатіи къ людямъ и состраданія. Учить съ совершенно чистой властью могъ только одинъ „Учитель—Христосъ“; а мы со властью можемъ возглашать только Его же, Христово, ученіе; во всякихъ же личныхъ комбинаціяхъ и творчествѣ убѣжденій даже и Левъ Толстой долженъ знать мѣру и сообразоваться съ логикой, не говоримъ, „толпы“ и „массы“, а „соборнаго, вселенскаго, общецерковнаго пониманія“. Кромѣ Христа и вѣрнѣйшихъ послѣдователей Его, мы не знаемъ чистой власти слова: непремѣнно огонь нашей властной мысли смѣшается съ жаромъ многихъ нашихъ страстей и омрачится нашимъ недомысліемъ; такъ и въ исканіяхъ и порывахъ Льва Николаевича моменты благородныхъ и чистыхъ стремленій едва ли не перевѣшены примѣсью самодовольства, подозрительности, грубости и недоброжелательства.

Бурные порывы, кажется, неизбѣжны въ развитіи нашего ума и духа; но они должны быть только временными и переходными; только миръ, широта и ясность зрѣлой мысли благоприятны для подлиннаго и плодотворнаго развитія ума. Умъ нашъ не создаетъ ничего безусловно новаго, и наше „творчество“ есть только усвоеніе и отраженіе данныхъ въ природѣ вещей идей Бога, творческихъ мыслей Его и духа. Къ этому отраженію способно только широкое, спокойное и ясное сознаніе; искать торжества для своего субъективнаго, исключительнаго, непремѣнно переходнаго, настроенія—значитъ удалять свое сознаніе отъ единаго, созидающаго жизнь міра, разума. Ясность, спокойствіе, широта и энергія ума созидаются только близостью, сочувствіемъ и благостью ко всѣмъ и ко всему...

Такъ и къ героямъ мысли, и къ нимъ особенно, должны быть предъявлены требованія братства, любви и уваженія къ людямъ, полнаго и сердечнаго вниманія къ созидающимъ ихъ жизнь убѣжденіямъ, такъ какъ въ этомъ созиданіи—одинъ изъ первыхъ признаковъ истины, а въ этой любви—одно изъ самыхъ надежныхъ ручательствъ за широту и безпристрастность мысли.

Мы (Церковь) знаемъ, что проповѣдуемъ истину, данную намъ отъ Бога, и хотимъ и должны проповѣдывать въ кро-

тости и любви, въ снисхожденіи къ падшему и заблуждающемуся брату, съ уваженіемъ къ честному и горячему самостоятельному исканію правды, съ готовностію все терпѣть ради вѣры и спасенія братьевъ. Мы проповѣдуемъ идеи, въ которыхъ слились миллионы лучшихъ душъ, и которыя дали высшее неслыханное удовлетвореніе сердцамъ человѣческимъ, объединивъ ихъ на-вѣки въ Богъ и во Христъ Его. Они такъ соотвѣтствовали чаяніямъ и запросамъ духа человѣческаго, что люди отдавали за нихъ жизнь свою; только въ нихъ и чрезъ нихъ сообщались такимъ образомъ смыслъ и цѣнность ихъ существованію. Почему это вселенское разумѣніе жизни и Христа должно пасть предъ толстовскимъ пониманіемъ жизни, предъ этимъ немощнымъ и произвольнымъ пересочиненіемъ общехристіанскаго упованія? Предъявляя такую претензію, Толстой сверхъ того чуждъ иногда самой примитивной вѣжливости, не говоря уже о духѣ возвышенной кротости, достоянія подлиннаго мудреца. Правда ли, что онъ понялъ духъ Христа, Который трости надломленной не преломляетъ и льна курящагося не угашаетъ?

Духъ гнѣва достойнаго, приличнаго и мужественнаго неизбѣженъ, когда мы имѣемъ дѣло съ завѣдомой ложью, съ нахальнымъ поруганіемъ истины, съ завѣдомымъ искаженіемъ ея, съ лицемѣріемъ самодовольнаго и своекорыстнаго эгоизма; но неужели Левъ Николаевичъ посмѣетъ сознательно кинуть христіанству такой укоръ предъ лицомъ его двухъ-тысячелѣтней почти исторіи, предъ лицомъ этого неисчетнаго сонма мучениковъ, исповѣдниковъ, подвижниковъ, учителей и святителей Церкви, которые ничего не имѣли, а всѣхъ обогащали (2 Кор. 6, 4—10), которыхъ благоговѣнно и благодарно благословляютъ вѣрующіе? Неужели же и въ правду христіанство придумано и сочинено за копѣйку, изъ-за корысти?..

Послѣ всѣхъ походовъ толстовства ничто еще не пошатнулось въ жизни Церкви; исторія не сдвигается съ лица земли, възмахомъ пера одного развязнаго героя мысли. И такой фактъ исторіи, какъ Церковь, свести къ жреческой хитрости, выдумкѣ, корысти, подсочинительству Евангелія, — это не столько горько, пожалуй, сколько странно. Нѣтъ, Левъ Николаевичъ, заговорите съ Церковью инымъ языкомъ и вы увидите, что слишкомъ много въ ея жизни и ученіи

вами не разгадано, и что еще много и много вамъ нужно послушать тѣхъ, кого вы хотите осудить безвозвратно.

Не можетъ вести къ доброму тону въ нашемъ спорѣ то обстоятельство, что вы съ такой безошадной пылкостью и глумленіемъ обрушиваетесь на таинства и обряды, и, главнымъ образомъ, иногда на ихъ внѣшнюю сторону. По нашему мнѣнію, только формалистъ удѣляетъ много вниманія формѣ; дѣло не въ формѣ; не всѣ формы равно необходимы въ жизни Церкви: они могутъ развиваться и совершенствоваться. Въ этой области справедливыя и доброжелательныя размышленія никого не обидятъ. Разсуждайте, помогайте намъ, но не изгоняйте любви.

Но если вамъ противны вѣрованія, на которыхъ опираются таинства, обряды, формы и порядокъ церковной жизни, то и нападать нужно только именно на эти вѣрованія: удалите духъ изъ формы, и она падетъ сама собою. Но глумиться надъ формой, идею которой вы не поняли, не выслушали до конца и не имѣли силы опровергнуть, по крайней мѣрѣ, преждевременно и недостойно серьезнаго искателя правды.

Но вамъ, какъ будто не хочется, чтобы мы были въ чемъ-либо правы; вамъ такъ тяжело, кажется, слушать рѣчи отъ Церкви? Это оттого, что вы взвели на насъ отвратительное преступленіе, въ которое повѣрили сами: ложь предъ Богомъ, предъ совѣстью, предъ людьми, корыстная спекуляція при посредствѣ религіознаго обмана,—ниже этого подлага дѣла и представить ничего невозможно! Если мы таковы въ вашихъ очахъ, то, конечно, трудно вамъ пересилить свое отвращеніе къ намъ; но вѣдь вы такъ хорошо поняли слово о „ракѣ“ и прочія божественныя рѣчи нагорной проповѣди!.. Мы во многомъ сговорились бы съ вами на почвѣ любви. Духъ любви дѣлаетъ свѣтлыми мысли наши и понятною одну душу для другой; любовь „не предполагаетъ зла“, объясняя все въ лучшую сторону,—и не ошибается.

Безъ любви и довѣрія, безъ взаимности и братства, мы не придемъ къ истинѣ. Поэтому-то мы и говоримъ: неужно диктаторства въ вопросахъ истины, неужно олимпійства въ отношеніяхъ къ разномыслящимъ. Неужно молчанія, когда вамъ страстно возражаютъ, когда хотятъ вашихъ рѣ-

чей, когда говорятъ, что вы сказали клевету, выслушайте, поправьтесь... Левъ Николаевичъ искалъ правды, но онъ не выслушалъ нѣкоторыхъ нужныхъ для него рѣчей и не помогъ своимъ сочувствіемъ высказаться многимъ любящимъ его людямъ, которые могли бы объяснить ему многое непонятное для него въ вѣрѣ.

Понятно горькое озлобленіе души, ищущей ясной вѣры, просящей полныхъ объясненій и получающей ошеломляющія увѣренія и читающей отвлеченно-сухіе, далекіе отъ живого сознанія вѣрующихъ, учебники. Это правда, мы виноваты въ томъ, что у насъ менѣе, чѣмъ есть потребность, занимаются изложеніемъ глубокихъ и жизненныхъ основъ христіанства, какъ ученія и жизни. Мало у насъ, или почти совсѣмъ нѣтъ полныхъ и жизненныхъ системъ христіанства, отвѣчающихъ умственнымъ запросамъ живыхъ, людей. Это—вина, но достойная снисхожденія: въ жизни часто приходится дѣлать, чего не хочешь, и не находишь силъ и времени для того, чего хочешь. Нужны сильныя таланты, но это не въ нашей власти; нужна служащая жизни религіозная наука, но люди науки (хотя бы и богословской) часто далеки отъ религіозной жизни; нужны системы *мысли*, прямо взятая изъ жизни,—но имѣющіе глубокой опытъ христіанской жизни часто или не имѣютъ литературнаго таланта, или неучены, или подавлены и увлечены жизнью. Такъ что и рады бы были мы дать всякому вопрошающему вполне успокоивающее изъясненіе „упованія нашего“,—да не всегда это въ нашей власти и силѣ. Будьте же и для насъ братьями, не казните усталыхъ, а помогите имъ. Льву Николаевичу, при его большой литературно-мыслительной силѣ, можно бы было возсоздать во всей широтѣ полную идею христіанства на основаніи его вѣрованій; если бы онъ не сумѣлъ скоро сдѣлать перехода [отъ идеальной правды къ признанію ея реальности, то по крайней мѣрѣ не глумился бы надъ ней.

Для возможности братскаго къ намъ отношенія Толстому нужно увѣриться, что въ истинѣ христіанскаго ученія можно убѣдиться искренно, глубоко, непоколебимо, что завѣдомый обманщикъ не сталъ бы такими именно вѣрованіями обманывать и спекулировать. Признавъ же въ насъ людей искреннихъ, хотя и несогласныхъ съ нимъ, Левъ Николаевичъ,

надо думать, отнесется къ намъ по крайней мѣрѣ съ бодрымъ и сострадательнымъ чувствомъ брата, а не съ жестокостью и непримиримостью.

Цѣль послѣдующихъ нашихъ разсужденій въ томъ именно и состоитъ, чтобы раскрыть, какъ умѣемъ, и насколько возможно въ короткомъ и торопливомъ словѣ *основанія и смыслъ жизни вступящей души*. Мы не хотимъ полемики, не общаемъ систематически полнаго и до конца выраженного уясненія и обоснованія христіанства; но намъ именно хочется дать нѣсколько штриховъ, по которымъ можно бы было составить приблизительную схему жизненной картины, какъ ее представляетъ христіанство, чтобы видно было, въ чемъ корни вѣры, почему она возникла и возникаетъ, въ чемъ ея сила, и почему такъ до смерти преданы ей ея исповѣдники.

I.

Не такому бы художнику и живописателю жизненной правды, не такому бы характеру и сердцу, какъ Левъ Толстой, отрицать реальный смыслъ и правду идеи личнаго Бога и личнаго къ Нему отношенія человѣка. Выше и важнѣе этого ничего еще нѣтъ въ жизни человѣчества. Не самъ-ли Толстой такъ хорошо (еще въ Аннѣ Карениной) смѣялся надъ философами, которые, въ угоду своимъ теоріямъ, логически-софистическимъ выводамъ однихъ словъ изъ другихъ, готовы исказить факты и реальное состояніе жизни? И вотъ самъ онъ, во имя сухихъ, отвлеченныхъ, туманныхъ и двусмысленныхъ философемъ, отрекается отъ великаго мірового пониманія первообразной личности, разумнаго начала разумныхъ существъ и всякой жизни.

„Богъ есть и Его нѣтъ; Онъ—духъ, но Онъ—во всемъ и неотдѣлимъ отъ матеріальнаго міра; Онъ выше меня и Онъ—во мнѣ; Онъ—разумнѣе жизни, Онъ—общій разумъ, Онъ—любовь, Онъ—Отець, въ исполненіи воли Его—смыслъ нашей жизни, но Онъ—не личность, однако, не живое самосознательное существо, потому что вообще понятіе о личномъ духовномъ бытіи — фикція“. Вотъ приблизительно схема разсужденій Толстого о Богѣ. И неужели такое пони-

маніе, вносящее туманъ и неопредѣленность въ жизнь, лучше и мудрѣе „религіи“ человѣчества, какъ она всегда понималась? Понимать такъ Бога—значить отрекаться отъ Него, а между тѣмъ, у Льва Николаевича такъ часто употребляется, какъ вседержащее понятіе Бога и Отца. Что это за игра въ такомъ великомъ вопросѣ общечеловѣческой совѣсти? Вѣдь Льву Николаевичу хорошо, конечно, извѣстно, что разумѣло и разумѣть человѣчество подъ словомъ „Богъ“, зачѣмъ же онъ пользуется имъ, разъ онъ несогласенъ съ его содержаниемъ? Вѣровать въ личнаго Творца и Владыку и говорить „Богъ“, это — религія; вѣровать въ двусмысленное сочетаніе отвлеченностей и въ какое-то немислимое безформенное бытіе и говорить „Богъ“, — это кощунство. При посредствѣ толстовскаго понятія о Богѣ нельзя обосновать удовлетворительной жизни, но, удержавъ слово Богъ, Левъ Николаевичъ даетъ ему по мѣстамъ оттѣнки нашего пониманія, и, благодаря этому, у него получается нѣкоторое удовлетвореніе совѣсти его и его друзей. Но вѣдь это подтасовка; пусть она невольная, но относиться къ ней равнодушно—не дѣло любви, не дѣло совѣстливаго и братскаго отношенія къ тѣмъ, съ кѣмъ вы говорите, и кому пишете, Левъ Николаевичъ! Нужно думать, что этотъ вопросъ религіи. Вы рѣшаете по свидѣтельству своей совѣсти; но въ данномъ случаѣ она кривитъ отъ туманности и сбивчивости понятій. Для васъ поэтому является нравственно-обязательнымъ пересмотрѣть ходъ развитія вашего ума въ выработкѣ вашего представленія о Богѣ.

Путь къ уясненію идеи Бога—въ самопознаніи и любви.

Говоря о любви, вы постоянно говорите „я“, говорите о взаимномъ тяготѣніи личностей. Безъ „я“, безъ „личности“ не можетъ быть рѣчи о любви, какъ и самой любви. Но вы отрицаете личность, вѣдь вы каждую минуту иной? Вѣдь вы — калейдоскопъ, живая машина изъ атомовъ? Въ этомъ минутномъ, кажется, затменіи, положенномъ въ начало вашихъ разсужденій о жизни, вы должны извиниться, или отказаться отъ понятій о „я“, о совѣсти, о разумѣ, о любви.

Конгломератъ атомовъ не сталь! бы говорить о личности, хотя бы отрицательно: онъ не понималъ бы содержанія понятія „личность“, ибо оно получается съ опыта; онъ не

сталъ бы томиться страстной мечтой о личномъ вѣчномъ существованіи, у него были бы инныя мечты. Безъ фактической реальной основы въ насъ не возникаетъ понятій, и чего нѣтъ въ нашей природѣ, тому мы не можемъ сочувствовать.

Понятіе и ощущеніе „личности“, личнаго существованія фактъ поражающій и увлекающій до высокаго восторга; въ немъ чувствуется приближеніе къ таинству божественной жизни. Такимъ яснымъ, самосознающимъ, разумнымъ и самоцѣннымъ въ безконечной степени должно быть начало міровой жизни, отблески разума и сознанія котораго раскрылись въ такихъ многоразличныхъ разумныхъ и прекрасныхъ формахъ бытія и особенно въ духѣ человѣка.

Въ свѣтѣ только личной жизни, личнаго самосознанія намъ понятно и драгоцѣнно наше существованіе. Сознаніе и понятіе „личности“ такъ же необходимо въ жизни, какъ неизбѣжно оно въ языкѣ народовъ. Языкъ человѣчества образовался полусознательно, прямо съ фактовъ, съ ощущеній, какъ субъективное выраженіе реальныхъ явленій, непосредственно „объективно“ воспринимаемыхъ. Выбросьте изъ рѣчи всѣ понятія, основанныя на признаніи того, что мы называемъ „личностью“, не про что намъ было бы и говорить съ вами, не о чемъ и не зачѣмъ спорить. Если же послѣдовательно провести это отрицаніе въ жизнь, то обнаружится, что оно—умерщвленіе жизни, отрицаніе неотрицаемаго реального факта. Зачѣмъ принимать пассивно выводы еще недалекой науки? Зачѣмъ противопоставлять ясному общечеловѣческому сознанію минутное затменіе своего сознанія и чувства?

Личная жизнь есть жизнь „духа“. Вы такъ много говорите о духѣ, изъ котораго, какъ изъ безбрежнаго моря, вы почерпаете тайны единой подлинной „неплотской“ жизни. Но вѣдь вы теоретически матеріалистъ, атомистъ; вѣдь вы, по вашему мнѣнію, механизмъ молекулъ, который не нынѣ—завтра рассыплется. Какой же у васъ „духъ“? Личности нѣтъ, вѣчно сознательнаго бытія нѣтъ, разумъ и совѣсть—преходящія условныя явленія органическаго калейдоскопа; что же такое вашъ „духъ“, и почему нужно жить „по духу“, а не „по плоти“? Почему „плоть мертвить“, и только „духъ животворить“?

Нельзя и странно съ такой рѣшительностью и спокойно

зачеркивать, такія великія реальныя понятія, какъ духъ и личность. Отецъ жизни даровалъ эти формы нашему существованію, и помимо ихъ и Левъ Николаевичъ не могъ открыть иныхъ формъ и создать иныхъ терминовъ, кромѣ этихъ, сознанныхъ и утвержденныхъ въ жизни человѣчества.

Нельзя жить придуманными понятіями: жизнь ихъ разобьетъ. Понятіе о личной духовной жизни потому только такъ неискоренимо-устойчиво, что оно образовалось не иначе, какъ чрезъ субъективное отраженіе въ сознаніи объективнаго факта жизни; какъ возникло оно, такъ и понято и принято, и принято можетъ быть только въ сознаніи личнаго разумнаго духа. И безъ такого реальнаго самосознанія жизнь духа невозможна. Если я не духъ, не личность, то не имѣютъ цѣнности и смысла ни мой разумъ и совѣсть, ни истина, ни моя жизнь: все оживляющее меня, какъ связанное съ понятіемъ личнаго духа, должно быть объявлено фикціей. Умираніе жизни духа отъ подобнаго отрицанія показываетъ, что отрицаніемъ разбивается живая форма бытія, безъ которой теряется все содержаніе его.

Если интересъ жизни не въ духѣ, не въ вѣчныхъ задачахъ личной любви, то въ чемъ же? Неужели въ культъ то растущаго, то разлагающагося комка нервовъ и мяса? Но если когда-нибудь законныя требованія плоти будутъ удовлетворены повсюду, что же потомъ? Неужели сытое и замиренное человѣчество не будетъ просить духовнаго хлѣба, идей, разума, непреходящаго чистаго чувства, безусловной и вѣчной любви? И чѣмъ, по толстовскому разумѣнію, можно будетъ насытить духовный голодъ человѣчества, невыносимую жажду разума и любви? „Искать нечего: человѣкъ-машина, комокъ, разсыплется, и конецъ; все его при немъ“ вотъ только какой камень можетъ подать ему толстовство... Да, если вы не можете провозгласить господства въ жизни принциповъ вѣчнаго духовнаго личнаго существованія, то очевидно, ваши горячіе порывы разума, совѣсти и любви сводятся въ концѣ-концовъ къ обезпеченію минутнаго условнаго и бессмысленнаго покоя и благополучія плотской жизни людей. Служители плоти будутъ довольны такимъ объясненіемъ жизни: богъ ихъ съ ними останется и для всѣхъ возвеличится, а назойливые вопросы разума и совѣсти уля-

гутся, потому что подведутся къ тому же кумиру, будутъ обмануты правдоподобно. Но что вы дадите людямъ съ дремлющимъ геніемъ разума, съ страдающимъ и жаждущимъ духомъ? Чѣмъ они будутъ живы, если отнимете у нихъ вѣчный свѣтъ разума, вѣчное отношеніе любви къ другимъ личностямъ, вѣчно оживляющее стремленіе къ усвоенію нравственныхъ началъ личной жизни Отца и плодотворный покой въ сознаніи, что Онъ — предводитель, покровъ и первообразъ челоуѣчества, несокрушимая сила его жизни и вѣчнаго развитія? Если вмѣсто необъятныхъ разумныхъ идей духа, освѣщающихъ смысломъ каждый моментъ жизни, мы насильно утвердимъ міровоззрѣніе плотской жизни (матеріализмъ), то это скажется грубой ограниченностью и крайней бѣдностью духовной жизни, торжествомъ того, что противно всему высокому и разумному въ челоуѣкѣ. И какъ можетъ такой мощный умъ и такое богатое сердце, какъ у Льва Николаевича, совмѣщать великія прозрѣнія въ жизни духа съ тупо-ограниченными бреднями матеріализма?..

Изумляющее меня море окружающей жизни міра, красоты, разумности, радости и безконечнаго разнообразія бытія возбуждаетъ мой духъ, вызываетъ къ развитію таящіяся въ немъ силы и запечатлѣваетъ ихъ по формамъ, чертамъ и опредѣленіямъ этого бытія. Мысль, духъ и характеръ, развившіеся въ жизни міра, дѣлаются, поскольку я ихъ понимаю, моимъ характеромъ, моимъ настроеніемъ и идеей, опредѣляющими мое отношеніе къ міру. Въ силу этой глубочайшей жизненной связи съ окружающимъ меня міромъ, котораго я—членъ и братъ, получившій жизнь отъ единаго съ нимъ начала, во мнѣ рождается любовь и сильнѣйшая благожелательность къ этому близкому мнѣ міру.

Но ничто изъ окружающей меня жизни не чувствуется мнѣ въ такомъ единствѣ со мной, ничто не возбуждаетъ во мнѣ столько энергіи и жизненныхъ силъ, ничто столько не формируетъ во мнѣ подлинной жизни духа, какъ другая личная жизнь. Моя любовь въ развитіи своихъ отношеній къ другой личности—безпредѣльна, и служеніе любви есть высшая жизнь и питаніе духа: здѣсь открывается глубокой и неисчерпаемый міръ нравственнаго бытія съ законами личной духовной жизни,

Жизнь міра и челоуѣка слита въ единую стройную гар-

монію, составляемую любовью и представляющую органическое развитіе единой творческой идеи въ многосложномъ выраженіи. Пониманіе этой идеи и единеніе съ творческимъ, созидающимъ жизнь Духомъ, опредѣляютъ наше отношеніе ко всему вокругъ насъ: здѣсь—источникъ радости о бытіи, благодати ко всему существующему, здѣсь — начало труда и силы любви...

Но горячему и чистому дѣятельному началу любви реальная жизнь готовитъ великое испытаніе и муку. Бытіе полно неразрѣшимыхъ какъ будто диссонансовъ: зла, страданія, смерти. Чѣмъ болѣе я люблю жизнь міра, тѣмъ болѣе страдаю за нее. Нравственное зло, безуміе, бездушность, физическія страданія и смерть, это—неизсякаемый источникъ горя человѣческаго личнаго и общаго. Если бы страданіе, поражаемое въ человѣкѣ сознаниемъ разстройства отъ зла и смерти въ міровой жизни, не имѣло исхода, оно неизбежно приводило бы къ отрицанію жизни, всякой радости ея, всякаго ея смысла и разума; никакіе палліативы здѣсь неудовлетворительны; временное самообманное забвеніе противно достоинству разумнаго существа. Для того, чтобы, имѣя ясный разумъ и совѣсть, человѣкъ могъ имѣть возможность нравственнаго спокойствія и энергіи жизни, онъ долженъ усмотрѣть радикальное исцѣленіе бытія, свою реальную связь съ безусловной жизнью, возможность именно жизни, а не умиранія. Это не человѣкъ выдумалъ, это не его вина, что природа его требуетъ или безусловной жизни, всецѣло осмысленной, разумной, чуждой лжи, страданія и смерти, или совсѣмъ отрицаетъ ее. Это требованіе природы духа привело было однажды Льва Николаевича къ опасности самоубійства; онъ успокоился, кое-какъ отчасти утоливъ жажду своего разума и совѣсти палліативами и двусмысленностями.

Подлиннымъ выходомъ изъ этого трагизма и крушенія духа служить поклоненіе личному Богу, всеблагому и вседержавшему Отцу нашей жизни.

Факты, давшіе начало понятіямъ „духа“, „разума“ и „личности“, не иначе и должны называться и считаться какъ только духомъ, разумомъ, и личностью. Я—разумный, личный духъ; но я—часть, членъ и порожденіе природы; значитъ, вообще природа носительница духа и разума, вы-

разительница личной воли. По строгимъ законамъ не мною выдуманныхъ фактовъ природы, опредѣляющихъ мое познаніе, я различаю отъ духа матерію; матеріей можетъ питаться мое тѣло, проявленіями духовными въ матеріальной средѣ можетъ насыщаться мой духъ. Родственное мнѣ духовное начало я нахожу не въ матеріальной сущности міра, а въ формахъ, идеяхъ его, въ направляющей и организующей силѣ, въ томъ, чему я говорю: *это* прекрасно, это разумно, это увлекаетъ меня, это радость и очищеніе для моего духа, предметъ моихъ думъ, откровеніе тайныхъ и мудрыхъ законовъ, познаніе которыхъ дѣлаетъ меня другомъ и владыкой природы. Вотъ въ этой то разумной, властной и прекрасной силѣ, отразившейся въ жизни матеріальнаго міра, созидающей его и управляющей имъ, я и чувствую родственное мнѣ, безусловно необходимое для моей жизни, духовнаго развитія и питанія, разумное Начало. Мой разумъ зажегся отъ этого Начала, и все мое познаніе есть отраженіе идей, разума и духа, выраженныхъ въ доступной мнѣ сферѣ бытія матеріальнаго и духовнаго, этимъ именно Началомъ жизни. Отраженіе это раскрываетъ и жизненно питаетъ во мнѣ идеальное мое личнаго бытія и развитія, заключенный въ природѣ моей совѣсти, моего духа. Развитіе этого идеала строго предназначено и согласовано съ жизнью міра, безъ связи съ которымъ оно невозможно. По основаніямъ и идеямъ моего развитія я вижу, что то цѣлое, тотъ зрѣлый плодъ, какого оно должно достигнуть, есть полнота и совершенство безусловнаго личнаго существованія: внѣ этого человѣку нѣтъ удовлетворенія. Это именно и отражено и предназначено въ жизни міра и человѣка, матеріи и духа. Но, чтобы быть такъ органически заключенной и выраженной въ жизни міра, идея безусловнаго личнаго существованія должна соответствовать бытію реальному и высшему міра, единой разумной мирообразующей Силѣ. Точный и опредѣленный планъ составляется прежде, чѣмъ начнетъ строиться зданіе, планъ-идеальное моего полного безусловно-развитаго личнаго бытія, конечно, долженъ былъ существовать въ законченномъ видѣ прежде меня и міра. Но онъ не предписанъ и непонятенъ мнѣ въ отвлеченномъ выраженіи: онъ выраженъ въ конкретныхъ явленіяхъ жизни, и во мнѣ можетъ воплотиться при конкретномъ только отношеніи къ живой безусловной

Личности. Ясно до очевидности, что надъ міромъ, какъ его жизненное Начало и Провидѣніе стоитъ реальная безусловная Личность, Которая на языкѣ человѣчества носитъ имя „Богъ“. Изученіе жизни міра и человѣка еще болѣе и болѣе будетъ уяснять эту очевидность ¹⁾...

Съ признаніемъ Бога и съ поклоненіемъ Ему, какъ вседержашему, разумному и личному Началу, открывается для нравственно-разумнаго существа смыслъ и возможность жизни подлинно естественной и природной для него. Я членъ природы, и могу жить только по необходимымъ ея законамъ; но я—духъ и разумъ и долженъ жить духомъ и разумомъ; конечно, я могу жить такъ только тогда, когда поклонюсь Духу и Разуму, какъ господствующему и вседержашему Началу природы и всякой жизни міра. Начало личное, духовное, разумное, господствующее надъ міромъ, это—моя живая нравственная вдохновляющая сила, основаніе и законъ для меня быть именно человѣкомъ, руководиться разумомъ, совѣстью, идеей добра, любовью...

Такое вѣрованіе сообщаетъ разумный смыслъ любви моей, страждущей за диссонансы міровой жизни; оно даетъ мнѣ сильнѣйшій мотивъ и энергію служить этой любви, согласующему, животворящему началу. Міръ объемлетъ, хранится и управляется разумомъ и благостью всеильной и вѣчной творческой любви. „Да будетъ воля Его, какъ на небѣ, такъ и на землѣ!“ Здѣсь—покорность и источникъ бодрой дѣятельности; здѣсь—единственное примиряющее начало для великихъ несогласій жизни. Я покоенъ за каждую личность, о несовершенствѣ и страданіи которой тоскуетъ мое сердце: она согрѣвается и просвѣщается благостью Отца, на-вѣки будетъ утѣшена Имъ и отразитъ Его въ своемъ существѣ. Жизнь, такимъ образомъ, предводительствуется лично Отцемъ всемогущимъ, по Его планамъ; мнѣ, значить, остается присоединиться къ волѣ Его, къ Его духу и плану, и творить въ мірѣ скорби дѣла Его любви. Моя дѣятельная любовь судеть уже имѣть несокрушимую силу, какъ полная основаній, надежды, увѣренности, самой чистой энергіи.

1) Прекрасно и достойно глубокаго вниманія разсужденіе объ „Истинѣ бытія Божія“ іером. (потомъ еписк.) Михаила Жаль, что его книги уже нѣтъ въ продажѣ.

Моя жизнь, такимъ образомъ, въ этой вѣрѣ и въ этомъ поклоненіи Отцу получаетъ и разумъ, и силу, и направленіе, и радость, т. е. то, что дѣлаетъ ее именно *жизнью*. Вся жизнь міра, всѣ мои мысли, чувства, порывы воли и совѣсти сливаются для меня въ этомъ поклоненіи Отцу въ единую живую стройную систему. Подлинная жизнь—*Его* въ Немъ. Она отразилась и въ жизни міра и въ моемъ духѣ. Ее я усматриваю и ищу въ мірѣ, къ ней рвется моя совѣсть, къ ней направляется развитіе моего личнаго духа. Для моего личнаго совершенства (счастія) я долженъ понять и усвоить Его (подлинно мою) жизнь и относиться къ міру и ко всякой жизни, *какъ Онъ*, съ безусловной полнотой созидающей жизнь любви. Это—законъ *природы*, законъ *духа*.

При такомъ поклоненіи Отцу, каждая черта и моментъ въ бытіи міра и моемъ сводятся къ единству идеи и плана, получаютъ высшій смыслъ и освѣщеніе, а Самъ Онъ, какъ Любовь, становится въ моей совѣсти корнемъ и источникомъ моей любви ко всѣмъ и ко всему,—моего добра.

Мы утверждаемъ то, безъ чего невозможна разумная и нравственная жизнь человѣка. Мы говоримъ ему: ты—разумъ, ты—личность, ты—духъ, ты озаренъ вѣчнымъ свѣтомъ совѣсти—жизнью Отца. Вѣдь только это дѣлаетъ цѣннымъ и осмысленнымъ все существованіе человѣка. Оно потеряетъ цѣну и смыслъ, если онъ повѣритъ тѣмъ, кто ему говоритъ: ты случайный, не подчиненный безусловному вѣчному разуму, калейдоскопъ моментовъ и атомовъ своей психо-физической природы.

Я не могу любить машину или механически сочетавшуюся массу матеріи; я люблю только то, что есть *жизнь*, въ чемъ бьется сердце. Я люблю міръ, потому что вижу въ немъ жизнь, а не механизмъ. Я люблю человѣка, брата своего, потому что въ немъ бьется такое же, какъ мое, сердце, потому что онъ—личность, живая и разумная совѣсть. И я живъ только потому, что могу любить, иначе нѣтъ смысла и цѣны въ моемъ существованіи. Я могу жить только въ мірѣ личностей, въ мірѣ совѣсти, любви, разумнаго свѣта сознанія. Левъ Николаевичъ хорошо знаетъ и говоритъ, что нѣтъ жизни безъ любви; но вѣдь нѣтъ любви безъ признанія личнаго существованія, нѣтъ широкаго развитія личной жизни безъ признанія господства въ мірѣ *личнаго* творче-

скаго Начала. Это признаніе необходимо, чтобы любовь получила широту, смыслъ, цѣль, основаніе и завершеніе, а не стояла только на степени инстинкта, чтобы она знала, что *ей*, а не злобѣ, *жизни*, а не смерти „принадлежитъ царство“. Проповѣдь личнаго Бога и поклоненіе Ему, это—требованіе и удовлетвореніе живущихъ въ насъ любви, добра и совѣсти. „Любящій позналъ Бога“. Злой не найдетъ въ себѣ основаній поклониться Отцу. Который есть Добро, Любовь, созидающая Жизнь.

Безъ Отца ничто непонятно и ничто недорого мнѣ въ мірѣ, начиная съ меня самого. Въ Немъ находитъ покой, полноту и силу любовь моя, безъ Него сожигающая меня бесплоднымъ отчаяніемъ. Это—вдохновеніе, это—ростъ моей *личной* жизни, что я могу *любить* Отца моего. Каждое усиліе моего познанія, каждое біеніе моего сердца отъ общенія съ жизнью Отца моего, ибо все Ему принадлежитъ, во всемъ выражены Его мысли, на все направлено Его вниманіе. Моя личная жизнь создается по образу личной жизни Отца моего: я могу жить только Его жизнью, хотѣть только Его хотѣніемъ, дѣлать только Его дѣла. Весь міръ предстоить предо мною, какъ предметъ *Его* благодати и сливающейся съ ней *моей* любви, которая хочетъ быть „едино“ съ Отчей любовью. Я радъ за каждую радость, за каждое дыханіе тварей; я хочу полнаго мира, безопасности и счастія каждой жизни, каждаго дыханія, всего разумнаго и добраго въ мірѣ. Міръ дорогъ мнѣ, ибо онъ открываетъ мнѣ мысли Отца моего а эти мысли воспитываютъ меня въ духѣ Отца и заставляютъ любить міръ, какъ Онъ его любитъ.

Жить этимъ живоноснымъ для меня хотѣніемъ и благодатью Отца для меня единственно мыслимая цѣль и смыслъ моего существованія. И при каждой мысли моей, при каждомъ чувствѣ и дѣлѣ я зову Отца моего, чувствую Его присутствіе и дѣлаю и хочу дѣлать Его дѣла, растить въ себѣ Его желанія и чувства. Я говорю Ему мои лучшія слова, приношу лучшія чувства моего сердца; и когда я поклоняюсь Ему, то выражаю этимъ, что Онъ—моя жизнь, моя святыня, что царствующій и направляющій все въ моей жизни принципъ — Онъ, Его личное и нравственное существо, Его разумъ и благодать. Какъ сильно растеть моя совѣсть и моя

способность любви отъ любви къ *такой* Личности и отъ сознанія ея любви ко мнѣ!..

Молитва и поклоненіе Отцу Небесному есть, такимъ образомъ, вліяніе Его личности на личность человѣка, есть жизнь, сила, разумъ и совѣсть человѣчества, исполненіе человѣка мыслями, нравственной силой и любовью Бога. Такъ это не шарлатанство, Левъ Николаевичъ! Болѣе сильнаго, болѣе чистаго и разумаго основанія и смысла для нравственности вы не найдете. Не унижайте же молитвы, этой святыни и совѣсти человѣчества, не замѣняйте личнаго вліянія Отца холодными „итогами жизни“, „правилами“, „утвержденіемъ въ избранномъ міровоззрѣніи и направленіи жизни“; все это незначительно и маложизненно предъ тѣмъ, что мы называемъ молитвою. Это все входитъ въ нее, но въ живомъ и безконечно усиленномъ видѣ, такъ какъ на молитвѣ мы не себя только стыдимся, не итоги только повѣряемъ, не своимъ иногда смутнымъ идеаломъ обличаемся и просвѣщаемся, а стыдимся предъ лицомъ Отца нашего Небеснаго и исполняемъ нравственнымъ содержаніемъ Его существа. Левъ Николаевичъ близокъ къ пониманію глубокихъ и жизненныхъ нравственныхъ отношеній людей и ихъ Отца: такъ часто онъ называетъ Его этимъ именемъ, такъ ясно и хорошо говоритъ о томъ, что смыслъ и цѣль бытія нашего—творить волю Отца жизни; и однако онъ унижаетъ и порицаетъ вѣру въ личнаго Бога и поклоненіе Ему. Что это недомысліе или кривда малодушія, препятствующаго ему воскликнуть вмѣстѣ съ нами: „вѣрую во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца“?. И неужели онъ успокоился и нашель смыслъ жизни среди хаоса смерти и разрушенія безъ Отца? Или, можетъ быть, отрицая Его словами, онъ Имъ только и живетъ въ своемъ сердцѣ? Но вѣдь это болѣзненно...

Свящ. *Димитрій Силинъ.*

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

О миссіонерской постановкѣ учебно-религіозно-воспитательнаго дѣла церковной единовѣрческой школы.

ЕЖДУ различными мѣропріятіями, изыскиваемыми правительствомъ для успѣшной борьбы съ *расколомъ и сектантствомъ*, обращено *вниманіе* на церковно-приходскія школы, отъ которыхъ особенно много ожидается пользы въ данномъ вопросѣ. Благодаря щедрой Царской помощи, за послѣднее время значительно расширена сѣть церковныхъ школъ и особенно обращено вниманіе на устройство школъ въ мѣстностяхъ съ раскольничьимъ населеніемъ, при единовѣрческихъ приходахъ.

О благотворномъ вліяніи, которое можетъ оказать церковная школа на ослабленіе раскола и пресѣченіе сектантства, признано было на второмъ и третьемъ всероссійскихъ сѣздахъ въ Москвѣ и Казани. Средствами къ достиженію означенной цѣли признано сѣздами желательнымъ привлеченіе въ эти школы большаго количества дѣтей раскольниковъ, чтобы воспитаніемъ ихъ въ духѣ примирительномъ со св. Церковію, путемъ цѣлесообразной постановки учебно-религіозно-воспитательнаго дѣла принести пользу миссіи.

Такимъ образомъ на церковную школу, хотя и не возложено прямой миссіонерской цѣли, но отъ нея требуется, чтобы она при правильной постановкѣ дѣла была помощницей миссіи оказала бы миссіонерское воздѣйствіе на населеніе, или, вѣрнѣе сказать, школа должна подготовить почву для успѣшной борьбы съ расколомъ.

Значеніе церковно-приходской школы *вообще*, какъ религіозно-нравственной просвѣтительницы юнаго подрастающаго поколѣнія, всѣми общепризнано и по достоинству оцѣнено, и говорить объ этомъ значитъ повторять сказанное много разъ, притомъ лицами болѣе компетентными и болѣе авторитетными, и потому предметомъ этой статейки я имѣю въ виду

сказать нѣсколько словъ объ одной отрасли церковныхъ школъ, именно о школѣ единовѣрческой, (такъ позволю я себѣ назвать школу прихода единовѣрскаго), т. е. о такой школѣ, которая находится въ мѣстности, населенной исключительно раскольниками.

Дѣло миссіи вообще дѣло важное, а въ частности особенно важно въ нашемъ „Стародубьѣ“, и потому я питаю увѣренность, что всякое слово, основанное на опытѣ, не будетъ бесполезно для школьнаго дѣла, при исключительно миссіонерскомъ его значеніи въ сихъ мѣстностяхъ.

При учрежденіи единовѣрія имѣлось въ виду путемъ допущенія и терпимости старыхъ дореформенныхъ обрядовъ возвратити заблуждшихъ чадъ на лоно православной Церкви, а потому и главная цѣль единовѣрческой школы, кромѣ учебно-воспитательной, идти рука объ руку съ единовѣріемъ, быть миссіонерско-подготовительной. И такимъ образомъ школа единовѣрческая должна явиться великой и немало-важной помощницей для нашей противораскольничьей миссіи.

Но чтобы школа эта могла быть такой помощницей, она должна имѣть, какъ и единовѣріе, нѣкоторыя особенности, какъ въ постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла, такъ и въ постановкѣ миссіонерскаго направленія ея.

Прежде всего особенно должна быть отгѣнена въ школѣ и поставлена на первомъ планѣ „церковность“, а затѣмъ миссіонерское направленіе въ преподаваніи Закона Божія, церковно-славянскаго языка и церковнаго пѣнія.

Но чтобы школьное дѣло стало твердой ногой, необходимо возбудити сочувствіе населенія къ школѣ, его симпатіи къ ней и тѣмъ привлечь и раскольника въ школу, это предметъ первой важности. Вѣдь всякому извѣстно, что ко всему, исходящему изъ нѣдръ православной Церкви, раскольники относятся недовѣрчиво и враждебно. Какъ отчасти достигнуть этого, будетъ видно изъ направленія дѣла, а теперь перейду прямо къ дѣлу воспитанія въ духѣ миссіонерства.

Въ дѣлѣ воспитанія въ духѣ миссіонерства слѣдуетъ различити двѣ стороны *снисходительную и подготовительную*, смѣшиваніе которыхъ можетъ принести вредъ вмѣсто ожидаемой пользы.

Вначалѣ, чтобы школа привилась въ раскольничьемъ заселеніи, необходимо повести школьное дѣло въ духѣ

сдиновѣрія, а затѣмъ, присмотрѣвшись къ мѣстнымъ условіямъ, требованіямъ, можно съ нѣкоторыми предосторожностями постепенно вводить ознакомленіе съ православіемъ. Вотъ на этой-то ступени школьнаго дѣла много нужно такта и выдержки со стороны учителя, чтобы не дать дѣлу одностороннее направленіе и тѣмъ не впасть въ крайность; все нужно сдѣлать къ дѣлу и во-время. Начну съ Закона Божія.

По программѣ преподаваніе Закона Божія начинается съ изученія дѣтьми краткихъ молитвъ: Слава Отцу..., Святыи Боже..., Царю Небесный..., Отче нашъ... и т. д. Въ старой и новой редакціи эти молитвы почти одинаковы, исключая нѣкоторой перестановки ударенія и выраженій, на примѣръ, во вѣки—во-вѣки, на небеси—на-небеси, вѣковъ—вѣкомъ души—душа и пр., изучая ихъ слѣдуетъ сдѣлать снисхожденіе къ старой редакціи, особенно это будетъ важно на первыхъ порахъ; при объясненіи же молитвъ придерживаться общепринятыхъ руководствъ.

Затѣмъ при изученіи молитвъ поступать такимъ образомъ. На примѣръ, при изученіи молитвы ангельскаго привѣтствія Богородицѣ „Богородице Дѣво, радуйся“, слѣдуетъ, излагая событіе Благовѣщенія Богородицы, слово „обрадованная“ замѣнить словомъ „благодатная, но до времени не касаться преимущества послѣдняго передъ первымъ и проч. Изучая молитву за Царя, съ перваго же урока поминать имя Благочестивѣйшаго Императора. Что же касается молитвъ вечерней, утренней, ангелу и тропарей своему святому, то эти молитвы могутъ быть изучаемы безъ всякаго опасенія по учебнику съ приказаніемъ читать ихъ въ домашнемъ употребленіи, такъ какъ эти молитвы мало кому извѣстны по старопечатнымъ книгамъ.

При объясненіи употребленія крестнаго знаменія преподаватель долженъ *отождествить* значеніе слагаемыхъ пальцевъ въ троеперстіи и двуперстіи и отнюдь не дѣлать превосходство одного передъ другимъ.

Преподаваніе священной Исторіи, катихизиса и Богослуженія будетъ идти, конечно, по учебнику; но, преподавая катихизисъ, слѣдуетъ отгвѣнять вопросы о Церкви, таинствахъ и священствѣ, а въ преподаваніи Богослуженія слѣдуетъ давать дѣтямъ объясненіе о правильности, а если удобно,

преимуществѣ всеобдержнаго обряда православной Церкви предъ допущеннымъ по снисхожденію. Наконецъ, что очень важно, нужно терпѣливо снизойти къ особенностямъ сугубой аллилуйи, имени Ісусъ и т. п. мелочамъ, такъ какъ это, всѣмъ извѣстно, большыя мѣста въ старообрядчествѣ. При этомъ учитель долженъ строго слѣдить и наблюдать, какъ за дѣтми, такъ и за собой, дабы осѣненіе крестнымъ знаменіемъ было благоговѣйно-истовое и правильное ¹⁾).

Церковно-славянское чтеніе въ единовѣрческой школѣ необходимо должно быть такимъ-же преобладающимъ элементомъ, какъ и Законъ Божій, а потому четыре часовыхъ урока въ недѣлю по этому предмету для школы въ посадѣ старообрядческомъ сравнительно очень мало. Наше старообрядчество и до настоящаго времени представляетъ собою застывшій XVII вѣкъ, въ которомъ все образованіе начиналось и заканчивалось изученіемъ часослова и псалтири, а потому и въ настоящее время изъ слѣпой привязанности и подражанію тому времени наше старообрядчество по традиціи унаслѣдовало систему образованія XVII вѣка. Каждый старообрядецъ считаетъ своей священной обязанностію научить своего ребенка часослову и псалтири. Если-же наша единовѣрческая школа не выполнитъ этого требованія мѣстныхъ условій, то это будетъ въ глазахъ раскольниковъ чувствительнымъ упущеніемъ. Хотя это строго говоря и крайность, но въ интересахъ миссіи съ нею надо помириться, и тогда дѣти не будутъ ютиться по избамъ „мастерицъ“—этихъ фанатичекъ раскольницъ, въ рукахъ которыхъ и доднесь находится образованіе юнаго раскола, не будутъ пропитываться ядомъ ненависти къ Церкви и всему православному.

¹⁾ Давая объясненіе символа Вѣры слѣдуетъ дѣтямъ поставить на видъ, что слова «Господа» и «Истиннаго» одинаковы по своему значенію въ символѣ, а потому нѣтъ надобности говорить слово «Истиннаго», тѣмъ болѣе, что его не было прибавлено и на второмъ вселенскомъ соборѣ; и что о томъ царствѣ, которое еще будетъ нельзя сказать, что ему «нѣтъ» конца, а что «не будетъ» конца. И я думаю, что подобное сравнительное объясненіе принесетъ больше пользы, чѣмъ буквальное изученіе по учебнику, для дѣтей-раскольниковъ, до сего времени незнакомыхъ съ оборотами рѣчи православной молитвы.

Начинать обученіе начальной грамоты безусловно слѣдуетъ съ церковно-славянскаго языка, который есть для насъ родной языкъ, на которомъ совершается и служба Божія. Программой школьной отведенъ же самостоятельный часъ на преподаваніе русской грамоты, а потому и дѣло будетъ безъ ущерба для гражданской грамоты и для церковной. Отдѣляя на славянскую грамоту часовой урокъ ежедневно и давая урокъ на домъ, при разумной постановкѣ дѣла преподаванія, можно, хотя отчасти, достигнуть того, что за $\frac{1}{2}$ года дѣти успѣютъ пройти часословъ и псалтирь и, кромѣ механическаго навыка, будутъ читать осмысленно и понимать прочитанное, не затрудняясь въ выборѣ книгъ для чтенія. А вѣдь давно уже признано, что того лишь нашъ простолюдинъ считаетъ настоящимъ грамотеемъ, кто умѣетъ хорошо читать книги церковныя. Церковно-славянская грамота въ единовѣрческой школѣ должна быть преподаваема по книгамъ единовѣрческой печати, что принесетъ громадную пользу въ миссіонерскомъ отношеніи. Напримѣръ, на урокахъ сознательнаго чтенія, когда учитель сообщаетъ дѣтямъ, при переводѣ славянскаго текста на русскій, соответствующія грамматическія формы для уясненія истиннаго значенія слова, дѣтямъ наглядно приходится имѣть знакомство со всеѣми неправильными оборотами рѣчи а иногда и съ грубѣйшими ошибками старопечатныхъ книгъ. Если же при этомъ показать дѣтямъ прочитанное по старопечатной книгѣ въ новой редакціи, тогда предъ ними понятна будетъ та непререкаемая истина, изъ за которой и произошло отдѣленіе старообрядцевъ отъ матери нашей Церкви. Да и въ глазахъ старообрядческаго населенія школа много выиграетъ, когда будетъ учить по книгамъ, ими излюбленнымъ.

Церковное пѣніе есть предметъ, который, послѣ церковно-славянскаго языка, можетъ всего болѣе привлечь раскольниковъ къ школѣ.

Что пѣніе нашъ русскій народъ любитъ, это общепризнанный фактъ, а особенно пѣніе церковное. Этимъ пѣніемъ онъ увлекается, оно располагаетъ его къ молитвѣ, умиляетъ его душу. Нашъ расколъ и до нынѣ сохранилъ у себя древнюю систему пѣнія, систему крюковъ и киноварныхъ помѣтъ. Неблагозвучно это пѣніе, тягучесть его унисона рѣ-

жетъ непривычный слухъ, переносить вашу мысль въ то далекое дореформенное время. Но какъ оно дорого для раскольника! До самозабвенія увлекается онъ, выводя всевозможные „фиты“ и „кулизмы“, и никакое чудное пѣніе образцоваго хора не замѣнитъ ему его крюковъ. Особеннымъ уваженіемъ пользуется тотъ, кто знаетъ крюковое пѣніе. Введите-же преподаваніе этого пѣнія въ школы единовѣрческія ¹⁾, и они будутъ полны дѣтьми-раскольниками.

Для характеристики я позволю себѣ воспроизвести здѣсь, какъ и въ какомъ размѣрѣ преподавалось крюковое пѣніе въ одной изъ школъ п. Клинцовъ-Троицкой. Кромѣ 4 часовыхъ уроковъ въ недѣлю, здѣсь были и послѣ-обѣденные уроки пѣнія. Сначала ученики усвоили всѣ неизмѣняемыя пѣснопѣнія всенощного бдѣнія, божественной литургіи, затѣмъ восемь гласовыхъ напѣвовъ, нѣкоторые ирмосы октоиха и ирмосы двенадцатымъ праздникамъ, все это школьники изучали всей школой, а затѣмъ болѣе способные были ознакомлены съ большимъ знаменнымъ распѣвомъ, для чего удѣлялся часъ вечера. И вотъ въ настоящее время образовался хоръ, въ которомъ участвуютъ и дѣти раскольниковъ. Въ день св. Троицы бываетъ въ Клинцахъ крестный по посаду ходъ, и дѣти во время этого крестнаго хода пѣли весь канонъ праздника большимъ знаменнымъ распѣвомъ. Родители-раскольники не только не запрещали своимъ дѣтямъ участвовать въ крестномъ ходу единовѣрцевъ, а напротивъ еще были въ восторгѣ отъ пѣнія ихъ дѣтишекъ, и благодарностямъ учителю не было конца. Въ царскіе дни учащіяся обѣихъ школъ посада неукоснительно посѣщаютъ храмъ Божій, принимая участіе въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ, нерѣдко заходятъ и ихъ родители.

Изучая церковное пѣніе напѣвомъ древнимъ, можно исподоволь знакомить дѣтей и съ пѣніемъ православнымъ. Особеннымъ подспорьемъ въ данномъ дѣлѣ, гдѣ двѣ школы православная и единовѣрческая могутъ служить устраиваемая въ нашей епархіи по инициативѣ отца епархіальнаго наблюдателя совмѣстныя чтенія съ пѣніемъ для дѣтей нѣсколькихъ школъ. На этихъ чтеніяхъ одно пѣснопѣніе

¹⁾ Что очень легко возложить это дѣло на одного изъ псаломщиковъ единовѣрческаго прихода.

можетъ быть исполнено и по единовѣрчески и по православному, и тогда наглядно останется перевѣсъ за послѣднимъ, который дѣти постараются перенять. Да и въ миссіонерскомъ значеніи очень важно такое объединеніе дѣтей православныхъ съ раскольниками.

Наравнѣ съ Закономъ Божиимъ необходимо нужно, хотя бы два урока въ недѣлю, удѣлить на преподаваніе свѣдѣній по исторіи и обличенію русскаго раскола, въ краткомъ изложеніи, доступномъ понятію учащихся. Уроки эти надо начинать съ большою осторожностью, дабы не обидѣть и не раздражить дѣтей, а вмѣстѣ съ ними и ихъ родителей прямыми обличеніями ихъ заблужденій.

Начавъ съ исторіи возникновенія раскола въ русской Церкви, преподаватель долженъ шагъ за шагомъ прослѣдить его и до настоящаго времени. Затѣмъ предъ дѣтьми должна быть изложена нужда въ необходимости исправленія богослужебныхъ книгъ (вотъ здѣсь-то переводъ церковно-славянской грамоты по старопечатной книгѣ принесетъ большую пользу) и право Церкви на измѣненіе обычаевъ и обрядовъ; при этомъ дѣтямъ осторожно нужно дать понять всю душепагубность раскола и спасительность въ оградѣ церковной, какъ и спасенія Ноя съ семействомъ во время потопа. Имѣющаяся миссіонерская библиотечка и будетъ въ данномъ дѣлѣ подспорьемъ, но и при пользованіи ею нужно тоже руководить разумно дѣтей. Для самого учителя, если онъ несвѣдуещъ съ расколомъ по моему крайнему разумѣнію, можетъ служить „Руководство по обличенію раскола“ проф. Ивановскаго, „Истинно-древняя Церковь“ митр. Григорія и „Выписки Озерскаго“. Руководя такимъ образомъ миссіонерскимъ воспитаніемъ дѣтей, можно надѣяться, что въ будущемъ они представятъ болѣе удобную почву для воспріятія сѣмянъ слова Божія. Важно также имѣть въ виду и еще слѣдующее, чтобы въ сношеніи съ учениками избѣгать насмѣшливо касаться ихъ личныхъ религіозныхъ убѣжденій, строго запретить это и учащимся между собой, помнить, что школа есть одна семья.

Относительно-же чтенія молитвъ утреннихъ, предъ урокомъ и послѣ его, вообще относительно внѣшней постановки школьнаго порядка я стою за то, чтобы все это дѣлалось по образцу единовѣрія. Величіе православія въ томъ и за-

ключается, что оно не придаетъ обряду спасительнаго значенія, а потому я нахожу, что нѣкоторыя особенности единовѣрческаго чина въ единовѣрческой-же школѣ не могутъ повредить православію, хотя бы здѣсь были и нѣсколько человекъ и православныхъ дѣтей, для которыхъ этотъ обрядъ, хотя и не родной, но отчасти знакомый. Если-же не снизойти къ терпимости стараго обряда, такъ любимаго раскольниками, съ чѣмъ нѣкоторые не могутъ согласиться, тогда миссіонерское значеніе какъ единовѣрія, такъ и школы единовѣрческой падетъ въ глазахъ раскола до нуля.

Намъ въ настоящее время особенно нужно *подчеркнуть* тождественность православія съ единовѣріемъ въ глазахъ раскола, доказать наглядно, что единовѣріе не составляетъ чего-то особеннаго отъ православной Церкви и не есть, какъ они утверждаютъ, русская унія.

На установленіе обязательнаго для всѣхъ школъ въ раскольничьихъ поселкахъ единовѣрческаго режима я не настаиваю, а говорю, что такой порядокъ вещей въ школьномъ дѣлѣ сослужилъ-бы добрую пользу въ интересахъ миссіи въ школахъ съ большимъ процентомъ раскольниковъ.

Если-же допустить такой порядокъ вещей въ школахъ единовѣрческихъ, чтобы миссіонерско-воспитательная сторона дѣла совершенно отсутствовала, то и это плохая услуга дѣлу миссіи. Правда, школа будетъ полна дѣтей-раскольниковъ, но достигнетъ-ли такая школа той цѣли, на которую она призвана? Кромѣ учебно-школьнаго знанія, ребенокъ ничего изъ нея не вынесетъ, на мягкомъ сердцѣ его не получится того желательнаго отпечатка примиренія съ Церковью, оно остынетъ, загрубѣетъ и еще больше окрѣпнетъ въ сознаніи своей религіозной правоты. А вѣдь вручается оно намъ мягкое, какъ воскъ, изъ него можно вылепить желательную форму.

Псаломщикъ *Иванъ Чередникозъ.*

Гернгуттерекія братства,

Въ тѣсной связи съ пѣтистическимъ движеніемъ ¹⁾ стоитъ *Братская Община* гернгуттеровъ. Ея основатель, Николай Людвигъ графъ фонъ - Цинцендорфъ, происходившій изъ старо-австрійской дворянской фамиліи, родился 26 мая 1700 г. въ Дрезденѣ. Шпенеръ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ его родителями и былъ восприемникомъ при крещеніи Николая Людвига. Отецъ дитяти умеръ шесть недѣль спустя послѣ его рожденія, а его мать въ 1704 г. во второй разъ вышла замужъ за прусскаго фельдмаршала фонъ-Натцмера (Natzmer). Бабка Людвига, отличавшаяся пѣтистическимъ образомъ мыслей, происходившая изъ фамиліи Герсдорфъ (въ Гроссъ-Геннесдорфѣ въ верхней Лузаціи), — тогдашняя литературная знаменитость, взялась за воспитаніе живого и надѣленнаго богатыми дарованіями мальчика. Съ ранняго дѣтства онъ научился искать внутренняго личнаго общенія со Спасителемъ. Съ 10-лѣтняго возраста онъ является воспитанникомъ педагогума въ Галле подъ руководствомъ Франке, гдѣ въ его душѣ укоренилась основная пѣтистическая идея о *маленькой Церкви* (Kirchlein) *въ Церкви*. Эту идею онъ пытался осуществить уже на 15 году своей жизни, именно, путемъ насажденія горчичнаго зерна (Мѣ. XIII, 31) между сотоварищами по школѣ. Въ Галле также возникла въ немъ мысль объ обращеніи язычниковъ. По окончаніи здѣсь курса, онъ былъ посланъ своимъ дядей и опекуномъ, которому пѣтистическій образъ мыслей племянника казался опаснымъ, въ Виттенбергскій университетъ для занятія правовѣдніемъ. Пребываніе здѣсь (1716 — 1719 г.) имѣло то значеніе для Цинцендорфа, что уничтожило въ немъ узкосердечность галлескаго пѣтизма, хотя зародышъ послѣдняго продолжалъ оставаться въ немъ. Въ 1719 г. молодой графъ, по обычаю аристократовъ, предпринялъ путе-

¹⁾ См. Мисс. Обзор. 1901 г. кн. май стр. 630—641.

шествіе, приче́мъ посѣтилъ Голландію и Францію; во время этого путешествія онъ вступилъ въ тѣсныя отношенія съ значительнѣйшими личностями всѣхъ исповѣданій и сектъ. По возвращеніи изъ путешествія (въ 1721 г.), онъ посвятилъ себя, согласно желанію родственниковъ, государственной службѣ. Но такой религиозный геній, какъ Цинцендорфъ, не могъ удовлетвориться послѣднею, и ему скоро представился случай осуществить на дѣлѣ свой любимый планъ. Когда графъ со своею супругою (онъ женился въ 1722 г.), Ердмутъ Доротеей, происходившей изъ графской фамиліи Рейсъ-Эберсдорфъ (Ebersdorf), находился въ Дрезденѣ, онъ получилъ отъ управляющаго его имѣніемъ Бертельсдорфъ (близъ Геннесдорфа) увѣдомленіе, что моравскіе изгнанники выражаютъ желаніе переселиться въ его имѣніе. Цинцендорфъ назначилъ для колонизаціи Гутбергъ при Бертельсдорфѣ. Съ этими изгнанниками случилось слѣдующее. Остатки гусситовъ составили въ 1457 г. изъ богемскихъ и моравскихъ братьевъ такъ называемое „Brudergunität“ (братство), съ твердымъ намѣреніемъ ни на какихъ условіяхъ не присоединяться къ господствующей католической Церкви, но оставаться вѣрными своей евангельской вѣрѣ. Сильно тѣснимые католиками и лишившись въ теченіе 30-лѣтней войны своей религиозной свободы, многіе изъ нихъ выселились въ Шлезвигъ, Саксонію, Бранденбургъ и проч. Оставшіеся только втайнѣ могли держаться отеческой вѣры, которой грозила опасность полного уничтоженія. Усиліями моравскаго плотника, Христіана Давида, первоначально католика, но потомъ послѣдователя *чистаго* Евангелія, между оставшимися снова былъ воспламененъ огонь старой вѣры. Но эти послѣдніе, ради избѣжанія католическихъ преслѣдованій и безпрепятственнаго совершенія богослуженія, принуждены были выселиться. Они въ 1722 г. и пришли въ Бертельсдорфъ и поселились въ Гутбергъ. Но количество этихъ переселенцевъ было еще не велико. Съ произнесеніемъ словъ пс. 83. 4 ст. Хр. Давидъ вонзилъ топоръ въ дерево, назначенное къ постройкѣ перваго дома. Колонія получила наименованіе „Гернгуть“ (Herrnhut—стража Господня). Постепенно являлись сюда и другіе моравскіе изгнанники, вполнѣдствіи въ большемъ числѣ приливали сюда піетисты, кальвинисты, швенкфельдцы, менониты и бемисты. Колонія Гернгуть сдѣлалась сборнымъ

пунктомъ благочестивыхъ душъ. Колонисты имѣли у себя пастора Ротэ (Rothe), они считались поданными Цинцендорфа, и послѣдній пользовался неограниченною властью надъ ними.

Цинцендорфъ чувствовалъ, что здѣсь его „отъ вѣчности назначенный ему приходъ“ (von Ewigkeit bestimmte Parochie). Онъ занималъ еще свое служебное положеніе въ Дрезденѣ, но домашнія молитвенныя собранія, которыя онъ учредилъ, занимали его болѣе, нежели пылъ документовъ. Въ 1723 г. съ тремя единомышленными съ нимъ друзьями онъ заключилъ союзъ, цѣлью котораго было, гдѣ и какъ только это возможно, устно и письменно, какъ въ ближайшихъ, такъ и въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, между іудеями и язычниками возвѣщать Иисуса Распятаго. Пасторъ Ротэ, членъ союза, проповѣдывалъ такъ увлекательно, что въ его церковь приходили цѣлыя толпы изъ другихъ деревень и присоединялись къ союзу. Въ 1724 г. Цинцендорфъ основалъ въ Гутбергѣ дворянскую школу, подобную педагогіуму въ Галле. Въ Бертельсдорфѣ были учреждены богадѣльни и институтъ для благородныхъ дѣвицъ. Въ Эберсдорфѣ явилась типографія. 1-го января 1727 г. правительство запретило графу устраивать въ своемъ домѣ религіозныя собранія. Возможно, что виною этого запрещенія былъ „Дрезденскій Сократъ“, еженедѣльное изданіе, которое Цинцендорфъ анонимно издавалъ и въ которомъ онъ, по образу Аѳинскаго философа, старался путемъ насмѣшекъ и ироніи показать неосновательность тогдашняго нехристіанскаго образованія. Скоро графъ покинулъ государственную службу и сдѣлалъ Гернгутъ исключительнымъ мѣстомъ своей дѣятельности (на Пасхѣ 1727 г.). Онъ имѣлъ всѣ основанія къ этому: нужно было уладить раздоры, возникшіе въ силу разнообразія и совершенной противоположности характеровъ пестраго общества. Только при помощи своего ума и твердости своего характера графъ могъ предупредить полный разрывъ. Моравы требовали господства своего порядка и дисциплины, и среди остальныхъ каждый желалъ того, что было сообразно съ его склонностями. Графъ попытался каждаго въ отдѣльности склонить къ миру, и когда это ему удалось, онъ 12 мая 1727 г. заставилъ всѣхъ подчиниться составленному имъ уставу, послѣ чего тѣ, которые не желали жить съ другими

въ братской любви, должны были покинуть Гернгутъ. Колонисты праздновали 13 августа день основанія общины.

Вскорѣ, послѣ упорядоченія управленія общины, начинается ея усиленное стремленіе къ внутреннему усиленію и внѣшнему расширенію. Уставы были частію дополняемы, смотря по необходимости. *Внѣшнему* совѣту общины подлежали гражданскіе случаи, *внутреннему* — церковная дисциплина, церковное устройство. Важныя дѣла рѣшались жребіемъ, по прямому установленію Господа (Дѣян. I. 26). Въ 1731 г. было установлено для гернгутовъ ежемѣсячное причащеніе. Имѣли также мѣсто вечера любви и омовеніе ногъ. Чтобы лучше управлять паствою, вся община была раздѣлена на различныя по роду, возрасту и состоянію группы или *хоры*. Самъ Цинцендорфъ всюду былъ руководителемъ. Онъ промѣнялъ свое графство на духовное званіе. Въ Штральзундѣ весной 1734 г. происходилъ богословскій экзамень, а въ Тюбингенѣ Цинцендорфъ со всѣми формальностями былъ принятъ канцлеромъ Пфаффомъ (Pfaff) въ духовное званіе. Между тѣмъ начали основываться новыя общины въ Германіи, Швейцаріи, Голландіи, Англіи, Ирландіи, Даніи, Норвегіи и Швеціи и даже въ С. Америкѣ. Но братья не имѣли права ни крестить, ни совершать Евхаристію. Такимъ образомъ гернгутская община находилась въ затруднительномъ положеніи относительно своего расширенія на счетъ язычниковъ. Но желательный выходъ изъ затрудненія былъ найденъ. Въ Берлинѣ жилъ въ качествѣ придворнаго проповѣдника моравскій епископъ Яблонскій, рукополагавшій въ епископа всякаго, казавшагося ему достойнымъ. По старанію Цинцендорфа, онъ и посвятилъ въ епископа брата Давида Ничмана (Nitschmann); самъ графъ въ 1737 г. принялъ этотъ санъ. Такимъ образомъ выходъ изъ затрудненія былъ найденъ.

Между тѣмъ событія въ общинѣ обратили на себя вниманіе Курфюрстское правительство послало комиссію въ Гернгутъ для изслѣдованія дѣлъ, и въ 1736 г. основатель былъ изгнанъ изъ страны. Со своею „домашнею и странствующею общиною“ (Haus- und Pilgergemeinde) онъ переселился въ Веттерау, — гостепріимное прибѣжище всѣхъ, гонимыхъ за религиозныя убѣжденія. Здѣсь онъ основалъ общины Марленборнъ и Гернгаагъ и потомъ предпринялъ путешествіе по

Европѣ. Въ 1741 — 42 гг. мы находимъ Цинцендорфа въ С. Америкѣ, гдѣ онъ, въ надеждѣ на тамошнюю свободу совѣсти, думалъ учредить общину безъ всякихъ ограниченій со стороны внѣшней церковности. Время изгнанія, такъ называемый „періодъ сѣянія“, продолжалось до 1747 г., когда Саксонское правительство взяло назадъ свой эдиктъ, направленный противъ личности графа. Два года спустя гернгуты приняли, по крайней мѣрѣ, формально Аугсбургское исповѣданіе и признаны были терпимыми въ Саксоніи. Одновременно и въ Англіи они были признаны парламентскимъ рѣшеніемъ равноправными съ епископальною Церковію. По смерти своей первой супруги, графъ женился на Аннѣ Ничманъ, своей давнишней подругѣ и помощницѣ (въ 1757 г.). Со словомъ „миръ“ онъ испустилъ свой духъ 9 мая 1760 г. и похороненъ на Гутбергскомъ кладбищѣ. Почтатели сдѣлали слѣдующую надпись на его памятникѣ:

„Ei, wie so selig schlafest du
Und träumest süszen Traum“.

(„О, какъ блаженно спишь ты и видишь сладкіе сны“).

Въ „періодъ сѣянія“ на общину гернгутеровъ излился цѣлый потокъ полемическихъ сочиненій и пасквилей. Фре-рейзенъ (Fröreisen) написалъ: „*Изображеніе Магомета и Цинцендорфа, — его современной обезьяны*“. Страсбургъ, 1747 г. Фолькъ (Volk): „*Обнаруженная тайна злобы гернгутской секты*“. Франкфуртъ, 1749 г. и Ботэ (Bothe): „*Достоверныя свидѣнія о гернгутской тайнѣ брака*“. Берлинъ, 1751 г. Двое послѣднихъ были прежде гернгутерами. Основаніе для этихъ нападокъ Цинцендорфъ и его послѣдователи дали отчасти своимъ вѣроученіемъ и нѣкоторыми достойными порицанія сторонами своей жизни. Мы укажемъ только нѣкоторые пункты ученія Цинцендорфа: 1) *Ученіе о матернемъ достоинствѣ Св. Духа*. Цинцендорфъ представлялъ себѣ Св. Троицу, какъ мужа, жену и дитя („папа и мама и ихъ огонечекъ, братъ ягненочекъ“—Papa, Mama und ihr Flämmlein, Bruder Lämmlein). Св. Духъ занимаетъ мѣсто матери (Бога - Отца вѣчная супруга, — Negmama). Матернее достоинство Св. Духа проявляется тройко: при вѣчномъ рожденіи Сына Божія, при зачатіи челоуѣка Иисуса, при возрожденіи вѣрующаго. 2) *Ученіе объ отеческомъ достоинствѣ Иисуса Христа* (Ис. IX, 6).

Твореніе принадлежитъ единственно и только Сыну („праведному гончару“), поэтому Христосъ естъ истинный нашъ Отець. Отець Господа Нашего Иисуса Христа естъ только то, что въ мірѣ называютъ тестемъ, дѣдомъ. 3) Относительно земной жизни Спасителя Цинцендорфъ, чтобы представить глубину Его уничиженія, любилъ употреблять унизительныя наименованія (товарищъ плотника, другъ ремесленника, Онъ вошелъ на крестъ подобно висѣльнику и проч.). 4) Свою общину онъ объявилъ поэтому живою Библей. 5) Теорія и практика таинства брака по Ефес., X, 32. Церковь и каждая отдѣльная душа естъ духовная супруга Христа, и чтобы выяснитъ сердечность этого отношенія, брачная жизнь особенно въ духовныхъ пѣсняхъ изображается даже неблагопрістойно и примѣняется къ духовному браку со Спасителемъ. Но въ плотскомъ брачномъ союзѣ мужемъ является собственно Христосъ. Рожденіе дѣтей естъ дѣло Христа (относится къ Его отеческому достоинству). Земные мужья суть только „Его прокураторы, заступающіе Его мѣсто“, по отношенію къ супругамъ они суть— вице-христы, вице-мужья. Бракъ естъ истинное таинство, ради чего освященъ обрѣзаніемъ Христа и прободеніемъ Его бока копьемъ. Излившаяся при этомъ кровь Христа естъ елей брачнаго союза, и рожденіе дѣтей естъ святое, божественное дѣло, которое у истинныхъ христіанъ происходитъ безъ всякаго чувства плотской похоти и, слѣдовательно, безъ стыда предъ самимъ собою.

„Тертималъ“ у апостола (I Коринѣ. VII, 9) и собачьимъ принципамъ („Hunds principis“), которые умѣстны только у негровъ и островитянъ, въ общинѣ не должно быть мѣста. Въ виду этого уничтоженъ бракъ и установлена *corula carnalis* подъ надзоромъ попечителей общины, и послѣдняя нѣкоторое время исполнялась новосочетавшимися при молитвахъ и пѣніи собравшейся въ смежной комнатѣ общины. Выходя изъ идеи „маленькой Церкви“, Цинцендорфъ желалъ основать общество святыхъ, при посредствѣ котораго могло бы быть оживлено снова все христіанство. И когда ему удалось образовать одну общину, ея расширеніе пошло такъ быстро, и при немъ она такъ укрѣпилась, что ей дано было названіе Филадельфіи (Откр. III, 7. и

сл.), которой Господь далъ открытую дверь, такъ что всѣ приходящіе поклоняются Его ногамъ.

Извѣстно, что Цинцендорфъ пытался войти въ сношенія съ главами римско-католической и греческой Церкви. Отсюда сдѣлалось правиломъ отсутствіе исповѣданія, и если обществомъ было принято Аугсбургское исповѣданіе, то произошло это единственно съ цѣлью получить государственное признаніе. Исповѣдныя разности въ моравскомъ, лютеранскомъ и реформатскомъ ученіяхъ не имѣли значенія, онѣ касались только содержанія основныхъ христіанскихъ истинъ. А такъ какъ у основателя не было своего собственнаго опредѣленнаго исповѣданія, то при своихъ заботахъ о дальнѣйшемъ существованіи общинъ, онъ долженъ былъ постараться объединить своихъ послѣдователей другою соединительною связью. Таковою 16 сент. 1741 г. и былъ признанъ *особый союзъ со Спасителемъ*. До сихъ поръ мѣсто главнаго старѣйшины занималъ Л. Доберъ, но на синодѣ въ Лондонѣ, гдѣ за отсутствіемъ Цинцендорфа (бывшаго въ то время въ Америкѣ), совѣщались объ управленіи общины, было усмотрѣно, что онъ занималъ эту должность не по праву. Доберъ былъ отставленъ. При разсужденіяхъ о достойномъ замѣщеніи освободившейся должности, „вдругъ“ всему синоду пришло на мысль принять на эту должность *Самого Спасителя*. Когда же прочли Ис. XLV. 11, то единогласно рѣшили не избирать на должность главнаго старѣйшины никого другого, кромѣ Христа, и Христосъ на вопрошеніе посредствомъ жребія далъ Свое согласіе. *Съ тѣхъ поръ братская община думаетъ, что Спаситель принялъ ихъ на Свое попеченіе*. Онъ бдитъ о каждомъ отдѣльномъ членѣ общины и желаетъ выполнить въ совершенствѣ то, что прежніе старѣйшины могли исполнить слабо. Въ окружной грамотѣ объявлялась непрестанная милость, которую Господь послалъ Своему бѣдному народу (братской общинѣ), и община величалась Филадельфійей: „нынѣ здѣсь явилась истинная Церковь Божія, — мы мы составляемъ тѣло Господа: сюда къ намъ, кто принадлежитъ Господу!“ 18 ноября члены общины получили официальное увѣдомленіе о чрезвычайномъ событіи. Въ этотъ день, до сихъ поръ считающійся главнымъ праздничнымъ днемъ у гернгутеровъ, въ Гернгутѣ и Гернгаагѣ къ ногамъ новаго старѣйшины была принесена должная присяга.

Хотя Цинцендорфъ имѣлъ сильное стремленіе придать значеніе догмата синодальному опредѣленію, но на пути къ осуществленію этого стремленія онъ сталъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. При монархическомъ значеніи своей личности для общины, онъ не мирился съ коллегіальною равноправностью. Только благодаря осторожному епископу Авг. Готтл. Шпангебергу (1704—1792), который по смерти графа былъ полновластнымъ руководителемъ, община получила то устройство, которое она сохраняетъ и въ настоящее время. На трехъ собраніяхъ (синодахъ) былъ установленъ образъ правленія въ Маріенборнѣ въ 1764 г. и 1769 г. въ Барби близъ Магдебурга. Въ 1857 г. произошли въ немъ небольшія измѣненія. По постановленію этихъ собраній, верховное управленіе общиною возложено на *генеральный синодъ*, который собирается въ Гернгутъ чрезъ каждыя 10 или 12 лѣтъ и состоитъ изъ 27 депутатовъ, по 9 изъ трехъ провинцій. Этотъ синодъ выбираетъ *конференцію стартейшингъ* (Unität Ältesten Konferenz), т. е. административное правительство на время между двумя генеральными синодами. Оно находится въ Бертельсдорфѣ и состоитъ изъ 12 членовъ. Въ остальномъ каждая провинція управляется самостоятельно при посредствѣ провинціальныхъ синодовъ. Отдѣльныя общины подчинены состоящей изъ духовныхъ лицъ *конференціи стартейшингъ* и двумъ престонароднымъ конференціямъ *общинному совѣту и коллегіи надзирателей* (Gemeinrath и Aufseher-Kollegium). Всѣ члены общины дѣлятся на *хоры* женатыхъ и замужнихъ, вдовъ, холостыхъ братьевъ, незамужнихъ сестеръ и проч.

Обычай рѣшенія дѣлъ *жребіемъ*, хотя и подвергся со времени Цинцендорфа важному ограниченію, но въ важныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, при замѣщеніяхъ должностей, онъ всегда имѣлъ мѣсто. Церемонія омовенія ногъ была отмѣнена въ 1818 г. Украшенія въ церквахъ общины отсутствуютъ, въ нихъ нѣтъ ни каедръ, ни алтарей. Простой, нѣскольکو возвышенный столъ съ темною скатертью замѣняетъ мѣсто обоеихъ. Духовныя лица носятъ свои бѣлыя мантии только при совершеніи таинствъ. Церковная музыка доведена до значительнаго совершенства. Каждый вечеръ происходятъ богослужебныя собранія. Существуетъ обычай зажигать огонь въ пасхальное утро при восходѣ солнца на

кладбищѣ, съ чѣмъ ранѣе соединялось причисленіе умершихъ членовъ къ лику святыхъ. Черезъ каждыя четыре недѣли совершается Евхаристія. Причащающіеся съ колѣно-преклоненіемъ вкушаютъ хлѣбъ всѣ одновременно, при чемъ чаша переходитъ изъ рукъ въ руки. Установительныя слова произносятся только однажды. Для частнаго назиданія служатъ стихи изъ Библии на каждый день, которые каждый годъ издаются въ Гнадау на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, и библейскія изреченія съ краткими стихами изъ книги церковныхъ пѣснопѣній. Они часто читаются и внѣ братской общины.

Гернгутизмъ распространенъ въ континентальной Европѣ, въ Британскихъ земляхъ и С. Америкѣ. Въ Германіи мы имѣемъ слѣдующія общины: Ниски (Niesky), Гнаденбергъ, Гнаденфрей, Гнаденфельдъ, Нейзалцъ, Гнадау, Нейвиндъ, Берлинъ, Гольдбергъ, Риксдорфъ, Гернгутъ, Клейнвельке, Нейдигендорфъ, Эберсдорфъ, Кенигсфельдъ, Норденъ; въ Голландіи: Цейстъ и Гаарлемъ; въ Даніи Христіансфельдъ; въ Россіи Сарепта (Сарат. губ.). Британская провинція обнимаетъ 36, С.-Американская—33 общины. Общее число членовъ постирается до 21.000. Съ 1727 г. гернгутское вліяніе пріобрѣтаетъ силу въ особенности въ Эстляндіи и Лифляндіи. Извѣстна также оживленная миссіонерская дѣятельность братской общины между язычниками. Для ознакомленія съ системою вѣроученія гернгутеровъ служатъ сочиненія Цинцендорфа, которыхъ около 100, далѣе: *„Статья депутаціи предоставленная генеральному синоду въ 1748 г.“* а также: *„Idea fidei fratrum“*, или Краткая система христіанскаго ученія въ евангелическихъ братскихъ общинахъ А. Г. Шпангенберга, изданное въ Барби въ 1778 г. и въ Гнадау въ 1833 г., наконецъ, Синодальные протоколы и Катехизисъ Сам. Либеркюна (Lieberkühn) и многія другія.

Изъ главныхъ пунктовъ ученія достойны замѣчанія слѣдующіе: на мѣсто писаннаго слова Божія ставится христіанское чувство *„мнѣ такъ кажется“* (es ist mir so); *съ этимъ произвольнымъ масштабомъ гернгутъ измѣряетъ св. Писаніе.* Апостолъ Павелъ, разсуждаетъ Цинцендорфъ, часто по человѣческой слабости говорилъ болѣе, чѣмъ нужно было; неудивительно поэтому, что онъ былъ поражаемъ сатаной. „Я вѣрю,—говоритъ Цинцендорфъ,—что нашъ Спаситель могъ выразаться

простымъ языкомъ и, быть можетъ, употреблялъ нѣкоторыя простионародныя выраженія, и за всѣмъ тѣмъ мы ищемъ нѣчто иное, ибо мы не знаемъ „идіотизмовъ назаретскаго ремесленника“. Однимъ словомъ, св. Писаніе должно принимать толкованіе, какое желательно приложить *помазанію духа* братской общины, и поэтому св. Писаніе не можетъ имѣть принципиальнаго значенія, какое приписывается ему Церковію.

Относительно *Св. Троицы* утверждается, что гернгутскій Богъ пребываетъ въ покоѣ, такъ какъ все божеское владычество въ мірѣ передано Христу Богочеловѣку. Если бы кто-нибудь захотѣлъ написать катехизисъ, согласный съ св. Писаніемъ и годный для всякаго человѣка, то этотъ катехизисъ долженъ былъ бы говорить только о Христѣ, Который есть Богъ для всего міра, такъ что Отецъ, Сынъ и Духъ справедливо почитаются въ Агнцѣ Божіемъ. Твореніе міра есть дѣло Сына, Отецъ покоился во вседовольномъ блаженствѣ въ Себѣ Самомъ, какъ-бы при какомъ-нибудь пиршествѣ; когда Отецъ заснулъ, Сынъ въ это время сотворилъ міръ. Духъ выступаетъ въ бытіи только на мгновеніе, когда копье пронзило бокъ Агнца, такъ какъ Онъ, Духъ, былъ заключенъ въ тѣлѣ Христа. И тотчасъ вмѣстѣ съ Духомъ изъ раны вышли происшедшіе отъ Него, Духа, маленькіе духи (Geistlein), которые теперь господствуютъ въ возрожденныхъ. Мною овладѣлъ духъ, такъ что я духовенъ, и во мнѣ, т. е. въ моемъ тѣлѣ и душѣ, какъ бы на стулѣ возсѣдаетъ нѣчто, что господствуетъ надъ душою и членами; и предъ чѣмъ тѣло и душа не могутъ спорить о преимуществѣ, но хорошо сознаютъ его божеское происхожденіе и знаютъ, что это (что обладаетъ мною) есть дочь небесныхъ отца и матери. Какъ Духъ является только чрезъ Сына, такъ съ другой стороны Сынъ есть продуктъ Духа и Отца, Цинцендорфъ именно полагалъ, какъ уже замѣчено, что три Лица составляютъ какъ бы семейство,—мужа, жену и дитя. Отецъ и Мать (Papa und Mama,—т. е. Отецъ и Духъ) находятся въ брачныхъ узахъ, результатомъ чего является Сынъ. Понять Троицу во всей ея глубинѣ для человѣка невозможно.

Гернгутизмъ смотритъ на Адама до его паденія, какъ на слабый сосудъ, иначе онъ не разбился бы. Человѣкъ вна-

чалъ совершенно былъ неспособенъ устоять въ своемъ блаженствѣ, и *Богъ допустилъ паденіе*, чтобы изъ него послѣдовало большее благо, чѣмъ какое было первоначально. Что касается наслѣдственнаго грѣха, то онъ есть естественная порча съ ея разнообразными заблужденіями, о чемъ свидѣтельствуется нравственное сознание. Эту порчу упорно усиливали всѣ культурные успѣхи, до тѣхъ поръ пока ей не былъ положенъ конецъ Христомъ. Грѣхи, слѣдовательно, есть естественная слабость и язва, которымъ противостоятъ укрѣпленіе и освященіе Христомъ. Въ состояніи паденія у человѣка осталась свобода воли; она, конечно, не составляетъ благодѣянія, такъ какъ благодѣяніе только въ томъ, чтобы помышлять о спасеніи, избирать и рѣшать.

Въ человѣческой свободѣ воли мы имѣемъ отъ вѣчности существующую и связанную съ троичностью Лицъ божества тайну, проникнуть въ которую не могутъ ни ангель, ни человѣкъ.

Сказанное доселѣ имѣетъ только второстепенное значеніе въ сравненіи съ *основною истиною о Христѣ, какъ Искупителѣ*. Все, что сюда относится, отдаетъ *запахомъ крови, ранъ и смерти*, „Касательно благоговѣнія предъ ранами Иисуса, — думаетъ Цинцендорфъ, и относительно почитанія святыхъ мучениковъ я придерживаюсь католичества“. Именно, рана въ ребрахъ Спасителя играетъ большую роль, и что св. Писаніе приписываетъ искупительной смерти Христа, это самое гернгутеры любятъ присвоивать въ конкретныхъ выраженіяхъ мученическимъ ранамъ, трупу съ его видомъ смерти, но въ особенности *реберной ранѣ* Спасителя (*Seitenhöhlchen*), источнику всякаго спасенія, *мастерской Св. Духа*, началу всякаго оживленія міра. Когда Христось, подобно жертвенному животному, былъ закланъ ножемъ, и воины пронзили копьемъ Его бокъ, такъ что вытекла вся кровь изъ Его тѣла, то это прободеніе явилось моментомъ спасенія всего человѣческаго рода. Тогда рушилось средостѣніе между Богомъ и человѣкомъ, и Св. Духъ, Который удалялся, снова разлился, подобно потоку, которымъ Онъ изъ бока Спасителя устремился на землю, и вновь овладѣлъ всѣмъ, такъ какъ дѣлается желательнымъ для всякой человѣческой души. Бокъ Иисуса есть *матернее чрево*, въ которомъ рожденъ мой духъ и быть носимъ до того самаго момента, когда онъ былъ вложенъ

въ мой человѣческій индивидуумъ. Какъ изъ ребра Адамова произошла жена, а съ нею весь человѣческій родъ, такъ точно изъ мученика Агнца произошла полнота Св. Духа, Которымъ все освящается во времени и въ вѣчности. Въ основѣ этихъ грубо чувственныхъ представлений о дѣйствіи Христовой смерти лежитъ мысль, что слѣдствіемъ этой смерти является сообщеніе жизни человѣчеству.

Она (т. е. смерть Христа) въ своемъ дѣйствіи не простирается на Бога, но скорѣе на человѣка, и отсюда происходитъ то, что удовлетвореніе правдъ Божіей, принесенное Христомъ, и Его ходатайство за насъ предъ Богомъ понимаются гернгуттерами, какъ *сообщеніе духа* (Geistesmittheilung), *оживотвореніе* (Neubelebung), *возрожденіе*. Для отдѣльныхъ личностей эта смерть дѣлается дѣйствительною чрезъ *впрыскиваніе* взглядъ на мученическій видъ принесшаго Себя въ любви въ жертву Богочеловѣка. Въ успокоеніи на Его ранахъ заключается блаженство. Тамъ душа имѣетъ какъ свое начало, такъ и свою цѣль. Какъ возрожденная, она возникла здѣсь и полноты своего блаженства она достигаетъ въ соединеніи съ Пострадавшимъ. Это соединеніе весьма охотно представляется подъ образомъ бракосочетанія. Христосъ есть Женихъ, а Церковь и отдѣльныя души—невѣста. Вѣра въ Икупителя есть помолвка, а Св. Духъ—шаферъ. Собственное бракосочетаніе по тѣлу и душѣ слѣдуетъ при торжественномъ отшествіи души въ вѣчность, гдѣ Самъ Отецъ освящаетъ брачный актъ. Земной бракъ есть только отображеніе этихъ отношеній. Мужья суть замѣстители Христа.

Въ то время, какъ пѣтизмъ въ сокрушеніи человѣка о содѣянныхъ грѣхахъ видѣлъ признакъ начала Божьяго общества, Цинцендорфъ желалъ видѣть этотъ признакъ только въ радостномъ настроеніи духа. Не скорбь, какъ слѣдствіе сознанія человѣкомъ своей грѣховности, но миръ и радость, какъ плоды милости и благосклонности Господа,—это должно быть запечатлѣно въ сердцѣ.

Истинное возрожденіе происходитъ такъ. Пробужденіе совершается при помощи Евангелія, а не закона. Оправдывающей вѣрѣ не предшествуетъ сознаніе грѣховъ, но послѣднее слѣдуетъ за нею, и въ этомъ порядкѣ вѣрующій всегда вновь ощущаетъ сладость блаженства въ Господѣ. Съ того момента, когда человѣкъ привязывается (буквально

влюбляется) къ ранамъ Спасителя въ увѣренности, что его Творецъ есть также и его Спаситель, онъ (человѣкъ) становится полонъ упованія, что онъ, хотя и бѣдное созданье (Kreatürchen),—есть однако дитя Божіе, и тѣломъ и душою находится въ Спасителѣ, какъ Спаситель въ немъ. Этотъ моментъ блаженствованія или возрожденія наступаетъ не какъ слѣдствіе предшествующаго покаяннаго трепета, какъ это у піетистовъ или у методистовъ, но какъ прикосновеніе къ свидѣтельству Св. Духа о Христвѣ. И если Св. Духъ входитъ въ насъ, если Онъ дѣлаетъ насъ плотью отъ Своей плоти, мы съ этого мгновенія освобождаемся изъ-подъ власти діавола.

Мы находимся подъ крыльями Искупителя, какъ же мы можемъ послѣ этого грѣшить? Скажу ли я Спасителю: Ты не долженъ красть, или я скажу это душѣ, которая живетъ въ Немъ,—это все равно, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ нравственный проступокъ кажется исключеннымъ. Но бываетъ, что грѣховное влеченіе незамѣтно усиливается; въ такомъ случаѣ требуется новое пробужденіе чувства блаженства во Христвѣ. *„Тогда слѣдуетъ сказать Агнцу краткое и доброе слово „помилуй“ и получишь снова отъ жениха поцѣлуй благоденствія“.*

Вмѣсто этого хорошимъ средствомъ служить причащеніе. Смерть Агнца всегда вновь проникаетъ въ насъ силою этого пламени, такъ что всякій разъ послѣ причащенія очистительная кровь Христа отряхиваетъ съ насъ пыль грѣховъ. Такое очищеніе необходимо. *„Кто не чувствуетъ желанія плоти Спасителя и медлитъ причащеніемъ, кому въ продолженіе долгаго времени отъ одного вкушенія до другою не пришлось проникнуться ранами Спасителя,—это, конечно, дурной человѣкъ“;* кто успокоивается на ранахъ Спасителя, тотъ непремѣнно достигаетъ блаженства, онъ плаваетъ въ морѣ милости, онъ не подлежитъ суду. Если его, несмотря на то, вызываетъ сатана, то ему нѣтъ нужды являться, но онъ можетъ сказать: *„мнѣ нѣтъ болѣе до этого дѣла, это дѣло Спасителя“.*

Иеромонахъ Алексій (Дородницынъ).

Разборъ грамоты неокружниковъ отъ 6 мая 7407 лѣта (1899 года), поданной московскому окружническому архіепископу Іоанну, съ замѣчаніями Арсенія, епископа уральскаго¹⁾.

Грамота неокружниковъ. На бесѣдѣ 18 октября 1898 года въ Чулковѣ г. Кирилла, епископа Балтовскаго и Одесскаго, и священноинока Игнатія Зуевскаго съ г. Арсеніемъ, епископомъ Уральскимъ, и присутствовавшимъ по довѣренности въ лицѣ вашего высокопреосвященства г. М. И. Бриллиантовымъ мы имѣли сужденіе о причинахъ раздѣленія старообрядцевъ окружниковъ съ неокружниками и о принятіи мѣръ къ воссоединенію ихъ въ одно цѣлое.

Замѣчаніе епископа Арсенія. Наша бесѣда въ Чулковѣ 18 октября 1898 г. дѣйствительно состоялась. Но когда въ началѣ ея я заявилъ, что помощникомъ мнѣ на бесѣдѣ будетъ М. И. Бриллиантовъ, какъ уполномоченный отъ нашего Московскаго архіепископа, епископъ Кириллъ наотрѣвъ отказалъ, что я не приму г. Бриллиантова въ собесѣдники, такъ какъ онъ есть лице свѣтское, пусть мы будемъ бесѣдовать одни духовные. Хотя онъ этимъ и весьма презрительно отнесся къ довѣренности нашего архіепископа, но, чтобы не заводить препирательства съ самаго начала бесѣды, мы вынудились уступить его настоянію. М. И. Бриллиантовъ рѣшился оставаться частнымъ слушателемъ сей бесѣды, не принимая въ ней никакого участія. И теперь неокружники лѣстятъ архіепископа, аки-бы его уполномоченный былъ принять ими въ дѣйствительнаго собесѣдника.

Разборъ. Явную для всѣхъ ложь высказалъ въ своемъ первомъ замѣчаніи Швецовъ, утверждая: „И теперь неокружники лѣстятъ архіепископа, аки-бы его уполномоченный (т. е. М. И. Бриллиантовъ) былъ принять ими (неокружниками) въ дѣйствительнаго собесѣдника“. Изъ какихъ данныхъ вывелъ Швецовъ, что неокружники приняли Бриллиантова „въ дѣйствительнаго собесѣдника“, когда въ гра-

¹⁾ См. „Мисс. Обзор“. іюль—августъ, стр. 86 - 96.

мотѣ ихъ ясно сказано, что 18 октября 1898 года въ Чулковѣ бесѣдовали Кириллъ, епископъ Балтовскій и Одесскій, и священноинокъ Игнатій Зуевскій съ Арсеніемъ, епископомъ Уральскимъ, въ присутствіи довѣреннаго со стороны Московскаго окружническаго архіепископа Іоанна М. И. Бриллиантова?

Значить Бриллиантовъ только присутствовалъ на бесѣдѣ, какъ гласить грамота неокружниковъ, а не бесѣдовалъ, какъ лжесвидѣтельствуеть Швецовъ. Итакъ, первое свое замѣчаніе на грамоту неокружниковъ Швецовъ соткалъ изъ лжи.

Грамота неокружниковъ. Между прочимъ на этой бесѣдѣ еп. Арсеній и М. И. Бриллиантовъ, отрицая фактическое существованіе Окружнаго Посланія, изданнаго въ 1862 году, какъ давно самими же его издателями три раза уничтоженнаго, согласились вѣрованіе господствующей нынѣ въ Россіи Церкви уподоблять къ вѣрованію аریانъ, признававшихъ Сына Божія тварію и потому вполне заслужившихъ нижеслѣдующаго понятія о нихъ святыхъ отецъ седьмого вселенскаго собора: Служащій твари, какъ творцу, справедливо называются идолопоклонниками, какъ творцемъ (т. е. Григоріемъ Нисскимъ) такъ и католическою Церковію, потому что кому они служатъ, про того говорятъ, что онъ пришелъ изъ небытія въ бытіе, подобно всей созданной твари (Дѣян. 7-го всел. собора стр. 446). Одинаково и господствующая церковь хулитъ Сына Божія, страшно поношая сладчайшее имя Его, всеобдержно употребляемое въ Россіи до лѣтъ патріарха Никона болѣе X лѣтъ, и признаетъ Его простымъ человѣкомъ (Жезль, ч. 2, стр. 79), равноухимъ и инымъ Іесусомъ (Розыскъ, ч. 1, гл. 15) и чудовищнымъ и ничего незначащимъ (Никифора Астраханскаго, стр. 87). И при всѣхъ такихъ своихъ грубыхъ ругательствахъ, господствующая Церковь чаетъ отъ Него надежду спасенія получить, допуская всюду по своимъ единовѣрческимъ и другимъ церковнымъ храмамъ того, по ихъ ученію, простого человѣкъ, „равноухаго или чудовищнаго“, съ одною іотою, на иконахъ написанаго; равно и нѣтъ того у нихъ храма, гдѣ бы не совершалась литургія съ агнцемъ, имѣющимъ надпись „иное“, по ихъ ученію, имя Іесусъ, или этого равноухаго (Соборн. свитокъ, стр. 2).

Принимая къ свѣдѣнію такое вышеуказанное понятіе еп. Арсенія и М. И. Бриллиантова о вѣрованіи господствующей Церкви, мы, искренно желая благоустроенія святой православной Церкви и хриstopреданнаго мира для православныхъ христіанъ, равно и въ виду желанія вашего высоко-

пресвященства и теперешняго митрополита Аѳанасія—дать вамъ съ нашей стороны письменный отзывъ изданнаго Окружнаго Посланія въ 1862 году пастырями вашей Церкви, имѣемъ сообщить вамъ свой взглядъ о тѣхъ сомнительныхъ статьяхъ, положенныхъ въ Окружномъ Посланіи, не могущихъ быть принятыми въ руководство святою Церковію, каковыя суть слѣдующія.

Замѣчаніе еп. Арсенія. Неокружники влагаютъ намъ обомъ въ уста нѣкія словеса о понятіи грекороссійской церкви, тогда какъ Бриллиантовъ не сказалъ ни одного слова, да и мнѣ, епископу Арсенію, приписали свои мнѣнія, очевидно, для того, чтобы удобнѣе имъ было склонить на свои убѣжденія г. Іоанна, архіепископа Московскаго. Да и во изложеніи своихъ мнѣній, приписуемыхъ мнѣ, они уже сами себѣ воспротиворѣчили. Они говорятъ, что мы согласились уподоблять вѣрованіе господствующей нынѣ въ Россіи Церкви къ вѣрованію арианъ. Это правда, я говорилъ, что ариане, хотя и подъ именемъ твари, но исповѣдывали Христа Сына Божія, а не кого-либо другого, такъ и никоніане подъ именемъ Іисусъ исповѣдуютъ не иного Бога—антихриста, какъ нѣціи безпоповцы о семъ безумствуютъ и наши неокружники на томъ же безуміи настаиваютъ. Но чтобы въ имени Іисусъ одинаковая была хула Сыну Божію, какъ и въ нарицаніи Его отъ арианъ тварію, я не только не говорилъ, но даже и не помышлялъ никогда о семъ, какъ и отъ словъ самихъ неокружниковъ можно это наше убѣжденіе примѣтить. Они сперва говорятъ, что мы согласились никоніанъ уподоблять арианамъ, но не сказали, что мы согласились ихъ уравнивать. Ибо уподобленіе не одно и тоже, что и уравненіе. Вѣдь намъ извѣстно, что и антихристъ будетъ уподобляться Христу Сыну Божію, но отнюдь не сравняется Оному.

И если неокружники сами засвидѣтельствовали, что мы согласились только уподоблять никоніанъ арианамъ, то значить, что мы только по одному, нѣкоему отношенію дѣлали это уподобленіе, но чтобы какъ арианъ въ обличительныхъ словахъ называли служителями твари, подобными идолопоклонникамъ, такъ называть и никоніанъ служителями твари и идолопоклонниками это будетъ не уподобленіе, но точное уравненіе; но этого мы никогда не дѣлали и дѣлать не можемъ, потому что не имѣемъ на это никакихъ основаній. Неокружники говорятъ нашими устами, что какъ ариане, такъ „одинаково и господствующая Церковь хулить Сына Божія, страшно поношая сладчайшее Его имя“. Здѣсь неокружники явно сами себѣ противорѣчатъ, говоря, что ариане хулятъ Сына Божія, а никоніане хулятъ сладчайшее имя Его. Итакъ. гдѣ здѣсь одинаковость, или тождество у

аріанъ съ никоніанами? Неокружники, очевидно, и напередъ чувствовали, что осмѣяно будетъ такое ихъ уравненіе, а потому они это и вложили въ уста мои для того, что-де хотя и будетъ къмъ это зазиратися, то пусть сіе отнесено будетъ опять къ окружникамъ. Но что касается до меня, еп. Арсенія, то я не защищаю хулы никоніанъ на древлеславянское произношеніе Христова имени Ісусъ, но сравнивать ее согласенъ не съ хулою Арія, относящеюся до самаго Лица Сына Божія, но съ иконоборскимъ нечестіемъ, хулившимъ Христа не въ существѣ Его Лицъ, но только чрезъ святую Его икону, какъ и никоніане хулятъ Христа чрезъ ругательство нашего древлеславянскаго произношенія Христова имени „Ісусъ“.

Разборъ. Неокружники, наравнѣ съ безпоповцами, обвиняютъ грекороссійскую Церковь въ томъ, что она будто вѣруетъ въ иного бога-антихриста и что, такимъ образомъ, она хулитъ Сына Божія, называя Его не „Ісусъ“, а „Іисусъ“, что значитъ иной богъ-антихристъ. Такое злохульное обвиненіе неокружниковъ, возведенное на православную грекороссійскую Церковь, Швецовъ основательно опровергаетъ а) во вступленіи къ своему сему труду, б) въ приведенномъ замѣчаніи и в) во всѣхъ почти своихъ сочиненіяхъ.

Въ своемъ сочиненіи „Истинность старообрядствующей іерархіи противъ возводимыхъ на нее обвиненій“ Швецовъ ученіе неокружниковъ о томъ, что будто имя Ісусъ, принятое Церковію россійскою, есть имя послѣдняго антихриста, называетъ „душепагубнымъ произведеніемъ безпоповской злобы“ (стр. 189 и 190) и утверждаетъ, что „различное произношеніе спасительнаго имени не противно есть Христу, пославшему апостоловъ научити вся языки (Еванг. Мате. гл. 28, ст. 19), и ниспедшему въ пятидесятницу Духу Святому, Который научилъ апостоловъ глаголати величія Божія, а съ сими, безъ сомнѣнія, и спасительное Христово имя разными языки (стр. 195). Итакъ, по ученію Швецова, болѣе подробно раскрытому въ такъ называемомъ Окружномъ Посланіи, въ статьѣ третьей о святѣйшемъ и поклоняемомъ Христовѣ имени Ісусъ, грекороссійская Церковь вѣруетъ не во иного бога-антихриста, но въ Искупителя міра, Единороднаго Сына Божія. Если грекороссійская Церковь православно вѣруетъ въ Господа Іисуса Христа, то на какомъ основаніи Швецовъ и всѣ окружники отдѣляются отъ сей

православновѣрующей во Христа Церкви? Швецовъ вполне понимаетъ незаконность отдѣленія окружниковъ отъ православной Церкви, но, не желая, по своей гордости и упрямству, сознаться въ семь и публично раскаяться, спѣшитъ въ концѣ своего замѣчанія измыслить мнимую причину отдѣленія окружниковъ отъ грекороссійской Церкви. Онъ говоритъ: „Но что касается до меня, еп. Арсенія, то я не защищаю хулы никоніанъ на древлеславянское произношеніе Христова имени Исусъ, но сравнивать ее согласенъ не съ хулою Арія, относящеюся до самаго Лица Сына Божія, но съ иконоборскимъ нечестіемъ, хулившимъ Христа не въ сущемъ Его Лицѣ, но только чрезъ святую Его икону, какъ и никоніане хулятъ Христа чрезъ ругательство нашего древлеславянскаго произношенія Христова имени „Исусъ“. Швецовъ называетъ неокружниковъ „путанниками“ (Истинность, стр. 210), а самъ онъ больше ихъ путаетъ религіозные вопросы, а потому *большій путанникъ*. Неокружники, вѣруя, что грекороссійская Церковь подъ именемъ Исусъ разумѣетъ иного бога-антихриста, не утверждаютъ одновременно съ тѣмъ, что сія Церковь православно вѣруетъ во Христа, а Швецовъ, утверждая, что грекороссійская Церковь православно вѣруетъ во Христа, одновременно, въ противорѣчіе себѣ, *какъ путанникъ*, пишетъ въ своемъ замѣчаніи: „ніконіане хулятъ Христа“. Одно изъ двухъ должно быть: или никоніане хулятъ Христа, и тогда они неправославно вѣруютъ въ Него, или же они православно вѣруютъ во Христа, и тогда ужъ никакъ не хулятъ Его, а утверждать то и другое, какъ поступаетъ Швецовъ, значитъ быть „путанникомъ“ въ полномъ смыслѣ сего слова. Путанникъ Швецовъ ложно и клеветнически пишетъ въ своемъ замѣчаніи о томъ, что будто наша православная русская Церковь хулитъ Христа чрезъ ругательство древлеславянскаго произношенія Христова имени „Исусъ“. Наша Церковь никогда не ругала имя Христа Спасителя „Исусъ“, употребляемое старообрядцами и единовѣрцами. Вотъ какъ свидѣтельствуемъ объ этомъ святѣйшій синодъ нашей Церкви въ „Изясненіи о содержащихся въ полемическихъ противъ раскола сочиненіяхъ прежняго времени порицаніяхъ на именуемые старые обряды“ отъ 20 декабря 1835 г.—4 марта 1836 года. „Поелику ревнители раскола тщатся возлагать на

Церковь вину и отвѣтственность за встрѣчаемыя въ прежнихъ полемическихъ книгахъ порицательныя выраженія о нѣкоторыхъ именуемыхъ старыхъ обрядахъ, притомъ преувеличиваютъ и извращаютъ смыслъ сихъ выраженій, а многіе единовѣрцы и даже нѣкоторые православные, питающіе расположеніе къ старому обряду, смущаются сими выраженіями, вѣроятно подѣ влияніемъ раскольническихъ превратныхъ толковъ, то, въ устраненіе всякихъ лже-толкованій и въ прекращеніе всякихъ сомнѣній, святѣйшій синодъ Церкви Россійской, посредствомъ настоящаго изъясненія, даетъ знать всѣмъ, что православная Церковь признаетъ содержащіяся въ полемическихъ противъ раскола сочиненіяхъ прежняго времени порицательныя отзывы и выраженія объ именуемыхъ старыхъ обрядахъ принадлежащими лично писателямъ сихъ сочиненій, которыми они произнесены по особенной ревности о защитѣ православной Церкви и содержимыхъ ею обрядовъ отъ нестерпимо дерзкихъ хуленій на оныя со стороны раскольническихъ писателей, сама-же не раздѣляетъ и не подтверждаетъ сихъ отзывовъ и выраженій“. Ниже. „Православная Церковь не произносила и не произноситъ никакого осужденія и порицанія на эти обряды, которые сами по себѣ и независимо отъ значенія, усвоеннаго имъ раскольниками, признавала и признаетъ не представляющими ничего противнаго православію, и употребленіе ихъ—не въ знакъ противленія Церкви, но въ полномъ общеніи съ нею, по ея собственному благословенію, вполне дозвольтельнымъ“. Итакъ, наша русская православная Церковь не порицаетъ древлеславянскаго произношенія Христова имени „Исусъ“, а потому само собою понятно и не хулить Христа. Швецовъ „въ своемъ замѣчаніи“ сравниваетъ мнимую хулу Христа чрезъ воображаемое ругательство древлеславянскаго произношенія Христова имени „Исусъ“ „съ иконоборческимъ нечестіемъ, хулившимъ Христа не въ сущемъ Его Лицѣ, но только чрезъ святую Его икону“. Этими словами *путанникъ* Швецовъ окончательно запуталъ въ сѣтяхъ лжи и клеветы и обличается въ семь самоизмышленій Окружнымъ Посланіемъ. Здѣсь читаемъ: „Господствующая нынѣ въ Россіи Церковь, вкупѣ же и греческая, поклоняется святымъ иконамъ древняго изображенія, съ надписаніемъ имени Христова „Исусъ Христосъ“. Въ чемъ

же видить *путанникъ* Швецовъ иконоборное нечестіе въ нашей Церкви, поклоняющейся святымъ иконамъ древняго изображенія съ надписаніемъ имени Христова Исусъ Христосъ? Въ чемъ онъ видить хулу на Христа? Въ чемъ, наконецъ, заключается ругательство древлеславянскаго произношенія Христова имени „Исусъ“? Ругательства на самое имя Христа Спасителя въ полемическихъ книгахъ не содержится, иконоборческому нечестію наша Церковь не причастна и никакой хулы на Христа она никогда не произносила, а, напротивъ, богопротивное ругательство на Христа и хулу на Него изрыгалъ и изрыгаетъ, упорно защищалъ и защищаетъ самъ *путанникъ и всепроклятый еретикъ* Швецовъ. Онъ въ своемъ сочиненіи „Истинность старообрядчествующей іерархіи“, изданномъ въ 1885 году за границу, въ первой главѣ высказалъ еретическое ученіе о подлѣтномъ рожденіи Сына Божія и исхожденіи Святого Духа. Покойный отецъ архимандритъ Павелъ Прусскій обличилъ еретичество Швецова, написавъ свои замѣчанія на первую главу книги „Истинность“. Швецовъ въ отвѣтъ о. архимандриту Павлу написалъ новое сочиненіе: „Несправедливость замѣчанія на первую главу книги, Истинность старообрядчествующей іерархіи“, въ которомъ съ большою дерзостью высказалъ свое еретическое мудрованіе. 28 октября 1888 года состоялся по поводу еретичества Швецова соборъ старообрядческихъ епископовъ. Швецовъ на семъ соборѣ сознался въ томъ, что „допустилъ нѣкоторые соблазнительные доводы противъ православнаго ученія и нѣкоторыя соблазнительныя выраженія противъ православнаго символа вѣры“ и далъ подписку „ничего не писать о богословіи безъ совѣта и благословенія *богомлюбивыхъ епископовъ*“, но онъ, сей вселукавый еретикъ, даннаго обѣщанія не исполнилъ, такъ какъ продолжалъ попрежнему писать и распространять свои еретическія сочиненія. Еретичество Швецова сильно и обстоятельно обличалъ также и старообрядческой епископъ Пафнутій Казанскій. Но несмотря на все это явный и упорный еретикъ Швецовъ попадаетъ въ старообрядческіе епископы. Что-же? Отрекся ли онъ предъ епископствомъ и въ епископствѣ отъ своихъ еретическихъ мнѣній? Нѣтъ, но еще съ большею дерзостью и настойчивостью сталъ ихъ защищать по слѣдующему поводу. Старообрядче-

скій московскій архіепископъ Іоаннъ Картушинъ благословилъ старообрядческому священнику Василию Механикову подвергнуть тщательному разсмотрѣнію бѣлокриницкій уставъ и еретическое ученіе Швецова.

Механиковъ написалъ по этому поводу цѣлое сочиненіе, изложенное въ девяти отдѣльныхъ статьяхъ. Въ семь сочиненій во второй статьѣ онъ пишетъ объ еретичествѣ Швецова слѣдующее. „О. Арсеній говоритъ, что отъ искони Богъ во единомъ Лицѣ указывается..., что составленіе лицъ Пресвятыя Троицы послѣдовало по времени, и даже присносущіе Божіе, по его понятію, должно разумѣть не безъ времени“... Такимъ образомъ, ученіе о. Арсенія Швецова не только не согласно, но и совершенно противно ученію православной Церкви и до буквальнойности сходно съ воззрѣніями древнихъ еретиковъ—монархистовъ: Ираксея, Ноета, Верона Берилла и другихъ“.

Въ четвертой статьѣ Механиковъ пишетъ: „Отсюда ясно, что, по воззрѣнію о. Арсенія, Ипостась Отца выше и больше Ипостаси Сына и Ипостаси Духа Святаго, а такое понятіе равносильно прямому отрицанію равенства лицъ Пресвятыя Троицы. Что Ипостась Сына Божія и Святаго Духа меньше Ипостаси Отца, учили древніе еретики, отвергавшіе ихъ равенство и единосущіе со Отцемъ: таковы были еще въ вѣкъ апостольскій Керинѣъ и Евіонъ, во 2-мъ столѣтіи Карпократъ, Θεодотъ, въ 3-мъ Оригенъ, въ 4-мъ Арій пресвитеръ Александрійскій“. Въ пятой статьѣ сказано: „Православная вселенская Церковь учитъ единогласно, что Сынъ Божій рожденъ изъ сущности Бога Отца предвѣчно, а о. Арсеній говоритъ вмѣстѣ съ бѣлокриницкимъ уставомъ, что „въ предвѣчной безначальности Богъ Отецъ былъ въ одномъ Лицѣ“. Святая Церковь учитъ, что Сынъ Божій собезначаленъ Богу Отцу и Святому Духу, т. е. Онъ также безначаленъ, какъ Богъ Отецъ, а о. Арсеній говоритъ, что Сынъ Божій рожденъ вмѣстѣ съ вѣкомъ, въ напередъ сотворенное Богомъ время“. Такимъ образомъ, діаметральная противоположность въ ученіи о. Арсенія и ученіи православной Церкви очевидна. Притомъ ученіе о. Арсенія оказывается до буквальнойности сходно съ ученіемъ аріанскимъ. Арій училъ: „Бѣ бо (въ вѣчности) единъ Богъ, и не бѣ Слово съ Нимъ: таже восхотѣвъ насъ содѣлати, тогда сотвори Его и

отнележе (т. е. отъ сего времени) бысть“. Такъ учить и о. Арсеній: „Сущность Божества въ предвѣчной безначальности была въ Лицѣ единого Бога Отца, и Сынъ Божій рожденъ отъ Бога Отца съ настатиемъ вѣковъ, вмѣстѣ съ вѣками и даже послѣ вѣкъ“. Аріій училь, что Сынъ Божій рожденъ во времени. Такъ говоритъ и о. Арсеній, что Сынъ Божій рожденъ отъ Бога Отца послѣ вѣкъ, въ напередъ сотворенное Богомъ время.

Аріій училь, что Сынъ Божій есть первѣйшая и высшая тварь. Такъ полагаетъ и о. Арсеній, когда говоритъ: „Сынъ Божій проявился (родился) отъ виновнаго своего Начала въ приведеніи (т. е. вмѣстѣ съ приведеніемъ) въ бытіе твари“. Слѣдовательно, заключаетъ Механиковъ, въ сходности приведенныхъ ученій о. Арсенія и аріанскаго сомнѣнія нѣтъ.

Какъ отнесся Швецовъ, этотъ отъявленный еретикъ, къ столь сильному обличенію его монархическихъ и аріанскихъ еретическихъ мудрованій? Онъ не только не сознался и не раскаялся въ своемъ еретичествѣ, но написалъ сочиненіе въ отвѣтъ Механикову подъ заглавіемъ: „Исповѣданіе вѣры“, въ коемъ, съ своей стороны, объявилъ еретиками всѣхъ несогласно съ нимъ мудрствующихъ о рожденіи Сына Божія и объ исхожденіи Святаго Духа и даже предалъ таковыхъ *проклятію* и *анаемъ*. Швецовъ въ своемъ замѣчаніи справедливо говоритъ: „Что-бы какъ аріанъ во обличенныхъ словахъ называли служителями твари, подобными идолопоклонникамъ, такъ называть и никоніанъ служителями твари и идолопоклонниками, это будетъ не уподобленіе, но точное уравненіе, но этого мы никогда не дѣлали и дѣлать не можемъ, потому что не имѣемъ на это никакихъ основаній“. Но я имѣю полное основаніе, въ силу вышеприведеннаго приговора Механикова, произнесеннаго надъ Швецовымъ по благословенію лже-архіепископа Картушина, уравнить во всемъ Швецова съ еретиками монархистами, гностиками и аріанами, отвергавшими совѣчность, единосущіе и равенство Сына съ Отцемъ и хулившими, такимъ образомъ, Христа въ сущемъ Его Лицѣ. Итакъ, вотъ кто хулитъ Христа въ сущемъ Его Лицѣ, вотъ кто упорно проповѣдуетъ нечестіе хуже иконоборческаго, вотъ кто нераскаянный еретикъ и злохулиТЕЛЬ святой православной грекороссійской

Церкви—это самъ путанникъ Швецовъ, а не чада сей Церкви, именуемая имъ, богоотступникомъ, злобно и несправедливо „никоніанами“. Да заградятся его нечестивыя и мерзкія уста.

Грамота неокружниковъ (л. 14). Вторая статья Окружного Посланія учить признавать господствующую Церковь, якобы на основаніи ея символа, право или истинно вѣрующею в святую Троицу, хотя эта же статья, ниже въ винахъ раздѣленія старообрядцевъ съ оною Церковію, въ противорѣчіе себѣ доказываетъ о злохульномъ и дерзостномъ ея порицаніи имени Божія Ісусъ и т. д.

Примѣчанія еп. Арсенія: Окружное Посланіе не то говоритъ, что греко-россійская Церковь во всемъ право или истинно вѣруеть во святую Троицу, но только что не въ другое что, а дѣйствительно въ самую Святую Троицу, согласно нашего исповѣданія вѣруеть. Неокружники тоже свои слова влагаютъ во уста издателей Окружного Посланія, яко-бы они доказываютъ, что грекороссійская Церковь по всему-де право или истинно безъ малѣйшей погрѣшности во всѣхъ отношеніяхъ вѣруеть во Святую Троицу. Но издатели Окружного Посланія такихъ словъ „право или истинно по всему вѣруеть грекороссійская Церковь“ не говорили, а потому и въ показаніи ихъ о злохульномъ пореченіи грекороссійскою Церковію имени Ісусъ, нисколько себѣ не противорѣчили. Но если заявленіе Окружного Посланія о вѣрѣ во Святую Троицу по разуму неокружниковъ несправедливо, то пусть бы они не обинуясь откровенно высказали, въ кого или во что именно грекороссійская Церковь вѣруеть. Но признаться нужно, что неокружники мастера только критиковать людей, а сами положительно высказаться о семъ никакъ не хотятъ. Итакъ, гдѣ же прямота ихъ?

Разборъ. Въ Окружномъ Посланіи находимъ слѣдующее свидѣтельство о вѣрѣ грекороссійской Церкви во Святую Троицу: „Господствующая нынѣ въ Россіи Церковь, вкупѣ же и греческая, вѣруеть не во иного Бога, но во Единаго съ нами Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ, глаголю же святую Троицу Единосущную и Нераздѣльную: Отца безначальна, Сына собезначальна и Духа Святаго сопрестольна“. Неокружники въ своей грамотѣ, на основаніи сего свидѣтельства Окружного Посланія, вполне основательно пишутъ: „вторая статья Окружного Посланія учить признавать господствующую Церковь, яко-бы

на основаніи ея сѣмвола, право или истинно вѣрующею въ Святую Троицу“. Послѣ рѣшительнаго признанія православія грекороссійской Церкви, авторъ Окружнаго Посланія утверждаетъ, что старообрядцы имѣютъ будто важныя и благословныя вины къ отдѣленію отъ нея. Развѣ могутъ существовать какія либо важныя и благословныя вины къ отдѣленію отъ Церкви, непогрѣшающей въ догматахъ вѣры? Если грекороссійская Церковь православная и въ догматахъ вѣры не погрѣшаетъ, какъ учить Окружное Посланіе, то вины къ отдѣленію отъ нея старообрядцевъ не могутъ быть признаны „важными и благословными“. Если же вины къ отдѣленію старообрядцевъ отъ православной Церкви „важны и благословны“, по выраженію Окружнаго Посланія, то сія Церковь не можетъ быть признана вполнѣ православною и правовѣрующею. Одно изъ двухъ должно быть: или грекороссійская Церковь истинно вѣруетъ во святую Церковь и въ догматахъ вѣры не погрѣшаетъ, и тогда вины къ отдѣленію отъ нея старообрядцевъ не могутъ быть признаны „важными, благословными“, или же причины отдѣленія отъ нея старообрядцевъ „важны и благословны“, и тогда она не можетъ быть признана правовѣрующею и не погрѣшающею въ догматахъ вѣры, а то и другое одновременно допускать невозможно; между тѣмъ Окружное Посланіе во второй стѣтьѣ допускаетъ то и другое, т. е. и православіе грекороссійской Церкви и „важность и благословность винъ“ къ отдѣленію отъ нея старообрядцевъ и тѣмъ впадаетъ въ явное противорѣчіе. На это справедливое противорѣчіе въ Окружномъ Посланіи и указываютъ неокружники въ своей грамотѣ словами: „Хотя эта же статья (о православіи грекороссійской Церкви) ниже въ винахъ раздѣленія старообрядцевъ съ оною Церковью въ противорѣчіе себѣ доказываетъ о злохульномъ и дерзостномъ ея порицаніи имени Божія Иисуса и т. д.“. Швецовъ въ своемъ замѣчаніи приписываетъ неокружникамъ то, чего они въ своей грамотѣ вовсе не писали, именно то, что „будто грекороссійская Церковь по всему-де право или истинно безъ малѣйшей погрѣшности во всѣхъ отношеніяхъ вѣруетъ во Святую Троицу“. Такихъ словъ въ грамотѣ неокружниковъ нѣтъ, а потому они принадлежатъ лично Швецову и составляютъ плодъ его собственнаго самоизмышленія и путанности. Швецовъ свое настоящее замѣчаніе начинаетъ такими словами: „Окружное

Посланіе не то говоритъ, что грекороссійская Церковь во всемъ право или истинно вѣруетъ во святую Троицу“. Значитъ, по ученію Окружного Посланія, раздѣляемому и Швецовымъ, наша грекороссійская Церковь не во *всемъ* право или истинно вѣруетъ во святую Троицу. Гдѣ именно въ Окружномъ Посланіи содержится подобное неслыханное еще обвиненіе православной Церкви? Нигдѣ, напротивъ, сіе Посланіе ясно и рѣшительно свидѣтельствуеетъ о томъ, что наша Церковь истинно и право вѣруетъ во святую Троицу Единосущную и Нераздѣльную. Такимъ образомъ, по своему обыкновенію, Швецовъ обогалъ автора Окружного Посланія и всѣхъ старообрядческихъ архіереевъ, подписавшихъ и издавшихъ сіе Посланіе для руководства старообрядцамъ. Неужели Швецовъ серьезно допускаетъ мысль о томъ, что будто наша Церковь *не во всемъ* право или истинно вѣруетъ во Святую Троицу? Я допускаю, что сію нестерпимо дерзкую хулу на нашу Церковь онъ высказалъ лишь потому, что ничѣмъ инымъ не въ состояніи былъ опровергнуть вполне основательное заявленіе неокружниковъ о томъ, что во второй статьѣ Окружного Посланія содержится явное противорѣчіе, именно: одновременно признается православіе грекороссійской Церкви, и допускаются какія-то „важныя благословныя вины“ къ отдѣленію отъ сей православной Церкви. Если наша Церковь *не во всемъ* истинно или право вѣруетъ во святую Троицу, то Швецовъ обязанъ былъ указать и доказать, въ чемъ именно оно не истинно вѣруетъ и исповѣдуетъ святую Троицу. Этотъ долгъ остается тяжелымъ бременемъ на душѣ Швецова. Свое замѣчаніе Швецовъ заканчиваетъ такими словами: „Но признаться нужно, что неокружники мастера только критиковать людей, а сами положительно высказаться о семъ (т. е. о томъ, въ кого именно вѣруетъ грекороссійская Церковь, если не во святую Троицу) никакъ не хотятъ. Итакъ гдѣ же грамота ихъ“. Почему же самъ господинъ Швецовъ не высказывается положительно, въ чемъ именно не право или не истинно вѣруетъ наша Церковь во святую Троицу? Гдѣ же и его прямота?

Грамота неокружниковъ (л. 15—17). Подтверждая это ученіе, и митрополитъ Кириллъ Бѣлокриницкій при переходѣ въ окружники изъ неокружниковъ издалъ Посланіе въ Фор-

мосы отъ 13 августа 1869 года, въ коемъ повелѣваетъ мудрствовать такъ: Всѣ христіанскія религіи восточнаго и западнаго закона на цѣлой вселенной, кто бы только вѣрвали въ Христа Спасителя, живущіе въ мірѣ семь людіе, хотя они и имѣютъ разныя ереси, но всѣ воистину вѣруютъ съ нами во Единого Великаго Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, а не во антихриста, или какого идола. Онъ же, митрополитъ Кириллъ, съ своимъ соборомъ, отъ 8 іюня 1870 года, посылая свою прощальную грамоту къ архіепископу Антонію и прочимъ окружническимъ епископамъ въ Москву сослался на это изданное имъ въ Формосы Посланіе, и при этомъ жаловался на формосскихъ, что они симъ нисколько не уцѣломудрились, а только паче на наше смиреніе возстали. Архіепископъ Антоній съ соборомъ своимъ въ свою очередь, не упоминая о какой-либо неправомерности ученія этого въ Формосы Посланія митроп. Кирилла, посылають, отъ 20 іюля того же 1870 года, благодареніе съ прощеніемъ за соединеніе съ ними. Подобно и еп. Сильвестръ балтовскій въ своемъ Посланіи 1885 года къ архіепископу Савватию въ Москву, основываясь на этомъ Посланіи митроп. Кирилла въ Формосы, взялъ оную цитату полностью, для подтвержденія какъ бы истинности Окружного Посланія. Такимъ образомъ при тщательномъ разсмотрѣніи новаго ученія, изложеннаго въ вашемъ Окружномъ Посланіи и въ зависимости отъ онаго изданныхъ вышеуказанныхъ Посланій митр. Кирилла и еп. Сильвестра, каждому православному христіанину пришлось поставить себѣ вопросъ: Признавались ли святыми отцами за право или истинно вѣрующихъ во Святую Троицу хулители имени Сына Божія Ісусъ?

Примѣчаніе еп. Арсенія. Неокружники и сами чувствуютъ, что малосильна сказанная выше клевета ихъ на Окружное Посланіе, гдѣ нѣтъ такихъ словъ, какія они ему приписали, что грекороссійская Церковь право, т. е. ни въ чемъ непогрѣшно, вѣруетъ во Святую Троицу, но чтобы подтвердить какъ-нибудь это, они берутъ въ разборъ еще грамоту митроп. Кирилла въ Формосы, о каковой грамотѣ теперь, кромѣ ихъ неокружниковъ, никто даже и не знаетъ, но какъ премудрый пишетъ: „мужъ раздѣлится хотяй: вины ищетъ“. Вотъ и неокружники нашли что-то какъ бы имѣющее силу къ раздѣленію. Но вѣдь неокружники ранѣе этого Посланія митроп. Кирилла раздѣленіе въ Церкви Христовой учинили, какъ и сами они говорятъ, что это митр. Кириллъ написалъ при переходѣ изъ неокружниковъ во окружники. Итакъ явно, что неокружники ранѣе сего Посланія отдѣлились отъ единства святыя Церкви и нарушили миръ христопреданный. Да и посланіе митроп. Кирилла

они даже и въ приведенной ими цитатѣ неправильно понимаютъ, ибо митроп. Кирилль говорилъ не о томъ, что всѣ христіанскія религіи восточнаго и западнаго исповѣданія воистину по всему праву вѣруютъ въ Господа нашего Іисуса Христа, но что они вѣруютъ не во идола какого или антихриста, но воистину въ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, но что они при сей вѣрѣ имѣютъ различныя ереси, объ этомъ онъ тутъ же засвидѣтельствовалъ. Здѣсь мысль настоящая митроп. Кирилла, и превращеніе оной неокружниками ясно, какъ день Божій. Неокружники и сами хорошо понимаютъ мысль Посланія митроп. Кирилла, и хотя не пошли на открытую ей критику, но разными околесицами все-таки намѣреваются показать, что грекороссійская Церковь вѣруетъ не во Христа и не въ Святую Троицу, но въ кого-то иного, какъ дальнѣйшее изложеніе грамоты ихъ показываетъ.

Разборъ. Неокружники въ своей грамотѣ продолжаютъ развивать ту мысль, что приѣмлющіе Окружное Посланіе должны признать грекороссійскую Церковь правильно вѣрующей во Святую Троицу. Въ подтвержденіе сей своей мысли они приводятъ доказательства изъ Посланій бывшаго лже-митрополита Бѣлокриницкаго Кирилла, отъ 19 августа 1869 года и отъ 8 іюня 1870 года, и лже-епископа балтовскаго Сильвестра къ лже-архіепископу Московскому Савватію отъ 1885 года, въ каковыхъ посланіяхъ подтверждается истинность Окружного Посланія, слѣдовательно, и истинность ученія сего Посланія о томъ, что грекороссійская Церковь правильно вѣруетъ во Святую Троицу. Кромѣ сихъ свидѣтельствъ, приведенныхъ неокружниками, я считаю необходимымъ привести еще слѣдующія свидѣтельства въ подтвержденіе той же пререкаемой истины. Учредитель Бѣлокриницкой іерархіи инокъ Павелъ въ своемъ сочиненіи: „Краткое соображеніе, или сочиненіе о разныхъ религіяхъ“ пишетъ: „*Никониане* во святую Троицу и во Христа Спасителя вѣруютъ православно“. Лже-митрополитъ Бѣлокриницкій Кирилль въ своемъ Посланіи, отъ 24 февраля 1731 года, но каковое неокружники въ своей грамотѣ не указали, говоритъ: „о Церкви, нынѣ въ Россіи господствующей, равно и греческой, ученіе ихъ (безпоповцевъ и неокружниковъ), аки бы она вѣруетъ во иного Бога, есть противно священнымъ канонамъ, здравому разуму, вѣрованію праотцевъ нашихъ и нынѣ существующей

іерархіи нашей (далѣе слѣдуютъ свидѣтельства въ подтвержденіе сей истины). Кто сему правильному разумнію не послѣдуетъ, той не есть истинный христіанинъ“. Послѣ столь ясныхъ свидѣтельствъ о томъ, что грекороссійская Церковь, по ученію Окружного Посланія, православно вѣруетъ во Святую Троицу, естественнымъ является вопросъ, неокружниковъ окружникамъ: „признавались ли святыми отцами за право или истинно вѣрующихъ во Святую Троицу хулители имени Сына Божія „Исусъ“, каковыми окружники, согласно Окружному Посланію, признаютъ всѣхъ послѣдователей грекороссійской Церкви? Что-же отвѣчаетъ Швецовъ на сей неизбѣжный вопросъ со стороны неокружниковъ? Ему, въ силу требованія справедливости и по долгу совѣсти слѣдовало бы отвѣтить, что грекороссійская Церковь не хулить имени Христа „Исусъ“, а потому православно вѣруетъ во Святую Троицу, или что сія Церковь хулить имя Спасителя „Исусъ“, и потому она неправильно вѣруетъ во Святую Троицу. Такъ слѣдовало бы отвѣтить Швецову на заданный вопросъ, но онъ, по своему обыкновенію, противъ совѣсти разными окошечками намѣревается показать, что приведенныя неокружниками свидѣтельства не то доказываютъ, что требуется доказать, и что, слѣдовательно, грекороссійская Церковь „не по всему право вѣруетъ во Святую Троицу“. Въ чемъ именно не по всему истинно вѣруетъ во Святую Троицу грекороссійская Церковь, снова вопрошаю я Швецова? Почему онъ не вѣритъ свидѣтельствамъ, приведеннымъ неокружниками въ грамотѣ, и что, наконецъ, онъ можетъ сказать по поводу свидѣтельства Павла Бѣлокриницкаго, учредителя амвросіанской іерархіи, о томъ, что грекороссійская Церковь православно вѣруетъ во Святую Троицу?

Грамота неокружниковъ (л. 17—18). Ибо по реченному: имя Исусово Богъ есть, Ему же существо едино и имя едино (Толковый Апостоль, л. 21; кн. Кириллова, л. 144).

Замѣчаніе еп. Арсенія. Этотъ текстъ писанія неокружники, какъ флагъ развертываютъ при всякомъ случаѣ разсужденія ихъ объ Окружномъ Посланіи. Только понимаютъ ли они и сами, что именно говоритъ оный—это еще вопросъ. Откуда они позаимствовали оный, сдѣлали ссылку на двѣ книги. Но текстъ оный во обоихъ этихъ книгахъ съ собой

не согласуется и по Кирилловой книгѣ оный читается такъ, какъ его привели и неокружники, а въ Толковомъ Апостолѣ нѣсколько иначе, а именно: „Вѣдый, яко имя Ісусово Богъ есть, имъ же бо существо едино, и имя едино“. Про кого здѣсь говорится: „имъ же бо существо едино, и имя едино“. Очевидно, неокружники не считаютъ сего справедливымъ, а потому и не приводятъ въ такомъ выраженіи сей текстъ, но читаютъ его по книгѣ Кирилловой. „Ему же существо едино, и имя едино“. Въ такомъ случаѣ они несправедливы въ томъ, что цитату приводятъ отъ одной книги, а ссылку дѣлаютъ на двѣ, тогда какъ съ другою книгою они и сами еще несогласны. Но мы оставимъ истязовать ихъ за эту несправедливость, а только спросимъ о томъ, про кого говорить уже самими ими приведенная цитата: „Ему же существо едино, и имя едино“? Едино существо есть святая Троица; но святая Троица Ісусъ не именуется, и въ ней не едино имя, но три Лица, и три имени. Но если имя Ісусъ отнести ко Христу Сыну Божію, какъ оно и на самомъ дѣлѣ къ Нему относится, то Христосъ имѣеть не едино, но два существа или естества, то пусть не обинуясь скажутъ намъ неокружники, о комъ именно гласитъ приведенная ими цитата? Но если они и сами этого текста еще не понимаютъ, то какъ же они имъ покушаются другихъ вразумить?

Разборъ. Неокружники, на основаніи словъ Кирилловой книги: „Имя Ісусово Богъ есть, Ему же существо едино и имя едино“ (л. 144), защищаютъ ту мысль, что имя Христа Спасителя должно быть едино, именно „Ісусъ“, а не различно, какъ напимѣрь: Ісусъ, Іезусъ, Дездею и т. д. Слова Кирилловой книги заимствованы изъ Толковаго Апостола и приведены съ измѣненіемъ слова „Имъ-же существо едино и имя едино“ [словомъ „Ему-же существо едино и имя едино“. Выраженіемъ Кирилловой книги неокружники, по справедливому замѣчанію Швецова, не доказываютъ той мысли, что имя Христа Спасителя едино, и именно „Ісусъ“, такъ какъ сіе имя въ приведенномъ выраженіи не указывается и такъ какъ ошибочное выраженіе: „Ему-же существо едино и имя едино“ не можетъ быть отнесено ко Христу Спасителю, имѣющему не одно, а два естества. Неокружники, прилагая указанное выраженіе Кирилловой книги ко Христу Спасителю, впадаютъ въ монофизитскую ересь, проповѣдая, что во Христѣ едино существо, или естество. Слова святаго Іоанна Златоустаго: „Имя Ісусово Богъ есть, Имъ же бо су-

щество едино, и имя едино“, помѣщенныя въ Толковомъ Апостолѣ и въ пересказѣ приведенныя въ Кирилловой книгѣ, относятся ко всѣмъ тремъ Лицамъ Пресвятыя Троицы, а не къ одному только Лицу Христа Спасителя. Это вытекаетъ изъ дальнѣйшихъ словъ святаго Іоанна Златоустаго, но съ особенною ясностью изъ толкованія Дидимова, помѣщеннаго въ Толковомъ Апостолѣ вслѣдъ за словами святаго Іоанна Златоустаго. Послѣ приведенныхъ словъ святой Іоаннъ Златоустый пишетъ: „Того ради глаголетъ во имя Ісусъ Христово во оставленіе грѣховъ и примете даръ Святаго Духа. Видиши ли како едино дарованіе быти показана Христово и Святаго Духа, яко едину сущу достоинству“. *Дидимово толкованіе:* Спасу повелѣвшу да совершеннымъ крещатися во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Немудро нѣціи чтуще писанія слышаше повелѣніе Петрово, учаще креститися каждо во имя Ісусъ Христово, сирѣчь равномоушное тріемъ именемъ. Савеліевомъ ученіемъ уязвленномъ сущимъ, три Лица въ едино Лице помышляютъ. Святая же соборная Церковь, единосущну и нераздѣльну помышляюще святую Троицу; законъ полагаетъ Отца Сыну, и Сыну Отца быти Святаго Духа, Отца и Сына суща. Яко общеніемъ тріемъ симъ, крещающаго во имя Христово, во имя Святыя Троицы крещается, сирѣчь во имя Отца и Сына и Святаго Духа“. (Толков. Апост. л. 21 обор.). Итакъ, по указанному толкованію, существо едино и имя едино Пресвятой Троицы. Собственное и правильное имя Христа Спасителя также едино, именно „Ісусъ“, а не „Ісусь“, какъ думаютъ всѣ старообрядцы, не исключая и окружниковъ. Это доказывается свидѣтельствами старописьменныхъ и древлепечатныхъ харатейныхъ книгъ, приведенными во второй части „Выписокъ“ Ад. Ив. Озерскаго (л. л. 70—141). Но кромѣ сего собственнаго имени „Ісусъ“, даннаго Спасителю Архангеломъ Гавріиломъ во время благовѣщенія Пресвятой Дѣвѣ Маріи (Еван. Лук. 1 гл. 31 ст.), Христу, по писанію усвоятся еще различныя имена. Такъ Онъ называется 1) Сѣменемъ жены (Бытія 3 гл. 15 ст.), 2) Ангеломъ Вѣчнаго (Исх. 3 гл. 2 ст.), 3) Начальникомъ воинствъ Вѣчнаго (Ісусъ Нав. 5 гл. 14 и 15 ст.), 4) Звѣздой отъ Іакова (Числь 24—17), 5) Еммануиломъ (Исаи 7 гл. 14 ст.), 6) Сыномъ Божиимъ (Псал. 2, 7 ст.), Сыномъ человѣческимъ (Псал. 79

ст. 17), 8) Великимъ пастыремъ (Еф. 13 гл. 20 ст.), 9) Месією (Ев. Іоан. 1 гл. 41 ст.), 10) Спасителемъ (Исаи 43 гл., 3 ст.), и весьма многими другими именами, упоминаемыми по нѣсколько разъ въ каждой почти книгѣ священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣтовъ. Такимъ образомъ, выраженіе Кирилловой книги: „Ему же существо едино и имя едино“ не можетъ быть отнесено ко Христу Спасителю, такъ какъ Христосъ во двухъ естествахъ и, кромѣ собственнаго имени, имѣетъ еще множество именъ, приписываемыхъ Ему священнымъ Писаніемъ, а должно быть, согласно приведеннымъ мною свидѣтельствамъ изъ Толковаго Апостола, отнесено къ Пресвятой Троицѣ, имѣющей одну одинаковую сущность и одно имя „Богъ“.

Грамота неокружниковъ (л. л. 18 — 19). И нанесшіе оскорбленіе и умаленіе Святому Духу, отнявъ въ символъ прилогъ истиннаго и прочая.

Замѣчаніе еп. Арсенія. Символъ вѣры богословію о Святомъ Духѣ, болѣе подробную имѣетъ по изложенію второго вселенскаго собора. Прилога же къ нему въ выраженіи слова „истиннаго“ до второго собора и православные въ символѣ вѣры не имѣли. И этимъ нисколько не оскорбляли и тѣмъ болѣе не умаляли Святаго Духа. И второй вселенскій соборъ богословію о Святомъ Духѣ въ символѣ вѣры изложилъ на языкѣ греческомъ. А переводъ его на нашъ славянскій языкъ былъ не всегда единообразный. Почему даже и стоглавый соборъ относительно сего слова „истинный“ въ символѣ не рѣшилъ утверждать окончательно, о чемъ въ девятой главѣ у него писано. А мы нынѣ считаемъ болѣе правильно держаться чтенія символа вѣры о Святомъ Духѣ такъ: и въ Духа Святаго, Господа истиннаго и прочая, какъ онъ усвоенъ былъ при первыхъ пяти московскихъ благочестивыхъ патріархахъ, однакоже не можемъ согласиться и съ неокружниками, чтобы со исключеніемъ здѣсь въ символѣ слова „истинный“ состояло умаленіе Святаго Духа, намъ извѣстно, что и малоросскіе уніаты, тоже въ своемъ символѣ во исповѣданіи Святаго Духа не имѣли прилога: „истиннаго“, и сверхъ того говорили, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына: смотри о семъ въ той же книгѣ о Вѣрѣ главу... но православная Церковь обличала уніатъ только за то, что они стали исповѣдать для исхожденія Духа Святаго два начала Отца и Сына, смотри въ той же книгѣ о Вѣрѣ главу. А за исключеніе ими здѣсь слова „истинный“ православная Церковь нигдѣ не обличала

ихъ, какъ бы и никакой погрѣшности въ этомъ не со знавала.

Разборъ. Неокружники, подобно безпоповцамъ, утверждаютъ, что грекороссійская Церковь исключеніемъ изъ 8-го члена символа вѣры слова „истиннаго“ умаляетъ Духа Святаго и не вѣруетъ въ Него. Швецовъ въ своемъ примѣчаніи на сіе возраженіе вполне основательно говоритъ, что православные христіане до второго вселенскаго собора прилога „истиннаго“ въ символѣ вѣры не читали, и этимъ нисколько не оскорбляли и тѣмъ болѣе не умаляли Святаго Духа, и что малороссійскіе уніаты тоже въ своемъ символѣ во исповѣданіи Святаго Духа не имѣли прилога „истиннаго“, но православная Церковь обличала уніатъ только за то, что они стали исповѣдывать для исхожденія Духа Святаго два начала Отца и Сына (книга о Вѣрѣ, гл. 4-я), а за исключеніе ими здѣсь слова „истинный“ православная Церковь нигдѣ не обличала ихъ, какъ бы и никакой погрѣшности въ этомъ не признавала. Изъ сего положенія Швецова вытекаетъ слѣдующій выводъ, каковой самъ Швецовъ почему то въ своемъ примѣчаніи не высказалъ. Православная грекороссійская Церковь, читая, подобно православнымъ христіанамъ до второго вселенскаго собора и подобно уніатамъ, символъ вѣры безъ прилога „истиннаго“, не умаляетъ и не оскорбляетъ Духа Святаго, а потому старообрядцы не должны видѣть и сознавать въ этомъ какую либо погрѣшность и должно обличать за сіе святую нашу Церковь. Второй вселенскій соборъ въ слѣдующихъ словахъ изложилъ ученіе о Святомъ Духѣ: „Καὶ εἰς τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον, τὸ Κύριον, τὸ ζῶντιον, т. е. и въ Духа Святаго, Господа, Животворящаго. Такъ читала и такъ читаетъ восьмой членъ символа вѣры вся восточно-кафолическая Церковь послѣ второго вселенскаго собора; такъ читала сей членъ и русская Церковь до патріарха Никона, о чемъ свидѣтельствуютъ: стоглавыи соборъ въ 9-иѣ главѣ своихъ постановленій, саккосъ митрополита Фотія, на которомъ вышитъ вышеприведенный мною греческій текстъ 8-го члена символа вѣры, грамота восточныхъ патріарховъ объ учрежденіи у насъ на Руси патріаршества, въ каковой нѣтъ прилога „истиннаго“ и многія другія древлеписьменныя и древлепечатныя книги (Выписки Озерскаго,

часть 2-я, стр. 151—164). Вотъ почему вся православная Христова Церковь должна читать 8-й членъ символа вѣры безъ прилога „истиннаго“, нисколько не погрѣшая противъ ученія о семь предметѣ отцевъ второго вселенскаго собора.

Грамота неокружниковъ (стр. 19). Къ вашему сожалѣнію такихъ доказательствъ во ученіи святыхъ отцевъ мы не находимъ, кромѣ сихъ: Аще кто о Отцѣ и Сынѣ добръ вѣруеть, а о Святомъ Дусѣ не право имать, еретикъ есть, зане вси еретицы о Сынѣ Божіемъ и о Святомъ Дусѣ злѣ вѣрующе, во іудейскомъ и во иноязычномъ невѣрїи пребываютъ (Кириллова кн.). Такое же о еретикахъ ученіе святыхъ отецъ, собиравшихся на седми вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборѣхъ, какъ то на Арія, Македонія, Несторія и прочихъ.

Замѣчаніе епископа Арсенія. По симъ словамъ неокружниковъ выходитъ заключеніе, что всѣ еретики, то есть и перваго и втораго и третьяго чина. Иначе всѣ еретики, раскольники и подцерковники, которые судились на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ святыхъ отецъ, о Сынѣ Божіемъ и Святомъ Дусѣ злѣ вѣрують, и во іудейскомъ и иноязычномъ невѣрїи пребываютъ. И если что должны говорить объ нихъ, то говорить должны также, какъ и объ іудеяхъ и язычниками. Но какъ всѣмъ извѣстно, что іудеевъ и язычниковъ святая Церковь не приѣмлетъ въ свое общеніе безъ крещенія, такъ почему же неокружники не крестятъ приходящихъ къ нимъ отъ грекороссійской Церкви? Когда ея вѣрованіе сравнивали со іудейскимъ и иноязычнымъ невѣрїемъ?

Разборъ. Неокружники, на основаніи приведенныхъ словъ Кирилловой книги, уподобили вѣрованіе нашей греко-россійской Церкви вѣрованію іудеевъ и язычниковъ потому, что наша Церковь „не добръ вѣруеть въ Сына и въ Святаго Духа, называя Сына „Иисусъ“ и уничтоживъ прилогъ „истиннаго“ въ 8-мъ члена символа вѣры. Въ этомъ мѣстѣ писатель Кирилловой книги говоритъ о неизмѣняемости никеопареградскаго символа вѣры, а не о томъ, что будто наша Церковь пребываетъ въ іудейскомъ и во иноязычномъ невѣрїи. Да могъ ли онъ допустить такую мысль, когда въ въ другихъ мѣстахъ своей книги онъ свидѣтельствуеть о православїи нашей грекороссійской Церкви. Такъ на оборотѣ 484 листа сей книги сказано: „Догматы бо Церкви восточныя добръ вѣдятъ вси Евангельское быти и отеческое

ученіе“. Итакъ по ученію Кирилловой книги, всѣ догматы восточной Церкви, слѣдовательно, и догматы о Сынѣ Божіемъ и о Духѣ Святомъ основываются на Евангельскомъ и святоотеческомъ ученіи, а потому не могутъ быть уподоблены іудейскому и иноязычному невѣрію. Поэтому Швецовъ въ своемъ замѣчаніи совершенно справедливо спрашиваетъ неокружниковъ, уподобившихъ вѣрованіе нашей Церкви вѣрованію іудеевъ и язычниковъ: „Почему же неокружники не крестятъ наравнѣ съ іудеями и язычниками и приходящихъ къ нимъ отъ грекороссійской Церкви“? Я же, съ своей стороны, спрашиваю окружниковъ и неокружниковъ: почему они не слѣдуютъ наставленію стоглаваго собора о чтеніи 8-го члена символа вѣры безъ прилога „истиннаго“, и почему они такое ученіе стоглаваго собора не уподобляютъ іудейскому и иноязычному невѣрію.

Грамота неокружниковъ. (стр. 20—21.). А святыи Іоаннъ Златоустъ пишетъ: не говори мнѣ о различныхъ и разнообразныхъ ересяхъ, всѣ они проповѣдаютъ одного и того же Христа, хотя не всѣ здраво, но вси поклоняются Ему, распятому въ Палестинѣ при Понтіи Пилатѣ (бесѣда на разныя мѣста священнаго Писанія).

Замѣчанія еп. Арсенія. Это изреченіе Златоуста не доказываетъ не только того, что вси еретицы во іудейскомъ и иноязычномъ невѣрїи пребываютъ, но даже и того, чтобы они вси не здраво проповѣдали Христа. Ибо въ словахъ: „Хотя не вси здраво“, содержится мысль, что нѣкоторые еретики здраво, а нѣкоторые не здраво проповѣдуютъ Христа, но вси (то есть, и тѣ и другіе) поклоняются Ему, распятому въ Палестинѣ при Понтіи Пилатѣ, слѣдовательно, никто изъ нихъ не пребываетъ во іудейскомъ и иноязычномъ невѣрїи. Но неокружники это изреченіе святаго Златоуста привели было для того, чтобы доказать, что всѣ еретики во іудейскомъ и иноязычномъ невѣрїи пребываютъ. Они сожалѣютъ объ насъ, что они не находятъ доказательствъ во ученіи святыхъ отецъ, чтобы и еретики вѣровали во единого съ нами Христа Сына Божія. Но сами же и указываютъ такое доказательство отъ вселенскаго учителя святаго Златоуста. Почему и приходится наоборотъ намъ пожалѣть объ нихъ, что они и святоотеческія изреченія, приводимыя ими же самими, не умѣютъ понимать по существу разуму ихъ, и притомъ еще берутся осуждать другихъ.

Разборъ. Святые отцы 6 вселенскаго собора въ первомъ правилѣ сего собора признали ученіе Арія „вымышленнымъ имъ языческимъ инобожіемъ, или свойственное рещи, многобожіемъ“ (книга Правиль), а святые отцы 2 вселенскаго (пр. 7) и 6 вселенскаго соборовъ (пр. 95) савеліанъ, „державшихся мнѣнія о сыноотечествѣ и иное нетерпимое творившихъ“, постановили принимать въ Церковь, „якоже язычниковъ“. Въ виду этого святой Іоаннъ Златоустый въ приведенныхъ неокружниками словахъ совершенно справедливо, какъ замѣчаетъ и Швецовъ, называетъ вѣрованіе аріанъ и савелліанъ не лучше вѣрованія іудеевъ и язычниковъ. Неокружники въ такомъ только случаѣ могли бы сравнить насъ, православныхъ, съ аріанами и савелліанами, когда бы они доказали, что наша Церковь содержитъ ученіе сихъ еретиковъ, но они сего не доказали и не докажутъ, поэтому сравненіе сіе не только неудачно, но является возмутительною клеветою на нашу святую православную Церковь. Швецовъ по поводу сего сравненія, допущеннаго неокружниками, не вполне высказался потому, что онъ самъ аріанская мудрствуетъ и пишетъ о Сынѣ Божіемъ, что выше я достаточно доказаль.

Грамота неокружниковъ: (л. 21—23). Онъ же (т. е. святой Златоустъ и паки иже савеліевымъ неистовящеся неистовствомъ, и иже аріевыми бѣсящеся отъ безмѣрія обои здравья отпадоша вѣры. И имя убо христіанское обои на себѣ носятъ. Аще же кто догмата ихъ истязаль бы, то обѣхъ убо ничимже лучше іудеевъ пребывающихъ обрящеть, развѣ елико имени токмо различіе къ себѣ имуть. (Книга о священствѣ гл. 2, сл. 4).

Замѣчанія еп. Арсенія: (лл. 21—23). Этотъ текстъ неокружниками приведенъ не въ полномъ смыслѣ: ибо не лучшими іудеевъ. Святой Златоустъ могъ называть только однихъ савеліанистовъ, не признающихъ въ божествѣ троичности лицъ, но имена Отца и Сына и Святаго Духа относящихъ ко одному лицу божества именуемому различно. Такъ и іудеи только въ единомъ же Лицѣ исповѣдовали Бога. Но что касается до Арія, то всѣ церковные учителя уподобляли его нечестіе не іудейству, но язычеству, которые почитали боговъ сотворенныхъ. Непремѣнно такое же сужденіе обѣ ихъ положено и у святаго Златоуста во указанномъ неокружниками мѣстѣ. Но они почему-то не привели сполна сужденіе святаго Златоуста. И если взятый ими этотъ текстъ святаго Златоуста не содержитъ полнаго смысла, то развѣ можно отсюда выводить какое основательное заключеніе?

Грамота неокружниковъ (лл. 27—28). Преподобный Иосифъ Волоцкій въ 15 словѣхъ не осмѣлился даже указать совершенной истинности въ вѣрѣ у еретиковъ, непогрѣшившихъ въ вѣрѣ, и выразился о нихъ собственно такъ: аще и злѣ мудрствуютъ, но не такъ, якоже первіи, и прочая.

Замѣчаніе еп. Арсенія: (л. 21—23). Вотъ какова логика у неокружниковъ, они говорятъ: нѣтъ истинности въ вѣрѣ у еретиковъ, не погрѣшившихъ собственно въ вѣрѣ. Но если еретики не погрѣшили въ вѣрѣ, то стало бытъ они содержатъ вѣру во истиннаго Бога. А если они во истиннаго Бога вѣруютъ непогрѣшно, то почему же неокружники говорятъ, что они не имѣютъ истинности въ вѣрѣ. Всюду путаются неокружники. Но они имѣютъ искусство свое безуміе вложить или во уста окружниковъ, или отнести къ какому-либо святому отцу. Здѣсь они свое собственное заключеніе отнесли къ преподобному Иосифу Волоцкому. Но есть ли таковая мысль у преподобнаго, приведемъ сполна то изреченіе его, на которое ссылаются неокружники. Гдѣ преподобный пишетъ такъ: еретицы убо не едино мудрствуютъ, но овѣ убо тако, овѣ же тако: павлиане убо и фотіане, фруги, и евноміане, мандониты (мантониты) и савеліаны, и маркіониты, и измаилиты и иніи таковіи: си убо не вѣруютъ во святую и единосущную Троицу, Господа же нашего Ісуса Христа Богомъ не нарицають, и плотскаго смотрѣнія его не приѣмлютъ, но овіи убо пророка его нарицають, овіи же проста челоувѣка. О сихъ убо глаголютъ вся божественная Писанія, яко егда приходитъ къ православнѣй вѣрѣ, „подобаетъ имъ прежде поститися время довольно, и внѣ Церквистояти, потомъ же сихъ крестити, якоже елліны, таже и божественному причащенію сподоби. Суть же друзи еретицы, аще и злѣ мудрствуютъ, но не тако, якоже первіи, иже суть новатіане, донатіане, средницы, и четыренадесятницы и воздержницы и тии таковіи сии убо исповѣдаютъ святую единосущную Троицу и Господа нашего Ісуса Христа истиннаго Бога нарицають, и плотскому смотрѣнію его вѣруютъ, имуть же нѣкоторыя ереси въ себѣ. И аще сии восхотятъ приступити къ православной вѣрѣ, и ересь ихъ прокленуть, сихъ убо не повелѣваетъ божественное Писаніе крестити, но якоже крещенныхъ приимати вскорѣ и божественныхъ тайнъ общенію тѣхъ сподоблевати (Просвѣтитель сл. 15). Здѣсь ни о комъ не говорится, что въ вѣрѣ не погрѣшили. Но только указывается, что одни еретики не вѣруютъ во святую Троицу и Господа нашего Ісуса Христа Бога не нарицають. А другіе исповѣдаютъ святую Троицу и Господа нашего Ісуса Христа истиннаго Бога нарицають, но зловѣрно содержатъ нѣкоторыя ереси. Здѣсь нѣтъ подробнаго уясненія ихъ ересямъ, но они отъ святыхъ Церкви въ подробностѣ рассмотрены въ другихъ мѣстахъ. Отсюда только важно то общее

заключеніе, что отъ невѣрующихъ во святую Троицу, и Господа нашего Ісуса Христа Богомъ не нарицающихъ не пріемлется крещеніе. То пусть не обинуясь скажутъ неокружники, согласны ли они съ сими сравнивать грекороссійскую Церковь, или сравнивать съ тѣми еретиками, которые исповѣдаютъ святую Троицу и Господа нашего Ісуса Христа Богомъ нарицають. Но въ такомъ случаѣ и они согласятся съ Окружнымъ Посланіемъ.

Разборъ. Преподобный Іосифъ Волоцкій въ своемъ 15-омъ словѣ, дѣйствительно, упоминаетъ а) объ еретикахъ, которые не вѣруютъ во святую и единосущную Троицу, Господа же нашего Ісуса Христа Богомъ не нарицають и плоти ского смотрѣнія его не пріемлютъ, и которые поэтому принимаются въ Церковь, какъ язычники, первымъ чиномъ, б) объ еретикахъ, которые исповѣдуютъ святую и единосущную Троицу и Господа нашего Ісуса Христа истиннымъ Богомъ нарицають и плоти скому смотрѣнію его вѣруютъ, и которые поэтому принимаются въ Церковь первымъ чиномъ, подобно еретикамъ первой категоріи, а вторымъ, или третьимъ. Неокружники, уподобляють нашу грекороссійскую Церковь еретикамъ перваго рода. Въ подтвержденіе чего они и привели выдержку изъ 15-го слова преподобнаго Іосифа Волоцкаго. Если такъ не на словахъ, но на дѣлѣ нужно смотрѣть на нашу грекороссійскую Церковь, то Швецовъ въ своемъ замѣчаніи совершенно справедливо и основательно спрашиваетъ неокружниковъ: почему они послѣдователей грекороссійской Церкви не принимаютъ въ свое общество посредствомъ крещенія, какъ подобаеть принимать еретиковъ перваго чина, о которыхъ упоминаетъ въ своемъ 14 словѣ преподобный Іосифъ Волоцкій. Такъ какъ неокружники принимаютъ послѣдователей нашей Церкви въ свое общество вторымъ чиномъ, то этимъ они на дѣлѣ показываютъ, а) что сами признають нашу Церковь вѣрующею во святую и единосущную Троицу нарицающею Господа нашего Ісуса Христа Богомъ и пріемлющею плоти ское смотрѣніе Его, и б) что въ этомъ они согласны съ ученіемъ Окружнаго Посланія. Но согласенъ ли съ ученіемъ сего Посланія самъ Швецовъ—обличитель неокружниковъ? Согласенъ ли онъ съ тѣмъ, что наша святая Церковь содержитъ, какъ учитъ Окружное Посланіе, вполне здравую вѣру во святую Троицу? Нѣтъ, не согласенъ, что видно было изъ его прочиствовавшихъ замѣчаній.

ній, и что яснѣе видно будетъ изъ послѣдующихъ. Странное дѣло! Швецовъ старается убѣдить неокружниковъ въ томъ, въ чемъ онъ самъ, не убѣжденъ, именно въ томъ, что наша Церковь правильно вѣруетъ во святую Троицу, чего онъ самъ не признаетъ. Итакъ Швецовъ ратуетъ противъ неокружниковъ не по убѣжденію, но легкомысленно, по присущему лукавству, что свойственно лишь еретикамъ, а неокружники силатся осуждать ученіе и вѣру нашей Церкви православной, что свойственно лишь слугамъ антихристовымъ (Кирилл. л. л. 32 и 78).

Грамота неокружниковъ (стр. 23—23). На основаніи вышеприведенныхъ доказательствъ священнаго Писанія для православнаго христіанина ясно, что, по ученію святыхъ отецъ еретики хотя и вѣруютъ въ Бога, но не вѣр здраво, или иначе сказать: неправо, неистинно и т. д.

Замѣчаніе еп. Арсенія. Неокружники говорятъ, что не всѣ еретики здраво вѣруютъ въ Бога, но это еще не доказываетъ того, чтобы они вѣровали во истиннаго Бога. А потому сіи и не возражаютъ ничѣмъ: ни противъ Окружнаго Посланія, ни противъ грамоты митрополита Кирилла, посланной въ Формосу, гдѣ вѣдь не то доказывалось, что еретики вѣрѣ ни въ чемъ не погрѣшаютъ, а только одно то, что грекороссійская Церковь подъ именемъ Исусъ вѣруетъ не во иного Бога антихриста, но въ того же Христа Спасителя. Да и не только что противу такого мнѣнія приведенныхъ неокружниками доказательствъ нисколько не возражаютъ, а паче еще и подтверждаютъ такое оное изреченіе святаго Златоуста, что и нездраво вѣрующіи еретики поклоняются Христу, Распятому въ Палестинѣ при Понтіи Пилатѣ, и Іосифа Волоколамскаго: что тѣ еретики, отъ которыхъ принимается крещеніе, исповѣдають святую и единосущную Троицу и Господа нашего Исуса Христа истиннаго Бога нарицають. Неокружники здѣсь, какъ видится, сражаются уже не съ тѣмъ, что Окружное Посланіе и грамота м. Кирилла говорятъ, что грекороссійская Церковь и прочіи христіанскіе народы вѣруютъ во истиннаго Христа Спаса нашего. Но зачѣмъ-де говорить, что они право и истинно вѣруютъ. Но вѣдь такихъ буквальныхъ выраженій, и тѣмъ болѣе такой мысли, не содержится ни во Окружномъ Посланіи, ни во упомянутой грамотѣ м. Кирилла. А паче напротивъ Окружное Посланіе говоритъ, что въ полемическихъ книгахъ грекороссійской Церкви древнеславянское спасительное Христово имя Исусъ злохульно поречено, и что въ принятіи его противу сего нововводномъ имени Исусъ состоитъ погрѣшность въ приложеніи гласной буквы, осмиричныя «, и далѣе Окружное Посланіе всѣхъ хульниковъ

имени Христова, гдѣ разумѣются вмѣстѣ и безпоповцы, подѣ именемъ Исусъ понимающіе антихриста, и грекороссійская Церковь, нанеся разныя тяжкія порицанія на имя Исусъ, предаемъ, говорить Окружное Посланіе, суду того самаго всемогущаго Исуса, Иже егда приидеть судити живымъ и мертвымъ и воздати комуждо по дѣломъ его, и по начинанію сердца его. Итакъ, не очевидноли, что здѣсь за грекороссійскою Церковью Окружное Посланіе не признаеть здравыя вѣры.

А также и грамота м. Кирилла въ Формосы, по указанному тексту ея неокружниками, гласить, что всѣ христіанскія религіи восточнаго и западнаго закона имѣють разныя ереси. А когда они не имѣють вполнѣ истинной или здравой вѣры, но только что они вѣрують не во идола какаго, и тѣмъ болѣе не во антихриста, но во истину во единого и того же Исуса Христа Сына Божія, Его же и мы Господомъ Богомъ и Спасителемъ міру исповѣдуемъ. Чѣмъ и показывается ясно, что неокружники не могутъ прямо указать вину за Окружнымъ Посланіемъ, за что бы оно подлежало осужденію, но свою мысль навязываютъ издателямъ Окружнаго Посланія, и противу оныхъ сражаются. Этотъ пріемъ ихъ хотя и замысловатый, только православнымъ христіаниномъ отнюдь несвойственный, а сродный тѣмъ раздоротворцамъ, которые безъ всякой уважительной причины раздирають единство Христовой Церкви.

Разборъ. Неокружники, на основаніи приведенныхъ раньше свидѣтельствъ, заключили и совершенно справедливо, что еретики, хотя и вѣрують въ Бога, но не всѣ здраво, т. е. неправо и неистинно. Швецовъ въ своемъ замѣчаніи утверждаетъ, что грекороссійская Церковь неправо и неистинно вѣрують во Христа, въ подтвержденіе чего ссылается на Окружное Посланіе и на грамоту м. Кирилла въ Формосы. Настоящее замѣчаніе Швецова составляетъ повтореніе раньше приведенныхъ доводовъ и мною достаточно разобранныхъ. Здѣсь кратко только замѣчу, что окружники и неокружники не вѣдаютъ, что глаголють и что творять. Они сами выдумываютъ несуществующія въ нашей Церкви ереси и сражаются, такимъ образомъ, противъ призрака. Неокружники признають въ грекороссійской Церкви такія ереси, какихъ не видять окружники, а послѣдніе видять такія, какія не указываются и не признаются Окружнымъ Посланіемъ. Поистинѣ, посему, они раздоротворцы, безъ всякой уважительной причины раздирающіе единство Христовой Церкви.

Миссіонеръ свѣщ. *Θ. Воловей.*

(Окончаніе будетъ).

Собрание раскольнических безпоповщинских (поморскаго согласія) духовныхъ отцовъ Донецкой Области.

Не такъ давно въ хуторѣ Свинаревомъ, Каменскаго округа, Донецкой Области, въ присутствіи извѣстнаго безпоповщинскаго начетчика Терентія Акимовича Худошина, происходило „собрание“ духовныхъ отцовъ, старообрядцевъ поморскаго согласія, приѣмлющихъ браки, изъ станицъ Усть-Бѣло-Калитвенской и Ермаковской. Намъ удалось получить копию съ приговора этого „собранія“ духовныхъ отцовъ поморской безпоповщины и копии съ нѣкоторыхъ другихъ документовъ, относящихся къ тѣмъ спорамъ, какіе были возбуждены среди Донскихъ поморцевъ постановленіями этого „собранія“. Со всѣми этими документами мы считаемъ долгомъ познакомить читателей „Миссіонерскаго Обзорѣнія“, такъ какъ постановленія этого „собора“ и движенія, возбужденныя имъ въ поморскомъ согласіи, имѣютъ живой интересъ для миссіонерской практики и науки, тѣмъ болѣе, что онѣ относятся къ такому важному, животрепещущему для поморцевъ вопросу, какимъ является для нихъ вопросъ о бракѣ.

Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ этотъ самочинный „съѣздъ“.

Усть-Бѣло-Калитвенская станица и смежная съ нею Ермаковская болѣе чѣмъ на половину населены раскольниками по преимуществу поморскаго толка. Во главѣ ихъ до настоящаго времени стоитъ Синевъ, являющійся для мѣстныхъ раскольниковъ такимъ авторитетомъ, предъ которымъ всѣ они склоняются: что сказалъ дѣдушка Синевъ, то получаетъ силу закона! Калитовскіе старообрядцы, крѣпко сплоченные между собою, имѣютъ самыя тѣсныя сношенія съ поморцами другихъ мѣстъ: ими ведется самая дѣятельная переписка съ Московскою, Тульскою, Саратовскою и другими безпоповщинскими поморскими общинами. Особенно въ близкихъ отношеніяхъ Калитовскіе раскольники стоятъ къ Саратов-

скому поморскому начетчику Худошину и Тульскому Батову. Подпольныя брошюры послѣдняго Калитовскіе раскольники получаютъ съ каждой почтой цѣлыми сотнями ¹⁾.

Но ядро Калитовскаго раскола составляетъ хуторъ Сви-
наревъ, расположенный по рѣкѣ Калитвѣ, изъ 150 дво-
ревъ котораго три четвертыхъ съ раскольническимъ на-
селеніемъ. Здѣсь сосредоточены лучшія силы раскола и наи-
болѣе богатая раскольническая бібліотека; здѣсь же прожи-
ваютъ и лучшіе начетчики: Синевъ, Пятибратовъ, Лебедевъ
и Лазаревъ; здѣсь же поднимаются и рѣшаются всевозмож-
ные вопросы и недоумѣнія, возникающіе въ поморской без-
поповщинѣ.

Въ послѣдніе годы среди Калитовскихъ поморцевъ было
въ особенности выпукло поднятъ вопросъ о бракѣ. Какъ и
въ старообрядцы поморскаго толка, пріемлющіе браки, Ка-
литовскіе поморцы допускали такъ называемый безсвященно-
словный бракъ, который якобы можетъ быть совершенъ не
только лицомъ освященнымъ, но и міряниномъ, безпоповщин-
скимъ духовнымъ отцомъ. Но многіе изъ Калитовскихъ рас-
кольниковъ въ послѣдніе годы стали бросать своихъ женъ
и стали жениться на другихъ, а женщины стали бросать
своихъ мужей и выходить замужъ за другихъ, почему выхо-
дило, что многіе поморцы и поморки при живыхъ женахъ
и мужьяхъ вступали въ новые браки по нѣскольку разъ.
Естественно возникъ вопросъ о законности такovýchъ браковъ.
Одни „духовные отцы“ безпоповщинскіе, которые вѣнчали
таковые браки и за вѣнчаніе получили „пѣнызи многи“, счи-
тали эти браки законными, другіе же возставали противъ
нихъ и требовали расторженія такovýchъ браковъ, какъ пре-
любодѣйныхъ, а наставниковъ, благословлявшихъ такіе браки,
приговорили къ изверженію изъ сана. Но противная сторона
не хотѣла подчиниться такому приговору. Рѣшили тогда
предложить этотъ вопросъ на обсужденіе собранія безпопов-
щинскихъ духовныхъ отцовъ. Въ скоромъ времени пред-
ставился удобный случай къ устроенію такого „собранія“.
Въ маѣ мѣсяцѣ 1897 года въ хуторѣ Свинаревомъ, Усть-
Бѣло-Калитвенской станицы, Донецкой Области, происходила

¹⁾ У насъ имѣется каталогъ Батовскихъ брошюръ, въ которомъ
указано съ обозначеніемъ пѣнь до 180 сочиненій Батова.

собесѣдованія Донскаго епархіальнаго миссіонера священника Николая Кутепова съ Саратовскимъ раскольниковымъ поморскимъ начетчикомъ Худошинымъ. На эти бесѣды собрались не только мѣстные и сосѣдніе вожаки поморскаго толка, но и прїѣхавшіе изъ отдаленныхъ мѣстъ Донской Области. По окончаніи бесѣдъ, мѣстные раскольники поморскаго толка, воспользовавшись собраніемъ такого сонма своихъ наставниковъ, именующихъ себя духовными отцами, обратились къ нимъ съ просьбою, чтобы они „собрать“ разрѣшили имъ нѣкоторыя ихъ недоумѣнія и въ особенности волновавшій ихъ вопросъ о бракахъ. Наставники охотно согласились, и 19-го мая въ домъ Свиначевскаго наставника Ивана Афанасьева Лебедева было собраніе поморскихъ духовныхъ отцовъ подъ предсѣдательствомъ Терентія Худошина, Саратовскаго мѣщанина. Этому „собранію“ Свиначевскіе поморцы и предложили слѣдующіе вопросы: „Если жена безъ всякой причины оставить своего мужа и выйдетъ за другого, или если мужъ оставить жену и женится на другой, можно ли считать эти браки законными, а также и духовныхъ отцовъ, благословляющихъ эти браки, можно ли считать безнаказанными?“ Худошинъ и все „собраніе“ конечно не одобрили такихъ поступковъ поморцевъ и ихъ духовныхъ отцовъ. Но и строго осудить ихъ поопасался, такъ какъ виновными въ этихъ проступкахъ было большинство поморцевъ и духовныхъ отцовъ ихъ. Для Худошина осудить ихъ значило лишиться тѣхъ денегъ, которыя предназначены были ему за прїѣздъ въ Свиначевъ на бесѣды съ „ніконіанскимъ миссіонеромъ“. И вотъ подъ вліяніемъ Худошина „собраніе“ безпоповщинскихъ духовныхъ отцовъ постановило по вопросу о бракѣ: „Вкравшіеся безпорядки въ брачныхъ совокупленіяхъ, всѣ происшедшіе таковыя до настоящаго времени, а также и совершителей таковыхъ браковъ, оставляемъ при своихъ мѣстахъ“—т. е. постановило браковъ мужей отъ живыхъ женъ и женъ отъ живыхъ мужей не расторгать, и наставниковъ, благословляющихъ такіе браки, не наворачать изъ саца. Здѣсь мы считаемъ, въ виду интереса для науки и практики миссіонерства, привести буквально съ подстрочными небольшими своими замѣчаніями имѣющуюся у насъ копію съ приговора, постановленнаго въ 1897 году,

мая 19 дня, въ хуторѣ Свиначевомъ, въ присутствіи Худо-
шина христіанами станицъ: Усть-Бѣло-Калитвенской и Ерма-
ковской.

« 1897 года, мая 19 дня, мы нижеподписавшіеся Области войска
Донского, Усть-Бѣло-Калитвенской и Ермаковской станицъ, духов-
ные отцы, старообрядцевъ поморскаго согласія, приѣмлющихъ браки.
Собравшись сего числа, ¹⁾

разсуждая о разныхъ предметахъ, единогласно положили. I) Вкра-
вшіеся безпорядки въ брачныхъ совокупленіяхъ, всѣ происшед-
шіе таковыя до настоящаго времени, а также и совершителей та-
ковыхъ браковъ оставляемъ при своихъ мѣстахъ, на основаніи
Кормчей (л. 580 об. и 592), ²⁾ того же правила, которымъ
должны быть положены епитиміи, согласно правилъ св. Отецъ ³⁾,
духовными ихъ отцами; впредь же таковыхъ безпорядковъ не дѣ-
лать, а должно исполняться нашими духовными отцами, согласно
правилъ св. Отецъ». II) Если который бракъ будетъ нарушенъ, то о
таковомъ духовные отцы должны представлять на обсужденіе на-
шего собора, и въ такомъ случаѣ родители окажутся служащіе
поводомъ къ разрушенію браковъ своихъ дѣтей, то таковыхъ отлу-
чать отъ Церкви, до разслѣдованія соборомъ дѣла или совокупленія
расторгнутаго брака⁴⁾. III) Ежели который духовный отецъ дерзнетъ
совершить бракъ не въ своемъ приходѣ ⁴⁾, безъ разрѣшенія того

1) Въ имѣющейся у насъ копіи этого приговора, отлитографиро-
ванной въ самомъ хуторѣ Свиначевомъ, не обозначено количества
духовныхъ отцевъ поморцевъ, присутствовавшихъ на этомъ соборѣ
и на мѣстѣ, гдѣ должно быть обозначено это число, оставленъ про-
бѣлъ. Въ концѣ же приговора помѣщены подписи духовныхъ отцевъ
бывшихъ на этомъ соборѣ.

2) На указанныхъ листахъ Кормчей книги ни слова не говорится
о бракахъ раскольниковъ, а тѣмъ болѣе не упоминается о ихъ на-
ставникахъ совершителяхъ этихъ браковъ.

3) Раскольническіе духовные отцы не имѣютъ права ссылаться
въ свое оправданіе на правила св. Отецъ, потомучто всѣ правила
церковныя даны въ руководство св. соборной и апостольской „Церкви,
а не самочинному и беззаконному сборищу людей простецовъ, отлу-
ченныя отъ вселенской Церкви Христовой.

4) Могутъ ли безаповѣдніе духовные отцы называться совер-
шителями брака? Въ учительномъ евангеліи мы читаемъ. „Еретицы,
не суще священники, смѣютъ тайнами святыми дѣйствовать, кре-
стити, *епичати* и прочая, но таковое ихъ дерзновеніе есть отъ лука-
ваго духа. *Понеже не суть послани, ниже отъ Бога позваны, они бо
безъ рукоположенія и посвященія, яко татіе дирую лезутъ въ овчарню Хри-
стовыхъ овецъ, и непосвященные простецы держатъ прикасатися святымъ.*
Аще бо несвященные *епичаютъ*, крестятъ, службы творятъ, тогда
епичи ихъ не епичи, и крещеніе не крещеніе, и тайны не тайны. По-

духовнаго отца, коего прихода будетъ оный бракъ, таковой подвергается наказанію, согласно правилъ св. Отець. IV) Для записанія родившихся младенцевъ необходимо нужно имѣть каждой обители особо заведенную метрическую книгу. V) Сочетавшіеся браки должны записываться въ имѣющіяся въ станичныхъ правленіяхъ на этотъ предметъ шнуrowыя книги, но съ тѣмъ, чтобы записка эта производилась при станичныхъ правленіяхъ, а объ этомъ, чтобы избавиться отъ излишнихъ хлопотъ, проволоочки и не являться въ управленіе окружнаго атамана, по этому предмету просить ходатайства правительства. VI) Кромѣ духовнаго отца, въ какой бы ни было обители, другихъ лицъ, не имѣющихъ благословенія къ совершенію браковъ,

неже единѣмъ священникомъ Богъ власть сію дарова и св. Таинъ строеніи вручи* („Учител. Евангеліе“ ч. II, л. 94). Власть совершать таинство брака, какъ и всѣ другія, всегда принадлежала пастырямъ Церкви, епископамъ и пресвитерамъ. Въ Большомъ Катихизисѣ (гл. 72, л. 358) читаемъ: *«Вопросъ: Кто можетъ строити сія (седмъ) тайны. Отвѣтъ: Никтоже, развѣ святителей хиротонисанныхъ, имже дана есть власть рукоположеніемъ наслѣдниковъ апостольскихъ. Раздѣли бо Богъ въ Церкви саны и строители, якоже святой апостоль Павелъ глаголетъ: И той даде овы убо апостолы, овы убо пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учителя. Егда вси апостолы? И въ иномъ мѣстѣ глаголетъ: Никтоже собою честь пріемлетъ, но званный отъ Бога, якоже Ааронъ. Аще же еъ Ветхомъ Заветѣ никто дерзну неосвященъ строити тайны, множае паче у насъ не достоинъ держати? Сего ради Господь на тайной вечери апостолы своя Священниками сотворилъ есть, и по воскресеніи своемъ повелѣ въся языки крестити, и даде имъ власть отпушати грѣхи».* Въ частности относительно брака св. Игнатій Богоносець писалъ: „Подобаетъ женящимся и посягающимъ съ волею епископа сочетаватися, да бракъ будетъ о Господѣ“ (Посл. къ Поликарпу. л. 44). По словамъ св. Амвросія Медиоланскаго, „бракъ долженъ быть освящаемъ покровомъ и благословеніемъ священническимъ (Посланіе къ Вигилію), а по словамъ св. Іоанна Златоуста, бракъ долженъ быть заключаемъ „точію съ Церквію“ (Маргаритъ въ сл. „О еже предста царица“ л. 537 на об.). Благословеніе священническое считается необходимымъ условіемъ брака и въ Маломъ Катихизисѣ, такъ что вся прочая супружества, какъ сказано въ Кормчей книгѣ, яже не съ благословеніемъ церковнымъ, сіе есть не отъ епископа или отъ тоя царохіи священника вѣнчаніемъ при двухъ или тріехъ поне свидѣтелѣхъ совершаемая, не по соборному установленію и святыхъ Отець ученію, незаконна, паче же безаконна и ничтоже суть“ (Кормчая л. 522). Слѣдовательно, простолюдинамъ, каковы всѣ раскольническіе духовные отцы, безусловно запрещается благословлять браки не только въ чужомъ, но и въ своемъ приходѣ, ибо они, какъ простецы, не имѣютъ и не должны имѣть приходовъ: они овцы, а не пастыри, а «овець содержащіи мѣсто, како пастырей благочинно исполнять чинъ» (Кирил. кн. л. 480).

не допускать, 4) за самовольное же дерзновеніе по этому дѣлу, этихъ лицъ подвергать трехлѣтнему отлученію отъ Церкви. VII) Въ хуторахъ молитвенное собраніе должно совершаться *непрерывно въ одномъ мѣстѣ, но некакъ не разлучаться на двѣ обители, если же кто нарушитъ это наше общественное постановленіе, таковыя подвергать наказанію согласно предшествующаго 6-го пункта.* VIII) При бракосочетаніяхъ соблюдать приличіе и благочиніе по христіанскому обряду, пьянства, бѣсовскихъ пѣсней и плясокъ отнюдь не допускать, нарушающихъ этотъ порядокъ наказывать по всей строгости закона, установленнаго

4) Вотъ какое важное значеніе усвояютъ поморцы благословенію въ духовные отцы: они считаютъ его равносильнымъ рукоположенію епископа. Какъ въ православной Церкви не получившій рукоположеніе отъ епископа не можетъ быть священникомъ, совершителемъ таинствъ, такъ и у поморцевъ не получившій благословенія отъ старшаго духовнаго отца не можетъ именоваться духовнымъ отцомъ и совершать таинства. Но священство существуетъ въ православной Церкви съ самаго основанія ея въ мірѣ и установлено въ Церкви не людьми, а самимъ Христомъ Богомъ; ея Создателемъ, Который Самъ есть первый ея Священникъ и Архіерей. Священство, слѣдовательно, не есть личное достоинство и не власть, даруемая отъ людей чрезъ избраніе, но есть дѣло Божіей благодати, есть даръ единаго по существу и вѣчнаго первосвященника Христа, почему благодать священства передается не иначе какъ чрезъ особое, отъ Христа и апостоловъ установленное *таинство рукоположенія*. Откуда безпоповщинскіе духовные отцы получили такія права совершать богослуженіе, таинство крещенія, покаянія, брака? Откуда ихъ санъ и власть? Очевидно, что не отъ таинства хиротоніи, котораго у безпоповцевъ нѣтъ и быть не можетъ, а отъ поставленія въ отеческую степень, на которомъ коренится все значеніе безпоповщинскихъ духовныхъ отцовъ. Безпоповцы утверждаютъ, что это поставленіе въ отеческую степень ведетъ свое начало отъ Павла, епископа Коломенскаго, который будто бы далъ свое благословеніе мірянамъ на совершеніе нѣкоторыхъ таинствъ. Но Павелъ Коломенскій умеръ въ то время, когда у раскольниковъ и рѣчи не было объ іерархіи. Если даже и повѣрить этому безпоповщинскому преданію, то и тогда окажется, что благословеніе безпоповщинскихъ духовныхъ отцовъ ведетъ свое начало не отъ Христа, а отъ Коломенскаго епископа Павла, который, конечно, не имѣлъ права устанавливать такое новшество, котораго совсѣмъ не знала древняя вселенская Церковь. Выставляя Павла Коломенскаго основателемъ своей отеческой степени, безпоповцы чрезъ это самое выдаютъ его за равнаго Христу, ибо, какъ Христосъ благословилъ апостоловъ на совершеніе таинствъ чрезъ рукоположеніе, такъ и Павелъ будто бы благословилъ простецовъ безъ рукоположенія на это же дѣло. Поистинѣ «восхищающіи недарованная имъ раздражаютъ Бога, якоже сынове Корееви и Озіа царь» (Кормчая л. 20 об.)

святыми Отцами. Въ чемъ приговоръ сей утверждаемъ нашимъ писемъ. Далѣе слѣдуютъ подписи 20 человекъ.

Итакъ 19 человекъ казаковъ и 20-и мѣщанинъ Худопинъ составили „освященный соборъ“ ¹⁾, на которомъ „соборнѣ“ рѣшили и подписали выраженный въ 8 пунктахъ приговоръ касательно браковъ!

Но далеко не всѣ Калитовскіе поморцы подчинились „приговору“ этого „самочиннаго“, „безглаваго“ собора. Недовольные „приговоромъ“ его въ началѣ февраля 1899 года собрали другое собраніе въ хуторъ Титовомъ, Усть-Бѣло-Калитвенской станицы, на которомъ незаконные браки мужей при живыхъ женахъ и женъ при живыхъ мужьяхъ рѣшено было расторгнуть, а наставниковъ, благословившихъ такіе браки извергнуть изъ сана. Собраніе это было очень шумно члены его не только перебранались, но и перадрались между собою: ужъ очень не хотѣлось безпоповщинскимъ духовнымъ отцамъ разставаться съ своими доходными должностями!

Одинъ раскольникъ Иванъ Кононовъ въ составленномъ имъ стихотвореніи, копію съ котораго намъ удалось получить, такъ описываетъ это собраніе.

„Старовѣрскій раздоръ“

„Наступилъ для безпоповцевъ тяжелый 1899-й годъ,
Въ хуторъ Николаевомъ ²⁾ развратился народъ,
Исключительно одни старовѣры,
Относительно своихъ обрядовъ и вѣры.
Появились у нихъ молодые букочеты ³⁾.
И стали вводить свои расчеты.
Какъ хищные волки,
Начали выдумывать свои уловки,
А нѣкоторые слѣпые поморцы ⁴⁾,
Какъ не смыслящія овцы,

¹⁾ Церковь постановила быть соборамъ епископовъ, а не казаковъ и мѣщанъ—простецовъ (9 пр. 6 всел. соб.). «Соборъ убо есть се,—читаемъ мы въ Вольдомъ Соборникѣ,—егда пять патріарховъ утвердятъ едину вѣру и едицо слово» (л. 332). На этомъ соборѣ „самочинномъ“ не было ни патріарховъ, ни епископовъ, ни пресвитеровъ—а были простые міряне!

²⁾ Хуторъ Николаевъ, Усть-Бѣло-Калитвенской станицы, Донецкаго округа.

³⁾ Т. е. умѣющіе читать: азъ, буки.

⁴⁾ Слепые поморцы—несмыслящіе въ свящ. Писаніи члены поморскаго согласія.

Пошли къ Василю Федоровичу спросить ¹⁾,
 Что можно-ли къ Ивану Андреевичу ²⁾ на покаяніе ходить.
 Ходить къ нему невозможно,
 Говорю справедливо, а не ложно;
 А кто дерзнетъ къ нему ходить,
 Тотъ себя и свою семью осквернитъ.
 Кромѣ того, отъ обители будетъ отлученъ
 И еретикомъ нареченъ.
 Люди испугались такой угрозы,
 И, какъ дикія козы,
 Стали другъ друга дичиться,
 Не знали, къ какому берегу прибѣгнуться.
 И по совѣту Василя Федоровича, намъ извѣстнаго лица,
 Избрали себѣ духовнаго отца
 Николая Иваныча Чернова ³⁾.
 Онъ пѣніе отвергалъ
 И собраніе на общую молитву сонмищемъ называлъ,
 Даже въ великій праздникъ «Воскресеніе»
 Не носилъ пасху на посвященіе.
 И вотъ нашлись такіе льстецы,
 Что избрали его въ духовные отцы.
 Признаться, съ давнихъ временъ въ поморцахъ идетъ раздоръ,
 По поводу этого былъ созванъ соборъ.
 Несмотря на то, что другимъ дальная была дорога,
 А народу на соборъ было много,
 Пожалуй, и сотни въ три не вберешь;
 И преимущественно самая молодежь,
 Они прибыли излить свои науки,
 Что могутъ отличить отъ аза буки.
 Туда прибыли и собиратели порока,
 Петръ Мануиловичъ и дѣдъ Сорока ⁴⁾.
 Они прибыли ранѣе всѣхъ на соборъ,
 И притащили съ собою разный вадоръ.
 Съ этими лицами достаточно только встрѣчи,
 Тогда не нужны вамъ и «*Донской Рѣчи*» ⁵⁾.

1) Василій Федоровичъ—молодой „букочетъ“, уважаемый старухами и стариками за то, что можетъ по солямъ пѣть и азбуку прочитывать.

2) Иванъ Андреевичъ—старикъ преклонныхъ лѣтъ.

3) Николай Ивановичъ Черновъ одинъ изъ поморскихъ стариковъ.

Примѣчаніе автора.

4) Петръ Мануиловичъ Братякинъ и Димитрій Васильевъ Сорокинъ. Ихъ удовольствіе—ходить по хуторамъ и узнавать, кто какой поступокъ сдѣлалъ.

Авторъ.

5) Мѣстная газета «Донская Рѣчь».

Авторъ.

Они честно выполняютъ свои уроки,
 Бесплатно сообщать вамъ, за кѣмъ какіе пороки
 По прибытіи въ хуторъ Титовъ,
 У нихъ и доносъ быть готовъ;
 На каждого духовнаго лица,
 Разставили дрязговъ и небылицъ не есть конца.
 Потомъ народы избрали предсѣдателя собора
 И подложили дѣла ему для разбора.
 Начался судъ по заслугамъ,
 Не пощадили ни брата, ни друга,
 Такъ, что ни одинъ не остался оправданнымъ духовный отецъ.
 И подходилъ сужденію конецъ.
 Въ концѣ концовъ оказалось,
 Что и до предсѣдателя дѣло добралось,
 И тѣмъ соборъ свой завершили,
 Что всѣхъ духовниковъ пострѣшили.
 Хорошаго ничего не принесъ этотъ соборъ,
 А болѣе усилилъ по хуторамъ раздоръ.
 Хотя тамъ и благомыслящіе старики были,
 Но на нихъ гордецы и вниманія не обратили.
 Даже и божественное Писаніе отвергали,
 А свое правило выставляли,
 Или каждый старался свое слово закономъ становить,
 Да бы неповиннаго человѣка обвинить.
 Это не соборъ былъ христіанскій,
 А похожій на нечестивый кагалъ армянскій».

Собраніе, какъ мы уже сказали, всѣхъ духовниковъ пострѣшило, но виновные и этому соборному опредѣленію не подчинились, а просили написать объ этомъ Петербургскимъ, Московскимъ и Тульскимъ наставникамъ, чтобы узнать ихъ мнѣніе по данному вопросу. Просьба ихъ была исполнена: наставникамъ написаны были письма. Содержаніе всѣхъ трехъ писемъ совершенно одинаковое. Посему приводимъ только первое.

Письмо Денису Васильевичу Батову.

Достопочтеннѣйшій о Христѣ отецъ Денисъ Васильевичъ!
 Съ горестію сердца описываемъ вамъ свое бѣдственное положе-
 ніе. Во-первыхъ, скажемъ вамъ о количествѣ нашихъ хуторовъ, при-
 надлежащихъ къ нашей Усть-Бѣло-Калитвенской станицѣ,—всѣхъ
 двадцать хуторовъ; изъ числа означенныхъ хуторовъ четыре хутора
 не имѣютъ жителей христіанъ, а во остальныхъ хуторахъ половин-
 ная часть нашихъ христіанъ поморскаго безпоповскаго согласія, а
 остальныхъ религіевъ не имѣется, кромѣ внѣ православныхъ (sic!)
 т. е. никоніанъ; и во всѣхъ остальныхъ хуторахъ имѣются духовные
 отцы, для исправленія духовныхъ требъ, и во главѣ всѣхъ этихъ

отцовъ стоитъ Емельянъ Никифоровъ Синевъ, мужъ по нашей мѣстности много ученый и ктому же краснорѣчивый, но несетъ корени христіанъ, а пришедшій къ намъ отъ отдаленной отъ насъ станицы. въроисповѣданія отъ родителей молоканъ 1). Проживая у насъ среди нашихъ протестантовъ христіанъ болѣе сорока лѣтъ, развилъ свои глубокія корни, вкрался въ наши протестантскіе народы, оказался великимъ знатокомъ и истолкователемъ св. Писанія и главнымъ начетчикомъ и разведентомъ писанія. И вотъ всѣ духовные отцы ка всякимъ недоумѣніемъ и разсужденіемъ обращаются къ нему, какъ тонко знающему и всюду бывалому человѣку, съ вопросами своими о всякомъ недоразумѣніи. Онъ же, какъ человѣкъ честолюбивый и самонадѣянный, разрѣшалъ всѣ предложенныя ему недоразумѣнія, если скажетъ, кому что неугодное и правилами недовольное: скажетъ, что этого нельзя сдѣлать, правило не велитъ, а *приписи ему полкаты водки и се разрышится*, находитъ правило и читаетъ, что можно сдѣлать, а тѣ протестантскіе народы и духовные отцы вполне вѣрятъ и дѣлаютъ, что онъ приказалъ. Хотя были и есть такіе отцы, что замѣчали его неправду, но противъ его краснорѣчія не могли выстоять. И вотъ по совѣту общему нашихъ христіанъ пригласили мы на бесѣду со вѣщими миссіонерами Уполномоченнаго отъ Саратовскаго общества начетчика Терентія Акимова Худотина, но не такъ онъ нуженъ намъ былъ къ бесѣдѣ, какъ нуженъ былъ умирить насъ между собою. И вотъ предлагали ему Терентію Акимовичу всѣ свои недоразумѣнія, между прочимъ предложили ему и о вкравшихся безпорядкахъ въ наши браки: безпорядки слѣдующіе: жена мужа своего *оставить безъ всякой законной причины* и выходить за другого мужа. Отцы же духовные, таковыя браки благословляли и нынѣ благословляютъ и все это дѣлаютъ по приказанію Синева. Онъ утверждаетъ, что правило Василія Великаго 9 и 35 разрѣшаютъ прогнать жену и другую взять. Когда Терентію Акимовичу предложена была нашихъ духовныхъ отцовъ ошибка и правило 9 и 35 прочитавъ, то онъ разъяснилъ, что толкованіе на правило 35 Василія Великаго, несогласно практикѣ Церкви и въ лицѣ его былъ поставленъ приговоръ. Въ первомъ пунктѣ приговора сказано, что таковыхъ духовныхъ отцовъ и брачующихся оставляемъ въ своей силѣ, на основаніи книги Кормчей лл. 580 и 592. *Но мы о такомъ приговорѣ слышася*, — и вотъ послѣ сего въ наступающемъ году въ февралѣ мѣсяцъ собрали нашъ мѣстный соборъ, на которомъ разъяснили, что почти каждый духовный отецъ совершалъ таковыя браки беззаконныя и всѣ духовные отцы ссылаются на Синева, что онъ

1) Синевъ, отбывая воинскую повинность на персидской границѣ, гдѣ онъ былъ писаремъ, познакомился съ молоканами и, увлекшись ихъ ученіемъ, по возвращеніи на родину началъ пропагандировать ученіе этой секты, за что и былъ приговоренъ властями къ ссылке въ Закавказье, но ему удалось избѣжать этой ссылки и ограничиться переходомъ въ болѣе отдаленную отъ своей станицы Усть-Бѣло-Калитвенскую, гдѣ онъ и поселился въ хуторѣ Свиначевѣ

имъ приказывалъ, иному письменно, другому словесно. *Соборъ, отъ и*
милъ его отецъ духовенства, хотя онъ и не былъ никѣмъ поставленъ, но
 самъ своимъ краснорѣчіемъ взошелъ на степенъ духовнаго отца, но
съ соборному отлученію не подчинится и самъ задать по худорамъ
 вызываетъ своихъ единомысленниковъ и принимаетъ ихъ на духъ.
 Просимъ васъ на это намъ отвѣтить, какъ поступать съ таковыми?
 Кромъ того у насъ есть старецъ духовный отецъ Захаръ Семеновъ
 Лазаревъ,—болѣе тридцати лѣтъ управляетъ моленною въ х. Сви
 наревомъ и таковыми браками не запачканы,—и вотъ на этомъ то
 соборѣ нечестивцы извержи изъ сана, т. е. духовенства; вина его
 была такова. Одинъ духовный отецъ просваталъ и отдалъ свою дочь
 замужъ, не зная, что у этого жениха, за котораго онъ отдалъ
 дочь, есть жена, которая оставила его и влочилась такъ. Бракъ
 этотъ совершилъ этотъ духовный отецъ, отецъ невесты, а потомъ
 узнавши, что у зятя есть еще жена, отобралъ отъ него свою дочь,
 зять обратился къ Лазареву съ жалобой. Лазаревъ же написалъ за
 писку тому духовному отцу, который совершилъ, а потомъ и развелъ
 бракъ, такого содержания: Вы знали какой тотъ человекъ, за кото
 раго дочь свою выдали, а сами не знали, на что поспѣшили выда
 вать, а если совершили бракъ, то знайте вы попради. Крестъ и
 Евангеліе, по моему слѣдуетъ отдать, пусть живетъ за мужемъ, съ
 нимъ же ты совокушишь, и вотъ въ слѣдствіе этой записки и за со
 вѣтъ отлученъ отъ отчества правиломъ 11-го собора Анкирскаго.
 А потому просимъ васъ, многоуважаемый сотрудникъ Денисъ Ва
 сильевичъ, разъясните намъ все вышенаписанное, что слѣдуетъ ли
 считать таковаго отлученнымъ или нѣтъ, такъ какъ этотъ старецъ
 кромъ ничѣмъ не подозрѣвается, и скажите о Синевѣ, что онъ гоже
 ли духовный отецъ, такъ какъ онъ самозванецъ и всѣмъ нашимъ
 винамъ виновникъ, и что можно ли принимать двухтѣлесниковъ
 (т. е. имѣющихъ по двѣ жены), а у насъ ихъ много. И вотъ еще у
 насъ вшесть порядковъ: когда бывають у насъ зарученія жениха и
 невесты, то отцы духовные благословляютъ иконами или что поють,
 а потомъ сваты какъ-нибудь не поладятъ, расходятся и съ другими
 второй разъ дѣлають обрученіе, даже и трижды бывають, отцы ду
 ховные тамъ присутствуютъ, скажите, есть ли какое наказаніе
 за это?»

А. Пятибратовъ (Сочинитель этого письма).

Это письмо равно какъ и письмо въ Петербургъ и Москву
 были посланы не по почтѣ, а отвезены лично довѣренными
 отъ Свинаревскихъ раскольниковъ. Съ ними же были по
 лучены и отвѣты изъ Москвы, Петербурга и Тулы. Приве
 демъ копию съ подлинниковъ этихъ писемъ.

Отвѣтное письмо Батова.

Боголюбезные христіане!

Въ благодати спасительнаго благовѣрія Иисуса Христа Собозна
 чальнаго и Единосушнаго Сына Божія утвержденія, въ благочестіи

и прочихъ дарованіяхъ Св. Духа преспѣванія и добраго здоровья отъ души вамъ желаю и низжайше кланяюсь. При семь извѣщаю, что 1-го декабря прибывшіе ко мнѣ лично христіане казаки Александръ Ивановъ Пятибратовъ и Петръ Мануиловъ Братякинъ за явили вопросы о допущенныхъ въ ихъ мѣстности бракосочетаніяхъ при жнани первосочетанныхъ супруговъ. Такія бракосочетанія, какъ явно противныя божественному Евангелію (Мате. въ зач. 13, 78. Мрк. зач. 43 и Лук. въ зач. 82), не могутъ быть терпимы и повинны расторженію и направленію епитиміи прелюбодѣвъ. И если прелюбодѣвное сожитіе произвело дѣтей, то производители могутъ быть приняты тогда только, когда дадутъ обѣщаніе жить безъ супружескаго сожитія. Всѣ способники незаконнымъ сочетаніямъ повинны исправленію епитиміи, а безъ исправленія епитиміей, не должны допускаться на общеніе въ молитвѣ. Сами же *слѣпководцы* скрѣпители прелюбодѣйныхъ сопряженій, нарицательные настоятели, *повинны изверженію*, по подобію обуявшей соли и по заповѣди Христа законсѣавца (Мат. въ зач. 10).

Настоятель христіанъ г. Тулы *Денисъ Васильевъ Батовъ*.

Московскій настоятель Иванъ Зыковъ отвѣтилъ:

„Сіи вышеизложенные вопросы и указанная въ нихъ дѣйствія къ крайнему моему сожалѣнію весьма неправильны, и дѣйствующія тѣ лица несогласно поступили съ закономъ содержанія Христовой Церкви; законъ и дѣйствіе порядка о такихъ предметахъ изложенъ въ книгѣ Кормчей въ 51-й главѣ и прочее, каковой и нужно соблюдать и имъ руководиться. Такъ какъ мною было прочитано вышеизложенные вопросительные пункты два раза и, разсмотрѣя ихъ, пришолъ я къ убѣжденію и къ сожалѣнію тѣхъ лицъ, которые такъ смѣло дѣйствовали вопреки указанному порядку въ книгѣ Кормчей и что подтверждаю своею подписью. Смиранный Иванъ Ивановъ Зыковъ. 30 ноября 1889 года. Москва“.

Петербургскіе наставники отвѣтили такъ:

„Прибывшіе съ Дону въ г. С.-Петербургъ уполномоченные отъ старообрядцевъ безпоповцевъ поморскаго согласія, Усть-Вѣло-Калитвенской станицы, казаки: Петръ Мануиловъ и Александръ Ивановъ Пятибратовъ, которые представили намъ старообрядцамъ, жителямъ столицы, составленные на бумагѣ вопросы о нуждахъ своихъ съ подробнымъ изложеніемъ о религіозномъ послѣдованіи ихъ Донскихъ жителей, какъ ими выражено на бумагѣ, а именно: 1) «Мы Донскіе старообрядцы безпоповцы поморскаго согласія вѣру православную исповѣдуемъ и церковные обряды содержимъ по книгамъ старопечатнымъ, таинства св. крещенія и покаянія дѣйствуется духовнымъ отцомъ простолюдинамъ, тайна брака дѣйствуется съ согласія же-

1) По всей вѣроятности, петербургскимъ наставникамъ поданы еще другіе вопросы, но мы ихъ къ сожалѣнію не имѣемъ.

ниха и невѣсты по благословенію родителей съ участіемъ духовнаго отца, при свидѣтеляхъ. Дѣйствія таинствъ приедемъ за святое и спасительное». Мы старообрядцы, жители г. С.-Петербурга сего числа *соборнѣ* изъ членовъ попечителей молитвеннаго дома и подъ предсѣдательствомъ духовныхъ отцовъ, разсмотрѣвъ изложенныя въ грамотѣ Донскихъ жителей вопросы отвѣтствуемъ отъ божественнаго Писанія слѣдующее: какъ видно въ вопросахъ №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 9, 10, 12 и 18, что составившіе незаконные браки духовные отцы: Емельянъ Никифоровъ Синевъ, Григорій Ивановъ Давыдовъ, Семень Ивановъ Ивановъ, Іосифъ Панкратьевъ Писаревъ, Димитрій Андреевъ Фатѣевъ, Андрей Ѳедоровъ Котовъ и Иванъ Андреевъ Кононовъ, на основаніи св. Евангелія отъ Маттея зач. 13 и 87, отъ Луки 82 отъ Марка 43 и 44; книга Кормчая: св. апостоль пр. 48, 6 вселенскаго собора пр. 87, Василия Великаго пр. 9, 35. 48 и 77, Карфагенскаго собора пр. 102 *подлежатъ конечному изверженію*, а если кто изъ таковыхъ лицъ не подчинится правиламъ вышеуказаннымъ, то на таковыхъ лежитъ св. апостоль правило 28, а составленные имъ незаконные браки подлежатъ расторженію, аще и дѣти родили бы, Кормч. л. 560. На вопросы 8 и 10, не духовныя лица, совершившія безъ духовныхъ отцовъ незаконные браки, подлежатъ отлученію отъ Церкви подъ епитиміей и должны на общей молитвѣ безъ участія чтенія и пѣнія стоять, пока расторгнутся любодѣйные браки. На вопросы 13 и 15. Въ случаѣ изъ супруговъ одно лицо уклонится въ никоніанство, то оставшееся лицо въ христіанствѣ можетъ вступить въ бракъ съ другимъ лицомъ по убѣжденію совѣсти, за нужный случай, хотя на это и нѣтъ правилъ въ священномъ Писаніи, но по обстоятельству времени и безначалія, слѣдовательно и сочетавшіе таковыя браки духовные отцы не осуждаются. На вопросъ 14, А. Ст. Лаврухинъ, взявшій пущеницу, и былъ прежде женатъ въ никоніанствѣ, званія духовнаго отца, конечно, извергается, а бракъ его подлежитъ расторженію. На 16 вопросъ всѣ дѣлавшіе со священными молитвами и цѣлованіемъ креста обрученія, а потомъ безъ всякой законной причины разошлись и вышли невѣсты въ замужество за другихъ лицъ, а женихи такъ же женились на другихъ, таковыя подлежатъ грѣху любодѣянія и по 11 прав. Анкирскаго собора и по толкованію Зонары, Аристіна и Вальсамона въ книгѣ правилъ св. апостоль и св. Отецъ и всѣ бывшіе на таковыхъ зарученіяхъ подлежатъ епитиміи, а духовные отцы Никаноръ Семеновичъ Керенцовъ, Андрей Ѳедоровъ Котовъ и Иванъ Ивановъ Назаровъ подлежатъ изверженію. На 17 вопросъ, возведенныя лица въ званіе духовнаго отца, каковыя раньше сего участвовали съ духовными отцами, какъ чтецы и пѣвцы въ совершеніи незаконныхъ браковъ, не подлежатъ винѣ изверженія изъ званія духовнаго отца. На 18 вопросъ. Сочетавшіе въ родствѣ бракъ въ 6 степени подлежатъ изверженію, а бракъ расторженію, на основаніи кн. Кормчей листъ 560. На 19 вопросъ. Родные дядя съ племянникомъ взяли себѣ въ супружество чужихъ между собою, послѣ же смерти ихъ мужей, онѣ обѣ вышли 2-мъ бракомъ въ замужество за родныхъ братьевъ по плоти, таковыя супружества не имѣютъ

родства. На 20 вопросъ. Двоюродныя за родныхъ не вступаютъ въ супружество. На 21 вопросъ крестныя сестры могутъ быть въ супружествѣ за родными по плоти братьями. На 22 вопросъ. Ѳеодоръ Филипповичъ Павловъ отступалъ отъ вѣры и поступалъ въ сектанты, по возвращеніи же въ христіанство духовнымъ отцомъ быть не можетъ. На 23 вопросъ. Аще возбранить кто собранію вѣрныхъ, на такового лежитъ правило 86-е вселенскаго собора и 6-е правило 7 вселенск. собора; такъ какъ и Иванъ Аванасьевъ Лебедевъ воспрепятствовали бытъ собору, подлежатъ винѣ изверженія. На 24 вопросъ. Если виновные не подчинятся указаннымъ правиламъ и со еретическими не считаютъ за грѣхъ яденіе и питіе, какъ видно изъ вопросовъ, то лучше и спасительнѣе отъ такихъ отступить. На 25 вопросъ. *Терентія Акимовича Худошина постыжовленіе приговора*, чтобы оставить духовныхъ отцовъ безъ изверженія на своихъ мѣстахъ, а браки не расторгнутыми, какъ несогласное Писанію и св. правилъ, *мы признаемъ незаконнымъ*. На 26 вопросъ, 35 и 9 пр. св. Василія Великаго объясняется въ книгѣ правилъ св. апостоль и св. толкованіемъ Зонары, Аристина и Вальсамона и другихъ боголюбивыхъ отецъ, не повелѣвается безъ нужды оставлять жену или мужа и выдти за другого; а по невѣдѣнію сдѣлавшіе браки незаконные обвиняются правиломъ 27 Василія Великаго и толкованіемъ Зонары, Вальсамона и Аристина въ книгѣ правилъ. На 4 вопросъ. Захарій Семеновичъ Лазаревъ за совѣтъ на письмѣ не расторгать беззаконнаго брака, которымъ онъ относился къ Гр. Ив. Давыдову, подлежитъ винѣ изверженія изъ званія духовнаго отца. Составленный приговоръ 23 ноября 1897 года Синевымъ и Лебедевымъ о томъ, чтобы никонскіе четіи-миней читать въ поученіяхъ, на богослуженіяхъ, безъ сомнѣнія, такое понятіе и дѣйствіе отнюдь несогласны съ божественнымъ Писаніемъ ¹⁾.

Ноября 27 дня 1899 года городъ С.-Петербургъ.

Отзывъ сей на вопросы, вышеупомянутые старообрядцами Донской области, мы единовѣрные съ ними старообрядцы безпоповцы поморскаго согласія, жители станицы, удостовѣряемъ во имя истиннаго Бога сіе нашимъ подписомъ: (слѣдуетъ собственноручная подпись). Города Александрова, Владимірской губерніи и Петербурга духовный отецъ Дмитрій Ѳеодоровъ Егоровъ. Московскаго христіанскаго поморскаго законнобрачнаго общества молитвеннаго дома наслѣдниковъ Любушкина настоятель И. М. Горбуновъ. Уполномоченный петербургскаго общества Петръ Аванасьевъ Степанинъ, правящій дѣло духовнаго отца въ посадѣ Сольцахъ, Псковской

¹⁾ Четіи-Миней раскольники запрещаютъ читать потому, что они составлены Димитріемъ Ростовскимъ, и имя Іисусъ въ нихъ написано съ двумя ижами.

губерніи, Алексѣй Ѳеодоровъ Русовъ, помощникъ отца духовнаго Евтихій Тихоновичъ Кашполкинъ, Воронежской губерніи, того же уѣзда, Можайской волости, села Краснаго Лога.

Внизу подписей приложенъ штемпель: общественная моленная христіанъ поморскаго согласія. Лиговка, д. № 73, С.-Петербургъ.

Духовные отцы, приговоренные къ изверженію, кромѣ Захара Лазарева, всѣ состоятъ на своихъ мѣстахъ и никакому суду не хотять повиноваться; разсуждая, хотя моль и столичные наставники, но все же такіе же простецы, какъ и мы, а правила, указанная ими, относятся не къ намъ, а къ священникамъ; а мы простецы, на насъ правилъ нѣтъ“. Болѣе же благомыслящіе говорятъ такъ: „мы хотя и по правиламъ сдѣлаемъ, все же будетъ незаконно, ибо мы не имѣемъ права вѣнчать, это дѣло священниковъ, а не наше“. Браки, приговоренные къ расторженію тоже остались нерасторгнутыми. Словомъ, соборному постановленію петербуржцевъ никто не хочеть повиноваться. Интересно, какъ бы посмотрѣлъ Худощинъ на петербургскихъ наставниковъ, признавшихъ его приговоръ незаконнымъ.

Свящ. *Евграфъ Овсянниковъ.*

Изъ миссіонерскихъ писемъ, дневниковъ и лѣтописей.

Вопросы религіи въ обезужденіи передовыхъ людей ¹⁾).

Николай Андреевичъ на минуту задумался. Затѣмъ, ни къ кому лично не обращаясь, сталъ развивать свои мысли.

— Ваша теорія о жизни,—началь онъ,—созданная вами на умственныхъ счетахъ, благодаря вліянію на васъ ученія гр. Толстого, а также вліянію умственного движенія интеллигенціи въ Россіи за вторую половину прошлаго столѣтія,—теорія, называемая вами христіанскимъ прогрессомъ, по существу эгоистична и даже безжалостна и, слѣдовательно, она ни въ коемъ случаѣ не можетъ принадлежать къ ученію христіанскому.

Простите, я, конечно, не относительно вашихъ сердечныхъ чувствъ и наклонностей это говорю, я только рассматриваю вашу теорію и дѣлаю свою критическую оцѣнку. Я не обхожу и самыхъ существенныхъ сторонъ вашей теоріи—альтруизма, гуманности, любви,—все это, безспорно, христіанскія черты, хотя больше такихъ чертъ существуетъ пока въ вашемъ воображеніи, въ идеалѣ, а не въ дѣйствительности. Вы скажете, что ни вы, ни Т—й не отрицаете идеаловъ жизни, а только не поситесь съ ними въ облакахъ, но вѣрите въ реальное ихъ осуществленіе людьми, разъ проповѣдуете о водвореніи царства Божія на землѣ. Согласенъ, но вѣдь проповѣдывать и вѣрить въ осуществленіе идеала недостаточно.

Страданія, какъ и зло, почти не касаются вашей радужной теоріи о жизни. А между тѣмъ въ христіанствѣ они занимаютъ центральное мѣсто. Кромѣ того, Т—й, повидимому, смѣшиваетъ страданія со зломъ, что ужъ совсѣмъ

1) См. „Мисс. Обзор“. 1902 г., м. мартъ, стр. 503—516.

не вяжется съ христіанской теологіей, что не оправдывается и идеей прогресса. Прежде всего, развѣ не чрезъ страданія совершались побѣды христіанства надъ міромъ? „Царство небесное нудится“, возвѣстилъ Христосъ людямъ. Иначе сказать, борьба со всѣми видами зла возможна лишь при условіяхъ страданій, лишеній, тяготы и проч., и всѣ тѣ, кто шель этимъ тернистымъ путемъ, несомнѣнно, ближе стояли и стоятъ къ христіанству, чѣмъ работающіе мамонѣ и страстямъ. Такъ говоритъ разумное сознаніе, подсказываетъ наша совѣсть, которая, наоборотъ, обличаетъ за малодушіе, — подтверждаетъ и чувство. Не потому ли для насъ такъ симпатиченъ, кажется, образъ умирающаго Сократа. И дѣйствительно, какимъ величіемъ окруженъ онъ въ предсмертныя минуты! Онъ, можно сказать, прототипъ христіанскихъ мучениковъ. Его страданія краснорѣчивѣе всякихъ философскихъ доказательствъ убѣждаютъ každого, какъ дорога была истина древнему мудрецу, за которую онъ смерть понесъ. А плачущіе друзья Сократа, какъ понятны они намъ съ своимъ горемъ! Какъ вообще трогательна вся эта сцена разставанія съ великимъ человѣкомъ!

Что касается еврейскаго народа, то здѣсь страданія за идею, за убѣжденія отличаются большею ясностью, большею опредѣленностью. Вожди этого народа — пророки (устаами которыхъ говорилъ самъ Богъ) всѣ прошли скорбный путь, и многіе изъ нихъ запечатлѣли истину смертью, работая о правдѣ Божіей и охраняя оплотъ народныхъ вѣрованій.

Итакъ, если въ древнемъ мірѣ умѣли жить и умирать съ честью, достойною человѣка въ полномъ смыслѣ этого слова, если тамъ одни только за преддверіе истины (какъ Сократъ), преодолевая „страхъ смерти“, жертвовали жизнью, если другіе только съ надеждой на „Утѣху Израиля“ подвергались безтрепетно мученіямъ, то въ исторіи христіанства, съ пришествіемъ Того, Кто говорилъ о Себѣ: „Я есмь путь и истина“, примѣровъ подобнаго рода было безчисленное множество; причемъ, если тамъ умирали безбоязненно, то здѣсь шли на смерть съ радостью и среди пламени воспѣвали хвалебныя псалмы Христу. Христіанство, давшее совершенно новое направленіе въ жизни, облегчило страданія *благодатью*; среди христіанскихъ народовъ явились и новые идеалы, требовавшіе жертвъ *осмысленныхъ*, жертвъ какъ *дома*, жертвъ по *любви* къ Богу и ближнему. И вотъ,

принимая этотъ фактъ, какъ можно не принять, что всѣ эти мученики и разнаго рода борцы положительнымъ или отрицательнымъ путемъ служили прогрессу, двигали жизнь впередъ!

— Да, служили и двигали жизнь впередъ, — отвѣчалъ докторъ, — но вѣдь жизнь двигалась впередъ не для того, чтобы увеличивались страданія, а для того, чтобы ихъ не было. Въ этомъ и состоитъ идея всякаго прогресса, которую мы стараемся защитить, и въ такомъ пониманіи жизни насъ убѣждали факты дѣйствительной жизни и факты историческіе, ясно показывающіе, что, по мѣрѣ нравственно-духовной зрѣлости человѣчества, страданія должны ослабѣвать и, наконецъ, совсѣмъ потерять силу. Во всякомъ случаѣ, настоящія наши страданія не могутъ даже быть и сравниваемы съ страданіемъ древняго человѣчества.

— Нѣтъ, — началъ снова Николай Андреевичъ, — не всякая прогрессивная идея ставить главною цѣлью уничтоженіе страданій на землѣ. Задачи прогресса по смыслу гораздо шире, чѣмъ уничтоженіе страданій. Объ уничтоженіи же страданій, какъ цѣли жизни, ясно учить лишь религія буддизма, и также ясно высказывается о томъ гр. Толстой. По крайней мѣрѣ этотъ вопросъ у него полнѣе и обстоятельнѣе разрабатанъ, чѣмъ остальные нравственно-богословскіе его трактаты о „смыслѣ жизни“. Разумѣется, ничего нельзя возразить противъ благодушныхъ желаній графа о мирномъ безболѣзненномъ нашемъ житіи. (О мирѣ и безболѣзненной кончинѣ человѣка и Церковь молится).

Въ томъ же случаѣ, когда страданія бываютъ съ нами или вслѣдствіе порока, вслѣдствіе особой грѣховной привычки, или же вслѣдствіе изнѣженности и крайней бездѣятельности, Т—го даже должно благодарить, если онъ для излѣченія нашего недуга предложитъ рядъ цѣлесообразныхъ упражненій, имѣющихъ благотворное дѣйствіе на насъ.

Но вообще избѣгнуть страданій, по свидѣтельству жизни, невозможно, хотя сколько угодно можно мечтать объ этомъ. Утверждать, что страданія зло, что они бессмыслица, по меньшей мѣрѣ неосновательно, такъ какъ страданія въ цѣляхъ нравственныхъ являются иногда могучимъ двигателемъ и самаго прогресса. Страданія для дѣятеля, ведущаго борьбу со зломъ, несомнѣнно полезны, а, значить, полезны и для

общаго блага. Я не отрицаю, что жить спокойно, безъ тревоженій это завѣтная общечеловѣческая мечта, но мечта подчасъ вредная,—это дѣтище эгоизма. Дѣло въ томъ, чтобы избѣгнуть страданій и чтобы не причинять себѣ лишнихъ хлопотъ въ жизни, мы не прочь иногда идти на компромиссъ съ своею совѣстью; мы стараемся всячески угодить, польстить тому, кто можетъ насъ ввергнуть въ эти страданія, въ это безпокойство, мы лжемъ, мы клеветаемъ другъ на друга, чтобы не быть оклеветанными и не уронить себя въ глазахъ общественнаго мнѣнія, которое мы опять поддерживаемъ чрезъ ту же ложь и клевету.

У насъ по части спокойствія составлена даже цѣлая теорія, называемая теоріей приспособленія, или что то же выживание наиспособнѣйшихъ, выживание посредствомъ плутней, хитрости и, наконецъ, просто по праву сильнаго.

Какъ видите, теорія эта крайне эгоистична и еслибы она дѣйствительно была закономъ жизни и обезпечивала бы намъ наше счастье, то, вѣроятно, она была бы одной изъ самыхъ живучихъ теорій на свѣтѣ, потому что болѣе подходитъ къ нашимъ вкусамъ.

Между тѣмъ, къ нашему огорченію, или, лучше сказать, къ нашему истинному счастью, рекомендуемая теорія не только не облегчила человѣческихъ страданій, но съ проведеніемъ ея въ жизнь еще болѣе увеличила таковыя, почему въ концѣ концовъ она и была отвергнута многими, какъ теорія безнравственная.

Положимъ, теорія Т—го „о жизни“ въ основѣ своей выше этой послѣдней, [разъ въ ней проповѣдуются жалости, объ альтруизмѣ, о любви и т. под., но цѣль ея однако очень узка, она состоитъ пока въ уничтоженіи страданій на землѣ; громкія фразы о водвореніи царства Божія совершенно непонятны, по крайней мѣрѣ какъ съ точки зрѣнія человѣка, вѣрующаго въ Богооткровенную религію, мысль о безмятежной спокойной жизни, хотя бы съ правильнымъ въ гигиеническомъ отношеніи физическимъ трудомъ и въ общеніи съ людьми и животными,—такая мысль недалеко отъ эгоизма, и недостойна любящаго существа. Но главное, всѣ эти мысли и желанія о счастіи, съ вѣрою въ безусловный нравственный прогрессъ, ведутъ подобныхъ мыслителей къ ослѣпленію, къ ложнымъ взглядамъ на дѣйствительную жизнь. Это по-

лучается какъ-то невольно. Стоитъ только вообразить себѣ, что мы естественнымъ ходомъ прогресса идемъ къ улучшенію въ жизни, что сумма человѣческихъ страданій уменьшается, а съ ними и борьба, счастье же, наоборотъ, увеличивается, и вотъ мы изъ друзей человѣчества незамѣтно для себя дѣлаемся врагами послѣднему.

Да, мы враги человѣчеству, враги и себѣ. Мы тормозимъ прогрессъ. Насъ соблазняютъ страданія, мы бѣжимъ ихъ. Правда, страданія для насъ тяжелы, они мѣшаютъ намъ счастливо жить. Но мы забываемъ, что многія страданія и открывали намъ путь къ счастію; мы раньше находили въ нихъ глубокой смыслъ. Такъ при видѣ страданій нашихъ ближнихъ мы дѣлались сами сострадательными, мы воспитывали въ себѣ хорошія гуманныя чувства; изъ равнодушныхъ, бездѣятельныхъ мы становились энергичными, подвижными.

Мы не ограничивались охами да вздохами тамъ, гдѣ требовалось наше участіе, наша помощь; а если страданія являлись съ нами, какъ слѣдствіе нашего порока, мы каялись, мы давали обѣщанія оставить свои грѣховныя привычки,—однимъ словомъ, мы видоизмѣняли всю свою жизнь, чтобы оправдать имя дѣятельнаго христіанина. Вотъ почему страданія одними принимались какъ средства наказанія, другими какъ предупрежденія отъ ошибокъ, третьими какъ испытанія и какъ средства развитія и укрѣпленія въ себѣ добрыхъ началъ, четвертыми какъ поле борьбы, поэтому страданія не считались зломъ, а ближайшею цѣлью къ добру. По словамъ Ар. Сабатье, „страданіе—это полезный предвѣстникъ, вѣрный стражъ, предохранитель отъ зла; оно служитъ защитой нравственнаго блага и гарантіей прогресса. Эта рука руководится любовью, хотя иногда пожатіе ея бываетъ и болѣзненно, потому что она хочетъ, несмотря ни на какія сопротивленія, вывести заблудшаго на добрый путь и съ силой удержать на краю пропасти. Мнѣ возражать, продолжаетъ Ар. Сабатье, что страданіе часто приводитъ человѣка ко злу и что оно рождастъ въ немъ чувства зависти, ненависти, недовольства. Согласенъ. Но я спрошу въ свою очередь, какой изъ божественныхъ даровъ не сдѣлался въ рукахъ человѣка причиной его нравственной слабости и порочности? И я спрошу еще,—эти озлобленныя

и падшія натуры вслѣдствіе страданія не дошли ли бы еще до большаго паденія, если бы были окружены безоблачнымъ счастіемъ и непрерывной радостью? Я представляю эту задачу вашему рѣшенію, только мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы ее изслѣдовали серьезно, или заглянувъ въ себя самихъ. или посмотрѣвъ вокругъ себя, опредѣлили, гдѣ находится больше нравственныхъ качествъ, доброты, дружбы, самоотреченія, самопожертвованія? Въ той-ли средѣ, гдѣ царствуетъ изобиліе, здоровье, процвѣтаніе, радость, и гдѣ незнакомы еще съ ядовитымъ жаломъ страданія, или въ той, которую посѣтили испытанія, бѣдность, болѣзни, смерть. Когда вы окончите ваше изслѣдованіе, я знаю, что вы мнѣ отвѣтите“¹⁾).

Такъ, оказывается, рѣшается вопросъ о страданіяхъ и съ точки зрѣнія религіи, и съ точки зрѣнія христіанской морали, и, наконецъ, съ точки зрѣнія прогресса и эволюціи. И всѣ эти рѣшенія, собственно говоря, приводятся къ одному знаменателю, что жизнь есть непрерывная борьба, подобно борьбѣ пловцовъ на морѣ со стихіями и подводными препятствіями. И какъ пловецъ радуется, когда достигнетъ спасительной пристани, такая же радость объемлетъ сердце человѣка, пришедшаго чрезъ страданія къ покою.

Въ этомъ отношеніи страданія для многихъ служатъ источникомъ ихъ нравственнаго возрожденія. Обрѣтшіи истину путемъ долгихъ страданій ни за какія сокровища въ жизни, ни даже подъ страхомъ смерти не согласится снова потерять ее. Достаточно указать на ап. Павла или на бл. Августина, чтобы видѣть, какою цѣною была куплена ими истина. Достаточно привести примѣры изъ жизни ученыхъ людей, чтобы самимъ по достоинству оцѣнить ихъ трудъ и, наконецъ, указать на простыхъ вѣрующихъ людей, которые даже на самую смерть взираютъ, какъ на переходную ступень къ новой и безконечно полной жизни — жизни вѣчной.

Приведя всѣ эти данныя, я нахожу, что нѣтъ смысла бояться страданій и роптать на нихъ, въ особенности страданій, посылаемыхъ на насъ всеблагимъ Богомъ, какъ

¹⁾ Ар. Сабатье. „Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма“, стр. 128—131.

средствъ воспитательныхъ для нашей пользы. Напротивъ, христiанинъ такія страданія долженъ принимать, какъ даръ, вмѣстѣ съ другими дарами отъ Щедродателя, по волѣ Котораго мы „движемся и существуемъ“. Однако, намъ говорить, что страданія не только не есть даръ, но зло, или по крайней мѣрѣ излишнее и бесполезное осложненіе въ жизни и, какъ таковое, вмѣстѣ съ другими бесполезными осложненіями, по закону прогресса, подлежатъ коренному уничтоженію, атрофированію. [На чемъ, спрашивается, зиждится такое мнѣнію у защитниковъ розовыхъ возрѣній на жизнь! У Т—го, напримѣръ, ни на чемъ больше, какъ на желаніи убѣдить себя и другихъ, что жизнь очень хороша. „Я понималъ, говоритъ онъ, что для того, чтобы понять смыслъ жизни, надо прежде всего, чтобы жизнь не была бессмысленна и зла; затѣмъ, чтобы добро въ ней преобладало надъ „кажущимся зломъ“; чтобы, далѣе, послѣдовательныя равномѣрныя ступени прогресса, по равнодѣйствующей величеловѣчество на вершину своей славы—къ мѣсту сладкаго успокоенія, гдѣ ужъ, разумѣется, нѣтъ мѣста страданіямъ“.

Люди вообще никогда не были злы, думаетъ Т—й; богословская теорія о влеченіи челоуѣка ко злу, вслѣдствіе грѣхопаденія, [какъ доказательство или оправданіе догмата искупленія, есть, по мнѣнію Т—го, одна изъ вредныхъ теорій ¹⁾]. Человѣчество не нуждается въ искупленіи, такъ какъ природѣ челоуѣка больше приличествуетъ добро или любовь, которая, изволите видѣть, „сама собою проявляется“, лишь бы мы только „не препятствовали ея проявленію“.

Вотъ почему Т—й защитѣ этого прирожденнаго добра въ челоуѣкѣ удѣляетъ особое вниманіе во всѣхъ своихъ статьяхъ по нравственнымъ вопросамъ. Такъ въ статьѣ „Въ чемъ моя вѣра“ онъ, говоря о вѣчности нравственнаго закона, какъ нормы добра, отрицаетъ на основаніи сего единственнаго закона всѣ остальные законы челоуѣческіе, защищающіе жизнь и спокойствіе гражданъ,—законы, не только якобы не имѣющіе никакого отношенія къ „Закону Божьему““

¹⁾ О вредности догмата искупленія Т—й писалъ своимъ „друзьямъ“ а границу. Письмо его было напечатано въ журн. „Своб. Сл.“, издаваемомъ самими же „друзьями“.

но во всемъ противорѣчащiе послѣднему, какъ законы „насилiя“, законы, создавшiе тюрьмы, войска, суды и проч.

Не съ этой ли анархической идеи, говорилъ Николай Андреевичъ, и начинается пунктъ вашего ослѣпленiя и извращенiя вами фактовъ человѣческой жизни. По моему такъ. По моему слѣдовало сначала построить теорiю о жизни, а потомъ ужъ отрицать существующiй строй ея. Но такъ какъ въ теорiи Т—го „о жизни“ затрогивались еще вопросы религiи, то приходилось, кромѣ того, отрицать и то, что религiей признается,—отрицать вопросъ о злѣ, благодаря которому (какъ учитъ религiя) и появились данныя ненормальныя явленiя въ жизни, въ родѣ тюремъ, войнъ и судовъ. Приходилось, слѣдовательно, прямо начинать съ абсолютовъ и доказывать, что жизнь безусловно хороша, что человѣкъ по природѣ своей доброе существо, что онъ собственными силами и дѣятельностью своего разума (безъ помощи благодати) можетъ усовершенствоваться, любить и проч. Однако, кто не согласится съ нами, что абсолюты одни лишь слова, не имѣющiя за собою никакой нравственной опоры, и что этотъ крайнiй оптимизмъ положительно затмѣняетъ трезвое (реальное) отношенiе къ жизни,—заставляетъ забывать всѣ ея несовершенства.

Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать въ этомъ случаѣ тѣмъ восторженнымъ почитателямъ Т—го, которые привыкли ему вѣрить на слово? Какъ примирить имъ свои добрыя чувства, при видѣ столь ужасныхъ человѣческихъ бѣдствiй, которыя (бѣдствiя) сопровождали и сопровождаютъ человека во все его историческое существованiе, включая сюда и наше прогрессивное время?

И въ настоящее время все разнообразiе человѣческихъ недуговъ, начиная съ нравственныхъ и кончая грубымъ физическимъ насилiемъ,—все это у насъ имѣется, все это волнуетъ и беспокоитъ чуткое, отзывчивое сердце, наиболѣе же сердце любящаго христiанина. Возьмите хотя бы самоубiйство, развѣ это не страшный недугъ, не болѣзнь нашего времени? Самоубiйства не есть единичное явленiе и не исключенiе изъ общаго правила: они совершаются каждый день въ разныхъ уголкахъ страны и преимущественно среди разнообразныхъ лицъ; они, главное, своимъ гибельнымъ ядомъ заражаютъ людей и дѣйствуютъ, какъ эпидемiя!

Ну, а такія картины, какъ пьянство, развратъ, сифились, больницы, тюрьмы, „вооруженный міръ“ и усовершенствованіе смертоносныхъ орудій о чемъ вѣщаютъ? Собственно говоря, нельзя ли изъ перечисленныхъ сейчасъ нами болѣзней во многомъ поставить виновницей ту же цивилизацію. Она насъ познакомила съ болѣзнями особаго характера и силы, съ болѣзнями сложными, о которыхъ некультурные народы и понятія не имѣли.

Итакъ, вотъ съ какими печальными явленіями приходится встрѣчаться въ наше время и, конечно, было бы большой ошибкой со стороны моралиста, такъ много разсуждающаго о добрѣ и радостяхъ жизни, не замѣчать этихъ печальныхъ явленій и не видѣть темныхъ пятенъ на жизни.

Конечно, гр. Т—й замѣчаетъ эти темныя пятна; но интересно, какъ онъ ихъ истолковываетъ согласно со своей доктриной.

Я нахожу, что отвѣты Т—го въ данномъ случаѣ очень нерѣшительны, сбивчивы, а главное всѣ они, если хотите, невысокой нравственной пробы.

Смотря на зло въ мірѣ и, въ частности, на злыхъ людей, Т—й покидаетъ иногда свою оптимистическую точку зрѣнія и впадаетъ въ другую крайность—фатализмъ. Онъ думаетъ, что одному человѣку свойственно быть хорошимъ, а другому дурнымъ; таковъ ужъ виденъ законъ судебъ, съ которымъ трудно воевать. Но нужно признать, что если существуютъ злые люди въ силу необходимости, то вѣдь они всегда должны тормозить счастье человѣческой жизни, котораго мы такъ усиленно ищемъ, и препятствовать мирному нашему развитію.

Т—й, повидимому, и самъ сознаетъ всю опрометчивость подобнаго поверхностнаго рѣшенія вопроса о злѣ (тѣмъ болѣе, что ему очень бы не желалось повергать въ уныніе своихъ поклонниковъ). Что-жъ остается дѣлать? Ничего лучшаго не придумаешь, какъ примкнуть къ мнѣнію тѣхъ прогрессистовъ, которые несовершенство въ жизни и уклоненіе человѣка отъ идеаловъ добра приписываютъ, во-первыхъ, несовершенству развитія общественнаго самосознанія (зависящему отчасти и отъ космическихъ процессовъ), во-вторыхъ, отъ недостатка вѣры въ собственныя силы, отъ упадка духа и даже просто отъ случайности. А потому „ему“

(человѣку) надо понять, говорить Т—й, что у него есть крылья (или влеченіе къ добру), поднимающія его надъ бездною, что если бы не было этихъ крыльевъ, онъ никогда не поднимался бы въ высоту и не видалъ бы бездны. Ему надо *повѣрить въ свои крылья и летѣть туда, куда они влекутъ его*. Только отъ недостатка вѣры и происходятъ *кажушіяся* странными сначала явленія—*колебаніе истинной жизни, осинки ея* и раздвоенія сознанія“. (Л. Толстой „О жизни“).

Когда же Т—му возражаютъ, что если такъ легко бороться съ „кажущимся“ зломъ, или, какъ онъ говоритъ, съ „животною личностію“, то почему же однако до сихъ поръ люди не додумались до этой счастливой мысли, почему, повѣривъ въ данное имъ природой добро, не перемѣнили свою грѣховную жизнь на разумную? Почему существуютъ уклоненія отъ закона добра—какъ въ жизни индивидуума, такъ въ жизни (цѣлыхъ) народовъ? Почему бокъ-о-бокъ съ миромъ незамѣтно тлѣетъ искра вражды, которая, при удобномъ случаѣ вспыхнувъ, обращается въ пожаръ, и тогда поднимаются бунты, мятежи, войны? Почему, далѣе, за подъемомъ общаго духа, иногда разомъ наступаетъ и реакція, за расцвѣтомъ наукъ и искусствъ слѣдуетъ полное оскудѣніе во всемъ: выдыхаются таланты, сходятъ со сцены идеальныя герои? Почему, наконецъ, за общимъ жизнерадостнымъ настроеніемъ является вдругъ какая-то апатія къ жизни? Почему все такъ случается съ нами? Неужели потому, что мы одно время вѣрили въ себя и въ свои таланты, а въ другое ни съ того ни съ сего разочаровались?†

Гдѣ-жъ, слѣд., сила-то прогресса? Гдѣ природное влеченіе человѣка къ добру? Когда жъ, наконецъ, придетъ обѣщанное царство Божіе?

Да, трудно согласовать радужныя мечты о счастіи, о покоѣ, о благѣ съ чувствомъ справедливости и съ идеей самаго блага, трудно отнести это къ достоинству пресловутаго прогресса и нравственнымъ заслугамъ человѣчества. Тамъ, очевидно, не можетъ быть ни серьезнаго, ни нравственнаго, гдѣ воля нравственной личности сводится къ инстинкту, гдѣ будто добрыя, естественныя наклонности влекутъ дѣателя, какъ на крыльяхъ, къ благу, гдѣ плодами трудовъ всѣхъ людей будетъ пользоваться лишь, такъ сказать, аристократія человѣчества. Тамъ, напо-

тивъ, можетъ быть только полное нравственное безразличіе. Для чего, въ самомъ дѣлѣ, я долженъ работать на пользу будущаго счастья горсти людей? Для чего я буду жертвовать жизнью, трудомъ, капиталами? Для чего я обреку себя на страданіе? Мнѣ отвѣчаютъ,—для добра, чтобы исполнить волю Бога. Не можетъ быть этого (употреблю я выраженіе Т—го), „чтобы Богъ однихъ обрекалъ на страданіе, другихъ на радость, однихъ вель къ благу, другихъ безъ причины лишалъ его. Христіанскій Богъ *всегда* желаетъ спастися и въ разумъ истины пріити. Въ этомъ только и есть истинное добро и истинное счастье“.

— Но вѣдь Т—й нигдѣ, кажется, не настаиваетъ на преимуществахъ внѣшняго людскаго общежитія, говорилъ докторъ, предъ тѣмъ, что открываетъ человѣку его разумное сознаніе. Онъ вѣритъ, что царствіе Божіе внутри насъ, онъ убѣждаетъ, что нужно слѣдовать больше голосу собственной совѣсти, нежели зависѣть отъ чужого мнѣнія. Вотъ какимъ путемъ рѣшается у Т—го вопросъ о счастьи.

— Согласенъ, что нѣкоторыя положенія Т—го „о вѣрѣ“ нельзя отрицать. Такъ, на примѣръ, что законъ нравственный, законъ естественный, проявляемый и въ совѣсти дикаря, вѣченъ,—это понятно само собою, потому что не будь у человѣка извѣстнаго тяготѣнія къ добру, тогда бы ни о какомъ прогрессѣ въ жизни не могло быть и рѣчи. Несомнѣнно также, что царствіе Божіе внутри насъ, но не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что внутри насъ живутъ два закона: законъ добра и противоборствующій ему законъ зла. Борьба этихъ двухъ законовъ обуславливается вѣрою, но вѣрою не въ свои силы, какъ думаетъ Т—й, а въ „Господа силъ“, вѣрою въ помощь Божію, вѣрою, которая „побѣдила міръ“.

Тотъ, кто живетъ этою вѣрою и вѣрою во Христа, кто соблюдаетъ Его заповѣди, тотъ удостоивается быть другомъ Христовымъ, святымъ. Для него степень нравственнаго развитія нисколько не зависитъ отъ степени культурнаго развитія общества и нравственнаго его состоянія. Апостолы жили въ таксе время, когда культура и нравственныя качества людей были куда ниже нашей культуры и понятій о нравственности. Но кто изъ насъ можетъ сравниться съ этими чудными, возвышенными характерами, кто уподо-

биться въ любви первымъ проповѣдникамъ христіанской вѣры? Кто затемнить своими страданіями страданія святыхъ мучениковъ? Не подтверждается ли, напротивъ, приведенными примѣрами жизни святыхъ истина откровенная, что близость Бога къ человѣку, Его благодатное воздѣйствіе на послѣдняго уничтожаетъ въ корнѣ законъ зла и содѣлываетъ чрезъ это вѣрующаго небеснымъ жителемъ, сыномъ свѣта Божія.

Съ другой стороны, если и теперь, при всѣхъ средствахъ культуры, при усовершенствованіи наукъ и искусствъ, мы не въ силахъ уничтожить въ мірѣ зла, то что нужно сказать о тѣхъ временахъ, когда жизнь животная, жизнь дикаго звѣря, казалось, совсѣмъ хотѣла поглотить крупинки присущаго человѣку отъ природы добра. Какъ можно было бороться этому человѣку при такихъ неравныхъ силахъ и устоять все-таки въ добрѣ, если бы послѣднее не получало производительной силы отъ Источника добра, т. е. Бога.

Пусть существуютъ страданія на землѣ, но я *вѣрю*, что они временны, пусть живутъ со мною люди, обремененные нуждами, угнетаемые болѣзнями, горемъ; пусть, къ скорбію моему, встрѣчаются и злыя личности, враги мнѣ и ближнему моему; но я не прихожу отъ этого въ отчаяніе и не думаю, чтобы эти падшія души обречены были на гибель. Я не думаю такъ потому, что христіанство воспрещаетъ мнѣ такъ мыслить о людяхъ. Оно, наоборотъ, посылаетъ меня въ самыя нѣдра скорби и къ душамъ заблудшимъ, съ цѣлью однихъ утѣшить, облегчить ихъ страданія, другихъ наставить, вразумить, убѣдить. Для этого, по примѣру Христа, я долженъ оставить 99 незаблудшихъ въ горахъ и идти за одной погибшей овцой. Причемъ, дѣлая все это, я не долженъ забывать, что это только часть моей работы, ибо я членъ Церкви Христовой, членъ царства Божія, которое вѣчно. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ я сотрудникъ Христу, Который Своими страданіями *искупилъ* міръ и отверзъ врата въ царство вѣчности. Я, слѣдовательно, если надлежитъ, *долженъ* участвовать и въ страданіяхъ Христовыхъ. Вотъ въ чемъ истинный смыслъ міровыхъ страданій и страданій моихъ. „Многими скорбями надлежитъ вамъ войти въ царство Божіе“, заповѣдуетъ Спаситель міра Своимъ послѣдователямъ.

Однако, въ чемъ же должна состоять моя дѣятельность для человѣчества? Очевидно, эта дѣятельность обнимаетъ собою *настоящее, прошедшее и будущее*. Таково свойство любви Божіей, образъ которой я ношу. Вы, напр., хлопчете о единеніи людей даннаго времени; ваша дѣятельность вращается въ области видимаго, дѣятельность же христіанина включаетъ въ себѣ и міръ невидимый. Актомъ такой дѣятельности служить для христіанина *молитва*, которая и даетъ ему возможность расширять кругъ его дѣятельности въ безпредѣльность.

Какъ видите, въ этомъ служеніи человѣчеству, во славу имени Божія, заключается и счастье и радость, оно имѣетъ глубоко-нравственный, чуждый всякаго эгоизма, смыслъ.

Правда, и здѣсь умъ скептической находилъ якобы много недостатковъ. Говорятъ, что я работаю ради наградъ въ загробномъ мірѣ, и потому самому причастенъ эгоизму. По моему это только софистическая уловка скептика, не имѣющая серьезнаго значенія. Вѣдь не назоветъ же онъ меня эгоистомъ за то, что я въ настоящее мое существованіе стремлюсь къ самоусовершенствованію, ищу правды и добра, желаю быть любящимъ, святымъ, если хотите. Не назоветъ же онъ меня эгоистомъ и за мою работу на пользу ближняго. Въ такомъ случаѣ, почему жъ онъ меня назоветъ эгоистомъ за то высшее усовершенствованіе, которое должно быть только въ будущемъ загробномъ мірѣ? Далека отъ эгоизма моя работа на пользу вѣчнаго счастья ближнему, счастья человѣчеству, которое (счастье) обѣщано въ вѣчномъ царствѣ Христа.

Стремиться къ счастью—это главная цѣль христіанской жизни, любить это величайшее счастье и величайшая радость христіанина, потому что любовь исходитъ отъ Бога и ведетъ къ Богу. „Богъ есть любовь“. Единеніе же съ Богомъ, чаяніе всѣхъ религиозныхъ думъ,—это вѣчный покой отъ страданій, отъ тягостной борьбы со зломъ, ибо въ царствѣ вѣчности нѣтъ мѣста плачу и скорби: „Господь отретъ всяку слезу отъ лица земли“.

— Я ничего не могу возразить противъ такого понятія о смыслѣ жизни, которая называется универсальной любовью, но согласитесь, Николай Андреевичъ, что всѣ эти волнующіе наши умы вопросы довольно таки трудно понять разумомъ, даже если хотите совсѣмъ невозможно, говорилъ одинъ изъ

молодыхъ собесѣдниковъ, все время съ особымъ вниманіемъ слѣдившій за разсужденіями моего пріятеля.

— Я съ вами вполне согласенъ, Максимъ Петровичъ, что религіозныя истины даются нелегко человѣку, отвѣчалъ Николай Андреевичъ. Это опять тотъ же христіанскій крестъ, и вотъ если вънцемъ всякой душевной борьбы является любовь, которая по слову апостола пребываетъ вѣчно, въ то время какъ и пророчества умолкнутъ, и мудрость человѣческая упразднится, то естественно чрезъ любовь мы становимся болѣе способными уразумѣвать тайны нашей жизни.

Правда, съ христіанской точки зрѣнія и дѣятельность нашего разума нисколько не устраняется въ познаніи истины; но дѣло въ томъ, что нашъ разумъ слишкомъ оmateriализировался и почти сдѣлался неспособнымъ для воспріятія высшихъ Божескихъ идей.

Не потому-ли знаменитый философъ Кантъ отрицаетъ возможность путемъ „чистаго“ (теоретическаго) разума доказательства бытія Божія и безсмертія души, которыя однако признаетъ необходимыми поступками нравственности. Здѣсь достоинъ замѣчанія тотъ фактъ, что по мѣрѣ того, какъ наша наука стала постепенно освобождаться отъ тяжелаго кошмара, навѣяннаго на нее крайнимъ матеріализмомъ, она совершила, повидимому, благодѣтельный переломъ въ сторону нравственности, и забытые вопросы о Богѣ, о душѣ, о загробной жизни, снова какъ будто ожили и стали ближе къ сердцу строгихъ ученыхъ.

Нападеніе науки, нападеніе лицъ образованныхъ на религію и въ частности на православіе, начатое у насъ въ Россіи съ 60 и 70 годовъ прошлаго столѣтія, продолжается и теперь съ стороны лицъ, вѣрующихъ только въ свои силы, въ свой разумъ. Настоящее движеніе толстовства и движеніе интеллигенціи въ 60—70-хъ годахъ, собственно говоря, почти тождественно. Т—й въ этомъ случаѣ является типичнымъ выразителемъ общественнаго самосознанія даннаго времени, со всѣми его предразсудками и увлеченіями, которые онъ и вноситъ въ искаженное имъ христіанство. Мы ужъ знаемъ какой результатъ получился изъ перваго движенія интеллигентной молодежи, когда она вздумала привить свои непереваренныя идеи народу.

С. Бронницкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Еретикъ Кирюшка и графъ Толетой на еудѣ раскольничьяго собора.

(Картинка съ натуры).

Въ 2-хъ верстахъ отъ г. Спасска, Тамбовской губ., находится деревня Леплейка, жители которой принадлежатъ къ расколу секты „средниковъ“ (воскресенье празднуютъ въ среду, и отсюда начинается счетъ дней недѣли: четвергъ--у нихъ понедѣльникъ и т. д. Во всемъ остальномъ они тѣже безпоповцы). Въ этой-то Леплейкѣ не такъ давно состоялся сѣздъ раскольниковъ; сюда съѣхались раскольники со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, такъ что незначительная деревня вдругъ стала многолюдною и шумною. Всѣ дома переполнились людьми, а дворы и улицы были заставлены всякаго рода деревенскими экипажами. Наѣхали мужики, бабы, прибыли начетчики изъ селеній Спасскаго у.: Хомутовки, Киселевки, Вечутокъ; таковыя же знатоки раскольничьяго богословія прибыли изъ г. Спасска и изъ сосѣдняго села Абашева, Пензенской губ., начетчики: Иванъ Акимовъ и Иванъ Шалыгинъ. Всѣ эти грамотеи собрались у мѣстной руководительницы раскола, дѣвицы начетчицы Анны Кузьминичны, благодаря стараніямъ которой и собрался настоящій „соборъ“. Ревнуя поревновать о своей сектѣ, дѣвица эта и письменно, и лично просила многихъ, чтобы съѣхались къ ней „на утвержденіе вѣры православной“ и вмѣстѣ съ нею рассмотрѣли и писанію бы передали разныя возникшія „въ ихъ церкви“ мнѣнія, противныя священному Писанію. И вотъ желаніе дѣвы совершилось, ее окружаютъ начетчики и масса слушателей. Анна была на верху блаженства.

Въ назначенное время собраніе открылось седмипоклоннымъ началомъ и пѣніемъ стихиръ: „Днесъ благодать св. Духа насъ собра“... На 2-хъ большихъ, сдвинутыхъ вмѣстѣ, столахъ наложены были горы различныхъ старопечатныхъ книгъ, за которыми усѣлись начетчики, а между ними она, адамантъ древляго благочестія-дѣвица Анна Кузьмина,

одѣтая въ черный съ пуговицами напередѣ сарафанъ, покрытая платкомъ, перегнутымъ не наискось, уголь къ углу, а въ кромку, такъ что 2-мя концами она была повязана, а 2 другіе конца платка были назади и отдувались при ея хожденіи. Въ рукахъ у адаманта была лестовка, а предъ иконами въ домѣ горѣли лампадки и восковыя свѣчи. Остальные слушатели помѣстились, кто гдѣ и какъ могли. Когда молитву окончили, всѣ начетчики сказали:

— Вы, Анна Кузьминична, собрали насъ, вамъ и предоставляемъ мы первое мѣсто и честь на „нашемъ соборѣ“. Руководствуйте ради Христа.

Адамантъ поблагодарила начетчиковъ за предоставленный ей почетъ и усѣлась на предсѣдательскомъ мѣстѣ. Самолюбіе ея было удовлетворено, какъ нельзя лучше.

— Выкладывайте, какія дѣла у васъ предстоятъ,—сказалъ начетчикъ.

— Сначала я о своемъ буду, а потомъ о другихъ посудимъ,—отвѣтила предсѣдательница.

— Это все единственно будетъ.

— Моя рѣчь о еретикѣ Кирюшкѣ, заговорила Анна и повела рѣчь на книжномъ славянскомъ языкѣ. Трелукавый врагъ рода человѣческаго сатана вложи ему въ ушеса порицать наше святоотеческое благочестіе, и начать хулити и злословити всяко хранимый нами древній догматъ православной Церкви, еже есть великій день Воскресенія Христова, празднуемый нами не съ еретики никоніаны, а якоже въ пасхалии уложися, каковый день разликовенствуетъ у насъ, древне истинныхъ христіанъ, съ никоніаны, и показываетъ другій день, рекомый у еретиковъ средю. Мы же, благодатію Божіею соблюдаемъ и Христовъ законъ твердо держаще, зримъ очесы, яко оныя никоновы ученицы сами испревратипа лѣтосчисленіе отъ воплощенія Господня и въ четвертокъ нашей лѣтописи празднуютъ Воскресеніе своего иного Исуса (т. е. другого Христа, якобы иного Исуса). Оле, богомерзкія ереси, братіе и сестры! Еще въ книзѣ св. Кирилла Іерусалимскаго, яже благословеніемъ послѣдняго во благочестіи патріарха Іосифа на Москвѣ припечатася, речено: яко еретицы-папезницы студъ отеческій привнесоша, Церкви обуреванія и мятежъ велій, отъ языкъ же наруганіе, новую пасхалию въ Церковь содбѣша, по новыхъ кругахъ уставиша

тещи Божіимъ повелѣніемъ установленное, свѣтило на небеси, рекше солнце, ихъ же избрѣте Ализій, братъ Антоніевъ. Подобно латинамъ и никоновы ученицы премѣниша дніе и лѣта счисленія отъ воплощенія Бога Слова, но нынѣ нѣсть слово рещи о нихъ, отступникахъ св. Церкви. Предлежитъ слово о новомъ развратникѣ христіанской старожитности и закону св. Церкви, Кириллѣ, иже отъ насъ сый и на ны учини велию брань. Онъ Кириллѣ нача учити и писанію предавати своя богопротивная измышленія, яко Господень день Воскресеніе изъ мертвыхъ довлѣтъ праздновати во вторникъ седмицы, а не среду, яко же речется въ счисленіи никонова преданія. И симъ препону сотвори, въ христіанѣхъ смятеніе, и наченъ удалитися наша Церква и всяко злохудожествовати ея, яко еретикъ суцій.

— Послать за Кирюхой,—прервалъ наставникъ. Пусть приведетъ свое оправданіе и отвѣтъ держитъ.

— Конечно, привести его довлѣтъ, да изболчитъ предъ всѣми христіаны,—поддакнули другіе начетчики.

Три парня выдѣлились изъ народа и поспѣшно удалились приглашать Кирилла въ засѣданіе собора.

— А давно, Анна Кузьминична, онъ отверзъ уста свои на похуленіе нашего христіанскаго закона?—спросилъ одинъ изъ начетчиковъ.

— Мню, братіе, яко едину годину, или же сугубо нѣчто.

— Два лѣта и едину зиму глаголетъ,—замѣтили въ толпѣ собора.

— И яростно проповѣдь держитъ?—допытывался тотъ же начетчикъ у начетчицы.

— Рѣхъ азъ, яко съ великою лютостью преуспѣваетъ въ пагубномъ словеси. Гордостію насыщенъ, ревностію объять; сердце жестоковѣрно имать и надменно.

— Поди ты, что отрыгнулось въ его сердцѣ,—замѣтилъ кто-то изъ толпы. Хорошо знаю Кирюху, пріятство вели съ имъ. Завсегда соблюдалъ благочестіе... Свихнулся...

— Нешто долго это. Ісусову молитву надо завсегда въ устахъ держать, она спасаетъ отъ всякія напасти. А то пошелъ въ непоказанное толкованіе, ну и рехнулся головой. По моему такъ это. А Ісусову молитву кто держитъ въ устахъ, самъ Богъ вселяется въ его сердце, и жизнь имѣетъ,—трактовалъ сосѣдъ пріятеля Кирюхи, благообразный старецъ, по имени Савелій.

— Молитву довлѣетъ творить, это хорошо, но нужно и законъ Христовъ соблюдать,—авторитетно возразилъ начетчикъ изъ с. Хомутовки.

— Въ Исусовой молитвѣ весь законъ лежитъ, вступился старикъ. Проговори ее годъ непрерывно, сердце твое растворилось къ умиротворенію; держи другое лѣто, любовь Христова возсіяла въ немъ; третью годину преплывешь въ семь бесѣдословіи, Самъ Христосъ истинный Богъ нашъ жилище себѣ устрояетъ въ немъ, Духомъ Святымъ озаряетъ его и очищаетъ. Я самъ слышалъ сей законъ, то и твердо его содержу. Въ этомъ законѣ альфа и омега. Меня не проведешь на пустыхъ-то,—авторитетно проговорилъ Савелій.

— Кирюхи нѣтъ,—сказали посланные. Онъ еще съ вечера ушелъ въ Спасскъ, и не знаютъ, коли вернется.

— Струсилъ оглашенный,—разомъ порѣшили начетки Убоялся. Ишь ты какъ бѣсъ то его...

Собраніе пришло въ радостное настроеніе. Начетки ожидали спора, возраженій со стороны Кирюхи, что неизбѣжно повело бы и къ шуму, и къ ругани другъ друга, а чего добраго пошли бы и книги въ ходъ въ видѣ картечи. ибо и этотъ аргументъ у ревнителей древяго благочестія бываетъ иногда въ ходу на ихъ собраніяхъ. „Ревность о Божьемъ дѣлѣ“, оправдываются они въ этихъ случаяхъ. Еще въ началѣ раскола, при патріархѣ Никонѣ, одинъ изъ первоучителей нынѣшнихъ раскольниковъ высказался въ своемъ сочиненіи, что, когда патр. Никонъ убѣждалъ его оставить свое заблужденіе, онъ же „разжегся Божественною ревностью многими словесы препрѣ Никона, а посемъ раздра на себѣ срачицу и бросилъ ее въ лице Никону, а самъ нагъ остахся, якоже изъ утробы матери своя произыде“. Этотъ въ исторіи отмѣченный примѣръ первоучителя сохранилъ свою силу у его послѣдователей и до нашихъ дней въ любой раскольнической сектѣ.

— Какъ же теперь, братіе, рѣшимъ мы дѣло о Кирюхѣ. Мнѣ онъ здѣсь не вмоготу. По вся дни и часы онъ производитъ безчестіе нашего христіанскаго закона,—сказала Анна. Прошлый разъ у насъ была великая суббота, а онъ поетъ „Христосъ Воскресе“. У насъ „Страсти Христовы“, погребеніе Христа совершаемъ, а онъ Пасху торжествуетъ. Мы посты несемъ, а онъ по улицѣ ходитъ и красныя яйца

колетъ и ѣсть. Соблазн! По домамъ вѣдь соблазнитель мыкается и „улещаетъ“ простодушныхъ христіанъ.

— У меня былъ,—отозвался въ толпѣ мужчина. Пришелъ въ избу, помолился, да и говоритъ: „Христось Воскресе“, Силантычъ! И лѣзетъ со мною цѣловаться. Я отъ него чуюсь, а онъ ловить за руки и губы приставляетъ. Я и такъ отъ него и этакъ, а онъ свое пристаётъ и съ Пасхою поздравляетъ. Такой лукавый соблазнитель...

— И ко мнѣ тоже,—отозвалась молодая женщина. Пасха у него, да и только. Приходи, говорю ему, въ законъ, когда полагается свв. отцами. Не отступаетъ и тутъ, я взяла хватъ, да и ну охаживать пасхальника-то.

— Это ты хорошо поступила съ нимъ,—сказали начетчики. Съ нечестивымъ такой и нужно обиходъ имѣть, чтобы не корилъ нашу вѣру.

— По моему, сказала адамантъ, заочно осудить Кирюху.

— Истинно такъ, развѣ онъ не зналъ о нашемъ соборѣ. Онъ нарочно сбѣгъ отъ насъ, чтобы не посрамиться предъ христіанами,—говорили соборяне.

— Чего же лучше, осудить его, и конецъ дѣлу,—сказали начетчики. Не къ чему и канитель разводить съ имъ.

— Судить! Судить! кричала толпа.

— Всѣмъ онъ надоѣлъ здѣсь своимъ богохульствомъ.

— Выгнать его христораспинателя изъ нашей вотчины, чтобы онъ не баламутилъ здѣсь.

— Самое подходящее дѣло.

Толпа волновалась и шумѣла, крича каждый свое.

Между тѣмъ адамантъ и начетчики рѣшали судьбу своего собрата, начетчика Кирилла. Когда волненіе улеглось, начетчикъ изъ Хомутовки всталъ и громко произнесъ: „Слушайте, древлеправославные христіане, соборное постановленіе“.

Всѣ притаили дыханіе. Полетъ мухи былъ слышенъ.

„Бывшаго въ нашемъ древлехристіанскомъ обществѣ христіанина, во св. крещеніи нареченнаго Кирилла, яко еретика и продерзателя св. каноновъ Церкви Божіей, установившаго въ особый день праздновати Воскресеніе Ісуса Христа и св. Пасху, извратившаго 1-го вселен. собора святоотеческую пасхалію, мы, собравшіяся освященный соборъ, приѣмля въ руководство правила св. отецъ: 7 св. апостолъ и 1 антиохора соб., соборнѣ повелѣваемъ всѣмъ христіанамъ

имѣть онаго злокозненнаго Кирилла, яко еретика и непокорника св. соборной апостольской Христовой Церкви, предаемъ его анаемѣ и отлучаемъ отъ своего общества, и отъ нынѣ да никто не дерзаетъ съ нимъ, Кириллой, вкупѣ Богу молитися, ниже ясти изъ единыя чаши, ниже братомъ чтити, ниже ино что, но да будетъ всѣмъ, яко слуга воинства сатаны, ядъ носяи во устѣхъ своихъ. Аминь“.

Всѣ перекрестились.

— Вотъ это хорошо и здорово,—говорили въ толпѣ.

— Вставить бы въ бумажку-то про Иусову молитву,—неожиданно сказалъ старецъ Савелій.

— Зачѣмъ?—спросили начетчики съ недовольствомъ.

— Чтобы за нее вцѣпился теперь, а то сгинетъ.

— Еретикъ никакая молитва не поможетъ,—отвѣтили начетчики.

— Ну это вы, отцы, зря говорите. Иусова молитва вездѣ и во всемъ корень.

— Православному эта молитва поможетъ, а еретикъ нѣтъ,—стояли на своемъ начетчики.

— Всякому она поможетъ,—упорно стоялъ на своемъ старецъ, не знавшій кромѣ сей молитвы ровно ничего и не умѣвшій читать.

— Какъ же она, дѣдушка, поможетъ Кириллу, когда онъ проклятъ теперь нами и состоитъ противникомъ и Богу и нашей св. Церкви?

Вамъ-то онъ, точно, въ супротивность сталъ, вы люди, но вѣдь а Богъ-то о всякомъ, печется и жалѣетъ. Потому и говорю, что молитву-то надо ему выставить, чтобы зналъ, за что вцѣпится ему теперь.

— Чудной ты, право!—толковали ему начетчики.

— Можетъ и вы чудные также, Богъ разберетъ насъ...

Время было позднее, и соборъ объявленъ закрытымъ до завтра. Стали расходиться по избамъ. Всѣ начетчики отправились къ адаманту, гдѣ имъ предложено было угощеніе. Старикъ Савелій, ратовавшій за Иусову молитву, тотчасъ собрался и выѣхалъ домой. Ему не понравился соборъ и, главнымъ образомъ, потому, что онъ не былъ удостоенъ сидѣть вмѣстѣ съ начетчиками во главѣ собора и рѣшать дѣла.

На слѣдующій день уставщикъ моленной г. Спасска, нѣкто

Лаврентій, попросилъ у собора дать ему высказать свое слово. Ему разрѣшили, и Лаврентій, откашлявшись, сказалъ:

— „Въ листочкахъ никоніаны часто пишутъ о графѣ Толстомъ, и самъ онъ распустилъ свое ученіе въ разныхъ книгахъ, въ которыхъ онъ отвергнулъ все: и Церковь, и таинства, и Господа Вседержителя, и святыхъ Его, какъ есть ничего не признаетъ, а поучаетъ слѣдовать его уму-разуму и его словамъ вѣрить, точно Самому Богу“.

— Какой это графъ, да еще толстый?—Съ ироніею спросилъ Иванъ Акимовъ, перебивъ начетчика.

— Не толстый, а Толстой: такъ прозвище ему, а зовутъ Левъ Николаевичъ.

— Да онъ изъ христіанъ что-ли, или такъ себѣ, на ма-неръ латинщика, или жида?—Спросила предсѣдательница.

— Онъ къ никоновой Церкви принадлежалъ, да ушелъ изъ нея, и свое евангеліе сочинилъ, за это его никоновцы проклинали и разлучили.

— Такъ къ намъ-то ты почто его прилѣпляешь? Для чего и уши сквернишь?—Заговорили начетчики и соборяне. Намъ онъ ни къ чему.

— Вы дайте досказать, братіе. У меня въ этомъ сказѣ своя лежитъ сокровенная богословія. Я объ этомъ дни и ночи думалъ и голову ломалъ. Вы думаете, я попусту веду рѣчь.

— Главное, это некасаемое къ намъ. И никоновцы еретики, и графъ твой еретикъ, всѣ они правилами свв. отецъ давно уже прокляты, чего же объ нихъ толкованіе вести?—кипятился начетчикъ изъ с. Киселевки.

— Дайте глаголь совершить, а тогда судите. Я для того и выложитъ хочу, чтобы сообча обсудить, не пропускаемъ ли мы мимо глазъ то, что въ пророчествахъ свв. отецъ давно указано. Вѣдь Писаніе-то глубина морская; его нужно изслѣдовать.

Начетчики умолкли. Адамантъ махнула рукой Лаврентію, чтобы продолжалъ свою рѣчь.

— Такъ вотъ этотъ самый графъ, — продолжалъ начетчикъ, — Христа Спасителя нашего отвергнулъ и ни во что поставилъ, а себя водрузилъ на его мѣсто и свое евангеліе распустилъ по всему свѣту. И пришелъ мнѣ разумъ, что же сіе? Какъ машина на желѣзной дорогѣ безъ паровъ не

ходить, такъ и это, братіе, мню, не зря объявилось, а долженъ быть слѣдъ въ Писаніи или указаніе. Сталъ я читать божественное Писаніе объ антихристѣ, каковъи пакостникъ плоти нашея долженъ человѣкообразно объявиться на послѣдокъ времени...

— Мы духовнаго признаемъ антихриста, а не въ чело-вѣческомъ естествѣ,—вскричали начетчики. Твое мудрова-ніе несправедливое, Лаврентій. Какого еще тебѣ надо анти-христа! Давно онъ объявился и среди насъ уже.

— А вы, братіе, не мѣшайте,—упрашивалъ Лаврентій,—кончу свой протолкъ, тогда разводите на всѣ градусы. Если я не правъ буду, вы объявитесь въ истинѣ. На то и соборъ у насъ, чтобы всяку истину утвердить.

— Ну говори еще,—согласились начетчики.

— Когда я почиталъ божественныя книги: Ефрема, Зла-тоуста, Вѣру книгу, Кириллову, Ипполита, вижу, что анти-христъ точно будетъ духовно царствовать, сирѣчь духов-ными дѣлами заниматься, а все же онъ будетъ и обликъ свой имѣть, сирѣчь зракъ лица, яко человѣка, и имя его будетъ обноситься въ человѣцѣхъ. Вотъ теперь и судите, братіе, правду я глаголю, или суетная пустословлю. Въ пи-саніи иже во святыхъ отца нашего Ипполита, папы рим-скаго, сказано: „Писаніе провозгласило Христа львомъ и скимномъ львовымъ; подобное сказано и объ антихристѣ“. Значить, лев—Христось и левъ—антихристъ. Тожде ука-зано и въ книзѣ Соборникъ Большой. Другія же писанія свв. отецъ именуютъ антихриста звѣремъ, но сіе едино суть, понеже левъ тоже отъ звѣря происходитъ. Гла-голють писанія и сиче: яко антихристъ превознесетъ паче истиннаго Бога и себѣ имать честь и поклоненіе стужати, злохульникъ будетъ, и многіе увѣрюють ему и преклонятся, и будутъ почитати его. Теперь приложите вся писанія къ оному богоотметнику графу Льву, не сбытся ли на немъ все пророческое сказаніе?

— Значить, по твоему, Левъ Толстой антихристъ?—ска-заль начетчикъ.

— Не по моему, а мню, яко Писаніе сиче глаголетъ, азъ же тоцію приѣмлю его, яко глаголь Божій.

— Мудрено что-то и темно, — сказала предсѣдательница.

— Да, Анна Кузьминична, не всѣмъ дано разумѣть сію

велію тайну, ибо тайна сія велика есть, и она дѣется прикровенно. И самъ я раньше ничто-же о семъ помышлялъ, а какъ-то мимо текло; потомъ сталъ всматриваться, читать и провѣрять свои мысли Писаніемъ и вижу, что сей богопротивникъ, рекомый Левъ Толстой, которому, почитай, всѣ благородные и ученые господа отъ мала до велика преклонились нынѣ и почитаютъ его, яко Бога, а онъ изрыгаетъ хульные словеса на вся священная, есть никто иной, какъ послѣдній антихристъ.

— Какое же намъ дѣло до него! Мы его не знаемъ, и николицъ его не видали въ жизни. Кто; преклонился ему и почитаетъ его, яко Бога, тотъ и погибнетъ. До насъ же это дѣло некасаемое,—сказала предсѣдательница.

— Что вы, братіе, говорите!—отвѣтилъ Лаврентій съ удивленіемъ. Нельзя такъ отрицаться. Мы и Бога не видѣли, а вѣруемъ, что Онъ есть.

— Экъ куда метнулъ! Бога соединилъ съ еретикомъ антихристомъ. Кое общеніе Христови съ Велиаромъ, свѣту съ тьмою, истинѣ Божіей съ ложью?

— Я не соединяю ихъ во единъ купъ, наипаче различковствую въ обоя, но точію вамъ то поясняю, братіе, дабы вѣдали, что въ Писаніи антихристъ именуется львомъ, а левъ есть звѣрь. Графъ Толстой носитъ себѣ наименованіе Льва. Вотъ и судите теперь: не объяснилось ли все священное Писаніе на немъ? По моему, оно точка въ точку вышло, какъ есть въ рифму или по строкъ Писанія.

— Да вѣдь ты говоришь, что никоновцы его къ анаемѣ подвели. Чего же еще?—поднялся одинъ изъ толпы слушателей.

— Антихриста, Пафнутьичъ, мало проклясть. Что ему клятва, да и кто его проклиналъ?—Никоновцы; а они сами еретики. Стало быть ихъ клятва на него, что горохъ къ стѣнѣ. Тутъ нужно духа его избѣгнуть, власти.

— По твоему вытекаетъ, и намъ нужно подвести его подъ анаему.

— Непремѣнно, и *ослобонитъ* отъ него.

— Да какимъ же манеромъ мы будемъ клясть еретика? Кабы онъ нашъ былъ, тогда такъ, а то онъ принадлежитъ къ другой братіи,—вставилъ начетчикъ изъ Хомутовки.

— Сей богохульный Левъ ни къ какой братіи не принадлежитъ, а самъ завелъ свою братію и богохульствуетъ на весь міръ. Тутъ статья великая. Онъ не просто еретикъ и богохульникъ, а самый антихристъ, превознесыйся паче Бога, или чтителища Его. Вотъ онъ кто! Такъ и смотри́ть на него довлѣетъ, яко на противника Богу.

— А какъ же сказано, — слышалось въ толпѣ, — что антихристъ жида возлюбитъ, и къ нимъ прилѣпится сердце его. Жидамъ церкву воздвигнетъ.

— Жида это двояко: едино именуется житіе нечистое у христіанъ, другое—сущее жидовство. А почему вы знаете-братіе, что онъ не возлюбилъ жидовство? Онъ вся привлекъ къ себѣ, и всяка плоть поклоняется ему.

— Ну это ты, Лаврентій, зря несешь: мы и другіе старообрядцы вовсе не преклонялись ему,—сказала адамантъ обидчиво.

— Я даже въ первый разъ услыхалъ его и житіе - то на землѣ, — вставилъ молчавшій доселѣ начетчикъ изъ с. Вечутки,—николи не слыхалъ его.

— Это ничего не значить, братіе. Преклоняться предъ антихристомъ можно и не знаючи его. Потерпите малость, преклоните своя ушеса, я и тутъ все разведу вамъ. У васъ есть помѣщикъ? Ну да это все равно, потому всѣ верховоды на свѣтѣ къ Толстому перешли и въ него увѣровали. Это можно услыхать и у насъ въ Спасскомъ, и вездѣ, у всѣхъ имя Христа Спасителя изглажено, а имя Левъ Толстой всяко во устѣхъ обносится. И ученые, и скудоумни, и попы россійскіе всѣ заразились имъ и похваляютъ его писаніе. Теперь и смотрите, братіе, дѣломъ самымъ: образъ сего еретика у всѣхъ въ дому, писаніе его даже въ училищахъ и дѣтямъ даютъ. Чтущіе его служатъ по всѣмъ мѣстамъ и управу дѣлаютъ намъ. Пришелъ ты земли взять къ помѣщику, а онъ поклонникъ Льва, его образъ у него на стѣнѣ, писаніе на столѣ, выходитъ, онъ слуга его, такой же прелестникъ и осквернившійся, а ты, христіанинъ, говоришь съ нимъ, землю берешь отъ него и слушаешь. Вотъ уже ты и прикоснулся къ сквернѣ. А въ лавкѣ? Тамъ даже и портреты есть на разныхъ дѣлахъ рукъ человѣческихъ, и ты покупаешь ихъ и домой тащишь. Вотъ вамъ еще второе и горше перваго оскверненія. Тутъ въ храмину твою вошла уже мерзость запустѣнія и заразила всю твою семью.

— А вѣдь это правда, братіе. Лавруха это хорошо развелъ,—выдвинулся изъ толпы соборянъ мужчина лѣтъ 40, по имени Трифонъ. То-есть мы прямо въ его духъ попадемъ.

— Ну ты, дядя Трифонъ, помолчи, потому тутъ дѣло умственное,—обрѣзалъ начетчикъ изъ Хомутовки.

— Ты одинъ смысленый,—возразилъ Трифонъ, обидѣвшись на начетчика. Думаешь, одинъ ты дока по книгамъ-то, тоже препонтъ ставить другимъ. Оно спасенье-то всякому нужно,—вотъ что.

— Ты съ понятіемъ!—сплотнившись уже разомъ крикнули всѣ недовольные заносчивостію хомутовскаго начетчика. Мы все поняли, Лаврентій правду изложилъ свою статью, и мы къ его гласу пріобщаемся.

— Вѣрно Лаврентій сказалъ!—подхватили другіе, которымъ и своихъ хотѣлось защитить, и надоѣло молча сидѣть.

Поднялся шумъ, гвалтъ; всѣ говорили, и никто не слушалъ. Трактовала и баба по своему.

— Братіе,—сказала адамантъ, — помолчите, все разберемъ и выведемъ на дорогу.

— Тише, православные христіане, радѣтели святоотеческаго благочестія!—сказалъ спасскій начетчикъ, радуясь въ душѣ, что, благодаря нетактичности и запальчивости хомутовскаго начетчика, часть публики стала на его сторону.

— Твоя рѣчь по сердцу, дядя Лаврентій,—крикнули одни. Спаси Христось за наученіе!—вторили другіе.

Лаврентій былъ на седьмомъ небѣ. Положеніе его разомъ измѣнилось и стало центральной фигурой въ собраніи. Чувствуя это, онъ пересталъ обращать вниманіе на начетчиковъ и всецѣло занялся съ публикою.

— Такъ вы признаете Льва Толстого антихристомъ?—обратился онъ къ народу.

— Ежели, по твоему докладу, онъ такой духъ пуцаеть, конечно, кто же онъ, какъ не супротивникъ Божій,—отвѣтилъ Трифонъ.

— Вѣрно! Принимаемъ такъ.

— Что такъ?—переспросилъ Лаврентій? ■

— Антихристъ онъ! Всеконечный губитель человѣческихъ душъ!—ревѣли въ толпѣ.

— Въ писаніи показано антихристу произойти отъ жидовъ, а твой Левъ откуда вышелъ? Развѣ онъ жидъ? -

вмѣшался начетчикъ хомутовскій.

— Вотъ еще понесъ что,—заговорили въ толпѣ. Лаврентій разъяснилъ, что жидовство надо понимать образно, а не по существу изложенію. Всякій, нечестиво живущій человекъ, есть жидъ и сослался на книгу Великій Катехизисъ. Народъ остался доволенъ. Не могли возразить противъ этого и сами начетчики, такъ какъ они сами понимали объ антихристѣ такъ же, какъ Лаврентій и всѣ безпоповцы.

— Что же, отцы, надо проклятію предавать этого супостата. Темно ужъ становится, да изнемоглись всѣ отъ жары,—требовали въ толпѣ.

— По моему, дѣйствительно, надо кончить этимъ,—поддакнулъ авторъ сего вопроса.

— А по какимъ же правиламъ мы будемъ проклинать его?—вставилъ начетчикъ изъ Хомутовки. Такихъ правилъ во всей Кормчей книгѣ не сыщешь, и ни одинъ соборъ не сказалъ правила противъ антихриста.

— Вотъ-такъ учитель!—закричали въ народѣ. Да всѣ святые отцы проклинали еретиковъ и къ анаѣмѣ ихъ подводили. Образумся. Спасскій начетчикъ добавилъ: Левъ Толстой не только правила св. Церкви отмѣтаетъ, а Самого Господа Бога не признаетъ и всяко поруганію предаетъ. А сказано: „Кто ино нѣкое свое ученіе предлагаетъ, его же св. отцы не утвердиша, аще мы или ангель, анаѣма проклять“.

— Вотъ это гоже,—послышался гулъ одобренія толпы. Это сказано по ученію святыхъ отецъ.

Итакъ, братія, по ученію святыхъ книгъ, Левъ Толстой, возставшій отъ никоніанства, есть антихристъ и подлежитъ со всѣми своими общниками анаѣмѣ и проклятію.

— Такъ, вѣрно, да будетъ,—отозвались въ толпѣ соборянь. Мы всѣ согласны на этомъ.

— Бойтесь его имени теперь и образа его вносить въ свой домъ,—заклучилъ Лаврентій.

Адамантъ встала и объявила собраніе закрытымъ. Народъ разошелся, а Лаврентію долго еще пришлось имѣть препирательство съ другими начетчиками по поводу только что окончившагося вопроса о графѣ Львѣ Толстомъ. Последніе соглашались, что антихристовъ много, и графъ Толстой тоже антихристъ, но чтобы онъ былъ послѣдній антихристъ, указанный въ Писаніи, этого старообрядческіе

богословы не признавали. Лаврентій стоялъ на своемъ, что Толстой антихристъ по Писанію. Вопросъ объ этомъ рѣшено послать въ другія общины старообрядцевъ.

На третій день абашевскій начетчикъ Иванъ Акимовъ выступилъ съ трактатомъ „истинное ли бываетъ крещеніе всякаго мірянина, или же оно должно совершаться только однимъ, выборнымъ отъ общества лицомъ?“ Рѣшили: такъ или иначе совершенное православнымъ христіаниномъ т. е. старообрядцемъ крещеніе правильно и спасительно для вѣрующихъ. Другой начетчикъ с. Абашева Иванъ Шалыгинъ предложилъ рассмотреть вопросъ: „Когда можно повторять крещеніе?“ Рѣшеніе послѣдовало въ чисто безпоповскомъ духѣ: всякаго еретика должно снова крестить.

Послѣ этого Иванъ Акимовъ повелъ рѣчь о старообрядцахъ, приѣмлющихъ бѣглопоповское священство, законно ли это священство, или нѣтъ? Прежде, чѣмъ сказать что-нибудь серьезное по этому вопросу, раскольники начали глумиться надъ бѣглополовцами и рассказывать разные случаи изъ дѣйствій ихъ бѣглыхъ поповъ. Рассказы эти заняли очень много времени и такъ увлекли и развлекли слушателей, что они совсѣмъ забыли о самомъ вопросѣ священства. И когда Иванъ Акимовъ попытался было направить соборъ къ прямому вопросу, то ему категорически сказали: „Ну какое это священство! Не стоитъ и словъ терять о немъ. Малодушные только могутъ принимать его и находиться въ такой вѣрѣ“. Ивану Акимову пришлось ступешаться.

На этомъ соборѣ кончилъ свои засѣданія.

Итакъ имя графа Льва Николаевича Толстого стало притчей во языцѣхъ и у раскольниковъ безпоповцевъ, трактующихъ о его еретичествѣ гдѣ-то въ глухой деревушкѣ Тамбовской губерніи, въ какой-то Леплейкѣ. Раскольники объявили яснополянскаго затворника антихристомъ, какъ врага Христова. Явленіе среди раскольниковъ въ высшей степени характерное и знаменательное, и мы не можемъ не отмѣтить на страницахъ миссіонерскаго журнала, хотя знаемъ, какъ это прискорбно для почитателей великаго таланта отечественнаго писателя. Но... *amicus Plato, sed magis amica veritas.*

Сообщилъ С. К. П.

Мисіонерскіе очерки.

I.

Разстроенные люди.

Окончили бесѣду съ штундистами. Она происходила въ просторномъ церковномъ училищѣ. Для отдыха я вышелъ въ сосѣднюю комнату. Но отдыхать мнѣ не пришлось. За мной двинулась цѣлая толпа людей. Все это были худыя изможденныя лица, съ особымъ отпечаткомъ страданія въ глазахъ. Недавно еще они было „заштундовали“. Теперь, прослушавъ четыре бесѣды, одумались, образумились. Они шли благодарить меня за труды.

— Спаси васъ, Христось!—хоромъ голосили они. Выручили вы насъ. Безъ вашей проповѣди мы всѣ бы стали штундистами...

Всматриваюсь въ лица говорившихъ. Боже мой! Какой подъемъ духа написанъ на нихъ. Особенно меня поразилъ одинъ блѣдный юноша. Онъ безъ словъ повалился къ моимъ ногамъ. Я испугался.

— Что ты дѣлаешь?—сказалъ я. Встань, я такой же грѣшный человекъ, какъ и ты...

— Какъ можно?—возразилъ кланявшійся. Вы такую пользу принесли душѣ моей. Я совсѣмъ было ушелъ изъ святой Церкви. Я бранилъ ее, поносилъ служителей алтаря... А теперь я прозрѣлъ черезъ ваши бесѣды.

— Вотъ и благодари Бога,—замѣтилъ я,—и молись Ему усердно, чтобы впередъ съ тобой не случилось чего дурного...

Мнѣ указали на одного рыжеватаго мужика: вотъ этотъ заштундовалъ было!

— Правда?

— Да, правда,—отвѣтилъ онъ. Попуталъ было врагъ...

— А еще много собиралось уходить въ штунду?

— Порядочно таки,—отвѣтили мнѣ. У насъ на мужиковъ словно повѣтріе налетѣло: штундуютъ, да и только!..

— Что же это за бѣда такая?—спросилъ я.

Мнѣ мужики принялись изъяснять дѣло.

— Видите, темные мы люди и маленькіе. Мало свѣта видимъ; рѣдко отъ кого ласковое слово услышимъ. Вотъ штунды насъ и улагодворяютъ. Зазовутъ каждыа на свое собраніе. Тамъ прельщаютъ его пѣніемъ и чтеніемъ. Послѣ угощаютъ чаемъ, яствами всякими. И размякнетъ человѣкъ и пойдетъ къ нимъ на удочку...

— Ну, и черезъ бабъ здорово сектанты дѣйствуютъ!—замѣтилъ рыжеватый мужикъ. Этихъ они сбиваютъ просто. Поймаютъ какую и давай ей твердить: „погибла твоя душа, въ адъ пойдешь! Потому за идоловъ не будетъ пощады отъ Господа“... А баба, какъ угорѣлая, придетъ домой и давай мужа точить: „какъ же ты мнѣ ничего не говорилъ про идоловъ, а еще грамотный? Мы вѣдь погибли. Давай вынесемъ иконы изъ избы“...

И выносятъ, случается. Баба, ежели за что возьмется, она свое найдетъ!..

Указывали мужики на то, что иныхъ изъ нихъ штунды прямо покупаютъ въ свою вѣру. Дадутъ бѣдному человѣку десятка два рублей *безъ отдачи*,—онъ, по малодушеству, готовъ хоть въ татары. „Такъ попало у насъ въ секту немало молодцевъ“...

— Эхъ, времена наступили!—со вздохомъ произнесъ одинъ дѣдушка. Вы вотъ, господинъ, смотрите. Вотъ вамъ парень. Зовутъ его Константиномъ. Такъ онъ тянетъ въ штунду. Ужъ и креста не носить...

Разсматриваю этого юношу: высокій, блѣдный, съ бѣлыми волосами, съ часто мигающими глазами. Спрашиваю.

— Правда-ли, Константинъ, ты хочешь уходить въ штунду?

— Я ко Христу иду, а не въ штунду,—отвѣтилъ онъ.

— А теперь ты у кого? Вѣруешь ли ты въ Бога?

— Вѣрую въ Отца, и Сына и Святого Духа,—Троицу Единосущную и Нераздѣльную...

— Вотъ видишь, другъ мой! Ты и теперь *правильную* вѣру въ Бога содержишь. Зачѣмъ же тебѣ идти въ секту?..

— Вѣра то у меня правильная, да въ Евангеліе православные не вѣруютъ.

— Ну, это—клевета! Если бы мы не вѣровали въ Евангеліе, у насъ и вѣра была бы *неправильная*. А ты самъ сознался, что вѣра твоя и наша *правильная*...

Я ждалъ отвѣта. Константинъ сказалъ:

— Гдѣ вотъ про иконы въ Библии написано?

Мы стали съ нимъ разсуждать объ иконахъ. Константинъ не понималъ лишь одного: какъ это Апостолы *подробно* не могли написать про иконы, если онѣ нужны людямъ?..

Я отвѣтилъ:

— Апостолы не написали *подробно* о крещеніи, причащеніи, о богослужебныхъ пѣсняхъ (Ср. 1 Петр. 5, 12). Значить-ли, всего этого не нужно намъ? Также надобно разсуждать про иконы...

Константинъ постоялъ немного молча и спросилъ:

— А про свѣчи, гдѣ сказано въ Библии?

Я открылъ ему Откровеніе и прочелъ: „*семь свѣтильниковъ горѣли предъ престоломъ, которые суть семь духовъ Божиихъ* (—4, 5). А въ ветхомъ завѣтѣ еще яспѣе написано о свѣтильникахъ въ кн. Исх. гл. 27, ст. 20, 21.

— То въ ветхомъ завѣтѣ,—возразилъ Константинъ. Въ новомъ же свѣтильники имѣютъ прямо духовное значеніе.

Я сказалъ:

— Такъ и у насъ: свѣчи при богослуженіяхъ означаютъ теплоту нашей вѣры и горѣніе духа нашего у Престола Божія. Такимъ образомъ, и по православному вѣроученію свѣчи имѣютъ духовный смыслъ...

Константинъ размякъ душой и блаженно улыбался. Я спросилъ:

— Вѣруешь тому, что я говорю?

— Вѣрую,—шепотомъ отвѣтилъ Константинъ.

Я приласкалъ его. Я сталъ ему твердить успокоительныя слова: онъ—человѣкъ, какъ видно, честный и искренній, пытливый, любознательный. Вотъ на него и напали штунды и сбиваютъ его съ пути. Милый! чего тебѣ не достаетъ у православныхъ?..

— Живемъ плохо,—плача, отвѣтилъ Константинъ.

— Это грѣхъ нашъ. Объ этомъ надо скорбѣть и молиться. Но и у штундистовъ развѣ мало всякихъ гадостей, что ты къ нимъ потянулся?..

Изъ толпы выступилъ церковный сторожъ. Онъ сказалъ:

— Эхъ, сердечный Костя! Ты послушай, что я тебѣ разскажу. Ты знаешь у сектантовъ пресвитера Михаила Петрова? Знаешь, что онъ одно твердитъ про себя: „святой“—и баста?.. Вотъ этотъ „святой“ мужикъ разъ замѣтилъ, что одинъ малый гость выбѣгаетъ съ собранья къ бабамъ. Пресвитеръ возмутился и отлучилъ парня отъ Церкви. Ну, только и парень тотъ—не промахъ. Передъ всѣми онъ давай орать: „Ты, Михаилъ Петровъ, тоже блудникъ! Ты съ моей теткой ночуешь“..

И возмутились было сектанты,—истину тебѣ говорю, Костюха! На три дня отлучили Михаила Петрова отъ Церкви, да потомъ назадъ испугались срама предъ православными. Бога же не боятся!..

Вотъ они тебѣ—хваленные штундари!..

Костя еще ниже наклонилъ голову. Онъ уже навзрыдъ плакалъ. Всѣ тоже прослезились. Я поцѣловалъ его, перекрестилъ и просилъ успокоиться. Потомъ сказалъ:

— Теперь, Костя, ты останешься православнымъ?

— Останусь!—сквозь слезы произнесъ онъ.

— Навсегда?

— До гроба. Пусть Богъ накажетъ, если соблазнюсь штундой!..

Я надавалъ Костѣ брошюрь, и онъ, успокоенный, пошелъ домой.

Оставшіеся люди разсказали мнѣ еще про одинъ *известный* имъ пріемъ, которымъ штунды смущаютъ простодушныхъ православныхъ. Они, на примѣръ, спрашиваютъ нашего мужика:

— Что, когда ты умрешь, спасешься?

— Богъ знаетъ!—отвѣтилъ мужикъ. Это дѣло Божье.

— А у насъ,—говорятъ штунды,—навѣрное известно, что кто изъ братьевъ умираетъ, прямо въ рай!..

И соблазняются мужики: кому же не хочется рая? И лѣзутъ въ штунду, надѣясь тамъ „непремѣнно“ спастись!..

Много еще собесѣдники разсказывали мнѣ про свое положеніе. Они прямо называли себя „разстроеными“ людьми. Лишь въ будущемъ общались они окрѣпнуть въ православіи!..

Д. Боголюбовъ.

Изъ миссіонерской полемики.

О незаконности австрійской іерархіи.

(Беседа вторая съ Усовымъ).

Усовъ. Меня удивляетъ то обстоятельство, что о. миссіонеръ постоянно возвращается къ вопросу о Церкви; зачѣмъ объ этомъ говорить, когда разсматривается другой вопросъ о нашей іерархіи. При этомъ считаю нужнымъ показать и недобросовѣстность о. миссіонера. Онъ читаетъ изъ книги Перетрухина слова о безпоповцахъ и эти слова относить къ намъ, но всѣ знаютъ, что мы не безпоповцы, у насъ такъ же, какъ и въ никоніанской Церкви, есть и трехчинная іерархія и семь тайствъ, значитъ мы не безпоповцы! Зачѣмъ же такъ недобросовѣстно, такъ нагло и открыто лгать, извращать на свой ладъ чужія слова? Это непохвально и предосудительно, а въ устахъ священника даже и стыдно. *Священники Твои, сказано, облечутся въ правду*, а о. миссіонеръ говоритъ публично ложь. Я знаю, онъ возразитъ, что у насъ не совершалось рукоположеніе, не совершалось освященіе св. мвра, поэтому будто бы у насъ и не было семи тайствъ. Но вѣдь онъ согласился же, что священники—посланники, значитъ у насъ и тайство священства было. Что же касается мвра, то по ученію Матѳея Правильника, если будетъ нужда въ мврѣ, его можно разбавлять водою, а такое мвро у насъ никогда не прекращалось,—имъ мы помазали и митрополита Амвросія. Вотъ и ясно стало, что у насъ всѣ семь тайствъ были всегда, мы не имѣли такой нужды, какую испытываютъ безпоповцы. Я уже замѣтилъ, что о. миссіонеръ чувствуетъ подъ собою слабую почву и поэтому старается отдѣлаться только словами. Онъ говоритъ, что еретики второго чина не имѣютъ хиротоніи, но этого ничѣмъ не доказалъ и не докажетъ. Да и что онъ

будеть говорить, когда хорошо знаетъ, что если у какихъ либо еретиковъ принимается крещеніе безъ повторенія, то также безъ повторенія принимается и хиротонія; если крещеніе этихъ еретиковъ истинное, то также истинна и ихъ іерархія. Вотъ тутъ-то и является противорѣчіе никоніанской Церкви въ своихъ отношеніяхъ къ намъ; наше крещеніе они признають, а іерархію отрицають, чѣмъ ясно свидѣлствуютъ о содержаніи ереси люциферіанской.

О. миссіонеръ увѣряетъ васъ, что митрополитъ Амвросіѣ перешелъ къ намъ не по убѣжденію, а ради корыстныхъ цѣлей. Это неправда, это нагаль на него нашъ врагъ Субботинъ. Онъ указываетъ на какое-то условіе, но никакого условія не было. Амвросіѣ перешелъ къ намъ по убѣжденію; это видно уже изъ того одного, что когда въ Константинополь узнали о переходѣ къ намъ Амвросія, то патріархъ Анеимъ грамотою отъ 8 августа 1847 года призывалъ его на самую лучшую епархію, но митрополитъ Амвросіѣ отказался, предпочитая быть у насъ, въ истинной вѣрѣ гониму, стѣсняему, чѣмъ пользоваться почетомъ и большими доходами въ самой лучшей епархіи. Когда его понуждало даже австрійское правительство возвратиться къ своему бывшему патріарху, онъ написалъ: „Несправедливо есть свѣтильнику подъ спудомъ стояти; я единожды сію религію принялъ, и уже вспять возвратиться не желаю“. Да и могъ ли онъ, преклонныхъ лѣтъ старецъ, ежеминутно ожидавшій смерти, соблазниться какими-то 500 червонцами, могъ ли промѣнять благо жизни вѣчной на временное богатство? Нѣтъ, онъ по убѣжденію принялъ старообрядчество, глубоко искренно раскаялся предъ своимъ духовнымъ отцомъ въ грѣхахъ, торжественно проклялъ еретическую Церковь, къ которой принадлежалъ, согласился быть помазанъ св. мѣромъ и во всю свою многострадальную жизнь оставался вѣренъ разъ навсегда принятой имъ вѣрѣ. Неумѣстны въ бесѣдахъ разныя остроты и насмѣшки: имъ мѣсто въ циркахъ, а не здѣсь, а о. миссіонеръ позволяетъ себѣ смѣяться надъ митрополитомъ Амвросіемъ, остритъ, что Іеронимъ могъ сказать ему: „азъ тя поставихъ“. Іеронимъ его не поставлялъ, а только на основаніи правилъ припалъ въ истинную Церковь, распорядиться же имъ, назначать на кафедру не имѣлъ права и не назначалъ; бѣлокриницкую митрополию Амвросіѣ

принялъ самъ, какъ и Агапить синнадскую. Таковы ужь нынче пріемы никоніанскихъ миссіонеровъ, чтобы подлогами, насмѣшками да издѣвательствами уловлять въ свои сѣти слабовѣрныхъ старообрядцевъ. Съ легкой руки профессора Субботина, они не стѣсняются на этомъ поприщѣ. Субботинъ выдумалъ подложное условіе, будто мы обязались платить Амвросію 500 червонцевъ за переходъ къ намъ, подговорилъ самыхъ порочныхъ нашихъ старообрядцевъ Филарета да Онуфрія выкрасть изъ нашего архива документы, да и получаютъ за это теперь деньги и ученныя степени! (Послѣ этого Усовъ началъ самыми мрачными красками, въ рѣзкихъ выраженіяхъ унижать своего бывшаго намѣстника митрополіи Онуфрія, игумена Филарета и извѣстнаго общителя раскола архимандрита Павла). Часто смѣются теперь миссіонеры надъ исповѣдью Амвросія, который будто не могъ понимать Іеронима, а Іеронимъ его, но все это ложь, выдумка Онуфрія: Амвросій хорошо зналъ славянскій языкъ и свободно могъ на немъ объясняться. За деньги, говорятъ, поставилъ намъ Амвросій епископовъ. А забываютъ, должно быть, что и восточные патріархи, приходящіе къ намъ для поставленія патріарховъ, тоже за это брали деньги (Прижова „Нищіе на Руси“). И въ заключеніи условія, если бы даже оно и было, ничего нѣтъ предосудительнаго. Всѣ еретики принимались въ святую Церковь при соблюденіи тоже нѣкоторыхъ условій. Намъ не объ этомъ нужно говорить, а о правилахъ соборныхъ. Если Амвросій былъ принять на основаніи правилъ, то онъ законный епископъ, а если вопреки правилъ,—незаконный.

О. миссіонеръ утверждаетъ, что еретики-клирики, принятые въ православную Церковь вторымъ чиномъ, становятся простецами. Чтобы доказать противное, я вынужденъ повторить снова 8 правило перваго вселенскаго собора и привести толкованіе на это правило болѣе полное, чѣмъ какое находится въ славянской Кормчей. Вотъ слова 8 правила въ русскомъ переводѣ: „О именовавшихъ нѣкогда самихъ себя чистыми, но присоединяющихъ себя къ каеолической и апостольской Церкви, благоугодно святому и великому собору, *да по возложеніи на нихъ рукъ, пребываютъ они въ клиръ*. Итакъ, гдѣ или въ селахъ, или въ градѣхъ, всѣ, обрѣтающіеся въ клиръ, окажутся рукоположенными изъ

нихъ однихъ, да будутъ въ томъ же чинѣ. Аще же тамтѣ, гдѣ есть епископъ каеолическія Церкви, нѣкоторые изъ нихъ приступятъ къ Церкви, явно есть, яко епископъ православныя Церкви будетъ имѣть епископское достоинство, а именующійся епископъ у такъ называемыхъ чистыхъ пресвитерскую честь имѣти будетъ; развѣ благоразсудить мѣстный епископъ, чтобы и тотъ участвовалъ въ чести и имени епископа. Аще же негодно будетъ, то для видимаго сопрічисленія такового къ клиру, изобрѣтеть для него мѣсто или хорепископа, или пресвитера: да не будетъ двухъ епископовъ въ градѣ“. Толкуя это правило, Іоаннъ Зонара говоритъ: „Если они (т. е. еретики чистые) рукоположены во епископовъ, или пресвитеровъ, или діаконовъ, то присоединяемые изъ нихъ къ Церкви остаются въ клирѣ, въ своихъ степеняхъ, если въ церквахъ, къ которымъ рукоположены они, нѣтъ другихъ. Какъ они погрѣшали неуклоненіемъ отъ вѣры, а братоненавидѣніемъ и недопущеніемъ покаянія для падшихъ и обращающихся, то поэтому соборъ принялъ и рукоположеніе ихъ, и опредѣлилъ, чтобы они оставались въ ихъ степеняхъ, если не будетъ епископа каеолической Церкви того города“. Толкованіе Аристина: „Такъ называемые чистые должны быть пріемлемы и помазаны единымъ святымъ муромъ. И если нѣкоторые изъ нихъ суть или епископы, или хорепископы,—остаются въ томъ же достоинствѣ“. Вальсамона: „Правило говоритъ, что если кто изъ нихъ (еретиковъ) съ чистымъ раскаяніемъ оставитъ прежнее зло и обяжется сохранять догматы каеолической Церкви, тотъ долженъ быть принятъ, и если экклирики, то они должны непремѣнно сохранять свои степени“. „Вѣроятно, нѣкоторые говорили, что принять ихъ должно, но только быть имъ въ качествѣ простыхъ мірянъ и не дѣйствовать правами, принадлежащими ихъ прежнимъ степенямъ. Это соборомъ не принято, а положено возстановить ихъ въ ихъ степеняхъ“. Итакъ, 8 правило перваго вселенскаго собора и толкователи онаго утверждаютъ, что еретики-клирики, принятые въ православную Церковь чрезъ мурѡпомазаніе, остаются въ своихъ степеняхъ безъ повторенія надъ ними хиротоніи. 69 пр. кареагенскаго собора и толкованіе на оное говорятъ, что и еретики донатіане также должны быть принимаемы въ своихъ степеняхъ. Мы по-

слѣдователи святособорныхъ правилъ, а потому твердо вѣруемъ, что и митрополитъ Амвросій, принятый въ нашу св. Церковь вторымъ чиномъ, остался настоящимъ митрополитомъ, а слѣдовательно, и поставленные имъ священники и епископы суть законные іерархи. Въ этомъ насъ никто не разубѣдитъ, такъ какъ св. правила для насъ достовѣрнѣе миссіонерскихъ разсужденій. Поэтому бесѣду объ этомъ предметѣ я считаю оконченной.

Миссіонеръ. Въ своей рѣчи г. Усовъ затронулъ нѣсколько вопросовъ, доказывая что: а) раскольники имѣли и до перехода къ нимъ Амвросія всѣ семь церковныхъ таинствъ, б) что не признается дѣйствительной хиротонія только тѣхъ еретиковъ, у которыхъ не признается и крещеніе, т. е. еретиковъ перваго чина, в) что Амвросій перешелъ въ расколъ по убѣжденію, а не за деньги, и что онъ хорошо зналъ славянскій языкъ, г) что соборныя правила за еретиками 2 чина признаютъ іерархію дѣйствительной. Разсмотримъ все это. При рѣшеніи перваго вопроса, т. е. имѣли ли раскольники до перехода къ нимъ митр. Амвросія всѣ семь церковныхъ таинствъ, стоитъ только спросить самого Усова, имѣютъ ли всѣ семь церковныхъ таинствъ бѣглопоповцы? Онъ отвѣтитъ, что не имѣютъ. А такъ какъ м. Амвросій пришелъ къ обществу бѣглопоповцевъ, то вопросъ самъ собою рѣшается въ отрицательномъ смыслѣ. Когда же мы обратимся къ святоотеческимъ писаніямъ, то намъ еще яснѣе будетъ, что общество бѣглопоповцевъ, не имѣвшее своихъ епископовъ, не могло совершать и всѣхъ таинствъ церковныхъ, не имѣло благодатныхъ даровъ св. Духа. „Егда ту пѣсть архіерея, таковѣмъ не дается Духъ Святыи“, сказано въ книгѣ пр. Никона Черногорца. Бл. Симеонъ Солунскій поучаетъ: „Вся божественныя тайны и во всѣхъ священныхъ архіерейство дѣйствующе есть, и безъ того ниже жертвенникъ будетъ, ниже хиротонія, ниже муро святое, ниже крещеніе, ниже убо христіане“ (гл. 77). У бѣглопоповцевъ не было архіерея, поэтому не могло у нихъ быть законнаго совершенія и полноты церковныхъ таинствъ, „по всей поднебеснѣи“, а потому и слова Перетрухина, направленныя къ обличенію безпоповцевъ, въ тоже время обличаютъ и бѣглопоповцевъ, принявшихъ Амвросія, уподобляя ихъ обществу „сонму злыхъ и нечестивыхъ людей, „безблагодатному источ-

нику“, „нечистому колодцу“. И другой раскольнической писатель В. Механиковъ говоритъ: „Мы должны вѣровать съ полнымъ убѣжденіемъ въ ту истину, что святая Церковь установила и содержитъ семь церковныхъ таинствъ, и эти семь таинствъ есть одни изъ существенныхъ признаковъ ея православія. Кто приѣмлетъ и вѣруетъ, что во святой Церкви должны быть семь таинствъ, тотъ есть истинно православный христіанинъ, а кто отрицаетъ хотя одно изъ нихъ, есть еретикъ. Въ старообрядческомъ же обществѣ *не совершались* собственно и самостоятельно *нѣкоторыя таинства* не по ихъ волѣ и пренебреженію, а вслѣдствіе тяжелаго давленія властнаго произвола, отнявшаго у него и силы и средства. А посему основательно ли обвинять общество старообрядцевъ за *недостатокъ полности видимаго совершенія церковныхъ таинствъ*!“ (Истор. канон. обзор. л. 200—202). И Перетрухинъ въ предисловіи къ своему „Мечу духовному“ сознается, что ихъ Церковь до перехода Амвросія имѣла много церковныхъ недостатковъ, и только „отъ того времени Божіимъ произволеніемъ изобилуетъ св. Церковь духовными чинами, якоже и небо красящееся свѣтлыми звѣздами“. Ясно, такимъ образомъ, что общество раскольниковъ до Амвросія имѣло много недостатковъ, лишено было совершенія всѣхъ церковныхъ таинствъ, было Церковію одолѣннаго отъ вратъ адовыхъ, т. е. не Христовой, такъ какъ „властный произволъ“ отнялъ у него „и силы и средства“. И къ такой-то, не имѣвшей спасительныхъ „силъ и средствъ“, безблагодатной Церкви пришелъ Амвросій, по ученію самихъ же раскольниковъ, тоже безблагодатный еретикъ и даровалъ имъ „всѣ спасительныя благодатныя средства!“ Какъ не сознаютъ раскольники, что человекъ, самъ ничего неимѣющій, ничего не можетъ дать и другимъ. „Ничто же бо даетъ не имѣя и ничтоже приѣмлетъ кто отъ неимущаго, аще и мнится имѣти“, сказано въ старопечатномъ Номоканонѣ. Усовъ говоритъ, что у нихъ были священники и освященное ранѣе еще патр. Никона муро, разбавляемое ими масломъ и водою, слѣдовательно, заключаетъ онъ, были у насъ и таинства священства и муропомазаніе. Но безъ епископовъ не могло быть ни того ни другого (1 п. 2 пр. св. апост., 6 пр. кареаг. соб.). „Молитвою архіереевъ Христовыхъ, облеченныхъ силою апостоловъ, или лучше Самого

Христа освящается на жертвенникѣ св. муро“, учить бл. Симеонъ Солунскій. Разбавленіе же мюра водою или масломъ не есть совершеніе „освященія“. Я не допускаю мысли, что Усовъ не понимаетъ разности между священникомъ и таинствомъ священства или рукоположенія, между освященнымъ муромъ и таинствомъ совершенія мюра. Среди раскольническихъ сектъ существуетъ такъ называемая „нѣтовщина“, или спасовцы. Послѣдователи этой секты крестятся и вѣнчаются въ православной Церкви, слѣдовательно, они и крещены и повѣнчаны, но скажетъ ли Усовъ, что въ ихъ сектѣ совершается крещеніе и бракъ. Или другой примѣръ, въ Москвѣ печатаются старопечатныя книги; книги эти есть и у ротовскихъ жителей, но скажетъ ли кто-либо, что они печатаются здѣсь у нихъ. Такъ и о бѣглоповцахъ слѣдуетъ понимать, что хотя у нихъ и есть священники, есть и разбавленное муро, но таинства рукоположенія и совершенія мюра у нихъ нѣтъ, такъ какъ нѣтъ епископовъ, которые одни только и могутъ совершать сіи таинства. Часто Усовъ высказывалъ, что и священникъ такой же посланникъ, какъ и епископъ, или что епископъ и пресвитеръ одно и то же. Но такое неправильное мнѣніе опровергаетъ св. Епифаній Кипрскій въ своемъ сочиненіи противъ Аэція, говоря: „Его мысль и невѣріе обнаруживаются и въ томъ безумномъ ученіи, которое его злохудожествомъ внесено между людьми. Приступилъ же къ его опроверженію и, сказавъ немного, оставилъ его. Что все у него исполнено безразсудства, это ясно для имѣющихъ умъ. Онъ говоритъ, что епископъ и пресвитеръ одно и то же. Какъ это возможно? Санъ епископскій раждаетъ отцевъ для Церкви, а санъ пресвитерскій, будучи не въ состояніи раждать отцевъ, раждаетъ чадъ для Церкви посредствомъ бани пакибытія, а не отцевъ, или учителей. И какъ можно поставлять пресвитеру, неимѣющему права рукоположенія? Или какъ можно звать пресвитера равнымъ епископу? Привела Аэція въ оболъщеніе его насмѣшливость и зависть“ (ч. 5, глава 4).

Усовъ далѣе обвиняетъ меня и нашу св. Церковь въ непослѣдовательности, такъ какъ, принимая ихъ крещеніе, совершонное въ расколѣ, должно будто бы принимать и хиротонію, а такъ какъ мы, принимая ихъ крещеніе, отвергаемъ хиротонію, то будто бы и уподобляемъ себя еретикамъ люциферіанамъ.

Но мы согласно съ ученіемъ старопечатныхъ книгъ въ Церкви не признаемъ спасительнымъ ни одного таинства. Какъ бы ни старался увѣрить насъ г. Усовъ, что въ ихъ обществѣ есть всѣ таинства, мы согласно съ Толковымъ Апостоломъ, скажемъ ему, что „соблазняется о семь“ онъ и его единомысленники: „понеже іереевъ въ благочиннѣхъ посланныхъ не имѣютъ. Аще бы и имѣли отъ насъ отбѣгшихъ единаче тайны безъ единости Церкви христіанскія ничесо же суть... невозможно нигдѣ же тайнѣ совершались толико во единости Церкви Божія, ея же между сонмищами еретическими нѣсть тогда, и тайны ни единыя въ нихъ нѣсть, развѣ крещенія святого отъ нихъ же тако есть достойно, яко крещаемого отъ нихъ егда приходитъ къ единенію Церкви, паки крестити не требѣ, аще ли не приидеть къ Церкви, ничесо же ему полезно есть (Толк. Апост. л. 548 об.). Итакъ, вмѣсто того, чтобы обвинять въ ереси нашу Церковь, Усову слѣдовало-бы сначала признать еретическимъ старопечатный Толковый Апостоль, согласно съ которымъ наша св. Церковь, не повторяя таинства крещенія, полученное въ ереси, признаетъ его дѣйствительнымъ и спасительнымъ только при усыновленіи ею крещенаго въ ереси чрезъ св. таинство мѣропомазанія (еретиковъ 2 чина) или благословеніе священнослужителей (ерет. 3 чина). И раскольническій писатель Механиковъ говоритъ, что „принимая отъ еретиковъ извѣстныя таинства, православная Церковь силу спасительнаго дѣйствія ихъ усвоила всегда только Церкви православной; когда получившіе ихъ, оставляя свои заблужденія, присоединяются къ Церкви православной, пребывающимъ же въ ереси служить великимъ осужденіемъ и казнію“ („Истор. кан. обзор.“ § 26), обвинять православную Церковь за непризнаніе священнаго сана за приходящими въ единеніе съ нею раскольническими клириками Усовъ не имѣетъ основаній, такъ какъ св. Церковь считаетъ ихъ простолюдинами, а потому и принимаетъ ихъ въ этомъ званіи. Тутъ, надѣюсь, и Усовъ не можетъ видѣть никакой ереси.

По убѣжденію ли Амвросій перешолъ въ расколъ и зналъ ли онъ славянскій языкъ? Этотъ вопросъ, какъ и раньше я говорилъ, не имѣетъ существеннаго значенія, и о немъ не слѣдовало бы много распространяться. но такъ какъ

Усовъ, по свойственной ему привычкѣ, публично рѣшился обвинять во лжи, подлогахъ и обманахъ честнаго и доблестнаго борца за св. истину и православіе, заслуженнаго профессора московской академіи Николая Ивановича Субботина, всю свою жизнь отдавашаго этому св. дѣлу, то я нахожу нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ и по этому вопросу, при рѣшеніи котораго намъ только и нужно возстановить отвергаемую Усовымъ истину относительно заключенія Амвросіемъ условія съ раскольническими искателями епископа. Оставимъ Николая Ивановича Субботина въ покоѣ и обратимся къ защитнику раскола Перетрухину: быть можетъ, онъ поможетъ намъ рѣшить этотъ вопросъ. Вотъ его книга „Мечъ духовный“, въ которой на четвертое предположеніе бѣглопоповцевъ: „Митрополитъ Амвросій, пришедшій къ вамъ не ради спасенія своей души и вашихъ, какъ положено въ чинопріятіяхъ: „прихожду не отъ нужды нѣкія“ и пр., но ради положеннаго ему жалованья 500 червонцевъ (1500 р.)“ отвѣчаетъ: *„Митрополитъ Амвросій, поступающій въ древлеправославную Церковь, при заключеніи условія съ иноками Павломъ и Амиміемъ“.. Что же касается до положеннаго ему жалованія на содержаніе его съ семействомъ 500 червонцевъ, то этимъ нисколько не повреждается благочестіе“.* Но вопросъ у насъ не о томъ: повреждается или не повреждается благочестіе жалованіемъ, а было ли заключено условіе, и обѣщались ли платить Амвросію жалованіе. Да, было и то и другое, утверждаетъ Перетрухинъ. Пусть же Усовъ и своего собрата Перетрухина и даже своего лжеепископа Швецова, который тоже не отвергаетъ заключенія условія, называетъ лжецами и обманщиками, если рѣшается называть такъ профессора Субботина. Что м. Амвросій перешелъ въ расколъ не по убѣжденію, а ради сребренниковъ, при усиленной просьбѣ своего сына Георгія, который надѣялся обезпечить чрезъ эту измѣну православію свое благосостояніе, и что Амвросій не имѣлъ надлежащаго понятія о расколѣ, не зналъ, что ему придется признать себя и всю св. Церковь еретическими, это видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Когда бѣлокриницкій соборъ простолюдиновъ рѣшилъ принять м. Амвросія, какъ еретика втораго чина, то Павлу пришлось почти цѣлую ночь убѣждать еге согласиться на

это „соборное рѣшеніе“. Но для Амвросія, говорить профессоръ Субботинъ, убѣдительное всѣхъ Павловыхъ аргументовъ была, конечно, совершенная безвыходность его положенія, положенія „рыбы, во мрежи съдящей“, и человѣка, „сжатаго клещами“, какъ нѣкогда выразился о немъ самъ Павелъ. Продавшись липованамъ, разорвавъ окончательно всѣ связи съ обществомъ, къ которому принадлежалъ доселѣ, могъ ли Амвросій противиться тому, что Павелъ называлъ народнымъ липованскимъ рѣшеніемъ? „И онъ, бѣдненькій, (какъ повѣствуетъ непосредственный свидѣтель тогдашнихъ бѣлокриницкихъ событій—инокъ Онуфрій), будучи завезенъ въ чужую землю и въ другія языки, и не хотѣлъ, а долженъ былъ и поневолѣ рѣшился исполнить желаніе народа“. Когда утромъ, въ день принятія Амвросія, явилась къ нему депутація во главѣ съ Павломъ, Амвросій, „выслушавъ предложеніе присоединиться отъ мнимой ереси къ мнимо древнему православію посредствомъ второго чина, вѣроятно, изложенное отъ имени собора инокомъ Павломъ, обратился къ нему веселымъ лицомъ и сказалъ: „видно и ты, Павелъ, глупый“. Въ этомъ краткомъ отвѣтѣ выразилось, можно сказать, все его презрѣніе къ расколу, такъ какъ смыслъ отвѣта, очевидно, тотъ, что всѣ раскольники, по мнѣнію Амвросія, совершенные невѣжды, и что былъ между ними одинъ только человѣкъ, котораго считалъ онъ и умнымъ, и стоящимъ уваженія, но и тотъ оказался теперь не лучше другихъ, такимъ же, какъ всѣ прочіе, „глупымъ“. Другое замѣчательное изреченіе Амвросія сказано имъ, по свидѣтельству *соборнаго дѣланія* (составленнаго Павломъ) въ отвѣтъ на „простертую къ нему трогательную“ рѣчь, въ которой убѣждали его на соборное предложеніе. Убѣжденный будто бы этой рѣчью, митр. Амвросій, „обратясь къ настоятелю съ братією“, сказалъ, наконецъ: „изволяю на предложеніе ваше; *только съ тѣмъ, да будетъ свидѣтель Богъ, если состоитъ въ этомъ какой грѣхъ, да будетъ на васъ, а я чистъ отъ таковаго*“. Итакъ, вотъ чѣмъ Амвросій хотѣлъ успокоить свою совѣсть, согдасившись, хотя и по нуждѣ, но все таки сознательно, на преступное дѣло, подражая извѣстному примѣру, и онъ умываетъ руки, клянется, что онъ чистъ отъ грѣха, и всю вину за грѣхъ слагаетъ на другихъ. А эти другіе, опять какъ будто стараясь именно подражать извѣ-

стному же примѣру, охотно берутъ его грѣхъ на себя. „Отцы съ радостію на то согласились“, прибавляетъ соборное дѣяніе (Истор. стр. 478—481). Отвергать эти слова Амвросія Усовъ не рѣшится, такъ какъ они записаны раскольниковъ—инокомъ Павломъ. А эти слова ясно показываютъ, какъ м. Амвросій смотрѣлъ на расколъ и свой поступокъ. Онъ заявляетъ открыто, что рѣшается поругаться надъ православною Церковію, такъ же, какъ и Пилать надъ Христомъ Спасителемъ, только по требованію народа, а самъ считаетъ ее неповинной ни во единомъ грѣхѣ, не признаетъ въ ней никакой ереси. И въ отвѣтъ своемъ на вопросные пункты цареградскаго патр. Анѣима, Амвросій, свидѣтельствуешь, что ушелъ изъ Царьграда въ Бѣлую Крипицу единственно по причинѣ стѣснительныхъ обстоятельствъ, въ какихъ находился, не имѣя каедры, а не потому, что будто бы увидѣлъ неправоту греческой Церкви и убѣдился въ правотѣ раскола. „А на письмо патріарха цареградскаго, отъ 8 августа 1847 года, могу отвѣчать слѣдующее, писалъ Амвросій: а) въ 1841 году, послѣ пятилѣтней моей паствы, смѣнили меня съ законной моей Босанской іерархіи безъ всякой объявленной мнѣ причины, какъ то и самъ пынѣшній патріархъ знаетъ, который тогда былъ мой агентъ. Даже отправившись я изъ Босніи и пріѣхавши въ Браиль, писалъ моему пріятелю въ Царьградъ допросить у патріарха причины, за что меня смѣнили; пріятель же мой, по совѣту нѣкоторыхъ особъ, осмѣлился дойти до русскаго посланника Титова и просить для меня ходатайства. Г. Титовъ, видя сдѣланную мнѣ несправедливость, послалъ къ тогдашнему патр. Анѣиму второму (умершему въ 1842 г. 12 іюня), у котораго спросилъ, согрѣшилъ ли я противъ вѣры православной? Онъ отвѣтилъ: нѣтъ. А согрѣшилъ ли противъ Церкви и власти своего патріарха? И на то отвѣтилъ: нѣтъ. А для чего отмѣнили, былъ дальше вопросъ, на каковой вопросъ патріархъ отвѣчалъ: по клеветѣ турецкихъ начальниковъ Босанскихъ. Потому и надѣялся я, что, прибывшу мнѣ въ Константинополь, опредѣлитъ меня Церковь и патріархъ въ другую епархію. Однако не только въ животѣ своемъ Анѣимъ патріархъ забылъ, когда хотѣлъ меня помиловать, но даже и другіе два послѣдующіе на престолѣ, Германъ и Мелетій, чрезъ цѣлыхъ пять годовъ не показали

ко мнѣ никакого знака челоуѣколюбія и братолюбія, но оставили меня только на малой пенсіи при патриархіи еще долѣе, въ ожиданіи вакансіи; б) что патр. Анѳимъ третій, бывшій, какъ выше сказано, мнѣ нѣкогда агентомъ, зналъ все мое несчастіе и страданіе, и притомъ даже и самую невинность въ случившемся мнѣ неправедномъ послѣдствіи, вступивъ на престолъ партіаршества, не обратилъ очей своихъ на меня опредѣлить меня, по крайней мѣрѣ, въ меньшую нѣкую епархію, которыя уже тогда были вдовствующія, какъ-то: Маронія и Гонахера, но поставилъ въ оныя епархіи своихъ любимцевъ и вовсе неискусныхъ діаконовъ, а не меня или подобныхъ мнѣ страдальцевъ, которыхъ въ Царьградѣ есть довольно, и, какъ не имѣя никакой силы или средства, терпятъ и страждутъ до сихъ поръ“. (Ист. Павла церк. истор. ч. 3, стр. 211—213). Ясно, такимъ образомъ, изъ словъ самого Амвросія, что онъ отдѣлился отъ православной Церкви не за ересь ея, но по убѣжденію въ правотѣ раскола, и „грѣховнаго ради извѣта“ патриарховъ, не показавшихъ къ нему „челоуѣколюбія и братолюбія“, оставившихъ его „страдать „на малой пенсіи“, а посему, на основаніи 13, 14 и 15 прав. второ-перваго собора, онъ и лишается „всего святительства“, послѣдующіе же ему подлежатъ отлученію. Амвросій, говоритъ Усовъ, отказался возвратиться въ Константинополь; это справедливо, но только отказался не потому, что убѣдился въ правотѣ раскола, а изъ за того, что не хотѣлъ подвергать себя ожидавшему его тамъ позору за измѣну православію, за тайный побѣгъ отъ своего патриарха къ отлученнымъ отъ Церкви раскольникамъ. Здѣсь, пребывая въ покоѣ и ничего не дѣлая, Амвросій жилъ въ полное свое удовольствіе, получая жалованіе и отъ Бѣлокриницкаго монастыря, и отъ австрійскаго правительства, пользуясь почетомъ, какъ глава всѣхъ мнимыхъ древлеправославныхъ христіанъ, и притомъ оставаясь по убѣжденію православнымъ, какъ это видно уже изъ того одного, что онъ за все время пребыванія своего въ расколѣ не исповѣдывался у наставленныхъ имъ епископовъ и священниковъ и предъ смертію пригласилъ напутствовать себя православнаго священника и приказалъ похоронить себя не въ Бѣлой Криницѣ, а на православномъ кладбищѣ въ Триестѣ. Мы говорили уже, что, главнымъ образомъ, склонилъ Ам-

вросія къ переходу въ расколъ его семейный сынъ Георгій, котораго „много и много кратъ“ потомъ Амвросій „бранилъ за это дѣло“ и говорилъ: „да буду я отъ Бога наказанъ за это дѣло, понеже онъ не хотѣлъ пріятить на липованску ересь, ежели (бы) я не былъ добрый за липована“. Что, дѣйствительно, Амвросій „много и много кратъ“ бранилъ Георгія и проклиналъ расколъ въ бесѣдахъ съ своимъ сыномъ, видно еще изъ слѣдующаго письма Георгія, которое онъ написалъ митрополиту Кириллу и Алимпію, послѣ смерти отца, когда узналъ, что раскольники отказались платить ему 500 червонцевъ и, кромѣ того, не хотѣли помипать Амвросія за его возвращеніе въ православіе: „Клятва и анаеема на два поскудна особа, Кириллу и Алимпія, понеже вы, какъ я увѣдомленъ былъ, когда былъ въ Черновца, да вы безпрестанно ругаете вашего добродѣтеля, покойнаго господина Амвросія, моего родителя, и не хотите за его душу молиться и еще препятствуете, чтобы православныхъ христіанъ послѣ смерти моего родителя дали намъ 500 червонцевъ ежегодное наше жалованіе, которое общее содержаніе наши семейства была, и за которое мой родитель освятилъ вамъ и очистилъ вамъ отъ оной оригинальную клятвы, которую липовански народъ имѣлъ въ себѣ отъ старыхъ временъ. За то я самъ моимъ писаніемъ проклиною васъ два слѣдующими словами, аки отъ сторона моего покойнаго родителя, и отъ сторона его тезоименителя, святаго Амвросія. Во-первыхъ, проклиною и анаеематизо Кириллу, чтобы его душу послѣ его смерти взялъ сатана и вельзеулъ и внесли во дно адаво, и чтобы никогда Божія лица не видѣлъ, и чтобы его тѣло не растопленъ остался послѣ его издыханія, и на смертный свой часъ кричалъ, какъ собака, думаетъ не умный и паскудный чловѣкъ, что никто другой какъ онъ; онъ думаетъ, поставленъ есть митрополитъ отъ Бога и безъ рукоположенія! А нтъ, отъ моего родителя, съ моимъ помощіемъ... Теперь переносу мою клятву и анаеема на дерзновеннаго и лживаго Алимпія, который не вѣруетъ ни на Бога ни на святыхъ, ни на синода, но самъ основаніе имѣетъ на свою проклятую ересь и суетьріе. Его проклятая душа, послѣ его смерти, діаволы будутъ привозить въ геену, и тамъ будутъ безпрестанно горѣть, тѣло же его, вкупѣ со зміанскою его голову, будетъ остатъ на землѣ нерастопленъ“ (Переп. раск.

дѣят., вып. 1, стр. 237—240). Изъ этихъ словъ Георгія видно, какъ „много и много кратъ“ Амвросіи отзывался о расколѣ. Если бы онъ по убѣжденію переходилъ въ расколъ, по убѣжденію оставался въ немъ, такихъ словъ и отзывовъ о расколѣ и его первыхъ дѣятеляхъ ни отъ Амвросія, ни отъ его сына не было бы.

Что касается вопроса, зналъ-ли Амвросіи славянскій языкъ, то профессоръ Субботинъ говоритъ: „Амвросіи на самомъ дѣлѣ не умѣлъ говорить по славянски, на это самъ Павелъ представилъ доказательство, сказавши (въ собор. дѣяніи), что чинъ проклятія ересей былъ для Амвросія „переведенъ на греческія литеры“, чего разумѣется, совсѣмъ бы не требовалось, если бы Амвросіи умѣлъ говорить по славянски и кромѣ греческихъ литеръ“ (Истор. бѣл. іер. стр. 481, въ подстр. замѣчаніи). Въ этомъ сознается и Швецовъ, который въ одномъ изъ своихъ сочиненій заявляетъ, что Амвросіи не зналъ славянскаго языка. Конечно, это не имѣло бы никакого значенія, если бы не было произведено надъ Амвросіемъ никакого чинопріема. Но разъ раскольники предложили Амвросію проклясть ереси православной Церкви, и это проклятiе произнесено Амвросіемъ на славянскомъ языкѣ, то ясно, что Амвросіи не понималъ, кого и за что проклиналъ. Ему написали славянскій текстъ проклятiя греческими буквами, и онъ прочиталъ ихъ, совершенно не понимая того, что читаетъ. „Вообще все это дѣйствіе Амвросіева чинопріятiя, — говоритъ Субботинъ, — которому старообрядцы придаютъ величайшее значеніе, каковое и должно принадлежать ему съ старообрядческой точки зрѣнія, походило скорѣе на нѣкое „комедійское дѣйствіе“ (стр. 383—4). И на самомъ дѣлѣ возьмемъ хотя бы исповѣдь Амвросія, совершенную Іеронимомъ. Въ составленномъ Павломъ „Свидѣтельствѣ о достоинствѣ Амвросія“, Іеронимъ говоритъ, что онъ приступилъ къ исповѣди его высокопреосвященства, по правиламъ святыхъ апостоловъ и богоносныхъ отецъ, представилъ ему съ великою важностію высокій его чинъ и о паствѣ неотложную его должность, даже и самую будущую его смерть, судъ, муку грѣшныхъ и воздаяніе праведнымъ, и, испытавъ тщательно глубины сердца его, обрѣлъ его во всемъ по желанію нашему достойна, и его высокопреосвященство съ сокрушеннымъ сердцемъ и въ страхѣ

Божіи истинно исповѣдалъ всю сущность православныя христіанскія вѣры“... Но правда ли это? Іеронимъ былъ рускій, незнавшій ни слова по гречески, а Амвросій—грекъ, незнающій русскаго языка. Переводчики при исповѣди не допускаются. Какъ же они могли говорить между собою? Какъ Іеронимъ могъ тщательно испытать глубины сердца Амвросія и убѣдиться въ его достоинствѣ? Какъ могъ Амвросій „истинно исповѣдать предъ непонимающимъ его Іеронимомъ всю сущность раскола“? Ясное дѣло, что въ дѣйствительности никакой исповѣди и не было, а „затворились они оба въ алтарѣ на нѣсколько минутъ, уповательно посмотрѣли другъ на друга, тѣмъ и кончилась исповѣдь“, какъ передаетъ о. Онуфрій, жившій въ то время въ Бѣлой Криницѣ. Послѣ этого Амвросій вышелъ чрезъ царскія врата въ полномъ архіерейскомъ облаченіи и сталъ благословлять народъ, а затѣмъ Іеронимъ отслужилъ литургію. Ясное дѣло, что раскольники разглашаютъ молву о томъ, что Амвросій будто бы зналъ славянскій языкъ только для того, чтобы успокоить своихъ собратій, такъ какъ это обстоятельство служить для нихъ немалымъ поводомъ къ разнаго рода недоумѣніямъ и соблазну. Усовъ говоритъ, что я смѣюсь надъ Амвросіемъ, которому будто бы Іеронимъ не могъ сказать: „тебя я поставилъ“. Но тутъ никакой насмѣшки нѣтъ. Мы уже знаемъ, что Іеронимъ, а не кто-либо другой призналъ Амвросія достойнымъ занять бѣлокриницкій престолъ, слѣдовательно, онъ, а не кто другой, „вчинилъ“ его на этотъ престолъ. Поэтому я справедливо сказалъ, что Іеронимъ у раскольниковъ замѣнялъ собою цѣлый соборъ епископовъ, который только и можетъ празднаго епископа признавать достойнымъ или недостойнымъ къ назначенію на праздный престолъ. Инокъ Павелъ въ одномъ изъ своихъ писемъ въ Торжокъ говоритъ: „Написали ему (Амвросію) и то, чтобы онъ не смущенно, но правою совѣстію вступилъ въ нашу Церковь, и во единъ духъ соединился съ нами совершенно по Бозѣ. Такимъ образомъ необходимо онъ долженъ будетъ по прибытіи къ нашей Церкви первѣе всего дѣйствія принять себя отца духовнаго изъ нашихъ священниковъ, по закону христіанскому, вручасъ ему во всемъ душевно, и что духовникъ предлагать будетъ необходимое въ присоединеніи церковномъ согласно

правиламъ св. отецъ, то исполнить долженъ безъ всякаго прекословія“ (Истор. Субб. стр. 380). Ясное дѣло, что Амвросій находился въ полнѣйшемъ подчиненіи Іерониму и долженъ былъ исполнять всѣ его приказанія безъ всякаго прекословія: отъ Іеронима зависѣло, и только отъ него одного, въ данное время распорядиться судьбой Амвросія: признать или не признавать его достойнымъ кафедрѣ, и если Іеронимъ призналъ Амвросія достойнымъ, то онъ всегда могъ сказать Амвросію: „я тебя поставилъ въ Бѣлую Криницу“, а не соборъ епископовъ. Какъ видите, никакой насмѣшки тутъ нѣтъ, а есть только указаніе на то, что у раскольниковъ возникла іерархія только исключительно на нарушеніи церковныхъ правилъ, а потому и законной считается она ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Далѣе Усовъ позволилъ себѣ клеветать и унижать почтеннѣйшихъ о.о. Онуфрія, Филарета и Павла. Но Богъ ему судья! Такія лица, конечно, ненавистны для раскольниковъ, ибо своимъ обращеніемъ изъ раскола, своими бесѣдами и сочиненіями, они нанесли расколу слишкомъ чувствительный ударъ, котораго никакъ не можетъ простить имъ даже и Усовъ, чуть не площадно позволяющій себѣ злословить ихъ. Но, повторяемъ, Богъ ему судья. Долго отрицая заключенныя Амвросіемъ условія, Усовъ, наконецъ, сознается, что „еслибы и было такое условіе заключено, то въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго, такъ какъ всѣ еретики принимались въ единеніе со св. Церковію тоже при соблюденіи нѣкоторыхъ условій“. Но какихъ условій, этого Усовъ не договорилъ. Непремѣннымъ условіемъ при принятіи еретиковъ было требованіе отъ нихъ отказаться отъ своей ереси и подчиняться церковнымъ законамъ (8 прав. 1 вс. соб.). Такія условія не только не предосудительны, но необходимы: только соблюдая или выполняя ихъ, еретики и показывалъ, что онъ дѣйствительно раскаялся въ своемъ заблужденіи и всецѣло принимаетъ ученіе св. Церкви, а отъ Амвросія условіемъ требовалось непременно поставить себѣ преемника, за что ему и обѣщано ежегодное жалованіе. Тутъ уже видна простая коммерческая сдѣлка: намъ, говорятъ Амвросію, нужны епископы, и ты долженъ ихъ поставить; а тебѣ нужны деньги, мы дадимъ ихъ. Усовъ, оправдывая Амвросія, клеветаетъ на восточныхъ патріарховъ, которые тоже будто бы за

деньги поставляли у насъ патріарховъ. Но это неправда. Патріархи не брали за поставленіе кого бы то ни было денегъ, а лишь только получали отъ русскихъ царей милостыню. Эту милостыню цари давали не только патріархамъ, но и всѣмъ епископамъ, архимандритамъ, игуменамъ и простымъ монахамъ восточныхъ церквей и монастырей, ежегодно во множествѣ приходившимъ въ Россію (см. книгу „Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ“). Въ заключеніе своей рѣчи Усовъ привелъ снова 8 правило перваго вселенскаго собора съ толкованіями, а затѣмъ 69 пр. кареагенскаго собора, которыя будто бы говорятъ въ пользу законности австрійской іерархіи. Начнемъ съ разсмотрѣнія послѣдняго правила; 69 пр. кареагенскаго собора читается такъ: „Иже отъ Донатіа поставленіи, аще и отъ римскаго собора покаяшеся, непріятни въ священничество: но понеже спастися всѣмъ добро есть, во исправленіе пришедше, да будутъ пріяти“. Толкованіе. „Се убо еретицы донатіане, аще будутъ поставлены своими епископы, или діаконы, или пресвитеры, приступльше къ правовѣрнѣй вѣрѣ, и свою ересь прокленше, свою честь имѣти, и въ своемъ степеніи пребывать прощени быша, и въ причетъ соборныя Церкви вчиняеми быти, понеже во Авфрикѣи вельми скудно есть причетникъ“. Правило это показываетъ, что практика св. Церкви по вопросу о принятіи еретиковъ-клириковъ была не вездѣ одинакова. Римская Церковь принимала донатистовъ, какъ простолюдиновъ, несмотря на то, что они были еретики третьяго чина, а африканская, по нѣкоторымъ соображеніямъ, принимала ихъ въ сущихъ санахъ. Но это не можетъ служить оправданіемъ для раскольниковъ, такъ какъ они приняли Амвросія не по третьему, а по второму чину, а посему Усовъ напрасно и ссылается на 69 правило кареагенскаго собора. Тоже самое мы видимъ и по отношенію къ еретикамъ новатіанамъ, о которыхъ говорится въ 8 правилѣ 1 всел. соб. Правило это, считая новатіанъ еретиками третьяго чина, повелѣваетъ принимать ихъ епископовъ: или какъ епископовъ или же какъ священниковъ, т. е. необязательно въ своемъ чинѣ, но лишь только въ клирѣ. Что 8 пр. 1 вс. собора новатіанъ или „чистыхъ“ считало еретиками третьяго чина, это видно уже

изъ того одного, что оно не повелѣваетъ ихъ помазывать св. миромъ.

Но тѣхъ же самыхъ еретиковъ Василій Великій (Кормч. л. 225) седьмое правило второго вселенскаго собора, и 95 прешестого вселенскаго собора повелѣваютъ уже принимать, какъ еретиковъ второго чина, чрезъ муропомазаніе, при этомъ совершенно умалчивая о ихъ хиротоніи, т. е. не признавая ее законной и дѣйствительной. Защитники раскола обыкновенно возражаютъ противъ этого, что второй вселенскій и послѣдующіе за нимъ соборы ничего не сказали о принятіи клириковъ-еретиковъ новатіанъ въ сущихъ санахъ потому, что объ этомъ сказано въ 8 пр. 1 всел. собора, съ которымъ послѣдующіе соборы будто бы были вполне согласны. Но такъ ли это въ дѣйствительности? Второй вселенскій соборъ, если и не сказалъ ничего объ этомъ въ правилахъ, то именно потому, что установившаяся практика Церкви, извѣстная каждому епископу, не допускала, что бы еретикъ-клирикъ, принятый вторымъ чиномъ, оставался въ своемъ прежнемъ санѣ. На вопросъ Мартирія, епископа антиохійскаго, о томъ, како примати еретики, приходящіе къ соборнѣй Церкви, второй вселенскій соборъ относительно, между прочимъ, еретиковъ „чистыхъ“ говоритъ то же, что и въ 7 правилѣ, т. е. что ихъ слѣдуетъ помазывать св. муромъ, „и потомъ потщаливіи мирстіи чловѣцы поставляются въ санъ въ немъ же быша, или пресвитери, или діаконы, или ино что“ (Кормч. л. 293 об.). По другимъ, болѣе полнымъ редакціямъ, это мѣсто читается: „и потомъ, *яко* потщаливіи мирстіи чловѣцы, поставляются въ санъ въ немъ же бѣша“, т. е. еретикъ-клирикъ, принятый во св. Церковь черезъ таинство святого муропомазанія, признается мірскимъ чловѣкомъ, или простолудиномъ, и если онъ окажется полезнымъ, тщательно заботящимся о приведеніи къ единенію со св. Церковію и другихъ еретиковъ, или вообще будетъ признанъ полезнымъ на святительскомъ служеніи, то пребываніе его въ ереси не препятствуетъ возведенію его и на ту степень священства и даже высшую, какую онъ занималъ въ ереси, но онъ долженъ быть поставленъ на эту степень священства, *яко мірскій чловѣкъ*.

Съ этимъ невольно соглашается и раскольническій писатель Василій Механиковъ, который говоритъ: „Какъ ни

темно это мѣсто (посланіе), но все-таки оно говоритъ больше въ подтвержденіе той мысли, чтобы по мвропомазаніи рукополагать вновь“ (Истор. кан. обзор. л. 250 об.). Этими словами Механиковъ вполне основательно и согласно съ церковными правилами произноситъ судъ надъ своими мнимыми епископами и собратіями лже-священниками, называя ихъ простецами. Если по мвропомазаніи слѣдуетъ вновь рукополагать, то нужно было бы вновь рукоположить и Амвросія, а такъ какъ онъ вновь не рукоположенъ, то и остался простолудиномъ и, будучи таковымъ, нарукополагалъ себѣ преемниковъ-епископовъ, которые, конечно, какъ получившіе рукоположеніе отъ простеца, не могутъ быть, признаны епископами. Вотъ почему наша св. Церковь, принимая крещеніе раскольниковъ, не можетъ признать ихъ іерарховъ намѣстниками или преемниками апостольскаго служенія, ибо крещеніе по нуждѣ допускается совершать православною Церковію и мірянину, а рукоположенія во священныя степени мірянинъ ни въ какомъ случаѣ совершить не можетъ: эта власть дана только епископамъ.

Намъ остается теперь сказать еще нѣсколько словъ относительно толкованій на 8 правило 1 вселенскаго собора, которымъ раскольники усвояютъ большее значеніе, чѣмъ самому правилу. Толкованія эти принадлежатъ: Зонарѣ, Аристину и Вальсамону. Изъ нихъ Зонара и Вальсамонъ, согласно съ правиломъ, говорятъ, что еретики новатіане принимались въ Церковь по третьему чину *и черезъ возложеніе рукъ православныхъ епископовъ возстановлялись въ своихъ прежнихъ степеняхъ*. Аристинъ же толкуетъ, что правило повелѣваетъ принимать ихъ черезъ мвропомазаніе, хотя въ правилѣ о мвропомазаніи не сказано ни одного слова. Отсюда само собою слѣдуетъ заключеніе, что Аристинъ въ своемъ толкованіи допустилъ отступленіе отъ правила, высказалъ свое личное мнѣніе. А что Аристинъ, дѣйствительно, допускалъ такія отступленія и измѣненія, видно изъ его толкованія на 95 правило шестого вселенскаго собора, которое еретиковъ несторіанъ, евтихіанъ и северіанъ повелѣваетъ принимать черезъ мвропомазаніе, а Аристинъ повелѣваетъ тѣхъ же еретиковъ принимать черезъ одно отрицаніе ихъ отъ ереси (Кормч. л. 205). Поэтому мы должны послѣдовать не Аристину, а самому правилу. Итакъ, при помощи Божіей, нами

доказано, что раскольниковое общество не имѣетъ признаковъ св. соборной и апостольской Церкви, что митрополитъ Амвросій пришелъ къ безблагодатному обществу злыхъ и нечестивыхъ людей, что онъ по митропозаніи сталъ простецомъ, и такъ какъ вновь не былъ рукоположенъ, то оставался простецомъ во всю свою жизнь, что іерархія австрійская, получившая начало отъ простеца Амвросія, не можетъ быть признана законной и благодатной. Къ лже-епископамъ раскольниковъ-австрійцевъ вполне примѣнимы слова св. священномученика Кипріяна: „Сіи суть, кои добровольно у безразсуднаго скопища людей творятъ себя начальниками безъ божественнаго распоряженія, кои себя опредѣляютъ властелинами безъ всякаго закона поставленія, кои, никому же дающу епископство, присвояютъ себѣ имя епископа, коихъ означаетъ во псалмахъ первыхъ Духъ Святой сѣдящими на сѣдалищи губительства, язвами и заразами вѣру обманывающими чрезъ уста змійны, и художниками развращенія истины, смертоносный ядъ горганію изрыгающими, коихъ слова, яко гангрена распространяется, коихъ бесѣда вливаетъ смертоносный ядъ въ сердце каждаго“ (2 Тим. 2, 17). Противу таковыхъ вопіетъ Господь, отъ сихъ удерживаетъ и отвлекаетъ заблужденій свой народъ глаголя: „Не слушайте словесъ пророковъ, иже пророчествуютъ вамъ и прельщаютъ васъ“ (Іерем. 23, 16). „Не посылахъ пророки, а они течаху, не глаголахъ къ нимъ, а ти пророчествоваху“ (21). (О единствѣ Церкви).

Возблагодаримъ же Господа Бога, сподобившаго насъ быть членами Его св. Церкви, и помолимся, чтобы Онъ, Милостивый, привелъ и сихъ заблуждшихъ въ Свое избранное стадо.

Екатериносл. мисс. свящ. *Серій Шамкинскій.*

Беседа съ штудно-баптистами о присягѣ.

Къ батюшкѣ о. Даниилу сельскій староста привелъ двухъ вновь избранныхъ сотскихъ. Эти сотскіе были изъ штундистовъ. Они не хотѣли принимать присяги.

— А безъ присяги,—жаловался староста,—нельзя допустить людей до царской службы. Потому—всѣ мы ложь...

Послушать бесѣду съ сотскими-штундистами захотѣли православные грамотеи. Народу къ о. Даниилу собралось человѣкъ 15.

Выйдя къ людямъ, я сказалъ:

— Здравствуйте, братцы! Зачѣмъ Богъ привелъ васъ сюда?

Отвѣчать сталъ староста. Выдвигая впередъ сотскихъ, онъ сказалъ:

— Вотъ изъ-за этихъ людей беспокоимъ мы васъ. Самоуправщики непокорные... Досталось имъ служить въ сотскихъ, присяги не принимаютъ. А безъ присяги какая ужъ служба?..

— Это такъ, это какъ есть!—подтвердили мужики.

Я спросилъ сотскихъ:

— Почему же вы, ребята, не хотите присягать на вѣрность нашему царю-батюшкѣ?

Они въ одинъ голосъ отвѣтили:

— Мы и такъ будемъ служить царю по правдѣ. Чего клясться?..

Я отвѣтилъ:

— Клятва именемъ Божиимъ имѣетъ большое значеніе въ жизни. Объ этомъ свидѣтельствуетъ ап. Павелъ. Онъ пишетъ: „люди клянутся высшимъ, и клятва во удостоверение оканчиваетъ всякій споръ ихъ“ (Евр. 6, 16). Вотъ и между вами идетъ „споръ“. Безъ присяги общество не хочетъ допускать васъ до царской службы. Почему же этого „спора“ вы не хотите покончить по Писанію? А тамъ сказано, что

даже Самъ Богъ, „желая преимущественно показать наслѣдникамъ обтѣванія непреложность Своей воли, употребилъ въ посредство клятву... (Евр. 6, 17).

Видите: „Самъ Богъ не возгнущался клятвы, когда она понадобилась людямъ. А вы что упираетесь?..

Православные грамотеи удивлялись. Они говорили: ☩

— Одна блажь, больше ничего!

— Нѣтъ не блажь, замѣтилъ сотскій по старше. Клятву запретилъ Христосъ. Въ Евангеліи Онъ учитъ: „Я говорю вамъ: не клянись вовсе: ни небомъ, потому что оно—престолъ Божій; ни землею, потому что оно—подножіе ногъ Его; ни Иерусалимомъ, потому что онъ городъ Великаго Царя; ни головою твою не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ или чернымъ. Но да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ; а что сверхъ этого, то отъ лукаваго“ (Мѡ. 5, 34—37).

Слова Господни,—продолжалъ сотскій,—подтверждаетъ Іаковъ апостоль: „прежде всего, братія мои, не клянитесь ни небомъ, ни землею, и никакою другою клятвою, но да будетъ у васъ: да, да, и: нѣтъ, нѣтъ, дабы вамъ не подпасть осужденію (—5, 12).

Вотъ мы и боимся „подпасть осужденію,“—сказалъ сотскій,—потому и не присягаемъ...

Я отвѣтилъ:

— Вы убоялись страха, гдѣ его нѣтъ (Пс. 13, 5). Вы не соображаете, какія клятвы запретили Господь и апостолы. Да, клясться, подражая древнимъ еврейскимъ законникамъ, грѣшно. Они боялись произносить имя Божіе напрасно (Исх. 20, 7). И выдумали свои клятвы—Иерусалимомъ, небомъ, землею, головою, волосами своими. Такія клятвы были обходомъ закона. Клянущійся небомъ, землею или головою своею, въ сущности, клялся именемъ Божиимъ. Богъ создалъ вселенную (Быт. 1, 1). Потому христіане, обманывая сами себя, не должны клясться еврейскими клятвами. Но призывать Бога во свидѣтели нашего желанія жить по правдѣ,—это не грѣшно. Самъ ап. Павелъ далъ намъ на то примѣръ. Онъ пишетъ: „Бога призываю во свидѣтели на душу мою“ (2 Кор. 1, 23). И въ другомъ мѣстѣ тотъ же апостоль говоритъ: „свидѣтель мнѣ Богъ, Которому служу духомъ моимъ“... (Рим. 1, 9). Вотъ и мы, православные, на прися-

гахъ Бога призываемъ во свидѣтели, что будемъ поступать въ дѣлахъ своихъ по правдѣ. Чего же вы уклоняетесь отъ нашихъ благочестивыхъ порядковъ и не подражаете апостолу?

Сотскіе въ одинъ голосъ отвѣтили:

— То во свидѣтели призывать Бога, а то клясться. Это особая статья. На присягѣ насъ заставляютъ клясться именемъ Божіимъ. Это запрещено Христомъ.

Я возразилъ:

— Христось запретилъ клясться лишь еврейскими клятвами—небомъ, землю, Іерусалимомъ, волосами на головѣ, *именемъ Божіимъ* Онъ не запрещалъ клясться.

Сотскій постарше сказалъ:

— У апостола написано: „не клянитесь... *никакою другою клятвою*“ (Іак. 5, 12). Значить, и именемъ Божіимъ нельзя клясться.

Я отвѣтилъ:

— Запрещеніе апостола клясться „другою“ какою-либо клятвою относится все къ тѣмъ же законническимъ еврейскимъ клятвамъ, о которыхъ написано въ Евангеліи (Мѡ. 5, 34—37). Апостоль не велить намъ клясться *обходными* клятвами, но въ нужныхъ случаяхъ призывать имя Божіе во свидѣтели Онъ не возбраняетъ.

Младшій сотскій сказалъ:

— Не видѣлъ случая въ новомъ завѣтѣ, чтобы когда святые клялись именемъ Божіимъ.

Я возразилъ:

— Не видите, потому что видѣть не хотите. Вотъ въ Откровеніи написано отъ лица Іоанна Богослова: „*Ангель, котораго я видѣлъ, поднялъ руку свою къ небу и клялся живущимъ во вѣки вѣковъ... что времени уже не будетъ*“ (—10, 5. 6). Такъ и мы, православные, поступаемъ: въ торжественныхъ случаяхъ *поднимаемъ* руку и клянемся именемъ Божіимъ. Этотъ видъ клятвы указанъ въ словѣ Божіемъ.

— То ангель клянется,—замѣтили сотскіе,—а не христіане!..

Я сказалъ:

— Развѣ ангелы на небѣ могутъ поступать вопреки волѣ Божіей? Примѣръ *добрыхъ* ангеловъ—для насъ законъ. Ап.

Павель говорить: „о горнемъ помышляйте“ (Кол. 3, 2). Мы и помышляемъ о горнемъ, о небесномъ. Какъ служатъ Богу ангелы, и мы стараемся подражать имъ. Ангелы въ день Рождества Христова воспѣли на небѣ: „Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ“ (Лк. 2, 14). И христіане поютъ эту радостную, священную пѣснь. Почему же вы не хотите подражать небожителямъ въ клятвѣ именованъ Божіимъ?..

Сотскіе молчали.

Староста съ досадою произнесъ:

— Эхъ, вы люди! Чище ангеловъ себя представляете, а пальца вамъ въ ротъ не клади! Откусите...

Разговоръ нашъ о присягѣ кончился. Я спросилъ сотскихъ:

— Такъ теперь вы присягнете, подражая ангелу на небѣ?

— Подумаемъ!—уныло отвѣтили они, и мрачные пошли изъ дома о. Данила.

Д. Боголюбовъ.

Миссіонерство, секты и расколъ.

(ХРОНИКА).

Изъ залы заеѣданій Боровскаго окружнаго и Калужскаго епархіальнаго миссіонерскихъ сѣздовъ.

Открытіе Боровскаго сѣзда.—Приглашеніе Боровскихъ лжепоповъ и попечителей моленныхъ на братскую бесѣду съ представителями сѣзда.—Пренія по вопросу о хожденіи съ иконами по домамъ раскольниковъ.—О неодинаковости практики въ дѣлѣ присоединенія къ Церкви приходскимъ и монастырскимъ духовенствомъ брачущихся изъ раскола.—О значеніи школы въ дѣлѣ миссіи.—О полемическихъ и апологетическихъ приемахъ преподаванія Закона Божія.—О допущеніи дѣтей раскольниковъ во второклассныя школы.—Привлеченіе къ миссіи учителей и низшихъ членовъ клира.—Къ вопросу объ уставности Богослуженія.

Боровскій миссіонерскій сѣздъ состоялся 28—31 мая. Въ составъ его вошли миссіонеры, благочинные и пастыри зараженныхъ расколомъ и сектами приходовъ остальныхъ 6 уѣздовъ: калужскаго, медынскаго, лихвинскаго, боровскаго, тарусскаго, малоярославскаго, всего до 80 душъ. Предсѣдательствовалъ прот. г. Боровска о. Василій Павловичъ Казанскій, опытный полемистъ и извѣстный въ епархіи маститый ратоборецъ съ мѣстнымъ расколомъ. Предъ молебномъ о. предсѣдатель обратился къ собравшимся съ краснорѣчивою рѣчью. Засѣданіе открылось въ зданіи городской школы бесѣдою руководителя сѣзда В. М. Скворцова, посвященной характеристикѣ религіозныхъ міровоззрѣній современной, такъ называемой, интеллигенціи и вопросу пастырской миссіи среди нея и фабричнаго заводскаго населенія, заражающагося религіознымъ вольномысліемъ извѣстной части интеллигенціи.

Затѣмъ съѣздъ, для лучшаго уясненія положенія мѣстнаго раскола, духовныхъ нуждъ и стремленій послѣдователей его, по предложенію В. М. Скворцова, призналъ не безполезнымъ выслушать представителей раскола, пригласивъ духовныхъ руководителей, лжепоповъ австрійскаго священства вмѣстѣ съ попечителями молеленъ въ залу засѣданія, тогда же рѣшено было назначить публичную бесѣду на 29 мая.

Духовные руководители мѣстнаго раскола чрезъ миссіонера о. Жарова были приглашены письмомъ, въ которомъ просили „ихъ явиться для взаимнаго обмѣна мнѣній въ духѣ мира и братской любви, безъ всякаго коварства и лукавства, по вопросамъ общеважнымъ и интереснымъ“, и предупреждали, что отнюдь не будетъ ни полемики, ни словопреній. Извѣстно было, что представители раскольниковъ старины очень заинтересовались этимъ „новшествомъ“, какъ они говорили о. Жарову, нѣкоторые лжеіереи рѣшительно обѣщали быть, а одинъ за подписью „старообрядческій свящ. Александръ Соколовъ“ отвѣтилъ В. М. Скворцову письмомъ, что онъ радъ быть, „да книгъ при себѣ не имѣетъ полемическихъ“. На это ему также письмомъ отвѣчено, что „книги и не нужны, будемъ бесѣдовать по совѣсти, а не по книгамъ“... Рѣшено было принять раскольниковъ гостей въ отдѣльной отъ съѣзда комнатѣ, дабы не смущать многочисленностью собравшихся, и за чашкою чаю потолковать о накопившихся у старообрядцевъ вѣковыхъ недоразумѣніяхъ и предразсудкахъ противъ миссіи Церкви.

Оказалось, что представителямъ раскола не легко было, да еще въ короткое время, разрѣшить эту задачу; рассказываютъ, что у нихъ были бурныя совѣщанія: одни хотѣли идти, другіе возражали. Нѣкій попъ Карпъ уже шелъ и былъ вблизи зданія школы, да купцы у одной лавки „переняли“ и не допустили! Такъ на братскій призывъ православныхъ миссіонеровъ никто изъ раскольниковъ боровскихихъ вождей и не явился. А жаль, пора миссіи ближе подступить къ тѣмъ затворамъ и запрудамъ, которые держатъ стоячее заплѣсневѣлое болото раскола, иначе подступать и сломаютъ эти затворы ранѣ насъ—миссіонеровъ проповѣдники штунды и толстовства. Надо вождямъ раскола выяснять, что не православная миссія—враги раскола, а ихъ ни

во что невѣрующіе защитники. И прежде всего надо преподѣдить недовѣріе вождей раскола къ миссіи.

На вопросъ В. М. Скворцова, ослабѣваетъ ли въ округѣ расколъ въ настоящее время, или усиливается, отвѣты были различны: одни говорили, что ослабѣваетъ, другіе, какъ напр., священникъ Леонидъ Смирновъ говорилъ, что расколъ стоитъ на точкѣ замерзанія. Предсѣдатель съѣзда высказался, что трудно отвѣтить на этотъ вопросъ какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ смыслѣ. Если вниманіе обратить на внутреннюю сторону жизни боровскихъ раскольниковъ, то въ этомъ отношеніи онъ ослабѣваетъ; молодежь уже индифферентнѣе къ расколу, не интересуется дѣлами вѣры, но увеличеніе числа молеленъ и умноженіе числа лжепоповъ приводитъ къ мысли, что расколъ усиливается. Да и какъ не расти ему въ Боровскѣ, какъ не усиливаться, когда все городское управление и управление банковъ въ рукахъ раскольниковъ.

Изъ многихъ сообщеній, преній и постановленій, происшедшихъ на боровскомъ и калужскомъ съѣздахъ, прежде всего остановимъ вниманіе нашихъ читателей на чрезвычайно важномъ вопросѣ о *хожденіи съ православною святынею по домамъ раскольниковъ*. Раскольники калужской епархіи, гнушаясь вообще православною Церковію и не имѣя своихъ, кромѣ раскольниковъ г. Боровска, отдѣльныхъ кладбищъ, обращаются къ православному духовенству только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ-то при погребеніи, прося отвести мѣсто на кладбищахъ, и при бракахъ, такъ какъ нѣкоторые изъ секты принимаютъ отъ православной Церкви крещеніе, мѣропомазаніе и бракъ, хотя послѣ совершенія православныхъ таинствъ отправляются также и къ своимъ попомъ и уставщикамъ „для довершенія“; но въ то же время многіе изъ здѣшнихъ раскольниковъ принимаютъ православное духовенство къ себѣ въ домъ въ праздники, со св. крестомъ, а на Пасху и со св. иконами и съ чудотворной иконой. При обхожденіи съ иконами по домамъ раскольниковъ, въ разныхъ приходсахъ священники держатся различной практики. Священникъ села Тихонова о. Смирновъ объяснилъ, что онъ вначалѣ своего поступленія не ходилъ съ иконами по домамъ

раскольниковъ, такъ какъ они его не приглашали, а потомъ стали принимать, и теперь онъ уже ходитъ почти по всѣмъ раскольникамъ, такъ что иные обижаются, если священникъ проходитъ мимо кого-либо изъ мѣстныхъ раскольниковъ. Лжепопамъ все это неприятно, и они воспрепятствуютъ своимъ пасомымъ обращаться къ православнымъ священникамъ, но раскольники скоро забываютъ эти запрещенія. Въ общемъ отношенія раскольниковъ с. Тихонова къ православному духовенству самыя любезныя.

Священникъ с. Передоли о. Соколовъ объяснилъ, что онъ посѣщаетъ только тѣхъ раскольниковъ, которые встрѣчаютъ его у крыльца своего дома, посѣщаетъ также и дома родителей, дѣти коихъ обучаются въ школахъ.

Священникъ с. Фролова о. Титовъ объяснилъ, что прежде онъ заходилъ къ раскольникамъ, иные принимали и цѣловали иконы, молились, но не всѣ, а крестъ совсѣмъ не цѣловали. Но какъ только услышалъ отзывъ ихъ о томъ, что православный причтъ ходитъ изъ-за подачи, и что они имъ платятъ въ тѣхъ видахъ, чтобы причтъ не беспокоилъ ихъ бесѣдами, прекратилъ посѣщать ихъ.

Священникъ с. Запажья о. Страховъ объяснилъ, что раскольники въ дер. Пурсовкѣ живутъ совершенно отдѣльнымъ образомъ, отчего причтъ упомянутого села къ нимъ не заходитъ, тогда какъ къ другимъ раскольникамъ, живущимъ также въ запажскомъ приходѣ, всегда заходитъ; въ иныхъ же мѣстахъ боровскаго уѣзда раскольники совсѣмъ не принимаютъ.

Предсѣдатель прот. Казанскій сказалъ: Изъ заявленій вышеозначенныхъ священниковъ выяснилось, что раскольники не вездѣ принимаютъ къ себѣ священниковъ православныхъ со св. крестомъ и св. иконами, и если гдѣ принимаютъ, то не оказываютъ достоюжнаго почитанія православної святыни, не цѣлуютъ св. креста, принимаютъ при томъ не безъ задней мысли (такъ во Фроловѣ), а послѣ распускаютъ молву, что они принимаютъ православное духовенство для того, чтобы оно не принуждало ихъ къ посѣщенію миссіонерскихъ бесѣдъ. Я не могу не желать, чтобы подобный обычай посѣщенія православными пастырями домовъ раскольническихъ съ православною святынею былъ прекращенъ въ тѣхъ приходяхъ, гдѣ оный практиковался, а

гдѣ не практиковался, пусть и не былъ бы вводимъ: „не мечите святая псамъ“, по словамъ Спасителя.

Протоіерей г. Калуги о. Смирновъ выразилъ опасеніе, что православные причты обязанные въ праздники обходить со святостью цѣлыя деревни, не имѣютъ времени для истоваго совершенія молебнаго пѣнія, тѣмъ самымъ могутъ только соблазнять и отталкивать раскольниковъ.

В. М. Скворцовъ высказался, что мѣра эта обоюдоострая, и рѣшать ее сплеча, а равно и съ одной съ кабинетной и теоретической точки зрѣнія, опасно.

Въ виду разнообразія по этому вопросу въ дѣйствіяхъ священниковъ и отношеній раскольниковъ къ данному факту, боровскій съѣздъ затруднился придти къ какому-либо опредѣленному заключенію, а потому полагалъ, что слѣдуетъ дѣло это предоставить благоусмотрѣнію самихъ пастырей, полагаясь на ихъ благоразуміе.

На калужскомъ епархіальномъ миссіонерскомъ съѣздѣ вопросъ этотъ снова всесторонне обсуждался, и здѣсь мнѣнія также расходились. Одни священники, на основаніи своей практики, доказывали, что раскольники, сначала неохотно принимавшіе причтъ съ иконами, въ концѣ концовъ стали даже сами приглашать ихъ къ себѣ и обижаются, если причтъ обходить ихъ дома, а другіе указывали, что хожденіе это вызывается лишь поборами, и что миссіонерскаго значенія мѣра эта не можетъ имѣть, такъ какъ священникъ при краткомъ посѣщеніи не можетъ даже сблизиться съ раскольниками, тѣмъ болѣе повліять на нихъ. Московскій миссіонеръ свящ. о. І. Полянскій въ самомъ фактѣ возможности посѣщенія домовъ раскольниковъ съ иконами усматривалъ ту близость, въ какой калужскіе раскольники стоятъ къ православной Церкви, а потому совѣтывалъ пастырямъ съ своей стороны не отталкивать ихъ отъ дальнѣйшаго сближенія на этомъ пути. Гдѣ раскольники принимаютъ св. иконы, тамъ ненужно избѣгать посѣщенія ихъ, гдѣ упорствуютъ,—располагать, не настаивая и отнюдь не давая повода къ упрекамъ духовенства въ поборяхъ.

Калужскій съѣздъ не призналъ полезнымъ устанавливать единообразіе пастырской практики въ данномъ случаѣ и утвердилъ постановленіе боровскаго съѣзда, коимъ хожденіе со св. иконами по домамъ раскольниковъ представлялось усмотрѣнію самихъ пастырей, ихъ такту и благоразумію.

При этомъ рекомендовано при посѣщеніи домовъ раскольниковъ пѣть только тропарь празднику и вообще не совершать того обычнаго молебнаго пѣнія, которое совершается въ домахъ православныхъ, такъ какъ *истово*, со всею любимую раскольниками полнотою православные причты не могутъ отправлять службу во время праздничнаго хожденія по домамъ, а служеніе неполное по чину, поемому у православныхъ, можетъ вызвать со стороны раскольниковъ нареканія и соблазны.

Не менѣе оживленныя пренія вызвало обсужденіе вопроса о *нединообразіи* въ практикѣ пастырской при присоединеніи изъ раскола въ православіе одного изъ бракосочетающихся, среди которыхъ печальные случаи отпаденія снова въ расколъ бываютъ нерѣдки, и при томъ иногда благодаря попустительству самого духовенства. Такъ, по заявленію священника единовѣрческой церкви, ему пришлось вѣнчать бракъ такой невѣсты, которая была рождена въ безпоповщинскомъ расколѣ, но которая доставила удостовѣреніе о принадлежности ея къ православію и о бытіи своемъ у исповѣди и св. причастія, выданное священникомъ села Тарутина, теперь умершимъ. Невѣста, какъ оказалось, не прерывала своей связи съ расколомъ, въ которомъ она родилась. Священникъ с. Рябушекъ однажды спросилъ крестьянку, повѣнчанную въ его храмъ по удостовѣренію о принадлежности ея къ православію и бытіи ея у исповѣди: „давно ли была въ храмъ“? Она отвѣтила кощунственно: „Богъ миловалъ меня; я отродясь не была“. Священникъ с. Тихонова о. Смирновъ заявилъ, что ему приходилось присоединять или только чрезъ исповѣдь, 3-мъ чиномъ, или чрезъ исповѣдь и мвропомазаніе, по 2 чину, но безъ причащенія, въ виду уклоненія брачующихся подъ предлогомъ воздержанія отъ супружескихъ сношеній въ теченіи шести недѣль, въ силу мѣстнаго обычая. Онъ же указывалъ на невозможность иногда выполненія требуемыхъ закономъ троекратныхъ оглашеній, такъ какъ почти всегда прихожане его обращаются съ заявленіемъ о бракѣ за день, за два и много за недѣлю.

О. Жаровъ заявилъ, что какъ присоединеніе изъ раскола, такъ и вѣнчаніе присоединяемыхъ совершаются иногда или

поздно вечеромъ, или рано утромъ въ дни будничные. По выслушаніи сихъ заявленій, о. предсѣдатель сказалъ: „По моему мнѣнію, присоединеніе должно совершаться въ воскресные или праздничные дни, публично, въ присутствіи народа, между утренею и литургіей, на которой присоединяемый долженъ бы приступить къ таинству св. причастія, какъ одному изъ самыхъ важныхъ христіанскихъ таинствъ, что требуется и самымъ чиномъ „какъ примати отъ раскольниковъ въ соединеніе съ православною Церковію приходящихъ“. Что древняя Церковь торжественно и публично принимала кающихся и воссоединяла съ собою даже чрезъ крещеніе, это видно изъ житія св. м. Пелагіи (8 окт.). Крещеніе ея было совершено еп. Нонномъ, съ благословенія архіепископа, послѣ публичнаго предъ соборомъ епископовъ раскаянія. Что же касается до уклоненія отъ св. причастія самихъ присоединяемыхъ предъ бракомъ, подъ предлогомъ шестинедѣльнаго воздержанія отъ супружескаго сожитія, то это предразсудокъ, который должно искоренять а не поддерживать. Въ Учительномъ Извѣстіи, помѣщенномъ въ болѣе полныхъ служебникахъ, написано: „Аще убо кромѣ постовъ четырехъ обычныхъ приступити ко св. причастію восхотятъ, семь дній прежде да постятся, въ молитвахъ церковныхъ и домашнихъ пребывающе (сіе же не въ нуждѣ: въ нуждѣ бо три дни, или единъ день да поста точію), и приготовляюще себе къ чинному исповѣданію грѣховъ своихъ. Сущіи же въ супружествѣ отъ супружескихъ совокупленій въ тыя дни да воздерживаются всяко“. Такъ какъ бракъ по постамъ не бываетъ, а до наступленія постовъ, то слѣдовательно всѣ присоединяемые и въ особенности желающіе вступить въ бракъ обязательно должны по присоединеніи причаститься св. Христовыхъ Таинъ. Въ книгѣ же „О должностяхъ пресвитеровъ церковныхъ“, а равно и въ самой инструкціи благочиннымъ предписывается пастырямъ не иначе вѣнчать браки, какъ по предварительномъ троекратномъ въ воскресные и праздничные дни публичномъ оглашеніи, притомъ не поздно вечеромъ и не рано утромъ, а днемъ, по божественной литургіи. Конечно, иногда при томъ въ рѣдкихъ, особенныхъ и исключительныхъ случаяхъ, на примѣръ, если раскольники отецъ и мать препятствуютъ переходу своей дочери въ православіе и вступить въ бракъ

съ лицомъ православнымъ, и тогда священникъ не долженъ самовольно уклоняться отъ выполненія требованій, а долженъ спрашивать разрѣшенія отъ своего епископа.

Священникъ единовѣрческой церкви о. Разумовскій заявилъ, что иногда присоединяютъ въ монастыряхъ, а иногда о. о. іеромонахи выдаютъ предъ браками удостовѣренія о бытіи у исповѣди и св. причащенія такимъ дѣвицамъ изъ раскола, которыя еще не были и присоединены къ православной Церкви, поэтому, по его мнѣнію, слѣдовало бы запретить въ монастыряхъ присоединять къ православію, а равно и принимать на исповѣдь мірянъ.

Священникъ Рябушенской слободы о. Петръ Соловьевъ заявилъ, что многіе приходскіе священники присоединяютъ лицъ чужеприходныхъ предъ браками и также даютъ о томъ удостовѣренія.

Епархіальный благочинный протоіерей В. А. Смирновъ объяснилъ, что желательно, чтобы о. о. іеромонахи выдавали свидѣтельства о бытіи у исповѣди по крайней мѣрѣ не иначе, какъ за печатью монастыря, а не своею. По поводу этихъ заявленій о. Разумовскаго и о. Соловьева предсѣдатель съѣзда о. Казанскій высказалъ приблизительно слѣдующее. Присоединеній изъ раскола въ православіе въ самыхъ монастыряхъ и быть не можетъ. Всякое присоединеніе должно быть вносимо въ первую часть метрической книги въ силу закона; но монастырямъ выдается только третья часть оной—о умершихъ. Что же касается желанія нѣкоторыхъ отцевъ того, чтобы въ монастыряхъ, а равно и приходскихъ храмахъ, не были принимаемы на исповѣдь чужеприходные, на это сказать считаю долгомъ слѣдующее. Въ книгѣ „О должностяхъ пресвитеровъ церковныхъ“ написано: „Остерегаться долженъ пресвитеръ принимать къ тайнѣ сей (покаянію) чужихъ прихожанъ“ и то не всѣхъ, а только тѣхъ, „кои бѣгаютъ своего пастыря стыда ради, что отъ заобыклаго грѣха не отстали и по многимъ увѣщаніямъ неисправны пребываютъ. Чего для есть ли правильныя причины къ принятію ихъ на исповѣдь не окажется, то къ собственному ихъ духовному отцу, по довольномъ увѣщаніи, да отошлетъ“. Во всѣхъ нашихъ монастыряхъ дѣйствительно принимаютъ кающихся, по словамъ Господа, „и грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ“ (Іоан. 6 гл. 33 ст.)

Такъ и поступаютъ наши св. обители и поступаютъ по примѣру Церкви древней, какъ видно изъ житія преподобнаго Давида, воспоминаемаго св. Церковью 6 сентября. Прп. Давидъ былъ разбойникомъ, раскаяніе вдругъ пробудилось въ немъ. Пришелъ онъ въ монастырь, но игуменъ не хотѣлъ его принять. Наконецъ, Давидъ сказалъ: „такъ знайте, кто я. Я Давидъ начальникъ разбойниковъ. Я пришелъ оплакивать грѣхи свои. Если не примешь, то соберу товарищей своихъ и разорю твой монастырь“. Игуменъ не сталъ отсылать его къ приходскому священнику, и Давидъ разбойникъ раскаялся и сдѣлался не только кроткимъ и смиреннымъ, но и явился чудотворцемъ. Но если нашъ народъ русскій, если наши православные прихожане иногда обращаются въ монастыри для исповѣданія и св. причащенія, то не потому, что они бѣгаютъ своего приходскаго священника стыда ради и отъ заобыклаго грѣха не отстали, а потому что благоговѣютъ предъ свв. обителями, ибо въ нихъ и богослуженіе совершается и торжественнѣй и болѣе по уставному, а во многихъ св. мощи основателей обителей, подвижниковъ—источникъ чудотворенія, въ иныхъ же и понынѣ не прекратился великій подвижническій духъ старцевъ, могущихъ давать благіе совѣты приходящимъ. Многіе подвѣ влияніемъ сихъ совѣтовъ, сильныхъ духовныхъ впечатлѣній, получаемыхъ въ обителяхъ, и благочестивыхъ размышленій, приступаютъ въ нихъ къ исповѣданію и св. причащенію, несмотря на то, что уже исповѣдывались у своихъ приходскихъ пастырей. Лучше ли будетъ, если воспретятъ іереямъ монашествующимъ исповѣдывать обращающихся къ нимъ? Вѣдь идутъ то въ обитель издали не гулять, ни пѣсни пѣть, а молиться и каяться. Не скорбѣть о томъ должны мы, а радоваться, что народъ ходитъ говѣть въ монастыри. Худо будетъ, когда по нашимъ желаніямъ перестанутъ ходить въ св. обители, тогда перестанутъ говѣть и у насъ. Притомъ бываютъ благословныя причины, почему иногда православные прихожане не обращаются къ своимъ приходскимъ пастырямъ при исполненіи долга исповѣди и св. причастія, а говѣютъ и исповѣдаются на сторонѣ. Въ нашей епархіи развито преимущественно такъ называемый отхожіи промыселъ, придерживаясь котораго прихожане возвращаются въ годъ въ свои дома не болѣе трехъ четырехъ разъ и то на самые

короткіе сроки, дней на семь къ Рождеству, дней на десять къ Пасхѣ и недѣли на двѣ къ покосу, а остальное въ году время пребываютъ на сторонѣ. Говѣтъ народъ привыкъ, какъ извѣстно, Великимъ, главнымъ образомъ, постомъ. Что же теперь, остаются ли на долгіе годы безъ исповѣди и св. причащенія лицамъ, отлучающимся отъ своего приходскаго храма! Не жестоко ли это будетъ съ нашей стороны? Если что по данному вопросу можно желать, то развѣ одного только, чтобы удостовѣренія о бытіи у исповѣди и св. причастія выдавались прихожанамъ, исполнившимъ сей долгъ въ обителяхъ, не за печатію только о. о. іеромонаховъ и ихъ подписомъ, а за печатію монастыря или обители, какъ о томъ и заявилъ епархіальный благочинный протоіерей В. А. Смирновъ. По моему, не о томъ должны заботиться приходскіе пастыри, чтобы ихъ пасомые исполняли долгъ исповѣди и св. причастія непременно въ своихъ приходскихъ храмахъ, а о томъ, чтобы они ежегодно и неопустительно, гдѣ бы то ни было исполняли свой христіанскій долгъ“. В. М. Скворцовъ поддержалъ столь вѣское сужденіе о. предсѣдателя, но большинство изъ о. о. съѣзда говорили, что всѣхъ этихъ требованій исполнить невозможно, и не при каждомъ случаѣ они примѣнимы. Не достигнувъ единомыслія по сему вопросу, боровскій съѣздъ повергъ его на разсмотрѣніе епархіального миссіонерскаго съѣзда.

Калужскій епархіальный миссіонерскій съѣздъ, еще разъ обсудивъ настоящій вопросъ, постановилъ: для достиженія единообразія въ практикѣ присоединенія брачующихся изъ раскола и для устраненія возможности вторичнаго ихъ уклоненія въ расколъ просить его преосвященство сдѣлать предписаніе причтамъ епархіи: 1) чтобы возсоединяющійся передъ бракомъ былъ въ теченіи наиболѣе продолжительнаго срока наставляемъ въ правилахъ православной вѣры; 2) чтобы присоединеніе совершалось торжественно въ большіе по возможности праздники передъ литургіей, на которой возсоединившійся долженъ непременно приобщиться св. Христовыхъ Таинъ; 3) чтобы присоединеніе совершалось приходскимъ священникомъ и лишь съ письменнаго разрѣшенія послѣдняго священникомъ другого прихода и 4) священникамъ требовать отъ приобщающихся и присоединяющихся

въ монастыряхъ удостовѣренія непремѣнно за подписью настоятеля съ приложеніемъ его пастырской печати.

Обсуждая сложный вопросъ о средствахъ борьбы съ мѣстнымъ расколомъ - сектантствомъ, епархіальный съѣздъ прежде всего остановилъ свое вниманіе на значеніи школы въ дѣлѣ миссіи. Свящ. В. Изумрудскій прочиталъ интересный докладъ ¹⁾, въ которомъ, обрисовавъ новые приемы своей миссіонерской дѣятельности, познакомилъ собраніе съ исторіей Черно-грязской школы, которую онъ сдѣлалъ проводникомъ въ раскольническое населеніе деревни православныхъ взглядовъ и между прочимъ правильнаго пониманія единовѣрія. Преосвященнѣйшій Веніаминъ, присутствовавшій на засѣданіи разъяснилъ, что только церковно-приходская школа можетъ служить миссіи. Онъ указалъ много фактовъ, наблюдаемыхъ имъ при обзорѣни приходовъ епархіи, которые свидѣтельствовали, что земскія школы не даютъ дѣтямъ въ такой же мѣрѣ религіозно-нравственнаго воспитанія; ученики ихъ не умѣютъ истово креститься, пѣть и читать въ церкви, да и сами учителя не подаютъ должнаго примѣра, а нѣкоторые изъ послѣднихъ даже не считали нужнымъ во время посѣщенія школы, принять его архипастырскаго благословенія.

Въ пространномъ докладѣ, изложенномъ живою рѣчью, о. Смирновъ ярко нарисовалъ значеніе школы какъ младшей сестры миссіи ²⁾.

Соглашаясь съ мнѣніемъ о миссіонерскомъ значеніи школъ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго перевоспитанія молодого поколѣнія раскольничьей массы, о. епархіальный наблюдатель, прот. Н. А. Преображенскій, разъяснилъ, что вводить въ школу съ смѣшаннымъ составомъ учениковъ полемическій элементъ нежелательно, потому что это способно вызывать недовѣріе къ школѣ со стороны родителей раскольниковъ, которые берутъ своихъ дѣтей обратно изъ школы, если замѣчаютъ, что послѣдняя преслѣдуетъ цѣли не обученія, а обращенія, примѣръ чего и былъ въ И-ой школѣ.

¹⁾ Докладъ этотъ будетъ напечатанъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ «Мисс. Обзор».

²⁾ Докладъ этотъ будетъ также у насъ напечатанъ.

Законоучитель Жиздринской женской прогимназіи о. Глаголевъ доказывалъ, что при умѣломъ и любовномъ отношеніи къ дѣлу, объясненіе разностей православнаго ученія отъ иновѣрнаго и расколо-сектантскаго въ присутствіи учениковъ неправославныхъ въ его школахъ не вызываетъ враждебнаго отношенія ни со стороны учениковъ, ни со стороны отцовъ.

Ученики иновѣрцы съ удовольствіемъ слушаютъ уроки законоучителя, а отцы обнаруживаютъ интересъ къ возбуждаемымъ вопросамъ. О. законоучитель Ивонской школы, прот. Покровскій, по его словамъ, въ названной школѣ практиковалъ заучиваніе по старопечатаннымъ книгамъ болѣе классическихъ мѣстъ, разъясняющихъ православное ученіе, и даже указываетъ на разности въ обрядовыхъ вопросахъ, обращая вниманіе учениковъ-раскольниковъ на нѣкоторыя неправильности въ содержимыхъ ими обрядахъ, но враждебнаго отношенія къ школѣ не наблюдалъ и оставилъ свой методъ, подчинившись требованію епархіальнаго наблюдателя.

О. Чебышевъ заявилъ, что въ низшихъ школахъ введеніе полемическаго элемента нежелательно въ виду мало-развитости учениковъ, которые искажаютъ сообщенныя имъ свѣдѣнія и родителямъ передаютъ въ искаженномъ видѣ. Послѣ живого обмѣна мыслей по этому предмету между членами съѣзда, В. М. Скворцовъ резюмировалъ все сказанное слѣдующимъ образомъ. Въ смѣшанныхъ школахъ нельзя преподаваніе Закона Божія оставить въ предѣлахъ существующей программы. Школа должна обязательно служить дѣлу миссіи Церкви и способствовать обращенію раскольниковъ, даже болѣе того, — желательно, чтобы она подготовляла миссіонеровъ изъ народа. Невводя въ программу полемическаго элемента, что дѣйствительно можетъ вредить школьному дѣлу, желательно, чтобы апологетическій матеріалъ отнюдь не былъ забытъ; но законоучителямъ надлежитъ быть особо тактичными въ данномъ случаѣ.

Въ связи съ даннымъ вопросомъ о значеніи церковно-приходской школы свящ. о. Смирновымъ, законоучителемъ школѣ с. Тихонова, гдѣ обучается до 400 душъ дѣтей раскольниковъ, былъ возбужденъ вопросъ о допущеніи дѣтей раскольниковъ во второклассныя школы. Почтенный о. зако-

поучитель доказывалъ, что въ Тихоновской второклассной школѣ, существующей уже 4 года, есть достаточный опытъ, чтобы на основаніи его утверждать, что ни одинъ питомецъ изъ раскольниковъ не выйдетъ изъ нея твердымъ въ своей вѣрѣ, а наоборотъ, одни присоединялись, другіе близки къ этому и медлятъ присоединеніемъ въ виду житейскихъ условій. Къ сожалѣнію, специальное назначеніе второклассныхъ школъ было причиной того, что въ новомъ положеніи объ этихъ школахъ находится запрещеніе принимать въ нихъ раскольниковъ, какъ немогущихъ быть впоследствии учителями. Между тѣмъ, здѣсь былъ уже случай обращенія окончившаго курсъ и поступленія его въ учительскую школу. Поэтому выражено съѣздомъ пожеланіе объ исходатайствованіи предъ высшимъ начальствомъ разрѣшенія дѣтямъ раскольниковъ и впредь поступать въ Тихоновскую второклассную школу.

П. П. Добромысловъ указалъ на важную роль учителя въ дѣлѣ миссіи. Послѣдній является ближайшимъ помощникомъ пастыря въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія народа, опыты привлеченія народнаго учителя и къ миссіонерской дѣятельности въ другихъ епархіяхъ дали вполне благопріятные результаты.

Съ цѣлью привлечь учителей къ миссіонерской дѣятельности съѣздъ постановилъ: поощрять учителей-миссіонеровъ изъ миссіонерскихъ средствъ или изъ средствъ братства добавочнымъ вознагражденіемъ, а чтобы учителя церковно-приходскихъ школъ были болѣе или менѣе подготовлены къ миссіонерской дѣятельности, съѣздъ ходатайствовалъ предъ его преосвященствомъ о введеніи на будущее время въ программу учительскихъ курсовъ уроковъ по исторіи и обличенію расколо-сектантства.

В. М. Скворцовъ высказалъ желаніе, поддержанное съѣздомъ, объ учрежденіи для учителей церковно-приходскихъ и земскихъ школъ, изъявившихъ на то согласіе, специальныхъ краткосрочныхъ миссіонерскихъ курсовъ.

Отцами Жиздринскаго уѣзда, гдѣ церковно-приходскихъ школъ мало, былъ поставленъ вопросъ о привлеченіи къ дѣлу миссіи учителей земскихъ школъ О. епархіальный наблюдатель просилъ священниковъ названнаго уѣзда положить стараніе прежде всего къ увеличенію сѣти церковно-

приходскихъ школъ. Но чтобы и земскую школу сдѣлать пособницей приходской миссіи, съѣздъ постановилъ: а) просить преосвященнаго снестись съ г. директоромъ народныхъ училищъ, не найдетъ ли онъ возможнымъ въ земскія школы въ селеніяхъ съ раскольническимъ населеніемъ назначать лицъ съ богословскимъ образованіемъ; б) поощрять учителей земскихъ школъ, въ которыхъ будетъ введено обученіе церковному пѣнію, особымъ вознагражденіемъ изъ суммъ миссіонерскихъ или братскихъ средствъ; в) обязать о. о. законоучителей въ земскихъ школахъ объяснять дѣтямъ евангеліе въ субботніе дни и г) ходатайствовать предъ г. директоромъ, чтобы ученики земскихъ школъ вмѣстѣ съ учителями по возможности исправно посѣщали и участвовали въ богослуженіи.

В. М. Скворцовымъ былъ поставленъ вопросъ о *привлеченіи низшихъ членовъ причта къ миссіонерскому служенію*. П. П. Добромысловъ и И. Ѳ. Тихомировъ указывали на то, что произведенный въ этомъ отношеніи опытъ въ епархіи въ 1896 году, когда М. П. Чельцовъ читалъ курсъ исторіи и объясненія раскола для о. о. діаконовъ и псаломщиковъ епархіи, далъ неутѣшительные результаты, такъ какъ о миссіонерской дѣятельности этихъ лицъ ничего неизвѣстно. Но о. о. съѣзда были указаны двое изъ прослушавшихъ эти курсы и оказавшихся полезными сотрудниками приходскому священнику въ миссіи. Послѣ этого съѣздомъ было заслушано по сему предмету постановленіе козельскаго съѣзда объ открытіи въ епархіи краткосрочныхъ миссіонерскихъ курсовъ при Оптиной пустыни.

Епархіальный съѣздъ постановилъ: постановленіе козельскаго съѣзда утвердить и ходатайствовать предъ преосвященнымъ объ устройствѣ подобныхъ же курсовъ и при какомъ-либо другомъ монастырѣ епархіи.

О. благочинный Соколовъ заявилъ, что расколо-сектантскіе приходы, какъ наиболѣе бѣдные, являются обычно мѣстами ссылки для священно-церковно-служителей. Между тѣмъ послѣдніе не всегда ведутъ себя безупречно на виду у раскольниковъ и сектантовъ, что даетъ послѣднимъ орудіе не только противъ духовенства, но и самой Церкви.

Съѣздъ постановилъ: выразить желаніе, чтобы въ приходы епархіи, зараженные расколо-сектантствомъ, назнача-

лись на священно-церковно-служительскія мѣста лица наиболѣе правоспособные и отличающіеся добрымъ поведеніемъ, а для привлеченія ихъ въ такіе приходы, просить его преосвященство ходатайствовать объ обеспеченіи такихъ причтовъ приходовъ жалованіемъ, иногда и въ усиленныхъ размѣрахъ, внѣ очереди.

Прот. Будилинъ рекомендовалъ разъ въ годъ учреждать миссіонерскіе уѣздные съѣзды. Съѣздъ принялъ предложенную мѣру сочувственно и постановилъ: учрежденіе уѣздныхъ миссіонерскихъ съѣздовъ признать полезнымъ, на этихъ съѣздахъ необходимо присутствіе окружныхъ миссіонеровъ и, по возможности, епархіальныхъ миссіонеровъ, а также и преподавателя семинаріи по каедрѣ исторіи и обличенія раскола и сектантства.

Присутствуя на засѣданіи съѣзда преосвященный Веніаминъ предложилъ обсудить вопросъ *объ уставности богослуженія* въ виду того, что нѣкоторые священники сокращаютъ службу подъ предлогомъ, что въ ихъ округѣ нѣтъ раскольниковъ.

В. М. Скворцовымъ было прочитано мнѣніе по этому вопросу въ Бозѣ почившаго архим. о. Павла Пруссакаго.

П. П. Добромысловъ высказалъ по этому вопросу, что свѣтскіе люди какъ будто недовольны долгимъ служеніемъ, но на самомъ дѣлѣ, гдѣ отправляется богослуженіе полно и истово, тамъ всегда полонъ храмъ молящихся. Преосвященный привелъ въ примѣръ одного очень молодого священника С.-Петербурга, который всегда отправляетъ службу по уставу, и къ нему любятъ ходить сами интеллигенты какъ помолиться, такъ и для долга исповѣди и св. причастія. Что касается богомольцевъ лѣнтяевъ, кричащихъ противъ долгой службы, сказалъ о. І. В. Полянскій, то они собственно никакого служенія не хотятъ; въ крайнемъ случаѣ они могутъ придти въ церковь попозже, или уйти, не достоявъ, что ими и дѣлается обычно. Но съ другой стороны надо имѣть снисхожденіе къ дѣйствительно немощнымъ братіямъ нашимъ, на примѣръ, старцамъ. Надо благоразуміемъ водиться, слишкомъ нельзя и растягивать. Лучше, конечно, все исполнять по уставу, но по немощи можно допустить и сокращеніе; во всякомъ случаѣ не нужно очень торопиться, на примѣръ: есть священники, которые, идя въ церковь, на ходу

молитвы читаютъ (положенныя предъ началомъ службы вычитывать), чтець начнетъ читать каѳизмы, а діаконъ чтеніе перерываетъ на полмысли, рассчитывая на невѣжество народа, поютъ—рвутъ, канонъ почти совсѣмъ не читаютъ: нужно памятовать страхъ Божій. Канонъ нужно весь читать, стихиры по возможности пѣть всѣ. Нужно избѣгать механическаго чтенія и пѣнія, небогобязаннаго поведенія священно-служащихъ, что, къ сожалѣнію, бываетъ въ нѣкоторыхъ церквахъ. Служитель алтаря долженъ благоговѣнно относиться къ священному мѣсту, не долженъ быть небрежнымъ. Собственно священникъ долженъ заботиться объ истовомъ богослуженіи, такъ какъ строй службы весь зависитъ отъ пастыря.

О. благочинный Соколовъ высказалъ мнѣніе, съ которымъ согласились и другіе члены съѣзда, чтобы образцомъ служила семинарская служба, такъ какъ изъ семинарій выходятъ будущіе пастыри Церкви и изъ нея воспитанники на всю жизнь уносятъ съ собою и взглядъ на службу.

Уставное богослуженіе, заключилъ П. П. Добромысловъ, желательно вездѣ, но особенно въ селахъ, гдѣ мистическія секты. Штундизмъ врачуется школой, мистическія секты ни логикой, ни школой, такъ какъ мистическое сектантство есть заблужденіе сердца, полемика съ сектантами—мистиками должна быть направлена не на умъ, а на сердце. Съ нимъ и нужно бороться, направляя всю дѣятельность на чувство; нужно дать склоннымъ къ мистицизму возможность самимъ участвовать въ богослуженіи, напр., общемъ пѣніи, что очень полезно, такъ какъ благоговѣнное служеніе въ церкви сильно дѣйствуетъ на сердце мистика. Организацией общаго пѣнія должна завѣдывать, церковная школа, но подъ руководствомъ всего причта.

Живой обмѣнъ мнѣній на епархіальномъ съѣздѣ вызвалъ вопросъ о единовѣрїи, о старыхъ и новыхъ приѣмахъ въ противораскольничьей миссіи. Въ одномъ изъ засѣданій было подвергнуто разбору новое раскольничье полемическое сочиненіе „Церковь временно безъ епископа“ Усова. О всемъ этомъ сообщимъ въ другой разъ.

И.

Изъ жизни инославiя и изъ мiра заграничнаго сектантства.

О католическомъ духовенствѣ — Римская Церковь и социаль-демократiя. — Christian Science въ Германiи. — Новая секта въ Греци. — Австрiйскiе назареяне — Новый японскiй пророкъ Тэтсужиро. — Фанатизмъ магометанъ въ Марокко. — Чешская академiя наукъ и гр. Толстой.

Среди низшаго католическаго духовенства въ Австрiи наблюдается сильное недовольство высшей iерархiей и своимъ положенiемъ. Въ то время, какъ католическiй епископъ Австрiи располагаетъ огромными богатствами, низшее духовенство, исполняющее рядъ тяжелыхъ обязанностей, является группой пролетарiевъ, безпрестанно ведущихъ борьбу съ нуждой. Но низшее католическое духовенство не только этимъ недоволено, пишетъ вѣнскiй корреспондентъ, оно убѣдилось, что и дѣятельность его бесплодна, что послѣдняя даже достигаетъ отрицательныхъ результатовъ. Низшiй клиръ состоитъ изъ молодежи, оставляющей университетскую скамью. Она хочетъ служить свѣту и истинѣ, но съ горечью убѣждается, что предписанiя епископата служатъ лжи и тьмѣ. Она хочетъ вести паству по пути истины и ведетъ ее по пути лжи, она должна проповѣдывать смиренiе и идеи клерикализма, когда ея взглядъ загорается при мысли о прогрессѣ... Тяжелое, унижительное положенiе. Много душевной борьбы переноситъ молодой священнослужитель, пока прiучается молча, слѣпо повиноваться. Онъ видитъ, что многiе догматы не находятся въ созвучiи съ современной жизнью, что для упроченiя религии эти догматы необходимо измѣнить, но съ поклономъ исполняетъ строгiя предписанiя епископата... Низшiй клиръ видитъ, какъ движенiе *los von Rom* разрастается и не только вслѣдствiе политической агитаци, а и вслѣдствiе того, что многiе недовольны догматами католической Церкви и пропагандой католическаго духовенства. Онъ видитъ въ своемъ безсилiи, какъ социаль-демократы обличаютъ его клерикальныя махинаци и увлекаютъ за собой народныя массы.

Представители низшаго австрiйскаго духовенства рѣшили отнынѣ знать только школу и костель, отъ пропаганды же и отъ агитаци въ пользу клерикализма рѣшительно отказываются.

Очевидно, что католическое духовенство изъ университетской молодежи мало подготовлено къ пастырской церковной миссии и занято больше служеніемъ прогрессу, чѣмъ Христу и Его Церкви.

* *
*

Революционная проповѣдь социаль-демократическаго ученія сдѣлала въ Италіи значительные успѣхи. Надвигающаяся опасность вызвала въ той части итальянскаго общества, которая заинтересована въ сохраненіи существующаго порядка вещей, народное такъ называемой „христіанской демократіи“. Задачи этого новаго общества заключаются въ томъ, чтобы проповѣдь въ низшихъ классахъ народа христіанства не только какъ отвлеченной доктрины, и какъ осуществляемой въ практической жизни системы общественной справедливости. Общество это собралось вокругъ себя свѣжія силы вѣрующаго и предусмотрительнаго католичества. Оказывая бѣднымъ и угнетеннымъ дѣятельную помощь, общество это начало вызывать къ себѣ среди городского пролетаріата нѣкоторую степень довѣрія и тѣмъ затруднять въ этой средѣ распространенія социализма.

Но на пути этой попытки мирнаго и христіанскаго разрѣшенія социального вопроса стала, какъ и слѣдовало ожидать, апостолическій престоль. Почитая себя единымъ первоисточникомъ всего, что творится въ католическомъ мірѣ, папство, естественно, не можетъ примириться съ самостоятельнымъ починомъ, исходящимъ не отъ него, а изъ среды паствы, какъ бы этотъ починъ ни былъ желателенъ по своимъ цѣлямъ. И вотъ вновь возникшему обществу дается обязательная инструкція. Живое дѣло, благодаря тому, сразу омертвляется. Все разнообразіе жизненныхъ событій заранѣе вводится въ опредѣленные рамки и утрачиваетъ всю свою непосредственность. Само собой разумѣется, что наиболѣе дѣятельные и полезные дѣятели общества необходимо сами собой устраняются изъ общества, ставшаго механическимъ учрежденіемъ, требующимъ только исполнительности и покорности внѣшнимъ велѣніямъ, причемъ внутреннее же одушевленіе общества становится не источникомъ живой дѣятельности, а началомъ, подлежащимъ обузданію и введенію въ границы инструкцій.

Внѣшній авторитетъ свой и властвованіе апостолическая седія поставила выше успѣха дѣла, и органъ общества „Il Domani d'Italia“ напрасно протестуетъ противъ умерщвленія своего начинанія.

Е. А. Е.

* *
*

Въ Германіи сильный интересъ вызвала къ себѣ секта „Christian Science“ („Христіанское Вѣдѣніе“). Весьма многіе считаютъ ее проявленіемъ той народной болѣзни, которая повторяется въ каждомъ новомъ поколѣніи и особенно усиливается въ реакціонное время. По поводу этой секты вспоминаютъ дѣянія Калиостро, Розенкрейцера, сумѣвшихъ въ XVIII в. опутать своими сѣтями Фридриха Вильгельма II и многихъ другихъ высокопоставленныхъ особъ. Вспоминаютъ также „Monddoktor“a,“ сумасшедшаго портного, принимавшаго у себя (въ первой четверти XIX в.) десятки тысячъ народа для лѣченія посредствомъ луннаго свѣта. Приводятъ на память всеобщее увлеченіе въ 50-хъ годахъ столетреченіемъ, а также предсказанія „чуда-ребенка“ Луизы Браунъ, въ сущности истеричной, умственно неразвитой дѣвочки, бывшей слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ разныхъ проходимцевъ. Наконецъ, въ 70-хъ годахъ явились спиритизмъ и „четвертое измѣреніе“.

Къ подобнымъ же проявленіямъ народнаго суевѣрія, которымъ пользуются разные шарлатаны, причисляютъ и „Christian Science“, пересаженный съ американской почвы на европейскую.

Однако повсюду распространившееся возбужденіе противъ этой секты, повидимому, не причиняетъ ей никакого ущерба. Послѣдователи „Christian Science“, или, какъ ее называютъ нѣмцы, „Gesundbeten“,—врачеваніе молитвой,—наняли въ Берлинѣ собственное помѣщеніе для своихъ молитвенныхъ собраній. Какой всеобщій интересъ возбуждаетъ секта, слѣдуетъ уже изъ того, что на родинѣ секты сочиненіе Mrs. Eddy (одной изъ руководительницъ ея) лишь на англійскомъ языкѣ выдержало 220 изданій. Однако основное ученіе этой секты еще мало выяснено, хотя уже очевидно, что одной изъ преслѣдуемыхъ ею цѣлей является добываніе средствъ. Въ послѣдней книжкѣ органа „Christian Science“—„Deutsches Monatsheft“—говорится слѣдующее: „нашу врачебную дѣятельность называютъ „Gesundbeten“,—врачеваніемъ молитвою; мы рѣшительно протестуемъ противъ этого ложнаго наименованія. Невѣрно, будто мы исцѣляемъ черезъ такъ называемыя „моленія“, и вообще мы совсѣмъ не исцѣляемъ, но наша вѣра въ Бога, упованіе на Него, Творца и Вседержителя, есть уже само по себѣ средство къ исцѣленію; Самъ Богъ есть исцѣляющее начало. Богъ есть Духъ, и всякая помощь отъ Него можетъ оказываться только духовнымъ образомъ, т. е. чрезъ внутреннее сознаніе. Мы утверждаемъ, что можемъ подчинить матерію, лишь только будемъ проникнуты единымъ, абсолютнымъ Духомъ Божиимъ. Пока больной полагается на физическое врачеваніе, онъ не можетъ получить никакой помощи духовнымъ образомъ. Болѣзнь остается неизмѣнною.

страшною дѣйствительностью, пока ты вѣришь въ матерію и ей приписываешь болѣе могущества, чѣмъ духу. Если тебѣ удалось уничтожить въ больномъ страхъ, то онъ уже здоровъ... Христіанское Вѣдѣніе, давая болѣе здоровое направление мышленію, тѣмъ самымъ стремится устранить причины физическихъ болѣзней“...

По этимъ выдержкамъ, сущность „Christian Science“, очевидно, состоитъ не въ томъ, что молитвой низводятъ дѣйствіе всемогущества Божія, „вмѣшивающагося“ такимъ образомъ въ законы природы для измѣненія теченія болѣзни, что вообще отвергаетъ нѣмецкое раціоналистическое міровоззрѣніе, но въ томъ, что человекъ побуждается презирать преходящее бѣдствіе и такимъ образомъ забывать о немъ. Это ученіе было бы весьма возвышеннымъ, если бы способы богомоленія и плата за него не казались не совсѣмъ удобными для него; притомъ сами больные понимаютъ все это дѣло, какъ мірское, внѣшнее, физическое: они ожидаютъ физическаго исцѣленія безъ всякой перемѣны ихъ душевнаго состоянія, и прежде всего какъ взаимной услуги за ихъ собственныя денежки. Впрочемъ, такой же коммерческой взглядъ мы находимъ и въ католической Церкви, если не въ догматахъ, то въ нѣкоторыхъ обрядахъ ея.

Въ одномъ изъ открытыхъ собраній секты нѣкто Штекеръ высказалъ между прочимъ слѣдующее: не только въ апостольскія, но и въ послѣ-апостольскія времена (хотя и въ болѣе слабой степени) бывали чудесныя исцѣленія. Можно даже ручаться, что dr. Мартинъ Лютеръ своей пламенной молитвой спасъ отъ тяжелой болѣзни своего вѣрнаго сподвижника Филиппа Меланхтона. Штекеръ разсказалъ также одинъ случай, имѣвшій мѣсто въ Берлинѣ нѣсколько лѣтъ назадъ. Одна женщина пролежала безъ движенія цѣлыхъ три мѣсяца вслѣдствіе ревматизма; никакія усилія врачей не могли спасти ея. Однажды мужу ея какой-то внутренній голосъ внушилъ мысль помолиться Богу для исцѣленія жены. И вотъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ онъ вознесъ Богу искреннюю молитву, и послѣ того почувствовалъ, что его молитва услышана. Черезъ два дня жена встала внезапно съ постели безъ всякаго признака болѣзни, безъ всякой хотя бы незначительной слабости.

Однако въ Германіи вообще плохо вѣрятъ въ возможность подобныхъ чудесныхъ исцѣленій и не считаютъ доказаннымъ, чтобы въ послѣ-апостольскія времена дѣйствительно были такіе случаи. Въ періодической же печати все сильнѣе и сильнѣе раздаются протесты противъ вновь народившейся секты.

* *
*

Въ Аркадіи появилась новая секта, число приверженцевъ которой пока еще весьма ограничено. Секта эта основана монахомъ-разстригой Нифонтомъ Дракопуло, почему и послѣдователи ея называются нифоніанами.

Символь вѣры этого новаго толка состоитъ изъ слѣдующихъ 14 членовъ:

1. Послѣ смерти апостоловъ Духъ Божій покинулъ Церковь.
2. Воскресеніе Спасителя было только кажущееся, а не дѣйствительное.
3. У Спасителя были младшіе братья.
4. Нѣтъ ипостаси высшей человѣка.
5. Молиться слѣдуетъ не въ церквахъ.
6. Не принадлежащій къ согласію Нифонта бродить во тьмѣ.
7. Нифоніане состоятъ въ общеніи съ Духомъ Святымъ и обладаютъ истиннымъ разумѣніемъ Евангелія.
8. Нифоніане должны почитать Нифонта, апостола Божія, за отца.
9. За братьевъ своихъ они должны почитать не братьевъ своихъ по крови, но собратій по ученію.
11. Монастыри слѣдуетъ закрыть.
12. Клиръ слѣдуетъ уничтожить.
13. Посты надлежитъ отмѣнить.
14. Надлежитъ основать вселенскую религіозную демократію, — само собой, на принципахъ нифонизма.

* *
*

Секта назарейнъ начинаетъ весьма беспокоить австро-венгерскія власти. Назарейане категорически отказываются отбывать воинскую повинность, и суровыя кары, которыя налагаются на нихъ судомъ, не страшатъ ихъ и не заставляютъ братья за оружіе.

Недавно на этой почвѣ произошелъ такой случай. Одинъ изъ назарейнъ, Павелъ Іокусъ, попавшій на службу и подвергшійся за отказъ надѣтъ мундиръ и взявъ въ руки ружье трехгодичному тюремному заключенію, въ концѣ концовъ уступилъ убѣжденіямъ своей молодой жены, умолявшей его не противиться требованіямъ властей, и согласился преступить завѣты своего ученія.

И вотъ ежедневно, на площади Офена, куда выводятъ солдатъ для обученія, наблюдается такая сцена: молодой новобранецъ, видимо отставшій въ воинской наукѣ отъ своихъ сотоварищей, усердно дѣлаетъ ружейные артикулы и... заливается въ тоже время горячими слезами (Figaro).

Извѣстный Мавръ Іокай совѣтуетъ употреблять новобранцевъ для лазаретной и вообще нестроевой службы, но военныя власти и слышать не хотятъ объ этомъ (Morning Leader).

* *
*

Въ Японіи появился *пророкъ-пропагандистъ новой религіи*. Весьма многіе японцы въ настоящее время не удовлетворяются двумя національными культурами — *буддизмомъ* и *шинтоизмомъ*, но они не желаютъ также принять ни одной изъ

главныхъ существующихъ теперь религій. Нѣкій Тэсужиро, новый японскій пророкъ, ведущій свою пропаганду при помощи собраній, брошюръ и т. п., проповѣдуетъ, что католицизмъ ближе стоитъ къ фетишизму и многобожію, чѣмъ шинтоизмъ; протестантство также признаетъ слишкомъ большую силу за писаніемъ и обрядами, чѣмъ, на примѣръ, буддизмъ. Таковы же, съ точки зрѣнія японскаго проповѣдника, и магометанство, и іудейская религія. Худшими же изъ существующихъ религій онъ считаетъ *вигнаизмъ* и *шиваизмъ*. Поэтому онъ увѣренъ, что благоразумные японцы не захотятъ исповѣдывать ни одной изъ упомянутыхъ религій, и въ виду этого онъ стремится создать новую религіозную систему совершенно безъ всякаго внѣшняго обряда, основными пунктами которой явилось бы бытіе *единого* и *единичнаго* Божества, существованіе души и ея безсмертіе; нравственное ученіе свое онъ основываетъ на естественной морали. „L'Indépendance Belge“, сообщая объ этомъ проповѣдникъ, замѣчаетъ, что бравый японецъ не подозрѣваетъ, что его идея стара, какъ міръ, и что она представляетъ не болѣе, какъ утопію, подобную тѣмъ, которыми увлекались и нѣкоторые европейцы: Ж. Ж. Руссо, Вольтеръ, Беранже...

* *

Въ Марокко, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, господствуетъ сильное возбужденіе среди фанатиковъ-магометанъ противъ „невѣрныхъ“. Такъ, племя Филали, обитающее въ оазисѣ Тафилельтъ, объявило *священную войну* (джегадъ) противъ французовъ. Султанъ мароккскій, озабоченный сохраненіемъ добрыхъ отношеній съ Франціей, немедленно отправилъ къ этому племени эмиссара съ повелѣніемъ немедленно возобновить миръ. Начальники нѣкоторыхъ мятежныхъ отрядовъ отвѣтили, что они не могутъ выносить сосѣдство невѣрныхъ иностранцевъ и что они желаютъ вести съ французами войну.

Войско, собранное со всевозможною поспѣшностью, выступило въ оазисъ, чтобы подавить возстаніе. Мятежнымъ фанатикамъ (особенно кайдамъ) было объявлено, что если они не успокоятся, то все племя Филали будетъ уничтожено.

* *

— Изъ Праги сообщаютъ въ «Patrie»: Чешская академія наукъ выбрала нѣсколько почетныхъ членовъ, въ томъ числѣ и графа Льва Толстого. Когда списокъ былъ представленъ наслѣдному эрцгерцогу Францу-Фердинанду, какъ покровителю академіи, съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ его на утвержденіе императору Францу-Иосифу, эрцгерцогъ по собственному почину вычеркнулъ имя графа Льва Толстого.

А. Ф.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Мысли о Богѣ. Л. Н. Толстой.

(Критико-философскій этюдъ).

Я прочиталъ эту книгу, и мнѣ стало больно, очень больно и страшно при мысли, что ея авторъ, можетъ быть, наканунѣ смерти.

Книга даетъ право и надежду думать, что Левъ Николаевичъ недалекъ „отъ возврата на путь свой“, и эта мысль о возможности для него обращенія заставляеть смотрѣть туда на югъ ¹⁾ съ страстнымъ ожиданіемъ и тревожной надеждой.

Конечно, книгу нельзя назвать православной. Левъ Николаевичъ не можетъ отрѣшиться отъ привычки думать и особенно говорить въ пантеистическомъ стилѣ. Въ книгѣ дѣлаются старыя вылазки противъ догмата Троичности, искупленія и др.

Да и появилась книга ранѣ извѣстнаго отвѣта св. синоду. Тѣмъ не менѣ симптомы возвращенія къ чисто-теистическому воззрѣнію очевидны. „Въ началѣ было разумѣніе жизни, и разумѣніе жизни было Богъ“... Такими словами начинается „*евангеліе*“ ясновольнаго пророка.

Это былъ не пантеизмъ, а почти атеизмъ. Богъ—это разумъ, „*смыслъ, пониманіе жизни*“... И Онъ весь въ человѣкѣ. Его нѣтъ за предѣлами человѣческаго сердца. Богъ—это имя для отвлеченнаго понятія, *принципа разумнѣя* и только. Иногда Толстой называетъ Бога и иначе.

Но всегда этотъ Богъ только самосознаніе человѣка, въ крайнемъ случаѣ, Богъ—„бездна“ Ренана, отвлеченная основа сознательной жизни.

И вотъ новыя слова, новые звуки.

„Я,—говоритъ Левъ Николаевичъ,—видѣлъ явленія жизни, не думая, откуда эти явленія, и почему я вижу ихъ. Потомъ понялъ, что все, что я вижу, происходитъ отъ свѣта, который есть разумѣніе, и я *такъ обрадовался, что все свелъ къ одному,*

¹⁾ Статья написана во время пребыванія Л. Н. Толстого въ Крыму.
Ред.

что совершенно удовлетворился признаніемъ *одного разумнѣя началомъ всего...* (т. е. Богомъ).

Но потомъ,—продолжаетъ графъ,—я увидѣлъ, *что разумнѣе есть нѣчто доходящее до меня чрезъ какое-то матовое стекло,—свѣтъ вижу, но то, что дастъ этотъ свѣтъ, не знаю, но знаю, что оно есть.*

Это что-то, что есть источникъ свѣта и есть Богъ! “Такимъ образомъ, старый догматъ: „разумѣніе жизни—Богъ“ было по признанію графа просто *ошибкой чувства*; Левъ Николаевичъ очень обрадовался своему открытію, будто разумъ—основа жизни, и, по собственному признанію, *отрометливо провозгласилъ его Богомъ*. Теперь онъ признаетъ, что разумѣніе въ человѣкѣ это не свѣтъ, а только „отсвѣтъ“, отраженіе отъ безконечнаго внѣшняго свѣта.

„Я разуменъ, но чтобы жизнь была разумна, нужно признать разумную цѣль міра, и цѣль эта должна быть *внѣ меня*“ (и до меня и послѣ меня). (Мысли, 23).

Эту мысль, что Богъ не въ человѣкѣ только, а и внѣ его, Л. Н. далѣе высказываетъ и опредѣляетъ. „Одно время мнѣ думалось,—пишетъ Левъ Николаевичъ,—что можно удовлетвориться однимъ понятіемъ и признаніемъ Того Бога, Который есть *во мнѣ*, не признавая Бога въ Самомъ Себѣ, *внѣ меня*, Того, Который вложилъ въ меня частицу Себя. И удивительное дѣло, мнѣ стало становиться скучно, уныло, страшно... Я почувствовалъ, что я вдругъ страшно упалъ духомъ и тутъ же догадался, что это произошло отъ того, что я ушелъ отъ Бога. Я сталъ думать, есть-ли Богъ, или нѣтъ Его,—и когда рѣшилъ: да есть (внѣ меня), я будто вновь кашель, и такъ мнѣ радостно стало (Мысли, 19).

И удивительно,—продолжаетъ Толстой,—какъ могъ я не видѣть прежде той несомнѣнной истины, что *за этимъ міромъ и нашей жизнью* есть Кто-то, что-то, знающее для чего существуетъ этотъ міръ“... (Мысли, 8).

Богъ неограниченъ, а все то, что я считалъ въ себѣ Божьимъ, ограничено. Я существо живущее 63 года, Богъ—существо живущее вѣчно. Я существо мыслящее въ предѣлахъ моего пониманія, Богъ существо мыслящее безпредѣльно... (Мысли, 14).

Человѣкъ познаетъ Бога, по мнѣнію Л. Н., въ чувствѣ полной зависимости отъ Него, почти тождественномъ съ тѣмъ чувствомъ, какимъ ребенокъ съ еще неразвитымъ сознаніемъ *знаетъ* мать, у груди которой онъ лежитъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что все это только съ большими натяжками можетъ быть истолковано (если только можетъ) въ пантеистическомъ смыслѣ,—а если вдуматься въ отношеніе Бога, живущаго въ человѣкѣ, къ этому внѣшнему существу, то отъ пантеизма Толстого не остается ровно ничего, онъ (пантеизмъ) становится *слишкомъ теистическимъ, если можно*

такъ выразиться. Мое личное „я“, по мнѣнію Льва Николаевича, можетъ быть въ единеніи съ Источникомъ разума и свѣта, но можетъ и разорвать это единеніе. Оно можетъ уйти отъ Бога и сознательно идти противъ Него.

Когда человѣкъ уходитъ отъ Бога, ему страшно и скучно. „Къ кому обращусь я въ своей ограниченности и беспомощности?—молится Толстой къ людямъ. Они не вѣрятъ въ то, что говорятъ, они мучаются страхомъ предъ смертью, собой и предъ Тобой, Господи, Котораго не хотятъ назвать.

И я не называлъ Тебя долго и зналъ, какъ этотъ обманъ гложетъ сердце, и страшень огонь отчаянія, таящійся въ сердцѣ неназывающаго Тебя. Но я называлъ Тебя, и страданія мои кончились. Долго блуждалъ я въ мерзости юности моей и отучилъ себя отъ хожденія по путямъ Твоимъ. *Господи, прости мнѣ заблужденія юности моей и помоги мнѣ также радостно нести, какъ радостно я принимаю шо Твое*“ (Мысли, стр. 46).

Не согласится-ли читатель, что такія отношенія между частичкой Бога въ человѣкѣ и Богомъ внѣ человѣка не вяжутся съ пантеистическимъ представленіемъ о Богѣ.

Отъ пантеистическаго Бога нельзя уйти въ себя, потому что *часть общаго сознанія* не можетъ быть въ противорѣчій съ *цѣлымъ*, всѣ проявленія абсолютнаго въ человѣкѣ будутъ только необходимыми выраженіями развитія этого абсолютнаго, они не могутъ сознаваться, *какъ грѣхъ противъ Духа Святого, какъ бунтъ противъ Источника свѣта и жизни...*

„Когда я убѣдился,—пишетъ Толстой,—что нельзя не вѣрить въ Бога внѣ меня, у меня явилась твердая увѣренность, что мнѣ можно и должно обращаться съ Нимъ, и Онъ услышитъ меня (Мысли, 19).

Онъ слышитъ! „Можетъ быть“,—спрашиваетъ графъ,—*это и есть то, что другіе зовутъ живымъ Богомъ; если это—это, то я виноватъ предъ ними, когда оспаривалъ ихъ*“ (Мысли, 20 стр.).

Знаменательное признаніе,—только Левъ Николаевичъ уже забываетъ, что ранѣе онъ оспаривалъ вовсе не по недоразумѣнію, а потому, что его точка зрѣнія была другой. „Если это—это...

Да это—то вѣрнѣе, почти то.

Левъ Николаевичъ слышитъ вѣяніе Бога живого, но старая манера думать, или, точнѣе, говорить пантеистически мѣшаетъ ему воскликнуть: „Вѣрую, Господи, вѣрую, какъ всѣ, помоги моему невѣрію“.

Однако и здѣсь уже онъ рѣшается сказать, что Богъ—Существо не понятіе, а Существо, *то, что православные зовутъ живымъ Богомъ въ противоположность Богу пантеистическому*“ (Мысли, стр. 30). Значитъ, Богъ есть личность свободная, разумная, живая? Нѣтъ, говоритъ Левъ Николаевичъ, нельзя

назвать Бога личностью. Личность ограничена, а Богъ безграниченъ (Мысли, 30).

Старыя слова, но будетъ ошибкою, если здѣсь признать старыя мысли. Нѣтъ, Левъ Николаевичъ признаетъ живого, разумно-свободнаго, то есть, личнаго Бога...

Его возраженія противъ личности Бога споръ только изъ за словъ. „Личность,—разсуждаетъ Левъ Николаевичъ,—есть отграниченіе „я“ отъ другого „я“,—поэтому даже человѣка нельзя мыслить личностью, если бы не было другого человѣка, отъ котораго сознание отдѣляло бы его „я“ (Ibid. 30).

Для Бога, какъ единаго, нѣтъ другого я, отъ котораго отграничивалось бы Его „Я“, и потому мыслить Его личностью невозможно“...

Конечно, противъ этого разсужденія можно возражать съ философской точки зрѣнія и съ догматической (съ точки зрѣнія догмата о Троичности), но что въ немъ нельзя видѣть отрицаніе личнаго Бога—*несомнѣнно*.

Нужно, чтобы Богъ мыслился, какъ самосознающее разумное, свободное, лежащее внѣ міра и жизни Существо.

Толстой опредѣляетъ Бога именно въ этихъ выраженіяхъ..

„Удивительно,—цитуюемъ во второй разъ,—какъ могъ я не видѣть прежде той несомнѣнной истины, что *за этимъ міромъ и нашей жизнью* есть Кто-то, что-то знающее для чего существуетъ этотъ міръ“. За этимъ міромъ и этой жизнью... Слѣдовательно, здѣсь Толстой борется уже не противъ православной идеи о Богѣ личномъ, а только считаетъ не строго точнымъ въ приложеніи къ Безконечному взятое изъ человѣческаго сознанія понятіе личности.

Но только не лучше-ли думать, что и въ человѣкѣ-то необходимость въ цѣляхъ познанія своего „я“ противопологать себя другому есть недостатокъ личнаго сознанія, что онъ становится личностью тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе въ цѣляхъ сознанія нуждается въ отграниченіи своей личности отъ другой. Самъ Толстой сознаетъ, что собственно на человѣческомъ языкѣ *нельзя Бога не назвать личностью*. Какъ бы то ни было, Богъ *не чувство, не отвлеченность, а реальное Существо*.

Насколько обособленно это существо отъ міра, мы видѣли. По мнѣнію Льва Николаевича нѣтъ ничего страннѣе, какъ отождествлять Бога съ Его проявленіями въ мірѣ, не только въ человѣкѣ. *Богъ внѣ міра и жизни...*

Разбирая агностицизмъ, который не хочетъ видѣть ничего внѣ міра и его законовъ, хочетъ объяснить существованіе міра безъ признанія разумной, внѣ всего міра лежащей, причины,—онъ признаетъ это воззрѣніе неразумнымъ и неприемлемымъ для человѣческаго сознанія (ib. 23 и д.). Я думаю, все это очень ясно.

Что же мѣшаетъ признать теистической книгу Льва Нико-

лаевича? Нѣсколько фразъ, несомнѣнно противорѣчащихъ теистической идеѣ, но такихъ фразъ, которыя опровергаются всѣмъ содержаніемъ книги.

Книга отрицаетъ твореніе, — это разъ; она каждого человѣка считаетъ дѣленіемъ Бога, Его частью, не созданіемъ Бога, а именно *Его дробленіемъ*. Первая мысль, поскольку она не касается человѣка, не отрицаніе, а только отказъ отъ рѣшенія вопроса. Толстой признаетъ, что Богъ „начало началъ“, Онъ далъ жизнь бытію, но какимъ образомъ возникаетъ отъ Него этотъ міръ, это вопросы, которые должны *остаться неотвѣченными*, хотя ученіе о твореніи міра Богомъ положительно не нравится Льву Николаевичу. Однако если выбирать между твореніемъ и мыслью будто все всегда было *безъ начала, то вторая мысль меньше разумна и меньше понятна* (ib. 9 и д.).

„Богъ начало разума... Человѣкъ разуменъ, но откуда въ немъ эта разумность? Ты скажешь, — отъ развитія живого?

Но само развитіе предполагаетъ зерно, зародышъ развитія, принципъ разумности, и этотъ принципъ есть Богъ, существовавшій очевидно до начала процесса (ib. 23).

А если такъ, то какъ же понимать происхожденіе міра отъ Бога? Что же это, какъ не твореніе, если Онъ не *есть самый процессъ!* „Нѣтъ, — отвѣчаетъ Толстой, — и все есть дѣленіе Бога“. Это уже туманно и явно отзывается пантеизмомъ... Однако Толстой почти несомнѣнно долженъ придти къ догмѣ творенія въ первой же попыткѣ продолжить свои „мысли о Богѣ“.

Почему онъ не хочетъ признать Бога творцомъ? Потому, что это значить признать этого Бога создателемъ зла: „Нѣтъ Творца, Творецъ равнодушенъ къ людямъ, Онъ допускаетъ и творитъ страданія и зло... Богъ Духъ избавляетъ отъ страданій и зла“... Трудно понять, почему мысль Льва Николаевича становится такою нелогичной. (ibid. 15). Ниже нѣсколькими строками Левъ Николаевичъ утверждаетъ, что зло возникло отъ грѣха, ошибокъ человѣка, а не отъ Бога, и Богъ невиновенъ въ нихъ (Мысли, 16). Какой же смыслъ въ предыдущихъ разсужденіяхъ? Этого мало. Именно логика Льва Николаевича *требуетъ признанія творенія*.

Въ сущности его ученіе въ данномъ пунктѣ очень старо и очень знакомо. Это собственно буквально то же, что говорить Фихте: „Богъ, вѣчно сознательная сущность, есть единство безконечно многихъ силъ, которыя Онъ объемлетъ въ Себѣ и сдерживаетъ въ единствѣ, эти силы составляютъ Его натуру, суть его реальныя, жизненныя силы. Каждая изъ этихъ силъ есть первоначальное положеніе (Unposition), но, какъ такое, дремлющая или сокровенная потенція, связанная единствомъ съ Богомъ... Твореніе не есть собственно произведеніе (Hervorbringung) чего-либо Богомъ, а только высту-

пление въ раздѣльныхъ моментахъ, во времени того, что въ полномъ Богѣ (vollem Gotte) существуетъ связано.

„Въ каждой изъ этихъ силъ, объединенныхъ въ Богѣ, заключается особенный, свойственный ему принципъ воли, который дѣлаетъ его способнымъ стать конечнымъ, и обнаруженіе котораго опредѣляетъ его къ бытію конечному и т. д.“

Но что такое ученіе Фихте? Это такъ называемый полупантеизмъ. Это движеніе въ сторону теизма настолько по прямой линіи, что теистическіе выводы отсюда почти неизбежны. Мы припомнимъ замѣчаніе Льва Николаевича объ отношеніи частей къ цѣлому.

Онъ признаетъ, что части дѣйствуютъ самостоятельно сами по себѣ, болѣе они являются чѣмъ-то противостоящимъ Богу,—враждебнымъ Богу. Онъ проситъ прощенія у Бога за то, что блуждалъ по инымъ, не Его путямъ и т. д...

Въ другомъ мѣстѣ Левъ Николаевичъ высказываетъ еще ярче: „Чтобы установить въ мірѣ царство Божіе, единеніе, служеніе другому, Богу не нужно было дѣлать это Самому. Онъ вложилъ въ человѣка разумъ, освободилъ въ человѣкѣ любовь и т. д.“... (Мысли, 36) Мы уже сказали, что это удобно сказать о душѣ человѣка, какъ созданіи Бога, обособленной отъ Него и одаренной отъ Бога своей волей, съ ограниченной разумностью съ возможностью конечнаго, т. е., *разумнаго и неразумнаго выраженія воли*, но совсѣмъ странно говорить о части Бога, о душѣ, какъ одномъ изъ *Его дѣлений*. Откуда прежде всего это зло, паденіе, откуда и зачѣмъ эта необходимость возвращенія къ истинѣ, какъ возможно отдѣленіе частей отъ цѣлаго, хотя бы даже не враждебныхъ, но все же ранѣе *объединенныхъ* въ Богѣ?

Сами частныя силы отдѣлились отъ цѣлаго, въ которомъ были объединены разумностью (Intelligenz)?

Какъ? Самотворческимъ актомъ посредствомъ нѣкотораго „скачка“, какъ говоритъ Шеллингъ, т. е. чудомъ. Но этотъ скачекъ ясно *asulum ignoantiae*, ясно, что это „отпаденіе“ силъ отъ Бога, собственно ирраціонально признать его значитъ допустить скачекъ и въ мысли, сдѣлать въ мысли сознательный, *намеренный пропускъ*.

Безграничная разумность, свобода и святость не можетъ подлежать закону паденія и въ своихъ дѣленіяхъ: въ дѣленіи разумность не можетъ предложиться въ неразумность. Фихте (кажется и Толстой) вынужденъ допустить, что это отдѣленіе попускаетъ (Zulassen) Богъ. Но снова вопросъ, который задаетъ и самъ Толстой: „зачѣмъ же Богъ раздѣлился въ Себѣ“, возсталъ противъ Себя? (Мысли, 34). Богъ попускаетъ отдѣленіе отъ Себя отдѣльными силами, чтобы въ нихъ родились ошибка и грѣхъ?

Онъ попускаетъ собственной окончательной абсолютной (по Толстому) разумности перейти въ полуразумность, чтобы

дать человѣку, который не что-либо иное, какъ Онъ (если онъ его дѣленіе, а не твореніе), поправить эту сознательную ошибку, возвратить къ разумости „неразуміе“ жизни. Это была бы очень странная „комедія“ мірового процесса, которую конечно нельзя принять, и которую и Толстой и Фихте приняли только изъ боязни прямого перехода къ истинѣ творенія. Очевидно, что если жизнь человѣка „попущенье“ со стороны Бога ошибокъ и грѣха, то это попущенье понятно только какъ процессъ развитія существа по существу своему конечнаго и не абсолютно разумнаго, а не процессу развитія *Разумнаго, отрeksiаго отъ разума, Святого, отрeksiаго отъ святости*. Отъ признанія живого Бога, — пишетъ Гротъ, — естественный и прямой переходъ къ истинамъ христіанской метафизики, ученію о грѣхопадѣніи, искупленіи и т. д. (Толстой и Ничше 1894 г. 25 стр.).

Теизмъ даже въ такой формѣ, не вполне опредѣлившейся, какъ онъ выраженъ въ кн. гр. Л. Н. Толстого „Мысли о Богѣ“, ведетъ въ церковь.

Фаустъ, перелагая прологъ Евангелія отъ Іоанна, въ началѣ написалъ: Въ началѣ былъ разумъ... Потомъ поправилъ: Въ началѣ было дѣло...

Толстой написалъ почти также: въ началѣ было разумѣніе жизни... Теперь онъ переправилъ и пишетъ: Въ началѣ было вѣчная и разумная, отдѣльная отъ міра, причина жизни... Но за такой передачей обязательно продолженіе Іоанна: Все чрезъ Него (а не изъ Него) было, и безъ Него ничего не было изъ того, что было...

И. Михаилъ.

Объ изданіяхъ братства св. Петра.

Въ 1874 году братствомъ св. Петра митрополита въ Москвѣ издана книга: „Истинно древняя и истинно православная Христова Церковь“, составленная, какъ извѣстно, Григоріемъ, митрополитомъ Новгородскимъ и Петербургскимъ, а въ этомъ изданіи разсмотрѣнная членами названнаго братства, и издателями по мѣстамъ сдѣланы особыя примѣчанія. Въ этой книгѣ на листѣ 309 приведена изъ учительнаго евангелія слѣдующая выдержка: „Еретицы, не суще священницы, смѣютъ тайными святыми дѣйствовать: крестити, вѣнчати, и пр. Но таковое ихъ дерзновеніе есть отъ лукаваго духа“ и т. д. На оборотѣ 310 стран., по окончаніи выдержки, сдѣлано указаніе, что мѣсто это находится въ поученіи въ недѣлю предъ Просвѣщеніемъ, часть 2, стран. 94. Возникаетъ вопросъ: изъ какого же учительнаго евангелія взята эта выписка, такъ какъ таковыхъ евангелій существуетъ не одно? Есть 2 учительныхъ евангелія: одно составляетъ тво-

реніе іеромонаха Кирилла Трацквилліона, которое издавалось въ Москвѣ 3 раза: въ 1629, 1642 и 1651 годахъ; другое принадлежитъ творенію св. Каллиста и также было напечатано въ Москвѣ 3 раза: 1633, 1640 и въ 1652 годахъ. На которое изъ этихъ 2-хъ евангелій сослался покойный митрополитъ Григорій, неизвѣстно. Между тѣмъ въ рукахъ раскольниковъ есть еще учительное евангеліе, которое издано при патріархѣ Іосифѣ, и въ которомъ нѣтъ подобной цитаты. Миссіонеру придется быть въ затрудненіи въ подобныхъ случаяхъ, а потомъ совѣмъ игнорировать это свидѣтельство, какъ составляющій пунктъ пререканія между имъ и старообрядцами. Главное затрудненіе для миссіонера состоитъ въ томъ, что онъ не можетъ сказать, кому вышеприведенное мѣсто, такъ сильно обличающее, на примѣръ, безпоповцевъ, принадлежитъ: Кириллу іеромонаху, или св. Каллисту? И во всѣхъ ли изданіяхъ ихъ имѣется это мѣсто? Книги этихъ авторовъ рѣдки; самому миссіонеру провѣрить нельзя.

Покорно прошу Редакцію „Миссіон. Обзор.“ напечатать мой запросъ на тотъ конецъ, что редактировавшіе новое изданіе книги митрополита Григорія потщатся дать отвѣтъ вопрошающимъ о семъ и точно указать, гдѣ находится означенное мѣсто, и въ какомъ году издана эта книга, и гдѣ можно ее видѣть?

Рѣшеніе этого вопроса ждуть у насъ многіе, такъ какъ старообрядцы обозвали книгу Григорія митрополита ложной и вышеуказанное мѣсто приписали его личной выдумкѣ для обмана простыхъ лицъ.

Въ 1888 году то же братство св. Петра въ Москвѣ издало книжку „Краткія извѣстія о существующихъ въ расколѣ сектахъ, объ ихъ происхожденіи, ученіи“... Сочиненіе о. архимандрита Павла. Въ этой книжкѣ на страницѣ 61-й, подъ цифрой счисленія сектъ 15-я, „Филипповцы“ сказано: Филиппово согласіе существуетъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ, Угличѣ, Кимрѣ, Одессѣ и др. мѣстахъ; но отъ Нижняго по всей Волгѣ его не обрѣтается“.

Такое свидѣтельство покойнаго о. Павла недостоверно. Нужно дивиться, какъ онъ могъ сказать это. Въ Саратовѣ купецъ Иванъ Никифоровъ Уфимцевъ принадлежитъ къ этой сектѣ давно; у него есть единомышленники и столько ихъ, что они составляютъ свою общину, которой и управляетъ Уфимцевъ. Покойный о. Павелъ бесѣдовалъ въ Саратовѣ (см. т. I, стран. 331); это было въ 1871-мъ году; я былъ еще старообрядцемъ; но до его пріѣзда за 2 года, мы ходили къ Уфимцеву въ домъ и убѣждали его перейти въ

наше общество приѣмлющихъ австрійское священство, которое тогда я считалъ истинной Христовой Церковію. Бесѣда была шумная; на ней была масса безпоповцевъ и „нашихъ“ по австрійскому священству. Въ это время Уфимцеву было лѣтъ 40, а онъ держался Филиппова согласія до нашей бесѣды съ нимъ лѣтъ 20. Это онъ самъ и сказалъ намъ: „я, говоритъ, 20 лѣтъ содержу свою св. вѣру, а вы, обливанники, пришли меня отвратить отъ нея“ и пр. Отъ Уфимцева восприняли ученіе крестьяне с. Алферьевки, д. Марьевки, с. Крутца, с. Телѣгина, Пензенскаго у. и губерніи, которые и содержатъ это свое согласіе доселѣ и тоже очень давно. Свидѣтельствомъ сего служить нынѣшній наставникъ у филипповцевъ, крестьянинъ Иванъ Савельевъ, который служить наставникомъ болѣе 30 лѣтъ, и избранъ въ наставники по указанію купца Уфимцева.

Итакъ филиппово согласіе—секта давно уже существуетъ въ Саратовѣ и Пензѣ, и покойный о. Павелъ Прусскій не могъ не знать сего обстоятельства.

Мис. свящ. *Констант. Поповъ.*

Богословская мораль св. д-ра Альфонса Маріа-де-Мауори и страшная опасность этой морали для народной нравственности. (Къ вопросу о celibatѣ рим. іерархіи).

Подъ такимъ заглавіемъ была выпущена въ свѣтъ Робертомъ Грассманомъ брошюра весьма любопытнаго содержанія, которая доселѣ выдержала болѣе тридцати изданій. Изъ этой брошюры легко видѣть, къ какимъ поистинѣ чудовищнымъ послѣдствіямъ приводитъ celibatъ римскую іерархію. По свидѣтельству своихъ патеро-в-духовниковъ католическаго духовенства, только самый незначительный процентъ изъ числа ксендзовъ сохраняетъ цѣломудріе. Такъ «изъ исповѣдавшихся у патера Хиники 200 ксендзовъ 179 впади въ грѣхъ прелюбодѣянія» (стр. 14). «Изъ нихъ одинъ имѣлъ на исповѣди 1,500 женщинъ и дѣвушекъ и развратилъ 1,000 изъ нихъ» (ib). Другой видный священникъ Хіацинтъ въ той же книгѣ (Хиники) заявилъ, что изъ 100 духовныхъ отцовъ 99 впади въ прелюбодѣяніе съ своими духовными дочерьми (ib). Такова фактическая сторона этой ужасной исторической трагедіи. Гораздо постыднѣе и позорнѣе то обстоятельство, что такой ненормальный порядокъ вещей поддерживается каноническими правилами римской Церкви, и что сами папы смотрятъ сквозь пальцы на эти новые Содомъ и Гоморру. Грассманъ тщательно выписалъ всѣ удивительныя по безстыдству и цинизму наставленія и вопросы, предлагаемые исповѣдающимся женщинамъ и дѣвушкамъ, которыя содержатся въ «Moraltheologie der römischen Kirche» de-Liguori'zu санкціонированы папами Піемъ IX и Львомъ XIII, какъ лучшее руководство для католическихъ духовниковъ. Онъ

внимательно и добросовѣстно, по его собственнымъ словамъ, штудировалъ «Theologie moralis» Liguori's, но въ 8 томахъ этого произведенія не нашель ни одного нравственнаго положенія, а лишь пространныя описанія всѣхъ родовъ блуда и безнравственности, которые нравственному человѣку извѣстны только по имени» (7 стр.). Исповѣдь по этому руководству есть самое грубое издѣвательство надъ женской стыдливостью и въ большинствѣ случаевъ ведетъ за собой нравственное растлѣніе и страстное возбужденіе исповѣдающаго и исповѣдующейся. Ксендзъ, въ случаѣ, если бы исповѣдница каялась общо, долженъ ставить самые подробные и мелочныя вопросы касательно полового сожитія съ мужемъ и обстоятельствъ прелюбодѣянія съ постороннимъ мужчиной (см. 9 стр.).

Онъ долженъ спрашивать невинную дѣвушку о такихъ мерзостяхъ, о которыхъ она никогда бы: ничего не уанала, если бы ее обязательно не просвѣтилъ услужливый пастырь. Какъ, напр., можно допустить подобный вопросъ: *Fecisti quod quaedam mulieres solent, quoddam molimen aut machinamentum in modum vililis membri ad membranam tuae voluptatis et illud loco verendorum tuorum aut alterius cum aliquibus ligaturis, ut fornicationem faceres cum aliis mulieribus, vel alia eodem instrumento, sive alia tecum?* (Burchard. Comp Theol. moralis p. 118). Или такой: 3) *Fecisti quod quaedam mulieres facere solent, quando libidinem se vexantem extinguere volunt, quae se conjungunt quasi coire debeant ut possint, et conjungunt invicem puelliperia sua, et sic, fricando prurimum illarum extinguere desideram?* Замѣтивъ у дѣвушки возбужденіе, ксендзъ по Дебрайну (Debreune), долженъ спросить: не пробовала-ли она удовлетворить свою похоть, большое-ли удовольствіе получила и т. д.

Неудивительно, что подобная исповѣдь въ большинствѣ случаевъ кончается преступленіемъ. Тѣмъ болѣе, что на подобныя преступленія католическая Церковь смотритъ очень снисходительно. Самъ св. Лигурій говорить, что не должно порицать патера, который падетъ однажды въ мѣсяцъ (14 стр.). „И въ самомъ дѣлѣ, пишетъ Грассманъ, искушеніе для патера столь опасно, что только камень могъ бы не пасть. Вообрази себѣ, ты обязанъ, будучи неженатымъ вести самые трудные и похотливые разговоры съ глазу на глазъ съ юной дѣвушкой или хорошенькой женщиной. Представь себѣ, что исповѣдующаяся рассказываетъ, какъ она согрѣшила съ прежнимъ духовнымъ отцомъ, не утаивая ни малѣйшей мелочи. Кто можетъ перенести подобныя искушенія, особенно если они повторяются ежедневно. Это поистинѣ сатанинское учрежденіе“. Читая подобныя вещи, нельзя не подивиться мудрости и осмотрительности нашей Церкви православной, которая никогда не требовала отъ своихъ священниковъ безбрачной жизни. Факты, описанные Грассманомъ (за точность его сообщеній ручается трехкратное одобреніе этой брошюры извѣстнымъ проф. Іенскаго университета Ниппольдомъ, штетинскимъ ландгерихтомъ и государственнымъ), въ его брошюрѣ въ недавнее еще время взволновали всю Германію, и многіе мужья и отцы перестали пускать своихъ женъ и дочерей на исповѣдь. Но сѣти, спле-

тѣнные іезуитами въ теченіе многихъ вѣковъ, не такъ-то легко порвать, и католическій патеръ доселѣ царитъ надъ совѣстью милліоновъ.. Для чего?.. Во всякомъ случаѣ не для того, чтобы *очистить и возвысить ее...*

М. Леоновичъ.

П. П. Добромысловъ. Оскопленіе предъ судомъ священнаго Писанія, канонъ церковныхъ и здраваго смысла. Цѣна 25 коп. Рязань. Типографія братства св. Василия. Стр. 26.

Въ нашей миссіонерской литературѣ, довольно богатой полемическими и апологетическими противосектантскими сочиненіями, почти нѣтъ такихъ популярныхъ брошюръ по обличенію скопчества, которыя можно было бы рекомендовать для чтенія простому народу. Поименованная брошюра г. Добромыслова представляетъ въ этомъ отношеніи первый опытъ, поэтому мы считаемъ нужнымъ обратить на нее вниманіе противосектантскихъ миссіонеровъ и священниковъ селеній, зараженныхъ скопчествомъ.

Въ первой главѣ своей брошюры (стр. 5 — 10) г. Добромысловъ, пользуясь современными изслѣдованіями о сектахъ хлыстовъ и скопцовъ, излагаетъ ученіе скопцовъ объ оскопленіи. Вторая глава (стр. 11—21) посвящена разбору мѣстъ св. Писанія ветхаго и новаго завѣта, приводимыхъ скопцами въ защиту ихъ ученія объ оскопленіи.

Въ третьей главѣ брошюры г. Добромысловъ доказываетъ, что операцией оскопленія сектанты не достигаютъ своей цѣли, такъ какъ, гдѣ нѣтъ чистоты помысловъ, отсвѣченіе членовъ не дастъ нравственной чистоты (Прем. Сирах. XXX, 19 — 21). Природа какъ бы мститъ скопцамъ за нарушеніе ея законовъ, и у оскопленныхъ, по ихъ же собственнымъ показаніямъ, послѣ операции развивается страшная похотливость, поражающая въ несчастныхъ жертвахъ религіознаго ослѣпленія и фанатизма самые дикіе и гнусные пороки. Въ краткомъ заключеніи къ своей брошюрѣ г. Добромысловъ дѣлаетъ замѣчаніе объ отношеніи къ оскопленію нашего гражданскаго законодательства.

Таково вкратцѣ содержаніе брошюры г. Добромыслова. Желательно возможно широкое распространеніе ея среди населенія мѣстностей, зараженныхъ скопческою ересью.

Священникъ *Евграфъ Освянниковъ.*

Прот. А. П. Мальцевъ. Основаніе педагогики. Изданіе 3-е исправленное. Варшава 1901 годъ. Первое изданіе этой книги появилось въ началѣ 80 годовъ, но уже въ 87 году потребовалось новое изданіе. Теперь книга выходитъ третьимъ изданіемъ.—и это неудивительно. Вопросы воспитанія—вопросы, вѣчно близкіе человѣку, и особенно въ наше время педагогической горячки. Къ тому же самое имя почтеннаго

автора много говорить всякому образованному русскому человѣку и ручается за интересъ произведенія.

Книга о. Мальцева состоитъ изъ четырехъ частей.

Часть I—педагогическая посвящена основнымъ началамъ педагогики. Здѣсь дается опредѣленіе педагогики, говорится о цѣли и средствахъ воспитанія. Авторъ слѣдуетъ весьма глубокому и вѣрному взгляду Лейбница: «Нѣтъ нужды давать правила, совѣты и наставленія, которые легко забываются. Достаточно изучить природу души съ ея слабостями и недостатками, а средства для устраненія ихъ найти нетрудно». Согласно этому воззрѣнію авторъ подробно останавливается на разсмотрѣніи душевной жизни человѣка, ея существенныхъ элементовъ и важнѣйшихъ явленій (часть II, психологическая), выдѣляя при этомъ разсмотрѣніе мыслительнаго процесса въ особый отдѣлъ (часть III, логическая), IV часть—физическая трактуетъ о воспитаніи дѣтей съ первыхъ дней жизни.

Въ концѣ книги приложенъ обширный указатель литературы по педагогикѣ, русской и иностранной, за что особенно должно быть признательнымъ автору.

Вообще книга можетъ быть прочтена съ интересомъ и пользой, за что ручается уже самый успѣхъ ея прежнихъ изданій.

М. Леоновичъ.

Архим. Иннокентій. Три искушенія. (Мѡ. IV, 1—1, Мрк. I2, 12—13, Лк. IV, 1—13). Тверь. 1901 г. Стр. 30. Ц. 20 к.

Настоящая брошюрка представляетъ рѣчь, читанную въ торжественномъ собраніи Тверского отдѣла Императорскаго Палестинскаго Общества. Въ ней авторъ излагаетъ и иллюстрируетъ исторію искушенія не только по евангелистамъ, но и поэтическимъ изображеніямъ другихъ писателей, поэтовъ, художниковъ и т. п. Въ связи съ исторіей, авторъ живописно рисуетъ и самую мѣстность искушенія, и дорогу къ ней отъ Иерусалима. Авторъ часто обращается къ поэмѣ Мильтона „Возвращенный рай“, къ Фаррару, Тарфеву и др.; попутно касается ближайшихъ окрестныхъ царствъ, которыя показалъ сатана Иисусу Христу—Ассиріи, Персіи, Греціи и Рима; разъясняетъ отвѣтъ Спасителя „Иди за Мною, сатана“, говоритъ по этому поводу о картинѣ искушенія И. Е. Рѣпина и въ заключеніе касается легендарной поэмы Ѳ. М. Достоевскаго „Великій инквизиторъ“, имѣющей близкое отношеніе къ событію трехъ искушеній. Вообще брошюра написана довольно живо и интересно.

Свящ. М. Лисицынъ.

Антикритика на статью г. Чельцова: „О нѣкоторыхъ писательскихъ приемахъ въ нашей духовной литературѣ“.

Въ июньской книжкѣ „Миссіонерскаго Обзорнія“ появилась статья г. Чельцова: „О нѣкоторыхъ писательскихъ приемахъ въ нашей духовной литературѣ“. Въ этой статьѣ раздается довольно откровенная и оригинальная скорбь, что „пишемъ мы (духовные писатели), пишемъ, и похвалъ себѣ не слышимъ“ отъ такъ называемаго свѣтскаго образованнаго общества, или „интеллигенціи“!.. Виновницей такой бѣды является, по мнѣнію автора статьи, исключительно духовная литература, по адресу которой онъ и расточаетъ обильные, но крайне несправедливые упреки.. Оказывается, что духовная литература отличается и „неудобочитаемостью“ и „совершенной нечитаемостью, въ силу плохого изложенія“, и „безцеремонностью и неприличіемъ критическихъ приемовъ“ и „разработкой вопросовъ мертвыхъ, никого неинтересующихъ“... А во всемъ этомъ виновна „семинарская бурса“, преподаватели которой, по мнѣнію г. Чельцова, „мало читаютъ, еще менѣе того пишутъ и скоро погрязаютъ въ провинціальній тинѣ“!..

Вотъ ужъ поистинѣ „бѣдный Макарь“—эта „семинарская бурса“ и всегда-то на нее „шишки валятъ“, коль скоро писатели задаются цѣлью снискать себѣ похвалы отъ такъ называемой „интеллигенціи“!.. И замѣчательное явленіе: какъ только г. Чельцовъ (*духовный писатель*) принялъ на себя роль самообличителя, тотчасъ стяжалъ себѣ „похвалы“ отъ „интеллигентной“ газеты „Спб. Вѣдомостей“!..

Съ такими взглядами на духовную литературу приступилъ г. Чельцовъ и къ критикѣ изданной нами въ концѣ прошлаго года книги: „Орловскій миссіонерскій съѣздъ въ связи съ вопросомъ о свободѣ совѣсти“. Объ этой критикѣ и будетъ наша рѣчь.

Опуская мелочныя придирки въ ней ¹⁾, мы остановимся лишь на главныхъ ея положеніяхъ.

¹⁾ Такъ, на стр. 1148 г. Чельцовъ пишетъ: «а г. Айвазовъ находить это (фактъ обсужденія на столбцахъ свѣтскихъ газетъ и журналовъ вопросовъ вѣры, нравственности и Церкви) наивнымъ и смѣшнымъ», и ссылается на стр. 33-ю нашей книги. Между тѣмъ тамъ говорится не о журналахъ и не вообще о вопросахъ вѣры, нравственности и Церкви, а лишь о газетахъ и о нѣкоторыхъ вопросахъ духовнаго бытія (какъ, напр., вопросъ о врожденности чловѣку идеи Божества—см. стр. 33-ю)!.. А что мы стоимъ *за* обсужденіе въ прессѣ и особенно въ журналахъ вообще вопросовъ вѣры, нравственности и Церкви, — такъ это ясно изъ многихъ мѣстъ той же нашей книги («предисловіе» и особ. стр. VI; 108—109 и др.). Далѣе, на стр. 1149-й г. Чельцовъ недоумѣваетъ: «откуда авторъ взялъ боязнъ русской свѣтской власти, начиная съ Петра I, встрѣтить себѣ въ своихъ дѣлахъ оппозицію въ лицѣ русскаго духовенства» и говоритъ: «боязнъ была у духовной власти предъ свѣтской»... Но, оче-

Г. Чельцовъ разсматриваетъ нашу книгу со стороны ея содержанія и полемическихъ приѣмовъ. «Содержаніе книги, говоритъ онъ, обширное; оно обнимаетъ всѣ вопросы, возбужденные докладомъ Стаховича, подробно толкуетъ о взаимномъ отношеніи Церкви и государства, о свободѣ совѣсти, о мечтахъ и замыслахъ «либеральной» интеллигенціи. Съ этой стороны разсматриваемая книга заслуживаетъ прочтенія»... «Но, заключаетъ г. Чельцовъ, главныя ея главы 4-я и 5-я написаны не на тему, а приѣмы полемики не вездѣ приличны, и цѣлей книга своихъ никоимъ образомъ достигнуть не можетъ. Несмотря на живой интересъ содержанія, на многія цѣнныя мысли, книгу г. Айвазова можно рекомендовать только нашимъ духовнымъ писателямъ ¹⁾ и именно, какъ образецъ того, какъ не слѣдуетъ полемизировать».

Но о какихъ цѣляхъ нашей книги говоритъ г. Чельцовъ? Изъ дальнѣйшихъ его разсужденій видно, что наша книга *якобы* имѣла цѣлью «удовлетворить г. Стаховича и К^о, убѣдить ихъ въ неосновательности ихъ требованій»... и даже «возымѣть вліяніе на интеллигенцію»!.. Но кто же далъ право нашему критику требовать отъ нашей книги другихъ, помимо указанныхъ въ ней, цѣлей?!.. Не съ цѣлью «удовлетворить или убѣдить г. Стаховича и К^о» и тѣмъ паче не съ «разсчетомъ на вліяніе среди интеллигенціи» мы издавали свою книгу, а съ цѣлью изложить дѣянія миссіонерскаго сѣзда въ *истинномъ* свѣтѣ, разобраться во мнѣніяхъ періодической прессы, по поводу этихъ дѣяній, и высказать свое мнѣніе по существу поднятыхъ изъ сѣзда вопросовъ и, главнымъ образомъ, вопроса «о свободѣ совѣсти». Что мы далеки были отъ олимпійскаго или «столичнаго» величія и не были такъ самовлюбленны, чтобы «разсчитывать на вліяніе среди интеллигенціи», ясно изъ «высказанныхъ нами въ той же книгѣ, по поводу доклада о. Фуделя, пожеланій, чтобы рѣшеніе вопроса о миссіи среди интеллигенціи не стало дѣломъ *далекаго будущаго*» и чтобы «Господинъ жатвы *высламъ* дѣлателей на жатву Свою»... Очевидно, что мы не изъявляли претензій на честь «жателя среди интеллигенціи», хотя и по сіе время увѣрены, что этого рода „жатели“ не должны краснорѣчиво молчать, когда „интеллигенція“ не только не проситъ у нихъ помощи, но въ сознаніи своего превосходства даже топчетъ ихъ въ грязь!..

Посему неудивительно, что г. Чельцовъ не нашель въ нашей книгѣ того, чего желалъ, а нашель въ ней лишь то, что мы желали въ ней дать, и о чемъ онъ самъ сказалъ: „съ этой стороны разсматриваемая книга заслуживаетъ прочтенія“...

видно, г. Чельцовъ смѣшалъ «боязнь духовной власти вмѣшательства власти свѣтской въ *дѣла Церкви*» съ «боязнью свѣтской власти вмѣшательства власти духовной въ *дѣла собственно свѣтскія*»!..

¹⁾ Очевидно, г. Чельцовъ напугалъ: то рекомендуетъ нашу книгу для прочтенія *всѣмъ*, то только *духовнымъ* писателямъ и притомъ лишь какъ отрицательный образецъ *полемики*!.. Но развѣ въ книгѣ *все* содержаніе *полемическаго* характера?!..

Не будемъ касаться наивныхъ попытокъ нашего критика двумя-тремя голыми словами съ чувствительной частицей „развѣ“ убѣдить насъ въ томъ, что „въ докладѣ г. Стаховича нѣтъ отрицанія взаимоотношенія Церкви и государства“ и что „съ предоставленіемъ каждому „свободы совѣсти“ (какъ она понимается въ докладѣ г. Стаховича) не нарушится союзъ Церкви и государства“. Объ этомъ достаточно говорили мы въ своей книгѣ. Здѣсь же не лишнимъ считаемъ вспомнить недавнюю проповѣдь проф. Чермака объ *отдѣленіи* свѣтской школы отъ Церкви во имя той „свободы совѣсти“, за которую ратуютъ г. Стаховичъ, „Спб. Вѣдомости“ и К^о!. Не можемъ не пожалѣть, что нашъ критикъ „не имѣлъ сочиненій Аксакова подъ руками“, потому что достаточно было взять и проштудировать хотя бы IV-й т. этихъ сочиненій, чтобы убѣдиться въ крайней неопредѣленности ученія Аксакова о „свободѣ совѣсти“, въ силу чего можно оперировать этимъ ученіемъ на обѣ стороны. Также неопредѣленно учить о „свободѣ совѣсти“ и В. С. Соловьевъ. Посему несравненно лучше обращаться къ авторитету извѣстныхъ отцовъ и учителей Церкви за разрѣшеніемъ вопросовъ вѣры, нравственности и Церкви!.

Вся критика 5-й главы нашей книги построена г. Чельцовымъ на томъ, что мы *якобы* „сузили понятіе о свободѣ совѣсти, подведши подъ нея лишь свободу въ дѣланіи, свободу нравственнаго совершенствованія и упустивъ изъ вниманія свободу вѣрованія“.. Между тѣмъ мы всюду и особенно въ V главѣ разсматриваемъ „совѣсть“ не только какъ „нравственный“, но какъ „религіозно-нравственный“ законъ (напр. стр. 114), и посему отнюдь не могли подвести подъ понятіе „свободы совѣсти“ лишь „свободу въ дѣланіи“ или „свободу вѣрованія“!.. Все это прекрасно видно и изъ заключительныхъ разсужденій въ той же 5 главѣ (стр. 119). Правда, наши разсужденія могли не удовлетворить г. Чельцова со стороны своей полноты, но въ той же главѣ мы писали: „какъ христіанская Церковь и христіанское государство должны относиться къ вопросу «о свободѣ вѣроисповѣданія», то объ этомъ мы уже говорили ранѣе (гл. III и особ. гл. IV), *отнюдь не претендуя на полноту высказанныхъ нами сужденій*» (стр. 119). И думаемъ, что нашему критику стоило бы внимательнѣй отнестись къ своей задачѣ, а не вырывать нѣсколько словъ изъ книги, впадать въ нихъ *своей* смыслъ и бороться съ плодами *своего* критическаго воображенія! Такъ нельзя критиковать даже и «духовныхъ писателей»!.

Характеризуя полемическіе приемы нашей книги, г. Чельцовъ видитъ у насъ „подозрительность по отношенію къ чистотѣ мотивовъ, которыми побуждался г. Стаховичъ выступить на сѣздѣ съ докладомъ своимъ“ и признаетъ эту „подозрительность“ основанной на „сплетняхъ“; причемъ, не будучи самъ очевидцемъ дѣяній сѣзда, онъ подкрѣпляетъ себя ссылкой на слова г. Скворцова!.. Но мы совершенно отказываемся понять, почему г. Чельцовъ сослался на тѣ слова г. Скворцова, которыя были сказаны послѣднимъ на засѣданіи сѣзда, въ моментъ обсужденія доклада г. Стаховича членами сѣзда,

когда еще невозможно было входить въ подробное и правильное обсужденіе „мотивовъ“ доклада г. Стаховича?!. Далѣе, почему г. Чельцовъ забылъ о всемъ томъ, что говорилось г. Скворцовымъ и „Миссіонерскимъ Обзоріемъ“ послѣ появленія доклада Стаховича въ печати? 1). Не потому-ли, что напоминовеніемъ послѣдняго не заслужишь себя „похвалъ“ отъ „интеллигенціи“ и тѣмъ паче отъ „Спб. Вѣдомостей“?!. Насколько наивенъ нашъ критикъ, можно судить хотя бы потому, что, видя въ III главѣ нашей книги „сильную брань“ и за это „деликатно“ обзывая насъ неделикатными словами (особый приѣмъ писательства, очевидно, заимствованный г. Чельцовымъ у *святскихъ* писателей!..), онъ, въ примѣръ нашей „брани“ приводитъ слѣдующія слова: „манера борзописца, слуги настоящаго дня“ и далѣе (см. стр. 29 нашей книги)... Бѣдный критикъ не подоарѣввалъ, что тоже самое давно сказано человѣкомъ глубокаго ума, учености и наблюдательности!.. 2).

Назвать-ли подобные критическіе приемы „желчно-раздражительными и мальчишески-презрительными, по „деликатной терминологіи нашего критика, или лучше право дать имъ названіе оставить за г. Чельцовымъ?!. Впрочемъ, дѣло не въ названіи!.. Необходимо лишь принять къ свѣдѣнію, какими путями нѣкоторыя изъ духовныхъ писателей—новаторовъ стараются, и не безъ успѣха, снискать себѣ „похвалы“ отъ „интеллигенціи“ и духовно сблизиться съ нею (такъ какъ г. Чельцовъ своимъ отзывомъ о духовной литературѣ и нашей книгѣ дѣйствительно стяжалъ себѣ „похвалу“) въ лицѣ органа прессы, обслуживаемаго г. Чермакомъ и К^о!..

Остается пока нерѣшеннымъ вопросъ: *та-ли* эта „интеллигенція“, духовнаго единенія съ которой ищетъ православная миссія на почвѣ строгой вѣрности завѣтамъ Церкви, или же эта „интеллигенція“ та, которая, подъ маской вѣрности завѣтамъ Церкви, старается направить курсъ миссіонерскаго корабля „по стихіямъ міра“?.. Поживемъ—увидимъ, а увидимъ—не умолчимъ!..

И. Айвазовъ.

— ❦ —

1) „Можемъ съ увѣренностью сказать, писалъ г. Скворцовъ, что еслибы г. Стаховичъ отнесся къ съѣзду дѣятелей миссіи безъ заглавной, *какъ теперь* ^{оказалось} (нашъ курсивъ), предубѣжденности“... и далѣе—см. «Мисс. Обзор.» 901 г. №. 515—516 стр., и *особ.* „Мисс. Обзор.“ 901 г. №. стр. 517; 520—521; 528, и янв. 902 г. стр. 214—216, а также стр. 16—17 нашей книги (подстрочн. замѣч.)...

2) „Московск. Сборн.“ К. П. Побѣдоносцева, изд. 97 г., стр. 71.

Миссіонерскій Вѣстникъ.

Распоряженіе Св. Синода о совершеніи въ недѣлю православія молебнаго пѣнія объ обращеніи заблудшихъ ересями и расколами.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣлъ сужденіе по возбужденному третьимъ миссіонерскимъ съѣздомъ, бывшимъ въ 1897 году въ городѣ Казани, ходатайству о необходимости составленія и введенія въ обще-церковное употребленіе, для успѣшной дѣятельности миссіонеровъ, особыхъ молитвословій объ обращеніи заблудшихъ ересями и расколами. Обсудивъ означенное ходатайство и признавая составленіе особыхъ молитвословій объ обращеніи въ лоно православной Церкви заблудшихъ ересями и расколами излишнимъ при существованіи подобнаго молитвословія въ чинопослѣдованіи, бываемомъ въ недѣлю православія, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) въ удовлетвореніе возбужденнаго третьимъ миссіонерскимъ съѣздомъ, бывшимъ въ 1897 г. въ городѣ Казани, ходатайства: а) предписать совершать въ монастырскихъ, городскихъ и сельскихъ церквахъ въ первую недѣлю Великаго поста молебное пѣніе по „Послѣдованію въ недѣлю православія“ съ опущеніемъ второй части сего чина, начиная съ возглашенія: „Кто Богъ велій“ до отпуста, и б) предоставить миссіонерамъ совершать то же молебное пѣніе, по тому же сокращенному чину, при отправленіи для собесѣдованій съ раскольниками и сектантами, при воссоединеніи съ православною Церковью обращенныхъ ими на пути истины, передъ открытіемъ окружныхъ и епархіальныхъ съѣздовъ миссіонеровъ и въ другихъ тому подобныхъ случаяхъ, и 2) предписать С.-Петербургской Синодальной типографіи напечатать сокращенный чинъ „Послѣдованія въ недѣлю православія“, съ наименованіемъ онаго „Послѣдованія молебнаго пѣнія объ обращеніи заблудшихъ, пѣваемаго въ недѣлю православія и во иныхъ потребныхъ случаяхъ“, въ количествѣ восьмидесяти тысячъ экземпляровъ, поручивъ Хозяйственному при Святѣйшемъ Синодѣ управленію разослать по два экземпляра означенной книги во всѣ монастырскія, городскія и сельскія Церкви.

Архипастырское наставленіе о крестномъ знаменіи.

Преосвященный Антоній, епископъ Волынской епархіи, обратился къ духовенству Волынской епархіи съ слѣдующимъ предложеніемъ. „Мною замѣчено неумѣніе нѣкоторыхъ клириковъ возлагать на себя крестное знаменіе. Старовѣры говорятъ, что діаволь хватаетъ за локоть нерадиваго церковника, когда онъ хочетъ завершить крестъ, и посему крестъ у него кривой: четвертое прикосновеніе попадаетъ не на плечо, а подъ мышку. Затѣмъ поклонъ поясной должно совершать уже по возложеніи четвертаго прикосновенія, а не во время знаменованія себя крестомъ, ибо о кланяющихся во время знаменованія говорятъ, что они ломаютъ крестъ головой. Во время чтенія: прїидите поклонимся, святыи Боже и аллилуїа, аллилуїа, аллилуїа, слава Тебѣ, Боже, слѣдуетъ непременно творить 3 поясныхъ поклона (исключая середины шестопсалміа и начала утреди), чего, къ сожалѣнію, не знаютъ только нѣкоторые клирики, а знаютъ всѣ русскіе крестьяне. Стояніе на колѣняхъ во время всенощныхъ и литургій, да еще по воскреснымъ днямъ, когда колѣнопреклоненіе вовсе воспрещается каноническими правилами святаго Василія Великаго и уставомъ (см. уставъ всенощнаго бдѣнія), не есть обычай православный и не долженъ быть поддерживаемъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда положено колѣнопреклоненіе, т. е. при возгласѣ: „паки и паки преклоньше колѣна“ или на „да исправится“ за преждеосвященною литургіею. Вообще убѣдительно прошу всѣхъ отцовъ іереевъ, діаконовъ, монаховъ, монахинь и псаломщиковъ взять на себя трудъ внимательно прочесть въ уставѣ „чинъ всенощнаго бдѣнія“, ежедневныхъ службъ и главу о „поклѣнахъ“, что займетъ для каждаго менѣе часа времени, въ продолженіе коего многіе изъ нихъ узнаютъ много новаго. Соблюдать церковное благочиніе увѣщиваютъ обыкновенно ссылками на раскольниковъ, насъ зазирающихъ, и на народъ, любящій церковный чинъ. Но такое побужденіе есть второстепенное, и главное должно касаться нашего собственнаго преуспѣянія въ благоговѣйной и единодушной молитвѣ, чинъ которой установила боговдохновенная Христова непогрѣшимая Церковь, расположивъ всѣ движенія молящагося братства такъ, чтобы все содѣйствовало возношенію духа нашего отъ земныхъ къ небеснымъ, къ умерщвленію страстей, къ одолѣнію разсѣянности, къ вниманію и умиленію. Клирики, и иноки, и инокини должны быть первыми въ ревностномъ послушаніи Духу Божію, научающему насъ молиться по чину церковному“.

Миссіонерскіе курсы въ гор. Воронежѣ.—Съ 19 по 30 мая сего года въ гор. Воронежѣ въ залѣ народныхъ чтеній братства св. Митрофана и Тихона, при Митрофаньевскомъ монастырѣ, происходили *противосектантскіе курсы*. На нихъ собралось болѣе пятидесяти слушателей: два священника, нѣсколько учителей сельскихъ школъ, большинство же крестьяне тѣхъ сель Воронежской епархіи, гдѣ развито сектантство. Курсистамъ представлено было воспользоваться: готовымъ проѣздомъ, столомъ и помѣщеніемъ. Средства для курсовъ доставили: епархіальный съѣздъ, ассигновавшій на нихъ 500 р., высокопреосвященный архіепископъ Анастасій, Митрофаньевъ монастырь, свѣчной заводъ и др.

Занятія на курсахъ происходили два раза въ день: утромъ и вечеромъ. Руководителемъ и главнымъ лекторомъ курсовъ былъ епархіальный миссіонеръ С. Т. Рождественскій; читали на курсахъ также: преподаватель исторіи раскола въ семинаріи В. С. Преображенскій и преподаватель семинаріи іеромонахъ Михайлъ.

Епархіальный миссіонеръ въ ряду бесѣдъ раскрылъ предъ слушателями ученіе Церкви объ источникахъ христіанскаго вѣроученія: св. Писаніи и св. Преданіи, о Церкви и церковной іерархіи, о таинствахъ, о почитаніи святыхъ и мощей, о молитвахъ за умершихъ и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ были подвергаемы разбору отклоненія сектантовъ отъ церковнаго вѣроученія въ этихъ пунктахъ.

Слушатели снабжены св. библіями и брошюрами противосектантскаго содержанія. Къ курсамъ они относились съ замѣчательнымъ вниманіемъ. Послѣ вечернихъ занятій для нихъ устраивались еще религіозно-нравственныя чтенія съ волшебнымъ фонаремъ. И эти чтенія охотно посѣщались курсистами.

Донской епархіальный миссіонерскій съѣздъ. По инициативѣ высокопреосвященнѣйшаго архіепископа донскаго Аѳанасія, 9 сентября сего года въ г. Новочеркасскѣ, будетъ открытъ епархіальный миссіонерскій съѣздъ. На съѣздъ предположено вызвать всѣхъ благочинныхъ донской епархіи и по одному отъ cadaго благочинія депутату преимущественно изъ священниковъ, служащихъ въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ или сектантствомъ, и весьма многихъ единовѣрческихъ священниковъ епархіи. На съѣздъ кромѣ мѣстныхъ дѣятелей миссіи двухъ епархіальныхъ миссіонеровъ, шести окружныхъ и преподавателя исторіи по обличенію раскола и сектъ въ мѣстной семинаріи, приглашены: чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ святѣйшаго синода В. М. Скворцовъ и епархіальные миссіонеры епархій сосѣднихъ съ донскою: екатеринославской — г. Айвазовъ, херсонской—г. Кальневъ, харьковской—г. Боголюбовъ,

воронежской — г. Рождественскій, кievской — свящ. Потѣхинъ и ставропольской — свящ. Никольскій, бывшій миссіонеръ А. И. Орловъ. Въ виду того, что на миссіонерскомъ сѣздѣ, несомнѣнно, возникнутъ вопросы о распространеніи истинно-христіанскаго просвѣщенія между старообрядцами и сектантами и другіе церковно-школьные вопросы, архіепископомъ Аѳанасіемъ включены въ число членовъ этого сѣзда ректоръ донской духовной семинаріи и епархіальный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ донской епархіи. Къ обсужденію на сѣздѣ намѣчены цѣлый рядъ вопросовъ общемиссіонерскаго и мѣстнаго характера.

Сельскій пастырь-миссіонеръ. Корреспондентъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ симпатичными красками изображаетъ миссіонерскую дѣятельность одного священника Архангельской епархіи, — о. Николая Новикова. Работаетъ онъ въ забытой, далекой Печорѣ, среди раскольниковъ Пижмы, куда онъ поступилъ всего четыре года тому назадъ.

Раскольники, не особенно дружжелюбно относящіеся къ „ніконіанамъ“ вообще, удесятеряютъ свое недружелюбіе въ отношеніи православныхъ священниковъ. Такъ случилось сначала, конечно, и съ о. Николаемъ.

Въ первое время, по пріѣздѣ, его не пускали въ избы, не хотѣли имѣть съ нимъ никакихъ дѣлъ и на усиленные просьбы продать хлѣба, молока и пр. передавали проданное и брали деньги въ окно, а старухи, когда встрѣчались съ нимъ на улицѣ, пугливо крестясь, творили „молитву Исусову“ и плевали въ сторону. Положеніе отца Николая было тѣмъ хуже, что онъ со своей семьей, да псаломщикъ были единственные православные на всей Пижмѣ. Здѣсь не было ни учителя, ни фельдшера, ни писаря. О. Николай очутился буквально въ положеніи миссіонера, ушедшаго проповѣдывать свѣтъ Евангелія язычникамъ, съ тѣмъ различіемъ только, что его положеніе было хуже: пижемцы уже впередъ, еще не видя его, были плохо противъ него настроены. Но въ такомъ же точно положеніи бываетъ всякій священникъ среди раскольниковъ и сектантовъ? Да. Поэтому то, что сдѣлалъ на Пижмѣ о. Николай и является очень цѣннымъ и поучительнымъ.

Онъ не сбѣжалъ отъ такой жизни, не „перепросился“ въ болѣе спокойный и болѣе доходный приходъ. Онъ претерпѣлъ до конца всѣ обиды, вполнѣ сознавая, что это происходитъ отъ неразвитія и непониманія, и, видя, что совершенно бесполезно было бы при такихъ условіяхъ заниматься „обращеніемъ“, онъ все свое вниманіе употребилъ на самое обыкновенное житейское сближеніе съ крестьянами. Никому не жалуюсь на обиды, ему причиняемыя, не затѣвая поли-

цейскихъ дѣлъ объ оскорбленіи и не его одного лично, что иногда случалось въ разгарѣ споровъ о вѣрѣ, которые все же происходили случайно, онъ создалъ себѣ репутацію кроткаго, немстительнаго человѣка. Къ нему стали внимательно приглядываться, прислушиваться. Подъ внѣшней грубостью и дикостью у раскольниковъ—отзывчивое на все доброе сердце... И о. Николая оцѣнили. Къ нему мало-по-малу стали обращаться за совѣтами и справками. И онъ писалъ имъ письма и прошенія, исполнялъ различныя порученія, когда ѣздить въ волостное село, давалъ совѣты по крестьянскому хозяйству,—тѣмъ болѣе, что онъ самъ страстный хозяинъ. Въ суровомъ краю, недалеко отъ полярнаго круга, гдѣ часто вымерзаютъ и жито (ячмень), о. Николай съ успѣхомъ занимался огородничествомъ и комнатнымъ цвѣтоводствомъ. Передъ его окнами, съ южной стороны, въ парникахъ произрастаютъ диковинные на Печорѣ огурцы и тыквы, а его комнаты пестрятъ и благоухаютъ цвѣтами. Своимъ огородничествомъ онъ такъ заинтересовалъ пижемцевъ, что они сами теперь, хотя еще съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, начинаютъ разводить картофель, который явится неоцѣнимымъ подспорьемъ въ ихъ больше, чѣмъ скудномъ, хозяйствѣ.

Такъ прошло четыре года, за которые о. Николай не обратилъ въ православіе ни одного раскольника. Но за то онъ совсѣмъ сошелся съ народомъ, заслужилъ его расположеніе и довѣріе: въ результатѣ—прежняго обиднаго взгляда и отношенія къ нему какъ не бывало. Не стѣняясь, теперь всякій идетъ къ о. Николаю за справкой и совѣтомъ, а когда онъ бываетъ въ другихъ деревняхъ, онъ—желанный гость въ каждомъ домѣ. Дѣло дошло до того, что раскольники черезъ него, православнаго священника, выписываютъ себѣ издаваемыя синодальной типографіей и печатаемыя по древнему книги: Толковый псалтирь, Златоустъ и пр. И въ глаза, и за глаза о. Николая всѣ пижемцы называютъ „батушкой“ и „отцомъ Николаемъ“,—дѣло, невиданное даже въ многолюдной, бойкой, больше похожей на городъ Усть-Цыльмѣ, гдѣ священниковъ зовутъ не иначе, какъ по фамиліи или по имени и отчеству, желая показать этимъ, что они не признаютъ за ними сана. Наконецъ, зимой прошлаго года пижемцы согласились на предложеніе о. Николая открыть у нихъ школку, обѣщаясь отдавать дѣтей учиться. И теперь о. Николай съ успѣхомъ въ ней работаетъ.

Со Скрижалей сердца.

Окружное посланіе къ духовенству Волынской епархіи.

Печальныя событія крестьянскихъ безпорядковъ, бывшія въ восточной Малороссіи, наводятъ насъ на грустныя размышленія о томъ, что во многихъ малороссійскихъ приходѣхъ подорвано сыновнее довѣріе мірянъ къ своимъ пастырямъ и притомъ, повидимому, такъ сильно, что священники иногда даже не знаютъ о начинающихся въ приходѣ бурныхъ волненіяхъ. Такое небывалое ослабленіе нравственной связи между пастырями и пасомыми едва ли не печальнѣе, чѣмъ самыя недавнія событія крестьянскихъ безпорядковъ. Последніе произошли вслѣдствіе наивной довѣрчивости простодушныхъ малороссовъ хитро обдуманному извѣту враговъ нашего отечества. Ужасно то, что бѣдный народъ не имѣетъ около себя никого изъ просвѣщенныхъ людей, у кого бы онъ могъ провѣрить правдивость распространяемыхъ въ средѣ его ложныхъ надеждъ. Такимъ образомъ, въ этихъ условіяхъ народнаго быта, жители нашихъ деревень и на будущее время не ограждены отъ вліянія всякихъ негодныхъ людей, которые пожелали бы распространять среди нихъ ложные слухи, еретическія ученія и преступныя замыслы подъ прикрытіемъ какихъ-либо благословенныхъ оправданій. Въ нашей епархіи, по милости Божіей, еще не наблюдается такихъ безобразныхъ явленій, какія были въ губерніяхъ Полтавской, Харьковской,—но явленія недоувѣрія прихожанъ къ своему пастырю распространены у насъ повсюду. Ближайшимъ побужденіемъ къ моей письменной бесѣдѣ съ пастырями Церкви Волынской и служить подобныя явленія. Разумѣю ежедневно поступающія къ намъ жалобы цѣлыхъ приходовъ на своихъ священниковъ и безчисленныя судебныя дѣла между священниками и прихожанами, подобнаго чему не встрѣчалъ я ничего ни въ Казанской, ни въ Уфимской епархіи, коими мнѣ пришлось управлять, хотя духовенство тѣхъ епархій наполовину не имѣло установленной обычаемъ подготовки къ своему служенію, т. е. семинарскаго образованія, да и паства, состоящая изъ разноплеменнаго, а иногда пришлаго населенія, не могла считаться образцовой со стороны послушанія и устойчивости въ благочестивой жизни.

Священники Волынской епархіи въ личныхъ бесѣдахъ

со мною ссылаются на расположенность жителей къ кляузамъ. Ссылка справедливая, снимающая вину со многихъ священниковъ, подвергшихся жалобамъ испорченныхъ прихожанъ, но не снимающая ея съ Волынскаго духовенства въ цѣломъ: развѣ невиноваты родители, если дѣти ихъ нехороши? Впрочемъ, мы пишемъ не обвинительный актъ, а увѣщаніе о томъ, какъ помочь дѣлу: не то важно, виноваты ли священники, или прихожане при возникающихъ между ними неудовольствіяхъ, но это множество неудовольствій свидѣтельствууетъ несомнѣнно о томъ, что отношенія между священниками и прихожанами во многихъ селахъ нашей епархіи совершенно неправильныя, что довѣріе между ними подорвано нерѣдко до полной потери взаимной нравственной связи, до полной замѣны ея связью чисто юридическою, въ Церкви Христовой вовсе неумѣстною. Нужно ли много распространяться о томъ, что въ подобныхъ селахъ широко открыты двери для растлѣвающаго воздѣйствія сперва самозванцевъ—проходимцевъ, а впоследствии и для явныхъ еретиковъ и бунтовщиковъ!

Мы не надѣемся своимъ словомъ помочь такому печальному положенію вещей въ тѣхъ случаяхъ, когда въ основаніи его лежатъ порочныя свойства пастыря—корыстолюбіе, пренебреженіе своимъ долгомъ, чувственность, или маловѣріе. Надѣмся, что такихъ случаевъ немного. Но едва ли болѣе утѣшительны такія явленія, когда ссора, а потомъ и ненависть возникаетъ у прихожанъ по отношенію къ священнику вполне исправному, трезвому, доброму семьянину и исполнителю тѣхъ обязанностей, которые возложены на него школой. За столь недолгое время пребыванія моего въ Волынской епархіи ко мнѣ являлись священники съ такими именно почтенными качествами и съ докладомъ о полной нравственной невозможности своего дальнѣйшаго пребыванія на прежнемъ приходѣ, вслѣдствіе давнишней и напряженной вражды къ нимъ прихожанъ. Объяснять такую вражду причинами случайными или нѣсколькими безтактностями, допущенными въ молодости, нельзя, потому что время и частныя взаимныя обращенія другъ съ другомъ въ сельской жизни постепенно устраняютъ всѣ случайно возникающія недоразумѣнія. Есть нѣчто болѣе глубокое среди причинъ такой вражды, нѣчто, заключающееся въ самыхъ убѣжденіяхъ священника, въ самыхъ воззрѣніяхъ его на дѣло своего служенія, и если эти воззрѣнія ошибочны только теоретически, а не исходятъ изъ черствости души и сознательнаго себялюбія, то можно надѣяться на то, что добрымъ словомъ и разъясненіемъ дѣла они будутъ разсѣяны.

Съ тѣхъ поръ, какъ духовенство обособилось отъ жизни народной черезъ воспитаніе въ прежнихъ латинскихъ се-

минаріяхъ, въ •коихъ внушалось суевѣрное уваженіе къ чуждой православной Церкви средне-вѣковой схоластикѣ и усвоивалось презрительное отношеніе ко всѣмъ, не знающимъ латинскаго языка, риторики и метафизики,—съ тѣхъ поръ, какъ вновь посвященные пастыри стали являться среди своихъ прихожанъ, какъ чужіе къ чужимъ,—правильное отношеніе пастыря къ своему дѣланію усвоивалось имъ лишь постепенно, по мѣрѣ того, какъ онъ втягивался въ жизнь прихода и отрѣшался отъ жизни школьной. То и другое въ прежнія времена происходило неизбѣжно, во-первыхъ, по причинѣ матеріальной зависимости отъ прихожанъ, во-вторыхъ, по причинѣ замкнутости сельской жизни и отрѣшенности ея патриархальнаго быта отъ жизни просвѣщенныхъ центровъ. Да и сама натура молодого священника, еще въ школѣ привыкшаго къ терпѣнію и послушанію, не была настолько сложна и избалована, чтобы не поддаться доброму вліянію православнаго богослужебнаго строя и *силы земли*. Но теперь времена измѣнились! матеріальная зависимость духовенства отъ народа ослабла; молодой священникъ отрѣшенъ отъ народнаго быта уже не одной схоластикой, но и болѣе опасными приманками культурной жизни: поверхностной литературой, газетами, музыкой и всякими другими если не барскими, то буржуазными привычками, которыя въ нашемъ ополяченномъ краѣ приобретаютъ въ глазахъ средняго сословія характеръ чего то якобы въ высшей степени интеллигентнаго и благороднаго, не какъ терпимая слабость, не какъ выраженіе избалованности, а какъ плодъ высшаго развитія духа. И, конечно, съ этой же точки зрѣнія и молодое духовенство пренебрегаетъ всѣмъ, что Св. Духомъ установлено въ Церкви для смиренія плоти, для возвышенія духа, для умиленія сердца, т. е. богослужебнымъ уставомъ, истовымъ крестнымъ знаменіемъ, келейнымъ молитвеннымъ правиломъ, святыми постами и даже чтеніемъ Священнаго Писанія и вообще ознакомленіемъ съ источниками христіанскаго учительства и христіанскаго подвижничества.

Это же польское суевѣрное преклоненіе предъ блестками вѣйшей культуры, это же предпочтеніе мишуры и позолоты жизни предъ сокровищами духовно-внутренняго совершенства является причиной глубокаго враждебнаго презрѣнія къ простому сѣрому народу, не знающему ни французскихъ словъ, ни воротничковъ, ни перчатокъ, ни того, чтобы стоять за свою амбицію и отстаивать свой гоноръ.

Если подобныя воззрѣнія на жизнь вообще, и въ частности на жизнь народа, усвоены кѣмъ-либо изъ священниковъ, то какъ бы онъ ни старался быть исправенъ въ своемъ дѣланіи, какъ бы ни былъ чуждъ грубыхъ пороковъ, какъ бы ни старался быть вѣжливымъ со всѣми,—но онъ

никогда не будетъ въ глазахъ народа ни добрымъ пастыремъ, ни даже своимъ человѣкомъ, у котораго можно было бы спросить совѣта въ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни. На почвѣ такого взаимнаго отчужденія жизнь подобнаго священника сама собою складывается такъ, что онъ оказывается среди народа просто землевладѣльцемъ—хозяиномъ, въ лучшемъ случаѣ воспитателемъ своей семьи, а въ худшемъ—специалистомъ какой-либо праздной привычки, коннозаводчикомъ, музыкантомъ и т. п. Да, современная сельская жизнь уже безсила для того, чтобы по примѣру прежнихъ лѣтъ понудить священника сблизиться съ народомъ, опроститься по своему внѣшнему человѣку и облагородиться, возвыситься по внутреннему человѣку. То, что прежде дѣлала за священника сама жизнь, теперь можетъ совершить только онъ самъ, какъ *добровольный подвигъ*. И, конечно, за этотъ подвигъ внутренняго сближенія съ народомъ возьмется всякій, кто только пожелаетъ размыслить о жизни, серьезно вздумается и оцѣнить съ одной стороны путь добраго пастыря, посвятившаго себя духовному возрожденію великой и святой Руси, а съ другой стороны—буржуазный бытъ священника-чиновника, внутренне чуждаго и своему жребію, и окружающему его народу. Въ молодые годы здѣсь возможны еще колебанія, но подъ старость не только посвятившій себя религіи служитель Божій, но и почти всякій, даже плохой христіанинъ начинаетъ тяготиться своимъ внѣшними приманками жизни и подводить итоги своихъ грѣховъ. А если онъ хоть когда-нибудь былъ религіозенъ, то прежнія высшія стремленія его духа воспроизводятся подъ старость въ душѣ его съ двойною силою, и чего бы онъ только не отдалъ за то, чтобы вычеркнуть изъ своей жизни плоды своихъ прежнихъ отступленій отъ своего призванія; но сдѣлать этого теперь уже никто для него не можетъ. Случилось мнѣ видѣть однажды одного весьма пожилого священника, смолоду державшагося мірскаго духа, но измѣнившагося къ старости и затѣмъ горячо посвятившаго себя интересамъ мисіонерскаго дѣла. Въ Великомъ посту вечеромъ онъ сидѣлъ предъ тарелкой съ постной безрыбной пищею; рядомъ съ нимъ сидѣлъ съ папиросою во рту надъ кускомъ жареннаго мяса сынъ его студентъ—медикъ и вель грязный разговоръ съ братомъ—офицеромъ. Изъ сосѣдней комнаты доносились звуки веселой музыки подъ руками дочери священника, актрисы—любительницы, и двое младшихъ дѣтей его подростковъ упражнялись въ танцахъ, а бѣдный старикъ опустилъ голову въ тарелку, и горкія, и позднія слезы его падали на неначатую пищу: среди своей семьи онъ чувствовалъ себя, какъ Лотъ въ Содомѣ. Едва ли многимъ разнится отъ жизни этого несчастнаго священника не только старость,

но и вообще пожилые годы всѣхъ батюшекъ, установившихся на ложномъ не церковномъ строѣ жизни, даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда внѣшнее благоустройство жизни достигается ими, когда они не впадаютъ въ какія-либо бѣды, праведно ими заслуженныя.

Они становятся одинаково чуждыми и своимъ духовнымъ чадамъ, которыми смолоду привыкли пренебрегать, и своимъ чадамъ по плоти, и прочимъ своимъ мірскимъ знакомымъ, потому что сознание незаконности, несправедности мірской жизни для священника никогда не покинетъ окружающихъ его, и никогда не допустить въ его семьѣ и въ его обществѣ сохраняться тому мирному гармоничному настроенію, безъ котораго невозможно благополучное пребываніе даже чисто свѣтской семьи или общества.

Описывать-ли прекрасную картину жизни пастыря добраго, отца своего народа, благоговѣйнаго строителя Христовыхъ тайнъ? Такихъ картинъ много написано и церковными, и даже мірскими писателями, а надѣюсь, что наши священники видѣли ихъ среди своихъ собратій въ дѣйствительной жизни.

Благодаря Бога, духовное сословіе и до настоящаго времени еще не настолько развращено, чтобы представители его не были способны воспроизводить эту картину въ собственной жизни. Нужно только положить начало перевороту своихъ духовныхъ интересовъ отъ буржуазности къ народности, отъ свѣтскости къ православію. Иначе говоря, нужно отрѣшиться отъ того суевѣрнаго преклоненія предъ мишурой жизни, которое, къ сожалѣнію, невольно и безсознательно усваивается въ школѣ и юношами—будущими священниками, и дѣвцами—будущими матушками. Если бы молодые дѣятели и дѣятельницы болѣе критически, болѣе сознательно относились къ сравнительной оцѣнкѣ различныхъ сторонъ своей жизни, то неужели они бы не поняли, что полнота и разнообразіе жизни многолюднаго крестьянскаго общества, которая готова всегда цѣликомъ отдаться имъ въ руки, что это таинство то начинающихся, то оканчивающихся жизней, что это множество совѣстей, открывающихся предъ духовникомъ со своими подвигами и паденіями, со своею борьбою и мольбою о помощи и нравственной поддержкѣ, что эта борьба Духа Божія и духа обольстителя, которая совершается въ людяхъ предъ глазами священника,—есть величайшее и важнѣйшее содержаніе не только его пастырской жизни, но и жизни челоувѣчества вообще. И развѣ не преступно, не безбожно отвращать свое вниманіе и сердце отъ этого очевиднаго откровенія Божества въ сердцахъ челоувѣческихъ и отвлекать себя отъ борющихся совѣстей людей, за которыхъ умеръ Христосъ, отвлекать отъ нихъ свое сердце и предавать его

земнымъ стяжаніямъ, разведенію лошадей, арендованію земель или игръ на скрипкѣ?

Люди, не вникающіе во внутреннюю сущность жизни, могутъ считать ничтожнымъ все, что происходитъ у жалкихъ мужиковъ, но священникъ, которому послѣдніе открываютъ свою совѣсть въ жизни и предъ смертію, онъ не долженъ быть большимъ философомъ для того, чтобы понять, какъ ничтожно въ мірѣ все сравнительно съ душою человѣка, которую спасти или погубить такъ часто зависитъ отъ его одного сердечнаго слова, или напротивъ отъ одного черстваго и горделиваго отказа. Дѣла, которыя совершаются предъ его глазами, хотя бы и въ самомъ незначительномъ селеніи бѣдняковъ, имѣютъ гораздо большую важность, чѣмъ тѣ, повидимому, міровыя событія, за которыми съ такимъ любопытствомъ всѣ слѣдятъ по газетамъ; ибо всѣ эти конгрессы, выставки, паденія кабинетовъ, выборы, международныя войны и даже общественныя бѣдствія, какъ эпидемія и землетрясеніе,—все это касаетсѣявнѣшняго человѣка; а за то, что совершается хотя бы и въ сельской тиши, но и въ области совѣсти человѣческой, въ ея колебаніи между добромъ и зломъ—это опредѣляетъ собою вѣчную участь христіанскихъ душъ.

Постоянно напоминая себѣ объ этомъ, священникъ тѣмъ самымъ исполнилъ бы половину того подвига, который предлежитъ ему для достойнаго пасенія ввѣренныхъ ему словесныхъ овецъ. И пусть онъ не думаетъ, что жизнь ихъ такъ бѣдна духовнымъ содержаніемъ сравнительно со свѣтскимъ обществомъ сельской буржуазіи, или его собственной родни, или даже просвѣщенныхъ помѣщиковъ, если таковые имѣются въ его приходѣ. Насколько въ области внѣшняго быта жизнь послѣднихъ сложнѣе и разнообразнѣе жизни крестьянина, настолько по высотѣ внутренняго своего содержанія, по ясному различенію добра и зла, по готовности покориться божественному Промыслу, по примиренности съ лишеніями и страданіями, по спокойному ожиданію смерти, по увѣренности въ праведномъ возданіи за гробомъ, жизнь крестьянская возвышается надъ жизнью буржуазной и барской, проникнутой богопротивной гордыней, жаждой наслажденій, равнодушіемъ къ божественному Закону и животнымъ страхомъ предъ смертію. Поэтому священникъ, пренебрежительно отвращающій отъ своихъ прихожанъ въ сторону мірскихъ знакомствъ, уподобляется австралійскимъ дикарямъ, охотно мѣняющимъ золото и драгоценныя камни на стеклянныя бездѣлушки, привозимыя европейцами. Конечно, бываютъ благочестивые христіане и среди образованныхъ людей, но такіе не отвлекутъ пастыря отъ народа, а напротивъ будутъ поддерживать его близость къ простолюдинамъ.

Но можетъ быть кто-либо изъ іереевъ скажетъ, что при всемъ уваженіи къ духовной жизни русскаго народа, при всей готовности быть руководителемъ его духовныхъ интересовъ, онъ чувствуетъ себя совершенно къ тому неподготовленнымъ, что его поученія народу непонятны, что семинарскій дипломъ, свидѣтельствующій о его познаніяхъ въ области библейской и церковной хронологіи и германской философіи, не далъ ему рѣшительно никакихъ свѣдѣній о жизни человѣческой совѣсти, о средствахъ борьбы со страстями, ни даже о такой постановкѣ церковнаго богослуженія, которая назидала бы крестьянъ и нравилась имъ.

Если ты такъ говоришь, любезный собратъ, то я заранѣе увѣренъ въ успѣхъ твоего дѣланія, ибо вижу, что ты свободенъ отъ высокаго мнѣнія о себѣ и о степени своего духовнаго образованія. Если ты искренно говоришь такъ, то будешь и искренно молиться Богу. Вникая съ благоговѣніемъ въ слова церковныхъ молитвъ, ты тогда не откажешь въ участіи къ обращенному къ тебѣ запросу прихожанина, и хотя-бы и то и другое дѣланіе твое было сначала нетвердо и неопытно, но въ душѣ твоей уже зародилась духовная жизнь. Подчини ее руководству Церкви, возьми себѣ любое отеческое руководство къ духовному совершенству, хотя-бы книжку епископа Теофана: „Путь ко спасенію“, и вотъ ты теперь Христовъ работникъ: не человѣческая мудрость, но благодать Божественная, не внѣшніе руководители, а Св. Духъ поведетъ тебя по этому новому для тебя, но весьма старому и извѣданному для православныхъ подвижниковъ, пути, невѣдомой міру, но знаемой для сыновъ благодати, *мудрости духовной*.

Прежде всего ты съ удивленіемъ увидишь, что все наше богослуженіе содержитъ въ себѣ, въ каждой своей стихирѣ, въ каждомъ псалмѣ, не иное какое-либо содержаніе, а именно отвѣты на эти вопросы духа, отвѣты, даваемые Богомъ душѣ, изнемогающей въ борьбѣ со страстями, и утѣшающіе ее напоминаніемъ о чудесахъ Спасителя и Его угодниковъ и обѣтованіями благодатной помощи. Тогда ты измѣнишь обычное у молодого духовенства полулютеранское, полукатолическое отношеніе къ православной службѣ: ты устыдишься своего прежняго высокоумнаго отношенія къ богослужебной дисциплинѣ, къ уставнымъ поклонамъ, постамъ и стояніямъ; тебѣ чуждымъ станетъ стремленіе неполнять службу новѣйшими произвольными эффектами, безобразною итальянской музыкой, всегда соединенной съ опущеніемъ важнѣйшихъ пѣснопѣній праздника и доводящей содержаніе нашихъ службъ до степени того однообразія и безличія, которое они приобрѣли у лютеранъ, папистовъ и униатовъ, сохранившихъ только мшу да вычурные, безсодержательные акаѣисты новаго издѣлья.

Возвращая православной службѣ богатство ея содержанія и простоту ея формъ, ты съ удивленіемъ увидишь, какъ быстро возрастаетъ къ ней усердіе народа, и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ быстро поднимается въ глазахъ народа твой собственный пастырскій авторитетъ; а если ты, вникая въ содержаніе священныхъ службъ, будешь обогащать свой духъ ежедневнымъ чтеніемъ хотя бы святой Библии и Златоуста, то душа твоя получитъ богатый источникъ постояннаго назиданія народа. Привыкнувъ къ его образной, чуждой отвлеченности, бесѣдѣ, ты уже не будешь затрудняться тѣмъ, чтобы Златоустовы толкованія Божественнаго закона излагать рѣчью простой, свободною отъ періодовъ и подчиненныхъ предложений. А если пожелаешь, чтобы слово твое неизгладимыми буквами сейчасъ же запечатлѣлось на народномъ сердцѣ, то возьми Житія Святыхъ и Прологъ (или хотя бы переложеніе послѣдняго священникомъ Шумовымъ) и старайся каждую истину, каждое правило добродѣтели подтверждать примѣрами святыхъ; рассказывай слушателямъ, какъ хитро дьяволъ искушалъ подвижниковъ, и какъ мудро Духъ Божій училъ ихъ побѣждать искушителя.

Открывая людямъ въ доступномъ имъ видѣ Божественную волю и совершая терпѣливо и неизмѣнно божественныя службы по уставу Церкви, ты привлечешь къ себѣ сердце народное раньше, чѣмъ ты смѣлъ того надѣяться. Тебѣ будетъ казаться, что ты еще ничего добраго не сдѣлалъ ни для людей Божіихъ, ни для храма Божія, а вотъ уже на первой исповѣди ты услышишь отъ многихъ именованіе благодѣтеля и отца; тебѣ будутъ говорить о томъ, что твоя служба и твое поученіе пробудили дремавшую совѣсть, будутъ просить у тебя благословенія на особенные добровольные подвиги, будутъ признаваться въ давно совершенныхъ и долго скрываемыхъ грѣхахъ и преступленіяхъ. Немного времени пройдетъ послѣ этого, какъ народъ настолько сроднится съ тобою, что ни одного дѣла ни семейнаго, ни общественнаго, не будутъ начинать безъ твоего указанія и благословенія. Такъ не далѣе, какъ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, мнѣ пришлось видѣть одного сельскаго пастыря нашей епархіи, о которомъ говорилъ мнѣ его-же недоброжелатель, что весь народъ въ приходѣ добровольно подчиняется этому священнику во всѣхъ своихъ дѣлахъ и охотно исполняетъ все, чего только пожелаетъ послѣдній.

И когда Господь сподобитъ тебя достигать такой высоты пастырскаго вліянія, когда сердце твое расширится настолько, чтобы вмѣщать заботы и духовную жизнь многочисленныхъ семействъ и сокровенныя тайны каждой души, и все это возводить въ мѣру Христова совершенства,—тогда сравни богатство твоего жизненнаго содержанія съ тою жалкою суетой, съ тѣмъ безпокойнымъ нетерпѣливымъ и безцѣльнымъ

блужданіемъ, въ которомъ пребываютъ священники, пренебрегающіе своимъ высокимъ жребіемъ, тяготящіеся таинственною и благодатною бесѣдою съ Богомъ и брезгливо сторонящіеся отъ священнаго наслѣдія Его Единороднаго Сына, т. е. вѣрующаго народа. И скажи, возможно-ли тогда будетъ въ твоёмъ приходѣ вліяніе еретиковъ—штундистовъ или распространяемыхъ жидами и проходимцами-нигилистами прокламацій, ложно выдаваемыхъ за грамоты друзей народа? А если подобное растлѣніе коснулось твоей паствы еще раньше, то оно быстро исчезнетъ, оно истаетъ, какъ воскъ отъ лица огня, если только въ душѣ твоей возгорится огонь божественной ревности о спасеніи людей, если ты только возлюбишь въ своемъ сердцѣ врученный тебѣ Св. Духомъ смиренный и христіанскій народъ русскій, если полюбишь къ нему и къ собственному спасенію своему, ты подчинишь свою жизнь и свою волю руководству святой Церкви и, усовершенствовавъ себя въ молитвѣ и въ изученіи воли Божіей, будешь насаждать въ твоёмъ храмѣ настоящую православно-церковную жизнь. *„Внимайте убо себѣ и всему стаду, въ немъ же васъ Духъ Святой постави епископа, пасты Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію Своею“.*

Епископъ Антоній.

Обычныя наши „Скрижали сердца“ въ настоящей книжкѣ мы предоставили вышеналечатанному „Окружному Посланію“ къ своему духовенству новаго Волынскаго ахрипастыря, еп. Антонія,—ибо Посланіе это все проникнуто искреннею сердечностью и является плодомъ тѣхъ живыхъ и непосредственныхъ наблюдений, которыя успѣли за короткое время служенія преосвященнаго автора на Волынской окраинѣ глубоко напечатлѣться на мягкомъ, чуткомъ, отзывчивомъ сердцѣ архипастыря-отца. Чувствуемъ, что Посланіе способно повергнуть читателя въ глубокую скорбь и уныніе, а нѣкоторыми штрихами вызвать досаду и отчаяніе. Одно утѣшеніе, что наблюдения новаго Волынскаго архипастыря кратковременны, а потому, можетъ быть, ярко и выпукло отмѣченныя имъ черныя пятна въ жизнедѣятельности мѣстнаго духовенства,—по пословицѣ: добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ, — касаются только печальныхъ исключеній, а не всего общаго. Зная уваженіе и просвѣщенную терпимость преосвященнаго Антонія Храповицкаго къ свободѣ слова и чужого мнѣнія и сомнѣнія, не будемъ лукавить и позволимъ себѣ откровенно сказать, что

съ иными положеніями и выводами Посланія трудно согласиться, а по нѣкоторымъ пунктамъ возможны возраженія, тѣмъ не менѣе въ общемъ едва-ли кто станетъ отрицать ту глубокую правду, которая лежитъ въ основѣ Посланія, а равно и тѣ возвышенные мотивы и святія побужденія, которыми вызвано обличительное обращеніе архипастыря къ своимъ сопастырямъ. Посланіе дышетъ чисто славянофильскимъ духомъ попечительной любви о народѣ и священнымъ огнемъ епископской ревности о высотѣ священническаго служенія и о животворности его пастырскаго подвига среди народа. Своимъ проникновеннымъ, огнистымъ, опаляющимъ недостойныхъ характеромъ Посланіе воскрешаетъ въ памяти слова и писанія въ Бозѣ почившаго архіепископа Никанора Одесскаго.

Вопросы, „ребромъ“ поставленные въ Посланіи, слишкомъ многоцѣнны, жгучи и болѣзненны, чтобы пройти ихъ равнодушіемъ и молчаніемъ, безъ всесторонняго обсужденія со стороны причины и размѣровъ зла, а равно и средствъ къ его искорененію. Памятуя, что „во мнозѣ совѣтъ“ истина и благо, мы позволяемъ себѣ поставить подъ вопросъ нѣкоторыя изъ положеній Посланія, въ надеждѣ вызвать на откликъ нашихъ читателей, и при ихъ содѣйствіи побесѣдовать еще разъ по поводу Посланія по совѣсти и безъ лукавства, *sine ira et studio*. Вотъ эти вопросы: на Воляни, или вездѣ разошлась такъ далеко жизнь современнаго пастырства отъ быта народнаго и приобщилась къ буржуазіи? Дѣйствительно ли наше семинарское духовно-школьное, образованіе и воспитаніе такъ безжизненно, формально, и даже зловредно, что у молодого духовенства стало, напр. *обычнымъ* полулютеранское, полукатолическое отношеніе къ православной службѣ? Такъ ли опустошающе дѣйствуетъ на направленіе ума и сердца и на характеръ быта современнаго пастырства свѣтская литература, газеты, музыка и другія, „если не барскія, то буржуазныя привычки“ до воротничковъ и перчатокъ включительно? Какъ извѣстно, духовенство наше доселѣ подвергалось со стороны интеллигенціи упрекамъ, что мало читаетъ, почти ничего не выписываетъ не только изъ свѣтской, но и изъ духовной-то литературы, что ему чужды облагораживающія искусства, каковы живопись и музыка, что оно не воспитано, неряшливо и грязно...

Какъ извѣстно гр. Л. Толстой сказалъ, что онъ ничего другого подѣ Церковью не мыслить, „какъ нѣсколько тысячъ грязныхъ, нечесаныхъ, жадныхъ, невѣжественныхъ поповъ, которые находятся въ рабской зависимости отъ десятка подобныхъ же людей!“ Или вотъ еще вопросъ огромной важности: вездѣ-ли „нынѣ времена такъ измѣнились, и матеріальная зависимость духовенства отъ народа ослабла?“ Наоборотъ, не царить ли, не давить ли духовенство эта зависимость нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, что, по мнѣнію и отзываютъ по крайней мѣрѣ миссіи, служить одною изъ главнѣйшихъ причинъ разъединенія народа отъ духовенства и тѣхъ безчисленныхъ счетовъ, расчетовъ, нареканій и кляузъ народа на духовенство, которыя порождаютъ секты и о которыхъ скорбятъ въ Посланіи досточтимый архипастырь Волынской.

На вопросъ преосвященнаго: „скажи, возможно-ли (при ideally обрисованныхъ имъ условіяхъ духовной настроенности и быта пастыря) тогда будетъ въ твоёмъ приходѣ вліяніе еретиковъ-штундистовъ или прокламацій нигилистовъ“, со скорбію должны отвѣтить, съ фактами въ рукахъ, — да, возможно! А коснувшееся прихода духовное растлѣніе, къ несчастію, не такъ быстро исчезаетъ и таетъ, какъ ideally предполагаетъ себѣ архипастырь! О, какъ долго тянется и нескоро наступаетъ исцѣленіе духовно-пораженныхъ еретичествомъ дѣтей вѣрующаго народа, при самомъ ideally врачѣ-пастырѣ! Да проститъ намъ благодать искренно почитаемаго нами владыки, если мы позволимъ себѣ въ другой разъ болѣе подробно остановиться на изслѣдованіи поднятыхъ имъ такъ благовременно и такъ откровенно-искренне живыхъ, жгучихъ и больныхъ вопросовъ, такъ тѣсно связанныхъ съ дѣломъ миссіи, которому посильно служить „Миссіонерское Обозрѣніе“.

В. Скворцовъ.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрѣшается. С.-Петербургъ 6 Сентября 1902 года.

Цензоръ Геромонахъ Александръ.

Новое христіанство.

(Мережковскій: „Толстой и Достоевскій“; Розановъ. *Статьи въ „Нов. Вр.“*: „О классицизмъ и бестѣяхъ свящ. Петрова; „Южный Край“ (Тамаринъ): статья по тому же поводу; Боборыкинъ: „Исповѣдники“ и др.; свящ. Петрова: „По стопамъ Христа“).

I.

СВѢТСКАЯ литература послѣднихъ дней много вниманія удѣляетъ религіознымъ и даже церковнымъ вопросамъ. Это крупное „знаменіе времени“, и, конечно, нельзя не привѣтствовать отмѣченнаго факта съ полной и горячей симпатіей. Къ сожалѣнію, у всякой медали есть обратная сторона, есть она и здѣсь. Въ толкахъ о Церкви, христіанствѣ, его задачахъ иногда прорываются фальшивыя ноты.

Основной мотивъ всѣхъ „разговоровъ“ этого рода можно выразить такъ. „Христіанство слишкомъ отдалилось отъ земли въ сторону неба... Ближе къ землѣ... Пусть христіанство немного спустится съ высотъ надмірнаго идеала и подойдетъ поближе къ человѣку съ его земными слабостями и земными страстями и нуждами. Въ этомъ-то призывѣ и скрыта „суть“ фальши.

Указанный лейтъ-мотивъ впрочемъ не у всѣхъ звучитъ одинаково. У нѣкоторыхъ онъ носитъ вполне разумную и приемлемую форму.

„Наступаетъ для Церкви время,—пишетъ г. Тернавцевъ, показать, что въ ней заключается не одинъ загробный идеалъ, наступаетъ время открыть правду въ ней и о землѣ, ученіе и проповѣдь объ общественномъ спасеніи, о христіанскомъ государствѣ и призваніи свѣтской власти, о богосыновствѣ во властеносительствѣ, о Царствѣ Божіемъ на землѣ и т. д.“.

Къ такому пожеланію нельзя не присоединиться. Г. Тернавцевъ желаетъ собственно только осуществленія на землѣ

небеснаго идеала,—возможнаго приложенія этого идеала къ формамъ жизни,—организациі жизни.

Иную окраску тому же мотиву придаютъ Боборыкинъ, Мандельштамъ 1) и К^о. Эти считаютъ совсѣмъ пенужнымъ небо и *требуютъ*, чтобы христіанство, отказавшись отъ вредныхъ мистическихъ грезъ и мечтаній заботилось только о *земль*. Г. Боборыкинъ скорбитъ о сектантахъ за то, что и они думаютъ о небѣ, а того вѣроучителя, который отрѣшилъ себя отъ этихъ личныхъ упованій и поставилъ высшимъ завѣтомъ челоуѣка исполненіе божественной воли *на земль*, искренно считаютъ антихристомъ.

Но всегда-ли такъ будетъ? — спрашиваетъ онъ. Нѣтъ, надѣется Боборыкинъ, не всегда. Вотъ безграмотная Лукерья. Что мѣшаетъ ей заботиться о загробномъ блаженствѣ? А въ ней зашевелилось что-то иное. Что же именно? Потребность *дѣятельнаго добра*. Вѣрность завѣтамъ Искупителя... Она врядъ ли и понимаетъ суть ученія о благодати, врядъ-ли даже и сокрушается объ этомъ. Она только хочетъ жить по-божески. И такихъ,—вѣрить П. Д.,—все будетъ прибывать.

Съ этими *ria desideria* мы, конечно, уже не можемъ согласиться и увѣрены, что даже и баптисты со штундистами не осуществятъ надеждъ автора „Исповѣдниковъ“.

Тѣмъ не менѣе странная проповѣдь почти и не задѣваетъ, не затрогиваетъ насъ. Думается, что и наши читатели не потребуютъ отъ насъ ея разбора. Все это такъ старо и далеко, все это говорится на какомъ-то невѣдомомъ намъ языкѣ. Мы смѣемъ думать, что и Лукерья никогда не перестанутъ считать антихристомъ тѣхъ, кто хочетъ совсѣмъ отнять у нихъ небо и *потусторонній идеалъ*.

Боборыкинъ за границей религіознаго сознанія, и намъ не сговориться съ нимъ. Потому-то, какъ мы сказали, проповѣдь его даже и не причиняетъ боли.

Наоборотъ, съ невыносимой болью принимаетъ христіанинъ заушеніе отъ тѣхъ, кого смѣлъ считать между друзьями своими.

Разумѣю новый третій типъ реформаторовъ, которые въ послѣднее время, чуть не во имя интересовъ Церкви, кощунственно кричатъ, будто „христіанство не удалось“. Ученіе этихъ „новыхъ христіанъ“ заслуживаетъ вниманія уже потому, что во главѣ ихъ стоятъ такіе великаны, какъ В. В. Розановъ, Мережковскій.

1) Публичн. лекція о Ницше и христіанствѣ въ Казани.

II.

Новые реформаторы сильно отличаются отъ прежнихъ своимъ своеобразно откровеннымъ отношеніемъ къ Христову христіанству.

Прежде реформаторы перетолковывали Евангеліе, но при этомъ утверждали, будто они проповѣдуютъ именно „Христово“ христіанство, очищая отъ челоуѣческихъ измышленій подлинное Евангеліе.

Новые „корректоры“ идутъ дальше. Они откровенно заявляютъ, что Христово Евангеліе само по себѣ нуждается въ поправкахъ. Христіанство „Евангелія“, по ихъ словамъ, отжило свой вѣкъ и должно реформироваться въ самыхъ своихъ принципахъ. Историческое христіанство должно уступить мѣсто христіанству „будущаго“.

Программу этого новаго христіанства и даютъ Розановъ, Мережковскій, Тамаринъ и другіе.

Что же такое это новое христіанство?

Въ формулѣ Мережковскаго будущее христіанство—это христіанство, подновленное элементами классическаго язычества, — *синтезъ язычества и Евангелія*.

„Христіанство „Христово“ (историческое) явилось, говоритъ Мережковскій, результатомъ необходимости рѣзко оттолкнуться отъ идеаловъ язычества, отъ *обоотворенія плоти*. Христось захотѣлъ возстановить права духа. Но для того, чтобы дать побѣду духу, понадобилось временно *рѣзко отвергнуть* старый идеалъ, какъ негодный, возвести духъ въ апофеозу, временно проповѣдывать права исключительно духа. Отсюда — аскетизмъ, односторонняя культура духа, которую особенно развилъ апостоль Павелъ, „привившій къ здоровому дереву арійства ядь семитизма, — ненависть къ *тѣлу*“ (Мережковскій).

Теперь, говорятъ, настало время дать обратный толчекъ, вернуться къ языческому идеалу и синтезировать его съ христіанствомъ, плоть объединить съ духомъ.

Эта программа можетъ возбудить большое недоумѣніе.

Что же хотятъ взять отъ язычества? Поклоненіе формъ, красота? Но развѣ красота не одна изъ основъ христіанской этической формулы (истина, красота, добро)? Христіанство ищетъ и всегда искало красоты.

Оно создало храмъ Софіи — эту гигантскую симфонію, совершенное воплощеніе идеи *вѣчнаго и вездѣсущаго*. Оно создало Леонарда да-Винчи и Берліоза, скажу болѣе, — *все европейское искусство* есть выраженіе христіанскаго идеала красоты. Чего же слѣдуетъ искать въ язычествѣ? Все человѣческое въ язычествѣ есть вмѣстѣ и *христіанское*. Развѣ „Антигона“ Софокла не можетъ быть повторена въ христіанствѣ.

Но, можетъ быть, есть еще красота, которая не представляетъ собой *воплощеніе* христіанскаго, то-есть общечеловѣческаго идеала добра и истины?

Да, кажется, есть, это — красота чисто тѣлесной формы, *красота плоти*. Слѣдовательно, реформаторамъ нужно взять изъ язычества этотъ культъ тѣлесной красоты?

— Да, отвѣчаютъ намъ, *въ экстазъ страсти вдохновеніе, откровеніе правды и красота тѣла и его движеній, обожествленіе тѣла не низшій идеалъ, чѣмъ обожествленіе души*“ (В. В. Розановъ и Мережковскій).

Эта мысль весьма знаменательная, и мы на ней остановимся побольше.

III.

Обожествленіе плоти (въ извѣстномъ смыслѣ) это — *догматъ и христіанства*, которое возвѣстило истину, что „Слово стало плотью“. Именно у апостола Павла раскрывается ученіе о конечномъ торжествѣ воскресшей плоти, которой обѣщана вѣчно блаженная жизнь.

Повидимому, нечему учиться у язычества съ его проповѣдью правъ плоти. Не правда ли?

Но христіанство, — увѣряютъ насъ, — проповѣдуетъ самоубійство, умерщвленіе тѣла, аскетизмъ.

Кажется, г. Розанову можно было бы понять, что аскетизмъ есть не только гигиена духа, но *гигиена тѣла*, именно результатъ благоговѣнія къ *имѣющему воскреснуть* тѣлу.

Плоть въ христіанствѣ „не злая тѣма“ манихейская и не изъ темнаго начала. Въ человѣкѣ все отъ присносущнаго свѣта и все къ этому свѣту влечетъ и въ этомъ свѣтѣ.

Аскетизмъ — это святая во Христвѣ плотъ и святой во Христвѣ духъ человѣка (Филевскій).

„ Христось пришелъ во плоти. И теперь Имъ не отложена

плоть, и Божество Его пребываетъ въ воспринятомъ чловѣчествѣ, не обнаженное отъ тѣла, и придетъ Онъ съ тѣломъ, въ какомъ показался ученикамъ на горѣ Фаворѣ, когда Божество побѣдило плоть чловѣка“.

Не въ умерщвленіи тѣла и подавленіи его жизненности *потому* состоитъ цѣль борьбы христіанина аскета со своимъ тѣломъ, насколько оно идетъ противъ высшихъ его стремленій, но въ томъ, чтобы самостоятельно и *самодѣтельно* *сдѣлать* его *достойнымъ* своего *высшаго назначенія* *поставить* въ *полное гармоническое согласіе* съ жизнью духа (А. Θ. Гусевъ).

„Полезнѣе укрѣплять тѣло, нежели ослаблять его въ силѣ; лучше дѣлать его бодрымъ, чѣмъ одряхлять произвольнымъ какимъ-либо изнуреніемъ“—говорили св. отцы. „Мы научились умерщвлять не тѣло, а страсти“,—говоритъ препод. Пименъ Аввѣ Агаѣону. „Умерщвлять, удручать и сокрушать плоть значить низводить душу въ кругъ *мелочныхъ* задачъ“, по словамъ св. Григорія Богослова.

Вообще, христіанство различаетъ *тѣло и плоть*. Законы тѣла это законы физической природы чловѣка, *противъ* нихъ не борется христіанство. Законы же плоти это законы низшихъ проявленій животной жизни, явленій физической жизни, проявленіе или „пережитковъ“ животной природы, или, наоборотъ, проявленіе животности, *нажитой* чрезъ грѣхъ чловѣка, посредствомъ культуры полового или вообще тѣлеснаго наслажденія.

Если чловѣкъ ниже себя, то онъ плоть. И „рѣшилъ Богъ погубить людей потопомъ, потому что они стали плоть“.

И я думаю, что отличіе—счастіе, а иногда, какъ увидимъ, и несчастіе чловѣка въ томъ, что духъ въ немъ приказываетъ тѣлу.

Я укажу примѣръ, особенно понятный автору книги „Въ мірѣ неяснаго“. Только въ чловѣкѣ половое желаніе можетъ явиться ранѣе половой зрѣлости.

Это минусъ, обратная сторона прогресса: въ чловѣкѣ создалось извращеніе плоти, развращенный духъ, загрязненное воображеніе вызываетъ желаніе ранѣе, чѣмъ ему должно явиться по закону природы. У чловѣка только можетъ явиться желаніе къ женщинѣ, желающей быть матерью, т. е. искусственно *развита* *похоть* *побѣждаетъ инстинктъ отцовства*.

Культъ жизни поставилъ здѣсь человѣка ниже животнаго.

Христіанское сознаніе требуетъ не только борьбы съ этимъ извращеніемъ природы, но еще и положительнаго плюса. Христіанинъ подчиняетъ тѣло закону духа, онъ ищетъ единенія душъ, а не тѣлъ, и „силою духа“ половое стремленіе рождается въ немъ *только тогда, когда рождается стремленіе психическое*. Половое желаніе для него свято только тогда, когда оно выраженіе своеобразно мистическаго духовнаго тяготѣнія двухъ христіанскихъ душъ.

Отсюда понятна 33-хъ—лѣтняя борьба св. Іоанна Много-страдальнаго противъ похоти, противъ безпредѣльнаго желанія плоти. Съ такимъ желаніемъ христіанство борется, какъ съ чѣмъ-то *вторичнымъ, наноснымъ, навязаннымъ человеку*.

Въ христіанствѣ бракъ есть великая тайна по образу святѣйшаго единенія Христа и Церкви, это откровеніе *любви ко всѣмъ*, маленькая Церковь. Чадородіе благословляется, какъ путь спасенія для женщинъ.

А аскетизмъ? Но тутъ не только не противорѣчіе, а единственное всестороннее рѣшеніе вопроса. Въ бракѣ свято психофизическое единеніе. Въ дѣвствѣ св. Іоанна проявляется *борьба съ чисто-физическимъ, точнѣе наносно-физическимъ—грѣховнымъ*. Но если такъ, то ясно, что аскетизмъ и есть культура духа и тѣла. Пусть г. Розанову и другимъ аскетизмъ въ христіанскомъ смыслѣ кажется слишкомъ широкимъ, но они не могутъ не признать, что, по крайней мѣрѣ, въ первой своей половинѣ онъ есть *борьба за здоровье тѣла, за первичную гармонию физической жизни*.

Тогда противъ чего же ратовать?

Ясно, что христіанскій аскетизмъ не враждебенъ красотѣ тѣла и его здоровью, а ищетъ этого здоровья, хочетъ, какъ мы уже указали, создать именно такое тѣло, въ какомъ можетъ обитать духъ. Духъ можетъ жить съ тѣломъ, но не съ *наносною грязью*. Не думаю, чтобы такой культъ плоти былъ ниже языческаго. Однако, насъ призываютъ именно къ языческому культу.

Что же такое тогда языческій культъ тѣла? Несомнѣнно, что, въ отличіе отъ христіанскаго, языческій культъ тѣла, главнымъ образомъ, будетъ состоятъ въ поклоненіи *постоянно накапливаемой силъ полового желанія (Венера) и то же постоянно выросставшему инстинкту хищнической силы (Ахиллес)*.

Проповѣдую такъ называемую чистую красоту, хотятъ лишь возродить культъ Діониса, культъ чистаго наслажденія и опьяненія ради опьяненія. Зачѣмъ же намъ воскрешать этихъ старыхъ боговъ, отъ которыхъ мы уже отказались?!

Во всякомъ случаѣ, если они и потребовались теперь *для чего-то*, то все же поклоненіе имъ невозможно синтезировать съ христіанскою красотой. Здѣсь христіанство и язычество отрицаютъ другъ друга по существу въ самыхъ основахъ, здѣсь два полюса. Принять Діониса—значить отречься отъ Христа: *tertium non datur*. Зачѣмъ думаютъ „новые“ христіане повести насъ отъ таинства плоти къ Елевзинскимъ таинствамъ, отъ агапъ къ культу Венеры и Діониса?

IV.

Синтезъ христіанства съ язычествомъ это, какъ мы сказали, въ нѣкоторомъ родѣ философская формула „новаго христіанства“. Гораздо чаще этому христіанству будущаго даютъ формулировку, значительно болѣе упрощенную, такъ сказать, вульгарную. Сущность ея въ слѣдующемъ. „Новое христіанство не враждебно жизни, не проповѣдуетъ борьбы противъ жизни, не громитъ проклятіями невинныя развлеченія свободнаго часа“ (*Южный Край*). Оно (новое христіанство) не вмѣшивается въ чужое царство, ограничивая сферу своего дѣйствованія „богослужебной пластикой и совершеніемъ таинствъ“ (В. В. Розановъ). Оно не стѣсняетъ естественнаго стремленія къ личнымъ радостямъ, не требуетъ непрерывнаго подвига самоотверженія, примиряетъ исканія „моей“ радости съ жизнью для другого (*Южный Край*. Статья о свящ. Петровѣ).

Въ этомъ отличіе новаго христіанства отъ „еерапонтовщины“, теперешняго историческаго христіанства, то „новое слово въ христіанствѣ, которое создастъ царство Божіе на землѣ“.

Новое-ли это слово? Я напомнилъ бы, что это христіанство, не враждебное радостямъ жизни, можно отыскать во всѣхъ передѣланныхъ съ римско-католическихъ курсовъ учебникахъ нравственнаго богословія.

Тѣ самыя истины, „что человѣкъ можетъ искать благъ

міра, только съ условіемъ не дѣлаться ихъ рабомъ, *что человекъ можетъ провести ночь въ танцахъ, если на утро встанетъ со свяжей головой и пойдетъ къ должности* (буквально), что человекъ долженъ отдать 20—22 часа для ближняго, но два можетъ взять и себѣ, что въ его рублѣ только 50 коп. принадлежатъ ближнему, а 50 к. его“,—все это г.г. Тамаринъ и Розановъ нашли бы, на примѣръ, въ учебникѣ нравственнаго богословія профессора Олесницкаго.

Да, это христіанство учебниковъ.

Но такое христіанство безъ подвига и отреченія, приспособленное ко вкусамъ, приниженное, подогнанное подъ ростъ новаго человека, не есть Христово. Оно дѣйствительно не помѣшаетъ дожить до лѣтъ Авраама, какъ выражается В. В. о новомъ христіанствѣ, но именно потому, что не поднимаетъ человека, а оставляетъ его въ области его обычныхъ эгоистическихъ стремленій, въ сферѣ дѣятельности, определенной требованіями самосохраненія.

И настоящее христіанство радостно. Оно благословляетъ всякую святую радость, радость семьи, искусства, дружбы, бесѣды.

Я почти не могу представить себѣ восточнаго подвижника иначе, какъ съ улыбкой радости на лицѣ...

Ощущеніе будущаго царства Божія переживается и здѣсь на землѣ, по мысли св. Макарія. А пасхальный канонъ св. Іоанна Дамаскина, этотъ восторженный, безгранично широкий крикъ радости, развѣ онъ не выраженіе сущности христіанства?

Первое чудо Спасителя было освященіемъ радости.

Помните у Достоевскаго. И не доставшу вина, глагола Мати Исусова къ Нему: вина не имуть...—доносилося до Алеши чтеніе Евангелія... Ахъ, да,—шепчетъ онъ, я тутъ пропустилъ, а не хотѣлъ пропускать, я это мѣсто люблю. Это Кана Галилейская... Первое чудо... Охъ, это чудо, это милое чудо. Не горе, а радость людскую посѣтилъ Христось, въ первый разъ сотворяя чудо, радости людской помогъ... „Кто любитъ людей, тотъ и радость ихъ любитъ“... Это повторять о. Зосима поминутно, это одна изъ главнѣйшихъ мыслей его была... Глагола ей Исусъ: что есть Мнѣ и Тебѣ, жено, не у приде часъ Мой. Глагола Мати Его слугамъ: еже аще глаголетъ вамъ, сотворите... Радость, радость какихъ-нибудь бѣдныхъ, бѣдныхъ людей! Ужъ конечно бѣд-

ныхъ, коли даже на свадьбу вина не достало... И знало же другое великое сердце другого великаго существа, бывшаго тутъ же, Матери Его, что не для одного лишь великаго, страшнаго подвига Своего сошелъ Онъ тогда, а что доступно сердцу Его и простодушное, не мудрое веселіе какихъ-нибудь темныхъ, темныхъ и не хитрыхъ существъ, ласково позвавшихъ Его на убогій бракъ свой... Не пришелъ еще часъ Мой, Онъ говоритъ съ тихой улыбкой (непремѣнно улыбнулся ей кротко). Въ самомъ дѣлѣ, неужто для того, чтобы умножать вино на бѣдныхъ свадьбахъ, сошелъ Онъ на землю? А вотъ пошелъ же и сдѣлалъ по ея просьбѣ... Други мои, просите себѣ у Бога веселья: будьте веселы, какъ дѣти,—завѣщаетъ Зосима.

Кто любитъ людей, тотъ и радость ихъ любитъ.

Христіанство, дѣйствительно, радостно, но оно требуетъ, чтобы человекъ искалъ радости въ немъ самомъ, въ самомъ христіанствѣ, а не на сторонѣ...

Возьмемъ для примѣра бракъ, какъ сожитіе двухъ: это радость, освященная Богомъ.

Сущность этой радости—въ счастіи сліянія двухъ душъ, духовномъ единеніи двухъ совѣстей; *радость брака*—радость осуществленной заповѣди Христовой о единеніи.

Счастье здѣсь есть въ то же время и христіанскій подвигъ... Мужъ и жена въ бракѣ берутъ на себя крестъ отреченія отъ себя въ пользу другого и будущихъ дѣтей. Но это въ то же время радость и съ христіанской точки зрѣнія, понятно ея празднованіе въ Канѣ.

Чего же хотятъ проповѣдники новаго христіанства? Какъ выражается г. Розановъ, они желаютъ, чтобы христіанство допустило радость *за границей христіанства*, чтобы оно, на примѣръ, позволило въ бракѣ видѣть радость не только въ этомъ счастіи единодушія и подвигѣ любви, а и еще въ чемъ-нибудь постороннемъ христіанству (въ культѣ Діониса?).

Но такой радости христіанство, конечно, не позволить. Самое требованіе ея намъ кажется страннымъ недоразумѣніемъ мысли. Если христіанство есть „жизнь“—цѣльное міровоззрѣніе, то, конечно, не можетъ быть такой сферы дѣятельности, въ которой дѣйствовалъ бы посторонній законъ. Христіанство *можетъ простить*, если человекъ, по

слабости, не руководится вездѣ во всѣхъ своихъ отношеніяхъ началами самоотверженія, но считать *позволительнымъ, возводить въ законъ жизнь по стихіяхъ міра рядомъ съ исповѣданіемъ христіанства*,—оно, понятно, не можетъ.

V.

Если въ Евангеліи данъ идеаль жизни, то непонятно и невозможно, *чтобъ христіанство допускало отдѣльные часы и минуты, когда человеку позволительно было бы жить внѣ Евангелія, уйдя изъ оградъ свательскаго идеала*. Куда же человекъ дѣнетъ эти идеалы въ такіе часы? Что это за христіанство съ отпусками и антрактами? Христіанство не можетъ признать законнымъ, чтобы ставшій подъ знамена Христа выходилъ изъ подъ знаменъ, чтобы погулять на сторонѣ, развлечься и отдохнуть, а потомъ снова вернуться къ жизни со Христомъ. Такіе отпуска для развлечения и радостей въ другомъ мѣстѣ—*дезертирство, измѣна Богу, „блудодѣланіе“*.

Христіанство обязательно соединено съ аскетическимъ требованіемъ „все до конца“... Христіанство, повторяемъ, прощаетъ человекъ, если онъ не уходитъ далѣе извѣстнаго предѣла въ слѣдованіи за Христомъ, но не можетъ объявлять позволительнымъ какое-то полудѣланіе, христіанскую полулюбовь. Если человекъ отдастъ изъ своего имущества 50%, то почему онъ остановится здѣсь?.. Значить, у этой границы сердце его смолкаетъ?

Пусть онъ отдастъ 98% и остановится здѣсь, не ясно ли, что онъ вовсе не двигается впередъ, а сталъ хуже, чѣмъ тогда, когда дѣлалъ первые шаги. Тогда онъ шелъ, теперь остановился.

Не врагами, а созидателями жизни были христіанскіе подвижники, когда считали для себя „даже воздухъ стяжаніемъ неправеднымъ“. Полные любви къ ближнему они совершенно послѣдовательно думали, что каждая лишняя крошка хлѣба будетъ хищеніемъ у этого ближняго, и потому не по ненависти къ тѣлу, а по побужденіямъ искреннѣйшаго альтруизма ограничивали до *existens-minimum* свои потребности... (Поселянинъ). И, конечно, никакая логика ничего не можетъ возразить противъ этой логики безконечно любящаго сердца...

Аскетическій принципъ—начало полнаго отреченія неотдѣлимъ отъ христіанства, если оно не стало лицемѣремъ. Но, конечно, вмѣстить только „могій вмѣстити“.

VI.

Проповѣдники новаго христіанства, вмѣсто аскетическаго подвига вѣчнаго совершенствованія, предлагаютъ другой, будто бы болѣе прямой, путь. Быть христіаниномъ, пишетъ г. Розановъ, передавая взгляды священника Петрова ¹⁾, значить, какъ бы идя посреди улицы, направо и налево кидать мѣшечки, или въ душѣ своей растить, *но безъ лихнотности и вывертовъ* и аскетическаго наркоза, неистощимый колосъ добраго пожеланія, добраго расположенія и, срывая съ него вѣчныя зерна, бросать въ жаждущую и ищущую толпу.

„Кто-нибудь скажетъ: тутъ нѣтъ философіи! А не есть ли тутъ самая большая философія, окончательная философія христіанства, далѣе которой идти *опасно*“?

„И Петровъ,—заканчиваетъ г. Розановъ,—не идетъ дальше этого простаго, трезваго добра, просто *какъ здоровый чловѣкъ, который хочетъ прожить такъ долго, какъ Авраамъ, и не хочетъ рисковать ни физическимъ, ни душевнымъ своимъ здоровьемъ*“.

Что это за путь? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ романъ Шельдона: *По стопамъ Христа*, по поводу котораго и сказаны предыдущія строки.

Дѣйствующія лица романа, послѣ одной бесѣды пастора, рѣшили идти за Христомъ... *и пошли*. Пошли въ труппы „прямого угла“, устраиваютъ тамъ бесѣды, просвѣщаютъ, плачутъ съ жертвами этихъ труппъ, жалѣютъ и раздаютъ добро направо и налево.

Вотъ этотъ прямой путь.

Да, дѣйствительно, этотъ путь слишкомъ безъ философіи!

Такъ просто можно раздавать по улицамъ только копѣйки или мѣшки съ копѣйками, а не *добро*... Добро нужно сначала *въ себя* выростить, а только потомъ можно творить добро, дѣйствительно могучее. Не то, конечно, это значить,

¹⁾ Долженъ оговориться, что у о. Петрова я не видалъ ничего похожаго на взгляды его толкователей.

что до той поры не нужно ничего дѣлать... Нѣтъ, это значитъ только то, что не нужно думать, будто дѣланіе добра столь легкое дѣло, какъ подача копѣйки...

„Любовь учительница, но нужно ее приобрести, ибо она трудно приобретается, дорого покупается, долгой работой и черезъ долгій срокъ, ибо не на мгновение нужно любить, а на вѣкъ, навсегда“.

Оттого и аскеты - христіане, уходя отъ людей, сначала раздавали все и съ радостью дѣлали добро, какъ умѣли, направо и налево, но считали это еще дѣломъ только начальнымъ и несущественнымъ. Служеніе людямъ всецѣло душой, а не деньгами, они считали не такъ уже легкимъ, и правильно думали, что его можно успѣшно совершить только съ выработанной душой. Они уходили изъ міра не для того, чтобы совершить только свое спасеніе, не убѣгали отъ служенія, а шли служить своей молитвой и *готовиться къ служенію и дѣломъ и молитвой.*

Христіанскій аскетизмъ есть дѣятельное служеніе нравственному возрожденію человѣческихъ обществъ и утвержденію въ мірѣ царствія Божія. *Любовь къ ближнему во имя Божіе наполняетъ сердце аскета и въ началъ его аскетическихъ подвиговъ и въ концъ его подвижнической жизни* (А. Гусевъ. 448, Пр. Об. 1878, іюль).

Г. Розановъ предостерегаетъ противъ обольстительнаго и болѣзненнаго наркоза аскетизма, который устами св. Исаака проповѣдуетъ, будто *человѣкъ долженъ сдерживать милосердіе и ожесточать сердце свое, чтобы попеченія о дольнемъ т. е. о людяхъ не отвели его отъ Бога.* Человѣкъ, такимъ образомъ, по св. Исааку, долженъ уклоняться любви къ ближнему, какъ обольщенія...

Съ глубокой болью читаемъ мы эти слова. Св. Исаакъ оказывается человѣко-ненавистникомъ. Но у него болѣе, чѣмъ у кого - нибудь *любовь къ ближнему въ Богъ есть начало и конецъ аскетизма.*

Вотъ поучительные и интересные для насъ совѣты св. Исаака. Эти наставленія даются аскетомъ отшельническаго типа и однако, что именно проповѣдуетъ онъ и имъ? „Что бы вытѣснить изъ души человѣка не только грѣхъ дѣйствительный, но и самую склонность къ грѣху, св. подвижникъ требуетъ полнаго одушевленія съ любовью къ ближ-

нимъ. Св. Исаакъ отъ стремящихся къ аскетическимъ подвигамъ требуетъ *сперва научиться любви къ ближнему*. Дѣятельная любовь къ ближнему, *одна она дѣлаетъ духъ его способнымъ для чистой любви къ Богу*.

Въ началѣ подвига необходимо сожительство со многими.

Горе пустынною, если онъ въ пустыню внесетъ страсти свои. А это легко можетъ случиться, если человекъ не проходить *въ началѣ подвига сопряженнаго съ выполненіемъ заповѣди о любви къ ближнему*, гдѣ при непрерывныхъ столкновѣніяхъ съ людьми воспитывается его душа. Только вѣрное и постоянное выполненіе заповѣди о любви къ ближнему отверзаетъ ключъ къ божественнымъ дарованіямъ и вмѣстѣ служить вѣрнымъ признакомъ того, что *есть въ человекѣ, и что даетъ себѣ знать любовь созерцательная и истинная къ Богу*.

Этимъ путемъ шли, по святому Исааку, всѣ отцы и св. Василій Великій и Макарій и др.

Всѣ они шли отъ любви къ ближнимъ *и ей кончали*.

Въ пустыню они уходили отъ людей, но какая цѣль этого ухода? Убѣжать „*обольщенія любви къ близкимъ*“, удаляющей отъ Бога? Нѣтъ. „Воспитать такую любовь, чтобы человекъ, если онъ и 10 разъ отдаетъ себя на сожженіе за *любовь къ людямъ, не удовлетворялся бы этимъ*“ (Слова св. Исаака).

Аскеты никогда не одобряли уклоненія отъ служенія человеку.

Златоустъ, будучи горячимъ сторонникомъ современнаго отшельничества и самъ строгій аскетъ, въ то же время часто выражалъ глубокое сожалѣніе, что пустыня отвлекла отъ міра и общества лучшихъ людей того времени и лишала ихъ благотворнаго вліянія на народную массу. И самъ Іоаннъ былъ непрестаннымъ и неумолимымъ общественнымъ дѣятелемъ, близко принимавшимъ къ сердцу общественные интересы и нужды современнаго ему общества.

Даже Симеонъ Столпникъ, вознесшійся какъ бы надъ самой землей и, повидимому, совершенно разорвавшій связь съ земной жизнью, не только съ своего столпа утѣшаетъ скорбящихъ, научаетъ жаждущихъ истины, проповѣдуетъ покаяніе, но и пишетъ письма къ правителямъ и пастырямъ Церкви (Гусевъ).

На удаленіе въ монастырь аскеты смотрятъ какъ только на приготовленіе къ служенію въ мірѣ, и мы знаемъ, что многіе аскеты *изъ пустыни дѣйствительно выходили въ міръ съ душой, готовой для добра и сильной, чтобы побѣждать во Христѣ любовью, какъ Василій Великій, Златоустъ, Антоній Великій.* Въ пустыняхъ христіане созидали въ себѣ ту любовь къ человѣку, которая подняла на воздухъ св. Макарія во время его молитвы о людяхъ и ихъ благоденствіи, ту горячую проникновенность въ чужую, грязную и страдающую душу, какою отличаются старые подвижники.

А эти новые христіане, слѣдующіе будто бы „по стопамъ Христа?“

Какое право имѣютъ они думать, что они нравственно выше той толпы, которую просвѣщаютъ и якобы спасаютъ? Гдѣ въ нихъ самихъ та нравственная сила, какую они думаютъ переливать въ другихъ, откуда у нихъ возьмется та чуткость души, которая укажетъ имъ истинный путь воздѣйствія? Не есть ли только брезгливое высокомеріе эта проповѣдь, и попытки благотворить изъ своихъ кабинетовъ не есть ли это „хождение по путямъ Христа“, безъ своей души, только сантиментальное развлеченіе?

Когда пасторъ Мексуэль (въ романѣ „По стопамъ Христа“) предлагаетъ идти по стопамъ Христа, провѣряя этими стопами каждый шагъ, ему задается вопросъ: „но откуда намъ знать, какъ поступилъ бы Христосъ на нашемъ мѣстѣ? Кто рѣшить для меня, что дѣлалъ бы Онъ въ данномъ случаѣ, благословить Онъ мое дѣло или нѣтъ?“ Макссуэль не даетъ отвѣта, но, конечно, эти вопросы вполне естественны. Нужно, дѣйствительно, знать, какъ бы поступилъ въ данномъ случаѣ Христосъ, а для этого требуется проникнуть въ Его волю, сжиться съ ней, дѣйствовать не наугадъ, а углубившись въ тайники своей души: *процессомъ своего усовершенствованія сдѣлать свою душу способною всегда чувствовать путь Христовъ, чтобы идти по нему дѣйствительно твердой стопой.*

Но это именно и есть задача аскетизма, подвига личнаго совершенствованія. Собрать свою душу, сконцентрировать, извлечь наверхъ все доброе въ душѣ, создать въ себѣ способность отодвигать назадъ эгоистическія стремленія духа, подчиняя ихъ любви,—все это можетъ сдѣлать и

дѣлаетъ лишь то, что зовется *нравственнымъ воспитаніемъ духа, или по-гречески аскетикой.*

VII.

Г. Розановъ, не вѣдая порядкомъ ни христіанства, ни аскетизма, толкуетъ объ „аскетическомъ наркозѣ, обольстительномъ, опьяняющемъ ядѣ аскетизма“. Но въ дѣйствительности наркозъ не на сторонѣ аскетизма.

Та любовь къ ближнему, о которой говорить, хотя бы, напримѣръ, книга „По стопамъ Христа“, часто дѣйствительно наркозъ, самовнушеніе: человѣкъ эстетически вдохновляется красотой любви, искусственно возбуждаетъ себя въ этомъ направленіи и только въ наркозѣ самовнушенія готовъ отдать жизнь за ближняго. Это состояніе очень знакомо и аскетамъ, но цѣнилось по достоинству: они называли его состояніемъ „прелести“. Это настроеніе самообольщенія. Въ большинствѣ случаевъ эта любовь въ сущности есть влюбленность въ себя, въ свое величіе, это аффектъ на эстетической основѣ, а не настроеніе. Аскетизмъ осуждаетъ аффектъ. Онъ желаетъ создать безграничную любовь, какъ *пребывающее настроеніе, какъ спокойную и постоянную стихію жизни.* Іоаннъ Милостивый своимъ дыханіемъ согрѣваетъ прокаженнаго. „Какой надрывъ лжи,“— говоритъ поэтому поводу Івась Карамазовъ.

Да, это можно сдѣлать именно въ психопатическомъ надрывѣ, такъ и бываетъ у „эстетовъ“. Любовь богоискателей христіанства „конца и начала вѣка“ безъ аскетическаго ея воспитанія всегда будетъ только надрывомъ. Но Іоаннъ Милостивый дѣлалъ свое дѣло безъ надрыва, какъ спокойное, неотклонимое требованіе воспитанной въ любви души.

Это любовь аскета.

Надѣюсь, никто не подумаетъ, будто я не желаю, чтобы нашлись хотя бы такіе христіане, которые подъ вліяніемъ случайныхъ впечатлѣній пойдутъ служить ближнему. Нѣтъ, да будутъ благословенны и они, но я боюсь, что такіе дѣлатели строятъ безъ фундамента; ихъ дѣланіе непрочно, пока они не положатъ въ основу своего дѣланія заботу о сози-

даемыхъ души своей, въ орудіе созидающаго жизнь и чело-
вѣческое счастье Духа Божія.

Можетъ быть, практически проповѣдь укороченнаго „хри-
стіанства съ отпусками“ нѣкоторымъ покажется всетаки
полезной. Люди такъ отвыкли понимать *подлинное* христіан-
ство, что, думаютъ иные, хорошо, если примутъ хоть хри-
стіанство въ 50%. Но зачѣмъ это разжиженное христіан-
ство объявляютъ „новымъ фазисомъ“ въ развитіи христіан-
ства, новой совершеннѣйшей его концепціей. Вѣдь у бого-
искателей этотъ „новый фазисъ“ служить ступенью къ
упраздненію *подлиннаго* христіанства.

Пусть не будетъ этого. Не слѣдуетъ обкрадывать хри-
стіанство, чтобы сдѣлать его болѣе легкопріемлемымъ. Про-
повѣдники!—скажемъ словами пастора Брукса, есть предѣлъ,
за которымъ приспособительность дѣлается слабостью. Есть
нѣчто, чего св. Павелъ не потерпѣлъ бы, *чтобы быть вѣсмъ
для вѣсхъ*. Мы должны давать нашимъ слушателямъ истину,
а не то, чего они желаютъ. Считайте недостойнымъ васъ,
какъ служителей Евангелія, утѣшать скорбь и утолять чу-
жую жажду изъ источника только на половину евангель-
скаго; опасайтесь предлагать чужой алчущей душѣ удовле-
твореніе въ другомъ мѣстѣ, помимо высокихъ радостей
духа. Самое печальное время жизни учителя, я думаю, то,
когда онъ оставляетъ учительство съ сознаниемъ, что далъ
своимъ слушателямъ *не то, что имѣлъ наилучшаго, а только
то, чего они требовали, чтобы успокоить мятущуюся совесть*.
„Подмѣнять христіанство для успѣха проповѣди стоицизмомъ,
или одной моралью безъ внутренняго возрожденія, напра-
вляемаго богооткровеннымъ догматомъ, тою моралью, которая
эстетикой „хорошихъ поступковъ“ лишь прикрываетъ рели-
гіозную пустоту ихъ, въ наше поворотное время, преступно“
(Тернавцевъ).

И. Михайль.

Отношеніе христіанства къ государству по воззрѣніямъ гр. Л. Н. Толстого. ¹⁾

Но какъ далеко позволительно христіанину заходить съ своей поддержкой содѣйствіемъ государству,—вотъ въ чемъ вопросъ. Вопросъ этотъ, абсолютной моралью не рѣшаемый, рѣшается въ каждомъ государствѣ въ извѣстную эпоху различно, въ зависимости отъ нравственнаго развитія народа. Господь, связавъ христіанскій прогрессъ съ государственностью, предотвратилъ анархизмъ въ области истинно-христіанской жизни, съ божественной мудростью умолчалъ о точной и постоянной границѣ между τὰ Καίσαρος и τὰ τοῦ Θεοῦ. Принеся въ міръ новую закваску, которая должна произвести всемірное броженіе въ различныхъ мѣстахъ и въ различное время различное по силѣ и содержанію, Онъ предоставилъ ходъ дѣла благодати естественному нравственному развитію человѣчества и формирующей силѣ жизни. Христосъ указалъ общую рамку процессу развитія духовнаго человѣчества, предоставивъ послѣднему самому устанавливать взаимоотношеніе частныхъ при свѣтѣ небснаго идеала и земной дѣйствительности. И въ связи съ успѣхами и неудачами движенія по пути нравственнаго совершенствованія перемѣщалась и должна перемѣщаться граница между кесаревымъ и Божіимъ. Въ свое время рабство, пытки и аутодафе не считались противными Богу по суду христіанской совѣсти, и относительная христіанская этика не возставала противъ этихъ установленій. Но съ дальнѣйшимъ шагомъ развитія та же христіанская совѣсть запротестовала противъ такого τὰ Καίσαρος и въ концѣ всего добилась устраненія изъ государства того, что признано безбожнымъ. Исторія христіанской эпохи представляетъ длинный рядъ приспособленія области кесаря къ требованіямъ воли Божіей и наоборотъ. Умолчаніе Спасителя о точномъ содержаніи кесарева открыло *безграничный* путь прогресса государствен-

¹⁾ См. Мисс. Обзор. 1902 г. июль—августъ, стр. 44—65.

ной организаціи и функцій подѣ воздействиемъ христіанства. Непремѣнное условіе этого прогресса—*сохраненіе принципа общественности*, реформа общественныхъ формъ черезъ общественное мнѣніе, „міромъ“ и „миромъ“, недопущеніе анархическаго индивидуализма и насилія революціоннаго. Представителемъ этой общественности является кесарь, которому, по завѣту Христову, надо оказывать поддержку и содѣйствіе.

Въ добавленіе къ обслѣдованнымъ важнѣйшимъ евангельскимъ свидѣтельствамъ, доказывающимъ совмѣстность государственной власти и подчиненія съ христіанствомъ, укажемъ евангельскіе факты, говорящіе объ уваженіи Іисусомъ Христомъ правового строя современнаго ему общества. Когда къ Нему нѣкто обратился съ просьбой разрѣшить споръ о наслѣдствѣ, Господь отказался, не признавая за собою права на судъ. „Кто поставилъ Меня судить или дѣлить васъ“,—отвѣчалъ Онъ просителю ¹⁾. Спаситель былъ строгимъ обличителемъ фарисеевъ и священниковъ еврейскихъ. Онъ гнѣвно и безпощадно срывалъ съ нихъ маску напускной набожности и смѣло, и сильно изображалъ ихъ растлѣвающее вліяніе на народъ. Но, когда Ему приходилось касаться ихъ юридическихъ правъ, Онъ сохранялъ неизмѣнное уваженіе къ закону. Исцѣливъ прокаженныхъ, Іисусъ сказалъ имъ: „Пойдите покажитесь священникамъ“, велѣлъ выполнить то, что полагалось по закону ²⁾. Предостерегая народъ отъ подражанія жизни, поведенію своихъ вождей, Господь въ то же время говорилъ: „Все, что они велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте и дѣлайте“ ³⁾.

Выводы, какіе слѣдуютъ изъ рассмотрѣнія евангельскаго ученія по отношенію къ государству, представляются весьма ясными. Іисусъ Христосъ во взглядѣ на государственную власть раздѣляетъ обще-еврейское вѣрованіе въ богоустановленность ея, утверждалъ обязанность повиновенія ей и чтилъ вообще правовую организацію общественной жизни. Относительно послѣдней мысли нѣкоторое дополненіе и усиленіе можно найти у Гарнака: „Іисусъ,—говоритъ онъ,—со всѣми истинно вѣрующими людьми былъ глубоко убѣжденъ

¹⁾ Лук. XII, 14. 15.

²⁾ Лук. XVII, 14.

³⁾ Мѣ. XXIII, 3.

въ томъ, что Богъ Самъ въ концѣ всего воздастъ по справедливости. Если Онъ не водворитъ правду здѣсь, то водворитъ ее тамъ (въ будущей жизни). Въ такой концепціи идея права, въ смыслѣ справедливаго издвоздаянія, отнюдь не была для Иисуса негодной, но возвышенной и даже доминирующей. Она опредѣляетъ собой царскую функцію (Majestäts funktion) Божества... Итакъ, не можетъ быть никакой рѣчи о томъ, будто Иисусъ радикально осудилъ право и правоотправление (Rechtgübung). Скорѣй того каждый долженъ будетъ получать по справедливости, и еще болѣе: сами ученики Его примутъ участіе въ судѣ Господнемъ и будутъ судить¹⁾.

Что касается текстуальныхъ основаній толстовскаго отрицанія государственности, то единственное серьезное изъ нихъ заключается въ X гл. Евангелія Марка. Послѣ того, какъ извѣстная просьба сыновъ Заведеевыхъ, Іакова и Іоанна, изобличившая власто-и-честолюбіе просителей, вызвала негодованіе въ другихъ ученикахъ Спасителя, Онъ подозвалъ ихъ всѣхъ къ Себѣ и сказалъ: „Вы знаете, что почитающіеся князьями народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи ихъ властвуютъ ими. Но между вами да не будетъ такъ: а кто хочеть быть большимъ между вами, да будетъ вамъ слугою; и кто хочеть быть первымъ между вами, да будетъ вамъ рабомъ“²⁾. Въ толстовскомъ изложеніи Евангелія это мѣсто читается такъ: „Вы ошибаетесь: только въ мірѣ считаются цари и начальники, чтобы имъ управлять народами. А между вами не можетъ быть ни старшихъ, ни младшихъ. Между вами, кто хочеть быть первымъ, тотъ считай себя послѣднимъ“³⁾. Какъ въ толстовскомъ, такъ и въ подлинномъ Евангеліи полагается, повидимому, глубокая пропасть между жизнью государственниковъ и христіанъ. Можно подумать, что правовой порядокъ жизни съ его блюстителями здѣсь осуждается, и на его мѣсто поставляется свободный союзъ свободныхъ людей, объединяемыхъ смиренной любовью. Въ этихъ мысляхъ есть доля правды, но чтобы увидѣть всю правду, надо вспомнить, по какому поводу Господь сказалъ приведенныя слова. Кажется, никто не будетъ спорить про-

¹⁾ Das Wesen d. Christen tums; s. 69—70. Leipzig, 1900.

²⁾ Марк. X. 35—44.

³⁾ Стр. 125.

тивъ того, что просьба сыновъ Заведеевыхъ избличала ихъ взглядъ на царствіе Божіе, какъ „на царство человѣческое“, и невысокость ихъ идеаловъ, по которымъ видное положеніе въ государствѣ, слава, почести, власть есть нѣчто высокое, цѣнное, желательное само по себѣ. Господь, увидѣвъ это, спѣшитъ исправить мысль и чувство Своихъ учениковъ, обращая ихъ вниманіе на единую святую силу царствія Божія, которая чужда власто-и-честолюбія и земныхъ расчетовъ,—силу самоотверженной разумной любви и взаимнаго служенія людей. „Кто изъ васъ, говоритъ Онъ, больше разовѣетъ эту силу, тотъ будетъ выше другихъ въ царствіи Моёмъ“. Какъ видно, всѣмъ этимъ Христосъ осудилъ въ очахъ Своихъ учениковъ всякія власто-и-честолюбивыя мысли, которыя въ грѣховномъ мірѣ не только не осуждаются, но еще и одобряются. вмѣстѣ съ тѣмъ Его осужденіе пало и вообще на идеаль учениковъ, освящавшій дѣйствительность и, можетъ быть, только едва возвышавшійся надъ ней. Поэтому, Онъ ставитъ передъ ихъ умственнымъ взоромъ идеаль святости царствія Божія, по которому должно преобразовываться царство человѣческое, и который долженъ всегда горѣть передъ христіаниномъ путеводной звѣздой и увлекать его все выше и выше. Не властолюбіемъ и честолюбіемъ долженъ увлекаться христіанинъ, а любовнымъ попеченіемъ о людяхъ, повышеніемъ ихъ нравственнаго разумѣнія и жизни. Все это въ приложеніи къ государству ведетъ не къ отрицанію его, а къ введенію въ его организацію духа любви и доброжелательнаго служенія людямъ, къ христіанизации его. Осужденіе Господне пало на эгоистичныхъ властителей, силой и страхомъ властвующихъ надъ народомъ, но оно не коснулось тѣхъ правителей, которыхъ по справедливости можно назвать слугами Бога и народа, руководящихся въ своей дѣятельности разумной любовью къ людямъ, правителей-христіанъ. Истинно-христіанское правительство непременно основывается на альтруистическихъ опорахъ и не есть, какъ говоритъ В. С. Соловьевъ, только обладатель всѣхъ правъ, какъ языческой кесарь, но главнымъ образомъ есть носитель всѣхъ обязанностей христіанскаго общества ¹⁾... Господь властно пере-

¹⁾ Духовн. основы жизни. 3 изд. СПб. 1897 г. стр. 163—164.

вель вниманіе учениковъ отъ нечистой дѣйствительности къ бѣлоснѣжному образу идеала, носителями котораго они призваны были быть, чтобы они дѣйствительность разсматривали не иначе, какъ въ свѣтѣ чистой праведности, и ее осуществляли, насколько то возможно. И христіане во имя этого идеала должны служить міру, помогать ему возрастать въ полноту святыхъ силъ, пользуясь для этого всѣмъ, что само по себѣ нравственно безразлично, что можетъ содѣйствовать ихъ миссіи: властью, повиновеніемъ, богатствомъ, нищетою и проч. Но всегда они должны „служить“ людямъ и ихъ вѣрно понятымъ интересамъ, а не „властвовать“ по своей прихоти и произволу. Только къ морализаціи государства побуждаютъ приведенныя слова Спасителя, а не къ отричанію, уничтоженію его, да еще, заповѣдуя христіанину быть слугою, конечно, разумнымъ всѣмъ, устраниаютъ крайній индивидуализмъ.

Въ Евангеліи намѣчены лишь основныя идеи, касающіяся государства: богоустановленность власти, обязанность повиновенія ей, ограниченнаго повиновеніемъ Богу, уваженіе къ праву. Въ апостольскихъ твореніяхъ тѣ же мысли высказываются яснѣе, отчетливѣе и подробнѣе. Власть здѣсь признается богоустановленной такъ ясно, что никакія кривотолкованія дѣлаются невозможны ¹⁾. Подчиненіе правительству, содѣйствіе ему дѣломъ и молитвой вмѣняется въ важную обязанность христіанина ²⁾; но какъ и въ Евангеліи эта обязанность ограничивается религіознымъ долгомъ наибольшаго повиновенія воли Божіей ³⁾. Вообще же правовой строй жизни, связанная съ нимъ государственныя должности и повинности, а также и право Христовыми апостолами признаются вполне совмѣстимыми съ христіанствомъ ⁴⁾. Подробно останавливаться на изложеніи апостольскаго ученія о государственности не приходится въ виду того, что для толстовцевъ апостольскаго авторитета не су-

¹⁾ Рим. XIII, 1, 2, 4, 6.

²⁾ Тамъ же и Ефес. VI, 5—8; Колос. III, 22—23; 1 Тимое. II, 1—2, VI, 1—2; Тит. II, 9—10; 1 Петра II, 13—17.

³⁾ Дѣян. IV, 19.

⁴⁾ Дѣян. VIII, 27—39; X, 1—2; 22; XIII, 7, 12; Рим. XII, 4—8; 1 Кор. VII, 20—24; Ефес. VI, 5—9; Дѣян. XVI, 37; XXII, 25; XXIII, 16—22; XXIV, 10—21; XXV, 8—11; XXVI, 2; 23—29.

ществуетъ, такъ какъ имъ доподлинно извѣстно, что апостолы невѣрно поняли ученіе Христа, вѣрнѣе, что св. апостолы своимъ ученіемъ особенно очевидно осуждаютъ послѣдователей графа. Съ другой стороны, приводитъ подлинныя слова апостоловъ и факты новозавѣтной исторіи нѣтъ нужды потому, что ихъ знаетъ, кажется, каждый грамотный христіанинъ. Отмѣтимъ еще одну апостольскую мысль, выражающую то, что въ Евангеліи только подразумѣвалось. Какъ божественное установленіе, государственная организація жизни должна имѣть и цѣнную, достойную божественной санкціи, цѣль, осуществлять которую она призвана на землѣ. Приведемъ слова первоверховныхъ апостоловъ, въ которыхъ указывается такая цѣль, какъ достаточная причина повиновенія власти. „Будьте покорны, пишетъ ап. Петръ, всякому человѣческому начальству, для Господа: царю ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро“ ¹⁾. Ап. Павелъ то же назначеніе государства указываетъ въ болѣе широкомъ всеобъемлющемъ смыслѣ: „Прежде всего прошу совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за всѣхъ человѣковъ, за царей и за всѣхъ начальствующихъ, дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочетъ, чтобы все люди спаслись и достигли познанія истины“ ²⁾. Какъ видно, по мысли апостольской, государство имѣетъ нравственно цѣнную цѣль своего существованія: умиротвореніе людей, обезпеченіе имъ безмятежной жизни, борьбу съ преступностью, содѣйствіе нравственному совершенствованію человѣчества и, слѣдовательно, спасенію людей, что особенно „хорошо и угодно Спасителю нашему Богу“. Какъ этическое по природѣ и идеальнымъ цѣлямъ своимъ учрежденіе, государство освящается и благословляется Богомъ, и это такъ естественно, что не можетъ вызывать недоумѣній: добро всегда благословляется добромъ. Что замѣчательно въ приведенныхъ словахъ ап. Павла, такъ это сближеніе благотворныхъ результатовъ государственной организаціи съ дѣломъ спасе-

¹⁾ 1 Петр. II, 13—14.

²⁾ Тимое. II, 1—4.

нія людей, мысль о государственности, какъ нѣкоторомъ условіи усвоенія обществомъ (а не отдѣльной личностью) правды царствія.

Ужь если апостолы Христовы имѣютъ въ глазахъ Л. Толстого меньшій авторитетъ, чѣмъ какіе-нибудь квакеры и менониты, то, конечно, не больше вѣсу имѣютъ для него свидѣтельства наиболѣе близкихъ къ апостоламъ и апостольскимъ временамъ христіанскихъ учителей. Проф. А. Ѳ. Гусевъ въ своемъ трудѣ: „Основныя религіозныя начала гр. Л. Н. Толстого“ приводитъ мысли мужей апостольскихъ: св. Климента римскаго, Іустина мученика, Иринея лонскаго, по которымъ власть признается установленіемъ Божіимъ, обязанность повиновенія ей необходимой, вообще же государство—учрежденіемъ благодѣтельнымъ ¹⁾. Съ своей стороны, мы могли бы указать много подобныхъ мыслей у древнихъ христіанскихъ апологетовъ: Татіана, Аѳинагора, Теофила антioxійскаго, Мелитона сардійскаго, Минуція, Феликса ²⁾. Св. Теофилъ, напримѣръ, писалъ въ первой книгѣ къ Автолику: „Царю нѣкоторымъ образомъ ввѣрено отъ Бога управленіе... Царя почитай благорасположеніемъ къ нему, повиновеніемъ ему, молитвою за него. Поступая такъ, исполнишь волю Божію“ ³⁾. Аѳинагоръ въ своемъ прошеніи о христіанахъ говорилъ Марку Аврелію, Люцію и Аврелію Коммоду о всѣхъ христіанахъ, что они „преимущественно передъ всѣми питаютъ самыя святыя достодолжныя расположенія къ Божеству и царской власти“ ⁴⁾. Такой взглядъ и такое отношеніе было у первыхъ христіанъ къ власти языческой. Если бы анархическія идеи были сродны христіанству, то они, несомнѣнно, съ чрезвычайной силой проявились бы во время дикихъ гоненій языческаго правительства на послѣдователей Распятаго. Но этого не было. Христіане оказывали повиновеніе власти, допуская только словесный протестъ и пассивное сопротивленіе только требованіямъ вѣротступничества. Языческій характеръ власти, гоненія, госу-

¹⁾ Стр. 85—86.

²⁾ Соч. древн. христіанскихъ апологетовъ. Русс. перев. Н. Преображенскій, Москва, 1867, стр. 15—16; 68, 122; 179, 243, 296—297; 354.

³⁾ Въ назв. соч. стр. 179.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 68.

дарственность, какъ основанная на почвѣ испорченности человѣческой природы и напоминающая о роковой побѣдѣ зла надъ добромъ, хотя и направленная на ослабленіе зла,— все это едва-едва и то въ очень немногихъ отдѣльныхъ лицахъ побѣждало въ древности общехристіанское уваженіе къ власти и долгъ законнаго повиновенія. Одно, въ чемъ не уступали и не повиновались первые христіане государственной власти,—это новая ихъ вѣра Христова, за которую они шли на кресты, костры и въ когти дикихъ звѣрей.

Вообще, кажется, можно рѣшительно утверждать, что ни Евангеліе, ни апостольскія творенія, ни христіанская древность не даютъ въ руки Л. Толстого никакого оружія для защиты его анархизма. Наоборотъ, все говоритъ за то, что по истинно-христіанскому убѣжденію всѣхъ временъ государство, какъ своеобразная система средствъ борьбы со зломъ, есть установленіе весьма цѣнное и богоблагословенное. Л. Толстой въ своей проповѣди безгосударственного строя жизни на началахъ непротивленія остается только съ духомъ христіанства въ рукахъ, „ошибочно истолкованнымъ“, подъ вліяніемъ утилитарно-реформаторскихъ популяризацій и философскихъ вѣрованій, съ христіанствомъ, „слѣпо“ втискиваемымъ въ наличную жизнь. Потерявшій вѣру въ личное безсмертіе, но сохранившій жажду счастья собственнаго и всеобщаго, утратившій истинное разумѣніе христіанства, но сердцемъ учувствовавшій міръ, преобразующую силу его, графъ невольно пришелъ къ эксплуатаціи Евангелія въ интересахъ земного благополучія. Увлекательная мечта осчастливить человѣчество заставила его похитить изъ цѣльной картины царства Божія драгоцѣнный камень непротивленія и попытаться этимъ камнемъ создать царство Божіе на землѣ. Но то непротивленіе весь смыслъ и цѣну свою получаетъ, какъ часть отъ цѣлаго, отъ всей картины, а само по себѣ такой цѣны вовсе не имѣетъ и замѣнить собой царство Божества, ввести въ него вовсе не можетъ. И тѣмъ болѣе оно неспособно оправдать надеждъ похитителя, что какъ взятое изъ другой жизни, непригоднымъ оказывается для современнаго обитателя грѣшной земли, непригоднымъ и для того, кто принимаетъ его (духоборы-толстовцы), и вреднымъ для тѣхъ, около кого осуществляется оно (канадцы). И если Прометей, похитившій огонь съ неба и осчастливившій че-

ловѣчество, былъ, по суду боговъ, жестоко наказанъ за святотатство, то современный Титанъ изъ Ясной Поляны находитъ себѣ тихое и печальное осужденіе въ сердцахъ истинныхъ христіанъ...

Читатель былъ бы навѣрное неудовлетворенъ, если бы мы кончили свою рѣчь объ отношеніи христіанства къ государству опроверженіемъ толстовскихъ сужденій на эту тему и доказательствомъ богоблагословляемости государственнаго союза, не давши никакихъ сужденій по вопросу о взаимномъ жизненномъ отношеніи τὰ Καίσαρος и τὰ τοῦ Θεοῦ. Мы выше видѣли, какъ Л. Толстой раздѣляетъ Кесарево и Божіе, относя къ первому „деньги, имущество, трудъ“, ко второму „душу“. Такой взглядъ, высказываемый нерѣдко въ западно-европейской и русской литературѣ, въ самое послѣднее время повторилъ въ Германіи извѣстный ученый А. Гарнакъ. Приведя слова Христа о воздаяніи кесарева кесарю, почтенный профессоръ говоритъ, что Спаситель провелъ здѣсь непреходимую черту между государственной и христіанской жизнью, что „Богъ и императоръ суть владыки совершенно различныхъ сферъ“. Спорный вопросъ, предложенный фарисеями, Христосъ разрѣшилъ указаніемъ на эту пропасть, которая такъ велика, что никакихъ столкновеній быть не можетъ. Монета есть нѣчто земное и носить образъ кесаря, такъ пусть отдають ее кесарю, но и въ этомъ заключается восполненіе мысли. Душа и всѣ ея силы ничего съ тѣмъ общаго не имѣють; онѣ принадлежать Богу ¹⁾. Какъ мы уже замѣчали, такое рѣшеніе поставленнаго вопроса имѣетъ важный недостатокъ въ томъ, что оно предполагаетъ невозможный и несуществующій дуализмъ въ чловѣкѣ, коренное отдѣленіе дѣятельности отъ дѣйствующей души. Та же самая душа, которая творитъ Божіе, выполняетъ и кесарево, и если чловѣкѣ призванъ Самимъ же Богомъ къ выполненію, между прочимъ, государственныхъ обязанностей, то, очевидно, пропасти непреходимой между τὰ Καίσαρος и τὰ τοῦ Θεοῦ нѣтъ. Это подтверждается еще несомнѣнными и многочисленными фактами столкновеній этихъ двухъ царствъ, столкновеній, изъ которыхъ первое окончилось Голгоеской Жертвой. Все заставляетъ обратиться къ

¹⁾ Das Wesen d. Christen tums, s. 67.

другому рѣшенію вопроса объ отношеніи христіанства къ государству, которое (рѣшеніе) ведетъ къ теоріи христіанскаго государства 1).

Уже сама по себѣ богоустановленность государственной власти даетъ ясно понять, что государство связано съ христіанствомъ жизненными нитями. Вѣдь, если бы государство было враждебно христіанству по природѣ и цѣлямъ своимъ, если бы оно не могло пріобщиться духа христіанской жизни, то Господь не могъ бы благословить государственную организацію народной жизни и обязать христіанина подчиняться кесарю. Одинъ и Тотъ же Богъ санкціонировалъ государство и далъ христіанскій законъ жизни; значить, государство имѣетъ какое-то отношеніе къ конечнымъ планамъ Божиимъ, открытымъ въ христіанствѣ, т. е. къ царствію Божію. И съ этой стороны приходится допускать, что непроходимой бездны между кесаревымъ и Божіимъ не можетъ быть, что гдѣ-то есть пунктъ, объединяющій эти двѣ области. Громадное значеніе государства для нравственнаго прогресса человѣчества и его способность къ количественному и качественному усиленію этого значенія даютъ право утверждать, что такая конечная цѣль, осуществленію которой должно содѣйствовать государство, есть осуществленіе царства Божія. Такъ необходимо думать потому, что для всего земного вообще христіанствомъ поставляется одна всеобъединяющая цѣль — царствіе Божіе. Гр. Брандисъ, Мюлеръ и Шталь особенно ярко высказываютъ эту мысль; по ихъ утверженію, „государственная власть установлена Богомъ (непосредственно) съ тѣмъ, чтобы вести людей къ царствію Божію; отсюда слѣдуетъ, что государство должно стать христіанскимъ, дабы исполнить свое назначеніе“.

Противъ такого соображенія возражаютъ, что „божественное происхожденіе власти никакъ не можетъ служить обоснованіемъ спеціально христіанскаго государства, такъ какъ по смыслу Писанія и власть татарскаго хана и турецкаго султана такъ же установлены Богомъ, какъ и власть его апостолическаго величества или христіаннѣйшаго короля“ 2).

1) Эта теорія въ ученіи нѣмецкихъ богослововъ и политиковъ излагается подробно въ кн. М. А. Рейснера: „Христіанское государство“. Томскъ. 1899.

2) Проф. М. А. Рейснеръ, назв. соч. стр. 89.

Возраженіе это бьетъ мимо цѣли: мы говоримъ о томъ, чѣмъ можетъ быть и должна быть государственность, а возраженіе указываетъ на то, что есть на лицо. Богоустановленность государственности ручается именно за то, что всякое государство *способно* служить конечной цѣли челоуѣчества и указываетъ на то, что оно съ точки зрѣнія христіанина *должно* служить такой цѣли, т. е. водворенію царствія Божія. Всякое государство отъ Бога, и должно творить волю Его, „Который хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись и достигли познанія истины“¹⁾. Если же турецкое государство не содѣйствуетъ достиженію этой цѣли, то вѣдь этотъ фактъ горячаго поклонника Голгоескаго Страдальца можетъ лишь подвигнуть на дѣло противомасульманской миссіи и потрудиться надъ покореніемъ Магомета Христу и царства перваго—царству Второго. А пока сопросвѣщенные христіанствомъ государства по своему служатъ, насколько могутъ, воцаренію на землѣ естественной праведности, приготовляя людей къ праведности благодатной. Такое значеніе за государствомъ вообще надо признать даже съ точки зрѣнія толстовской, по которой „общественное жизнепониманіе“ и, слѣдовательно, государство представляютъ шагъ впередъ къ „Божескому жизнепониманію“ и царству Божію, только у графа своеобразное пониманіе послѣдняго жизневоззрѣнія и жизнеустройства. Да и весьма было бы странно, если бы Христосъ, принеся въ міръ новую закваску, которая должна произвести всечелоуѣческой процессъ броженія, государство поставилъ внѣ потока этого броженія. Государство, самое крупное и мощное изъ всѣхъ челоуѣческихъ учрежденій, притомъ получившее санкцію христіанскую, не можетъ и не могло не привлекаться христіанствомъ на служеніе истинѣ. Господь отдѣлилъ *religio* отъ *regio* и далъ международный, универсальный характеръ Своему дѣлу не для того, чтобы кесарево навсегда осталось въ сторонѣ отъ Божія, но чтобы кесарево, разсѣянное по всей землѣ, свободно преклонилось передъ Единымъ Божимъ. Отлученное отъ Божія кесарево должно было съ тѣхъ поръ свободно стремиться къ Божію, которое составляетъ послѣднюю цѣль челоуѣчества. Если бы *τὸ Καίσαρος* имѣло въ очахъ Господа самостоятельное значе-

1) 1 Тимое. II, 4.

ніе и цѣль, независимую отъ царствія Божія, то оно было бы противобожественно и не получило бы благословенія Божія. И если послѣднее дано государству, то единственно потому, что Господь поставилъ для него цѣлью „Божіе“, ввелъ его въ кругъ жизни христіанской. Поэтому переворотъ, произведенный христіанствомъ въ области религіозно-общественной мысли, сводится прежде всего къ раздѣленію принудительно-связаннаго (въ язычествѣ) кесарева и Божія къ низведенію кесарева на второе мѣсто послѣ Божія и въ призваніи кесарева къ свободному усвоенію Божія и преобразованію по образу послѣдняго. Пропасть, положенная между τὰ Καίσαρος и τὰ τοῦ Θεοῦ, назначена была къ пополненію, къ уменьшенію. Мостъ, связывающій границы этихъ двухъ областей, данъ въ человѣкѣ-христіанинѣ *въ единствѣ нравственной природы личности*. Не можетъ христіанинъ, живущій въ своей частной жизни по духу Евангелія, при исполненіи государственныхъ обязанностей и дѣль, руководиться какимъ-то особымъ „духомъ кесаревымъ“. Народъ, просвѣщенный христіанствомъ и придерживающійся Христова правоученія, не можетъ государственную организацію и жизнь устраивать на совершенно другихъ, нехристіанскихъ началахъ. Какъ государство не можетъ не проникаться нравственностью вообще, такъ государство христіанскаго народа *неизбѣжно* насыщается основами Христова правоученія. Вѣдь человѣкъ не состоитъ изъ двухъ, совершенно не вліяющихъ другъ на друга, половинокъ—государственной и христіанской, но представляетъ изъ себя единую, цѣльную, нераздѣльную личность, которая остается такой и въ храмѣ, и въ судѣ, и на дому, и въ городской думѣ. А къ такому именно дѣленію человѣческой природы приводитъ та теорія, которая, признавая за человѣкомъ-христіаниномъ обязанности къ государству, ставитъ послѣднему какія-то особыя нехристіанскія цѣли.

Естественно необходимая христіанизация государства у христіанскаго народа должна становиться для послѣдняго свободно-разумнымъ дѣломъ, религіозно-нравственнымъ долгомъ. Христіанинъ и христіанскій народъ по силѣ своихъ убѣжденій обязанъ проводить въ государственную жизнь христіанскія начала нравственности. Это не значитъ, что Церковь Христова должна стремиться къ захвату государ-

ственной силы и къ охристіаненію народа и государства посредствомъ этой силы. Нѣтъ, Церковь должна охранять свои благодатныя и незыблемыя устои нравственнаго союза вѣрующихъ и отнюдь не обращаться къ принудительнымъ мѣрамъ. Она представляетъ собой и по нравственнымъ принципамъ и по самымъ средствамъ осуществленія своихъ цѣлей, чуждыхъ физической силы, идеаль, по которому долженъ формироваться государственный строй. Церковь, дѣйствуя на душу народа, на его нравственность, черезъ морализацію народа должна вести къ христіанизации государства, и конечная цѣль дѣятельности Церкви при этомъ всегда должна полагаться въ осуществленіи царства Божія. Ту же цѣль преслѣдуетъ по своему и христіанское государство, создавая въ своихъ учрежденіяхъ и дѣятельности кристаллизованную христіанскую мораль, которая, съ своей стороны, христіанизирующимъ образомъ дѣйствуетъ на народъ.

Здѣсь намъ всегда могутъ возразить, что истинно-христіанская жизнь несовмѣстима съ государствомъ, и идеаль государства не знаетъ государственности, а потому христіанскаго государства быть не можетъ. Можно указать цѣлую книгу, направленную противъ идеи христіанскаго государства, основанную цѣликомъ на такомъ соображеніи. Разумѣемъ L. Jacobowski «Der christliche Staat und seine Zukunft» (Berlin 1894). Такую же мысль можно было замѣтить и у Гарнака, мысль по существу совершенно справедливую. Дѣйствительно, царство Божіе въ полнотѣ своего осуществленія чуждо всякой государственности, и послѣднюю непосредственно нельзя связать съ тѣмъ царствомъ чистой святости и союза свободной, братской любви. Но какъ мы уже говорили, на государство нельзя смотрѣть и къ нему нельзя относиться по требованію безусловнаго идеала христіанской морали. Съ высоты этого идеала можно и все наличное христіанство живыхъ людей признать нехристіанскимъ и наилучшихъ христіанъ отнести къ числу христіанствующихъ язычниковъ. Приходится смотрѣть на государство при свѣтѣ абсолютной нравственности, но подъ угломъ преломленія ея лучей въ атмосферѣ наличной несовершенной жизни. Только разсматривая его съ точки зрѣнія неизбѣжнаго компромисса идеала и дѣйствительности, который

намѣченъ Самимъ Господомъ, можно прійти къ тѣмъ заключеніямъ, къ какимъ мы пришли. Нельзя требовать отъ людей въ данный моментъ невозможнаго и по силѣ невыполнимыхъ требованій осуждать ихъ. И терминомъ „христіанское государство“ мы вовсе не думаемъ заявить, будто такое государство входитъ въ идею христіанскаго общественнаго совершенства и требуется имъ. *Такое названіе прилагается къ государству, считающему себя орудіемъ въ осуществленіи царства Христова и стремящемуся по мѣрѣ возможности служить идеалу царства Божія.* Такъ какъ указанное, по существу справедливое, выраженіе вызвано пониманіемъ словъ „христіанское государство“ въ смыслѣ „идеально-христіанское“, то мы согласны замѣнить такое сочетаніе понятій словами „христіанизированное государство“. Это значило бы, что государство можетъ проникаться началами Христова ученія, но не можетъ стать христіанскимъ, потому что послѣднее равносильно прекращенію существованія государства.

Какъ частный выводъ изъ перваго, возможно второе возраженіе. Выше сказано, что государство въ самыхъ своихъ мѣрахъ борьбы со зломъ должно приближаться къ церковной организаціи, т. е. къ такому состоянію, при которомъ принудительныя мѣры стали бы ненужны. Но вѣдь это значить ставить цѣлью государства уничтоженіе государства! Да, христіанское государство въ отличіе отъ языческаго имѣетъ свою цѣль не въ себѣ самомъ, а внѣ себя, въ осуществленіи царства Божія, и, конечно, съ достиженіемъ этой цѣли оно должно упраздниться, какъ совершенно излишнее, безцѣльное. Когда зданіе выстроено, лѣса ненужны, когда все кесарево растворяется въ Божіемъ, тогда первое исчезаетъ, и остается одинъ „Богъ—все во всемъ“.

Когда христіанство заставило признать языческую власть, что въ дѣлахъ вѣры надо повиноваться болѣе Богу, чѣмъ человѣку, тогда пала первая опора языческаго государства. Теперь предстоитъ христіанству изгнать языческій эгоизмъ изъ области права, изгнать, конечно, мѣрами духовными, „миромъ“ и „міромъ“. Но сломивши безусловное верховенство государственности и проникнувъ въ сферу правовыхъ отношеній, христіанство еще не можетъ сказать про себя, что оно побѣдило міръ. Міръ можетъ принять отъ христіан-

ства оба этихъ дара, отвергнувъ третій и самый цѣнный—идеаль царства Божія. И тогда христіанство окажется обманутымъ, ограбленнымъ, а обокравшее его государство не будетъ христіанскимъ, но можетъ оказаться даже вообще безбожнымъ. Глубочайшая сущность языческаго государства въ томъ, что оно хочетъ быть чисто-человѣческимъ. Внутренняя основа христіанскаго государства коренится въ томъ, что оно хочетъ быть царствомъ Бога, созданнымъ союзомъ свободныхъ личностей, объединенныхъ между собой съ Отцемъ Небеснымъ узами святой любви. Его идеаль божественно выразилъ Христосъ, когда молился о человѣчествѣ. „Да будутъ всѣ едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ едино, какъ Мы едино... та любовь, которой Ты возлюбилъ Меня, въ нихъ будетъ, и Я въ нихъ“¹⁾. Отсюда третье и самое важное дѣло міровой миссіи христіанства—сообщеніе народамъ христіанской религіозности, государствамъ—христіанскаго идеала для руководства въ дѣятельности. Христіанство только тогда окончательно побѣдитъ язычество въ государствѣ, когда, снявши государство съ божественнаго пьедестала, очистивъ его святой любовью, приведетъ его къ ногамъ христіанскаго Бога. Тогда государства быстро и свободно пойдутъ къ самоуничтоженію въ царствѣ Божіемъ. Правда, Евангеліе предупреждаетъ насъ, что до конца міровой исторіи будетъ существовать государственное устройство жизни²⁾, и знакомство съ человѣческой природой подтверждаетъ библейское пророчество, но Евангеліе же призываетъ насъ къ напряженному „исканію царства Божія и правды его“ и возбуждаетъ насъ молиться Богу: „да придетъ царствіе Твое“.

К. Григорьевъ.

¹⁾ Іоан. XVII, 21—22; 26.

²⁾ МѠ. XXIV.

Итоги суждений о штундизмѣ на Орловскомъ епархіальномъ миссіонерскомъ съѣздѣ.

Какъ извѣстно, въ г. Орлѣ съ 16 по 24 сентября минувшаго года происходилъ миссіонерскій съѣздъ, который былъ проектированъ и организованъ въ удовлетвореніе назрѣвшимъ потребностямъ исключительно Орловской епархіи. Но дѣйствительность превзошла всякія предположенія и ожиданія. вмѣсто чисто-мѣстнаго епархіальнаго съѣзда, по сообщенію „Орловск. Еп. Вѣдом.“ (1901 г. №№ 45 и 48), получился по составу своихъ членовъ областной, чтобы не сказать полувсероссійскій, съѣздъ. Значеніе его, конечно, лучше всего оцѣнить исторія. Но уже и теперь оно живо чувствуется. Въ составъ его вошли выдающіяся миссіонерскія силы отечественной Церкви. Здѣсь собрался цѣлый сонмъ ино-епархіальныхъ миссіонеровъ, извѣстныхъ своею опытностію и своими литературными трудами. Здѣсь присутствовали многіе ревнители православія, бывшіе прежде раскольниками и сектантами и на основаніи личныхъ опытовъ и наблюденій повѣдавшіе съѣзду немало новаго. Такимъ образомъ, было у кого и чему поучиться. Масса новыхъ свѣдѣній была сообщена не только по исторіи и обличенію расколо-сектантства, но и вообще по богословію и пастырской практикѣ. Справедливо поэтому многіе сельскіе священники называли Орловскій съѣздъ второю для нихъ семинаріею и даже академіею. Не говоримъ уже о томъ благотворномъ значеніи, какое имѣлъ съѣздъ для подъема миссіонерскаго духа среди священнослужителей епархіи. Послѣдніе теперь хорошо поняли, что дѣло миссіи не есть свободное художество однихъ присяжныхъ миссіонеровъ, а священный долгъ каждаго православнаго христіанина вообще, обязанность же пастырей Церкви и ихъ ближайшихъ сотрудниковъ въ особенности. Великую пользу принесъ съѣздъ и епархіальнымъ миссіонерамъ. Онъ восполнилъ ихъ теоретическія и практическія познанія, исправилъ

ошибки однихъ опытомъ другихъ, далъ имъ возможность разрѣшить всѣ свои сомнѣнія, недоумѣнія и затрудненія, установилъ между ними единство взглядовъ, пріемовъ и дѣйствій, укрѣпилъ тѣсную нравственную связь и влилъ въ ихъ душу новыя силы къ многотрудному и тернистому служенію на пользу Церкви и отечеству. Время, проведенное на съѣздѣ, оставило въ каждомъ изъ его участниковъ дорогія, никогда неизгладимыя, впечатлѣнія, и воспоминаніе о немъ будетъ для cadaго истиннымъ утѣшеніемъ и назиданіемъ на всю жизнь.

Отмѣтимъ резюмѣ сообщеній о штундизмѣ на Орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ. Названіе штундизмъ—научное и административное; въ народномъ же употребленіи слово это очень неопредѣленное. Штундою крестьяне иногда называютъ молоканство, хлыстовщину и другія секты. Сами штундисты не любятъ этого названія; они именуютъ себя „баптистами“, „евангелическими христіанами“, „евангелическо-баптистическаго вѣроисповѣданія“, „евангелической вѣры“, но только не штундистами. Объясняется это, съ одной стороны, тѣмъ, что названіе это—иноземное, а съ другой стороны, строгимъ закономъ 1894 года по отношенію именно къ штундѣ.

Въ настоящее время штунда существуетъ на югѣ Россіи, въ средней полосѣ ея и даже на сѣверѣ. Въ этомъ отношеніи на съѣздѣ было установлено, что Великороссія представляетъ не менѣе благоприятную почву для пропаганды штундизма, чѣмъ Малороссія. Быстрое распространеніе штунды объясняется самымъ характеромъ этой секты. Штунда—вѣра „голая“, легкая; она проповѣдуетъ спасеніе одною вѣрою, безъ добрыхъ дѣлъ. Глубоко вдохнуть въ себя Христа, вотъ что достаточно для спасенія съ точки зрѣнія штундистовъ. То обстоятельство, что въ штундизмѣ каждый членъ общины чувствуетъ себя живой силой, имѣетъ право говорить на собраніяхъ, располагаетъ къ нему сектантовъ даже другихъ направленій. Вообще прозелитизмъ составляетъ отличительную особенность этой секты.

Штунда имѣетъ правильно и хорошо организованную миссію. Нерѣдко собирающіяся у штундистовъ конференціи занимаются опредѣленіемъ вѣроученія и богослуженія, орга-

низациею сектантскихъ общинъ, но преимущественно дѣлами миссіонерскаго характера. Конференція избираетъ миссіонерскій комитетъ; а послѣдній, въ свою очередь, руководитъ миссіонерами и книгоношами, развѣзжающими по всей Россіи, и платитъ имъ деньги за проповѣдываніе, для чего располагаетъ миссіонерскимъ фондомъ. Помимо этихъ специальныхъ миссіонеровъ, всякій вообще способный штундистъ является проповѣдникомъ своей вѣры, что даетъ ему преимущество предъ рядовыми сектантами. Для пропаганды своего ученія штундисты пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ. Они проповѣдываютъ во время полевыхъ работъ, на фабрикахъ и заводахъ, около православныхъ святыхъ, куда стекается масса народа (напр. въ Кіевѣ), и даже въ тюрьмахъ. Способами пропаганды, кромѣ живого слова, являются: листики въ вопросо-отвѣтной формѣ и брошюры заграничнаго происхожденія, подчеркнутые экземпляры Библии, матеріальная и денежная помощь и т. п. Распространенію штунды благопріятствуютъ, съ одной стороны, показная добрая жизнь сектантовъ, ихъ „смиреннолукавствіе“ въ отношеніи къ преслѣдованіямъ, обаятельно дѣйствующія на православныхъ, а съ другой стороны, встрѣчающіеся недостатки самихъ православныхъ (пьянство, развратъ и проч.). Наконецъ, личныя отношенія пастыря къ пасомымъ иногда служатъ поводомъ къ отпаденію въ штунду.

Самая проповѣдь штундистовъ начинается съ критики церковной обрядности, съ отрицанія иконъ, храмовъ, іерархіи и т. п. Догматика штунды слишкомъ скудна и неопредѣленна, и поэтому не можетъ нравиться православнымъ. Тѣмъ не менѣе штунда сильна именно силою своего отрицанія, основаннаго будто бы на словѣ Божіемъ. Такая проповѣдь находитъ благопріятную почву среди нашего невѣжественнаго, незнающаго своей православной вѣры, просто-народья. Крестьянинъ ничего не можетъ возразить на подкрѣпленную цитатами изъ Библии рѣчь штундиста и сдается.

Въ отношеніи личной религіозной настроенности штундисты могутъ быть раздѣлены на три категоріи: 1) убѣжденные и усердные сектанты (такихъ немного—на десятокъ два), 2) эксплуататоры народнаго невѣжества, пройдохи, которые смотрятъ на штунду, какъ на профессію (слово миссіонера для нихъ недѣйствительно), 3) наконецъ, накипь, на-

гарь въ средѣ народной по освобожденіи крестьянъ, люди недовольные, протестующіе противъ общественнаго строя и условій современной жизни. Изъ недавнихъ уголовныхъ процессовъ видно, что сектанты послѣдней категории очень часто принимаютъ участіе въ фабричныхъ безпорядкахъ и другихъ народныхъ движеніяхъ. Очевидно, что считается съ ними—не миссіонерамъ.

У штундистовъ нѣтъ символическихъ книгъ. По словамъ штундистовъ, они почерпаютъ свое ученіе изъ слова Божія. При чтеніи его, они будто бы получаютъ откровеніе Божіе. Больше для спасенія ничего не нужно: ни іерархіи, ни тайнствъ и никакихъ обрядовъ. Это ученіе, отрицающее всю внѣшнюю сторону въ религіи, принадлежитъ той фракціи штундизма, которая извѣстна подъ именемъ „младоштундизма“ или „духовной штунды“. Богослужебныя собранія духовныхъ штундистовъ имѣютъ исключительно молитвенно-назидательный характеръ, состоятъ въ чтеніи и толкованіи св. Писанія, пѣніи духовныхъ стиховъ по разнымъ сборникамъ заграничной фабрикаціи, напр., „Голосъ вѣры“ и въ произнесеніи импровизированныхъ молитвъ съ преклоненіемъ колѣнъ. Но есть другая фракція штунды, болѣе старѣйшая,—это староштундизмъ, или штундо-баптизмъ, который имѣетъ у себя нѣчто въ родѣ іерархіи и нѣкоторые обряды, именно крещеніе и преломленіе хлѣба. Ближайшее изученіе штунды показываетъ, что нахальство, дерзость, презрѣніе и жестокосердіе къ православнымъ, богохульство, порицаніе православной святости—это обычныя явленія въ жизни штундистовъ, которыя и вызываютъ ненависть къ нимъ со стороны православныхъ, оскорбленныхъ въ своихъ религіозныхъ чувствахъ,—ненависть, иногда доходящую до кулачной расправы. Далѣе, въ семьѣ своей штундисты часто бываютъ деспотичны. Молодое поколѣніе среди штундистовъ, воспитанное внѣ Церкви, отличается полнымъ религіознымъ индифферентизмомъ и склонностью къ отрицанію всего, къ нигилизму. Штунда именно и страшна тою деморализаціею, которую она производитъ въ народной средѣ, живущей и дышащей одною вѣрою. Даже обратившійся изъ штундистовъ рѣдко бѣваетъ духовно вполне здоровъ; по большей части это—сухая смоковница.

Конечно, никто не можетъ утверждать, что штунда есть

секта исключительно социаль-политическая, поставившая своею специальною задачею разрѣшеніе социальныхъ и политическихъ вопросовъ; иначе это былъ бы социализмъ. Нельзя сказать, что эта секта только религіозная. Бывали случаи, когда штундисты, напр. въ Тамбовской губерніи, проповѣдывали, что царя долженъ выбирать народъ; а въ Екатеринославской губерніи они пытались, хотя и безуспѣшно, завести коммуны. Вообще, вслѣдствіе произвольнаго толкованія св. Писанія, у штундиста является масса незрѣлыхъ запросовъ, а жизнь не можетъ удовлетворить ихъ. Естественно, зарождается чувство недовольства, возмущенія. Штундизмъ раздражаетъ народные нервы, открывая широкій просторъ для изслѣдованія и не давая удовлетворенія; онъ создаетъ чувство недовольства жизнью, чувства противогосударственныя. Та церковная анархія, та свобода пониманія св. Писанія, какую мы видимъ въ штундизмѣ, при тяжелыхъ условіяхъ народной жизни, ставитъ штундистовъ друзьями нигилистовъ. Таковою же штунда признается и правительствомъ, какъ это видно изъ извѣстнаго циркуляра Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ 1894 году. Тамъ говорится, что штунда вноситъ смуту въ народную жизнь, порождаетъ смуту въ душѣ, семьѣ и обществѣ, воспитываетъ протестующее настроеніе и недовольство въ смыслѣ социальномъ. Но ни пастырь, ни миссіонеръ въ своихъ бесѣдахъ съ сектантами не должны касаться этой стороны въ штундизмѣ; иначе они внушатъ къ себѣ недовѣріе, предубѣжденіе, даже ненависть; лучшее средство для борьбы со штундою—это личный примѣръ добраго пастыря, любящаго свое дѣло и своихъ пасомыхъ, довѣріе и уваженіе къ нему со стороны прихожанъ и обличеніе сектантскихъ заблужденій, якобы обоснованныхъ на св. Писаніи, посредствомъ того же св. Писанія.

Жизни въ себѣ самой и будущности штунда не имѣетъ: она сама себя бьетъ своимъ произволомъ въ толкованіи св. Писанія. Уже теперь вслѣдствіе этого она раздробилась на массу толковъ. Въ недалекомъ же будущемъ она разрѣшится или полнымъ религіознымъ индифферентизмомъ, или возвращеніемъ въ лоно православія. Дай бы Богъ, чтобы заблудшіеся возвратились „во дворъ овчій“! ¹⁾

¹⁾ «Кіев. Епар. Вѣд.»

Значеніе школьнаго образованія въ дѣлѣ противораскольничьей миссіи ¹⁾.

СОВРЕМЕННОЕ состояніе раскола не богато какими-либо крупными внѣшними движеніями и перемѣнами. Оно болѣе интересно со стороны внутренней его жизни, въ которой, несмотря на ея кажущуюся неподвижность, постоянно идетъ движеніе въ какую-либо сторону, сообразно такъ или иначе сложившимся для раскола условіямъ въ извѣстной мѣстности. Прежде всего, стало быть, трудно говорить о состояніи раскола вообще. Съ большимъ правомъ и удобствомъ можно подѣлиться своими наблюденіями надъ жизнію раскола въ одномъ небольшомъ районѣ. Мой приходъ села Тихонова, Калужскаго уѣзда, въ этомъ случаѣ особенно удобенъ. Небольшой по пространству, онъ представляется однако очень значительнымъ по количеству раскольниковъ (болѣе 4000), являясь вторымъ послѣ г. Боровска центромъ раскола въ Калужской епархіи. Притомъ же на немъ успѣла уже въ извѣстной степени отразиться дѣятельность и епархіальной миссіи и приходскаго духовенства. Фанатизмъ и нетерпимость къ православію совершенно исчезли въ массѣ современныхъ намъ раскольниковъ и отошли уже въ область исторіи. Въ нашемъ приходѣ нѣтъ и за послѣдніе десять лѣтъ не было ни одного случая оскорбленія раскольниками православнаго священника, нарушенія порядка при церковныхъ торжествахъ, или чего-нибудь тому подобнаго. Можно сказать болѣе этого, современные раскольники не только не фанатичны, но въ большинствѣ и не тверды въ своей вѣрѣ и далеко не крѣпко убѣждены въ несомнительности своего священства. Бесѣды, въ началѣ привлекавшія къ себѣ горячее вниманіе раскольниковъ, теперь для нихъ мало уже интересны, такъ какъ

¹⁾ Докладъ Калужскому миссіонерскому съѣзду.

они увѣрены, что съ теоретической стороны на бесѣдахъ всегда ожидаетъ ихъ пораженіе, что они не могутъ доказать законности своего отдѣленія отъ Церкви. Однако, несмотря на это, движеніе въ православіе еще очень слабо; 10—20 присоединеній въ годъ изъ 4 т. душъ нашего прихода не могутъ бороться съ естественнымъ приростомъ населенія, и расколъ годъ-отъ-году численно умножается. Невольно приходится задуматься православному пастырю-миссіонеру, какова причина такой устойчивости и живучести раскола.

Отвѣта на это нужно искать въ наблюденіяхъ надъ внутреннею жизнью раскольниковъ. Расколъ, правда, расшатанъ съ теоретической стороны, но кто изъ простыхъ русскихъ людей, не только раскольниковъ, но и православныхъ, придаетъ большое значеніе этой сторонѣ своихъ вѣрованій? При сплошномъ невѣжествѣ и неразвитости нашихъ крестьянъ нельзя ожидать, чтобы они перемѣняли свое вѣроисповѣданіе изъ-за убѣжденій въ его догматической несостоятельности. Мы говоримъ раскольниковъ: „священство ваше не истинно, безблагодатно“, а они хорошо не представляютъ, что такое священство, благодать и т. д. Мы разъясняемъ имъ эти понятія, а они не могутъ сами убѣдиться, что мы говоримъ правду, на слово же намъ вѣрить для нихъ нѣтъ никакихъ основаній. Отсюда получается такой печальный результатъ нашихъ бесѣдъ: раскольники часто бываютъ вынуждены на бесѣдѣ признать свою несостоятельность, а массовыхъ обращеній всетаки нѣтъ, а если кто обращается, то большею частію не вслѣдствіе бесѣдъ, а подъ какими-либо другими вліяніями.

Объяснить это явленіе можно ничѣмъ инымъ, какъ односторонностью нашей миссіи. Религіозная жизнь раскольниковъ основана и питается не догматическими ученіями, а строгимъ и истовымъ соблюденіемъ обрядовъ и богослуженія и выдержанностію внѣшняго порядка жизни. Всѣмъ извѣстно, съ какою любовію и тщаніемъ раскольники кладутъ на себѣ крестное знаменіе; приступаютъ ли они къ пищѣ и питью, входятъ ли въ домъ, они обязательно истово крестятся нѣсколько разъ, а входя въ храмъ, они кладутъ извѣстное количество крестовъ и съ опредѣленными молитвами, съ четками въ рукахъ и подручниками. Приходитъ постъ: всѣ они не только взрослые, но даже и маленькія дѣти ѣдятъ

сухую пищу безъ масла два раза въ день, а во время говѣнія и одинъ разъ. Въ храмѣ раскольники стоятъ чинно или сложивъ руки на груди, или крестясь и кланяясь вслѣдъ за уставщиками дружно, всѣ вмѣстѣ. Все это они совершаютъ съ любовію, видя въ строгомъ соблюденіи всѣхъ обрядностей и постовъ главное условіе для своего спасенія. И попы ихъ на исповѣди спрашиваютъ о постахъ да поклонахъ, и мать маленькихъ дѣтей учить тому же. Весь складъ ихъ жизни выдержанъ въ обрядовомъ духѣ.

Глядя на православныхъ, раскольники находятъ у нихъ совсѣмъ не то отношеніе къ основамъ ихъ религіозной жизни, какъ у себя. У православныхъ не только мірскіе люди, но и священники не обнаруживаютъ такой любви къ обрядности и постамъ; у нихъ рѣдко бываетъ епитимія за плохое говѣніе. Такимъ образомъ, раскольники съ своей точки зрѣнія имѣютъ всѣ данныя для того, чтобы считать себя правыми, вѣру свою лучшею и не обращать большого вниманія на пораженія своихъ начетчиковъ на бесѣдахъ. Впрочемъ пораженія эти не мѣшаютъ начетчикамъ сохранять свое значеніе. Придя домой съ бесѣды, они найдутъ, чѣмъ оправдаться предъ своими, потому что будутъ говорить не о вопросахъ, разбиравшихся на бесѣдѣ, а о несостоятельности православія въ томъ или другомъ отношеніи. Кромѣ того, начетчики, уставщики и молеельницы до самаго послѣдняго времени состояли единственными учителями и воспитателями всѣхъ дѣтей состоятельныхъ раскольниковъ. Ученіе это состоитъ въ заучиваніи каноновъ и чтеніи Псалтири и въ развитіи въ дѣтяхъ духа нетерпимости и противленія православію. Ученики такихъ школъ, дѣлаясь взрослыми, теряютъ, конечно, постепенно внушенный имъ духъ нетерпимости, но сохраняютъ недовѣріе къ Церкви.

Итакъ, и семейное воспитаніе, и школьное-раскольничье, и вліяніе поповъ, все это вмѣстѣ образовываетъ въ современномъ раскольникѣ тотъ душевный складъ, который даетъ ему силу противостоять условіямъ православной миссіи и дѣлаетъ его спокойнымъ за правильность его пути ко спасенію.

Поэтому борьба съ расколомъ должна носить характеръ столь же сложный, какъ сложны тѣ условія, въ которыхъ живутъ раскольники. Главный факторъ устойчивости рас-

кола—семейное воспитаніе; стало быть, и главнымъ средствомъ борьбы съ нимъ нужно считать воспитаніе же дѣтей раскольниковъ въ сельскихъ школахъ въ духѣ православія. Такимъ образомъ, школы въ дѣлѣ возвращенія раскольниковъ въ лоно православной Церкви нужны прежде всего; безъ школъ мы никогда не достигнемъ массоваго обращенія старообрядцевъ, потому что однѣ бесѣды не могутъ этого сдѣлать, онѣ не могутъ перевоспитать населенія; безъ школъ мы не будемъ имѣть на бесѣдахъ такихъ слушателей, которые могли бы сознательно отнестись къ нашимъ словамъ и путемъ самостоятельной провѣрки нашихъ положеній придти къ православію.

Многіе могутъ сказать, что никто и не думаетъ оспаривать значеніе школъ, и что школы уже есть почти во всѣхъ селеніяхъ, зараженныхъ расколомъ. Дѣйствительно, школы есть, и онѣ во всякомъ случаѣ полезны для дѣла миссіи,—это безспорно, но такова ли польза отъ этихъ школъ, которой можно бы достигнуть чрезъ нихъ, такъ ли онѣ поставлены, какъ это нужно для торжества православія? Такъ какъ у насъ существуютъ два типа школъ: земскія и церковно-приходскія, то прежде всего возникаетъ вопросъ, какія изъ нихъ должны быть признаны болѣе полезными въ раскольнической мѣстности. Конечно, церковно-приходскія. Въ земскихъ школахъ Законъ Божій болѣею частью въ загонѣ, на третьемъ мѣстѣ, славянское чтеніе ведется только по Евангелію и самымъ небрежнымъ образомъ, пѣнія почти совсѣмъ нѣтъ, въ богослуженіи дѣти не только не участвуютъ, но цѣлой школой рѣдко бываютъ. Такая постановка учебнаго воспитательнаго дѣла въ большинствѣ земскихъ школъ совсѣмъ непригодна въ раскольничьей мѣстности. Грамотность сама по себѣ есть только орудіе знанія. Этимъ орудіемъ грамотный можетъ воспользоваться и въ другую сторону, можетъ читать Швецова, Усова, подпольныя раскольничьи изданія и тому подобное. Въ Боровскѣ все юношество обучается въ городскихъ школахъ, съ курсомъ болѣе обширнымъ, чѣмъ простыя земскія школы, и раскольничья молодежь, по отзыву отчета боровскихъ миссіонеровъ, не только не приближается къ православію, но, что еще хуже, впадаетъ въ религіозный индифферентизмъ. Совсѣмъ другое представляютъ школы цер-

ковно-приходскія. Въ нихъ священникъ полный хозяинъ, отъ него зависитъ все направленіе школьнаго дѣла. При преподаваніи Закона Божія онъ можетъ и долженъ внушить дѣтямъ правильное отношеніе къ обрядамъ, особенно къ крестному знаменію, образовать въ нихъ должное почтеніе къ догматической сторонѣ христіанскаго вѣроученія, подробно изучивъ съ ними вопросъ о Церкви, ея признакахъ, необходимости принадлежать къ ней, о непрерывности іерархіи и о таинствахъ. Славянское чтеніе въ церковныхъ школахъ начинается съ Псалтири, продолжается Часословомъ и оканчивается Евангеліемъ, и уже этимъ школа пріобрѣтаетъ симпатіи раскольниковъ. Церковное пѣніе, обязательное въ церковныхъ школахъ, даетъ возможность пріохотить дѣтей къ православному богослуженію. Мнѣ приходилось наблюдать, какъ въ школѣ дѣти постепенно отвыкали отъ своихъ прежнихъ привычекъ, какъ чрезъ два-три мѣсяца имъ начинала казаться странной раскольниковъ манера пѣть въ носъ и въ одинъ голосъ. Наконецъ, если возможно, священникъ безъ насильственныхъ мѣръ можетъ привлечь раскольниковъ дѣтей къ православному богослуженію и даже къ участію въ немъ, или приводя ихъ въ храмъ, или, при отдаленности храма, совершая нѣкоторыя службы въ школѣ. Всѣ эти мѣры, если онѣ проводятся мягко, любовно и старательно, и не сопровождаются грубымъ обличеніемъ раскола, могутъ произвести полный переворотъ въ дѣтяхъ старообрядцевъ. *Опытъ только доказалъ, что собственно полемики съ расколомъ вести въ школѣ никакъ нельзя.* Стоитъ законоучителю допустить двѣ-три не тактичныхъ выходки противъ раскола, и довѣріе къ школѣ пропало. Дѣти и ихъ родители стануть держаться настойчиво и будутъ противиться всякому участію въ православныхъ службахъ. Въ этомъ случаѣ нужна величайшая осторожность и терпѣливость.

Такимъ образомъ, и одноклассныя церковно-приходскія школы, несмотря на краткость ихъ курса, могутъ принести громадную пользу: онѣ разсѣяютъ нѣсколько мглу невѣжества, пріобрѣтутъ любовь населенія своей постановкой, уменьшаютъ недовѣріе къ православной Церкви, разрушаютъ отчасти пренебреженіе догматической стороной религіи;

однимъ словомъ,—почти совсѣмъ перевоспитають молодое поколѣніе.

Обращаясь къ своему приходу, я къ сожалѣнію не могу сказать, что школьное дѣло стоитъ въ немъ такъ, какъ слѣдовало бы, хотя я съ самаго поступленія на приходъ держался того убѣжденія, что съ расколомъ можно успѣшно бороться только школьнымъ путемъ¹⁾.

Кромѣ нѣсколькихъ одноклассныхъ, въ моемъ приходѣ есть еще одна второклассная мужская школа. Безъ всякаго сомнѣнія, второклассныя школы могутъ принести еще болѣе пользы для дѣла миссіи. Въ нихъ налицо всѣ благопріятныя условія для воспитанія дѣтей раскольниковъ: и расширенный кругъ преподаванія Закона Божія съ возможностью изученія краткой исторіи раскола, и сравнительно болѣе высокий уровень развитія дѣтей, и, наконецъ, что главнѣе всего, жизнь ихъ внѣ семьи (въ общежитіи). Пройдетъ два-три мѣсяца жизни раскольниковъ въ школѣ, какъ они станутъ глядѣть уже совершенно другими. Въ школѣ образуется своя семья съ своими привычками и обычаями, съ общими молитвами, общимъ хожденіемъ въ храмъ и религиозно-

¹⁾ Тогда, 8½ лѣтъ тому назадъ, въ моемъ приходѣ было только 3 школы, изъ нихъ двѣ земскія, съ 180 учащимися изъ раскольниковъ. Надо было открывать новыя школы и строить для нихъ зданія. Раскольники, услышавъ названіе „церковная школа“, не давали сначала не только денегъ, но даже и земли. Пришлось нѣсколько разъ убѣждать ихъ на сходахъ, просить содѣйствія властей, пока, наконецъ, они подписали приговоръ на землю. Еще больше было трудовъ по изысканію средствъ на постройку. Епархіальный Училищный Совѣтъ не обладаетъ для этого достаточными средствами и можетъ отпускать только пособія, братство св. ап. Іоанна Богослова тоже не изъ богатыхъ и могло отпустить только 200 руб. Но съ Божьею помощью были все-таки выстроены три новыя зданія, и куплено четвертое, такъ что въ настоящее время въ моемъ приходѣ 7 школъ съ 600 учащимися, изъ которыхъ около 400 дѣтей раскольниковъ. Но изъ этихъ семи школъ двѣ школы земскихъ и двѣ школы грамоты, хотя въ каждой изъ нихъ болѣе 40 человекъ учащихся. Въ двухъ церковно-приходскихъ школахъ все обученіе ведется однѣми учительницами, мало знакомыми съ расколомъ и задачами православной миссіи. Поэтому, еще два года назадъ, мы возбуждали ходатайство объ открытіи при нашемъ приходѣ третьяго священническаго мѣста съ усиленнымъ содержаніемъ для того, чтобы на это мѣсто былъ присланъ достойный кандидатъ для преподаванія Закона Божія въ школахъ съ раскольниками. До сихъ поръ это ходатайство остается безъ отвѣта.

правственными чтеніями. Въ Тихоновской второклассной школѣ, существующей уже четыре года, есть достаточный опытъ, чтобы на основаніи его утверждать, что ни одинъ раскольникъ изъ нее не выйдетъ твердымъ въ своей вѣрѣ. Уже двое школьниковъ присоединились къ православію, многіе готовы на это въ душѣ, но не могутъ преодолѣть нежеланія родителей. Находятся и такіе изъ нихъ, которые согласны присоединиться противъ воли родителей, но, во избѣжаніе семейныхъ драмъ и озлобленія противъ школы, мы убѣждаемъ ихъ терпѣливо дожидаться удобнаго времени. Даже на родителей-то своихъ такія дѣти имѣютъ доброе вліяніе. И не обращая вниманія на такое дѣйствіе школы, раскольники не перестаютъ отдавать своихъ дѣтей въ нее. Сначала, въ первый годъ существованія школы, ученики-раскольники не ходили въ храмъ, нѣкоторые не молились на общей молитвѣ. Мы нарочно предупреждали ихъ, что въ этомъ случаѣ они свободны, что мы не требуемъ отъ нихъ участія въ нашихъ службахъ и молитвахъ. И вотъ одинъ за другимъ, они постепенно всѣ и во всемъ стали подражать православнымъ, стали просить насъ о допущеніи ихъ къ чтенію въ храмѣ, что мы и дозволили съ согласія ихъ родителей. Потомъ къ этимъ уже привыкшимъ мальчикамъ-раскольникамъ стали присоединяться и вновь поступающіе, такъ что теперь безъ всякихъ усилій учащихъ школа уже однимъ порядкомъ своей жизни вліяетъ на дѣтей. Къ сожалѣнію спеціальное назначеніе второклассныхъ школъ было причиной того, что въ новомъ положеніи объ этихъ школахъ находится запрещеніе принимать въ нихъ раскольниковъ, какъ не могущихъ быть впослѣдствіи учителями. Между тѣмъ, у насъ былъ уже случай обращенія окончившаго курсъ и поступленія его въ учительскую школу. Поэтому желательно ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о разрѣшеніи дѣтямъ раскольниковъ и впредь поступать въ Тихоновскую второклассную школу.

Изобразивъ, насколько возможно, условія успѣха миссіонерской дѣятельности школъ, я хотѣлъ бы обратить вниманіе еще на одну сторону этого дѣла. До сего времени во всѣхъ школахъ дѣвочекъ учится много менѣе, чѣмъ мальчиковъ. А всѣмъ извѣстно, что женщина въ расколѣ пред-

ставляетъ большую силу. Онѣ болѣ консервативны и менѣ развиты, чѣмъ мужчины. Живя въ мірѣ предрасудковъ и суевѣрій, не зная грамоты, онѣ особенно свято соблюдаютъ обряды, часто доходя въ этомъ до мелочности, а потому никогда не чувствуютъ и не замѣчаютъ недостатковъ своей вѣры. Поэтому-то для нихъ не менѣ, чѣмъ для мужчинъ, необходимо школьное образованіе ¹⁾, а потому въ приходсахъ, съ расколосектантскимъ населеніемъ обязательно должны быть заводимы женскія школы, которыя должны перевоспитать молодое поколѣніе женской половины раскола, тогда послѣдній зашатается и самъ падетъ.

Свящ. с. Тихонова *Леонидъ Смирновъ.*

¹⁾ Эта мысль нашла уже себѣ признаніе въ учрежденіи Боровской второклассной женской школы. Тоже предстоитъ сдѣлать и въ моемъ приходѣ, второмъ послѣ Боровска центрѣ раскола. Въ настоящее время крестьяне деревни Дворца дали, наконецъ, надлежащій приговоръ объ отводѣ земли подъ двухклассную женскую церковь-школу. О средствахъ на устройство этой школы заботится нашъ преосвященнѣйшій Веніаминъ, такъ что есть надежда на скорое ея осуществленіе. Выше уже говорилось о благотворномъ вліяніи посѣщенія школьниками богослуженія. Теперѣ могу только прибавить, что трудно будетъ привлечь дѣтей раскольниковъ деревни Дворца ходить въ Тихоновскій храмъ; если же храмъ будетъ въ самомъ Дворцѣ, то не только дѣти, но и многіе изъ родителей ихъ охотно будутъ посѣщать его, а такимъ путемъ придутъ и къ соединенію съ православною Церковью.

Поѣздка раскольничьей депутаціи на Востокъ въ 1900 г. ¹⁾.

14 апрѣля прибыли въ Константинополь. Справившись съ формальностями придирчиваго турецкаго таможеннаго осмотра, мы отправились въ самую центральную часть города и остановились въ отелѣ на главной улицѣ Пера. Первый день посвященъ былъ ознакомленію съ городомъ, чтобы сразу намъ было удобно освоиться.

Въ гостинницѣ мы встрѣтили миссіонера-грека, говорящаго по-русски. Въ этотъ же день намъ удалось найти другого человѣка—грека, болѣе почтеннаго и заслуживающаго довѣрія, жившаго когда-то въ Россіи и свободно владѣющаго русскимъ языкомъ, котораго мы и пригласили съ утра на слѣдующій день служить намъ въ случаѣ надобности переводчикомъ.

Въ субботу 15 апрѣля въ 9 час. утра мы отправились въ сопровожденіи переводчика въ Фанарь (такъ называется митрополія, гдѣ живетъ вселенскій греческій патріархъ). Пройдя сначала по улицѣ, по которой мы спустились съ высоты Пера книзу—въ Галату, на набережную Золотого Рога, по которому постоянно снуютъ тысячи шлюпокъ и небольшихъ пароходиковъ, постоянно переполненныхъ народомъ, садимся на пароходикъ, чтобы пересѣчь на немъ Золотой Рогъ и выйти въ Стамбуль (старый городъ), гдѣ находится Фанарь. Вдругъ на пароходѣ среди пассажировъ видимъ сидящихъ трехъ греческихъ священниковъ; подходимъ къ нимъ и черезъ переводчика вступаемъ въ разговоръ. Всѣ трое среднихъ лѣтъ, замѣчательно то, что они своей виѣшностью, благообразными манерами и вѣжливостью неволью располагали къ себѣ. Очень заинтересовавшись нами, какъ русскими путешественниками изъ такого дальняго края Россіи, какъ Уралъ, они съ другой стороны паро-

¹⁾ См. „Мисс. Обзор.“, 1902 г. май, стр. 871.

хода пригласили сидѣвшаго тамъ четвертаго уже священника—монаха, который не замедлилъ тутъ же къ намъ придти и, къ удивленію и удовольствію нашему, заговорилъ съ нами по-русски. Этотъ священникъ, также среднихъ лѣтъ, и, можно сказать, обладающій необыкновенно располагающей къ нему внѣшностью, оказался человѣкомъ изучившимъ и кончившимъ высшую науку по богословію. У насъ сразу, тутъ же на пароходѣ, завязались самыя оживленные разговоры не только съ нимъ, но со всѣми ими. При посредствѣ его и нашего переводчика, разговоръ былъ общій. Въ началѣ разговора мы умолчали о серьезной цѣли нашего любопытства и о томъ, что мы—старообрядцы, чего не зналъ даже и переводчикъ нашъ; мы объяснили простымъ интересомъ путешественниковъ увидѣть Фанаръ и осмотрѣть древнюю патриаршую церковь, на что они любезно предложили намъ свое полное содѣйствіе. Съ изъ-подъ-тиха разговоръ подошелъ къ существующей разности служебной и обрядовой между греческой и русской Церквами, — разности пѣнія: въ греческой Церкви введено древнее носовое пѣніе, и ни подъ какимъ видомъ не допускается введенное въ Россіи итальянское партесное пѣніе, которое они считаютъ неприличнымъ нововводствомъ. Греки также избѣгаютъ и живописи картинной итальянской; тогда какъ у насъ, въ Россіи, въ продолженіи громаднаго періода времени, итальянская живопись была столь излюбленной, что ею наполнены всѣ церкви. Лишь за послѣдніе 10—12 лѣтъ начали отъ итальянской живописи отставать и постепенно приближаться къ древне-греческому византійскому стилю, доказательствомъ чего служить новый Кіевскій соборъ, Самарскій соборъ и много другихъ новыхъ церквей. Затѣмъ разговоръ перешелъ на обрядъ крещенія, и когда они услышали отъ насъ только допускаемое нами предположеніе о возможности обливательнонаго крещенія въ ихъ греческой Церкви, то они всѣ съ сильнымъ рѣзкимъ отпоромъ заявили, что нигдѣ и никогда греческій священникъ, ни въ какой странѣ, ни въ какой Церкви, не можетъ окрестить обливательно, такъ какъ въ этомъ вопросѣ греческая Церковь очень строго всегда смотрѣла на латинское обливательно крещеніе, и священникъ никакой не рѣшится это допустить, и если бы допустилъ, то будетъ наказанъ. Они знаютъ, что въ Россіи на облива-

тельное крещеніе смотрятъ гораздо снисходительнѣе, и они имѣютъ понятіе, что въ западномъ краѣ безусловно допускается обливаніе среди бывшихъ уніатовъ. Но въ греческой Церкви существуетъ только лишь цѣлый рядъ соборныхъ постановленій, осуждающихъ латинское обливаніе и подтверждающихъ греческимъ священникамъ не только крестить трехпогружательно, но и присоединяющихся католиковъ принимать первымъ чиномъ, т. е. совершенно крестить. На нашъ вопросъ, какимъ чиномъ греческая Церковь принимаетъ католиковъ,—они отвѣтили: всегда и всюду въ Греціи принимали однимъ первымъ чиномъ, т. е. совершенно крестили; но, съ сожалѣніемъ и съ сознаниемъ отступленія отъ существующихъ правилъ, они должны съ грустью сознаться, что за самое послѣднее время, т. е. лѣтъ 10—15, были случаи принятія вторымъ чиномъ, подъ мвропомазаніе, и что причинами къ этому послужили очень многочисленнѣйшія и серьезныя обстоятельства, которыхъ не могли обойти.

Пароходикъ присталъ къ пристани, и мы всѣ въ сопровожденіи нашихъ духовныхъ спутниковъ отправились пѣшкомъ въ Фанаръ, до котораго отъ пристани было уже недалеко. Наши спутники провели насъ прямо въ канцелярію патріарха, гдѣ мы застали нѣсколько еще духовныхъ лицъ чернаго духовенства, которому мы при входѣ раскланялись, и затѣмъ насъ представили сидящему за письменнымъ столомъ за бумагами, видимо, высшему духовному чину надъ другими; этотъ оказался такъ называемый протосингелъ патріарха ¹⁾.

Этотъ человѣкъ, также еще не старый, съ привѣтливымъ добрымъ выраженіемъ лица, сейчасъ же оставившій видимо неоконченную свою работу, съ большой любезностью предложилъ намъ сѣсть и просилъ насъ высказать причину и цѣль нашего посѣщенія. Въ это время вошелъ свѣтскій, среднихъ лѣтъ человѣкъ, и сейчасъ же заговорилъ съ нами отлично русскимъ языкомъ. Мы немало поразились тѣмъ, что такъ скоро мы встрѣтили уже двухъ человѣкъ, говорившихъ по-русски. Это оказался секретарь патріарха, также грекъ, но по чистому выговору едвали можно отличить

¹⁾ Какъ извѣстно, до назначенія на Босно-Сараевскую кафедру митр. Амвросій занималъ именно эту должность при патріархѣ. ☩

его отъ настоящаго русскаго человѣка. Прошло лишь нѣсколько минутъ, какъ мы сидѣли совершенно непринужденно, окруженные отцомъ протосингеломъ, отцомъ богословомъ, встрѣтившимся на пароходѣ, секретаремъ, тремя священниками, приведшими съ парохода, и нѣсколькими еще бывшими до насъ въ канцеляріи. Они очень заинтересовались нами, какъ русскими людьми, пріѣхавшими изъ глубины передъ-сибирской Россіи, предпринявшими столь далекое путешествіе, и высказывали удовольствіе нашему любопытству, которое дало возможность и имъ послушать насъ о далекомъ и неизвѣстномъ имъ краѣ Россіи.

Исподволь разговоръ перешелъ на интересующій насъ вопросъ о крещеніи и, услышавши отъ насъ легкость сужденій о допущеніи нами предположенія только, что греки могутъ допустить обливаніе, мы получили рѣзкій, горячій отпоръ какъ отъ протосингела, такъ и отъ секретаря, которые опредѣленно, твердо заявили то же самое, что намъ высказалъ богословъ. Они высказали, что греческой Церковью неукоснительно, твердо содержится одно изъ самыхъ главныхъ таинствъ, какъ таинство крещенія, и никто изъ священниковъ никогда не рѣшится сдѣлать нарушеніе онаго и совершить крещеніе обливательно, по-латынски, и допущеніе такого измѣненія въ таинствѣ столь серьезномъ неминуемо было бы жестоко наказано. И если бы такъ легко начала относиться греческая Церковь къ своимъ основамъ, то чѣмъ же бы она могла противодѣйствовать въ борьбѣ за восточное православіе, представителемъ котораго она является столько вѣковъ на землѣ, терпя и прежде и сейчасъ нападки враговъ своихъ, утѣшенія и отъ мусульманскихъ властителей, и отъ всесвѣтнаго вліянія папъ римскихъ, и даже отъ немалаго въ различныхъ вопросахъ тяжелаго подчасъ давленія и россійскаго синодальнаго управленія. Къ правильному совершенію таинства крещенія, согласно правиламъ и уставамъ Церкви, греческая Церковь не можетъ относиться безразлично, и она еще настолько сильна, что имѣетъ возможность наблюдать за своими священнослужителями, а потому они твердо заявляютъ и утверждаютъ, что обливательно крещеніе во всей греческой Церкви не совершается иначе, какъ только *тремяпругжателью*. Присутствовавшій тутъ священникъ патріаршей церкви заявилъ,

что у него назавтра послѣ обѣдни крещеніе младенца, что было для насъ очень кстати.

Относительно же принятія католиковъ они объяснили, что долго греческая Церковь крѣпилась и принимала ихъ только первымъ чиномъ, но вслѣдствіе очень многосложныхъ причинъ и обстоятельствъ самаго разнообразнаго свойства за послѣдніе годы стали принимать вторымъ чиномъ подъ мѣропомазаніе, — подобные единичные случаи были допущены никакъ не больше лѣтъ 15 — 20 тому назадъ, а участились со времени присоединенія послѣдней греческой принцессы, лѣтъ 8 тому назадъ, которую пришлось принять, подъ политическимъ давленіемъ вторымъ чиномъ. Никакого соборнаго или патріаршаго постановленія объ этомъ составлено не было и его не существуетъ. Между многими причинами этого нарушенія правилъ, главную заключаетъ въ давленіи російскаго синода и тяжелаго изолированнаго положенія греческой Церкви, не имѣющей ни откуда поддержки, а отовсюду только получающей ограниченіе и преграды къ ея вліянію и развитію. И дабы не допустить совершенную преграду къ присоединенію въ ея лоно заблуждающихся, и имѣя въ виду многія исключенія, бывшія допущенными и святыми отцами Церкви ради единенія церковнаго и привлеченія къ Церкви Христовой еретиковъ, рѣшились сдѣлать, скрѣпя сердце, эту уступку, расходящуюся безусловно съ правилами, чего не сознать по совѣсти они не могутъ.

Затѣмъ мы повѣдали, что мы — старообрядцы и задались цѣлью узнать, во что бы то ни стало, сущность совершенія и въ данное время греческой Церковью и таинствъ и обрядовъ и вообще самолично увидѣть всю суть современнаго состоянія греческой Церкви; для этого мы ходатайствуемъ и просимъ доложить его святѣйшему патріарху не отказать людямъ, желающимъ одной только истины и утвержденія въ ней, не отказать дать намъ аудіенцію, т. е. принять лично насъ и не лишитъ насъ удовлетворить на наши вопросы отвѣтами по интересующимъ насъ предметамъ, по истинѣ и правдѣ, которыхъ онъ долженъ быть высокимъ представителемъ въ его великомъ святительскомъ санѣ.

Отецъ протосингелъ и секретарь, переговоривши между собой, порѣшили сейчасъ же доложить его святѣйшему,

и секретарь вышелъ во внутреннія комнаты на половину патріарха.

Мы же возбудили вопросъ о митрополитѣ Амвросіи, прося отца протосиангела именемъ Бога не отказать, по совѣсти передъ Богомъ, высказать откровенно все то, что ему извѣстно объ этомъ святителѣ, ушедшемъ изъ ихъ Церкви къ старообрядцамъ русскимъ; безъ задней какой-нибудь затаенной мысли сказать только одну правду, былъ ли митрополитъ Амвросій до перехода къ старообрядцамъ или послѣ запрещенъ или изверженъ изъ сана. Ушедши сохранилъ ли онъ преемственность хиротоніи или потерялъ оную? И какъ греческая Церковь можетъ считать происшедшихъ отъ него священниковъ, -- священниками ли, имѣющими преемственность хиротоніи, или же лжепопами? Въ случаѣ бы присоединенія къ греческой Церкви священника такового, можно ли его принять священникомъ или простецомъ только? Въ это время вернулся секретарь и отвѣтилъ: „его святѣйшество, снисходя къ вашей просьбѣ, принять васъ не отказывается и предлагаетъ вамъ съ этой цѣлью явиться послѣзавтра, въ понедѣльникъ, 17-го апрѣля, утромъ, часовъ въ 11-ть“.

Затѣмъ отецъ протосингелъ и секретарь высказали намъ совѣтъ изложить кратко и сжато письменно, хотя бы въ формѣ докладной записки тѣ вопросы, какіе мы только словесно высказали, и на какія намъ желательно получить отвѣтъ отъ патріарха, обѣщая, по мѣрѣ возможности, насъ удовлетворить и предварительно съ нашихъ словъ обѣщали передать его святѣйшеству патріарху. Не входя больше сегодня въ разговоры, мы поблагодарили за столь доброе къ намъ отношеніе и простившись со столь добрыми для насъ духовными лицами греческаго патріарха, отправились съ посланнымъ съ нами псаломщикомъ осмотрѣть находящуюся тутъ же патріаршую церковь, войдя въ которую, мы были пріятно поражены ея благолѣпіемъ. Всѣ иконы древняго греческаго письма. Ни одной иконы итальянской живописи. У задней стѣны и съ боковъ хоры, огороженные рѣшоткой, тамъ стоятъ женщины отдѣльно отъ мужчинъ. Въ общемъ въ греческихъ церквахъ женщины всегда стоятъ отдѣльно. На правой сторонѣ церкви находится деревянная рѣзная кафедра патріарха, которая будто-бы отъ временъ

св. Іоанна Златоуста и. по преданію, будто бы его своеручной работы. Каменный столбъ, къ которому будто бы былъ привязанъ Христосъ во время мученій.

На слѣдующій день, въ воскресенье 16 апрѣля, въ половинѣ восьмого утра, мы уже снова были въ патріаршей церкви, чтобы послушать обѣдню. Только что начали читать часы. Чтеніе продолжительное, внятное, неторопливое, видимо, безъ пропусковъ. Къ началу обѣдни входъ патріарха, котораго духовенство встрѣчаетъ на паперти, гдѣ возлагаютъ на него соборную мантію; онъ, идя къ своему мѣсту, съ посохомъ, на каедру или тронъ, благословляетъ присутствующихъ. Все время обѣдни онъ остается тутъ, такъ какъ самъ не служитъ. Временами садится. Служеніе обѣдни, почти до 11 час., совершается очень чинно, пѣніе сильно носовое, особенное отъ всякаго извѣстнаго намъ пѣнія. Больше подходитъ оно къ древнему столповому, чѣмъ къ партесному, которое въ греческихъ церквахъ не принято. Съ обрядовой стороны почти ничего особеннаго не выдается, лишь евангеліе дьяконъ читаетъ съ особаго для того возвышеннаго мѣста, устроеннаго съ лѣвой стороны, противъ мѣста патріарха, и когда онъ туда съ Евангеліемъ идетъ, то ему предшествуютъ 4 стихарныхъ мальчика-псаломщика. Мы простояли всю обѣдню до конца, и на насъ произвело служеніе самое благопріятное впечатлѣніе. Личность патріарха Константина представительная, величественная. Онъ еще не старъ, и его выразительное лицо, съ черной впросѣдъ бородою, имѣетъ самый представительный видъ строгаго, умнаго пастыря. Послѣ обѣдни мы прошли въ канцелярію, гдѣ встрѣтили опять почти всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя тутъ и вчера были; мы вручили заготовленную нами докладную записку, написанную сжато, гдѣ изложили тѣ существенные вопросы, на которые желали получить разъясненіе. Съ громаднымъ интересомъ всѣ присутствующіе старались усвоить содержимое въ ней. Въ это время намъ предложили по чашкѣ кофе, отъ котораго мы не отказались; затѣмъ тутъ же отецъ протосингель, богословъ (имени его мы не записали), секретарь стали развивать разговоръ относительно нашихъ вопросовъ. Мы же стали просить доложить патріарху о насъ и о возможности принять насъ сегодня, въ виду ускоренія нашего времени отъѣзда, какъ людей

заѣзжихъ. Секретарь, возвративши нашу записку, пошелъ доложить и, вернувшись, сказалъ, что послѣ присутствія при обрядѣ крещенія, которое сейчасъ должно начаться, мы будемъ приняты. Отправились въ церковь. Обрядъ крещенія у грековъ вообще, какъ намъ выяснили, совершается большею частью въ церкви и всегда съ извѣстной торжественностью, въ родѣ того, какъ у насъ совершаются браки. Въ церковь собираются нѣсколько близкихъ лицъ родныхъ и знакомыхъ, которые и присутствуютъ при обрядѣ съ зажженными въ рукахъ свѣчами. Сначала когда привезли ребенка, то его внесли только лишь въ притворъ на паперть, гдѣ поставленъ былъ аналой съ крестомъ и подсвѣчники съ большими зажженными свѣчами, и куда вышли священникъ и дьяконъ въ полномъ облаченіи. Они начали служеніе прочтеніемъ очистительныхъ молитвъ отъ „скверны“. Чтеніе оныхъ продолжалось минутъ 15—20, не меньше. Потомъ вошли и стали по срединѣ церкви, гдѣ была поставлена довольно большая, видимо довольно-старая мѣдная купель, такой же формы, какія употребляются и въ Россіи. Впереди купели аналой съ крестомъ. По мѣрѣ совершенія обряда, намъ послѣдовательно объяснялъ и переводилъ отецъ богословъ (не запомнивши его имени, будемъ его такъ называть). Вначалѣ священникъ помазалъ масломъ голову ребенка, потомъ и тѣло, осѣнялъ дуновеніемъ и перстосложеніемъ ручнымъ воду крестообразно, это до погруженія еще, самое погруженіе совершено трижды тщательно и правильно съ провозглашеніемъ: „Во имя Отца—аминь, и Сына—аминь, и Святаго Духа—аминь“. Потомъ помазаніе мѣромъ также по всему тѣлу, было совершено и хожденіе кругомъ купели трижды,—ребенка несла кума, имѣя въ рукѣ большую зажженную свѣчу. Словомъ, весь обрядъ крещенія совершенъ правильно въ три погруженія, не торопясь, чинно и благоговѣйно. Времени прошло отъ начала ровно 1 ч. 10 минутъ. Всѣмъ присутствующимъ родственникамъ крещаемого „Александра“ розданы были небольшіе бронзовые образки на память, въ томъ числѣ и намъ. Изъ церкви прошли снова въ канцелярію, откуда насъ сейчасъ же секретарь пригласилъ въ патриаршія комнаты. Сначала мы вошли въ залъ, гдѣ онъ показалъ намъ большіе маслянной краски портреты константинопольскихъ

патріарховъ. Изъ залы онъ ввелъ насъ въ кабинетъ патріарха,—не особенно большая комната съ 2-мя большими окнами, изъ которыхъ открывается дивный видъ на Константинополь, такъ какъ постройки Фанара на довольно большой возвышенности. За письменнымъ столомъ, у самага окна, сидѣлъ патріархъ и привсталъ при нашемъ входѣ. Мы, не приближаясь близко, кланяемся, рукою касаясь земли. Мы высказываемъ прежде всего благодарность за ту доступность къ его особѣ, какую онъ проявилъ намъ, неизвѣстнымъ дальнимъ людямъ. Онъ опускается въ кресло и предлагаетъ намъ сѣсть въ большія кожанныя кресла, стоящія почти кругомъ стола. Мы садимся. Разговоръ происходитъ при помощи секретаря. Сначала онъ спрашиваетъ, откуда мы, и какія цѣли нашего путешествія. Когда одинъ изъ насъ заявилъ о принадлежности своей къ безпоповству, то патріархъ дѣлаетъ движеніе и невольно вырывается у него „протестантъ“. Высказываемъ причины и цѣль нашего посѣщенія и просимъ не лишитъ своимъ отвѣтомъ, разрѣшить наши недоумѣнія; высказываемъ увѣренность въ истинности его словъ, какъ святителя. Вручаемъ нашу записку, которую ему сейчасъ же на словахъ секретарь переводитъ, и онъ живо интересуется нашими вопросами. Въ это время, по восточному обычаю, подають намъ угощеніе на двухъ вазахъ фруктовое варенье и холодную воду въ стаканахъ. Мы, не зная обычая, кладемъ варенье въ воду; замѣтивши это, патріархъ разсмѣялся и пошутилъ: „замѣтно, что русскіе люди не знаютъ нашихъ обычаевъ“. Варенье слѣдуетъ ѣсть ложкой и лишь припивать водой. Затѣмъ, сдѣлавшись серьезнымъ, онъ высказалъ подтвержденіе твердое, что въ греческой Церкви ни одинъ священникъ не можетъ крестить иначе, какъ въ три погруженія, и крещеніе обливательное допустимо быть не можетъ. Въ этомъ вы твердо можете быть увѣрены. Допущенныя за послѣдніе только годы исключительныя принятія католиковъ вторымъ чиномъ въ лоно греческой Церкви есть уступка обстоятельствамъ и интересамъ Церкви, хотя и нежелательная и, можетъ быть, временная.

О митрополитѣ Амвросіи онъ только можетъ сказать, что не существуетъ никакихъ данныхъ говорить и утверждать его изверженіи изъ духовнаго сана, или запрещеніи и.

хотя онъ самовольно удалился къ русскимъ старовѣрамъ и не вернулся съ раскаяніемъ, отрицать на немъ хиротонію немислимо въ виду того, что и отъ еретиковъ даже хиротонія признается дѣйствительной, то какъ же отвергнуть на немъ.

На этомъ аудіенція закончилась, и обременять большими вопросами мы сочли неудобнымъ. Сердечно мы высказали, какъ умѣли, нашу благодарность и, получивъ отъ патріарха доброе напутствіе, снова очутились въ канцеляріи и имѣли снова продолжительную бесѣду съ тѣми же лицами: отцомъ протосингеломъ, богословомъ и секретаремъ. Эта бесѣда окончательно выяснила намъ ясно всѣ желаемые вопросы. Они выяснили потомъ, что патріархатъ, оберегая свои отношенія къ русскому церковному управленію, вообще избѣгаетъ давать объясненія какія-либо на поступающія многочисленныя ходатайства русскихъ старообрядцевъ, въ особенности нельзя рассчитывать на отвѣты официальные и письменные, что можетъ вызвать нежелательныя неудовольствія и непріятности, такъ какъ патріархату извѣстны печальныя и грустныя духовныя недоразумѣнія, вызванныя уходомъ митрополита Амвросія къ старообрядцамъ, каковой поступокъ митрополита патріархія, конечно, одобрить не можетъ, а безусловно порицаетъ и осуждаетъ и скорбитъ, что греческій митрополитъ породилъ своими дѣйствіями или, вѣрнѣе, увеличилъ расколъ въ русской Церкви, столь нежелательный съ точки зрѣнія единства церковнаго. Но оставаясь на высотѣ истины и правды къ совершившимся событіямъ, которыя уже переходятъ теперь въ исторію, они не могутъ скрыть того, что митрополитъ Амвросій былъ неизверженнымъ и незапрещеннымъ, а лишь былъ безъ каеэдры, или епархіи, потому что турецкое правительство, пользуясь своей властью, принудило патріарха отозвать его изъ Босніи, изъ города Сараева, гдѣ онъ имѣлъ каеэдру. Подобныхъ случаевъ при турецкомъ мусульманскомъ режимѣ всегда было много. И на этомъ основаніи патріархія не можетъ отвергнуть на немъ, какъ и на происшедшемъ отъ сего священствѣ, преемственности хиротоніи, хотя по вышесказаннымъ причинамъ они стараются замалчивать это. Со скорбію коснулись вопроса о болгарской Церкви, которую патріархія считаетъ раскольническою на основаніи проис-

шедшаго соборнаго осужденія и отлученія; высказали порицаніе, что россійскій синодъ допускаетъ общеніе съ отлученными греческой Церковью, чѣмъ поражается разъединеніе. Выяснили, что въ служеніяхъ въ россійской и греческой Церквахъ существуетъ нѣкоторая разность. Греческая Церковь не одобряетъ введенное въ Россіи итальянское партесное пѣніе, въ особенности массу такъ называемыхъ „концертовъ“, какіе поются за литургіей, вмѣсто причастныхъ стиховъ, и не сочувствуетъ итальянской картинной живописи. Повидимому, они могли бы и еще кое-что указать относительно существующей разности, но старались сдерживаться и умалчивать. Относительно же крещенія съ основательными разъясненіями, заслуживающими довѣрія, они категорически еще разъ повторили, что въ греческой Церкви не существуетъ, никогда не существовало и не могло быть допущено даже въ единичныхъ случаяхъ обливательнаго крещенія, а слѣдовательно, и митрополитъ Амвросій обливанцемъ ни въ какомъ случаѣ быть не могъ. И католиковъ всегда принимали первымъ чиномъ и лишь за послѣдніе годы, какъ объ этомъ выяснено выше, допустили принятіе вторымъ чиномъ. Однако и сейчасъ принятіе католиковъ, смотря по даннымъ каждый разъ обстоятельствамъ и по усмотрѣнію священника и соглашенію его съ принимаемымъ, въ иныхъ мѣстахъ продолжаетъ совершаться первымъ чиномъ. Въ общемъ же присоединеній изъ католичества очень бываетъ мало, и оныя являются довольно рѣдкими единичными случаями, а потому они не поражаютъ острыхъ запросовъ и сужденій о томъ. Еще объ очень многихъ частностяхъ касался нашъ разговоръ съ этими добрыми и доступными въ христіанскомъ духѣ простоты людьми, но мы считаемъ излишнимъ распространяться и удаляться въ сторону. Искренно отъ всего сердца поблагодаривъ нашихъ собесѣдниковъ, мы сердечно простились съ ними и, получивши ихъ добрыя пожеланія, въ нашемъ далекомъ еще пути, вышли съ радостными чувствами изъ патріархіи мысленно благодаря Бога, что наши труды не пропали, и мы получили массу свѣдѣній, имѣющихъ громадное значеніе по интересующему насъ серьезному вопросу.

Считаемъ не лишнимъ упомянуть, что въ патріархіи

намъ сообщали о являвшихся въ прошломъ году туда какихъ-то старособрядцахъ-казакахъ, которые такъ нетактично и нелогически требовали тоже какихъ-то разъясненій, что и понять ихъ не могли и отказались съ ними вступать въ какіе-либо разговоры, и они, недовольные, разсерженные, ушли ни съ чѣмъ. Эти люди оказались тѣми уральскими казаками, которые ужъ нѣсколько лѣтъ подрядъ ѣздятъ за границу и ищутъ невѣдомое и несуществующее Камбайское Бѣловодское царство, гдѣ будто бы процвѣтаетъ полное благочестіе при патріархѣ и сонмѣ митрополитовъ, епископовъ и священниковъ. Найти же оное (какъ не дающійся кладъ) не могутъ. И эти же казаки, какъ слышно, распускали слухи о какомъ-то диковинномъ, неслыханомъ, необыкновенномъ обрядѣ крещенія у грековъ. Къ рассказамъ этимъ слѣдуетъ относиться нѣсколько сдержанно, такъ какъ казаки эти представляются необыкновенными фантазерами, буквально помѣшанными на идеѣ разыскиванія фантастическаго „Камбайскаго Бѣловодскаго царства“. Они яро отвергаютъ увѣренія знающихъ географію людей, доказывающихъ имъ, что такого царства не существуетъ, остаются при своемъ убѣжденіи и продолжаютъ мыкаться со всеми возможными лишеніями по свѣту.

Осмотрѣна нами въ Константинополь и болгарская новая и довольно хорошая по постройкѣ церковь, гдѣ служитъ болгарскій экзархъ Іосифъ, считающійся греками отлученнымъ отъ Церкви раскольникомъ. Лишь только войдя въ церковь, мы могли вообразить, что находимся въ Россіи. Новая, яркая итальянская живопись, которая, какъ оказалось, вся прислана изъ Москвы и московской работы, русской синодальной типографіи служебныя книги, московской работы сосуды, а также и облаченіе московское. Видимъ, что все тутъ создано и находится подъ покровительствомъ Россіи. Какой рѣзкій контрастъ съ древними греческими церквами, съ ихъ многовѣковыми, древними иконами.

Осмотрѣли еще другую болгарскую церковь, старую и древнюю, въ томъ же родѣ, какъ и греческія церкви. Встрѣтили старика священника, котораго спросили о крещеніи. Твердо и сильно онъ завѣрилъ, что крещеніе истинное только трехпогружательное, а обливательно крестятъ безусловно одни лишь католики. Великое впечатлѣніе про-

изводитъ храмъ Софіи. Его массивность, его громадныя входы, корридоры папертей уже даютъ большую внушительность громаднѣйшей древней византійской постройкѣ. Внутренность же, несмотря, что тутъ теперь мечеть, вызываетъ невольное трепетаніе въ каждомъ христіанинѣ. Явственно видишь вдавшіяся полукружья бывшихъ 3-хъ громадныхъ алтарей, и лишь всей душой хочется видѣть постановку отсутствующихъ иконостасовъ. Сквозь штукатурку и краску стѣнъ глаза желали бы проникнуть и увидѣть имѣющіяся тутъ и по настоящее время драгоцѣнныя мозаичныя изображенія св. иконъ. Не хочется вѣрить, чтобы въ этихъ святыхъ стѣнахъ, гдѣ служили великіе святители, столпы и основатели вѣры Христовой, цареградскіе патріархи, какъ св. Іоаннъ Златоустый и другіе, остались бы на вѣки поработители креста, сыны полумѣсяца, и не возстановилась бы никогда истинная служба Небесному Царю Христу. Осмотрѣна нами мечеть, въ стѣнахъ коей была нѣкогда церковь монастыря Спаса, время Византіи. Слѣдующіе дни были посвящены осмотру достопримѣчательностей Константинополя. Осмотрѣли музей, многія старыя мечети, гдѣ были прежде христіанскія церкви и теперь представляющія нетронутые старинныя памятники древнихъ греческихъ величественныхъ построекъ. На многомъ еще и до сихъ поръ видны признаки бывшаго здѣсь христіанства! Осмотрѣли еще нѣсколько греческихъ церквей, ничѣмъ особенно не отличающихся.

19 апрѣля въ 10 час. утра мы покинули этотъ древній міровой городъ, полный историческаго глубокаго интереса для каждаго путешественника. Тихо, плавно отходили мы въ Мраморное море на громадномъ пароходѣ русскаго общества „Чихачевъ“.

Цѣлый день мы шли Мраморнымъ моремъ, и почти все время чуть виднѣлись и европейскіе берега съ правой стороны и азіатскіе—съ лѣвой. Около 9 ч. вечера мы проходили Дарданельскимъ проливомъ, въ 8 ч. утра увидѣли вдаль городъ Смирну, находящійся на малоазіатскомъ берегу Архипелага и представляющій изъ себя большой торговый городъ Турціи, чуть ли не второй послѣ Константинополя. Смирна по климату имѣетъ почти уже тропическое положеніе.

Въ 10 ч. утра нашъ пароходъ бросилъ якорь на рейдѣ, и мы тотчасъ же отправились на шлюпкѣ въ городъ. Пароходъ долженъ отойти въ 3 часа и, слѣдовательно, времени намъ оставалось достаточно для осмотра города, осмотра церкви и предположеннаго свиданія съ кѣмъ-либо изъ греческихъ священниковъ. Идя по набережной, мы встрѣтили массу толпившагося самаго разнохарактернаго народа, назойливо предлагавшаго на всевозможныхъ языкахъ свои услуги быть проводниками и переводчиками. Очень скоро намъ попался грекъ, говорившій по русски, котораго мы взяли и, нанявши фазтонъ, поѣхали по городу. Съ самаго начала осмотрѣли церковь, кажется, св. Георгія, въ которой встрѣтили въ общемъ невысокаго художества греческаго стила иконы, но между ними нѣкоторыя были и высокой работы древняго письма; потомъ проѣхали въ соборъ, гдѣ также живопись темная, греческая, но заурядной работы, и лишь нѣкоторыя иконы представляли для насъ интересъ.

Въ обѣихъ церквяхъ мы не встрѣтили никого изъ духовенства, а лишь однихъ сторожей. Поэтому изъ собора мы отправились въ квартиру старшаго священника протоіерея, которая помѣщалась тутъ же у церкви, въ церковномъ домѣ. Черезъ переводчика священнику доложили, что русскіе путешественники осматривали церковь и желаютъ видѣть его и поговорить. Сію же минуту лично самъ выходитъ къ намъ священникъ, крѣпкій старикъ, лѣтъ 65, и съ необычнымъ интересомъ и полнымъ радушіемъ приглашаетъ въ комнаты, высказывая симпатію къ намъ, какъ роднымъ братьямъ по вѣрѣ и защитникамъ грековъ противъ Турціи.

Объяснивши интересомъ путешественниковъ наше прибытіе къ нему, мы разговорились вообще о ихъ жизни и бытѣ среди турецкаго, иногда враждебнаго вообще христіанамъ, режима, и онъ охотно знакомилъ насъ со своимъ бытомъ. Затѣмъ вопросъ перешелъ на служеніе церковное, обрядности, и дошли до обряда крещенія и, когда онъ услышалъ отъ насъ, что мы допускаемъ возможность совершенія греческими священниками обливательнаго крещенія, то сразу всталъ возбужденно съ кресла и съ обидчивой горячностью намъ заявилъ рѣшительно: „Не вѣрьте никому этой удивительной лжи, что греческій священникъ можетъ окрестить обливательно по-латински, ни одинъ по-латински крестить

не можетъ“. И по отношенію къ католикамъ вообще высказался презрительно. О принятіи же подтвердилъ, что недавно стали принимать ихъ вторымъ чиномъ въ Константинополь, но что здѣсь у него никогда присоединеній не было и нѣтъ, и что по настоящему ихъ должно снова крестить. Въ Смирнѣ живетъ митрополитъ, и онъ настоятельно совѣтовалъ пойти къ нему, говоря, что митрополитъ сильнѣе его убѣдитъ насъ и докажетъ, что крещеніе у нихъ совершается истинно православное, трехпогружательное, что имъ неприяты несправедливыя сомнѣнія, какія мы высказали. Поблагодаривши его, мы простились и поѣхали осматривать городъ, рѣшивши не ходить уже къ митрополиту и не беспокоить его, впередъ уже зная его отзывъ. Въ 4 часа мы уже продолжали путь по Архипелагу, направляясь въ Грецію, въ Пирей.

На слѣдующій день 21 апрѣля, въ 9 час. утра, мы увидѣли портъ Пирея, гдѣ стояли разныхъ національностей суда, и бросили якорь среди бухты.

Пирей—красивый, растущій по европейски городъ, царящій по возвышенностямъ надъ отличной закрытой бухтой. Итакъ мы, побывавши уже въ 3-хъ государствахъ: въ Австріи, Румыніи и Турціи, достигли уже четвертаго—Греціи, почти самага южнаго края Европы, откуда уже рукой подать и до Африканскаго материка—до Александріи, недалеко уже до Палестины. Пароходъ нашъ „Чихачевъ“ шелъ въ Александрію (Египеть). И мы уже начинали большое искушеніе имѣть, побывши сначала въ Аѣинахъ, со слѣдующимъ пароходомъ поѣхать въ Египеть и въ Палестину, но слухи о чумныхъ карантинахъ и потеря времени уничтожили наше намѣреніе.

Изъ Пирея мы предпочли поѣхать на лошадяхъ и, нанявши коляску, поѣхали по отлично шоссированной дорогѣ въ неизвѣстной и уже очень дальней отъ насъ странѣ. Вѣзды до Аѣинъ часъ³ или полтора—не больше. Сзади мы оставляли море, дорога шла сначала по равнинѣ, а потомъ между довольно порядочными возвышенностями, большей частью на верху оголенными и выжженными знойными лучами южнаго солнца. За то въ низменностяхъ богатая южная растительность, громадныя пальмы всевозможныхъ сортовъ и породъ, съ преобладаніемъ финиковыхъ пальмъ и

латаній, обворожительно ласкають взоры. Попадають дачи, утопающія въ царствѣ пальмовыхъ громадныхъ деревьевъ и въ массѣ розъ и другихъ цвѣтущихъ растений, наполняющихъ воздухъ своими ароматами. По ту и другую сторону дороги въ канавахъ и на бровкахъ тротуаровъ живой стѣной, черезъ которую не пройдешь, стоятъ въ 3—4 аршина вышиной колючіе кактусы; у подножія ихъ и на пустошахъ полей сплошь краснѣется, какъ коверъ, макъ. Хлѣба уже поспѣли, и мы видимъ жатву, и это 21 апрѣля! Великъ интересъ для жителей сѣвера увидѣть южныя страны. Остановившись въ греческой гостинницѣ, мы сейчасъ же отправились знакомиться съ городомъ. Нынѣшнія Аѣины представляютъ чудесный, благоустроенный европейскій городъ. Красивые въ 3, 4, 5 этажей дома, архитектурные, почти всѣ свѣтлыхъ палевыхъ цвѣтовъ, чудесныя асфальтовыя мостовыя, или изъ тесанаго гранита, электрическое освѣщеніе, трамваи, образцовая чистота дѣлають Аѣины передовымъ городомъ. Осмотрѣли въ первый же день знаменитые историческіе памятники древней, еще языческой Греціи, какъ знаменитый Акрополь, съ полуразрушенными языческими храмами Минервы и другихъ, и тутъ же видѣли мѣсто, „горною возвышенность“, съ которой впервые раздалась первая проповѣдь ученія Христова ап. Павломъ. Затѣмъ осмотрѣли очень многія древнія и новыя церкви. Двѣ церкви есть небольшія, вросшія въ землю, съ необыкновенно толстыми каменными стѣнами, маленькими окнами, древними высокаго письма иконами и, по утверженію грековъ, построенныя съ первыхъ вѣковъ христіанства. Подобныя церкви, съ малымъ освѣщеніемъ изъ узенькихъ своихъ оконъ, образцовой чистотой застланныхъ коврами каменныхъ половъ, съ запахомъ ладана, съ своеобразнымъ монотоннымъ особеннымъ служеніемъ грековъ и ихъ носовымъ пѣніемъ, переносятъ васъ въ какую-то древнюю историческую эпоху, и вы положительно стоите, смотрите и слушаете и совершенно впадаете въ какое-то забытѣе. Переноситесь воображеніемъ мысленно въ древнюю эпоху первыхъ вѣковъ христіанства. На васъ дѣйствуетъ какъ-то успокоительно, вы какъ-то затихаете, смиряетесь, и жалко вамъ станетъ этого состоянія, когда бурная дѣйствительность васъ заставитъ очнуться. Вотъ какое впечатлѣніе мы выносимъ изъ этихъ древнихъ греческихъ церквей.

Новый кафедральный соборъ представляетъ собою громаднѣйшую и великолѣпную церковь. Живопись новая, греческаго стиля. Осматривая соборъ въ неслужебное время и уже выйдя изъ него, увидѣли тихо идущаго по улицѣ священника, съ громадною сѣдою бородой. Съ нами былъ грекъ проводникъ, котораго мы послали остановить священника, просить его зайти въ церковь на нѣсколько минутъ поговорить съ русскими путешественниками, желающими его спросить объ интересующихъ насъ вещахъ. Священникъ тотчасъ вернулся, и мы снова вошли въ церковь. Онъ оказался настоятелемъ этого собора и благочиннымъ. Не будемъ распространяться уже подробно обо всемъ нашемъ разговорѣ, лишь только скажемъ главную суть: полное подтвержденіе трехпогружательнаго крещенія и съ негодованіемъ, съ озлобленностью отверженіе отъ возможности „обливанія“. „Соберите 1000 человекъ народа и спросите каждаго изъ нихъ относительно совершенія грекомъ-попомъ обливанія, и всякій удивится даже вопросу. Они крестятъ въ храмахъ всенародно, не втайнѣ, народъ греческій знаетъ свою службу и понимаетъ ее, и скрыть совершеніе такого важнаго таинства невозможно; поэтому если вы не вѣрите духовенству, то спросите любого грека и вы получите одинъ отвѣтъ. Одни католики латыняне крестятъ обливательно“,—сердито добавилъ онъ. Мы разстались. Въ слѣдующій день мы заѣхали еще въ церковь, на какомъ мѣстѣ будто бы была построена самая первая церковь, по принятію греками христіанства, но потомъ послѣ пожара она, конечно, уже перестроена. Это было въ 3 ч. дня, но по счастливой случайности встрѣчаемъ выходящихъ изъ церкви 4-хъ священниковъ,—съ ними средняго класса женщина гречанка, одѣтая просто и прилично, и, къ удовольствію нашему, жившая когда-то въ Одессѣ и говорящая по русски. Одинъ священникъ ушелъ, а съ троими мы вступили при посредствѣ этой женщины въ разговоры, которые вышли очень горячими. Дѣло въ томъ, что не только священники заявили, что противное правиламъ латинское крещеніе невозможно совершать грекамъ, но что и католиковъ иначе принять нельзя, какъ снова крестить. Мы же твердо заявили, что принятіе католиковъ 2-мъ чиномъ уже намъ извѣстно изъ собесѣдованій нашихъ въ Константинопольской патріар-

хи, гдѣ намъ сказано, что тамъ такое принятіе допущено; они стали оспаривать и доказывать, что принятіе вторымъ чиномъ невозможно. Мы же были удивлены и поражены неприятнымъ споромъ, начиная думать о лицемѣри, иначе какъ же могло это быть? И вотъ приводится случай, бывшій до этого за нѣсколько недѣль. Была присоединена католичка въ этой самой церкви, и переходъ оной совершенъ былъ при помощи и посредствѣ именно этой женщины, и она съ клятвою передъ иконами увѣрила, при категорическомъ подтвержденіи всѣми тремя священниками, что упомянутую католичку приняли дѣйствительно первымъ чиномъ: въ этой именно церкви была поставлена большая кадъ, въ которую она, опустившись, три раза погружалась при обрядѣ крещенія. И когда мы высказали недовѣріе, то видѣли неподдѣльное негодование на насъ и этой женщины, и священниковъ, такъ что трудно допустить, чтобы эти люди ввали. Приходится убѣдиться, что въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Греціи продолжаютъ принимать католиковъ первымъ чиномъ, а это обстоятельство и доказываетъ о несуществованіи какого-либо соборнаго постановленія и приказа принимать обязательно католиковъ вторымъ чиномъ, о чемъ намъ сказано и въ Константинополѣ.

22 апрѣля, мы выѣхали изъ Аѳинъ въ Пирей на лошады, а тамъ сѣли на небольшой греческій морской пароходикъ и въ ночь отошли на немъ по Коринескому проливу, имѣя цѣль путешествія греческій островъ Кореу. Въ 12 ч. ночи нашъ пароходъ стоялъ у г. Коринеа, котораго за темнотою намъ, къ сожалѣнію, увидѣть не пришлось. Въ 8 ч. утра 23-го мы остановились у гор. Патраса. Остановка до 11 ч. дня. Мы отправились въ городъ. Былъ воскресный день. Шла обѣдня чинно. Служили священникъ и діаконъ. Народъ стоитъ благоговѣнно. Движенія толпы нѣтъ. Пѣніе такое же, какое мы уже много разъ слышали. И въ этотъ разъ нашли подтвержденіе уже выведенному нашему мнѣнію, что въ греческихъ церквахъ никакого безчинства не существуетъ, и всюду видѣнъ должный порядокъ и благочиніе. 24 апрѣля въ 8 ч. вечера мы достигли острова Кореу. Въ продолженіи пяти дней нашего пребыванія въ гор. Кореу мы посѣтили въ самомъ городѣ одинъ мужской и одинъ женскій монастыри и приходскую цер-

ковъ, и всюду мы имѣли разговоры съ духовенствомъ, монахами и монахинями. И еще ѣздили на лошадяхъ за 25 верстъ на другую сторону острова Кореу, въ монастырь, называемый „Костриць“, стоящій на самомъ берегу моря, на высокихъ скалахъ, и тамъ были въ кельѣ архимандрита, древняго старика, живущаго въ большой бѣдности со своими не многими монахами, и результатъ разговоровъ являлся все одинъ и тотъ же, твердый, опредѣленный. Нигдѣ и никогда въ Греціи крещеніе обливательно не совершается. Всѣ они относятся къ католикамъ съ презрѣніемъ и полнымъ осужденіемъ. Ни одного голоса мы не слышали хотя сколько-нибудьнисходительнаго по отношенію къ латинскому крещенію. Островъ Кореу былъ послѣднимъ греческимъ пунктомъ въ нашемъ путешествіи, и тутъ кончились наши изслѣдованія по духовнымъ вопросамъ. Съ Кореу мы проѣхали въ Италію, въ гор. Бари (или по древнему Баръ-Градъ), гдѣ покоятся св. мощи Николы Святителя, и посѣтили католическую церковь, гдѣ въ подземной церкви, подъ католическимъ престоломъ намъ указали св. мощи, къ которымъ, отъ пола аршина на два съ половиною въ землю, существуетъ круглое, въ 4 вершка, отверстіе въ родѣ трубы, въ которое рѣшительно ничего не видно за темнотою, что производитъ удручающее недоумѣніе и сомнѣніе въ существованіи тутъ мощей, въ отталкивающемъ каждомъ русскаго человѣка католическомъ храмѣ, съ его изваянными статуями, большею частью римскихъ папъ, и напоминающимъ языческіе храмы съ ихъ изваяніями языческихъ боговъ. Потомъ мы посѣтили Римъ, Парижъ, Берлинъ и черезъ Варшаву и Москву вернулись домой.

Считаемъ нелишнимъ добавить, что мы имѣли въ виду посѣтить въ Турціи гор. Эносъ, гдѣ родина митрополита Амвросія, но по наведеннымъ справкамъ это оказалось безцѣльнымъ. Эносъ—маленькій ничтожный городокъ съ одной церковью, не очень въ большомъ разстояніи отъ Константинополя, въ завѣдываніи Константинопольской патріархіи, и тамъ единственное духовное лицо—это молодой, недавно поставленный священникъ, посланный изъ Константинополя; такъ какъ никакихъ новыхъ данныхъ тамъ мы получить не могли бы, то и ѣхать туда сочли лишнимъ.

Изъ миссіонерскихъ писемъ, дневниковъ и лѣтописей.

Миссіонерскіе очерки 1).

II.

Распустился міръ. *

КАКЪ-ТО около Пасхи зашелъ ко мнѣ подгородный священникъ о. Александръ. Разговорились. Спрашиваетъ:

— Чего вы не прїѣдете къ намъ?

— Да что у васъ дѣлать? У васъ еще сектанство не обозначилось.

— Эхъ, не обозначилось!—съ грустью протянулъ о. Александръ. За то у меня свои мужики—золото, я вамъ доложу. Да и молокане уже шумятъ.

— Ну?—отъ изумленія выкрикнулъ я.

— Да, свой міръ, можно сказать, прямо *распустился*; а подъ шумокъ-то сектанты залѣзли въ приходъ.

Я въ волненїѣ сталъ бѣгать по комнатамъ. О. Александръ грустно углубился въ самого себя.

Немного успокоившись, я усѣлся. Велѣлъ подать намъ чаю и спросилъ о. Александра:

— Расскажите пожалуйста, въ чемъ дѣло?

О. Александръ медленно началъ.

— Дѣло большое. Все-то сразу не перескажешь. Теперь заваривается въ приходъ сектантская каша. Начальство будетъ писать о „миссіонерскомъ воздѣйствїи“ на народъ. А подите, воздѣйствуйте на него! Я просто умъ теряю.

По лицу было видно, что о. Александръ скорбитъ глубоко и искренно. Насколько могъ, я успокоилъ его; обѣщаль свое сотрудничество проповѣдью.

1) См. „Миссіон. Обзор.“ 1902 г., сентябрь, стр. 303—306.

Подали чай. Выпивъ стаканъ, о. Александръ успокоился нервами и могъ рассказывать. Онъ заговорилъ:

— Чтобы вамъ правильно судить о моемъ приходѣ и заранѣе знать, съ кѣмъ вы будете имѣть дѣло, я расскажу вамъ о нѣкоторыхъ нравахъ изъ жизни нашихъ мужиковъ. Знайте напередъ, что прихожане мои пьяницы отчаянные. И не то, чтобы въ одиночку они валялись у чужихъ плетней, а какъ-то пьютъ скопомъ, всѣмъ міромъ. Тутъ отъ стакана не оттащишь такого человѣка, который *одинъ* никогда его въ руки не возьметъ.

Вотъ, сколотившись на сходку, думаютъ мужики,—какъ бы выпить?

— Да, ребята, зашумить —одинъ, намъ надо пожарнаго старосту выбрать?

— Чтожъ? И выберемъ,—отвѣчаютъ старики.

— Кого же?

Всѣ сосредоточенно молчатъ и думаютъ.

— Смѣкайте!—говорить зачинщикъ. Тутъ нуженъ человѣкъ основательный.

— Нешто Ивана Тихонова?—указываетъ въ толпѣ корявый мужичонка на своего сосѣда, у котораго три большихъ брата. Ему, слѣдовательно, хозяйство „позволяетъ“ быть старостой.

— Нѣтъ, Иванъ Тихоновъ не подойдетъ. Это—не модель!—увѣренно заявляетъ коренной „міроѣдъ“. Онъ чувствуетъ, что выборъ Ивана Тихонова безнадежно отдаляетъ мысль о мірской рюмкѣ. Семейный, „кредитный“, Иванъ Тихоновъ не поставитъ мужикамъ водки.

— Вотъ, ребята, настоящій староста—Егоръ Филатовъ!—продолжаетъ „міроѣдъ“. Да, вотъ это человѣкъ!—указываетъ онъ на единственнаго сына старика церковнаго ктитора. У этого ктитора есть мельница, и отъ двора никому оторваться нельзя.

— И то!—галдитъ сходка.

— И то!.. Куда лучше!..

Міръ „рюмочниковъ“ дружно подаетъ голоса за Егора Филатова. Его выбираютъ *единогласно* въ пожарные старосты. Чтобы *настоящимъ* образомъ воздѣйствовать на избранника, сейчасъ же о происшедшемъ составляютъ приговоръ.

— Александръ, пиши!

Писарь садится за бумагу. Кое-какъ, „для виду“, заполняетъ ее буквами. Начинается рукоприкладство.

Егоръ Филатовъ чувствуетъ, что сидѣть ему лѣто у пожарнаго сарая, и онъ начинаетъ у „мира“ отпрашиваться:

— Освободите, братцы, мнѣ некогда, — видитъ Богъ! Я ужъ вамъ за уваженіе полведерки водки поставлю.

Объщанное угощеніе сейчасъ же является на сходкѣ. Мужики радостно освобождаютъ Егора Филатова отъ пожарныхъ заботъ и принимаются за водку.

— Не подумайте, что сказки рассказываю про своихъ мужиковъ, — вставилъ замѣчаніе о. Александръ. Чистая былъ. А то вотъ еще случай: галдитъ сходка. Нѣтъ случая для даровой выпивки. Загорюнился „міръ“.

— Ребята, это съ какого же права два двора на верхнемъ порядкѣ завладѣли общественной зѣмлей?—заявляетъ коноводъ.

— Какой?

— Да той, что лежитъ клиномъ тамъ между огородами!

— И то. Не желаемъ эту землю отдавать даромъ! — шумятъ мужики. Хотимъ сдать ее въ аренду. Кто сниметъ?

Два двора, завладѣвшіе несчастнымъ клочкомъ земли, никому и ни на что *ненужной*, волей-не-волей „раскошеляются“, ставятъ міру „четвертку“, и дѣло улаживается просто.

Мы сидѣли въ тяжеломъ раздумѣ. Картинки съ дѣйствительности, искусно нарисованныя о. Александромъ, придавили насъ. Молчанье нарушилъ разказчикъ:

— Что запечалились? Пріѣзжайте-ка, вотъ и повліяйте словомъ на такихъ людей. Я ужъ изъ силъ выбился. А тутъ молокане заводятся. Да все люди „некудашные“. бобыли, грубіяны. На нихъ и „воздѣйствовать“ трудно. Есть у меня одинъ такой молоканинъ Ермолай, вродѣ тургеневскаго, что бродилъ съ Валеткой. Забубенная голова и озорникъ!

Недавно возлѣ своей избенки онъ говоритъ бабамъ:

Слышно, Иверскую понесутъ нашимъ проулкомъ? Тѣсно больно. Какъ бы бока себѣ она не ободрала. Дѣло лѣтнее. Черви накинута. Тогда тащите ту икону ко мнѣ. Смажу оленьимъ рогомъ,—и вмигъ все заживетъ!

Хорошо, эти безбожныя рѣчи услышала одна благочести-

вая старуха. Она такого дыма нагнала на проходимца Ермолая, что онъ, позабывъ картузь, стремглавъ убѣжалъ въ избу.

Этого же Ермолая я, недавно видѣлъ сильно пьянымъ. Спрашиваю:

— Такимъ-то родомъ обучился ты въ молоканствѣ?

Говорить:

— Нынѣ всё ослабли. Нигдѣ нѣтъ *настоящей* вѣры!..

И поплелся опять къ винной лавочкѣ.

А вотъ еще въ моемъ приходѣ проживаетъ типъ. Это—старикъ, ехидный, малограмотный и озлобленный. Тоже молоканинъ. Посему онъ распускаетъ такія мысли:

— Православная богородица — нѣтъ ничего! Символь вѣры—хвалюга: вѣрую въ то и другое, а въ жизни ничего не исполняю. Мощей Митрофанія нѣтъ. Подъ полотно положи, что хочешь,—за мощи сойдегъ!

Слышатъ такія злохуленія мужики и молчатъ. Потому они—„сердцемъ хладные скопцы“. Имъ бы выпить. А вѣра что? Отъ нея не поживешься на сходкѣ.

Немного осталось въ моемъ приходѣ людей,—закончилъ свою рѣчь о. Александръ,—которые не преклонили колѣнъ передъ Вааломъ. Хотъ ради этихъ пріѣзжайте!

Я далъ обѣщаніе о. Александру и пошелъ провожать его на вокзалъ. Вечерѣло. На дворѣ сыро. Хлесталъ холодный дождь. На моемъ плащѣ дождевыя капли выбивали какую-то барабанную дробь. Что-то торопливое, *напрасное* слышалось въ ихъ паденіи...

А на душѣ у меня проносились самыя мрачныя мысли. Я усиленно просилъ о. Александра именно пѣшкомъ пройти до вокзала. Времени до отхода поѣзда оставалось много. Я надѣялся по дорогѣ еще что-нибудь услышать отъ о. Александра. Но мы оба упорно молчали. Меня давило сознаніе какой-то безпомощности и одинокости. О. Александръ былъ также печаленъ.

За то на вокзалѣ было людно, суетливо, свѣтло. Тамъ мы опять повеселѣли и разговорились. Разстались мы при убѣжденіи, что *не вѣчно* будетъ царить тьма на русской землѣ. Настанутъ дни, когда свѣтъ Евангелія Христова озаритъ наши смрачныя сердца.

III.

Послѣ бесѣды съ молоканами.

Два дня, ранней весной, бился я, увѣщевая вновь совратившихся въ молоканство. Заблудившіеся были упорны. Одинъ изъ этихъ новыхъ молоканъ Осипъ почти не слушалъ меня. На мои рѣчи онъ отвѣчалъ кощунствомъ и смѣхомъ.

Въ удрученномъ настроеніи возвращался я домой. До ближайшаго вокзала — версть семь; я рѣшилъ идти пѣшкомъ по лѣсу. Мнѣ хотѣлось въ уединеніи погрузиться, поскорбѣть о потерянныхъ дѣтяхъ нашей Церкви. Съ другой стороны, я основательнѣй надѣялся осмыслить тѣ мѣры, которыя нужно было принять для успокоенія смущенной совѣсти православныхъ.

И вотъ пошелъ я напрямикъ лѣсной чащей. Кругомъ тишина. Только вѣтеръ, поднявшись, колыхнетъ вдругъ верхушками деревьевъ, и все заговорить, заноеетъ, поведетъ свою могучую, непонятную рѣчь... О чемъ такъ болтливо говорятъ листья? Что имъ надобно? Ихъ какъ бы гнететъ пустота, безцѣльность существованія. Они остались висѣть на деревьяхъ еще съ прошлаго года. И чуютъ они стихійно, что недолго имъ жить; надобно уступать мѣсто новой зеленой листвѣ. Все старое, *безжизненное*, при наступленіи новаго и свѣжаго, должно исчезнуть. Оттого-то это „старое“ шелеститъ жалобно, стремясь скорѣе пойти на удобреніе земли.

Но вотъ застонала огромная осина. Маленькіе листья ея пугливо сжались въ трубочки. Стонъ слышенъ все чаще и рѣзче. Да, должно быть, трудно жить въ безмолвномъ созерцаніи вѣчной борьбы между старымъ и новымъ, между жизнью и смертью. И такія могучія опоры старины, какъ эта осина, тянутъ свою унылую пѣсню...

Картины природы властно вызывали въ моей головѣ цѣлый потокъ мыслей. Мнѣ казалось: вотъ мы, русскіе люди, жили стариной, вѣрой въ дѣдовскую правду. Ни о чемъ особенно крѣпко не задумывались. Да о чемъ и думать

намъ, когда у насъ, по словамъ лѣтописца, „земля велика и обильна“?..

Между тѣмъ] въ этой, дѣйствительно, обильной землѣ отъ времени накопилось много темныхъ явленій. Мы, въ массѣ-то, безсознательно владѣли сокровищами старины. Кое-какъ знали свою вѣру, но содержаніе ея усвоили преимущественно съ обрядовой стороны. О дѣлахъ истиннаго и разумнаго христіанства пристально не размышляли.

И вотъ разразилась надъ нами гроза. Появились на св. Руси ереси и расколы. Стонуть отъ давленія противныхъ бурь древніе устои нашей Церкви. Стонуть, но не поломаются. Эти устои сооружены Самимъ Господомъ. Они вѣчны. Не поколебать ихъ темнымъ сектантскимъ силамъ.

И пусть многое въ нашей жизни умретъ. Пусть исчезнутъ съ лица земли разгуль, безсознательность въ дѣлахъ вѣры, отсутствіе ревности къ своей Церкви. Все это грѣхи наши. Они, какъ старые листья, исчезнутъ предъ нарождающейся новой листвою. А листва эта уже появляется. Ее несутъ съ собой церковныя школы наши, увеличивающаяся строгость священно-служителей къ своему долгу, разгорающаяся любовь у русскихъ къ своимъ племеннымъ особенностямъ.

На почвѣ этихъ *новыхъ* явленій миссія наша противъ отщепенцевъ церковныхъ окрѣпнетъ и принесетъ плодъ сто-рицею.

Съ такой вѣрой вышелъ я изъ лѣсу и скоро же съ по-ѣздомъ отправился домой.

Д. Боголюбовъ.

Единоувѣріе въ Сарапулъ, Вятской губерніи.

(Изъ путевыхъ впечатлѣній).

ВЪ НАЧАЛѢ іюня прошлаго года намъ пришлось, по приглашенію преосвященнаго Владиміра, бывшаго епископа Сарапульскаго, викарія Вятской епархіи, быть въ г. Сарапулъ, для собесѣдованій со старообрядцами и для другихъ, соприкосновенныхъ съ миссіей, дѣлъ. Сарапулъ представляетъ собою одинъ изъ видныхъ центровъ бѣгунства, гдѣ имѣетъ свое мѣсто-пребываніе, будто бы даже свой домъ, важное въ бѣгунской іерархіи лицо, ревизоръ нѣсколькихъ областей,—кажется, отъ Казани до Тюмени, нѣкто Савва Онисимовъ. Тамъ, на такъ называемой Старцевой горѣ, главные притоны бѣгуновъ. Но вслѣдствіе энергичной дѣятельности станового пристава У...го, сумѣвшаго открыть многіе тайники, безпаспортные бѣгуны спускаются и въ самый городъ, гдѣ про нихъ мало знаютъ. Укрыватели бѣгуновъ почти всѣ именуютъ себя „часовенными“, т. е. послѣдователями бѣглопоповства, и на нихъ вниманія не обращается. А между тѣмъ, если и не въ самомъ городѣ, что пока неизвѣстно, то въ уѣздѣ бѣгунская пропаганда вырываетъ свои жертвы; въ этомъ мы успѣли убѣдиться особенно по одному дѣлу въ духовномъ правленіи. Дѣло производилось о совращеніи въ расколъ одной женщины. Изъ него видно, что совратителями ея были какіе-то пришлые изъ Тагила люди, которые и для присоединенія возили ее въ Тагиль. Хотя всѣ они, и совратители и совращенная, называютъ себя часовенными, но, очевидно, это неправда; бѣглопоповцамъ не зачѣмъ было бы ѣхать такъ далеко. Бѣгунство же въ Тагиль свило себѣ прочное гнѣздо; оттуда, да изъ Ярославля выходятъ главные его начетчики и распространители. Поэтому связь и сноше-

нія съ Тагиломъ и съ тамошними проповѣдниками большею частію „видовыми“, т. е. имѣющими паспорта, очень опасны.

Возникали въ Сарапулѣ и другія дѣла о бѣгунахъ, доходившія до окружнаго суда, но окончившіяся прекращеніемъ, и не по винѣ суда, а по неправильности возбужденія ихъ по 203 ст. Уложенія 1).

Но не о бѣгунахъ, о которыхъ много уже нами писано, хотимъ мы повести теперь рѣчь, а о Сарапульскихъ единовѣрцахъ. То, что мы здѣсь видѣли относительно единовѣрія, заслуживаетъ, чтобы на немъ остановиться.

Единоувѣріе, отпраздновавшее въ 1900-мъ году столѣтіе своего существованія со времени утвержденія „Правилъ“ еп. Платона, до сихъ поръ служить камнемъ преткновенія и даже соблазна съ разныхъ сторонъ. Съ одной стороны раскольники забрасываютъ его грязью, доказывая, что оно и незаконно, и доселѣ подѣ клятвою собора 1667 года находится, что въ тоже время оно—лицемѣрная ловушка, во всякомъ случаѣ, другая Церковь въ сравненіи съ православною, что и власть послѣдней чрезъ допущеніе онаго впала въ противорѣчіе съ собою и превысила свои права, не сдѣлавъ сношенія съ восточными патріархами, и прочее, и прочее. Но мы не имѣемъ теперь въ виду разрывать эту грязь и показывать, что это именно одна *грязь*. Мы хотимъ коснуться лишь того, какъ обстоитъ дѣло съ другой стороны, т. е. насколько ясно и опредѣленно представленіе о единовѣрїи въ сознаніи православныхъ, какъ у насъ его понимаютъ и какими глазами на него смотрятъ. Высшая власть отечественной Церкви и частные ея представители не разъ заявляли, что единовѣріе и православіе составляютъ единую, въ символѣ вѣры исповѣдываемую, святую, соборную и апостольскую Церковь, и, казалось бы, этого заявленія довольно, чтобы утвердиться на взглядѣ Церкви. Но, къ сожалѣнію, заявленія эти недостаточнó проникли въ жизнь. И многіе изъ нашихъ смотрятъ на единовѣріе, какъ на что-то подозрительное: одни, чтобы поставить на видъ власти церковной,

1) По кассационному разъясненію Сената, для возбужденія дѣлъ по означенной статьѣ требуется указаніе наличныхъ фактовъ изувѣрства или противонравственныхъ гнусныхъ дѣяній. (См. въ Журн. Мин. Юстиціи, 1896 г., янв., рѣшеніе по дѣлу Тарусскихъ хлыстовъ).

что она превысила свои права, и что для надлежащаго якобы его узаконенія требуется соборъ іерарховъ, соотвѣтствующій по внѣшнему его составу собору 1667 года; при этомъ они жалуются и на нужды, проистекающія изъ существующей постановки единовѣрія, на его неравноправность съ православіемъ. Это разная пишущая братія, желающая, по видимому, возвысить единовѣріе, поставить его даже выше православія, но на дѣлѣ играющая въ руку раскольниковъ, и поддерживающая ихъ возраженія. И ихъ нареканія и проекты мы также обходимъ здѣсь молчаніемъ. Мы много разъ говорили о семъ на нашихъ бесѣдахъ и въ Казани, и въ Нижнемъ Новгородѣ, и въ Петербургѣ, говорили объ этомъ и въ Сарapulѣ; наша точка зрѣнія, собственно не наша лично, а церковная изложена въ печатной нашей статьѣ „Старообрядство и расколъ“, помѣщенной нѣкогда въ „Странникъ“, а потомъ вошедшей въ „Собраніе“ нашихъ сочиненій (т. I. Казань). Изъ нея ясно можно усмотрѣть, что многія соборныя законоположенія, установленныя подъ угрозою клятвы, отмѣнялись, или просто теряли силу безъ всякихъ новыхъ постановленій на соборахъ. Но помимо этого и пишущая братія, уже изъ строго православныхъ, оберегающая, по видимому, интересы православія и Церкви, также колеблется относительно взгляда на единовѣріе съ его особенностями. Правда, послѣ рѣшительныхъ и ясно опредѣленныхъ заявленій св. синода, что единовѣріе составляетъ одну Церковь съ православіемъ, эти колебанія и какая-то подозрительность высказываются не прямо, а намеками, довольно прозрачными, и чаще всего касаются тѣхъ или другихъ частныхъ его особенностей. Спросите священника, его жену, ревностнаго православнаго мірянина, спросите о томъ, можно ли и спасительно ли молиться дуперстно, и одинъ прямо назоветъ такого молящагося „старовѣромъ“¹⁾, т. е., по ихъ представленію, полуправославнымъ, полураскольникомъ, другой заговоритъ о *правильности* троеперстія, т. е., перенесетъ рѣчь на относительное превосходство, рискуя услышать возраженія и доказательства против-

1) Терминъ этотъ неправильный, ибо персты и ихъ сложеніе къ предметамъ вѣры не относятся, но онъ очень часто употребляется какъ-то безсознательно.

наго, отъ чего могутъ послѣдовать пререканія и споры, легко доводящіе до взаимнаго раздраженія; толку отъ этихъ споровъ никакого, ибо нитому ни другому не убѣдить своего противника, а между тѣмъ взаимный миръ уже нарушенъ безъ всякой благословной причины. Дѣло въ томъ, что всякій обрядъ, какъ внѣшній знакъ, получаетъ жизненность и значеніе не самъ по себѣ, а отъ того, какая мысль въ него влагается, да при томъ исполнѣ онъ и не въ состояніи выразить эту мысль, а выражаетъ ее только одной какой-либо стороной. Особенно это нужно сказать о непостижимѣйшемъ догматѣ единосущія Божественныхъ Лицъ. Святые отцы древней христіанской Церкви, разсуждавшіе о непостижимомъ Существѣ Божіемъ, учили, что если и можно находить символы единосущія св. Троицы, то въ слабыхъ лишь подобіяхъ видимаго міра, при чемъ указывали и самыя подобія безъ всякихъ усилій доказывать исключительное превосходство одного подобія предъ другимъ (Твор. свв. Аеанасія, Василія и Григорія Богослова). Не можемъ пройти молчаніемъ одинъ, особенно выдающійся примѣръ св. Великомученицы Варвары, которая знакъ св. Троицы изобразила въ трехъ окнахъ, въ банѣ (Четьи-Минеи 4 дек.). И этого никто не зазрѣлъ. Какіе поэтому могутъ быть споры о правильности, или неправильности и внѣшняго символа перстосложенія, или относительнаго превосходства одного предъ другимъ? Зачѣмъ же взаимными препирательствами мутить души? Пусть исторія послужитъ намъ урокомъ. Въ ней и единоперстіе (не монофизитское) было (Бес. св. Злат. на ев. отъ Матѣ. 54), и символъ Троичности безъ обозначенія двухъ естествъ во Христѣ (Ефр. Сир. сл. 105-е), и двуперстіе безъ знаменованія трехъ перстовъ (Петръ Дамаскинъ), и двуперстіе съ троеперстіемъ, соединенное въ нѣсколько разныхъ видахъ, и съ неодинаковымъ знаменованіемъ (Стоглавъ, Посланіе п. Іова въ Грузію, Большой Катехизисъ, кн. Кириллова, Предисл. къ Псалтири п. Іосифа и книга о Вѣрѣ), и одно замѣнялось другимъ безъ всякихъ пререканій. И это исполнѣ соотвѣтствуетъ существу предмета. Ибо для единства вѣры и для спасенія требуется единеніе духа и упованія, въ союзъ міра, а не единеніе обряда ¹⁾.

¹⁾ Последнее наглядно показываютъ и старообрядцы при единствѣ содержанія обряда, расколовшіеся на многіе толки.

Мы остановились на двуперстїи, какъ на самомъ видномъ отличїи всего старообрядства, которое считается едва не кореннымъ его догматомъ. Другія особенности единовѣрія касаются или отличїй языка, или относительной правильности перевода, или такихъ вопросовъ, напримѣръ, о количествѣ, просфоръ на проскомидїи, о круговыхъ хожденїяхъ посолонь или противъ солнца, объ относительномъ превосходствѣ которыхъ тоже можно разсуждать и спорить безъ конца. И все выйдетъ бесплодный въ дѣлѣ вѣры и спасенїя мутящїй душу споръ.

Иные, сознавая свое безсилїе сладить съ вопросомъ о единовѣрїи въ его принципахъ и основахъ, но не желая въ то же время отказаться отъ своихъ подозрительныхъ взглядовъ, переносятъ вопросъ на почву жизни и ея фактовъ, говорятъ о томъ, каковы—единовѣрцы. Дѣйствительно, перенесенный въ область живыхъ людей, съ ихъ понятїями и привычками, съ ихъ симпатїями и антипатїями, вопросъ этотъ можетъ получать очень разнообразныя отвѣты, и самое единовѣрїе казаться то такимъ, то инымъ, то полезнымъ и желательнымъ, то подозрительнымъ, вмѣсто пользы церковной вредъ приносящимъ, создавшимъ лишь двусмысленныя отношенїя. Каждый при этомъ указываетъ на то, что пришлось ему подмѣтить во взглядахъ и поступкахъ частныхъ лицъ изъ единовѣрцевъ и ихъ отношенїй къ православію. Кто, серьезно присматриваясь къ единовѣрцамъ, видитъ въ нихъ искреннихъ членовъ Церкви, въ глазахъ того и существующїя особенности отодвигаются какъ бы вдаль и не портятъ впечатлѣнїя, а иногда нѣкоторыя даже похваляются, отъ чего и самое единовѣрїе является прекраснымъ и желательнымъ. Но если замѣчаютъ въ единовѣрцахъ стремленїе къ рѣзкой обособленности отъ православія, проявленїя сепаратизма, что и примѣтитъ бываетъ легче, какъ всякое отрицательное свойство, то отсюда дѣлаютъ невыгодное заключенїе и о самомъ единовѣрїи, судя о немъ именно по людямъ, которыхъ предъ собой видятъ. Понятно, что такая точка зрѣнїя невѣрная, но отрѣшиться отъ нея могутъ лишь немногіе; разубѣдить же въ ея неправильности никогда почти не удается, такъ какъ фактъ на лицо.

Въ Сарапулѣ намъ пришлось увидѣть нѣчто совсѣмъ обратное сему и просто непонятное. Съ одной стороны факты

говорили нѣчто доброе, примиряющее и совѣмъ близкое къ намъ, а съ другой—сужденія о единовѣрїи чрезъ мѣру тяжелыя, и взгляды на него подозрительныя, мрачныя. Поэтому мы и рѣшаемся сказать о тѣхъ и другихъ.

Почтенный о. протоіерей единовѣрческой церкви Рябовъ пригласилъ насъ побывать за литургїей въ воскресенье 11-го іюня, и мы изъявили полную готовность и желаніе исполнить его просьбу. Въ назначенное время насъ привезли въ неизвѣстный намъ храмъ. Вошли и думаемъ, можемъ ли мы знаменоваться троеперстно, какъ на это посмотреть. Мы знаменаемся и въ церквахъ единовѣрческихъ троеперстно по особой причинѣ, о которой скажемъ далѣе. Начали молиться, никто не обращаетъ вниманія, какъ мы крестимся. Слышимъ пѣніе не то, принятое единовѣрческое пѣніе, какое доселѣ слышали, а какое-то особенное: напѣвы древніе, но исполненіе на четыре голоса, при полной гармонїи (согласїи), хоръ весьма хорошій. Мы слушали и пожалѣли, отъ чего въ большинствѣ нашихъ православныхъ храмовъ потеряны эти древніе напѣвы. Далѣе, всматриваемся и замѣчаемъ, что молящіеся стоятъ въ разнообразныхъ одѣянїяхъ, видны и кафтаны и пиджаки, и платки и шляпы у женщинъ на головахъ 1); и кланяются молящіеся не въ то только время, когда по уставу положено, но полагаютъ поклоны и при другихъ молитвенныхъ возгласенїяхъ. Вслушиваемся въ самое богослуженіе и въ возгласы, слышимъ „вѣкомъ“, „отложимъ печаль“ (на херувимской пѣсни) вмѣсто „попеченіе“; но опять видимъ великій выходъ по принятому въ православной Церкви обычаю, съ поминовеніемъ Государя и Царствующаго Дома. Это, положимъ, принято и во многихъ другихъ единовѣрческихъ церквахъ. Но далѣе, послѣ словъ: „Благодаримъ Господа“, поютъ: „Достойно и праведно естъ покланятися Отцу и Сыну и Святому Духу, Троицѣ единосушнѣй и нераздѣльнѣй“. Еще прежде, на ектенїи великой, слышали слова: „о соединенїи всѣхъ“, а не „совокупленїи“. Въ концѣ литургїи слышали пѣснь: „Видѣхомъ свѣтъ истинный...“ Слыша все это, мы невольно останавли-

1) Въ нѣкоторыхъ единовѣрческихъ церквахъ особенное гоненіе на женскія шляпы, которыя требуютъ непременно снимать, а голову покрывать платкомъ.

вались на мысли, туда ли насъ привезли, въ единовѣрческую ли церковь, не въ православную ли, по ошибкѣ, тѣмъ болѣе, что и служилъ священникъ, намъ незнакомый (не о. протоіерей Рябовъ). Но вслушиваясь въ нѣкоторыя выраженія, сознавали опять, что мы, дѣйствительно, находимся при единовѣрческомъ богослуженіи. И снова въ душѣ являлось какое-то недоумѣніе, что-же это такое?.. Церковь была полна молящимися. Во время причастія насъ попросили въ алтарь, гдѣ мы и увидѣлись съ почтеннымъ о. протоіереемъ. О. протоіерей обратилъ наше вниманіе на храмъ, благоукрашенный, на довольно богатую ризницу. Мы выразили ему свое удивленіе по поводу особенностей, сближающихъ единовѣрческую службу съ православною, и въ объясненіе сего услышали, что это не вдругъ явилось, а стоило тридцатилѣтнихъ трудовъ. Вотъ и нашлась разгадка! Останавливаясь теперь мыслію на этомъ необычномъ явленіи, мы, *дѣйствительно*, не можемъ не понять, чего такое сближеніе стоило, и насколько потерялся въ немъ присущій еще многимъ единовѣрцамъ обрядовѣрный характеръ и свойственное пренебреженіе къ обрядамъ православія. Не говоря о женщинахъ въ шляпахъ, мы сами испытывали нѣчто подобное относительно троеперстнаго знаменованія, о чемъ, къ случаю, думаемъ рассказать. На первыхъ порахъ, немало лѣтъ назадъ, когда мы впервые стали посѣщать единовѣрческій храмъ и знаменоваться троеперстно, къ намъ подходили и оговаривали, но мы оставались непреклонны, большаго ничего не случилось, а потомъ насъ оставили въ покоѣ. Случалось только,—и это было недавно,—одна старушка, видя, что мы, стоя даже въ алтарѣ, молимся прямо предъ св. престоломъ троеперстно, все вздыхала и довольно громко шептала: „охъ, Господи, хоть-бы молился-то не въ алтарѣ!“... А почему мы такъ поступали и поступаемъ, на это есть своя причина. Не менѣе 20 лѣтъ назадъ, когда мы на нашихъ бесѣдахъ говорили, что можно молиться и троеперстно и двуперстно, что спасенію это не вредить, и сами не разъ знаменовались двуперстно, показывая тѣмъ, что мы и двуперстіемъ не пренебрегаемъ и ересью его не считаемъ,—одинъ изъ единовѣрцевъ спросилъ насъ, почему мы не знаменаемся двуперстно, когда бываемъ въ единовѣрческихъ церквахъ при богослуженіи, тогда какъ даже архіереи при

посѣщеніи ихъ храмовъ крестятся двуперстно? Это-де показываетъ, что на бесѣдахъ мы неправду говоримъ, лицемеримъ. Мы отвѣчали, что архіерей, посѣщая ихъ храмы, является, какъ ихъ *пастырь*, пасущій находящихся въ его стадѣ овецъ, привыкшихъ къ извѣстнымъ обычаямъ, и потому исполняющій ихъ, чтобы овцы отъ него не побѣжали, я же являюсь, какъ простой молящійся, поэтому примѣръ архіерея ко мнѣ не подходитъ. Впрочемъ, продолжали мы, я согласенъ и по вашему поступать только подъ условіемъ: если вы, когда приходите въ соборъ, или въ Казанскій монастырь, или въ другую православную Церковь, будете молиться троеперстно, то и я, приходя къ вамъ, стану молиться двуперстно! Единовѣрецъ замѣтилъ, что это ему не подобаешь. Тогда и мы сказали, что и намъ, значить, не подобаешь. Ибо, если онъ уважаетъ свой обрядъ, Церковію благословленный, то и я уважаю свой, обдержно Церковію принятый. На этомъ мы и примирились, сохранивъ достоинство того и другого обряда... Но вотъ, закончили мы, если буду когда участвовать въ вашемъ богослуженіи, напримѣръ, если буду воспріемникомъ (крестнымъ) при присоединеніи кого-либо изъ раскола, или буду читать у васъ канонъ, или что другое, тогда и исполнять стану все по вашему. Такъ, дѣйствительно, мы и поступаемъ и думаемъ, что это въ порядкѣ вещей, и согласно съ духомъ и правилами единовѣрія. Мысли свои мы сообщили и отцу протоіерею.

Разказавъ о томъ, что пришлось намъ видѣть и слышать у Сарапульскихъ единовѣрцевъ, освѣтимъ нѣсколько слышанное и видѣнное. И прежде всего замѣтимъ, что не форма сама по себѣ насъ заинтересовала,—о формѣ можно разсуждать, сколько угодно и *за и противъ*,—а духъ сближенія, какой въ этой формѣ или въ этихъ отличительныхъ особенностяхъ проявляется. Это совсѣмъ не то, что духъ раскола, размѣнявшійся на мелочи, готовый придратъ къ каждой іотѣ и чертѣ. Нѣкогда, при началѣ раскола, его вожди, въ числѣ обвиненій на православную Церковь, предъявляли и то, что послѣ словъ „достойно и праведно“ прибавлено: „поклонитися Отцу и Сыну и Св. Духу, Троицѣ единосущнѣй и нераздѣльнѣй“, и это находили „неподобнымъ прилогомъ“ ¹⁾. Также обвиняли они и за гнѣніе „Ви-

1) Діаконъ Федоръ. Матер. для ист. раск. т. VI, стр. 159.

дѣломъ свѣтъ истинный“. Что въ томъ и другомъ нехорошаго по существу, понятно всякому: вѣдь чины и молитвы богослуженія не установлены разъ навсегда, неизмѣнно, и литургійное пѣснопѣніе „Единородный Сыне и Слове Божій“, да и пѣснь херувимская внесены уже послѣ свв. Василія Великаго и Златоуста. Будетъ ли такимъ образомъ грѣхомъ прибавить нѣсколько хорошихъ молитвенныхъ словъ, или и ввести новую молитву и пѣснопѣніе?! Конечно, нѣтъ! И только, человекъ, утопающій „на брезѣ грамматическаго разума“, можетъ такъ думать и говорить. Единовѣрцы, положимъ, этихъ обвиненій прямо не предъявляютъ, но себя строго оберегаютъ отъ всего новаго, хотя бы и хорошаго, почему иныя и Царской Фамиліи на великомъ выходѣ на литургіи не поминаютъ и изъ-за чтенія введенной особой молитвы за Царя послѣ сугубой ектеніи возбуждаютъ мѣстами препирательства и не читаютъ ее. И здѣсь у нѣкоторыхъ единовѣрцевъ обнаруживается такимъ образомъ таже излишняя приверженность къ редакціи „старой“ книги, хотя имъ самимъ хорошо извѣстно, что и между этими старыми книгами есть много несходнаго, встрѣчаются и прибавленія молитвъ и прошеній на ектеніяхъ (чинъ крещенія по Потребникамъ п.п. Филарета и Іосифа. См. въ нашемъ Руководствѣ по Облич. раск., стр. 115). И сами же они не послѣдуютъ даже Службникамъ патріаршимъ долѣтъ п. Никона относительно, напримѣръ, количества просфоръ на проскомидіи, а руководствуются лишь Номоканономъ, при Потребникахъ Іоасафовскомъ и Іосифовскомъ напечатанныхъ (См. наше „Руководство“, стр. 142). Отъ излишней привязанности къ книжной буквѣ и выходитъ, что когда священникъ возгласитъ: „Благодаримъ Господа“, то хоръ отвѣчаетъ лишь двумя словами: „Достойно и праведно“, вслѣдствіе чего слова эти или чрезмѣрно растягиваются, пока служащій успѣетъ прочитать положенную молитву, или просто въ молчаніи приходится выжидать слѣдующаго возгласенія, да при этомъ и мысль какъ будто обрывается и не доканчивается,—что именно „достойно и праведно“. Затѣмъ, когда, при окончаніи литургіи, священникъ возгласитъ: „Спаси, Боже, люди Твоя...“, то въ отвѣтъ слышится молчаніе, а между тѣмъ въ это время дискось съ св. престола переносится на жертвенникъ, и совершается

каждене предъ потиромъ; вслѣдствіе этого происходитъ молчаливый перерывъ. Въ церквахъ православныхъ въ это время и поютъ: „Видѣхомъ свѣтъ истинный...“ Старое слово „о совокупленіи“ всѣхъ, съ развитіемъ языка, утратило свой прежній смыслъ и потому естественно замѣнено словомъ „соединеніе“.

А что касается до положенія поклоновъ въ неуказанное время и до покрытія женщинами своихъ головъ шляпами, то, во 1-хъ. уставы, коими положено въ извѣстное время полагать поклоны (поясные или земные), нигдѣ не воспрещаютъ полагать ихъ и не въ указанное время. И это понятно: такое воспрещеніе не соотвѣтствовало бы благоговѣйному настроенію молящагося, его потребности преклониться предъ Господомъ и не въ урочное время. Во 2-хъ, хотя св. апостолъ и повелѣваетъ женщинамъ въ церкви имѣть голову покрытою, въ знакъ подчиненія мужу, но форма покрытія также не установлена, даже ношеніе длинныхъ волосъ называется уже покрытіемъ (1 Коринѣ. гл. 11, ст. 5—15). Поэтому платкомъ, или шляпой, или чѣмъ другимъ покрывать голову, это по апостолу все равно; если же у насъ принято покрываться платкомъ, то по русскому *только* обычаю. Правда, въ послѣднемъ случаѣ указываютъ на модное щегольство, въ церкви неприличное. Но разбирать, кто для чего одѣваетъ шляпу, а не платокъ, невозможно: и въ шляпахъ ходятъ иногда женщины престарѣлыя и вовсе не щеголихи; да бываетъ, что иная шляпа далеко хуже и проще дорогого платка, которымъ также можно щеголять.

Эти наши замѣчанія не понравятся, вѣроятно, многимъ единовѣрцамъ. Но что же дѣлать?.. Недавно одинъ преосвященный въ застольной рѣчи назвалъ насъ другомъ единовѣрцевъ. Такъ оно и есть. Но дружба на томъ именно и держится, чтобы не все безъ разбора хвалить, а иное и не одобрять, а только говорить правду.

Мы могли бы указать и еще на нѣкоторыя частности въ богослуженіи Сарапульскихъ единовѣрцевъ, сближающія ихъ въ обычаяхъ съ православными, но и сказаннаго довольно. Отъ этого единовѣрческая церковь посѣщается и многими православными, что, кажется, и вызываетъ недовольство нѣкоторыхъ. Но какъ же быть? Ужели запереть церковныя двери?

Какъ бы то впрочемъ ни было, но заслуживаетъ вниманія то непредвидѣнное обстоятельство, что при такомъ сближеніи единовѣрія съ православіемъ въ Сарапулѣ, первое какъ-то унижается тамъ нѣкоторыми православными, какъ нѣчто сомнительное, и заподозрѣвается тѣми изъ православныхъ, отъ коихъ всего менѣе можно было бы этого ожидать. На бесѣдѣ нашей о единовѣрїи, когда мы раскрывали ту мысль, что единовѣрїе и православіе составляютъ одну Церковь, какой-то старообрядецъ заявилъ, что это только наше мнѣніе, а здѣсь думаютъ и на бесѣдахъ говорить иначе, при чемъ указалъ и на одно отсутствующее лицо. Мы не придали значенія этому заявленію, думая, что оно или ошибочно, или прямо лживо. Но вскорѣ оказалось, что это—правда. Подозрительный на единовѣрїе взглядъ, какъ на что-то сомнительное и даже бесполезное, по существу худшее православія, и не могущее поэтому быть одной съ нимъ Церковію, со словъ перенесенъ на бумагу и попалъ въ печать.

Въ Вятскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1900 годъ (№ 1-й) напечатана рѣчь, въ коей говорится, что хотя въ Вятской епархіи и возлагаютъ въ борьбѣ съ расколомъ надежды на единовѣрїе, но въ Сарапульскомъ викаріатствѣ этой надеждѣ мѣста нѣтъ. Единовѣрїе въ отношеніяхъ своихъ къ православію заявило себя стремленіемъ не помочь православію, а ослабить его, поживиться на его счетъ, пользоваться плодами православной миссіи... Мы съ изумленіемъ прочитали этотъ жесткій приговоръ и искали какихъ-либо фактовъ, подтверждающихъ оный, но ихъ не оказалось. А между тѣмъ этотъ приговоръ произнесенъ ни много, ни мало, какъ бывшимъ викаріальнымъ миссіонеромъ г. Тронинымъ ¹⁾. Въ чей собственно огородъ брошенъ этотъ тяжелый камень, кто и чѣмъ воспользовался его миссіонерскими трудами, про то онъ также умалчиваетъ. Конечно, въ семьѣ, быть можетъ; и не безъ уroda, но одинъ уродъ не можетъ давать основанія къ огульному нареканію. О единовѣрїи въ самомъ городѣ Сарапулѣ мы вынесли совсѣмъ обратное впечатлѣніе. Затѣмъ, одинъ изъ

¹⁾ Въ настоящее время состоитъ на службѣ въ Благовѣщенской епархіи.

священниковъ викаріатства въ сильныхъ выраженіяхъ письменно протестовалъ противъ высказаннаго обвиненія. „Первая моя забота, писалъ онъ въ одной бумагѣ, по принятіи священства, была о благоустройствѣ храма... Второй предметъ моей заботы и, можно сказать, самый главный, это овцы ины, находящіяся внѣ двора Господня. Чтобы привлечь ихъ въ этотъ домъ Господень, я старался и стараюсь, какъ можно торжественнѣе и безъ опущенія, совершать божественную службу какъ общественную, такъ и частныя христіанскія требы, съ этою же пѣлію посѣщаю дома прихожанъ и душевно бесѣдую съ ними о необходимости принадлежать къ числу членовъ Церкви Божіей и быть участниками трапезы Господней, разясняя имъ всю гибельность ихъ заблужденія, и, благодареніе Господу, нашлись добрыя сердца, которыя вняли моему призыву и возвратились съ гибельнаго пути. Въ разное время мною присоединено къ Церкви 106 человекъ“. При этомъ почтенный пастырь ссылается на одобрительные печатные отзывы о его дѣятельности лицъ, занимающихъ оффиціальное положеніе. „Хорошо также понимая, продолжаетъ онъ, что въ борьбѣ съ расколомъ великую помощь можетъ оказать и церковная школа, съ первыхъ же дней моего служенія я обратилъ на это святое дѣло особенное вниманіе, устроивъ школу. Школа пріобрѣтаетъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе себѣ довѣрія, какъ со стороны православныхъ, такъ и раскольниковъ, которые охотно отдають учиться какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, которые и Законъ Божій изучаютъ съ примѣрнымъ усердіемъ“¹⁾.

„При помощи Божіей, благодаря бесѣдамъ и школѣ, расколъ замѣтно слабѣетъ, а фанатичные вожаки, видя свое безсиліе защищать свое лжеученіе, сочли за лучшее убраться въ другія мѣста“. О такомъ ослабленіи раскола въ данной мѣстности также свидѣтельствуютъ и другіе, лица оффиціальныя.

„Служа въ единовѣрческомъ приходѣ, я всегда старался разяснять какъ ранѣе обратившимся, такъ и вновь обра-

1) Отч. Сарап. Братства за 1894—1895 гг., стр. 57 и 70.

щающимся значеніе единовѣрія, что оно только тогда спасительно, когда будетъ въ полномъ единеніи духа съ православною Церковію, и отрадно для меня то явленіе, что прихожане мои не чуждаются храмовъ православныхъ, но посѣщаютъ съ одинаковымъ благоговѣніемъ "... За ревностную и плодотворную пастырскую дѣятельность священникъ въ 1895 г. былъ награжденъ набедренникомъ 1).

Къ этому протестующему голосу единовѣрческаго священника противъ огульнаго печатнаго обвиненія единовѣрія въ Сарапульскомъ викаріатствѣ, голосу, вылившемуся „отъ туги сердца“, добавлять нечего. Дѣло говоритъ само за себя, и оффиціальныя данныя подтверждаютъ это.

Понятно, что брошенное тяжелое обвиненіе противъ Сарапульскихъ единовѣрцевъ произвело удручающее впечатлѣніе не на одного только означеннаго священника, но и на другихъ іереевъ и понимающихъ дѣло мірянъ. Видимо, не только по вопросу о дѣятельности единовѣрческаго духовенства, но и по вопросу о самомъ единовѣрїи существуетъ какое-то крупное недоразумѣніе. Въ видахъ прекращенія этого недоразумѣнія и разъясненія истиннаго смысла единовѣрія, его значенія и законности, а также и взгляда на него высшей церковной власти, мы и сочли необходимымъ предложить публичную о немъ бесѣду. Главными вопросами на этой бесѣдѣ были: вопросъ о допущеніи обрядоваго разнообразія въ одной мѣстной церкви и вопросъ объ отношеніи единовѣрія къ постановленіямъ собора 1667 года, а отсюда и вопросъ о безусловной яко-бы необходимости для разрѣшенія употребленія отмѣненныхъ на немъ обрядовъ въ созваніи новаго, соответствующаго собора. Рядомъ соборныхъ правилъ древней Церкви мы показали, что такой необходимости нѣтъ, такъ какъ и древняя Церковь разрѣшала употребленіе того, что прежде было соборами запрещено, подъ угрозой даже клятвы, безъ новыхъ соборовъ (См. въ „Собраніи“ нашихъ сочиненій, т. 1, ст. „Старообрядство и расколъ“). Дай Богъ, чтобы недоразумѣніе скорѣе прекратилось, чтобы на единовѣрїе перестали смотрѣть, какъ на мостъ изъ православія въ расколъ, что

1) Вятск. епарх. Вѣд. № 7-й.

высказываютъ иногда и въ другихъ мѣстахъ люди неразумные! Да помогутъ этому и сами единовѣрцы своимъ искреннимъ отношеніемъ къ православной Церкви, живою съ нею связію и духовнымъ единеніемъ!

Въ Сарапулѣ мы пробыли пять дней и сдѣлали четыре бесѣды: первую объ антихристѣ, вторую о пути спасенія, третью о единовѣрціи и четвертую о бѣгунахъ. Всѣ бесѣды посѣщались очень усердно и духовенствомъ, съ преосвященнымъ Владиміромъ во главѣ, и представителями образованнаго класса и простымъ народомъ.

Не можемъ не выразить въ заключеніе нашей сердечной признательности преосвященнымъ Алексію, епископу Вятскому и Слободскому ¹⁾, благословившему наши труды по телеграфу, и Владиміру, бывшему епископу Сарапульскому, любезно принявшему насъ въ своемъ домѣ и своимъ постояннымъ вниманіемъ облегчавшему наши труды.

Проф. *И. Ивановскій.*

¹⁾ Нынѣ экзархъ Грузіи.

Наблюдения и мысли православнаго миссіонера (изъ бывшихъ расколуучителей).

(Докладъ Донскому миссіонерскому съезду).

Почтенные отцы и братіе.

Число раскольниковъ въ Березовскомъ округѣ, въ которомъ я миссіонерствую, восходитъ до 17-ти тысячъ; изъ нихъ двѣ трети бѣглопоповцевъ, одна треть пріемлющихъ австрійское священство [окружниковъ и незначительное число безпоповцевъ. Сектантовъ, именующихъ себя баптистами, числится 104, молоканъ тамбовскаго уклейнскаго толка—200, духоборцевъ—56 и хлыстовъ открытых—34.

Очагами бѣглопоповщины можно назвать станицы: Глазуновскую и Малодѣльскую, по многолюдству расколическаго населенія, а также хутора: Орѣшкинъ, етеревской станицы, и Медвѣдевъ, скурпшенской станицы. Въ первомъ часто бываютъ собранія наставниковъ бѣглопоповства даже изъ отдаленныхъ мѣстъ, напр., съ Поволжья, а во второмъ жительствоеть поставщикъ требоисправителей; близость желѣзнодорожной станціи облегчаетъ послѣднимъ сношенія съ таковыми же агентами по пріисканію требоисправителей, живущихъ во внутреннихъ губерніяхъ. Раскольники австрійскаго толка особенно сильны въ хуторахъ: Ендовскомъ, ново-александровской станицы, Абрамовомъ, арчадинской станицы и Попковомъ, островской станицы. Въ первыхъ двухъ все населеніе состоитъ изъ раскольниковъ одного австрійскаго толка со лжепопами изъ мѣстныхъ жителей во главѣ. Надо много имѣть мужества, чтобы члену такъ тѣсно сплоченной общины открыто высказать сомнѣніе въ правотѣ раскола; взысканные же милостію Божіею и присоединившіеся къ св. Церкви вынуждены были переселиться изъ хутора Абрамова въ станицу Краснокутскую, а изъ хутора Ендовскаго идти въ услуженіе къ землевладѣльцамъ и хлѣботорговцамъ.

Въ хуторѣ Попковомъ хотя раскольники австрійскаго толка составляютъ не болѣе трети населенія, но мѣсто это, какъ родина именующаго себя „старообрядческимъ архі-епископомъ московскимъ Іоанномъ“, моего родного брата, казака Іустина Картушина, пользуется особымъ его покровительствомъ и благостынею его почитательницъ; на его или ихъ средства построены въ хуторѣ внушительныхъ размѣровъ двухъ-этажный домъ; верхъ весь приспособленъ къ молитвеннымъ собраніямъ, чтецы и пѣвцы получаютъ отъ него же опредѣленную плату за свой трудъ, чѣмъ поощряются къ исправному совершенію богослуженія съ нескрывае-мой цѣлью „затмить никоніанство“. Лжепопъ Михаилъ, двоюродный братъ лжевладыки, облаченъ симъ послѣднимъ большими полномочіями. Онъ благочинный, онъ духовный слѣдователь безъ ограниченія мѣстности до Петербурга включительно, онъ же и посолъ на всѣ соборы. Возвращаясь изъ своихъ поѣздокъ, онъ убаюкиваетъ своихъ довѣрчивыхъ слушателей рассказами о подвигахъ ихъ передовиковъ, о томъ, что они тамъ „въ министеріяхъ“ чуть не добились уже полного равноправія съ православными; для того же, чтобы разсѣять сомнѣнія въ правотѣ раскола, Іустинъ часто посылаетъ сюда извѣстнаго защитника раскола К. Перетрухина.

Какъ пережившій всевозможныя видоизмѣненія въ развитіи религіознаго сознанія, отъ робкаго сомнѣнія, до той стадіи, съ которой начинается процессъ умственной работы съ положительнымъ характеромъ, я осмѣливаюсь предпо-лагать, что усилія защитниковъ раскола могутъ имѣть успѣхъ. Ученіе ихъ, какъ плевелы, могутъ заглушить въ самомъ зачаточномъ состояніи ростки отъ сѣмени чистой пшеницы слова истины. Безпоповщина, по своей малочисленности, не имѣетъ у насъ ни прочнаго гнѣзда, ни видныхъ представителей, раздѣляется на четыре толка. *Поморцы* живутъ въ хуторахъ Усть-Хоперской станицы, *никудышники* въ хуторѣ Глинскомъ, раздорской станицы, *христіане 8-го вѣка* въ станицѣ Усть-Медвѣдицкой и *средники* въ хуторѣ Мостовскомъ, глазуновской станицы.

Не буду утомлять вашего дорогого вниманія описаніемъ внѣшняго положенія расколо-сектантства. Я нахожу болѣе

полезнымъ для дѣла характеристику внутренней стороны въ жизни мѣстнаго раскола и оцѣнку толковъ его по степени вреда, какой приноситъ онъ теперь и можетъ принести въ будущемъ православной Церкви. Расколъ австрійскаго толка, несмотря на видоизмѣненія его послѣ изданія Окружнаго Посланія какъ будто къ лучшему; въ сущности нисколько не подвинулся къ сближенію со св. Церковію; многочисленные защитники раскола изошряются въ пріисканіи новыхъ обвиненій на православную Церковь, послѣ того какъ предъявленныя родоначальниками русскаго раскола обвиненія были опровергнуты; а это обстоятельство свидѣтельствуешь объ отсутствіи въ нихъ христіанскаго смиренія и миролюбія, о неготовности ихъ сердца любить истину. Правда, одинъ изъ сродниковъ передавалъ мнѣ, будто Московскій владыка заповѣдалъ ему меньше остерегаться общенія съ никоніанами, нежели съ раскольниками другихъ толковъ, и я самъ не очень давно видѣлъ, какъ одинъ старообрядецъ, по входѣ въ домъ одновременно съ православнымъ, изъ числа трехъ входныхъ поклоновъ, два положилъ вмѣстѣ съ православнымъ; даже Перетрухинъ въ частной бесѣдѣ со мной при немногихъ свидѣтеляхъ сказалъ мнѣ: „намъ съ вами не слѣдовало бы препираться, а общими силами ратовать противъ общаго врага безпоповщины“. Но какъ поступокъ рядового раскольника, молившагося съ православнымъ, такъ и слова расколоучителя имѣютъ подъ собой худую подкладку. Въ первомъ случаѣ сказалось обычное въ наше время безразличное отношеніе къ требованіямъ своей вѣры, а расколоучитель своей мнимой благонамѣренностью по отношенію къ православной Церкви хотѣлъ бы усыпить бдительность ея защитниковъ, чтобы удобнѣе сѣять свои плевелы. Изъ разговоровъ съ старообрядцами о томъ, усомнились ли въ своемъ упованіи, надежно ли оно, я узналъ о такомъ двуличіи расколовождей: если кому изъ нихъ предлагаетъ недоумѣнный вопросъ челоуѣкъ, носящій слабые зачатки сомнѣнія въ правотѣ раскола, такому онъ отвѣчаетъ цѣлымъ рядомъ обвиненій на православную Церковь; дабы напугать вопросителя и тѣмъ разсѣять его сомнѣніе, если же предлагаетъ вопросъ челоуѣкъ, порядочно освѣдомленный, что греко-россійская Церковь въ богословіи не погрѣшаетъ, такому расколоучитель говоритъ въ успокоеніе: „знаете,

голубчикъ, Церковь понятіе растяжимое; никоніане въ богословіи не погрѣшаютъ, а мы и тѣмъ паче, слѣдовательно, въ обширномъ смыслѣ слова мы составляемъ одну Церковь, а слѣдовательно, имѣемъ и одну главу Христа; священство исполняетъ служеніе рукъ, наше священство правая рука, а ихъ лѣвая, понялъ? Теперь подумай, какая рука лучше исполняетъ велѣніе головы?—Конечно правая“. Въ прошеніи, поданномъ Константинопольскому патріарху, раскольники именуютъ управляемую ими Церковь хранительницею православія и воѣхъ уставовъ церковныхъ, а на бесѣдѣ съ миссіонерами стараются доказать, что греческая Церковь „погубила вѣру“ еще до Никона. Оказывается, что дѣйствительныя отношенія вождей австрійскаго толка къ господствующей Церкви такія же враждебныя, какія существовали и у предковъ ихъ. Подъ давленіемъ доказательствъ, представленныхъ защитниками православія, холодный, не согрѣтый любовью умъ раскольника ищетъ выхода изъ своего ложнаго положенія безъ раскаянія и еще больше запутывается въ софизмахъ. Вотъ образчикъ: одинъ борзописецъ изъ австрійскихъ въ своей книжонкѣ построилъ обвиненіе противъ православія по слѣдующимъ правиламъ: въ книгахъ печати патріарха Іосифа молитва св. Ефрема читается такъ: „Господи, и Владыко животу моему, духъ унынія, небреженія, сребролюбія и празднословія отъими отъ мене“, а въ новоисправленныхъ, послѣ перечисленія нравственныхъ недостатковъ, стоятъ слова: „не даждь ми“; изъ этого сопоставленія развязный раскольничій адвокат-начетчикъ вывелъ такое заключеніе: они, раскольники, въ молитвѣ къ Богу исповѣдуютъ свою грѣховность и просятъ очистить ее „отъими отъ мене“, а никоніане считаютъ себя чистыми, Бога же представляютъ имѣющимъ эти вышеуказанные нравственные недостатки и просятъ Его не давать ихъ имъ, такъ и сказалъ: „пусть они останутся при Тебѣ“. Комментаріи, какъ говорятъ ученые, излишни. Я писалъ брату Іустину, спрашивая, каково его участіе въ составленіи и распространеніи подобныхъ книжонокъ, и сказалъ въ письмѣ, что буду нѣсколько утѣшенъ, если такая грязь разливается не его рукой, но не получивъ никакого отвѣта, я съ прискорбіемъ заключаю, что и онъ увлеченъ общимъ потокомъ слѣпой борьбы со свѣтомъ истины. Вотъ картина, прославляемой въ свѣтскомъ обществѣ

и печати, самой, повидимому, благонамѣренной части раскола, взятая съ натуры. Стоящимъ на стражѣ Христова стада предстоить подвигъ въ разсѣяніи мрака невѣжества, смягченіи упорства воли и обличеніи лукавствія сердца.

Бѣглопоповцы, несмотря на свое численное превосходство, чувствуютъ себя не особенно хорошо. Затрудненія при добываніи требоисправителей, открытое лицемѣріе ихъ вождей, которые берутъ напрокатъ всякій нравственный отбросъ изъ православной іерархіи на недѣлю или на двѣ, безъ всякаго чинопріема, внося напередъ условную плату за трудъ, поставило бѣглопоповщину лицомъ къ лицу съ вопросомъ: „въ православіе, въ австрійщину, или ужь дальше отъ поповъ.—въ стариковщину?“ Такое броженіе умовъ послужило поводомъ къ устройству собесѣдованія расколовождей между собою: окружника Перетрухина, бѣглопоповца Глухова и безпоповца Худошина. Броженіе это, благопріятное для дѣятельности миссіи, продолжается и доселѣ.

Безпоповцы еще менѣе опасны для православія, чѣмъ бѣглопоповцы. Слишкомъ ужь дикими кажутся православнымъ, нѣсколько освѣдомленнымъ въ бесѣдахъ, воззрѣнія безпоповцевъ на настоящее время, какъ на время господства послѣдняго антихриста. Отеческая попечительность правительства, правосудіе, оберегающее безопасность личности, честь имени и неприкосновенность собственности,—какъ блага вещественныя, свобода вѣры и убѣжденій, открытая проповѣдь Евангелія, безпрепятственное служеніе Богу и поощреніе къ доброй нравственности, какъ блага духовныя, при легкомъ разьясненіи, кажутся православнымъ несомвѣстимыми съ понятіемъ о временахъ послѣднихъ, когда люди побѣгутъ въ горы, „во еже скрытися отъ находящихъ золь“. Что же касается до послѣдователей ученія христіанъ 8 вѣка, воображающихъ, что они живутъ подь новымъ небомъ и на новой землѣ уже послѣ второго пришествія Христова и послѣдняго суда, празднують третью пасху, то такое ученіе для окружающихъ сектанта православныхъ, пока они находятся въ здоровомъ умѣ, незаразительно. Гораздо опаснѣе для сыновъ православной Церкви секты съ практической подкладкой и жизнерадост-

ной окраской, каковъ баптизмъ, гнѣздящійся въ Хоперскомъ округѣ. Весь катихизисъ этихъ сектантовъ состоитъ изъ одного слова „вѣруй“! Такой легкій способъ спасенія очень заманчивъ для людей, необученныхъ въ подвигахъ самоограниченія. Средства для обращенія раскольниковъ и сектантовъ къ православію употребляются обычные: собесѣдованія публичныя и частныя. Въ послѣдніе годы моей службы устройство публичныхъ бесѣдъ встрѣчаетъ затрудненіе въ отказѣ являться на бесѣды заурядныхъ начетчиковъ и наставниковъ, а разъ не пойдетъ наставникъ, не пойдетъ и народъ. Въ возмѣщеніе этого мы пользуемся всякимъ случаемъ, чтобы побесѣдовать о вѣрѣ, будь это случайный спутникъ. Я вѣдь не знаю, сколько мнѣ внимають и на публичной многолюдной бесѣдѣ,—можетъ быть, меньше одного. Плодами нашихъ бесѣдъ похвалиться не можемъ, эта сторона дѣла оставляетъ жажду неудовлетворенной. Но то ужъ наша личная вина, наша жизнь, на подобіе извѣстныхъ животныхъ, прирастающихъ къ землѣ, лишаетъ наше слово небеснаго огня, необходимаго для умягченія сердца слушателей. Идея миссіи и пожалуй даже организація ея, думаю, тутъ неповинны. Одно утѣшительно, что православные переводятъ себя изъ оборонительнаго въ наступательное положеніе: теперь нерѣдко встрѣтить немного грамотнаго православнаго, который даетъ отпоръ подобному себѣ рядовому раскольникову, а подчасъ и наставнику. Будемъ надѣяться, что будущіе дѣятели на нивѣ Господней, располагая большими познаніями, почерпнутыми изъ сокровищницы науки, и большимъ опытомъ, при помощи Божіей принесутъ большой плодъ. Это доставитъ намъ радость и здѣсь и въ томъ мірѣ.

На вопросъ, какъ поставитъ дѣло миссіи въ Донской епархіи, чтобы оно могло имѣть въ будущемъ большій успѣхъ, я отказываюсь отвѣчать, потому что считаю постановку миссіи достаточной, какъ по личному составу, такъ и по тѣмъ способамъ, которые даны миссіонерамъ къ исполненію лежащей на нихъ обязанности, разумѣю пользованіе церковными библіотеками и взиманіе даровыхъ подводъ. Но если бы кто спросилъ меня, нѣтъ ли такихъ препятствій, къ воссоединенію раскольниковъ и сектантовъ съ православною Церковью, которыя лежатъ внѣ области, вѣдаемой

дѣятелями миссіи, то я сказала бы, что такія препятствія существуютъ. Извѣстно, что сектанты на своихъ богослуженныхъ собраніяхъ читаютъ слово Божіе, съ цѣлью истолкованія и наученія; какое у нихъ толкованіе, — это другой вопросъ, но они толкуютъ, потому что слышатъ и разбираютъ читаемое. Наоборотъ, раскольники не считаютъ для себя обязательнымъ понимать то, что поется и прочитывается въ богослуженіи, но они строго наблюдаютъ, чтобы все, положенное по уставу, было выполнено. Теперь представимъ себѣ такой случай: два человѣка—раскольникъ и сектантъ слегка усомнились въ основательности своего упованія; какъ скоро сомнѣніе сознано, т. е., человѣкъ признался самъ себѣ въ наличности сомнѣнія, то фанатизмъ уступаетъ мѣсто любопытству, иногда страстному. Хочется все сразу узнать; человѣкъ ко всему присматривается и прислушивается. Вотъ, эти два человѣка вошли въ храмъ во время богослуженія и, какъ неубѣжденные, а только носящіе въ душѣ задатки возможности убѣжденія, естественно сдѣлаютъ сопоставленіе того, что они наблюдаютъ въ православныхъ съ тѣмъ, что у нихъ соблюдается. Всегда-ли и вездѣ будетъ въ пользу православія такое сопоставленіе? Не думаю, чтобы у кого достало смѣлости дать утвердительный отвѣтъ. Въ передовой статьѣ апрѣльской книжки „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ за настоящій годъ дана печальная картина народнаго невѣжества; тамъ сказано, что переселенцы въ Приамурскій край въ четвертомъ членѣ символа вѣры вмѣсто словъ: „распятаго же за ны при Понтійстѣмъ Шилагѣ“, читаютъ: „распятыхъ жены примостывся стрѣляти“, и происхожденіе этой тарабарщины приписано заимствованію отъ самоучекъ. А я, хотя съ большимъ прискорбіемъ, прихожу къ предположенію, что вина подобныхъ извращеній лежитъ не въ однихъ самоучкахъ, а и въ поспѣшномъ и невнятномъ чтеніи молитвъ и пѣснопѣній въ храмахъ. Еще теперь, когда учебныя заведенія выпускаютъ массу молодыхъ людей съ специальной псаломщической подготовкой, нерѣдко слышатъ въ псалмѣ: „Господь потопъ“ и такъ звучно, а потомъ „населяетъ“ беззвучно скороговоркой въ связи съ послѣдующими словами, или на страстной седмицѣ „богословствуетъ земля“..! Вотъ истинная при-

чина, по заявленіямъ самыхъ миролюбивыхъ раскольниковъ и сектантовъ, препятствующая воссоединенію ихъ съ св. Церковію. Теперь вопросъ: можемъ ли мы требовать, чтобы расколо-сектанты были снисходительны къ намъ такъ же, какъ должны быть снисходительны къ нимъ мы. И въ чемъ же должно выражаться наше снисхожденіе къ нимъ? Въ удовлетвореніи ихъ законныхъ желаній, мы же, какъ изволите видѣть, хотѣли бы, чтобы къ намъ были снисходительны въ поступкахъ сомнительной законности. До послѣдняго времени мы стыдились признаться себѣ, что разоряемъ одной рукой то дѣло, которое другою сами же дѣлаемъ. Но всему есть предѣлъ: я опять обращаюсь къ психологіи раскола. Кто имѣлъ счастье родиться въ православіи, воспитаться подъ сѣнію благодати Божіей и свободенъ отъ фарисейскаго презорства, возведеннаго въ расколъ чуть не въ добродѣтель, тотъ едвали и можетъ понять то огорченіе и муки, какія испытываетъ даже самый благонамѣренный раскольникъ, созерцая наши слабости. Нечего и говорить, какое оружіе этимъ мы даемъ въ руки ярыхъ враговъ Церкви, всегда и вездѣ съ злорадствомъ ставящихъ наши слабости въ вину Церкви.

Если съѣзду благоугодно будетъ, подъ руководствомъ церковнаго священноначалія, сдѣлать что-нибудь къ устраненію указанной мною причины,—такое дѣло будетъ идти прямо навстрѣчу назрѣвшей и перезрѣвшей потребности не только миссиі, но и всего русскаго народа.

Окружной миссіонеръ Донской епархіи
Каллиникъ Картушинъ.

Изъ миссіонерской полемики.

Беседа о причинахъ отдѣленія раскольниковъ старообрядцевъ отъ православной Церкви.

Миссіонеръ. Русскій расколъ, присвоившій себѣ наименованіе старообрядчества, возникъ въ 1653 г., вслѣдствіе нѣкоторыхъ обрядовыхъ исправленій, предпринятыхъ патріархомъ Никономъ. Самъ Усовъ въ предпоследней бесѣдѣ сказалъ, что „когда патріархъ Никонъ исправилъ нѣкоторые церковные обряды, то мы не захотѣли принимать этихъ исправленій и остались при всемъ старомъ“. И другой защитникъ раскола Василій Механиковъ говоритъ въ своей книгѣ „Историко-каноническое обзорѣніе старообрядческаго общества“: „Исторія раздѣленія, до того времени вполнѣ единой, русской Церкви на старообрядческую и новообрядческую имѣетъ свое начало и причину. Начало это относится къ половинѣ XVII столѣтія, и именно къ 1652 и 1653 гг., когда предъ самымъ наступленіемъ великаго поста патріархъ Никонъ разсылалъ по московскимъ церквамъ посланіе, такъ называемую „Память“, въ которой, между прочимъ, повелѣвалось, чтобы во время чтенія молитвы св. Ефрема Сирина („Господи, Владыко животу моему“) полагались земные поклоны не всѣ, а только четыре; двѣнадцать полагались бы поясные, и чтобы кромѣ того крестились тремя перстами. Эта-то „Память“ и дѣлается первичною причиною раздѣленія русской Церкви“ (л. 6 об., 10 об.). Но такія исправленія, какъ замѣна 12 земныхъ поклоновъ поясными, и самъ Мельниковъ далѣе называетъ исправленіемъ „самымъ непредосудительнымъ“ (тамъ же л. 11). Если же это такъ, если исправленія, предпринятія патріархомъ Никономъ и при томъ вызванныя крайнею необходимостью, и самъ раскольническій писатель называетъ „самымъ непредосудительнымъ“, то тѣмъ болѣе

является предосудительнымъ поступокъ первоучителей раскола, изъ-за непредосудительныхъ исправленій рѣшившихся порвать единеніе со св. Церковью и оклеветать ее еретическою. Усовъ—сторонникъ и защитникъ ученія своихъ первоучителей, оклеветавшихъ св. Церковь еретическою. Поэтому я и прошу его указать, какія въ 1653 г. патріархъ Никонъ ввелъ ереси, которыя заставили раскольниковъ отдѣлиться отъ нашей св. Церкви?

Усовъ. И только?

Миссіонеръ. Пока отвѣчайте на этотъ вопросъ.

Усовъ. Когда обвиняли насъ, вы были многоглаголивы, а теперь что-то прячетесь.

Миссіонеръ. Это лишнее. Отвѣчайте на вопросъ.

Усовъ. На вашъ вопросъ и отвѣчать нечего. Вы спрашиваете, что заставило насъ отдѣлиться отъ св. Церкви? Но старообрядцы никогда ни отъ какой Церкви не отдѣлялись. По вашему отдѣлиться—это значитъ отойти на какое-нибудь разстояніе что-ли? Отдѣлиться вотъ отъ этого стола легко: отошелъ отъ него шагъ или два, вотъ и отдѣлился. А отдѣлиться отъ Церкви Христовой—значитъ отступить отъ истинной вѣры, принять ереси. „Ересь отдѣляетъ отъ Церкви всякаго человѣка“, говоритъ седьмой вселенскій соборъ (Дѣян. вс. соб. т. 7, стр. 93, изд. 1873 г.), а мы отъ истинной вѣры не отступали, никакихъ ересей не принимали, слѣдовательно, мы никогда отъ св. Церкви не отдѣлялись, а оставались и остаемся въ той истинной Церкви Христовой, которая сіяла благочестіемъ до патріарха Никона, которая свято содержится и теперь нами. Мы содержимъ тѣ же обряды, какіе содержались до патріарха Никона, мы совершаемъ богослуженіе по тѣмъ же книгамъ, по которымъ оно совершалось при 5 первыхъ благочестивыхъ патріархахъ, а вотъ сама ваша новообрядчествующая Церковь, дѣйствительно, отдѣлилась отъ св. Церкви, преслушала ее и за это преслушаніе стала еретической. Я пока не буду вдаваться въ подробное перечисленіе ересей новообрядчествующей Церкви, а только попрошу о миссіонера, пусть онъ мнѣ отвѣтитъ, почему они отдѣлились отъ св. Церкви, что въ ней было нехорошаго, еретическаго? А пока о миссіонерѣ, пораженный такимъ неожиданнымъ для него оборотомъ бесѣды, собирается съ духомъ и соображаетъ, какъ вы-

- путаться изъ затрудненія, я укажу слушателямъ на одно обстоятельство, которое показываетъ, что *Самъ Богъ* обличаетъ о. миссіонера и называетъ его раскольникомъ.

Усовъ досталъ изъ бокового кармана № газеты „Приазовскій Край“ и хотѣлъ что-то прочитать, но сидѣвшіе около него раскольники вырвали изъ его рукъ газету, упрашивая его не читать. „Дайте сюда газету!“—обиженно сказалъ имъ Усовъ и, когда, послѣ краткаго препирательства, газета очутилась въ его рукахъ, онъ прочиталъ: „съ 18 января с. г. въ Ростовскомъ городскомъ соборѣ открывается рядъ публичныхъ собесѣдованій *противъ* раскольническаго миссіонера екатеринославской епархіи, священника Сергія Шалкинскаго, его знаменитымъ начетчикомъ Иваномъ Григорьевичемъ Усовымъ“. Видите, даже свѣтская газета и та называетъ о. Сергія раскольническимъ миссіонеромъ. Ясно, что Самъ Богъ обличаетъ его.

О. К. Молчановъ. Такъ какъ я писалъ это объявленіе, то позвольте сказать мнѣ нѣсколько словъ. Въ только что прочитанномъ Усовымъ печатномъ объявленіи есть двѣ опечатки: мною было написано: *противораскольническаго* миссіонера съ извѣстнымъ начетчикомъ, а напечатано вмѣсто: *противо*—*противъ*, вмѣсто *съ*—*его*, поэтому печатное объявленіе и вышло такимъ неяснымъ. Видѣть какое-то оправданіе для раскола въ этомъ объявленіи и можетъ только Усовъ, не разбирающій средствъ для своей защиты.

Изъ толпы. Усовъ богохульствуетъ, батюшка! Онъ говоритъ, что Самъ Богъ называетъ о. Сергія раскольническимъ миссіонеромъ, а назвалъ его такъ не Богъ, а наборщикъ типографіи! Кошунствуетъ онъ!

Въ народѣ поднялся шумъ, хотя до этого за все время веденія бесѣды царила образцовая тишина. Видно было, что выходка Усова, такъ легкомысленно употребляющаго имя Божіе, произвела на православныхъ неприятное впечатлѣніе, озлобило ихъ противъ Усова. Неприятна была эта выходка и раскольникамъ. И. Ф. Жаровъ не утерпѣлъ и тутъ же замѣтилъ Усову: „я говорилъ тебѣ—не читай: здѣсь не деревня!“

Миссіонеръ. Доказательство Усова „отъ Приазовскаго Края“ ясно характеризуетъ современныхъ защитниковъ раскола, которые давнымъ-давно убѣдились, что въ старопечатныхъ

книгахъ имъ нѣтъ оправданія: книги эти не оправдываютъ, а обличаютъ расколъ, поэтому теперь нерѣдко слышать отъ защитниковъ раскола цѣлыя тирады, выхваченныя изъ свѣтскихъ газетъ, а въ особенности изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, „Русскаго Труда“ и подобныхъ. Если бы встали теперь первые вожди раскола и взглянули бы на Усова, читающаго на душеспасительной бесѣдѣ свѣтскую газету, они непременно бы возопили: „оле, прелести!“ и отшатнулись бы отъ него, какъ отъ еретика. Да не только Аввакуму и подобнымъ ему непріятна такая защита „древняго благочестія“ газетами, непріятна она и вотъ этимъ старичкамъ, жаждавшимъ услышать отъ своего „знаменитаго“ начетчика защиту „не отъ Приазовскаго Края“, а отъ писанія божественнаго; вижу по ихъ лицамъ, что они осуждаютъ своего защитника, недовольны имъ. Но строго осуждать его нельзя, потому что онъ дѣлаетъ это въ силу крайней необходимости: ему остаются только два пути—или сознаться въ своемъ заблужденіи, или защищаться тѣмъ попало. Усовъ избралъ это послѣднее, какъ и другіе подобные ему защитники раскола, поставившіе своей цѣлью не выясненіе истины, а затемненіе ея предъ малоначитанными слушателями. Но Богъ имъ судья. Оставимъ это и займемся разборомъ отвѣта Усова на мой вопросъ. Усовъ говоритъ, что старообрядцы никогда ни отъ какой Церкви не отдѣлялись. Но вотъ эта книжка написана тѣмъ же Усовымъ. Послушаемъ, что скажетъ онъ здѣсь по этому вопросу.

„Старообрядческая Церковь *отдѣлилась* отъ еретичествовавшихъ іерарховъ и ихъ послѣдователей, подобно тому, какъ Церковь древнихъ временъ отдѣлилась отъ еретичествоващаго папы и его Церкви“ (Е. Антоновъ: Разсмотрѣн. изд. поповщ. австр. согл. книги „Разборъ отвѣт. на 105 вопр.“, вып. I, стр. 5). Итакъ, раскольники *отдѣлились* отъ нашихъ епископовъ и ихъ послѣдователей, т. е., отъ нашей Церкви. Когда это было и чрезъ что, отвѣчаетъ Механиковъ, свидѣтельствующій, что „раздѣленіе Церкви произошло въ 1653 г. чрезъ изданіе „Памяти“. Усовъ привелъ слова седьмого вселенскаго собора: „ересь отдѣляетъ отъ Церкви всякаго чловѣка“. Съ этимъ мы не споримъ, а только просимъ Усова указать, какая же ересь въ 1653 г. была введена Никономъ патриархомъ, ересь, отдѣлившая его и всѣхъ русскихъ и

восточныхъ іерарховъ отъ св. Церкви. Мы знаемъ, что патріархъ Никонъ и его преемники никакой ереси не вводили, а потому они никогда и не отдѣлялись отъ единенія со св. Церковью, но всегда пребывали и пребываютъ въ ней. Плохого или еретическаго они *во св. Церкви* ничего не видѣли и не указывали, а видѣли они только въ богослужебныхъ книгахъ и обрядахъ нѣкоторыя отступленія и измѣненія отъ древнихъ богослужебныхъ книгъ и эти измѣненія исправили. Но эти исправленія, говоритъ и Механиковъ, защитникъ раскола, непредосудительны. Усовъ говоритъ же, что патріархъ Никонъ чрезъ исправленіе книгъ впалъ въ „преслушаніе Церкви“. Но это не вѣрно: не преслушалъ патріархъ Никонъ св. Церкви этимъ великимъ дѣломъ и богоугоднымъ исправленіемъ книгъ, а только выполнилъ заповѣдь Стоглаваго собора, заповѣдавашаго богослужебныя книги исправлять. Выполнилъ онъ то, что желалъ бы выполнить и его предшественникъ патріархъ Іосифъ, при которомъ богослужебныя книги были переполнены ошибками. Не патріархъ Никонъ, считавшій необходимымъ исправлять книги, впалъ въ преслушаніе Церкви, а раскольники, упорно отрицающіе эту необходимость вопреки ясному повелѣнію отцовъ Стоглаваго собора.

Усовъ. О. миссіонеръ, какъ бы самъ не зная, спрашиваетъ меня, какія ереси ввелъ патріархъ Никонъ? Онъ *возвелъ обряды церковные въ догматы вѣры*, и за непринятіе этихъ обрядовъ-догматовъ предавалъ проклятію *православныхъ христіанъ*. Въ *XII т. „Исторіи русской Церкви“* митрополита Макарія (на стр. 191) читаемъ: „преданіе пріяхомъ съ начала вѣры отъ св. апостоловъ, и св. отецъ, и св. седми соборовъ, творити знаменіе честнаго креста съ тремя первыми перстами десныя руки, и *кто отъ христіанъ православныхъ* не творитъ крестъ тако по преданію восточныя Церкви, еже держа съ начала вѣры даже до днесь, есть еретикъ и подражатель арменовъ. И сего ради имамы его отлучена отъ Отца и Сына и Св. Духа и проклята“. Это изреченіе показываетъ, что новообрядцы признали *обрядъ перстосложенія* за догматъ вѣры, такъ какъ только за нарушеніе или непринятіе догматовъ человекъ отлучается отъ Св. Троицы, а чтобы такая кара налагалась за обряды, этого мы въ исторіи Церкви не встрѣчали. Далѣе, св. Церковь предавала отлученію и проклятію

только еретиковъ, а новообрядцы предали проклятію даже православныхъ христіанъ. Гдѣ это они нашли такое правило, чтобы не еретиковъ, а православныхъ предавать проклятію! Такого правила или примѣра нигдѣ нѣтъ и не было: св. отцы такъ не могли поступать, они заботились о спасеніи христіанъ, а Никонъ отлучалъ ихъ отъ Св. Троицы. Это былъ патріархъ грязный, низкій по своимъ нравственнымъ достоинствамъ, хуже даже сатаны. А новообрядцы превозносятъ его, считаютъ начальникомъ своей вѣры; скоро даже причтутъ его къ лику святыхъ (Въ народѣ начинался ропоть, волненіе).

Не волнуйтесь: я не отъ себя говорю, а на основаніи историческихъ данныхъ. Вотъ какъ отзывается о Никонѣ антиохійскій патріархъ: „иногда и сатана по нуждѣ говоритъ истину, а Никонъ истины не исповѣдуетъ“ (Макар. XII т. стр. 736). Какъ мы будемъ довѣряться Никону, принимать его ученіе, когда онъ хуже сатаны, когда онъ никогда не исповѣдуетъ истины, а одну только ложь! Нѣтъ ужъ, слуги покорные, мы лучше будемъ довѣряться благочестивымъ семи русскимъ патріархамъ, чѣмъ лжецу Никону; мы знаемъ, что всякая ложь отъ діавола и его слугъ, а послѣдователями дьявольскихъ слугъ мы не желаемъ быть, и даже жалѣемъ, что вы до сихъ поръ не образумились.

Миссіонеръ. Какъ при рѣшеніи вопроса о незаконности австрійской іерархіи мало имѣютъ значенія личныя качества митр. Амвросія, такъ и при рѣшеніи вопроса о причинѣ отдѣленія раскольниковъ отъ св. Церкви личныя качества патр. Никона не должны имѣть никакого значенія. Если раскольники отдѣлились отъ св. Церкви потому, что патр. Никонъ, какъ злословить Усовъ, былъ грязный, низкій и т. д., то они подлежатъ отлученію, а ихъ мнимые священники и епископы изверженію, какъ учить 13 прав. второ-перваго собора. Если же отдѣлились они, не грѣховнаго ради извѣта, а за ересь, то о нравственныхъ достоинствахъ Никона нѣтъ никакой надобности и говорить, а слѣдуетъ только доказать, какія ереси ввелъ патр. Никонъ въ 1653 г., такъ какъ отдѣленіе раскольниковъ произошло именно въ этомъ году. Но такъ какъ никакихъ ересей, какъ въ этомъ, такъ равно и въ послѣдующихъ годахъ наша пра-

вославная Церковь не вводила, то Усовъ и старается хотя бы очерченіемъ личности великаго патріарха нѣсколько оправдать поступокъ своихъ предковъ. Но и это ему мало удается. Слова антiохійскаго патріарха, сказанныя въ раздраженіи, мало имѣютъ значенія. Мало ли что можетъ сказать въ раздраженіи человѣкъ, и неужели этому всему нужно придавать значеніе? Мы придаемъ значеніе не частному какому-либо мнѣнію, но соборному; а это послѣднее о Никонѣ говоритъ: „Если патріархъ Никонъ въ прочихъ внѣшнихъ вещахъ и въ своемъ отреченіи и погрѣшилъ, какъ человѣкъ, но *въ догматахъ православной вѣры* былъ благочестивѣйшій и правый, въ апостольскихъ же и отеческихъ преданіяхъ восточной Церкви былъ большой ревнитель“ (Гиббенетъ. Истор. изслѣд. дѣла патр. Никона, ч. 1, стр. 86; Макар. XII т. стр. 363). За исправленіе книгъ въ первое время не обвиняли Никона даже его враги: „среди всѣхъ укоризнъ Никону нѣтъ ни слова противъ исправленія имъ церковныхъ обрядовъ, которое уже начиналось тогда; не видно и тѣни какой-либо привязанности къ старымъ обрядамъ, на которые будто бы посягнулъ Никонъ“ (Макар. XII, стр. 130). „Осудилъ большой соборъ Московскій самого патр. Никона, осудилъ нѣкоторыя его распоряженія и дѣйствія, но не осудилъ важнѣйшаго изъ его дѣйствій исправленія церковныхъ книгъ. Напротивъ, вполне одобрилъ и утвердилъ для всеобщаго употребленія исправленныя, по его распоряженію, и напечатанныя книги; а осудилъ тѣхъ, которые не хотѣли принимать этихъ книгъ, и изъ-за нихъ хулили Церковь, называли ее еретическою, отказывались повиноваться ей, и чрезъ то самовольно отдѣлились отъ нея“ (стр. 770 тамъ же). Слѣдовательно, принимая исправленныя книги, мы послѣдуемъ не патр. Никону, а собору, одобрившему эти книги. Усовъ обвиняетъ патр. Никона въ томъ, что онъ будто бы возвелъ обряды церковные въ догматы вѣры и предалъ проклятiю православныхъ. Но это несправедливо. Никонъ никогда не считалъ церковныхъ обрядовъ равными догматамъ вѣры. А вотъ сами раскольники, дѣйствительно, не хотятъ различать догматовъ отъ обрядовъ, и изъ-за перемѣны обряда порвали союзъ со св. Церковью, хотя св. отцы это строго и воспретили: „срамно есть, говорить св. Василиіи Великій, изъ-за

обрядовъ ратоватися“. Усовъ говоритъ, что не находилъ примѣра въ исторіи Церкви, когда бы предавали отлученію за обряды. Предаютъ отлученію не за самый обрядъ, а за противленіе Церкви. Намъ извѣстенъ древній апостольскій обычай, существовавшій въ малоазійскихъ Церквахъ, обычай праздновать Пасху вмѣстѣ съ евреями. Въ послѣдствіи этотъ обычай былъ отмѣненъ Церковью, и противники церковнаго распоряженія подверглись: святители—изверженію изъ сана, а міряне—отлученію отъ Церкви. За что? за самый ли этотъ обычай? Нѣтъ, не за обычай, а за противленіе церковной власти.

Говоритъ Усовъ, что предали проклятію *православныхъ христіанъ*, тогда какъ древняя Церковь проклинала только еретиковъ.

Нѣтъ, не православныхъ христіанъ предали проклятію, а тѣхъ *отъ* православныхъ христіанъ, которые ранѣе были православными, но потомъ своимъ противленіемъ Церкви, неповиновеніемъ ея распоряженіямъ отпали отъ православія. Апостоль Павелъ говоритъ: „*Если бы даже мы (т. е. св. апостолы), или ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствуемъ, да будетъ анаѣма*“ (Гал. 1, 8). Видите, ап. Павелъ предаетъ проклятію не только тѣхъ *отъ* православныхъ („иже отъ насъ бѣша, но не бѣша съ нами“), которые порвали союзъ съ церковью, но даже апостоловъ и ангеловъ, если бы они искажали божественное ученіе. 121 прав. Номоканона говоритъ: „яко недостойтъ просту чловѣку, укорити священника или запрещати, или поношати, или обличати въ лице, аще негдѣ и истина суть, аще же постигнетъ сіе сотворити простолудинъ, сирѣчь простой чловѣкъ, да есть анаѣма, и да изгнанъ будетъ изъ Церкви, отлученъ бо себѣ отъ св. Троицы, и посланъ будетъ во Іудино мѣсто“ (Іоасаф. Потребн. съ Номокан.). Здѣсь проклиняется и изгоняется изъ Церкви *православный христіанинъ*—мірянинъ, дерзнувшій поносить одного священника, а Усовъ увѣряетъ, что не могутъ быть преданы проклятію и изгнанію изъ Церкви тѣ изъ православныхъ, которые нарушили единеніе со св. Церковью, оклеветали ее и чрезъ это содѣлались уже не православными, а раскольниками. Въ 75 главѣ Стоглава есть даже отлученіе *православныхъ* отъ Отца и Сына и Св. Духа. Выяснивъ, что „никто не долженъ

вданное Богови въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ отъ Церкви Божьей восхищати или отъяти, или продати, или отдати,“ Стоглавъ говоритъ: „Аще ли кто, забывъ страхъ Божій и заповѣди св. отецъ, оболкся въ безстыдіе, дерзаетъ таковая сотворити: аще убо епископъ, да извержется отъ епископыи, аще ли игумень, то изъ монастыря изгнанъ будетъ, яко злѣ расточающа, ихъ же не собра; аще ли инъ кто отъ священническаго чина убо суще, да извергнутся. Мниси же или мирстїи челоувѣцы, въ каковомъ сану ни буди, да отлучатся, аки суще осуженики отъ Отца и Сына и Святаго Духа, да устроени будутъ, идѣ же червь ихъ не умираетъ и огонь не угасаетъ“ (изд. 2, Казань 1887 г. стр. 158—159).

Итакъ мы выяснили, что св. Церковь имѣетъ право предавать отлученію тѣхъ изъ своихъ членовъ православныхъ христіанъ, которые перестали быть таковыми, порвали союзъ съ нею, вышли изъ ея повиновенія, каковыми являются и раскольники. Они до отдѣленія своего тоже *были православными христіанами*, но порвали союзъ съ Церковью, сдѣлались раскольниками и унаслѣдовали вмѣсто благословенія клятву.

Выяснили также, что патр. Никонъ никакого обряда въ догматъ вѣры не возводилъ, никакого еретическаго ученія не проповѣдывалъ; если же и былъ раздражителенъ, то это не можетъ служить къ обвиненію всей св. Церкви и къ дѣлу не относится. Не могу не обратить вниманія слушателей на то, что Усовъ до сихъ поръ не сказалъ намъ, какая главная причина заставила ихъ въ 1653 году отдѣлиться отъ православной Церкви. Онъ указалъ изреченіе восточныхъ патріарховъ, предающихъ проклятїю некрестящихся тремя персты, но это изреченіе принадлежитъ не патр. Никону и произнесено оно не въ 1653 году, а позднѣе, когда расколъ уже, хотя и неофициально, существовалъ.

Усовъ. О. миссіонеру хочется, чтобы я показалъ, какія ереси ввелъ патр. Никонъ. Хорошо, я покажу такія ереси въ вашей Церкви, какихъ не проповѣдывали даже злѣйшіе еретики первыхъ вѣковъ христіанской Церкви. Въ догматикѣ 4 гласа до Никона патр. пѣли „волкохищное овча обрѣтъ“, а въ новоисправленныхъ поютъ: „*зорохищное овча обрѣтъ*“. Есть-ли тутъ хоть какой-нибудь смыслъ! можетъ ли *зора* похищать овецъ! Не яснѣ ли, не лучше ли пѣть *волко-*

хищное! Мысленный волкъ, т. е., діаволь похищаетъ души человѣческія, а не горы. Вотъ вамъ исправленіе книгъ! и такое-то исправленіе намъ навязываютъ, приказываютъ намъ, подѣ страхомъ наказанія, непременно принимать, хотя бы и сознавали, что древнее лучше: принимай то, что велятъ, а не примешь—раскольникъ, посыплется на тебя проклятія, укоризны, гоненія и прочіе *подвиги* христіанской любви къ заблужденію. Но мы покажемъ еще и лучшія исправленія. Въ молитвѣ св. Ефрема Сирина мы читаемъ: „Господи и Владыко животу моему, духъ праздности, любоначалія, празднословія *отжени* отъ мене, т. е., отгони этотъ духъ отъ меня, а по исправленнымъ книгамъ читаютъ: *не даждь ми!* Не явная ли это ересь! Развѣ Богъ *дастъ* намъ духъ праздности, развѣ *дастъ* онъ намъ духъ любоначалія и празднословія? Господь научаетъ насъ, что любоначаліе есть духъ сатанинъ, что празднословіе есть тяжкій грѣхъ, за который придется давать отвѣтъ на страшномъ судѣ. Какъ же мы осмѣлимся подумать, что Богъ даетъ намъ этотъ духъ! Не ясно ли, что ваша никоніанская Церковь приписываетъ Богу дѣла діавола! Считаетъ Бога подателемъ злыхъ дѣлъ. Это ли еще не ересь! Да, Боже, насъ сохрани быть въ общеніи съ такой Церковью, которая такъ хулитъ Бога. Она дошла до такого нечестія, что не только считаетъ Бога способнымъ на дѣла діавольскія, но и вѣруетъ даже, что этотъ діаволь—есть Богъ, этого Бога-діавола она призываетъ при крещеніи: „молимся тебѣ, духъ лукавый“. И это, скажетъ о. миссіонеръ, не ересь.

Изъ толпы. О. миссіонеръ! пожалуйста запретите этому богохульнику продолжать бесѣду! онъ клеветникъ, а не себе-сѣдникъ.

Усовъ. Что? не нравится? Если вамъ не нравится, такъ намъ еще больше. Вы хотите, чтобы и мы молились духу лукавому, такъ нѣтъ ужъ молитесь лучше вы, а мы будемъ молиться Богу.

Миссіонеръ. Успокойтесь, братіе православные христіане! Наглая клевета г. Усова будетъ обличена.

Изъ толпы. Онъ оскорбляетъ всѣхъ насъ, оскорбляетъ св. храмъ своимъ присутствіемъ, его мѣсто на базарѣ, а не здѣсь.

Миссіонеръ. Успокойтесь, успокойтесь! клеветы Усова только доказываютъ, что ему нечѣмъ оправдать своего от-

дѣленія отъ св. Церкви. Знайте, что враги спасенія всегда употребляютъ это средство для удаленія слабыхъ отъ Бога. Еще въ раю дьяволъ употреблялъ это средство при обольщеніи Евы.

Усовъ. Позвольте, я протестую: вы нарушаете условіе, не даете мнѣ говорить, стараетесь уклониться отъ бесѣды, боитесь продолжать ее. Такъ дѣлаютъ еретики. Не нравится вамъ ваше ученіе, такъ откажитесь отъ него, сознайтесь въ своемъ заблужденіи, раскайтесь.

Миссіонеръ. Если вы имѣете еще что-нибудь сказать, говорите, изрыгайте весь свой ядъ на Христову невѣсту.

Усовъ. Я не клеветчу, а говорю на основаніи вашихъ книгъ. Вы не только при крещеніи молитесь духу лукавому, но призываете его и въ другихъ молитвахъ. Такъ, въ молитвѣ какого-то Трифона вы читаете: „еще заклинаю вы великимъ именемъ, иже на камени написаннѣмъ и не могущемъ понести, но разсѣдшимся яко воскъ отъ лица огня“ (заклинат. слов. муч. Трифона). Это великое имя, написанное на камени, и есть имя дьявольское. Въ Четви Минеи на 2 января въ житіи св. Сильвестра, папы римскаго, разсказывается, что когда св. Сильвестръ въ бесѣдѣ съ жидами побѣдилъ ихъ, тогда волхвъ Замврій повелѣлъ привести буйнаго вола и хвалился, что лишь только онъ скажетъ этому волу на ухо имя Божіе, тотчасъ же волъ падетъ мертвымъ, такъ какъ „ни кожа, ни хартія, ни древо, ни камень, ниже кая-либо вещь можетъ имя то написанное на себѣ содержать: ибо абіе и пишуцій, и та вещь, на ней же пишется, погибаетъ“. А это имя не Божіе, а дьявольское, и это-то дьявольское имя никоніанскіе священники, подобно жидовскому волхву Замврію, призываютъ въ своихъ заклинательныхъ молитвахъ вмѣсто имени Божія! Вотъ какія ереси содержатся въ вашихъ новоисправленныхъ книгахъ. Какъ же намъ, боящимся Бога и Ему единому поклоняющимся, быть въ общеніи съ вами, вѣрующими дьяволу!

Миссіонеръ. Христосъ Спаситель въ Своей прощальной бесѣдѣ съ возлюбленными учениками сказалъ имъ: „Если міръ васъ ненавидитъ, знайте, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ (Іоан. 15, 18). Ненависть враговъ Господа часто доходила до того, что они открыто славныя дѣла Его называли дѣлами дьявола, считали Его другомъ мытарей и грѣшниковъ, нарушающимъ законы и т. под. Если же говоритъ Го-

сподь: *Меня мамі, то будуть мамі и васъ* (20), такъ какъ *рабъ не больше господина своего, и посланникъ не больше пославшаго его* (13, 16). Какъ ясно сбываются словеса Божіи нынѣ на насъ, смиренныхъ слушателей Бога. Ненависть къ намъ и ко всей нашей св. Церкви, высказываемая г. Усовымъ, превосходитъ мѣру. Онъ въ слѣпой злобѣ на св. Церковь Божию рѣшается обвинять ее въ такомъ тяжкомъ заблужденіи, что положительно недоумѣваешь, что заставляеть этого человѣка такъ яростно, такъ злобно, такъ дерзко и несправедливо клеветать на нее: отсутствіе ли страха Божія, или умопомраченіе. Его обвиненія сводятся къ тому, что мы: а) въ молитвѣ св. Ефрема Сирина приписываемъ Богу дѣла діавольскія, б) призываемъ діавола на воду св. купели при крещеніи и в) употребляемъ имя діавола, называя его Богомъ, при заклинаніи. Всѣ эти обвиненія не новы и давнымъ-давно разъяснены, поэтому еще большому наказанію предъ Господомъ подлежитъ Усовъ, сознательно рѣшающійся возводить эти обвиненія на св. Церковь.

Онъ утверждаетъ, что мы приписываемъ Богу дѣла діавола, читая въ молитвѣ св. Ефрема: „духъ праздности, унынія, любоначалія, празднословія и проч. *не даждь ми*. Но такая молитва не новая: она находится въ очень древнихъ богослужебныхъ какъ рукописныхъ, такъ и древнепечатныхъ книгахъ. Такъ въ уставѣ церковномъ 15 вѣка (Хлуд. библ. № 122) она читается: Господи, Владыко живота моего, духъ празднства, лукавствія, любовластія, празднословія *не даждь ми*. Въ уставѣ того же вѣка (таже библ. № 123) читается: „Господи и Владыко животу моему, духъ унынія и небреженія, сребролюбія, празднословія *не даждь ми*. Въ Часословѣ, напечатанномъ въ Краковѣ въ 1491 году (за 161 годъ до патр. Никона), въ Псалтири со возслѣдованіемъ, напечатанной въ Венеціи въ 1561 г. (за 91 годъ до патр. Никона) и въ такой же Псалтири, напечатанной въ 1643 г. (за 9 л. до патр. Никона) въ Кіевѣ, эта молитва читается также. Желаящій видѣть еще много указаній на книги, содержащія эту молитву съ такими же словами, да чтеть книгу А. Озерскаго „Выписки“ (ч. 2. ст. 25). Если Усовъ видитъ въ словахъ „*не даждь ми*“ ересь, то въ этой ереси онъ долженъ обвинить и св. Ефрема Сирина, написавшаго эти слова, обвинить и всю древнюю русскую и кіевскую Церковь, чи-

тавшія ихъ. Но здраво рассуждая, въ словахъ „не даждь ми“ духа праздности и пр. нѣтъ никакой ереси.

Всѣ мы читаемъ молитву Господню, всѣ знаемъ, что въ ней есть слова: *не введи насъ во искушеніе*, а однако и самъ Усовъ не дерзнетъ сказать, что въ этихъ словахъ приписываются Богу Отцу дѣла діавола, хотя онъ и знаетъ, что *Богъ не вводитъ во искушеніе*. „Въ искушеніи никто не говоритъ: Богъ меня искушаетъ, потому что Богъ не искушается зломъ и Самъ не искушаетъ никого (Іак. 1, 13), искушеніямъ подвергается человѣкъ отъ своей плоти (14) и отъ діавола (Матѳ. 4, 1—3). Если въ словахъ молитвы св. Ефрема Сирина: „духъ праздности и пр. не даждь ми“ Усовъ видитъ ересь и даже приписываніе Богу дѣла діавола, то тѣмъ болѣе онъ долженъ обвинить въ этомъ Господа нашего Иисуса Христа, обучающаго насъ молиться словами: *не введи насъ во искушеніе*, такъ какъ искушеніямъ человѣкъ подвергается отъ діавола. Вотъ до какого безумія доходятъ современные защитники раскола, рѣшающіеся публично обвинять Самого Господа въ ереси! И этимъ защитникамъ темная масса раскола вѣрнѣе, на нихъ надѣется, предъ ними благоговѣетъ, тогда какъ слѣдовало бы стыдиться ихъ, какъ отъявленныхъ богохульниковъ.

Второе обвиненіе Усова, что мы при крещеніи будто бы молимся духу лукавому, такъ же дерзко, кощунственно и неосновательно, какъ и первое. Для того, чтобы нагляднѣе была ложь Усова, я попрошу подать мнѣ сюда Требникъ. Вотъ слушайте, кого мы призываемъ при св. крещеніи на уготованную воду. Просимъ Господа, чтобы вода сія освятилась дѣйствомъ и наитіемъ *Святаго Духа*, чтобы „показатися ей отгнанію всякаго навѣта видимыхъ и невидимыхъ враговъ“, чтобы „подъ знаменіемъ образа креста Господня сокрушились вся сопротивныя силы“. Далѣе священникъ читаетъ: „молимся Тебѣ, Господи, да отступятъ отъ насъ вся воздушная и неявленная привидѣнія и да не утаятся въ водѣ сей демонъ темный, ниже да снидетъ съ крещающимся духъ лукавый, помраченіе помысловъ и мятежи мыслей наводяй. Но Ты, Владыко всѣхъ, покажи воду сію, воду избавленія, воду освященія“ и дал., слѣдовательно, мы молимся Господу, чтобы духъ лукавый не утаился въ водѣ сей, а Усовъ клевететь, что мы призываемъ въ этой молитвѣ діавола, какъ Бога! Какая наглая, дерзкая клевета, и эту кле-

вету защитникъ раскола осмѣливается высказывать публично, при такомъ громадномъ стеченіи благочестивыхъ слушателей, въ храмѣ Божиємъ! Да, справедливо замѣтилъ кто-то изъ слушателей, что съ такимъ собесѣдникомъ не должно продолжать бесѣду: онъ пришелъ сюда не для выясненія истины, а ради спора, отъ котораго заповѣдалъ и апостолъ удаляться, потому что такіе споры слушать не къ назиданію, а къ развращенію, не къ созиданію мира и единенія. Усову, конечно, извѣстно, что въ старопечатномъ Потребникѣ, въ „послѣдованіи просвѣщенія святыхъ богоявленій“, есть такое прошеніе на ектеніи: „о погружитися силъ душе-тлѣннаго супостата въ водахъ сихъ, Господу помолимся“ (патр. Филар. л. 6). Что же? Неужели мы будемъ по-усовски утверждать, что до Никона патр. молились Господу о томъ, чтобы вода освящалась силою душегубительнаго супостата? Нѣтъ, мы знаемъ, что ни одинъ здравомыслящій человекъ объ этомъ молиться не будетъ, а если и есть такое прошеніе, то оно ошибочно и при исправленіи книгъ замѣнено: „о еже освятитися водамъ симъ силою и дѣйствомъ, и наитіемъ св. Духа, Господу помолимся“. Никакой укоризны, никакой насмѣшки не высказывалось по поводу онаго неправильнаго прошенія. А если бы подобное прошеніе было въ новоисправленныхъ книгахъ, чего бы—чего только не наговорилъ тогда Усовъ.

Вотъ обвиняетъ насъ Усовъ въ томъ, что мы, подобно волхву Замврію, призываемъ въ молитвѣ муч. Трифона имя діавола. Опять наглая и дерзкая клевета! Мы прежде всего должны обратить вниманіе на то, что эта молитва не новая: она находится въ древнемъ (15 вѣка) сербскомъ Требникѣ, она находится въ древнемъ греческомъ Требникѣ, присланномъ Гедеону Балабану, епископу львовскому, антиохійскимъ патр. Мелетіемъ; она же напечатана Гедеономъ въ изданномъ имъ въ Стратинѣ въ 1606 году (за 48 л. до патр. Никона) Потребникѣ. А Гедеонъ Балабанъ, напечатавшій этотъ Требникъ и совершавшій по нему молитвословія, былъ не еретикъ, а православный епископъ, какъ свидѣтельствуемъ и кн. Кириллова (л. 509). Слѣдовательно, эта молитва не новая, а древняя, не еретическая, а православная. Что же касается заявленія Усова, что волхвъ Замврій называлъ „великимъ именемъ“ діавола, то нужно помнить, что онъ этимъ хотѣлъ соблазнить христіанъ, увѣрить ихъ,

что онъ призываетъ имя истиннаго Бога, такъ какъ имя еликое есть имя Божіе, какъ говорить и Писаніе: *Во израили велие имя Его: исповѣдываться имени Твоему великому, яко страшно и свято. Велий еси Ты, и велие имя Твое!* Наша св. Церковь учить: „не ино же есть имя великое, токмо имя Божіе“ („Жезль“). Итакъ, волхвъ Замврій думалъ обмануть христіанъ, что призываетъ имя Божіе при своемъ волхвованіи, а Усовъ, наоборотъ, хочеть увѣрить васъ ложно, что св. Церковь въ своихъ молитвахъ призываетъ имя діавола! Хотя у Замврія и Усова приемы и разные, но цѣль одна: ввести въ заблужденіе православныхъ христіанъ.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о томъ, что Усовъ считаетъ ересію даже и слова богородична 4 гласа: „заблуждшее *горохищное овча обрѣтъ*“, такъ какъ читать слѣдуетъ будто бы *не горохищное*, но *волкожищное*.

Но какая тутъ ересь? Какого еретика? Конечно, никакой. Слова *горохищное* означаетъ похищенное горою, укрывшееся или заблудившееся въ горахъ, такъ какъ у восточныхъ народовъ паслись стада большею частью въ горахъ, о чемъ говорится въ притчѣ Спасителя о заблудшей овцѣ (Матѣ. 18, 12, 13). Это овца, какъ говорится въ притчѣ, *не было похищено волкомъ*, а только заблудилось, ушло изъ стада въ горы, поэтому и правильнѣе читать *горохищное*, нежели *волкожищное*.

Окончивъ разсмотрѣніе высказанныхъ Усовымъ ложныхъ обвиненій на нашу св. Церковь, считаю нужнымъ обратить его и ваше вниманіе на то, что онъ, мало того, что клеветалъ на св. Церковь, но еще и говорилъ все это не по вопросу. Я спрашивалъ его: въ 1653 году какія патр. Никонъ ввелъ ереси, заставившія раскольниковъ уклониться отъ общенія съ св. Церковью, такъ какъ отдѣлились они именно въ этомъ году. Усовъ на это ничего до сихъ поръ не отвѣтилъ, такъ какъ указанныхъ имъ мнимыхъ искаженій въ книгахъ въ то время еще не было: къ книжному исправленію тогда еще не приступали. Пусть онъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ хоть теперь. Но при этомъ прошу Усова говорить только то, что относится къ дѣлу а такой наглою клеветой, какую онъ допустилъ въ послѣдней рѣчи, не возмущать и не оскорблять религіознаго чувства православныхъ: въ противномъ случаѣ я вынужденъ буду прекратить бесѣду.

(Окончаніе будетъ). Мисс. свящ. *Сергій Шалкинскій*.

Изъ моей келейной полемики съ столичными пашковцами.

О христіанской свободѣ.

Не знаю, извѣстно-ли кому, какъ много странствуетъ по православной Россіи самозванныхъ проповѣдниковъ евангельскаго ученія, выдающихъ себя темному люду за „посланниковъ Божіихъ“. Поддерживая общеніе съ столичными пашковцами въ теченіи многихъ лѣтъ, я воочію убѣдилась, какъ много бродитъ такихъ самообольщенныхъ самозванцевъ, и какъ ни странно, зачастую пріѣзжали къ намъ такіе учителя изъ за границы и поучали русскихъ довѣрчивыхъ людей на нашихъ собраніяхъ. Не зная ни одного русскаго слова, не имѣя, слѣдовательно, никакого понятія о нашихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и о православіи, заморскіе лжеучители просвѣщали насъ чрезъ переводчиковъ, каковую роль принимали на себя... кто бы, вы думали? Столичные столбовые бояре, даже изъ бароновъ и князей, того и другого пола. Смѣшно и больно бывало слушать, какъ эти самозванные проповѣдники съ серьезнымъ видомъ и зажигательнымъ пафосомъ выдаютъ себя настолько уже святыми, что Самъ Богъ будто бы говоритъ съ ними и посылаетъ ихъ просвѣщать „сидящихъ во тьмѣ и сѣни“, т. е., насъ православныхъ,—что Богъ требуетъ отъ нихъ отчета въ томъ, сколько изъ насъ „приняло Христа“, и какъ мы служимъ Ему. Переводчики переводятъ намъ бывало усердно и добросовѣстно эту ахинею, съ усиліемъ однако скрывая на своемъ лицѣ улыбку и сарказмъ. И хотѣлось тогда крикнуть изъ толпы: madame, переводчица или monsieur, вѣдь вы не вѣрите, и вамъ смѣшна рѣчь иностраннаго проповѣдника, вы не перевариваете ея, зачѣмъ же эту нездоровую пищу преподнесите довѣрчивымъ темнымъ людямъ? Или вамъ кажется, что мужицкіе желудки переварятъ и этотъ духовный суррогатъ? Вы потѣшаетесь, при-

шли сюда скуки ради, какъ на нѣкое представленіе!.. Постыдная, преступная потѣха надъ людьми, для которыхъ вопросы вѣры и спасенія составляютъ жизнь и смерть, альфу и омегу!!

Какую же цѣль преслѣдуютъ незваные какъ заморскіе, такъ и наши доморощенные просвѣтителі православнога русскаго люда, въ чемъ ихъ задача? Главная задача— „спасеніе“ молодежи и темнаго рабочаго люда и „поддержка лицъ, борющихся и изнемогающихъ“ въ неравной борьбѣ съ представителями господствующей Церкви.

Сущность проповѣди нашихъ просвѣтителі сводилась къ тому, что всѣ мы вѣрныя дѣти православнои Церкви находимся въ заблужденіи, поступаемъ противъ Евангелія, что мы еще язычники, чрезъ то и страдаемъ; они же познали Христа и уже не имѣютъ страданій. Если бы мы знали Христа, были бы послушны Его волѣ, а не ходили бы на привязи у діавола, „водящаго насъ кого на канатѣ, кого на золотой цѣпочкѣ“, тогда давно было бы у насъ (въ православной Россіи) царство Христово.

Предметами проповѣдей служили разныя темы, касающіяся основныхъ догматовъ православнои вѣры, пререкаемыхъ, обыкновенно, сектантами, такъ называемаго, раціоналистическаго направленія.

Любимою же и, такъ сказать, начинательною темою всякаго проповѣдника былъ вопросъ о свободѣ во Христѣ, которая въ концѣ концовъ представлялась въ пониманіи толпы, какъ разрѣшеніе „вѣрующему“ или „принявшему Христа“ на все.

Слушаешь, бывало, эти рѣчи самозванныхъ проповѣдниковъ и страдаешь душою, такъ какъ чувствуешь, что истина ихъ рѣчей и поученій смѣшана съ ложью, правда евангельскаго ученія превращается въ кривотолки. А возражать и вопрошать у насъ, на пашковскихъ собраніяхъ, не принято, особенно женщинамъ, да и небезопасно: навлечешь на себя подозрѣніе братіи и гнѣвъ настоятельницы секты, боярыни Елизаветы, и тогда двери собраній и сердце покровительницы пашковцевъ будутъ заперты для того, кто позволить себѣ имѣть свое сужденіе. Свобода во Христѣ у сектантовъ только на словахъ, а на дѣлѣ—то—вездѣ и во всемъ рабство и деспотизмъ, а у боярь-сектантовъ наибольшее... Мнѣ

часто думалось, что это фанатическое отторженіе отъ Церкви и закабаливаніе въ сектѣ, держаніе всѣми способами и средствами въ своей общинѣ со стороны сектантовъ-баръ—ничто иное, какъ духовная отрыжка, атавизмъ блаженной памяти крѣпостничества.

Не имѣя духа и, по правдѣ сказать, не умѣя сразу безъ подготовки возражать на собраніяхъ, я потомъ записывала все слышанное у себя въ убогой квартиркѣ, а послѣ тщательно обдумывала, гдѣ тутъ правда, и въ чемъ ложь, перечитывала Евангеліе, запасалась сочиненіями православныхъ богослововъ, изъ нихъ почерпала опроверженія лжемудрованій нашихъ самозванныхъ просвѣтителей.

И потомъ, бывало, въ частныхъ бесѣдахъ съ единомышленниками, особенно же съ сестрами „по пашковскому братству“, среди которыхъ много юныхъ пламенныхъ душъ, подготовленныхъ, увы! къ школьному учительству, — разбираешь рѣчи и доводы проповѣдниковъ.

Нынѣ я совсѣмъ отрясла пашковскій прахъ отъ ногъ своихъ и порвала всѣ сношенія, и считаю нравственнымъ долгомъ на душевную пользу заблудшихъ братій и сестеръ напечатать мои келейныя полемическія бесѣды, направленныя противъ пашковскихъ лжемудрецовъ и ихъ лжемудрствованій. Начну изложеніе своихъ бесѣдъ съ любимой пашковцами темы „О свободѣ во Христѣ“.

Конечно, въ моихъ возраженіяхъ читатели „Мисс. Обзор.“ ничего новаго и особеннаго не встрѣтятъ, но за то въ передачѣ ученія пашковцевъ они найдутъ, навѣрное, кое-что новое и интересное, которое потомъ опровергнуть сами лучше меня. Въ этомъ и цѣль опубликованія моей полемики.

Въ основѣ проповѣди „О свободѣ во Христѣ“ пашковцы ставятъ всегда слова второго посланія ап. Павла къ Коринтеянамъ: „Господь есть Духъ; а гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода (гл. 3, 17). Приводя эти слова, лжеучители говорятъ, что въ насъ православныхъ нѣтъ этого Духа Господня; мы рабы и настолько возлюбили рабство, что не хотимъ снять его съ себя; мы привыкли ходить на томъ канатѣ, который надѣлъ на насъ законъ *человѣчскій*, и мы покорны ему; Духу же Господню не покарямся, подобно евреямъ, которые такъ возлюбили

рабство египетское, что не хотѣли даже покидать Египта имъ было страшно снять ярмо, надѣтое на нихъ фараонами, которымъ было выгодно держать евреевъ въ рабствѣ; евреи со страхомъ и покорностью работали на фараоновъ и благоговѣли предъ ними. Такъ и вамъ православнымъ, учать пашковцы, кажется, что вы не можете жить безъ этого ярма, что вы непременно погибнете безъ него. А все это не болѣе, какъ ваше заблужденіе, безсиліе воли. Приведши и протолковавъ въ томъ же духѣ Втор. 27, 26, Аввак. 2, 4, Лев. 18, 5, проповѣдникъ восклицаетъ: Христось искупилъ насъ отъ клятвы закона, сдѣлавшись за насъ клятвою (ибо написано: проклятъ всякъ, висящій на деревѣ) (Галат. 3, 13). Христось избавилъ васъ отъ закона, а вы, пренебрегши искупленіемъ Христа, снова одѣли ярмо закона.

Между тѣмъ всѣ мы впрющіе во Христа заключены были подъ стражею закона до того времени, какъ надлежало открыться вѣрѣ. Итакъ законъ былъ для насъ дѣтководителемъ ко Христу, дабы намъ оправдаться вѣрою, но пришествіи же вѣры, мы уже не подъ руководствомъ дѣтводителя. Нѣтъ уже Иудей, ни язычника, нѣтъ раба, ни свободнаго; нѣтъ мужскаго пола, ни женскаго: ибо всѣ вы одно во Христвъ Іисусъ (ст. 23—28). Итакъ изъ этихъ словъ ап. Павла не ясно ли, братья и сестры, заключаетъ проповѣдникъ, что въ царствѣ Христовомъ, среди тѣхъ, кто суть истинные христіане, нѣтъ уже больше ни раба, ни господина, а всѣ равны.

И если въ Церкви Христовой *всѣ равны, то всѣ и свободны.* Этотъ выводъ, учать еретики, апостоль и дѣлаетъ въ слѣдующихъ словахъ того же посланія къ галатамъ: *Итакъ, братія, мы дѣти не рабыни, но свободной. Итакъ стойте въ свободѣ, которую даровалъ намъ Христось, и не подвергайтесь опять шу рабства* (гл. 4, 31 и гл. 5, 1).

Зная по опыту и непосредственнымъ наблюденіямъ надъ собратіями, какъ эти разсужденія о свободѣ разнузываютъ звѣрѣя социальныхъ страстей, я поняла, что пашковцы и штундисты, являются дѣйствительно сектантами опасными въ государственномъ смыслѣ; возглашая, что въ Церкви Христовой всѣ равны и всѣ свободны, пашковцы тѣмъ самымъ вольно или невольно, но направляли мысль слушателей къ тому, чтобы отвергать не только духовную, но и гражданскую власть.

Въ своихъ келейныхъ собесѣдованіяхъ съ собратіями я стараюсь выяснитъ вопросъ о томъ, о какой свободѣ въ приводимыхъ лжеучителями мѣстахъ говорить ап. Павелъ? Истинно свободнымъ можетъ быть названъ только тотъ, кто приобрѣлъ надлежащее христіанское самообладаніе и, господствуя надъ своими страстями, охотно подчиняется божественному закону. Въ этомъ смыслѣ свободнымъ можетъ быть всякій истинный христіанинъ, и объ этой свободѣ и проповѣдуется въ словѣ Божіемъ. Я вычитывала по этому поводу прекрасныя по своей возвышенности слѣдующія разсужденія св. Іоанна Златоустаго. „Внѣшняя свобода и рабство въ отношеніи ко Христу равны. Какъ ты—рабъ Христовъ, такъ и господинъ твой. Но какимъ образомъ рабъ можетъ быть свободнымъ? Христосъ освобождаетъ тебя не только отъ грѣха, но и отъ внѣшняго рабства, хотя ты остаешься рабомъ. Онъ дѣлаетъ раба не рабомъ, но человѣкомъ, остающимся въ рабствѣ; это и чудно. Когда же рабъ бываетъ свободнымъ, оставаясь рабомъ? Когда онъ освобождается отъ страстей и душевныхъ болѣзней, не предается корыстолюбію, гнѣву и другимъ подобнымъ страстямъ. *Вы куплены дорогою цѣною; не дѣлайтесь рабами человѣковъ* (1 Коринѣ. 6, 20). Это сказано не только рабамъ, но и свободнымъ; ибо можно и въ рабствѣ не быть рабомъ и въ свободѣ быть рабомъ. Когда же рабъ не бываетъ рабомъ? Когда онъ дѣлаетъ все для Бога, когда служить нелицемѣрно и не изъ челоуѣкоугодія: это и значитъ быть рабомъ людей и оставаться свободнымъ. И, наоборотъ, когда свободный бываетъ рабомъ? Когда онъ служитъ людямъ въ чемъ-нибудь худомъ, въ чревоугодіи, корыстолюбіи или честолюбіи. Такой челоуѣкъ, хотя и свободенъ, хуже всякаго раба. Вотъ примѣръ того и другого. Іосифъ былъ рабомъ, но не раболѣпствовалъ въ рабствѣ людямъ; потому и въ рабствѣ былъ свободнѣе всѣхъ свободныхъ; онъ не покорился госпожѣ, склонявшей къ удовлетворенію ея похоти. Госпожа, напротивъ, была свободна, но оказалась ниже всякаго раба, обратившись къ рабу и съ лестію, и съ убѣжденіемъ, и однако же не могли склонить его, свободного, къ тому, чего онъ не хотѣлъ. Подлинно, онъ былъ не рабомъ, но въ высшей степени свободнымъ; ибо рабство было ли ему препятствіемъ

къ добродѣтели? Послушайте вы, рабы и свободные, кто оказался рабомъ: тотъ ли, котораго просили, или та, которая просила? Та ли, которая убѣждала, или тотъ, который презрѣлъ ея убѣжденія? Такъ, есть предѣлы рабства, положенные Богомъ, есть законы, до чего оно можетъ простираться, которыхъ преступать не должно. Когда господинъ не требуетъ ничего противнаго волѣ Божіей, тогда должно повиноваться ему и покоряться; а, простираться далѣе не должно; такъ рабъ остается свободнымъ! Если же ты простираешься далѣе, то дѣлаешься рабомъ, хотя и свободенъ. Это внушаетъ апостоль словами: *не дѣлайтесь рабами чело-вѣковъ*. Если бы не такъ, если бы онъ повелѣвалъ оставлять господъ и стараться получить свободу, то какъ бы онъ сталъ говорить: *каждый остается въ томъ званіи, въ какомъ призванъ; рабы, подѣ шомъ находящіяся, должны почитать господъ своихъ достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божіе и ученіе. Тѣ, которые имѣютъ господами вѣрныхъ, не должны обращаться съ ними небрежно, потому что они братья; но тѣмъ болѣе служить имъ, что они вѣрные и возлюбленные и благодѣтельствуютъ имъ* (1 Тим. 6, 1—2). Отсюда видно, что онъ отвергаетъ не внѣшнее рабство, а происходящее отъ пороковъ, бывающее и съ свободными, и самое тяжкое, хотя бы подвергался ему челоувѣкъ свободный. Какую пользу получили братья Иосифа отъ того, что были свободны? Не оказались ли они ниже всякаго раба, обманувъ отца, солгавъ предѣ купцами и передѣ братомъ? Не таковъ былъ онъ, но вездѣ и во всемъ былъ истиненъ и оставался свободнымъ; поработить его не могло ничто,—ни узы, ни рабство, ни любовь госпожи, ни пребываніе въ землѣ чужой, но всегда онъ оставался свободнымъ. Это и есть высшая свобода, которая сіяетъ и въ рабствѣ. Таково христіанство: оно и въ рабствѣ доставляетъ свободу, какъ тѣло, по природѣ своей неуязвимое, оказывается неуязвимымъ тогда, когда, будучи поражаемо стрѣлою, не терпитъ никакого вреда, такъ и истинно свободный оказывается такимъ тогда, когда, находясь подѣ властію господъ, не дѣлается рабомъ. Посему апостоль и повелѣваетъ оставаться въ рабствѣ. Если бы рабу невозможно было быть христіаниномъ, какимъ слѣдуетъ быть, то язычники могли бы обвинять наше благо-

честіе въ немощи; но слыша, что рабство нисколько не препятствуетъ благочестію, они не могутъ не удивляться проповѣди. Вредно не это рабство, возлюбленный, а рабство истинное—рабство грѣху. Если ты не подвергся ему, то благодумствуй и радуйся: тебѣ никто не можетъ причинить никакого зла, какъ чуждому рабства въ душѣ своей. Если же ты подвергся ему, то хотя бы ты былъ тысячекратно свободенъ, свобода не принесетъ тебѣ никакой пользы. Что пользы, если ты человѣку не служишь, а страстямъ раболѣпствуешь? Люди умѣютъ и щадить, а эти властители никогда не насыщаются твоими бѣдствіями (Бесѣд. на 1 посл. къ Коринѣ., т. I, стр. 335—338). Ты почтенъ свободою,—говорить тотъ же отецъ,—не для того, чтобы употреблять эту честь на прекословія, а для того, чтобы употреблять эту честь на послушаніе Почтившему. Богъ почтилъ тебя не для того, чтобы ты оскорблялъ Его, но чтобы прославлялъ. Богъ поступилъ съ нами подобно человѣку, который беретъ къ себѣ сироту, уведеннаго варварами въ ихъ землю, дабы не только освободить его отъ плѣна, но замѣстить ему собою попечительнаго отца и вывести его въ люди. Такъ, говорю, и Богъ поступилъ съ нами; не только освободилъ насъ отъ прежнихъ золъ, но ввелъ въ ангельскую жизнь и уравнилъ намъ путь къ совершеннѣйшей добродѣтели, отдавъ насъ подъ защиту праведности, убивъ прежнее зло, умертвивъ ветхаго человѣка и руководствуя насъ къ безсмертной жизни. Итакъ будемъ ожидать этой жизни, какъ дѣйствительно живые, потому что многіе, хотя, повидимому, и дышатъ, и ходятъ, однако-же находятся въ состояніи болѣе жалкомъ, чѣмъ мертвые. Будемъ же избѣгать умерщвленія, по которому вживѣ умираемъ; для христіанина нѣтъ никакой выгоды, имѣя вѣру и даръ крещенія, покорствовать всѣмъ страстямъ (Бесѣд. на посл. къ Римл., стр. 243).

Ученіе св. отца интересовывало моихъ собесѣдниковъ: они перечитывали его не разъ.

Понятно теперь, говорила я, къ какой свободѣ долженъ стремиться истинный христіанинъ: онъ долженъ стараться, чтобы грѣхъ не царствовалъ въ его смертномъ тѣлѣ (Римл. 6, 12); но эти стремленія истиннаго христіанина освободиться отъ го-

сподства грѣху (Римл. 6, 14) не только не исключаютъ его зависимости отъ гражданскихъ законовъ общества и подчиненія установленной власти, но прямо предполагаютъ даже эту зависимость, потому что гражданская власть со всеми ея установленіями является ничѣмъ инымъ, какъ стимуломъ, ограничивающимъ грѣховную волю человѣка и сдерживающимъ его похотливыя и злыя страсти. Поэтому всякій честный членъ общества, устрояющій свою жизнь по Закону Божію, найдетъ въ гражданской власти могущественнаго для себя союзника. „*Начальствующіе*,—говоритъ апостоль, —*страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро и получиши похвалу отъ нея; ибо начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся, ибо онъ не напрасно носитъ мечъ: онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое* (Римл. 13, 3—4). При столѣ тѣсномъ, можно сказать, органическомъ единеніи христіанской свободы и внѣшней подчиненности земнымъ властямъ слово Божіе настойчиво убѣждаетъ насъ съ одной стороны освободиться отъ грѣха и съ другой—покоряться установленнымъ отъ Бога земнымъ начальникамъ.

Объяснивъ по разуму св. Церкви приведенныя мѣста св. Писанія, я останавливала вниманіе моихъ заблудшихъ братьей на томъ священноисторическомъ обстоятельстве, какъ особенно классическое мѣсто о покорности власти у ап. Павла, на котораго такъ любятъ ссылаться пашковцы: *Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ, ибо нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены. Посему противящійся власти противится Божію установленію. А противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе. Итакъ отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброкъ, оброкъ; кому страхъ, страхъ; кому честь, честь* (Римл. 13, 1, 2, 7), говорила я въ заключеніе, въ апостольскія времена появлялись лжеучители, которые проповѣдывали о неповиновеніи властямъ, установленнымъ свыше; эти лжеучители въ апостольскихъ писаніяхъ подвергаются самымъ грознымъ и безпощаднымъ обличеніямъ; апостолы называютъ еретиковъ, презирающихъ начальство, безсловесными животными, псами, свиньями, свирѣпыми морскими волнами, которыя пѣняются срамотами своими, звѣздами блуждающими, которыми блюдетъ мракъ тьмы на вѣки (2 Петр. и посл. Іуд.) и т. п. Такимъ обра-

зомъ обыкновенно совопросники ничего серьезнаго не возражали на это и я тогда просила вычитать учение о гражданской свободѣ и непокорности властямъ никоимъ образомъ не можетъ претендовать на апостольское происхождение: апостолы никогда не проповѣдывали анархїи. И между нашими лжеучителями, трактующими объ этой свободѣ отъ закона, и апостолами лежитъ такая же пропасть, какая существуетъ между свѣтомъ и между тьмою Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть общаго между Христомъ и Веліаромъ (2 Кор. 6, 15)!

„Если возьмете иго Моё на себя и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ, найдете покой душамъ вашимъ!“ Вотъ девизъ истиннаго христіанина. Итакъ учитесь же отъ Христа, Онъ нашъ учитель, кто хочетъ быть съ Нимъ, тотъ иди Его путемъ, путемъ кротости и *повиновенія*, путемъ смиренія и *покорности*, и тогда только достигнемъ истинной свободы и равенства, тогда получимъ благо для душъ нашихъ, тогда только Онъ скажетъ: „приидите, возлюбленные Отцемъ Моимъ, такъ какъ вы возлюбили Меня и исполнили все, что Я заповѣдалъ вамъ, и были послушны закону Моему, и при всей трудности жизни во всемъ исполняли волю Мою, такъ войдите теперь въ царство Моё, и раздѣлите со Мною славу Мою, вы есть други Мои“.

Келейныя бесѣды убѣдили меня, что сектантскіе кривотолки о христіанской свободѣ ставятъ толпу сектантскую на скользкій опасный путь, которымъ легко воспользоваться для цѣлей самой ужасной смуты, которая будетъ находить опору въ извращеніи слова Божія.

Сестра *Анїя Двинская*.

Миссіонерство, секты и расколъ.

(хроника).

Вопросы расколо-сектантства на страницахъ свѣтской печати.—Гонимые или гонители? Сибирскіе раскольники и ихъ отношеніе къ православнымъ. — Н. А. Гурьевъ въ роли защитника скопцовъ.— Скопцы въ С.-Петербургской и Рязанской епархіяхъ.

Либеральная свѣтская печать за послѣднее время съ особенною энергіею выступила на защиту сектантства и забила тревогу о мнимыхъ его притѣсненіяхъ за вѣру. Она пользуется каждымъ малѣйшимъ поводомъ и случаемъ, чтобы поговорить по тѣмъ или другимъ вопросамъ, касающимся раскола и сектантства. Сужденія о религіозно-нравственномъ и экономическомъ состояніи сектантовъ, о ихъ бытѣ и правовомъ положеніи въ государствѣ—не рѣдкость встрѣтить теперь не только на столбцахъ газетъ, въ научныхъ или публицистическихъ статьяхъ, но даже и въ беллетристическихъ произведеніяхъ. Но, къ сожалѣнію, всѣ эти сужденія въ большинствѣ случаевъ односторонни и крайне тенденціозны. Всѣ газетныя и журнальныя статьи, посвященныя вопросамъ сектантства, переполнены восхваленіемъ сектантскихъ добродѣтелей. Сектантство—явленіе свѣтлое и отрадное; сектанты—лучшая часть населенія Россіи. Они образецъ честности, трезвости, трудолюбія, они лучшія хозяева и колонизаторы, и этотъ цвѣтъ населенія подвергается всевозможнымъ притѣсненіямъ и преслѣдованіямъ со стороны правительства и духовенства; вотъ о чемъ шумливо кричатъ либералы, упорно отстаивая религіозныя положенія сектантовъ и свободу ихъ исповѣданія. При этомъ наши радѣтели раскольниковъ и сектантовъ, чтобы произвести давленіе на общественное сознаніе, поворотить его въ желательную для себя сторону, не останавливаются не только предъ искаженіемъ дѣйствительныхъ фактовъ и со-

бытіи, но иногда не прочь и созданіе своей фантазіи выдать за дѣйствительность. А наши интеллигенты, интересующіеся умственной жизнію народа, но совершенно не знающіе народа, а тѣмъ болѣе—раскола и сектантства, или знакомые съ нимъ по произведеніямъ изслѣдователей вродѣ г-жи Бородаевской—Ясевичъ, льютъ крокодиловы слезы о Россіи, не умѣющей цѣнить „лучшей и талантливѣйшей части нашего народа“. Предъ ихъ разстроеннымъ воображеніемъ предносятся всѣ ужасы средне-вѣковой инквизиціи, причемъ невинными страдальцами за вѣру являются сектанты и раскольники, а фанатичными гонителями православные священники и миссіонеры. А между тѣмъ въ дѣйствительной жизни дѣло обстоитъ совершенно иначе. Но, къ сожалѣнію, наши непризнанные друзья расколо-сектантства не хотятъ знать этой дѣйствительной жизни, гдѣ расколъ и сектантство являются предъ нами безъ всякой фальши и прикрасъ, гдѣ представляется возможность ознакомиться съ ихъ дѣйствительными отношеніями къ господствующей Церкви, ея послѣдователямъ и представителямъ.

Загляните въ отдаленные уголки раскола и сектантства, загляните въ селенія, гдѣ среди раскольничьяго и сектантскаго населенія православные составляютъ меньшинство, и вы увидите, какими нетерпимыми и фанатичными гонителями православія являются эти, мнимо угнетаемые и преслѣдуемые за вѣру, раскольники и сектанты. Здѣсь расколъ беззащитно и открыто глумится надъ православіемъ и насилуетъ совѣсть православныхъ, здѣсь православные иногда буквально мучаются и стонутъ подъ гнетомъ раскольниковъ и сектантовъ. Вотъ что говорятъ о положеніи православія въ такихъ мѣстностяхъ участники одного изъ мѣстныхъ миссіонерскихъ съѣздовъ Томской епархіи. Въ селеніяхъ, гдѣ раскольничье населеніе составляетъ большинство, въ особенности же тамъ, гдѣ сельскія и волостныя власти изъ раскольниковъ, тамъ расколъ властвуетъ и всѣмъ „верховодитъ“, а православіе принижено, безгласно, безправно и угнетено. Волостныя и сельскія власти изъ раскольниковъ, всячески притѣсняя православныхъ, открыто говорятъ, что „пока власть въ ихъ рукахъ, все можно сдѣлать“! И они, дѣйствительно, дѣлаютъ для вреда православія все, что хотятъ, игнорируя всякія требованія закона и справедливости.

Такъ на бесѣдѣ въ деревнѣ Воронихѣ, въ маѣ 1898 г., староста-раскольникъ оштрафовалъ однимъ рублемъ правосла. наго за то, что онъ будто бы нарушилъ порядокъ во время бесѣды, высказавшись въ защиту православія. Священникъ села Меретскаго, Стефанъ Коченгинъ, сообщилъ о себѣ, что во время хожденія имъ со св. иконами на Пасхѣ въ деревнѣ его прихода Верхнемъ Сузунѣ, сельскій староста-раскольникъ непрерывно въ продолженіе трехъ дней въ явное издѣвательство религіозному чувству православныхъ, въ то самое время, когда нужно было служить молебны, созывалъ сходы и приказывалъ идти за деревню зарывать кости палаго скота. Раскольники деревни Тайны также всегда собирали сельскія и общественныя сходы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ утромъ не ранѣе и не позже того времени, когда братскій учитель-миссіонеръ отправлялъ для православныхъ службы въ молитвенномъ домѣ. Учитель входилъ съ жалобой на такія дѣйствія сельскихъ властей къ чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ, на запросъ котораго „власти“, не стѣсняясь отвѣчали, что они, дѣйствительно, собираютъ сходы въ указанное время, потому что „это для нихъ всего удобнѣе“. Такъ же поступаютъ облеченные властью раскольники и въ тѣхъ случаяхъ, когда приходской священникъ или наѣзжій миссіонеръ желали бы организовать миссіонерскую бесѣду. Они всегда ухитряются отыскать благовидный и законный предлогъ, чтобы устранить отъ бесѣды возможно большее число своихъ односельчанъ. Тѣ же раскольническія власти не дозволяютъ православнымъ приносить въ ихъ селенія св. иконы, препятствуютъ имъ въ устройствѣ молитвенныхъ домовъ, церковныхъ школъ, въ особенности же церквей. Нерѣдки случаи, что раскольники составляютъ общественные приговоры, чтобы никто изъ жителей общественниковъ не отдавалъ своихъ дѣтей въ православную школу, и нарушители приговора подвергаются денежнымъ штрафамъ. Случается также, что раскольничьи власти силою не пускаютъ своихъ односельчанъ православныхъ на общеприходскіе сходы по вопросу о построеніи церквей и запрещаютъ имъ подписывать приговоры о постройкѣ, мотивируя это запрещеніе тѣмъ, что если подпишутъ приговоръ они—православные, то послѣ „потянутъ подъ церковь“ и все сельское общество.

Вновь приѣзжающихъ въ ихъ селенія православныхъ раскольники обыкновенно соглашаются принимать только подъ условіемъ перехода въ расколъ, въ противномъ же случаѣ въ приѣмѣ отказываютъ, никому изъ домохозяевъ-старожиловъ не дозволяютъ продавать имъ свои дома и даже отдавать квартиры; если же православный поселится въ раскольничьемъ селеніи безъ приѣмнаго приговора, то раскольники или выгоняютъ его силой, нерѣдко разламывая его жилище, или облагаютъ его чрезмѣрными поборами въ пользу своего общества. Не принимая въ свое общество православныхъ, которые остаются тверды въ своихъ вѣрованіяхъ, раскольники въ то же время стараются объ усиленіи самаго общества своими же единовѣрцами, чтобы тѣмъ легче и скорѣе подавить и заглушить „малое стадо“ православныхъ. Когда, на примѣръ, въ деревнѣ Воронихѣ проживавшіе тамъ до двадцати семействъ православныхъ рѣшили строить церковь, раскольники, чтобы не дать усилиться православію, начали сзывать сюда изъ разныхъ мѣстъ своихъ одновѣрцевъ и вскорѣ же приняли до ста семействъ раскольниковъ, а православныхъ ни одного, хотя многіе изъ сосѣднихъ православныхъ жителей и сильно желали переселиться сюда подъ сѣнь новостроющейся православной Церкви (Обзоръ дѣятельности 1-го епархіального миссіонерскаго сѣзда въ Томскѣ).

Тумановскіе раскольники не принимаютъ къ себѣ ни одного изъ православныхъ, если онъ не дастъ подписки въ томъ, что впредь ничѣмъ не будетъ „касаться къ православному священнику“ и дѣтей своихъ будетъ крестить стариками. Если православный новосель не дастъ такой подписки, то раскольники не примутъ его въ свое общество ни за какія деньги; и онъ даетъ такую подписку и по необходимости становится, по крайней мѣрѣ, по наружности раскольникомъ и скрываетъ до поры до времени свое сочувствіе православію, потому что только заяви онъ о немъ, и чрезъ день—два его не будетъ уже въ деревнѣ. Кромѣ подписокъ, тумановскіе раскольники, принимая къ себѣ новоселовъ, требуютъ иногда еще и особья удостовѣренія отъ ихъ прежнихъ обществъ о томъ, что они „съ попами не знаются“. И удостовѣренія эти чисто оффиціальнаго характера даются. Вотъ одно изъ такихъ удостовѣреній, предъявленное тумановскому обществу переселенцемъ Василиемъ Булыгинымъ:

„Удостовереніе Мириновскаго сельскаго общества, Макаровской волости, Пермской губерніи, Шадринскаго уѣзда, 1895 г., марта 26 дня. Дано сіе удостовѣреніе нашему односельцу Демиду Булыгину въ томъ, что онъ, Булыгинъ, съ попами не знается, а живетъ по старообрядческому закону, въ чемъ и подписуемся“. Слѣдуютъ подписи и печать сельскаго старосты. Кузинскіе раскольники держатся нѣсколько иной политики въ отношеніи къ православнымъ, они принимаютъ ихъ къ себѣ и безъ подписокъ; но не успѣетъ такой новосель еще оглядѣться на новомъ мѣстѣ, какъ его уже обложили разными поборами, а то еще и того хуже, выбрали на какую-либо службу на полгода; или бросай семью и хозяйство и служи самъ, или нанимай за себя другого рублей за 30—40, а гдѣ взять такую сумму разорившемуся еще на родинѣ новоселу? Но бѣда новоселу, если онъ такъ или иначе выразитъ свое сочувствіе никоніанству! Такого раскольники не задумываются гнать отъ себя и преслѣдовать, будь то православный, или даже ихъ собратъ. 13 апрѣля 1898 г. раскольники деревни Тумановой собрали сходъ съ цѣлью составить „отпорный“ приговоръ на православнаго своего однообщественника Кирилла Мокрушина. „Онъ намъ негоденъ, неистово кричали вершители общественныхъ дѣлъ, если бы не онъ, то и миссіонера не было бы у насъ, кто бы пустилъ миссіонера къ себѣ на квартиру кромѣ Мокрушина!“ Для совѣщанія о томъ, какъ имъ выжить изъ своего селенія миссіонера, тумановскіе раскольники призывали даже своихъ единовѣрцевъ изъ сосѣдняго селенія Черемшанки, которые давали тумановцамъ такіе совѣты: „Зачѣмъ вы пустили миссіонера? Вотъ у насъ общественники составили приговоръ, чтобы никто не пускалъ къ себѣ на квартиру миссіонера. Сначала прислали учителя Рѣпина, наши не пустили на квартиру, потолкался немного и уѣхалъ. Потомъ прислали учителя Алексѣева; этотъ день ѣздитъ по деревнѣ, просится на квартиру, никто не пускаетъ; ночь придетъ, ночевать пустятъ, а утромъ опять та же работа. Поѣздилъ, поѣздилъ по деревнѣ, да и уѣхалъ прочь, а вы вотъ пустили миссіонера, да и мучаетесь съ нимъ, на бесѣды къ нему ходите“. Раскольники деревни Воронихи, узнавъ, что православные ихъ однообщественники начали ходатайствовать о постройкѣ храма, стали примѣ-

нять по отношенію къ нимъ съ одной стороны мѣры явнаго насилія, разрушая строящіяся избы тѣхъ православныхъ переселенцевъ, которые водворились въ Воронихѣ безъ приѣмныхъ приговоровъ, съ другой—мѣры всевозможныхъ стѣсненій при пользованіи пахотной и сѣнокосной землей, хотя годной для этихъ цѣлей земли имѣется въ болѣе чѣмъ достаточномъ количествѣ (Дневникъ миссіонера Томской епархіи). Особенную энергію въ этомъ отношеніи проявилъ мѣстный сельскій староста раскольникъ Ксенофонтъ Харинъ. Онъ поставилъ главною цѣлью своей дѣятельности—осуществить желаніе своихъ однообщественниковъ раскольниковъ, чтобы „не бывать въ Воронихѣ никоніанской церкви“, вопросъ о постройкѣ которой былъ уже рѣшенъ. Православные, которыхъ насчитывалось въ селеніи не болѣе пятнадцати домовъ (а раскольниковъ до 200), скоро почувствовали на себѣ тяжелую руку грознаго старосты; съ ними не стѣснялись какъ съ смутьянами и бунтовщиками: подвергали штрафамъ, арестамъ, грозили выгнать изъ деревни и разбросать по бревнамъ ихъ будущую церковь и кощунственно и открыто издѣвались надъ ихъ затѣей. Но когда, несмотря на все это, православные остались тверды въ своемъ намѣреніи, и построеніе церкви стало дѣломъ несомнѣннымъ, Харинъ рѣшилъ создать препятствіе для образованія здѣсь прихода и лучшимъ средствомъ для этого счелъ—не допускать въ Ворониху желающихъ переселиться сюда ближе къ церкви православныхъ. Но боясь, чтобы впослѣдствіи, по ходатайству православныхъ, не сдѣлало этого само высшее начальство, въ виду того, что при деревнѣ Воронихѣ имѣется много свободныхъ земель, Харинъ успѣшилъ пригласить на эти земли раскольниковъ, и въ одинъ годъ было выдано раскольникамъ до 200 приѣмныхъ приговоровъ (Томскія епарх. вѣд.). Вообще въ селеніяхъ, гдѣ общественная власть въ рукахъ раскольниковъ, православные жители не могутъ добиться удовлетворенія самыхъ законныхъ своихъ желаній, не смѣютъ поднять голоса въ защиту самыхъ священныхъ своихъ правъ; всякое своеволіе, всякое беззаконіе раскольниковъ въ отношеніи къ нимъ остается совершенно безнаказаннымъ. Не только открытыя кощунственныя ругательства надъ православіемъ, обиды и притѣсненія православныхъ, но даже явныя насилія съ цѣлью воспрепятствовать удовле-

творенію религіозныхъ нуждъ православныхъ легко сходятъ съ рукъ раскольникамъ. Напримѣръ, православные жители деревни Буханской, Томской епархіи, выразили желаніе поставить на одномъ мѣстѣ крестъ, покрыть его крышей и огородить деревянной оградой; раскольники объ этомъ и слышать не хотѣли, у православныхъ-же не нашлось смѣлости идти противъ раскольничьей партіи. Наконецъ въ 1899 году лѣсной объѣздчикъ рѣшился выстроить небольшой деревянный крестъ надъ крышей. Раскольники среди бѣлаго дня собрались толпой ко кресту и тутъ-же, послѣ шумнаго совѣщанія, рѣшили крестъ сломать (Томскія епарх. вѣд.). Нерѣдки случаи, что во время крестныхъ ходовъ раскольники загромождаютъ улицы бревнами и разнымъ хламомъ, выливаютъ помой съ крыльца при попыткѣ войти въ ихъ дома съ св. иконами и вообще позволяютъ себѣ такія кощунственныя выходки, что даже передавать ихъ, не оскорбляя религіознаго чувства православныхъ, невозможно. Поэтому нѣкоторые, проживающіе въ раскольничьихъ деревняхъ, православные не рѣшаются приглашать въ свои селенія священника со св. иконами, хотя и сильно желаютъ этого, зная какой взрывъ негодованія и злобы обрушится на нихъ за это со стороны раскольниковъ. Православные селенія Новопокровки и Ацагула такъ смущены постоянными насмѣшками молоканъ надъ священнымъ обычаемъ иконопочитанія, что прямо говорятъ: „намъ ужъ съ иконами нельзя показываться въ деревнѣ“. Только и слышно: „вонъ ваши деревянные боги идутъ, вонъ идоловъ несутъ“. Нашего терпѣнія больше нѣтъ. Пытались, было, православные обращаться съ жалобами въ судъ,—но оправданные молокане дѣлались еще назойливѣе. Составляемымъ же православными приговорамъ о выселеніи изъ ихъ среды молоканъ, какъ вредныхъ членовъ общества, гражданское начальство не придаетъ никакой цѣны. Православные деревни Шарчиной (Томской епархіи), испросивъ себѣ разрѣшеніе на постройку церкви, освятили подъ нее мѣсто, огородили его и поставили крестъ, съ кружкой для пожертвованій. Раскольники разнесли ограду, разбили кружку, а на мѣстѣ, предназначенномъ подъ церковь, выстроилъ себѣ домъ и поселился раскольникъ. Когда тѣже православные посѣяли общими силами нѣсколько десятинъ хлѣба, предназначая выручку отъ продажи его на постройку

церкви, раскольники испортили постѣвы (Обзоръ дѣятельности 1-го епарх. миссіонерск. съѣзда въ Томск. епарх. вѣд.).

Но съ особою злобою и ожесточеніемъ преслѣдуютъ раскольники тѣхъ изъ своихъ одновѣрцевъ, которые обнаруживаютъ чѣмъ-либо сочувствіе къ православію или присоединяются къ православной Церкви. Особенно тяжело положеніе православныхъ членовъ раскольничьихъ семей. Епархіальная печать изобилуетъ фактами, иллюстрирующими это положеніе.

Такъ, по сообщенію священника Томской епархіи, Іоанна Козмина, въ селѣ Силонеченскомъ дѣвочка-раскольница лѣтъ 14 была страшно избита отцомъ за то, что съ своими сверстницами православными ходила встрѣчать православныя иконы. Всегда и вездѣ бьютъ своихъ православныхъ женъ мужья раскольники за то, что тѣ выражаютъ желаніе исповѣдаться или крестить своихъ дѣтей въ православной Церкви. Одна говѣльщица рассказывала тому же священнику, что ее жестоко избилъ мужъ раскольникъ, когда узналъ, что она ходитъ въ православную церковь. Онъ же увезъ отъ матери всѣхъ своихъ дѣтей и держалъ ихъ взаперти, боясь, какъ бы они не послѣдовали примѣру матери. Православная жена одного раскольника была намѣренно оставлена своими родственниками раскольниками безъ всякой помощи при родовыхъ мукахъ; ее заперли въ баню и грозили не выпустить до тѣхъ поръ, пока она не дастъ обѣщанія остаться въ расколѣ и не крестить будущаго своего ребенка въ православной Церкви. Въ деревнѣ Тамбарской, Маріинскаго округа, одинъ раскольникъ, женивъ сына на православной, настойчиво требовалъ отъ своей невѣстки отказаться отъ православной вѣры и когда та не уступала, онъ не позволялъ ей ѣсть и пить съ мужемъ, а затѣмъ и совсѣмъ разлучилъ отъ совмѣстнаго брачнаго сожителства, угрожая, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, совсѣмъ прогнать ее изъ семьи („Томскія епарх. вѣд.“). Въ Сѣнненскомъ уѣздѣ, Могилевской епархіи, раскольница Анна Θεодосова заявила священнику о своемъ желаніи присоединиться къ православной Церкви и вступить въ бракъ съ православнымъ. Раскольники, не успѣвъ увѣщаніями и угрозами склонить Анну, измѣнить свое намѣреніе, прибѣгли къ насилію: они толпою человекъ до 200 напали на свадебный поѣздъ, схватили Анну, отвезли ее въ

домъ одного фанатика раскольника, а отсюда рѣшили отправить ее верстѣ за 50 въ раскольничью слободу и тамъ держать ее на цѣпи. Но Аннѣ удалось убѣжать; босая и въ легкой одеждѣ, съ отмороженными на ногахъ пальцами, она прибѣжала въ домъ священника, и въ назначенный день была присоединена къ православной Церкви („Могилевскія епарх. вѣд.“). Въ селѣ Верхъ-Убинскомъ (Томской епархіи) дочь раскольника Данилова присоединилась къ православной Церкви и вышла замужъ за православнаго крестьянина Митрофанова. Даниловъ напалъ на домъ Митрофанова, выбилъ окна, выломалъ двери, но въ этотъ разъ взять дочери не удалось ему. Въ другой разъ онъ подстерегъ ее на рѣкѣ и, избивъ, увелъ домой, гдѣ заковалъ желѣзнымъ прутомъ и хочетъ выдать на сводь.

Не церемонятся раскольники и съ православными священниками и миссіонерами. Они не упустятъ удобнаго случая, чтобы осмѣять священника, оскорбить его, оказать ему демонстративно непочтеніе и неуваженіе. Вотъ какъ описываетъ священникъ села Салонеченскаго Іоаннъ Козминъ пріемъ, оказанный ему раскольниками въ первый пріѣздъ его въ деревню Туманову, приписанную къ его приходу. 30 ноября онъ пріѣхалъ въ д. Тумановку и остановился на земской квартирѣ. Черезъ часъ явился сельскій староста раскольникъ съ разспросами, зачѣмъ пріѣхалъ? Священникъ объяснилъ, что пріѣхалъ навѣстить своихъ новыхъ прихожанъ, ознакомиться съ ними и удовлетворить ихъ религіозныя нужды. Староста заявилъ: „въ деревнѣ нашей никакихъ требъ нѣтъ; мы живемъ здѣсь 50 лѣтъ и никакихъ приходоу не знаемъ; ты напрасно къ намъ пріѣхалъ, мы тебя не принимаемъ, и ты намъ никто“. Однако по просьбѣ священника созвалъ сходъ и объявилъ о пріѣздѣ его. Услышавъ такую новость раскольники подняли невообразимый шумъ. Одни кричали: „откуда къ намъ его принесло, кто его прислалъ?“ Другіе: „не надо, не надо намъ его!“ Третьи: „пѣшкомъ его выпроводить изъ деревни, откуда пріѣхалъ, туда и пойдѣ!“ Порѣшили наконецъ позвать попа и общимъ голосомъ „отпереться отъ него“. Когда явился священникъ, то на привѣтствіе его: „миръ вашему собранію“, выступилъ изъ толпы начетчикъ и раздраженно закричалъ: „по какому праву ты пріѣхалъ къ намъ? Жи-

вемъ здѣсь 50 лѣтъ, никого не знали! Не хотимъ знать и тебя, не надо намъ тебя“. О подобномъ же отношеніи къ раскольникамъ сообщаетъ и другой священникъ Томской епархіи о. Тимофей Чешуниѣ. Священникъ этотъ, проходя однажды со св. иконами по деревнѣ своего прихода Каламанкѣ, подошелъ къ дому крестьянина Медвѣдева и, такъ какъ домъ былъ запертъ, прошелъ дальше. Но чрезъ нѣкоторое время, когда онъ служилъ молебенъ въ домѣ другого крестьянина, Медвѣдевъ подошелъ къ нему и грубо спросилъ: зачѣмъ ты заходишь ко мнѣ? Развѣ я никоніанинъ? Священникъ отвѣтилъ: заходишь потому, что считалъ тебя православнымъ. Медвѣдевъ удалился, но чрезъ короткое время снова явился съ толпою раскольниковъ. Раскольники съ шумомъ ворвались во дворъ крестьянина Сапѣгина, въ домѣ котораго въ это время священникъ служилъ молебенъ, подняли крикъ и брань, поносили св. иконы и неистово кричали: „давайте намъ сюда вашего попа! Какое онъ имѣетъ право ходить по нашей деревнѣ!“ („Томскія епарх. вѣд.“).

Въ проявленіи своей вражды къ православнымъ священникамъ и миссіонерамъ раскольники не ограничиваются дерзостью, насмѣшками и издѣвательствами, они не задумываются прибѣгать къ угрозамъ и даже насиліямъ. Одному они прямо говорятъ, что ему „не сдобровать“, другому угрожаютъ „отхватить космы“, третьяго—„спустить въ рѣку“. И это говорится не для запугиванія только. Небезынтересные въ этомъ отношеніи факты сообщены миссіонерами и священниками Томской епархіи на первомъ епархіальномъ миссіонерскомъ съѣздѣ. Напримѣръ, желтоногинскіе раскольники нанимали бѣглаго бродягу, чтобы расправиться съ проживавшимъ у нихъ миссіонеромъ Кудрявцевымъ. Одинъ изъ кулчинскихъ раскольниковъ нанималъ другого за 100 руб. убить миссіонера Бакарева. Обо всемъ этомъ въ свое время возникали слѣдственные дѣла. На миссіонера Гурія Макарова дѣлали ночное нападеніе три раскольника, отъ которыхъ онъ избавился только благодаря скоро подоспѣвшей помощи. Дѣлали раскольники ночное нападеніе и на священника Сибирячихинской единовѣрческой церкви о. Никиту Сорокина, причемъ онъ былъ сильно раненъ. Въ раскольники ненашутку совѣщались „успокоить“ своего приходскаго священника. Одни предлагали покончить пулей, такъ

какъ „еретика негрѣшно и изъ ружья застрѣлить, другіе, отвергнувъ это, потому что изъ ружья де „гулко будетъ“, предлагали пустить въ дѣло простой стягъ, ударъ по виску, и все кончено“... Вотъ неприкрашенные факты дѣйствительной жизни, съ достаточной ясностью обрисовывающіе положеніе раскольниковъ въ ихъ отношеніяхъ къ православной Церкви, ея послѣдователямъ и представителямъ. Вспомнимъ для полноты картины павловскихъ толстовцевъ, своимъ святотатственнымъ злодѣяніемъ такъ недавно еще возмутившихъ всю православную Россію,—штундистовъ Кіевской губерніи, силою врывавшихся въ православные храмы и тамъ препятствовавшихъ совершенію богослуженія, скопцовъ съ ихъ насильственными изувѣрствами, и въ настоящее время нерѣдко отмѣчаемыми на страницахъ судебной хроники. Таковы въ дѣйствительной жизни эти мнимогонимые и преслѣдуемые за свои религіозныя убѣжденія, о чемъ такъ много „жалкихъ словъ“ говорятъ наши интеллигенты. Приведенные факты убѣдительно всеякихъ „жалкихъ словъ“ свидѣтельствуютъ о томъ, кто гонимые и кто гонители, кто подвергается большимъ преслѣдованіямъ за вѣру—раскольники, или живущіе вмѣстѣ съ ними православные.

Убѣдительно же и наглядно говорятъ отмѣченные факты и о томъ, къ чему привело бы осуществленіе завѣтнаго желанія нашихъ либераловъ о предоставленіи раскольникамъ и сектантамъ полной религіозной свободы, выражающейся не только въ разрѣшеніи безнаказаннаго отпаденія отъ православія и открытаго исповѣданія своей вѣры, но и совращенія другихъ. Тогда положеніе православныхъ среди раскольниковъ и сектантовъ было бы поистинѣ ужасно. Тогда подобныя павловскому злодѣянію изувѣрства, съ разгромомъ православныхъ церквей, съ самыми ужасными насиліями, стали бы явленіемъ обычнымъ.

Но, къ сожалѣнію, наши либеральные радѣтели раскола и сектантства не хотятъ знать фактовъ дѣйствительности. Не зная ни жизни, ни ученія сектантовъ и раскольниковъ, или зная о нихъ только понаслышкѣ, они, въ увлеченіи современными либеральными идеями, доходятъ до того, что принимаютъ подъ свое покровительство даже такую изувѣрную секту, какъ скопчество, даже въ ней видятъ „свѣтлое“ и „отрадное“ явленіе, окружаютъ изувѣрныхъ скопцовъ оре

оломъ честности, благонамѣренности, восхваляютъ ихъ выдающееся трудолюбіе, ихъ безкорыстную взаимную братскую помощь и требуютъ для нихъ полной свободы. Съ такою ревностною не по разуму защитою скопцовъ выступилъ нѣкто Н. А. Гурьевъ въ своей брошюрѣ „Сибирскіе скопцы, ихъ экономическое и правовое положеніе“. Въ предисловіи къ названной брошюрѣ авторъ заявляетъ, что *тяжелое положеніе сосланныхъ въ Сибирь скопцовъ, ничѣмъ не вызываемая и ничѣмъ не оправдываемая стѣсненія ихъ мѣстной администраціею* побуждаютъ его выступить на защиту этихъ *невинно угнетенныхъ* (1) сектантовъ. Гурьеву кажутся странными, непонятными и незаконными такіа мѣры предосторожности въ отношеніи скопцовъ, какъ запрещеніе имъ безъ разрѣшенія полиціи надолго отлучаться изъ постоянного мѣста жительства, проживать въ городахъ и строгій полицейскій контроль ихъ корреспонденціи. Онъ требуетъ предоставленія сосланнымъ скопцамъ полной свободы, хотя бы въ предѣлахъ Сибири и выражаетъ увѣренность, что они, „вырвавшись изъ тѣсныхъ рамокъ узкой сектантской жизни, утратятъ тотъ мертвящій сектантскій духъ, которымъ опутаны теперь“. По его мнѣнію, „нѣтъ никакого основанія опасаться пропаганды со стороны скопцовъ, такъ какъ они большею частію давно уже утратили всѣ внутреннія побужденія къ этому“.

На чемъ же основаны всѣ эти, болѣе, чѣмъ странныя, сужденія и скороспѣлые выводы г. Гурьева? Во всякомъ случаѣ они не могутъ быть основаны на тѣхъ данныхъ, которыя собраны въ его брошюрѣ. По обычаю нашихъ либеральныхъ защитниковъ сектантства г. Гурьевъ останавливается прежде всего на внѣшнемъ матеріальномъ благосостояніи скопцовъ и расточаетъ восторженные похвалы ихъ рѣдкому трудолюбію, предприимчивости, трезвости. Скопцы лучшіе хлѣбопашцы, огородники, мастеравые. Своимъ экономическимъ благосостояніемъ они очень рѣзко выдѣляются на общемъ фонѣ окружающей ихъ бѣдности, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири они являются единственными поставщиками всѣхъ продуктовъ первой необходимости. Отсюда, по мнѣнію Гурьева, слѣдуетъ, что скопцы представляютъ лучшую часть населенія Сибири, оказываютъ самое благотворное вліяніе на окружающихъ и что для расширенія раіона этого *благотворнаго вліянія* необходимо осво-

бодить скопцовъ отъ всякихъ мѣръ стѣсненія и предоставить имъ полную свободу. Но останавливая главное вниманіе на экономическомъ благосостояніи скопцовъ и съ мелочностью лавочника высчитывая каждый пудъ снятаго ими хлѣба и овощей, каждый фунтъ масла и крупы, г. Гурьевъ забываетъ самое главное, забываетъ то зло, которое приносятъ скопцы, и которое далеко не искупается этими плодами скопческаго трудолюбія. Скопцы и до настоящаго времени остаются тѣми же „врагами человѣчества“, тѣми же „развратителями законовъ Божескихъ и человѣческихъ“, какими они были высочайше признаны еще при Александрѣ I. И до настоящаго времени они продолжаютъ фанатичную пропаганду своего бракорборнаго ученія, пропаганду, сопровождаемую гнуснымъ и изувѣрнымъ людорѣзничествомъ, разрушающимъ семью и, слѣдовательно, подрывающимъ самыя основы человѣческаго общежитія. Вотъ факты, иллюстрирующіе эту ужасную дѣятельность трезвыхъ воздержанныхъ и трудолюбивыхъ скопцовъ. Въ декабрѣ 1897 г. было обнаружено широкое распространеніе скопчества въ Петергофскомъ, Царскосельскомъ и Ямбургскомъ уѣздахъ, Петербургской губерніи. Скопцы уже въ теченіе многихъ лѣтъ энергично вели здѣсь свою тайную пропаганду, сопровождаемую изувѣрными операціями. Много было изуродовано ими людей, много разрушено семей и среди православныхъ, и среди лютеранъ. При этомъ, для достиженія своихъ цѣлей, скопцы по обычаю не гнушались никакими средствами, не исключая и насилія. Въ увлеченіи своей фанатичной пропагандой, они не щадили даже дѣтей.

Первыми привлеченными къ судебной отвѣтственности за принадлежность къ скопческой сектѣ были крестьяне деревни Лендовщины, Петергофскаго уѣзда, Павелъ Овчинниковъ и сынъ его Федоръ. Наружно они исповѣдывали православную религію и, по свидѣтельству односельчанъ, казались даже усердными прихожанами, напр., Павелъ Овчинниковъ на свой счетъ исправилъ мѣстную часовню. При этомъ Павелъ и Федоръ Овчинниковы были образцомъ трезвой и воздержанной жизни, они водки не пили, не курили и даже не употребляли въ пищу мяса. Но при этомъ у нихъ часто по ночамъ происходили подозрительныя собранія; къ нимъ пріѣзжали какіе-то неизвѣстные люди, какъ мужчины,

такъ и женщины, которые проводили у нихъ иногда день, а иногда и два, причеъ въ это время ворота и ставни дома Овчинниковыхъ запирались, и никому никогда не удавалось подсмотреть, что тамъ дѣлается. Разъ какъ-то односельчане, проходя ночью мимо дома Овчинниковыхъ, въ то время, когда тамъ были таинственные гости, захотѣли подслушать, что дѣлается въ домѣ, но лишь только они съ этою цѣлью остановились, какъ Федоръ Овчинниковъ, открывъ окно, сталъ тревожнымъ голосомъ спрашивать, „кто такіе“ и, не получивъ отвѣта, выбѣжалъ на улицу и прогналъ ихъ.

Судебно-медицинскимъ освидѣтельствомъ на предварительномъ слѣдствіи было обнаружено, что Павелъ и Федоръ Овчинниковы оскотплены, первый неполнымъ оскотпленіемъ, „малой печатью“ (отнятіе яичекъ), а второй полнымъ оскотпленіемъ (отнятіе яичекъ и ствола полового члена), причеъ объ обстоятельствахъ своего оскотпленія Павелъ Овчинниковъ показалъ слѣдующее: въ деревнѣ у нихъ проживали двѣ набожныя старушки Наталья и Меланія Ивановы; онъ часто посѣщаль этихъ старушекъ и тамъ неоднократно встрѣчалъ какихъ-то странниковъ, съ которыми проводилъ время за чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ. Однажды онъ встрѣтился у Ивановыхъ съ двумя странниками, которыхъ раньше никогда не видѣлъ; странники эти цѣлый вечеръ читали ему божественныя книги, а потомъ стали убѣждать его, что для спасенія души и полученія царствія небеснаго необходимо оскотпиться. Хотя онъ и не поддался убѣжденіямъ странниковъ и на оскотпленіе не согласился, но на другой день снова пришелъ побесѣдовать и остался вмѣстѣ съ ними ночевать у Ивановыхъ. Ночью онъ проснулся отъ сильной боли и, когда, по его просьбѣ, Меланьею Ивановой былъ принесенъ огонь, убѣдился, что оскотпленъ. Меланья Иванова достала какую-то жидкость и стала примачивать ему рану, что продѣлывала въ продолженіе четырехъ или пяти дней, которые онъ пролежалъ у нея въ домѣ. Странники-же, оскотпившіе его, скрылись, поэтому онъ и не заявилъ на нихъ жалобы.

По показанію Федора Овчинникова, и обстоятельства его оскотпленія были таковы-же; но при этомъ онъ заявилъ, что далъ странникамъ свое согласіе на оскотпленіе и не раскаивается, что оскотпленъ, такъ какъ, по его мнѣнію, поступилъ

вполнѣ хорошо и согласно съ волею Божіею. Если-бы онъ былъ на свободѣ, то другимъ не сталъ-бы давать совѣтовъ оскопиться только потому, что боялся бы попасть за это въ тюрьму. Проживавшая въ домѣ Овчинниковыхъ въ теченіе 8 лѣтъ, въ качествѣ прислуги, крестьянка Екатерина Иванова, по освидѣтельствваніи, также оказалась оскопленною и при допросѣ сослалась на ту-же умершую старушку Меланью Иванову, объяснивъ, что та убѣдила ее оскопиться, обѣщавъ ей за это царствіе небесное, а когда она согласилась на это, то Меланья Иванова собственноручно отрѣзала ей груди и изуродовала половые органы. Вслѣдъ за Овчинниковыми были привлечены къ судебной отвѣтственности за принадлежность къ скопческой сектѣ еще до сорока женщинъ и мужчинъ. Всѣ они на судебно-медицинскомъ освидѣтельствваніи оказались изуродованными—съ вырѣзанными грудями, выжженными половыми органами—и въ тоже время всѣ съ фанатизмомъ заявили, что довольны своимъ оскотпленіемъ, такъ какъ глубоко вѣруютъ, что оно необходимо для спасенія души и полученія царствія Божія, поэтому они всегда готовы и другихъ убѣждать оскопиться. Вотъ болѣе характерныя показанія нѣкоторыхъ изъ этихъ фанатиковъ объ обстоятельствахъ оскотпленія. Крестьянинъ Андрей Лаурикайне показалъ, что его покойная мать была оскотплена и его убѣдила оскопиться и оскотпила у себя въ избѣ. Еще до оскотпленія года за три онъ пересталъ имѣть супружескія сношенія съ своею женою, считая это за большою грѣхъ, но такъ какъ ему было трудно воздерживаться, то онъ и рѣшилъ оскопиться. Въ настоящее время онъ вѣруетъ, что для полученія царствія Божія необходимо оскопиться, поэтому оскотпленіемъ очень доволенъ, и если бы произошло чудо, и у него снова выросли-бы половые органы, то онъ снова отрѣзалъ бы ихъ. Крестьянинъ Петръ Талойне объяснилъ, что онъ оскотпленъ былъ двѣнадцати лѣтъ отъ роду своимъ отцемъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: какъ-то онъ съ отцомъ отправился на сѣнокосъ, гдѣ пробыли около недѣли; спали они вмѣстѣ въ шалашѣ. Однажды ночью проснувшись отъ сильной боли, онъ убѣдился, что у него отрѣзаны половые органы, и на рану положена повязка. На вопросъ его, что это значитъ, отецъ отвѣтилъ: „ничего, это нужно для спасенія души“. Объ оскотпленіи своемъ онъ

никому не заявилъ, такъ какъ отецъ строго запретилъ ему это. Исаакъ Хусъ объяснилъ, что бабушка его, умершая уже лѣтъ пять тому назадъ, съ дѣтства внушала ему, что для спасенія нужно оскотиться. Съ такимъ убѣжденіемъ онъ и выросъ, поэтому и пожелалъ принять оскотленіе. Операция эта была совершена надъ нимъ какимъ-то незнакомымъ странникомъ, которому онъ заплатилъ за это 15 руб. Въ настоящее время онъ твердо вѣруетъ, что для полученія царствія небснаго необходимо оскотиться. А если-бы кто-нибудь обратился за совѣтомъ по этому поводу, то онъ отвѣтилъ-бы такъ: „если ты можешь воздержаться отъ совокупленія съ женщинами, то не оскотляйся, а если не можешь, то оскотись“. По его убѣжденію, человекъ долженъ жить совершенно чисто, т. е., никогда не имѣть сношеній не только съ чужими женщинами, но даже и съ своею женою. Богъ Адама и Еву выгналъ изъ рая за то, что они совокупились. Крестьянинъ Андрей Анисъ объ обстоятельствахъ своего оскотленія и о причинахъ, побудившихъ его оскотиться рассказалъ слѣдующее: читая Священное Писаніе, онъ нашель, что въ 19 главѣ Евангелія отъ Матѳея ясно говорится, что для полученія царствія Божія надо оскотиться, а потому онъ и рѣшилъ оскотиться „большою печатью“, т. е., совершеннымъ отнятіемъ половыхъ органовъ. Операцию эту совершилъ надъ нимъ какой-то старикъ, по имени Потапъ, нынѣ уже умершій. Старикъ этотъ завель его къ себѣ въ домъ, положилъ на кровать и въ одинъ пріемъ отрѣзалъ ему всѣ половые органы. Послѣ операции онъ въ домѣ старика проболѣлъ около мѣсяца. Въ настоящее время онъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что для полученія царствія небснаго необходимо оскотиться, и если бы кто-нибудь обратился къ нему за совѣтомъ по этому поводу, то онъ посовѣтывалъ бы оскотиться. По его убѣжденію, Богъ сотворилъ человекъ чистымъ, но въ послѣдствіи плоть человекъ была осквернена грѣхопадениемъ Адама и Евы. Плоть человеческая въ настоящее время портитъ человекъ, а потому съ нею надо бороться и уничтожать въ ней тѣ именно члены, которые ведутъ ее ко грѣху, а такъ какъ такимъ членомъ является прежде всего дѣтородный членъ, то его и надо отрѣзать, чтобы предохранить плоть отъ грѣха. „И если бы у него было столько членовъ, сколько сучьевъ

на деревѣ, то онъ всѣ-бы ихъ вырубилъ“. И главными вдохновителями этихъ изувѣровъ, какъ обнаружено слѣдствіемъ, были сосланные въ Сибирь главари скопческой секты, поддерживающіе самыя оживленныя письменныя сношенія съ оставшимися на родинѣ своими послѣдователями. Это тѣ сибирскіе скопцы, строгій надзоръ за которыми Н. Гурьевъ считаетъ совершенно излишнимъ и даже незаконнымъ, которые, по его мнѣнію, давно уже утратили всѣ внутреннія побужденія къ пропагандѣ своего изувѣрнаго ученія, и которымъ поэтому нужно предоставить полную свободу.

Скопцы представляютъ тѣсно сплоченную общину, члены которой гдѣ-бы ни находились, какъ-бы далеко ни были разбросаны другъ отъ друга, поддерживаютъ постоянныя и самыя оживленныя сношенія между собою; такъ что скопцы всѣхъ мѣстностей образуютъ одно чисто кагальное, живущее узкими кружковыми интересами общество. Порвавъ всѣ связи съ внѣшнимъ міромъ и его интересами, одушевленные одною мыслию о скорѣйшемъ наступленіи скопческаго царства на землѣ, они всѣ силы посвящаютъ пропагандѣ своего изувѣрнаго ученія и привлеченію въ свою секту все большаго и большаго числа послѣдователей, пока число скопцовъ не достигнетъ апокалипсической цифры 144 тысячъ (Апок. 14, 1—4). Когда же исполнится это число, тогда скопческій лжеискупитель произведетъ открытый судъ надъ міромъ, „смирить явнаго царя“, удалить его съ престола, а самъ приметъ „скипетръ и державу“ и „въ пречистомъ своемъ тѣлѣ“ воцарится въ обновленной и очищенной отъ всякой нечистоты Россіи. Тогда наступитъ торжество скопцовъ. Для скорѣйшаго достиженія этой желанной цѣли, каждый скопецъ жертвуетъ всѣмъ своимъ имуществомъ, на которое онъ и смотритъ не какъ на личную собственность, а какъ на собственность секты. И дѣйствительно ни одинъ скопческій „корабль“ не допуститъ, чтобы имущество, оставшееся послѣ смерти кого-либо изъ членовъ его, досталось не скопцу, хотя-бы даже и родственнику умершаго. Всѣ такія имущества всѣми правдами и неправдами укрѣпляются обычно за кѣмъ-либо изъ членовъ секты. Путемъ такого перехода скопческихъ имуществъ отъ одного члена секты къ другому и создаются тѣ колоссальныя скопческія кагальныя богатства, которыя съ одной стороны составляютъ осно-

ваніе выдающагося благосостоянія скопцовъ, а съ другой—служать цѣлямъ ихъ пропаганды.

Пропаганда эта такъ хитро организована, ведется такъ скрыто и умѣло, что услѣдить за ней не представляется никакой возможности. Поэтому почти никогда не удается захватить скопческое броженіе въ самомъ началѣ и во-время противодѣйствовать ему. Прежде, чѣмъ въ томъ или другомъ мѣстѣ скопчество бываетъ обнаружено, оно уже успѣваетъ пустить глубокіе корни и захватить немало жертвъ. Этимъ и объясняется та неожиданность, съ какою и въ настоящее время часто обнаруживается скопчество въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ о существованіи его никто не подозрѣвалъ. Такою, напр., неожиданностью было обнаруженіе скопчества въ Скопинскомъ уѣздѣ, Рязанской епархіи. Здѣсь во второй половинѣ 1901 г. было опознано много послѣдователей этой гнусной секты съ признаками физическаго оскотпленія. 16 скопцовъ и 26 скопчихъ были привлечены къ судебной отвѣтственности. На вопросъ о причинахъ оскотпленія и о томъ, кто побудилъ ихъ къ этому, они всѣ съ фанатизмомъ заявили: никто не училъ насъ этому, мы сами оскотпили себя. Въ этомъ нѣтъ никакого преступленія. Развѣ мы не вольны въ своемъ тѣлѣ? Мы слѣдовали словамъ Евангелія и ученію Спасителя. Онъ Самъ сказалъ: есть скопцы, которые сдѣлали сами себя скопцами для царствія небеснаго (Мѣ. 19, 12). Оскотпленіе это подвигъ, и Спаситель о немъ сказалъ: „Могій вмѣстити, да вмѣститъ“. Не всякій можетъ перенести этотъ подвигъ; а вотъ намъ вмѣстилось это, мы и оскотпили себя для царства небеснаго. И апостоль Павелъ говоритъ: „безъ пролитія крови не бываетъ прощенія“ (Евр. 9, 22). Поэтому и Христось два раза пролилъ свою дражайшую Кровь,—въ первый разъ Онъ пролилъ ее въ восьмой день отъ рожденія, когда Его обрѣзали (подъ обрѣзаніемъ скопцы разумѣвають оскотпленіе), а второй разъ при распятіи на крестѣ. Нѣтъ въ оскотпленіи и грѣха. Какой грѣхъ—отрѣзать свой членъ, чтобы избавиться отъ похотной страсти? Вѣдь нѣтъ-же грѣха отрѣзать свой палець или руку, или ногу, или выколоть себѣ глазъ. Спаситель-то прямо говоритъ: лучше тебѣ войти въ жизнь безъ руки, или безъ ноги, нежели съ двумя руками и съ двумя ногами быть

ввержену въ огонь вѣчный; лучше тебѣ съ однимъ глазомъ войти въ жизнь, нежели съ двумя глазами быть ввержену въ геенну огненную (Мѡ. 18, 8—9).

Не странны-ли послѣ этого сѣтованія Н. А. Гурьева на строгость мѣръ надзора, примѣняемыхъ къ скопцамъ, не навны-ли требованія его о предоставленіи полной свободы этимъ изувѣрамъ и о „распространеніи ихъ культурнаго вліянія на возможно большій районъ“? Если обычныхъ воровъ и убійць изолируютъ и всякими мѣрами стараются препятствовать ихъ преступной дѣятельности, то почему же скопцы, у которыхъ людорѣзничество возведено въ догматъ, должны имѣть просторъ въ своихъ дѣйствіяхъ, подрывающихъ самыя основы человѣческаго общежитія? Гурьевъ увѣряетъ, что сосланные скопцы давно уже утратили всѣ внутреннія побужденія къ пропагандѣ своего лжеученія, и что умственный и нравственный складъ сибиряка, чуждаго всякаго мистицизма,—лучшая гарантія отъ увлеченія скопческими идеями. Но, къ сожалѣнію, факты говорятъ совершенно противоположное. Во-первыхъ, всѣ почти скопческіе судебные процессы открываютъ немало самыхъ неопровержимыхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что вожаки скопческой секты, сосланные въ Сибирь, находятся въ постоянныхъ и самыхъ оживленныхъ сношеніяхъ съ оставшимися на родинѣ своими послѣдователями и являются главными вдохновителями ихъ въ ихъ изувѣрныхъ подвигахъ. Во-вторыхъ, и исторія и современная жизнь свидѣлствуютъ, что мистическія бредни всегда находили благопріятную почву среди сибирскаго населенія. Еще скопческій богъ Селивановъ не безъ успѣха велъ здѣсь свою пропаганду и за время пребыванія своего въ Сибири онъ приобрѣлъ здѣсь немало послѣдователей. Въ настоящее же время какъ среди сибирскихъ переселенцевъ, такъ и среди коренныхъ сибиряковъ съ большимъ успѣхомъ распространяется хлыстовщина родоначальница скопчества. Въ увлеченіи внѣшнимъ благосостояніемъ и богатствомъ скопцовъ, г. Гурьевъ не видитъ кроющихся подъ этой привлекательной внѣшностью язвъ скопчества. „Высокіе, большіе дома съ громадными окнами, тесовыми и желѣзными крышами, разныя рѣзныя фигурки изъ дерева, жести и мѣди на окнахъ и воротахъ, цвѣты на подоконникахъ, па-

лисадники подь окнами ¹⁾—вотъ что главнымъ образомъ обращаетъ на себя вниманіе Гурьева въ жизни скопцовъ; восторгается онъ и тѣмъ, что „не услышишь въ скопческомъ селеніи пьяной разгульной пѣсни, не увидишь подвыпившаго мужика, безъ чего нельзя себѣ и представить обыкновенной русской деревни“ ²⁾. И дѣйствительно, кому неизвѣстна зажиточность скопцовъ, поставляющихъ наживу цѣлью своей жизни, сосредоточивающихъ въ своей средѣ громадныя богатства и при помощи ихъ увлекающихъ въ свои сѣти бѣдныхъ, безпомощныхъ, стѣсненныхъ лишеніями и нуждами. Кому также неизвѣстна и трезвость скопцовъ, у которыхъ „хмельного не пить“ является одною изъ основныхъ заповѣдей... Но если среди этихъ богатыхъ и воздержныхъ скопцовъ не увидишь пьяныхъ, не услышишь пьяной, разгульной пѣсни, безъ чего нельзя представить себѣ обыкновенной русской деревни, то не увидите среди нихъ и лучшихъ сторонъ обычной крестьянской жизни. Не увидишь здѣсь семейнаго людскаго счастья. Не услышишь дѣтскаго крика, не увидишь подростоющаго молодого поколѣнія, не увидишь проявленія веселья, какъ результата нормальной трудовой жизни и довольства. На всемъ здѣсь лежитъ печать смерти, повсюду видны слѣды вырожденія, отовсюду вѣетъ мертвящимъ сектантскимъ духомъ, каждая скопческая семья оставляетъ впечатлѣніе вымирающаго дома. „Предоставьте скопцамъ право свободнаго жительства, дайте имъ свободу, позвольте пользоваться всѣми благами образованія и просвѣщенія, и вы увидите, что сектанты скоро совершенно ассимилируются съ остальнымъ населеніемъ“, говоритъ Гурьевъ; по его мнѣнію, единственнымъ препятствіемъ къ этому служить только „замкнутость скопцовъ въ душевнѣйшей сектантской средѣ“ ³⁾. Таковую наивность только и можно объяснить совершеннымъ незнаніемъ Гурьевымъ ни исторіи скопчества, ни духа и характера секты. Напр., въ царствованіе Александра I-го скопцамъ была предоставлена правительствомъ полная свобода. Сектанты эти представлялись не болѣе, какъ несчастными, жалкими жертвами изуверства, достаточно уже наказываемаго самимъ

¹⁾ См. брошюру его «Сибирскіе скопцы», стр. 17.

²⁾ Тамъ же, стр. 17.

³⁾ Тамъ же, стр. 48.

собою. Но эта кротость правительства, давъ сектантамъ просторъ и волю, еще сильнѣе одушевила ихъ въ ихъ изувѣрныхъ подвигахъ. Скопцы безпрепятственно плодились даже въ столицѣ, открыто распространяя заразу своего лжеученія и словомъ и дѣломъ, такъ что наконецъ Высочайшимъ приказомъ велѣно было признавать скопцовъ „врагами человѣчества, развратителями нравственности, нарушителями законовъ Божіихъ и гражданскихъ“.

Нѣтъ, никакая свобода не можетъ разсѣять мертвящій духъ этой секты. Для изувѣровъ, положившихъ на себя скопческую печать физическаго уродства, нѣтъ возврата и раскаянія. „Печать батюшки искупителя“ навсегда отрываетъ ихъ отъ міра семейнаго и общества людскаго. Нѣтъ для нихъ интересовъ, кромѣ интересовъ секты; единственная цѣль ихъ жизни—это распространеніе своего лжеученія, приумноженіе подобныхъ себѣ несчастныхъ. Съ своимъ матеріальнымъ довольствомъ и богатствомъ они повсюду несутъ разрушеніе семьи и смерть. Если и встрѣчаются среди нихъ немногіе, осуждающіе скопчество, сознающіе вредъ заблужденій этой секты, то это тѣ несчастные, которые въ дѣтствѣ сдѣлались жертвами скопческаго изувѣрнаго насилія, которымъ только остается сожалѣть о своей загубленной жизни.

А. Орловъ.

БИБЛОГРАФІЯ.

«Б о ж ь я Н и в а».

Троицкій собесѣдникъ для церковно-приходскихъ школъ. Изда-
ніе Троице-Сергіевской лавры.

Возрожденная Высочайше утвержденнымъ 1884 г. Поло-
женіемъ церковная школа успѣла пріобрѣсти въ помощь
своему святому дѣлу два печатныхъ органа: въ Кіевѣ из-
дается болѣе 10 лѣтъ ежемѣсячный журналъ подъ назва-
ніемъ „Церковно-приходская школа“. Болѣе 5 лѣтъ выхо-
дитъ въ свѣтъ официальный органъ церковной школы:
„Народное Образование“. Въ истекающемъ 1902 г. народи-
лось новое церковно-приходское изданіе подъ вышеприве-
деннымъ названіемъ: „Нива Божья“. Здѣсь на помощь школъ
пришла Троице-Сергіевская лавра въ лицѣ своего такъ хо-
рошо всѣмъ, извѣстнаго архимандрита Никона, издателя
„Троицкихъ Листковъ“. Послѣднему принадлежитъ инициа-
тива новаго изданія, онъ же является душою и главнымъ
работникомъ на „Нивѣ Божьей“. Уже одно это рекомендуетъ
новое изданіе съ наилучшей стороны. И дѣйствительно вся-
кому, кому дорога церковная школа, а наипаче же учителю,
у котораго въ душѣ есть горячее искреннее желаніе послу-
жить истинному просвѣщенію народа, этотъ небольшой
объемомъ, но богатый содержаніемъ журнальчикъ является
цѣннымъ литературнымъ даромъ, необходимымъ пособіемъ.
Цѣль изданія „оказывать нравственную поддержку всѣмъ,
кто трудится въ церковно-приходскихъ школахъ въ вели-
комъ дѣлѣ воспитанія народа въ духѣ христіанскаго бла-
гочестія и родныхъ преданій старины, дать этимъ тружен-
никамъ возможность обмѣниваться мыслями по тѣмъ во-
просамъ, которые особенно тревожатъ ихъ христіанскую со-
вѣсть; показывать на фактахъ, какъ велико и свято то дѣло,
коему они служатъ; какъ и чѣмъ проявляетъ себя это дѣло
въ жизни, какъ въ самой школѣ, такъ и внѣ ея; въ чемъ
состоитъ тотъ идеалъ, къ какому должна быть направлена
вся ихъ будничная работа. „Божья Нива“ будетъ стремиться
указать, при помощи Божьей тѣ пути и средства, коими
воздѣлывается добрая по природѣ нива дѣтскаго сердца“.

Въ составъ программы новаго изданія входятъ слѣдующіе отдѣлы. 1. *Церковь и школа*. 2. *Семья и школа*. 3. *Школа и народная жизнь*. 4. *Школа, какъ воспитательница эстетическаго чувства*. 5. *Лѣтопись церковныхъ школъ*. 6. *Переписка нашихъ читателей*. 7. *Страничка для дѣтей*. 8. *Приложенія, "Трицкіе листки" и книжка, какъ матеріаль для собесѣдованія и для чтенія дѣтямъ*. Рисунокъ. Сроки выхода отъ 6 до 12 разъ въ годъ. *Цѣна 1 рубль съ пересылкой*.

Для указанія средствъ воспитанія нужно—знаніе отличительныхъ свойствъ дѣтской души, отчетливое представленіе того идеала, къ которому долженъ стремиться человѣкъ христіанинъ, и того пути, который несомнѣнно приводитъ къ этому идеалу, и дѣйственность котораго засвидѣтельствована вѣками русской народной жизни. Все это въ журналѣ „Божья Нива“ указывается, прекрасно разъясняется и освѣщается многочисленными фактами изъ исторіи и быта русскаго народа и церковно-приходскихъ школъ. Наблюденія, замѣтки и дневники оо. завѣдующихъ, наблюдателей и самихъ учителей находятъ должное мѣсто въ этомъ журналѣ и придають содержанію журнала жизненность и ту реальную правду, которая поучительнѣе кабинетнаго доктринерства писателей-педагоговъ. Что касается народнаго религіознаго идеала жизни, то, справедливо полагая его въ „спасеніи души“, „Божья Нива“ старается звать своихъ читателей—народныхъ просвѣтителей къ охраненію того пути просвѣщенія, которымъ искони шелъ русскій человѣкъ, спасая свою душу. Путь этотъ—„церковность“, ей посвящена первая, такъ сказать, основная статья „Божьей Нивы“, на которой мы и остановимъ вниманіе читателей. „Церковность“ есть жизнь въ духѣ заветовъ, уставовъ, заповѣдей, таинствъ, обрядовъ и всего богослуженія православной Церкви, имѣющей своею цѣлью внести таинственное освященіе во всѣ проявленія и событія обыденной жизни христіанина отъ момента рожденія до смерти. По возрѣнію русскаго народа „зло, зараза грѣха и тлѣніе проникають весь міръ, такъ сказать, до мозга костей: зараженъ воздухъ, которымъ мы дышимъ, заражена вода, которую пьемъ, пища, которую вкушаемъ, зараженъ весь человѣкъ со всѣми своими естественными мыслями, чувствами и желаніями такъ, что не можетъ сдѣлать ни одного шага, чтобы не нуждаться въ освященіи всего, чѣмъ онъ пользуется для продолженія и устройства своей жизни“... Набожная русская душа въ самой атмосферѣ храма Божія или монастыря ищетъ и находитъ для себя благодатное освященіе и обновленіе, измѣняясь въ ней иногда до неузнаваемости. Жажда божественнаго, святаго, стремленіе жить не въ разрѣзъ съ идеаломъ человѣка благочестиваго—идеаломъ, восаннымъ съ молокомъ матери и

проникающимъ всѣ убѣжденія и воззрѣнія русскаго простолюдина на жизнь, обнаруживается въ весьма симпатичныхъ особенностяхъ, привычкахъ и обычаяхъ большинства нашего народа, напр., освящать молитвой начало и конецъ труда, осѣнять знаменемъ креста двери дома и нѣкоторые предметы хозяйства.

Останавливаясь за симъ на вопросахъ, что и какъ способствуетъ воспитанію церковности въ дѣтяхъ, и прежде всего—въ чемъ можетъ состоять эта, такъ сказать, *школьная церковность*, долженствующая полагать прочные и благодѣтельныя задатки церковности для всей дальнѣйшей жизни будущаго гражданина родной страны, „Божья Нива“ утверждаетъ, что „практика жизни ушла здѣсь значительно впередъ теоретической разработки дѣла, и надо отдать ей справедливость—ушла впередъ не по невѣрному пути, хотя успѣхи ея немало теряли отъ недостатка прочныхъ теоретическихъ основъ. Ученіе начиналось у насъ съ разучиванія псалтири—глубоко-мудрый и психологически незамѣнимый способъ соединенія обученія ума съ воспитаніемъ сердца и воли“. Ознакомленіе дѣтей съ псалтирью—этимъ святымъ, неподражаемо художественнымъ поэтическимъ произведеніемъ—имѣетъ, сверхъ внутреннихъ ея достоинствъ, громадное значеніе со стороны именно воспитанія въ дѣтяхъ церковности. Языкъ псалтири по преимуществу сталъ языкомъ Церкви. Большинство молитвословій и пѣснопѣній церковныхъ сложены именно языкомъ псалтири и буквальнымъ повтореніемъ ея умиленнѣйшихъ и дышущихъ благодатно-неземною теплотою выраженій. Трудность языка псалтири съ избыткомъ вознаграждается тѣми благами, какія даетъ церковно-славянскій языкъ, благодаря своему родству съ греческимъ, передавая всю силу, красоту и своеобразность подлинника. Въ качествѣ средствъ, прививающихъ дѣтямъ духъ церковности, могутъ служить также привлеченіе ихъ къ участію въ чтеніи и пѣніи при богослуженіи и паломничество въ мѣстныя обители и святые мѣста земли русской. „Что можетъ быть трогательнѣе, умиленнѣе и поучительнѣе зрѣлища, когда стройная толпа малютокъ, какъ нѣжный всходъ недавно засѣяннаго зерна, мило колыхается по запыленной лѣтней дорогѣ въ какую-нибудь изъ святыхъ обителей, безъ всякой принудительности, свободно упражняя свои первые и самые чистые святые порывы богоугожденія и благочестія въ этомъ подвигѣ путешествія по св. мѣстамъ отечества“. Обиліемъ фактовъ, помѣщаемыхъ оо. наблюдателями, завѣдующими и учителями, „Божья Нива“ свидѣтельствуетъ, что церковность пользуется самою глубокою и непринужденною любовью чистыхъ дѣтскихъ сердець. Это и понятно.

„Обратитесь къ воспоминаніямъ собственнаго дѣтства, и вы увидите, что воспоминанія о минутахъ вашего общенія съ жизнью Церкви—самыя живучія, свѣтлыя и невыразимо отрадныя. Впечатлѣнія великопостныхъ, страстныхъ и пасхальныхъ богослуженій укладываются въ памяти съ мельчайшими подробностями. Подобнымъ образомъ впечатлѣнія отъ святыхъ обителей и другихъ чтимыхъ святынь родной земли, особенно посѣщаемыхъ въ первый разъ, и въ годы свѣтлаго, воспримчиваго дѣтства, ложатся неизгладимо свѣтлою точкою на всемъ запасѣ нашихъ духовныхъ приобрѣтеній, и кто могъ бы измѣрить все значеніе и громадную цѣнность этой маленькой точки, которая способна влить столько незримой силы для борьбы съ тяготою жизни въ однихъ, столько утѣшенія посреди труднѣйшихъ испытаній въ другихъ, столько благодатныхъ струй во всю жизнь и настроеніе третьихъ. „Божья Нива“ доказываетъ, что опытъ школьной жизни достаточно показалъ, что церковный распорядокъ жизни вообще вовсе не представляетъ чего-либо носовмѣстимаго съ распорядкомъ чисто учебной стороны. Даже въ теченіе учебныхъ дней можно безъ всякаго обремененія дѣтей, пользуясь всякими поводами, возбуждать и подогрѣвать церковность дѣтей всевозможными способами. Наилучшимъ образомъ достигли бы цѣли школы съ общечитіями, подъ сѣнью приходскаго храма, а еще лучше монастыря, и всего лучше женскаго.

Изъ другихъ статей „Божьей Нивы“ общій интересъ имѣютъ: „Взглядъ на воспитаніе на зарѣ христіанства“, „Достоевскій о воспитаніи“,—Димитрія Введенскаго и „Съ какой поры дѣтскаго возраста нужно начинать религіозное воспитаніе“—Прот. А. Иванова. Мелкіе рассказы, дневники и письма учителей, учительницъ и наблюдателей служатъ богатой иллюстраціей къ передовой статьѣ „Церковность“.

Церковно-школьное просвѣщеніе молодого поколѣнія народа служить самымъ вѣрнымъ орудіемъ миссіи Церкви, въ ея борьбѣ съ расколосектантскою тьмою; школы народныя—это основа и фундаментъ специальной миссіи. Последняя самымъ живымъ образомъ заинтересована въ успѣхѣхъ школьнаго дѣла, а потому и „Миссіонерское Обозрѣніе“ долгомъ считаетъ привѣтствованіе новаго соратника въ вертоградѣ церковномъ—„Божью Ниву“ съ успѣшнымъ началомъ своей просвѣтительной службы общей нашей матери-Церкви и желаетъ журналу такого же широкаго распространенія, какимъ заслуженно пользуются „Троицкіе Листки“ досточтимаго о. Никона.

Василій Барсневъ.

Прот. Т. Буткевичъ, профессоръ харьковскаго университета. Религія, ея сущность и происхождение. (Обзоръ философскихъ гипотезъ). Книга I, Харьковъ. 1902.

Нельзя не подивиться трудолюбію и плодovitости досто-почтеннаго автора, почти ежегодно дѣлающаго вкладъ своими обширными изслѣдованіями въ научную бібліотеку русской философіи и богословія. Настоящій трудъ представляетъ собою весьма объемистый томъ (360 стр), посвященный интереснѣйшему и вмѣстѣ съ тѣмъ основному богословскому вопросу: о религіи, ея сущности и происхожденіи. Правда, по этому вопросу мы имѣемъ уже прекрасное изслѣдованіе покойнаго В. Р. Кудрявцева-Платонова. Но, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, „послѣ него явились новые взгляды на религію, которые въ настоящее время представляютъ общій интересъ и признаются господствующими, напр., М. Мюллера, Каспари, Шульце, Нитцше, Спенсера, Леббока, Тэйлора“ и др. Кромѣ того, взгляды нѣкоторыхъ мыслителей, по нашему мнѣнію, заслуживающіе вниманія не менѣе другихъ и бывшіе несомнѣнно извѣстными В. Р. Кудрявцеву, у него обойдены почему-то совершеннымъ молчаніемъ“. Трудъ прот. Буткевича имѣетъ цѣлью, такимъ образомъ, пополнить пробѣлы въ изслѣдованіи В. Р. Кудрявцева и дать полный обзоръ философскихъ гипотезъ о существѣ религіи и ея происхожденіи.

Онъ состоитъ изъ обширнаго введенія (1—79 стр.) и 11 главъ.

Во введеніи выясняется понятіе религіи.

Авторъ подробно останавливается на этимологіи и первоначальномъ значеніи слова „religio“ и склоняется къ объясненію, данному Цицерономъ, по которому religio означаетъ *страхъ, благоговѣніе*.

Авторъ полагаетъ, что такое толкованіе болѣе правильно, чѣмъ данное Лактанціемъ и наиболѣе распространенное, въ смыслѣ „союза“ человѣка съ Богомъ, потому что язычники-римляне существенное значеніе приписывали именно страху, трепету въ религіи. Но одно чувство страха не составляетъ еще сущности религіи; вотъ почему „многіе современные намъ, даже западно-европейскіе ученые въ послѣднее время все больше и больше утверждаютъ въ мнѣніи, что слово „религія“ далеко не соотвѣтствуетъ тому понятію, которое имъ обозначаютъ“.

Что же такое религія? Существуетъ множество противорѣчивыхъ опредѣленій этого понятія. Авторъ останавливается на важнѣйшихъ изъ нихъ и, находя ихъ неудовлетворительными, односторонними и отвлеченными, путемъ анализа религіи, какъ эмпирическаго факта, устанавливаетъ

и выясняетъ существенные признаки „дѣйствительной (а не измышляемой) религіи“. Таковыхъ признаковъ онъ находитъ 8: 1) вѣра въ бытіе живого и личнаго Бога, 2) вѣра въ возможность и дѣйствительность божественнаго откровенія, 3) вѣра въ бытіе особаго міра духовъ, 4) вѣра въ личное безсмертіе души человѣка, 5) нравственность и благочестіе, основанныя на ученіи божественнаго откровенія, 6) особенное настроеніе духа или религіозныя чувствованія, 7) религіозный культъ и 8) религіозная община или Церковь. Проф. Буткевичъ останавливается на этомъ излишне-дробномъ перечисленіи существенныхъ признаковъ религіи (такъ, напр., 2-й пунктъ уже содержится съ необходимостью въ первомъ, равно какъ религіозныя чувствованія непременно входятъ въ понятіе „вѣры въ живого и личнаго Бога“, (п. 1) которая въ противномъ случаѣ была бы мертвою и сухою, благочестія (п. 5) и лежатъ въ основѣ религіознаго культа (п. 7) и не идетъ далѣе. Вслѣдствіе этого онъ впадаетъ, по нашему мнѣнію, въ крайность, противоположную той, въ которой онъ обвиняетъ своихъ предшественниковъ. Если тѣ ради единства въ опредѣленіи упускали изъ вида многосторонность содержанія, то нашъ авторъ наоборотъ не заботится о томъ, чтобы богатое разнообразіе установленныхъ имъ признаковъ объединить какою-либо руководящею идеей и связать въ одномъ стройномъ и логически-правильномъ понятіи.

Ознакомивъ читателя съ существенными признаками дѣйствительной религіи, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію тѣхъ многочисленныхъ гипотезъ, которыя предложены многими мыслителями для разрѣшенія труднѣйшаго вопроса о сущности религіи и объ ея происхожденіи въ человѣчскомъ родѣ.

Здѣсь авторъ обнаруживаетъ свою рѣдкую начитанность и умѣнье излагать и разбирать чужія воззрѣнія ясно, послѣдовательно и оживленно. Серьезныя разсужденія по мѣстамъ приправлены солью остроумія. Такъ, напр., характеризую философское ученіе Фихте о религіи, которое не отличалось устойчивостью, авторъ замѣчаетъ: „Угоняешься ли за такимъ „быстроногимъ Ахиллесомъ“? Вѣдь имѣть дѣло съ ученіемъ Фихте о сущности религіи, которое въ своемъ родѣ можетъ быть названо *petpetuum mobile*, не легко. Мы даже затрудняемся кратко отвѣтить на вопросъ: въ чемъ Фихте полагалъ сущность религіи? Въ этомъ случаѣ Фихте похожъ на евангельскую самарянку, у которой было пять мужей, и тотъ, котораго она имѣла послѣднимъ, не былъ ея мужемъ. Фихте выдавалъ за свои много чужихъ гипотезъ о сущности религіи, но и послѣдняя по времени не была его *законною гипотезою*... (стр. 516).

Вообще несмотря на ученый характер изслѣдованія, книга читается легко и съ интересомъ. Для лицъ, интересующихся богословіемъ, сочиненіе прот. Буткевича даетъ обширный матеріалъ, собранный умѣлою рукою. Особенно полезна можетъ быть эта книга для преподавателей основного богословія или христіанской апологетики и для студентовъ-учениковъ, изучающихъ этотъ предметъ. Наше основное богословіе Августина уже сильно устарѣло и далеко не вездѣ отличается основательностью своей критики. Въ книгѣ прот. Буткевича можно найти много разобранныхъ имъ фактовъ и возраженій, приведенныхъ въ защиту той или иной гипотезы, съ которой знакомятъ насъ старыя руководства и изслѣдованія.

Такимъ образомъ, въ изслѣдованіи прот. Буткевича предъ нами проходитъ цѣлый рядъ великихъ умовъ съ ихъ мыслями о религіи, и всѣ они получаютъ должную оцѣнку. Къ сожалѣнію, каждая изъ этихъ гипотезъ у прот. Буткевича стоитъ особнякомъ. Авторъ не позаботился объ ихъ систематизаціи и не указываетъ намъ принципа, которымъ онъ руководился при распредѣленіи ихъ въ своемъ изслѣдованіи ¹⁾. Такимъ принципомъ могли бы служить исходныя точки въ сужденіи о происхожденіи религіи тѣхъ или другихъ мыслителей. Не трудно видѣть, что тогда, какъ одни изъ нихъ источникомъ религіи считали нѣчто стоящее внѣ человѣка (объективныя теоріи), будетъ то Богъ (гипотеза традиціонализма), или природа (натурализма), или „другіе“ люди (политически-анимистическая гипотеза), другіе производили ее изъ внутреннихъ потребностей человѣческаго духа (Спиноза, Кантъ, Фихте и др.)—субъективныя теоріи. Такое дѣленіе сразу же намѣчаетъ планъ и вноситъ порядокъ въ изслѣдованіе. Можно было бы также слѣдовать хронологическому порядку изложенія.

Прот. Буткевичъ не держится ни логическаго, ни хронологическаго порядка.

Впрочемъ, указанные недочеты въ самой схемѣ и построеніи, равнымъ образомъ, какъ и въ опредѣленіи основ-

¹⁾ См. главу I о классическихъ гипотезахъ древле-греческихъ мыслителей о сущности и происхожденіи религіи, куда относятся политико-государственная гипотеза, гипотеза Эвгемера и гипотеза договора или соглашенія, главу II, посвященную натуралистической гипотезѣ, главу V, содержащую обстоятельный разборъ анимистической гипотезы, гл. VI, гдѣ разсматривается гипотеза традиціонализма, главу X, критикующую ученіе Якоби о религіи. На ряду съ этимъ здѣсь подвергаются критикѣ гипотеза Каспари, эволюционистическаго характера (глава IV), ученіе Спинозы о религіи (гл. VII), сужденія Лессинга и Канта о томъ же предметѣ (гл. VIII), ученіе У. Фихте (гл. IX) и взглядъ Гете на религію и ея сущность (гл. XI).

ныхъ понятій темы, не лишаютъ сочиненіе прот. Буткевича богословскаго интереса и научной цѣнности.

Почтенный трудъ профессора протоіеря Буткевича долженъ имѣть важное значеніе въ нашемъ дѣлѣ миссіонерской полемики съ религіознымъ разномысліемъ образованныхъ совопросниковъ нашего смутнаго въ области вѣры времени.

Познакомившись съ обзоромъ религіозно-философскихъ гипотезъ, современные мыслители поймутъ и убѣдятся, что они въ ихъ умствованіяхъ повторяютъ заблужденія, память о которыхъ прошла съ шумомъ. Отъ души желаемъ широкаго распространенія многополезному труду почтеннаго автора.

М. Леоновичъ.

Бесѣда о святомъ причащеніи (первая). Священникъ Петръ Злотниковъ.
Рига. 1901 г. in 8-ю; 80 стр.; ц. 35 к.

Предлагаемая вниманію нашихъ читателей брошюра священника Петра Злотникова направлена въ обличеніе старообрядцевъ-безпоповцевъ, лишенныхъ святѣйшаго таинства евхаристіи, въ продолженіе болѣе 200 лѣтъ потерявшихъ о немъ правильное понятіе, а вслѣдствіе этого небрегущихъ о таинствѣ св. причащенія. Брошюра эта представляетъ для насъ тѣмъ болѣе интереса, что она вышла изъ-подъ пера бывшаго старообрядца. Объ этомъ авторъ такъ говоритъ: „Мы не чужіе старообрядцамъ, а кость отъ костей, плоть отъ плоти ихъ: наши дѣды и прадѣды, до шести поколѣній, помнимъ мы, были старообрядцы; сами мы блуждали, къ несчастью, внѣ ограды церковной до 22 лѣтъ и поэтому во всякомъ старообрядцѣ видимъ прежде всего несчастнаго брата, блуждающаго по стремнинѣ вдали отъ отчужаго дома. Движимые проистекающею отсюда любовью, мы естественно желали бы отъ всей души принести имъ посильную пользу“ (5 стр.). Какъ и слѣдовало ожидать, авторъ—основательный знатокъ Священнаго Писанія и свято-отеческой литературы, обставляетъ свою бесѣду не только данными, заимствованными изъ этихъ источниковъ, но и опирается также на старопечатныя книги, уважаемыя старообрядцами. Доказательства свои онъ группируетъ весьма умѣло и опытною рукою: одни изъ нихъ относятся къ подтвержденію истины, а другія въ защиту ея противъ неправомыслящихъ. Установивъ истинное понятіе о таинствѣ вообще и о числѣ ихъ, на основаніи Священнаго Писанія и святоотеческой литературы, и подкрѣпивъ его выдержками изъ уважаемыхъ старообрядцами книгъ, о Злотниковъ переходитъ къ раскрытію ученія о таинствѣ Тѣла и Крови Господа нашего Иисуса Христа и рѣчь свою при этомъ ведетъ примѣнительно къ воззрѣніямъ на данный предметъ старообрядцевъ-безпоповцевъ. Указавъ, что въ таинствѣ причащенія, какъ и

во всякомъ таинствѣ должны быть три стороны: вещество, форма и совершитель, онъ переходитъ къ разрѣшенію тѣхъ упованій, кои приводятъ безпоповцы въ оправданіе отсутствія у нихъ таинства причащенія, а равно и своихъ воззрѣній на это таинство. *Хлѣбъ и вино* (вещественная сторона таинства) должно понимать буквально, а не въ переносномъ *духовномъ смыслѣ*, какъ учатъ безпоповцы. Безпоповцы, лишившись законной іерархіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишившись возможности приобщаться Тѣла и Крови Господа нашего Иисуса Христа и входить съ Нимъ въ тѣснѣйшее единеніе, въ успокоеніе своей совѣсти немощной, начали учить, что а) *видимое причастіе* можетъ быть замѣнено *невидимымъ—духовнымъ*, такъ называемымъ огнечаснымъ желаніемъ, что б) *ангелъ можетъ причастить ихъ чудеснымъ образомъ*, какъ это неоднократно причащались отцы-пустынники отъ ангельской руки и что с) *хлѣбъ и вода*, которые ѣдятъ и пьютъ за обѣдомъ они старообрядцы, *составляетъ ихъ причащеніе*. Авторъ всѣ эти старообрядческія изощренія опровергаетъ въ корнѣ и неоспоримыми ссылками на Священное Писаніе, святоотеческую литературу и старопечатныя книги, показываетъ всю ихъ тщету и неосновательность, убѣждая при этомъ старообрядцевъ со всякимъ тщаніемъ и пастырскою любовію оставить свои заблужденія! Последнія страницы брошюры (70—80) написаны тепло и проникнуты любовію къ заблуждающимся. Слово обличенія, согрѣтое любовію и проникнутое пастырскою ревностю о спасеніи погибающихъ и сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй старообрядцевъ, вылившееся изъ подъ пера о. Злотникова, придаетъ его брошюрѣ особенную цѣнность. Поэтому мы можемъ рекомендовать ее, какъ полезное и дѣльное пособіе при собесѣдованіи со старообрядцами-безпоповцами. Пожелаемъ, для пользы миссіи, чтобы изъ-подъ опытнаго пера нашего автора вышло въ возможной скорости еще нѣсколько бесѣдъ по пререкаемымъ съ раскольниками вопросамъ!

Желающіе выписать рекомендуемую брошюру благоволятъ адресоваться съ требованіями къ автору: *С. Расколы, чрезъ Штокманслофъ, Лифляндской губ.*

П. Козичкій.

Бесѣда о св. крестѣ Господнемъ. Священникъ Петръ Злотниковъ. Рига 1901 г. in 8-ю, 62 стр.

Бесѣда о крестѣ Господнемъ, принадлежащая перу священника П. Злотникова, какъ и выше разсмотрѣнная нами его бесѣда о св. причащеніи, имѣетъ въ виду раскольниковъ-старообрядцевъ, разнствующихъ даже въ вопросѣ о почитаніи св. креста Господня съ православною Церковью. Общеизвѣстенъ фактъ, что раскольники-старообрядцы чтутъ только восьмиконечный крестъ; формулу же четырехконечнаго креста отвергаютъ, называя его „разбойничьимъ“, „печатью антихриста“, „мерзостью запустѣнія“, „кумиромъ“, „ветхозавѣтною сѣнью креста“. По ихъ воззрѣнію, четырехконечный

крестъ причисляется только на царскихъ златникахъ, на священныхъ облаченіяхъ, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть предметомъ поклоненія во славу распятаго Господа. Кромѣ этого они выдають за несомнѣнную истину, что крестъ Христовъ былъ составленъ изъ трехъ деревьевъ: *кедра, кипариса* и *пери*, т. е. былъ тридревенъ. И всѣ эти воззрѣнія возводятся старообрядствующими раскольниками въ догму!.. Нашъ авторъ историческимъ путемъ устанавливаетъ, какой формы, т. е. о сколькихъ концахъ былъ крестъ, на которомъ былъ распятъ Христосъ, и свои положенія обосновываетъ свидѣтельствами, заимствованными изъ Священнаго Писанія новаго завѣта и изъ твореній мужей апостольскихихъ, св. отцовъ и учителей Церкви, и подкрѣпляетъ историческими данными. Опровергая раскольническія заблужденія касательно святости только восьмиконечнаго креста Господня, онъ указываетъ также на рядъ противорѣчій, допускаемыхъ самими старообрядцами: тѣ же старообрядцы осѣняютъ себя четырехконечнымъ крестомъ; таинства совершаются чрезъ осѣненіе четырехконечнымъ крестомъ; наконецъ многочисленныя чудеса, о которыхъ свидѣлствуютъ Прологъ и Четьи-Минеи, совершены чрезъ осѣненіе четырехконечнаго креста (61 стр.), и не признають-ли все это практически сами старообрядцы? Не входя въ подробное раскрытіе всѣхъ данныхъ, приводимыхъ авторомъ въ доказательство святости четырехконечнаго креста, мы скажемъ только, что рассматриваемая нами бесѣда написана очень убѣдительно, назидательно и составлена въ чрезвычайно примирительномъ тонѣ. О. Злотниковъ, возгрѣваемый пастырски-миссіонерскою попечительностью о заблудшихъ овцахъ, приглашаетъ старообрядцевъ оставить пререканія о *формѣ, числѣ и имени дерева св. креста* и чтить одинъ крестъ Христовъ, какъ орудіе нашего спасенія, и въ заключеніе бесѣды молить Бога мира и Пастыреначальника нашего Господа Иисуса Христа, да просвѣтитъ очи слѣпыхъ духовно и устроитъ путь спасенія ихъ (62 стр.)! Отмѣченныя достоинства рассматриваемой нами бесѣды сами говорятъ о многопольности для миссіонерствующей братіи труда нашего автора. Къ сожалѣнію, мы не можемъ пройти молчаніемъ того обстоятельства, что брошюра эта издана довольно небрежно: нерѣдко попадаются опечатки и ошибки въ цитатахъ.

II. *Козицкій.*

Діаконъ Дмитрій Георгіевскій. *Начальное наставленіе въ Законъ Божіемъ.* Москва. 1902 г. Стр. 272.

Данная книга даетъ гораздо болѣе, чѣмъ она обѣщаетъ своимъ заглавіемъ. Обыкновенно подъ „начальнымъ“ наставленіемъ въ законоучительской практикѣ понимается сообщеніе краткихъ свѣдѣній о Богѣ, объясненіе начальныхъ молитвъ и свѣдѣній о важнѣйшихъ

событіяхъ св. исторіи ветхаго и новаго завѣтовъ. Авторъ поставилъ себѣ болѣе подробную задачу. Въ бесѣдахъ о Богѣ онъ останавливается надъ разсмотрѣніемъ cadaго изъ свойствъ Божьихъ въ отдѣльности. Въ молитвахъ онъ не ограничивается объясненіемъ отдѣльныхъ выраженій, какъ это дѣлаетъ большинство „начальныхъ“ наставленій, но и говоритъ о молитвѣ, о характерѣ ея, уясняетъ почему мы должны молиться, даетъ переводъ каждой молитвы по русски, указывая на ея назначеніе въ ряду другихъ молитвъ. Священные исторіи изложены языкомъ простымъ, доступнымъ пониманію и немудрыхъ читателей. Нѣкоторые пункты, какъ, напр., объясненіе, что такое образъ Божій въ человѣкѣ и подобіе Божіе, изложены образцово. Хорошо также, что авторъ вездѣ объясняетъ ветхозавѣтные прообразы въ приложеніи къ новозавѣтнымъ лицамъ и событіямъ. Прекрасно также сдѣлалъ авторъ, что выпустилъ исторію царей послѣ раздѣленія царствъ, связавъ ее отчасти съ исторіей пророковъ, жившихъ во дни того или другого царя. Въ прежнихъ учебникахъ эта исторія излагалась самостоятельно, отчего приходилось повторять и излишне обременять память учащихся. Новозавѣтная исторія изложена не менѣе обстоятельно, при чемъ исторія праздниковъ сопровождается тропарями и ихъ объясненіемъ. Особенно хорошо авторъ изложилъ богослуженіе, гдѣ объясненъ каждый малѣйшій его штрихъ. Вообще же книжка о. діакона Георгіевскаго, заключаая, кромѣ того, въ себѣ обстоятельное объясненіе Символа вѣры и заповѣдей Господнихъ, вполне удовлетворяетъ не только «начальнымъ» требованіямъ предмета Закона Божія, но даже объему четырехъ классовъ гимназіи и реальныхъ училищъ. Она имѣетъ въ себѣ все необходимое и существенное и опускаетъ все то, что признано при послѣдней выработкѣ программъ Закона Божія менѣе важнымъ (какъ, напр., отдѣльная исторія царей іудейскихъ и израильскихъ). Все сказанное весьма рекомендуетъ книжку о. Георгіевскаго и его самого, какъ опытнаго, педагога, стоящаго на высотѣ требованій современной методики Закона Божія.

Свящ. М. Лисицынъ.

Миссіонерскій Вѣстникъ.

Тридцатипятилѣтіе служебной дѣятельности

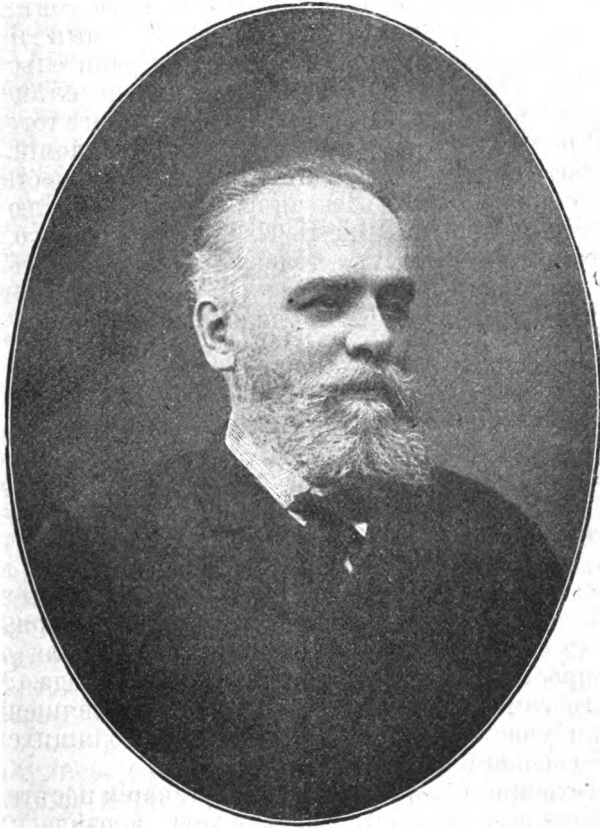
В. К. Саблера.

19 сентября во всѣхъ учрежденіяхъ синодальнаго вѣдомства совершены были благодарственныя Господу Богу молебствія, по случаю исполнившагося въ этотъ день 35-лѣтія должностной служебной дѣятельности г. товарища оберъ-прокурора св. синода сенатора Владиміра Карловича Саблера. Именитому юбиляру отправлены были въ Римъ, гдѣ въ то время находился Владиміръ Карловичъ, привѣтственныя телеграммы съ выраженіемъ чувства глубокаго уваженія, и нелицемѣрной преданности сослуживцевъ и подчиненныхъ досточтимаго юбиляра, съ пожеланіемъ ему многихъ лѣтъ столь же многоплоднаго, бодрого и энергичнаго служенія на пользу св. Церкви и отечества, какимъ ознаменованно истекшее 35-лѣтіе. Имя Владиміра Карловича и заслуги церковно-государственной дѣятельности юбиляра слишкомъ общеизвѣстны. Кто такъ или иначе сопричастенъ или хотя бы соприкасался съ синодальнымъ вѣдомствомъ, тотъ знаетъ рѣдкую среди сановниковъ, для всѣхъ равную чуткость, чисто христіанскую отзывчивость къ нуждамъ и просьбамъ каждаго, отъ іерарха Церкви до послушника, отъ сановника до простолюдина... Кому неизвѣстны чарующая привѣтливость и доброта юбиляра, такъ окрыляющія духомъ вѣры и надежды изнемогающихъ среди столичныхъ канцелярскихъ лабиринтовъ въ поискахъ добра и правды, мощнаго заступленія и утѣшенія! А какъ близки сердцу Владиміра Карловича интересы и нужды миссіи и ея скромныхъ дѣятелей — это хорошо извѣстно миссіонерствующей братіи изъ того живого участія, какое юбиляръ принималъ во всѣхъ всероссійскихъ сѣздахъ миссіонерскихъ.

Сообщаемъ краткія біографическія свѣдѣнія о жизнедѣятельности юбиляра и его портретъ.

Сенаторъ, тайный совѣтникъ, Владиміръ Карловичъ Саблеръ происходитъ изъ дворянъ Тульской губерніи, родился въ Москвѣ въ 1840 году. Высшее образованіе получилъ въ Императорскомъ московскомъ университетѣ по юридическому факультету, который и окончилъ въ 1867 году; 19 сентября былъ зачисленъ на государственную

службу и оставленъ при вышепоименованномъ университетѣ для дальнѣйшаго научнаго усовершенствованія. Въ 1870 г. В. К. былъ командированъ за границу съ ученой цѣлью и, по возвращеніи обратно, защитилъ диссертацию на степень магистра уголовного права на тему: „О значеніи давности въ уголовномъ правѣ“, а въ слѣдующемъ году занялъ должность доцента по кафедрѣ уголовного судоустройства и судопро-

Сенаторъ В. К. Саблеръ.

изводства. Въ 1873 г. В. К. оставилъ московскій университетъ и перешелъ въ вѣдомство министерства юстиціи. Въ 1875 г. былъ пожалованъ званіемъ камеръ-юнкера Высочайшаго Двора, и съ 1875 по 1880 гг. В. К. состоялъ при Августѣйшей особѣ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ. Въ 1881 г. юбиляръ опредѣляется на службу въ св. синодѣ, гдѣ занимаетъ должность юрис-

консульта при оберъ-прокурорѣ и въ 1883 г. получаетъ назначеніе на должность управляющаго канцеляріей св. синода. Въ этотъ же періодъ времени В. К. состоялъ представителемъ отъ духовнаго вѣдомства въ учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комиссіи для пересмотра устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. Съ 1885 года В. К. состоялъ помощникомъ предсѣдателя совѣта для завѣдыванія церковно-приходскими школами при св. синодѣ. Въ 1890 г. юбиляръ произведенъ въ тайные совѣтники и въ 1892 г. Высочайше назначенъ на занимаемый имъ постъ товарища оберъ-прокурора Святейшаго Правительствующаго Синода. Въ 1896 г. В. К. Высочайше повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ. Кромѣ того, юбиляръ состоитъ почетнымъ членомъ духовныхъ академій, многихъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ обществъ. В. К. имѣетъ всѣ ордена до Александра Невскаго включительно. Въ юбилейный день на имя В. К. прислано въ его квартиру много поздравительныхъ телеграммъ и писемъ. Многія высокопоставленныя лица заѣзжали лично къ юбиляру на квартиру и оставляли свои визитныя карточки.

Донецкой мисіонерскій съѣздъ.

9 сентября въ г. Новочеркасскѣ архіепископомъ Афанасіемъ торжественно былъ открытъ епархіальный мисіонерскій съѣздъ. Наканунѣ городское духовенство и ревнители православія печатными объявленіями, расклеенными на папертяхъ мѣстныхъ храмовъ, къ 9 ч. были приглашены въ соборъ на молебень, а въ 11 ч. въ залу семинаріи на торжественное собраніе съѣзда. Въ этомъ же объявленіи были опубликованы вопросы, подлежащіе обсужденію съѣзда. Молебень совершалъ самъ архіепископъ съ сонмомъ священнослужителей, при участіи значительнаго числа молящихся мірянъ разныхъ сословій и положеній.

Торжественное собраніе въ залѣ семинаріи посѣтили наказной и окружной атаманы, генералитетъ, а равно и представители другихъ вѣдомствъ. Тутъ же были командированный на съѣздъ г. оберъ-прокуроромъ св. синода чиновникъ особыхъ порученій, редакторъ нашего журнала, В. М. Скворцовъ, старшій секретарь канцеляріи св. синода П. В. Мудролюбовъ, ревизовавшій мѣстную консисторію, епархіальные мисіонеры: Ставропольскій—священникъ В. Никольскій, Екатеринославскій И. Г. Айвазовъ, священникъ о. С. Шалкинскій, прот. К. Молчановъ. Нельзя не пожалѣть, что мисіонеры другихъ епархій—Кіевской, Харьковской, Одесской, по разнымъ, независящимъ отъ ихъ усердія, обстоятельствамъ, не

могли воспользоваться благимъ призывомъ Донской миссіи братски раздѣлить труды съѣзда и попечаловаться объ общихъ нуждахъ и скорбяхъ.

Послѣ пѣнія молитвы архипастырь объявилъ съѣздъ открытымъ и, призвавъ благословеніе на труды его, поручилъ о. ректору семинаріи, прот. Симашкевичу, прочитать рѣчь Его Высокопреосвященства, посвященную обзорѣнію дѣйствующихъ церковно-миссіонерскихъ средствъ и мѣръ борьбы съ мѣстнымъ расколомъ и сектами. Съ содержаніемъ рѣчи маститаго архипастыря мы надѣемся познакомить читателей при описаніи дѣяній съѣзда. Вслѣдъ затѣмъ на кафедру вошелъ В. М. Скворцовъ и обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой охарактеризовалъ успѣхи, достигнутыя внутренней миссіей православной русской Церкви при посредствѣ миссіонерскихъ съѣздовъ за послѣднее 10-лѣтіе. Послѣ него сказалъ рѣчь почтенный епархіальный миссіонеръ прот. Н. Кутеповъ о тѣхъ необходимыхъ въ дѣлѣ пастырской миссіи условіяхъ, при которыхъ возможна успѣшная борьба съ расколомъ: преподаватель семинаріи по кафедрѣ раскола и сектъ свящ. о. Е. Овсянниковъ представилъ вниманію собранія очеркъ исторіи Донского раскола.

По предложенію архипастыря, съѣздъ избралъ своимъ предсѣдателемъ о. ректора семинаріи, а товарищемъ предсѣдателя Ставропольскаго миссіонера о. Никольскаго, а также двухъ дѣлопроизводителей.

Засѣданія съѣзда происходили въ той же семинарской залѣ ежедневно два раза, — утромъ съ 10—2 ч., вечеромъ съ 6—10 ч. Кромѣ депутатовъ о.о. благочинныхъ и священниковъ приходоу, зараженныхъ расколосектантствомъ, въ томъ числѣ было 23 единовѣрческихъ священника; засѣданія съѣзда посѣщали и міряне. Нелишне замѣтить, что мѣстная печать, заявлявшая себя и ранѣе тенденціознымъ отношеніемъ къ миссіи и расколосектантскимъ вопросамъ, обошла съѣздъ, несмотря на его огромное церковно-общественное значеніе, полнымъ молчаніемъ.

Закончились совѣщанія съѣзда 13 сентября совершеніемъ панихиды по усопшимъ дѣятелямъ миссіи и молебнымъ пѣніемъ. Предъ закрытіемъ съѣзда архіепископъ Афанасій обратился къ духовенству съ рѣчью, въ которой охарактеризовалъ значеніе церковной школы въ дѣлѣ миссіи и истоваго церковнаго богослуженія, при этомъ архипастырь выразилъ живую радость по поводу успѣха любимаго имъ школьнаго дѣла въ епархіи.

В. М. Скворцовъ, отвѣчая на обращенныя къ нему владыкой слова благодарности за понесенные труды, остановился на вопросѣ о важномъ значеніи миссіи среди другихъ пастырскихъ обязанностей и выразилъ надежду, что съѣздъ положитъ начало процвѣтанію собственно пастыр-

ской миссиі въ донской епархіи, которая подъ мудрымъ и твердымъ управленіемъ архипастыря, столь попечительнаго о духовномъ просвѣщеніи паствы своей, также будетъ процвѣтать, какъ процвѣло церковно-школьное дѣло.

Миссіонерскіе съѣзды въ гг. Перми и Одессѣ. Съ 20-го по 26-е августа въ городѣ Перми происходилъ миссіонерскій съѣздъ. На открытіи съѣзда въ зданіи пермской духовной семинаріи присутствовали преосвященный Іоаннъ, епископъ пермскій, который, по совершеніи молитвы, пропѣтой всѣми участниками съѣзда, сказалъ послѣднимъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ и пожелалъ имъ успѣховъ въ предстоящихъ занятіяхъ. Предметы занятій настоящаго съѣзда состояли по преимуществу въ ознакомленіи членовъ его — миссіонеровъ съ раціональными способами и приемами веденія преній съ раскольниками по разнымъ вопросамъ, а также съ извѣстными мѣстами изъ твореній святыхъ отцовъ и изъ современныхъ произведеній духовныхъ и свѣтскихъ писателей, на которыхъ современныя апологеты раскола основываютъ защиту своего отпаденія отъ господствующей православной Церкви и уклоненія отъ общенія съ нею. Поэтому настоящій съѣздъ носилъ характеръ по преимуществу миссіонерскихъ курсовъ. Были ведены на съѣздѣ и примѣрныя пренія между оо. миссіонерами, изображавшими двѣ стороны — православныхъ и раскольническихъ апологетовъ. Въ этихъ преніяхъ и бесѣдахъ принималъ участіе и преосвященный владыка, пожелавшій посѣщать съѣздъ ежедневно и каждый разъ присутствовавшій на немъ болѣе или менѣе продолжительное время. Миссіонеръ-сотрудникъ при братствѣ святого Стефана А. А. Кычигинъ читалъ на съѣздѣ обширный рефератъ о современныхъ религіозно-нравственныхъ недугахъ нашего общества, объ отношеніи къ нимъ противораскольнической миссиі и о мѣрахъ борьбы съ современнымъ невѣріемъ. На 23-е августа, день отданія праздника Успенія Пресвятой Богородицы, всѣ члены съѣзда, по приглашенію владыки Іоанна, присутствовали наканунѣ вечеромъ за вечернимъ богослуженіемъ въ Крестовой церкви, а на другой день (23-го), всѣ участвовали съ его преосвященствомъ въ служеніи божественной литургіи въ каедральномъ соборѣ. Съѣздъ закрытъ былъ 26-го августа.

— Съѣздъ миссіонеровъ состоялся также и въ Одессѣ съ 23-го по 25-е сентября. На съѣздъ должны прибыть всѣ окружныя и благочинническіе миссіонеры епархіи. — Были вновь рассмотрѣны и подвергнуты живому обсужденію

всѣ, прежде выработанные, планы и методы веденія бесѣдъ съ сектантами, причѣмъ провѣрка пригодности этихъ плановъ была произведена путемъ примѣрныхъ бесѣдъ миссіонеровъ по тому или иному вопросу вѣры, отвергаемому или искажаемому сектантами, а также и посредствомъ бесѣдъ съ сектантами гор. Одессы. Затѣмъ, съѣздъ миссіонеровъ занимался выработкою новыхъ плановъ и методовъ бесѣдъ: съ шундистами—о таинствѣ покаянія и съ хлыстами—о таинствѣ брака. Далѣе былъ обсужденъ вопросъ объ открытіи и устройствѣ въ епархіи окружныхъ противосектантскихъ библиотекъ и, гдѣ возможно, миссіонерскихъ читаленъ для интеллигентнаго и простаго народа.

Нижегородскій всероссійскій. съѣздъ старообрядцевъ главарей раскольничьей австрійской секты. Въ августѣ мѣсяцѣ 4 числа сего 1902 года въ Нижнемъ Новгородѣ происходилъ *всероссійскій съѣздъ старообрядческихъ попечителей австрійскаго толка.*

Съѣздъ этотъ происходилъ въ домѣ Вѣры Михайловны Сироткиной, близъ церкви Великомуч. Георгія. На съѣздѣ этомъ старообрядческіе попечители постановили слѣдующее: 1) чтобы неотмѣнно каждый годъ въ Нижнемъ былъ всероссійскій съѣздъ попечителей и непрѣменно во время ярмарки, дабы тѣмъ отклонить всякаго рода подозрѣнія со стороны правительства великороссійскаго, которое можетъ имъ въ другое время воспрепятствовать. При этомъ засѣдатели съѣзда выразили желаніе; чтобы на этихъ съѣздахъ попечителей не присутствовали духовныя лица старообрядческія, а потому и пріѣхавшіе въ Нижній два ихъ епископа Арсеній Швецовъ и Антоній Пермскій на собраніяхъ не присутствовали.

2) Съѣздъ постановилъ устроить въ Петербургѣ „бюро“, которое должно собирать разныя газеты и вообще всю печатную литературу великороссійской Церкви. Завѣдываніе этимъ дѣломъ поручено Θεодору Ефимовичу Мельникову. Все, что найдется въ газетахъ, или вообще въ текущей литературѣ въ пользу австрійскихъ, скупать эти номера и разсылать всѣмъ представителямъ австрійской секты и ея духовенству.

3) Когда попечители возвратятся со съѣзда домой, то они должны объявить въ своихъ краяхъ и поискать такихъ людей, кои бы могли написать полемическое и апологетическое сочиненія противъ великороссійскихъ и противъ безпоповцевъ; а кто составитъ какое-либо подобное сочиненіе, пусть посылаетъ его въ цензуру тому же Θεодору Ефимовичу Мельникову; за составленіе книгъ этихъ соборъ попечителей назначилъ хорошую плату.

4) Такъ какъ въ моленныя австрійцевъ много ходить изъ великороссійскихъ и безпоповцевъ, то положено озаботиться объ улучшеніи церковнаго пѣнія, дабы этимъ болѣе привлечь въ лоно секты неофитовъ.

5) Нанять адвоката, который бы защищалъ въ судахъ процессы австрійцевъ и ходатайствовалъ предъ всероссійскимъ правительствомъ по всѣмъ ихъ дѣламъ.

6) Разсуждали на сѣздѣ, какъ австрійцамъ себя именовать, чтобы отличить себя отъ великороссійскихъ и отъ безпоповцевъ, ибо если называть себя православными, то ихъ могутъ смѣшать съ великороссійскими, а если называть старообрядцами, то это не отличаетъ ихъ отъ безпоповцевъ, а потому и рѣшили именовать себя—*православные старообрядцы*.

7) Такъ какъ многіе старообрядцы не могутъ приобрѣсти для чтенія Новаго Завѣта, Апостола и Библии, по дороговизнѣ этихъ книгъ, то рѣшили просить правительство дозволить имъ самимъ издать эти книги; если же правительство не дозволитъ издать этихъ книгъ, то постановили во что бы то ни стало издать эти книги тайно или въ Россіи или за границей, хотя бы и при посредствѣ какого-либо еврея, не жалѣя средствъ.

8) Избрать и подготовить людей, кои бы могли вести бесѣды съ никоніаѣнами и безпоповцами и обезпечить ихъ хорошимъ содержаніемъ такъ, чтобы они могли ѣздить по всей Россіи и распространять древнее благочестіе.

9) Принять всѣ мѣры къ тому, чтобы исходатайствовать разрѣшеніе на открытіе своего училища, въ которомъ бы можно было обучать дѣтей по старопечатнымъ книгамъ, и своему Закону Божію, а также (негласно) и миссіонерству, дабы приготавлились въ этой школѣ защитники старообрядчества. Поставить въ такія школы такихъ учителей по миссіонерству, какъ Ѳедоръ Ефимовичъ Мельниковъ, или Иванъ Григорьевичъ Усовъ и подобные имъ апологеты.

Предсѣдателемъ сѣзда попечителей былъ Михаилъ Ивановичъ *Бриллиантовъ*, московскій фабрикантъ; секретаремъ Ѳедоръ Ефимовичъ Мельниковъ, а дѣлопроизводителемъ Димитрій Васильевичъ Сироткинъ, сынъ хозяйки дома.

Послѣдствіе.

Изъ жизни казанскихъ миссіонерскихъ курсовъ. „Казанскій Телеграфъ“ сообщаетъ сколько отрадный, столько же и рѣдкій въ жизни современной православной миссіи фактъ крупной жертвы на нужды миссіонерскаго дѣла. Во исполненіе духовнаго завѣщанія умершей 25 апрѣля с. г. Маріи Ѳеодоровны Ушаковой, ея душеприказчикомъ Л. В. Голубевымъ передана совѣту попечительства святит. Варсонофія квитан-

ція каз. отд. госуд. банка на вѣчный вкладъ въ 6650 руб., завѣщанный покойною на помощь бѣднѣйшимъ слушателямъ курсовъ. Благодаря этому крупному пожертвованію, попечительство теперь будетъ въ состояніи удовлетворить хотя самыя неотложныя нужды учащихся на курсахъ. Что касается учившихся, получающихъ миссіонерскія назначенія, иногда чрезвычайно скромно вознаграждающія ихъ трудъ, то помощь имъ со стороны попечительства и теперь можетъ быть чрезвычайно незначительна,—она по прежнему можетъ состоять лишь въ высылкѣ, когда и куда нужно, богослужебныхъ и другихъ книгъ, церковнаго облаченія и т. п. Но во всякомъ случаѣ, благодаря сочувствію общества къ курсамъ, совѣтъ попечительства святит. Варсонофія въ настоящее время располагаетъ уже за два года существованія капиталомъ въ суммѣ свыше десяти тысячъ. Разумѣется, помимо филантропіи, отъ этого можетъ выиграть и чисто миссіонерское дѣло, которому въ лицѣ слушателей курсовъ (настоящихъ и бывшихъ) служить попечительство; число же желающихъ поступить на курсы изъ года въ годъ быстро увеличивается, равно какъ увеличивается и число окончившихъ курсъ священниковъ (до 80 проц. изъ поступающихъ на эти двухгодичные курсы становятся въ первый же годъ по выходѣ съ курсовъ священнослужителями). Впрочемъ, нужно замѣтить, что въ настоящее время остается непреодолимымъ препятствіемъ къ расширенію дѣятельности курсовъ отсутствіе приспособленнаго для нихъ помѣщенія, потому что общежитіе курсовъ въ настоящее время не имѣетъ возможности вмѣстить болѣе 25 человекъ, число же слушателей курсовъ доходитъ до шестидесяти, изъ которыхъ большинство ютятся или въ неудобныхъ частныхъ квартирахъ, или въ не менѣе неудобныхъ монастырскихъ келіяхъ, что крайне мѣшаетъ занятіямъ (они помѣщаются въ Спасскомъ монастырѣ).

Намъ пишутъ.

Изъ Вятки. (*Заботы епархіальнаго създа о нуждахъ миссіи*). Въ г. Вяткѣ въ августѣ мѣсяцѣ сего года состоялся епархіальный съѣздъ духовенства. Съѣздъ этотъ по справедливости можетъ быть названъ миссіонерскимъ, какъ по составу депутатовъ, такъ и по характеру совѣщаній. Во-первыхъ, въ числѣ участниковъ съѣзда было нѣсколько уѣздныхъ миссіонеровъ и помощниковъ ихъ; во-вторыхъ, обсуждались чисто миссіонерскіе вопросы, именно: о лучшей и цѣлесообразной постановкѣ миссіонерскаго дѣла въ епархіи и не только по отношенію къ раскольникамъ и сек-

тантамъ, но и къ инородцамъ, которыхъ въ Вятской епархіи насчитывается до 600 тыс. человѣкъ.

Съѣздъ ассигновалъ изъ средствъ епархіи 8,400 р. ежегодно на жалованье уѣзднымъ противораскольническимъ миссіонерамъ, которыхъ епархіальное начальство опредѣлило нынѣ поставить въ лучшія условія. Оно освободило ихъ отъ обязанностей приходскаго священника и сдѣлало безприходными, съ назначеніемъ имъ жалованья въ размѣрѣ 1,200 р. въ годъ каждому, дабы они всецѣло были заняты дѣлами миссіи. Всѣхъ безприходныхъ противораскольническихъ миссіонеровъ съ такимъ жалованьемъ въ Вятской епархіи будетъ семь лицъ, изъ нихъ два въ Сарапульскомъ викариатствѣ. Одно только беспокоитъ Вятскихъ миссіонеровъ: будетъ ли дано имъ право на полученіе пенсіи.

Благодаря заботливости епархіальнаго начальства, нынѣ матеріальное положеніе и епархіальнаго противораскольническаго миссіонера улучшено. Съ 1903 г. онъ будетъ получать жалованье 1,800 р., вмѣсто прежнихъ 1,500 руб.

Въ цѣляхъ лучшей постановки инородческой миссіи, епархіальный съѣздъ призналъ нужнымъ имѣть въ епархіи, кромѣ и. д. епархіальнаго миссіонера изъ вотяковъ, крестьянина Кузмы Андреева, знающаго вотскій, черемискій и татарскій языки, еще епархіальнаго инородческаго миссіонера съ высшимъ образованіемъ, или по крайней мѣрѣ не ниже средняго образованія, и на содержаніе его назначилъ изъ средствъ епархіи, кромѣ прогонныхъ 1,500 р. и на канцелярію его около 200 р.

Затѣмъ, чтобы въ инородческихъ приходахъ имѣть священниковъ, знающихъ инородческіе языки и знакомыхъ съ бытомъ инородцевъ, епархіальный съѣздъ постановилъ учредить въ г. Вяткѣ постоянные инородческіе миссіонерскіе курсы для подготовленія самихъ инородцевъ къ священническому служенію въ инородческихъ приходахъ. Обратилъ епархіальный съѣздъ свое вниманіе и на школы инородческія, содержимыя вятскимъ комитетомъ миссіонерскаго общества. Духовенство постановило на этомъ съѣздѣ своими обязательными пожертвованіями помогать этому комитету въ содержаніи миссіонерскихъ инородческихъ школъ и въ открытіи новыхъ такихъ школъ.

Въ просвѣтительныхъ же цѣляхъ епархіальный съѣздъ постановилъ на собственныя средства епархіальнаго духовенства устроить въ г. Вяткѣ епархіальный домъ, въ которомъ будетъ помѣщаться епархіальная бібліотека, читальня, будетъ устроенъ громадный залъ для религиозно-нравственныхъ чтеній, собѣдovanій съ раскольниками и т. п. Устройство этого епархіальнаго дома вызвано благодарными и вѣрнопопуданническими чувствами вятскаго епархіальнаго духовенства къ своему Батюшкѣ Царю за дарованіе имъ

милости духовенству, выраженной въ изданіи новаго закона о пенсіи.

Радѣтели миссіонерскаго и вообще просвѣтительнаго дѣла не могутъ не порадоваться такимъ явленіямъ въ жизни вятскаго епархіальнаго духовенства. Не могутъ они не порадоваться, что такія предпріятія духовенства родились подъ вліяніемъ мудраго нашего архиерея, преосвященнаго Никона, вѣрно понимающаго нужды миссіи и глубоко сочувствующаго ей. Посему и я не могъ не подѣлиться съ вами, глубокоуважаемый Василій Михайловичъ, изложенными мною миссіонерскими новостями.

Изъ Царицына. (Секта «еноховцевъ»). Въ концѣ августа въ Царицынѣ, въ магазинѣ бр. Рыситыхъ, вошло, по словамъ „Царицынскаго Вѣстника“, нѣсколько вожаковъ новой, недавно народившейся секты еноховцевъ. Производя впечатлѣніе совершенно здравомыслящихъ людей, они увѣряли, что наступаетъ конецъ міра и главнымъ признакомъ считаютъ всѣ научныя изобрѣтенія новаго времени, какъ-то: желѣзныя дороги, телеграфъ, телефонъ, а въ каждомъ граммофонѣ сидитъ по нѣскольку бѣсенятъ, со старшимъ чертомъ во главѣ. Вообще, чертей теперь расплодилось на землѣ видимо-невидимо, и главный ихъ признакъ — это перчатки, подъ которыми они скрываютъ свои когти. Конецъ міра такъ близокъ, что уже начинаютъ падать звѣзды съ неба, въ чемъ каждый и можетъ убѣдиться лично, проведя ночь подъ открытымъ небомъ; въ иную ночь ихъ сваливается больше десятка. Пророкъ Ілія, взятый живымъ на небо послѣ пророка Еноха, уже давно появился на землѣ, и проживаетъ на Балтійскомъ морѣ, на островѣ Котлинѣ, въ образѣ Іоанна Кронштадтскаго. По всему земному шару рассыпаны агенты антихриста, которые подъ разными предлогами прикладываютъ печать къ людямъ и имуществу, и печати эти на людей они прикладываютъ не къ тѣлу, а къ бумагѣ, которую заклеименный долженъ имѣть всегда при себѣ. Сатанинская бумага эта называется у насъ паспортомъ. Пророкъ Енохъ тоже находится гдѣ-то на землѣ, но еще не объявился: не пришло его время. А какъ только объявится, тутъ уже и міру конецъ, и намъ всѣмъ крышка. До конца міра осталось, по ихъ мнѣнію, не болѣе двухъ лѣтъ.

Дикая секта эта появилась назадъ тому лѣтъ 6 — 7 въ селахъ: Погромномъ, Царевскаго уѣзда, Ягодной, Таловкѣ, Царицынскаго уѣзда.

Изъ Васильков. у. Кіев. губ. ст. Фастовъ. (*Подвиги малеванцевъ*). По возвращеніи изъ Сумъ въ свое село Мало-Половецкое съ судебного процесса по дѣлу о Павловскихъ сектантахъ, разгромившихъ церковь, куда я вызывался въ качествѣ свидѣтеля, для успокоенія большого возбужденія въ православной и сектантской средѣ моего прихода, съ нетерпѣніемъ ожидалъ хотя газетныхъ сообщеній о результатахъ Павловскаго дѣла. Страшно это дѣло и само по себѣ, и еще потому, что подобное могло повториться и у насъ, въ случаѣ безнаказанности павловцевъ. Вѣдь Тодосіенко уже вривался въ церковь с. Яхны ранѣе своихъ павловскихъ походовъ. Получивши, наконецъ, приговоръ Харьковской судебной палаты, я вставилъ его въ имѣющіяся у меня витрины для бесплатной передвижной читальни. И что же? Сектанты въ обзвѣненіе своихъ единовѣрцевъ придумали было такой изворотъ, что Тодосіенко начальствомъ посланъ проповѣдывать слово спасенія въ разныя другія страны, и что я похваля въ Кіевъ и тамъ подкупилъ, кого слѣдовало, и благодаря такому неблаговидному моему поступку появилось въ газетахъ такое неправильное и не внушающее довѣрія сообщеніе. Но этому мало кто повѣрилъ, православные были удовлетворены, вздохнулось свободнѣе. Возбужденіе въ малеванской средѣ было сильное и трудно было ему сразу успокоиться, да и вообще малеванщина уже почти 3-й годъ кипитъ и волнуется; появилось даже въ средѣ малеванцевъ раздѣленіе на болѣе спокойныхъ и ушедшихъ въ своемъ религіозномъ заблужденіи далеко впередъ, причѣмъ у этихъ вторыхъ религіозныя вѣрованія отошли далеко куда-то и замѣнились разными коммунистическими бреднями. Вообще эта вторая часть малеванцевъ составляетъ крайне опасный элементъ, готовый на все и ничѣмъ не дорожащій. Доказательствъ этого есть много, но разительнѣе всего слѣдующій фактъ. Два самыхъ завзятыхъ и болѣе выдающихся своею дерзостью и предприимчивостью сектанта—Даніиль Ш—га и Михаилъ К—ко недѣли 2 тому назадъ, бросивши своихъ дѣтей и не молодыхъ уже своихъ женъ, забравши паспорта, продавши посѣвы и захвативши 2 молоденькихъ и пригожихъ сектантокъ Ирину К—ову, бывшую 10 лѣтъ тому назадъ на увѣщаніи въ Флоровскомъ монастырѣ, и Ирину Р—ову вмѣсто своихъ женъ, улетучились неизвѣстно куда изъ села. До чего извратила ересь природу человѣческую, тяжело и подумать; уничтоженъ тотъ даже сильный у животныхъ, материнскій инстинктъ, по которому мать за здоровье и счастье дѣтокъ своихъ готова на всевозможныя бѣдствія и мученія; между тѣмъ эти женщины покинули дома одна 5, а другая 3 дѣтей безъ всякаго сожалѣнія. Но,

говорять, нѣтъ такого зла, отъ котораго не произошло бы и чего нибудь добраго. Сами сектанты содрогнулись отъ такого безчеловѣчія. Но объ этомъ до другаго раза.

Священникъ *Димитрій Топачевскій*.

Къ вопросу о матеріальной помощи новообращеннымъ въ лоно св. Церкви.—Однимъ изъ весьма неблагоприятныхъ обстоятельствъ къ обращенію изъ сектантства въ православіе лицъ женскаго пола, по преимуществу дѣвицъ, является невозможность для нихъ, по крайней мѣрѣ, въ первое время по обращеніи, найти надежный пріютъ и средства къ пропитанію, а также защиту отъ бывшихъ единовѣрцевъ-сектантовъ, относящихся къ обращающимся въ православіе съ величайшей ненавистію и употребляющихъ и тайныя и явныя мѣры къ систематическому и жестокому ихъ преслѣдованію или посредствомъ распространенія ложной неодобрительной молвы относительно ихъ поведенія, или посредствомъ лишенія интригами мѣстъ и заработковъ, или всевозможнаго рода глумленій, оскорбленій и т. п. Въ особенности тяжело бываетъ положеніе бѣдныхъ и сиротъ, питающихся исключительно заработками въ чужихъ людяхъ: они буквально изъза одного этого на всю жизнь остаются сектантами. Въ виду этого преосвященный Благовѣщенской епархіи пришелъ къ мысли о необходимости въ г. Благовѣщенскѣ,—центрѣ яраго сектантства, основать съ миссіонерскою цѣлью женскую общину съ уставомъ иноческаго общежитія, въ которой, помимо ищущихъ высшаго духовнаго житія женщинъ, всѣ, желающія присоединиться къ Церкви, дѣвицы и женщины находили бы надежный и спокойный пріютъ, необходимое наученіе въ истинахъ вѣры и благочестія, благочестивыя упражненія и приличный, доступный силамъ и умѣнью трудъ, обезпечивающій безбѣдное пропитаніе. Въ этой же общинѣ могъ бы быть основанъ и воспитательный пріютъ для дѣвочекъ, остающихся сиротами послѣ смерти православныхъ родителей, а равно и круглыхъ сектантскихъ сиротъ, не имѣющихъ близкихъ родственниковъ, и не рѣдко попадающихъ теперь на воспитаніе въ семьи сектантовъ, которые этимъ способомъ стараются отторгать ихъ отъ Церкви. („Благовѣщ. еп. Вѣд.“).

Миссіонерское крестное шествіе. По волѣ въ Бозѣ почившаго преосвященнѣйшаго Петра, епископа Пермскаго и Соликамскаго, бывшимъ епархіальнымъ миссіонеромъ протоіереемъ Ст. Луканинымъ въ маѣ мѣсяцѣ позапрошлаго года съ раз-

рѣшенія свят. синода совершено крестное шествіе на разстояніи 349 верстъ; потрудились: епархіальный миссіонеръ съ 5-ю уѣздными священниками миссіонерами. Служились всюду молебствія, часто оо. миссіонерами ведены были миссіонерскія бесѣды со старообрядцами при массѣ слушателей. Результаты всѣхъ бывшихъ миссіонерскихъ бесѣдъ весьма плодотворны, для православныхъ убѣдительно, а для старообрядцевъ строго обличительно.

Раскольничья «Замориловка». Въ іюнѣ текущаго года въ приходѣ села Великорѣчья, Вятской губерніи, случайно найдена въ землянкѣ едва живую женщина-старушка Александра Савельева Ключева, мать мѣстнаго вожака раскола, Ѳ. А. Ключева, куда отправилась она изъ желанія лучше попоститься. Землянка, по мѣстному названію «замориловка», уже много лѣтъ служить удобнымъ пріютомъ для раскольниковъ, ищущихъ уединенія и лучше попоститься, а для нѣкоторыхъ и холодной могилой голодной смерти. Мѣстоположеніе «замориловки» находится въ 1½ верстахъ отъ деревни Павловой, центра мѣстнаго раскола, въ оврагѣ подъ корнями большой ели. Подъ однимъ изъ спустившихся сучковъ едва замѣтно искусственно устроенное входное отверстіе; изнутри видно отверстіе вверхъ, весьма искусственно прикрытое корнями дерева; помѣщеніе рассчитано не болѣе какъ на троихъ. Проходя мимо, весьма трудно предположить здѣсь существованіе человѣческаго жилья. Между тѣмъ, случаи исчезновенія изъ уклонившихся въ расколъ здѣсь явленіе не новое. У самого расколоучителя Ѳ. А. Ключева въ 1892 г. исчезло 4 дѣтей, отъ 8 до 20 лѣтъ, а въ 1900 г. оставшіяся при немъ дочь и жена.

И.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго цензурнаго комитета печатать разрѣшается С.-Петербургъ 2 октября 1902 г.

Цензоръ Іеромонахъ Александръ.

Типографія В. В. Комарова, Невскій 136.

Христіанская религія и культура.

(2-е религиозно-философское письмо).

„Ищите прежде царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ“ (Мате. 6, 33).

„Какая польза человеку, если онъ приобрететъ весь міръ, а душу своей повердитъ? Или какой выкупъ дастъ человекъ за душу свою?“ (Мате. 17, 26).

 АШЕ ВРЕМЯ не безъ основанія называется временемъ особаго пробужденія и возрожденія религиозно-философскихъ идей и идеаловъ. Что прежде казалось невозможнымъ, то нынѣ стало совершившимся фактомъ въ области религиознаго сознанія и философской мысли. Вездѣ стали говорить о томъ, какъ „людямъ жить“, „во что вѣровать“, чему воздавать религиозное почитаніе и богопоклоненіе. И мы увѣрены, что этотъ „огненный пламень религиозныхъ упованій“ возгорится въ яркій свѣтъ истиннаго религиознаго знанія, приближающаго человѣка къ Богу и Бога къ человѣку, а эта душевная жажда религиозной жизни „станетъ непорочнымъ приношеніемъ чистѣйшей жертвы“ на „богопріимной трапезѣ“ Церкви нашей. Хотя еще „всякій носится своимъ направленіемъ вѣтра“ (разумѣемъ современныхъ „глашатаевъ и вождей“ русской, такъ называемой, интеллигенціи), но „въ сердцахъ Церкви вѣра тверже адаманта“, и она-то изъ людей искренно-мыслящихъ и сердечно любящихъ составитъ всенародное собраніе „истинныхъ богопочитателей“, разумѣющихъ „божественныя дѣянія Духа Святаго“.

Въ кругу „свѣтозарныхъ мыслей“, омывающихъ грѣховныя нечистоты современной „богоборной, языческой цивилизаци“ и исцѣляющихъ раны ея, видное мѣсто занимаютъ религиозно-философскія думы о христіанствѣ и культурѣ.

Особый интерес ихъ уясняется въ границахъ серьезныхъ и глубокихъ размышленій о значеніи культуры для „новаго религіознаго возрожденія и просвѣтленія“ въ наше время. Здѣсь открываются предъ нами три извилистые пути, ведущіе въ разныя стороны. Одни изъ писателей сомнѣваются во внутреннемъ достоинствѣ и пользѣ культуры вообще. Культура—это „несчастье человѣчества“. Она ничего не приноситъ людямъ, кромѣ ужаснаго хаоса, „невѣдѣнія истины“ и раздраженія воли. Это не что иное, какъ головокружительная погоня за „вѣчнымъ счастьемъ на землѣ“, никогда неосуществленная и неосуществимая. Трагическая исторія всемірной культуры—это страшно-скорбный свитокъ, на которомъ начертаны: „*рыданіе, жалость и горе*“. Безконечныя попытки человѣческой культуры создать „полное счастье для всѣхъ“—совершенно безрезультатны. Поэтому, нужно низвергнуть этого загадочнаго „сфинкса древней басни“, сидѣвшаго до сихъ поръ на распутьяхъ европейской цивилизаціи и предлагавшаго каждому путнику вопросъ о „золотомъ вѣкѣ на землѣ“. Довольно жертвъ принесено этому таинственному божеству современнаго человѣчества, особенно при разившейся чувствительности къ страданіямъ и „скорби духовной“. Нужно одолѣть это „всепожирающее чудовище“. И вотъ являются мудрецы, „сердцевѣды всего человѣчества“, безжалостно разрушающіе демоническое капище этой темной, звѣрской, хищной, губительной силы, именуемой культурой. Это *г. Л. Толстой*, зловѣще отрицающій главнѣйшіе грѣхи и плоды общечеловѣческой культуры и проповѣдующій „первобытную древность“ и „естественное право“ человѣческой жизни, безъ государства, Церкви, безъ законовъ, безъ наукъ, искусствъ, безъ разума и страданій. Это *Нитцше*, двойникъ Толстого, судорожно провозглашающій „звѣроправную мораль демоническаго сверхъ-человѣка“, пламенно призывающій людей къ „древней дикости“, жестокому „соціально-политическому“ рабству, всячески устраняющій изъ кодекса общечеловѣческой нравственности—любовь, состраданіе и радость. Вообще противъ культуры вооружаются *люди псевдо-религіозныя*, ложно воодушевленные, непонимающіе религіознаго значенія культуры для истинной цивилизаціи.

Другой рядъ мыслей по вопросу объ отношеніи культуры къ религіи движется и раскрывается въ границахъ не менѣе широкаго вопроса о безусловно-автономномъ значеніи культуры. Здѣсь построеніе и планъ сужденій и мечтаній идетъ въ такомъ порядкѣ. Религія, какъ дѣятельное стремленіе къ „загробному идеалу“, какъ „жизнь, ведущая только къ личному (т. е. не-общественному) спасенію и личному блаженству, потустороннему, созерцаемому въ Богѣ, есть не что иное, какъ въ корнѣ *анти-культурное начало* и „кормило жизни“. Религія забываетъ о землѣ; въ ней нѣтъ мѣста для земли и „всего земного“. Она все сбрасываетъ съ „лица земли“, чтобы затѣмъ расцѣчь „житейское море“. Для людей нужно не *религіозное эгоистическое блаженство*, а *культурное альтруистическое счастье*, не „мигическій эдемъ“, а „рай земной“, „земля, текущая медомъ и млекоомъ“. Практическія нужды—вотъ „конечная цѣль“ и жизненная задача истиннаго прогресса, а не „загробный міръ“, всегда и вездѣ служащій „суррогатомъ плохой земной жизни“¹⁾. Культура, ведущая человечество по пути матеріальнаго прогресса, удовлетворяющая „практическія потребности“ людей, и есть единственная религія. Другой религіи не нужно: она непознаваема *въ этой жизни*. Итакъ, нужно отказаться отъ „мистической религіи“ и безусловно-преклониться предъ одной „положительной культурой“ съ ея стихійной силою, съ абсолютною увѣренностію на „развалинахъ жизни“ устроить „царство вѣчнаго счастья“. Эти, въ сущности анти-религіозныя, идеи проповѣдуютъ въ наше время современные „пророки культуры“, „ихже нѣсть числа“, фанатическіе защитники „матеріальной пользы“ и „позитивнаго знанія“, злосчастные и озлобленные герои соціальной справедливости“. Они такъ же, какъ философы и писатели первой группы, стоятъ на „самоубійственномъ пути“, на пути къ идеалистическому самообольщенію и самобоготворенію. Вся опасность этого пути въ фанатической, почти религіозной, вѣрѣ въ „самопомощь субъективнаго разума“ и „самодовлѣемость индивидуальной и общественной совѣсти“.

¹⁾ См. „Міръ Искусства“ за 1902 г., № 4, статья г. Н. Мисково, „Философскіе разговоры“, стр. 258.

Есть еще третій путь въ современномъ рѣшеніи вопроса о пользѣ и необходимости культуры. Это чисто-христіанскій универсальный взглядъ, отыскивающій въ самой культурѣ творческія начала истинно-религіозной жизни, религіозныхъ идей и идеаловъ. Культура и религія—это не „противоположныя начала“, а дружественныя, родственныя, самыя близкіе источники и основы человѣческой жизни. Культура и существуетъ для религіи, а не религія для культуры. Религія—всеобъемлющее начало историческаго бытія и жизни человѣчества, а потому и „господственный принципъ“ въ отношеніи къ культурѣ. Религія—„госпожа культуры“, мать, родоначальница. Въ ней, поэтому, должно искать „всечеловѣческое призваніе“ къ культурной работѣ и „основную мысль“ о культурной задачѣ человѣчества, особенно въ его отношеніи къ христіанству. Есть у насъ особая группа консервативныхъ писателей, поэтовъ и художниковъ; не только сочувствующихъ *религіозной культурѣ*, но въ историческихъ судьбахъ самой христіанской культуры угадывающихъ тайну всемірнаго торжества православной Церкви. Отъ нихъ нѣсколько отличаются и, съ чрезмѣрною озабоченностію за успѣхи современной культуры, отходятъ тѣ изъ нашихъ либеральныхъ писателей, которые, „отводя русло религіи въ сторону практическихъ интересовъ“, опасаются всеобщаго господства „безбожія“ съ побѣдой культуры, съ поспѣшнымъ и одностороннимъ развитіемъ „техническаго и международнаго прогресса“, съ повсемѣстнымъ господствомъ „фанатиковъ и фарисеевъ космополитической цивилизаціи“¹⁾.

Вопросъ о зиждательной культурной силѣ *религіи христіанской* здѣсь не частный вопросъ, а центральный. Иссохнетъ центръ творческой жизни общечеловѣческой культуры и „обращенія соковъ“ ея, ни одинъ цвѣтокъ больше не распустится изъ почки, и ни въ одномъ цвѣткѣ не завяжется плодъ. „Всемірная связь“ культуры и религіи по большей части порывается „въ христіанства“, особенно въ религіозномъ пессимизмѣ, обманувшемъ „земныя надежды“ тамъ, гдѣ онѣ загорались (см. всепожирающій буддизмъ). Если земная жизнь человѣка не можетъ обойтись безъ *ре-*

1) В. В. Розановъ, г. Н. Минскій, Д. С. Мережковскій и проч.

лиги, а культура существует *для религии*, то вопрос о культурѣ въ христіанствѣ означается, какъ вопросъ самый жизненный, какъ вопросъ „бытія и смерти“ христіанскихъ народовъ и царствъ. Побѣдить недовѣріе къ культурному смыслу и значенію христіанства, мутною, хотя и широкою, струею влившеюся въ общественное сознаніе и жизнь „европейскаго человѣчества“, часто по всѣмъ направленіямъ „разсыпающее клубящуюся пѣну бурнаго гнѣва“, — это значитъ разрѣшить вопросъ, отъ котораго „зависитъ жизнь и смерть религіознаго сознанія и судьба самой культуры“¹⁾. Если зловѣщая убыль „духовнаго просвѣтленія“, нравственнаго добра и „любомудренной жизни“, подлинно достойная слезъ, есть неоспоримый фактъ современной европейской цивилизаціи, то *судьба будущаго* христіанской религіи освѣщается яснѣйшимъ свѣтомъ и освящается цвѣтоноснымъ благоуханіемъ истинной культуры, облагораживающей, исцѣляющей, примиряющей, утѣшающей, радующей.

Упорно наклонять ученіе о культурѣ въ христіанствѣ въ ту или другую сторону и „уравнивать различныя мнѣнія“ мы не беремъ на себя въ настоящемъ письмѣ. Также не имѣемъ намѣренія собирать теперь доказательства на то, въ чемъ издавна убѣждены по вопросу о благодѣтельности культуры. Мы хотѣли бы ввести въ свои рамки религіозно-философскую работу нѣкоторыхъ изъ современныхъ писателей по этому интересующему насъ вопросу²⁾. Въ чужихъ мысляхъ и словахъ есть камни разной цѣнности. Есть камни, которые прямо идутъ въ постройку „религіозно-философскаго міросозерцанія“, какъ будто они изъ одного камня. Есть „камни шероховатые“, другіе съ трещинами, иные круглые и негодные для зданія. Духовная красота и сила истины—въ „благолѣпнн помышленій“, въ „небесномъ восхожденіи ума“, соблюдающаго мѣру въ словахъ и въ самомъ построеніи мыслей своихъ.

Культура—для религіи. Вотъ „краеугольный камень“ и

1) Цитов. статья г. *Н. Минскаго*, стр. 259.

2) Мы разумѣемъ здѣсь особенно цитованную нами глубоко-разумную и прекрасную во многихъ отношеніяхъ статью г. *Н. Минскаго*. Это „вѣщанія сердца“. Невѣрныя и „жесткія слова“, „безгласныя вѣщанія“, а также мысли и мечты, напоминающія „шумный плескъ моря“, мы отмѣтимъ въ своемъ мѣстѣ.

философская формула нашего построения и планъ нашихъ сужденій и думъ по вопросу о торжествѣ „культурно-христіанскихъ упованій“, о *культурномъ прогрессѣ* всего человѣчества въ христіанствѣ и чрезъ христіанство. Религія—древнѣе культуры. Сначала религія, а потомъ культура. Религія отъ Бога, а культура отъ людей, но для Бога. Культура должна уподобляться религіи. Культурная жизнь воспламеняется съ первою мыслию человѣка, съ первоначальнымъ словомъ, загарается съ первыми „шагами жизни“ человѣка на землѣ. Вотъ почему вся „первобытная и патріархальная древность“ горитъ яркимъ пламенемъ и переливается въ радужныхъ цвѣтахъ религіозной жизни. Все носить „нерушимую печать“ религіознаго союза, прекраснѣйшаго и пріятнѣйшаго. Всеобщія „первобытныя религіозныя преданія“—это главнѣйшій слѣдъ и новое пробужденіе культурно-историческаго творчества, всецѣло объятаго зиждительною силой богооткровенной религіи. „Основные элементы“ поэтической и философско-научной дѣятельности, „написанные законы“ о личности, о бракѣ и семьѣ, объ общественной жизни, о государствѣ и проч., все это коренится въ главнѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ человѣческаго духа подъ государственнымъ вліяніемъ религіозной культуры.

Культура—это всемірная „нива Божія“, это цѣлый міръ религіозно воздѣлываемый людьми для Бога. Живописцы берутъ для себя „образцовыя картины“. Такія картины—вся культурно-религіозная исторія и жизнь ветхаго завѣта. Священныя книги, замѣнившія „безбожныя жертвы“ язычниковъ, чудное богослуженіе, дивная красота бытовой жизни, житницы, гумна, серпы, копны, снопы, призывавшіе „благословеніе мимоходящихъ“, все это доброкласная и тучная нива и великая жатва Земледѣлателя—Бога въ Его святомъ народѣ, *благословномъ виноградникѣ* (Ос. 10, 1). *Яко смоковницу въ пустынь обрѣтохъ Израиля* (Ос. 9, 10), какъ одну или двѣ зрѣлыя ягоды на незрѣлой кисти винограда. Но онѣ сохранены, какъ благословеніе Господне, и освящены, какъ начатки (Ис. 65, 8) религіозно-культурной жизни не только богоизбраннаго народа, но и всего міра. Этотъ библейскій обликъ и этотъ религіозный складъ расширенной культуры въ великомъ устроеніи духовной жизни цѣлаго народа есть

не что иное, какъ идеальное предназначеніе всемірной культурной работы. Свѣтъ и краски эти никогда не потускнѣютъ, не поблекнутъ; ибо это „земледѣліе Божіе“.

Тоже въ существѣ и въ новомъ завѣтѣ лучезарное дѣло религіозной культуры, „внесшей больше плодовъ въ небесныя точила“. Какъ „таинство страданія“, новый завѣтъ, ясно разрушая всякія религіозныя гаданія, открылъ и установилъ чистые источники истинной культуры. Въ христіанствѣ явственнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, отмѣчается необходимость религіозной культуры для „общенія въ Божіемъ воплощеніи и Божіихъ страданіяхъ“ (св. Григорій Богословъ). Это новая сторона и новый блескъ христіанской внутренне-прекрасной культуры. Вся она растворяется въ „ученіи о тайнѣ страданія Богочеловѣка“ и освобожденіи отъ него. Вотъ гдѣ „практическая нужда“ христіанской религіи и абсолютная, ничѣмъ неустраняемая. Вотъ гдѣ „истинные пути“ примиренія религіи и культуры, составляющаго глубочайшую основу общечеловѣческаго прогресса. Только въ духѣ христіанства возможно обрадовать „сердце просвѣтленнаго человѣчества“ радостью истинной „отъ смраднаго позора духовнаго рабства и стихійнаго угнетенія отъ физическаго зла“. Здѣсь культура не только „единственно вѣрный фундаментъ для религіи безконечной любви“¹⁾, но и существенная, неискоренимая потребность умовъ глубокихъ горящихъ огнемъ „пытливой любви“, живущихъ и чувствующихъ глубоко то, что проповѣдуютъ и къ осуществленію чего всѣ стремятся инстинктивно. Здѣсь религія несетъ и вводитъ всеобщую гармонію въ жизнь людей, въ жизнь личную, общественную, государственную, политическую, экономическую. Она и помогаетъ, и утѣшаетъ, и примиряетъ, и радуется. Нѣтъ такой сферы и формы дѣятельности человѣка въ христіанствѣ, куда бы не проникалъ „живоносный лучъ“ религіи. Поэтому христіанская религія неустранима; ибо она всегда и во всемъ необходима и „душеполезна“. Отсюда религіозно-философскій выводъ: единственно вѣрныя и „нетлѣнныя блага“ человѣческой жизни получаютъ только при помощи христіанской религіи, борющейся подъ знаменемъ „Агнца Божія, взявшаго на Себя грѣхи міра“ со всѣми

¹⁾ Цитов. статья г. И. Мисскаго, стр. 265.

страданіями и скорбями въ радостной „надеждѣ воскресенія и жизни вѣчной“. Это „священная брань, а не варварская“ (св. Григорій Богословъ), освободительная, обильная дарами любви Христовой.

Христіанство принесло съ собою въ исторію человѣчества новый *взглядъ на страданія* духа и тѣла человѣка и въ этомъ взглядѣ установило навсегда абсолютную необходимость культуры и неискоренимость ея. Страданія Христовы—вотъ „вѣнецъ похваленія“ христіанской культуры и побѣдоносная сила ея. Христось — „Пасха красная“, „крестная и крестовоскресная“. Поэтому Онъ челоуѣколюбно зоветъ къ Себѣ всѣхъ, страждущихъ, всѣхъ обремененныхъ и клятвенно обѣщаль имъ успокоеніе среди „рабскихъ горестей“. И „болѣзнующее сердце“ трепещетъ отъ „радости бытія“ и жизни, когда дѣятельно участвуетъ въ этихъ челоуѣческихъ страданіяхъ Христа, „приноситъ имъ таинственную жертву“ (св. Григорій Богословъ). Страданія Христовы обожествили весь міръ, а христіански-религіозное жертвоприношеніе имъ всей жизни каждаго челоуѣка и всего челоуѣчества—это не иное что, какъ „очистительныя жертвы на богопріятной трапезѣ“ (св. Григорій Богословъ) за грѣхи всего міра. Здѣсь вѣчные и божественные источники христіанской нравственности и религіозная сущность христіанской культуры. Христіанская культура есть религіозное поклоненіе страданіямъ Христовымъ и „этическая печать“ духовной красоты всего челоуѣческаго рода. Здѣсь челоуѣческая жизнь находитъ свои „послѣднія цѣли“; а христіанская „идея гуманности“ свое нравственное оправданіе и историческое осуществленіе. И такъ какъ только „въ горнемъ Іерусалимѣ и въ тамошнемъ Святомъ Святыхъ будетъ конецъ здѣшняго злостраданія и условія шествующихъ доблестно“ въ царство Христово, то ясно, что христіанство навсегда сохранить свое культурное значеніе среди людей: всегда нужны будутъ храмы, жертвенники, священство, дары Богу, освященіе, пророчество, евангеліе, апостольство и всецерковное оглашеніе. Пусть въ этомъ „неизглаголанномъ благочестіи“ окрестъ „богопріимной трапезы“ Христовой на освященномъ мѣстѣ въ „божественномъ шествіи и вхожденіи“ станетъ небольшой кругъ „богочтителей“, но это будутъ „званые святыя“ (Рим. 1, 7), „люди избранныя“

(Тим. 2, 14), „царское священіе“ (1 Петр. 2, 8), достояніе Господне духовное (Ис. 15, 6), „отъ капли цѣлая рѣка, отъ искры—цѣлое свѣтило, отъ горчичнаго зерна „древо жизни“, пристанище *птиць небесныхъ* (Мѡ. 13, 32), душъ превыспреннихъ и возвышенныхъ“ (св. Григорій Богословъ и св. Григорій Нисскій). Это будетъ „соль земли“, „свѣтъ міру“, истинный цвѣтъ человѣчества, послѣдняя и первая „аристократія земли“¹⁾, „сѣмя свято“, вѣрный залогъ культурнаго стоянія людей, обновленныхъ „лучшими надеждами“.

И Церковь вселенская, православно-всѣмирная слышитъ слова Того, Кто собираетъ отъ „конецъ земли“ на „гору святую Свою“ (Ис. 57, 13) сокрушенныхъ сердцемъ и духомъ и житіемъ, собираетъ въ отраду и пріемлетъ угнетенныхъ и одинокихъ въ „радость спасенія“: „*расшири уста твоя еще, прости на десно и на лѣво, покрововъ не пощади* (Ис. 54, 2. 3). Здѣсь мѣра человѣколюбія Божія превышаетъ мѣру человѣческихъ злостраданій. То было „за неправды“, за бѣсовское поклоненіе „чуждымъ богамъ“, за „самоуготованное пиршество“, а это за истинное религіозное служеніе; то для очищенія, для „воспоминанія и поученія“, сколько ущедренъ величіемъ Божиимъ человѣкъ въ самомъ бытіи своемъ, а это для „вѣчной славы“ Божіей и для „завѣта вѣчнаго“. Это нерушимый законъ милосердія и возмездія Божія. „*Милъ отмщеніе и Азъ воздамъ*, глаголетъ Господь“. „Вѣра подъ открытымъ небомъ лучше великолѣпнаго нечестія“, украшеннаго драгоценными камнями, блистающаго и озаряемаго золотомъ, то расточающаго его какъ воду, то собирающаго, какъ песокъ (образъ анти-религіозной культуры). Трое, собранные во имя Христова, во имя Его Евангелія и „домостроительства“ царствія Его на землѣ, составляютъ предъ Богомъ „большее число“, нежели многіе отрицающіеся Божества въ культурѣ человѣческой, и выпадающіе въ страшное и неисцѣльное „безуміе своего культурнаго первородства“²⁾. Неужели идолопоклонство хананеевъ, сколько ихъ ни есть, предпочеть одному Аврааму, „другу Божію“, „отцу вѣрующихъ“, или безбожныхъ содомлянъ одному праведному Лоту, или дикихъ мадіамлянъ „боговидцу“ Моисею?

1) Н. Мисскій, стр. 263.

2) Н. Мисскій, цитов. соч., стр. 260.

Триста человѣкъ, которые у Гедеона мужественно лакали воду, лучше тысячи обратившихся въ бѣгство (Суд. 7, 7—21). Домочадцы Авраама, которыхъ было немного болѣе Гедеоновыхъ воиновъ, сильнѣе многихъ царей и тьмы воиновъ, прогнанныхъ и обращенныхъ ими въ бѣгство. „*Аще будетъ число стеновъ Израилевыхъ, яко песокъ морской, остатокъ спасется*“ (Рим. 9, 27). „*Оставихъ Себѣ семь тысячъ мужей, иже не преклониха колѣна предъ Вааломъ*“ (Рим. 11, 4). „*Не во многѣйшихъ благоволилъ Богъ*“ (1 Кор. 10, 5).

Вотъ міро-историческій кругъ истинно-христіанской культуры и цѣльность религиозной жизни ея. Богъ исцеляетъ „спасаемыхъ“, святыхъ, великихъ, истинно-религиозныхъ людей, гдѣ бы они не были и за какимъ бы „дѣломъ жизни“ они не стояли. Въ *избранные сосуды*“ (Дѣян. 9, 15) вливается „освященный елей“, исцѣляющій всѣ недуги тѣлесные и душевные въ мірѣ живущихъ. Такъ на всѣхъ путяхъ чело-вѣческой жизни. Истинные вожди и подвижники христіанской и общечеловѣческой культуры—это сердцецѣды, богодуховные пророки, святые жрецы, первосвященники великіе, „строители душъ“, „приближающіеся къ Богу“ (Лев. 10, 3), вѣнценосные цари, христоролюбивые и страннолюбивые. Они служатъ для другихъ побудителями къ добродѣтели, живыми мучениками, одушевленными памятниками, безмолвною проповѣдію. О нихъ сказано: „*приидохомъ чрезъ огонь и воду*“ (Пс. 65, 12) и, по благословенію спасающаго Бога, „*внидохомъ въ покой*“. Въ лицѣ ихъ Церковь, облеченная въ „червленную ризу“, стоитъ въ мірѣ „препоясанная лентіемъ“ Христовымъ и „умываетъ ноги“ (Іоан. 13, 4—5) всѣмъ ратоборцамъ и оруженосцамъ своимъ, чтобы „выше всѣхъ на золотыхъ крыльяхъ воспрянуть къ небу“ (св. Григорій Богословъ). Не нужно бороться съ злыми скорбями тому, кто долженъ быть утѣшителемъ и цѣлителемъ недуговъ другихъ. И Церковь „не противится злу“ (Мѣ. 5, 39); но зло „безбожія культуры“ побѣждаетъ „небожественнымъ“ участіемъ въ искупительныхъ страданіяхъ Христа—Богочеловѣка.

Бываютъ эпохи, когда необходимость и преобразование жизненной культуры становится душевнымъ настроеніемъ всѣхъ, является „назрѣвшимъ плодомъ“ общественнаго развитія, выраженіемъ потребности всѣми ощущаемой, развязкою узловъ, вѣками вплетенныхъ въ общественныхъ отно-

шеніях“ 1). Всѣ въ самой культурѣ стараются отыскать „творческія начала“ новаго религіознаго просвѣтленія и новой нравственной энергіи. Глашатаи и преобразователи культуры считаются пророками, изрекающими вѣщія слова“ изъ глубины общественной совѣсти 2). Осуществленіе въ самой жизни утилитарныхъ мыслей о „счастіи культуры“, которыя всѣ въ себѣ носятъ, служить видимымъ залогомъ ихъ „героическаго владычества“ надъ „современнымъ поколѣніемъ“. Такая наша эпоха, увлеченная многомятежнымъ и „злымъ духомъ культурнаго соревнованія“. Отсюда у насъ пошли „цѣлыя полчища пророковъ“, съ „факеломъ новой культуры“ въ рукахъ проповѣдующихъ новое „благоволеніе въ человѣцѣхъ“, „новое евангеліе“ и новое „исповѣданіе вѣры“. И нашу эпоху окружило со всѣхъ сторонъ „обширное море“ анти-христіанской культуры, бурно волнующееся вокругъ ея корабля. Между пловцами сильный мятежь, всѣ спорятъ о томъ и о другомъ, заглушаютъ другъ друга и ревущія и стонущія волны. Нуженъ кормчій самый знающій, умѣющій долго бороться и съ моремъ и съ пловцами, и „спасти корабль“ отъ двоякой бури, т. е., отвратить взоры всѣхъ отъ жалкаго и ужаснаго вида современной „внѣ-христіанской“ культуры...

И этого кормчаго Церковь наша „пророчески зреть“ во Христѣ Богочеловѣкѣ, живущемъ въ ней. Христосъ—„овча во всесоженіе“ (Быт. 28, 8) на Его священной трапезѣ, окруженной ликостояніемъ святыхъ Своихъ отъ „всякаго языка подъ небесемъ“, плещущихъ руками, полагающихъ вѣнцы свои предъ престоломъ и восклицающихъ „громкимъ гласомъ“: „достоинъ Ты, Господь, пріять славу и честь и силу, ибо Ты сотворилъ все и все по Твоей волѣ существуетъ и сотворено“ (Апокалипс. 4. 11). Познаніе живого Бога, принесшаго и приносящаго Себя въ жертву равно для всѣхъ, сдѣлавшаго cadaго наслѣдникомъ Своего величія и Своея полноты“ 3),—вотъ основная религіозная идея, которую съ особенною любовью должно внести въ систему современнаго философскаго міросозерцанія и культурной жизни. Это „зо-

1) *Московский Сборникъ*, изд. К. П. Побѣдоносцева, стр. 131.

2) „Новое Время“ № 9432, статья г. *Силы* (г. Сыромятникова), «Пророки нашего поколѣнія».

3) *Н. Минскій*, стр. 260.

лото на очистительныхъ угляхъ“. Это мудрое противоборство“, особенно противъ современной мучительной „маніи величія“, противъ фанатическаго „безумія индивидуализма“, грозящаго превратиться въ „Геескую болѣзнь“, будущаго всей европейской культуры, противъ пессимистической жажды, всеразрушающей свободы, граничащей съ культурнымъ одичаніемъ и „культурнымъ варварствомъ“, противъ горькихъ разочарованій въ „счастіи жизни“, при скорбномъ сознаніи „безцѣльности культуры“¹⁾... Христось „страданіями Своими уяснилъ всю тварь“. Здѣсь данъ универсально-культурный „законъ о возжелѣнномъ истощаніи въ подвигахъ“ (св. Григорій Богословъ) христіанской всеобъемлющей и безкорыстной любви. Какія «безкровныя и божественныя жертвы» возлагаются здѣсь на алтарь Христовъ! *Цѣлый міръ священнодѣйствуетъ Владыкѣ-Христу!* Не тельцовъ и овновъ бессловесныхъ закалываютъ, какъ предписывалось по «ветхому завѣту», не какія-либо «внѣшнія блага» приносятся, какъ у язычниковъ; но каждый «изнуряетъ себя» (христіанскій аскетизмъ) въ служеніи истинѣ Божіей, высшей красотѣ, вѣчному добру. Богъ преисполненъ свѣта и добра. Добро должно быть «моимъ дѣломъ». Это хотѣніе Божіе. Для этого «божественная борьба христіанскихъ подвижниковъ», для этого и трудный подвигъ и неуывадаемые вѣнцы. Это лучше для «золотыхъ душъ», чѣмъ жить свободнымъ отъ «всякихъ ограниченій». Нельзя понять религіозной сущности христіанства безъ Церкви. Нѣтъ Церкви безъ таинствъ; но нѣтъ и таинствъ безъ крестныхъ страданій. Вѣра христіанская—это всепроникающая и всепретворяющая религіозная увѣренность въ *духовномъ возрожденіи* всего человѣчества чрезъ Церковь и Евангеліе Христово. Христіанство—не одинъ только богооткровенный догматъ, но и истинная жизнь во Христѣ, умершемъ и воскресшемъ. Здѣсь-то таятся святые и высокіе источники «неизглаголаннаго богочестія», которое на крыльяхъ пламенной вѣры несетъ христіанскую религію въ культурную жизнь всего міра.

«Новые проповѣдники истины» ставятъ въ упрекъ христіанству «тихошествственность» его исторической культуры. «Невѣрное счастье»—вотъ плоды историческаго осуществле-

1) Сравн. у *Н. Минскаго*, стр. 259—260.

нія «счастія на землѣ» при помощи христіанской религіи. «Божественная слава» даже жизни и великой и святой и та сокрывается въ мрачномъ образѣ «многотрудной жизни». Отчего благочестивые въ трудахъ и въ огненныхъ прещеніяхъ», а «погибающіе» не знаютъ трудовъ, болѣзней и скорбей? Говорить о «наказаніи за грѣхъ»,—это значить представлять себя знающимъ, что такое Богъ, но это уже «поврежденіе ума». Оправдывать все стихійной борьбой съ «злымъ діаволомъ»,—это значить спрашивать: «кому пролита кровь Христова», и искушать Бога. Говорить объ «угляхъ, очищающихъ жизнь», и о «золотѣ въ горнилѣ»,—это значить утѣшаться пустыми словами. Ссылаться на «загробный идеаль»,—это все одно, что на скрижаляхъ чистаго сердца богодуховной Церкви,—Церкви, покоющейся на «нѣдрахъ Иисусовыхъ», слушающей у ногъ Его слова Его,—начертать «надгробную надпись». Такъ буйный «пророкъ новой культуры», Фейербахъ объяснилъ историческое происхожденіе и внутренній смыслъ христіанской религіи «страхомъ смерти». Такъ Кантъ, учитель его, заразилъ всю европейскую философію «теоретическимъ атеизмомъ», послѣдовательно приведшимъ современную культуру къ «самобоготворенію». Такъ, наконецъ, «сумасбродный» Нитцше впервые провозгласилъ «богохульную мысль» объ анти-божественности христіанства по причинѣ его мнимой «анти-культурности». И вотъ, покрывъ густою «тьмою невѣдѣнія» свои «умныя очи» и держась за стѣну «накопленнаго счастья», философы-раціоналисты всѣхъ утилитарныхъ и позитивныхъ толковъ идутъ другъ за другомъ въ фанатическомъ отрицаніи христіанской культуры. Но «твердыня, занятая ими» 1), разрушается общечеловѣческой религіозною жаждой безсмертія и истинно-христіанскимъ упованіемъ жизни вѣчной, загорающейся еще здѣсь, на землѣ, упованіемъ, примиряющимъ челоука съ «неизбѣжными горестями» и «искушеніями жизни» и освобождающимъ отъ «всего мятушагося въ мірѣ». Богъ управляетъ цѣлымъ міромъ по «великимъ и сокровеннымъ законамъ». Отблескъ ихъ вполнѣ доходитъ до насъ въ исполненіи святой воли Его. Божественная воля—вотъ вѣчная тайна челоуческой жизни и христіанскаго спасенія. Поэтому насъ

1) Ср. мнѣніе Н. Мюнстера, стр. 258.

нисколько не должно смущать встрѣчающееся въ жизни «противорѣчіе между добродѣтелью и счастіемъ». Кантъ соблазнялся этимъ «страннымъ противорѣчіемъ», для устранения его категорически требовалъ признать необходимость безусловнаго счастья для «полноты и совершенства религіозной культуры». Но отрицать этотъ «категорическій поступокъ практическаго разума»,—это значило бы внести въ чистую область христіанской религіи «безуміе религіозно-культурнаго эгоизма». Моисей умеръ на границѣ «земли обѣтованной». Іоаннъ Предтеча, человѣкъ религіозно-культурнаго преданія, сынъ ветхаго заветъа, проводилъ новый, но не вошелъ въ него. Они «сѣяли слезами», не извѣдавъ радостей жатвы. «Плоды посѣяннаго» собраны на праведномъ судѣ Божіемъ; такъ уготованы точила принять въ себя «плодоношеніе жизни».

Свящ. Іоаннъ Филескій.

Психологія таинствъ.

(Этюды).

ЕМУ (Левину) казалось, что не было ни одного изъ вѣрованій Церкви, которое бы нарушало главное—вѣру въ Бога, въ добро, какъ единственное назначеніе человѣка. *Подъ каждое вѣрованіе Церкви можетъ быть поставлено вѣрованіе въ служеніе правдѣ* вмѣсто нуждъ. *И каждое вѣрованіе не только не нарушало этого, но было необходимо для того, чтобы слагать ту жизнь души, для которой одной стоитъ жить, и которую одну мы цѣнимъ* („Анна Каренина“, ч. 3, 374). Эти слова Льва Николаевича мы избираемъ эпитафіемъ для нашихъ очерковъ. Видите, какъ нѣкогда думалъ графъ объ отношеніи вѣрованій Церкви къ жизни и смыслу ея. Онъ забылъ прежнее къ сожалѣнію, и не ему, конечно, а нашимъ читателямъ мы хотимъ напомнить прежній толстовскій тезисъ и попытаемся его оправдать.

Этюдъ 1-й „О бракѣ“. Предлагаемый этюдъ—первый отрывокъ статьи „психологія таинствъ“, которую мы намѣрены предложить вниманію читателей „Миссіонерскаго Обзорнія“ въ будущемъ году.

Причина, почему трактатъ „о таинствѣ брака“ появляется ранѣе остальныхъ 4 очерковъ: 1) крещенія-мѣропомазанія, 2) исповѣди-причащенія. 3) священства, 4) елеосвященія—чисто внѣшняя: это новая статья В. В. Розанова въ „Новомъ Времени“, гдѣ онъ съ настойчивостью, достойной лучшей цѣли, продолжаетъ отстаивать старую мысль,—будто христіанство освящаетъ только гробъ и похороны.., не сорадуется тайнѣ брака и дѣтской колыбели.., потеряло высокій „стиль“ еврейской или даже языческой семьи и только внѣшне, механично, безучастно благословляетъ вѣнчаніе... *вѣнчаніе, а не бракъ...* („Новое Время“) Эти-то старыя мысли и побудили

насъ, въ видѣ почти невольнаго протеста, скорѣе закончить именно этуь „о бракѣ“.

Кромѣ того по мысли автора этуь этотъ представляетъ нѣкоторое дополненіе къ статьѣ „Новое христіанство“, напечатанной въ октябрьской книжкѣ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“.

I.

Тим. IV^о—15.

„Браки существовали и существуютъ у тѣхъ людей, которые въ бракѣ видятъ *ничто таинственное*,— таинство, которое обязываетъ передъ Богомъ... *у тѣхъ они существуютъ*“.

Крейц. Соната.

Въ 1889 году появилась знаменитая „Крейцера Соната“, въ которой Левъ Николаевичъ заявилъ вслухъ міру τὰ ἐξῆς: „*христіанскаго брака быть не можетъ*. Такъ и понималось это всегда истинными христіанами первыхъ и послѣдующихъ вѣковъ. Идеаль христіанства не есть бракъ, но любовь къ Богу и ближнему, и потому *для христіанина плотское общеніе въ бракъ не только не можетъ представляться законнымъ, праведнымъ и счастливымъ состояніемъ*, какимъ оно представляется въ нашемъ обществѣ нашими Церквами, *а всегда паденіемъ, слабостью, грѣхомъ. Христіанскаго брака никогда не было*. Христосъ не женился и не устанавливалъ брака, и ученики его не женились“... Какъ и слѣдовало ожидать, Соната вызвала бурные толки въ литературѣ. О ней писали такъ много, что наши теперешніе слабые наброски были бы совсѣмъ излишними, если бы въ этихъ откликахъ на Сонату не слышалась иногда „лесть“, пожалуй, „большая первой“, т. е., самой Сонаты.

Собственно Л. Н., всегда непослѣдовательный, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Сонаты цѣликомъ отказался отъ ея главнаго тезиса.

„*Христіанскій бракъ*“, пишетъ онъ въ книгѣ „Ходите во свѣтѣ“, „*возможенъ, но только тогда, когда у человѣка есть любовь къ людямъ, и когда предметъ любви плотской уже прежде есть предметъ братской любви человѣка къ чело-*

вѣку. Какъ разумно и прочно строить домъ можно только тогда, когда есть основаніе, картину писать, когда подготовлено то, на чемъ писать; такъ плотская любовь только тогда законна, разумна и прочна, когда въ основаніи ея лежитъ уваженіе, любовь человѣка къ человѣку. На этомъ основаніи только можетъ возникнуть разумная христіанская семейная жизнь“. „Я не говорю,—продолжаетъ онъ далѣе,—чтобы христіанскій бракъ не допускалъ исключительной любви къ женщинѣ; напротивъ, только тогда онъ и разуменъ и святъ; но исключительная любовь къ женщинѣ только тогда можетъ возникнуть, когда не нарушена прежде существовавшая любовь ко всѣмъ людямъ“ и т. д...

Это отреченіе, къ сожалѣнію, уже не измѣнило дѣла: продолжатели и корректоры, развивая мысли Сонаты, сумѣли окрасить въ цвѣтъ будто бы церковнаго христіанства, придать характеръ будто бы христіанскій тому, въ Сонатѣ, отъ чего отрекся даже самъ Л. Н.

Мы имѣемъ теперь дѣло съ двумя группами авторовъ, откликнувшихся на Сонату: группа обличителей, выступившихъ на защиту церковной истины въ прямыхъ цѣляхъ оппозиціи Л. Н., и группу авторовъ, примкнувшихъ къ толстовской проповѣди, хотя также иногда во имя и отъ имени Церкви. *И большей частію, нужно сказать, что друзья здѣсь опаснѣе враговъ.*

„Брачное сожителство—грѣхъ, и Церковь не можетъ освятить то, что само по себѣ не свято“... Отъ этой послѣдней мысли, что церковный обрядъ ничего не прибавляетъ къ простому сочетанію двухъ, и что *грязное внѣ брака* не становится *святимъ черезъ освященіе въ бракъ*, Л. Н. не отказался и теперь. Что же отвѣтили на это наши друзья?—„Внѣ церковнаго освященія единеніе есть блудъ, пишетъ одинъ.—Но что нужно сдѣлать, чтобы оно было свято?—Слѣдуетъ только поставить перила, гарантирующія чистоту брака: разъ эти перила (церковное освященіе и обязательство супружеской вѣрности) на лицо, тогда бракъ святъ“... 1) Святъ потому, что освященъ.

А одинъ богословъ спорить даже противъ мысли Шарпова о полной неприкосновенности жены въ періодъ бере-

1) Прот. Устинскій въ «Русск. Трудъ» 1899 г.

менности и кормленія. Въ томъ-же приблизительно духѣ недавно читалъ публично въ Москвѣ г. Струженцовъ, обуславливая святость брака *только возможно строгимъ воздержаніемъ*. Оба послѣдніе богослова утверждаютъ, что *общеніе свято, когда оно вызывается физическѣй необходимостью*, т. е., переводя на циническій языкъ, Рцы, когда есть „аппетитъ“.

Становится страшно за церковное сознаніе, когда читаешь такія строки. Если истину Церкви и истину брака ограждаютъ такими перилами, то неудивительно, что волки входятъ въ ограду Церкви. Имъ даже не приходится перелазить черезъ ограду: такія перила упадутъ отъ собственной негодности. Нѣтъ, не съ такимъ оружіемъ идти противъ огненныхъ образовъ Крейцеровой Сонаты.

Вспомните женщину у Льва Николаевича, которая въ ночь брака съ ужасомъ убѣжала отъ мужа. Развѣ кто рѣшится осудить еѣ?

Вѣдь припомните, и св. Алексѣй, человекъ Божій, счелъ нужнымъ уйти изъ своей брачной комнаты...

Такъ какъ, очевидно, онъ не гнушался таинствомъ брака (иначе онъ и не принялъ бы его), то значить здѣсь уже на порогѣ брачной комнаты онъ понялъ, что бракъ *будетъ для него теперь паденіемъ*. А молитвы Церкви объ очищеніи „повнегда родити женѣ отроча“, гдѣ просятъ объ очищеніи „скверны родившей и о прощеніи ея?“

Ясно, что единеніе и *въ бракъ* съ церковной точки зрѣнія *можетъ быть грѣховно*, и церковное освященіе не есть безусловное ручательство безгрѣшности брачнаго сожитія. Это истина *безспорная*...

Но тогда значить и мы присоединимся къ тому, что говорить Л. Н.,—къ мысли, что бракъ грѣхъ и паденіе? Избави Богъ, это значить только, что *перила, которыми ограждается святость* истины брака, строятъ не изъ того матеріала.

Святъ-ли бракъ?.. Да, святъ и чистъ. Именно поэтому и больно видѣть, что защитники будто бы церковной истины, точно отчаявшись показать внутреннюю святость брака, ссылаются на внѣшній фактъ освященія. *какъ на первый и послѣдній аргументъ*. Да, конечно, бракъ въ христіанствѣ (и только въ Церкви) чистъ и не можетъ быть нечистымъ, но

не потому только, что онъ освященъ благословеніемъ церковнымъ, а потому, что и Церковь благословляетъ только то и помогаетъ въ бракѣ быть *святымъ только тому, что можетъ быть святымъ въ самомъ существѣ своемъ*, что безъ помощи Церкви и благодати ея не свято „въ фактъ“, но въ своей сущности, въ возможности *велико и свято*.

Нѣтъ, бракъ святъ. Я не хочу сравнивать его съ дѣвствомъ, это не входитъ въ мою задачу (о дѣвствѣ повелѣнія Господня не имамъ...), но я утверждаю, что и бракъ есть *даръ духа*. Дары многи, а духъ одинъ. „Велики дары языковъ и пророчества, но еще выше даръ любви“,—говоритъ апостоль. Итакъ, даръ любви больше; но и *даръ пророчества—сила Духа Божія*. Тоже и здѣсь: хотя дѣвство и высшій даръ, но это не мѣшаетъ преклоняться и передъ даромъ брака. Тайна сія велика не таинственностью своей только, а и величіемъ. Между друзьями нашими большинство признаетъ за бракомъ только значеніе средства къ погашенію желанія. „Новозавѣтное Откровеніе, пишетъ Мірянинъ въ „Русскомъ Трудѣ“, признаетъ физическую сторону въ человѣкѣ, но оно не придаетъ ей положительной нравственной цѣнности. Оно говоритъ, что вступающій въ бракъ только „не согрѣшитъ“ (1 Кор. VII, 28, 36), а если въ другомъ мѣстѣ и говорится, что „выдающій замужъ свою дѣвицу поступаетъ хорошо“ (ibid. 38), то, по общему смыслу главы, эти слова нужно понимать такъ: хорошо, потому что избѣгается блудъ (ст. 2), ибо „лучше жениться, нежели разжигаться“ (ст. 9). Слѣдовательно, по ученію новаго завѣта, бракъ является *дѣломъ хорошимъ только какъ средство предохраняющее человѣка отъ блуда*¹⁾. Тѣмъ не менѣе, физическая сторона брака есть, вѣтаки, „похоть плоти“, „похоть мужа“ (Іоан. 1, 13), „нѣчто такое, чего лучше избѣгать“... „Христіанство не имѣетъ къ браку активнаго и сорадующагося отношенія; оно его *лишь допускаетъ*, безъ вниманія къ жизненно-творческой его сторонѣ (чадорожденіе), и останавливаясь лишь на морально-этиче-

¹⁾ Такая цѣль дѣйствительно указывается апостоломъ Павломъ, но только какъ одна изъ цѣлей и именно низшихъ. Указана она по особому случаю и надобности для „косныхъ“ коринтянъ. Теперь ее хотятъ сдѣлать единственной вопреки ясному и яркому ученію апостола о мистически-нравственномъ значеніи брака и дѣлають изъ него невозможные выводы.

ской“. Какъ видимъ, бракъ здѣсь, какъ уже мы и указали, имѣетъ чисто отрицательныя цѣли, чтобы убить, помѣшать росту похоти, не искушать воздержанія. Ему придають значеніе не болѣе какъ учрежденію, которое помогаетъ поставить похоть въ границы, сжать, сдвинуть то, что само по себѣ не чисто и грязно. Я думаю, этотъ взглядъ также „духоборство, хула на Св. Духа“. Если у Л. Н., какъ увидимъ, ложь въ его ученіи о смыслѣ и значеніи обряда таинства брака и о смыслѣ брачнаго сожитія, то и здѣсь отъ друзей мы слышимъ „брань на таинство Духа Святаго“. Это кощунство.

Нѣтъ, бракъ больше, чѣмъ его представляютъ эти защитники брака, — это истина, а не компромиссъ, это „святыня“, а не учрежденіе, регулирующее „похоть“. „Пока мы признаемъ бракъ (и его зерно) позволительнымъ (только), мы собственно еще не получаемъ брака, какъ „таинства“, мы стоимъ на точкѣ безразличія и, собственно, „допущеннаго разврата“. Нужно *еще дополнить: бракъ религиозно-спасительнъ, духовно-очищающъ, мистически-жиздотеленъ (дѣти)* (Розановъ).

Бракъ, по христіанскому опредѣленію, есть великая тайна единенія двухъ душъ, въ образѣ единенія Христа съ Церковью. „Въ таинствѣ брака чета въ брачномъ союзѣ получаетъ благодать отображенія въ этомъ своемъ союзѣ Божественнаго союза между Господомъ, пожертвовавшимъ Собою для Церкви Своей, и Церковью, составляющей Его Тѣло и живущей Его благодатью. Это отсвѣтъ союза Христа и Церкви. Цѣли брака не личныя только, частныя цѣли супружеской четы, а цѣли Церкви. Вступающій въ бракъ не для себя вступаетъ, а для Церкви и служить ей для созиданія зданія Церкви Божіей. Какъ? Чѣмъ? Тѣмъ, что онъ содѣйствуетъ росту идеала Христова на землѣ. Бракъ есть союзъ взаимососвященія. Такую цѣль ясно указываетъ св. апостоль, когда говоритъ, что даже невѣрующій мужъ освящается, ведется ко спасенію женой вѣрной. Отсюда очевидно, бракъ имѣетъ цѣлью взаимное совершенствованіе двоихъ. Мужъ и жена *нравственно вліяютъ* другъ на друга, помогаютъ другъ другу осуществить *всѣ заключающіяся въ нихъ нравственныя возможности*. Бракъ — это домашняя Церковь, первая школа любви. Какъ отсвѣтъ Христова союза съ Церковью, бракъ

выражается во взаимномъ отреченіи мужа и жены отъ себя въ пользу другого, будущаго ребенка, который вмѣстѣ есть будущая Церковь, одинъ изъ будущихъ строителей зданія Церкви. Бракъ—это поприще великаго аскетическаго подвига и великаго христіанскаго дѣланія. Міръ созданъ, дабы увеличить полноту бытія, чтобы милліоны существъ приобщились къ радости жизни; христіанинъ даетъ жизнь чело-вѣку, чтобы умножились Церковь, любовь въ Церкви и радость на землѣ.

Мужъ и жена, пишетъ одинъ богословъ, понятія гораздо болѣе широкія по своему нравственному содержанію, чѣмъ понятія мужчины и женщины, и, пожалуй, отношеніе между этою парюю понятій болѣе далекое, чѣмъ между понятіями мужчины и женщины съ одной стороны и самца и самки съ другой, и бракъ есть соединеніе двухъ жизней не ради самаго сожитія, но ради высшихъ нравственныхъ цѣлей, собственно объединеніе какъ бы двухъ волей въ одну ради единаго принципа благоугожденія Богу, душевнаго очищенія обоихъ брачующихся; такимъ образомъ брачныя узы устанавливаютъ между мужемъ и женою уже не родство, а именно единство воли, и это единеніе сначала на почвѣ взаимнаго нравственнаго самоограниченія, а потомъ обоюднаго служенія всѣмъ людямъ, и признается и должно признаваться выше всякаго родства по плоти, какъ только естественнаго, природнаго (Быт. 2, 24). Въ бракѣ всѣ взаимоотношенія мужа и жены имѣютъ смыслъ, поскольку служатъ духу“.

Бракъ называютъ нерѣдко подвигомъ аскетизма, и, дѣйствительно, это аскетизмъ въ его моральныхъ задачахъ и цѣляхъ.

Только для „похоти“ бракъ заключается очень рѣдко. Даже у развратниковъ, окончательно затоптавшихъ въ грязь святую правду чистыхъ отношеній къ женщинѣ, бракъ часто больше чистъ, чѣмъ кажется, и у нихъ онъ есть *боязнъ одиночества*, страхъ за то, что около нихъ нѣтъ и не будетъ чело-вѣка, котораго можно любить, *какъ чело-вѣка, сблизиться душевно, жажды любви къ другому, къ кому-нибудь*. И я смотрю уже на эту жажду любви, какъ на слабое проявленіе инстинктивнаго желанія любить всѣхъ, любить ближняго.

А въ чистомъ истинно христіанскомъ бракѣ? *Здѣсь мы*

имѣемъ дѣло съ тайной великаго отреченія. Человѣкъ отдаетъ свою душу другому, общается жить жизнью этого другого, отрекаясь отъ собственнаго самолюбія, отъ всего своего „я“. Кто это другой? Жена или мужъ? Да, отчасти, но еще болѣе „они“, *будущіе* люди — семья. Вступая въ бракъ, имѣе передовѣрять человѣкъ дѣла служенія Церкви, въ лицѣ ихъ онъ хочетъ дать „жизни“ лучшаго слугу, чѣмъ онъ, а вмѣстѣ съ этимъ, онъ беретъ на себя *огромную обязанность близости за собою съ гораздо болѣею, чѣмъ прежде, бдительностью, „ходить чистымъ и непорочнымъ передъ очами чадъ своихъ“*. Отецъ-мужъ обязуется нравственно помнить, что каждое его не доброе движеніе повторяется, усваивается душой тѣхъ будущихъ людей, какихъ онъ далъ міру и Церкви. „На всякъ день и часъ, пишеть Достоевскій, на всякую минуту ходи около себя и смотри за собою, чтобы образъ твой былъ благолѣпенъ. Вотъ ты прошелъ мимо малаго ребенка, прошелъ злобный, со сквернымъ словомъ, съ гнѣвливою душой; ты и не примѣтилъ, можетъ, ребенка-то, а онъ видѣлъ тебя, и образъ твой, неприглядный и нечестивый, можетъ, въ его беззащитномъ сердечкѣ остался. Ты и не зналъ его, а, можетъ быть, ты уже тѣмъ въ него сѣмя бросилъ дурное, и возрастетъ оно, пожалуй, а все потому, что не уберегся передъ дитятей, потому, что любви осмотрительной, дѣятельной не воспиталъ въ себѣ“. Вотъ эта-то благолѣпность, бдительность за собою, любовь осмотрительная и бдительная и есть та обязанность, которая дѣлаетъ бракъ огромнымъ подвигомъ и школой воздержанія. Эту идею самоотреченія въ бракѣ когда-то прежде понималъ и Левъ Николаевичъ, и онъ нѣкогда писалъ, что бракъ есть „поставка вмѣсто себя новыхъ слугъ для жизни, добавляя, что родить святую душу, годную для жизни, собственно значить воспитать ее со дня явленія въ міръ, по своему хранимому въ благолѣпнн образу (Revue, 1901, іюнь). Но развѣ это храненіе образа Божія уже не святость, которая одна уже можетъ оправдать бракъ.

Нетрудно понять далѣе и воспитательное значеніе брачнаго настроенія, брака *вообще...*

Въ сферѣ жизни общецерковной бракъ, какъ мы сказали, начало, школа любви. Любовь, здѣсь воспитавшись, должна потомъ выйти изъ круга семьи на всѣхъ. Эта любовь одна

изъ задачъ брака, которая указывается и въ одной изъ молитвъ въ самомъ чинѣ вѣнчанія.

Итакъ, бракъ есть школа и фактъ самоотреченія, поэтому-то мы и слышимъ въ чинѣ эти слова: „Святїи мученицы, добръ страдалъчествовавшии и вѣнчавшіеся, молитесь ко Господу помиловаться душамъ нашимъ“. „При чемъ же здѣсь мученики?“ — спросилъ одинъ лютеранинъ, случайно попавъ въ храмъ на вѣнчаніе, и когда онъ услышалъ объясненіе православнаго ученія о томъ, что христіанство есть аскетизмъ во всѣхъ сторонахъ жизни христіанской, что въ частности бракъ налагаетъ на людей настолько высокія обязанности по отношенію къ нимъ самимъ, брачущимся, и по отношенію къ ихъ потомству, что ихъ вѣнцы въ нѣкоторомъ смыслѣ приравниваются къ вѣнцамъ мучениковъ,— нравственное чувство его, этого лютеранина, какъ бы проснулось, онъ былъ глубоко пораженъ новымъ строемъ мыслей по этому предмету и вскорѣ принялъ православіе и монашество (о. Климентъ Зедергольмъ Оптинскій) 1). „Такъ, вѣнцы брачныя—это вериги подвижническія, вѣнцы побѣды надъ чувственностію и всякимъ чувственнымъ грѣхомъ“. Во свидѣтельство этого торжества добра и свѣта и побѣды въ христіанскомъ бракѣ духа надъ всякою чувственностію при совершеніи брачнаго обряда предъ брачущимися полагается и св. крестъ, символъ самоотреченія и служенія ближнему и Богу, и призывается и великій учитель любви въ ветхомъ завѣтѣ, св. пророкъ Исаія“.

И поэтому-то бракъ—святыня, онъ—истина; въ этомъ *оправданіе* его. Кто скажетъ, что оно недостаточно?

Но, послушайте, можетъ сказать намъ читатель: это *ignotatio elenchi*, подмѣна доказываемаго положенія: вы доказываете *не то, что нужно* доказывать. Ваше дѣло доказать, что бракъ не грязенъ *въ своей физической сторонѣ*. Вѣдь объ этой сторонѣ брака собственно трактуетъ „Мірянинъ“. А вы говорите о чемъ-то другомъ. Нѣтъ, мы *говоримъ* именно о чемъ нужно. Ясно, что при такихъ нравственныхъ задачахъ, какія указаны въ бракѣ христіанствомъ, бракъ не можетъ

1) Примѣръ взятъ о. арх. Андреемъ у В. Соловьева: «Оправданіе добра», стр. 554. Кн. о. Андрея (Владимірова) о таинствахъ св. Церкви. Казань, 1902.

совмѣщаться съ физической нечистотой. Съ точки зрѣнія физической, онъ *есть также не погашеніе* только похоти, а подвигъ аскетическій. Это кажется страннымъ, но это такъ, Я утверждаю прежде всего, *что бракъ можетъ быть святъ и въ физическомъ моментъ и здѣсь онъ требуетъ «подвига благолѣпности»*, какъ это увидимъ ниже.

Признать святость брака въ физической его сторонѣ, это, повидимому, камень, лежащій «на паденіе многимъ». Дѣйствительно, въ этомъ пунктѣ поскользнулся «Мірянинъ», этой святости не хочетъ признавать даже такой апологетъ брака, какъ Шараповъ. Усиленно отстаивая нравственное достоинство брака, онъ въ то же время продолжаетъ утверждать вмѣстѣ съ Міряниномъ, Меньшиковымъ и др., что физиологическій моментъ въ бракѣ лишь *терпимъ* ради его этического значенія. «Церковь знаетъ, пишетъ С. Θ., что въ глубинѣ свѣтлой идилліи брачныхъ отношеній лежитъ *плотскій грѣхъ*, но она знаетъ также, что у огромнаго большинства людей грѣхъ этотъ непобѣдимъ и неустранимъ. Церковь благословляетъ союзъ душъ, благословляетъ воспроизведеніе рода, чадорожденіе и только. Церковь какъ бы говоритъ брачующимся: вы «вмѣстить» не можете, вамъ «не дано». Но пусть же, уступивъ природѣ въ инстинктѣ чадорожденія, вы побѣдите ее въ соблазнѣ грѣшнаго наслажденія, очистивъ по возможности союзъ отъ элементовъ плотской страстности. Ваше плотское сожитіе Церковь проститъ и не вмѣнитъ въ грѣхъ только какъ уступку къ природѣ, но непременно только *«проститъ»*. Половой актъ въ самомъ его высокомъ и чистомъ проявленіи есть актъ не свободы, а потому всегда грѣхъ, всегда нуждается въ прощеніи, даже безсознательный. Эта, заключаетъ онъ, азбука христіанства и монашеская концепція здѣсь совершенно такова же, что и мірская».

Что сказать по поводу такихъ разсужденій. Всѣ эти разсужденія, конечно, прекрасны, но мы, несмотря на все наше несогласіе съ Розановымъ въ его странной языческой теоріи брака, въ то же время на этотъ разъ будемъ утверждать вмѣстѣ съ нимъ, что признавать *грѣховной физическую сторону брака, значитъ отвергать таинство*. Нѣтъ, идея христіанскаго брака, въ церковно-религіозномъ его пониманіи, въ томъ именно и состоитъ, что «бракъ есть святыня вполнѣ и

до дна, безъ всякаго остатка и безъ всякаго исключенія, такъ что въ бракѣ уже нѣтъ мѣста ни для какой мерзости и ни для какой скверны».

Церковь, которая позволила бы грѣхъ ео ipso, въ ту же секунду слилась бы съ нимъ и стала грѣховною Церковью, что невозможно. Бракъ есть таинство; и какъ очень точно было формулировано г. Гатчинскимъ Отшельникомъ («Безсмертные вопросы»), это таинство «выпаривалось бы до чиста», «отъ него бы ничего не оставалось» безъ трактуемаго нами акта; слѣдовательно, пусть даже побочною, но все-таки непремѣнною частью этотъ актъ *включенъ въ таинство, лежитъ въ чашѣ таинства*. Но «*таинство*» во всемъ своемъ пространствѣ свято, не имѣетъ переслоеній съ злымъ, священноотрицательнымъ (Розановъ).

Въ самомъ дѣлѣ? Можно-ли смотрѣть, какъ на нечистоту, на физиологическій моментъ въ бракѣ, когда Церковь *несомнѣнно благословляетъ бракъ, какъ союзъ для цѣлей дѣторожденія*. *Благословлять дѣторожденіе—значитъ благословлять и зачатіе*. А исключить изъ таинства моментъ физиологическій, значитъ несомнѣнно безъ остатка выпаривать таинство, какъ выражался еще Хомяковъ. Фактически отношенія мужчины къ женщинѣ и наоборотъ *грѣховны и стыдны*, но это не потому, что грѣховно и *самое* физическое отношеніе двухъ половъ, нѣтъ оно сдѣлалось грѣховнымъ только посредствомъ извращенія цѣлей и смысла «брачной тайны».

Одинъ праведникъ ветхаго завѣта предъ первую брачную ночью такъ молился вмѣстѣ съ женою своею: «благословенъ Ты, Боже отцовъ нашихъ, и благословенно имя Твое святое и славное во вѣки!.. Ты сотворилъ Адама и далъ ему помощницею Еву, подпорою, жену его. Отъ нихъ произошелъ родъ человѣческой. Ты сказалъ: нехорошо быть человѣку одному: сотворилъ помощника, подобнаго ему. И нынѣ, Господи, я беру сестру мою не для удовлетворенія похоти, но поистинѣ какъ жену: благоволи же помиловать меня и дай мнѣ состарѣться съ нею».

Здѣсь указано, въ чемъ именно состоитъ теперешнее искаженіе святой тайны. Жену стали брать *для похоти, но не поистинѣ, какъ жену*. Единственная цѣль брака—дѣторожденіе отодвинуто въ сторону. *Наслажденіе часто ставится единой цѣлью брака*.

Мало того, человѣчество путемъ вѣкового культивированія половой страсти опустилось здѣсь ниже даже и чисто животной природы.

На это мы указывали уже въ другомъ мѣстѣ (см. ст. „Новое Христіанство“, „Мисс. Обзор.“, окт. 1902 г.).

Человѣчество окончательно исказило чувство брачной чистоты. Циническая пѣсня, циническій романъ, добрачныя сношенія съ женщиной—все это дѣлаетъ для человѣка почти невозможнымъ благоговѣнное и чистое отношеніе къ женѣ, какъ только будущей матери... Но что же слѣдуетъ отсюда? Невозможность чистаго безгрѣшнаго брака? Нѣтъ, *необходимость возвращенія къ безгрѣшной психологій браку*. И только. А Церковь считаетъ возможной *въ своей средѣ* эту безгрѣшную психологій и представляетъ ее въ такихъ приблизительно чертахъ.

— Поскольку брачное единеніе чисто физическое, оно безразлично, внѣ нравственной оцѣнки, бессознательно и, слѣдовательно, не грѣховно.

Но въ человѣкѣ оно всегда осложняется сознаниемъ цѣлей единенія. А такимъ образомъ уже открывается возможность этической оцѣнки факта.

Итакъ чистъ ли онъ?

Мужъ и жена сходятся всегда и обязательно въ цѣляхъ созиданія новой жизни въ дѣтяхъ.

Ребенокъ и любовь къ нему, хотя бы „будущему“, есть съ самаго начала несознанная причина той мистической связи между ними, которая соединяетъ двоихъ въ плоть едину, основа ихъ любви.

Мысль о ребенкѣ необходимо предносится мужу и женѣ въ ихъ отношеніяхъ, конечно, если этотъ бракъ не для похоти.

Высшее напряженіе любви къ будущему творенію „единомысліе душъ и тѣлесъ“ (выраженіе требника), высшее желаніе создать *лучшую себя жизнь*, замѣстителя на аренѣ служенія людямъ и Церкви, и выражается въ полубессознательномъ актѣ единенія.

Безразличный и бессознательный въ той мѣрѣ, поскольку онъ чисто физическій актъ, онъ и здѣсь не перестаетъ быть почти бессознательнымъ, но во внутреннемъ сознаниіи человека не выявлено, т. е., не вполне ясно для него самого

въ эту минуту живетъ альтруистическое стремленіе къ созиданію *человѣка*, и это стремленіе есть положительно нравственное. Радость единенія и есть *экстазъ любви къ будущему ребенку*.

Эта психологія дѣторожденія необходимо измѣняетъ и самый характеръ единенія.

Не правда, будто оно *конецъ любви къ женщине*. Зачѣмъ „это“ для выраженія любви.

Оно конецъ ихъ общаго желанія ребенка и общей любви къ нему. Поэтому-то единеніе и не есть паденіе. Оно не *страстно въ обычномъ смыслѣ слова*. Единеніе, которое является результатомъ накопившагося полового желанія, есть паденіе, потому что оно пробуждается подѣ вліяніемъ дѣятельности воображенія и чувства въ *грѣховномъ направленіи*. „Здѣсь“ (въ истинномъ бракѣ) единеніе безсознательное и неожиданное завершеніе чистыхъ мечтаній о ребенкѣ, а не о женѣ и мужѣ, неожиданное проявленіе воли къ жизни этого ребенка, причѣмъ въ предшествующій моментъ мысль и воображеніе вовсе не направляются къ этому результату.

Но эта психологія—утопія? Такъ не бываетъ? *Можетъ быть, но такъ должно быть*. Это и есть то самое состояніе, какого искалъ въ себѣ св. Алексѣй. И не найдя *его*, онъ ушелъ, ожидая, по житію, когда „благодать устроить между нимъ и ею нѣчто новое“.

Конечно, я вѣрю, что въ христіанствѣ возможно это состояніе: ты долженъ, значить можешь.

Но если такъ, то ясно, какъ серьезень моментъ зачатія человѣка, какового чистаго, подвижническаго настроенія требуетъ такъ понимаемый бракъ, въ какой степени онъ чистъ и безупреченъ.

По требованію Церкви для брака нужно такое святое настроеніе: conditio sine qua non. Для того, чтобы бракъ былъ святъ и ложе нескверно, чтобы отъ „страстнаго не родилось страстное“ ¹⁾, человѣкъ долженъ побѣдить свою страстность—

¹⁾ Мнѣ указывали, что, по апостолу, рожденіе человѣка всегда отъ „похоти мужеска“, т. е., отъ страсти. Не говоря о томъ, что славянское слово похоть не совпадаетъ по смыслу съ русскимъ словомъ похоть, и означаетъ просто желаніе, я полагаю, что по церковному ученію въ христіанскомъ бракѣ дѣти *ради таинства брака* рождаются и „отъ духа“.

„похоть“ даже и въ моментъ зачатія ребенка,—*болѣе всего въ этомъ моментѣ.*

Онъ долженъ не смотрѣть съ вождельніемъ даже на собственную жену.

Огромнымъ напряженіемъ психическихъ силъ человѣкъ долженъ возратить себѣ потерянную невинность, чтобы погасъ въ его взорѣ навсегда огонь похотливаго желанія, желанія, которое всегда не чисто, на какую бы женщину не было направлено.

Это и есть такъ называемое *брачное цѣломудріе*. Ясно, что такая борьба со звѣремъ, съ грѣховной страстностью, выработанной вѣками, отреченіе отъ прежнихъ отношеній къ своей женѣ, какъ предмету наслажденія и собственности, и замѣна ихъ отношеніями безусловно-безстрастнаго характера—есть подвигъ: это есть великое дѣло, оздоравливающее самые источники жизни. Борьба съ грѣхомъ въ бракѣ возвышеннѣйшій типъ аскетическаго дѣланія... оно дѣлаетъ бракъ подвигомъ и личнаго и родового совершенствованія и по физической и по духовной сторонѣ. И, конечно, ясно, что подвигъ здѣсь не чисто духовный, но физическій; *физическое страданіе*.

Этотъ аскетизмъ имѣетъ и внѣшнее выраженіе въ поддержаніи въ періодъ кормленія и беременности.

И достигнутый, хотя относительно, брачный идеаль свѣтелъ и чистъ безконечно.

При чистомъ христіанскомъ бракѣ „дѣвственно-вѣнчанная фата не только не снимается вовсе съ чела, а, наоборотъ, уплотняется“. Цѣломудріе—уваженіе человѣка къ своему полу, молчаливое и бережное отношеніе къ нему, какъ къ ненарушимо-святому въ себѣ, „растетъ и становится сознательнѣе и глубже“ (Розановъ).

Это уже не невинность, а нѣчто даже болѣе высшее-святое. Это идеаль безконечно высшій и чистѣйшій, чѣмъ формальное требованіе жить, какъ братъ и сестра.

Можетъ ли сказать Л. Н., что эти воззрѣнія Церкви *не цѣликомъ проникнуты* истинно-христіанскимъ настроеніемъ и духомъ.

Однако возможна ли такая чистота брака? Да. Не всѣ вмѣщаютъ словеси сего, т. е. чистаго христіанскаго брака, но именно потому то *и есть, и нужно, и должно быть таин-*

ство брака. Оно и создаетъ нужную для брака атмосферу, конечно, когда брачующіеся идутъ навстрѣчу вѣянію Духа.

Смыслъ таинства по его внѣшней сторонѣ превосходно выясненъ (*mutantur tempora*) Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, тѣмъ самымъ, который теперь заявляетъ, будто обрядъ брака ничего не измѣняетъ въ *не святомъ дѣлѣ* брачнаго „сочетанія“. Въ „Аннѣ Карениной“ изображается вѣнчаніе Левина и Кити.

Ему радостно и страшно.

„О еже ниспослатися имъ любви совершеннѣй, мирнѣй и помощи... Господу помолимся...“ Левинъ слушалъ слова, и они поражали его. „Какъ они догадались, что помощи... именно помощи... думалъ онъ, вспоминая всѣ свои и давніе страхи и сомнѣнія. „*Что я знаю? Что я могу въ этомъ страшномъ дѣлѣ, думалъ онъ, безъ помощи?* Именно помощи мнѣ нужно теперь“. Когда діаконъ кончилъ ектенію, священникъ обратился къ обручившимся съ книгой... „Боже вѣчный, растоящееся собравый въ единеніе, союзъ любви положивый“... Какъ глубокомыслящи эти слова, какъ соотвѣтственны тому, что чувствуешь въ эту минуту,—думалъ Левинъ. Чувствуетъ ли она то же, что и я?.. А онъ чувствовалъ въ этотъ моментъ полный разрывъ съ прошлой жизнью, начало новаго бытія...

„Ты бо изъ начала утверди обрученіе ихъ“... Левинъ чувствовалъ, что всѣ мысли о женитьбѣ, о томъ, какъ онъ устроитъ жизнь, и что „это“ что-то такое, что онъ *до сихъ поръ совѣсть не понималъ.*

Кити переиспытывала тоже самое.

Чувство торжественной и свѣтлой радости по мѣрѣ совершенія обряда все больше и больше наполняло ея душу и лишало ея возможности вниманія.

„Молимся... о еже податися цѣломудру и плоду чрева на пользу“... Упоминалось о томъ, какъ Богъ сотворилъ жену изъ ребра Адама „и сего ради оставитъ челоуѣкъ отца своего и матеръ и прилѣпится къ женѣ своей“, и о томъ, что „тайна сія велика есть“.

. . . Все это прекрасно,—думала Кити,—*все это и не можетъ быть иначе*, и улыбка радости сіяла на ея лицѣ.

Левинъ взглянулъ на Кити и никогда онъ не видалъ ее *до сихъ поръ такою* („Анна Каренина“, Т. II, стр. 327).

См. выше 15 строку снизу послѣ словъ *...устроить жизнь слѣдуетъ вставить—„все это—не то“...* Авт.

Что сознаетъ и ощущаетъ Левинъ? Онъ начинаетъ понимать, что бракъ *это больше, чѣмъ онъ представлялъ ранѣе, что въ сущности брачныхъ отношеній есть какая-то тайна, которая хоть однимъ краемъ открылась ему въ эти минуты.* И онъ не только понялъ, но почувствовалъ на себѣ сладостную тяжесть новыхъ отношеній, и откуда-то прихлынувшую силу нести ихъ.

Что это? Не есть ли это прикосновеніе Духа Божія?

Да; конечно.

Одинъ французскій романистъ, много занимавшійся вопросомъ о бракѣ (Прево: „Secret Jardine“), говоритъ устами своей героини:

„Да, это обѣщаніе единенія, данное передъ всѣмъ вслухъ; это соединеніе рукъ въ обрядѣ мѣняетъ психику, дѣйствительно устанавливаетъ какое-то новое сродство душъ. Что это? Богословы,—продолжаетъ она,—назовутъ это дѣйствіемъ благодати таинства“.

Да, назовутъ, и *это есть именно она.* Во всякомъ вѣдь случаѣ благой результатъ, о которомъ говорятъ, есть слѣдствіе вѣнчанія. Кто же скажетъ, что здѣсь только сун, а не прортер. Напомнимъ, что и по словамъ Льва Николаевича бракъ существуетъ только тамъ, гдѣ есть таинство вѣнчанія.

Христось, пишетъ В. В. Розановъ, вѣрилъ Церкви вовсе не институтъ „вѣнчанія“, а институтъ брака, и указалъ беречь чистоту и цѣлость семьи, а не чистоту и цѣлость вѣнчанія.

Какое скорбное недоразумѣніе. Развѣ чистота вѣнчанія, то-есть. чистота, предбрачнаго настроенія не есть чистота брака. Вѣнчаніе имѣетъ цѣлью предупредить вступленіе въ бракъ въ условіяхъ опасныхъ для святости всей слѣдующей жизни, а вмѣстѣ имѣетъ цѣлью вызвать *благословеніе* Божіе и *помощь для всего послѣдующаго брачнаго пути.*

Не можетъ же не знать г. Розановъ, что благодать брака есть сила, дѣйствующая, по ученію Церкви, на всемъ протяженіи брачной жизни. Вѣнчаніе—не *разрѣшеніе на бракъ*, а сообщеніе силы длительной, дѣйствующей въ семьѣ и творящей семью.

Можно ли послѣ этого цѣлость вѣнчанія противополать браку.

Уяснивъ теперь, насколько можно, святость брака, сдѣлаемъ справку, правда ли, что нельзя считать его Христовымъ учрежденіемъ. Будемъ кратки.

„Приступили ко Христу фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причинѣ позволительно человѣку разводиться съ женою своею. Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: не читали ли вы, что Сотворившій въ началѣ мужчину и женщину, сотворилъ ихъ (Быт. 1, 27)? И сказалъ: посему оставитъ человѣкъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два одною плотію (Быт. 2, 24). Такъ что они уже не двое, но одна плоть. Итакъ, что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ“. Не очевидно ли для всякаго, что въ этихъ словахъ нашего Спасителя бракъ признается божественнымъ учрежденіемъ? Если бы Христосъ считалъ бракъ грѣхомъ и паденіемъ, Онъ конечно заявилъ бы, что въ бракъ не слѣдуетъ вступать. Здѣсь совсѣмъ другое. Господь Иисусъ Христосъ, что особенно важно, не ограничился только ссылкой на слова Библии, но и разъяснилъ, что въ бракѣ таинственно соединяются двое въ одно духовное цѣлое, и что никакой человѣкъ не въ правѣ посягать на бракъ. Этимъ Иисусъ Христосъ съ Своей стороны, какъ Основатель христіанской религіи, санкціонируетъ бракъ и объявляетъ его одною изъ принадлежностей ея, какъ таинство. Дѣйствія Спасителя въ отношеніи къ браку и къ плоду брака—дѣтямъ служатъ новымъ подтвержденіемъ этого. Графъ Толстой молчитъ не безъ умысла и о томъ важномъ, но непріятномъ для него обстоятельствѣ, что Господь Иисусъ Христосъ благоволилъ присутствовать въ Канѣ Галилейской при бракосочетаніи и совершилъ здѣсь первое изъ чудесныхъ дѣлъ Своихъ. Православная Церковь справедливо усматриваетъ здѣсь благословеніе Иисусомъ Христомъ брачнаго союза, и Хомяковъ вполне правъ, ставя этотъ фактъ въ параллель съ фактомъ перваго узаконенія брака. Въ самомъ дѣлѣ, если бы бракъ не былъ въ очахъ Спасителя дѣломъ добрымъ, развѣ Онъ рѣшился бы авторизовать его Своимъ присутствіемъ и совершеніемъ чуда? Отъ того, что само по себѣ дурно; Иисусъ Христосъ или отвращался, или прямо и публично называлъ его дурнымъ. Справедливо высокопреосвященный Никаноръ придаетъ особое значеніе и тому обстоятельству, что Иисусъ Христосъ, вслѣдъ за

рѣчью Своей о бракѣ, какъ учрежденіи Божіемъ, совершаетъ благословеніе дѣтей и говоритъ: не препятствуйте имъ приходить ко Мнѣ, ибо таковыхъ есть царство небесное. Въ Канѣ Галилейской Иисусъ Христосъ благословилъ самый бракъ, а здѣсь—дѣтей, какъ плодъ брака. Будучи плодомъ брака, какъ Божія учрежденія, дѣти объявляются чадами не земного только, но и небеснаго царства. Какъ же съ этими словами Спасителя о бракѣ и съ Его дѣйствіями въ отношеніи къ браку и къ дѣтямъ вяжется мысль гр. Толстого, будто бы бракъ не есть христіанское учрежденіе и даже не можетъ быть таковымъ? (Гусевъ. *О бракѣ и безбрачіи* противъ „Крейц. Сон.“, стр. 101).

Въ связи съ общимъ ученіемъ о бракѣ состоятъ у Льва Николаевича два частныхъ тезиса, которымъ мы должны теперь отдать свое вниманіе. Эти тезисы таковы:

а) „Въ совершеніи таинства брака надъ людьми, завѣдомо соединившимся прежде, я вижу прямо нарушеніе и смысла и буквы Евангелія“.

б) Бракъ нерасторжимъ ни по какой причинѣ.

Итакъ, прежде всего бракъ закрывается для тѣхъ, кто потерялъ до брака свою чистоту?

Евангеліе это или книжничество?

Нѣтъ не Евангеліе. „Всякое паденіе устанавливаетъ бракъ?!“

Нѣтъ сомнѣнія, что фактъ соединенія съ женщиной долженъ влечь за собой извѣстныя обязательства.

Кто бы ни была женщина, человѣкъ вступившій съ ней въ связь, обязанъ взять на себя отвѣтственность за то, что было... Онъ *преступникъ противъ ея души*. Его дѣло—есть величайшее преступленіе, убійство чужой души, и преступникъ долженъ искупить свое дѣло, сдѣлать все, чтобы поднять загубленную душу.

Нѣтъ сомнѣнія, что если человѣкъ, вступившій въ соединеніе даже съ проституткой, дастъ ей разводное письмо въ видѣ сторублевой ассигнаціи, „онъ повиненъ суду и гееннѣ огненной, ибо творить ю прелюбодѣйствовати“... Онъ долженъ сдѣлать все, чтобы спасти ее изъ грязи; если онъ можетъ содѣйствовать этой цѣли возрожденія бракомъ—это

его обязанность. И Церковь будетъ молиться, чтобы единеніе было „бракомъ о Господѣ“.

„Нехлюдовъ, согрѣшивъ съ горничной Катериной Масловою и почувствовавъ свою вину предъ нею, сдѣлалъ несомнѣнно хорошо, когда отказался отъ брака съ другою женщиною. Что онъ въ искупленіе вины своей предъ погубленнымъ имъ человѣкомъ послѣдовалъ за нею на каторгу, это его огромный подвигъ, и если бы вся наша молодежь воспиталась въ убѣжденіи, что согрѣшившій съ одною незамужнею женщиною лишается нравственнаго права на другую, это былъ бы большой прогрессъ нравственный въ жизни нашего общества“ (Арх. Андрей) ¹⁾.

Но далѣе. Если сношеніе со всякой женщиною дѣлаетъ человѣка соучастникомъ въ судьбѣ, то слѣдуетъ ли отсюда, что паденіе дѣлаетъ недоступнымъ для человѣка святая радости семьи?

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Конечно, нечистая жизнь до брака всегда будетъ не только пятномъ, но язвой, *раной на совѣсти*. Пропшая болѣзнь совѣсти сдѣлаетъ трудными истинно-христіанскія отношенія супруговъ. *Вкусившій отъ древа познанія зла, не достоинъ древа жизни*. Но нужно поднимать павшаго, а не помогать ему падать.

Церковь обязательно спрашиваетъ, нѣтъ ли у брачущагося обязательствъ къ кому-нибудь? Это узаконено нашимъ требникомъ. Не обѣщался ли еси иной? Это не значить, не давалъ ли человѣкъ формальнаго обѣщанія жениться на другой женщинѣ; нѣтъ, его спрашиваютъ: *не вступалъ ли ты въ отношенія, такъ или иначе обязующія съ другою женщиною*.

Если да,—бракъ невозможенъ, пока обязательство не будетъ погашено, конечно, не ассигнаціей. Если же этихъ обязательствъ нѣтъ, то грѣхъ паденія не сдѣлаетъ невозможнымъ бракъ. Церковь вѣрнѣе въ силу покаянія, совершенно

¹⁾ Но, конечно, такой *бракъ станетъ бракомъ только тогда, когда цѣли и задачи сожитія измѣнятся въ самомъ корнѣ*. И Церковь освятитъ сожитіе при условіи, что его впередъ сдѣлаютъ по существу чище и свѣжѣе. До этихъ поръ, т. е., до церковнаго освященія и нравственнаго оздоровленія связи, продолженіе брачныхъ сношеній не только будетъ *не желаннымъ*, а даже большимъ паденіемъ, чѣмъ первое паденіе. Объ этомъ мы скажемъ немного послѣ.

уничтожающую не отвѣтственность за грѣхъ, но и самое поврежденіе совѣсти.

Поэтому и здѣсь она молится о прощениі прошлаго грѣха и призываетъ благодать Божію, благословляетъ на подвигъ возрожденія путемъ брачнымъ...

А разводъ? То, что говорить о разводѣ графъ Л. Н., стоитъ въ связи съ его ученіемъ о томъ, что паденіе, разъ совершившись, создаетъ бракъ. „Падетъ человекъ, и это паденіе устанавливаетъ бракъ нравственный, а этотъ бракъ долженъ быть нерасторжимъ“. Трудно представить что-нибудь болѣе книжническое и циническое, чѣмъ этотъ взглядъ. И такъ выходитъ, что первое паденіе дѣлаетъ прощительнымъ слѣдующее паденіе?

Въ этомъ пунктѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, ясно огромное, страшное превосходство нравственнаго ученія христіанства сравнительно съ нравоученіемъ реформатора.

Христіанство требуетъ цѣломудрія и въ бракѣ... Страстныя отношенія къ женщинѣ, желаніе ея, *внѣ желанія дѣтей* и инстинктивнаго психофизическаго влеченія, есть блудодѣянiе и въ бракѣ, предусмотрѣнное церковными канонами.

Сожитіе между людьми, потерявшими тайну любви и нравственныхъ отношеній, уже невозможно.

Ясно поэтому, что разъ совершено прелюбодѣянiе, измѣна, то здѣсь съ церковной точки зрѣнія разводъ уже фактъ состоявшійся. Сожитіе потеряло свой нравственный смыслъ. Правда, сожитіе можетъ быть восстановлено раскаяніемъ согрѣшившаго или согрѣшившей. Но если этого нѣтъ, сожитіе становится уже блудомъ.

Пусть разводъ можетъ повлечь дѣйствительно дурную жизнь одного изъ супруговъ, но это проблематично.

Продолженіе брачной жизни (какъ требуетъ Толстой) съ человекомъ, съ которымъ окончательно порваны чистыя отношенія христіанскихъ жены и мужа, уже не будущее, а циническое настоящее.

„Бракъ, пишетъ не разъ цитуемый нами арх. Андрей, есть нравственное обязательство жить свято, и нарушеніе обязательства этого нарушаетъ и самый бракъ; бракъ по существу своего опредѣленія разрушается самымъ грѣхомъ прелюбодѣянiя. Разводъ же есть уже констатированіе только факта, есть дѣло второстепенное, по своей формальной сто-

ронѣ уже неважное и къ существу дѣла, къ церковному такъ сказать, несчастію, т. е. грѣху, хотя бы и отдѣльнаго члена Церкви, мало относящееся“¹⁾).

„Святой союзъ, установленный Создателемъ, не можетъ быть расторгнутъ безъ грѣха человѣческой волею; но грѣхъ прелюбодѣянiя расторгаетъ этотъ союзъ, потому что есть прямое его отрицаніе. Мужъ, который сталъ для своей жены однимъ изъ мужчинъ; жена, которая стала для своего мужа одною изъ женщинъ,—не суть уже и не могутъ быть въ глазахъ Церкви мужемъ и женою“ (Хомяковъ).

Мы кончили.

Не ясно ли, гдѣ истина? Она въ Церкви. И потому потеря Церкви—здѣсь потеря истины.

Ученіе графа—книжническій, фарисейскій, холодный мизантропизмъ, законническое преклоненіе предъ буквой, убившей духъ.

„Невѣріе въ истину Церкви, утративъ истинное понятіе, понятіе о вещахъ духовныхъ, лишилось и разумѣнія земныхъ формъ человѣческаго бытія. Въ Церкви все держится одно съ другимъ и взаимно одно съ другимъ вяжется. Въ Церкви все—и величаявая святость добровольнаго дѣвства, наполненная радостей, и святость супружества, строгая святость вдовства, все это необходимо убивается рационализмомъ „отъединеннаго“ эгоистическаго сознанія. Жизнь человѣка теряетъ украшающій ее—вѣнецъ“ (ср. Хомякова, стр. 142).

Идеаль брака, начертанный нами, высокъ. Но есть ли вмѣщающіе его? Не осталось ли таинство брака только въ идеаль и въ катихизисѣ. *Человѣку, даже пророку, не дано все-вѣдѣніе*. Пророкъ Илья думалъ, что онъ одинъ вѣрующій во Израиль, и вотъ къ нему явился Господь и сказалъ:.. *кромя тебя еще 7 тысячъ израильтянъ не преклоняли колѣнъ передъ Вааломъ*.

Духъ дышетъ, идѣже хошетъ.

Иером. *Михаилъ*.

¹⁾ Андрей Владиміровъ. О святыхъ таинствахъ церковныхъ противъ новой о нихъ лжи. Казань, 1902.

П. Д. Боборыкинъ и русское сектантство.

(По поводу повести Боборыкина „Исповѣдники“, „Вѣстникъ Европы“, январь-апрѣль 1902 г.).

I.

В ОЛГЕ четверти вѣка русское общество, начиная отъ верхнихъ до нижнихъ слоевъ, мятется, куда-то стремится, чего-то ищетъ и, повидимому, не находитъ. Броженіе это совершается, по преимуществу, на религіозной почвѣ: всѣ ищутъ того, „чѣмъ люди живы“. Если мы оглянемся нѣсколько назадъ, то предъ нами, какъ въ калейдоскопѣ, промелькнетъ цѣлый рядъ теченій, охватившихъ въ послѣдней четверти истекшаго столѣтія почти всю святую Русь. Конецъ шестидесятыхъ и начало семидесятыхъ годовъ выдвигаетъ на югъ Россіи *штунду*; въ срединѣ семидесятыхъ годовъ въ нашей сѣверной Пальмирѣ въ высшемъ обществѣ является *Лордъ Редстокъ* и своими проповѣдями производитъ цѣлую сенсацію въ аристократическихъ кругахъ; отсюда волна *редстокизма* начинаетъ проникать и въ простой народъ. На смѣну *Лорда-апостола* является гвардейскій полковникъ, богатый землевладѣлецъ Пашковъ, устремившій свое вліяніе преимущественно на простой народъ и создавшій секту подъ именемъ *пашковщины*. Въ 80-хъ годахъ, мы видимъ, пашковщина широкой волной охватываетъ магушку-Русь и протягиваетъ руку общенія уже окрѣпшему и глубоко разлившемуся по юго-востоку и юго-западу Россіи штундизму. Въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ появляется на сцену жизни *толстовство* и проникаетъ не только въ интеллигентные слои, но и въ народъ. Мало этого: оно смѣшивается съ рационалистическимъ нашимъ сектантствомъ и на югъ, и въ центрѣ, и на сѣверѣ Россіи; проникаетъ даже въ Закавказье къ духоборамъ, при этомъ

съ тенденціей сдѣлать переворотъ во всемъ сектантскомъ мірѣ. Въ 90-хъ годахъ въ области литературы и искусства выдвигается новое, вполне оригинальное явленіе, именуемое *декадентствомъ*, съ мистико-религіозной окраской, и потому характеризуемое какъ *эстетическое богоискательство*. Все это вмѣстѣ взятое породило въ обществѣ и народѣ хаосъ; въ религіозномъ отношеніи замѣчается броженіе мысли и шатаніе умовъ изъ стороны въ сторону.

Такое-то наслѣдіе истекшей 19-й вѣкъ завѣщало настоящему 20-му вѣку. Явленіе это вызвало сочувствіе и вниманіе къ себѣ извѣстной части интеллигенціи и стало предметомъ научныхъ изысканій и обсужденій какъ въ повременной, такъ и въ ежедневной прессѣ, — и заставило быть насторожѣ Церковь и государство. И наша изящная литература, всегда весьма чуткая ко всякаго рода теченіямъ и броженіямъ какъ въ народѣ, такъ и среди интеллигенціи, начала черпать изъ этого источника для себя содержаніе.

Въ послѣднее время нашъ извѣстный писатель П. Д. Боборыкинъ, съ отзывчивостью опытнаго беллетриста, посвятилъ свои силы изученію этого движенія на Руси, во всей его совокупности, и подарилъ русской литературѣ интересную, широкую по своему замыслу, отчасти и по выполненію, повѣсть, такъ сказать, на злобу дня, подъ заглавіемъ: *Исповѣдники*.

Приступая къ чтенію *боборыкинскихъ исповѣдниковъ*, мы надѣялись въ этой повѣсти встрѣтить, въ художественныхъ образахъ, картинахъ и краскахъ, вѣрное воспроизведеніе современнаго религіознаго движенія на Руси. Мы были увѣрены, что авторъ, отличающійся наблюдательностью и проникательностью, отзывчивостью и умѣнемъ подмѣтить новыя теченія въ обществѣ и народѣ, въ своемъ трудѣ воспроизведетъ полную картину современнаго броженія на Руси со всей художественной правдой, расширить горизонтъ нашего пониманія современныхъ теченій въ религіозной области, при этомъ объективно, безъ предвзятой мысли, безъ тенденціозности, уяснить намъ сущность этого явленія и ввести насъ, такъ сказать, въ лабораторію, въ самое горнило народной мысли, стремящейся къ раскрытію и уясненію вѣковѣчныхъ истинъ челоувѣческаго духа, трактующихъ о томъ, *чѣмъ люди живы*. Къ сожалѣнію, надежды наши не оправдались.

Боборыкинъ въ своей повѣсти „Исповѣдники“ развертываетъ предъ читателемъ цѣлую панораму событій изъ религіозно-сектантской жизни и мысли общества и народа и изображаетъ цѣлый рядъ теченій послѣдняго времени; но при этомъ всѣ эти явленія онъ трактуетъ, какъ готовые уже факты, вылившіеся въ опредѣленную форму, не касаясь самаго процесса ихъ формировація и развитія. Мало этого. Къ сожалѣнію, мы должны еще констатировать фактъ, что авторъ при изображеніи событій и вообще фактической стороны въ своей повѣсти чуждъ объективности и безпристрастія, условій столь необходимыхъ въ дѣлѣ творчества и составляющихъ непремѣнную принадлежность, такъ сказать, основу всякаго художественнаго произведенія,—и весь свой трудъ освѣщаетъ съ точки зрѣнія тенденціозно предвзятой имъ мысли, которая и служитъ основной идеей всего его произведенія, и къ которой онъ, *volens-nolens*, направляетъ всѣ свои симпатіи. Таковой идеей является *свобода совѣсти*, т. е., право каждаго имѣть свое *credo*, свою вѣчную правду, насколько она присуца душѣ человѣка, своего Бога, какъ онъ Его разумѣетъ, и исповѣдывать ихъ свободно, т. е., *открыто всегда и вездѣ* (Вѣстн. Евр., янв. 22, 23 стр.). Эта идея, вложенная авторомъ въ уста Булашова, одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, является альфой и омегой всей разсматриваемой нами повѣсти и проходитъ чрезъ нее красной нитью. Въ повѣсти все направлено къ раскрытію этой идеи и все сводится къ одной этой только мысли; не будь ея, повѣсть потеряла бы всякій смыслъ. Какъ кривое зеркало неправильно отражаетъ въ себѣ предметы, такъ и всякое тенденціозное произведеніе, будетъ-ли оно научное или литературно-художественное, не можетъ претендовать на истину и всегда будетъ изображать трактующимъ имъ предметъ въ утрированномъ видѣ. Это-то положеніе вполнѣ приложимо и къ повѣсти Боборыкина „Исповѣдники“. Боборыкинъ въ своемъ произведеніи настолько извращаетъ истину и даетъ такое односторонне-тенденціозное освѣщеніе фактической сторонѣ, что повергаетъ въ крайнее недоумѣніе безпристрастнаго читателя. Само собою разумѣется, что и художественная сторона произведенія вслѣдствіе этого значительно теряетъ свою цѣнность.

II.

Переходя къ ближайшему разсмотрѣнію *элементовъ* боборыкинской повѣсти, мы должны сдѣлать замѣчаніе общаго характера. Въ художественномъ произведеніи нашего писателя почти что отсутствуетъ фабула; повидимому, въ немъ нѣтъ главнаго зерна, въ которомъ все должно сосредоточиваться, и къ раскрытію котораго все должно направляться. Вниманію читателя авторъ предлагаетъ цѣлый рядъ картинокъ и выводитъ немалое число лицъ, группъ и дѣйствій, *разнообразныхъ по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ*, на первый взглядъ не имѣющихъ ничего общаго между собою и не связанныхъ другъ съ другомъ; при этомъ предъ глазами читателя быстро мелькаетъ, какъ въ калейдоскопѣ, одно дѣйствіе за другимъ, одна группа явленій быстро и эффектно смѣняется другой, не оставляя въ душѣ его глубокаго впечатлѣнія. Невольно даже напрашивается вопросъ, повѣстели „боборыкинскіе *исповѣдники*“, или это только рядъ художественныхъ картинъ, представляющихъ изъ себя изящную амальгаму? Не лишне оговориться, что впечатлѣніе отъ разсматриваемой повѣсти получилось бы иное, болѣе выгодное, если бы авторъ, всѣ выведенныя имъ лица и дѣйствія органически связалъ между собою, глубже проанализировалъ и болѣе безпристрастно освѣтилъ ихъ. Правда, всѣ лица и дѣйствія въ „Исповѣдникахъ“ проникнуты одной идеей, однимъ стремленіемъ видѣть вездѣ и повсюду „свободу совѣсти“, но все это сдѣлано, хотя и умѣлой рукой, но какъ-то искусственно, ходульно, неестественно. По прочтеніи повѣсти, получается тяжелое, непріятное впечатлѣніе. Вопросы, затронутые авторомъ, не только не разрѣшены, но и неправильно освѣщены, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ тенденціозно извращены. Это обстоятельство порождаетъ въ читателѣ, знакомомъ съ предметомъ повѣсти, чувство недовольства и неудовлетворенности и навѣваетъ на него грустныя, чтобы не сказать больше, размышленія...

Однимъ изъ видныхъ персонажей, если не самымъ главнымъ, нужно признать Булашова, вокругъ котораго, какъ возлѣ центральной фигуры, сосредоточиваются почти всѣ дѣйствія повѣсти. Интересно посмотрѣть, что это за личность,

чѣмъ онъ живетъ, и какое его *credo*, выражаясь языкомъ боборыкинскихъ исповѣдниковъ.

Боборыкинъ съ цѣлью придать больше яркости и оригинальности своему герою производить его отъ отца, посвятившаго свои силы на служеніе религіознымъ потребностямъ народнаго духа, ставшаго вождемъ и руководителемъ сектантскаго движенія и стяжавшаго потому широкую извѣстность среди сектантскаго міра и интеллигенціи (Вѣстн. Евр., I кн. 10, 22 стр. IV к. 461 стр.). Въ повѣсти онъ выводитъ его уже вполне сформировавшимся, съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ и устоями, дѣятелемъ. Какъ питомецъ Петровско-Разумовской академіи и какъ землевладѣлецъ, Булашовъ долженъ былъ бы „сѣять“ на землю; но онъ этого не сдѣлалъ только ради свободы. Эту любовь къ свободѣ въ практической жизни онъ перенесъ и въ область религіознаго міровоззрѣнія. Самъ онъ объ этомъ такъ говоритъ: „Выше всего для меня свобода моей совѣсти. Она должна создать себѣ свой идеаль, свое *credo*, свою вѣчную правду, насколько она доступна человѣку. И эта свобода совѣсти—мой культъ не для меня одного, но для всѣхъ. Пускай всякій имѣетъ своего Бога и свою правду, какъ онъ ихъ разумѣетъ; но чтобы онъ воленъ былъ исповѣдывать ихъ *открыто всегда и вездѣ*“ (Вѣстн. Евр., I кн. 22 стр.). Вполнѣ потому естественно и логично, что Булашовъ, держась точки зрѣнія абсолютной свободы совѣсти въ дѣлѣ вѣры, является необыкновенно отзывчивымъ ко всякаго рода религіознымъ броженіямъ среди народа и всѣ свои симпатіи устремляетъ въ эту именно сторону. При этомъ онъ съ философскимъ равнодушіемъ одинаково относится ко всѣмъ сектантскимъ обществамъ различныхъ толковъ (штундистамъ и молоканамъ, пашковцамъ и толстовцамъ); тѣ и другіе для него—друзья; тѣмъ и другимъ онъ съ одинаковою готовностью протягиваетъ руку помощи. Правда, онъ не беретъ на себя активной роли руководителя сектантскаго движенія и стоитъ какъ бы въ сторонѣ; не принимая участія въ пропагандѣ; но въ нуждѣ оказываетъ ему всяческую поддержку: то, мы видимъ, онъ въ голодный годъ ѣдетъ въ глушь въ сектантскіе районы и принимаетъ дѣятельное участіе въ покупкѣ хлѣба, капусты и хрѣну; то онъ выступаетъ ходатаемъ за сектантовъ предъ представителями власти, суда и адвокатуры, аттестуетъ предъ ними

сектантовъ, какъ лучшихъ людей, при этомъ страждущихъ невинно, и старается косвенными и прямыми путями облегчить ихъ участь. И все это дѣлаетъ онъ безкорыстно, даже съ немалыми съ своей стороны матеріальными тратами!

Всякое сектантство въ нашемъ народѣ, поскольку оно ведетъ къ удовлетворенію высшихъ потребностей души человѣка и способствуетъ выработкѣ своего пониманія истины и своихъ способовъ спасенія, насколько оно помогаетъ „богоисканію“ и созданію своей вѣры, своего сгедо, и насколько оно пролагаетъ путь къ свободѣ своей совѣсти, настолько находитъ себѣ сочувствіе и откликъ въ душѣ Булашова. Не принадлежа лично ни къ какой категоріи сектантства, онъ открыто признаетъ, что каждая религія, выражаясь языкомъ же исповѣдниковъ, ведетъ ко спасенію, взыскуетъ просвѣтленіе и трепетно уповаетъ на безусловную правду своихъ завѣтовъ (Вѣстн. Евр., IV кн. 512 стр.); иначе говоря, что въ каждой религіи есть своя доля правды. Для болѣе яркой иллюстраціи религіознаго міровоззрѣнія Булашова позволимъ себѣ привести цѣликомъ небольшую выдержку изъ конца повѣсти. Въ этомъ мѣстѣ изображается встрѣча Булашова въ Кремлѣ, въ Москвѣ, съ однимъ инородцемъ, по имени Будда, и рассказывается, какія размышленія она вызвала потомъ у нашего героя.

— Вѣдь васъ зовутъ Будда?—спросилъ съ усмѣшкой Булашовъ.

— Такъ точно. Будда Балдановичъ Балдановъ.

— Великое имя!—тихо воскликнулъ Булашовъ. Вашъ, значитъ, „ангелъ“, какъ у насъ говорятъ?

— Совершенно вѣрно. Ха, ха! Помнить надо, чье имя носишь. Ежели что неладное подумаешь или сдѣлать соберешься,—сейчасъ и вспомнить надо, чье имя дали тебѣ. Всего хорошаго!

Иностранецъ повернулъ на Никольскую. Булашовъ спустился къ Воскресенскимъ воротамъ.

Онъ двигался медленно по дорогѣ въ гостинницу и взялъ, пройдя мимо часовни „Иверской“ чрезъ площадь, къ главной аллеѣ Александровскаго сада.

Вошелъ туда и присѣлъ на одну изъ ближайшихъ скамей.

Эта неожиданная встрѣча съ „Буддой“—съ русскимъ инородцемъ ламайской вѣры—потянула его мысль далеко

далеко... и подняла въ немъ опять то чувство, что онъ сейчасъ испыталъ тамъ въ Кремлѣ.

— Необъятно его отечество!.. Необъятно—не однимъ странствомъ. Сколько вѣрѣ въ его народахъ! Индія, Палестина, Сибирская тайга... И проповѣдь Сакъ-я-Муни, и дремучій фетишизмъ шаманства, и хоръ исповѣдниковъ Иисуса „Назоря“,—все взыскуетъ просвѣтленія, все трепетно уповаеъ на безусловную правду своихъ завѣтовъ...

Духъ захватываетъ!

Глаза его обратились влѣво.

На свѣтло-синемъ небѣ выступалъ огромный золотой куполь храма „Спаса“, и алмазная искра горѣла на его вышкѣ.

И припомнилось Булашову слово „спасеніе“ въ простонародномъ говорѣ „евангелика“ Василя... *Его* всѣ ждутъ, каждый по своему“ (Вѣстн. Евр., IV кн. 512 стр.)...

Скажите, читатель, какъ иначе можно назвать міровоззрѣніе нашего героя, какъ не религиознымъ эклектизмомъ, притомъ полнымъ безразличія и равнодушія къ истинѣ? Здѣсь, къ великому изумленію нашему, мы видимъ, что въ внутреннему своему содержанію христіанство (Палестина), буддизмъ (Индія) и шаманство (Сибирская тайга) Булашовымъ совершенно приравниваются между собою и ставятся имъ на одну доску, и что буддисты, шаманы—фетишисты и сектанты (хоръ исповѣдниковъ Иисуса Назоря) въ равной степени достигаютъ своей цѣли, такъ какъ всѣ они одинаково жаждутъ *Его*, но только каждый по своему. Въ этомъ безумномъ эклектизмѣ, повидимому, и заключается квинтъ-эссенція, сущность, самая истина религиознаго міровоззрѣнія нашего героя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самого автора „Исповѣдниковъ“, вкладывающаго въ уста Булашова свои идеалы и свое міросозерцаніе. Если бы когда-либо религиозное міровоззрѣніе, проповѣдуемое устами Булашова, выработалось въ опредѣленную систему, то исторія религіи отвела бы ему въ своей классификаціи, и вполнѣ по достоинству, одно изъ послѣднихъ мѣстъ! Непосредственный читатель, ознакомившись съ этимъ уродливымъ міровоззрѣніемъ, съ ужасомъ воскликнетъ: едвали можно было договориться до большаго абсурда, г. Боборыкинъ! Намъ было бы скучно, къ тому-же и бесполезно заниматься анализомъ религиозныхъ воззрѣній главнаго героя повѣсти Булашова (читай и Боборыкина), если бы оно было единичнымъ явленіемъ;

но мы съ грустью должны констатировать прискорбный фактъ, что Булашовъ—это типъ изъ категоріи исповѣдниковъ, воплощенное олицетвореніе религіознаго міровоззрѣнія многихъ и многихъ изъ нашей интеллигенціи!

Боборыкинъ, характеризуя дѣятельность своего героя, часто предпринимающаго путешествія то въ Петербургъ и Москву, то въ деревенскую глушь къ сектантамъ, то на югъ Россіи—въ Кіевъ и Одессу, въ шутку называетъ его *коммуволяжоромъ по сектантскимъ дѣламъ*! Это шутливое, вмѣстѣ съ тѣмъ и остроумное названіе, по нашему мнѣнію, вполне къ лицу Булашову, и примѣнено къ нему весьма удачно: оно, вполне достойное нашихъ поборниковъ безусловной разнужданной свободы совѣсти, превосходно и мѣтко характеризуетъ ихъ религіозное міровоззрѣніе, „какъ коммуволяжорское“.

Вотъ этотъ-то герой, очерченный нашимъ романистомъ такими штрихами, входитъ въ самое тѣсное соприкосновеніе со всѣми дѣйствующими лицами повѣсти и старается направить теченіе событій сообразно своимъ вкусамъ и воззрѣніямъ; но все это дѣлаетъ такъ тонко, пронизательно, безъ всякаго видимаго насилія надъ чужими мыслями и чувствами, что приходится только удивляться! Словомъ, Булашовъ—это типъ боборыкинской эластичности въ области религіозно-философскихъ воззрѣній и житейско-практическихъ взаимоотношеній.

III.

Боборыкинъ удѣляетъ въ своей повѣсти особливо-нароचितое вниманіе расколо-сектантскому міру, его состоянію и современнѣмъ его теченіямъ. Съ этой цѣлью онъ весьма подробно изображаетъ предъ читателями въ картинахъ и образахъ жизнь этого міра. Въ повѣсти мелькаетъ цѣлый рядъ личностей изъ сектантскаго міра различныхъ оттѣнковъ и направленій: среди нихъ можно усмотрѣть пашковцевъ (Петербургскій ремесленникъ Суздальцевъ), толстовцевъ (Топорковъ интеллигентъ, живущій вблизи народа), молоканъ, штундистовъ, баптистовъ, раскольниковъ-старообрядцевъ. Не довольствуясь изображеніемъ отдѣльныхъ личностей, авторъ выводитъ на сцену цѣлыя сектантскія общины съ ихъ религіозными собраніями (богомоленіями) и бытомъ вообще, и старается указать даже

вѣроисповѣдныя особенности каждой сектантской общины. При этомъ нашъ писатель, какъ и слѣдовало ожидать, о всѣхъ явленіяхъ расколо-сектантскаго міра трактуетъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія: онъ всѣхъ вожаковъ сектантскихъ и цѣлыя сектантскія общины аттестуетъ съ *наилучшей* стороны, какъ людей безусловно честныхъ, высоко-нравственныхъ, проникнутыхъ безусловной преданностью своей сектѣ и стойкихъ въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, смысленныхъ, разсудительныхъ, умныхъ и въ общемъ несравненно больше, чѣмъ православные, благоденствующихъ и въ матеріальномъ отношеніи. Правда, авторъ слегка и какъ бы вскользь восхваляетъ „сектантскій“ міръ, желая сохранить объективность бытописателя, но это ему не удается: тенденція его и утрировка при изображеніи имъ фактовъ и лицъ сквозитъ на каждомъ шагу. Наша мысль еще рельефнѣе подтвердится, если мы сравнимъ, какъ онъ относится къ *не расколо-сектантской средѣ*. Въ повѣсти выводится цѣлый рядъ лицъ „иного лагеря“, съ которыми такъ или иначе входитъ въ соприкосновеніе расколо-сектантство, это: петербургскіе сановники, присяжные засѣдатели, эксперты, полицейскіе чины, православные священники, и всѣ они, въ противоположность сектантамъ, изображены далеко въ неприглядномъ свѣтѣ и обрисованы несимпатичными чертами.

Само собою разумѣется, что такое тенденціозное отношеніе къ такимъ явленіямъ и отсутствіе объективности въ дѣлѣ творчества не дѣлаетъ чести автору „Исповѣдниковъ“ и приводитъ къ довольно печальнымъ результатамъ: художественное его произведеніе въ значительной степени теряетъ свою цѣнность. Нужно только удивляться Боборыкину, не новичекъ же онъ въ дѣлѣ писательства, и, конечно, твердо знаетъ эту азбучную истину, но у него, какъ первороднаго сына либеральнаго интеллигентнаго лагеря, тенденціозность побѣдила творчество.

Переходя къ подробной характеристикѣ отдѣльныхъ группъ расколо-сектантства, мы прежде всего остановимъ свое вниманіе на старообрядческомъ расколѣ.

Напередъ можно было предвидѣть, что Боборыкинъ будетъ трактовать старообрядческій расколъ съ *либеральной* точки зрѣнія, царившей въ свѣтской литературѣ семидеся-

тыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. И, дѣйствительно, мы видимъ, что нашъ писатель повторяетъ, думая, что онъ Америку открываетъ, такъ называемый *щаповскій взглядъ*, усвоенный въ свое время нашими публицистами извѣстнаго типика и долго не сходящей со столбцовъ періодической печати. Очевидно, авторъ не знаетъ, что этотъ взглядъ нынѣ уже не выдерживаетъ критики съ научной точки зрѣнія и не только отвергнуть наукою расколовѣдѣнія, но и не принять старообрядцами! Намъ думается, что повторять далѣе беллетристу тѣ лементациі на счетъ раскола, которыя двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ привлекали къ себѣ вниманіе своею оригинальностью, хотя и беспочвенной, въ настоящее время и не остроумно, и не интересно; но и тутъ сказался въ авторѣ истовый „интеллигентъ“, который никогда ничего либерально-тенденціознаго не забываетъ и ничего новаго, идущаго въ разрѣзъ съ либерализмомъ, не принимаетъ.

Къ щаповскому воззрѣнію на расколъ авторъ привнесъ еще нѣчто новое изъ такъ называемыхъ либеральныхъ воззрѣній послѣдняго времени. По Боборыкину, раскольники-старообрядцы являются „членами свободной Церкви безъ всякаго изуверства, преданность же ихъ буквѣ—это ихъ способъ отстаиванія традиціи. Когда станутъ больше знать, стряхнуть съ себя и буквоѣдство, а самостоятельность сохранять... Въ послѣднее время они не боятся мірщенія... всякимъ достойнымъ человѣкомъ, даже и съ церковнымъ“ („Вѣстн. Евр.“ I кн., стр. 38, 39, 40). На этой почвѣ и выросло, по мнѣнію Боборыкина, сочувствіе къ расколу нашей интеллигенціи!

Авторъ „Исповѣдниковъ“ вывелъ на сцену двухъ интеллигентовъ, сочувствующихъ расколу старообрядчества и въ ихъ уста вложилъ все, что только имѣется въ нашей либеральной прессѣ въ пользу тѣхъ, *кто ходитъ по старинкѣ*. Небезынтересно послушать этихъ апологетовъ старообрядческаго раскола.

„Старозавѣтные люди, съ паѳосомъ восклицаетъ одинъ изъ такихъ интеллигентовъ, отстаили же свою самобытность! Положимъ, ихъ всегда могутъ ограничить и придавить во всѣхъ видахъ оказательства. Къ этому опять и пошло. Но съ ними нельзя не быть въ единомысліи, не принадлежа вовсе къ ихъ согласію... Они стоятъ за полную независи-

мость вѣроисповѣднаго уклада, держатся выборнаго начала, для нихъ стадо должно имѣть единаго высшаго пастыря, какъ это было въ московской Руси... Нужды нѣтъ, что они всѣхъ церковныхъ величаютъ иконьянами!.. Царить мертвечина (тамъ въ православіи)!.. И надо еще удивляться, что отпаденія происходятъ сотнями, тысячами, а не десятками и сотнями тысячъ“... („Вѣстн. Евр.“, I кн., стр. 36).

Другой интеллигентъ, любитель и специалистъ исторіи раскола, какъ бы отъ лица науки выступаетъ на защиту старообрядцевъ съ такой зажигательной, высоко-приподнятой по тону рѣчью:

„Чѣмъ больше изучаешь исторію раскола нашего старообрядчества, тѣмъ ярче выступаетъ духовная мощь простого народа въ томъ, что составляетъ его „святая святыхъ“. Нужды нѣтъ, что онъ является хранителемъ внѣшняго обряда, что онъ буквоѣдь... и даже изувѣръ; но у него, вмѣстѣ съ вѣроисповѣднымъ единеніемъ, сейчасъ же и основа земская, хозяйственная, обычный укладъ, великій социальный принципъ солидарности и равномѣрнаго распределенія земныхъ благъ. Скиты! До ихъ разоренія... какой хозяйственный бытъ!! Вотъ настоящая школа народно-этического воспитанія! Пока не замретъ духъ вѣроисповѣдной независимости, ничто не потеряно! Возьмите-вы тогоже Суздальцева и всѣхъ евангеликовъ... Здѣсь, въ Петербургѣ, и на югѣ, и на востокѣ, и на Кавказѣ, и въ землѣ Войска Донскаго, гдѣ цѣлые вѣка нерушимо стояло и древнее благочестіе. Всякая религіозная община, разъ она образовалась въ народѣ—отъ мужика до мастерового, вышедшаго изъ мужиковъ, какъ нашъ Суздальцевъ, она выработала себѣ и социальный укладъ по идеаламъ народной правды и справедливости“ („Вѣстн. Евр.“, III кн., стр. 72).

Самый бѣглый анализъ вышеприведенныхъ отрывковъ превосходно раскрываетъ предъ читателемъ точку зрѣнія Боборыкина на расколъ старообрядчества. Онъ потому-то такъ и идеализируетъ расколъ, что тамъ онъ находитъ основы идеальнаго строя народной жизни и тамъ усматриваетъ воплощеніе *идеаловъ правды и справедливости*: земское строеніе съ его задачами, принципъ солидарности, выборное начало, свободная Церковь, свой вѣроисповѣдній укладъ съ свободной религіозной общиной, все это съ казовой, конечно, сто-

роны прекрасно и можетъ вскружить голову, какъ и вскружило г. Боборыкину съ К^о, но оно слишкомъ далеко отъ живой дѣйствительности, а вмѣстѣ съ тѣмъ отъ святой и нелицеприятной истины! Не будь нашъ авторъ флюгеромъ, отражающимъ чужія, при томъ одностороннія тенденціи на расколъ, взгляни на него съ другой стороны, болѣе безпристрастной, онъ не сталъ бы пѣть такіе хвалебно-восторженные дифирамбы старообрядчеству, и былъ бы правдивѣе и ближе въ дѣйствительности...

Еще съ большими симпатіями относится Боборыкинъ къ сектантскому міру: молоканамъ, пашковцамъ, штундистамъ и баптистамъ. Онъ съ особенною любовью и заботливостью вводитъ читателя въ область міровоззрѣнія нашего сектантства, стараясь охарактеризовать и въ типически основныхъ чертахъ изобразить отдѣльныя его фракціи или толки; знакомить съ цѣлыми сектантскими общинами, вожаками и выдающимися ихъ дѣятелями, съ религіознымъ ихъ укладомъ и бытовой стороной; ведетъ читателя даже на религіозныя ихъ собранія (богомоленія), гдѣ происходятъ чтеніе и толкованіе св. Писанія, пѣніе гимновъ и псалмовъ и молитвенныя импровизаціи, отгѣняя при этомъ активное и сознательно-разумное участіе въ богомоленіяхъ всѣхъ присутствующихъ тамъ членовъ.

Авторъ красною нитью проводитъ въ своей повѣсти ту тенденцію, что наше рационалистическое сектантство, во всѣхъ его стадіяхъ развитія, начиная отъ молоканства и оканчивая штундизмомъ, есть продуктъ самодѣтельности исключительно русскаго духа и вполне самостоятельное движеніе въ народной средѣ, такъ какъ этотъ отгѣнокъ богоискательства не переставалъ жить въ русскомъ народѣ съ древнихъ эпохъ („Вѣстн. Евр.“ II кн., стр. 517, 527, III кн., 72 стр.). Мысль эту авторъ вводитъ въ сознаніе и вкладываетъ ее въ уста сектантовъ и интеллигентовъ, соприкасающихся съ сектантскимъ движеніемъ и сочувствующихъ ему. Изъ повѣсти мы видимъ, что евангелики (молокане) и баптисты (штундисты), всѣ безъ исключенія усиливаются предъ судомъ и въ частныхъ бесѣдахъ съ интеллигентными лицами показать свою религіозную самобытность и самостоятельность, совершенно отрицая какое бы то ни было иноземное вліяніе. Съ этой цѣлью авторомъ въ повѣсти выводятся и интеллигенты,

проповѣдующіе съ настойчивостью, достойной лучшей участи, ту же мысль, таковы: Булашовъ—радѣтель и комми-во-яжоръ по сектантскимъ дѣламъ; Лебедевъ—адвокатъ и защитникъ сектантовъ предъ судомъ и Тарутинъ—занимающійся изученіемъ исторіи раскола старообрядчества. Всѣ эти три лица, являясь защитниками сектантскихъ интересовъ и ихъ міровоззрѣнія, выступаютъ живыми проводниками тенденціи нашего автора, касательно самобытности и самостоятельнаго, безъ постороннихъ воздѣйствій, развитія нашего сектантства на русской, вполнѣ народной, почвѣ. Мысль эта, какъ отголосокъ прежнихъ воззрѣній нашей либеральной прессы, безусловно не отвѣчаетъ живой дѣйствительности и должна быть, какъ невѣрная, отвергнута. Поэтому и освѣщеніе Боборыкинымъ съ этой именно точки зрѣнія нашего сектантства и современныхъ его теченій должно быть признано, какъ невѣрное, крайне тенденціознымъ!

Авторъ, настаивая на той мысли, что наше сектантство во всѣхъ его фракціяхъ есть продуктъ самостоятельнаго народнаго саморазвитія, впадаетъ, не замѣчая того, въ противорѣчіе съ самимъ собою. Въ своей повѣсти онъ самъ указываетъ, къ немалому нашему удивленію, такія типическія черты, которыя привнесены въ наше сектантство совнѣ и которыя сами говорятъ за свое иноземное происхожденіе. Даже больше. Онъ выводитъ на сцену изъ сектантской среды такія личности, которыя подъ воздѣйствіемъ сектантскаго иноземнаго вліянія усвоили себѣ иностранную окраску. Для иллюстраціи позволимъ себѣ обратить вниманіе нашихъ читателей на слѣдующіе два факта, имѣющихъ мѣсто въ повѣсти Боборыкина. Княжна Зизи, одна изъ представительницъ петербургскаго высшаго свѣта и сектантскаго міра, изображена авторомъ въ такихъ чертахъ. „Княжна съ поблеклыми свѣтло-голубыми глазами, точно подернутыми какой-то дымкой, съ кротко мечтательнымъ выраженіемъ, отличалась необыкновенной добротой; но доброта ея была пропитана, точно запахомъ мускуса, сокрушеннымъ чувствомъ своей грѣховности и неустаннымъ призывомъ „благодати“. Она съ мастеровымъ Суздальцевымъ была одной секты. „Она, среди особъ своего ближайшаго кружка, сохранила традиціи первоначальнаго благочестія, на иностранный, англійскій ладъ. У нея и акцентъ былъ точно съ англійскою

примѣсью. Княжна Зизи, вадыхая, жалуется на безпомощность положенія своей общины, оставшейся, подобно овцамъ, безъ пастыря, значительно подбавившейся въ своей численности и недосчитывающей въ своихъ рядахъ весьма многихъ изъ прежнихъ послѣдователей изъ высшаго свѣта, и приглашаетъ Булашова, послѣ смерти его отца, возложить на себя сладкую ношу Спасителя“ („Вѣстн. Евр.“, II кн., стр. 482, 483).

Скажите, читатель, къ какой категоріи сектантства принадлежитъ княжна Зизи? Не чистѣйшей ли воды она послѣдовательница редстокизма, трансформировавшагося съ теченіемъ времени въ пашковщину, распространившуюся потомъ преимущественно среди ремесленного люда. Петербурга и отсюда широкой волной разлившуюся по разнымъ мѣстамъ нашей широкой матушки-Руси? Къ чему тутъ лукавить! Да и кто согласится, что пашковщина русскаго происхожденія и продуктъ творчества народнаго духа! Полнѣйшее и очевиднѣйшее противорѣчіе фактовъ съ популяризуемой въ повѣсти тенденціей нашего автора!

Другой фактъ также не менѣе краснорѣчиво говоритъ самъ за себя. Выведенный въ „Исповѣдникахъ“ коммивояжоръ по сектантскимъ дѣламъ — Булашовъ увозитъ съ собою изъ Петербурга „въ глушь, въ деревню“, къ сектантамъ своего пріятели Костровина, знакомитъ его съ мѣстными сектантскими общинами и заставляетъ его посѣтить ихъ богомоленные собранія. Посѣтивъ собранія этихъ общинъ, Костровинъ нашель, что у баптистовъ (читай штундистовъ), самостоятельно якобы выродившихся изъ молоканства, слишкомъ отдастъ иноземщиной. „Стихи, пѣтые на собраніи, показались ему, какъ и въ Петербургѣ, переведенными съ иностраннаго. Хораль, который запѣли при немъ, былъ пріятнаго напѣва, *не-русскаго*, но пѣлся онъ уже съ отгѣнкомъ русской грусти... Даже самый ритуаль собранія былъ не русскаго происхожденія“ („Вѣстн. Евр.“, II кн., стр. 544, 545). При такихъ данныхъ, говорящихъ въ пользу иностраннаго происхожденія секты *реформированныхъ евангеликовъ-баптистовъ* (читай — *штундистовъ*), честно-ли, вопреки истинѣ, утверждать, что сектантство это не привнесено къ намъ совнѣ, а является плодомъ народнаго саморазвитія? Думаемъ, что комментаріи въ данномъ случаѣ излишни:

истина говорить сама за себя! Мы только недоумѣваемъ, какъ Боборыкинъ, при своемъ тонкомъ и пронизательномъ умѣ, могъ въ своей повѣсти допустить такое противорѣчіе, несколько не гармонирующее съ его основной по этому вопросу тенденціей! Должно быть, святой правды никакъ уже нельзя было обойти!

Считая небезполезнымъ познакомить читателей съ характеристикой каждой въ отдѣльности изъ выведенныхъ авторомъ сектъ, мы должны замѣтить, что наиболѣе очерченными въ повѣсти являются молоканство и штундизмъ (баптизмъ); пашковщина же еле просвѣчиваетъ въ неясныхъ, нѣсколько неопредѣленныхъ образахъ петербургской аристократки—княжны Зизи и петербургскаго ремесленника Суздальцева, а толстовство—въ образѣ интеллигента Топоркова.

Въ повѣсти Боборыкина, какъ живыя, встаютъ предъ читателемъ сектантскія общины молоканъ и баптистовъ (штундистовъ). Авторъ, какъ бы вторя ихъ желанію не имѣть никакой клички, больше склоненъ называть ихъ евангелическими христіанами или евангеликами: первыхъ—старога толка, а вторыхъ—новаго („Вѣстн. Евр.“, II кн., стр. 508).

Молокане—это своего рода старовѣры, консерваторы; для нихъ выше всего—неприкосновенность евангельскаго ученія: „какъ отцы наши вѣровали, такъ и мы“. Обрядовъ у нихъ нѣтъ никакихъ, потому они и *духовные*. Въ своемъ упованіи они являются только взыскующими царствія небеснаго, потому у нихъ имѣютъ важное значеніе добрыя дѣла и молитвы за умершихъ; они, по мѣткому выраженію одного изъ ихъ вожаковъ-начетчиковъ, не застраховали еще себя отъ вѣчной муки на томъ свѣтѣ, потому они и молятся за умершихъ. Духомъ прозелитизма они не заражены и пропагандой не занимаются. Молитвенныя ихъ собранія состоятъ изъ чтенія и пѣнія: читаютъ Евангеліе и поютъ псалмы и отдѣльныя мѣста изъ слова Божія; молитвъ же своего сочиненія (импровизацій, какъ у другихъ сектантовъ) не допускаютъ; текстомъ пользуются церковно-славянскимъ; въ собраніяхъ читаютъ только мужчины, а въ пѣніи принимаютъ участіе и женщины; напѣвы ихъ псалмовъ старинные, истинно-русскіе, былинные. Не налагая на себя никакихъ запретовъ, они всетаки держатся нѣкоторыхъ ограниченій, въ особенности старики: не ѣдятъ сви-

ного мяса, бѣлуги и вообще всякой рыбы, не имѣющей чешуи. По внѣшнему своему облику они—чистѣйшіе русаки, хлѣборобы; въ матеріальномъ отношеніи они выше, зажиточнѣе церковныхъ (православныхъ), которыхъ, къ слову сказать, они иначе не называютъ, какъ *лукавыми* („Вѣстн. Евр.“, II кн., стр. 530).

Евангелики новѣйшаго толка—баптисты (штундисты), по словамъ нашего писателя,—это молокане, трансформировавшіеся въ новую секту съ новымъ оттѣнкомъ, притомъ исключительно своими внутренними силами, безъ посторонней помощи совнѣ. Положеніе это безусловно невѣрное, и тенденціозность его раскрываетъ самъ авторъ при характеристикѣ сектантства этой категоріи. Какъ нѣкоторые изъ молоканъ пришли къ мысли, что они—въ своемъ родѣ старообрядцы, хотя и духовные, и что у нихъ нѣтъ животворящаго духа, и какимъ образомъ они реформировались въ евангеликовъ-баптистовъ (штундистовъ), Боборыкинъ не касается этого интереснѣйшаго вопроса и выводитъ предъ читателемъ ихъ уже готовой, сформировавшейся новой сектой.

Баптизмъ (штундизмъ), желая, въ противоположность молоканству, быть дѣятельной сектой, выдвинулъ на сцену вопросъ о живой вѣрѣ въ распятаго Христа, искупившаго всѣхъ Своею кровью. И всѣ, принявшіе эту благую вѣсть и увѣровавшіе во Христа-Искупителя и Его спасающую кровь, считаютъ себя уже спасенными, святыми; они, выражаясь языкомъ повѣсти, „заручились уже царствомъ небеснымъ“ („Вѣстн. Евр.“, IV кн., стр. 503); такого упирания въ одну точку о благодати, какъ у петербургскихъ ихъ собратовъ (пашковцевъ), у нихъ нѣтъ (Ibid. II кн., стр. 545). Трепетное упованіе на Того, Кто умеръ за грѣхи людей на крестѣ, приводитъ сектантство къ той увѣренности, что они будутъ спасены, потому-то и молитвы за умершихъ излишни. Изъ таинствъ они принимаютъ только крещеніе взрослыхъ и причащеніе (преломленіе хлѣба) и то, какъ два обряда; крещеніе у нихъ трактуется какъ внѣшняя только формула, какъ само свидѣтельство вѣры. Какъ неопиты, они въ общемъ проникнуты духомъ прозелитизма. Собранія ихъ отличаются отъ молоканскихъ тѣмъ, что на нихъ, кромѣ чтенія слова Божія, бывають толкованія его и пѣніе гимновъ и пѣснопѣній, принятыхъ ими совнѣ и заимствованныхъ не

изъ слова Божія. Непремѣнную принадлежность собраній составляютъ импровизаціи (молитвы), дозволенныя всякому, кто почувствуетъ къ тому влеченіе духа. Пѣніе гимновъ и пѣснопѣній—веселое, короткое, отдаетъ иноземщиной. На собраніяхъ предсѣдательствуетъ и даетъ распорядокъ всему пресвитеръ-ставленникъ. Женщинамъ, какъ и у молоканъ, не дозволено, согласно съ апостоломъ, читать, а тѣмъ паче толковать слово Божіе. Во время богомоленій употребляется библія на русскомъ языкѣ и сборникъ духовныхъ стихотвореній, переведенныхъ съ иностраннаго, и весь вообще ритуаль ихъ отдаетъ иноземщиной. Православныхъ они величаютъ язычниками („Вѣстн. Евр.“, IV кн., стр. 481) и относятся не только къ нимъ, но и къ молоканамъ далеко не въ духѣ вѣротерпимости. По внѣшнему своему виду они отличаются отъ молоканъ и скорѣе походятъ на ремесленниковъ-пеховыхъ, чѣмъ на земледѣльцевъ; одѣваются въ пиджакъ и носятъ галстухъ; женщины ихъ тоже не походятъ на простыхъ.

Вотъ какими чертами Боборыкинъ изображаетъ баптистовъ (штундистовъ)!

Самъ собою напрашивается вопросъ: неужели баптисты-штундисты, трансформировавшіеся молокане, изъ своей головы выдумали весь свой богослужебный ритуаль, свои вѣроисповѣдныя особенности и отступленія отъ молоканства, весьма типичныя и тонкія по самому своему существу? Самъ авторъ неоднократно говоритъ объ иноземномъ элементѣ въ баптизмѣ (штундизмѣ) съ одной стороны, а съ другой—трактуетъ его, какъ продуктъ саморазвитія молоканства! Слишкомъ ужъ откровенна тенденціозность!

Что же касается *пашковщины*, то она въ повѣсти обрисована довольно въ неясныхъ и неопредѣленныхъ чертахъ: представителями ея выступаютъ петербургскій ремесленникъ Суздальцевъ и княжна Зизи. Богослужебный ритуаль евангеликовъ петербургскаго типа (пашковцевъ), повидимому, совпадаетъ съ ритуаломъ баптистовъ (штундистовъ). Разница же въ вѣроученіи состоитъ въ томъ, что пашковцы, не признавая никакихъ, вопреки баптистамъ, обрядовъ, глубоко проникаются мыслью о своей грѣховности предъ Богомъ и устремляютъ свое вниманіе исключительно при этомъ на благодать, озаряющую и спасающую человѣка; и

кто призвалъ на себя благодать, тотъ уже и спасенъ! Чрезъ нѣкоторое время въ пашковщинѣ явилось тяготѣніе въ сторону обрядовъ, и при основателѣ ея была уже попытка объединить всѣхъ евангеликовъ различныхъ толковъ въ одно стадо, подъ условіемъ принятія двухъ обрядовъ, но попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ между разными ученіями не могло состояться полного соглашенія („Вѣстн. Евр.“, II кн., 483 стр.). Вотъ и все о пашковцахъ. Не имѣя возможности распространяться по вопросу о самобытности пашковщины, проникшей въ жизнь простого народа, авторъ излюбленную свою мысль преломляетъ подъ инымъ нѣсколько угломъ зрѣнія; по его взгляду только то прочно, что вошло въ жизнь народа и проникло въ его сознание, хотя бы было *привнесено совнѣ*.

— Да, да!—говорить княжна Зизи. Все это (т. е. сектанты) простого званія люди... Господа безъ народа ничего не могутъ; только то пойдетъ въ жизнь, что озарило простой людъ („Вѣстн. Евр.“, II кн., 483 стр.).

Представителемъ *толстовства* является интеллигентъ Топорковъ. Боборыкинъ, обрисовывая его слегка нѣсколько неясными штрихами, нигдѣ его не называетъ такимъ именемъ, хотя и заставляетъ его сознаться, что онъ (Топорковъ) говоритъ со словъ своего учителя, „который дошелъ до пониманія смысла жизни“ (авторъ „Исповѣдники“). Топорковъ, мы видимъ, поселился въ деревнѣ, близъ Москвы, въ оставленной барской усадьбѣ и живетъ литературными трудами, ведетъ онъ обширную переписку съ ближними и дальними друзьями; вблизи его живутъ сектанты двухъ толковъ, но онъ не примыкаетъ ни къ одному изъ нихъ, хотя и сочувственно относится къ тѣмъ и другимъ, а въ нуждѣ выступаетъ ихъ защитникомъ: то онъ является за нихъ ходатаемъ, гдѣ слѣдуетъ, то во время цынги ѣздитъ для закупокъ капусты и хрѣну. Ведетъ онъ простой образъ жизни и по принципу вегетаріанецъ. Не ѣстъ онъ убойны, т. е., мяса, исходя изъ того положенія, что мясо превращаетъ человѣка въ звѣря. Если бы народъ, говоритъ онъ не ѣлъ мяса, въ какихъ-нибудь два поколѣнія звѣря уже не было бы ни въ комъ („Вѣстн. Евр.“, II кн., 522 стр.). Проповѣдуя „законъ разумной любви“, онъ въ то же время слѣдуетъ ученію о непротивленіи злу. Пропагандой онъ не

занимается, но при случаѣ не прочь дать прочитать вѣрному человѣку тетрадку, гдѣ изложено ученіе, которому онъ слѣдуетъ. Костровинъ, пріятель Булашова, прочитавъ тетрадку эту, увидѣлъ, что въ ученіи, тамъ излагаемомъ, нѣтъ *самаго главнаго*: ученія о Богочеловѣкѣ и Его воплощеніи; „благая вѣсть“, о которой тамъ трактуется, исходитъ отъ божественнаго начала вообще, а не отъ Искупителя, и что тамъ нѣтъ также ученія о личномъ, живомъ Богѣ; Богъ, по этому ученію, любовь. Василій, молодой молоканскій начетчикъ изъ села Добрынина, прочитавъ эту тетрадку, пришелъ вмѣстѣ съ своими единовѣрцами къ тому заключенію, что Топорковъ—„антихристъ“; почему молокане и оттолкнулись отъ него въ послѣднее время. Наконецъ, Топорковъ, „по независящимъ отъ него обстоятельствамъ“, навсегда уѣзжаетъ изъ подмосковной деревни въ Крымъ.

Безъ сомнѣнія, предъ читателями въ лицѣ Топоркова выступаетъ настоящій толстовецъ.

Выведенные Боборыкинымъ сектанты, всѣ безъ исключенія, начиная съ вожаковъ, представлены въ прикрашенномъ видѣ: какъ люди, они у него прекрасные и честные труженники, какъ послѣдователи своего вѣроученія—безукоризненные въ нравственномъ отношеніи, глубоко убѣжденные и стойкіе въ своихъ вѣрованіяхъ, даже больше—*исповѣдники* и *мученики* за свои убѣжденія, терпящіе незаслуженныя притѣсненія отъ правительства и гоненія, въ видѣ ссылокъ въ Закавказье, отнятія дѣтей отъ родителей съ лишеніемъ даже права видѣть ихъ! Вся эта идеализація разсчитана, конечно, на то, чтобы возбудить у читателя сочувствіе къ *этимъ страждущимъ невинно,—лучшимъ людямъ*. Боборыкинъ изображаетъ правительство наше въ его отношеніяхъ къ сектантству варварскимъ и несправедливымъ. Нижеслѣдующая выдержка прекрасно иллюстрируетъ эту мысль.

— Какъ же его (Наума Степанова, сосланнаго въ Закавказье) водворили?—спрашиваетъ Булашовъ.

— Привели въ селеніе. Армяне тамъ и татаре.. или какъ то по другому прозываются.. и оставили на порядкѣ... ровно вотъ какъ кошку...

— Какъ кошку!—повторилъ вслухъ Булашовъ.

Сидѣвшіе вокругъ стола усмѣхнулись.

— Именно, сударь, такимъ манеромъ. Хошь, на землѣ ложись.

— Ни къ кому даже на постой не отдали?

— Ни, Боже мой!... Если бы приставу онъ не понадобился... ложись и помирай... Воды почерпнуть или хлѣба лопотать... никто не понимаетъ по нашему. Приставъ въ услуженіе взялъ. Никакъ съ полгода, батюшка, выжилъ у него. Прихварывать сталъ. Ноги отнимаются... Тѣперича у обывателей пріютился... за плату. По ихнему не умѣть еще болтать. Изъ-за кажиной малости переводчика ищи-ка... Такія-то, сударь, дѣла! („Вѣстн. Евр.“, IV кн. стр. 494, 495).

Картинка яркая, колоритная, но мало правдоподобная.

Въ другомъ мѣстѣ мы находимъ картинку еще ярче, еще вышуклѣе, характеризующую тенденціозное отношеніе автора къ сектантскому міру.

— „Ослабла“ и вся-то матушка Русь!—подумалъ Булашовъ. А не за горами и новый недородъ!

— Ужъ не хрѣнъ и капусту придется снова закупать, а зерно на обѣмененіе озимыхъ—на сотни тысячъ рублей.

— И баба Лукерья (на старости лѣтъ совратившаяся въ сектантство) голодала, поди, не разъ и будетъ жить впроголодь, до конца своихъ дней; но у ней явился другой голодь... голодь души...

— Топдрковъ удалень, и Наумъ Степановъ тамъ, въ Закавказьѣ, среди чеченцевъ или каракалпаковъ; а Лукерья остаются, и въ ихъ душахъ, все чаще и чаще, будутъ проныпаться запросы, которыхъ не удовлетворишь ни ржанымъ, ни пшеничнымъ хлѣбомъ! („Вѣстн. Евр.“, IV кн. стр. 480—481).

И во всѣ общины „евангеликовъ“ различныхъ оттѣнковъ проникаетъ комми-вожоръ по сектантскимъ дѣламъ, Булашовъ, самъ лично не принадлежащій ни къ какому сектантскому толку, входитъ въ ихъ интересы, оказываетъ и матеріальную имъ поддержку, выступаетъ ходатаемъ за нихъ предъ судомъ и властями; стоя какъ бы въ сторонѣ отъ сектаторскихъ движеній, старается направлять теченіе ихъ жизни по одному руслу и не прочь даже повести ихъ по пути соглашенія, объединенія и сліянія въ одно стадо, въ одну общину! („Вѣстн. Евр.“, IV кн. стр. 500)!...

П. Козицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Разборъ грамоты неокружниковъ отъ 6 мая 7407 лѣта (1899 года), поданной московекому окружническому архіепископу Іоанну, съ замѣчаніями Арсенія, епископа уральскаго ¹⁾.

Грамота неокружниковъ (л. 25—26). Ваши пастыреначальники, издавшіе свое Окружное Посланіе, утверждая его новое ученіе, оговариваются, что это Посланіе издано якобы противъ мудрствующихъ по-безпоповски, которые вѣру господствующей Церкви, вслѣдствіе положенныхъ ею ругательствъ на имя Христа Спасителя „Ісусъ“ и прочая, почитаютъ въ иного Бога. Хотя въ нашей святой православной Церкви такого ученія и не положено, но считаемъ необходимою вамъ сказать, что если вы взялись опровергать безпоповскія тетради, то дѣлали бы свои опроверженія законными и святоотеческими данными, но произвольными и неправильными мнѣніями, влекущими въ ересь. Такъ только одинаково съ вами поступилъ Евтихій противъ Несторія, котораго взялся обличать въ ереси, и самъ же вновь ее породилъ (Дѣяніе 4 всел. собора).

Замѣчаніе еп. Арсенія. Неокружники сравниваютъ насъ съ Евтихомъ ересеначальникомъ, но правильно-ли это? Посмотримъ! Несторій еретикъ раздѣлялъ Христа, не признавалъ въ Немъ ипостаснаго соединенія двухъ естествъ—божескаго и человѣческаго, почему и отрицался нарицати Христа Богомъ, а сознавалъ его только простымъ благодатнымъ человѣкомъ. Евтихій же ересеначальникъ, опровергая Несторія, сталъ утверждать, что Христосъ имѣлъ одно только божественное естество, кромѣ человѣчества. Но какое же отсюда къ намъ сравненіе? Безпоповцы, какъ говорятъ о нихъ неокружники, мудрствуютъ не по положенному въ святой Церкви ученію, что грекороссійская Церковь вѣруетъ въ иного Бога, но когда издатели Окружнаго Посланія сказали, что они злочестиво мудрствуютъ, и что же изъ этого вышло? За это и сами издатели Окружнаго Посланія сдѣлались равны Евтиху ересеначальнику. Вотъ такъ хорошо неокружники умѣютъ дѣлать сравненіе. Итакъ, чтобы

¹⁾ См. „Мисс. Обзор“, сентябрь, стр. 86—96.

избѣжать этого уравненія съ ересеначальникомъ Евтихіемъ, стало быть неположенное во святой Церкви ученіе, чтобы грекороссійскую Церковь признавать вѣрующею въ иного Бога, безпоповское мудрованіе нужно назвать не злочестивымъ, но благочестивымъ мудрованіемъ. Да въ этомъ собственно и состоитъ истинное благочестіе, по разуму неокружниковъ. О чемъ именно, какъ увидимъ ниже, и трактуютъ неокружники.

Разборъ. Неокружники утверждаютъ, что въ Окружномъ Посланіи содержится новое ученіе, т. е., такое, котораго, по ихъ мнѣнію, не содержала дониконовская Церковь. Швецовъ почему-то не нашель нужнымъ опровергнуть подобное мнѣніе неокружниковъ объ Окружномъ Посланіи, но пустился въ пустыя разглагольствія о томъ, что издатели Окружнаго Посланія не похожи на ересеначальника Евтихія, коему уподобили ихъ неокружники. Въ Окружномъ Посланіи не содержится новаго ученія, котораго-бы не знала дониконовская Церковь, какъ думаютъ неокружники; напротивъ, Окружное Посланіе свидѣтельствуетъ о томъ, что догматическое ученіе грекороссійской Церкви и до и послѣ Никона одно и то же, и что имя Христа Спасителя „Иисусъ“, четвероконечный крестъ и нѣкоторые другіе предметы, содержимые грекороссійской Церковью послѣ Никона, были въ употребленіи у насъ на Руси и до Никона, о чемъ свидѣтельствуютъ уважаемыя старообрядцами старопечатныя книги. Ученіе неокружниковъ и мнимыхъ окружниковъ, подобныхъ Швецову, дѣйствительно, новое ученіе, котораго не знала дониконовская Церковь. Сія Церковь не знала и не признавала, что имя Христа Спасителя „Иисусъ“—имя антихриста, что троеперстіе и четвероконечный крестъ печать антихриста, что Сынъ Божій не совѣченъ Богу Отцу, какъ утверждаетъ Швецовъ, что всѣ епископы во всей Христовой Церкви временно могутъ уклониться въ ересь, какъ проповѣдуютъ поповцы австрійскаго согласія во главѣ со Швецовымъ, что антихристъ, духовно царствующій въ мірѣ со времени патріарха Никона, истребилъ будто бы таинства и одолѣлъ Церковь Христову, какъ то утверждаютъ безпоповцы. Окружное Посланіе, основательно опровергая подобное злочестивое ученіе безпоповцевъ и поповцевъ, зараженныхъ змѣинымъ ядомъ безпоповства, излагаетъ здравое уче-

ніе объ указанныхъ выше предметахъ и о православіи грекороссійской Церкви. Такимъ образомъ, никакого подобія или сравненія между издателями Окружнаго Посланія и ересеначальникомъ Евтихіемъ не можетъ быть, какъ справедливо замѣчаетъ и Швецовъ. Евтихій, опровергая ересь Несторія, впалъ въ другую противоположную ересь, а составители Окружнаго Посланія, опровергая еретическое ученіе безпоповцевъ и нѣкоторыхъ поповцевъ, не впали въ противоположныя ереси, а раскрыли въ своемъ Посланіи истинное ученіе о всѣхъ предметахъ, о которыхъ злочестиво и еретически мудрствуютъ безпоповцы и сочувствующіе имъ поповцы. Окружники не въ томъ виноваты, въ чемъ виняютъ ихъ неокружники, а въ томъ, что они непослѣдовательны, самопротиворѣчивы и неискренны. Окружное Посланіе признаетъ православіе грекороссійской Церкви, поэтому окружники не имѣютъ разумнаго основанія къ отдѣленію отъ сей Церкви; въ этомъ ихъ явная непослѣдовательность. Грекороссійская Церковь православна, поэтому окружники не имѣютъ никакого права говорить и писать о какихъ-то ересяхъ сей Церкви, а тѣмъ болѣе принимать въ свое общество послѣдователей этой Церкви, какъ еретиковъ второго чина, въ этомъ ихъ явное самопротиворѣчіе и неискренность. Изъ всѣхъ окружниковъ только одинъ Швецовъ можетъ быть угодоуленъ ересеначальнику Евтихію въ слѣдующемъ отношеніи. Какъ Евтихій, желая опровергнуть еретическое ученіе Несторія, самъ впалъ въ ересь, такъ точно и Швецовъ, желая защитить еретическое ученіе Бѣлокриницкаго устава, впалъ въ ересь о подлѣтномъ рожденіи Сына Божія.

Грамота неокружниковъ (26—30 стр.) Въ данномъ случаѣ вамъ (окружникамъ) слѣдовало обратить вниманіе на этотъ вопросъ о инобожии и выяснитъ, чѣмъ онъ былъ сначала изданъ или формулированъ? При здоровомъ разсмотрѣніи вы замѣтили бы, что инобожіе, приписываемое безпоповцамъ, введено не ими, а собственно есть плодъ собора 1666—67 г.г. господствующей русской Церкви, который въ своей соборной книгѣ „Жезль правленія“, при соревнованіи съ новыми учителями, принявшими эту соборную книгу въ крѣпкое основаніе, начали утверждать „инога Ісуса“, доказывая и ссылаясь, якобы на ореографію, что ино Ісусъ, и ино Ісусъ, съ указанными выше ругательствами на имя Ісусъ. Затѣмъ, въ

вящую крѣпость, по благословенію патріарха Іоакима, въ 1679 году установлена присяга хотящимъ взыти на степень священства слѣдующаго содержанія: „таже паки и паки отъ всего сердца моего, какъ народу проповѣдовать общаюся, такъ и самому глаголати и писати не „Ісусъ“, но „Іисусъ“, утверждати буду и во артикулѣ втораго члена символа тако глаголати; и во единаго Господа Іисуса Христа и прочая, тако всѣмъ сердцемъ моимъ и душею въ того „Іисуса“, а не „Ісусъ“ нижепоименованный вѣрую“. Ниже: „Проклинаю тѣхъ, которые не приѣмлютъ имя глаголати Господа нашего Спасителя Іисуса, а глаголютъ Ісуса, и глаголати инымъ учать, да будутъ прокляти и анаѣема“. Само собою разумѣется, что вслѣдствіе этихъ наложенныхъ клятвъ на дорожное всѣмъ православнымъ христіанамъ, бывшее во всеобщемъ употребленіи въ Россіи болѣе 600 лѣтъ, имя Господа нашего „Ісусъ“, равно и на приѣмлющихъ и исповѣдающихъ это пресладкое имя Господа Бога, старообрядцы, руководясь нижеслѣдующимъ святымъ писаніемъ, вѣщающимъ: „Вѣрый, яко имя Іисусово Богъ есть, Ему же существо едино, и имя едино (кн. Кирил.); кто есть лживый, точю отменяся; „яко Ісусъ нѣсть Христосъ“ (посл. Іоан.); далѣе: „Быша же и лживіи пророцы въ людехъ, якоже и въ васъ будутъ лживіи учителя, иже внесуть ереси погибели и искупльшаго ихъ Владыки отменяется, приводяще себѣ скору погибель, и мнози послѣдствуютъ ихъ нечестотамъ, ихъ же ради путь истинный похулится (Петр. посл.); тѣмъ же сказую вамъ, яко никто же Духомъ Божіимъ глаголай, речеть анаѣема Ісуса“. Златоустый въ толкованіи: „Егда, рече, увидиши кого имени Іисусова ненарицающа, или анаѣематисающа, сирѣчь проклинающа. волхвомъ и чародѣемъ онаго разумѣй“ (Толк. апостоль). Блаженный Зиновій мнихъ въ словѣ на иконоборцевъ: „Егда убо писаніемъ недугующаго уврачевати возможно, тогда отъ писанія и глаголы представляются, егда же не отъ писанія врачуется недугуяй кривовѣріемъ, тогда не отъ писанія и глаголы ему предлагаются“ (Малый Соб. втораго счета),—въ свою очередь (и старообрядцы) начали говорить и писать этимъ образованнымъ ругателямъ: если вы истинное имя Сына Божія „Ісусъ“, проповѣдуемое въ Россіи болѣе 600 лѣтъ, такъ всячески поносите, почитать его за истинное и вѣровать въ него отказываетесь, говоря: „инъ Ісусъ“ и прочая, то пусть будетъ „инъ вашъ Іисусъ“, и съ того времени возникъ этотъ спорный вопросъ между господствующею Церковію и старообрядцами о инобожии. Благодаря, главнымъ образомъ, грубости и невѣжеству пастырей господствующей Церкви, бывшихъ во второй половинѣ XVII столѣтія, такъ невѣжливо обругавшихъ это святое Божіе имя Ісусъ.

Замѣчаніе еп. Арсенія. Вотъ и договорились неокружники до того, что не то, что безпоповцы, но и вообще вси старо-обрядцы, хотя и не по писанію, но должны называть, что Иисусъ, исповѣдуемый грекороссійскою Церковію, не есть Христосъ, но инъ Богъ. И теперь уже понятно, что они не иначе могутъ съ нами примириться, когда только, мы согласимся за едино съ ними признавать въ имени Иисусъ иного Бога, хотя сами же говорятъ, что такого ученія не положено во святой Церкви. Удивительная ихъ слѣпота. Они съ насъ требуютъ опроверженія безпоповскихъ о инобожіи заблужденій законными святоотеческими данными. А сами подтверждать ихъ бредни учатъ не по писанію, а только по единому подражанію неистовству грекороссійской Церкви послѣ Никона. Если она наше наименованіе Христову имени „Исусъ“ называетъ инымъ, то аки бы и мы обязаны ея именованіе Христово „Иисусъ“ называть также „инымъ“ и даже съ добавленіемъ: инымъ Богомъ, антихристомъ. Вотъ здѣсь такъ точь-въ-точь видится такая же противоположность, какая была у Евтиха ересеначальника противъ Несторія. Несторій не признавалъ Христа Богомъ, а только называлъ простымъ человѣкомъ. А Евтихій не признавалъ Христа человѣкомъ, а только именовалъ Богомъ. Такъ и здѣсь, если никоніаны вознеистовались на древле-славянское произношеніе Христову спасительному имени „Исусъ“, такъ и безпоповцы и наши неокружники неистовятся противъ имени „Иисусъ“, усвоеннаго грекороссійскою Церковію отъ иныхъ языкъ. Тогда какъ благодать Святаго Духа, данная въ день Пятидесятницы Христовой Церкви, благоволила не на одномъ какомъ-либо языкѣ, но вообще на всѣхъ языкахъ вселенной возвѣщать величія Божія. Въ то время, когда Кириллъ и Меѳодій изложили для славянъ особую грамоту, чтобы они на своемъ языкѣ могли Бога славословить, тогда римскіе папы съ завистію отнеслись къ этому великому труду святыхъ мужей и издали повелѣніе, чтобы славословіе къ Богу приносили только на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и римскомъ, на коихъ языкахъ Пилать написалъ титу на крестѣ Господни, а на другихъ языкахъ Бога славословить воспретили съ клятвою. Какое неистовство ихъ обличая, благочестивіи людіе говорили, что папы утверждаютъ ересь трезычную, и ей не подчинились. Но и того отнюдь не говорили, якобы только на одномъ славянскомъ языкѣ можно Бога славословить, а на еврейскомъ, греческомъ и римскомъ невозможно. А по противоположному разсужденію о инобожіи нашихъ неокружниковъ, необходимо бы имъ такъ тогда объявить было нужно.

Разборъ. Неокружники въ своей грамотѣ утверждаютъ, что вопросъ объ инобожии вызванъ былъ грекороссійскою Церковью, но не старообрядцами безпововцами. Швецовъ въ своемъ замѣчаніи соглашается съ такимъ ихъ мнѣніемъ, но какъ первые, такъ и послѣдній говорятъ явную неправду. Неокружники, въ доказательство своей мысли о томъ, что будто грекороссійская Церковь первая подняла вопросъ объ инобожии, сослались на московскій соборъ 1666—7 годовъ, одобрившій книгу „Жезль Правленія“, и на мнимую присягу патріарха Іоакима.

Но въ книгѣ „Жезль Правленія“, разсмотрѣнной и одобренной на соборѣ 1666—67 годовъ нѣтъ и намека на какое-то „инобожіе“. Разбирая обличеніе попа Лазаря, что прибавляющіе и къ имени „Исусъ“ раздѣляютъ „человѣчество Сына Божія во инъ составъ отъ Божества“, составитель Жезла проводитъ ту мысль, что въ словахъ, заимствованныхъ съ иностраннаго языка—греческаго или латинскаго, должно слѣдовать и орѳографіи того языка, съ котораго слово заимствовано. Это правило особенно должно наблюдать „въ тѣхъ именахъ (собственныхъ), яже таинство нѣкое знаменуютъ. Сицевое есть пресладкое имя *Исусъ*, еже прияхомъ отъ еллинскаго—Исусъ, тресложнаго, знаменующаго же *Спаситель*... Аще-же не будетъ тресложно, не будетъ имѣти того знаменованія: убо подобаетъ сіе имя тресложно писати“. Указавши далѣе, что въ древности находили въ имени Мессіи число 888, составитель Жезла продолжаетъ: „исполняется же сіе число гречески пишемымъ именемъ *Исусъ*, отъ него-же аще отыметя писмя и, разорится сія тайна. Тѣмъже добрѣ гречески пишется съ писмянемъ и, послѣдовательно же, яко *не зль* и въ словенскомъ прилагается писмя и, подражая греческому“ (Жезль, ч. 2, об. л. 10). Для всякаго непредубѣжденнаго читателя должно быть ясно, что рѣчь въ Жезлѣ идетъ не о „инобожии и не о Лицѣ, обозначаемомъ тѣмъ или другимъ именемъ, а о самомъ имени, его начертаніи и филологическомъ значеніи. Причемъ составитель Жезла, установивши то положеніе, что по-гречески имя Спасителя пишется *Исусъ* и при такомъ начертаніи означаетъ „Спаситель“ и заключаетъ число 888, дѣлаетъ вполне естественный выводъ, что и въ словенскомъ, чтобы не нарушить „знаменованія“ и „тайны“ имени, „*не зль прилагается писмя*

и, подражая греческому“. Особенно знаменательно это послѣднее выраженіе *не зль прилагается*. Здѣсь не только не осуждается иное начертаніе имени Спасителя, напр., съ однимъ *и*, но и начертаніе *Исусъ* для славянскаго языка не признается единственно правильнымъ. По словамъ Жезла, прибавленіе къ встрѣчающемуся въ древнихъ старописьменныхъ и старопечатныхъ славянскихъ книгахъ начертанію „Исусъ“ буквы *и* только *не есть какое-либо зло*, подобное тому, какое видѣль въ немъ попъ Лазарь.

Грамота неокружниковъ упоминаетъ еще о новыхъ учителяхъ, которые, принявши соборную книгу (Жезль) въ крѣпкое основаніе, начали утверждать „иного *Исуса*“, доказывая и ссылаясь якобы на орографію, что „иного *Исусъ*, иного *Иисусъ*“. Въ этихъ словахъ грамоты нельзя не видѣть довольно прозрачнаго намека на авторовъ книгъ: Розыскъ, Пращица и Обличеніе неправды раскольническаго. Но если бы авторы названныхъ сочиненій и дѣйствительно утверждали „иного *Исуса*“, то нужно было бы согласиться, во-первыхъ, съ тѣмъ, что *они напротивъ не приняли въ „крѣпкое основаніе“ Жезла*, такъ какъ въ послѣднемъ, какъ мы видѣли, ничего подобнаго нѣтъ, а во вторыхъ, ихъ нельзя бы было еще признать и *виновниками* ученія о инобожій, такъ какъ это ученіе они застали *уже существовавшимъ въ расколъ* и противъ него именно направляли свои обличенія. Вотъ какъ авторъ „Розыска“, ранѣе другихъ названныхъ сочиненій вышедшаго въ свѣтъ, начинаетъ свое изслѣдованіе объ имени Христа Спасителя: „еще порочать насъ раскольники, аки бы мы премѣнили имя Спасителя, вмѣсто *Исусъ*, пишуще *Иисусъ*, и *иушаютъ* того пресвятаго имени *Исусъ*, и иконъ Христовой, на ней-же еще узрятъ написано *Иисусъ*, не поклоняются, *ругающа* же намъ *глаголютъ*: въ нихъ-де *инъ Исусъ*. Тако-бо они раскольники то пресвятое имя *Иисусъ*, хуляще, толкуютъ: *инъ Исусъ*“ (Розыскъ, ч. 1, ст. 1, гл. 15). Ясно отсюда, кто, по словамъ Розыска, виновникъ ученія о инобожій. Но въ дѣйствительности ни у св. Димитрія Ростовскаго, ни у еп. Питирима, ни у Теофилакта Тверскаго нѣтъ никакого ученія о инобожій. Всѣ они въ зазираемыхъ раскольниками-старобрядцами мѣстахъ своихъ сочиненій ведутъ рѣчь *не о лицѣ или лицахъ*, обозначаемыхъ тѣмъ или другимъ именемъ, а о *самомъ имени*, о его значеніи по словопроизводству. А это

далеко не одно и тоже. Николай, напр., по словопроизводству съ греческаго языка значить „побѣдитель народовъ“, Василій—„царственный“, Анна съ еврейскаго—„благодать“, но этими именами называются у насъ весьма и весьма многія различныя лица. Выходить, такимъ образомъ, что можно разсуждать объ извѣстномъ имени и его значеніи, не касаясь лица или лицъ, называемыхъ этимъ именемъ. Такъ смотрѣли на дѣло и авторы названныхъ выше сочиненій. Всѣ они разсматриваютъ сначала начертанія—Исусъ и Иисусъ по ихъ словопроизводству съ греческаго языка, внѣ и безотносительно къ лицу, ими означаемому, а потомъ уже разсуждаютъ о томъ, какое изъ этихъ названій болѣе приличествуетъ Лицу Христа Спасителя. Св. Димитрій, напр., давши извѣстное значеніе по словопроизводству съ греческаго языка имени „Исусъ“, непосредственно затѣмъ прибавляетъ: „но не буди намъ тако нарицати Христа Спасителя нашего“ (Розыскъ, ч. 1, ст. 1, гл. 15).

Перейдемъ теперь къ присягѣ патріарха Іоакима, на которую также сослались неокружники въ своей грамотѣ, какъ на корень ученія о инобожии. Присяга эта подложна и написана не патріархомъ Іоакимомъ, а составляетъ плодъ самоизмышленія одного изъ ярыхъ ревнителей мнимой старины. Это ясно изъ слѣдующихъ данныхъ.

Въ 1682 году въ Грановитой палатѣ, въ Москвѣ, въ присутствіи царевны Софіи Алексѣевны, царицы Наталіи Кирилловны и всѣхъ бывшихъ въ Москвѣ духовныхъ властей, происходило между патріархомъ Іоакимомъ и Никитою Пустосвятомъ, Саввою Романовымъ и другими сторонниками раскола преніе о вѣрѣ. Савва Романовъ во время преній спросилъ патріарха Іоакима: „какая ересь и хула въ семь, еже двумя персты креститися, божество и челоувѣчество исповѣдовати и въ молитвѣ Сына Божія глаголати? За сіе чего ради мучити и въ срубахъ жеци?“ Патріархъ отвѣтилъ: „мы за крестъ и молитву не мучимъ и жжемъ, но за то, яко пасъ еретиками называютъ и святѣй Церкви не повинуются, сожигаемъ. А креститесь, кто какъ хоцетъ, двѣма персты, или тремя, или всею рукою, сіе все едино, токмо бы знаменіе креста на себѣ вообразити: мы о томъ не истязуемъ“. Сей отвѣтъ патріарха Іоакима передавъ и въ извѣстномъ разказѣ самого Саввы Романова. Это увѣреніе патріарха подтвердилъ и присутствовавшій въ Грановитой палатѣ нижегородскій

епископъ, глаголя: „всуе вы о семъ стязуетесь. Мы никогда за крестъ и молитву не мучимъ, но за ихъ непокорство: что возмущаютъ народы, не велятъ въ Церковь ходить, исповѣди и причастія отъ священниковъ пріимати и тѣмъ множество людей отъ Церкви отлучили“. Мнимая „присяга“ Іоакима патріарха, по увѣренію Осипова, „издася отъ во плоти Рождества Христова въ лѣто 1679-ое“. Слѣдовательно, о существованіи ея уже должны были знать въ 1682 году, когда происходило упомянутое преніе о вѣрѣ, всѣ, наипаче же ревнители старины. Почему же ни Савва Романовъ, ни Никита Пустосвятъ и никто другой изъ присутствовавшихъ въ палатѣ ревнителей старины не упоминають во время пренія о „присягѣ“, если, дѣйствительно, она существовала и была составлена и издана въ указанномъ году патріархомъ Іоакимомъ? Почему Савва или Никита не опровергли отвѣтъ патріарха ссылкой на его „присягу“, явно обличавшую несправедливость его отвѣта? Очевидно потому, что мнимой присяги еще не было тогда, и никто не зналъ объ ея существованіи. 20-го сентября 1682 года патріархъ Іоакимъ напечаталъ свое сочиненіе „Увѣтъ Духовный“, въ которомъ онъ разбираетъ стрѣлецкую челобитную. Почему онъ въ своемъ сочиненіи ни однимъ словомъ не упоминаетъ о „присягѣ“, если она въ то время существовала и ему принадлежала? Почему и стрѣлецкіе челобитчики также ни слова не говорятъ въ своей челобитной о „присягѣ?“ Послѣ патріарха Іоакима написаны были поморцемъ Андреемъ Денисовымъ, по просьбѣ нижегородскихъ раскольниковъ—поповцевъ, такъ называемые „Керженскіе отвѣты“ въ опроверженіе 130 вопросовъ игумена Переяславскаго Никольскаго монастыря Питирима. Почему и въ этихъ отвѣтахъ нѣтъ также ни слова о „присягѣ?“ Потому, что составитель „Отвѣтовъ“ вовсе не зналъ о существованіи ея. Въ 1722 году іеромонахомъ Неофитомъ предложены были выговскимъ старообрядцамъ—поморцамъ 106 вопросовъ. Отвѣтомъ на эти вопросы было сочиненіе братьевъ Андрея и Симеона Денисовыхъ, извѣстное подъ именемъ „Поморскихъ Отвѣтовъ“. Послѣдніе пользуются особеннымъ вниманіемъ и значеніемъ въ глазахъ всѣхъ старообрядцевъ, не исключая и поповцевъ австрійскаго согласія. Представитель сего согласія Онисимъ Швецовъ, глаголемый нынѣ епископъ Уральскій, издалъ По-

морскіе Отвѣты въ 1884 году за границею въ Мануиловскомъ Никольскомъ монастырѣ, а между тѣмъ ни составители Поморскихъ Отвѣтовъ, ни издатель ихъ Швецовъ также ни слова не упоминаютъ о присягѣ, приписываемой Осиповымъ патріарху Іоакиму. Составители Поморскихъ Отвѣтовъ постарались собрать въ нихъ все, что только въ продолженіи многихъ лѣтъ старообрядцы успѣли найти или измыслить въ защиту своихъ вѣрованій и въ укоризну православной Церкви. Поэтому, быть не можетъ, чтобы они не сослались на присягу патріарха Іоакима, если бы она, дѣйствительно, существовала и принадлежала ему. Вообще справедливость требуетъ сказать, что ни въ одномъ изъ старообрядческихъ произведеній 18-го и 19-го вѣковъ не упоминается о присягѣ, какъ произведеніи патріарха Іоакима. Это обстоятельство доказываетъ, что писатели старообрядчества, даже современные намъ, подобные Швецову, Механикову, Мельникову, Усову, Перетрухину, Бриллиантову и друг., не признаютъ приведенную Осиповымъ и вращающуюся между старообрядцами въ рукописи присягу произведеніемъ патріарха Іоакима.

Подложность присяги доказывается и содержаніемъ ея. Въ 19-мъ пунктѣ присяги проклинаются: поповщина, безпоповщина, перекрещенцы, морильщики, ануфріевщина, софонтіевщина, спасовщина, хлыстовщина, еедосѣвщина, нѣтовщина, вѣтковщина, или старообрядцы, жившіе въ то время въ Польшѣ и Литвѣ, въ Молдавіи, или въ „волохахъ“ въ Поморіи, въ Керженцѣ, и въ другихъ мѣстахъ. Патріархъ Іоакимъ умеръ въ 1690 году, а всѣ перечисленные старообрядческіе толки возникли въ разное время уже послѣ его смерти, и самъ онъ въ своемъ сочиненіи „Увѣтъ Духовный“ не упоминаетъ ни объ одномъ изъ поименованныхъ толковъ. Поповщина и безпоповщина это не два самостоятельныхъ толка, получившихъ свое начало еще при патріархѣ Іоакимѣ, а цѣлый рядъ толковъ, получившихъ начало послѣ патріарха Іоакима. Такъ, поморское согласіе основано около 1695 года дьячкомъ Данииломъ Викуловымъ на берегу рѣки Выги; еедосѣвскій толкъ выродился изъ поморскаго около 1706 года; нѣтовщина, или спасово согласіе, получило свое начало въ первой четверти 18-го столѣтія; ануфріевщина, или аввакумовщина, окончательно сформировалась также въ началѣ 18-го вѣка и прекратила свое существованіе въ 1717 году, послѣ смерти

основателя ея Онуфрія; вѣтковцы выдѣлились въ особое согласіе уже послѣ 1695 года; перекрещенцы это не отдѣльный, самостоятельный толкъ, получившій свое начало въ опредѣленное время и въ извѣстномъ мѣстѣ, а всѣ безпоповщинскіе толки, кромѣ спасовщины, которые перекрещиваютъ всѣхъ, приходящихъ къ нимъ. Какимъ же, послѣ этого, образомъ патріархъ Іоакимъ могъ составить присягу, въ которой проклинаются вышепоименованные старообрядческіе толки, получившіе свое начало послѣ его смерти? Подложность присяги доказывается и тѣмъ, что все содержаніе ея изложено весьма безграмотно, безсвязно, сбивчиво и съ весьма частыми неумѣстными повтореніями. Патріархъ Іоакимъ писалъ грамотно, связно и убѣдительно, о чемъ свидѣлствуетъ его сочиненіе „Увѣтъ Духовный“. Но допустимъ на время, что присяга, о которой идетъ рѣчь, подлинно принадлежать патріарху Іоакиму. Разсмотримъ, на кого наложены въ ней клятвы. Съ 10-го по 15-й пунктъ присяги проклинаются двуперстники, служащіе литургію на семи просфорахъ, произносящіе и пишущіе имя Христа Спасителя „Ісусъ“, сугубящіе аллилуія, преподающіе благословеніе двуперстно, и предпочитающіе восьмиконечный крестъ четвероконечному. Обряды, упоминаемые въ указанныхъ пяти пунктахъ присяги, содержатся въ настоящее время какъ старообрядцами, такъ и единовѣрцами. Кто же изъ нихъ проклятъ по смыслу присяги? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ 16, 17, 18 и 19 пункты присяги. Въ первыхъ двухъ пунктахъ проклинаются тѣ держатели старыхъ обрядовъ, которые не признаютъ православнымъ патріарха Никона и всю грекороссійскую Церковь. Кто же признаетъ патріарха Никона еретикомъ и всю грекороссійскую Церковь падшею и еретическою? Прежде всего, родоначальники раскола, а потомъ всѣ ихъ послѣдователи—раскольники старообрядцы всѣхъ толковъ, а не единовѣрцы, которые содержатъ старые обряды не въ противленіе Церкви грекороссійской и не отрицаютъ ея православія. Такъ какъ ни въ книгѣ „Жезль Правленія“, ни даже въ мнимой присягѣ патріарха Іоакима не проклинаются сами по себѣ обряды, содержимые старообрядцами, въ томъ числѣ и имя Христа Спасителя „Ісусъ“, то всѣ мѣста изъ твореній святыхъ отцевъ, въ которыхъ, по мнѣнію неокружниковъ, называются волхвами

и чародѣями проклинатели имени Христа Спасителя, приведенны ими вовсе не кстати и не подлежатъ нашему разсмотрѣнiю.

По мнѣнiю неокружниковъ выраженiя: „инъ Исусъ и инъ Исусъ“ составляютъ слѣдствiе полемическихъ приемовъ апологетовъ православной Церкви и старообрядчества. Относительно апологетовъ нашей Церкви это сущая правда, о которой торжественно и открыто заявилъ святѣйшiй синодъ въ своемъ „Изъясненiи о порицательныхъ отзывахъ, находящихся въ полемическихъ противъ раскола сочиненiяхъ прежняго времени“. Въ семъ Изъясненiи святѣйшiй синодъ засвидѣтельствовалъ, что порицательные отзывы о нѣкоторыхъ обрядахъ, содержащихся старообрядцами, находящiеся въ полемическихъ противъ раскола сочиненiяхъ прежняго времени, принадлежать лично писателямъ тѣхъ сочиненiй, и Церковiю не раздѣлялись и не раздѣляются. Нельзя того же сказать о старообрядцахъ, беспоповцахъ и неокружникахъ. Они говорятъ и пишутъ—„инъ Исусъ“ не только въ полемикѣ съ апологетами нашей Церкви, но и между собою, и тѣмъ достаточно ясно свидѣтельствуютъ свою вѣру и убѣжденiе въ томъ, что наша Церковь подъ именемъ „Исусъ“ разумѣетъ не Христа Спасителя, но антихриста. Взглядъ неокружниковъ на происхожденiе спорнаго вопроса объ инобожii раздѣляетъ и Швецовъ. Онъ въ своемъ замѣчанii пишетъ: „Если никонiане вознеистовились на древлеславянское произношенiе Христову Спасительному имени „Исусъ“, такъ и беспоповцы и наши неокружники неистовятся противъ имени „Исусъ“, усвоеннаго грекороссiйскою Церковiю отъ „иныхъ языкъ“. Беспоповцы и неокружники вѣрують и исповѣдуютъ, что въ грекороссiйской Церкви духовно царствуетъ антихристъ, что имя „Исусъ“ есть имя антихриста, что троеперстiе и четвероконечный крестъ печать антихриста, Швецовъ проповѣдуетъ, что грекороссiйская Церковь еретическая, что она неистовствуетъ нисколько не меньше тѣхъ, поне о Христѣ глаголаху: яко вельзевула иматъ и яко о князѣ бѣсовствѣмъ прогоняетъ бѣсы (Марк. 3, 22) (Разборъ Швецовскихъ „Показанiй“ стр. 78). Вотъ дерзость и неистовство, превосходящiя всякую мѣру!

Миссионеръ свящ. *Θ. Воловей.*

(Окончанiе слѣдуетъ).

Поѣздка раскольничьей депутаціи на Востокъ ¹⁾.

Не имѣя сомнѣній, что мы сумѣли изложить здѣсь такъ, какъ бы хотѣли, всѣ наши шагъ за шагомъ изслѣдованія и наши выводы, мы считаемъ нужнымъ высказать наше личное твердое убѣжденіе, безъ всякой пристрастности, или задней мысли, по чистой совѣсти. Конечный выводъ и окончательный результатъ изъ тщательныхъ нашихъ изслѣдованій, провѣрокъ, наблюденій, личныхъ собесѣдованій съ массой духовныхъ и свѣтскихъ лицъ грековъ, свѣдѣній и справокъ, полученныхъ въ Константинопольской канцеляріи вселенскаго греческаго патріарха и личнаго съ нимъ разговора въ данной намъ аудіенціи, при посредствѣ переводчика и присутствующаго тутъ патріаршаго секретаря, говорящаго хорошо по-русски. Лично присутствуя въ патріаршей церкви при обрядѣ крещенія, бесѣдуя съ греческими священниками, начиная съ Одессы, Константинополя, Смирны, Аѣинъ и греческаго острова Корфу, посѣщая множество церквей, мужской и два женскихъ монастыря, и присутствуя при богослуженіяхъ, мы получили несомнѣнную и твердую увѣренность: 1) что въ греческой Церкви, въ какой бы странѣ ни было, крестили и крестятъ трехпогружательно. Всѣ слухи и обвиненія грековъ въ обливательномъ крещеніи есть вымыселъ и ложь, а потому мы получили твердое убѣжденіе, что митрополитъ Амвросій имѣлъ правильное трехпогружательное крещеніе. Утвержденіе, что онъ былъ обливанцемъ, теперь мы считаемъ также за вымыселъ и клевету. 2) Греческая высшая іерархія не оспариваетъ преемственности хиротоніи на митрополитъ Амвросіи и происшедшемъ отъ него священствѣ, но уклоняется объ этомъ сильно заявлять, или тѣмъ болѣе подтверждать официально, дабы не раздражать св. синодъ, и по причинѣ того, что не видятъ желанія старообрядчества и старообрядческой іерархіи

¹⁾ См. „Мисс. Обзоръ“. 1902 г., октябрь, стр. 429.

сколько-нибудь сближаться ни съ русской, ни съ греческой Церквами. 3) Никакого поступка неблаговиднаго, или пятна на дѣйствіяхъ митрополита Амвросія, какъ духовнаго лица, до перехода еще его къ старообрядцамъ, не существуетъ, а потому и самая личность митрополита, изъ всей массы лжи и клеветы на него, обрисовывается честной и чистой. 4) Принятіе католиковъ греками совершалось 1-мъ чиномъ, но за послѣдніе 15—20 лѣтъ допущено принятіе вторымъ чиномъ, подъ давленіемъ многихъ обстоятельствъ, хотя съ сознаниемъ несогласія съ правилами, но никакого соборнаго или даже патриаршаго постановленія объ этомъ нѣтъ, а потому и сейчасъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принятіе продолжается первымъ чиномъ, въ чемъ мы и убѣдились въ Аѳинахъ.

Все изложенное мы подтверждаемъ нашей совѣстью, страхомъ и отвѣтственностью передъ Всемогущимъ Богомъ, памятуя тяжкую отвѣтственность въ будущемъ. Мы твердо заявляемъ, что руководились только горячимъ желаніемъ правды, и, не имѣя какой-либо задней мысли и не допуская какихъ-либо постороннихъ вліяній, старались изложить лишь то, что дѣйствительно сами восприняли своимъ собственнымъ разумомъ и своими собственными понятіями. Изложивши письменно, съ цѣлью ознакомленія одновѣрныхъ съ нами старообрядцевъ, результаты нашего путешествія, мы не желаемъ и не имѣемъ въ виду стараться кому-либо навязывать обосновавшіяся у насъ убѣжденія и понятія, и если бы кто еще вздумалъ провѣрить наши матеріалы, то думаемъ, что нашъ посильный трудъ, хотя въ малой степени можетъ облегчить эту задачу.

Подводя итоги нашихъ матеріаловъ и считая за тягчайшее безразсудство и погрѣшеніе дерзать имѣть сомнѣніе въ обѣтованіяхъ Христа о neodолѣнности Церкви Христовой, отвергать всѣмъ извѣстныя евангельскія слова „до того дне, дондеже прииду“, „аще не крещенъ водою и духомъ, не внидетъ въ царствіе Божіе“ и т. д., мы приходимъ безусловно къ тому заключенію, что митрополитъ Амвросій былъ принятъ совершенно правильно, согласно многимъ примѣрамъ, бывшимъ въ древней Церкви, а также и примѣрамъ нашихъ предковъ, принимавшихъ священниковъ отъ Россійской Церкви 50—60 лѣтъ тому назадъ, уже въ то время, когда Россійская Церковь 200 лѣтъ какъ официально признала обливательное крещеніе за правильное и всеоб-

держно принимала католиковъ вторымъ чиномъ. И по выясненному положенію греческой Церкви, въ моментъ перехода митрополита, принятіе отъ оной имѣло безусловно больше основаній, чѣмъ отъ русской. Въ заключеніе и приходимъ къ выводу, что именно единая старообрядческая іерархія сохранила во всей чистотѣ святоотеческіе догматы, уставы и преданія, терпя гоненія и преслѣдованія, кои за послѣднее время (умножились), благодаря сильнѣйшему натиску російскаго миссіонерства, почувствовавшаго слабость свою при мирныхъ собесѣдованіяхъ, а потому начавшаго свои проповѣди подкрѣплять не христіанскою кротостью и словомъ увѣщеванія, словами священнаго Писанія, а властію полицейскихъ силъ. И принятая система противъ многострадалнаго старообрядчества неудержимо развивается и клонится уже къ захвату и уничтоженію старообрядческихъ епископовъ.

Взоры многихъ старообрядцевъ обращались на заграничныхъ некрасовцевъ безпоповцевъ, которые, живя вблизи митрополіи, отказались отъ принятія Бѣлокриницкаго священства и, слѣдовательно, имѣли же какія-нибудь основательныя къ тому причины. Кажется, излишне уже будетъ распространяться о нихъ. До того много нами выяснено о всей несообразности, нелогичности ихъ устоевъ и убѣжденій. Ихъ считаютъ безпоповцами. Но какіе же это безпоповцы, когда за послѣдніе 45 лѣтъ съ постоянными перерывами они имѣли 12 священниковъ, или наполовину принимая за таковыхъ всевозможныхъ проходимцевъ и шарлатановъ, даже не поставленныхъ. Въ перерывахъ, когда у нихъ нѣтъ попа, они начинаютъ толковать по-поморчески, заявляя о наступившемъ уже антихристовомъ времени, и присоединяющихся къ нимъ ихъ наставники дерзаютъ перекрещивать. Явился попъ, и опять антихриста, съ именемъ котораго они такъ любятъ носиться, по боку. И новый попъ крещеныхъ прежнимъ попомъ, или наставникомъ, для вящаго авторитета начинаетъ перекрещивать и перевѣнчивать... То всѣ общества соглашаются и принимаютъ попа и находятся въ единеніи, то происходитъ критикованіе онаго, и они распадаются и начинаютъ одни другихъ называть „еретиками, поганцами“. Это мы говоримъ о Румыніи. Затѣмъ въ Австріи, въ селеніи Климоуцы встрѣчаемъ 85-лѣтняго наставника, 40 лѣтъ стоявшаго во главѣ общества и

всещло недопустившаго принятіе Бѣлокриницкаго священства и на наши вопросы не представившаго ровно никакихъ существенныхъ доказательствъ и причинъ противъ іерархіи, кромѣ прищепленія оспы и веденія метрикъ.

Онъ считаетъ нужнымъ присоединяющихся отъ кого бы то ни было, кромѣ Бѣлокриницкихъ, перекрещивать, такъ какъ по его мнѣнію „къ антихристову времени все клонится“. А отъ Бѣлокриницкихъ считаетъ возможнымъ принимать только подъ прощеніе. Въ то же время свою сноху, принадлежащую къ бѣлокриницкому священству, „для видимости“ принуждаетъ ходить въ свою часовню, что та и исполняетъ и въ моленіи имѣетъ общеніе. Въ довершеніе всего этого „по тайности“ заговариваетъ Бѣлокриницкаго священника дать ему „запасные дары“, которые тотъ также „по тайности“ (отступая самъ отъ правилъ, понимая по своему, что онъ этимъ производитъ сближеніе безпоповцевъ) даетъ, и довольный старикъ пастырь со спокойнымъ духомъ продолжаетъ „пасти свое стадо“, провозглашая антихристово время и ненужность священства; преспокойно причащаетъ умирающихъ дарами отъ указаннаго священника. Христосъ не могъ сохранить свою Церковь и таинства, какъ обѣщаль, а старикъ и въ антихристово время сумѣлъ сохранить таинство причастія. Все это намъ сказано съ болью и горечью его двумя родными сыновьями. Куда еще идти дальше по пути заблужденій и бессмысленности? Неужели же хотя на минуту можно задуматься надъ вопросомъ о подобномъ почтенномъ на видъ наставникѣ? А задуматься можно надъ тѣмъ, не найдутся ли наставники, подобно этому, гдѣ-нибудь и поближе къ намъ? И не могутъ-ли они по нашей привычкѣ уже къ нимъ казаться намъ иными, лучшими! Вотъ надъ этимъ слѣдуетъ много подумать тѣмъ, кто очень легко относится къ вопросу о священствѣ.

Въ конечномъ заключеніи считаемъ нелишнимъ коснуться положенія нашего часовеннаго общества. Положеніе это, по нашему понятію, находится, такъ сказать, „на распутьи двухъ путей“. Временное у насъ отсутствіе священства, или мы уже окончательные безпоповцы?.. До того положеніе не выяснено самими членами общества, что опредѣленныхъ отвѣтовъ на это, кажется, никто не дастъ. Если отвѣтять — временное, то, находясь въ такомъ положеніи уже больше полстолѣтія, время цѣлой человѣческой жизни, и не предпринимая ровно ничего,

даже избѣгая обсужденія между собою этого вопроса, откуда намъ можно ждать заботливости, чтобы изъ временнаго положенія выйти? И какими доводами, какими указаніями на свою заботливость о розысканіи священства можно оправдаться неисполненіемъ христіанскихъ таинъ и обязанностей? Ни совершенное крещеніе, ни бракъ и т. д. при этомъ убѣжденіи невозможно оправдать. Часовенное общество, осуждая все и всѣхъ, само же едва-ли можетъ оправдаться на основаніи писанія. Если же отвѣтятъ: „состояніе полное безпопсовское, нечего искать священства, его и не должно быть, послѣднее время уже наступило—антихристово, когда уже ни жертвы, ни приношенія не должно быть, антихристъ одолѣлъ Христа, и Христосъ не смогъ исполнить обѣтованій Своихъ“, „врата адовы одолѣли Церковь Христову“ и т. д. Но какое же основаніе имѣеть въ антихристово время причащеніе запасными дарами и большой водою и исповѣданіе по священническому требнику, каковыя производятъ наставники, и оныя дары и вода имѣются отъ священниковъ, принятыхъ отъ Россійской Церкви 50—60 лѣтъ тому назадъ. Какимъ же образомъ въ такое время, когда всеильнымъ врагомъ антихристомъ уже уничтожены всѣ таинства, когда уже только нужно имѣть сердце сокрушенно... и т. д., старички наставники сумѣли сохранить таинство причащенія, коимъ руководствуютъ совсѣмъ не съ „сокрушеннымъ духомъ“, а очень развязно и свободно, какъ бы и на самомъ дѣлѣ это согласовалось съ писаніемъ? Христосъ не смогъ исполнить обѣтованій... А старички сумѣли и въ антихристово время сохранить какую-то новую непредвидимую и святыми отцами стариковскую Церковь съ таинствами, но безъ священства, которое не нужно совсѣмъ. Даже и говорить-то о священствѣ у нихъ считается вреднымъ. Не найдутся ли въ этомъ положеніи сходства съ тѣмъ 85-лѣтнимъ старикомъ наставникомъ въ Климоуцахъ, который, отвергая совершенно священство, не отвергаетъ таинства причащенія, и заимствуется запасными дарами отъ старообрядческаго священника, который произошелъ отъ митрополита, принятаго отъ ереси, а здѣсь старички наставники, также отвергая священство, заимствуются запасными дарами отъ умершихъ уже священниковъ, тоже принятыхъ отъ ереси? Положеніе почти сходное съ Климоудскими старообрядцами. Благо, что еще здѣсь запасено было даровъ такъ

много, что и въ 60 лѣтъ они не вышли и даже не слышно объ оскудѣніи ихъ, а тамъ, за границей, они вышли и стали пополняться займами у священниковъ Бѣлокриницкихъ. Кстати нужно сказать, что Браиловскіе хуторяне просили насъ: „не будетъ ли возможнымъ выслать имъ запасныхъ даровъ, у нихъ оныя уже выходятъ“. Какъ будто это товаръ, который можно выслать почтой.

Съ самаго начала возникновенія старообрядчества много оное страдало и страдаетъ по настоящее время отъ раздоровъ, упрямства, самолюбія вожаковъ обществъ, наставниковъ и т. д. И всѣ эти явленія зачастую не имѣютъ ничего общаго съ духовной стороною дѣла. Образую отдѣльныя согласія, вожаки и наставники обществъ преслѣдуютъ лишь удовлетвореніе своего самолюбія, тщеславія и гордости. Не нужно ли сознать и просить Всемогущаго Бога о ниспосланіи намъ недостающаго по грѣхамъ нашимъ смиренія, кротости и любви другъ къ другу и, имѣя одну общую великую цѣль душевнаго спасенія, къ каковой всѣ мы должны стремиться, памятуя короткое наше здѣсь пребываніе, подать обоюдно другъ другу руки помощи. И для общей душевной пользы по братски, тихо, безъ колкостей и дразгъ житейскихъ, въ одно за едино во славу единаго Бога и своего спасенія прибѣгнуть къ богатому драгоценному бисеру—священному писанію, оставленному намъ на нашу душевную пользу и спасеніе святыми отцами, вселенскими учителями, великими святыми и проповѣдниками ученія Христова и вѣры, и поразмыслить, поразсудить на основаніи онаго наше горестное положеніе. И Богъ не откажетъ намъ въ помощи просвѣтлѣть разумомъ, познать положеніе свое и успокоиться твердостью въ вѣрѣ своей.

Ищите, да обрящете. Толщете, да отверзется.

Ураль. Гор. Екатеринбургъ.
Сентябрь, 1900 г.

Ф. Малиновцевъ. Г. Грачевъ.

Р. S. Мы закончили печатаніемъ настоящую раскольничью повѣсть, опустивъ въ ней кое-что несущественное. Въ слѣдующей книжкѣ дадимъ нашъ отзывъ о ней съ указаніемъ тѣхъ вольныхъ и невольныхъ ошибокъ и прямой лжи, которыя допустили авторы раскольники противъ исторіи и правды, ради торжества своей безплодной затѣи.

Ред.

Умопомраченіе странной секты (духоборовъ).

(Mania of strange sect).

Такъ озаглавлена статья одной англійской газеты („Чикагская Хроника“), которая первая сообщила ужасныя подробности о новыхъ проявленіяхъ религіознаго безумнаго броженія среди сектантовъ-духоборовъ, выселившихся назадъ тому 3 года изъ Россіи въ Сѣверную Америку.

Предварительно напомнимъ нашимъ читателямъ причины и обстоятельства, по которымъ духоборы, въ количествѣ 7 тысячъ душъ, оставили свой родной край. Во время внутреннихъ волненій изъ-за „Сиротскаго дома“—резиденціи обожаемыхъ главарей секты, и общественнаго капитала, попавшаго въ частныя руки,—въ разочарованную духоборческую массу проникло ученіе, такъ называемаго, толстовства.

Первою идеей толстовскаго маньячества, завладѣвшей психологіей страшно темной и довѣрчивой сектантской массы, была мысль объ уравниеніи между сектантами имущества и о распродажѣ лишняго скота. Духоборы всегда были прекрасными скотоводами, многіе изъ нихъ владѣли сотнями головъ баранты и десятками рогатаго скота; духоборческія лошади славились во всемъ Закавказьѣ. Сама мѣстность, гдѣ жили духоборы (особенно Ахалкалакскій уѣздъ), изобилующая огромными пастбищами, благопріятствовала скотоводству.

И вотъ въ 1895 г. вдругъ, по наказу главарей, духоборы въ теченіе недѣли должны были, согнавъ скотъ съ горъ на рынки, распродать его по какой бы то ни было цѣнѣ.

Все пошло, конечно, за безцѣнокъ въ руки армянъ и своихъ братьевъ духоборовъ другой партіи. Распроданы тысячи баранты, сотни коровъ, быковъ и лошадей. У себя духоборы-толстовцы оставили только по одной—двѣ головы на семью молочнаго скота и по одной тройкѣ и парѣ лошадей. Очевидцы говорятъ, что не только бабы выли, но и мужики плакали, разставаясь съ своими выхолощенными, взлѣбанными любимцами-животными, но такова сила массоваго

гипноза: самые разумные безропотно покорялись безумному велѣнію и, конечно, жестоко разорились.

Исслѣдуя, при двухкратномъ посѣщеніи духоборья, это новое движеніе въ злосчастной сектѣ, мы много бесѣдовали съ духоборами, по поводу ихъ новыхъ взглядовъ на скотъ. Главари съ горячностью доказывали, ссылаясь на слова ап. Павла, что „тварь въ свободу звана“, и потому-де должна быть отпущена... „Мы—члены всемірнаго Христова братства, не должны владѣть никакимъ живымъ Божьимъ созданіемъ, пусть другіе, невѣрующіе, поработаютъ твореніе Божіе, и лишь по неизбѣжной необходимости позволительно намъ держать самое ограниченное число животныхъ для пропитанія дѣтей молокомъ и для услугъ по дому и полю—лошадей“...

Тогда же духоборы восприняли и ученіе вегетаріанства, и партія эта получила прозваніе „духоборы-постники“. Мы застали у нихъ (въ 1897 г.) уже въ полномъ развитіи суровый аскетизмъ: были изгнаны изъ пищи не только мясо, но и рыба, изъ напитковъ—не только вино, но и чай, который ранѣе у духоборовъ былъ въ большемъ употребленіи.

Ранѣе, какъ извѣстно, духоборы, по ученію секты, не признавали постовъ и были вѣчными мясоядцами, любили жирно поѣсть и крѣпко покутить. И тогда уже круто измененный насиліемъ главарей бытъ вызвалъ изнуреніе и малярію.

Какъ ни убѣждали мы, что при лихорадкѣ нельзя пить сырую воду, ѣсть „тюрю изъ кислаго хлѣба и какихъ-то лѣсныхъ злаковъ“, упорные духоборы стояли на своемъ: „чай истинные христіане пить не должны, а убоина—запрещена 6-ою заповѣдью „не убій“...

— Вотъ, видишь, господинъ, ползеть червякъ,—помню, при бесѣдѣ въ с. Терпѣнѣ, Карской области, подъ навѣсомъ сарая, на огородѣ, такъ философствовалъ духоборъ Новошеновъ,—я и его и козявку не долженъ давить, а долженъ обойти, пусть ползеть... И философъ бережно отодвинулъ свои ноги, давая дорогу червяку.

Когда я объяснилъ духоборамъ, что они въ сырой водѣ глотаютъ множество всякихъ живыхъ „козявокъ“ (микробовъ), невидимыхъ для простаго глаза, то главари пришли въ ужасъ отъ такого грѣха.

Тогда же въ воспаленныхъ головахъ сектантовъ поднимались вопросы такого рода, что-де не грѣхъ-ли и ѣздить

на лошадахъ, ѣсть яйца и молоко, пользоваться шкурами для обуви и одежды? Помнится, что отъ нѣкоторыхъ экзальтированныхъ фанатиковъ шли такія рѣчи: „вотъ, доносимъ старыя „кожухи“ и „чоботы“, новыхъ шить ужъ больше не станемъ“. Одна изъ вліятельныхъ духоборческихъ весталокъ уже тогда изгнала въ своемъ обиходѣ шерстяное и ходила во всемъ полотняномъ изъ простаго бѣлаго холста. Ее духоборы сторой партіи прозвали „полунощной вѣдьмой“.

Но въ то время всѣ подобныя мысли лишь бродили кое у кого, какъ своего рода бредъ. Отрезвляющее благотѣльное вліяніе оказывали на послѣдователей новой партіи духоборы старой, благомыслящей партіи, которая была и многочисленнѣе и зажиточнѣе. Мы въ своихъ докладахъ и мѣстной власти, и центральной настойчиво проводили тотъ взглядъ, что мятущуюся часть духоборовъ, расселенныхъ въ то время по инородческимъ селеніямъ Кахетіи, полезнѣе вернуть на прежнія мѣста ихъ осѣдлости, освободивъ ее временно отъ маньяковъ и злокозненныхъ агитаторовъ. Примѣръ благомыслящей партіи односельцевъ-духоборовъ вѣрнѣе всего отрезвитъ безуміе. Всякое же переселеніе и выселеніе будетъ роковою мѣрою: тогда безумный бредъ будетъ освященъ и закрѣпленъ въ сознаніи массы, какъ дорогая истина, окруженная ореоломъ страданій и мученичества; а главное, сдвинутая съ своего основанія, сбитая съ толку масса, осѣвшися на новомъ мѣстѣ изолированнаго поселенія, предоставленная самой себѣ, лишится благотѣльнаго вліянія родственной среды, покатится по наклонной плоскости и дойдетъ до геркулесовыхъ столбовъ безумія и анархіи. Какъ увидить ниже читатель, мы были правы тогда въ своихъ опасеніяхъ и догадкахъ.

Къ несчастію для духоборовъ-постниковъ, къ нимъ плотно присосались тогда, въ качествѣ руководителей и пѣстунновъ, шалые люди изъ толстовской группы. Въ то время, когда духоборы уже подумывали было о возвращеніи въ насиженныя свои мѣста, интеллигентные попечители вызвались съ своимъ проектомъ—устроить ихъ за границей, гдѣ они заживутъ своимъ „новымъ царствомъ Божіихъ людей“, артелью, безъ собственности, безъ властей и законовъ, безъ повинностей и податей.

Проектъ авторизовался самимъ яснополянскимъ „великимъ учителемъ“. Духоборы снова заволновались.

Кстати мятежные сектанты страшно надоѣли мѣстнымъ властямъ и всему русскому правительству своею пассивною борьбою съ государственными порядками и законами, до уклоненія отъ воинской повинности и уплаты податей включительно. Правительство, не сочло нужнымъ помѣшать безумной, безсердечной затѣѣ толстовцевъ съ переселеніемъ этихъ во многомъ хорошихъ русскихъ людей и дало свое согласіе на добровольное ихъ выселеніе за границу безъ права возвращаться снова въ Закавказье. Началась необычайная горячка по устроенію переселенія. Графъ Л. Н. Толстой, какъ извѣстно, пожертвовалъ весь свой гонораръ, полученный имъ отъ издателя „Нивы“ за повѣсть „Воскресеніе“; русскіе сектофилы и американскіе квакеры собрали значительную сумму на переѣздъ. Князь Д. Хилковъ и г. В. Чертковъ съ ходоками изъ духоборовъ кинулись искать за границей свободныя земли. Поиски и осмотры производили подѣ тѣмъ угломъ зрѣнія, чтобы земля была какъ можно пустыньѣе, вдали отъ центровъ цивилизаціи, такъ чтобы духоборы, какъ народъ Божій, были подальше отъ городскихъ соблазновъ, не „избаловались“. Иначе говоря, толстовцы думали не о духоборахъ, а объ удобствахъ производить свои эксперименты надъ живыми людьми, по устроенію новаго „царства Божьихъ людей“.

Остановились согладатаи сначала на о. Кипрѣ, куда и поспѣшили перевести въ 1898 г. первую партію духоборовъ изъ Кахетіи. Но злая малярія заѣла духоборовъ, — огромный процентъ смертности и заболѣваній заставилъ искать новой обѣтованной земли для духоборческаго израиля.

И вотъ, послѣ недолгихъ поисковъ и короткихъ размышленій, абонирована была американская Манитоба и Саскечеванъ въ Канадѣ. Интеллигентные вожди дѣйствовали съ лихорадочною поспѣшностью, боясь раздумья и духоборовъ, и русскаго правительства.

Въ 1899 г., подѣ предводительствомъ неизвѣстнаго г. Сульфержиджидскаго и извѣстнаго гр. Сергѣя Толстого, въ сопровожденіи болѣе 20 душъ интеллигентныхъ просвѣтителей, на нѣсколькихъ зафрахтованныхъ пароходахъ, водворены были въ Канадѣ и кипрскіе и закавказскіе „духоборы-постники“ въ пустынной, необитаемой мѣстности, среди лѣсовъ и болотъ, находящихся на одномъ меридіанѣ съ нашими сѣверными тундрами.

Около года интеллигенты „путались“, по выраженію са-

михъ духоборовъ, въ Манитобѣ, развивая и опекая въ Новомъ Свѣтѣ несчастныхъ сектантовъ, а затѣмъ одинъ по одному исчезли, благодаря страшно тяжелымъ климатическимъ и другимъ условіямъ жизни. Дольше другихъ изъ ихъ интеллигентныхъ вожаковъ оставался среди духоборовъ въ этой „обѣтованной“ землѣ извѣстный въ сектантскомъ мірѣ утопистъ и маньякъ-толстовецъ Бодянской, помѣщикъ Харьковской губ. Кажется, онъ недавно тамъ и умеръ. Онъ помѣшалъ проекту г. Тверского устроить духоборовъ въ Калифорніи, дабы духоборы „не избаловались“...

Печатныя извѣстія о новомъ житѣ-бытѣ духоборовъ въ Канадѣ въ первое время шли только отъ ихъ интеллигентныхъ друзей и опекуновъ, и, конечно, всѣ свѣдѣнія были такого тона, что-де устроились славно, и все обстоитъ преблагополучно. Но вотъ въ 1901 году впервые проливаетъ истинный свѣтъ въ русской печати на *благополучіе* духоборовъ въ Америкѣ г. Тверской. Имъ напечатана была статья въ „Вѣстникѣ Европы“, а позже изданы были двѣ брошюры, подъ заглавіемъ „Духоборческаая эпопея“ и „Новыя главы духоборческой эпопеи“.

Г. Тверской какъ громомъ поразилъ русское общество, разоблачивъ духоборческо-толстовскую драму во всемъ ужасѣ. Оказалось, что духоборы попали въ американскую ловушку и претерпѣваютъ страшныя невзгоды и лишенія, что земля никуда не годится, мѣстныя власти ихъ прижали, капиталисты эксплуатируютъ, какъ животныхъ и проч. На страницахъ „Русск. Вѣд.“ виновники духоборческой трагедіи пытались ослабить и сгладить тяжелое впечатлѣніе отъ разоблаченій г. Тверского. О судьбѣ и положеніи американскихъ духоборовъ снова въ русской печати замолчали, а въ обществѣ забыли.

Странно, что русская печать упорно молчитъ о духоборахъ и въ то время, когда заграничныя газеты Европы и Америки вотъ уже два мѣсяца переполнены поражающими подробностями о печальномъ положеніи русскихъ сектантовъ-духоборовъ въ Манитобѣ и въ частности объ ихъ умопомраченіи, дошедшемъ нынѣ, дѣйствительно, до геркулесовыхъ столбовъ.

Вотъ эти сообщенія,—приводимъ ихъ въ буквальномъ переводѣ безъ всякихъ комментаріевъ. Замѣтимъ только, что подробности эти насколько угрожающи, настолько же и

поучительны для легкомысленныхъ поборниковъ безусловной „свободы совѣсти и пропаганды всякихъ лжеученій“. Полюбуйтесь, господа, до чего способенъ русскій простолюдинъ дойти, предоставленный своей свободѣ, совѣсти и вѣры!

Чикагская Хроника (англ. газ.). Странныя фантазіи овладѣваютъ иногда религіозными сектами; Йорктоунскій корреспондентъ нашъ находитъ, что самой странной изъ всѣхъ подобныхъ фантазій слѣдуетъ считать несчастное ослѣпление 5000 русскихъ духоборовъ, поселившихся въ западной Манитобѣ.

Въ области Лебязьей рѣки правительство не на шутку озабочено поразительнымъ безуміемъ, овладѣвшимъ этими колонистами. Ужасныя сцены, описанныя лицами, посѣтившими ихъ общину, превосходятъ всякое вѣроятіе.

Всѣмъ извѣстно, что духоборы противятся пролитію крови. Они покинули Россію, спасаясь отъ воинской повинности, отъ которой правительство Канады согласилось ихъ освободить подъ условіемъ поселенія въ преріяхъ Дальняго Запада. Никто не поинтересовался узнать, чѣмъ и какъ они будутъ тамъ питаться; — очевидно это было ихъ личное дѣло, но оказалось, что и этотъ вопросъ причинилъ правительству множество заботъ и хлопотъ.

Въ Америкѣ всякій человѣкъ воленъ ѣсть, что и какъ ему вздумается, и если его вѣра предписываетъ ему исключительно растительную пищу, убѣжденіе его всѣми уважается. Если бы духоборы ограничились только вегетаріанствомъ, все было бы прекрасно; но вѣра ихъ, повидимому, не вылилась еще въ строго опредѣленную форму, и требованія ея подвергаются постояннымъ измѣненіямъ.

Отъ убѣжденія, что ѣсть мясо грѣшно, еще очень далеко до запрещенія употреблять въ пищу продукты животныхъ организмовъ; тѣмъ не менѣе сектанты отказались отъ молока, масла, яицъ, сыру и т. п. Скотъ ихъ: быки, коровы, козы и домашнія птицы жирѣютъ и размножаются въ то время, какъ самимъ хозяевамъ угрожаетъ голодная смерть. Отъ этой нелѣпости недалеко уже и до другой, еще болѣе дикой. Исходя изъ разсужденія, что питаться мясомъ животныхъ грѣшно, не мудрено ужъ было додуматься и до того, что въ равной мѣрѣ грѣшно употреблять, напр. кожаную сбрую, сдѣланную изъ шкуръ Божіихъ тварей; далѣе послѣдовало запрещеніе носить шерстяныя ткани, п. ч. шерсть растетъ на баранахъ, и, стало быть, тоже принадлежитъ Господу.

Слѣдующій за этимъ шагъ отозвался еще гибельнѣе на экономическомъ строѣ переселенцевъ. Оказалось, что употреблять животныхъ на работы, или вообще пользоваться

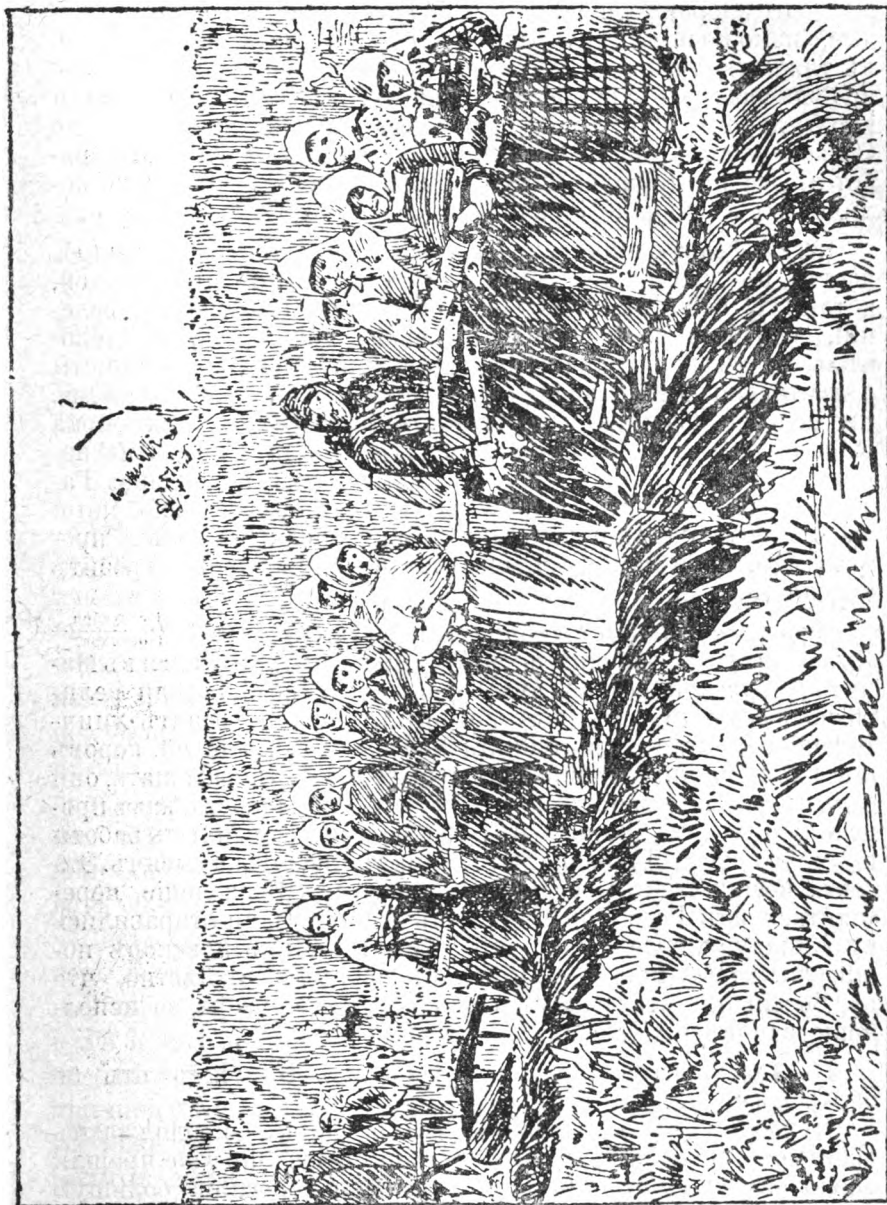
ими, какъ бы то ни было, тоже грѣшно, и у духоборовъ хватило силы воли осуществить и это свое убѣжденіе на дѣлѣ. Они немедленно прогнали всѣхъ своихъ лошадей, рогатый скотъ и барановъ на „Божій холмъ“, предоставили имъ пастись тамъ на волѣ и, недолго думая, взвалили всѣ сельско-хозяйственныя тяготы на собственныя плечи. Во всѣхъ случаяхъ, когда приходилось неревозить тяжелые возы или фуры, лошадей стали замѣнять мужчины. Когда нужно вспахать поле, 12 или 14 человекъ впрягаются въ плугъ; другого способа воздѣлывать землю сектанты не признаютъ. Даже женщины участвуютъ въ такихъ работахъ, впрочемъ только у себя на фермѣ; для поѣздокъ въ городъ въ фуры или каріолеты впрягаются исключительно мужчины.

На улицахъ Йорктоуна ежедневно можно встрѣтить телѣги, влекомыя дюжиной духоборовъ, которые везутъ на продажу немудрые продукты своего убогаго хозяйства, взамѣнъ ихъ они покупаютъ муку или другіе предметы первой необходимости. Духоборы одѣваются исключительно въ бумажныя ткани и носятъ резиновые сапоги или башмаки, сплетенные изъ бичевокъ. Пища ихъ состоитъ изъ хлѣба и воды, самыхъ простыхъ овощей, ягодъ и травъ. Фермы ихъ запущены; скотъ, котораго у нихъ въ началѣ было много, дичаетъ, бѣгая по холмамъ, гдѣ ему предстоитъ погибнуть въ зимнюю стужу, или же попасть въ руки людей, не раздѣляющихъ религіозныхъ взглядовъ духоборовъ.

Съ наступленіемъ холодовъ неизбѣжно настанетъ голодъ и начнутся болѣзни; духоборы, вѣроятно, и сами предвидятъ это, такъ какъ вступили уже въ письменныя сношенія съ властями южной Калифорніи, Невады, Аризаны и Австраліи, въ виду намѣренія переселиться въ болѣе теплый климатъ, въ такія мѣста, гдѣ бы они могли питаться отъ земли, не касаясь царства животнаго. Нечего и говорить, что эти люди никому не нужны, а потому они и остаются въ Манитобѣ, страшно отягощая собой правительство, которое выписало ихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Россіи, съ цѣлью заселить ими пустынные преріи Дальняго Запада.

Morning Post... (англ. газ.). Вспышка массоваго умопомраченія, овладѣвшаго духоборами, грозитъ весьма серьезными послѣдствіями, несмотря на то, что манія пока еще не перешла за границы Йорктоунскаго округа. гдѣ поселилось около 4000 этихъ колонистовъ. Корреспондентъ газеты „Звѣзда Монреаля“ полагаетъ, что многіе изъ нихъ, исповѣдующіе догматъ своей вѣры вопреки здравому смыслу и обстоятельствамъ, должны будутъ погибнуть отъ морозовъ въ теченіе наступающей зимы, если правительство замедлитъ принять рѣшительныя мѣры. Поля не сжаты, рогатый скотъ и лошади бѣгаютъ на свободѣ по нивамъ; сапоги и

башмаки отвергнуты, потому что изготовляются изъ шкуръ животныхъ—такого же народа Христова, какъ и мы. Люди

Духоборы, впрягшись въ плугъ, сами обрабатываютъ землю.

новой вѣры носятъ самыя легкія, бумажныя ткани и говорить, что и во время морозовъ не надѣнуть ни мѣха, ни

шерсти. Въ нѣкоторыхъ домахъ корреспондентъ видѣлъ мѣшокъ муки и кое-какія овощи, но въ большинствѣ жилищъ не нашелъ и признаковъ чего-либо сѣдобнаго. Люди, отъ природы здоровые и сильные, бродятъ теперь голодные, худые, изможденные; недавно цѣлая дюжина ихъ впряглась въ тяжелую телѣгу и пыталась дотащить ее до города; это не удалось: обезсиленные голодомъ, несчастные попадали вдоль дороги. Повидимому умопомраченіе не дошло еще до Саскечевана, куда скопление этого народа, согласнаго работать за ничтожную плату, привлекаетъ въ большомъ количествѣ американскіе капиталы.

Herald Peace пишетъ: Правительство Канады распродаетъ въ настоящее время рогатый скотъ и лошадей, которыхъ фанатики-духоборы прогнали изъ своихъ селеній, сообразуясь со своимъ новымъ догматомъ, что человѣкъ не имѣетъ права поработать животныхъ. Колонисты рѣшительно отказались отъ предложенія правительства: продать свой скотъ и употребить вырученныя деньги на свои нужды, и тѣмъ поставили свою общину, послѣ изгнанія домашнихъ животныхъ, въ критическое положеніе. Газета добавляетъ, что правительство крайне озабочено, потому что безъ помощи домашнихъ животныхъ не только процвѣтанію, но и самому существованію духоборовъ грозитъ опасность.

Французская газета «**Courrier Metallurgiste**» ^{18 сентября} _{1 октября.} Изъ Виннипега сообщаютъ, что недавно поселившейся въ Манитобѣ русской сектой духоборовъ внезапно овладѣли религіозныя сомнѣнія, въ силу которыхъ колоніи грозитъ уничтоженіе. Сектанты выпустили на свободу лошадей, коровъ и всѣхъ домашнихъ животныхъ; не желая ихъ поработать, они отказываются также отъ употребленія кожи и шерсти, какъ происходящихъ отъ животныхъ. Люди сами исполняютъ работы вьючнаго скота. Духоборовъ въ Канадѣ нѣсколько тысячъ. Эта секта возникла въ срединѣ 18 столѣтія. Позволеніе переселиться изъ Россіи получили въ 1898 г. Одни отправились въ Канаду, другіе на островъ Кипръ, который вскорѣ покинули, чтобы присоединиться къ первымъ. Извѣстно, что въ Россіи они отказывались отъ военной службы во исполненіе заповѣди: Не убій.

Въ **The Standard** телеграфируетъ изъ Виннипега отъ 30 октября (н. ст.):

Духоборы въ количествѣ 800 человекъ продолжаютъ свой походъ по направленію къ Виннипегу. Они уже прошли около 40 километровъ. Эти фанатики бросили большую часть своей одежды, чтобы идти налегкѣ. Они почти нагіе. Всѣ проникнуты желаніемъ обратиться въ свою вѣру весь свѣтъ. Правительство въ величайшемъ затрудненіи и не знаетъ, какія мѣры слѣдуетъ принять.

Энтузіазмъ духоборовъ, идущихъ на Виннипегъ, возрастаетъ съ каждымъ этапомъ. Многіе изъ нихъ проявляютъ симптомы несомнѣннаго помѣшательства.

Власти отравили навстрѣчу духоборамъ значительные военные отряды.

О, какъ недолга и жестоко печальна судьба насажденнаго въ Канадѣ духоборо-толстовскаго царствія Божія!

Независимо отъ приведенныхъ сообщеній заграничной печати, мы имѣемъ свѣдѣнія о происходящемъ хаосѣ среди канадскихъ духоборовъ изъ частныхъ писемъ самихъ же духоборовъ, непосредственныхъ свидѣтелей нынѣшняго бѣдственнаго ихъ положенія.

Авторы писемъ еще, повидимому, не подпали вліянію новаго религіознаго броженія, раздѣлившаго нынѣ духоборовъ Канады на двѣ партіи—*постниковъ* и *молочниковъ*. Письма особенно новыхъ подробностей не сообщаютъ, но въ нихъ заслуживаетъ вниманія то душевное настроеніе, съ которымъ духоборы переживаютъ новый переворотъ, грозящій гибелью сектъ. Авторы стоятъ въ *безпомощномъ* раздумьѣ, не понимая, что такое происходитъ у нихъ, но сомнѣваются, чтобъ можно было „свиному носу ѣсть изъ золотой чашки“, и однако не осуждаютъ новаго безумія своихъ передовыхъ единовѣрцевъ; какъ истые фаталисты, духоборы тупо, покорно, какъ къ неизбѣжному року, относятся къ тому, что будетъ лично съ ними („пока коровъ держимъ“), захлеснетъ ли ихъ пагубная волна, они не хотятъ засматривать въ будущее, грозящее имъ страшными бѣдствіями. „Будь, что будетъ, видали мы виды, не то переживали, а отъ братства отставать нельзя“,— вотъ исконный девизъ всякаго духобора.

Тутъ и гордость, и озлобленное отчаяніе, какъ результатъ историческихъ лжестраданій, и наивная, слѣпая, тупая, но способная на подвигъ мученичества, покорность массы волѣ и мысли своихъ верховодовъ. Это душевное настроеніе духоборовъ—плодъ всей ихъ вѣковой исторіи, а вмѣстѣ и причина тѣхъ печальныхъ событій, къ какимъ привела ихъ все таже слѣпая, тупая покорность сначала волѣ и велѣніямъ Колмыковыхъ, затѣмъ авантюриста Петруши Веригина, затѣмъ интеллигентныхъ безумцевъ, а нынѣ указкѣ какихъ-то, невѣдомыхъ намъ, маньяковъ... Да, исторія духоборовъ должна служить поучительнымъ урокомъ и вмѣстѣ убѣдительнымъ доказательствомъ того, какъ опасно предоставлять сектант-

скую массу самой себѣ, оставлять ее безъ воздѣйствія миссіи Церкви со стороны идей и государственной опеки, относительно внутренняго и общественнаго быта сектантовъ.

Вотъ эти письма. Приводимъ ихъ буквально, исправивъ только орфографію подлинника.

8 іюля 1902 г.

Дражайшимъ и никогда незабвеннымъ Колѣ и Дунѣ и дѣткамъ вашимъ Полѣ и Колѣ!

Увѣдомляемъ мы васъ о томъ, что письмо ваше, посланное отъ 22 іюня, мы получили. Дорогие Никола и Дуня! Первымъ долгомъ вы запрашиваете у насъ объясненіе нашей жизни. Мы *не можемъ объяснить вамъ нашу жизнь* (курсивъ вездѣ нашъ), потому что мы сами еще въ неопредѣленномъ положеніи, потому что міръ пошелъ надвое: часть становится на новую жизнь, а часть еще живетъ въ прежнемъ положеніи, т. е., такъ, какъ и прежде жили всѣ духоборцы. Та часть, которая становится на новую жизнь, теперь уже совсѣмъ освободила всю худобу (скотъ), неподалеку отъ нашего села устроила два ворка (загоны),—одинъ для скотины, а другой для лошадей, и гонять скотину и лошадей, кто желаетъ жить по одному согласію съ ними, въ одно свободное стадо. Это стадо теперь уже считается свободнымъ. Такъ и написали прошеніе въ министерство, чтобы оттуда дали права и указали для скота удобное мѣсто, гдѣ бы онъ могъ быть свободнымъ зиму и лѣто, и указали правительству самую главную причину, почему освобождаютъ скотъ: потому что не хотятъ быть врагами (скота?) и не хотятъ пользоваться отъ чужой шкуры, т. е., труда, а хотятъ кормиться отъ своего труда, однимъ словомъ сказать, хотятъ жить, какъ совершенные люди,—Адамъ и Ева жили предъ лицомъ Господа Бога нашего въ раю, такъ и мы хотимъ теперь. Но только боимся того, что, какъ говорится, *„сг свинымъ носомъ въ золотую чашку будто-бы не пускаютъ“*.

А то прошеніе подавали черезъ старшаго, но въ то время его не было въ Гортконѣ, и прошеніе отдали помощнику. Помощникъ прочиталъ его и сказалъ, что это дѣло очень большое, пусть оно останется до пріѣзда старшаго. Когда пріѣдетъ старшой, тогда онъ самъ поѣдетъ съ прошеніемъ въ министерство, а когда пріѣдетъ обратно, тогда отыщутъ вашихъ подстрекателей и возьмутъ ихъ на каторжную работу, и не будетъ имъ возврата оттуда. А еще вы спрашиваете у насъ, что землю даютъ или нѣтъ, чтобы селиться семьями. О землѣ я тебѣ скажу такъ: у насъ вотъ на дняхъ былъ квакеръ, 2 или 3 іюля, пріѣзжалъ собственно затѣмъ, чтобы узнать духоборцевъ, на какомъ основаніи становятся себя; и вотъ собиралъ сходку, сходка была большая, но всетаки тутъ дѣла не окончили, потому что нѣкоторые освобождаютъ скотину, а иные уже совсѣмъ

не хотятъ никакой земли принимать, а тѣ, которые еще живутъ на прежнемъ положеніи, *хотятъ принять землю безъ правовъ*, (т. е., безъ укрѣпленія и безъ всякихъ документовъ), а съ правами тоже не примутъ. Теперь вмѣстѣ съ квакерами поѣхали наши 4 человѣка въ Виннипегъ, 3 человѣка „изъ постниковъ“ и 1 изъ молочниковъ. А какъ тамъ окончатъ дѣло, этого я не могу объяснить,—что дастся земля, или нѣтъ тѣмъ, которые хотятъ принять „безъ правовъ“. Больше новостей нѣтъ у насъ“...

Слѣдуетъ подпись (не разобрана).

1902 года 24 августа.

Село Смиреновка. Близъ города Йорктона въ Канадѣ.

Любезный другъ, Николай Ларіоновичъ Тарановъ!

По полученіи вашего письма, я немедленно сообщаю тебѣ объ своей жизни, какъ мы сейчасъ лично живемъ.

Ты насъ запрашиваешь, что мы постники или молочники. Мы пока вмѣстѣ имѣемъ коровъ и лошадей. А еще мы встрѣтили въ вашемъ письмѣ, что приняли ли мы землю, или нѣтъ? Землю мы не приняли.

Дорогой другъ, Николай! Еще ты насъ запрашиваешь объ нашихъ духоборцахъ, какъ они думаютъ прожить. Духоборцы живутъ разногласно,—часть духоборцевъ ослобонили худобу, а часть нѣтъ.

Которые освободили, жгутъ кожную обувь: башмаки, сапоги, хомуты, узды и т. п. и также пожгли шелковыя платья и перья (перины) и т. д. А ходятъ теперь въ лаптяхъ, спятъ на соломѣ. Нѣкоторые изъ нихъ даже деньги сдали правительству, а именно: Кузя Новокшеновъ, Якимушка Евсінъ и т. д.. А которые худобу освободили, то есть, собрали на одинъ ворокъ (загонъ) сотню лошадей, ста два рогатаго скота и т. д, подавали объ этомъ правительству прошеніе, чтобы дали такой земли, гдѣ бы они могли кормиться. На это еще не получили отвѣта.

Сейчасъ мы не знаемъ, какъ распорядятся надъ худобой.

Еще скажемъ мы тебѣ. Живемъ мы въ общинѣ: я и Алистратъ Колмоковъ. Сейчасъ находимся на работѣ на стешинахъ (?), вырабатываемъ по 2 руб. въ день.

Алексѣй Обросимовъ работаетъ въ компаніи съ сыномъ по 30 руб. въ мѣсяць каждому человѣку. Дорога проводится черезъ Тамбовку. Часто пріѣзжаютъ изъ двора. Привозятъ намъ бортъ (?). Недавно наши пріѣхали изъ двора и привезли намъ ваше письмо, за которое благодаримъ васъ. Спаси васъ, Господи, за вашу любовь и чистосердечное пожеланіе къ намъ.

Любящіе васъ навсегда братья: Иванъ и Алистратъ Колмыковы.

Вѣрно: В. Скворцовъ.

Изъ миссіонерскихъ писемъ, дневниковъ и лѣтописей.

Вопросы религіи въ обезужденіи передовыхъ людей ¹⁾).

(Картинка съ натуры).

МЕСТИДЕСЯТЫЕ и семидесятые годы, началъ Николай Андреевичъ, были, какъ извѣстно, выдающимся моментомъ въ жизни нашего образованнаго общества. Подъ вліяніемъ цѣлаго ряда коренныхъ реформъ это общество проявило вдругъ такую жизнерадостность и такую прониклось симпатією къ мужику, что теперь просто отказываешься вѣрить въ дѣйствительность факта. Тогда господствовала безграничная вѣра въ безграничное счастье и столь чудесное, что если придавать серьезное значеніе пылкимъ рѣчамъ Писарева и ему подобныхъ проповѣдниковъ, то выходитъ, что чрезъ какое-нибудь столѣтіе наше общество совершенно преобразуется.

Предварительно для всего этого требовалось распространеніе въ обществѣ естество-научныхъ знаній (какъ теперь по вашей идеѣ для подобнаго счастья требуется проповѣдь христіанской морали). Это необходимо, убѣждаетъ Писаревъ, «необходимо, чтобы въ нашемъ обществѣ постоянно поддерживалась та свѣжая струя живой мысли, которую вносить къ намъ зарождающееся естествознаніе. Если всѣ наши капиталы, если всѣ умственные силы нашихъ образованныхъ людей обратятся на тѣ отрасли производства, которыя полезны для общаго дѣла, тогда, разумѣется, дѣятельность нашего народа *усилится чрезвычайно, богатство его будетъ возрастать постоянно, и качество его мозга будетъ улучшаться съ*

¹⁾ См. Мисс. Обзор. 1902 г. октябрь.

каждымъ десятилѣтіемъ. А если народъ будетъ дѣтеленъ, богатъ и уменъ, то что можетъ помѣшать ему сдѣлаться счастливымъ во всѣхъ отношеніяхъ» («Истор. нов. литер.» Скабичевского).

Въ своихъ рѣчахъ Писаревъ имѣлъ прежде всего дѣло съ интеллигентнымъ кругомъ; но за интеллигенціей стоялъ народъ, который до того времени жилъ отдѣльной крѣпко-сплоченной единицей и ничего не вѣдалъ, что дѣлалось въ верхнихъ слояхъ общества. Писаревъ и подобные ему, хотя признавали за народомъ огромную силу, но силу косную, непросвѣщенную, блуждающую въ массѣ грубыхъ предрассудковъ и тѣмъ тормозящую общій ходъ прогрессивнаго развитія. Слѣдовательно, онъ могъ только мечтать о сближеніи интеллигенціи съ народомъ, по мѣрѣ распространенія просвѣщенія въ немъ.

Гораздо настойчивѣе проповѣдывали о такомъ сближеніи люди болѣе трезвые, чѣмъ Писаревъ, напр., тотъ же гр. Толстой, «Дайте народу то, говорилъ онъ, до чего довела васъ жизнь и десять незабитыхъ работой поколѣній». Расширьте умственный его кругозоръ, удовлетворите съ толкомъ его природнымъ способностямъ, которыя нерѣдко приводили въ изумленіе и просвѣщенныхъ людей: они дивились практической философіи мужика, его глубокомысленнымъ афоризмамъ, добытымъ опытомъ жизни, — „отдайтесь чувству, и оно васъ не обманетъ“.

Согласитесь, продолжалъ Николай Андреевичъ, можно ли было послѣ столь сильныхъ и горячихъ проповѣдей нашихъ народолюбцевъ не увлекаться «живымъ дѣломъ» и не признавать въ немъ залога грядущаго счастья и благоденствія страны, когда подъ такимъ сознаніемъ, какъ подъ дѣйствіемъ общаго гипноза, находилась вся мыслящая Русь, пробужденная отъ вѣковой апатіи толчкомъ великихъ реформъ...

И вотъ всѣ алчущіе и жаждущіе правды наши шестидесятники устремились въ народъ, въ массу, на дѣвственную почву насаждать правду и просвѣщеніе, водворять порядокъ и экономическое благосостояніе...

Однако не имъ суждено было пошатнуть старинные «дѣдовскіе устои». Вліяніе этихъ личностей на народъ было ничтожно.

Всѣ ихъ бурныя стремленія разбились о подводную скалу, о тотъ «тайственный краугольный камень», который послужилъ поворотнымъ пунктомъ въ мировой исторіи.

Въ сознаніи этой *темной* массы не переставали пребывать лучи Божественнаго свѣта, исходящіе отъ Божественнаго идеала, воплощеннаго въ Богочеловѣческой личности Христа.

Эту свѣтлую черту въ жизни темнаго люда не разглядѣли наши проповѣдники и естественно потерпѣли полную неудачу.

— Однако, строги же вы, Николай Андреевичъ, къ молодежи,—заговорилъ еще одинъ изъ компаніи.

Я всегда думалъ иное о движеніи нашей молодежи и строго отличалъ послѣднюю отъ грубыхъ бездушныхъ эгоистовъ, губящихъ живую мысль во имя какихъ-то охранительныхъ началъ. Я, когда вспоминалъ о лихорадочной дѣятельности молодыхъ борцовъ, о живой ихъ энергіи, благоговѣлъ предъ этой жаждой подвига, предъ желаніемъ вернуть молодыя силы на борьбу съ тьмою. И что побуждаетъ ихъ къ этой самоотверженной борьбѣ? Только безкорыстнѣйшая любовь къ человѣку и сознаніе общаго блага.

Въ подтвержденіе этого я вамъ приведу слова Достоевскаго—человѣка, можно сказать, совершенно свободнаго отъ предвзятыхъ мнѣній. Вотъ что онъ пишетъ по поводу идейной молодежи.

«Эта наступающая будущая Россія честныхъ людей, которымъ нужна лишь одна правда. О, въ нихъ большая нетерпѣливость! по неопытности они отвергаютъ всякія условія, всякія разъясненія даже. Но я только то хочу заявить изо всей силы, что ихъ влечетъ истинное чувство. Характернѣйшая черта еще въ томъ, что они ужасно не спѣлись и пока принадлежатъ ко всевозможнымъ разрядамъ и убѣжденіямъ: тутъ и аристократы и пролетаріи, и духовные и невѣрующіе, и старики и дѣвочки, и славянофилы и западники. Разладъ въ убѣжденіяхъ непомѣрный, но стремленіе къ честности и правдѣ непоколебимое, и за слово истины всякій изъ нихъ отдастъ жизнь свою и всѣ преимущества, обратится въ Власа!» («Днев. писат.», стр. 64, IX изд. «Нивы»).

Но былъ моментъ, гг., продолжалъ съ увлеченіемъ молодой человѣкъ, когда всѣ эти люди, „разбившись на кучки

и лагеря въ своихъ убѣжденіяхъ“, казалось, готовы были спѣться, когда «правда», которую они искали «прежде всего», стояла близъ нихъ. Такой моментъ, по моему, совпадалъ съ пушкинскими празднествами. Въ этотъ моментъ, какъ передають, общественное настроеніе было возбуждено до послѣдней степени и возбуждено, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ рѣчи Достоевскаго, которая произвела столь сильное впечатлѣніе на слушателей, что многіе изъ нихъ проливали слезы умиленія. Это было что-то въ родѣ проповѣди покаянія. Недаромъ же Д—го возвеличили въ «пророка Божія, духовнаго вождя русскаго народа», какъ назвалъ его Н. Михайловскій.

Второй подобный случай произошелъ на чтеніяхъ Вл. Соловьева въ психологическомъ обществѣ. И, наконецъ, всѣмъ извѣстная исторія съ Толстымъ, исторія до сихъ поръ не перестающая волновать умы образованныхъ классовъ интеллигенціи, не исключая и народа.

Чтобы ни думали объ этихъ фактахъ и какъ бы ихъ ни истолковывали, но я считаю ихъ за знаменіе времени: они ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что наше образованное общество уже достаточно созрѣло для *принятія* христіанскихъ идей, что оно живетъ и мыслить по-христіански, а равно и религіозно.

— Положимъ, по приведеннымъ вами фактамъ судить трудно, какъ живетъ и мыслить наше общество, заговорилъ Николай Андреевичъ. Я не отрицаю, конечно, нѣкоторыхъ «традныхъ моментовъ въ жизни образованныхъ людей и готовъ, пожалуй, болѣе вашего разсуждать о нихъ съ религіозной точки зрѣнія. Такъ, напр., рѣчь Д—го отъ начала до конца прошла въ какомъ-то религіозномъ экстазѣ и произвела дѣйствительно чарующее впечатлѣніе на слушателей. Не менѣе сильное впечатлѣніе вынесла публика и отъ чтенія реферата Вл. С. Соловьева. Здѣсь, гг., по моему, дѣло не столько въ талантливости и популярности означенныхъ мыслителей, сколько въ томъ, что въ ихъ рѣчахъ были затронуты самые животрепещущіе вопросы, начинающіе за послѣднее время сильно волновать умы. Таковъ основной вопросъ жизни: религія и ея отношенія къ наукѣ и къ просвѣщенію вообще.

Въ своихъ рѣчахъ Достоевскій и Соловьевъ, повидимому,

являются примирителями основъ религіи и культуры. Здѣсь одна другой служить восполненіемъ и обѣ вмѣстѣ составляютъ, что называется, сущность прогресса. Такъ, напр., христіанская благодать, какъ сила споспѣшествующая духовному усовершенствованію христіанскихъ обществъ, нисколько не исключаетъ благодѣтельнаго воздѣйствія просвѣщенія на людей; точно также христіанская любовь можетъ слѣдовать рука объ руку съ идеями коммунизма, социализма и проч., идеями, двигающими жизнь впередъ...

Конечно, въ литературѣ христіанскаго народа всегда найдутся истинно христіанскія черты мысли и дѣятельности, но не такъ развилъ свои мысли г. Соловьевъ по означеннымъ вопросамъ: онъ не только раскрылъ черты христіанской жизни въ тѣхъ кружкахъ и обществахъ, которые величали себя невѣрами, но доказывалъ, что эти послѣдніе болѣе христіане, чѣмъ многіе изъ вѣрующихъ, воспитанныхъ по преданіямъ и уставамъ христіанскихъ Церквей.

Неправда-ли, что это была крайность, въ которую впаль ораторъ, можетъ быть, помимо собственнаго желанія? Въ самомъ дѣлѣ, если христіане могутъ быть и безъ Христа, если Духъ дышитъ и среди невѣрующихъ, то какой же смыслъ имѣеть для людей вѣра въ Искупителя міра? Очевидно никакого и, по мнѣнію людей прогресса, она должна пасть, съ развитіемъ просвѣщенія, или съ постигновеніемъ «смысла жизни», какъ проповѣдуетъ Т—й. Однако, по милости Божіей, падаетъ не вѣра, не религиозное чувство въ народахъ, падаютъ приходящіе моменты и кризисы, подобные указаннымъ вами инцидентамъ съ Достоевскимъ и Соловьевымъ.

Безспорно, настроеніе общества слушателей въ данные моменты было очень хорошее. Въ первый разъ можетъ быть люди восчувствовали мирное братское влеченіе другъ къ другу и повѣрили въ близость царствія Божія.

Оставалось только умножить въ себѣ эту вѣру, увеличить любовь къ людямъ, и рай водворенъ на землѣ, страданія уничтожены! Почему жъ однако не совершилось ничего подобнаго и до нашихъ дней?

Потому опять, что царство небесное нудится, потому, что чувства, не основанныя на вѣрѣ въ объединяющую силу Христову, оказались не столь глубоки.

И вотъ какъ только немного остылъ благородный порывъ,

интеллигентные люди покинули «пророка Божія» съ его идеей о всечеловѣкѣ и примкнули къ другимъ пророкамъ и учителямъ.

Подобно гр. Толстому, каждый кружокъ, каждая партія создавала свои вѣры и идеалы, которые, во-первыхъ, ничего не имѣли общаго съ идеаломъ христіанства, во-вторыхъ, взаимно противорѣчили другъ другу, а потому и клонились не къ объединенію обществъ, а къ сильному разъединенію, къ враждѣ.

Человѣкъ, по данной группѣ идеаловъ, является совершенно пассивнымъ. Онъ рабъ среды и внѣшнихъ условій. Онъ ничтожный винтъ въ цѣломъ механизмѣ человѣчества, которое, въ свою очередь, подчиняется дѣйствию неумолимыхъ законовъ. Для него не существуетъ свободнаго умственнаго и нравственнаго развитія, такъ какъ нѣтъ и самой свободной воли.

По другой группѣ идеаловъ допускаются исключенія для гениевъ; между тѣмъ какъ масса обезличивается, она должна слѣпо идти за своими руководителями, подчиняться волѣ сильныхъ.

Если человѣкъ не приспособился въ жизни, то ему слѣдуетъ уступить мѣсто болѣе приспособленнымъ, а самому вымирать.

Здѣсь нравственная дѣятельность человѣка сведена къ нулю и въ особенности съ точки зрѣнія тѣхъ «прогрессивныхъ идеаловъ», гдѣ проповѣдуется законность страстей, гдѣ провозглашаются принципы крутыхъ насилій (во имя мнимой справедливости) противъ чужой собственности, или же гдѣ оправдывается эксплуатація бѣдныхъ богачами (во имя торжества «капитала»), основывающими свое счастье на несчастіяхъ ближнихъ.

Нѣтъ, какъ хотите, но трудно даже провести какую-бы то ни было параллель между этими идеалами и евангельскимъ ученіемъ о царствіи Божіемъ.

— Разнообразіе въ убѣжденіяхъ необходимо, Николай Андреевичъ,—заговорилъ опять докторъ: истина познается только путемъ свободнаго развитія человѣческаго ума. А по вашему выходитъ, какъ будто надо заковать живой духъ человѣка въ мертвой формѣ церковной обрядности и подчинить его во всемъ догматамъ вѣры, забывая, что такое

подчиненіе всегда порождаетъ страшные раздоры, религіозныя насилія, кровавыя гоненія.

— Что касается вражды и насилій, то не гораздо ли больше было этого во время разныхъ общественныхъ нестроений, во время революцій и анархическихъ движеній, во время тяжелыхъ историческихъ кризисовъ, когда люди дѣйствительно объединялись посредствомъ огня и меча.

Тамъ же, гдѣ люди проникнуты духомъ евангельскаго ученія, подобно апостоламъ и сонму св. мучениковъ, тамъ не можетъ быть никакой вражды, никакого насилія.

Тамъ истинный христіанскій союзъ. Такой союзъ, покоящійся въ лонѣ царства Христова и основанный на вѣрѣ въ Искупителя міра, по свидѣтельству исторіи, представляетъ замѣчательно живую и устойчивую силу, тогда какъ общества, увлеченныя политической пропагандой, разсѣваются подобно дыму, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда и часто не переживъ своихъ основателей.

— Къ чему-жъ вы все это говорите, Николай Андреевичъ, — замѣтилъ кто-то изъ публики, — развѣ нашъ настоящій союзъ друзей походить на одно изъ вашихъ политическихъ обществъ, да и возможно-ль проповѣдь христіанской морали смѣшивать съ пропагандой социализма?

— Простите ради Бога, — заволновался Николай Андреевичъ, но я не могу вѣрить въ благотворное вліяніе вашей проповѣди на народъ и не считаю ее за христіанскую, если вы вмѣстѣ съ Толстымъ отрицаете все христіанское вѣроученіе, всѣ догматы.

Если Толстой и упоминаетъ о Богѣ, то ни вы, ни я до сихъ поръ не знаемъ, что разумѣетъ онъ подъ именемъ Божіимъ.

Далѣе, Т—й не признаетъ никакого (благодатнаго) значенія и за молитвой, въ томъ христіанскомъ смыслѣ, какъ учить насъ объ этомъ Евангеліе примѣромъ молитвеннаго обращенія Господа Иисуса къ Своему Небесному Отцу.

Словомъ, Т—й ничего не хочетъ знать, что непонятно для него въ Евангеліи. Но это, какъ видите, не служить доказательствомъ противъ отвергаемой имъ христіанской религіи. Гораздо большимъ доказательствомъ и убѣдительностію для меня служить фактъ исповѣдыванія ея миллионами людей, находящихся въ религіи и утѣшеніе, и опору въ борьбѣ со

зломъ, и помощь въ нравственномъ самоусовершенствованіи.

Такимъ религіознымъ сознаниемъ и отличается, какъ извѣстно, жизнь нашего народа, куда вы стремитесь съ своею разрушительною проповѣдью. Вѣра даетъ народу возможность жизни, какъ думаетъ и самъ Т—п. Вѣра и жизнь по вѣрѣ—вотъ еще о чемъ потолкуемъ въ заключеніе нѣсколько растянувшейся нашей бесѣды.

Я не понимаю, гг., вашу радость,—продолжалъ Николай Андреевичъ,—вашихъ хвалебныхъ одъ „новому народу“, который будто бы пошелъ къ свѣту съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ вѣрить въ церковное ученіе и преданіе, т. е., вообще потерялъ православную христіанскую вѣру; а по моему глубокому убѣжденію, если народъ потерялъ вѣру, то онъ идетъ вовсе не къ свѣту, а къ тьмѣ, удаляется отъ Источника свѣта.

Самъ простой народъ всѣ темныя явленія въ своей жизни объясняетъ отсутствіемъ вѣры и религіозности. Если мужикъ угоняетъ у своего собрата лошадь, или вламывается къ нему въ клѣтъ и обкрадываетъ его, то это значить, что онъ „Бога забылъ“ и „совѣсть порушилъ“. Если онъ пьянствуетъ, бьетъ жену, увѣчитъ дѣтей и выгоняетъ всю семью на морозъ, то ясно, что онъ „суда Божьяго не боится“, „креста на емъ нѣтъ“. Перенесясь мыслью въ былыя времена, мы увидимъ, что когда люди безъ вѣры служили орудіемъ темной силы, орудіемъ разрушенія, люди, одушевленные вѣрою и проникнутые глубокимъ религіознымъ сознаниемъ,—какъ трудолюбивые „муравьи и пчелы“, селились въ глухихъ дебряхъ, основывали тамъ монастыри и являлись первыми разсадниками просвѣщенія и культуры, единственными свѣточами народа, двигавшими жизнь впередъ по пути христіанской добродѣтели. Народъ подражалъ „Божьимъ людемъ“, и при условіи вѣры „черезъ молитвы“ „праведниковъ“, достигалъ той степени нравственной зрѣлости, которая возможна при отсутствіи всякаго образованія; если при тѣхъ печальныхъ историческихъ условіяхъ, въ которыхъ жилъ нашъ народъ, въ немъ создалась „прекрасная община“, гдѣ взаимопомощь, правила гостепріимства и страннопріимничества внушались еще съ дѣтства каждому, то чему

спрашивается, онъ обязанъ былъ этимъ, какъ не дѣйствию вѣры Христовой?

Никто не въ силахъ отрицать тѣхъ явленій въ жизни простого народа, которыя принимаются, какъ историческій фактъ (и подъ которымъ готовы подписаться многіе, кто способенъ отличить темноту отъ свѣта, дающагося народу религіей), и о которыхъ съ восторгомъ отзываются всѣ наши лучшіе писатели, интересующіеся жизнью народа. Всѣ они съ восторгомъ говорятъ о сердечныхъ чувствахъ мужика, и многіе изъ нихъ недоумѣваютъ, какъ это съ виду грубая невѣжественная натура сумѣла воспитать въ себѣ столь нѣжную чуткость къ нуждѣ и горю ближняго, выразить при случаѣ такое величайшее состраданіе и самоотверженную любовь. „Народъ-Богоносецъ“, величаетъ его Достоевскій, и тѣмъ показываетъ, что въ вѣрѣ Христовой—источникъ нравственной силы этого народа.

Что же вы дадите этому народу взамѣнъ вытѣсняемой вами его религіи, этой послѣдней его опоры. Скажете, просвѣщеніе. Прекрасно: пользы просвѣщенія, конечно, никто не станетъ отрицать. Но опять: на чемъ же должно быть основано такое просвѣщеніе? Вы отвѣчаете: на морали христіанства, т. е., лучше сказать, на проповѣди толстовской морали. Мною было уже доказано, что мораль толстовская—шаткая мораль: она „виситъ въ воздухѣ“, а главное, не соотвѣтствуетъ духу христіанской религіи, за которую она будто ратуетъ и наконецъ выбрасываетъ за бортъ вѣру народа.

Отрицать, разрушать, топтать въ грязь все святое—вотъ программа дѣятельности современныхъ просвѣтителей народа, руководимыхъ толстовской моралью. И я изъ всѣхъ силъ подражаю этимъ мнимымъ благодѣтелямъ народа, въ ослѣпленіи своемъ толкающимъ народъ на тотъ страшный путь разрушенія и невѣрія, по которому начинаютъ идти восхваляемые вами рационалистическія секты.

Я знаю, что съ этимъ возрѣніемъ моимъ на секты вы не будете согласны; въ настоящемъ движеніи сектантства видите чуть не возрожденіе цѣлаго человѣчества. Однако, позволю себѣ сказать, что это опять только ваши мечты.

По моему, все новѣйшее движеніе сектантства есть именно та дверь, чрезъ которую люди входятъ въ область невѣрія. За начавшимся уже разложениемъ сектъ (какое разложенеіе всегда бываетъ за упадкомъ вѣры), сектантству предстоитъ еще пройти тотъ страшный путь сомнѣнія и разочарованія *во всемъ*, что было пережито лишенной религиозныхъ основъ жизни интеллигенціей, которая, по словамъ Меньшикова, „въ концѣ 19-го вѣка, покоривъ природу, сдѣлавшись богаче, могущественнѣе, никогда не была такъ омрачена духомъ скорби, какъ теперь, и у которой *тончайшимъ ядомъ отрицанья такъ отравлена радость жизни, что и изъ среды, пользующейся благомъ свободы и правъ, слышится трагическій вопросъ: стоитъ ли жить?*“ (Курс. нашъ).

Стоить ли жить?! Этотъ роковой вопросъ задалъ только тотъ изъ людей, кто не хранитъ въ своемъ сердцѣ вѣру въ Бога—Творца и Промыслителя, вѣру въ добро; кто, вмѣсто христіанскаго идеала любви и мира, опутаетъ себя идеалами противорѣчія.

Пора наконецъ понять, что безъ Христа не можетъ быть истиннаго единенія. Онъ „Единъ ходатай у Бога и чело-вѣковъ“. Чрезъ Него и Имъ обѣщано: „да будутъ всѣ едино, какъ мы, и да разумѣетъ міръ, что Ты Меня послалъ“.

С. Бронницкій.

О новой раскольничьей книгѣ.

Въ пріютѣ графа Игнатѣева въ Н.-Новгородѣ во время истекшей ярмарки велись бесѣды со старообрядцами. 16 августа предъ началомъ бесѣды и мнѣ пришлось увидѣться здѣсь съ старыми знакомыми И. Усовымъ и Ѳ. Мельниковымъ и перекинуться, какъ говорятъ, съ ними нѣсколькими словами, не лишеными общаго значенія. Усовъ недавно написалъ большое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Церковь Христова временно безъ епископа“. По поводу этого сочиненія и происходила наша бесѣда. Послѣ нѣсколькихъ словъ о предметахъ постороннихъ, Мельниковъ спросилъ меня: скажите, о. Василій, какіе вы нашли недостатки въ сочиненіи Усова: „Церковь Христова временно безъ епископа“?

Я отвѣтилъ, много есть въ немъ нечестиваго ученія, разборомъ же занялся нижегородскій миссіонеръ Ф. Д. Крутловъ. Тогда Усовъ замѣтилъ, что если разбирать все сочиненіе, то надобно цѣликомъ приводить текстъ всей книги, а если неполный приводить кто будетъ, то онъ сдѣлаетъ возраженіе. Мельниковъ же, продолжая разговоръ, повторилъ вопросъ: какія находите вы, о. Василій, ереси въ книгѣ Усова?

Я. Первая ересь въ томъ, что Усовъ называетъ въ немъ нашу православную Церковь „Вавилонскою блудницею“ (стр. 10). Такую дерзость рѣдко можешь услышать и отъ добросовѣстнаго безпоповца. А вамъ, поповцамъ, это совѣмъ не къ лицу, такъ какъ ваше священство отъ греческой православной Церкви ведетъ начало. Выходитъ, что въ лицѣ родоначальника іерархіи, митрополита Амвросія, вы приняли священство, страшно сказать, отъ „Вавилонской блудницы“. Подумайте, куда ведетъ васъ ваша дерзкая ругань, и кого вы хотите ею запугать?

Мельниковъ. А еще что укажете!

Я. Да начать хоть съ предисловія. Усовъ называетъ свою

Церковь *старообрядческою*. Но развѣ когда-нибудь называлась Христова Церковь старообрядческой? Потому Усовъ проводить такую мысль, что обряды, содержимые нашей православной Церковью, выдуманы патріархомъ Никономъ; напр., троеперстіе и другіе. Но развѣ это не обманъ? Пусть бы говорилъ это кто другой, вовсе не знающій Писанія, но готовящемуся во епископа „Церкви старообрядческой“ развѣ можно говорить такую явную неправду? Вѣдь вы сами хорошо знаете, что троеперстно молились православные люди во времена патріаршества Юсифа во всей греческой Церкви, а также молились и въ Малороссіи и даже въ Великой Россіи. Потому, если въ чемъ и можете обвинить патр. Никона, то развѣ въ усвоеніи греческихъ и кievскихъ обрядовъ. Но вѣдь въ то время и наша великорусская Церковь состояла въ единеніи съ греками и кievлянами. Вотъ какая правда у Усова!

Послѣ моихъ словъ вмѣшался въ разговоръ самъ Усовъ и хотѣлъ было повести рѣчь о другомъ, какъ онъ работалъ иконы въ нашей мастерской, но его перебилъ Мельниковъ новымъ вопросомъ ко мнѣ: „не скажете ли, о. Василій, что еще Усовъ написалъ въ своей книгѣ?“

Я. Вы уподобляете свою старообрядческую Церковь кораблю, толкуете, что переднюю часть корабля, т. е. уставы церковные, нимало не нарушаете (стр. 24). Но развѣ опять это правда? Посмотрите хорошенько уставъ церковный, вы тамъ увидите многое, что въ вашемъ согласіи не исполняется: колѣнопреклонныя молитвы, помазаніе елеемъ, уставъ о 9-мъ часѣ и другія повелѣнія, не говоря уже о книгѣ „Кормчей“, изъ коей нарушены вами многія правила. Гдѣ же теперь цѣлость передней части вашего старообрядческаго корабля? Очевидно, примѣнить его къ кораблю Христову невозможно. Послушайте, вотъ еще дальше что вы пишете, что ангелы Божіи могутъ погрѣшати и заблуждаться (стр. 29). Развѣ не нечестіе это? Ужъ не за эту ли книжку старообрядцы тебя во епископы выбрали? Вотъ такъ такъ?

Прочитай блаж. Θεодорита книгу 7, ч. I, стр. 378, Москва, 1861 г. Тамъ явѣ изобличится это твое нечестіе. Да и вся Церковь Христова исповѣдуетъ, что утвердившіеся уже въ

добрѣ святые ангелы погрѣшать теперь не могутъ, какъ и злые ангелы не могутъ раскаяться и стать добрыми. Какъ же будетъ вѣровать и учить завтрашній епископъ? Еще вы пишете, что св. апостолы впадали въ невѣріе Христову воскресенію (стр. 60). Развѣ это не клевета на св. апостоловъ? Вѣдь чтобы впасть въ невѣріе, прежде нужно повѣровать, а „глаголь сей“ о воскресеніи „*бы сокровенъ отъ нихъ*“ (Луки зачало 92), и они сперва не повѣрили лишь женамъ, что тѣ видѣли Господа, а не воскресенію его (на стр. 85). Еще вы перетолковали по своему евангельскую притчу отъ Луки зачало 95 и толкованіе блаж. Теофилакта болгарскаго. По вашему неразумному, произвольному и кривому толкованію выходитъ, что прежде страшнаго суда Божія, во времена Никона патріарха, всѣ таланты (благодатные дары) отъ епископовъ отобраны и даны діаконамъ. Что же опять это такое, какъ не смѣшное даже нечестіе?

Рабы, т. е. діаконы, священники и епископы будутъ до втораго пришествія Христова, какъ говорится въ Благовѣстникѣ, и всѣхъ рабовъ, принявшихъ таланты, будетъ судить на страшномъ судѣ Самъ Господь, раздаятель талантовъ. Усовъ же прежде Божія суда осудилъ уже всѣхъ епископовъ, какъ погубившихъ свои таланты, и передаетъ эти таланты діакону: кому за сіе онъ уподобляется? Кто рѣшается судить человѣческіе грѣхи прежде суда Божія, тотъ противникъ есть Христу, а вы не только грѣхи осудили, но и талантовъ рѣшились обнажить всѣхъ епископовъ, конечно, до вашихъ бѣлокриницкихъ бывшихъ; но вѣдь все равно и ваши-то епископы отъ тѣхъ же безталантныхъ появились, да и Усовъ хочеть къ симъ же пріобщиться. Какъ все это кажется?

Усовъ. А больше ничего не укажете?

Мельниковъ (перебивая его). Нѣтъ, онъ много еще находитъ въ вашей книгѣ нечестія.

Я. Дѣйствительно, нечестивыхъ мнѣній тамъ Усовъ насыпалъ словно мусору, и всѣ они (мнѣнія) будутъ подробно разобраны Кругловымъ. Теперь же нѣтъ времени говорить о томъ долго, а вотъ, пожалуйста, Иванъ Григорьевичъ, къ намъ на квартиру въ семинарское общежитіе, тамъ книгъ много, и займемся, какъ слѣдуетъ, вашимъ произведеніемъ.

Усовъ. Я времени не имѣю бесѣдовать: скоро уѣзжаю въ Москву.

Я. Скажу вамъ на прощаніе, что книга ваша пользы и вамъ не принесетъ, а бѣглопоповцамъ она будетъ весьма полезнымъ оружіемъ въ борьбѣ съ вами; воспользовавшись ею, они съ немалымъ успѣхомъ будутъ поражать вашу іерархію.

Усовъ (обиженно). А вотъ ваша люциферіанская ересь хорошо ли обличается въ моей книгѣ?

Я. По обычаю своему ты оклеветалъ Христову Церковь.

Усовъ. Почему же такъ?

Я. Вотъ почему. Святая Церковь принимала разныхъ еретиковъ, по своему усмотрѣнію различно и, никто, кромѣ люцифера, до васъ старообрядцевъ не осуждалъ ее за тотъ или иной чинопріемъ. А что различно принимала Церковь даже однихъ и тѣхъ же отступниковъ, можно указать немало примѣровъ: несторіанъ, напр., принимала она и черезъ крещеніе („Кормчая“, л. 935 обор.), и черезъ муромазаніе (л. 636), и третьимъ чиномъ по 95 правилу 6-го вселенскаго собора. Впрочемъ, есть и разница между вами и люциферомъ въ томъ, что послѣдній раскаялся (Бароній, лѣто Господа 392, число 24, ч. I), а вы нераскаянно осуждаете вселенскую Церковь за чинопріемъ, не понимая, что чинопріемъ не есть какой-нибудь догматъ вѣры, а только обычай („Кормчая“, 637).

Усовъ. Вы сами несправедливо пишете, напр., въ бесѣдѣ вашей, помѣщенной въ „Братскомъ Словѣ“, назвавъ Теодора Мельникова безбожникомъ.

Я. Назвалъ его я такъ за то, что онъ порицалъ св. мощи угольниковъ Божіихъ, позволялъ себѣ и другія кощунства и издѣвательства надъ православною Церковью. Но ежели сравнить, кто изъ насъ болѣе несправедливъ въ литературѣ, то это сравненіе будетъ не въ вашу пользу. Напримѣръ, вы написали, что наша Церковь погибнетъ, лопнетъ, пропадетъ съ своимъ мнимымъ православіемъ (бесѣда Усова въ дер. Перово, 1896 г., 11). Да вотъ еще; вашъ попъ Старковъ передалъ Швецову, а Швецовъ издалъ книжку, въ которой говорится, будто Старковъ разговаривалъ съ дьяволомъ, а дьяволъ рассказывалъ Старкову, что Никонъ во адѣ,

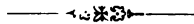
а на Амвросіѣ вѣнецъ и друг. И тѣ нелѣпости, ничтоже сумняся, издаеть „епископъ“ Швецовъ.

Мельниковъ. Я не признаю этой „дьявольской бесѣды“, ею Старковъ ввелъ въ заблужденіе владыку Арсенія.

Старковъ сидѣлъ неподалеку отъ насъ и понялъ, что Мельниковъ смѣется надъ нимъ.

Тѣмъ наша бесѣда 16 августа и кончилась. Я пришелъ домой и бесѣду записалъ, а 18 августа мы опять увидѣлись. Записанное я далъ прочитать Усову и просилъ его сказать, вѣрно ли бесѣда наша записана мною. Усовъ не нашелъ въ моей записи ничего невѣрнаго, а только сказалъ, что не все, о чемъ говорилось, печатать слѣдуетъ. Въ настоящій разъ мы не думаемъ послѣдовать совѣту Усова и бесѣду предаемъ печати. Пусть не обидится на насъ за то г. Усовъ, излившій ядъ отъ устенъ своихъ на ту Церковь, отъ кладезя которой и ихъ общество, не спросясь, яко тати, почерпнуло по ихъ вѣрованію воды преемственной благодати хиротонію, но вмѣстѣ съ симъ наполнившій свое произведеніе прямымъ нечестіемъ и клеветою. Не мы начали, а онъ. Пусть же приметъ онъ на свою голову и отвѣтъ за сіе. Кошунника да судить Богъ, а мы, его служители, призваны только разоблачать сіе. Аминь.

Мисс. Черниг. епарх. свящ. *В. Родіонцевъ.*

Къ вопросу о нравственной порядочности сектантовъ.

Мало знающіе наше мистико - рационалистическое сектантство защитники его убѣждены, что сектанты „обыкновенно лучшіе люди своего времени: они жаждутъ добра, они ищутъ истины“... Подобнаго сорта оптимистическое мнѣніе было высказано однимъ „интеллигентомъ“ на страницахъ Миссіонерскаго Обозрѣнія (1902 г. февраль, стр. 414). Не вдаваясь въ теоретическіе споры по этому вопросу, мы намѣрены по временамъ предавать печатной гласности имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи неоспоримые факты, въ корнѣ опровергающіе преувеличенное мнѣніе о „духовной высотѣ“ разныхъ отступниковъ отъ православной Церкви. Таково, напр., помѣщаемое ниже письмо къ Высокопреосвященнѣйшему митрополиту Антонію, написанное лѣтомъ прошлаго года нѣкимъ простецомъ, попавшимъ въ сѣти штунды. 1) Фактическія данныя, касающіяся личности передоваго сектанта нами провѣрены, при чемъ оказалось, что онъ развратничаль, проживая за Невскою заставою, и пьянствовалъ; а въ Новгородскую губернію выѣхаль, предварительно надѣлавъ среди своихъ единомышленниковъ немало денежныхъ долговъ.

Помимо своего мѣстнаго характера, это письмо имѣетъ и общее значеніе, такъ какъ показываетъ, что пашковщина и штунда въ своихъ конечныхъ выводахъ являются отрицаніемъ всего святого и представляютъ страшную религіозную и нравственно - общественную язву. „Мы хотя и грѣшимъ, но мы безгрѣшны, потому что вѣрующій во Христа не судится!“—вотъ что неоднократно приходилось намъ слышать отъ представителей петербургской штундо-пашковщины. Нечего и говорить, что это положеніе даетъ самый обширный просторъ для нравственной и прямо преступной распущенности, при чемъ „вѣрующій во Христа“ убѣжденъ, что онъ ни на какомъ судѣ не понесетъ наказанія, потому что отъ

1) Письмо это печатается съ надлежащаго разрѣшенія и съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника.

суда человѣческаго можно укрыться; судъ же Божій его „не касается, такъ какъ кровь Иисуса Христа очищаетъ впрущаю отъ всякаго грѣха“. Фактически состоявшій наставникомъ петербургскихъ штундистовъ, на вопросъ о. протоіерея М—ва, почему у него въ квартирѣ нѣтъ иконъ, съ гордостью отвѣтилъ: „А зачѣмъ мнѣ иконы? Я самъ образъ Божій“. Видимое дѣло, что этотъ человѣкъ нисколько не сознавалъ своего безотраднaго нравственнаго состоянія, а наоборотъ считалъ его вполне нормальнымъ и согласнымъ съ словомъ Божіимъ. Вотъ это письмо.

СПБ. 9 іюля 1901 г.

Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

Повергаюсь къ стопамъ Вашимъ и со слезами умоляю Васъ простить меня недостойнаго и окаяннаго грѣшника.

Больше года тому назадъ я былъ по моему легкомыслію увлеченъ въ проклятую секту пашковскую. Увлекъ меня и мое семейство одинъ крестьянинъ С.—Петербургской губер. и уѣзда, Александровской волости, села Михаила Архангела, что за Невскою заставой, Семень Михайловъ В—кинъ. Этотъ мошенникъ и плутъ самъ болѣе пятнадцати лѣтъ не живетъ со своею законною женою, а живетъ съ какою-то дѣвицею Вологодской губ.. Вельскаго уѣзда, А—сою, отъ которой имѣетъ дѣтей; вотъ онъ и намъ все говорилъ, чтобы мы тоже оставили своихъ женъ и дѣтей и жили, говорить, съ чужими дѣвицами, потому, говорить, что это ложь говорятъ священники. Собирались мы къ нему на его проклятое собраніе въ Агафоновской ул.; вотъ теперь и домъ тотъ сгорѣлъ, что и видно, что Богъ наказываетъ и тѣхъ хозяевъ, которые сдавали ему этотъ домъ,—самъ же В—нъ со своею любовницею и братомъ Иваномъ В—мъ переѣхали на станцію Чудово по Николаевской жел. дор.; тамъ есть стеклянный заводъ, и вотъ онъ тамъ теперь проповѣдуетъ между рабочими темными людьми эту проклятую секту. Я теперь, слава Богу, отсталъ отъ нея и сталъ опять христіаниномъ, былъ на исповѣди и каялся священнику, но вотъ я все думаю, только простить ли меня Господь за мой великій грѣхъ; помолитесь за меня, окаяннаго раба Ивана. И попрошу я Васъ, святой Владыко, принять мѣры противъ этого антихриста В—на, онъ и мою дочку соблазнилъ, лишилъ ее невинности, и другихъ многихъ, все больше фабричныхъ неопытныхъ, вѣдь это чистый дьяволъ, о Боже, мой Боже.

Простите меня, Преосвященный Владыко. Недостойный и окаянный рабъ Иванъ С—ъ.

С.—Петерб. епарх. миссіон. Н. Булаковъ.

Къ характеристикѣ современной хлыстовщины¹⁾.

5) *Отъ Петра Воспитанникова къ Увару Ермоленко.*

Слава Господу нашему Иисусу Христу, и во вѣки вѣковъ слава!—Милому, и дорогому, и незабвенному моему братцу Увару Θεодоровичу. Любезный братецъ Уварушка! По возвращеніи моемъ (изъ) Стрѣтенска я послалъ къ вамъ два письма, на которыя еще не получалъ никакого отвѣта, котораго ожидаю съ нетерпѣніемъ; въ которыхъ письмахъ просилъ тебя, братецъ Уварушка, и всѣхъ братцевъ, чтобы пріютили мое осиротѣвшее семейство; а болѣе просилъ, и теперь еще прошу, братецъ Уварушка, и всѣхъ братьевъ, потрудитесь, похлопочите о причисленіи ихъ (семейства), чтобы они знали свое мѣсто и были тамошніе.

Затѣмъ еще опишу я тебѣ, о чемъ я своею совѣстію мечтаю, и она меня побуждаетъ спросить у тебя. Какъ ты мнѣ писалъ еще на Воронцовку и прописывалъ, что уже 200 душъ Ермоленковыхъ, и желалъ бы, чтобы и я былъ Ермоленковъ; то прошу тебя, любезный, скажи мнѣ, неужели я не причтенъ къ братьямъ къ тѣмъ, которые близки твоему сердцу? Такъ, любезный братецъ Уварушка. Я есть великій грѣшникъ, но желаю быть и стремлюсь къ той цѣли, чтобы быть соучастникомъ жизни Христовой; и заочно сердечно припадаю къ стопамъ ногъ твоихъ, и цѣлую ихъ, и прошу тебя, братецъ, моли отца твоего небеснаго за меня, грѣшнаго, и не уклонись своею любовью отъ меня, грѣшника, и причти къ братьямъ твоимъ, ибо:

Новобрачный ты нашъ доказатель
Въ нашемъ родѣ до конца,
На котораго надѣюсь
2) Быть въ покоѣ у отца.

* * *

Чтобы быть намъ совершеннымъ
Новобрачнаго вѣнца,
За котораго страдали
2) Братья наши и отцы.

* * *

Отецъ послалъ своего сына
Въ сердцахъ узы разорвать,
И былъ слышенъ голосъ съ неба
2) Сей—наслѣдникъ мой идетъ.

* * *

¹⁾ См. „Мисс. Обзор“, 1902 г., февраль, стр. 309—313.

- Онъ затѣмъ сошелъ на землю:
Мертвыхъ кости подобрать
И сложить суставъ къ суставу,
2) Чтобъ любовію покрыть.

* * *

- Быстротечный нашъ искатель
Скоро тѣло набиралъ
И назвалъ его Адамомъ,
2) Чтобы Еву ему дать.

* * *

- И заставилъ всѣхъ молиться,
Созвалъ съ неба благодать.
Благодать была и прежде,
2) Но въ потерю пріѣзшла.

* * *

- Но теперь мы ищемъ снова
Новобрачнаго христа,
И въ которомъ нѣтъ печали,
2) Зажигаетъ свѣтъ отца.

* * *

Конецъ отъ cadaго втораго нумера повторяется. 22 декабря осталось недописанное.

При семь, родимый ты мой батюшка, желаю я тебѣ свидѣтельствовать о своей жизни, при комъ я нахожусь. Нахожусь я при братцѣ Михаилѣ Теокистовичѣ Шипиловѣ, Любѣ, Григоріѣ и Петрѣ. Содержать пекарню и пекаря платятъ въ мѣсяць 50 руб., да пекарня 19 руб., дрова, вода своя, и лавочку (имѣютъ); но лавочка въ отдаленности на версту. Я же нахожусь при торговлѣ въ лавочкѣ день и ночь, только каждый день смѣняютъ меня обѣдать, больше Петръ Василенко, который прибылъ къ Михаилу весной изъ Благовѣщенска. И всѣ мы находились вмѣстѣ до сего времени; но врагъ, ненавистникъ добра, вмѣстился въ сердце одного брата, т. е. Петра Василенко, и внушилъ его къ зависти. Началъ онъ понемногу ухищрять денегъ; но все милостивый нашъ родимый батенька отецъ небесный, жалѣя братьевъ Михаила и Григорія, ибо это все ихъ деньги, положилъ на мое грѣшное сердце, что Василенко дѣлаетъ такую неправду. Но совѣсть моя мучитъ меня, чтобы я за нимъ призиралъ. Долго я мучился, но не могъ отбиться и началъ за нимъ призирать, то я нѣчто замѣтилъ, но дѣло не большое и не ясно. Потомъ приходитъ онъ меня смѣнить и посылаетъ меня обѣдать; а самъ остается въ лавочкѣ по обыкновенію нашему. Но я, грѣшникъ, замѣтилъ, какія у насъ деньги въ ящичкѣ, и пошелъ обѣдать. Послѣ обѣда прихожу на свое мѣсто, т. е. въ лавочку, смотря по деньгамъ (замѣчаю), что-то не такъ; но я промолчалъ, и думаю всю ночь, какъ мнѣ это дѣло открывать и на брата клеветать. Но совѣсть во мнѣ одно свидѣтельствуеетъ, что нельзя утаивать; ибо онъ дѣлаетъ братьямъ вредъ и подъ тобой ко-

паетъ яму и заставляетъ указывать братьямъ. Такъ я перепочеваль и дождался, пока они на утро привезли въ лавку хлѣбъ и булку; и надо мнѣ ѣхать обѣдать, а ему оставаться. Такъ я при Григоріи спросилъ Петра: „братецъ, гдѣ же вчера 5 руб. дѣлись?“ Онъ сказалъ: „мѣняль десятирублеваго золотого“. Я еще повторяю: „а гдѣ же онъ?“ Онъ такъ ничего ясно и не отвѣтилъ; но это еще неясное доказательство. Но послѣ этого онъ замѣтилъ, что я крупныя деньги замѣчаю, и черезъ 4 дня, въ воскресный день 17 декабря, день базарный, привозятъ булки, и онъ остается въ лавкѣ; я же говорю: „обѣдать еще рано, я не хочу, буду здѣсь“; но Григорій съ моихъ рѣчей ничего не понялъ, и говоритъ мнѣ: „поѣдемъ, а Миша скоро сюда придетъ“. Но Петръ набралъ себѣ въ карманъ мелкихъ денегъ и дождался Михаила, и оставилъ его въ лавкѣ, самъ пошелъ домой и на дорогѣ давай просить человѣка: „дай мнѣ золотой 5 р., а я тебѣ мелкихъ дамъ“. Такъ и сдѣлали въ воскресенье; но мнѣ, грѣшнику, ночью пришлось объ этомъ узнать. И опять принялась совѣсть за меня и мучить меня: „открой братьямъ“. На утро въ понедѣльникъ привозитъ булку Григорій, но я ему ничего не сказалъ; но самъ былъ неспокоенъ. Онъ привозитъ еще булку второй разъ. Я ему сказалъ: „Братецъ Григорій, спрости наединѣ брата Петра, на что онъ вчера возлѣ кабака мѣняль мелкія деньги на золото“. Но Григорій немножко поколебался на сторону, потомъ обдумалъ, что я напрасно клевету, и не спрашиваетъ; а со мною каждый день объ этомъ рѣчь ведетъ. И говоритъ мнѣ: „я, братецъ, сему не вѣрю“. Я сказалъ: „какъ знаешь, я сказалъ вѣрно“, и пошелъ обѣдать, а Григорій остался въ лавочкѣ. Я дома сказалъ Любашѣ и Михайлу: „съ деньгами поступайте поаккуратнѣе“. Они... ¹⁾ а всетаки не поняли. Давай говорить Григорію потихоньку: „что такое у насъ?“ Замѣчаютъ, что-то есть не ладно; но Григорій не говоритъ, что я ему говорилъ. И привозятъ въ лавку булки, и начинаетъ говорить объ этомъ, но издали, ибо Михайло не знаетъ. Но Григорій къ Василенко ближе сердцемъ, чѣмъ ко мнѣ, и начинаетъ говорить мнѣ вопреки; но мнѣ стало обидно, что я заплакалъ и сказалъ: „простите меня, грѣшника, что я сдѣлался между вами клеветникомъ, поклеветалъ на брата, на сына матери своей, и развлекаю ваши сердца отъ любви“. Но Михайло ничего не слыхалъ, и смотреть, потомъ спрашиваетъ, въ чемъ дѣло. Я тогда рассказалъ ему все мое мученіе совѣсти, и это дѣло; но Михайло сказалъ мнѣ: „братецъ, не скорби объ этомъ, ибо Господь наводитъ такое дѣло узнавать, чтобы неправду не скрывать между братьями“. И отправились домой, и начали повѣрять, сколько перепекли кулей крупчатки, и сколько должно быть

¹⁾ Нѣсколько словъ разобрать невозможно. Свящ. М. Тифловъ.

денегъ; но ихъ много нѣтъ. Тогда братецъ Григорій и не знаетъ, что и дѣлать; но Михайло знаетъ, что Петръ Василенко носитъ бандажъ, и смекнулъ попросить у него бандажа, и сказалъ ему: „братецъ Петръ! дай мнѣ своего бандажа, я примѣряю“. И смотритъ на него, какъ онъ будетъ снимать съ себя. Но онъ не знаетъ, что дѣлать, и полезъ на печку, и началъ тамъ снимать съ себя, и подаль Михайлѣ. Михайло смѣтилъ, что онъ оставилъ при себѣ. Это дѣло было поздно вечеромъ въ 12 часу. Пекаръ вышелъ наколоть дровъ, а Григоріи уснулъ. Такъ Михайло хотѣлъ, чтобы никто не зналъ дальше, и говоритъ ему: „милый братецъ Петръ, дай я тебя обыщу“. Онъ отвѣчаетъ гордо, и весь смѣнился, и затрусился, и бросается на дворъ; а Михайло сталъ на дверяхъ и не выпускаетъ: „давай обыщемъ тебя!“ Но Петръ съ усиліемъ лѣзетъ и кричитъ: „пусти, я до вѣтру“, и начинаетъ Михайла пихать и терзать. Григорій услыхалъ, пробудился; но Петръ оттолкнулъ Михайла, самъ—на дворъ, а Михайло съ лампой за нимъ. Онъ съ одного мѣста на другое, Михайла за нимъ, онъ еще дальше. Люба и Григорій кричатъ: „Миша, вернись!“ И вотъ дѣло хищнаго брата обнаружилось. Тогда Григорій сказалъ: „вотъ, я позналъ, что еще Господь пожалѣлъ насъ, что обнаружилъ чрезъ тебя, братъ Петръ; а то онъ у насъ изсосалъ бы всю кровь; ибо съ весны торговали вмѣстѣ и дѣлили по 60 р. въ мѣсяцъ на брата и по 70 р., а послѣдній мѣсяцъ сентябрь торговали также. а по расчету оказалось на всѣхъ 80 р. А остальные не знаемъ гдѣ. Объ этомъ ничего и не подумали, а думали, что такъ пришлось плохо. Мукн испекли много, а пользы мало“. Это случилось 24 декабря ночью, за день передъ Рождествомъ.

Родимый ты мой батенька! Если ты признаешь за вину на мнѣ, грѣшномъ, что я сыскалъ хищнаго брата между братьями, что позналъ, все открылъ; такъ прошу тебя, родименькаго батеньку, прости меня, грѣшника, ради милости твоей. Любезный братецъ Уваръ Феодоровичъ! прими любезное почтеніе и низкій поклонъ, также и сестрицъ Фенѣ отъ любящаго васъ вашего брата Петра Воспитанникова. 25 декабря.

Любезный братецъ Уварушка! Еще объ одномъ осмѣливаюсь тебя спросить, позволительно ли во двадцатомъ вѣкѣ вѣрующимъ въ слово истинное Отца нашего и Сына Его Господа нашего Иисуса Христа, Духа Святаго принимать тѣлесную пищу, какъ прежде Израиль принималъ, какъ-то: рыбу, масло и молоко? Такъ, любезный мой кормилецъ, не по прошенію моему, а по разсужденію твоему. А я пишу объ этомъ потому, что здѣсь климатъ суровый и знойный для веткихъ (?) плотей, такъ что нѣкоторымъ плотямъ невыносимо. А ухищряются. Вотъ братьевъ совѣсть будетъ мучить cadaго, и будетъ (каждый) томиться, чтобы со сто-

роны братъ не прирѣль. А другому брату придется узнать, и долженъ осуждать. И каждый будетъ осуждать одинъ другого, а себя становить лучшимъ, и стануть одинъ другого удаляться. Такъ вотъ, любезный мой старецъ Уваръ Ѳеодоровичъ, еще скажу, что не по прошенію моему, а по разсужденію твоему. А я написалъ въ виду братьевъ и себя, что невыносимо трудившимъ плотямъ, да и слыша голосъ отъ нѣкоторыхъ дальнихъ странъ, увѣровавшихъ въ слово истинное; но извиняются въ пищѣ, что по необходимости принялъ. А другой прирѣть, да не разсудить, а осудить, и передать другому, и начнется клевета и смута. Любезный старецъ! По совѣту твоему съ Ангеломъ. А если это въ нынѣшнемъ вѣкѣ заповѣдано нельзя, такъ пиши, но скорѣ отвѣть и по разсудку твоему повсюду братьямъ; но независимо съ моей стороны, а отъ себя. Остаюсь любезный васъ братъ вашъ Петръ Воспитанниковъ.

6) *Увару Ермоленко отъ Василія Даниленко съ Ольховатки.*

1901 года, января 22 дня. О, Господи Боже мой, какъ долго я жду отъ тебя отвѣта, братецъ! Богъ Господа моего возвѣщалъ Богу моему, что скоро вы въ гости къ намъ будете. Я телеграмму посылалъ, а письмо еще въ іюнѣ мѣсяцѣ написалъ, а за 10 дней передъ вашимъ отъѣздомъ послалъ, а отвѣта отъ васъ не получалъ. Дайте мнѣ вашъ адресъ. Я вамъ изъ копій письмо опять напишу. Если нужно будетъ, то и въ Питеръ отошлю, и судъ третейскій совершу, всѣ власти судомъ третейскимъ побѣжду. Простите ¹⁾.

7) *Отъ Шипилова къ Увару Ермоленко.*

Дорогой нашъ папаша и безцѣнная мамаша! Увѣдомляемъ васъ, что посланное вами письмо 24 дня января мы его получили 31-го января. Изъ сего письма видимъ вашъ благополучный путь. И мы очень рады вашему благополучному приѣзду и доброму здоровью и радостной васъ встрѣчѣ по приѣзду царя... Ожидали всѣ державы по израильскимъ... Всѣ апостолы, предтечи выѣзжали навстрѣчу... Ко пречистому лицу. Дорогой папаша! Я ходилъ къ судебному слѣдователю 24 дня января, то онъ мнѣ велѣлъ 25 января. То я взялъ ваше прошеніе, прихожу къ нему въ 9 часовъ утра. Тогда онъ прочелъ вслухъ и

¹⁾ Уваръ Ермоленко поѣхалъ по своимъ послѣдователямъ. Въ Елизаветполѣ онъ съ хлыстами попалъ подъ дѣло и скрылся. По этому то дѣлу и хочетъ Даниленко выступить третейскимъ судьей.

началь разговаривать, и гдѣ Ермоленко такое ученіе досталъ. Спросили меня: „ты знаешь, гдѣ Ермоленко взялъ такое ученіе?“ Я сказалъ: „знаю“. Они спросили: „и гдѣ?“ Я говорю: „съ неба отъ отца“. Они: „отъ какого отъ отца?“ Я говорю: „отъ Бога, Богъ его отецъ“. Они: „да, онъ знается съ Богомъ. Да вѣдь они когда бываютъ въ собраніи, то къ нимъ Духъ сходитъ“. Нашъ слѣдователь: „да тутъ бумага есть, какъ ихъ мать Божія показала въ полиціи, что на нее Духъ сходитъ“. Спрашиваютъ меня: „а ты видалъ, какъ Духъ сходитъ?“ Я—„да, видалъ, какъ плоть работаетъ Духомъ Божиимъ; но Духа не видалъ“. Они: „почему же ты не видалъ?“ Я говорю: „Духа Божія невозможно видать человѣкамъ“. Тогда они: „вотъ интересно посмотрѣть“. А я говорю: „почему же свой интересъ не исполнили, когда, Ермоленко былъ здѣсь? Попросили бы его, онъ бы для васъ съ полнымъ удовольствіемъ сдѣлалъ собраніе, тамъ бы вы увидали“. Они: „неужели онъ не побоялся бы?“ Я говорю: „нѣтъ, не убоялся бы“. А они: „а здѣшніе хлысты боятся, ставятъ сторожей“. Прошеніе губернатору объ разрѣшеніи выѣзда къ вамъ я подалъ 20 января. Онъ прочиталъ и сказалъ: „хорошо, посмотримъ; если можно будетъ по закону, то извѣстимъ“. А Степанъ Давидовичъ подалъ 21, и тому сказалъ: „хорошо, я сдѣлаю запросъ того губернатора, т. е. вашего; только наврядъ онъ васъ приметъ, откажетъ“. Дорогой папаша! Боюсь и не надѣюсь на сіе прошеніе. Откажутъ, потому что будетъ запросъ въ полицію; во первыхъ, пристава 1-й части, этого злодѣя, а онъ направитъ къ священнику, священникъ опять къ приставу, а приставъ держитъ мѣсяца по три. Лишь бы кто не дастъ ему, то онъ дѣлаетъ замѣчаніе на прошеніи; но я хотя и далъ бы, но пропадетъ. А если бы отпустили, не сталъ бы я одного часа быть, уѣхалъ къ вамъ. Я сильно скорблю о томъ и, дорогой папаша и мамаша и всѣ братцы и сестрицы, просимъ вашихъ святыхъ молитвъ, помолитесь за насъ, грѣшныхъ, чтобы насъ отпустили къ вамъ. Будемъ ждать и будемъ надѣяться на милость вашу. Письма послалъ братцу Михаилу Фе. 21 января, а Шлеленковымъ послалъ 23 января. Адресъ ихъ: Тамбовской губерніи, Юговосточной ж. д., на станцію Терновку, Новогорьской волости, сельца Нагорнаго, столяру Димитрію Ларіоновичу Шлеленкову.

А къ приставу ходилъ съ вашей довѣренностью, подалъ ему. Онъ: „а этотъ, Богъ вашъ, гдѣ онъ?“ Я говорю: „на небесахъ и на землѣ“. Онъ: „нѣтъ, Ермоленко“. Я: „а Ермоленко въ Голодной Степи“. Онъ: „зачѣмъ? онъ не хотѣлъ туда ѣхать“. Я: „куда же ему ѣхать безъ документовъ, когда здѣсь съ документами ограбили и арестовали, а безъ нихъ

и вовсе возьмутъ ¹⁾“. Тогда онъ: „у меня никакихъ вещей нѣтъ, все у слѣдователя“. Я говорю: „у слѣдователя чемодана нѣтъ“. Онъ говоритъ: „мнѣ полиція чемодана не передавала“. Приставъ: „чемоданъ у меня, только я тебѣ по этой довѣренности не дамъ, что это вдругъ, а не постепенно“. Я говорю: „его же рука расписалась“. Онъ: „я не знаю его руку; пусть пришлетъ довѣренность формальную, съ удостовѣреніемъ старосты и старшины“. Я взялъ сію бумагу и пошелъ. Ругается, клянеть... страмятъ ²⁾. Вотъ вамъ видно, какъ съ нами начальство обходится. А на почту ходилъ, хотѣлъ взять номеръ квитанціи,—послана губернатору жалоба,—то поискалъ—поискалъ, разсердился, не далъ, сказалъ: „мы необязаны вамъ искать“. Когда вы уѣзжали отъ насъ, въ эту ночь съ Дуней сдѣлалось, кто знаетъ, что. Она Мотьку было убила, хотѣла въ 12 часовъ ночи идти къ намъ. На утро вечеромъ пришла къ намъ и воевала, воевала, хотѣла дать телеграмму обратитъ васъ; но я насилу упробилъ еѣ и сказалъ, что онъ поѣхалъ въ Петербургъ и пріѣдетъ къ намъ черезъ мѣсяць. И до сего дня дѣлается съ ней страшно и смѣшно. Онъ съ Мотей находились у Теодора 12 сутокъ. Къ нимъ пришелъ отецъ и далъ имъ денегъ по 50 к. Только онъ отъ нихъ вышелъ, Дуня сейчасъ у Мотьки отняла деньги 50 коп. и взяла свою сноху, повела въ баню въ Танкову, заплатила 70 коп. за баню и совѣмъ было закупала сноху. Та кричитъ: „будеть!“ а Дуня кричитъ на нее: „молчи, а то сожгу“. И всю одежду и платье перемыла и надѣла все мокрое на себя и на сноху и повела ее по городу. Однажды отецъ на Мотю сказалъ: „стоитъ керосиномъ 20 ф. и вылила на Мотю; а зажечь не успѣла, Теодоръ пришелъ и отбилъ. Однажды въ воскресенье заходить въ церковь, беретъ 2 свѣчки. Подходя къ Николаю Угоднику, показывая ему свѣчку, (говорить:) „смотри“. Такъ же и къ Матери Божіей. И перецѣловала всѣ иконы. Беретъ просфору и пошла къ губернатору. Тамъ ее не пустили. Она направилась къ начальнику города, къ головѣ, постучала, ее пустили. Его жена спросила, что ей нужно. Дуня говоритъ: „у меня есть евангеліе да неполное, а я хочу, чтобы было полное евангеліе“. Барыня пошла въ зало, принесла ей евангеліе такое. Дуня: „а вотъ такое“. Сейчасъ на колѣнки, раскрываетъ книгу и проситъ барыню, чтобы барыня написала на 1 листѣ, что Богъ живой на землѣ,—вѣра, надежда и

¹⁾ Небольшой образчикъ „покорныхъ и вѣжливыхъ“ объясненій сектантовъ съ начальствомъ. Полиція дѣйствовала въ порядкѣ закона, конфисковавъ бумаги и книги самозваннаго бога Ермоленко; а это хлысть въ глаза приставу назвалъ грабежомъ.

²⁾ Одно слово разобрать невозможно.

любовь, и свою фамилію. Барыня написала. Она попросила барина, и тотъ подписалъ ¹⁾. Спросила 10 коп., ей дали. И пошла по улицѣ мимо полиціи, держа раскрытую книгу, и поетъ стихи на весь голосъ: „мы подумаемъ, друзья, все про бѣлаго царя“. Встрѣчается полиціимейстеръ съ приставами, она имъ начала: „враги вы всѣ и сатаны! Всѣ вы лопнете и провалитесь, и губернаторъ вашъ провалится; только останется одинъ голова. Онъ повѣрилъ, что есть живой Богъ на землѣ, вотъ онъ далъ мнѣ книгу и самъ подписался въ ней“. Сама кулаками стучить на полиціимейстера, говоритъ: „я тебѣ покажу, какъ людей Божіихъ тиранить“. Одного часа дома не сидитъ, все ходитъ по всѣмъ и ссыльнымъ и говорить: „я страдаю за Увара, я знаю, что онъ есть Богъ и въ немъ Богъ. Я голову дамъ за него рубить, и я надѣюсь на это, что онъ проститъ, уже и простилъ меня и всѣхъ вѣрующихъ въ него. А вамъ, косматымъ властямъ священникамъ, старшинамъ израильскимъ, всѣмъ вамъ пропадать не миновать за то, что вы не повѣрили ему и распяли его. Всѣ вы на своихъ кругахъ провалитесь. Какъ будете бучкать (?), такъ всѣ и загудете“. Вычитаетъ имъ, да и поидеть къ другимъ. На станцахъ (?) выдѣлала чудо, то и писать все не опишешь. Была свадьба. Только попъ началъ вѣнчать, она входитъ въ церковь и заскандалила съ попомъ: „не такъ вѣнчаютъ“. Попъ, смотря на нее, испугался. Она засмѣялась: „вотъ, учился всему, а самъ не знаетъ, что дѣлаетъ“. Тутъ ее вывели.

Затѣмъ папашѣ и мамашѣ и всѣмъ братьямъ и сестрамъ ото всѣхъ насъ шлемъ вамъ нашъ сердечный привѣтъ и въ ногъ вашихъ низкій поклонъ съ пожеланіемъ всего хорошаго. Извѣстный вамъ другъ и усердный слуга Иванъ Петровичъ Шипиловъ. 1 февраля 1901 года. Пишите чаще, пишите до востребованія Ивану Шипилову, а то получаютъ Вечкутовъ и другіе, а мнѣ не даютъ.

8) *Письмо отъ Мотѣ Григорьевны Шевченко.*

Имѣю честь кланяться, во первыхъ, дорогому папашѣ Увару Θεодоровичу и мамашѣ и братцу Мишѣ и всѣмъ окружающимъ васъ братцамъ и сестрицамъ, шлю вамъ мой сердечный привѣтъ и въ ногъ вашихъ низкій поклонъ съ пожеланіемъ всего хорошаго. Дорогой мой братецъ Миша! Какъ я объ тебѣ соскучилась! Хотя и сама въ Елизаветполѣ,

¹⁾ Кажется, съ невинной просьбой обратилась Дуня, и голова съ женой исполнили эту просьбу. Достаточно было этого, чтобы Дуня на весь городъ кричала, что голова единомышленникъ хлыстовъ, вѣрить въ живого бога—Увара.

но сердце мое и мысли всѣ въ тебѣ; и не знаю, какъ дожидаться того дня, когда мнѣ съ тобой вмѣстѣ быть. Но надѣюсь на Бога, что будемъ вмѣстѣ. Дѣла дѣлаются, прошеніе губернаторъ передалъ въ полицію. Приставъ первой части вызывалъ Анюту къ допросу. Скоро дадутъ свободу, и выпростаю я свои крылушки, полечу къ моему милочкѣ. И гдѣ мое сердечко страдаетъ, тамъ моя мысль обитаетъ¹⁾. О, дорогой мой братецъ Миша! Скажу тебѣ одно, насколько мнѣ трудно; но ожидаю переменъ. А ты, братецъ, не сдѣлай измѣны, что началъ, тѣмъ и кончай, а терпѣніемъ ожидай. Миша! когда мы ушли съ тобой къ Любашѣ на послѣдній вечеръ, то я прихожу къ Θεодору. Дуня кинулась на меня, говоритъ: „ты кого послушала? На свою силу надѣнешься?“ Послѣ сего разговора схватила меня и начала трепать, бить, какъ ей хотѣлось. Тогда Θεодоръ пришелъ, отнялъ меня и послалъ меня въ прачешную. Я пришла въ прачешную, тамъ мнѣ говорятъ на Дуню: это дружка и светилка, а на меня говорятъ: это молодка. Батя сказалъ: „эту молодку стоитъ фотогеномъ облить, да и пустить“. Я подумала, какъ бы правда не сдѣлала. Я ушла изъ прачешной къ Дунѣ; а Дуня у Θεодора была, да Дуня не слыхала, что папа сказалъ. Прихожу. Дуня, держа битонъ съ керосиномъ, облила меня съ головы до ногъ. Я отъ чего бѣжала, къ тому попала. Но Дуня будто невзначай, а послѣ Дуня меня жалѣетъ, и цѣлуетъ, и говоритъ: „это я тебя жалѣю, а не бью“. А папа на утро говоритъ: „ты когда заходишь и выходишь, чтобы мы тебя видѣли, а то женщины на тебя думаютъ, что ты берешь бѣлье“. То теперь просятъ, чтобы я прекратила это прошеніе. Я имъ говорю: „я прекращу, только дайте мнѣ паспортъ и метрики“. Они не хотятъ. Отъ сего письма остаюсь жива и здорова извѣстная вамъ Матрена.

9). *Отъ И. Шитилова къ Увару Ермоленко.*

Дорогой папаша! Увѣдомляю васъ, что послано нами прошеніе губернатору 20-го января, а 3-го февраля призывали въ полицію и объявили на наше прошеніе отказъ. Губернаторъ ихъ не посылалъ никуда, а сдѣлалъ дознание въ полицію о нашемъ поведеніи, то полиціймейстеръ все ему, губернатору, рассказалъ объ насъ, какіе мы развратители. То теперь весь городъ поднялся на насъ, поэтому и губернаторъ объявилъ намъ чрезъ полицію: „не нахожу нужнымъ“, и

¹⁾ Хлысты законный бракъ признаютъ блудомъ и вмѣсто законныхъ женъ имѣютъ „женъ по духу“, „сестеръ“, „женъ разума“. Однако Мотю не могли оттолкнуть отъ ея „брата Миши“. Гони прирду въ дверь, она войдетъ въ окно.

всѣмъ четверымъ отказалъ. То теперь просимъ вашего совѣта, что намъ дѣлать. Не хочется въ этой пропасти быть, то просимъ, пишите скорѣе отвѣтъ, и какъ быть? Писать ли куда намъ, ожидать ли. Если хотите, напишемъ и подадимъ чрезъ него. Все равно, не пропустятъ. Если можно какъ иначе, то пишите намъ. Я послалъ вамъ большое письмо съ двумя марками. Послано 2 февраля. По полученіи пишите и упоминайте, (что) такое-то письмо, такого-то дня посланное, получилъ тогда-то, чтобы я зналъ, всѣ ли вы мои письма получаете. Шлю вамъ мой сердечный привѣтъ и въ ногъ вашихъ низкій поклонъ. Извѣстный вамъ Иванъ Шипиловъ. 4 февраля 1901 года.

А Дуня Шевченко 2 числа февраля вечеромъ пошла къ вечернѣ, взяла 3 свѣчи. Только поставила, священникъ выходитъ изъ алтаря. Она поднимаетъ руку кверху и грозить, а сама громко говоритъ: „у меня служить, такъ служи вѣрно; а то тогда вонъ, найдутся такіе служители вѣрные“¹⁾. Побыла у вечерни и ночью въ 2 часа уѣхала въ Тифлисъ къ Голицыну и къ Экзарху Грузинскому. Сказала: поѣду тамъ проповѣдывать.

Сообщилъ свящ. Михаилъ Тифловъ.

¹⁾ Эти поступки толкуются какъ сумашествіе. Думаемъ, что Дуня Шевченко дѣйствуетъ въ полномъ разсудкѣ, насколько это возможно для хлыстовской изувѣрки. Почему ее, если она сумашедшая, не запруть въ сумашедшій домъ, а дозволяютъ скандалить по церквамъ? Ярая хлыстовка, она лишь громко исповѣдуетъ то, что другіе хлысты таятъ.

Изъ миссіонерской полемики.

Беседа съ штундо-баптистами о необходимости принадлежать для спасенія къ истинной Христовой Церкви.

I.

Сектанты разныхъ названій совсѣмъ развратили жителей села Вѣзжаго. Теперь здѣсь трудно найти въ людяхъ истинную вѣру, любовь къ православнымъ обрядамъ и порядкамъ жизни. У многихъ замѣтны сомнѣніе, холодность, недовѣріе къ пастырямъ Церкви.

Село Вѣзжее, несмотря на свою захолустность, стало походить на древнія Аѳины. Какъ тамъ граждане *„охотнее... всего... проводили время въ томъ, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое“* (Дѣян, 17, 21), такъ и во Вѣзжемѣ: мужики по цѣлымъ вечерамъ сбѣгаются, чтобы слушать новыхъ проповѣдниковъ...

И какихъ только вѣръ не развелось во Вѣзжемѣ! Есть здѣсь молокане, хлысты, штундисты. Теперь заводится еще какая-то *новая* вѣра. Вслѣдствіе такихъ религіозныхъ разномысліи, жители села Вѣзжаго стали равнодушны ко всякимъ вѣрамъ. Для нихъ „ничего себѣ“ православіе; заманчива штунда; „есть кое-что хорошаго“ въ хлыстовствѣ. А въ сущности, всѣ эти вѣры „ни къ чему“. Дѣлай добро—и спасешься во всякой религіи... Такъ рассуждаютъ крестьяне во Вѣзжемѣ.

Намъ необходимо было образумить ихъ и заставить пристальнѣй всмотрѣться въ свою совѣсть. Для этой цѣли мы рѣшили, между прочимъ, устроить бесѣду.

Созвали православныхъ и сектантовъ въ храмъ. Я поставилъ на очередь самый *жизненный* вопросъ: *что нужно христіанамъ прежде всего для того, чтобы спастись?*

Всѣ стояли въ молчаніи. Ни одна секта не хотѣла выдвигаться съ отвѣтомъ. Я пригласилъ штундистовъ побесѣдовать со мной. Выступилъ ихъ начетчикъ Анѣимъ. По ремеслу онъ былъ печникъ. Много бродилъ по Россіи,—„видаль виды“, какъ говорили про него мужики. Анѣимъ по наружности принадлежалъ къ штундѣ, но въ душѣ сомнѣвался въ этой сектѣ. Онъ не зналъ, куда преклонить ему свою голову...

Я повторилъ вопросъ.

Анѣимъ, улыбаясь, сказалъ:

— Что нужно для того, чтобы спастись?! Вѣровать надо во Христа. Такъ Господь объявилъ женщинѣ: „*вѣра твоя спасла тебя; иди съ миромъ*“ (Лк. 7, 50).

Я возразилъ:

— Разумѣется; „*безъ вѣры угодить Богу невозможно*“ (Евр. 11, 6). Но вѣдь Іаковъ апостоль написалъ: „*вѣра безъ дѣлъ мертва*“ (—2, 26). И въ другомъ мѣстѣ: „*бѣсы вѣрують и трепещуть*“ (—2, 19). Значить, одной вѣры во Христа для спасенія *недостаточно*. Надо еще дѣла по вѣрѣ проявлять, какъ говорить ап. Іаковъ: „*человѣкъ оправдывается дѣлами, а не вѣрою только*“ (—2, 24).

Итакъ, какія же дѣла надо проявлять прежде всего для того, чтобы угодить Богу?

Анѣимъ безъ смущенія отвѣтилъ:

— Эти дѣла перечислены апостолами въ кн. Дѣяній. Тамъ написано: надо „*воздерживаться отъ идоложертвеннаго и крови, и удавленныя и блуда, и не дѣлать другимъ того, чего себѣ не хотите*“ (—15, 29). Вотъ, какой христіанинъ ведетъ себя по приказу апостоловъ, тотъ и спасется...

Я сказалъ:

— Въ прочитанномъ мѣстѣ указанъ, безъ сомнѣнія, лишь *общій* путь, который надобно пройти людямъ для спасенія. Я выражусь еще сильнѣе; въ тѣхъ словахъ изъ кн. Дѣяній, какія ты, Анѣимъ, прочелъ, не указано, а лишь предполагается самое главное дѣло, безъ котораго людямъ нельзя спастись...

— Какое же это дѣло?—возбужденно спросилъ Анѣимъ. Вы ужъ апостоловъ поправлять зачали...

Я замѣтилъ:

— Нѣтъ, Анѣимъ, не поправляемъ мы апостоловъ, а ста-

раемся лишь правильно изъяснить ихъ рѣчи. Для этого мы не беремъ *отрывками* словъ ихъ, а сносимъ ученіе апостольское о спасеніи по разнымъ мѣстамъ Библии. Такимъ родомъ мы добываемъ *полный* отвѣтъ на занимающій насъ вопросъ.

— Ну, такъ рассказывайте, что же нужно христіанамъ для спасенія прежде всего? — спросилъ Анѣимъ.

Я сказалъ:

— Въ отвѣтъ на твой вопросъ я попрошу тебя прочесть 10 гл. кн. Дѣяній. Тамъ идетъ повѣствованіе о Корниліи сотникѣ. Говорится, что Корнилій *язычникъ* былъ мужъ „*благочестивый и боящійся Бога со всемъ домою своимъ, творившій много милостыни народу и всегда молившійся Богу*“ (—10, 2). Вотъ смотри: Корнилій дѣлалъ предъ Господомъ даже больше того, что требовали апостолы отъ христіанъ въ своемъ соборномъ посланіи (Дѣян. 15, 29). Однако за одни свои *житейскія* добрыя дѣла Корнилій не спасся. Ему ангелъ велѣлъ позвать еще Симона Петра, — велѣлъ послушать проповѣдь этого апостола и по ней спастись (Дѣян. 10, 6 ст.).

Что же сдѣлалъ ап. Петръ для спасенія Корнилія и его родичей? Онъ „*велѣлъ имъ креститься во имя Иисуса Христа*“ (Дѣян. 10, 48). Значитъ, для начала нашего спасенія мало однихъ *житейскихъ* добрыхъ дѣлъ, какъ показываетъ жизнь Корнилія.

Недостаточно для того и *одной* вѣры во Христа. Таковую вѣру, такое *правое* исповѣданіе, какъ свидѣтельствуешь кн. Дѣяній (—8, 37), имѣлъ евнухъ. Но онъ не спасся до тѣхъ поръ, пока, по вѣрѣ, не сошелъ въ воду для крещенія, вмѣстѣ съ діакономъ Филиппомъ (—ст. 38). Только послѣ крещенія онъ получилъ Духа Святаго (—39 ст.).

Такимъ образомъ, для того, чтобы положить начало нашему спасенію, *необходимо креститься* во имя Иисуса Христа (Дѣян. 2, 38). Крещеніе же нужно намъ для того, чтобы чрезъ погруженіе въ воду войти въ царство Божіе (Іоан. 3, 5), стать членомъ Церкви Христовой (Мр. 16, 16).

Итакъ, вотъ краткій отвѣтъ на твой вопросъ, Анѣимъ: для начала нашего спасенія *взрослымъ людямъ* нужно вѣрить въ Господа Иисуса Христа и принадлежать къ Его святой Церкви чрезъ крещеніе. Безъ Церкви Божіей не спасешься.

Поэтому сказано въ Евангеліи: „если кто Церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь“ (Мѡ. 18, 17).

— Да мало-ли церковей развелось на свѣтѣ?—возразилъ Анеимъ. У насъ на селѣ и то четыре церкви. Подикось, докажи каждому, что онъ въ заблужденіи!.. Думается мнѣ, для спасенія достаточно одной хорошей жизни, какъ сказалъ ап. Петръ: „истинно познаю, что Богъ немилосердѣтенъ, но во всякомъ народѣ боящійся Его и поступающій по правдѣ пріятенъ Ему“ (Дѣян. 10, 34. 35).

Я отвѣтилъ:

— Разберу пока послѣднюю часть твоего отвѣта, другъ Анеимъ! Ты говоришь: въ каждомъ народѣ хорошо живущіе пріятны Богу. Это вѣрно. Богъ посылаетъ милость Свою *всѣмъ* людямъ—праведнымъ и грѣшнымъ, особенно праведнымъ (Дѣян. 14, 17). Богъ не оставляетъ безъ Своего попеченія и язычниковъ. Но не значить это, что для Бога всѣ равны *по вѣроисповѣданію*: язычники-ли, христіане, или магометане. Не значить потому, что Богъ тогда не посылалъ бы апостоловъ по всему міру проповѣдывать Евангеліе (Мр. 16, 15). Если бы даже, при оцѣнкѣ нашей, Господь не взиралъ на дѣла наши,—зачѣмъ Онъ даровалъ людямъ законы Свой? Для чего въ Евангеліи праведниковъ Онъ ублажаетъ, а грѣшникамъ грозить огнемъ вѣчнымъ (Мѡ. 25, 34—43)?

Ясно, что Богъ различаетъ людей *по дѣламъ ихъ*. Но, какъ царь земной благоволитъ всѣмъ своимъ подданнымъ: калмыкамъ, киргизамъ, мордвамъ, чувашамъ, татарамъ, русскимъ, такъ и Царь небесный милостью Своей снисходитъ ко всѣмъ людямъ. Однако *добродѣтельному* язычнику Корнелію Онъ велитъ черезъ крещеніе войти въ Церковь Христову. Значить, Господь различаетъ людей *по вѣрѣ ихъ*. *Всѣмъ Онъ велитъ быть христіанами* (Мр. 16, 16)..

Итакъ, въ 10 гл. 34—35 ст. кн. Дѣян. ап. Петръ свидѣтельствуемъ лишь о томъ, что Богъ милостью Своею и любовью не оставляетъ язычниковъ. И имъ Онъ посылаетъ благодать Свою; но не значить, что для Бога *всѣ вѣры* равны и во всякой изъ нихъ спастись можно: не спасся же Корнелій въ язычествѣ!.. (Ср. Дѣян. 10, 6).

— А какъ же,—сказалъ Анеимъ,—въ Евангеліи Матѳея

Господь говоритъ: „идѣ двое или трое собраны во Имя Мое, тамъ Я посреди нихъ“ (—18, 20)? Если Господь принимаетъ даже двоихъ, собравшихся во Имя Его, —значить, эти люди могутъ спастись. Значить, и вамъ не для чего затаскивать всѣхъ въ православную вѣру...

Я отвѣтилъ:

— Ты, Анеимъ, не хорошо обращаешься съ словомъ Божіимъ. Почему ты читаешь нужные намъ стихи евангельскіе не къ ряду, а *выбираешь* изъ нихъ, что тебѣ *нравится*? Вотъ ты изъ 18 гл. Матѳея пропустилъ ст. 17. Въ этомъ стихѣ между тѣмъ находимъ полное разъясненіе твоего недоумѣнія. Представь, гдѣ-нибудь, въ избѣ собрались не трое, а три тысячи *отлученныхъ* отъ Церкви христіанъ. Будетъ Господь посреди нихъ? Нѣтъ. Самъ Спаситель сказалъ: „не всякій, говорящій *Мнѣ: Господи! Господи!* войдетъ въ царство небесное, но исполняющій волю Отца Моего Небеснаго“. И въ другомъ мѣстѣ: „кто Церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь“ (Мѳ. 18, 17).

Такимъ образомъ ясно: если во Имя Христово соберутся *отлученные* отъ Церкви люди, сколько бы ихъ ни было, если они будутъ даже усердно молиться, а не покаются въ своихъ заблужденіяхъ, Господь не услышитъ ихъ и не спасетъ (Мѳ. 18, 18; Тит. 3, 10). Христіанамъ нужно не только *устами* исповѣдывать вѣру во Христа, не только стараться *наружно* пребывать въ добрыхъ дѣлахъ, но еще слушаться воли Отца Небеснаго. А эта воля Божія требуетъ, чтобы мы пребывали въ *единствѣ* вѣры, въ *одной* Христовой Церкви, какъ ея послушныя дѣти (Іоан. 17, 11; Рим. 15, 6; 1 Петр. 3, 8)...

II.

На нѣкоторое время мы прервали бесѣду. Запѣли „Хвалите имя Господне“... Люди освѣжились. И я спросилъ сектантовъ:

— Согласны-ли вы, что на свѣтѣ должна быть *одна* спасающая Церковь Христова?

Произошло молчаніе. Изъ толпы сектантовъ слышалось лишь недоумѣніе:

— Кто ее знаетъ, какая она истинная Церковь! Церквей на свѣтѣ много...

Анѣмъ, наконецъ, произнесъ:

— Послушаемъ напередъ, что вы скажете. Потомъ мы заявимъ свое мнѣніе...

Я заговорилъ:

— Спасаящая Церковь на землѣ—*одна истинная Христова Церковь*. Такъ учить насъ слово Божіе. Въ Евангеліи Марка Христосъ сказалъ ученикамъ Своимъ: „*кто не будетъ вѣр-овать, осужденъ будетъ*“ (—16, 16). Апостолъ Павелъ написалъ: „*безъ вѣры угодить Богу невозможно*“ (Евр. 11, 6). Итакъ, для спасенія нужна прежде всего *правая вѣра* во Христа. Сколько же такихъ вѣръ находимъ мы, по ученію слова Божія?

Всего *одну* вѣру. Ап. Павелъ говоритъ: „*одинъ Господь, одна вѣра*“... (Еф. 4, 5). Въ самомъ дѣлѣ, если Господь одинъ, то могъ-ли Онъ давать о Себѣ нѣскольکو *противоположныхъ* ученій, которыя содержатся въ разныхъ вѣрахъ? Это немыслимо. Единый Господь даровалъ людямъ одну *истинную* религію или вѣру. Прежде такой вѣрой было іудейство (Рим. 9, 4). Съ пришествіемъ Христа, его замѣнило христіанство (Гал. 3, 24—26). И вотъ о христіанской вѣрѣ ап. Павелъ засвидѣтельствовалъ, что она—*истинная одна* на землѣ (Еф. 4, 5). Значитъ, такъ называемыя, *многія христіанскія вѣрованія* не принадлежатъ Христу, а выдуманы людьми, по заблужденіямъ или ради корысти.

Сколько же *истинныхъ* Церквей на землѣ?

Церковь Христова *истинная*—тоже одна. Это съ несомнѣнностью слѣдуетъ изъ ученія ап. Павла. Св. Павелъ уподобляетъ Церковь тѣлу Христову. Какъ тѣло человѣческое состоитъ изъ многихъ членовъ, а въ *соединеніи* эти члены образуютъ одно тѣло, такъ и Церковь (1 Кор. 12, 12, 13). Сколько бы ни было въ ней вѣрующихъ христіанъ, къ какому бы племени они ни принадлежали, Церковь Христова *вселенская*—одна. Почему? Потому что „*всѣ мы однимъ Духомъ крестились въ одно тѣло, іудеи или елліны, рабы или свободные, и всѣ напоены однимъ Духомъ*“ (1 Кор. 12, 13). Поэтому, если мы видимъ христіанъ, отпавшихъ стъ вселенской Христовой Церкви и мечтающихъ о себѣ, что они тоже составляютъ Церковь,—это обманъ. Такимъ самообманывающимся людямъ мы должны сказать словами ап. Павла: *не можетъ глазъ сказать рукъ: ты мнѣ не надобна; или также голова ногамъ: вы*

мнѣ не нужны“ (1 Кор. 12, 21 ст.). Жизнь насъ учить, что если ногу или руку оторвать отъ тѣла и положить *отдѣльно*, то они сгніють. Погибнетъ и всякій христіанинъ безъ тѣла Христова—Церкви. Объ этомъ Господь сказалъ: „кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода; ибо безъ Мене не можете дѣлать ничего“ (Іоан. 15, 5).

Итакъ, безъ Христа, Который пребываетъ въ Своей истинной Церкви, *нѣтъ надежды* на спасеніе...

Анеимъ стоялъ въ глубокомъ раздумьѣ и соображалъ. Потомъ онъ съ волненіемъ въ голосъ спросилъ:

— Что же, неужто всѣ язычники погибнуть за то, что они не христіане? Жестокое ваше ученіе!..

Я отвѣтилъ:

— Премудрый Сирахъ учить насъ: „*прежде, нежели изслѣдуешь, не порицай: узнай прежде—и тогда упрекай*“ (—11, 7). Ты, Анеимъ, еще не выслушалъ ученія православной Церкви и уже „порицаешь“ насъ. Это нехорошо. Святая Церковь наставляетъ насъ, въ согласіи съ апостоломъ, что язычники, *не слышавшіе* проповѣди о Христѣ, въ случаѣ *доброй* кончины, спасутся по закону своей совѣсти. Объ этомъ въ посл. къ Римлянамъ мы читаемъ: „*когда язычники, не имѣющіе закона, по природѣ законное дѣлаютъ, то, не имѣя закона, они сами себѣ законъ. Они показываютъ, что дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ, о чемъ свидѣтельствуетъ совѣсть и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую*“ (—2, 14. 15 ст.).

Итакъ, вотъ какимъ образомъ думаемъ мы о язычникахъ. Этого нельзя сказать про христіанъ, не вѣрующихъ ученію нашего Господа. Тѣ *непремѣнно* погибнуть за свое невѣріе (Мр. 16, 16)...

— Ученію Господа мы вѣруемъ,—сказалъ Анеимъ.

Я возразилъ:

— „*Не всякій, говорящій: Господи! Господи! войдетъ въ царство Небесное*“... (Мѣ. 7, 21). Необходимо для спасенія не говорить только о Христѣ, но принадлежать къ Тѣлу Его или Церкви. Внѣ этой Церкви люди, какъ безъ корабля во дни всемірнаго потопа: они гибнутъ въ пучинѣ грѣховъ и страстей (1 Петр. 3, 20. 21 ст.). Тонете и вы, сектанты, за свое упорное невѣріе въ Церковь Христову!..

— Въ Церковь Христову мы вѣруемъ и къ ней принадлежимъ,—сказалъ Анѣимъ.

Я переспросилъ сектантовъ:

— Такимъ образомъ вы признаете, что *безъ истинной Церкви Христовой* спастись нельзя?

Они, послѣ небольшого раздумья, отвѣтили:

— Да, для спасенія надобно принадлежать къ истинной Церкви Христовой.

Я сказалъ:

— Значить, весь вашъ прежній разговоръ былъ однимъ *недоразумѣніемъ*. Слава Богу, что вы приблизились къ истинѣ! А теперь я лишь кратко попрошу васъ указать, что вы, дѣйствительно, пребываете въ оградѣ Церкви Христовой...

— Какимъ родомъ это можно показать?—спросилъ Анѣимъ.

— А вотъ какимъ,—отвѣтилъ я. Покажите, что ваше общество устроено по апостольски? Покажите, *кто, какъ и когда* поставилъ вамъ для руководства духовными дѣлами епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ? *Отъ какого* апостола получила начало ваша Церковь?..

— Мы того не знаемъ. Мы—народъ темный! замѣтилъ Анѣимъ.

Я сказалъ:

— Не знаете... Да вамъ и знать-то нечего!.. Что можно было, хоть стороной, привести противъ православной Церкви, вы то нашли, а вотъ о епископахъ своихъ *ничего* не знаете... Какъ будто жизнь вашей общины за угломъ происходила (Дѣян. 26, 26)! Погибаете вы въ своемъ сектантствѣ. Обратитесь къ Господу и полюбите Его Тѣло—св. православную Церковь!..

Д. Боголюбовъ.

Беседа о причинахъ отдѣленія раскольниковъ старообрядцевъ отъ православной Церкви ¹⁾.

Усовъ: Я сидѣлъ молча, слушалъ съ терпѣніемъ клеветы на меня о миссіонера и пришелъ къ убѣжденію, что онъ мастеръ „перекорезивать“ чужія слова. Я говорилъ только, что *волкожищное* лучше, правильнѣе *горожищнаго*, а о миссіонеръ увѣряетъ уже, что я въ этомъ словѣ вижу какую то ересь; ереси тутъ никакой нѣтъ, а есть только неточность въ выраженіи. Говоритъ о миссіонеръ, что я не отвѣтилъ ему на вопросъ, по какой причинѣ мы отдѣлились въ 1653 году? Какія ереси въ этомъ году были введены? Скажемъ, что ересей не было еще, но были попытки къ отмѣненію обрядовъ, издревле употреблявшихся въ св. Церкви. А это уже достаточная причина къ признанію никоніанъ еретиками. Въ книгѣ Феотронъ (лѣто 208, л. 406) есть сказаніе о еретикахъ *виглактіаналъ*, ересь которыхъ заключалась только въ томъ, что они „обряды нѣкія въ Церкви явѣ пріятыя *отвергоша*“. Видите, и за отмѣненіе обрядовъ должно признавать еретиками. Такъ поступили и мы. Но мы, еще разъ повторяю, отъ св. Церкви не отдѣлялись, а отдѣлились отъ епископовъ. Указываетъ о миссіонеръ на слова Василия Великаго: „страшно есть изъ за обрядовъ ратоватися“. Но вѣдь *обрядъ и догматъ все равно, одно и то же* ²⁾. Не откажется о миссіонеръ, конечно, что крещеніе и прочія таинства суть догматы вѣры. Но вѣдь эти же таинства, или догматы, и ихъ Церковь называетъ обрядами. Такъ въ книгѣ „Оправданіе поливательнаго крещенія“ (на л. 17, 21, 24 и 31), священнодѣйствія, употребляемыя при крещеніи, называются *обрядами крещенія*, а въ Богословіи Платона прямо сказано *таинства*,

¹⁾ См Мисс. Обзоръ 1902 г. октябрь.

²⁾ Раньше Усовъ обвинялъ патр. Никона, конечно, несправедливо за то, что будто бы онъ «возвелъ обряды церковныя въ догматы вѣры», что будто бы и служить причиной ихъ отдѣленія отъ нашей св. Церкви, а теперь самъ проповѣдуетъ, что «обрядъ и догматъ все равно одно и то же». Такова послѣдовательность и искренность Усова и подобныхъ ему защитниковъ раскола. авт.

или священные обряды“ (§ 30, 2 ч. по изд. 1880 года); а въ 1653 году и были попытки къ отмѣнѣ обрядовъ. Вотъ вамъ и причина отдѣленія нашего отъ вашихъ епископовъ. Да и кто изъ благоразумныхъ христіанъ могъ бы оставаться въ общеніи съ ними? Кому онъ долженъ былъ послѣдовать? Никону? Боже сохрани, и самого моего злого врага быть послѣдователемъ этого нечестивца! Его не только мы, но и соборъ вашъ обвинилъ, приравнялъ къ антихристу. Вотъ какъ соборъ перечисляетъ его вины: а) „Никонъ оскорбилъ всѣхъ восточныхъ патріарховъ... и, кромѣ патріарховъ александрійскаго и антїохійскаго, *не признавалъ законными* патріархами; б) Никонъ перемѣнилъ обычай прежнихъ патріарховъ московскихъ: вмѣсто скрижалей синихъ сталъ носить червленныя; пересталъ поминать въ церкви вселенскаго патріарха; переоблачался во время священно-дѣйствія и, имѣя восемьдесятъ *саккосовъ*, за одной обѣдней перемѣнялъ ихъ до двадцати, *чтобы казаться подобнымъ Вышнему*; назвалъ нѣкоторыхъ отроковъ, прислуживающихъ ему при богослуженіи, херувимами и серафимами; въ алтарь чесался предъ зеркаломъ, и обратилъ алтарь въ преторію, въ которой снималъ цѣпи съ закованныхъ имъ іеродіаконовъ; в) отмѣнилъ пѣсни троичныя, сложенныя патр. Митрофаномъ и обыкновенно воспѣваемыя каждое воскресенье, и запретилъ совершать торжественное освященіе воды на самый праздникъ Крещенія Господня; г) во второй разъ былъ рукоположенъ въ архіерейскій санъ, когда вступалъ на патріаршество; а двухъ архіереевъ, отставленныхъ отъ должности, вновь рукоположилъ, вопреки 68 канону апостольскому; д) архіереевъ, имъ рукоположенныхъ, не удостоивалъ именовать своими братьями; соборъ ихъ называлъ синагогою, уподоблялъ православныхъ архіереевъ Аннѣ и Каіафѣ, судьямъ христуубійцамъ; е) приравнивалъ себя святымъ, нося на головѣ своей корону, или діадему, въ которой обыкновенно изображаются святые, какъ торжествующіе на небеси, и величалъ себя великимъ государемъ, что вовсе неприлично духовному лицу; ж) былъ крайне любостяжатеlemъ и, замкнувшись, любилъ считать свои деньги и драгоценныя сибирскіе мѣха; з) расточалъ доходъ патріаршей каѳедры, желая именовать себя создателемъ новыхъ монастырей, и для этого же отнималъ у сосѣдей села и поля; и) предоставилъ весь свой церковный судъ свѣт-

скимъ людямъ, своимъ боярамъ, обыкновенно продающимъ правосудіе; і) ни съ кѣмъ изъ архіереевъ и ни въ чемъ не совѣщался; к) наконецъ, словно самоубійца, самъ себя разоблачилъ во время своего отреченія отъ кафедры (Истор. Макар. XII т. стр. 687—89). Какъ же мы такому злему врагу Божию, уподоблявшему себя Богу, можемъ послѣдовать! Да онъ не только измѣнилъ вѣрѣ въ Бога, ниспровергъ все святое въ Церкви Христовой, онъ былъ *измѣнникомъ* и русскому Царю! Ему только и могутъ послѣдовать враги нашего Царя, а старообрядцы такими никогда не были и не будутъ. Никто не можетъ упрекнуть ихъ въ этомъ: всѣ знаютъ, что цареубійца и покойнаго Государя Александра Николаевича, былъ не старообрядецъ, а послѣдователь Никона. (Въ народѣ начался сильный ропотъ негодованія). Не волнуйтесь: я докажу, что этотъ низкій и грязный вашъ патріархъ Никонъ былъ измѣнникъ Царя, продавалъ Русь врагамъ ея полякамъ, что онъ хотѣлъ быть папою, что онъ принялъ католичество. Въ книгѣ Берха „Царствованіе царя Алексѣя Михайловича“ написано: „Никонъ просилъ царя Алексѣя Михайловича объявить его папою, и что будто бы у него и папскія регалии уже готовы были. Но когда царю объяснили желаніе его и доказали, что ему нельзя уже будетъ жить въ Москвѣ вмѣстѣ съ папою, то дѣло сіе и умерло“. Кульчинскій же доказываетъ, что Никонъ передался впослѣдствіи католической Церкви. Когда въ 1663 году отправленъ былъ бояринъ Одоевскій къ Никону въ Воскресенскій монастырь, то ему приказано было розыскать, сколько проживаетъ у него иноземцевъ. Изъ донесенія князя Одоевскаго видно, что ихъ было очень много. Какую цѣль имѣлъ Никонъ держать людей сихъ, неизвѣстно; вѣроятно сносился онъ посредствомъ нихъ съ лицами, внѣ Россіи обитавшими.... Противъ Никона есть еще обвиненіе: съ начала введенія въ Россію христіанской вѣры, строили все церкви объ одной главѣ, подразумѣвая подъ одною, что Христосъ есть единственная Глава храмовъ нашихъ. Патріархъ Никонъ приказалъ переломать всѣ верхніи оныхъ и сдѣлать вмѣсто одной главы пять, объясняя, что средняя знаменуетъ Спасителя, а остальные четырехъ Евангелистовъ. Но многіе приписывали поступку сему другое знаменованіе: въ средней главѣ изобразилъ Никонъ себя, а въ остальныхъ четырехъ греческихъ патріарховъ. Видѣвъ

такъ много опытовъ неограниченной Никоновой гордости можно сему охотно повѣрить. Страненбергъ говорить о Никонѣ, что онъ имѣлъ неограниченное высокомѣріе и былъ весьма честолюбивъ. Хотя духовный сей и не былъ ученъ, но читалъ очень много и приказалъ перевести разныя духовныя книги съ греческаго и латинскаго языковъ; онъ умножилъ значительно церковныя доходы. „Онъ перемѣнилъ каноны и обряды, ссылаясь, что первые были худо переведены съ латинскаго языка. Никонъ былъ такъ неумѣренно гордъ, что требовалъ стула въ боярскомъ совѣтѣ и хотѣлъ непременно имѣть вліяніе на всѣ гражданскія и военныя дѣла. Онъ говаривалъ: „поелику я долженъ отвѣчать предъ Богомъ за цареву душу и души подданныхъ его, то мнѣ приличнѣе всѣхъ раздѣлить съ нимъ бремя государственныхъ дѣлъ“. Впослѣдствіи оказалось, что значительныя денежныя суммы, полученныя имъ отъ Польскаго короля, были истинными причинами его желанія имѣть вліяніе на дипломатическія дѣла (стр. 224—227). Такъ вотъ кто былъ Никонъ. Какъ же мы ему, измѣннику благочестія и русскаго царя, будемъ послѣдовать? О. миссіонеръ скажетъ, что должно послѣдовать не Никону, а прочимъ епископамъ, осудившимъ Никона. Но каковы же были тѣ епископы? Самъ Никонъ, какъ мы читали уже изъ „Исторіи Макарія“, обвинялъ всѣхъ патріарховъ восточныхъ, нѣкоторыхъ епископовъ называлъ Анною и Каиафою, христуубійцами. Въ 1662 году, въ недѣлю православія, Никонъ совершалъ литургію въ своемъ Воскресенскомъ монастырѣ, и во время обряда православія торжественно проклиналъ, или анаѳематствовалъ стоявшаго тогда во главѣ русскои іерархіи Крутицкаго митрополита Питирима—проклиналъ за три будто бы вины: за дѣйство ваія (шествіе на осляти), за поставленіе Меѳодія, епископа мстиславскаго, и за досадительное и поносительное себѣ слово (Макар. XII, стр. 376). Въ другое время Никонъ называлъ цѣлый соборъ не иначе, какъ синагогою іудейскою, а дѣйствія его антиканоническими. „Впослѣдствіи Никонъ выражался даже, что соборъ этотъ должно называть не только сонмищемъ іудейскимъ, но и бѣсовскимъ“ (стр. 365). Кому же мы теперь должны вѣрить: Никону или собору? Если повѣрить царскому измѣннику Никону, то будемъ врагами своего отечества. Если собору, то страшно вѣрить проклятому собору, слѣдовать за бѣсов-

скимъ сонмищемъ. Мы предпочли лучше слѣдовать не Никону и не бѣсовскому сонмищу, а св. отцамъ. И сожалѣемъ только о васъ, что вы до сихъ поръ остаетесь послушными учениками этого дьявольскаго собора. А еще придираются къ намъ, спрашиваютъ, что заставило насъ отдѣлиться отъ такихъ архіереевъ. Насъ нечего изъязать: мы идемъ по старинѣ, за св. отцами, а вы-то сами подумайте, за кѣмъ вы идете. Спасется только тотъ, кто идетъ во слѣдъ Господа и святыхъ Его, а кто идетъ за бѣсовскимъ сборищемъ, какъ идете вы, тотъ и преидетъ въ жилище нечистыхъ духовъ. И вы всѣ идете туда. Пусть насъ такіе соборы клянутъ, пусть отлучаютъ, мы смѣемся надъ ихъ клятвой, клятва бѣсовскаго собора—похвала для насъ. Бѣсы клянутъ и ненавидятъ только своихъ враговъ и благословляютъ своихъ учениковъ. Такъ и оставайтесь вы съ ихъ благословеніемъ, а мы не хотимъ.

Все это Усовъ выкрикивалъ, крайне волнуясь. Старообрядцы съ неудовольствіемъ смотрѣли на него и какъ бы упрасивали быть сдержаннѣе. Народъ зашумѣлъ, выражая желаніе выгнать Усова изъ храма.

Миссіонеръ. Потихе, братіе! Не волнуйтесь и не возмущайтесь дерзостями Усова, а лучше помолитесь Господу, чтобы Онъ вселилъ въ сердце его страхъ Свой, чтобы просвѣтилъ его мысленныя очи, ослѣпленныя заблужденіемъ и ненавистью ко св. Церкви, чтобы даровалъ ему духъ смиренномудрія и любовь къ познанію истины, отсутствіемъ которой онъ сильно немощствуетъ.

Всѣ вы неоднократно въ теченіи этихъ бесѣдъ замѣчали, что онъ уклонялся отъ прямыхъ отвѣтовъ на мои вопросы, старался обойти ихъ или молчаніемъ, или отвѣтами, совершенно неотносящимися къ вопросу. Не доказалъ онъ на первой бесѣдѣ, что ихъ незаконное общество имѣетъ признаки истинной Церкви Христовой, не оправдалъ онъ и свою незаконную безблагодатную іерархію. Что же ему оставалось дѣлать? Конечно, человѣкъ, заботящійся о спасеніи души своей, долженъ былъ бы сознаться въ своемъ заблужденіи, раскаться предъ св. Церковію, но къ сожалѣнію искра страха Божія мало возгрѣла въ душѣ Усова. Онъ, подобно часто бывшему на судахъ за преступленія, привыкъ смотрѣть на нихъ, какъ на явленіе обычное для него, составляю-

щее, такъ сказать, кругъ его жизнедѣятельности, а потому, чтобы сознаться въ нихъ, нужно перемѣнить самого себя, свою жизнь, а это очень трудно: привычка—вторая природа. Такой преступникъ, застарѣвшій въ злодѣянiяхъ, никогда, или очень рѣдко, сознаетъ себя виновнымъ: онъ или будетъ изыскивать извиняющія будто бы его обстоятельства, или клеветать на своихъ обвинителей; средства онъ не разбираетъ: его задача одна—оправдать себя, или если это невозможно, обвинить другихъ. Таковъ въ духовномъ отношеніи и Усовъ. Не оправдавъ себя на двухъ предшествующихъ бесѣдахъ, онъ задался теперь цѣлью обвинить нашу св. Церковь. И чѣмъ же обвиняетъ? Къ какимъ приемамъ прибѣгаетъ? Онъ ставитъ въ свидѣтели за себя и „Приазовскій Край“, призываетъ сюда и волхва Замврія, измышляетъ на св. Церковь клеветы въ мнимомъ еретичествѣ, не соображая, что этимъ обвиненіемъ онъ причисляетъ къ разряду еретиковъ и святыхъ угодниковъ Божіихъ, и истинно православныхъ епископовъ, какъ Гедеона Балабана, и всю древнюю восточную и русскую Церковь; онъ возводитъ на св. Церковь такія клеветы, отъ слышанія которыхъ становится страшно за участь въ будущей жизни этого несчастнаго защитника неправды. Свѣтскіе адвокаты, защищающіе своихъ кліентовъ и преступниковъ, и то не доходятъ до такой дерзости. Что такое послѣдняя возбужденная рѣчь Усова, какъ не рядъ явныхъ противорѣчій самому себѣ и исторической дѣйствительности событій, искаженія фактовъ и даже словъ, приводимыхъ имъ авторовъ. Здѣсь противорѣчiя густо сплетаются съ намѣренными искаженіями, извращеніе дѣйствительности сцѣпляется съ неправдой, злоба противъ св. Церкви выдаетъ душевную тревогу и сознание Усова, что путемъ мирнаго обмѣна мыслей, путемъ безпристрастнаго изслѣдованія истины, защитить расколъ нельзя, а волненіе и крикъ Усова обличаетъ въ немъ не проповѣдника истины, которому „не подобааетъ свариться, но быти кротку и благоговѣйну“, а любителя споровъ, отъ каковыхъ слѣдуетъ удалиться.

Вы помните, что Усовъ выраженіе догматика 4 гласа: „горохищное овча обрѣтъ“ называлъ страшною ересью, послужившею причиной ихъ отдѣленія отъ св. Церкви; теперь тотъ же Усовъ отказывается уже отъ своихъ словъ, утвер-

ждаетъ, что не считаетъ это выраженіе ересью. Когда же онъ говорилъ правду: раньше, или теперь? Но хорошо уже и то, что сознается въ своей неправдѣ и обличаетъ свое противорѣчіе. Прослѣдимъ за дальнѣйшей его рѣчью. Онъ сознается, что въ то время, когда раскольники отдѣлились отъ св. Церкви, она ересей не вводила. Кто же научилъ ихъ отдѣляться отъ такой Церкви, которая не была еретической, а православной: вѣдь само собою понятно, что гдѣ нѣтъ ересей, тамъ истинное православіе; а кто отдѣляется отъ православной Церкви, тотъ учиняетъ такой грѣхъ, который и мученическая кровь не можетъ очистить. Своимъ отдѣленіемъ раскольники учинили именно такой грѣхъ и до сихъ поръ погрязаютъ въ этомъ грѣхѣ, привлекая на себя гнѣвъ Божій. „Всякій, отдѣляющійся отъ общенія съ Церковью, хотя бы жизнь его была достойна похвалы, за то одно беззаконіе, что отторгся отъ единенія со Христомъ, не можетъ имѣть жизни, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ“, говоритъ бл. Августинъ (послан. 252). Говоритъ Усовъ, что тогда были попытки къ отмѣненію обрядовъ, издревле употреблявшихся. Но и эта причина недостаточная для отдѣленія. Ни одинъ св. отецъ не училъ, что за перемѣну обрядовъ слѣдуетъ отдѣляться, а напротивъ укоряютъ такихъ, говорятъ, что „стыдно изъ-за обрядовъ спорить“, а тѣмъ болѣе стыдно и пагубно отдѣляться. Исторія Церкви указываетъ намъ много фактовъ не только исправленія обрядовъ, но даже и отмѣненія соборныхъ правилъ и постановленій, показываетъ также, что никто изъ благочестивыхъ христіанъ за эти отмѣненія не отдѣлялся отъ единенія церковнаго; тѣмъ болѣе не должны были это дѣлать наши русскіе раскольники, такъ какъ были попытки тогда не къ отмѣненію обрядовъ, а только къ возстановленію болѣе древнихъ. Поэтому и указанный Усовымъ примѣръ, что *веллантіане* (?) признаны за еретиковъ за то только, что „*обряды* нѣкіе въ Церкви явѣ принятыя *отвергоша*“, здѣсь неумѣстенъ: наша св. Церковь никакихъ обрядовъ не отвергала, а только возстановила древніе. Примѣръ этотъ можетъ служить обличеніемъ противъ еретиковъ-штундистовъ и подобныхъ имъ, которые дѣйствительно *отвергоша* обряды, т. е. совершенно не признаютъ ихъ нужными, а православная Церковь такъ не учитъ. Разница въ ученіи св. Церкви и раскольниковъ

объ этомъ предметѣ только въ томъ и заключается, что раскольники обрядъ отождествляютъ съ догматомъ, считаютъ его неизмѣннымъ, тогда какъ православная Церковь считаетъ неприкосновенными, неизмѣняемыми только догматы вѣры, т. е. ученіе вѣры о Богѣ, и предметахъ необходимыхъ для нашего спасенія, ученіе открытое Самимъ Богомъ, принятое св. Церковью, утвержденное на св. вселенскихъ соборахъ, а обряды, или *внѣшніе знаки* выраженія того или другого догмата. таковыми не считаетъ. Усовъ старается доказать, что и нѣкоторые изъ архипастырей нашей православной Церкви называютъ *таинства обрядами*. Но ненужно забывать, что каждое изъ церковныхъ таинствъ имѣетъ двѣ стороны—невидимую и видимую, догматическую и обрядовую. Возьмемъ для примѣра таинство св. крещенія. Невидимая сторона этого таинства—благодатное возрожденіе крещаемого въ жизнь новую, христіанскую, очищеніе его отъ всякаго грѣха, освященіе и оправданіе и проч. Видимая же сторона, или сторона обрядовая—всѣ молитвословія и соединенныя съ ними священнодѣйствія. Въ старопечатныхъ книгахъ мы видимъ въ отправленіи этихъ молитвословіи и обрядовъ много несогласій. Есть такіе требники, въ которыхъ не указано чтеніе апостола, пѣніе прокимена: „ризу ми подаждь свѣтлу“, надѣваніе креста и проч. Въ однихъ говорится, что при отрицаніи отъ сатаны должно держать руки горѣ, а при сочетаніи Христу—долѣ, въ другихъ наоборотъ. Слѣдовательно, и древняя Церковь допускала возможность измѣненія *обрядовъ крещенія*, несмотря на то, что эти обряды крещенія въ общей совокупности и есть *совершеніе* самаго *таинства крещенія*, но не самое таинство. Въ этомъ смыслѣ говорятъ и приведенныя Усовымъ слова нашихъ архипастырей, которые никогда не считали таинства простыми обрядами, это—клевета на нихъ Усова. Но дальнѣйшая клевета Усова на патр. Никона превосходитъ границы даже приличія. Вы слышали, что Усовъ читалъ изъ XII т. Исторіи Макарія разныя обвиненія противъ Никона, высказанныя будто бы отъ лица собора епископовъ. Человѣкъ, не читавшій Исторіи, пожалуй бы, и повѣрилъ Усову, что это правда. Но мы спросимъ Усова: всю ли эту книгу читалъ онъ, или только эти клеветническія слова? Если не всю, то для изслѣдованія истины совѣтуемъ ему всю про-

честь, если же онъ прочиталь уже всю, то какъ онъ могъ не понять, что прочитанныя имъ слова книги принадлежать не собору епископовъ, а частному лицу—Паисію Лигариду, что этому Паисію довѣрять нельзя. Меня особенно поражаетъ наглость современныхъ защитниковъ раскола. И сей Усовъ читаетъ изъ исторіи въ обвиненіе патр. Никона то, въ чемъ послѣдній не былъ виноватъ. Вотъ смотрите: страница 687 XII т. Исторіи. Усовъ начинаетъ чтеніе съ 17 строки этой страницы словами: а) „Никонъ оскорбилъ“ и дал. А почему онъ не началъ чтеніе двумя строками выше? Или онъ не зналъ, что они объясняютъ все дѣло, или же сдѣлалъ этотъ пропускъ умышленно? Да, умышленно, съ цѣлью ввести слушателей въ заблужденіе и вѣроятно въ надеждѣ, что и я не обличу его. Слушайте же, что сказано въ этихъ строкахъ: Паисій (замѣтьте—Паисій, а не соборъ) сохранилъ самую просьбу, которая подана была тогда патриархомъ и составлена, несомнѣнно, имъ самимъ. *Здѣсь онъ обвинялъ Никона и въ томъ, въ чемъ послѣдній вовсе не былъ виноватъ, или чего нельзя назвать виною, и говорилъ:* а) Никонъ оскорбилъ и т. д. Видите къ какимъ лукавымъ приемамъ защиты прибѣгаютъ самые „знаменитые“ начетчики и защитники раскольническіе! Они не считаютъ для себя стыдомъ прибѣгать къ публичному обману, лишь бы только защитить себя и обвинить насъ. Слова Паисія выдаетъ за постановленія собора; Исторія говоритъ, что эти обвиненія на Никона возводились напрасно, а Усовъ утверждаетъ вмѣстѣ съ Паисіемъ, что во всемъ этомъ Никонъ виноватъ. И главное, что возмутительно, ссылается на митрополита Макарія, который будто бы согласенъ съ этими обвиненіями. Но Макарій, какъ вы уже слышали въ началѣ перечисленія Паисіевыхъ обвиненій заявилъ, что патр. Никонъ несправедливо обвиняется во многомъ, и, по перечисленіи прочитанныхъ Усовымъ обвиненій, тутъ же говоритъ: „если Паисій не постыдился возводить на Никона нѣкоторыя ложныя обвиненія даже на бумагѣ, то легко понять, чего онъ не могъ наговорить про Никона въ словесныхъ собесѣдованіяхъ“. Если Усовъ не постыдился такъ нагло здѣсь на публичной бесѣдѣ обманывать и миссіонера и народъ, обвиняя Никона въ томъ, въ чемъ онъ совершенно не виноватъ, то легко представить, что онъ говоритъ про него,

какъ онъ клевететь на св. Церковь, разѣзжая почти по всей Россіи и посѣщая большею частью такія села и деревни, гдѣ нѣтъ ни священниковъ, ни тѣмъ паче миссіонеровъ. Если здѣсь, при опасеніи быть обличеннымъ, онъ не стыдился лгать, то тамъ, на просторѣ, чего-то чего только онъ не наскажеть простому мужичку, какихъ плевель не посѣтъ онъ на нивѣ Христовой. Поучайтесь, братіе, православные христіане, какъ опасно довѣрять словамъ самозванныхъ ложныхъ учителей, которые не стѣсняются такъ открыто обманывать васъ; остерегайтесь же ихъ и не слушайте. Оклеветавъ патріарха Никона въ томъ, въ чемъ послѣдній, какъ свидѣтельствуеть митр. Макарій, не былъ виноватъ, Усовъ возводитъ еще и новыя клеветы на этого великаго святителя, будто-бы онъ былъ измѣнникомъ русскому Царю, продавалъ свою родину полякамъ, что принялъ католичество и пр. Но обвиняя патр. Никона, Усовъ въ то же время обвиняетъ и всѣхъ насъ, называя врагами своего Государя. Какая небдуманная и непростительная дерзость!

Считая православную Церковь послѣдовательницей Никона патр., или Церковью никоніанскою, Усовъ заявляетъ, что она врагъ русскаго Царя, забывая, что и самъ Царь сынъ этой Церкви и ея земной покровитель. Какая нелѣпость! Напрасно Усовъ хвалится и тѣмъ, что раскольники будто бы никогда не были измѣнниками Царю и отечеству. Въ книгѣ „Расколъ, обличаемый своею исторіею“, мы читаемъ, что „расколъ далъ горькіе плоды, ознаменовавшіеся мятежами и кровопролитіемъ, потому что *духъ сопротивленія законной церковной власти необходимо отзывался непокорностію власти гражданской*, какъ проистекающихъ отъ единого начала, а въ нѣкоторыхъ людяхъ духъ мятежа противъ власти государственной. *Многовѣковый опытъ засвидѣтельствовалъ, какъ ошибочно мнѣніе, что можно быть вмѣстѣ вѣрнымъ сыномъ отечества и невѣрнымъ сыномъ Церкви* (стр. 79—80 по пред. С.П.Б., 1854 г.). Всѣ знаютъ исторію Соловецкаго бунта, знаютъ, что мнимые защитники старины, отказавшись молиться за Царя, какъ еретика, отказались и отъ повиновенія ему, и первые стали стрѣлять изъ пушекъ въ царское войско. Это было на первыхъ порахъ отдѣленія раскольниковъ, но духъ, враждебный православному правительству, оставался въ расколѣ всегда.

Припомните исторію раскола на Дону (изслѣдованіе Дружинина); и здѣсь партія, враждебная Церкви, не подчинялась Государю, сносилась съ крымскими ханами, просила у нихъ помощи въ борьбѣ съ русскимъ Государемъ, а часть раскольниковъ даже не захотѣла быть въ подданствѣ русскаго Государя и перешла въ Турцію, считая турецкаго султана лучше своего православнаго Царя. А 1812 годъ! Когда всѣ москвичи оставили городъ, пылавшій въ пламени, когда ни одинъ православный человекъ не хотѣлъ не только встрѣчать, но и смотрѣть на Наполеона, кто встрѣтилъ его съ хлѣбомъ-солью, кто просилъ у него охраны монастыря? Раскольники, жившіе въ Преображенскомъ скитѣ. И теперь? Кто издаетъ за границей газету „Слово правды“, исполненную клеветою на православную Церковь и русское Правительство? Раскольникъ Мельниковъ, при участіи сего Усова. И послѣ этого осмѣливается еще Усовъ хвалиться своей вѣрноподданностью и клеветать на православныхъ. Поражаешься наглостью современныхъ защитниковъ раскола, впутывающихъ въ религіозныя собесѣдованія даже вопросы политическіе. Усовъ обвиняетъ патр. Никона, что онъ былъ измѣнникомъ русскому Царю. На чемъ же основано это обвиненіе! На предположеніи иностранца Страненберга, который при этомъ не говоритъ, что Никонъ былъ измѣнникъ государству, а только что онъ получалъ отъ польскаго короля денежныя суммы; да и это послѣднее, т. е. что Никонъ получалъ отъ короля деньги, Страненбергъ ничѣмъ не доказываетъ. Страненбергъ писалъ свои замѣтки о патр. Никонѣ не на основаніи официальныхъ документовъ, а на основаніи частныхъ слуховъ, а эти частныя слухи о патр. Никонѣ, распускаемые его врагами, всегда были слишкомъ далеки отъ истины. Гиббенетъ, составившій по официальнымъ документамъ обширное „Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона“ въ предисловіи говоритъ: „историческія свѣдѣнія о патріархѣ Никонѣ, сообщенныя во многихъ изданіяхъ и въ разное время, представляютъ *много невернаго неяснаго и неточнаго*“. Прежніе историки: Татищевъ, Берхъ и пр., писавшіе о Никонѣ, заимствовали о немъ свѣдѣнія у иностранныхъ писателей, которые почерпали свѣдѣнія о русскомъ первосвятителѣ изъ частныхъ источниковъ. Вотъ что

говорить Гиббенетъ по поводу этого обвиненія: „основывая свой историческій разсказъ на иностранныхъ писателяхъ, Берхъ приводитъ другое обстоятельство, которое одинаково съ первымъ ничѣмъ не доказывается и также невѣроятно. *Можно ли повѣрить тому, что Никонъ бралъ деньги съ польскаго короля и австрійскаго посла Аллегретти!* Берхъ полагаетъ вѣроятнымъ, что такіе поступки Никона были открыты, и потому его перестали приглашать въ боярскій совѣтъ, въ которомъ онъ, по примѣру патріарха Филарета, требовалъ себѣ мѣста, и, получивъ отказъ, началъ строить разныя козни противъ правительства. *Но все это ничѣмъ не подкрѣпляется, на это нѣтъ никакихъ доказательствъ. Если бы было что-нибудь подобное этому, то безъ всякаго сомнѣнія Царь Алексій Михайловичъ не относился бы къ Никону съ тѣмъ уваженіемъ, которое оказывалъ ему по удаленіи его отъ патриаршаго престола и даже по заключеніи въ Терапонтовъ монастырь*“ (ч. 1, стр. 24). Я не сомнѣваюсь ни на минуту въ томъ, что Усовъ читаль изслѣдованіе Гиббенета, знаетъ, что исторіи Берха довѣрять нельзя, а однако читаетъ изъ нея, т. е. завѣдомо ложно обвиняетъ патр. Никона опять въ томъ, въ чемъ онъ никогда не былъ виноватъ. Берхъ во многомъ обвиняетъ Никона, но всѣ эти обвиненія несправедливы. Разсмотримъ ихъ въ порядкѣ перечисленія Берхомъ. „*Уніатъ Кульчинскій говоритъ* (эти слова Усовъ намѣренно опустилъ), что Никонъ просилъ Царя Алексія Михайловича объявить его папою, и что будто бы у него и папскія регалии уже готовы были“. Въ этомъ сказаніи уніата Кульчинскаго, сказаніи, которому недовѣряетъ и историкъ Берхъ (что показываетъ слово *будто-бы*), не говорится, что Никонъ хотѣлъ быть римскимъ католическимъ папою, а папою православнымъ, такимъ же, какъ и александрійскій патріархъ, именующійся папою. Слѣдовательно въ этомъ желаніи патр. Никона, если бы оно дѣйствительно было, нѣтъ ничего еретическаго. Но уніату Кульчинскому довѣрять нельзя. Этотъ же Кульчинскій доказываетъ, что Никонъ предался впослѣдствіи католической Церкви. „*Чтобы послѣднее заключеніе было справедливо*, говоритъ Берхъ, *тому нѣтъ ясныхъ доказательствъ*“. Если же нѣтъ доказательствъ, такъ зачѣмъ и писать! Развѣ только для того, чтобы предупредить читателя не довѣрять Кульчинскому. Еще

менѣе слѣдовало бы читать эти слова Усову. Онъ отлично знаетъ, что патр. Никонъ никогда не измѣнялъ православію, тѣмъ болѣе, что тотъ же Берхъ говоритъ, что по смерти Никона восточные патріархи разрѣшили поминать его, яко патріарха, „зане аще яко человѣкъ, и оный въ нѣкихъ употребился безчинно и наказася правдою, но понеже крайнѣше покаяся“, то позволено поминать его, какъ православнаго патріарха (ч. 1, стр. 313—14). Объ уклоненіи патр. Никона въ католицизмъ нѣтъ и намека. Значить, это клевета униата Кульчинскаго, которую не стѣсняется повторять и Усовъ. На чемъ же, однако, основана эта клевета? На томъ, что въ Воскресенскомъ монастырѣ у Никона проживало много иностранцевъ. По поводу этого Гиббенетъ говоритъ слѣдующее: „у патріарха находились на службѣ люди разныхъ націй, *приняшіе православіе*: были поляки (значить католики), евреи, татары и пр. *Это дѣлалось для утвержденія ихъ въ вѣрѣ и для того, чтобы имѣть за ними ближайшій надзоръ, чтобы они не совратились въ прежнюю свою вѣру*“ (ч. 2, стр. 29). Считаемо нелишнимъ еще разъ повторить слова собора 1660 года о православіи патр. Никона: если патр. Никонъ „въ прочихъ внѣшнихъ вещахъ и въ своемъ отрѣшеніи и погрѣшилъ, какъ человѣкъ, но въ догматахъ православной вѣры былъ благочестивѣйшій и правый, въ апостольскихъ же и отеческихъ преданіяхъ восточной Церкви былъ большой ревнитель“. „Этимъ отзывомъ греческихъ архипастырей о патр. Никонѣ, говоритъ Гиббенетъ, уничтожаются всѣ обвиненія иностранныхъ писателей въ его неправославіи, въ стремленіи его сдѣлаться папою, въ переходѣ въ католицизмъ, въ сношеніи съ римскимъ папою“ (ч. 1, стр. 86—87). Итакъ, эти обвиненія, возведенныя Берхомъ на патр. Никона ложны и даже невѣроятны. Усовъ отлично это знаетъ, но тѣмъ не менѣе повторяетъ ихъ. Съ такими защитниками раскола, которые прибѣгаютъ къ намѣренной клеветѣ и искаженію историческихъ фактовъ, которые руководятся цѣлью хоть неправдою защитить себя и оклеветать православную Церковь и ея архипастырей, у которыхъ нѣтъ стремленія къ безпристрастному спокойному выясненію истины, я считаю производить публичныя собесѣдованія бесполезнымъ.

Неужели Усовъ не сознаетъ, что приводимое Берхомъ об-

виненіе противъ патр. Никона, что онъ будто бы *первый* приказалъ строить храмы съ пятью главами, изъ коихъ въ средней изображалъ себя, а въ остальныхъ четырехъ греческихъ патріарховъ, есть опять таки наглая клевета? Что и до патр. Никона храмы строились не всегда съ одной главой, это видно уже и изъ того, что сами раскольники имѣютъ храмы не съ одной главой (напр., въ с. Городищѣ). А вотъ вамъ и наглядное опроверженіе этой клеветы Берха. Смотрите, это древняя книга „Бесѣды св. Іоанна Златоуста на 14 посланій св. ап. Павла“. Напечатана она въ Кіевѣ вѣлѣто отъ сотворенія міра 7131, а отъ Р. Хр. 1623-е, т. е. за тридцать почти лѣтъ до вступленія Никона на московскій патріаршій престолъ. Здѣсь на 1 листѣ изображена церковь Печерская Успенія Пресвятыя Богородицы. Видите, здѣсь изображены три главы сверху храма, одна надъ боковымъ входомъ, пятую главу не видно на рисункѣ, такъ какъ она находится на другой сторонѣ храма. Слѣдовательно, не патр. Никонъ выдумалъ строить храмы съ пятью главами: такіе храмы строились далеко раньше его. А Усовъ не постѣснялся даже и такую клевету публично повторять и дѣлать при этомъ такія грубыя заключенія.

Остается въ заключеніе бесѣды сказать еще нѣсколько словъ о послѣднихъ доказательствахъ Усова, которыя будто бы послужили причиною къ отдѣленію раскольниковъ отъ православной Церкви. Усовъ недоумѣваетъ, кому онъ долженъ слѣдовать: патріарху Никону, или собору епископовъ, осудившему п. Никона? Никону, говоритъ Усовъ, слѣдовать нельзя, потому что онъ измѣнникъ Царя. Но было уже доказано, что это клевета. Слѣдовать собору епископовъ тоже нельзя, потому что патр. Никонъ обозвалъ этотъ соборъ іудейской синагогой и даже бѣсовскимъ сонмищемъ, митрополита Крутицкаго проклиналъ и двухъ епископовъ называлъ Анною и Каіафою.

Разсмотримъ и это. О послѣднемъ случаѣ передаетъ газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, врагъ патр. Никона, въ такихъ словахъ: „Однажды, въ воскресеніе, Никонъ вошелъ на возвышеніе, представлявшее Голгофу, и началъ говорить: „вотъ уже пришла воинская спира, Иродъ и Пилатъ явились въ судъ, приблизились архіереи Анна и Каіафа!“

„Но такъ ли это было, какъ написано въ Исторіи?—спрашиваетъ Гиббенеть, правду ли сказалъ Лигаридъ и не извратилъ ли онъ фактовъ?“ Нѣтъ основанія не довѣрять оффиціальнымъ документамъ, въ которыхъ совершенно ясно и правдоподобно описаны обстоятельства, которыя въ Исторіи переданы иначе. Какія же были сцены, на которыя указывается въ Исторіи? Къ чему тутъ выведены: воинская спира—Иродъ, Пилать, Анна и Каіафа? 19 іюля въ придѣлѣ Распятія Христова Никонъ служилъ молебень Животворящему Кресту и читалъ Евангеліе (отъ Іоанна зачал. 42—63), въ которомъ означенныя имена и встрѣчаются. Никонъ толковалъ Евангеліе и евангельскія событія примѣнялъ къ своимъ напастямъ, которыя онъ испытывалъ въ тѣ минуты и говорилъ: „Царь благочестивъ, да не по правдѣ судить, изгналъ меня вонъ, а слушаетъ пулгаго человѣка. Таковы нынѣ архіереи, возлюбили славу человѣческую паче, нежели славу Божию, не хотятъ пострадать за истину, чтобы славы и чести и архіерейства не отбыть. Мы Роману ноги омывали и отирали и цѣловали, а онъ, какъ Іуда, привелъ на меня митрополита, который, подобно Каіафѣ, пришелъ въ келію, воздвигъ на меня многія отъ фарисеевъ злыя слова. Съ митрополитомъ пришли ко мнѣ и другіе; я ихъ встрѣтилъ, но они со мною братства и цѣлованія не сотворили, а стали спрашивать, говорилъ ли я такія рѣчи въ соборной церкви. Тутъ былъ и Романъ, который стоялъ внѣ келіи, на крыльцѣ (Гиббенеть, ч. 2 стр. 73—74).“ Видите, какъ далека отъ истины передача этого событія Лигаридомъ. Теперь относительно проклятія митрополита Крутицкаго. Правда, патріархъ Никонъ его проклиналъ, онъ этого и не отвергаетъ, но за что? „Крутицкаго митрополита, говоритъ патр. Никонъ, проклинали мы не безвинно, такъ какъ слышали въ первый годъ своего отпествія, что онъ отчее сѣдалище обезчестилъ: въ недѣлю вай, совершая литію, возсѣлъ на отчее сѣдалище предъ всѣми людьми непостыдно; епископа на константинопольскую епархію въ Кіевѣ посвятилъ незаконно, и во-время поставленія на патріаршемъ мѣстѣ сидѣлъ и самъ нынѣ тремя епархіями: патріаршею, Суздальскою и своею Крутицкою владѣть многіе годы, а самъ, какъ и поставлень, въ своей епархіи не былъ“ (Гиббенеть, ч. 1 стр. 110). Законно

или незаконно поступилъ Никонъ, это не входитъ въ программу нашего собесѣдованія, такъ какъ клятва патр. Никона на митроп. Крутицкаго Птирима была произнесена послѣ 1653 года, а потому она и не могла послужить причиною отдѣленія раскольниковъ отъ православной Церкви. Что же касается того обстоятельства, что патр. Никонъ обозвалъ соборъ іудейскимъ и даже бѣсовскимъ сонмищемъ, то нужно знать, какой онъ соборъ обозвалъ такъ грубо, неприлично, Соборъ 1662 года, созданный безъ разрѣшенія патріарха. происходившій подъ руководствомъ Паисія Лигарида, о которомъ патр. Никону было извѣстно, что „за вины его отставленъ былъ отъ священной службы и отъ церковнаго причта іерусалимскимъ патріархомъ Нектаріемъ и всѣмъ священнымъ іерусалимскимъ соборомъ“ (Гиббенеть ч. 1, стр. 103, ч. 2, стр. 178), но „въ Москвѣ надо полагать узнали позже“ Никона (ч. 2, стр. 83). По этому-то патр. Никонъ и говорилъ: „Если соборъ созывается вопреки святыхъ правилъ, то онъ не есть соборъ. Были созданы соборы на Василия Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и на Филиппа митрополита, но они не именуются соборами, но суть сонмища“ (ч. 2 стр. 190). Къ числу такихъ соборовъ Никонъ причислялъ и соборъ 1662 года. Такимъ образомъ, рѣшается самъ собою вопросъ, поставленный Усовымъ, кому должны послѣдовать раскольники. Они, если желаютъ наслѣдовать вѣчное спасеніе, должны слѣдовать св. Церкви, изрекшей на соборѣ 1666 и 1667 г.г. осужденіе на патр. Никона за его незаконное оставленіе патріаршаго престола и высказанныя въ раздраженіи, въ состояніи мрачнаго угнетеннаго состоянія, рѣзкія выраженія, но не погрѣшившаго въ догматахъ православныя вѣры,—соборѣ, осудившемъ и раскольниковъ за ихъ незаконное отдѣленіе отъ св. Церкви. Что отдѣленіе ихъ отъ св. Церкви было незаконное, это видно изъ всей настоящей бесѣды, на которой Усовъ не могъ указать ни одной законной причины къ своему отдѣленію, а только всячески старался очернить и унижить патр. Никона, хотя личность патр. Никона при рѣшеніи этого вопроса не имѣетъ никакого значенія. Другое было бы дѣло, еслибы Усовъ доказалъ, что въ 1653 году патр. Никономъ были измышлены и всею русскою и греческою Церковію приняты ереси. Но

ересеи онъ никакихъ не указалъ, и этимъ ясно засвидѣтельствовалъ, что раскольники въ 1653 году отдѣлились не отъ еретической, а отъ православной Церкви, а потому и находятся внѣ спасительнаго ковчега, внѣ Церкви Христовой. „Всякій (же), отдѣляющійся отъ Церкви, учитъ св. священмуч. Киприанъ, присоединяется къ женѣ незаконной, и дѣлается чуждымъ обѣтованій Церкви: оставляющій Церковь Христову лишаетъ себя наградъ, предопредѣленныхъ Христомъ. Онъ чуждъ для ней, онъ непотребенъ ей, онъ врагъ ея. Не имѣющій Матерію Церковь, не можетъ имѣть Отцемъ своимъ Бога“ („О единствѣ Церкви“). Вотъ до какого жалкаго плачевнаго состоянія довели себя раскольники своею гордостію, своимъ непокорствомъ Церкви Христовой! Одумайтесь, братіе, пока есть время, раскайтесь предъ св. Церковію: она ждетъ васъ, она молитъ Господа о вашемъ вразумленіи и возвращеніи.

Миссіонеръ объявилъ бесѣду оконченной. Но Усовъ, чтобы изгладить впечатлѣніе словъ о. миссіонера, началъ кричать, что о. миссіонеръ не хочетъ кончать бесѣду, что онъ, Усовъ, „распубликуетъ“ объ этомъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, и проч. Но присутствовавшіе на бесѣдѣ раскольники сами стали просить Усова, чтобы онъ не кричалъ, и поспѣшили собрать его книги.

Православные и раскольники выразили о. миссіонеру благодарность за бесѣды.

Противораск. мисс. Екатериносл. свящ. *Сергій Шалкинскій*.

Миссіонерство, секты и расколъ.

(ХРОНИКА).

О полемическихъ пріемахъ при собесѣдованіяхъ съ раскольниками и сектантами.—По поводу отчета православнаго миссіонерскаго общества.—*Современный расколъ*.—Непозволительныя затѣи Егорьевскихъ старообрядцевъ.—Устраненіе отъ дѣлъ Силуана и благочиннической соборъ для выбора ему преемника.—Служеніе Арсенія Швецова въ Оренбургѣ.

Въ хроникѣ „Миссіонерскаго Обзорѣнія“ уже сообщалось о совѣщаніяхъ и постановленіяхъ Калужскаго епархіальнаго миссіонерскаго съѣзда по нѣсколькимъ вопросамъ. Но съѣздъ этотъ настолько былъ богатъ и количествомъ затронутыхъ на немъ предметовъ и поучитель нымъ содержаніемъ бывшихъ по симъ предметамъ сужденій, что мы считаемъ полезнымъ и еще не разъ остановиться на нихъ, дабы возможно полнѣе исчерпать дѣяніе этого съѣзда. Прежде всего заслуживаютъ вниманія сужденія по вопросу, поставленному извѣстнымъ маститымъ Калужскимъ миссіонеромъ о. Михаиломъ Дударевымъ, „о полемическихъ пріемахъ при собесѣдованіяхъ съ раскольниками и сектантами“. Старый почтенный полемистъ изъ бывшихъ ревнителѣй древляго благочестія, ученикъ Павла Прусскаго, на основаніи 40-ка лѣтняго опыта своего пришелъ къ печальному выводу, что существующіе доселѣ въ противораскольничьей полемикѣ пріемы и методы миссіонерскіе *устарѣли*.

„Методъ собесѣдованія съ раскольниками,—съ прочувствованною скорбію говорилъ миссіонеръ,—до сихъ поръ прѣтъ тѣкуемый нами, православными миссіонерами и пастырями Церкви, *устарѣлъ* и едва-ли можетъ съ пользою примѣняться къ бесѣдамъ съ современными раскольниками. Тактика, усвоенная миссіонерами при собесѣдованіи съ раскольниками, особенно съ ихъ главными вожаками-начет-

чиками, тоже устарѣла и тоже должна измѣниться, такъ какъ и сами раскольники-то въ большинствѣ измѣнились и слава Богу, къ лучшему: они нынѣ не такъ уже фанатичны, и взгляды, и понятія ихъ о православной Церкви сдѣлались болѣе правильными, отношенія къ православному духовенству стали гораздо мягче. Теперь, по крайней мѣрѣ въ Калужской епархіи, рѣдко встрѣчаются среди собесѣдниковъ ругатели и хулители. Если такъ, то не пора-ли и православнымъ палемистамъ имѣнить свой взглядъ на раскольниковъ и относиться къ нимъ снисходительнѣе, смотрѣть на нихъ *не какъ на враговъ*, а какъ *на заблуждающихся братьевъ*,—заблуждающихся большею частію по простотѣ и невѣжеству и по прирожденной привычкѣ, съ которой всякій человѣкъ съ великимъ трудомъ разстается.

„До сихъ поръ мы ведемъ собесѣдованія по старопечатнымъ книгамъ, обращаясь больше къ уму и убѣжденію отпадшихъ, въ тонѣ большею частію обличительномъ и укоризненномъ. И это надо оставить, измѣнить, потому что раскольники обличеніями ихъ неправоты не убѣждаются, а только раздражаются, такъ сказать, отталкиваются отъ православной Церкви. А между тѣмъ, молодое поколѣніе, оставаясь въ расколѣ, къ которому давно уже охладѣло, извѣрившись въ его святость, готово вступить на путь религіознаго нововѣрія, не исключая толстовства. Поэтому-то миссіонерамъ и пастырямъ Церкви, приходы которыхъ заражены расколомъ, нужно болѣе держаться увѣщательныхъ, говорящихъ сердцу, бесѣдъ, а не обличительныхъ; неизбѣжныя же въ публичныхъ, а равно и въ частныхъ полемическихъ собесѣдованіяхъ съ раскольниками, обличенія смягчать, растворять благодушіемъ, духомъ кротости и братской любви. Чрезвычайно важно не упускать въ обыденной жизни представляющихся случаевъ къ сближенію съ разсудительными и совѣстливыми, не потерявшими страха Божія раскольниками, привлекать послѣднихъ своей прямою, правдивостію, добрымъ совѣтомъ въ дѣлахъ житейскихъ. Нечего православному поборнику истины стѣснять-ся помогать заблудшимъ братьямъ и посильными совѣтами и наставленіями, защищать отъ несправедливыхъ нападковъ со стороны православныхъ, удерживать православныхъ отъ рѣзкихъ порицаній, водворяя между тѣми и другими миръ

и взаимное согласіе. Иногда одно задушевное слово, ласковый привѣтъ благотворнѣе вліяютъ на раскольника, нежели сто обличительныхъ словъ“.

Этотъ истинно христіанскій призывъ старца-миссіонера къ всепрощенію и любви въ отношеніи раскольниковъ со стороны дѣятелей миссіи былъ выслушанъ съ должнымъ вниманіемъ, и видимо оставилъ свой слѣдъ на сердцѣ аудитории.

По поводу доклада о. Дударева П. П. Добромысловъ весьма умѣстно познакомилъ съѣздъ съ исторіей полемическихъ пріемовъ. До митрополита Платона вся полемика заключалась въ томъ, что православные и раскольники старались доказать сравнительную древность своего обряда, выходя изъ понятія, что старо, то свято. Полемика носила тогда обычно обостренный характеръ. М. Платонъ первый установилъ тотъ взглядъ, что раскольники есть только заблудшіе наши братья, и къ нимъ нужно относиться съ снисхожденіемъ и любовію, но, къ сожалѣнію, эти добрые совѣты преосвященнаго архипастыря мало примѣнялись на практикѣ, и первое примѣненіе этотъ принципъ нашель въ лицѣ Павла Пруссаго. Современная полемика перешла на научную почву, чему способствовали своими трудами проф. Субботинъ, Голубинскій и Каптеревъ. Что же касается снисходительнаго отношенія миссіонера къ раскольникамъ, какъ къ немощнымъ, то св. синодъ много разъ въ своихъ циркулярахъ и правилахъ развивалъ и разъяснялъ этотъ вопросъ.

Свящ. І. Полянскій, вполне соглашаясь съ тѣмъ, что къ раскольникамъ должно относиться миролюбиво, ласково, возбуждалъ вопросъ, какъ поступать въ томъ случаѣ, если распространители и верховоды раскола отказываются идти на миссіонерскую бесѣду; миссіонеръ, зная о вредной дѣятельности таковыхъ и сознавая всю важность бесѣды съ ними для воздѣйствія и на окружающее населеніе, можетъ ли привлечь его черезъ властей? Послѣ живого обмѣна мнѣній за и противъ, съѣздъ высказался, что къ полиціи миссіонеръ долженъ прибѣгать лишь въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, когда раскольники грозятъ его личной безопасности. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда на бесѣдахъ апологеты раскола допускаютъ непристойныя глумленія, и тогда миссіонеру совѣтуется избѣгать обращенія къ свѣтской власти, что-

бы не дать раскольникамъ и извѣстной части интеллигенціи повода къ упрекамъ и нареканіямъ на миссіонеровъ, будтобы умѣющихъ только опираться на силу внѣшней власти; въ подобныхъ случаяхъ полезнѣе будетъ просто прекратить бесѣду, или словомъ убѣжденія вразумить невѣжественнаго фанатика и наглаго хулителя.

Затѣмъ миссіонеръ свящ. І. Полянскій указалъ примѣрный планъ бесѣды о перстосложеніи, а гг. Добромысловъ и Скворцовъ предложили вниманію съѣзда примѣрный планъ бесѣды съ штундистами объ иконопочитаніи.

Миссіонеръ свящ. Жаровъ познакомилъ собраніе съ новымъ раскольничьимъ сочиненіемъ г. Усова „Церковь Божія временно безъ епископа“; книгою этою широко пользуются современные раскольничьи софисты. Свящ. І. В. Полянскій сдѣлалъ разборъ основныхъ положеній книги и указалъ на несостоятельность ихъ. Съѣздъ просилъ редактора „Мисс. Обзор.“ напечатать подробный разборъ этого сочиненія, направляющаго противораскольничью полемику на путь чисто схоластическихъ и рационалистическихъ приемовъ.

Вслѣдъ за симъ съѣздъ занялся обсужденіемъ вопроса о методическихъ приемахъ при собесѣдованіяхъ съ хлыстами. Одни полемисты находили, что пастырямъ приходскимъ полезнѣе вести дѣло миссіи съ хлыстами такъ: пусть они предъ всѣми православными, какъ и предъ хлыстами, на своихъ бесѣдахъ и въ проповѣдяхъ развиваютъ положительное ученіе о Лицѣ Господа Нашего Иисуса Христа, не вдаваясь въ рѣзкое и прямое обличеніе потаенныхъ гнусностей секты, дабы не оттолкнуть заподозрѣнныхъ отъ общенія съ Церковью. Главное вниманіе пастыри должны обращать на исповѣдь заподозрѣнныхъ въ хлыстовствѣ. Особенно нужно остерегаться на бесѣдахъ неосторожнаго грубаго затрагиванія личностей; долгъ православнаго собесѣдника тщательно и вѣрно освѣтить всѣ признаки хлыстовства, не указывая на лицъ, заподозрѣваемыхъ въ сектѣ. Другое дѣло на исповѣди: тамъ пастырь, не обинуясь, по долгу духовника, долженъ дать рядъ прямыхъ вопросовъ хлысту, избличающихъ его принадлежность къ тайной сектѣ; кающійся долженъ съ клятвою отречься отъ гнусностей хлыстовства, и только тогда уже священникъ можетъ допустить опознанныхъ хлыстовъ до св. причащенія.

Что касается миссіонеровъ специалистовъ, то для ихъ бесѣдъ съ хлыстами наиболѣе цѣлесообразнымъ приѣмомъ на сѣздѣ признавался такойъ путь: миссіонеръ долженъ предварительно раскрыть предъ слушателями двѣ-три гнусныя подробности хлыстовства, по возможности, во всей ихъ безобразной наготѣ и затѣмъ по нимъ уже, при содѣйствіи православныхъ слушателей, уличать, — содержать ли всѣ эти признаки хлыстовства или только нѣкоторые мѣстные, заподозрѣнные сектанты. Послѣдніе неминуемо должны защищаться и опровергать улики и оправдывать свое безобразное поведеніе, и тогда полемика, отъ которой хлысты вездѣ уклоняются, выдавая себя притворно за православныхъ, естественно разгорится, и цѣль бесѣды будетъ достигнута.

По вопросу объ отношеніи пастырей Церкви къ послѣдователямъ тайныхъ сектъ, послѣ оживленныхъ преній, сѣздъ призналъ, что пастырямъ приходскимъ никакъ не слѣдуетъ съ спокойною совѣстью терпѣть лицемѣрное отношеніе хлыстовъ къ таинствамъ православной Церкви, ибо въ этомъ великій соблазнъ для православныхъ и великое поруганіе святыни.

По вопросу объ относительной пользѣ какъ публичныхъ, такъ и частныхъ или иначе келейныхъ бесѣдъ со всѣми вообще отпадшими, какъ раскольниками, такъ и сектантами, сѣздъ призналъ наиболѣе полезными въ дѣлѣ собственно приходской миссіи бесѣды частныя, при этомъ рекомендовалъ начинающимъ миссіонерство пастырямъ не рисковать вступать безъ должной теоретической и практической подготовки въ публичныя собесѣдованія. Послѣднія должны въ годъ хотя бы нѣсколько разъ непременно имѣть мѣсто въ каждомъ приходѣ, зараженномъ расколомъ или сектантами, но вести ихъ должны епархіальные миссіонеры и ихъ опытные помощники и сотрудники окружныя миссіонеры.

„Москов. Вѣд.“ по поводу послѣдняго отчета Православнаго Миссіонерскаго Общества дѣлають рядъ весьма серьезныхъ и цѣнныхъ соображеній, которыя такъ или иначе могутъ касаться и нашей внутренней миссіи.

Когда мы думаемъ и говоримъ о *православной* миссіи, — совершенно справедливо замѣчаетъ почтенный органъ свѣтской печати, — мы думаемъ и говоримъ почти исключительно о дѣятельности, проявляемой *русскими* силами. Явленіе это весьма

печальное, и не въ укоръ другимъ православнымъ Церквямъ говоримъ мы это. Къ сожалѣнью, состояніе силъ православныхъ автокефальныхъ Церквей таково, что не допускаетъ съ ихъ стороны никакой широкой дѣятельности по распространенію христіанства. Но какъ бы это ни было неизбежно, фактъ состоитъ въ томъ, что на ряду съ широчайшею миссіонерскою дѣятельностью римско-католичества и протестантизма, со стороны православія только русская Церковь дѣлаетъ кое-что для распространенія христіанства.

Это возбуждаетъ, конечно, еще болѣе вниманія къ Православному Миссіонерскому Обществу, которымъ ведется миссіонерское дѣло.

Должно замѣтить, что и наше Православное Миссіонерское Общество — учрежденіе сравнительно очень новое, которое насчитываетъ теперь всего 33 года своего существованія.

Если мы окинемъ общимъ взглядомъ 30-лѣтнюю жизнь Миссіонерскаго Общества, то, конечно, нельзя не испытывать чувства удовлетворенія. Въ 1870 году общество начало дѣло съ 47,000 рублями. Уже черезъ пять лѣтъ оно могло произвести расходовъ на 86,000 р., а разнаго рода капиталовъ имѣло 430,000 руб. Въ 1878 году оно имѣло болѣе 6,000 членовъ и затрачивало на нужды миссіи около 140,000 р. Къ концу 90-хъ годовъ (1898 г.) число членовъ поднялось до 14,133, расходъ до 487,000 руб., и капиталовъ состояло 1.238,000 рублей. По настоящему же отчету (1901 г. число членовъ равно 17,172 человекъ, расходъ—въ 622,000 руб. и капиталовъ состоитъ 1.326,325 руб.

Такимъ образомъ укрѣпленіе Миссіонерскаго Общества и расширеніе его средствъ идетъ вообще поступательно. Но если мы примемъ въ соображеніе то необъятное поле дѣятельности, которое призываетъ къ себѣ его силы, то ростъ средствъ Миссіонерскаго Общества долженъ быть признанъ далеко недостаточнымъ.

Отчеты Общества, къ сожалѣнью, недостаточно полны для того, чтобы дать точный подсчетъ всѣхъ дѣйствующихъ силъ, требующихъ его помощи. Но достаточно сказать, что Миссіонерское Общество ведетъ свою дѣятельность въ Европейской Россіи, въ губерніяхъ: Казанской, Вятской, Архангельской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Уфимской, Пермской и на Кавказѣ. Въ Азіатской Россіи усилій Общества требуютъ всѣ губерніи и области. На попеченіи алтайской миссіи находится нѣсколько десятковъ тысячъ населенія. Въ Киргизской степи Общество составляетъ единственную опору православія. Его же дѣятельность охватываетъ область Красноярской миссіи, Тобольскую губернію, Якутскую область, Иркутскую губернію, Забайкальскую область, округа Благовѣщенскій и Владивостокскій. Дѣя-

тельность Миссіонерскаго Общества переходить, наконецъ, и за предѣлы Россіи: на его попеченіи находятся миссіи японская и сѣверо-американская.

Съ точки зрѣнія потребности въ проповѣди православія, этотъ огромный районъ дѣятельности еще очень недостаточно великъ. Онъ даже отдаленно несравнимъ со всемірною дѣятельностью римской *Congregatio de propaganda fide* и множествомъ протестантскихъ обществъ. Но сравнительно со средствами, которыя Россія удѣляетъ на проповѣдь христіанства, задача нашего Миссіонерскаго Общества громадна.

За все время его существованія мы постоянно видимъ, что *потребности* миссіонерскаго дѣла несравненно шире *средствъ*, которыя оно можетъ получить, и это, конечно, не можетъ не отзываться на успѣшности развитія миссіонерскаго дѣла.

Современный бюджетъ общества въ 1901 году представляеть такую картину:

Состояло	1.367,735 руб.
Всего прихода	580,684 »
Всего расхода	622,094 »

Слѣдовательно, къ 1902 году оказывается, такъ сказать, дефицитъ, или, точнѣе выражаясь, въ 1902 году Общество приступаетъ къ дѣятельности со средствами *уменьшившимися*. Это не представляло бы никакой особенной опасности, если бы *сборы и пожертвованія* представляли достаточно внушительныя суммы ¹⁾.

Такимъ образомъ, сборы и пожертвованія за 1901 годъ покрыли едва *половину* того расхода, который оказался безусловно необходимымъ (622,000 рублей).

Труды Миссіонерскаго Общества въ Европейской Россіи, Азій и Америкѣ имѣли своимъ результатомъ въ отчетномъ году почти 5 тысячъ обращеній въ православіе изъ язычества и магометанства ²⁾.

Цифра эта, конечно, ничуть не поражающая своей величиной, не исчерпываетъ, однако, всѣхъ результатовъ мис-

¹⁾ Но по этой рубрикѣ въ отчетѣ значится за 1901 годъ.

1) Кружечнаго сбора	30 ¹ / ₂ т. р.
2) Сборъ въ недѣлю Православія	74 » »
3) Прочихъ доходовъ	270 » »

Всего . . . 374,679 р.

²⁾ Въ Европейской Россіи	290 чел.
» Сибири	3,577 »
» Японіи	983 »
» Америкѣ	85 »

Итого . . . 4,934 чел.

сионерскихъ трудовъ. Помимо обращенія язычниковъ и магометанъ, миссія имѣетъ своею обязанностью окончательное христіанское просвѣщеніе недавно крещенныхъ иновѣрцевъ, а по большей части и ихъ приобщеніе къ жизни культурной.

Миссіонеръ—не только проповѣдникъ, онъ долженъ становиться и приходскимъ пастыремъ. Рядомъ съ нимъ и объ руку съ нимъ идутъ школьный учитель, фельдшеръ, сестра милосердія.

Православное Миссіонерское Общество на все это должно доставлять средства.

А между тѣмъ, какъ мы видимъ, на дѣло, охватывающее три части свѣта, Общество получаетъ сборами и пожертвованіями всего 374,000 рублей.

Недостаточность этихъ суммъ даже для имѣющагося дѣла слишкомъ очевидна. А между тѣмъ, не менѣе очевидно, что дѣло проповѣди должно бы было быть еще гораздо болѣе расширено.

Можно сказать, что только полное незнаніе того, что дѣлается въ мірѣ, спасаетъ православную Россію отъ самаго тягостнаго чувства стыда за себя,—являющагося при сравненіи нашихъ маленькихъ, почти ничтожныхъ силъ, выставленныхъ на проповѣдь христіанства, съ тѣми мощными средствами, которыя развертываютъ на это другіе, инославные народы, объ упадкѣ христіанства среди которыхъ мы такъ охотно толкуемъ.

Многіе ли у насъ знаютъ, что, напримѣръ, въ Манчжуріи, гдѣ у насъ доселѣ не было, можно сказать, ничего, римская „Congregatio de propaganda fide“ уже давно имѣетъ 160 храмовъ и часовень, 118 школъ, 2 семинаріи и въ этихъ учрежденіяхъ у нея дѣйствуютъ 30 европейскихъ и 12 туземныхъ миссіонеровъ, имѣющихъ уже нѣсколько десятковъ тысячъ туземной паствы. Такъ дѣло обстоитъ на самой нашей границѣ, гдѣ, кажется, проповѣдь христіанства должна была принадлежать всецѣло намъ. Мы же даже въ нашемъ собственномъ Забайкальѣ не умѣемъ развить равносильной дѣятельности.

Нельзя, конечно, не благодарить „Православное Миссіонерское Общество“ за все, что оно дѣлаетъ для проповѣди христіанства иновѣрнымъ. Но можно также думать, что явно-недостаточное количество средствъ, получаемыхъ имъ отъ православной Россіи, могло бы быть значительно увеличено при *болѣе живой* постановкѣ дѣятельности самаго Общества.

Конечно, оно имѣетъ свой органъ, „Православный Благовѣстникъ“, и о дѣятельности общества ежегодно произносятся проповѣди по всѣмъ русскимъ храмамъ. Но, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что Россія имѣетъ лишь самыя поверхностныя

свѣдѣнія о дѣятельности Миссіонерскаго Общества. „Православный Благовѣстникъ“ не имѣетъ выдержанной программы и представляетъ сборникъ тетрадей со статьями, иногда очень интересными, но случайными. Въ немъ самомъ совершенно нѣтъ *проповѣди миссіонерства*, нѣтъ объясненія задачъ миссіонерскаго дѣла, сравненія нашей дѣятельности съ дѣятельностью прочихъ народовъ и исповѣданій и т. д. Теперь даже тѣ, кто хочетъ изучить дѣло нашей миссіи, дѣлають это совсѣмъ не по его органу.

Миссіонерское Общество непременно должно было бы сверхъ того организовать публичныя чтенія для популяризаціи своей дѣятельности и задачъ, поручая это особливо талантливымъ лекторамъ для объѣздовъ съ этою цѣлью Россіи.

Это несомнѣнно оживило бы и церковную проповѣдь въ пользу миссіонерскаго дѣла. Въ настоящее время проповѣдь, призывающая по храмамъ къ пожертвованіямъ на распространеніе христіанства среди невѣрныхъ, имѣетъ характеръ чрезвычайно *казенный*, формальный, безжизненный. Она состоитъ обыкновенно въ прочтеніи листовъ, призывающихъ къ пожертвованіямъ, причемъ и самъ читающій, не зная хорошенько хода миссіонерскихъ дѣлъ, не умѣетъ сколько-нибудь оживить свой рассказъ о нихъ.

Должно, наконецъ, сказать, что и самые отчеты Миссіонерскаго Общества составляются по системѣ не особенно удачной въ цѣляхъ ознакомленія Россіи съ его дѣятельностью. Укажу, напримѣръ, что и въ настоящемъ отчетѣ за 1901 годъ не только само Общество не подводитъ итоговъ силъ, выставленныхъ имъ на дѣло проповѣди, но даже не даетъ данныхъ для какого-либо подсчета ихъ самому читателю. Нужно было бы выработать хорошій планъ отчетовъ, который давалъ бы полную и ясную картину дѣятельности Общества.

Въ заключеніе почтенная газета высказываетъ мысль, что дѣятельность русскаго Православнаго Миссіонерскаго Общества не должна была бы стоять столь изолированной въ средѣ другихъ православныхъ народовъ и автокефальныхъ Церквей. и что было бы весьма полезно созданіе союзной *Вселенской православной миссіи*, не говоря уже о томъ, что на такихъ основахъ православная миссія нашла бы болѣе легкій доступъ во многія области, нынѣ ею совершенно не затронутыя.

Мы вполнѣ раздѣляемъ глубокую справедливость и безусловную важность высказанныхъ московскою газетою соображеній и замѣчаній. Не подлежитъ сомнѣнію, что предлагаемая почтеннымъ органомъ мѣры способны въ извѣстной мѣрѣ оживить дѣятельность Общества Миссіонерскаго и усилить вниманіе къ миссіи въ вѣрующемъ обществѣ и

народъ. Однако главная-то причина мертвенности миссіонерскаго дѣла въ русской Церкви, по нашему мнѣнію, заключается въ отрѣшенности Миссіонерскаго Общества отъ правящаго церковнаго нашего центра—св. синода. Пребывая въ Москвѣ, Общество какъ бы затерялось, заглохло: кто въ Обществѣ дѣятели, какъ они дѣйствуютъ, когда засѣдаютъ и чѣмъ занимаются, мало кому даже изъ специалистовъ и поборниковъ миссіи вѣдомо. Епархіальные миссіонерскіе комитеты вездѣ только сборщики денегъ. Миссіонерское Общество издавна обособилось и отъ интересовъ и нуждъ внутренней миссіи, которыхъ она не хочетъ вѣдать, а чрезъ это теряетъ сочувствіе у всѣхъ ревнителей православія.

Затѣмъ, какъ ведется миссіонерство нашими разными миссіями, опять мѣстнымъ епархіальнымъ дѣтелямъ и ревнителямъ невѣдомо, кто изъ центра контролируетъ, направляетъ, поощряетъ дѣателей на мѣстѣ, опять вопросъ и вопросъ.

Въ единеніи — наша сила, въ разбросанности—слабость.

Внутренняя миссія, призванная къ дѣятельности гораздо позже, не имѣетъ подобнаго Общества Миссіонерскаго, ни организациі прочной, страшно бѣдна средствами, случайно получаемыми, однако дѣятельность ея какъ-то виднѣе и осязательнѣе.

Въ жизни *современнаго раскола* продолжаютъ царить безпокойство и ухищренія, направленныя къ обходу законовъ и дѣяній непозволительнаго свойства. Таковы затѣи рязанскихъ раскольниковъ о которыхъ нашъ корреспондентъ А—въ сообщаетъ заслуживающія вниманія свѣдѣнія.

Въ Егорьевскѣ насчитывается раскольниковъ до 4-хъ тысячъ. Большинство изъ нихъ принадлежитъ къ австрійскому толку. Здѣсь у австрійскихъ имѣется великолѣпная молежня, совершается „истовая“ продолжительная служба. иногда устраиваются торжественныя процессіи, по случаю похоронъ богатыхъ раскольниковъ, съ участіемъ нѣсколькихъ лжепоповъ. Несмотря на значительную численность своей общины и на близость знаменитыхъ Гуслиць, наши раскольники не отличаются обычнымъ фанатизмомъ и давно уже перестали считать грѣхомъ общеніе и дружбу съ православными. Терпимость ихъ доходитъ до того, что дѣтей своихъ они посылаютъ учиться въ мѣстныя церковно-при-

ходскія школы. Послѣднія успѣли уже оказать неоцѣненную услугу св. Церкви, послуживъ средствомъ сближенія между дѣтьми православныхъ и раскольниковъ. При постоянномъ общеніи съ православными товарищами по школѣ и при воспитательномъ руководствѣ православнаго учителя и законоучителя-священника, у дѣтей старообрядцевъ незамѣтнымъ образомъ сглаживается ихъ домашнее раскольниковое воспитаніе. Такое примирительное съ православіемъ настроеніе новаго раскольничьяго поколѣнія стало обезпокоивать главарей раскола. Они поняли, что если оставить дѣло такъ, какъ есть, то въ недалекомъ будущемъ совѣмъ падеть „древнее благочестіе“. Но какъ помочь бѣдѣ, грозящей расколу? Прежде можно было положить запретъ на школу, нынѣ этого уже нельзя сдѣлать: грамотность стала всеобщою насущною потребностью, особенно въ такомъ бойкомъ промышленномъ районѣ, какъ Егорьевскъ съ его фабриками и заводами. Вожаки раскола придумали такой выходъ: учредить свои собственныя школы, въ которыхъ учителями были-бы ихъ начѣтчики, а законоучителями лжепопы, дабы ихъ дѣти воспитывались въ духѣ раскольничьяго фанатизма и глубочайшаго отчужденія отъ православной Церкви. Ходятъ упорные слухи о томъ, что они возбудили ходатайство предъ мѣстной учебной дирекціей о предоставленіи имъ права имѣть свои школы подъ контролемъ учебнаго начальства.

Стало извѣстнымъ и другое крайне неблагопріятное православію движеніе среди егорьевскихъ раскольниковъ: у нихъ возникла мысль учредить въ г. *Егорьевскъ раскольничью архіерейскую каведру*, чтобы объединить въ одно цѣлое весь гуслицкій районъ, съ его сплошнымъ шестидесятитысячнымъ раскольничьимъ населеніемъ. Отсюда, по мысли раскольниковъ, будутъ исходить всѣ распоряженія къ усиленію раскола всего округа: объ открытіи задуманныхъ школъ, молеленъ, о командированіи для бесѣдъ съ православными своихъ начѣтчиковъ и проч. Исполниась эта раскольничья мечта, и тогда расколъ въ нашемъ краѣ возвратитъ себѣ утраченную силу и вліяніе на православную среду, снова и надолго восторжествуетъ невѣжественный фанатизмъ по отношенію къ православной Церкви. Учрежденіе архіерей-

ской кафедры сдѣлалось очереднымъ, злободневнымъ вопросомъ у мѣстныхъ раскольниковъ: начались усиленныя хлопоты къ осуществленію задуманныхъ плановъ. Нечего и говорить, какое значеніе имѣютъ указанныя раскольничьи предприятия... Конечно, добиться открытія своихъ самостоятельныхъ школъ на легальныхъ основаніяхъ для нихъ невозможно, но кто можетъ поручиться за то, что своды роскошной егорьевской молебни не огласятся старообрядческой архіерейской службой, и мы не увидимъ лже-владыку егорьевскаго и гуслицкаго?

Какъ извѣстно, раскольникамъ запрещены всякіе сѣзды, на что министерство не мало обращало вниманіе губернаторовъ. Однако въ Нижнемъ состоялся не простой, а *всероссійскій* сѣздъ раскольниковъ, о тароватыхъ постановленіяхъ его у насъ сообщалось въ октябрьской книжкѣ. А нынче намъ сообщаютъ, что 1 сентября состоялся въ станицѣ Нагайской, Донской Области, *благочиннической сѣздъ духовенства раскольничьей австрійской секты*. Всего собралось 10 благочинныхъ, подъ предсѣдательствомъ Михаила Картушина, двоюроднаго брата московскаго лжевладыки. Предметомъ совѣщаній сѣзда былъ вопросъ объ избраніи одного изъ двухъ кандидатовъ на Донскую лжеепископскую кафедру (вмѣсто уволеннаго за штатъ совсѣмъ немощнаго Силуана). Кандидаты были указаны ранѣе соборомъ раскольническихъ епископовъ: извѣстный лжесвященникъ Сыткинъ и никому неизвѣстный вдовый лжесвященникъ х. Любимовки (близъ Калача) Н. Кандидатура послѣдняго вызвала только смѣхъ въ собравшихся „благочинныхъ“, а посему они постановили „просить“ Сыткина. Послѣ разсматривался вопросъ о лжесвященникѣ Чертихинѣ, который болѣе извѣстенъ подъ фамиліей „Чертуха“. Сей мужъ за нѣкія преступленія подвергся сначала немилости, а затѣмъ и запрещенію Іоанна Картушина. Оставшись, благодаря запрещенію, не у дѣлъ, раздосадованный Чертуха спѣшитъ къ противоокружнику лжеепископу Іову, въ томъ разсужденіи, что все-де равно,—пестра овца. сѣра овца,—а духъ одинъ: всѣ отъ Амвросія. Іовъ съ радостью принимаетъ, даетъ разрѣшеніе отъ запрещенія, и Чертуха теперь является сильнымъ врагомъ Окружнаго. Вотъ его-то и хотѣлъ было „соборъ благочиннической возвра-

тить отъ заблужденія“. Но всё усилія ихъ оказались тщетными.

Намъ оренбургскій корреспондентъ пишетъ, какъ 26 сентября въ австрійскомъ молитвенномъ домѣ Крюкова совершалъ богослуженіе закоснѣвшій въ своемъ еретичествѣ лжеепископъ уральскій Арсеній Швецовъ. Замѣчательно была устроена для него архіерейская каеэдра: на половинкахъ старыхъ кирпичей, разложенныхъ среди моленной, положены были доски отъ какого-то ящика (ужь не отъ игрушечнаго ли?); на образованный такимъ способомъ помостъ поставили табуретъ, заставъ его какой-то тряпицей. Взобравшись на эту импровизированную каеэдру, Швецовъ принужденъ былъ поддерживаться за табуретъ, чтобы не проломить досокъ; хотя владыка раскольничій имѣеть и немного вѣса (какъ въ буквальномъ, такъ и въ переносномъ смыслѣ: даже главный попечитель моленной не присутствовалъ за богослуженіемъ), все-таки каеэдра зыблилась подъ его ногами. Каковъ архіерей, такова и каеэдра! Въ довершеніе картины, послѣ ухода лжеепископа въ алтарь, при пѣннн „прійдите поклонимся“,—начали разбирать каеэдру: одинъ понесъ доски, другіе начали собирать половинки старыхъ кирпичей.

Попечители моленной пожалѣли для своего владыки *старога* кирпичей *новыахъ*; или, можетъ быть, нашли болѣе подходящими для своего *старога* владыки, служащаго по *старымъ* книгамъ, и *старые* поломанные кирпичи?..

Расколъ въ Омской епархіи. Расколомъ въ Омской епархіи заражены 9-ть уѣздовъ.

Въ этихъ уѣздахъ всѣхъ приходовъ, зараженныхъ расколомъ, насчитывается 68; раскольниковъ же въ этихъ приходахъ не менѣе 24,000 душъ обоого пола. Самый зараженный уѣздъ—Змѣиногорскій. Здѣсь въ 8 приходахъ раскольниковъ считается до 11,000 душъ обоого пола.

Несмотря на свою древность, расколъ не застылъ, какъ думаютъ многіе, а постепенно растетъ, принимая новыя формы и угрожая православію своимъ грубымъ фанатизмомъ, и притѣсня православнохъ тамъ, гдѣ расколъ чувствуетъ

силу и мощь. Распространеніе раскола и ничтожное обращеніе раскольниковъ въ православіе объясняется и неподготовленностью причтовъ къ борьбѣ съ расколомъ, и почти полнымъ отсутствіемъ всякихъ должныхъ пособій для борьбы.

Поэтому многіе изъ священниковъ даже и не пытаются вразумлять уклоняющихся въ расколъ, ограничиваясь въ своей пастырской дѣятельности охраненіемъ отъ раскольнической заразы еще неуклонившихся.

Ничего не могу сказать о раскольникахъ Змѣиногорскаго уѣзда, о раскольникахъ же другихъ уѣздовъ можно съ увѣренностью сказать, что среди нихъ почти нельзя встрѣтить ни одного мало-мальски порядочно начитаннаго наставника. Принимаютъ же на себя роль пастырей и руководителей большею частію полуграмотные, а иногда и совсѣмъ безграмотные мужики и при томъ люди низкой нравственности. Нѣкоторые изъ наставниковъ открыто развратничаютъ, хвастаясь, что имъ стоитъ только сходить къ старухамъ, которыя отмірщатъ, и опять будешь чистъ. Сами старообрядцы всѣхъ толковъ почти повально безграмотны. Только въ последнее время стали нѣкоторые изъ нихъ отдавать своихъ дѣтей въ начальныя школы, но и въ школахъ они приобрѣтаютъ слишкомъ немного. Лишь только мальчику стали мало-мальски читать, писать и считать, родители немедленно берутъ его изъ школы, говоря: „будетъ съ него учиться: онъ читаетъ, пишетъ и считаетъ,—и довольно съ него: не попить вѣдь ему и не писарить!“

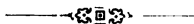
Большая же часть дѣтей поступаетъ въ учебу „къ мастерицамъ“, старымъ дѣвкамъ келейницамъ, которыя и наполняютъ воспримчивыя головы дѣтей всевозможными сказками и бреднями, выдавая ихъ за творенія св. отецъ. Чѣмъ занимаются дѣти въ такихъ школахъ и какія приобрѣтаютъ тамъ познанія, можно судить по настоящему разсказу о солнечномъ теченіи, взятому мной изъ рукописной книги „Пчела“. Панагіотъ философъ говоритъ: „Солнце сотворено Божиимъ повелѣніемъ и величиной своей больше всей земли. Одежда и вѣнецъ на солнцѣ царскій, и 15 ангеловъ всегда сопровождаютъ солнце. И когда солнце уйдетъ на западъ, тогда ангелы Господни снимаютъ съ него одежду и вѣнецъ царскій, поэтому ночью солнце и не свѣтитъ, и кладутъ ангелы

одежду ту солнечную и вѣнецъ на престолѣ Господнемъ, и у солнца для услугъ остаются три ангела. И приставилъ Господь 100 ангеловъ одѣвать солнце въ одежду и вѣнецъ. А когда пойдетъ солнце отъ востока (къ западу), тотчасъ же тогда огненные небесныя птицы—„филизи-халевриа“ летаютъ передъ солнцемъ и, омочивъ крылья свои въ океанъ, кропятъ крыльями на солнце и погашаютъ солнечный свѣтъ, дабы не попалило солнце лучами своими всю землю и живущихъ на ней людей; и обгораютъ отъ огня солнечнаго у тѣхъ птицъ перья, и становятся онѣ голыми, какъ общипанныя. И вотъ, когда солнце приблизится къ западу, тогда купаются тѣ птицы въ океанѣ-великомъ морѣ и возраждаются вновь, и оперяются крылья ихъ. Поэтому-то и пѣтухъ называется пророкомъ, такъ-какъ онъ подъ крыльями своими имѣетъ перо этихъ небесныхъ птицъ.

И вотъ, какъ только покажется заря на востокѣ, начинается то перо у пѣтуха чесаться; а когда ангелы снимутъ съ престола Господня одежду и вѣнецъ царскій, тогда пѣтухъ чешется, открываетъ глаза и просыпается, и хлопаетъ крыльями своими трижды, возвѣщая міру воскресеніе: встань, Свѣтодавче, и послы свѣтъ Твой міру! Христось живъ есть и вся совершаетъ!

Ему же слава съ Отцомъ и Св. Духомъ нынѣ, и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“.

В. и. д. Тюкалинск. окружн. мисс. свящ. *Ф. Трошкій*.

Изъ жизни инославія и изъ міра заграничнаго сектантства.

Къ исторіи Арміи спасенія.—Расколъ въ франкмассонствѣ.—Съѣздъ методистскихъ пастырей и призывъ къ усилению миссіонерства.—Новая секта—„Христіано-ислаимизмъ“.—Секта яacobитовъ.—Лондонскій лже-мессія Пиготтъ.

„Генераль“ Арміи спасенія Вильямъ Бутсъ опубликовалъ интересныя свѣдѣнія о началѣ и развитіи Арміи. Когда Бутсъ, 37 лѣтъ назадъ, начиналъ свою дѣятельность, то для почина онъ завербовалъ въ Армію только самого себя; цѣлью Арміи поставилъ борьбу съ духовной и матеріальной нуждой. О какой-либо организаціи онъ тогда еще и не помышлялъ, а всего менѣе имѣлъ въ виду общество съ военнымъ устройствомъ. Таковое впервые появилось въ 1878 году. Движеніе началось въ Лондонѣ и теперь распространилось и утвердилось въ 47 государствахъ и колоніяхъ. Ежедневно появляются въ количествѣ 1.000,000 экземпляровъ печатаемые на 15 языкахъ газеты и журналы, издаваемые Арміей. Армія основала болѣе 600 разнообразныхъ общепользныхъ учрежденій,—убѣжища для безпріютныхъ, для дѣтей и освобожденныхъ преступниковъ, лѣчебницы для алкоголиковъ, пріютъ для падшихъ женщинъ. Во всѣхъ странахъ устроены воспитательныя и работныя дома.

Въ Германіи Армія насчитываетъ около 400 отдѣленій и болѣе 100 корпусовъ Арміи. Бутсъ полагаетъ, что дѣятельность Арміи, начавшаяся въ Германіи, будетъ все болѣе и болѣе расширяться и усиливаться. „Генераль“ намѣренъ въ скоромъ времени посѣтить Буда-Пештъ, чтобы и тамъ положить начало дѣятельности Арміи.

* *
*

Повсюду въ франкъ-массонствѣ происходитъ въ настоящее время замѣтный расколъ. Особенно же это видно въ итальянскихъ ложахъ.

Одни изъ членовъ таковыхъ желаютъ добиться легальнаго положенія въ государствахъ, сообщить своей дѣятельности публичный характеръ, оставить древніе символическіе обряды, предварительное испытаніе желающихъ вступить въ ложу, различныя степени посвященія ихъ и обыч-

ныя страшныя клятвы. Масонскіе новаторы заявляютъ, что масонство распространилось почти во всѣхъ современныхъ государствахъ, и если въ исторіи этой секты былъ періодъ, когда въ силу какихъ-либо обстоятельствъ требовалось соблюденіе тайны, то теперь въ этомъ нѣтъ никакой нужды; масонство не проповѣдуетъ никакой разрушительной теоріи (хотя, впрочемъ, уже и анархизмъ пользуется нѣкоторой защитой въ прессѣ и даже въ палатѣ депутатовъ). Поэтому нѣтъ никакой причины скрывать сущность масонства подъ разными нелѣпыми и смѣшными символами и обрядами.

Другіе, напротивъ, вовсе не желаютъ оставить масонскія традиціи и вступить на путь публичности, на который хотятъ направить эту секту многіе новаторы, и утверждаютъ, что основное ученіе секты еще содержитъ въ себѣ нѣкоторыя подробности, которыя должны быть скрываемы, и что безъ символовъ, обрядовъ и клятвъ сущность секты, къ неминущей ея гибели, вполне обнаружилось бы для всѣхъ. Масонскіе заправила всѣми силами противятся введенію въ секту разныхъ новшествъ. Всѣмъ извѣстно, что во Франціи, какъ и въ Испаніи, именно франкъ-масонство выставило предлогомъ къ преслѣдованію монаховъ то, что они уклоняются отъ подчиненія государству, отказываются отъ выполненія законовъ, касающихся признанія конгрегаціонныхъ учреждений государственной властью, и надзора со стороны послѣдней за отчетами конгрегацій и т. д.

Но въ этомъ случаѣ защитники конгрегацій не безъ основанія могутъ сказать масонамъ: „Врачу, исцѣлился самъ! Прежде вынь бревно изъ глаза твоего, а потомъ ты можешь вынуть сучекъ изъ глаза монаха“.

Масоны, разумѣется, думаютъ иначе. Они, инспираторы несправедливаго закона Вальдекъ-Руссо и декрета короля Альфонса, считаютъ свое общество чисто свѣтскимъ,—такимъ, котораго происхожденіе и цѣли вполне гуманны, и которое не только не должно допускать гражданскую власть (не масонствующую) къ достаточному ознакомленію съ нимъ, но даже ради самого существованія масонства — должно скрывать въ глубокой тайнѣ свою дѣятельность.

Оппозиціонныя французскія газеты интересуются вопросомъ, проникнуть ли въ масонство новыя вѣянія, или оно останется по прежнему сектантски исключительнымъ и неперимымъ обществомъ.

Впрочемъ,—говорить одна изъ этихъ газетъ,—даже послѣ подобнаго раскола въ масонствѣ легко будетъ распознать власть дьявола по отвратительному потомству этого великолѣпнаго родоначальника.

*
* *

22 іюля въ Мэнчестерѣ происходило 159-е собраніе методистовъ-веслианцевъ, на которомъ обсуждались вопросы, представляющіе важность и не для одного только методизма. Собраніе открылось рѣчью предсѣдателя, достопочтеннаго проф. Дж. Шо Банкса, избравшаго предметомъ вопросъ, имѣющій глубокое жизненное значеніе для всѣхъ Церквей,—о необходимости усиленія миссіонерской дѣятельности въ наше время. Хотя, по мнѣнію проф. Банкса, никогда не было эпохи, въ которую миссіонерская дѣятельность въ христіанской Церкви была бы сильнѣе, чѣмъ теперь, но его поражаетъ мысль, что и въ Англіи, и въ другихъ странахъ духовныя нужды христіанъ уже не удовлетворяются наличными средствами. Необычайное увеличеніе населенія въ крупныхъ центрахъ страны создало весьма трудныя задачи для дѣятелей въ области экономической, законодательной и благотворительной, но всего труднѣе задача, представляющаяся для дѣятелей христіанской Церкви. Въ высшей степени тревожныя событія, происходящія въ главнѣйшихъ центрахъ населенія, заставляютъ думать, что если людей, виновныхъ въ насилие и несправедливости, просвѣтитъ, какъ уже просвѣщены другіе классы общества, то эта созидательная работа окажется важная услуги не только Церкви, но и всей странѣ. Для осуществленія этой задачи, по мнѣнію Банкса, съ одной стороны необходима болѣе усиленная дѣятельность администраціи; но съ другой—и при томъ самая настоятельная нужда ощущается въ сильныхъ и самоотверженныхъ христіанскихъ проповѣдникахъ. Величайшая милость, какую, по мнѣнію Банкса, можетъ Господь оказать Англіи въ настоящее время, это именно дать большее число такихъ „евангелистовъ“, для которыхъ проповѣдь евангельскаго ученія являлась бы „дыханіемъ ихъ жизни“. Въ Церкви Христовой всегда были такіе дѣятели. Первымъ изъ „евангелистовъ“ былъ Джонъ Веслей, который имѣлъ много достойныхъ послѣдователей. Но достопочтенный профессоръ не думаетъ, чтобы число настоящихъ и бывшихъ прежде христіанскихъ дѣятелей можно было считать окончательнымъ итогомъ высшей милости и всемогущества Господа по отношенію къ Своей Церкви. Если же теперь такихъ дѣятелей уже недостаточно для потребностей современнаго общества, то это можно объяснить лишь тѣмъ, что есть люди; противодѣйствующіе Божіей милости. Достопочтенный профессоръ горячо убѣждалъ братію не угашать въ себѣ силу Духа Божія, возжженныхъ въ душѣ каждаго вѣрующаго. Профессоръ стремится доказать, что великимъ благодѣяніемъ для человѣчества будетъ, такъ сказать, новое крещеніе всѣхъ, отъ малаго до стараго, этой ревностью ради Господа и спасенія души. Онъ напомнилъ о многихъ призывахъ къ такому религіозному воодушевленію со стороны старыхъ

методистскихъ проповѣдниковъ и разсказалъ трогательный фактъ изъ своей собственной жизни: „Я помню одинъ изъ такихъ горячихъ призывовъ одного изъ старѣйшихъ нашихъ проповѣдниковъ въ одномъ воскресномъ вечернемъ собраніи, болѣе 50 лѣтъ назадъ, и этотъ призывъ глубоко потрясъ мое сердце“. Съ этого дня онъ какъ-бы переродился и до настоящаго времени его никогда уже не смущали никакія житейскія тревоженія,—ни гордость и самомнѣніе, ни самоуничиженіе.

Изъ частныхъ предметовъ на этомъ собраніи обсуждались: 1) вопросъ объ улучшеніи методистскихъ школъ и надзора за ними, причемъ большинствомъ голосовъ постановлено было внести больше свѣта и публичности въ школьное дѣло, посредствомъ публичнаго избранія лицъ, которымъ ввѣряется завѣдываніе учебно-воспитательною частью въ школахъ и школьныхъ округахъ. 2) Вопросъ о внѣшней методистской миссіи, которому посвящено цѣлое засѣданіе; были произнесены содержательныя и увлекательныя рѣчи секретарями методистскаго миссіонерскаго общества, достопочтенными оо. Хертлеемъ и Финдлеемъ, которые призывали методистскихъ дѣятелей къ оживленію дѣлъ внѣшней миссіи. Въ единоголасномъ постановленіи конференціи по этому вопросу было сказано, что „для веслеянской Церкви пришелъ часъ смѣло и открыто, ради вѣры въ Бога и благоговѣнія передъ Нимъ, примѣнять болѣе энергичную наступательную (aggressive) политику во внѣшне-миссіонерской дѣятельности“.

* * *

Въ Сиріи появилась новая секта, которая названа почему-то *ново-христіанствомъ*. Оттоманское правительство намѣрено предписать сирійскимъ властямъ строжайшія мѣры къ подавленію пропаганды новой секты, насчитывающей уже множество прозелитовъ въ Дамаскѣ.

Эта секта представляетъ собою смѣшеніе христіанства и магометанства. По воззрѣніямъ ново-христіанъ, Иисусъ Христосъ, также какъ и Магометъ, былъ не болѣе, какъ философъ, не имѣвшій въ Себѣ Божескаго естества. Основатели секты въ своемъ вѣрбученіи сдѣлали большія уступки исламу, чтобы лучше завлечь въ секту прозелитовъ изъ правовѣрныхъ, такъ какъ полное отреченіе мусульманина отъ ислама грозитъ ему смертною казнью.

* * *

На островѣ Цейлонѣ (въ Яффнскомъ округѣ) до самаго послѣдняго времени существовала *секта якобитовъ* или „независимыхъ католиковъ“; эта секта, насколько извѣстно, ведетъ свое происхожденіе отъ нѣсколькихъ португальцевъ, отказавшихся подчиниться заключенному между португаль-

скимъ королемъ и римскимъ папою конкордату 1887 года, по которому о. Цейлонъ въ церковномъ отношеніи долженъ подлежать юрисдикціи архіепископа города Гоа. Священникъ Альваресъ, руководитель этихъ португальцевъ, протестовавшихъ противъ конкордата, сдѣлался якобитскимъ епископомъ и въ свою очередь назначилъ епископомъ пользующагося извѣстностью въ южной Индіи—Вилатта. Недолго просуществовавши, эта секта не могла распространиться, а въ іюнѣ текущаго года около тысячи человекъ, къ ней принадлежащихъ, торжественно отреклись отъ своего заблужденія и приняты въ лоно католической Церкви епископомъ Яффнскимъ Rev. Dr. Joulain. Въ настоящее время остается въ Коломбо не болѣе двѣнадцати якобитскихъ фамилій.

* * *

Заграничныя газеты въ настоящее время сильно заинтересованы появленіемъ въ Лондонѣ новаго лже-мессіи. Въ одномъ изъ пригородовъ англійской столицы (Клаптонѣ) находится церковь „Ковчегъ Завѣта“ (Ark of Covenant), которая еще въ 1896 году послужила очагомъ секты, основанной священникомъ Генри Джемсомъ Прайнсомъ, „пророкомъ приближающагося второго пришествія Спасителя“. По имени основателя секты, ея адепты названы прайнсеитами. „Братъ Прайнсъ“ увлекъ своимъ ученіемъ многихъ лэди и джентльменовъ, а также многихъ духовныхъ лицъ; въ 1849 году они основали нѣчто въ родѣ монастыря въ деревнѣ Спакстонѣ, на разстояніи шести миль отъ Бриджватера. Онъ отличался большой роскошью и былъ извѣстенъ подъ названіемъ „Агапемонъ“, или „Храмъ любви“. Его обитатели не имѣли почти никакихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, пользуясь роскошью и богатствомъ монастыря. Впрочемъ „Братъ Прайнсъ“ привыкъ развѣзжать по Брадждватеру въ коляскѣ, запряженной четверкой, причемъ кучера расчищали дорогу экипажу криками: „смотрите, онъ ѣдетъ!“

Таинственное ученіе, жизнь прайнсеитовъ были выведены на Божій свѣтъ Гэпвортомъ Диксономъ (въ 1868 г.). Число сектантовъ значительно уменьшилось, и сектѣ грозило полное распаденіе. Нѣсколько богатыхъ наслѣдствъ, полученныхъ по завѣщаніямъ монастыремъ прайнсеитовъ, снова воскресли секту, и вотъ въ 1896 г. монастырь изъ своихъ средствъ затратилъ 20,000 ф. ст. на постройку вышеупомянутой церкви въ Клаптонѣ. Спустя три года умеръ Прайнсъ, и „Ковчегъ Завѣта“ былъ закрытъ для публики, оставаясь открытымъ только для членовъ секты.

Сектанты увѣряютъ, что весь міръ въ настоящее время находится въ критическомъ положеніи; его скоро постигнетъ переворотъ. „Что будетъ, извѣстно одному Богу, но несомнѣнно, что совершится нѣчто ужасное“.

Въ недавнее время явился ожидаемый прайнсеитами мессія. Это молодой человекъ, высокаго роста, худощавый, съ гладко выбритымъ лицомъ и расчесанными вьющимися волосами. Это—англиканскій священникъ Пиготтъ. Онъ иногда является для проповѣдей въ церковь „Агк“ и въ монастырь „Агапемонъ“. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, происходило подобное собраніе въ „Агк“. Предъ алтаремъ, на тронѣ за мраморнымъ столомъ, сидитъ лже-христосъ и послѣ пѣнія гимновъ подъ звуки органа встаетъ съ трона и начинаетъ говорить о томъ, что онъ, явился въ міръ спасти людей, онъ есть источникъ жизни и принесъ людямъ истинную жизнь. Глаза проповѣдника блестятъ, его голосъ музыкаленъ, рѣчь медленна и отличается какой-то настойчивостью; отъ собственныхъ разсужденій проповѣдникъ переходитъ къ сплошному и довольно нелѣпому цитированію текстовъ священнаго Писанія. Когда онъ кончаетъ свою проповѣдь и въ глубокой задумчивости, закрывъ лицо руками, усаживается опять на тронъ, встаетъ женщина и въ экстазѣ провозглашаетъ: „Само небо гласитъ его устами!“ За ней говоритъ старикъ: „Ожиданіе народовъ исполнилось!“ Прочіе слушатели также проявляютъ дикій, безумный восторгъ, а Пиготтъ благословляетъ бѣснующуюся толпу.

Подобная же картина произошла и въ церкви „Агапемонъ“. Къ прїѣзду Пиготта, впрочемъ, около церкви собралась многочисленная толпа, которая встрѣтила его крайне недружелюбно. Но „мессія“ не смутился этимъ пріемомъ и, улыбаясь, смотрѣлъ на толпу, снявши съ головы шляпу и раскланиваясь.

Не такова была встрѣча Пиготта въ самой церкви. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ членами „Арміи спасенія“, съ торжественнымъ пѣніемъ гимновъ.

Когда въ церкви происходила такая же служба, какъ вышеописанная (въ „Агк“), и Пиготтъ говорилъ о своемъ посланничествѣ, снаружи толпа народа, не увѣровавшая въ него, шумѣла и желала расправиться съ „мессіей“. Послѣ богослуженія послѣдній принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Но, усѣвшись въ карету, онъ все-же высунулся въ окно экипажа, и если-бы не конная стража, то онъ стяжалъ бы себѣ „мученичeskій вѣнецъ“.

По мнѣнію медиковъ и френологовъ, Пиготтъ представляетъ изъ себя душевнаго больного съ характерными признаками религіознаго помѣшательства.

А. Ф.—нз.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Проф. А. Дмитріевскій. Книга «Требникъ» и ея значеніе въ жизни православнаго христіанина. (По поводу новѣйшихъ воззрѣній на эту книгу). Кіевъ. 1902 г. Изданіе Кіевского религіозно-просвѣтительнаго общества.

Брошюра эта представляетъ собою чтеніе, весьма благо-временно предложенное въ собраніи Кіевского религіозно-просвѣтительнаго общества 3 февраля 1902 года авторитетнѣйшимъ литургистомъ нашего времени, профессоромъ Кіевской духовной академіи А. А. Дмитріевскимъ.

Какъ извѣстно, въ своемъ отвѣтѣ на постановленіе св. синода отъ 20—22 февраля прошлаго года графъ Л. Н. Толстой необыкновенно рѣзко и желчно напалъ на книгу „Требникъ“, которая, по его мнѣнію, есть сборникъ „различныхъ приемовъ колдовства, приспособленныхъ ко всѣмъ возможнымъ случаямъ жизни“. Это обвиненіе пронеслось по всей читающей Россіи и за предѣлами ея и, вслѣдствіе отсутствія самыхъ элементарныхъ свѣдѣній изъ литургики, у большинства изъ читающихъ породило смуту и сомнѣнія, которыя нашли себѣ выраженіе даже въ печати. Такъ, „Русскія Вѣдомости“ постарались развить крайнія воззрѣнія Толстого на „Требникъ“ съ ссылкой на факты, якобы позаимствованные ими со страницъ „Требника“.

При такихъ обстоятельствахъ весьма желательнымъ и полезнымъ явилось разъясненіе по сему предмету компетентнаго лица.

Нужно было разсмотрѣть нападки, сдѣланныя на „Требникъ“ гр. Толстымъ и его единомышленниками, и возстановить дѣйствительное достоинство этой важнѣйшей оогуслужебной книги. Съ этого и начинается проф. Дмитріевскій. Обвиненіе, направленное граф. Толстымъ противъ нашего „Требника“, касается главнымъ образомъ *заклинательныхъ молитвъ*. Толстой отождествляетъ послѣднія съ заговорами и заклинаніями знахарей, при помощи которыхъ „колдунами“ эксплуатируются народныя массы. Поводомъ къ такому отождествленію послужили и немногіе остатки народнаго элемента или пережитки нашего христіанскаго религіознаго міровоззрѣнія, коренящіеся глубоко въ историческомъ прошломъ нашего великаго отечества, отъ которыхъ,

къ сожалѣнію, не вполне очищенъ „Требникъ“. Они-то „и суть, по мѣткому замѣчанію автора, тѣ сучцы и зазоринки, о которые крушится слабая вѣра въ авторитетъ Церкви нашего интеллигента, и на которые онъ не безъ злорадства указываетъ нашимъ пастырямъ и архипастырямъ“ (20—21 стр).

Таковыми незначительными остатками христіанской легенды или апокрифа являются, напр., рассказъ о снѣ угодника Авимелеха въ храмъ Агрипповъ, „еже не видѣти паденія Іерусалимова“, молитва—„святыхъ седми отроковъ на немощнаго и неспящаго“, и „въ первый день, повнегда родити женѣ отроча“, „великое имя, на камени написанное“ и „чинъ, бываемый на нивахъ или виноградѣ или вертоградѣ, аще случится вредитися отъ гадовъ или иныхъ видовъ“ (19—20 стр.)

Было бы крайне пристрастно и неосновательно по этимъ „зазоринкамъ“ судить обо всемъ „Требникѣ и отождествлять его съ произведениями „колдуновъ“. Однако, это именно и дѣлаетъ гр. Толстой. Ближайшій анализъ содержанія „Требника“, въ составъ котораго входятъ произведенія великихъ отцовъ Церкви, просвѣщеннѣйшихъ мужей своего времени, ясно показываетъ всю неосновательность сужденій гр. Толстого и К^о.

Обстоятельно разсмотрѣвъ молитвы и обряды, содержащіяся въ „Требникѣ“, авторъ справедливо замѣчаетъ, что и „на основаніи представленнаго имъ матеріала, у людей, не предубѣжденныхъ и ищущихъ истины, едва ли найдется смѣлость утверждать, что эти произведенія великаго богословскаго ума и чистой христіанской поэзіи имѣютъ хоть какое-нибудь сходство съ образцами народнаго творчества, извѣстными подъ именемъ отреченныхъ молитвъ, заговоровъ, заклинаній и т. п.“ (40 стр.). Только люди, никогда не заглядывавшіе въ этотъ великій молитвословъ, обнимающій жизнь христіанина во всѣхъ ея проявленіяхъ, могутъ понимать эту книгу подобно гр. Толстому. „При близкомъ и всестороннемъ знакомствѣ съ содержаніемъ „Требника“, глумленія надъ нимъ будутъ невозможны, мы лучше и сознательнѣе будемъ относиться къ христіанскимъ обрядамъ, а вмѣстѣ съ этимъ, научимся любить и глубже, и горячѣе нашу святую православную Церковь—нашу мать кормилицу, поиллицу, защитницу, покровительницу и молитвенницу до скончанія міра“ (44 стр.). Такъ заключаетъ свое одушевленное чтеніе достопочтенный лекторъ.

Нельзя не замѣтить въ дополненіе къ сказанному выше, что кореннымъ мотивомъ нападокъ гр. Толстого и его единомышленниковъ на „Требникъ“ является ихъ радикальное удаленіе отъ христіанскаго, церковнаго міровоззрѣнія. Графъ Толстой не вѣритъ ни въ благодать, ни въ злыхъ духовъ,

между тѣмъ обряды и молитвословія „Требника“ и имѣють въ виду, главнымъ образомъ, или испрошеніе у Господа Бога благодатной помощи, или отраженіе сопротивныхъ силъ. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Толстой идетъ въ разрѣзъ съ ученіемъ Евангелія, которое, будучи „вѣстью о спасеніи благодатию чрезъ вѣру“, полно прямыхъ и ясныхъ указаній на бытіе злыхъ духовъ и ихъ вмѣшательство въ жизнь человѣка. Но это уже вопросъ принципиальный, который требуетъ обстоятельнаго научнаго изслѣдованія, и не можетъ вмѣститься въ рамки богословскаго чтенія...

М. Леоновичъ.

Божій Путь. Сборникъ статей священника Г. Петрова. Москва, 1902 г. in 16-ю, 126 стр. ц. 20 к.

Съ именемъ священника Г. Петрова связано представленіе какъ о модномъ, выдающемся проповѣдникѣ и писателѣ моралистѣ. Съ такой именно стороны рекомендуетъ автора и разсматриваемый нами сборникъ его статей подъ заглавіемъ „Божій Путь“. О. Петровъ въ сборникѣ „Божій Путь“ всѣ свои устремленія обратилъ попреимуществу на сѣрый людъ, глубоко коснѣющій въ невѣжествѣ и пьянствѣ. И, какъ добрый пастырь, старается любовно привести его на путь свѣта и истины, добра и правды. Особенное вниманіе пастыря, глубоко попечительнаго о духовныхъ нуждахъ массъ, привлекаетъ самое больное мѣсто въ жизни нашего народа—это народное пьянство. Въ своемъ сборникѣ авторъ почти добрую половину статей посвящаетъ этому именно вопросу. Желая быть какъ можно болѣе доступнымъ для пониманія попреимуществу простого люда, авторъ облачаетъ свои наставленія въ образы и картины, выхваченные изъ живой дѣйствительности и рисующіе во всей наготѣ нескончаемый вредъ пьянства. Авторъ въ разсказѣ „Неграмотные“ сообщаетъ чрезвычайно любопытный фактъ, что въ школахъ Эстляндской губерніи сдѣлано весьма важное нововведеніе, которое о. Петровъ желаетъ ввести во всей Россіи. Въ эстонскихъ школахъ стали дѣтей на урокахъ обучать трезвости. Это, говоритъ авторъ, великое дѣло, вопросъ самый животрепещущій для сельской школы... Необходимо знакомить учениковъ сельскихъ школъ съ ужаснымъ вредомъ алкоголя, необходимо также составлять учебники трезвости и ввести въ сельскихъ школахъ обязательное преподаваніе трезвости! Дѣтей у насъ не учатъ трезвости... и выходитъ, что часто молодежь знаетъ много лишняго, а о страшномъ народномъ злѣ, пьянствѣ ничего не разумѣетъ толкомъ, растеть безграмотною *по этой части*

(83, 92 стр.). Въ другомъ мѣстѣ своего сборника авторъ, призывая къ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ, съ пламеннымъ воодушевленіемъ восклицаетъ: „бейте-же въ набатъ, кто понимаетъ, что въ спиртѣ горитъ народный умъ, народный достатокъ и народная совѣсть; зовите всѣхъ на помощь, бросайтесь сами въ огонь, выхватывайте задохшихся въ хмѣльномъ чаду на Божій просторъ“ (118 стр.).

Вопросъ о трезвости и культурности народной священникъ Петровъ изучалъ не у себя только дома, но и за границей. Онъ переноситъ мысль читателя къ нѣмецкой деревнѣ и нѣмецкому городу и показываетъ, насколько лучше тамъ заграницей течетъ жизнь простого народа, и насколько тамъ выше культура во всѣхъ отношеніяхъ; а причину этого онъ видитъ только въ просвѣщеніи и просвѣщеніи. Всѣ эти статьи автора, посвященныя злободневнымъ вопросамъ, заслуживаютъ полного со стороны читателей къ себѣ вниманія и одобренія. Но всякая медаль имѣетъ двѣ стороны: лицевую и оборотную, а Ахиллесъ, какъ извѣстно, имѣлъ пятую...

И вотъ, что касается оборотной стороны помѣщенныхъ въ настоящее сборникъ разсказовъ, то ахиллесову пятую въ нихъ составляетъ отсутствіе главной основы—религіознаго базиса, на которомъ они должны бы утверждаться. Вѣдь нашъ русскій народъ набожно-религіозенъ, несмотря на присущіе ему нравственные пороки, врачеваніе которыхъ вѣрнѣ всего должно покоиться на этой основѣ, и отсутствіе этого элемента именно кажется для насъ непонятнымъ; тѣмъ болѣе, что эти разсказы вышли изъ-подъ пера пастыря и ученаго богослова, а не свѣтскаго публициста!

Въ сборникѣ о. Петрова есть нѣсколько разсказовъ (ихъ содержанія мы не касаемся совершенно), которые, по своему характеру изложенія, могутъ возбуждать въ читателѣ прямое недоумѣніе: какъ они могли выйти изъ-подъ пера православнаго священника? Первые пять разсказовъ изъ сборника такъ напоминаютъ по своему характеру прѣсно-слащавыя, протестантско-піетическія, безъ мистическаго углубленія въ сущность христіанства и благодатнаго назначенія Церкви, брошюры, издававшіяся въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ Петербургѣ извѣстнымъ закрытымъ за свои тенденціозныя изданія „обществомъ распространенія религіозно нравственныхъ чтеній“.

Вотъ, напр., разсказы о. Петрова, трактующіе въ большинствѣ о *правдѣ Божіей*, всѣ написаны въ такомъ неопредѣленномъ стилѣ, безъ всякаго специфическаго оттѣнка православнаго ученія, что подъ ними подпишется любой сектантъ-раціоналистъ. Дабы не быть голословными, мы позволимъ себѣ привести нѣсколько выраженій изъ этихъ первыхъ пяти разсказовъ, наиболѣе въ этомъ отношеніи характер-

ныхъ, самымъ нагляднымъ образомъ подтверждающихъ нашу мысль. Въ первомъ разсказѣ „Крестный путь“ встрѣчаемъ такіа выраженія. „Евангеліе твердитъ настойчиво людямъ: хотите новой жизни, обновитесь прежде сами; мечтаете измѣнить порядки, измѣните себя, покайтесь“ (5 стр.). Не такъ-ли и сектанты учатъ *недоговоренно*? Кто и чѣмъ поможетъ православному человѣку возродиться, измѣниться? Приглашеніе „взять иго Христово и надѣть Его хомутъ“ (?), ибо Его иго благо, а бремя легко“—съ тѣмъ-же характеромъ. Заключительное воззваніе этой статьи настолько типично, и настолько отдастъ такъ знакомымъ миссіонерамъ отъѣздомъ, что мы его выпишемъ цѣликомъ: „Пойдемъ за Нимъ (т. е. за Христомъ), будемъ ступать по Его слѣдамъ! По Его слѣдамъ проложимъ тропинку къ Божьей жизни; за нами пройдутъ другіе, тропинку превратятъ въ широкій путь. Съ нашей гнилой низины, Христосъ Спаситель зоветъ на Божію вершину. Пойдемъ за Нимъ“ (8 стр.)! Во второмъ разсказѣ „Учитель и ученикъ“ выраженіе „читать слово Божіе *не глазами, а сердцемъ*“ (12 стр.)—любимый и у сектантовъ терминъ... Чтеніе иноками и изученіе ими слова Божія, по указанію одного изъ нихъ (выраженіе по *твоему*), производитъ въ нихъ глубокой внутренней переворотъ, и къ нимъ стекаются изъ дальнихъ мѣстъ и поучаются у нихъ добру, ибо на нихъ исполнилось слово Спасителя: „Кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей. Кто вѣруетъ въ Меня, у того, какъ сказано въ Писаніи, изъ чрева потекутъ рѣки воды живой“ (12 стр.). Но извѣстно-ли нашему почтенному автору, что такъ точно излагаютъ сектанты любимую свою тенденцію о пониманіи и толкованіи св. Писанія усиліями одного человѣческаго разума, безъ руководства св. Церкви? Также разсказъ „Общими силами“ о приобрѣтеніи библіи для рабочихъ, не можетъ-ли быть перетолкованъ въ смыслѣ ненужности церковной іерархіи, „ибо одинъ у васъ Наставникъ—Христосъ“, и одна руководительница библія? Да не подумаетъ читатель, что насъ наводитъ на эти соображенія излишняя миссіонерская подозрительность. Отнюдь нѣтъ. На мысли эти критика наводитъ то обстоятельство, что почтенный авторъ-іерей ни *однимъ* словомъ ни *въ одномъ* изъ своихъ разсказовъ не обмолвился о Церковныхъ установленіяхъ и іерархіи, о вседѣйствующей благодати таинствъ, возраждающихъ человѣка въ новую и святую жизнь, освящающихъ и укрѣпляющихъ усилія его воли идти по пути правды Божіей, о Церкви, какъ руководительницѣ вѣрующихъ сыновъ въ дѣлѣ спасенія. Причины такого умолчанія мы хотимъ видѣть въ односторонности увлеченія со стороны автора проповѣдью только моральныхъ началъ христіанства, забвемъ мистической таинственной его силы. Но это умолчаніе въ полезныхъ разсказахъ о Петрова создаетъ почву для произрастанія плевель, могу-

шихъ въ сознаніи темнаго читателя заглушить и чистую пшеницу. Осмотрительность и осторожность и съ этой стороны при изданіи народныхъ разсказовъ въ наше сектофильствующее время должна быть обязательна. Зло посвятить на нивѣ сердце „сихъ малыхъ“ и слабыхъ духомъ разумѣнія можно невольно, а искоренять плевелы бываетъ очень и очень трудно!.. А вѣдь о. Петровъ—величина немалая, на него *взираютъ*...

II. *Козницкій.*

Страсти Христовы. Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Иисуса Христа. Бесплатное приложеніе къ журналу „Отдыхъ христіанина“. Стр. 374. Спб., 1902 г.

Послѣдніе дни земной жизни Спасителя чаще всего привлекали къ себѣ вниманіе проповѣдниковъ и духовныхъ писателей. Настоящая книжка займетъ не послѣднее мѣсто въ ряду другихъ ей подобныхъ. Съ назидательностью и умиленіемъ подобной же книги архіепископа Иннокентія херсонскаго она соединяетъ въ себѣ жизненную практичность и широкій опытъ наблюденія надъ внутреннимъ еуществомъ человѣка. Каждымъ штрихомъ Евангелія пользуется авторъ, чтобы обратить вниманіе читателя и слушателя на это внутреннее существо человѣка. Казалось бы, что даетъ для поученія и наблюденія тотъ фактъ, что одинъ изъ іерусалимлянъ отвелъ для Спасителя комнату, гдѣ и была совершена Тайная Вечеря. Но авторъ кстати дѣлаетъ такую реплику. „Этотъ человѣкъ не боялся ни угрозы, ни наказанія. Онъ охотно принялъ въ свой домъ Спасителя и Его учениковъ и никогда не раскаивался, что поступилъ такъ! Постъ онъ много разъ въ тихой скорби входилъ въ эту горницу своего дома и съ благоговѣніемъ воскрешалъ въ своей памяти торжество Тайной Вечери. Эта горница стала для него любимымъ и священнымъ мѣстомъ, сдѣлалась святилищемъ его дома.. Кто изъ насъ, дорогіе слушатели, не желалъ бы быть на мѣстѣ этого счастливаго человѣка! Сынъ человѣческой во всякое время обращается къ каждому изъ насъ съ словами: „се стою у двери и стучу..“ Реплика эта снабжена рисункомъ стоящаго у дверей дома Иисуса Христа. Рисунковъ въ книгѣ очень много: почти на каждой страницѣ. Языкъ книги очень картинный. Вотъ, напр., начало ея. „Близились дни страданій. Въ тихой Виваніи, въ домѣ Симона прокаженнаго, собрались гости. Это былъ Христосъ со Своими избранными друзьями. Шла трапеза. Около Иисуса Христа тѣсными кольцомъ расположились ученики, самъ Симонъ, Лазарь. Здѣсь же были и сестры его“ и т. д. Если бы все приложенные здѣсь рисунки перевести на стекло для волшебнаго фонаря, какое бы получилось при помощи этой книги богатое и назидательное вечернее чтеніе. Нужно надѣяться, что это будетъ; на это напрашивается своими качествами сама разсматриваемая книга. Выписывать ее можно въ Спб., у Варшавскаго вокзала, д. № 116. въ редакціи журнала „Отдыхъ христіанина“.

Свящ. М. Лисицынъ.

Миссіонерскій Вѣстникъ.

Миссіонерская поѣздка о. Іоанна въ Костромскую губернію.

Въ Костромской губерніи не такъ давно появились сектанты, безумно проповѣдавшіе, что о. Іоаннъ Кронштадтскій есть воплощеніе самого Божества и что ему нужно воздавать молитвенное поклоненіе и почитаніе. Во главѣ секты стоялъ крестьянинъ Артамоновъ, проживавшій нѣкогда и въ Кронштадтѣ. А—въ составилъ акафистъ о. Іоанну. Секта росла въ своемъ числѣ и увлеченіи. Узнавъ о безуміи сектантовъ, о. Іоаннъ посылалъ имъ грозное письменное обличеніе. Однако возбужденіе не унималось. Тогда, по ходатайству мѣстнаго просвященнаго еп. Виссаріона, св. Синодъ командировалъ о. Іоанна въ Костромскую губернію, съ миссіонерскою цѣлью, для вразумленія сектантовъ на мѣстѣ. Получивъ указъ, о. Іоаннъ, со свойственнымъ ему смиреніемъ и трепетною готовностью, немедленно отправился въ далекій путь, въ захолустную весъ, до которой отъ Костромы нужно было ѣхать 140 верстъ на лошадахъ по проселочнымъ дорогамъ и осенней непролазной грязи.

Прибывъ въ Кострому 1 октября, о. Іоаннъ совершилъ литургію въ кафедральномъ соборѣ, причемъ произнесъ слово, посвященное празднику Покрова Пресвятыя Богородицы. По окончаніи богослуженія о. Іоаннъ выѣхалъ на лошадахъ въ деревню Хорошево, Солигаличскаго уѣзда, гдѣ находилось гнѣздо сектантовъ, во главѣ которыхъ стоялъ крестьянинъ Иванъ Артамоновъ. Въ тотъ же день къ вечеру о. Іоаннъ прибылъ въ городъ Буй и остановился у исправника. На другой день о. Іоаннъ совершилъ литургію въ мѣстномъ храмѣ. Пріѣздъ о. Іоанна и служеніе его привлекло въ Буй массу народа изъ окрестныхъ деревень. Изъ Буя о. Іоаннъ выѣхалъ въ тотъ же день въ деревню Хорошево, въ сопровожденіи протоіерея мѣстнаго храма, уѣзднаго исправника, становаго пристава и урядника. Подъ вечеръ о. Іоаннъ былъ уже въ полутора верстахъ отъ деревни Хорошево. Здѣсь пастыря встрѣтилъ мѣстный благочинный съ духовенствомъ окрестныхъ сельскихъ церквей и масса крестьянъ, для которыхъ пріѣздъ о. Іоанна явился крупнымъ событіемъ. Тутъ находились и сектанты. О. Іоаннъ

отправился въ церковь. Сюда же явились и сектанты во главѣ съ Артамоновымъ. Помолвившись, о. Іоаннъ обратился съ рѣчью къ сектантамъ объ ихъ заблужденіи. Пастырь доказывалъ имъ, какой великій грѣхъ принимаютъ они на душу, считая его святымъ. „Я такой же грѣшный человѣкъ, какъ и всѣ другіе. Чѣмъ замолите вы передъ Богомъ этотъ великій грѣхъ“. О. Іоаннъ читалъ имъ тексты изъ св. Писанія, убѣждая оставить расколъ и раскаяться. Долго продолжалась рѣчь пастыря, то гнѣвная по отношенію къ сектантамъ, то приглашавшая ихъ къ покаянію. Глубокое впечатлѣніе оставила она въ слушателяхъ. По окончаніи ея изъ среды сектантовъ раздались голоса: „прости насъ, батюшка, прости насъ, окаянныхъ“. На глазахъ у нихъ были слезы. Нѣкоторые, упавъ на колѣни, не поднимали глазъ на о. Іоанна, повторяя только: „прости насъ“.—„Молитесь горячо, молитесь Всевышнему, чтобы Онъ простилъ вашу тяжкій грѣхъ и очистилъ сердца ваши“, и, обратившись къ алтарю, самъ о. Іоаннъ долго молился. По окончаніи собесѣдованія о. Іоаннъ вышелъ изъ церкви и направился въ домъ священника, сопровождаемый духовенствомъ и полицейскими властями. До поздней ночи ходилъ по селу народъ, останавливаясь подъ окнами, въ которыхъ виднѣлась фигура о. Іоанна, склонившагося въ молитвѣ. Утромъ 3 октября о. Іоаннъ служилъ литургію въ храмѣ и произнесъ слово о людскомъ невѣрїи и религіозныхъ заблужденіяхъ, призывая заблудшихъ къ покаянію и совѣтуя имъ въ минуты своего сомнѣнія обращаться къ своимъ духовнымъ пастырямъ и не слушать разныхъ смутьяновъ Церкви. Церковь еле могла вмѣстить всѣхъ молящихся изъ окрестныхъ деревень и сель. Послѣ литургіи о. Іоаннъ снова обратился къ сектантамъ: „Искренно ли вы раскаялись?“—„Каемся, батюшка, каемся, помолись за насъ“. Позвавъ къ себѣ руководителя секты Артамонова, о. Іоаннъ неоднократно и ему предлагалъ тотъ же вопросъ. Артамоновъ приносилъ полное раскаяніе, прося о. Іоанна простить ему его грѣхъ. Выйдя изъ храма, о. Іоаннъ, по просьбѣ Артамонова, отправился къ нему въ деревню Хорошево. Здѣсь у сектантовъ рядомъ съ домомъ Артамонова была устроена молельня, гдѣ изображеніе о. Іоанна висѣло рядомъ со святыми иконами, и передъ нимъ зажигались свѣчи. Пройдя въ молельню, при видѣ своего портрета при такой обстановкѣ, о. Іоаннъ печально покачалъ головой и, обратясь къ сопровождавшему его Артамонову, велѣлъ немедленно убрать портретъ со стѣны и снять крестъ съ крыши молельни. Затѣмъ, простившись съ духовенствомъ, о. Іоаннъ направился въ обратный путь.

Пятидесятилѣтній юбилей профессора Николая Ивановича Субботина.
(1852 г. 21 окт.—1902 гг.).

20 октября исполнилось 50-лѣтіе должностной и учено-литературной, доблестной дѣятельности на пользу науки, Церкви и отечества заслуженнаго профессора московской духовной академіи, извѣстнаго расколовѣда Н. И. Субботина.

Юбилей маститаго профессора расколовѣда представляет собою знаменательное торжество для всей внутренней мисіи Церкви, и для каждаго, кто такъ или иначе причастенъ къ этому святому служенію: благодаря учено-литературнымъ трудамъ Николая Ивановича по изслѣдованію исторіи раскола, мисіа стала въ своей полемикѣ противъ лжеученій раскола на твердую почву. Особенно это нужно сказать о той части раскола, которая извѣстна подъ именемъ „поповщины“ и въ частности австрійской ея секты, имѣющей, какъ извѣстно, талантливо написанную проф. Субботинымъ, „Исторію Вѣлокриницкой іерархіи“. „Миссіонерское Обзорѣніе“, какъ органъ мисіи, считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ привѣтствовать досточимаго юбиляра съ счастливо и благоплодно совершившимся пятидесятилѣтіемъ его вѣрной, твердой и энергичной службы Церкви „борьбою съ расколомъ“ и пожелать, чтобы маститый ученый ратоборець также неустанно бодрствовалъ на своей стражѣ и еще много много лѣтъ!

Дабы оживить въ памяти нашихъ читателей труды и заслуги доблестнаго юбиляра на пользу мисіи Церкви за истекшее пятидесятилѣтіе, приводимъ изъ (289 и 290 №№) „Московскихъ Вѣдомостей“, гдѣ Н. И. Субботинъ сотрудничаетъ еще со времени М. Н. Каткова, прекрасную юбилейную характеристику учено-литературной и общественной дѣятельности Николая Ивановича и описаніе его чествованія.

Расколъ старообрядчества—давняя болѣзнь нашего церковно-общественнаго организма. Съ самаго ея возникновенія велась съ нею борьба, причемъ средства употреблялись временами самыя рѣшительныя, которыя, однако, оказывались мало достигающими цѣли. Одною изъ причинъ недостаточной успѣшности этой борьбы было, конечно, то обстоятельство, что средства борьбы направлялись противъ пароксизмовъ недуга, сущность котораго не была подвергнута надлежащему изслѣдованію. Да и изъ наружныхъ проявленій раскола борьба считалась съ тѣми, которыя сказывались особенно рѣзко и рѣшительно нарушали миръ и порядокъ церковныхъ и общественныхъ отношеній. Внутренніе, часто очень сложные, процессы возникновенія этихъ явленій остались неизслѣдованными.

Исполняющійся нынѣ пятидесятилѣтній періодъ дѣятель-

ности Н. И. Субботина знаменуется совершенно другимъ направлениемъ въ дѣлѣ борьбы съ расколомъ. Выступивъ на учено-литературное поприще въ разгаръ шестидесятихъ годовъ, когда противоцерковные и противогосударственные элементы дѣйствовали у насъ особенно оживленно и въ средѣ раскола хотѣли видѣть себѣ сочувствіе и пособничество, почтенный юбиляръ пошелъ „противъ теченія“. Кровные завѣты старой нашей церковной школы и руководительство приснопамятнаго митрополита Филарета были для молодого ученаго, при лучшихъ задаткахъ его личности, надежною поддержкой въ тѣ годы общаго шатанія мысли, когда общественнымъ мнѣніемъ руководили Искандеры и tutti quanti. Въ тѣ годы съ ученыхъ кафедръ стали раздаваться ученія о расколѣ, идеализировавшія это нездоровое явленіе и ставившія его на высоту дешевыхъ подмостковъ, наскоро сколоченныхъ изъ модныхъ тогда соціальныхъ теорій и тенденціозно-надерганныхъ обрывковъ историческаго матеріала. Расколъ находилъ себѣ оправданіе и защиту и въ ученой литературѣ, и въ публицистикѣ шестидесятниковъ, что было совершенно на руку его руководителямъ и распространителямъ. Незадолго передъ тѣмъ главари Рогожскаго кладбища учредили за границей свою митрополию, и возникшая литературная шумиха въ пользу раскола давала имъ надежду на успѣхъ ихъ затѣи въ глазахъ Правительства и общества.

При такихъ обстоятельствахъ со страницъ органовъ Н. М. Каткова раздалось твердое, убѣжденное слово Н. И. Субботина. Въ немъ впервые для нашей публицистической литературы сказалось близкое, основательное знакомство съ внутреннею жизнью раскола, съ „современными въ немъ движеніями“; блестящее изложеніе фактовъ этой жизни, спокойное и новое для читающаго міра освѣщеніе ихъ, сразу завоевали молодому профессору вниманіе и симпатіи лучшихъ людей нашего общества, дорожащихъ завѣтами русской православной старины.

Не остались глухи къ слову Николая Ивановича искренніе представители нашего старообрядчества: это живое и горячее слово заставило наиболѣе выдававшихся членовъ австрійской іерархіи, каковы Онуфрій, Пафнутій, Сергій и Іустинъ ¹⁾, задуматься надъ своимъ іерархическимъ въ расколѣ положеніемъ. Слѣдствіемъ этого было, какъ извѣстно, изъявленіе ими покорности православной Церкви. И сколько еще послѣ того лучшихъ людей изъ старообрядчества присоединились къ Церкви, получивъ первый къ тому толчокъ

1) Мы называемъ только лицъ занимавшихъ высшую іерархическую степень.

въ литературныхъ трудахъ почтеннаго юбиляра. Возникавшая такимъ путемъ духовная связь его съ присоединившимися изъ раскола, наиболѣе искренними и просвѣщенными, старообрядцами не прерывалась и впоследствии. Благодаря этому, въ рукахъ Н. И. Субботина собрался громадный матеріаль, сдѣлавшій его едва ли не лучшимъ знатокомъ современнаго положенія поповщинскаго раскола во всѣхъ его развѣтвленіяхъ. Матеріаль этотъ не остался подъ спудомъ. „Исторія Бѣлокриницкой іерархіи“, „Переписка раскольническихъ дѣятелей“, „Лѣтописи происходящихъ въ расколѣ событій“,—представляютъ богатѣйшее собраніе документальныхъ и фактическихъ данныхъ по исторіи поповщинскаго раскола, болѣе чѣмъ за полувѣковой періодъ.

Въ 1865 году присоединился къ Церкви знаменитый Павелъ Прусскій. Узы тѣсной дружбы связали тогда съ Н. И. Субботинымъ этого великаго знатока церковныхъ ученій, душа котораго глубоко и тяжело переболѣла раскольническими заблужденіями, отъ которыхъ избавились лишь путемъ долговременной напряженной работы пытливой мысли, послѣ тщательнаго изслѣдованія истины, послѣ нелегкой внутренней борьбы. Непрерывное тридцатилѣтнее общеніе съ отцомъ Павломъ еще ближе связало Н. И. Субботина съ тѣмъ міромъ, изученію котораго онъ посвятилъ свои силы. Являясь дорогимъ для отца архимандрита сотрудникомъ въ дѣлѣ изданія полемическихъ и другихъ его сочиненій, Николай Ивановичъ имѣлъ постоянныя непосредственныя свѣдѣнія о происшествіяхъ въ раскольническомъ мірѣ, представители котораго со всѣхъ концовъ Россіи собирались въ Никольскій монастырь къ авторитетному его настоятелю со своими сомнѣніями и нуждами. Въ разъясненіи тѣхъ и въ удовлетвореніи другихъ почтенный юбиляръ постоянно раздѣлялъ труды своего покойнаго друга.

Въ 1875 году Николай Ивановичъ основалъ первый у насъ журналъ, посвященный изученію раскола. По богатству матеріала, напечатаннаго за 8 лѣтъ существованія этого изданія, по живой отзывчивости на всѣ событія въ раскольническомъ мірѣ, по трезвой и основательной ихъ оцѣнкѣ, „Братское Слово“ является единственнымъ въ своемъ родѣ специальнымъ журналомъ и на долгіе еще годы останется богатымъ источникомъ въ своей области. Какъ приложение къ этому журналу, предпринято было изданіе матеріаловъ для исторіи раскола въ первое время его существованія; послѣ III тома „Матеріалы“ стали выходить особымъ изданіемъ. Этотъ капитальный трудъ, исполненный Н. И. Субботинымъ, внесъ новый свѣтъ въ исторію происхожденія раскола и первоначальнаго его развитія, являясь цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую науку. Благодаря

тому же „Братскому Слову“, впервые увидѣли свѣтъ много историческихъ и полемическихъ сочиненій относящихся къ XVIII вѣку.

Широкая и плодотворная дѣятельность въ области науки о расколѣ, непрерывный и многоплодный трудъ на поприщѣ литературы не исчерпываютъ, однако, заслугъ почтеннаго юбиляра. Благодаря его энергіи, послѣ долгихъ и многихъ предварительныхъ хлопотъ, въ Москвѣ основалось въ 1872 году братство св. Петра митрополита для содѣйствія къ ослабленію раскола; съ самаго возникновенія братства и до прошлаго года Николай Ивановичъ состоялъ его секретаремъ, нынѣ же товарищемъ предсѣдателя. Широкая дѣятельность этого Братства въ дѣлѣ распространенія противораскольническихъ изданій, устройствѣ собѣдovanій и открытіи школъ распространилась на всю Россію.

То новое и разностороннее освѣщеніе раскольническаго вопроса, которому такъ много послужили труды почтеннаго юбиляра, имѣло своимъ послѣдствиемъ цѣлый рядъ мѣропріятій церковнаго правительства въ отношеніи борьбы съ расколомъ. Укажемъ на заботы объ единовѣрїи, на введеніе въ учебный курсъ духовныхъ семинарій ученія о расколѣ и сектанствѣ, на учрежденіе миссіонерства и мн. др. Въ выработкѣ всѣхъ подобныхъ мѣропріятій Николай Ивановичъ принималъ дѣятельное участіе. Такъ, на Казанскомъ соборѣ поволжскихъ и сѣверовосточныхъ епископовъ 1885 года при участіи почтеннаго юбиляра былъ выработанъ проектъ соборнаго постановленія „о расколахъ и сектахъ и о мѣрахъ ослабленія раскольнической пропаганды“. Въ 1887 и 1891 годахъ мы видимъ Н. И. Субботина секретаремъ всероссійскихъ миссіонерскихъ съѣздовъ, гдѣ выяснены были современное положеніе раскола и нужды православной миссіи; постановленія этихъ съѣздовъ легли въ основу тѣхъ способовъ борьбы съ расколомъ, которые нынѣ указаны духовною властью и духовенству, и миссіонерамъ.

Не легка столь разносторонняя и плодотворная дѣятельность по количеству труда, исполненнаго почтеннымъ юбиляромъ; не легка она была для Н. И. Субботина и по тѣмъ особымъ условіямъ, въ которыхъ живутъ и дѣйствуютъ борцы противъ раскола. Не говоря уже о постоянной враждѣ представителей раскола, проявляющейся иногда грубо и рѣзко, ему приходилось бороться съ либеральною нашею интеллигенціей, которая всегда беретъ расколъ подъ свою защиту; немало испытывалъ и отъ разновременной перемѣны вѣяній, въ отношеніи раскола, въ правящихъ кругахъ. Тѣмъ, однако, почтеннѣе и цѣннѣе полувѣковая дѣятельность маститаго юбиляра. Тѣмъ съ большею призна-

тельностью и уваженіемъ, привѣтствуемъ мы Николая Ивановича въ этотъ знаменательный для него день.

20 октября торжественно и задушевно происходило чествованіе заслуженнаго профессора моск. дух. академіи и товарища предсѣдателя Братства св. Петра митрополита—Николая Ивановича Субботина, по случаю пятидесятилѣтія его учено-общественной дѣятельности.

По этому случаю въ Богоявленскомъ монастырѣ литургію совершалъ высокопреосвященный митрополитъ Владиміръ, соборнѣ съ предсѣдателемъ Братства преосвященнымъ Трифономъ, еписк. Дмитровскимъ.

Слѣдовавшее затѣмъ молебствіе митрополитъ совершилъ соборнѣ съ преосвященными Трифономъ, ректоромъ моск. дух. академіи Арсеніемъ и многочисленнымъ духовенствомъ.

Чествованіе Н. И. Субботина состоялось въ покояхъ преосвященнаго Трифона, куда прибыли митрополитъ и все сослужившее ему духовенство, преосвященный Пареній, епископъ можайскій, преосвященный Нафанаилъ, управляющій Спасо-Андроніевскимъ монастыремъ и всѣ депутати.

Здѣсь было совершено митрополитомъ краткое молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія юбиляру. Въ началѣ высокопреосвященный митрополитъ привѣтствовалъ юбиляра съ пятидесятилѣтнимъ доблестнымъ служеніемъ его наукѣ, Церкви и Отечеству. Въ своемъ привѣтствіи владыка отмѣтилъ удивительную энергію Н. И. Субботина, которую не ослабили годы юбиляра, что его служеніе на пользу Церкви является подвигомъ апостольства.

Въ заключеніе своей рѣчи владыка высказалъ привѣтствіе отъ высшаго церковнаго управленія въ Россіи—Святѣйшаго Синода. Митрополитъ благословилъ юбиляра иконою его небеснаго патрона св. Николая чудотворца.

Юбиляръ выразилъ владыкѣ благодарность за вниманіе къ его дѣятельности, которое тронуло его до глубины души. Въ своей отвѣтной рѣчи Н. И. Субботинъ вспомнилъ объ отношеніи къ нему приснопамятнаго митрополита Филарета, дарившаго юбиляра своимъ особымъ вниманіемъ. „И нынѣ, въ поздній вечеръ моей жизни,—сказалъ Н. И. Субботинъ,—вы, владыка, утѣшили меня съ братією, за что я глубоко благодаренъ вамъ“.

Секретарь Братства св. Петра митрополита священникъ С. М. Марковъ прочиталъ привѣтственный адресъ, въ которомъ очень подробно охарактеризована вся разносторонняя дѣятельность Н. И. Субботина на пользу Церкви, науки, юношества, общества, а вмѣстѣ и государства. Въ адресѣ особенно выставлены неопѣнимыя заслуги юбиляра въ об-

ласти борьбы съ расколомъ. По выслушаніи адреса, преосвященный Трифонъ поднесъ юбиляру отъ Братства икону св. Петра митрополита.

Тронутый привѣтствіемъ и любовью Братства, Н. И. Субботинъ замѣтилъ, что нынѣшній день составляетъ свѣтлый праздникъ въ его жизни.

Затѣмъ преосвященный ректоръ московской духовной академіи епископъ Арсеній прочиталъ адресъ отъ академіи. Въ немъ отмѣчены были заслуги юбиляра по разработкѣ исторіи русскаго раскола, впервые получившей, благодаря его трудамъ, научную постановку, а также выставлены и его заслуги для православной противораскольнической полемики изданіемъ „Братскаго Слова“; въ адресѣ также была отмѣчена его плодотворная дѣятельность въ качествѣ профессора академіи.

Въ составъ академической депутаціи, кромѣ преосвященнаго ректора, входили профессоръ П. И. Цвѣтковъ и доцентъ И. М. Громогласовъ.

Архимандритъ Троицкой лавры Никонъ, привѣтствуя юбиляра, поднесъ икону св. Сергія преподобнаго и заздравию просфору.

Затѣмъ слѣдовало привѣтствіе отъ попечительнаго совѣта Александрo-Маріинскаго дома призрѣнія въ Сергіевомъ - Посадѣ, ректора московской духовной семинаріи архимандрита Анастасія отъ лица бывшихъ учениковъ, которые съ благодарностью вспоминаютъ о немъ, какъ о выдающемся профессорѣ.

Явились также съ привѣтствіемъ и московскіе единовѣрцы. Протоіерей І. Г. Звѣздинскій отмѣтилъ заслуги юбиляра въ области единовѣрія и поднесъ икону Св. Троицы отъ московской единовѣрческой Троице-Введенской церкви. Привѣтствіе единовѣрцевъ очень тронуло юбиляра.

Редакторъ журнала „Вѣра и Церковь“ протоіерей І. И. Соловьевъ, привѣтствуя юбиляра, поднесъ свой трудъ, посвященный его дѣятельности подъ заглавіемъ: *Пятьдесятъ лѣтъ служенія Церкви борьбою съ расколомъ.*

Редакторъ „Душеполезнаго Чтенія“ профессоръ А. И. Введенскій, въ своемъ краткомъ, но выразительномъ привѣтствіи припомнилъ, что покойный руководитель журнала протоіерей Д. Ѳ. Касицинъ назвалъ юбиляра высшимъ специалистомъ по расколовѣдѣнію, и съ тѣхъ поръ имя Н. И. Субботина, въ такомъ именно значеніи, ставится на заглавныхъ страницахъ журнала, наряду съ другими славными въ православной Россіи.

Профессоръ В. О. Ключевскій принесъ юбиляру поздравленіе отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Рос-

сійскихъ и присоединилъ къ нему свое личное привѣтствіе съ наилучшими пожеланіями.

Адресомъ привѣтствовала юбиляра редація „Московскихъ Вѣдомостей“.

Слѣдующее привѣтствіе принадлежало старѣйшему московскому протоіерю П. В. Приклонскому. Игуменъ Никольскаго единовѣрческаго монастыря поднесъ юбиляру икону св. Николая чудотворца отъ обители. Затѣмъ приносили привѣтствія многіе изъ присутствовавшихъ представителей духовенства.

Юбиляръ отвѣчалъ на каждое привѣтствіе выраженіемъ глубокой благодарности, будучи глубоко тронуть.

Затѣмъ священникомъ С. М. Марковымъ прочитаны были полученныя привѣтствія: отъ многихъ епископовъ, отъ товарища оберъ-прокурора св. Синода сенатора В. К. Саблера, отъ историка И. Е. Забѣлина, отъ профессора Пѣвницкаго и отъ многихъ лицъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи.

Редація „Мисс. Обозр.“ привѣтствовала письмомъ.

Въ заключеніе хоръ пѣвчихъ исполнилъ „*Многая лѣта*“.

† *Отецъ протоіерей Іоаннъ Добровольскій.* Въ ночь съ 25-го по 26-е число апрѣля мѣсяца сего 1902 года, въ городѣ Марьямполь, Сувалкской губ., при исполненіи служебныхъ обязанностей по благочинію, скончался 66 лѣтъ отъ роду о. протоіерей Іоаннъ Стефановичъ Добровольскій, настоятель Покровской единовѣрческой церкви въ селѣ Покровскѣ или Каролинѣ, Сейнскаго у., благочинный IV варшавскаго округа и единовѣрческихъ церквей холмско-варшавской епархіи и миссіонеръ. Покойный былъ сынъ псаломщика Костромской епархіи, образованіе получилъ въ Костромской духовной семинаріи съ званіемъ студента. Всю жизнь свою покойный служилъ св. Церкви на почвѣ единовѣрія; работалъ, не покладая рукъ. Въ 1856 году онъ поступилъ діакономъ къ Черниговской градской единовѣрческой церкви. Въ томъ же году, по избранію прихожанъ, назначенъ единовѣрческимъ священникомъ въ посадь Воронокъ. Затѣмъ, по избранію же прихожанъ, былъ единовѣрческимъ священникомъ въ посадахъ Добрянкѣ и Радулѣ, состоя въ то же время миссіонеромъ. Въ 1866 году въ миссіонерскихъ видахъ о. Іоаннъ былъ опредѣленъ настоятелемъ Покровской единовѣрческой церкви, въ каковомъ служеніи и пребывалъ до конца своей жизни. Съ 1880 по 1900 годъ покойный состоялъ кромѣ того законоучителемъ Сейнскаго трехкласснаго городского училища. Не разъ о. протоіерей былъ посылаемъ епархіальнымъ начальствомъ съ миссіонерскою цѣлью въ сосѣднюю Пруссію, гдѣ имъ за разное время и присоединено изъ раскола къ

православію на правахъ единовѣрія до 500 душъ. Присоединенные переселились изъ Пруссіи, по иниціативѣ о. Іоанна, въ Варшавскую губернію, гдѣ были Высочайше надѣлены землей и образовали единовѣрческій приходъ Благодатное. Всѣхъ раскольниковъ присоединено имъ до 700 душъ. Въ отправленіи своихъ благочинническихъ обязанностей (которыя онъ несъ болѣе 15-ти лѣтъ) покойный отецъ протоіерей отличался неподражаемой аккуратностью, а въ совершеніи богослуженія — торжественностью и истовостью. За свои труды и отличное усердіе по епархіальной службѣ о. Іоаннъ имѣлъ награды до Владиміра 4-й степени включительно. Его свыше тридцатипятилѣтнее миссіонерское служеніе среди раскольниковъ Сувалкской губерніи, благотворно отразилось на религіозно-нравственномъ состояніи мѣстнаго раскола. И имя о. Іоанна надолго останется въ памяти населенія нашего края. Всѣ, кто зналъ покойнаго пастыря и миссіонера, вознесутъ свои горячія молитвы объ упокоеніи его души въ царствѣ небесномъ. Вѣчная ему память и царство небесное!

Свящ. *Е. Зубаревъ.*

27 сентября 1902 г.
Витебскъ.

За столомъ причащаются. (Современное безпоповское ученіе о причащеніи). Старообрядцы, обыкновенно поражающіе своею щепетильностью въ обрядахъ, едва уловимыми мелочами при исполненіи обрядовъ, нерѣдко являются необузданными въ мысли, въ пониманіи самыхъ основныхъ христіанскихъ ученій. Нагляднѣйшимъ примѣромъ этого можетъ служить псковскій купецъ-милліонеръ Василій Хмелинскій, умершій лѣтъ десять назадъ. Онъ додумался до положительно невѣроятнаго ученія о причащеніи. Его излюбленнымъ чтеніемъ были старинныя повѣсти о томъ, какъ вкушаютъ пищу богоугодные люди: они принимаютъ пищу съ молитвою, въ благоговѣйныхъ размышленіяхъ, со страхомъ Божиимъ и трепетомъ; ангелы Божіи присутствуютъ среди нихъ и невидимо предлагаютъ имъ небесные плоды. Начитавшись подобныхъ повѣстей, Хмелинскій совсѣмъ утратилъ самое понятіе о причащеніи. „Насъ церковные (т. е. православные) укоряютъ, что мы не причащаемся, говорилъ онъ, но мы можемъ причащаться даже каждый день. Садясь за столъ—обѣдать или ужинать, помолись, какъ это положено, во время ѣды молись, размышляй о Богѣ, и твоя пища будетъ со страхомъ и трепетомъ Божиимъ. Ангелы Божіи снизойдутъ къ тебѣ на столъ, будутъ окружать тебя, простой твой хлѣбъ превратится въ божественный, простая

чаша сдѣлается небесною чашей; Самъ Господь будетъ взи- рать на тебя съ любовью; Онъ Самъ сойдетъ къ тебѣ на столъ. Такъ простой хлѣбъ замѣнитъ тебѣ причастіе“. Съ такою проповѣдью Хмелинскій обращался ко всѣмъ и по- стоянно. Обыкновенно безпоповецъ съ волненіемъ, внутрен- нимъ трепетомъ говоритъ о причащеніи и сокрушается не- имѣніемъ этого таинства. Хмелинскій же былъ совершенно спокоенъ, на его лицѣ какъ будто написано было: поѣлъ, насытился и вмѣстѣ причастился.

Не могу опредѣлить происхожденіе этого ученія: само- лично-ли Хмелинскій измыслилъ его подъ тревожнымъ да- вленіемъ мысли о необходимости причащенія и невозмож- ности для безпоповца исполнить это,—или же это нелѣпое ученіе онъ заимствовалъ отъ какого-нибудь бродячаго без- поповскаго проповѣдника. Несомнѣнно, однако, что это уче- ніе получило нѣкоторое распространеніе среди безпопов- цевъ,—есть даже признаки, что оно начинаетъ входить въ общее безпоповское міросозерцаніе. Современные безпоповцы формируются въ два ясно опредѣленныхъ лагеря: одни, до- рожаяще священствомъ, склоняются къ православію или же къ австрійщинѣ; другіе, выработывая протестантскій складъ мысли, совсѣмъ перестаютъ думать о священствѣ и причащеніи. Первые, не чувствуя себя самостоятельными, утратили любовь къ письменности, и новыхъ писаній въ этомъ направленіи не появляется; другіе усердно пропаган- дируютъ свои ученія, и литература у нихъ процвѣтаетъ. Замѣчательно, что въ этихъ писаніяхъ уже не встрѣчается, какъ прежде, жалобъ на лишеніе священства и не слышно въ нихъ плача о немѣннн причащенія, какимъ (плачемъ) наполнены безпоповскія произведенія XVIII и первой поло- вины XIX ст. Изложенное ученіе Хмелинскаго служить однимъ изъ переходныхъ звеньевъ между безпоповцами прежними и безпоповцами современными, протестантс- кими. Прежніе безпоповцы, какъ бы ни яростно напа- дали на православную Церковь, все же имѣли здравыя понятія о таинствахъ и, не имѣя оныхъ, не дерзали успо- каивать себя тѣми или иными самоизмышленными уче- ніями. Въ ученіи Хмелинскаго съ одной стороны чувствуется нѣкоторое воспоминаіе о таинствѣ, а съ другой—оконча- чельно разрушается самое понятіе о причащеніи: оно пре- вращается въ простую ѣду. Передаемъ это ученіе, какъ образчикъ необузданности, какой-то стихійности безпопов- ской мысли и рѣшительнаго уклоненія ея въ сторону ясно выражающагося протестантства.

В. О.

(М. П. В.).

Наставленіе саровскаго подвижника о. Серафима о троеперстномъ сложеніи для крестнаго знаменія. Саровскій подвижникъ о. Серафимъ не былъ миссіонеромъ въ томъ смыслѣ, чтобы ходить или ѣздить по мѣстамъ, зараженнымъ расколомъ, и выискивать случаевъ для преній о вѣрѣ; но его духъ и сила, его слава подвижническая были такъ велики, что въ Саровѣ, православную обитель, къ нему приходили сами многіе старообрядцы или склонные къ расколу за много верстъ изъ сосѣднихъ губерній и искали получить отъ него несомнѣнное рѣшеніе ихъ недоумѣній. „Однажды (разсказываетъ „Житіе старца Серафима“, Елагина, дополненное и исправленное, 5-е изданіе, стр. 145 и далѣе) пришли къ нему четыре человѣка изъ ревнителей старообрядчества, жители села Павлова, Горбатовскаго уѣзда, спросить о двуперстномъ сложеніи, съ удостовѣреніемъ истинности старческаго отвѣта какимъ-нибудь чудомъ или знаменіемъ. Только что переступили они порогъ келіи, не успѣли еще сказать своихъ помысловъ, какъ старецъ подошелъ къ нимъ, взялъ перваго изъ нихъ за правую руку, сложилъ персты въ трехперстное сложеніе по чину православной Церкви и, такимъ образомъ крестя его, держалъ слѣдующую рѣчь: „Вотъ христіанское сложеніе креста! Такъ молитесь и прочимъ скажите. Сіе сложеніе предано отъ св. апостоловъ, а сложеніе двуперстное противно святымъ уставамъ. Прошу и молю васъ, ходите въ церковь греко-россійскую, она во всей славѣ и силѣ Божіей! Какъ корабль, имѣющій многія снасти, паруса и великое кормило, она управляется Св. Духомъ. Добрые кормчіе—ея учителя; они преемники апостольскіе. А ваша часовня подобна маленькой лодкѣ, не имѣющей кормила и веселья: она причалена вервемъ къ кораблю нашей Церкви, плыветъ за нею, заливаемая волнами, и непремѣнно потонула бы, если бы не была привязана къ кораблю“. — Въ другое время пришелъ къ нему одинъ старообрядецъ и спросилъ: „Скажи, старецъ Божій, какая вѣра лучше—нынѣшняя церковная, или—старая?“ — „Оставь свои бредни,—отвѣчалъ о. Серафимъ,—жизнь наша есть море; св. православная Церковь—есть корабль, а кормчій—Самъ Спаситель. Если съ такимъ кормчимъ люди, по своей грѣховной слабости, съ трудомъ переплываютъ море житейское и не всѣ спасаются отъ потопленія, то куда же стремишься ты со своимъ ботикомъ и на чемъ утверждаешь свою надежду—спасись безъ кормчаго?“ Однажды зимою привезли на саняхъ больную женщину къ монастырской келіи о. Серафима и о семъ доложили ему. Несмотря на множество народа, толпившагося въ сѣняхъ, о. Серафимъ просилъ принести ее къ себѣ. Больная вся была скорчена, колѣнки сведены къ груди. Ее внесли въ жилище старца и поло-

жили на полѣ. О. Серафимъ заперъ дверь и спросилъ ее.

— Какая причина твоей болѣзни?

— Я была прежде, батюшка, православной вѣры, но меня отдали замужъ за старообрядца. Я долго не склонялась къ ихней вѣрѣ и была здорова. Наконецъ, они меня уговорили: я перемѣнила крестъ на двуперстiе и не стала ходить въ церковь. Послѣ того пошла я разъ вечеромъ по домашнимъ дѣламъ во дворъ. Тамъ одно животное показало мнѣ огненнымъ и даже опалило меня; я въ испугѣ упала; меня начало ломать и корчить. Прошло немалое время съ тѣхъ поръ, а я все хвораю.

— Понимаю... — отвѣчалъ старецъ. — А вѣруешь ли ты опять въ св. православную Церковь?

— Вѣрую теперь опять, батюшка! — отвѣчала больная.

Тогда о. Серафимъ сложилъ по православному персты, положилъ на себѣ крестъ и сказалъ:

— Перекрестись вотъ такъ во имя св. Троицы.

— Батюшка, рада бы, — отвѣчала больная, — да руками не владѣю.

О. Серафимъ взялъ изъ лампады у Божіей Матери Умиленія елей и помазалъ грудь и руки больной. Вдругъ ее стало расправлять, даже суставы затрещали, и тутъ же она получила совершенное исцѣленіе. Послѣ этого старецъ много бесѣдовалъ о силѣ правильнаго троеперстнаго сложения и увѣщевалъ присутствующихъ молить его именемъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, во имя любви къ нему, убогому Серафиму, складывать персты по обряду православной Церкви, а надъ могилами умершихъ двоеперстниковъ творить молитвы и служить панихиды о разрѣшеніи ихъ отъ узъ вѣчности.

(„Тамбовск. Епарх. Вѣд.“ 1902 г. № 34).

Изъ Егорьевска, Рязан. еп. (Письмо въ редакцію) 22 сентября здѣсь въ зданіи двухклассной церковно-приходской школы состоялось торжественное открытіе вновь учрежденнаго миссіонерскаго братства св. великомученика и побѣдоносца Георгія.

Это братство представляетъ собою отдѣленіе епархіальнаго братства св. Василия, епископа Рязанскаго, и будетъ дѣйствовать подъ его наблюденіемъ и руководствомъ, согласно своему уставу, утвержденному преосвященнымъ Поліевктомъ, еп. Ряз. и Зарайскимъ, еще 1½ года тому назадъ.

Цѣль учрежденія братства—„противодѣйствіе пропагандъ мѣстнаго расколосектантства и религіозное просвѣщеніе чадъ православной Церкви“ (§ 2 устава). Для осуществленія этой цѣли братство принимаетъ на себя обязанность вести какъ частныя, такъ и публич-

ныя собесѣдованія съ православными и раскольниками и обучать лицъ, желающихъ вести подобныя бесѣды. При этомъ братство обязывается имѣть 1., свою церковно-приходскую школу, въ курсъ которой должны, между прочимъ, входить: краткая исторія и обличеніе раскола, въ особенности же обличеніе ложнаго австрійскаго священства, 2., свой книжный складъ для продажи и бесплатной раздачи книгъ и брошюръ миссіонерскаго характера, и 3., свою бесплатную народную бібліотеку съ воскресной читальней. Ближайшее завѣдываніе дѣлами возлагается на совѣтъ братства, предсѣдателемъ котораго единогласно избранъ мѣстный соборный протоіерей о. А. П. Свѣтловъ. Въ число почетныхъ членовъ избраны: о. Іоаннъ Сергіевъ Кронштадтскій, оберъ-прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ, его Товарищъ В. К. Саблеръ, чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ—редакторъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ В. М. Скворцовъ.

Учрежденіе миссіонерскаго братства св. великомученика и побѣдоносца Георгія является дѣломъ прямой миссіонерской необходимости въ г. Егорьевскѣ, какъ центрѣ мѣстнаго раскола (австрійскаго согласія), сильнаго здѣсь своими связями съ Москвой и сосѣдними Гуслицами. Всѣхъ раскольниковъ въ уѣздѣ насчитывается около 7000 человѣкъ.

За послѣднее время здѣсь наблюдается особенно сильное оживленіе въ жизни раскольниковъ, ихъ приподнятое настроеніе поддерживается частыми прїѣздами сюда извѣстныхъ апологетовъ раскола Усова, Лежнева, Бриллиантова и Мельникова, по мысли послѣдняго недавно старообрядцы даже подали мѣстной власти ходатайство объ учрежденіи въ Егорьевскѣ особой школы для ихъ дѣтей исключительно съ раскольническимъ учительскимъ персоналомъ. Дѣятельно ведется здѣсь и пропаганда раскола, иногда даже довольно оригинальнымъ способомъ. Такъ на примѣръ, одинъ фотографъ-старообрядецъ, ярый врагъ Церкви, въ первыхъ числахъ сентября (ярмарочное время) выставилъ въ витринѣ копію съ картины художника Сурикова съ такой демонстративной подписью, сдѣланной чернилами:

„Молитесь такъ, православные, вотъ сичевымъ знаменіемъ!“ А на картинѣ изображена скованная цѣпами боярыня Морозова съ поднятымъ двуперстіемъ. Прїѣзжіе на ярмарку мужики-старообрядцы толпой стояли около витрины и громко выражали свое одобреніе..

„Миссіонерскій кружокъ“, бывший доселѣ здѣсь, не сумѣлъ сплотиться для дѣятельной борьбы съ расколомъ

Въ виду всего этого можно только порадоваться открытію братства и горячо пожелать успѣха такому благому начинанію.

К. Рос—въ.

Со скрижалей сердца.

Еще и еще о духоборахъ.—Кто и насколько виновенъ въ бывшихъ и нынѣшнихъ духоборческихъ безумствахъ?—Закавказскій походъ духоборъ „на встрѣчу Христу“ и дѣйствія кн. Шервашидзе.—Отклики печати о духоборческой трагедіи въ Канадѣ.—Недомолвки «Нов. Вр.» и откровенность «Моск. Вѣд».—На именинахъ у о. Іоанна Кронштатскаго.

Драмы и трагедіи, глубоко потрясающія сердца людей и народовъ, въ наше время стали такъ заурядны и такъ поразительно страшны, что вѣрующая мысль невольно останавливается на предреченномъ въ св. Писаніи „последнемъ времени“... На самомъ дѣлѣ, развѣ мартиникская катастрофа, въ одинъ мигъ упразднившая кипучую жизнь цвѣтущаго города съ десятками тысячъ людей не способна жечь сердца людей, и уже не словомъ, а самымъ фактомъ и примѣромъ напоминая о томъ, что должно быть по непреложному слову св. Писанія „при послѣдней трубѣ“!.

Но осуетившееся, обтерпѣвшееся, притупившее свое духовное осязаніе и впечатлительность челоѣчество уже и забыло объ этой величайшей изъ всѣхъ міровыхъ катастрофъ, о ней замолкли, увлечены новою смѣною новыхъ поражающихъ событій, новыхъ драмъ и трагедій, съ ихъ захватывающими интересами, жгучими болями...

Мы не ошибемся, если скажемъ, что послѣ мартиникской катастрофы, едва ли что другое изъ совершившагося за послѣднее время способно вызывать такой жгучій, болѣзненный для сердца интересъ, какъ духоборческая драма, разыгравшаяся въ послѣдніе 3 мѣсяца въ Новомъ Свѣтѣ, въ Канадской Манитобѣ... Трудно вообразить себѣ это море всяческихъ лишений и ненужныхъ, бессмысленныхъ страданій—физическихъ и нравственныхъ, медленныхъ, продолжающихся годы!! Представьте только, какая это каторга, попытка для здравомыслящихъ среди духоборъ! Нужно знать, что безумствуютъ-то вѣдь только десятки, диктуютъ свою волю

и насильствуютъ надъ массою единицы, а страдаетъ ничего не понимающая изъ происходящаго вокругъ себя, многотысячная масса забитыхъ, покорныхъ людей,—страдають безгласныя женщины, невинныя дѣти, слабыя безмощныя старики!.. Страдають бессмысленно, фатально, умирають, какъ упрямыя стойки. Драма длится годы, катастрофа нынѣшняя подготовлялась почти 10 лѣтъ. Что же сдѣлано для предотвращенія ея со стороны насъ единокровныхъ, старшихъ братьевъ, ходящихъ и живущихъ въ свѣтѣ истины? Прямо больно и стыдно становится при мысли, что среди православныхъ ревнителей вѣры и миссіи не нашлось такихъ героевъ духа и вѣры, которые бы самоотверженно ринулись въ это взболемученное море на миссіонерскую борьбу съ толстовско-духоборческимъ мракобѣсіемъ, для спасенія духовно и физически погибающихъ!

Вѣдь вотъ сектанты, а здѣсь толстовцы, нелегально, воровски дѣйствуютъ, а успѣваютъ сѣять свои плевелы, умѣють организовать свою дружину (интеллигентныхъ просвѣтителей въ Закавказьѣ въ 1894—96 годахъ дѣйствовало до 40 человекъ) и провели же въ потемненное религіозное сознаніе духоборческаго міра бродило новой, во всѣхъ отношеніяхъ противоестественной, несвойственной массѣ жизни! Невѣжественные духоборы, какъ мотыльки въ темную ночь, полетѣли на огонь толстовства, обожглись и вотъ нынѣ погибають въ мучительной агоніи полнаго, массоваго умопомраченія.. А мы-то, православные люди, въ идейный противовѣсъ пропагандѣ религіознаго маньячества не сдѣлали ничего особеннаго, не казеннаго!.. А сдѣлать можно было: и въ Закавказьѣ, и въ Канадѣ были протестующіе противъ насилія интеллигентовъ-развивателей. и противъ своихъ смутителей трезвые голоса изъ среды самихъ духоборъ, но здравомыслящіе оставались безъ поддержки. Мы близко наблюдали духоборческое движеніе и увѣрены, что можно было найти среду и почву, которая была бы удобна для проповѣди здраваго ученія. И въ Канаду потянулись и дѣйствовали тамъ толстовскіе делегаты, а изъ православныхъ мы знаемъ одного добровольца, который ревновалъ духомъ и рвался въ Америку помѣриться силами съ толстовскими учителями, это не безъизвѣстный М. С—ко,

раскаившійся толстовецъ, исповѣдь котораго печаталась у насъ (который, замѣтимъ à propos, недавно изобличалъ въ бѣсовщинѣ фокусника Ленца на страницахъ „Тул. Е. Вѣд.“).

Но можно-ли винить русскихъ ревнителей православія въ равнодушіи къ судьбѣ духоборъ и къ дѣлу миссіи среди нихъ, когда наша печать, руководительница общественнаго мнѣнія, всегда замалчивала правду о волненіяхъ среди духоборъ? Правда и то, что среди русскихъ православныхъ людей нѣтъ сознательнаго отношенія къ исповѣданію своей вѣры, не развитъ духъ миссіонерства и прозелитизма... Слабъ свободный починъ, нѣтъ инициаторовъ для такого боеваго дѣла, какъ миссія среди сектантовъ, которые считаются нашими передовыми людьми и печатью чуть-ли не солью земли русской. Такъ или иначе, а вина Церкви и русскаго общества всетаки есть въ допущеніи нынѣшней трагедіи у духоборъ.

Есть вина здѣсь и мѣстнаго правительства а если хотите, то и законовъ, въ томъ отношеніи, что за духоборами по переселеніи ихъ въ Закавказье, когда ихъ бытовой и общинный строй былъ при императорѣ Николаѣ I изслѣдованъ и понятъ, не наблюдали надлежащимъ образомъ, не руководили ими, какъ слѣдовало бы, не ограничивали ихъ сепаратическихъ повадокъ. Снова дали развиться самоуправству и самодурству и тѣмъ дикимъначаламъ внутренней жизни, которыя обособляли, замыкали многотысячное духоборье въ тѣсное, узко эгоистическое, отрѣшенное отъ всего общегосударственнаго, кагальное кольцо, съ деспотическимъ господствомъ надъ тысячами одного ума и одной воли обожаемыхъ главарей, людей жестокихъ и безнравственныхъ. И меньшая вина мѣстной власти въ томъ, что пропустили въ темное духоборческое царство и просмотрѣли толстовскую пропаганду...

Затѣмъ, соображая теперь всѣ обстоятельства дѣла, приходится считать ошибкой расправу мѣстной власти съ Петрушей Веригинымъ по чисто формальнымъ поводамъ, въ угоду духоборческой олигархіи, и въ противность общедухоборческому настроенію. Послѣдній въ 1886 году, послѣ смерти „правительницы Луши“, какъ ея фаворитъ, всемѣрно старался „возсѣсть на духоборческій престолъ“. Петруша несомнѣнно нахальный, высокомерный, хвастливый

узурпаторъ, но въ тоже время онъ человѣкъ умный, ловкій, сравнительно развитой, а главное онъ обожаемый любимецъ огромной партіи, а потому былъ силой и, въ рукахъ мѣстной власти, этотъ человѣкъ могъ быть полезнымъ орудіемъ и сыграть огромную роль въ исторіи духоборья. Стань власть во время междуусобія духоборческаго на сторону его партіи и не высылай Петрушу въ Шенкурскъ, гдѣ его обратили толстовцы „въ свою вѣру“, кто знаетъ, можетъ быть, духоборье было бы и въ нашихъ рукахъ и во всякомъ случаѣ не дошло бы дѣло до подобной катастрофы.

Къ походу на востокъ, на встрѣчу „Христу“, т. е. Петрушѣ Веригину, духоборы собирались еще въ Закавказьѣ, въ первый періодъ остраго броженія въ іюлѣ въ 1895 г. когда тифлис. губернаторъ, кн. Шервашидзе, въ видахъ пресѣченія этого безумства и ради спасенія здоровой части духоборь отъ волненій, рѣшился выбросить волнующуюся (до 4 тысячъ) часть въ горы Катехіи и Карталиніи. Съ точки зрѣнія нынѣшнихъ безумныхъ событій въ Канадскомъ духоборьѣ рѣшительныя дѣйствія кн. Шервашидзе получаютъ другую окраску. Онъ несомнѣнно спасъ 8 т. духоборь, живущихъ нынѣ мирно въ Закавказьѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что и теперь мистическимъ объектомъ религіознаго помѣшательства канадскихъ духоборь и этого безумнаго похода на востокъ, на встрѣчу „Христу“, былъ все тотъ же Петруша, представляющійся доселѣ обезумѣвшей, совершенно свихнувшейся толпѣ единственнымъ ея спасителемъ. Разуверившись въ интеллигентныхъ спасителяхъ, разочаровавшись въ своихъ поискахъ „царствія Божія“ въ Канадской землѣ, духоборческіе пророки шли отыскивать своего природнаго спасителя. И туже военную силу выслали просвѣщенные американцы противъ духоборь, за что ранѣе у насъ травили либералы закавказское начальство...

Вотъ какія надрывающія сердце новыя подробности сообщаетъ заграничная пресса объ этомъ послѣднемъ походѣ.

Изъ Виннипега *Агентство Рейтера* телеграфируютъ, что духоборы, вышедшіе изъ Йорктауна, были вечеромъ 21 окт. (ст. стиля) застигнуты у Фоксвэррена страшною снѣжною бурей. Они должны были провести всю ночь среди ужасныхъ лишеній въ ольховыхъ кустарни -

кахъ, гдѣ ихъ ничто не прикрывало отъ бури, и ихъ тонкія льняныя рубахи не могли ихъ согрѣть. Люди похудѣли такъ, что похожи на скелеты. Нѣкоторые страдаютъ воспаленіемъ легкихъ, и положеніе всѣхъ ужасно. Несмотря на все это, коноводы настаиваютъ на продолженіи путешествія въ Виннипегъ, гдѣ они встрѣтятъ Иисуса Христа. Единственною пищею служатъ имъ дикія ягоды, пшеница и другіе сырые припасы, которыми награждаетъ ихъ населеніе. 4 ноября утромъ паломники продолжили свой путь къ востоку.

Духоборовъ, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, сопровождаетъ конная полиція, которая, по приходѣ ихъ въ Виннипегъ, намѣрена всѣхъ неспособныхъ къ работѣ поселить въ баракахъ, предназначенныхъ для переселенцевъ.

Мы должны взять назадъ высказанный нами выше, въ статьѣ о духоборахъ, упрекъ нашей русской прессѣ въ томъ, что она молчитъ о Канадской духоборческой драмѣ. Когда уже была въ печати наша статья, газеты заговорили, но съ тенденціозными недомолвками на счетъ настоящей правды этой исторіи,—тщательно скрывая или обходя виновность толстовства и самого гр. Толстого, въ трагическихъ событіяхъ, разыгравшихся въ Канадскомъ духоборьѣ. Вслѣдствіе такого умышленнаго укрывательства ближайшихъ виновниковъ, получается какое-то вилянье, фальшь въ освященіи свѣтскою печатью причинъ Канадской драмы.

Не чужда такого грѣха и статья „Нов. Вр.“, гдѣ г. Энгельгартъ (№ 9576) высказываетъ глубоко вѣрную мысль, что духоборы, (а мы утверждаемъ, что таково духовное свойство всѣхъ нашихъ сектантовъ) самые *черствые, немолимые злоисты и прямо самодуры*, которые „довели нравственность до такой крайности, что она стала безнравственной“. Съ этимъ, кто знаетъ духоборъ и сектантовъ, всякій согласится, что же касается другихъ утвержденій почтеннаго публициста, то, извините, съ ними согласиться трудно, такъ они своеобразны. Позвольте, гдѣ и когда „абсолютная нравственность становится абсолютнымъ эгоизмомъ“? По разуму православнаго ученія, во Христѣ лишь абсолютная нравственность, но Онъ въ тоже время и воплощенная добро и безконечная любовь... Откуда авторъ взялъ что личная жизнь духоборъ „абсолютно чиста“, что духоборы „охвачены будто бы святымъ порывомъ, да еще и чистой (?) религіозности“, что эти люди „можетъ быть, дѣйствительно, святые“... Такъ говорить,

значить, совѣмъ не знать ни исторіи, ни психологіи духоборъ, ни нравовъ ихъ и лѣсомъ туманныхъ фразъ затемнять спутанное дѣло.

Доселѣ аксіомой считалось, что люди, „охваченные чистой религіозностью, со святыми порывами“, обладающіе „дѣйствительною святостью“ не могутъ быть по самой природѣ своей души и сердца „на практикѣ“, т. е. въ жизни безнравственными, черствыми эгоистами, какими совершенно справедливо г. Энгельгартъ самъ признаетъ духоборъ... Въ томъ-то и дѣло, что у духоборъ не святые, а безумные порывы, не *чистая* религіозность, а до крайности извращенная живеть и движеть духоборами. А затѣмъ любопытно, когда и какъ это нравственность можетъ быть доведена до крайностей и сдѣлаться безнравственной? По православному пониманію христіанской нравственности она *никогда* и ни у кого не можетъ быть доведена до крайностей, ибо предѣлы ея безграничны; „*будьте совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть*“...

Не правильно освѣщаетъ г. Энгельгартъ дѣло, говоря, что духоборъ охватилъ болѣзненный экстазъ изъ-за того, что имъ не удалось „переупрямить“ американцевъ. Наоборотъ, духоборы переупрямили и американцы уступали и пошли было на компромиссъ, относительно своихъ, предъявленныхъ къ духоборамъ законныхъ требованій, но и это ихъ не спасло отъ новыхъ волненій. Нѣтъ, гораздо болѣе глубокая психологія лежитъ въ основѣ этой трагедіи, а корень ея въ вѣковомъ своеобразномъ укладѣ жизни, приведшемъ „духоборческую націю“ къ психозу и вырожденію, наркозъ толстовскаго ученія ускорилъ процессъ разложенія своеобразной общины, не имѣвшей въ духовномъ содержаніи своемъ довлѣющаго живаго духа.

Однако, читатель, лучше сами познакомьтесь съ тѣмъ, какъ пишется исторія о духоборахъ въ свѣтскихъ органахъ печати. Вотъ эта статья „Нов. Вр.“:

„Переселившіеся изъ Россіи въ Канаду духоборы, пишетъ г. Энгельгартъ въ «Нов. Вр.» конечно, менѣе всего могли рассчитывать здѣсь найти тѣ условія, при которыхъ возможно устроиться по ихъ ученію. Въ Россіи, съ ея общиннымъ строемъ, все же взгляды духоборовъ не такъ чужды и непонятны, какъ въ Америкѣ и во всей

Западной Европѣ, гдѣ царятъ начала римскаго права властно и нераздѣльно. Хоть какое-либо снисхождение духоборы могли найти среди своихъ. Но на чужбинѣ отъ нихъ требуютъ выполнения мѣстныхъ законовъ, и при отказѣ они становятся въ положеніе „нелегальныхъ“ бродягъ и непомнящихъ родства.

Духоборы обратились съ посланіемъ ко всеѣмъ государствамъ міра и даже къ султану. Они просятъ отвести имъ земли, но на томъ условіи, что подданными они не будутъ, никакихъ человѣческихъ законовъ исполнять не намѣрены, не станутъ платить никакихъ налоговъ, не будутъ регистрировать браковъ, рожденій и смертей (отъ этого они отказываются и въ Канадѣ), поставятъ рекрутъ, защищать свою собственность, отстаивать свои права. Они будутъ питаться плодами и овощами и работать своими руками. Понятно, что никто духоборовъ къ себѣ на этихъ условіяхъ не пуститъ. Пусть личная жизнь ихъ абсолютно чиста и безвредна для окружающихъ, пусть они охвачены самымъ святымъ порывомъ чистой религіозности, *все же на практикѣ они являются эгоистами, которые не хотятъ знать ничего и никого, жить внѣ общенія съ вѣнчимъ міромъ, не нести никакихъ къ другимъ людямъ обязательствъ и не признавать за ними ни какихъ правъ.*

Крайности сходятся. *Абсолютная нравственность (?) становится абсолютнымъ эгоизмомъ.* Въ самомъ дѣлѣ представьте себѣ, что рядомъ съ вами живетъ ни мало, ни много свыше тысячи человѣкъ, которые намѣрены размножаться и черезъ нѣсколько поколѣній удвоятся и утроятся въ числѣ. Эти люди ничего никому не даютъ, по той простой причинѣ, что не торгуютъ, не платятъ налоговъ, не поставляютъ рекрутъ, не исполняютъ никакихъ законовъ. Напали на васъ враги, они не по могутъ. Скрылся среди нихъ воръ, убійца—они его не свяжутъ и не выдадутъ. Ни чѣмъ, что съ вами происходитъ, они не интересуются. Они питаются овощами и плодами и живутъ только по Божьему закону. *Но вы должны имъ вѣрить на-слово, что они и впредь всегда будутъ жить по-божьи.* Понятно, что такіе люди, можетъ быть дѣйствительно святыя, если святость есть питаніе овощами, кроткіе, не противящіеся аду, смиренные и тихіе, должны возбуждать въ окружающихъ къ ихъ сектѣ, т.-е. во всемъ пока человѣчествѣ, чувство инстинктивной досады и даже возмущенія, какъ самые черствые, неумолимые эгоисты. Человѣчество можетъ сказать этимъ людямъ: «На какомъ основаніи вы хотите занять особое, привилегированное положеніе, когда всѣ остальные несутъ различныя тягести? Почему обязательное для всѣхъ, для васъ не обязательно? То сравнительное благоустройство и безопасность, которыми люди пользуются на землѣ, создано путемъ долгаго историческаго процесса. Почему вы полагаете, что исторія васъ обойдетъ? На тѣхъ условіяхъ, которыя вы ставите, вамъ никто и нигдѣ земли не дастъ, такъ какъ никто, никогда и нигдѣ не признаетъ за вами права уклоняться отъ исполненія законовъ, установленныхъ тѣми, кто отвоевалъ для культуры у скупой природы, вѣка защищалъ и поливалъ потомъ и кровью ту или иную часть земного шара.» При личной святости(?) даже нашихъ духо-

боровъ (предполагая, что они дѣйствительно въ личной жизни высоко нравственны), они въ глазахъ всего человѣчества являются эгоистами и прямо самодурами. Они довели нравственность (?) до такой крайности, что она стала безнравственной.

И вотъ эти несчастные люди, объявившіе себя умнѣе, чище и правѣе всего человѣчества, очутились въ полномъ одиночествѣ и безъ пріюта, безъ угла, на положеніи нелегальныхъ бродягъ, «не помнящихъ родства», и, отказавшись исполнять человѣческія законы, логически поставили себя внѣ закона. Имъ конечно не переупрямить американцевъ или западныхъ людей, для которыхъ собственность и право—краеугольные камни жизни. Тогда ихъ охватилъ религиозный экстазъ, явно принявшій болѣзненные формы. Съ женами и дѣтьми выпустивъ предварительно скотъ, раздавъ имущество, они пошли, подобно средневѣковымъ паломникамъ, «на встрѣчу Христу», проповѣдовать міру свою правду, «Божій законъ». Жуткое чувство холодомъ обвѣваетъ сердце, когда читаешь въ американскихъ газетахъ подробности этого новаго крестоваго похода, предпринятаго горстью русскихъ крестьянъ въ XX вѣкѣ, въ странѣ долларовъ, милліардовъ, трестовъ, Эдиссона и Пирпона Моргана. Духоборы идутъ. Женщины падаютъ отъ истощенія съ умирающими дѣтьми на рукахъ. Ихъ подбираютъ. Но какъ поступить съ идущими? Они никому не вредятъ, не буйствуютъ, идутъ, распѣвая гимны... на встрѣчу Христу! За что ихъ арестовать? И какъ вообще съ ними поступить? Увы, въ этомъ затруднительномъ случаѣ на совѣтъ и помощь американскія власти несомнѣнно призовутъ докторовъ-психіатровъ, ибо тутъ, видимое дѣло, на лицо массовое помѣшательство на религиозной подкладкѣ—*mania religiosa*, да и не безъ примѣси *mania grandiosa*. Но мы, русскіе люди, соотечественники этихъ несчастныхъ мужиковъ, заброшенныхъ на чужбинѣ, неужели отнесемъ равнодушно къ ихъ участи?

Вникая въ міросозерцаніе духоборовъ, «С.-Пет. Вѣд.» основательно отмѣчаютъ его соціально-политическую несостоятельность:

„Ихъ идеаль — придти въ состояніе первобытнаго человѣка, то-есть,—какъ говорятъ другіе, — одичать. Но къ этому идеалу они идутъ помаленьку, въ виду трудности раздѣться до нага и питаться травой, живя подъ открытымъ небомъ. Современную цивилизацію,—добытую, якобы, вопреки волѣ большинства людей, при помощи насилія,—они считаютъ незаконною и протинною Богу.

„Секта эта начинается явно распадаться на нѣсколько толковъ: каждый толкъ, или каждая партія чтонибудь да дѣлаетъ, и все болѣе и болѣе двигается впередъ по пути, начертанному для ннхъ ихъ основнымъ догматомъ. Трудно придумать и приискать совокупность всѣхъ необходимыхъ для ихъ существованія условій. Не можетъ быть, конечно, такого государства, которое признало бы желательнымъ или даже удобнымъ присутствіе не признающихъ никакихъ законовъ жителей.

„И въ климатѣ, отвѣчающемъ ихъ вкусамъ, то есть такомъ, гдѣ они могли бы жить по образу первобытнаго человѣка въ раю, имъ грозитъ вѣрная погибель отъ животныхъ, не могущихъ или не желающихъ вернуться къ кротости своихъ допотопныхъ прародителей. Въ концѣ концовъ, все таки приходится придти къ заключенію, что, если даже и смотрѣть на нихъ просто какъ на пламенныхъ идеалистовъ, то все таки присутствіе семи съ лишнимъ тысячъ человѣкъ безъ надзора не только представляетъ для всякой страны неудобство, но даже заключаетъ въ себѣ общественную опасность, не говоря уже о той опасности, которой они подвергаютъ себя сами“.

Изъ этихъ оцѣнокъ своего сотрудника «С.-Петербургскія Вѣдомости» могли бы усмотрѣть, какъ вредна пропаганда «толстовцевъ», приводящая къ такимъ общественнымъ опасностямъ, но газета не рѣшилась договорить истины до конца.

Особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ слѣдующая неподкупно правдивая статья „Моск. Вѣд.“ по поводу духоворческихъ событій въ Канадѣ.

«Сектанты, къ обработкѣ умовъ которыхъ прилагали свои усилія наши „толстовствующие“ интеллигенты, снова даютъ печальное предостереженіе русскому обществу, столь легко-мысленно равнодушному къ развивающемуся на его глазахъ злу. Павловскіе разгромы въ Россіи и Виннипегскій походъ въ Америкѣ по истинѣ соперничаютъ въ безуміи, доходящемъ до прямого умопомѣшательства. Какъ видимъ, пресловутыя „русскія условія“, которыми либеральные защитники всякихъ нелѣпныхъ идей любятъ оправдывать явно вредныя послѣдствія ихъ,—всѣ эти „условія“ тутъ ни при чемъ. При русскіихъ и при американскіихъ условіяхъ выученики нашей сектантствующей интеллигенціи не только оказываются „никому не нужны“, какъ выражаются теперь американцы о духоворахъ, но острыми вспышками своего фанатизма приводятъ въ недоумѣніе всѣ правительства, вынуждаютъ къ высылкѣ войскъ и т. п.

Дѣло оказывается не во внѣшнихъ условіяхъ, а въ тѣхъ условіяхъ мышленія, которыя заложены въ головы несчастныхъ ихъ учителями.

Съ прямолинейностью, которой благоразумно избѣгаютъ ихъ учителя, духоворы не только перестали ѣсть животную пищу, но и рѣшили „освободить“ скотину.

Во имя освобожденія своихъ лошадей и скота, соединенныхъ въ „свободное стадо“, духоворы рѣшились даже просить Канадское правительство о „правахъ“ для этихъ созданий Божіихъ и объ отводѣ для нихъ особыя земель, на которыхъ лошади и скотъ могли бы свободно жить...

Отказываешься рѣшить, чему тутъ болѣе удивляться: не-

проходимой нелѣпости, или героической искренности мысли?.. Но это Русскіе люди, русскія натуры, въ которыхъ, по ихъ необычайной искренности, всякая ложь доходить до верха безумія, какъ доходить до величія всякая истина. Это люди, которыхъ умъ и совѣсть должны быть воспитываемы непременно истиной, ибо въ противномъ случаѣ они дѣлаются не просто плохими людьми, а совершенно невозможными безумцами. Такъ было въ Павловкахъ, такъ вышло въ Манитобѣ и въ Виннипегскомъ походѣ, въ который слѣпо двинулась воспламенная толпа при первомъ слухѣ о будто бы имѣющемъ произойти въ Виннипегѣ явленіи Христа...

Никакія бури и непогоды, ни голодъ, ни болѣзни,—ничто не способно остановить эту толпу, полную героизма изъ сумашедшаго дома...

Тяжело и больно читать всѣ эти описанія, возбуждающія жгучее негодованіе противъ тѣхъ сытыхъ и тепло одѣтыхъ интеллигентовъ, которые своими пустыми словами возбудили эти бѣдныя, честныя умы людей, которые всѣмъ сердцемъ отдаются тому, что для ихъ учителей составляетъ простое развлеченіе празднаго ума и раздраженіе холодящей совѣсти.

Но еще большее негодованіе, если возможно, возбуждаютъ тѣ десятки тысячъ людей нашего общества, печати, нерѣдко даже государственной службы, которые, будучи въ *своихъ* дѣлахъ столь „благоразумными“ и даже высоко искусными, — создаютъ въ Россіи атмосферу культа ученій и именъ, служащихъ исходнымъ пунктомъ и опорой для всѣхъ мелкихъ смутителей несчастнаго народа.

Что движетъ совѣсть этихъ людей общества? Это уже совершенно непостижимо.

А между тѣмъ они — эти создатели культа „великаго учителя земли Русской“ и ему подобныхъ — главнѣйшіе виновники широчайшаго зла, развращающаго нашъ народъ.

Не много находится людей, доходящихъ до Павловскихъ разгромовъ или до Манитобской колоніи умалишенныхъ. Не много людей, которые рискуютъ отказаться отъ всѣхъ интересовъ, которые связаны съ соблюденіемъ законовъ и повиновеніемъ властямъ. Но отравляющая проповѣдь графа Л. Толстаго, отрицающаго эти законы, призывающаго къ отказу отъ военной службы, отъ обязанностей въ отношеніи суда и т. д.—все это отрицаніе основъ общественной и политической жизни—производитъ не меньшее зло, когда усваивается въ нѣсколько-разжиженной степени, не доводящей челоуѣка до фанатическаго явнаго безумія.

А такихъ среднихъ отрицателей распложается, подъ покровительствомъ культа „великаго учителя“, множество. Они не покидаютъ отечества, но распространяютъ повсюду во-

кругъ себя атмосферу презрѣнія къ нему. Они не отказываются отъ военной службы, но служатъ такъ, что своимъ примѣромъ, а отчасти и словомъ, деморализуютъ товарищей по оружію. Такой средній отрицатель не откажется отъ повинности присяжнаго засѣдателя, но будетъ деморализовать присяжныхъ, будетъ выносить оправданіе всѣмъ разбойникамъ и мошенникамъ.

Эти рои носителей общественнаго разложенія хуже всякихъ сумашедшихъ Павловцевъ или Винипегцевъ. Тѣ—отшумѣли и погибли. Но эти мелкіе развратители распложаются тѣмъ шире, чѣмъ менѣ замѣтны, ибо не доходятъ до дѣяній, караемыхъ закономъ, или приводящихъ къ водворенію въ домахъ умалишенныхъ. Они свободно размножаются и развѣдаютъ страну, и нѣтъ этому предѣла, пока не воспрянетъ противъ нихъ общественная совѣсть.

А между тѣмъ люди, которыхъ прямая обязанность освѣдомлять общество о фактахъ, освѣщающихъ послѣдствія этихъ антиобщественныхъ ученій, упорно хранятъ молчаніе, или прямо искажаютъ истину, когда дѣло касается фактовъ обличающихъ нелѣпость идей и дѣйствій разнаго рода „толстовствующихъ“ интеллигентовъ. Въ дѣлѣ павловскихъ разгромовъ—всѣ усилія упорныхъ потатчиковъ сводились къ тому, чтобъ отстранить мысль читателя отъ князя Хилкова, первоначальнаго насадителя сектантства этого злополучнаго села, и какъ-нибудь въ чемъ-нибудь набросить тѣнь на „батьшекъ“, якобы виновныхъ въ дѣяніяхъ фанатиковъ. Не много имѣлъ успѣха въ нашей печати и г. Тверской, думавшій спасти несчастныхъ духоборовъ, предупредивъ русское общество о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ. Молчить печать и теперь о связи манитобскихъ событій съ пропагандой гр. Л. Толстого. Какъ, дѣйствительно, набросить тѣнь на „великаго учителя“! И вотъ—напрасно гибнуть эти несчастныя жертвы. Даже гибелью своею они не могутъ предостеречь другихъ отъ своей участи. Все будетъ замолчано, скрыто, переверано,—и подъ этимъ прикрытіемъ молчанія и лжи пропаганда будетъ продолжать свое разлагающее дѣло, подготавливая новыя Павловки, новыя Манитобы...

Можно подумать, что Россія не имѣетъ болѣе злыхъ себѣ враговъ, какъ эти ея сыны и граждане. Но почему? Чѣмъ она ихъ такъ обидѣла и ожесточила? Или это состояние умовъ составляетъ тоже нѣкоторую *mania antisocialis chronica*, подлежащую заботамъ психіатровъ?

Мы къ этому лишь добавимъ стереотипное *sapienti sat!*..

В. Скворцовъ.

19 октября—день ангела о. Іоанна Ильича Сергіева. Кронштатскіе, столичные и иногородніе ближайшіе почитатели „великаго пастыря“ величайшей православно-русской паствы ежегодно празднуютъ именины „дорогого батюшки“, многочисленнымъ съѣздомъ, участіемъ въ богослуженіи, всяческими подношеніями, задушевными словами любви и привѣта и обильнымъ, чисто купеческимъ обѣдомъ на нѣсколько сотъ человекъ. Наши постоянныя читатели помнятъ мои наблюденія и впечатлѣнія отъ именинъ о. Іоанна въ позапрошломъ году. Въ нынѣшнемъ году—картина одна и таже, какъ тотъ-же и самъ о. Іоаннъ,—бодрый, живой, радостно восторженный, нисколько нестарѣющійся подвижникъ. Приливъ богомольцевъ нынѣ какъ будто даже больше, много было новыхъ лицъ и среди „избранныхъ“, т. е. попавшихъ на „именинный пирогъ“, а попасть сюда нелегче, думаемъ, чѣмъ въ Царствіе Божіе. За трапезой читались стихи простецами—поэтами и говорились рѣчи духовными и свѣтскими ораторами. И все это съ терпѣніемъ, съ радостной улыбкой старецъ выслушивалъ. Въ нынѣшнемъ году пальма первенства въ ораторствѣ безспорно принадлежала духовной академіи. Очень понравились всѣмъ юношески—горячія, искреннія и умныя рѣчи двухъ студентовъ; выраженные ими чувства свидѣтельствовали, какъ глубоко и благотѣльно обаяніе Кронштатскаго пастыря на духовную молодежь. Съ глубокимъ интересомъ прослушана была рѣчь молодого новаго доцента академіи о. Михаила. Надѣмся, что съ неменьшимъ интересомъ она и прочтется. Вотъ она:

„Да будетъ позволено сказать слово и мнѣ меньшему въ здѣшней священнической братіи.

Бываетъ, что и изъ устъ „внѣшнихъ“, даже чуждыхъ и враждебныхъ Церкви приносится хвала Богу. Бываетъ, что и лжепророки служатъ Богу словомъ своимъ, благословляютъ тогда, когда, можетъ быть, желали бы проклинать. И вотъ недавно одинъ изъ этихъ чуждыхъ Церкви, а, можетъ быть, враждебныхъ ей, (по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ, которыхъ часто обвиняютъ въ враждебности къ Церкви) сказалъ свѣтлое и доброе слово о силѣ молитвы, о инстинктивномъ тяготѣніи даже невѣрующихъ къ христіанской молитвѣ.

Въ одномъ притонѣ для нищихъ и всякихъ отбросовъ міра и жизни живетъ актеръ, потерявшій и вѣру въ Бога и надежду на Бога. Онъ совсѣмъ на краю гибели. И вотъ въ послѣднюю минуту, когда онъ чувствуетъ, что уже совсѣмъ кончена его жизнь, что ему надѣяться *не на что и идти некуда*, онъ идетъ къ одному, своему сожителю, иновѣрцу-татарину, *попросить его молитвы*. Иновѣрецъ отвѣчаетъ, „каждый за себя молиться долженъ“. И тогда рухнула послѣдняя надежда у несчастнаго, обломилась послѣдняя соломинка, за которую онъ держался, и онъ погибъ.

Такимъ образомъ, даже потерявшій вѣру инстинктивно цѣпляется за молитву, какъ якорь спасенія, инстинктивно чувствуетъ силу и необходимость молитвы; необходимо ищеть и видеть въ молитвѣ, даже не вѣруя, послѣднее средство въ жизненныхъ невзгодахъ. Каждому человѣку нужно имѣть другого человѣка сильнаго, который бы помогъ о немъ, и я знаю, что и *для многихъ по всему лицу русской земли единственный просвѣтъ, единая надежда* въ чужой молитвѣ, молитвѣ мертвыхъ и живыхъ и работниковъ Божіихъ. Знаю и утверждаю, что со всѣхъ концовъ Руси и невѣрующіе, и иновѣрцы, и даже язычники почерпаютъ силы для жизни въ мысли, что есть *живая душа, любящая душа, которая помолится о нихъ*. Со всѣхъ сторонъ взоры погибающихъ направляются сюда, къ сѣверу, къ алтарю Кронштадтскаго пастыря. И многихъ, очень многихъ отъ отчаянія и гибели спасла надежда на молитву, а еще болѣе, конечно, спасла *самая молитва, вознесенная здѣсь предъ престоломъ Божіимъ*.

И поэтому-то намъ нужно молить Бога, чтобы на долгіе годы продлилась жизнь *молитвенника*.

И еще есть причина, почему нужно желать многихъ лѣтъ здѣшнему молитвеннику. Въ послѣднее время часто раздаются голоса, что погибаетъ корабль церковный, потому что корчемники дѣютъ куплю, но не ту, ради которой послалъ ихъ въ міръ Христосъ, а обыкновенную, житейскую куплю. Что мы можемъ сказать на это? Указать на подвиги отцовъ и братій нашихъ въ прошломъ, на гробницы святыхъ Божіихъ, разбѣянныхъ по всему лицу русской земли, на прошлыя дѣла ихъ? Но это, скажутъ, старое и бывшее. Мы можемъ указать на молитву народа, который въ дни

покаянія, или въ дни свѣтлой радости слезами обливаешь полъ убогихъ своихъ церквей. Но намъ скажутъ, что это далеко. А эти люди говорятъ: „мы хотимъ вложить персты свои въ язвы, а иначе не повѣримъ“. И вотъ мы можемъ сказать имъ: „Идите въ Кронштадтъ и имѣющіе очи пусть увидятъ. Здѣсь вы увидите пастыря, какого воспитала и родила Церковь, пастыря, горящаго духомъ предъ престоломъ Вышняго. И въ его взорѣ въ ту минуту, когда онъ видитъ небеса отверстыми и Агнца, сходяща датися въ снѣдъ вѣрнымъ, когда онъ видитъ то, что желали видѣть цари и пророки, вы прочтете отвѣтъ: *жива ли Церковь наша*. Здѣсь вы увидите народъ нашъ, молящійся съ своимъ пастыремъ съ такою силою покаянія и вѣры, что вѣра эта можетъ сжечь всякаго, кто нечистыми руками касается ковчега Господня. Здѣсь живое доказательство жизненности вѣры нашей. Идите и увидите, потому что не видѣть здѣсь могутъ только слѣпорожденные“.

И посему, да живетъ служитель Христовъ, и мы будемъ молиться, чтобы жило это живое доказательство святости Церкви нашей.

А въ заключеніе позволю сказать отъ себя о себѣ маленькое слово, которое нужно было бы сказать еще десять лѣтъ тому назадъ. Давно, очень давно и я просилъ Бога да поможетъ Онъ моему невѣрію. И вотъ тамъ далеко на Волгѣ пришелъ пастырь съ сѣвера. И онъ положилъ свою благословенную руку на голову мою и изгналъ духа сомнѣнія. И я вложилъ персты свои въ ребра Распятаго и прославилъ *Воскресшаго*...

И вотъ мой земной поклонъ врачу душъ“.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрѣшается. С.-Петербургъ, 7 ноября 1902 г.

Цензоръ Героманъ Александръ.

Объ отношеніи къ жизни и смерти въ язычествѣ и христіанствѣ.

(3-е религиозно-философское письмо).

„Я есмь хлѣбъ жизни“ (Іоан. 6, 48).
„Се отецъ Божій“ (Іоан. 1, 29).

ВОПРОСЪ объ отношеніи язычества къ христіанству и наоборотъ—вновь выдвигается, какъ „средостѣнныя брани“, на первый планъ въ нашей текущей литературѣ. Изъ свѣтскихъ писателей—М. О. Меньшиковъ ¹⁾, В. В. Розановъ, Д. С. Мережковский ²⁾, Н. Минский ³⁾, изъ духовныхъ проф. А. Введенскій ⁴⁾, проф. С. С. Глаголевъ ⁵⁾—воспламененно заговорили о томъ, какая существенная разница между древне-языческимъ и новохристіанскимъ мірами, между религиозными вѣрованіями язычниковъ и религиозными идеалами истиннаго христіанства.

Это не „вопросъ моды“ и не случайная тема, легко уловляемая любовью къ литературной славѣ, а вопросъ самой жизни современнаго общества. Самый характеръ литературнаго стремленія къ этому вопросу лучшихъ писателей и мыслителей нашего времени и самое особое разрѣшеніе его говорить за величіе этого вопроса, за огромную важность его.

¹⁾ См. прекрасныя статьи „Изъ писемъ къ ближнимъ“ въ „Новомъ Времени“ № 9509 и № 9516.

²⁾ См. его своеобразныя историческіе романы: „Юліанъ отсутствующихъ“ и „Воскресіе боги“.

³⁾ См. его «философскіе разговоры» въ „Мірѣ искусства“ за 1902 г.

⁴⁾ См. его капитальное сочиненіе: „Религиозное сознаніе язычества“ (опытъ философской исторіи естественныхъ религій). Т. I. Москва, 1902 г.

⁵⁾ „Очерки къ исторіи религій“, ч. I. (религій древнѣйшихъ культурныхъ народовъ), Москва 1902 г.

Много есть причинъ живого интереса къ этой темѣ. Съ одной стороны усиленное развитіе языческихъ стремленій въ нашемъ обществѣ, въ новой политикѣ, въ искусствѣ, въ философіи, въ жизни; съ другой—большое недовольство этими самыми идеалами и строгое ихъ обличеніе, осужденіе. Нитцше и Толстой—вотъ полюсы этой религіозно-культурной борьбы ¹⁾. Видимо идетъ глубокое теченіе, совершается съ мучительными усиліями великая перемѣна въ судьбахъ современной европейской цивилизаціи, и наша „переходная эпоха“ гнѣвно обнаруживаетъ религіозно-философскую тенденцію подвести итоги всей протекшей жизни человѣчества и разрѣшить собравшіяся на поверхности общественнаго самосознанія религіозныя сомнѣнія, разочарованія, тревоги, ожиданія...

Трудно разобратъся въ огромной массѣ философско-литературной работы, и работы самой упорной и самой серьезной, обнаруженной нашими писателями „и за и противъ“ язычества „и за и противъ“ христіанства. Одни говорятъ, что современная культура—это сплошное язычество; другіе въ поразительныхъ успѣхахъ европейской цивилизаціи видятъ лучшее доказательство культурной силы христіанства. Одни отрицаютъ всякій прогрессъ въ исторіи христіанства, а другіе только въ христіанской религіи видятъ спасеніе современной цивилизаціи „отъ крушенія“. У однихъ религія и культура—это одна цѣпь историческаго прогресса человѣчества, а у другихъ—это двѣ линіи, расходящіяся на „бесконечное разстояніе“. Одни считаютъ христіанство религіознымъ пессимизмомъ, страшно гибельнымъ для успѣховъ общечеловѣческаго просвѣщенія и религіозной жизни, а другіе думаютъ противное. Во всѣхъ этихъ „томленіяхъ философской мысли“ видно одно—непреодолимое желаніе найти „истину жизни“, заслоненную, затемненную множествомъ различнаго рода „ученій и мнѣній“ по религіознымъ вопросамъ. Даже отрицательныя направленія и формулы и тѣ проникнуты сильной заботой отыскать такой *путь жизни*, при которомъ бы печать религіознаго освященія легла бы на всѣ стороны нашего бытія, знанія, труда, исторіи.

¹⁾ См. брошюру проф. Н. Я. Грота. Нравственные идеалы нашего времени (Фр. Нитцше и Л. Толстой).

Изъ современныхъ писателей особенно оригиналенъ взглядъ почтеннаго публициста *В. В. Розанова* на отношеніе язычества къ христіанству. Какъ ни удивительно въ наше время, послѣ 2000-лѣтняго торжества христіанства надъ язычествомъ, видѣть философскую апологію языческой религіи, но она неумѣстно прорывается. Насъ поражаетъ своей странностью религіозно-философская идеализація язычества въ ходѣ современной культурной жизни. Великое множество художниковъ и поэтовъ съ чрезмѣрными похвалами признаетъ „цѣлый рой боговъ“, а многіе изъ философовъ усиленными восклицаніями пытаются уравновѣсити „пресыщеніе язычествомъ“ съ невреимостью христіанства. Докучливый демонизмъ языческихъ религій насильственно преобразуется въ „свѣтлость ангельскую“ вмѣсто погруженія въ „ночную тьму“, въ тьму вѣчнаго забвенія. Въ числѣ защитниковъ этой необыкновенной притязательности и чрезмѣрной „ненасытности язычества“, какъ ни больно сознавать это намъ лично, стоитъ и *В. В. Розановъ* ¹⁾, по своей философской углубленности не уступающій *В. С. Соловьеву*, а во многихъ отношеніяхъ его превосходящій.

Вотъ „тѣсныя предѣлы“, куда, въ раздраженіи сердца, заключилъ *В. В. Розановъ* свою пламенную защиту „чистаго язычества“, въ надеждѣ на трудный путь въ высоту современной утонченной жизни.

Нѣтъ никакой „непроходимой пропасти“ между язычествомъ и христіанствомъ. Лучшіе язычники—это тѣже христіане; худшіе христіане это то-же, что настоящее язычество. Тутъ въ оцѣнкѣ „благополучія здѣшней жизни“, въ сторону добра, или въ сторону зла, нѣтъ никакой разницы между язычниками и христіанами. Все различіе въ особомъ взглядѣ на жизнь и смерть. Тутъ, какъ ни удивительно, преимущество и „лучшій жребій“ на сторонѣ побѣжденнаго христіанствомъ язычества. Язычество—это *религіозный оптимизмъ*, поклоненіе жизни въ мірѣ, а христіанство—*религіозный пессимизмъ*, изводящій человѣка изъ борьбы и жизни, пока не взойдетъ онъ въ „тихую пристань“, въ „блаженный

¹⁾ См. статью: „Демонъ“ Лермонтова и его древніе родичи. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, сент. 1902; „Объ отрицаніи эллинизма“ въ „Новомъ Времени“ № 9510 и „Въ чемъ разница древняго и новаго міровъ“, въ „Новомъ Времени“ № 9527.

покой“ всеуничтожающей смерти. Язычество—это „вѣчная юность“ человечества, христіанство—религіозный трепеть предъ гробомъ и могилой. Тамъ—боготвореніе „начала вещей“, а здѣсь—„добраго и благоуспѣшнаго конца“ бытія, ужасной смерти. То—безмятежная проповѣдь радости и утѣхъ „жизни земной“, а это—страшно-суровое ученіе о „кончинѣ міра“, о „страшномъ судѣ“. То—кипучая религія „сладостныхъ трудовъ“ и „житейскихъ благъ“, а это—пассивное богоугожденіе немощи, печали о грѣхахъ, дряхлости, непротивленія злу жизни и проч.

Насколько вѣрна эта тревожная параллель между язычествомъ и христіанствомъ, сближающая порывистую философію г. Розанова съ богоборною философіею Нитцше ¹⁾.

Нѣтъ спора: вопросъ о жизни и смерти—это первый вопросъ всякой религіи. Это тотъ глубокій потокъ, отъ котораго истекають всѣ религіи, вокругъ котораго онѣ группируются, или расходясь между собою или сближаясь, объединяясь вмѣстѣ. Въ высшей степени интересно было бы набросать классификацію религій съ этой точки зрѣнія. Это была бы самая лучшая оцѣнка ихъ истинности, величія, богодарованности или, наоборотъ—ихъ ложности, запутанности въ собственныхъ своихъ ученіяхъ, несоотвѣтствія дѣйствительной жизни, „злочестія“ ихъ. Пока этого нѣтъ. И вопросъ не совсѣмъ ясенъ для рѣшенія, представляя „удобство пути къ стремленію“...

Вопросъ о жизни и смерти—центральный въ христіанствѣ. Вся христіанская религія только и понятна съ этой стороны. Она внесла абсолютную истину, проложила „огнистую стезю“ въ этотъ темный и никакой религіей неразрѣшенный вопросъ. „Что такое жизнь? въ чемъ она и для чего, если заканчивается смертію? откуда смерть, если Богъ ее не сотворилъ и она никому не нужна; зачѣмъ смерть—кончина нынѣшней жизни“? Для всѣхъ этихъ недоумѣній и „порывовъ мысли“ нѣтъ мѣста только въ одномъ христіанствѣ. Не отъ Бога то ученіе о жизни и смерти, которое связываетъ человѣка „страхомъ невѣдѣнія истины“.

¹⁾ Въ одномъ изъ номеровъ „Міра искусства“ за текущій годъ г. Мерезковскій назвалъ В. В. Розанова „русскимъ Нитцше“. Есть доля правды въ этой характеристикѣ.

Уже первыя страницы библіи ясно говорятъ намъ о жизни и смерти человѣка. Это—вѣчныя скрижали бытія человѣка, первобытная лѣтопись перво-начала его жизни на землѣ. Здѣсь мы читаемъ откровеніе Божіе о тайнѣ сотворенія міра и человѣка. Жизнь отъ Бога. Человѣкъ—образъ и храмъ Божій. Душа—дыханіе Божіе. Рай—прекрасное жилище перваго человѣка. Въ раю—древо жизни. Нѣтъ смерти. Все чисто, прекрасно, безвредно, лучезарно. Вотъ библейскій образъ первоначальнаго явленія божественной твари—человѣка на „земныхъ долинахъ вѣчно-цвѣтущаго рая“. Въ неясныхъ и извилистыхъ путяхъ ума человѣческаго мысль этого образа отдалась и въ язычествѣ, какъ остатокъ первобытнаго религіознаго преданія: это всеобщій мнѣ о „золотомъ вѣкѣ“. Такъ близка она сердцу человѣка, такъ непосредственна, такъ вожделѣнна.

Но эти же самыя первоначальныя страницы „книги бытія“ исполнены и великой скорби, всемірнаго горя объ утратѣ „блаженной жизни“. Зависть злбнаго змія, собственное неразуміе человѣка, преступное вкушеніе съ „человѣкоубійственнаго древа познанія добра и зла“—все это положило конецъ „утренней зарѣ“ бытія человѣка на землѣ, и всепомядающая смерть вошла въ міръ. Употребивъ свободу своей воли во зло, первый изъ людей самоубійственно отрекся отъ разума и свободы, т. е. отъ святости жизни и впалъ въ стихійное рабство грѣху. И объ этой эпохѣ „гибельнаго паденія“ человѣка сохранились во мглѣ прошедшихъ вѣковъ у язычниковъ печальныя пѣсни, скорбныя сказанія. „Адамовъ плачъ“—это плачъ всѣхъ народовъ о „потерянномъ раѣ“, это горячія слезы и глубокія воздыханія объ утратѣ „пути богоподобія, ведущаго къ Богу, согласнаго съ намѣреніями безсмертнаго“ (св. Григорій Богословъ).

Но человѣкъ—отъ Бога и Божія слава. И жизнь его не для смерти. И вотъ, по милосердію Божію, подается человѣку врачевство отъ немощей духа и плоти—религіозная вѣра въ спасеніе отъ грѣха, отъ зла жизни. Это „первое Евангеліе“ о Спасителѣ, обѣщавшее всѣмъ людямъ жизнь и избавленіе отъ всяческихъ бѣдствій. „Съмя жены сотреть главу змія“, побѣдивъ убійцу смертію. Для этой цѣли узаконено было Богомъ и „супружество, давшее начало роду че-

ловѣческому, послужившее спасеніемъ отъ гибели, такъ что, когда умирали одни, вмѣсто нихъ выступали другіе, измѣнявшееся поколѣніе людей текло, какъ рѣка, которая и не стоитъ на одномъ мѣстѣ (по причинѣ господствующей смерти), и всегда полна вслѣдствіе новыхъ рожденій“ (св. Григорій Богословъ). И это спасеніе отъ „сѣмени жены“ стало религіознымъ чаяніемъ всего міра, радостнымъ упованіемъ жизни всѣхъ людей.

Ученіе христіанское о жизни всего яснѣе познается въ тайнѣ боговоплощенія и вочеловѣченія Бога. Всѣ страницы библіи горятъ пламенемъ этой вѣры въ богочеловѣчество Христа Спасителя. Здѣсь лучше всего раскрывается и ученіе о грѣхопадѣніи, т. е. о смерти и ученіе объ искупленіи, т. е. о жизни.

Еще въ „раю сладости“, хотя и послѣ грѣхопадѣнія, тайна боговоплощенія была возвѣщена людямъ, какъ предметъ горчей вѣры, какъ истинное обѣтованіе о Спасителѣ. И какъ сильно было это обѣтованіе! Ева, „мать всѣхъ живущихъ на землѣ“, назвала перваго сына своего Каиномъ—(пріобрѣтеніе). „*Пріобрѣла я челоуѣка у Господа*“, сказала она, думая, что это обѣщанный Спаситель. Такъ непосредственна была эта древняя религіозная вѣра. Но горькій плачь о грядущемъ въ вѣкахъ спасенія былъ испытаніемъ для обманутой надежды, когда у Евы родился второй сынъ *Авель* (суета, призракъ). И только въ Сіоеѣ (основаніе, корень) устремленный въ будущія судьбы человѣческой исторіи ясный взоръ религіозной вѣры находитъ предѣлы истины жизни. Въ періодъ патриархальный, особенно при Энохѣ, люди впервые узнаютъ, что значитъ „*ходить предъ Богомъ*“, и челоуѣкъ переселяется живымъ на небо, не вкусивъ смерти. Это—великая эпоха въ исторіи религіозной жизни и самосознанія челоуѣчества по ясности и силѣ религіозной идеи искупленія и спасенія чрезъ Бого-челоуѣка. Ной, спаситель міра допотопнаго, возвѣщаетъ людямъ откровеніе Божіе, какъ *нравственный законъ* жизни челоуѣческой. Великій Авраамъ, другъ Божій, отецъ всѣхъ вѣрующихъ, входитъ въ Завѣтъ Божій и получаетъ обрѣзаніе, какъ печать правды вѣры въ грядущее спасеніе отъ „сѣмени жены“. Авраамъ возлагаетъ на жертвенникъ Исаака, единственнаго сына своего, въ упованіи жизни вѣчной. Исаакъ—первый ветхозавѣтный про-

образъ Спасителя. Пламенный Иаковъ живетъ религіознымъ видѣніемъ таинственной лѣстницы, т. е. Богородицы. Съ Боговидца—Моисея конецъ патріархальнымъ обѣтованіямъ и новая цѣпь откровеній объ освобожденіи отъ „узъ смерти“ чрезъ Спасителя: это мессіанскія пророчества о Христѣ-Моисей, какъ бы видя Невидимаго, былъ твердъ въ упованіи жизни вѣчной (Евр. 11, 27). Весь законъ его—„пѣстунъ о Христѣ“. Псалтирь Давидова—„евангельская книга“. Исаія—это ветхозавѣтный евангелистъ. Плачущій Іеремія—„мужъ евангельскій“ (у бл. Іеронима). Пророчество Іезекіиля о воскресеніи „костей сухихъ“—это глаголь евангельскій. „Благодать Даніила“ (у св. Григорія Богослова) горитъ уже зарей новаго завѣта... Итакъ, истина боговоплощенія есть „алфа и омега“ всего ветхаго завѣта. Она перелилась въ новый завѣтъ въ этихъ чистыхъ пророческихъ откровеніяхъ, согласно пѣснословящихъ величіе любви Божіей къ земнороднымъ (Мат. 5, 17—18; Лук. 24, 44; Іоан. 5, 46—47).

Какъ же, на ряду съ этими истинными озареніями съ неба, жили язычники со своими „богами и богинями“? Что такое язычество, если „всецѣлое устремленіе къ всецѣлому Богу есть первый изъ всего принадлежащаго намъ даръ подателю всего Богу“ (св. Григорій Богословъ)? Откуда языческая „религіозность“?

Райское блаженство, первобытный завѣтъ Бога съ человѣкомъ—вотъ истинная колыбель христіанства, вотъ „рѣка жизни“. Язычество началось за дверями рая, уже послѣ грѣхопаденія. Мутными ручьями „первобытнаго варварства“ разбрелось оно по „распутьямъ жизни“. Язычество (пантеистическое *обоотвореніе* матеріальной природы) пошло и идетъ въ уклонъ отъ „райской религіи“, въ удаленіе отъ центра и первоисточника райской жизни—личнаго и живаго Бога. „Первымъ закономъ Христовымъ для человѣка было первоначальное наслажденіе“ (св. Григорій Богословъ) райскимъ блаженствомъ вѣчной жизни въ Богѣ. Но Эдемъ, и рай, цвѣтущій деревьями, и „источникъ, раздѣленный на четыре рѣчки“ (начала жизни)—не золото, не илেকтръ, не серебро, не драгоценные камни, получившіе призрачный образъ отъ искусства и вымысла человѣческаго (Дѣян. 17, 29). Всему этому подобно божество въ дикомъ язычествѣ, „приклонившемся долу“. Все это даетъ одна земля, стихійно обого-

творенная язычниками. Эдемъ питаль обильно „плодами древа жизни“ только того, кто былъ „дѣлательмъ Бога и божественнаго наслажденія“ (св. Григорій Богословъ). Въ степени пониманія тайны райскаго блаженства, „божественнаго благородства“ (св. Григорій Богословъ), идетъ „кривая линія“ языческихъ религій, безумно предавшихъ человѣка всѣмъ бѣдствіямъ матери—земли чрезъ стихійное приближеніе его къ „древу познанія добра и зла“, этихъ противоположностей въ жизни. Слѣды „первобытнаго преданія“—вѣрный показатель истины въ этихъ религіяхъ и за этими религіями. И если христіанство, какъ абсолютная истина, предшествующая всегда и во всемъ лжи или сектантскому извращенію первообраза, есть истинная религія, то язычество стоитъ на пути къ ущербу первобытной древности и всеобщности истинной религіи, всецѣло устремляющей взоръ къ единому великому Богу.

Правда, Богъ „не несвидѣтельствована оставилъ себя“ въ языческомъ мірѣ. То, что можно было знать о Богѣ, о вѣчной славѣ Его чрезъ разсматриваніе твореній Божіихъ, явно было для язычниковъ (см. рѣчь ап. Павла въ аѳинскомъ ареопагѣ и посланіе къ римлянамъ). И у язычниковъ было дарованіе истины. И у язычниковъ были мудрецы, старавшіеся познать „высочайшее естество—Бога“, первую вину всѣхъ благъ (см. у Платона и особенно у Аристотеля въ его „Этикѣ“). Ихъ разумъ, и природа и порядокъ всего видимаго и умосозерцаемаго—приводили ихъ къ Богу. Будучи несогласны и далеки одинъ отъ другого въ понятіяхъ объ идеяхъ, о судьбѣ, о безконечномъ веществѣ, объ устройствѣ тѣль, о душѣ, объ умѣ, объ обманчивости чувствъ,—они ничего не ставили выше добродѣтели, приобретаемой множествомъ усилій, безчисленными трудами и продолжительнымъ временемъ. И у невѣрныхъ были науки о совершенствѣ нравственной жизни; ибо роза можетъ цвѣсти и среди колючихъ терновниковъ. И у насъ нѣтъ зависти, что и чуждые намъ искали „оправданія жизни“, думали о достоинствѣ души, заботились о знаніи того, откуда она произошла, къ кому и куда должно возвести ее, какія стремленія въ ней сообразны съ разумомъ и свободой (Мат. 5, 47; 6, 32). Но въ язычествѣ мысли о Богѣ—мглысты, тусклы, туманны, нечисты, „мятежныя“ (Дѣян. 4, 25). Представляютъ себя знаю-

щими, что такое Богъ самъ по себѣ (метафизически), какъ думали язычники, есть „поврежденіе ума“ (св. Григорій Богословъ), безуміе, юродство язычества (Рим. 1, 22), религиозно - мистическій мракъ и страхъ его. Религіозная метафизика бытія и жизни „блаженныхъ боговъ“ составляетъ пантеистическую сущность языческаго политеизма, языческаго натурализма, религіознаго „романтизма“ (у Розанова). Но это тоже самое, что, увидѣвъ въ водѣ солнечное отраженіе думать, будто бы видишь самое солнце, или, поразившись красотой преддверія, воображать, будто бы видѣлъ самого владыку внутреннихъ чертоговъ. Отсюда „неисходные лабиринты“ языческой мифологіи, демонически мучащей религіозную совѣсть и сердце язычника въ томъ, чего нѣтъ въ дѣйствительности, что есть подлогъ въ религіозной вѣрѣ и жизни по ней. Отсюда самыя божества язычниковъ преданы „страсти похотѣнія“ (1 Тес. 4, 5), покорствуютъ неистовымъ страстямъ, неестественной „бѣсовской“ любви (1 Кор. 10, 20). Здѣсь—горькій корень любодѣйныхъ тайнъ Адониса, Таммуза, Ваала, Зевса и другихъ. Любовныя превращенія этихъ боговъ, постоянныя нарушенія супружеской вѣрности и цѣломудрія составляло для язычниковъ срамное зрѣлище, возбуждавшее вакханическое сладострастіе и самоупоенный смѣхъ. Языческія женщины изъ Дія дѣлали все, и быка, и молнію, и человѣка, и звѣря, и золото, и змія¹⁾. Въ язычествѣ были воздвигнуты жертвенники, храмы и кумиры нестерпимому сластолюбію и демоническимъ страстямъ. У язычниковъ „ночи, подлинно достойныя ночи, набожно чествовались символами безчестныхъ дѣлъ“ (св. Григорій Богословъ). Срамныя Иеифалы, Фалы, Гермафродиты, Паны—все это „безстыжіе боги“ съ козлиными ногами и, по скотской жизни, сущіе козлы. Въ языческомъ супружествѣ присоединялось нѣчто противное браку. У язычниковъ прекрасныя женщины выдавали замужъ непригожихъ, принося въ приданое за ними пріобрѣтенное блудно; и это совершалось въ честь какого-нибудь бога или „демона тѣлесной красоты и привлеченія“, чтобы человѣколюбивое дѣло не оставалось совсѣмъ безстыднымъ. Оттого позорныя дѣла и

¹⁾ См. напр., удивительно грязныя мнѣя о Пазифаѣ, Ледѣ и проч.

всяческія „соблазненія“ (вакхическія мистеріи) пользовались у нихъ полной свободой (у Юсіфа Флавія, „Древности іудейскія“, кн. 18, гл. 3). Блудилища (люпанаріи), „цѣна блуда“, „поруганіе чести“, безнравственные по своей противоестественности взгляды на дѣвство и дѣвственность у нихъ были совершенно законны¹⁾. А языческіе художники и мудрецы изображали безстыдную Афродиту (Венеру) въ видѣ своихъ любовницъ, чтобы такою выдумкой оказать послѣднимъ божескія почести. Отсюда, наравнѣ съ мужественными и воинскими подвигами, удостоилась у нихъ блистательныхъ живописныхъ изображеній, рукописеканій, литературныхъ описаній и эта „студодѣйная красота“, къ великому сожалѣнію и скорби истинно-религіозныхъ людей, чрезмѣрно распространяемая въ наше время „запоздалыми адептами язычества“ въ живописи, въ театрѣ, мелкой печати и въ парнографической беллетристикѣ.

Вотъ какова „религіозная метафизика“ языческихъ „безсмертныхъ боговъ и богинь“, живущихъ „въ дарахъ времени и счастья!“ Вотъ религіозный трагизмъ язычества! *Язычники замѣнили истину Божію ложью, и поклонились, и служили твари вмѣсто Творца; и предалъ ихъ Богъ въ похотяхъ сердець ихъ нечистотѣ, такъ что они сквернили сами свои тѣла*“ (Рим. 1, 24—25). Кто поставляетъ своимъ богомъ „физиологическую страсть“ (мистическая сущность язычества у г. Розанова), у того плохой помощникъ, малодушный, вѣроломный, кровожадный. Отсюда „метафизическій антропоморфизмъ“—это хаотическая основа „языческихъ боговоплощеній“, глубокое извращеніе и попраніе истинно-христіанской идеи о вочеловѣченіи Бога во Христа и объ обожествленіи челоуѣка, по усыновленіи отъ Бога, исполненнаго высшаго свѣта, начатки чего челоуѣкъ пожинаетъ еще здѣсь, на землѣ. Отсюда религіозный нигилизмъ (безвѣріе) или догматическое отрицаніе языческаго политеизма (многобожія и идолопоклонства) и скептицизмъ у лучшихъ представителей греко-римской философіи (Сократа и Гераклита называли „атеистами“; Платонъ изгналъ изъ своей „Республики“ романическую теогонію Гезіода и оргическую

1) См. примѣры въ цитованной статьѣ В. В. Розанова въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

миеологію Гомера, какъ подлогъ религіозной вѣры). Этизацію или гуманизацію язычества, нравственный прогрессъ въ религіозной жизни мы видимъ только у лучшихъ, у великихъ язычниковъ, у этихъ „христіанъ до христіанства“ (см. у св. Іустина мученика, у Климента, Оригена). Истина язычества—въ степени *моральной религіозности*, т. е. „метафизической антитѣлесности, нѣкоторой акосмичности“ (термины Розанова, примѣняемые къ средневѣковому христіанству); внѣ этого устремленія и задачи—язычество ложная религія, мрачная, „привлекающая сладостію и губящая скрытнымъ ядомъ плотской нѣги“. Только въ этомъ смыслѣ можно сказать, что вся исторія язычества въ лучшихъ его представителяхъ двигалась къ Виелеему. Только „*обратившійся къ Богу изъ язычниковъ*“ (Дѣян. 15, 19), персидскіе волхвы (цари, мудрецы, философская аристократія язычества) могли поклониться Христу-Богочеловѣку и принести Ему даръ религіозной вѣры и любви, и только имъ однимъ „виелеемская звѣзда“ осіяла весь міръ (космосъ), ясно указавъ на „таинство странное и преславное“.

Итакъ, христіанство было цѣлью, споспѣшествовавшей уменьшенію и прекращенію зла и бѣдствій жизни,—цѣлью всей исторіи человѣчества, —завершеніемъ ветхозавѣтной исторіи, ведшей людей отъ идоловъ къ закону и отъ закона къ Евангелію,—и „*свѣтомъ къ просвѣщенію язычниковъ*“ (Лук. 2, 32). Это—новое потрясеніе земли (Агг. 2, 7), новая эпоха, свѣтозарная, любовію доставляющая истинное вѣдѣніе о Богѣ и жизни въ Богѣ. „*Не вливаютъ вина молодого въ мехи ветхіе*“ (Мат. 9, 17; Мр. 2, 22; Лук. 5, 3—7). Отъ начала ея и новое лѣтоисчисленіе. Христіанская религія вся и всецѣло выражается въ изреченіи: „*великая благодетія тайна: Богъ явился во плоти, оправдалъ Себя въ Духъ, показалъ Себя ангеламъ, проповѣдалъ народамъ, принятъ въ прою въ міръ, вознесся во славу*“ (1 Тим. 3, 16). Все ветхозавѣтное упразднилось, потому что во Христѣ все исполнилось. „*Ветхій человекъ нашъ распятъ съ Нимъ*“ (Рим. 6, 6). Язычскіе идолы пали, Христось-Богочеловѣкъ „сталъ въ сонмъ боговъ и разсудилъ ихъ“. *На Него язычники надѣются будутъ*“ (Рим. 15, 12). Ко Христу все шло, и Отъ Него все пошло во всемірной культурѣ и общечеловѣческой цивилизаціи. Но *какимъ путемъ?*—Путемъ жизни, а не смерти,

путемъ радости, а не гибели, путемъ „веселія вѣчнаго“ (у Исаи и въ Апокалипсисѣ), а не „легкаго веселія жизни плотской“, путемъ свѣта и добра, приобретаемаго нравственнымъ подвигомъ, а не стихійной „власти тьмы“ и грѣховнаго „познанія добра и зла“. Христіанство—это всемірное провозглашеніе жизни богочеловѣческой,—жизни, все приносящей въ даръ Богу. Вотъ гдѣ его вѣчная правда, вѣчная красота, вѣчная побѣда! Въ немъ опять открылось райское блаженство,—вѣчная жизнь, разрѣшающая чевовѣка отъ смертнаго состава. Христось пришелъ на землю, чтобы создать въ сердцахъ людей „нерукотворенный храмъ“ и все земное наполнить радостію небесною, чтобы всѣ люди были тамъ, гдѣ Онъ (Іоан. 12, 26). Поэтому христіанство—это, если можно такъ выразиться, „религіозная апопееза“ вѣчной жизни и воскресенія. „Роковая ошибка“ В. В. Розанова состоитъ въ томъ, что онъ остановился на одномъ „фактѣ смерти“ въ системѣ и въ своей философской систематизаціи христіанства, и въ безпокойствѣ разномыслія, въ забвеніи самоуслажденія замолчалъ здѣсь, и не пошелъ далѣе. Онъ знаетъ одну страшную Голгофу и совершенно подавленъ ею; но онъ не хочетъ знать вождельнаго „возстанія изъ гроба“, нетлѣнія плоти по образу Христа-Богочеловѣка и жизни вѣчной. Напротивъ, если бы онъ, „клубясь яркимъ пламенемъ“ своихъ философскихъ устремленій и искренней мысли, продолжилъ нить своихъ изслѣдованій въ глубь догмата воскресенія, то онъ *увидѣлъ* бы несравненное превосходство христіанства предъ язычествомъ, незнающимъ воскресенія „обожествленной плоти“ и не сказалъ бы „стомаха ради“, что христіанская религія—это сплошной, безпросвѣтный, „религіозный пессимизмъ“. Тогда бы онъ убѣдился, „какое богатство славы въ тайнѣ (боговоплощенія и вочеловѣченія Христа) для язычниковъ“ (Кол. 1, 17) и какъ „Богъ върою въ эту тайну оправдываетъ язычниковъ“ и распространяетъ чрезъ Іисуса Христа на язычниковъ „благословеніе Авраамово“, провозвѣщенное Аврааму: „въ тебѣ благословятся всѣ народы“ (Быт. 12, 3; Гал: 3, 8, 14).

Чтобы окончательно распутать большой узелъ глубокихъ сомнѣній по вопросу о жизни и смерти въ христіанствѣ и язычествѣ, нужно помнить, что христіанство есть чистый религіозный *теизмъ*, а языческая религія насыщается и оза-

рется по суетной „формулѣ пантеизма“. Бытіе живаго и личнаго Бога, безсмертіе души, воскресеніе плоти, вѣчная жизнь богоподобнаго человѣка—вотъ „краугольные камни“, золотыя звенья христіанской религіи и этики. Пантеизмъ все поглощаетъ въ трепетно обоготворенной природѣ, внутренно-одушевленной, совершенно-человѣкообразной. Для Бога (у язычниковъ—для боговъ) нѣтъ мѣста внѣ этой природы. Отсюда язычество съ его многобожіемъ—это религіозная жизнь свободная отъ всякихъ (метафизическихъ и моральныхъ) ограниченій. Это—и „пантеистическій акосмизмъ“, и „мистическій атеизмъ“, смотря по тому, съ какой стороны смотрѣть на него. Если разбирать его съ точки зрѣнія мѣологическаго ученія о богахъ, то это—религіозная нѣтовщина: боги—это только „безсмертные люди“ (это всегубительная языческая черта и во всяческомъ христіански-сектантскомъ мистицизмѣ), а если смотрѣть съ точки зрѣнія взгляда на міръ (природу), то это—метафизическое *обоготвореніе міра*, религіозное поклоненіе твари (*языческое отрицаніе* положительной науки, развившейся только благодаря *истинному христіанству*). Христіанская религія—это возвышенный, побѣдоносный *теизмъ*, а не скоротечное язычество, какъ у В. В. Розанова ¹⁾; онъ то и истребляетъ пламенно „бѣсовское служеніе демонамъ“ (т. е. языческимъ богамъ), нещадно „разрушая гаданія“ язычниковъ (1 Кор. 10, 20), „разсвирѣпѣвшихъ на рабовъ Божіихъ“, „губившихъ землю“ (Апок. 11, 18). Ничто не можетъ жить въ мірѣ безъ Бога. Жизнь безъ Бога—безуміе и проклятіе. Но и не все въ мірѣ—Богъ. Какъ Творецъ, Богъ выше міра: небо—только престоль Божій, земля—подножіе ногъ Его (Матѣ. 5, 34—35). А какъ Промыслитель, Онъ и въ мірѣ, и въ жизни его все приводящій въ движеніе. Жизнь Божія—всюду. Нельзя всего объяснить „изъ предшествующей ступени“. Смерти Богъ не сотворилъ. Грѣхопаденіе, смерть и страданія—не отъ Бога, не дѣло Божіе, такъ какъ человѣкъ есть Божіе созданіе и Божій образъ. Отсюда христіанская религія открываетъ намъ, въ цѣпи Божіихъ предначертаній, *таинство страданія* и совершеннаго освобожденія отъ него чрезъ Христа-Богочеловѣка, силою Своею животворящаго мертвыхъ,

1) Въ указанной статьѣ въ „Русск. Вѣстникѣ“, стр. 50.

т. е. оживляющаго и тѣло человѣка, это „міровое вещество и протяженную дебелисть“. Христіанство—это евангельская проповѣдь о новомъ спасеніи во Христѣ-Богочеловѣкѣ чрезъ религіозное „общеніе Божія воплощенія и Божіихъ страданій“ (св. Григорій Богословъ). Отсюда цѣль его—бодрость жпзни, духовное блаженство. И во всемъ этомъ христіанская религія „вошла въ міръ весь“ ради имени Христа, Бога—Слова, „не взявши ничего отъ язычниковъ“ (2 Іоан. 7; Рим. 11, 24), т. е. отъ языческой религіозной жизни и философскаго сознанія¹⁾. Поэтому, христіанская Церковь неуклонно устремляетъ весь взоръ и всю жизнь человѣка къ Богу, повелѣвающему солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылающему дождь на праведныхъ и неправедныхъ“ (Мат. 5, 45). „Взгляните на птицъ небесныхъ, питаемыхъ Отцомъ небеснымъ“, „посмотрите на полевыя лиліи“, „душа больше пищи, и тѣло одежды“, „ищите царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ“ (Мат. 6 гл. въ концѣ). Всѣ страницы Евангелія дышатъ полнотою религіозной жизни, Христовымъ упованіемъ, радостью, блаженствомъ (Мат. 25, 21; Лук. 2, 10; Іоан. 3, 29; 15, 11; Іоан. 1, 4; 5, 24—25). Евангелистъ и апостоль Іоаннъ Богословъ видѣлъ въ видѣніи: „и вотъ, престолъ стоялъ на небѣ, и на престолѣ былъ Сидящій; и сей Сидящій видомъ былъ подобенъ камню яспису и сардису; и радуга вокругъ престола, видомъ подобная смарауду“ (4, 2—3). Мракъ, дряхлость, гніеніе, смерть, „холодъ небытія“, томленіе, тоска, „дьявольское самоупоеніе“—все это внѣ круга Евангелія, расторгнуващаго „мглу язычества“, все отдаващаго Богу, все приводящаго къ присноживущему Христу, „доколь не окончатся времена язычниковъ“ (Лук. 21, 24).

¹⁾ Здѣсь мы должны отмѣтить одну существенную во взглядѣ уважаемаго г. Меньшикова ошибку въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ, будто „христіанство первыхъ вѣковъ *цѣликомъ* вышло изъ эллинской цивилизаціи, изъ благороднѣйшихъ ея стихій“ и будто „то, что въ язычествѣ жизненно и свято, то все вошло въ христіанство“ (№ 9516 „Нов. Вр.“). Не наоборотъ ли? Съ переходомъ въ христіанство язычники „отсѣкались отъ дикой *по природѣ* маслины и *не по природѣ* (а по благодати) привились къ хорошей маслинѣ“ (Рим. 11, 24), т. е. къ христіанской Церкви. Вотъ почему христіанство „ничего не заимствовало изъ языческой религіи“ (2 Іоан. 7). Вотъ гдѣ разгадка вопроса о „взаимодѣйствіи язычества и христіанства!“

Обвиняя христіанство въ религіозной примрачности, В. В. Розановъ постоянно и категорически говоритъ, что христіанство разработало только „культъ смерти“, а не рожденія и рождаемости, оставленныхъ въ странномъ забытіи, въ „гробовомъ молчаніи“. Отсюда и „сѣроватый цвѣтъ“ христіанства у г. Розанова, какъ образующійся изъ смѣси бѣлаго и чернаго; ибо жизнь и смерть не имѣютъ ничего средняго между собою. Но откуда эта напраслина на христіанство?—Отъ особаго „угла зрѣнія“, отъ непріязненнаго отраженія духовной и тѣлесной красоты христіанства въ „философскомъ зеркалѣ“ В. В. Розанова. Но христіанское Евангеліе—это всемірная „книга боговоплощенія и вочеловѣченія Иисуса Христа, Сына Божія“ (Марк. 1, 1; Мат. 1, 1). Рождество Христово—это вѣчная тема христіанскаго искусства. Иконы изъ исторіи дѣтства, отрочества и юности Христовой всѣмъ извѣстны изъ церковной живописи. Въ христіанскомъ культѣ—*крещеніе младенцевъ* первое таинство. Дѣти—первые члены Церкви Христовой. И какъ прекрасенъ и умилителенъ „церковный чинъ“ крещенія и воцерковленія младенцевъ для „избѣжавшихъ утѣхъ обманчиваго міра“, для узрѣвшихъ въ церкви богочеловѣческую красоту Жениха-Христа и „пріобщившихся горнихъ таинствъ“ (выраженіе св. Григорія Богослова)! Вотъ „золотая купель“, горящія свѣчи, еиміамъ, священнослужители въ ризахъ, бѣлыя пелены, золотой крестикъ для младенца, лежащаго на рукахъ воспріемниковъ (по причинѣ болѣзни матери), радостное пѣніе „елицы во Христа креститесь“, крестный ходъ вокругъ купели, цѣлованіе всѣми „новопросвѣщеннаго“, маленькія дѣти, тутъ же присутствующія, особенно если семья большая (напр., патріархальная купеческая или священническая, или дворянская); затѣмъ, принесеніе младенца въ церковь, священникъ, какъ старецъ Симеонъ, держащій младенца, внесеніе въ алтарь (если дитя мужскаго пола) и положеніе его предъ „царскими вратами“,—какая это величественная картина, никогда непомеркающая! Ничего подобнаго въ языческихъ культахъ Діаны (въ Греціи), Астарты (въ Финикіи), Милитты (въ Вавилонѣ), Изиды (въ Египтѣ). Христіанская Церковь, какъ чадолюбивая мать (Псал. 112, 9), несетъ въ своихъ пречистыхъ объятіяхъ дѣтей и приводитъ ихъ ко Христу, чтобы онъ „возложилъ

на нихъ свои руки и благословилъ ихъ“ (Марк. 10, 16). „Кто приметъ одного изъ дѣтей во имя Мое, тотъ принимаетъ Меня, а кто Меня приметъ, тотъ не Меня приметъ, но пославшаго Меня“ (Мат. 9, 37). Христіанство это—религія младенчества, дѣтства, супружества, семьи, въ которой „корень святыхъ“ и „корень богоугоднаго дѣвства“ (св. Григорій Богословъ)—Служеніе Богу въ христіанскомъ бракѣ—это чистота, нераотлѣнность, цѣломудріе, свѣтлость жизни супружеской, чуждой „раболѣпства плотскаго похотѣнія“. Библейскіе образы этого: праотець Адамъ въ раю, великій Моисей на горѣ Синаѣ, отецъ Предтечи—священникъ Захарія на службѣ во храмѣ. Если и можно говорить о различномъ отношеніи христіанства къ „культу рожденія“, т. е. къ жизни, и къ „культу смерти“, то это различіе въ предметахъ одного и того же пресвѣтлаго религіознаго отношенія. Различныя „факты бытія“ человѣческаго—особый и колоритъ религіознаго устремленія къ этимъ фактамъ, но во всякомъ случаѣ не противоположный, не такъ, какъ оптимизмъ и пессимизмъ, Богъ и маммона, Христосъ и вѣліарь, храмъ Божій и идолъ, вѣра и невѣріе, праведность и беззаконіе, свѣтъ и тьма. Скорѣе рѣчки потекутъ вверхъ и огонь прійметъ направленіе противоположное обычному своему стремленію, нежели христіанство, непрестанно радующееся „радостію Христовою“ (Іоан. 15, 11), станетъ религіозно-философскимъ оправданіемъ и извиненіемъ „языческаго невѣдѣнія“ истинны жизни. Поэтому мы смотримъ и на „казуистическій вопросъ“ г. Розанова: „что найдетъ въ храмѣ юный для особыхъ задачъ юности, для бодрости, труда, для способности любить и героическаго предпріятія“, — какъ на насмѣшливый lapsus linguae, либо какъ на печальное недоразумѣніе, если принять во вниманіе невыносимую утрировку въ его странномъ отвѣтѣ: „ничего, кромѣ совѣта о уподобленіи старцу, меньше ѣсть; отнюдь не трудиться (?), ничего не задумывать и плакать о грѣхахъ“¹⁾. Если подъ молодыми людьми разумѣются у г. Розанова „фригійскіе юноши, участвующіе въ пиршествахъ языческихъ боговъ и въ развратномъ видѣ подающіе имъ сладкій нектаръ“, то это такъ; но если это боголюбивые

¹⁾ См. статью въ „Новомъ Времени“: „Въ чемъ разница древняго и новаго міровъ“ (№ 9527).

юноши, подающіе добрые признаки благонравія, „*пророческуюшіе, видящіе видѣнія*“ (Дѣян. 2, 17; Іоиль 2, 28—32), то это сущая неправда; ибо „левъ видѣнъ по когтямъ“...

Религіозныя темы—великое знаменіе нашего времени. И дай Господи! Этому должно только радоваться. Если прекрасный цвѣтъ—румянецъ стыдливости, то и умныя бесѣды по религіознымъ вопросамъ—долгъ совѣсти. Но тутъ нѣтъ мѣста для отчаянной апологіи языческой религіозности, да еще *вопреки* христіанству. Бисеръ не бросають въ грязь (Мат. 7, 6). Солнечный лучъ вреденъ для больныхъ глазъ, твердая пища—для кушающихъ одно молоко (Мат. 11, 25; 1 Кор. 14, 20; 1 Петр. 2, 2; 1 Кор. 3, 2). Свѣтъ дается для жизни; истина награждается правдой жизни. Таково отношеніе язычества къ христіанской религіи. Тутъ нѣтъ исключеній; „*tertium non datur*“. Язычество—это древній, много-составный, являющійся людямъ въ „религіозномъ свѣ“ кумирь,—сначала золото, потомъ серебро, мѣдь, желѣзо, потомъ попираемый ногами черепокъ (языческая археологія). Онъ уже сокрушенъ „*камнемъ нерукотвореннымъ, драгоценнымъ, избраннымъ, положеннымъ въ Сіонъ*“ (1 Петр. 2, 6; Еф. 2, 20). Хотя это для язычниковъ—„камень претканиа и соблазна“, но онъ „*глава угла*“ (краеугольный), и „*вѣрующій въ Него не постыдится*“ (Исаія 28, 16). Какая надобность усиленно поднимать эти черепки упавшаго и разбившагося идола“ и философски подкрашивать и золотить. Зачѣмъ неистово кричать, какъ кричали дикіе кіевляне: „выдыбай, боже!“ Жизнь и безъ того окружена бѣдствіями и „страхованіями“, какъ роза, ненавистными и колючими шипами. Всѣ и безъ того готовы на грѣхъ. Потокъ самъ льется къ скату. Язычество это страшно тяжелое тѣло, само стихійно стремящееся къ землѣ, и душу человѣка насильственно влекущее книзу. Это омраченіе и ослѣпленіе чувствъ, когда душа не управляется разумомъ, внутреннимъ, безграничнымъ зрѣніемъ.

Если когда, то особенно въ наше время менѣе всего нужно „истинное ученіе“ (въ духъ и по формулѣ Цельса) язычества. Необходима всего болѣе самая широкая чисто-православная миссія христіанства. Всюду она нужна и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ литературѣ, и въ жизни во всѣхъ сторонахъ ея. Это истинная задача нашей эпохи: сохранить среди современныхъ терзаній, слезъ и рыданій

истину Христову, истину Его Бого-человѣчества, сохранить въ духѣ пророчественномъ на „богопріимной трапезѣ“ въ церкви православной, въ народѣ, въ этомъ великомъ собраніи истинныхъ богочтителей. Сюда должны быть устремлены всѣ лучшія силы нашихъ писателей, философовъ, публицистовъ, художниковъ, общественныхъ дѣятелей. Здѣсь ихъ слава и вѣнцы, или судъ и страхъ. Господствующій нынѣ въ европейской философской литературѣ миѳъ о „воскресшихъ богахъ“ (у насъ, у Д. С. Мережковского) — это богоубійственное ученіе, развѣкающее Бого-человѣчество Христово, это религіозный регрессъ, богоборное *отступленіе* (2 Тес. 2, 2). Противъ этого вопіющая нужда — возвысить всюду убѣжденный гласъ и могущественный „рогъ помазаннаго“ (см. 2 Кор. 1, 21). Современная „языческая древность“ должна быть опять побѣжденною истиннымъ знаніемъ религіозной жизни въ христіанствѣ, „радующемся о братьяхъ изъ язычниковъ“ (Дѣян. 15, 23), а не излишнимъ пониманіемъ языческой религіозности. Въ нашъ научно-просвѣщенный вѣкъ надежда на язычество должна для всѣхъ разумныхъ людей звучать *анахронизмомъ*.

Мы окончили рядъ нашихъ религіозно-философскихъ мыслей по вопросу объ отношеніи язычества къ христіанству. Съ внутренней тяготой, трепетаніемъ сердца, съ „тайною въ сердцѣ печалью“ мы писали это письмо, а окончили съ облегченіемъ совѣсти. У насъ была единственная цѣль — „разсудить прю“ (Пс. 42, 1), поднятую многими изъ современныхъ писателей съ гнѣвомъ на христіанство и съ мстительными мольбами къ „отжившему свой вѣкъ“ язычеству. Мы домогаемся не „кипѣнія страстей“ и побѣды, а возвращенія братьевъ — писателей къ истинному познанію „Божіей свѣтлости“ въ христіанской религіи, разлука съ которыми терзаетъ насъ. Но здѣсь нужны не „тирренскія трубы“, а искренность и возвышенность религіознаго настроенія, благородство и высота мыслей, проясняющихъ и лица и сердца. Здѣсь мѣрой „свободныхъ рѣчей“ о религіи должна служить самая дѣйствительность „кроткаго и смиреннаго сердцемъ“ (Мат. 11, 29) Христа-Человѣколюбца и Бога, живущаго въ церкви своей, которой Онъ Самъ „далъ власть надъ язычниками“ (Апокалипс. 2, 26).

Священникъ Іоаннъ Филевскій.

П. Д. Боборыкинъ и русское сектантство ¹⁾.

IV.

ВЪ ЛАГЕРЯ *церковныхъ* (православныхъ), выведенныхъ Боборыкинымъ въ его повѣсти, „Исповѣдники“ не симпатично очерчены *эксперты* по сектовѣдѣнію.

Усиленная пропаганда сектантства и отторженію православныхъ отъ Церкви заставило встрепенуться и Церковь и государство. Государство съ своими охранительными средствами по отношенію къ господствующей религіи пришло на помощь Церкви. По требованію закона возникъ цѣлый рядъ уголовныхъ противосектантскихъ процессовъ, подводимыхъ подъ статью объ *оказательствѣ*. На судѣ понадобились эксперты, т. е., люди науки, знатоки сектантства. Ихъ роль—разъяснить суду сущность того или другого, смотря по дѣлу, сектантскаго движенія и указать вредъ его для Церкви и государства. Боборыкинъ въ своей повѣсти не могъ, какъ и слѣдовало ожидать, отнестись къ экспертамъ безпристрастно и изобразить ихъ дѣятельность объективно. Выводить онъ двухъ представителей экспертизы: одного петербуржца, въ вагонѣ желѣзной дороги возвращающимся въ столицу изъ командировки въ Нижній Новгородъ по сектантскимъ дѣламъ; а другого провинціала на судѣ, при исполненіи обязанностей.

Первый обрисовывается такими чертами: брюнетъ, высокаго роста, въ золотыхъ очкахъ, съ семинарскимъ аканьемъ, произноситъ слово *экспертъ*, „какъ и всѣ такіе господа“, съ удареніемъ на первомъ слогѣ; посѣщаетъ столичныя собранія, когда тамъ бывають доклады по вопросамъ о сектантствѣ; держится такого взгляда на сектантство (разумѣи штунду), что *русскаго баптизма* нѣтъ и эту тенденцію прово-

¹⁾ См. „Мисс. Обзор“. Ноябрь 1902 г., стр. 580—599.

дить настойчиво на судѣ; присяжныхъ засѣдателей старается настроить въ тенденціозномъ духѣ противъ подсудимыхъ своими разъясненіями сущности лжеученій, ведущихъ прямымъ путемъ къ ниспроверженію всѣхъ государственныхъ устоевъ; благодаря своимъ стараніямъ пробуждаетъ въ присяжныхъ настоящее рвеніе; когда „мужички“ „закатываютъ“ сектантовъ, онъ безконечно торжествуетъ; и настаиваетъ на томъ, что наше законодательство по отношенію къ сектантамъ нуждается въ нарочитомъ узаконеніи („Вѣстн. Евр.“ I кн., стр. 69—72). Всѣ эти разсужденія и дѣйствія столичнаго эксперта авторъ освѣщаетъ подъ угломъ зрѣнія главнаго дѣйствующаго лица, комми-воаяжора по сектантскимъ дѣламъ Булашова!

Второго эксперта—провинціала мы видимъ фигурирующимъ на судѣ. Онъ свою экспертизу облачаетъ въ цѣлую рѣчь, и говоритъ онъ, какъ хорошо подготовившій лекцію преподаватель, не торопясь, мѣстами точно прочитывая по тетрадкѣ, свѣтскимъ тономъ, но съ разными словами и интонаціями, обличающими мѣсто его научной выучки, съ южнымъ гортаннымъ „г“. Сущность своей рѣчи онъ сводитъ къ доказательству, что русскаго баптизма наука не знаетъ, потому его и нѣтъ; съ этой цѣлью онъ сообщаетъ исторію происхожденія сектантскаго движенія—штундизма, раскрываетъ процессъ его формированія и указываетъ существенныя отличія баптизма нѣмецкаго отъ штундизма. Въ заключеніе своей рѣчи онъ находитъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ по отношенію къ интеллигенціи, своимъ сочувствіемъ оказавшей штундизму болѣе существенную поддержку, чѣмъ даже баптизмъ.

Боборыкинъ, заставивъ эксперта ораторствовать на судѣ, выставилъ его довольно таки въ смѣшномъ видѣ, какъ бы бравирующимъ своею ученостью, потому не къ мѣсту и разлагающимъ исторію штундизма, „начиная отъ Өомы Мюнстера до обоихъ пасторовъ Бенекемпферовъ включительно, и будтобы для вящей полноты перечисляющимъ по именамъ всѣ баптистическія заграничныя секты! Устами Булашова онъ осудилъ и самый способъ веденія экспертизы, назвавъ ее „полицейскимъ разбирательствомъ“, выходящимъ за предѣлы установленныхъ правилъ.

Небезынтересно также взглянуть, какъ сами сектанты относятся къ экспертамъ.

Когда экспертъ доказывалъ, что „русскихъ баптистовъ“ нѣтъ, а есть только чехи, нѣмцы и вообще иностранцы, подсудимые переглянулись, и портной (вожакъ) пожалъ плечами, поглядѣвъ вбокъ на защитниковъ, какъ бы желая сказать:

— А мы-то кто же? Чухны что ли? („Вѣстн. Евр.“, III кн. 91—92 стр.). Картинка очень забавная и нелишенная смысла, но крайне тенденціозная! Мысль, которую она воплощаетъ въ себѣ, представляется намъ абсурдной до курьезности. Само собою разумѣется, что наши сектанты—не чухны. Да и кто же могъ бы высказывать такую дикую мысль! Здѣсь рѣчь идетъ не о народности сектантовъ, а объ источникѣ происхожденія сектантства: откуда у насъ, на Руси, появился штундизмъ (баптизмъ); есть ли онъ самобытное явленіе на русской почвѣ или привнесенное совнѣ? И только.

Насколько тенденціозенъ и здѣсь г. Боборыкинъ, безпристрастный читатель самъ рѣшитъ этотъ вопросъ...

V.

Параллельно съ современными религіозными движеніями въ народѣ Боборыкинъ изображаетъ въ своихъ „Исповѣдникахъ“ теченіе съ такимъ же отгѣнкомъ въ высшихъ, по преимуществу столичныхъ, слояхъ общества.

Въ послѣднее десятилѣтіе декадентство въ области искусства завоевало себѣ довольно видное мѣсто: проникло оно въ поэзію и литературу; въ живопись, архитектуру и технику; изъ области искусства оно перешло въ область религіи—явилось *мистическое декадентство съ чисто религіозной окраской*, такъ называемое — *эстетическое богоискательство*. Мистики—эстеты, какъ и слѣдовало ожидать, имѣютъ свой культъ и выработали себѣ *мажровое credo* (В. Евр. II, 495 стр). Въ чемъ—же сущность этого эстетическаго богоискательства? Красота—альфа и омега этого культа. Эстеты, возведя красоту въ полуязыческій культъ, считаютъ себя призванными „возродить“ все русское общество, а потомъ и весь міръ... Они объявляютъ себя преисполненными высшей мистики,— и для нихъ должно произойти великое сліяніе тѣла и духа, Христа и антихриста (В. Евр. III, 37). Они держатся идеи

объ исконной борьбѣ сатанинскаго элемента съ божественнымъ и, по ихъ мнѣнію, вся тайна бытія состоитъ въ этой-то именно борьбѣ, которая, на высшихъ ступеняхъ развитія, перейдетъ въ сліяніе добра и зла, въ нѣчто нераздѣльное, богоподобное! Со своимъ культомъ красоты они, желая избѣжать гибели и достигъ блаженства, кощунственно играютъ идеей Высшаго Существа и великой тайной бытія (ibid., II 496, III, 51). Высшая мистика у нихъ связывается, по необходимости, съ красотой; главную роль у нихъ играетъ настроеніе; отсюда у нихъ жажда тайны, стремленіе ко всему таинственному; упоеніе красотой мистики и трепеть чувства, тяготѣющаго ко всему мистическому. Священное Писаніе они понимаютъ въ мистическомъ только смыслѣ; на примѣръ, — въ такомъ смыслѣ они трактуютъ гибель Садома и Гоморры. Исключительное вниманіе они удѣляютъ Апокалипсису, рассматривая его, какъ родъ великолѣпной поэмы, и сравнивая его съ трагедіями Эсхила и Софокла; при чтеніи его, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ символѣ и образѣ они стараются усматривать нѣчто мистическое, потому отдѣльныя слова и выраженія Апокалипсиса повергаютъ ихъ въ трепеть и заставляютъ чувствовать *красоту ужаса*. Для эстетовъ жить въ мірѣ самыхъ глубокихъ образовъ, какіе даетъ Апокалипсисъ, — высшее счастье! По ихъ взглядамъ, успѣхи техники и точныхъ наукъ — ничто предъ міровой тайной и выше всего человѣкъ чувствуетъ себя — когда въ душѣ его трепещетъ это чувство! Видимая, осязательная жизнь для нихъ не имѣетъ значенія, — для нихъ цѣнны только настроенія, полеты въ надчувственную область и стремленіе разрѣшить вопросъ, что такое „я“ предъ безконечной, окружающей насъ предвѣчной тайной (В. Ер. II, 489).

Декаденты — богоискатели, конечно, имѣютъ свои собранія, гдѣ обсуждаютъ интересующіе ихъ вопросы, читаютъ и толкуютъ Апокалипсисъ и перелагаютъ цѣлыя главы и даже отдѣлы его въ сладкозвучныя рѣмы, проникаясь при этомъ сладостнымъ трепетомъ и красотой ужаса...

Декадентское богоискательство, возводя все къ своему внутреннему чувству, къ полету въ надчувственные міры, относясь къ живой дѣйствительности съ безразличіемъ и не преслѣдуя никакихъ нравственныхъ цѣлей, притягательно дѣйствуетъ на умы нашей интеллигенціи и имѣетъ не мало

послѣдователей среди высшаго общества нашихъ обѣихъ столицъ.

Это эстетическое богоискательство, сочиненное эстетами какъ будто бы для возвеличенія самихъ себя, однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ повѣсти (Костровинымъ), представителемъ иного міровоззрѣнія, осуждено безповоротно и признано „исчадіемъ великаго зла, надѣвшаго на себя личину служителей Божественнаго блага. Потому-то эти эстеты и носятся съ антихристомъ, что въ нихъ самихъ проявились первые признаки его царства на землѣ“ (ibid. III, 38).

Боборыкинъ изобразилъ психологію эстетовъ—богоискателей, а также типическія черты и едва уловимые оттѣнки этого своеобразнаго сектантства художественно и весьма интересно и ввелъ читателя, съ опытностью тонкаго наблюдателя, въ самую сущность этого явленія. Страницы „Исповѣдниковъ“, трактующія объ эстетическомъ богоискательствѣ, представляютъ собою самыя занимательныя мѣста въ повѣсти. Въ этихъ мѣстахъ повѣсти Боборыкинъ является настоящимъ художникомъ. — На почвѣ мистическаго декадентства и разыгралась драма, составляющая главный гвоздь повѣсти.

Сущность этой драмы такова.

На сцену выводится супружеская чета Костровиныхъ. Павелъ Алексѣевичъ Костровинъ — коренной москвичъ и постоянный житель Москвы, съ высшимъ образованіемъ, товарищъ по Петровско-Разумовской академіи Булашова и пріятель его, свободный мыслитель, съ хорошими средствами и нигдѣ, конечно, не служить; до женитьбы былъ уравнивающимъ человѣкомъ. Женитьба же выбиваетъ его изъ колеи.. Состоя при женѣ, онъ не находитъ для себя полного удовлетворенія въ ней, не смотря на то, что она—незаурядная особа. Ина Николаевна, такъ зовутъ жену К-на, не безъ дарованій и занимается поэзіей, по міровоззрѣнію—декадентка и проповѣдуетъ или, лучше сказать, играетъ въ модный мистическій символизмъ. Какъ поэтъ—декадентъ, она убѣждена, что никакой поэзіи не можетъ быть безъ мистики. Мистика же ея—не мрачная, не изувѣрская, но вся соткана изъ прекрасныхъ образовъ, не связана ни съ какимъ клерикализмомъ и не ограничена никакими рамками неподвижныхъ догматовъ и уставовъ, благословеній и проклятій. Всю по-

эзію и высшій смыслъ жизни она полагаетъ въ рѣшеніи вопросовъ—о своемъ „я“ и его отношеніи къ безконечному, окружающему насъ тайной; проникаясь красотой, она взлетаетъ въ надчувственные міры. Для нея имѣютъ цѣну не реальныя явленія, а личныя настроенія,—высшіе символы и витанія въ надчувственныхъ мірахъ. Какъ „индивидуалистка“ (она не перевариваетъ слова „декаденты“) она любитъ оригинальность и во внѣшней обстановкѣ. Оригинально она обставила и свою комнату: въ ея комнатѣ нѣтъ свѣта; обтянута она чернымъ атласомъ съ арабесками; освѣщается сверху электрической грушей въ видѣ чего-то таинственнаго.—Но Москва не удовлетворяетъ Ину Николаевну: тамъ она не находитъ подходящихъ людей; ее тянетъ въ Питеръ.

Отъ жены своей Костровинъ заражается различными вопросами, теряетъ душевное равновѣсіе и является висящимъ въ пустомъ пространствѣ и „взыскующимъ“. Мистика Ины Николаевны не нравится ему, не можетъ онъ примкнуть къ ея кружку и быть послѣдователемъ ея *credo*, хотя она и не настаиваетъ на этомъ. Видя его шатаніе изъ стороны въ сторону, его неудовлетворенность и угнетенное по временамъ состояніе его духа, Ина предлагаетъ ему, чрезъ его пріятеля Булашова, выбрать себѣ вѣру по душѣ и выработать свое *credo*. Но всѣ эти затѣи не приводятъ къ желаннымъ результатамъ.

Далѣе—мы видимъ Костровинныхъ въ Питерѣ. Питеръ производитъ не одинаковое впечатлѣніе на обоихъ супруговъ. Здѣсь Ина Николаевна находитъ для себя подходящій воздухъ и поле для своей дѣятельности и общество согласно своимъ вкусамъ и убѣжденіямъ. Здѣсь она чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ. Сводитъ знакомство съ декадентами—индивидуалистами или эстетамі—богоискателями; устраиваетъ у себя пріемы и собранія кружка своихъ единомышленниковъ. И жизнь ея здѣсь течетъ вполне согласно съ ея идеалами и вкусами! Просвѣтителемъ ея по всѣмъ статьямъ эстетическаго богоискательства является архи-декадентъ поэтъ Кублицкій,—и, подъ непосредственнымъ его руководствомъ, она вся уходитъ въ чтеніе Апокалипсиса, изясненіе таинственныхъ мѣстъ и переложеніе въ стихотворный ритмъ цѣлыхъ главъ изъ этой таинственной книги. И этотъ Кублицкій, худощавый блондинъ, съ безкровнымъ лицомъ,

съ затуманеннымъ взглядомъ блѣдно-сѣрыхъ глазъ и широкими вѣками, съ длинными волосами и въ длиннѣйшемъ сюртукѣ — чистѣйшій декадентъ даже по внѣшнему виду, блестяще выполняетъ свою роль: вводитъ Иву Николаевну въ самую сущность Апокалипсиса и раскрываетъ предъ ней всю *глубину* этого чуднаго видѣнія и *красоту ужаса!* Какъ и слѣдовало ожидать, въ толкованіяхъ его какъ Апокалипсиса, такъ и другихъ книгъ св. Писанія преобладаетъ мистицизмъ.

По его толкованію, въ грѣхѣ, за который небесный огонь пожрала Содомъ, *таится какой-то мистическій элементъ* (В. Евр. III к., 38 стр.). Костровина не на шутку увлекается эстетическимъ богоискательствомъ и даже мечтаетъ читать Апокалипсисъ по гречески. Эти модныя занятія наполняютъ все ея время и она чувствуетъ себя на верху блаженства..

Не таково настроеніе ея супруга—Паша Костровина..

Въ Петербургѣ, гдѣ столько разнообразныхъ развлеченій, ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ и удобствъ жизни, Костровинъ чувствуетъ себя совсѣмъ плохо, хуже—чѣмъ въ Москвѣ. Собранія эстетовъ въ его квартирѣ его только раздражаютъ. Здѣсь, въ Питерѣ, нѣтъ московской атмосферы, и онъ готовъ превратиться въ *нытика*. Поѣздка его въ глушь, въ сектантскія мѣстности, съ коммивояжеромъ Булашовымъ, взявшимъ на себя трудъ развлечь своего пріятеля и натолкнуть его на путь свободнаго выбора своего *credo*, не только не принесла пользы, но вызвала въ его душѣ еще большее смятеніе и еще большую неудовлетворенность! Безрезультатнымъ оказалось также его посѣщеніе петербургскихъ сектантовъ. Оказывается, что нигдѣ онъ не могъ найти того, чего взыскуетъ его духъ. Ему не понравились ни молокане съ своей крайней сухостью и отсутствіемъ всякой обрядности; ни баптисты (штундисты) съ ихъ ученіемъ о спасающей всѣхъ крови Иисуса Христа, съ ихъ горделивою святостью, ни пашковцы съ ихъ вѣрой во всеоправдывающую и спасающую благодать. Знакомство съ толстовствомъ, въ лицѣ Топоркова, не только не удовлетворило его, но и вызвало въ немъ цѣлую бурю волненій и негодованій и перенесло его мысли къ религіознымъ впечатлѣніямъ лучшей поры его жизни—дѣтства.

Когда Костровинъ доходитъ до такой кульминаціонной точки шатанія въ своемъ міровоззрѣніи, его постигаетъ тя-

желый нравственный ударъ. Архи-декадентъ Кублицкій, усматривающій въ грѣхѣ Содомлянъ мистическій элементъ и витающій въ области теоретическихъ толкованій чудесной поэмы (Апокалипсиса) и тѣмъ увлекающій Костровину, переходитъ на практическую почву въ своихъ къ ней отношеніяхъ: онъ ее соблазняетъ, — и она самымъ наглымъ образомъ обманываетъ своего мужа! Костровинъ, на глазахъ котораго разыгрывается любовная сцена между его женой и Кублицкимъ, тяжело потрясенъ; всю тяжесть своего несчастья онъ переживаетъ своимъ нутромъ и вынашиваетъ свое горе въ теченіе мѣсяца въ своей душѣ. Въ теченіе этого трагическаго періода времени въ лабораторіи его души происходитъ цѣлый переворотъ: религіозныя впечатлѣнія дѣтства берутъ перевѣсъ надъ всѣми его колебаніями и сомнѣніями, производятъ переполохъ въ его душѣ и возвращаютъ его на правый и истинный путь. Въ трудныя и горестныя минуты своей жизни ѣдетъ онъ въ извѣстную часовню, тамъ онъ подкрѣпляетъ себя молитвой у св. иконы, чтимой вѣрующимъ народомъ, и находитъ успокоеніе въ той мысли, что это крестъ въ его жизни, ниспосланный ему Богомъ и ведущій ко спасенію...

Безспорно, самымъ тяжелымъ моментомъ въ этой драмѣ нужно признать объясненіе Костровина съ женой. Жена отнеслась къ словамъ своего мужа съ чистѣйшимъ декадентскимъ безразличіемъ, не обнаруживъ ни малѣйшаго укола совѣсти, прикрываясь громкими фразами о свободѣ и о „своихъ правахъ“; при этомъ совѣтуетъ мужу переимѣнить взглядъ на бракъ, какъ на таинство, держаться принциповъ полной свободы, нисколько не стѣснять другъ друга и играть роль пріятели, имѣющаго на нее супружескія права. Придя къ той мысли, что ложью мы всѣ пропитаны отъ головы до пятокъ и что въ каждомъ изъ насъ сидитъ звѣрь, Костровинъ рѣшилъ бѣжать изъ міра сего, бѣжать отъ наущеній духа тьмы и отъ его адскихъ замысловъ. Онъ разстается съ міромъ и уходитъ на Аeonъ! Уходитъ, какъ братъ, все прощая своей женѣ; но дать ей свободу съ грязью и клятвопреступленіемъ онъ не можетъ. — И на фонѣ эстетическаго богоискательства предъ нами встаетъ во всемъ величіи, въ лицѣ Костровина, типъ истиннаго „исповѣдника“!

Весь трагизмъ положенія Костровина — его душевная борьба, анализъ и самоуглубленіе въ себя самого, его „самоугрызения“ изображены Боборыкинымъ весьма тонко, мастерскою рукою и вполне художественно; безспорно—эти самыя лучшія страницы въ повѣсти. Но авторъ не смогъ удержаться отъ увлеченія своею тенденціозностью и, при изображеніи типа „православнаго исповѣдника“, не выдержалъ до конца объективнаго стиля. Съ того момента, какъ Костровинъ прѣшилъ уйти изъ міра сего и въ тиши аеонской келии искать себѣ спасенія, Боборыкинъ по отношенію къ нему сразу мѣняетъ свой фронтъ и устами Булашова трактуетъ его какъ заживо погребеннаго, издающаго уже зловоніе мертвеца. Между тѣмъ какъ для безпристрастнаго взгляда въ образѣ Костровина выступаетъ во всемъ величїи православный исповѣдникъ, добровольно взявшій на себя крестоношеніе и отважившійся на высокій духовный подвигъ отреченія отъ міра.

Боборыкинъ сталкиваетъ своихъ героев—Булашова и Костровина въ Одессѣ, предъ отъѣздомъ послѣдняго на Аeonъ. Между прїятелями происходитъ разговоръ, изъ котораго видно, какой глубокой переверотъ произошелъ въ душѣ Костровина. Костровинъ обращается къ Булашову съ такими глубоко-прочувствованными, глубоко-содержательными и назидательными словами:

— Это не увеселительная поѣздка, другъ. Все равно, что проѣхаться въ Римъ на Святую... или въ Ниццу, что-ли, на карнавалъ. Съ чѣмъ поѣдешь-то? Съ какимъ душевнымъ добромъ? Припомни!.. Гоголь много лѣтъ собирался и готовилъ себя...

— Помолчавъ, онъ спросилъ:

— Ты какъ на него смотришь... на того *внутренняго* чело-вѣка, котораго онъ въ себѣ воздѣлывалъ? Неужели... такъ, какъ мы когда-то, начитавшись писемъ Бѣлинскаго, — всѣ смотрѣли? Изувѣръ, иллюминатъ, презрѣнный ханжа, психопатъ! Неужели и теперь ты такихъ же взглядовъ?

— Искренность его я допускаю...

— Только и допускаешь, что искренность? А для меня это—великая страница въ жизни русской души. И вотъ что я скажу тебѣ, Викторъ... безъ того... якобы удара, который она (жена) мнѣ нанесла, я и теперь бы бродилъ во тьмѣ...

А если ее озарить тотъ же свѣтъ и укажетъ ей всю глубину чисто-человѣческаго зла, которымъ всѣ мы преисполнены — Господь поведетъ ее по той-же стезѣ.

— Но если я ее увижу, и она спроситъ меня о тебѣ?

— Что же скрывать? Скажи: что ты видѣлъ и что слышалъ отъ меня. Знаешь: расторгнуть бракъ, какъ это теперь дѣлается—я не могу!.. И она это знаетъ. Пускай меня осуждаютъ... Ты врядъ-ли осудишь... Пройдетъ годъ, другой. Она еще молода. Кандидатъ Павелъ Алексѣевичъ Костровинъ исчезъ... Есть такой законъ о безвѣстномъ отсутствіи. А то, что я дѣлаю... наши предки исполняли какъ нѣчто обычное. Припомни... даже и цари предъ смертью принимали схиму. А ежели одинъ изъ супруговъ хотѣлъ дать свободу другому, то шелъ въ обитель, постригался...

— Не мужъ во мнѣ дѣйствуетъ, а рабъ Божій, чающій своего духовнаго воскрешенія. И русскіе люди когда-то принимали схиму... предъ оставленіемъ земной жизни. И я—такой же русскій человѣкъ, хотя и конца XIX вѣка—дерзновеннаго отрицателя всякаго откровенія — предъ переходомъ въ иную духовную жизнь (В. Евр. IV к., стр. 467—468).

Булашовъ не сталъ оппонировать Костровину, считая это бесполезнымъ. У него въ головѣ мелькнула мысль,—и онъ сравнилъ Костровина съ окружающей жизнью. И что же? Отъ него пахнетъ разлагающимся трупомъ: онъ — живой мертвецъ.

„Но всѣ эти русскіе простые люди (читай—сектанты), съ сѣвера и юга—всѣ они живутъ на міру, держатся за свой бытъ, работаютъ и наживаютъ копѣйку на черный день—немыслимы внѣ своей общины, своего „согласія“, хотя и стремятся къ личному искупленію, къ личной святости.

„Они всѣ дышатъ жизнью и никуда не уйдутъ по доброй волѣ отъ земной доли. И умирать будутъ „на міру“.

„А отъ его пріятеля идетъ дуновение заживо погребеннаго человѣка. Онъ бѣжитъ отъ людей, отъ всего, что связано съ радостями и печалями, подвигами и усиліями человечества, — какъ оно сложилось, въ самыхъ своихъ высшихъ сферахъ, къ началу двадцатаго вѣка.

„Міръ во злѣ лежитъ!“ шепчутъ уста изувѣра, и онъ самъ считаетъ себя сосудомъ дьявольской скверны и только

въ умерщвленіи плоти, въ полномъ угнетеніи своего „я“ мерцаетъ предъ нимъ возможность искупленія“ (В. Евр. IV к. 464 стр.).

Конечно, такого исповѣдника, какъ Костровинъ, Боборыкинъ не могъ не осудить и осудилъ его устами Булашова. Если онъ вывелъ въ своей повѣсти этотъ типъ, обрисовалъ его со всѣмъ художественнымъ искусствомъ и тщательно проанализировалъ его, то—единственно съ тою цѣлью, чтобы лучше отгнать его аки бы ложность и несоотвѣтствіе съ дѣйствительностью въ сравненіи съ истинными, по его предвзятому убѣжденію, типами исповѣдничества и мученичества изъ сектантскаго міра. Намъ думается, что замысль не удался автору,—и съ своей затѣей онъ достигъ обратной цѣли. Выведенные Боборыкинымъ типы сектантовъ — исповѣдниковъ — расплывчаты, неопредѣленны, потому и не оставляютъ въ душѣ читателя никакого слѣда; между тѣмъ какъ Костровинъ — цѣльный, законченный, вылившійся въ опредѣленные формы типъ истинно-православнаго исповѣдника, утвердившагося въ православіи и рѣшившагося на подвигъ самоотреченія только послѣ длиннаго искуса, цѣлаго ряда сомнѣній и „самоугрызений“, усиленной работы мысли и сердца! Кромѣ того — типъ этотъ, какъ имѣющій подъ собою почву и являющійся живымъ воплощеніемъ дѣйствительнаго подвижничества, всѣмъ и каждому понятенъ,—и встаетъ предъ читателемъ во всемъ своемъ величій и со всей своей обаятельностью.

VI.

Боборыкинъ въ своей повѣсти касается, какъ бы мимоходомъ, еще такихъ явленій нашей жизни, которыя не имѣютъ прямого и непосредственнаго отношенія къ его темѣ, но косвенно только соприкасаются съ главнымъ его предметомъ. Параллельно съ ненормальнымъ положеніемъ сектантства, онъ изображаетъ ненормальное положеніе у насъ и представителей науки: въ лицѣ московскаго профессора Грязева встаетъ предъ читателемъ типъ *исповѣдника и мученика науки*. Безъ всякаго сомнѣнія, можно было на-

передъ предугадать, что Боборкинъ возьметъ подъ свою защиту науку и ея представителей и съ особой симпатіей отнесется къ научному мученичеству.

Типъ научнаго исповѣдничества и мученичества, въ лицѣ профессора Грязева, обрисовывается авторомъ въ довольно яркихъ и опредѣленныхъ чертахъ, хотя нѣсколько въ рѣзкомъ тонѣ и съ нѣкоторой даже утрировкой. Грязевъ—профессоръ семидесятихъ годовъ, когда знамя науки стояло высоко и обаятельно дѣйствовало на современное общество, когда люди ради науки готовы были на подвиги, жертвы и добровольное мученичество. Онъ, какъ служитель точнаго знанія, не можетъ помириться съ теченіями, выдвинутыми жизнью девяностыхъ годовъ, и смотритъ на это явленіе, какъ на упадокъ научности! Увлеченіе въ сторону религіозно-мистическихъ вопросовъ, по его мнѣнію, полная измѣна положительному знанію; все, что сдѣлано въ 70-хъ годахъ людьми науки, пошло на смарку, — и къ 90-мъ годамъ приспѣлъ полный разбродъ, повальное ренегатство, потакательство всякой блажи, трусливой апатіи, мистическому и декадентскому юродству. Всѣ эти теченія онъ называетъ не иначе, какъ бунтомъ противъ науки; проповѣдь же непротивленія злу, по его мнѣнію, явилась, какъ оправданіе всякой дрянности, всего, что у насъ накопилось вѣками—холопства, трусости, кисляйства. И всю эту мистическую канитель онъ называетъ жалкимъ распадомъ російской интеллигенціи. Типы послѣдняго времени, олицетвореніемъ которыхъ является Булашовъ со своимъ лозунгомъ — „полная свобода совѣсти и полное право cadaго имѣть свое „credo“, не только не симпатичны профессору — семидесятнику, поклоняющемуся и обожающему творца книжки „Происхожденіе видовъ“, но даже и непонятны ему. Когда онъ встрѣтилъ Булашова въ ресторанѣ Тѣстова и увидѣлъ, что бывший его ученикъ дышетъ духомъ общаго повѣтрія, — учинилъ ему полный разгромъ, въ надеждѣ возвратитъ его въ строгую обитель науки. Профессоръ такъ характеренъ въ своихъ сужденіяхъ и такъ интересно защищаетъ свои положенія, что мы находимъ наиболѣе умѣстнымъ предоставить ему самому говорить за себя и за науку.

— Вы говорите о наукѣ, — обращается профессоръ къ

своему ученику, — точно она мертвечина какая... совсѣмъ отрѣшенная отъ жизни! Вотъ видите, Булашовъ, какихъ вы уже набрались расслабляющихъ ингредіентовъ современнаго разброда!.. Развѣ вы не видите, что, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ идетъ крестовый походъ противъ... положительнаго знанія?.. И разомъ, и на Западѣ, и у насъ, клерикалишки, переодѣтые іезуиты... съ кафедръ Сорбонны и другихъ высшихъ школъ стали провозглашать банкротство науки!..

— Чувствуете ли вы все шутство такого приговора обскурантовъ и гасильниковъ? Когда, гдѣ, въ чемъ она обанкротилась? Развѣ она давала обѣщаніе: разомъ разрѣшить всѣ... такъ называемые „проклятые“ вопросы, отвѣтить на все, что гнѣздится въ развинченной душѣ новѣйшаго упадочника? Все это—пережитокъ средневѣковаго рабства предъ жупелами, созданными подлымъ страхомъ... предъ непознаваемымъ!

— Потребности души, Валерьянъ Ильичъ, сказалъ Булашовъ, нельзя регулировать по своему желанію. Все послѣднее десятилѣтіе полно другихъ исканій...

— Эхъ, полноте, Булашовъ! какъ будто мы—когда были юнцами—не искали, не имѣли чаяній и упованій? Но клички были другія. Насъ объединяло нѣчто, стоящее выше всѣхъ этихъ ковыряній въ своемъ гниленькомъ и пошленькомъ я. А тутъ и у насъ сложилось цѣлое ученіе, свое, доморощенное... Отыскана безусловная правда... подъ которой — тотъ же бунтъ противъ знанія. Долой науку! Что такое за соціологія? Къ чему микроскопъ? Все это одинъ развратъ и гнусное барство! Зачѣмъ успѣхи техники? Къ чему ассенизація?.. И возведеніе золотаря Акима въ высокіе мудрецы. Къ чему ватерклозеты? Есть для этого и заборъ!

— И мы, Булашовъ, ратовали за меньшую братію... ходили въ народъ, мечтали о другомъ общественномъ укладѣ... Но мы не проповѣдывали анти-научной нивелировки! Не нужно Дарвиновъ, не нужно Пастеровъ! Пускай ходятъ всѣ въ лаптяхъ, хлебаютъ изъ одной чашки и лѣчатъ „криксу“ у знахарки. У тебя геніальныя способности?.. Мало-ли что? Не смѣй возвышаться надъ сермягой... Важное кушанье, что ты Дарвинъ! Твоя „эволюція“, твой законъ „подбора... это только оправданіе хищничества и насилія. И въ Па-

стеры не смѣешь мѣтить. И это — барскія глупыя затѣи. Десятки лѣтъ отыскивать козявокъ... микробы... тамъ какіе-то! Мечтать о радикальной борьбѣ съ такими милашками, какъ сибирская язва, водобоязнь, тифъ, чахотка! Каждый, умираетъ, видите-ли, отъ того, что ему предназначено. Немножко больше жить, немножко меньше — не все ли равно, а страдать намъ предопредѣлено свыше! Ха, ха!.. А надъ всѣмъ этимъ любомудріемъ — бунтъ противъ знанія, непримиримая война мистики съ тѣмъ, что даетъ человѣку умственную свободу“ (В. Евр. I к., стр. 61—63).

Во всѣхъ этихъ рѣчахъ, одобренныхъ вульгарностью и рѣзкостью, слышится голосъ профессора-реалиста, начертавшаго на своемъ знамени: „вѣра въ непреложность научныхъ выводовъ“. По словамъ Грязева, наука, противъ которой слышатся рѣзкія обвиненія въ банкротствѣ, „никогда не была такъ состоятельна, какъ въ преддверіи двадцатаго вѣка, и что она отвоевала себѣ отъ незнанія, то отвоевала навѣки“ (ibid стр. 66). Всѣ эти рѣчи направлены противъ толпы, принижающей науку, и противъ модныхъ вѣяній, отдающихъ букетомъ мистицизма. Въ нихъ профессоръ выступаетъ смѣло и открыто, какъ „исповѣдникъ науки“, даже больше — какъ ветхозавѣтный пророкъ — обличитель, призванный „глаголомъ жечь сердца людей“.

Въ концѣ же повѣсти авторъ выводитъ профессора Грязева въ иномъ видѣ; рѣчи его не дышатъ уже огненной ревностью въ защиту науки: въ нихъ слышится голосъ „угнетенныхъ и оскорбленныхъ“. Профессоръ выставляется жертвой правительственнаго гнета и возводится въ „мученики науки“.

— Очутился въ опальныхъ! Послѣ тридцати лѣтъ работы — не ко двору! Ну, и прекрасно. Изъ-за чего же биться — особенно мнѣ? Я и безъ того уже не одинъ годъ читаю безвозмездно (В. Евр. IV т, стр. 506—507).

И у профессора отъ этихъ невзгодъ опускаются руки!

Утѣшителемъ его выступаетъ Булашовъ, бывший его слушатель и ученикъ, — и мысль своего наставника переносить въ другую, чуждую ему область: ведетъ его къ возлюбленнымъ своимъ сектантамъ и предлагаетъ ему, профессору, поучиться у нихъ уму-разуму. А у нихъ-то есть чему по-

учиться! Народъ (въ лицѣ сектантовъ) своими силами выработалъ, вмѣстѣ съ своимъ мировоззрѣніемъ, устойчивость, упругость и умѣнье защищать свою свободу совѣсти и результаты своей вѣковой духовной работы,—и, во время гоненій и стѣснительныхъ обстоятельствъ, не ищетъ себѣ ни откуда совнѣ поддержки! На эту мощь народнаго духа Булашовъ обращаетъ вниманіе профессора и предлагаетъ, въ огражденіе своей свободы отъ насилій, такъ поступать ученымъ, писателямъ и художникамъ.

— То, что для васъ, профессоръ, — научное пониманіе міра, то для мужичка-сектанта—его толкъ, его согласіе, его укладъ религіозный... И онъ, нищенски-бѣдный, часто голодный, въ тискахъ внѣшнихъ запретовъ—хранить это про себя и въ себѣ и не нуждается ни въ какой внѣшней поддержкѣ. Все это онъ самъ выработалъ. У него—своя аудитория, свои кабинеты и коллекціи. Ни у кого онъ не на службѣ, никто не смѣетъ дѣлать ему выговоровъ, никто! Его могутъ преслѣдовать — да; но тогда онъ — временная жертва, а его душевное добро останется всегда при немъ... Онъ—своимъ многовѣковымъ опытомъ—собралъ громадную храмину своихъ свѣдѣній по всему, что онъ видѣлъ въ природѣ, во всѣхъ ея царствахъ. Этого отрицать нельзя! И вы первый, какъ ученый естествоиспытатель, употребляете сотни и тысячи именъ камней, растений и животныхъ, созданныхъ народомъ, темнымъ, неграмотнымъ. И онъ же собралъ такую же сокровищницу другихъ наблюденій, безъ которыхъ онъ не могъ-бы наладить свой земледѣльческій и промысловый бытъ... Почему-же и всѣмъ намъ не предаваться, профессоръ, такому же неустанному, невидимому, но упорному труду, во всемъ, что можетъ обойтись и безъ всякой поддержки извнѣ, безъ всякаго компромисса, безъ всякой подачики?..

— Все это—сладкія мечты!—возразилъ Грязевъ.

— Извините, профессоръ, не мечты. Вотъ мы опять придемъ къ тому, съ чего я началъ. Народъ создаетъ свои вѣрованія и отстаиваетъ ихъ. Это — святая святыхъ его души! Это такая же неприкосновенная область, какъ и творчество художника, писателя, ученаго. Но ему приходится во сто разъ болѣе жутко. У насъ во всѣхъ видахъ творческой

работы все-таки во много разъ больше свободы... И никто меня не заставитъ создавать и открывать то, чего я не желаю!

— Вы по своему правы, Булашовъ (В. Евр. IV, 508, 509.)

Сущность всѣхъ этихъ рѣчей Булашова, взявшаго на себя обязанность учить профессора и бывшего своего наставника, сводится къ основному его мотиву—къ свободѣ совѣсти, къ праву cadaго—сектантъ-ли то, представитель-ли то науки—имѣть свое *credo*. Булашовъ, въ лицѣ профессора Грязева, призываетъ представителей науки отстаивать, подобно сектантамъ, свое научное *credo*—всѣми способами, не взирая ни на какія обстоятельства, до готовности даже жертвовать своей службой ради торжества научной истины и личныхъ убѣжденій.

Оказывается, что Булашовъ, являющійся печальникомъ и выразителемъ нуждъ современнаго сектантскаго броженія, ближе стоитъ къ пониманію жизненной правды и живой дѣятельности съ ея потребностями и запросами, чѣмъ профессоръ-теоретикъ, и, мѣняясь со своимъ учителемъ ролями, даетъ ему практическіе совѣты, бесполезные и для науки!

Профессоръ Грязевъ, выведенный авторомъ въ началѣ повѣсти и въ самомъ концѣ ея, не только не соприкасается непосредственно съ дѣйствующими лицами, но и не сочувствуетъ ихъ взглядамъ и тенденціямъ, обзывая все ихъ міровозрѣніе *кисляйствомъ*. Такъ и кажется, что онъ введенъ въ число дѣйствующихъ лицъ чисто эпизодически, и что, не будь его въ числѣ „исповѣдниковъ“, повѣсть нисколько не потеряла бы отъ этого. Напрашивается вопросъ: къ чему-же тогда авторъ съ такой тщательностью изображаетъ типъ „профессора-исповѣдника“? Не лучше-ли было бы совершенно не вводить его въ повѣсть? Намъ думается, что авторъ въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду другую, вполне опредѣленную, цѣль. Типъ „исповѣдника-профессора“ выведенъ въ повѣсти для того, чтобы, чрезъ сравненіе и сопоставленіе, еще ярче, еще выпуклѣе отгѣнить *сектантское исповѣдничество* и показать его жизнедѣятельность и жизнеспособность!

Устами главнаго своего героя Булашова Боборкинъ высказываетъ основную идею своей повѣсти: *свобода совѣсти въ*

самогъ широкомъ смыслъ этого слова, т. е. право каждого имѣть и вырабатывать свое *credo*—будетъ-ли это *credo* научное или религіозное,—право каждого имѣть своего Бога и свою правду, какъ онъ ихъ разумѣетъ, и исповѣдывать ихъ открыто, всегда и вездѣ—вотъ альфа и омега, вся сущность, весь смыслъ „Исповѣдниковъ“.

Эта идея, преломленная подъ угломъ зрѣнія всѣхъ персонажей повѣсти, наталкиваетъ читателя на чрезвычайно серьезныя размышленія. Невольно напрашивается вопросъ: проповѣдуя безусловную свободу для всѣхъ религій и вѣроисповѣданій, предоставляя каждому вырабатывать свое *credo* и имѣть своего Бога, какъ каждый его понимаетъ, Боборыкинъ какъ будто бы нарочито отклоняетъ мысль читателя отъ кардинальнаго вопроса: да гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, скрывается религіозная истина и гдѣ ее искать: въ какой религійи и въ какомъ вѣроисповѣданіи? Или нѣтъ религіозной истины совсѣмъ? По прочтеніи Боборыкинскихъ „Исповѣдниковъ“, получается такое впечатлѣніе, какъ будто бы абсолютной религіозной истины и нѣтъ, а есть только—*полуистина*: часть ея кроется въ молоканствѣ, часть въ баптизмѣ (штундизмѣ), часть—въ пашковщинѣ; часть въ толстовщинѣ; не безъ истины даже буддизмъ. Вотъ, читатель, и выбирай по своему вкусу и сердцу любое *credo*!.. Нѣсколько приподнявъ завѣсу, скрывающую отъ насъ истину, авторъ предоставляетъ право каждому искать и находить по своему вкусу истину! Намъ могутъ возразить: да вѣдь авторъ не ставитъ своей цѣлью—указать, гдѣ скрывается религіозная истина, потому не зачѣмъ дѣлать ему незаслуженный упрекъ. Если хотите, то отчасти—да: авторъ прямо не ставитъ себѣ такой цѣли. Но вникните въ сущность нашего положенія и получается обратное впечатлѣніе: не говорить-ли авторъ самими прозрачными намеками, что если и искать религіозной истины, то во всякомъ случаѣ не *здѣсь*, въ православіи, а *тамъ*, въ сектантскихъ общинахъ, ибо ея тамъ больше... Рѣшеніе вопроса—по меньшей мѣрѣ кривобокое!..

Съ миссіонерской точки зрѣнія не неумѣстно коснуться еще одного вопроса. Авторъ, проповѣдуя свободу совѣсти и право открытаго исповѣданія своего *credo* всегда и вездѣ, не задавался-ли вопросомъ, что вышло бы, если бы была предо-

ставлена полнѣйшая свобода проповѣдывать что угодно— профессорамъ съ кафедръ предъ слушателями, и вожакамъ различныхъ сектантскихъ общинъ—въ средѣ простого и вѣрующаго народа, но неспособнаго, по своей простотѣ, отстоять предъ соблазнителями свое *credo*? Отвѣтъ ясенъ. Получился бы полный разгромъ религіозныхъ и нравственныхъ устоевъ, начиная отъ верхнихъ слоевъ нашего общества и оканчивая простымъ народомъ; появилась бы масса сектъ со Христомъ и безъ Христа,—и религіозное шатаніе умовъ было бы подобно волнующемуся морю. Къ чему можетъ повести полнѣйшая свобода совѣсти и право каждого имѣть свое и какое-угодно *credo*, мы отчасти можемъ видѣть краснорѣчивое разрѣшеніе этого вопроса даже и въ предѣлахъ нашего отечества. Въ Балтійскомъ морѣ, противъ береговъ Эстляндіи, находится островъ Моонъ. По сообщенію „Прибалтійскаго Края“, нигдѣ не существуетъ, благодаря бывшему отсутствію стѣснительныхъ мѣръ, столько религіозныхъ сектъ, какъ на этомъ островѣ. Тамъ есть—баптисты скакуны, субботники и нѣкоторыя другія. Первые имѣютъ право исповѣдывать свою религію, поэтому имѣютъ даже свои церкви; остальные секты помѣщаются въ какихъ-нибудь частныхъ домахъ. Большая часть этихъ сектъ состоятъ изъ старыхъ бабъ да стариковъ. Благодаря крайней ихъ распространенности, въ каждомъ семействѣ можно встрѣтить различныя вѣроисповѣданія. Такъ, на примѣръ, отецъ—баптистъ; мать—лютеранка, сынъ—православный, а дочь—принадлежитъ къ сектѣ скакуновъ... Молельни и молитвы иныхъ сектантовъ для посторонняго человѣка—крайне интересны. Если не знаешь, въ чемъ дѣло, то можно предположить, что попалъ въ домъ умалишенныхъ. Такъ, на примѣръ, одинъ плачетъ и воетъ, какъ волкъ; другой сидитъ и смѣется всею глоткой; третій лежитъ на полу на животѣ и мычитъ, какъ быкъ; женщины издаютъ разные визгливые, плачевные звуки. Проповѣдникъ у нихъ грубый и необразованный крестьянинъ, который едва умѣетъ подписать свою фамилію („С.-Петербург. Вѣдом.“ 1902 г. 11 сент. № 248). Жутко становится, читая эти безотрадныя строки!.. Неужели эта картинка должна быть признана наглядной иллюстраціей тѣхъ религіозныхъ идеаловъ, которые Боборыкинъ, съ своимъ пресловутымъ

свободнымъ *credo*, проповѣдуетъ въ своихъ „Исповѣдникахъ“ и къ которымъ желаетъ привести православный русскій народъ? Съ грустью и сердечной болью мы должны сказать—да!

Отъ той религіозной свободы, которую проповѣдуетъ Боборыкинъ въ своихъ „Исповѣдникахъ“, только одинъ шагъ до полного ниспроверженія религіи со Христомъ и къ замѣнѣ ея разумомъ и всякими другими культами, но только безъ Христа! Не зачѣмъ далеко ходить за примѣрами. Франція съ ея свободой неоспоримое тому доказательство! Тамъ, въ странѣ свободныхъ гражданъ съ свободными учреждениями, полная свобода совѣсти привела къ печальнымъ результатамъ; тамъ, мы видимъ, все направлено къ ниспроверженію народной католической религіи, къ изгнанію ея изъ школъ и къ закрытію католическихъ конгрегацій. Между тѣмъ какъ атеизму и всякимъ культамъ, но только безъ Христа, дается полный просторъ! Въ одномъ Парижѣ Жюль Буа („*Le petits religions*“ 1895) насчитываетъ цѣлыхъ одиннадцать языческихъ религій, вновь возникшихъ или возстановленныхъ, имѣющихъ своихъ жрецовъ и пророковъ: буддизмъ, теософія, культъ свѣта (Люси Гранжъ), сатанизмъ, люциферіанизмъ, эссеніанизмъ, гностицизмъ, культъ Изиды, религія послѣднихъ язычниковъ, проповѣдуемая профессоромъ Луи Менаромъ, сведенборгіанство и „культъ человѣка“ Конта. И каждая изъ этихъ религій, кромѣ мистическаго ученія Сведенборга, отрицаетъ въ корнѣ христіанство, считая его грубымъ суевѣріемъ! Кажется, дальше идти уже некуда!

Вотъ тѣ плоды, сладость которыхъ напередъ предвѣщаетъ Россіи г. Боборыкинъ съ своей смѣлой проповѣдью въ „Исповѣдникахъ“ полной свободы совѣсти, права каждому имѣть *своего* Бога и открыто, всегда и вездѣ исповѣдывать свое *credo*. Saperienti sat!

II. Козицкій.

По поводу „поѣздки раскольничьей депутаціи
на востокъ въ 1900 году“ ¹⁾.

«Отъиде (блудный сынъ) на
страну далече и ту расточи имѣніе
свое, живый блудно. Изжившу
ему все, бысть гладь крѣпокъ на
странѣ той, и той начать лишатся...
И желаше насытити чрево свое отъ
рожець, яже ядыху свинія» (Лук.
15, 13—18).

235 лѣтъ блудный сынъ православной Церкви—русскій расколъ, оставивъ родительскій кровъ, скитается со знаменемъ вражды по лицу земному, ища „гдѣ главу подклонити“. И „нѣсть мира въ костѣхъ его“... Въ своихъ религіозныхъ скитаніяхъ онъ давно уже испытываетъ духовный гладъ и вынуждается удовлетворять его рожцами. Вспомнимъ крайніе толки безпоповщины... Въ ихъ упованіи едва остаются слѣды христіанской вѣры и нравственности. Одинъ тамъ нигилизмъ—и религіозный, и нравственный. Задыхаясь въ раскольничьей атмосферѣ, „древлеправославные“ давно уже стали искать выхода на свѣжій воздухъ. Давно они уже стремятся придать своему сонмищу видъ церкви Христовой со священствомъ и таинствами. Въ поискахъ „древлеправославной благодати“ изъѣздили раскольники много странъ, побывали въ „царствѣ Опоньскомъ“, стремились „въ царство Камбайское“ ²⁾, издержали много средствъ, положили много труда и, тѣмъ не менѣе, остаются до сихъ поръ алчущими и жаждущими. Съ переходомъ греческаго митрополита Амвросія въ расколъ въ 1846 году, для одной части раскольничьяго міра возжелѣнное чаяніе полноты священства и таинствъ, повидимому, исполнилось; другіе—или вовсе не видѣли и не

¹⁾ „Мисс. Обзор“. май, окт. и ноябрь.

²⁾ Но разыскать его не могли по той простой причинѣ, что такого царства не существуетъ на бѣломъ свѣтѣ.

видать проку въ Амвросіевской благодати, или колебались и колеблѣтся касательно ея спасительности. Въ цѣляхъ выясненія вопроса объ амвросіевской (австрійской) церкви раскольники не разъ снаряжали депутаціи на востокъ, какъ экспедиціи къ нѣкому полюсу... спасенія. Результаты не всегда были одинаковы. Они зависѣли отъ характера упованія депутатовъ. Не расположенные къ „австрійщинѣ“ привозили свѣдѣнія отрицательныя, расположенные—или уже принявшіе австрійщину—самыя благопріятныя.

I.

Одна изъ поѣздокъ раскольничьей депутаціи на Востокъ—съ результатами второго рода—совершена была Екатеринбургскими раскольниками Ф. М. и Г. Г. въ 1900 г. Описание ея дано депутатами („австрійскимъ“ и „часовеннымъ“) въ гектографированной брошюрѣ: „Поѣздка на Востокъ“, съ которой „Мисс. Обзор.“ сочло полезнымъ ознакомить своихъ читателей.

Авторъ ¹⁾ „поѣздки“ далеко не заурядный раскольникъ: онъ обнаруживаетъ значительную степень интереса касательно культурности посѣщенныхъ имъ міровыхъ городовъ: Константинополя, Аѳинъ и друг.; онъ посѣщаетъ музеи, католическіе костелы, осматриваетъ историческіе памятники древней, еще языческой Греціи, словомъ, интересуется тѣмъ, мимо чего *обычный* „древлеправославный“ можетъ пройти не иначе, какъ нахмурившись или закрывъ глаза. Изложеніе описанія гладкое и довольно литературное. Нерѣдко попадаютъ слова и понятія современнаго культурнаго языка—которыя для рядового раскольника непостижимы и представляются не иначе, какъ съ „тонкимъ духомъ еретичества“. Словомъ, „писатель“ „поѣздки“ человекъ несомнѣнно весьма изрядный грамотей. Съ нравственной стороны онъ рекомендуетъ себя, какъ безпристрастнаго правдолюбца. Его

1) Хотя подъ «поѣздой» подписались оба раскольничьи депутата, но одинаковый стиль «поѣздки» и ея малоскрываемая тенденція—превосходство австрійщины предъ всѣми другими раскольничьими толками—заставляютъ думать, что авторомъ описанія былъ одинъ—изъ «австрійскихъ».

„невольнo распорягають къ себѣ“ греческіе священники ¹⁾, на него пріятно дѣйствуютъ „доброе выраженіе лица“ протосингела ²⁾ и „представительная личность патріарха“ „строгаго и умнаго пастыря“ ³⁾; служеніе обѣдни въ греческой церкви производитъ на него „самое благопріятное впечатлѣніе“ ⁴⁾. Хоть и еретики, дескать, а гдѣ они хороши, такъ и говорю, что хороши... Ходатайствуя объ аудіенціи у Константинопольскаго патріарха, онъ аттестуетъ себя „желающимъ одной только истины и правды“ ⁵⁾ и просить патріаршихъ отвѣтовъ „по истинѣ и правдѣ“. Услышавъ въ Климовцахъ разсказъ,—что одинъ некрасовскій безпоповскій наставникъ, израсходовавъ „свои запасные дары“, упросилъ по строгой тайнѣ „бѣлокриницкаго священника“, отвергаемой имъ іерархіи, дать ему бѣлокриницкихъ запасныхъ даровъ, и „по секрету“ получивъ просимое, причащаетъ своихъ чадъ, якобы древнимъ запасомъ,—авторъ глубоко возмущается и сокрушенно восклицаетъ: „есть-ли еще какая возможность имѣть *большую путаницу и обманъ въ такомъ серьезномъ дѣлѣ*“? ⁶⁾ Подкупающая простота и религіозность дорисовываютъ нравственный обликъ автора „поѣздки“. Если къ этому прибавимъ, что свѣдѣнія, которыя даетъ „поѣздка“ о жизни заграничныхъ раскольниковъ, не лишены нѣкоторой живости и интереса, то станетъ понятнымъ, что „поѣздка раскольничьей депутаціи“ можетъ занять читателя. Словомъ, *почитать* заграничную „поѣздку“, какъ *путевыя замѣтки нашего земляка*, интересно; но прочитавъ ея, такъ сказать, *отступническое „нутро“*—нельзя безъ сердечной боли.

II.

«Поѣздка» цѣликомъ клонится къ апологіи «австрійщины» и направлена, затѣмъ, на «уловленіе» «часовенныхъ». Авторъ «поѣздки» разсчитываетъ загнать бѣглопоповщину въ австрійское болото, дѣйствуя съ двухъ сторонъ: съ одной

1) «Мисс. Обзор.» окт., стр. 429—430.

2) Тамъ же, стр. 431.

3) Тамъ же, стр. 435.

4) Тамъ же.

5) Тамъ же, стр. 433.

6) Тамъ же, май, стр. 886.

стороны, пугая бѣглопоповцевъ указаніемъ на то, что они часто принимали за поповъ «всякихъ проходимцевъ», съ другой—выставляя преимущественное достоинство греческой церкви (откуда бѣжалъ митрополитъ Амвросій) предъ Русскою (откуда появляются бѣглые поны). Бѣглопоповцы хутора близъ Браилова, сообщаетъ авторъ, «принимали по году, по два, различныхъ бѣглыхъ поповъ, которые или сами отъ нихъ уходили, или оказывались обманщиками, и они ихъ прогоняли», а сарыкойскіе старообрядцы «постоянно принимаютъ всякаго проходимца изъ Россіи за попа своего, какъ и былъ принятъ въ 1897 г. запрещенный російскій бѣглый попъ изъ единовѣрческой церкви г. Новозыкова, Черниговской губерніи, который перекрестилъ и перевѣнчалъ многія сотни душъ и потомъ, выданный румынскимъ правительствомъ русскому, оказался преступникомъ и не бывшимъ никѣмъ исправленнымъ“¹⁾. Читая порицательный отзывъ австрійскаго автора на счетъ сарыкойцевъ, которые принимаютъ «всякаго проходимца изъ Россіи за попа», бѣглопоповцы вправѣ возразить автору: а среди австрійской лже-іерархіи, развѣ мало было проходимцевъ даже въ епископскихъ санахъ: лже-епископъ Софроній (Степанъ Жировъ, москов. мѣщанинъ, занимавшійся раньше извозомъ бѣглыхъ поповъ) заподозривается самимъ инокомъ Павломъ «въ святотатствѣ и убивствѣ». ²⁾ Лже-епископъ Спиридоній, «живя на покаяніи въ Мануиловскомъ монастырѣ, дерзалъ воздвигать благословящую руку, въ разумѣ, яко еще не извержень... и на Пахомія возлагалъ руки, позволяя ему въ Россіи поповать (который *по убѣжаніи изъ-подъ ареста*, какъ слышно, коль скоро перебѣжалъ на тотъ бокъ, абіе и *священнодѣйствовалъ* въ Хотинѣ мало, болѣе же въ Грубнѣ и далѣе). Сей же Спиридоній, входя въ *корчмы*, *пьянствовалъ*, не щадя и мантіи своей, за *вино корчмарю полагалъ и бесрамно воздвигалъ руки на благословеніе*, а нѣкоторымъ обѣщалъ, что за тѣмъ только дѣло стало, яко нѣтъ Чиновника, а то бы въ Россію *попами рукоположилъ*... ³⁾ и др. под. Правда, Софроній за его прежнее

¹⁾ «Мисс. Обоар.», май, стр. 878—879.

²⁾ „Исторія такъ наз. австр. или бѣлокр. свящ.“. Субб. вып. II, стр. 496—497.

³⁾ Слова лже-митрополита бѣлокр. Кирилча. См. „матер. для ист. такъ наз. австр. или бѣлокр. іер.“. Субб. стр. 394—395.

поведеніе не похваляется и Спиридоній еще до своихъ безчинствъ былъ лишенъ лже-епископства. Но важно то, съ какой нравственной подготовкой въ австрійщинѣ сподобляются «епископскаго» сана и насколько развито въ ней сознание церковнаго право-порядка: изверженный лже-епископъ рукополагаетъ лже-попа и послѣдній совершаетъ «священнодѣйствія». Объ австрійскихъ проходимцахъ въ «священническомъ» санѣ и говоритъ ужъ нечего... „Пахомій ¹⁾ и Игнатій сработали *подложныя* печати отъ митрополита и архимандрита и *поповали* и собирали, шляясь по Россіи» ²⁾. «Шлялись по Россіи, *поповали* и собирали деньги со старообрядцевъ, немѣя посвященія Иванъ и Мартинъ, выходцы изъ Бѣлокриницкаго монастыря» ³⁾.

Автору «поѣздки», если онъ дѣйствительно «безпристрастенъ» и всегда «желаетъ только *правды* и *истины*», коснувшись сарыкойцевъ, принимающихъ «всякаго проходимца за попа», слѣдовало бы, въ интересахъ *истины*, упомянуть, что де и у насъ—у «австрійскихъ» попуютъ иногда получившіе хиротонію въ кабацѣ за водку, отъ пьянаго изверженнаго архіерея, и «явно живущіе съ наложницами» ⁴⁾. Но, очевидно, такая «истина» не входитъ въ расчеты адвоката новоявленнаго священства. Для пропагандистовъ австрійщины истина—дѣло небольшое: вѣдь давалъ же бѣлокриницкіи попъ «запасные дары» («по секрету отступая отъ правилъ») безпоповцамъ ⁵⁾, «руководствуясь этимъ совершить *объединеніе этого общества со своимъ*» ⁶⁾.

1) Съ вѣдома настоятеля австрійскаго-Мануиловскаго монастыря Александра. „Исторія бѣлокр. свящ.“ Субб. вып. II, стр. 399.

2) Слова Кирилла. См. «Матер.» Субб. стр. 397—8, ср. «Истор. бѣлокр. свящ.» его же вып. II, стр. 397.

3) „Исторія бѣлокр. свящ.“ Субб. вып. II, стр. 398—9.

4) «Переп. раск. дѣятелей» Субб. вып. II, стр. 19. Допустить незнакомство автора съ «Исторіей бѣлокр. іерархіи» и «матеріалами» для нея Субб. трудно.

5) А безпоповцы считаются Павломъ Бѣлокриницкимъ „*вѣдшими* отъ міръ *еретиками*»: только жиды и безпоповцы, говоритъ онъ въ окружной грамотѣ, содержатъ у себя книги, а предписаннаго въ оныхъ самаго главнаго закона, какъ тѣ, равно и другіе, не исполняютъ... тѣмъ же убо *всѣхъ еретиковъ*, древнихъ и новыхъ, *нечестіемъ своимъ прелосходять*“. „Ист. бѣл. свящ.“ Субб. вып. II, стр. 244.

6) „Мисс. Обзор.“ май, стр. 886.

Критикуя бѣглоповцевъ, авторъ естественно ожидаль съ ихъ стороны и такого возраженія: чѣмъ же де вы-то, австрійскіе, лучше насъ, принявъ *блага греческаго митрополита*? Какъ бы отвѣчая на такое возраженіе, авторъ съ напускнымъ пафосомъ, безцеремонно или извращая или подкрашивая дѣйствительность, убѣждаетъ читателя въ томъ, что «благочестіе» греческой церкви далеко-де выше благочестія церкви Россійской... Пастыри греческой церкви, во главѣ съ «умнымъ и строгимъ патріархомъ», и ихъ служеніе производятъ на раскольничьихъ депутатовъ «самое пріятное впечатлѣніе»¹⁾, «богослужбное пѣніе въ греческихъ церквахъ «древнее носовое», близкое къ старообрядческому, чуждое всякой итальянской партесности; иконопись въ греческихъ церквахъ чужда картинной итальянщины; депутатовъ пріятно поражаетъ благолѣпіе патріаршей церкви: „всѣ иконы древняго греческаго письма, ни одной иконы итальянской живописи; женщины стоятъ отдѣльно отъ мужчинъ“. „Греческія церкви съ древними высокаго письма иконами... съ запахомъ ладана, съ своеобразнымъ монотоннымъ служеніемъ грековъ и ихъ носовымъ пѣніемъ, переносятъ васъ, поэтизируетъ авторъ «поѣздки», въ какую-то древнюю историческую эпоху, и вы *положительно стоите* (?), смотрите и слушаете и совершенно впадаете въ какое-то забытѣе. Переноситесь *воображеніемъ мысленно* (?) въ древнюю эпоху христіанства. На васъ дѣйствуетъ какъ-то успокоительно, вы какъ-то затихаете, смиряетесь, и жалко вамъ станетъ этого состоянія, когда бурная дѣйствительность васъ заставитъ очнуться. Вотъ какое впечатлѣніе мы выносимъ изъ этихъ древнихъ греческихъ церквей»²⁾. Крещеніе въ греческой церкви *всегда и вездѣ* совершается *трепещущею*; католики „*всегда и всюду* принимались и принимаются въ ней первымъ чиномъ,³⁾ какъ то и требуется „*соборнымъ изложеніемъ*» Филарета. Словомъ, авторъ «поѣздки» въ Греціи какъ будто нашель свое древлее, т. е. раскольничье благочестіе.

А русская церковь? Но тутъ авторъ еще развязнѣе извращаетъ истину и допускаетъ то клевету, то ложь. Пастыри наши, по изображенію «поѣздки», — гонители—мучители:

1) „Мисс. Обзор.“, окт., стр. 429—430, 431, 434 и 435.

2) Тамъ же, стр. 444.

3) Тамъ же, стр. 430—431.

«россійскій синодъ будто бы давить на греческую церковь не хуже мусульманства и латинства ¹⁾; онъ заставляетъ ее даже принимать католиковъ, въ нарушеніе правилъ, вторымъ чиномъ ²⁾, не давать „объясненія какія-либона поступающія многочисленныя ходатайства русскихъ старообрядцевъ“. Сановники патріархата «могли бы указать разность (между греческой церковью и русскою), но сдерживаются и умалчиваютъ» ³⁾. Въ русской церкви, «въ Западномъ Краѣ безусловно допускаютъ обливаніе среди бывшихъ униатовъ» ⁴⁾. Русская церковь ввела *итальянское* партесное пѣніе съ массой «концертовъ» вмѣсто причастныхъ стиховъ и *итальянскую* картинную живопись, не одобряемую церковью греческою ⁵⁾. Словомъ, въ православной русской церкви, по словамъ «поѣздки», одна «прелесть латинская». Чтобы подчеркнуть свое грекофильство, авторъ «поѣздки», не забылъ каснуться и болгарскаго вопроса. Въ Константинополѣ имъ осмотрѣна «болгарская довольно хорошая по постройкѣ церковь, гдѣ служить болгарскій Экзархъ Іосифъ... Лишь только войдя въ церковь мы могли вообразить, что находимся въ Россіи. Новая яркая итальянская живопись, которая, какъ оказалось, вся прислана изъ Москвы и московской работы, русской синодальной типографіи служебныя книги, московской работы соуды, а также и облаченіе московское». Увидавъ, „что все“ тутъ создано и находится подъ покровительствомъ Россіи, авторъ восклицаетъ: „какой *рѣзкій контрастъ съ древними греческими церквами съ ихъ многовѣковыми древними иконами!*“ ⁶⁾. Но ктожъ не понимаетъ фальши тона?

Не забылъ авторъ мимоходомъ лягнуть и единовѣріе,— пусть и оно де «мое копыто знаетъ»... «Въ Климовцахъ есть, пишетъ онъ, и *жалкая* кучка единовѣрцевъ, посаженныхъ тутъ Павломъ Прусскимъ и теперь берущихъ священниковъ отъ австрійскихъ русинскихъ епископовъ ⁷⁾... на-половину уже (якобы) *окатоличившихся*, которые являются ставленниками

1) „Мисс. Обзор.“, окт., стр. 432.

2) Тамъ же, стр. 433.

3) Тамъ же, стр. 439.

4) Тамъ же, стр. 431.

5) Тамъ же, стр. 439.

6) Тамъ же, стр. 440.

7) Тамъ же, май, стр. 882.

католическаго австрійскаго правительства и задаются впереди всего общей задачей *окаатоличивать* бывшій когда-то православному русинскій народъ... Авторъ надѣется, что «эта церковка должна скоро отойти въ область преданій» 1). Такъ тенденціозно сопоставляя греческую церковь съ русской православною, болгарскою и единовѣрческою, авторъ стремится доказать своимъ одновѣрцамъ, что-де греческая церковь «благочестіемъ превзыде» русскую и потому на счетъ принятія отъ нея бѣглаго митрополита «совѣстью нужно быть покойнымъ» 2). И для бѣглопоповщины, слѣдовательно, «нѣсть инаго общества подъ небесѣмъ, о немже подобаетъ спастися»,—кромѣ «австрійскаго».

Не желая ставить на полемическую почву вопроса о разностяхъ греческой церкви съ православно-русской, какъ ихъ указываетъ авторъ „повѣздки“, не можемъ однако оставить безъ замѣчанія мысли автора о главной изъ этихъ разностей, именно — въ воззрѣніяхъ на обливательное крещеніе и принятіе латинянъ. Въ уста греческихъ пастырей и самого патріарха авторъ „повѣздки“ вкладываетъ свидѣтельство, что „нигдѣ и никогда греческій священникъ не можетъ окрестить обливательно, такъ какъ греческая церковь очень строго всегда смотрѣла на *латинское* обливательное крещеніе“ 3), что „греческій священникъ не можетъ крестить иначе, какъ въ три погруженія, и крещеніе обливательное допустимо быть не можетъ“ 4). Въ цѣляхъ пропаганды своей „древле-православной“ австрійской лжи, авторъ, какъ и прочіе его собратья по ремеслу—адвокаты раскола, въ данномъ случаѣ сознательно допускаетъ недобросовѣстную *путаницу*. Раскрыть ее не трудно. Въ греческой церкви онъ наводитъ справки о способѣ крещенія; но какъ? Да только „обдержномъ“. Греческіе пастыри, не зная сущности русскаго раскола и злонамѣреній вопрошающаго ихъ раскольника, по истинѣ и свидѣлствуютъ, что греческая церковь держится *трезнопогружательнаго крещенія*, т. е. какъ *обдержнаго*, и „съ сильнымъ рѣзкимъ отпоромъ отвергаютъ обливательное крещеніе *латинское*“, т. е. то и въ томъ

1) «Мисс. Обзор.», май, стр. 887—888.

2) «Исторія бѣл. свящ.» Субб. вып. I, стр. 217; слова инока Павла.

3) «Мисс. Обзор.», окт, стр. 430.

4) Тамъ же, стр. 437.

смыслѣ обливательное крещеніе, какое и въ какомъ смыслѣ ввели у себя латиняне, а латиняне имѣютъ *обливательное* крещеніе за *обдержное*. Короче, греческіе пастыри свидѣтельствуя о трехпогружательномъ способѣ крещенія въ ихъ церкви — какомъ? *обдержномъ*; и возстаютъ противъ обливательнаго—какого? да только *латинскаго*, т. е. *какъ обдержнаго*. Мудрый „еже творити злая“ раскольничій депутатъ и не заикнулся предъ греческими пастырями о томъ: а какъ, дескать, вы, отцы, смотрите на обливательное крещеніе въ случаяхъ *смотрительныхъ* (болѣзни крещаемаго, препятствующей погруженію и т. под.)? Отцы, знакомые съ „цѣлымъ рядомъ соборныхъ постановленій, осуждающихъ *латинское* обливаніе“¹⁾, несомнѣнно указали бы вопрошающему на 12 пр. Неокесарійскаго соб., знаменитое 62 письмо свящ.-мученика Кипріяна и постановленіе Константинопольскаго собора 1301 года, допускавшія обливательный способъ крещенія въ случаяхъ *смотрительныхъ*. Но такая постановка дѣла не вошла въ цѣли автора „поѣздки“. Тогда бы ему не пришлось отмѣтить мнимой разности греческой и Русской Церковей въ вопросѣ о способѣ крещенія: та и другая церковь *всеобдержнымъ* крещеніемъ исповѣдаетъ *трехпогружательное*, а въ *смотрительныхъ* случаяхъ, а не обдержно (какъ клевететь на Западный Край Россійской церкви „поѣздки“), та и другая допускаетъ и *обливательное*. Да и сами „австрійскіе“ не отвергаютъ обливательнаго крещенія въ случаяхъ *смотрительныхъ*. Въ своей „Истинности старообрядчествующей іерархіи“ Швецовъ, между прочимъ, пишетъ: „если по тяжелой болѣзни не возможно погрузить крещаемаго, въ такомъ случаѣ допускается погруженіе замѣнить *обливаніемъ*: ибо въ такихъ случаяхъ, какъ пишетъ св. священномученикъ Кипріанъ, и *окропленіе* воды дѣйствуетъ на подобіе спасительной бани... (письмо къ Магну...) и патріархъ Филаретъ, *отмѣтая* *обливательное* крещеніе *бѣлоруссовъ*, не отрицалъ симъ въ конецъ *обливательнаго* крещенія для *болящихъ*... и въ служебникахъ патріарха Іова и междупатріаршества въ Москвѣ напечатанныхъ, въ лѣта 7110 и 7117, и *поливательно* крестить больныхъ младенцевъ *допускалось*. Итакъ святая Церковь, хотя *при крайней нуждѣ*, и сама *креститъ обливательно*,

¹⁾ «Мисс. Обзор.», окт., стр. 431.

но безъ нужды крестящихся обливательно не приѣмлетъ, а *приѣмлющихъ обливательно крещеніе во всеобдержность* (какъ латиняне) даже и клятвою осуждаетъ“¹⁾.

Не больше достовѣрности находимъ и въ свѣдѣніяхъ, почерпнутыхъ „повѣзкой“ на Востокъ по вопросу о принятіи греческою церковью латинянъ. Авторъ „повѣздки“ пишетъ: „на нашъ вопросъ, какимъ чиномъ греческая церковь принимаетъ католиковъ,—они (греческіе священники) отвѣчали: *всегда и всюду* въ Греціи принимали однимъ *первымъ* чиномъ, т. е. совершенно крестили“²⁾. „Не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна...“ Кому изъ знакомыхъ съ церковной исторіей неизвѣстно, что греческая церковь *первымъ* чиномъ принимаетъ католиковъ только съ 30-хъ годовъ 18 вѣка? Едвали возможно допустить, чтобы бесѣдовавшіе съ раск. депутатами греческіе священники, въ числѣ которыхъ былъ „изучившій и кончившій высшую науку по богословію... отецъ богословъ“³⁾, не знали этого. Отвѣтъ знаменитаго канониста Ант. патріарха Феодора Вальсамона на вопросъ Александрійскаго патріарха о чинопріятіи отъ латинъ и „окружное посланіе“ Марка Ефесскаго также не представляютъ собой такой исторической тайны, чтобы быть неизвѣстными греческимъ священникамъ и „отцу богослову“. А первый наставляетъ принимать католиковъ *третьимъ* чиномъ, а второе—*вторымъ*. Авторъ „повѣздки“ въ данномъ случаѣ превзошелъ даже отцовъ Бѣлокриницкаго собора 27 окт. 1846 г. и самого Швецова... И тѣ на пріятіе латинъ смотрятъ снисходительнѣе, чѣмъ онъ⁴⁾. Въ „Спискѣ соборнаго дѣянія“ Бѣлокриницкаго монастыря 27 окт. 1846 года“ читаемъ: „въ самой Россіи Даниилу епископу, поставленному отъ Исидора, родомъ латинчика, святой Іона изъяснилъ снисхожденіе, принявъ *третьимъ* чиномъ и позволивъ ему служить и хиротонисать, яко истинному святителю, о чемъ засвидѣтельствовано въ великой Четь-Минеи Макарьевской“⁵⁾.

1) „Истинность“, стр. 79—80; ср. „Исторію бѣл. свящ.“ Субб. вып. II, стр. 430, прим. 217—вопросы лже-епископа Софронія.

2) „Мисс. Обзор.“, окт., стр. 431.

3) Тамъ же, стр. 430, 436.

4) Сомнительный отвѣтъ греческихъ священниковъ мы считаемъ убѣжденіемъ самого автора.

5) „Матер. для истор. бѣлокр. іерархіи“. Субб. стр. 174.

И въ „Истинности“ Швецовской пишется: „Даніилъ, епископъ Владимірскій, поставленный Исидоромъ митрополитомъ русскимъ, по *отступленіи* его отъ православія на Флорентійскомъ соборѣ, просилъ у святаго Іоны митрополита прощенія и принятія въ свое общеніе. На что получивъ соборное прощеніе, принять былъ въ его священномъ званіи и санѣ (Соборъ помѣстный въ Москвѣ отъ святаго Іоны митрополита. Минея четія Макар. мѣсяць августъ л. 3001“¹⁾.

Насколько достовѣрно, что греческіе священники яко бы ставятъ „россійское синодальное управленіе въ числѣ враговъ греческой церкви — на ряду съ „мусульманскими властителями и папами римскими“, судить трудно. Не можемъ, однако, не замѣтить, что авторъ „поѣздки“ здѣсь не совсѣмъ сводитъ концы съ концами. Въ одномъ мѣстѣ (Константинополѣ) греческіе священники считаютъ русскую церковную власть въ числѣ *враговъ греческой церкви*²⁾, въ другомъ (въ Смирнѣ) греческій священникъ, услышавъ, что „русскіе путешественники осматривали церковь и желаютъ видѣть его и поговорить, сію же минуту лично самъ выходитъ къ нимъ и съ необычнымъ интересомъ и радушіемъ приглашаетъ въ комнаты, высказывая симпатію къ нимъ (принимая ихъ за православныхъ), какъ *роднымъ братьямъ по вѣрѣ и защитникамъ* грековъ противъ Турціи“³⁾. Что касается искренности „самыхъ благопріятныхъ впечатлѣній“, полученныхъ авторомъ „поѣздки“ отъ греческихъ — пастырей, церковей и службы, судить не приходится.. „кто вѣсть отъ челоуѣкъ, яже въ челоуѣцѣ...“ Дай Богъ, чтобы они были искренни, можетъ быть, австрійскій раскольникъ предпочелъ бы тогда скорѣе возвратиться къ истиннымъ церковнымъ пастырямъ, чѣмъ искать за моремъ оправданія беспорядочной, незаконной и *новой*, по выраженію Швецова, бѣлокриницкой іерархіи⁴⁾. Если-бы то благолѣпіе греческой службы и греческихъ церковей такъ же подѣйствовало на раскольниковъ депутатовъ, какъ и на пословъ великаго князя кіевскаго Владиміра!.. Но ожидать этого едвали возможно: авторъ „поѣздки“ слышалъ службу и лучшую для него: „самое лучшее заключе-

1) „Истинность старообр. іерархіи“, стр. 127—128.

2) „Мисс. Обзор.“, окт., стр. 432.

3) Тамъ же, стр. 442.

4) «Истинность», Швецова, стр. 191.

ніе о благолѣпїи службы, обрядности и чинномъ, внятномъ служенїи“, онъ „вывелъ“, простоявъ всеощную и обѣдную въ австрійской моленной въ Яссахъ и послушавъ „благоговѣйное“ служеніе лже-митрополита въ Бѣлой Криницѣ¹⁾. Греческое же служеніе, какъ и вообще греческую церковь, онъ похваляетъ лишь постольку, поскольку ему нужно доказать, что „благочестїя“ въ греческой церкви гораздо (яко бы) больше, чѣмъ въ „олатинившихся“ церквахъ — русской православной и единовѣрческой; и что посему много лучше (будто-бы) принять бѣлаго митрополита изъ греческой церкви, чѣмъ бѣлаго попа изъ русской.²⁾

III.

Вождельнная цѣль „повѣздки“—апологїя „австрійщины“ по двумъ пререкаемымъ вопросамъ — не обливанецъ ли былъ Амвросій и не былъ ли запрещенъ до своего перехода въ расколъ. Касаясь „повѣздки“ съ этой стороны, мы невольно остановили свое вниманіе прежде всего на словахъ автора въ описанїи имъ Бѣлокриницкаго монастыря: „*московскими благотворителями выстроена каменная церковь, но у недоконченной еще постройки провалился сводъ, и пока теперь средствъ нѣтъ ее достраивать*“ з). Такъ и хочется понять эти слова въ переносномъ смыслѣ по отношенію къ „австрійщинѣ“ вообще. На средства „московскихъ благотворителей“⁴⁾ за-

¹⁾ „Мисс. Обзор.“ май, стр. 873—874 и 881.

²⁾ См. „Мисіон Обзор“, Ноябрь 614.

³⁾ Тамъ же, май стр. 882.

⁴⁾ Еще въ 1832 г., по предложенію Ѳ. Рахманова (москов. купца), отъ лицъ, сочувствовавшихъ его тогдашнимъ замысламъ о раскольническомъ архіерействѣ, былъ сдѣланъ по подпискѣ денежный сборъ на необходимые расходы по сему дѣлу, и подписная сумма простиралась, какъ говорили, до 2.000,000 руб. („Исторїя бѣлок. свѣщ.“ Субб. вып. I, стр. 180). Въ 1844 г. Рогожское общество, получивъ отъ Геронтїя прїятныя извѣстія по дѣлу объ учрежденїи раск.-архіерейской каѳедры, по вліянію Рахмановыхъ, постановило: на содержаніе каѳедры давать не менѣе 24,000 р. въ годъ, по 12,000 р. въ каждое полугодїе, и, кромѣ того, обѣщало неограниченный кредитъ на первоначальные расходы по дѣлу объ учрежденїи каѳедры. Ѳедоръ и Василій Рахмановы и родственница ихъ Марья Симонова ассигновали на построеніе зданїя въ Бѣлой Криницѣ для епископскихъ и братскихъ келїй, съ церковью посрединѣ—200000 руб. Въ Петербургѣ купцомъ Волковымъ было ассигновано на построеніе братскаго корпуса въ Бѣлой Криницѣ 10,000 руб. сер. („Исторїя“ Субб. I вып., стр. 182—183).

тѣяно кощунственное дѣло построения лже-церкви съ полнотою іерархическихъ чиновъ. Но такъ какъ построение начато и велось на зыбкомъ основаніи—не по законамъ церковнаго домостроительства, не по канонамъ святыхъ отецъ и соборовъ, — у „неоконченной постройки проваливается сводъ“. и „пока средствъ нѣтъ ее достраивать“: нѣтъ *пока* и *впредь* не будетъ средствъ оправдать, на основаніи Слова Божія и церковныхъ каноновъ, новоявленную „австрійскую“ лже-церковь, какъ ни ухищряются сдѣлать это ея платные и бесплатные радѣтели. „Аще не Господь соизждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіе...“ Всеобразная *ложь* инока Павла (Великодворскаго), мусульманинъ панъ Чайковскій (Садыкъ паша), *еретикъ второго чина* (по понятію бѣлокриницкихъ раскольниковъ), бѣглый митрополитъ Амвросій, да Фердинандъ, императоръ Австрійскій, *католикъ*— вотъ настоящіе устроители „*древле-православной* (съ 1846 г.) церкви (лукавнующихъ) Христовой (вѣрнѣ Амвросіевской!)“. Бѣдные старообрядцы, не пріяли вы „любве истины“ и предаде васъ Богъ „въ неискусенъ умъ“ — творити древнею православною церковью Христовой плодъ грѣшнаго взаимобщенія мусульманина, католика и еретика! Отсылая читателей, желающихъ убѣдиться въ истинности сказаннаго нами о настоящихъ устроителяхъ „австрійщины“, къ „Исторіи такъ называемаго австр. или бѣлокр. священства“, „Материаламъ“ для нея (два вып.) и къ „Перепискѣ расколн. дѣятелей“ (три вып.) Субботина, мы лишь въ немногихъ словахъ обратимъ вниманіе автора „поѣздки“, желающаго только истины и возмущающагося „*путаницей* и *обманомъ* въ *серьезномъ дѣлѣ*“¹⁾, на то, сколько недобросовѣстной и намѣренной *путаницы* и сколько *обмана* допущено было главными радѣтелями по устроению бѣлокриницкаго „архіерейства“ иноками—Павломъ, Алимпіемъ и Геронтіемъ? Перечислять всѣ ихъ дѣянія этого рода было бы слишкомъ длинною повѣстью о наглой лжи и безстыдствѣ, устроившихъ раскольникъ „древле-православное архіерейство“. Припомните, гг. Грачевъ и Малиновцевъ, что вѣдь первымъ шагомъ въ заграничныхъ подвигахъ для основанія „древле-православной іерархіи“ было *самозванство* Павла и Геронтія, а послѣдующими—подлоги, машенничества и *ложь*.

1) „Мисс. Обзор.“ май, стр. 886.

Пробравшись за границу подъ чужими паспортами и именами 1), иноки эти далѣе начинаютъ обманывать австрійское правительство. Подавъ прошеніе 14 февр. 1840 г. о разрѣшеніи устроить архіерейскую каѳедру въ Бѣлой Криницѣ, липоване обязывались „никакихъ будущему епископу вспоможеній отъ правительства не просить, а содержать его на полной своей отчетности“ 2). Вслѣдствіе этого были назначаемы правительственныя комиссіи,—чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли монастырь Бѣлокриницкій обладаетъ достаточными средствами для содержанія епископа. И какъ же Павелъ обводилъ эти комиссіи? Монастырю нужно было показать свои средства. И вотъ Павелъ, слѣдуя іезуитскому правилу—цѣль оправдываетъ средства, прибѣгаетъ къ *мошеничеству, лжи и обману*. Онъ проситъ зажиточныхъ липованъ дать монастырю *только на время слѣдственной комиссіи* свои наличныя деньги, которыя монастырь могъ бы выдать комиссіи за свои и, кромѣ того, дать *заемныя письма*, якобы они (эти липоване) состоятъ монастырю должными *извѣстныхъ суммъ*, т. е. дать *фальшивые* векселя, которые и могли бы быть предъявлены комиссіи въ качествѣ принадлежащихъ монастырю денежныхъ документовъ 3). Того и другого Павелъ достигъ. У монастыря оказались и наличныя большія деньги и векселей по небывалымъ займамъ на 10,000 левовъ. Для мнимаго увеличенія средствъ монастыря Павелъ и Алимпій, забывъ всякій стыдъ, написали лично отъ себя „завѣщательные акты“ монастырю, по которымъ каждый изъ нихъ предоставилъ якобы въ монастырскую собственность унаслѣдованныя отъ отцовъ своихъ по 5,000 лев. сер. 4). Недвижимая собственность и инвентарь монастыря показаны были съ неменьшею наглостью 5). Ком-

1) «Переписка раск. дѣят.» Субб. вып. I, стр. 9.

2) «Исторія» Субб. вып. I, стр. 103.

3) А на всякій случай векселедавцамъ выданы росписки, что должныя суммы уже уплачены ими сполна. Московскіе толстосумы участія въ дѣлѣ пока еще не принимали.

4) Отецъ Петра Великодворскаго (ин. Павла) умеръ, оставивъ семейство свое въ *нуждѣ*; „такъ какъ былъ подверженъ пьянственной слабости, отъ того и состоянія никакого не нажилъ“. «Исторія» Субб. вып. I, стр. 57.

5) «Матер.» Субб. стр. 93—96 и «Исторія» вып. I, стр. 153—155 163—164.

миссія прошла благополучно... Описавши все свое *плутовство* и *мошенничество*, благодаря которымъ удалось провести комиссію на пользу „*ведомствующія невесты, древле-православныя Христовы церкви*“, Павелъ восклицаетъ: „во истину *Божій промыслъ сіе было* (это *ложь-то*, отецъ которой *дьяволъ*, и *мошенничество*!), *Богъ умудряетъ* и самые младенцы“... 1) (на *обманъ-то* и *фальшивые векселя*!) Проведши всякія комиссіи австрійской власти, самозванцы—Павелъ и Алимпій получаютъ изъ Крайзамта 12 ноября 1844 г. увѣдомленіе, что „его императорское королевское величество, декретомъ 18 сент. 1844 г. позволяетъ имъ взять изъ-за границы духовнаго верховнаго пастыря, или святителя“... 2). Основаніе для „*истинной Церкви*“ положено. Отъ *лжи* происходитъ „*истина*“!.. Не будь со стороны Павла, Алимпія и Бѣлокриницкой громады безстыднаго мошенничества, не быть бы и декрету 18 сент. 1844 г., не быть бы, пожалуй, и „христореданному“ австрійскому священству“. „Но есть ли еще какая возможность, скажемъ словами автора „*пѣздки*“, имѣть большую *путаницу* и *обманъ* въ такомъ серьезномъ дѣлѣ“?.. А кто не знаетъ, сколько самой недобросовѣстной „*путаницы*“ дозволено было Павломъ въ переговорахъ съ несчастнымъ Амвросіемъ? Разсчитывая на то, что греческіе епископы не имѣютъ надлежащаго понятія о русскомъ расколѣ и „давно уже рѣшивъ въ своей совѣсти, что ради доброй (якобы) цѣли позволительно всякое лукавство, безсовѣстное умолчаніе и искаженіе истины, иннокъ Павелъ положилъ за правило: въ бесѣдахъ о старообрядчествѣ съ грековосточными епископами ничуть не упоминать о самомъ главномъ,—о томъ, что старообрядцы признаютъ грековосточную Церковь *еретическою* и что за это Московскимъ соборомъ греческихъ и російскихъ іерарховъ въ 1667 году они подвергнуты проклятію и отлученію „отъ православной Церкви“ 3). И дѣйствительно, въ своихъ бесѣдахъ съ греческими епископами, Павелъ указываетъ различіе между православною Церковью и старообрядчествомъ только обрядовое, умалчивая о дѣйствительныхъ отношеніяхъ раскольниковъ къ греко-россійскому православію. Не допусти Па-

1) Письмо отъ 16 окт. „Исторія“ Субб. I вып., стр. 155.

2) „Матер“ . Субб. стр. 116.

3) „Исторія“ Субб. вып. I, 221.

вель этого злонамѣреннаго умолчанія, ему, или его брати, и до сихъ поръ, можетъ быть, пришлось бы искать заморскаго „благочестія“. И думаемъ это не безъ основанія. Со словъ самого Павла извѣстно, что одинъ греческій епископъ „весьма занялся выслушаніемъ“ раскольниковыхъ депутатовъ, но... „соглашался съ тѣмъ, чтобы мировать (раскольникамъ) съ греческою Церковью безъ всякаго раздора, когда же ему открыто было и объяснено, что, съ принятіемъ старыхъ обрядовъ, нужно будетъ навсегда учинить отреченіе законнымъ образомъ, по правиламъ не только отъ „новыхъ“ обрядовъ, но и отъ самой Церкви, содержащей ихъ, то онъ въ тотъ же часъ отряхнулъ руки, и рѣшительно отказалъ, и горше всѣхъ сдѣлался неприступенъ“ 1). Крѣпко держась правила своей тактики, Павелъ и Алимпій подступили послѣ этого къ митрополиту Амвросію. Но на первый разъ успѣха не было. „Митрополитъ сперва отказалъ, яко боится и помыслить, чтобы отступить отъ своего патріарха и отъ своей греческой Церкви“... „ибо всѣ греки вообще такъ говорятъ, что ихъ вѣра, вкупѣ съ великороссійскою, надъ всѣми въ цѣломъ свѣтѣ вѣрами, какъ солнце надъ землей, благочестіемъ сіяетъ“ 2). Потерпѣвъ неудачу, какъ извѣстно, раскольничьи послы не отчаялись: они „призвали къ себѣ Амвросіева сына“ 3) и употребили все усердіе, чтобы выманить у него ходатайство за нихъ предъ своимъ отцомъ. Житейскія выгоды, которыя обѣщаны были депутатами бѣдствовавшему въ Царь-градѣ Георгію и его несчастному отцу, въ случаѣ занятія послѣднимъ новоучреждаемой бѣлокриницкой кафедрой, возымѣли свое дѣйствіе. Переговоры съ Амвросіемъ возобновляются. Вѣрный своему правилу и наученный предыдущимъ опытомъ, Павелъ выясняетъ боявшемуся „измѣнить православной Церкви и принять „неправую вѣру“ Амвросію, что раз-

1) „Переп. раск. дѣят.“ вып. I, стр. 67. Письмо Павла въ Торжокъ. „Исторія“ Субб. вып. I, стр. 223—4.

2) „Письмо въ Торжокъ“, „Переп. раск. дѣят.“ Субб. вып. I, стр. 67—68.

3) Достоинно замѣчанія—призвали его въ *корчму* къ одной вышедшей изъ Россіи *жидовкѣ*, гдѣ поселились депутаты и гдѣ сынъ этой жидовки—Рувимъ иногда служилъ для нихъ посредникомъ въ переговорахъ съ Георгіемъ и Амвросіемъ—Субб. „Исторія“ вып. I, стр. 227 прим.

ница между старообрядцами и православіемъ только *обрядо-вая* ¹⁾. Правда, опасаясь за будущее,—въ случаѣ Амвросіи „легкомысленно“ пойметъ эту разницу и не будетъ ничего знать объ отверженности раскольниковъ отъ Церкви,—Павель спѣшитъ „представить ему возраженія противъ его легкомыслія“. Но эти возраженія опять таки были изложены такъ безсовѣстно и лукаво, что ничего не прибавляли къ прежнимъ свѣдѣніямъ Амвросія о русскомъ расколѣ и не могли казаться ему страшными. „Наши послы, читаемъ въ письмѣ въ г. Торжокъ, написали ему, что онъ необходимо долженъ будетъ, по прибытіи къ нашей церкви, пер-вѣе всего дѣйствія принять себѣ отца духовнаго изъ *нашихъ священниковъ*, и что духовникъ предлагать будетъ необходимое въ *присоединеніи* церковномъ, то исполнить долженъ безъ всякаго прекословія, то есть сдѣлать предъ престоломъ Божиимъ... исповѣданіе православныя вѣры и проклятіе *всѣхъ ересей*... Митрополитъ сему очень внялъ и въ томъ успокоился, и не замедлилъ изъяснить свою готовность“ ²⁾. И эту продѣлку съ Амвросіемъ Павель называетъ „сватовствомъ“ ³⁾. Не „сватовство“ это, а позорное, лживое и прелюбодѣйное свиданіе... Заикнулся-ли Павель хоть словомъ, что эти *наши священники*—суть бѣглые попы, по каноническимъ правиламъ повинные изверженію изъ сана? Сдѣлалъ-ли онъ хоть намекъ, что духовникъ изъ такихъ священниковъ будетъ *подвергать* Амвросія, какъ „*необходимому въ присоединеніи церковномъ*“, *чинопріятію отъ ереси* (второго чина) *приходящихъ*? Объяснили-ли онъ, что подъ *нашимъ* разумѣется раскольничье общество, осужденное соборомъ греко-російскихъ іерарховъ и состоящее подъ церковной анаемой? Предупредилъ-ли онъ Амвросія, что послѣдній въ числѣ *ересей* долженъ будетъ проклять и „*никоніанство*“, т. е. грекоросійскую православную Церковь ⁴⁾? Если бы Павель „не обинуясь“ показалъ Амвросію, что значить „правую со-

¹⁾ «Исторія» Субб. вып. I, стр. 228—245 «Переп. раск. дѣят.» вып. I, 70.

²⁾ «Переп. раск. дѣят.» вып. I, стр. 68—69.

³⁾ Для „вдовствующія *невесты*, *древлеправославныя* Христовы церкви“—«*еретикъ* 2 чина»—*женихъ* не завидный!

⁴⁾ «Матеріалы» Субб. стр. 162—167.

вѣстью вступить въ старообрядческую Церковь“¹⁾, едва ли бы злосчастный митрополитъ послѣдовалъ примѣру Іуды— продать вѣру за сребренники! Но Павелъ этого не показалъ. И Амвросій, опозорившій на вѣки свой санъ и свое имя, рѣшается вопреки канонамъ (второ-пер. соб. 13—15) бѣжать отъ *православнаго* патріарха и *православной* Церкви къ анаематствованному обществу русскихъ раскольниковъ. 15 апр. 1846 г. онъ подписываетъ «*секретное условіе*» съ самозванцами: «Я нижеподписавшійся, Боснійскій митрополитъ Амвросій Поповичъ, заключилъ сіе условіе съ *австрійскими* (?) вѣрноподданными... Алимпіемъ Милородовымъ и Павломъ Васильевымъ въ томъ, что согласился я поступить (*никимъ законно не посланный*) въ старовѣрческую религію верховнымъ пастыремъ... по прибытіи въ Бѣлокриницкій монастырь принять духовнаго отца изъ тамошнихъ священниковъ (*бѣглыхъ поповъ, подлежащихъ изверженію*) и учинить (*отступничество отъ православія*) то, что будетъ предлагать мнѣ духовникъ необходимое въ присоединеніи церковномъ (*чиндріемъ отъ ереси приходящихъ—мгропомазаніе и проклятіе грекороссійской Церкви*), а самому мнѣ до смерти жить въ томъ монастырѣ и получать жалованья въ годъ по пяти сотъ червонцевъ австрійскимъ золотомъ (*Іуда предатель взялъ только 30 сребренниковъ*) и пока буду живъ, обязуюсь исполнять... монастырскій весь уставъ (*въ которомъ, между прочимъ, содержится аrianская ересь о подлѣтнемъ рожденіи Сына Божія*)²⁾... а монастырь обязанъ перевести на свой счетъ изъ Босніи родного сына моего Георгія Поповича и его жену (*возлюбилъ сына паче Христа*)... и купить имъ (*вмѣсто оставленной Церкви Христовой*) въ Бѣлокриницѣ въ вѣчную (*вѣчное уже продано за временное*) собственность домъ, съ дворомъ и огородомъ въ тысячу червонныхъ, а въ случаѣ моей смерти вознаградить ихъ отъ монастыря по усмотрѣнію, но не менѣе тысячи червонныхъ, въ чемъ и подписуюсь. Боснійскій митрополитъ Амвросій»³⁾. И 28 октября 1846 г. бѣглый митропо-

1) Письмо въ Торжокъ «Переп. раск. дѣят.» вып. I, стр. 68—70.

2) См. Бар. л. 326 и уставъ Бѣлокр. мон. «Исторія» Субб. вып. I, стр. 112.

3) Курсивъ въ условіи—нашъ.

лить Амвросій, «еретикъ» 2 чина ¹⁾ (по признанію липованъ), былъ принятъ въ расколъ и положилъ начало австрійской іерархіи. Скорбный и позорный для Амвросія листъ въ церковной исторіи! Не было бы его, какъ и австрійской лже-іерархіи, не будь безстыдной *лжи* Павла, позволенія Австрійскаго *католическаго* императора и пособничества *поляка-мусульманина* пана Чайковскаго. «Есть-ли, спросимъ почтеннаго автора «поѣздки», какая возможность имѣть большую *нуждѣ* и *обманъ* въ такомъ серьезномъ дѣлѣ?» Но авторъ, вѣроятно, уповаетъ, что Павловъ обманъ спасителенъ, а потому и самъ не прочь употребить въ дѣло приемы Павлова радѣнія на пользу «древлеправославной іерархіи»... «Поѣздка» не оставляетъ въ этомъ сомнѣнія. Правда, авторъ не разъ заявляетъ въ «поѣздкѣ», что онъ ищетъ и «желаетъ только одной *истины* и *правды*», что онъ, излагая итоги своей миссіи, безпристрастенъ и не имѣетъ никакихъ «за-таенныхъ» мыслей. Но эти заявленія слишкомъ малоцѣнны: какой же адвокатъ, защищая дѣло своего кліента, открыто скажетъ судьямъ, что онъ имѣетъ *затаенныя* мысли, что онъ *пристрастенъ* и отстаиваетъ *неправду*? Даже діаволъ, искушая Христа, ссылаясь на слова Писанія... Содержаніе «поѣздки» и тѣ пререкаемые пункты касательно законности австрійской іерархіи, выясненія которыхъ авторъ искалъ на Востокѣ, лучшее свидѣтельство его безпристрастія. Для утвержденія «австрійскихъ» въ ихъ лже-упованіи и привлеченія къ «австрійщинѣ» «часовенныхъ» и другихъ раскольничьихъ толковъ авторъ наводитъ справки на Востокѣ только о томъ, какъ въ греческой Церкви совершается крещеніе—трехпогружательно или обливательно—и не былъ-ли запрещенъ Амвросій до своего перехода въ расколъ? Достойный ученикъ Павла... Въ своихъ бесѣдахъ съ грече-

¹⁾ Амвросій попалъ наконецъ въ Бѣлой Криницѣ, куда онъ попалъ, но, очутившись, какъ бѣглый митрополитъ, въ безвыходномъ положеніи, какъ „рыба во мрежи сидящая“ и „человѣкъ, сжатый клещами“ (слова ин. Павла), въ протестъ противъ принятія его отъ мнимой ереси сказалъ только Павлу чрезъ переводчика: „видно и ты Павелъ глупый“ („Исторія“ Субб. I вып., стр. 302—303). Исповѣдывался Амвросій (не знавшій русскаго языка) у бѣлаго іеромонаха Іеронима (не знавшаго языка греческаго) и имъ же былъ перемазанъ.

скими священниками и членами патріархіи авторъ не касается сущности русскаго раскола. И собесѣдники его, не зная по существу упованія вопрошающаго ¹⁾ ихъ русскаго путешественника, даютъ ему успокоительныя свѣдѣнія. И вотъ, подводя «итоги» своей миссіи по этимъ свѣдѣніямъ, авторъ побѣдоносно высказываетъ свою убѣжденность въ *правильности* принятія Амвросія и *истинности* «древлеправославной Церкви—австрійской». Ложная побѣда и преждевременное торжество! Если бы авторъ дѣйствительно искалъ „*истины* и утвержденія въ ней», не такъ и не тѣ бы только справки наводилъ онъ въ грековосточной Церкви. «Смотря въ корень», онъ прежде всего освѣдомилъ бы своихъ собесѣдниковъ съ сущностью раскольничьяго упованія и потомъ уже, примѣнительно къ сему, просилъ бы ихъ рѣшить его недоумѣнія. Вотъ, молъ, отцы, въ половинѣ 17 в. россійскимъ патріархомъ Никономъ, по указанію и съ согласія восточныхъ святителей и соборнаго рѣшенія русской Церкви (соборъ 1654 г.), предпринято было исправленіе русскихъ богослужебныхъ книгъ и обрядовъ. Но этому дѣлу нашлись противники. Никоново исправленіе они почли за введеніе разныхъ ересей, самого Никона обозвали еретикомъ, а грекороссійскую Церковь стали всячески похулять, какъ *еретическую*. Московскій соборъ 1667 г., состоявшій изъ русскихъ и греческихъ святителей, рассмотрѣвши вины этихъ хулителей грекороссійской православной Церкви—церковныхъ раздорниковъ, предалъ ихъ анаемѣ, и съ тѣхъ поръ они, анаематствованные, обособились въ отдѣльное религиозное общество, которое именуется раскольничьимъ. Общество это, т. е. раскольники, съ самага соборнаго осужденія, оставалось безъ іерархіи и полноты церковныхъ таинствъ, почитая грекороссійскую Церковь за еретическую.

¹⁾ „Изучившій и окончившій высшую науку по богословію“ отецъ богословъ («Мисс. Обзор.» окт. 430) мало побуждаетъ насъ къ огоркѣ: во время „сватовства“ Павлова въ Константинопольской патріархіи былъ „мудрый нѣкій учитель, весьма всѣми уважаемый („Переп. раск. дѣят.“ вып. I, стр. 69), къ церковно-историческимъ познаніямъ котораго, какъ ученаго мужа, и самъ Амвросій относился съ уваженіемъ. И однако сей мужъ въ старообрядческомъ двуперстїи видѣлъ символъ содержанія раскольниками духоборческой ереси („Переп. раск. дѣят.“ вып. I, стр. 70).

Теперь скажите мнѣ «безъ задней какой-нибудь затаенной мысли только одну правду», общество это, *почитая всѣхъ епископовъ во вселенной за еретиковъ и не имѣя ни одного единовѣрнаго себѣ епископа сотни лѣтъ, можетъ-ли быть святою соборною апостольскою Церковью Христовой?* Получивъ на этотъ вопросъ отвѣтъ, конечно, отрицательный, онъ продолжилъ бы свою бесѣду другимъ вопрошеніемъ: *если бы къ этому обществу, не составляющему собой „Церкви Христовой“, прибѣжалъ еретикъ второго чина, имѣвшій епископскій санъ въ своей вѣрѣ, и этимъ обществомъ былъ бы перемазанъ и принятъ въ сущемъ санѣ, могъ ли бы онъ своею еретическою благодатью изъ нецеркви образовать Церковь Христову?* И на это отвѣтъ былъ-бы отрицательный. Спаси Христось, сказалъ бы далѣе авторъ своимъ собесѣдникамъ и открылся бы имъ на чистоту: я-де, отцы, раскольникъ, общество наше сотни лѣтъ не имѣло ни единого во вселенной единовѣрнаго намъ епископа преемственно апостольской хиротоніи и, какъ мы сами додумались ¹⁾, не было соборной апостольской церковью; стали мы искать архіерейства; при помощи *католиковъ да мусульманина*, мы тайно достали себѣ въ Бѣлую Криницу вашего митрополита; приняли его въ свое общество, какъ *еретика второго чина*; онъ *проклялъ греческую Церковь, какъ еретическую*, и, посвятивъ себѣ преемника, положилъ начало Бѣлокриницкому священству или австрійской церкви, которая, какъ вы, спаси Христось, выяснили, не можетъ быть, оказывается, святою соборною апостольскою Церковью Христовой. Съ такимъ существеннымъ и воистину правильнымъ рѣшеніемъ вопроса касательно своего упованія и возвратился бы авторъ во свояси отъ «располагающихъ къ себѣ» греческихъ отцовъ. Но такія справки автору не подходили, по характеру и цѣлямъ его миссіи.

Далѣе, въ бесѣдахъ съ греческими священниками и членами патріархіи авторъ ни словомъ не коснулся каноническихъ правилъ, которыя во *множествѣ* были попораны митрополитомъ Амвросіемъ,—въ бѣгствѣ его отъ своего *православнаго* патріарха (13—15 пр. 1—2 соб.), въ *единоличномъ* поставленіи себѣ преемника (1 пр. ап. 4—1 вс. соб) и т. под. (хотя противоканоническія дѣянія Амвросія представляютъ

¹⁾ «Исторія» Субб. вып. II, стр. 253.

собой предметъ апологіи «австрійскихъ» не предъ православными только, но и «часовенными и «бѣловодскими» и др.),—и тѣмъ не менѣе не постыдился въ заключеніи «поѣздки» выразить свое убѣжденіе, что Амвросій принять *совершенно правильно* ¹⁾. Очевидно, авторъ не совсѣмъ ясно представляетъ себѣ то, о чемъ говорить: поступать *правильно*—значитъ исполнять въ своихъ дѣйствіяхъ *правила*. Но гдѣ и какихъ соборовъ и святыхъ отецъ—есть *правило*, по которому митрополитъ могъ бы уйти въ качествѣ пастыря безъ позволенія своего *православнаго* патріарха къ другому религіозному обществу? Гдѣ *правило*—митрополиту быть приняту *отъ ереси былымъ іеромонахомъ*? Гдѣ *правило*—митрополиту *единолично* поставлять себѣ преемника? и т. д. и т. д. Такихъ *правиль* въ православной Церкви нѣтъ и не было. Это сознавали и сами австрійскіе лже-епископы. Аркадій Славскій (лже-епископъ) писалъ попу Василию Каменскому: «вратами нынѣшнее время не единъ святитель не вниде. Врата суть *правила* обдержныя... Церковь наша вся на *случайныхъ* правилахъ, а *вратъ* не имать, т. е. обдержныя *правила* празднуютъ... Разсмотримъ и самый корень,—Амвросія: *не вратами* (онъ вошелъ); я однажды отцу Павлу написалъ объ Амвросіи пунктовъ до 14... итакъ отецъ Павелъ не доказалъ..., что творить? *Обдержныя* нужно оставить, т. е. врата, а искать малую дверь гдѣ-нибудь побочную» ²⁾. А кто, по Писанію, именуется не входящимъ вратами?—точію тать и разбойникъ. «Если по обдержнымъ *правиламъ*, пишетъ тотъ же Аркадій, рассмотримъ нашу всю Церковь, *то, едва-ли что въ ней останется незглобемо*» ³⁾. А, по словамъ самого Павла бѣлокриницкаго, «поступающіе *чрезъ правилъ* и *преступающіе* законъ не оправдятся» ⁴⁾.

Вотъ насколько *правильна* и законна австрійская іерархія и церковь, по откровенному сознанію самихъ ея столповъ. Авторъ «поѣздки» зналъ, нужно думать, эти грозные подводные камни и направилъ ладью своей миссіи мимо,—подалеже отъ нихъ... Онъ собираетъ свѣдѣнія только

1) См. «Мисс. Обзоръ». Ноябрь, 613.

2) «Переп. раск. дѣят.» вып. II, стр. 108—110.

3) Письмо къ Кириллу отъ 19 мар. 1862 г. „Переп. раск. дѣят.“ II вып.. стр. 149.

4) „Исторія“ Субб. II вып.. 282.

о крещеніи у грековъ и о томъ, не былъ-ли Амвросій запрещенъ до своего перехода въ расколъ? Точно въ рѣшеніи этихъ лишь вопросовъ «быть или не быть» австрійской лже-церкви. Что же, однако, привезено авторомъ съ Востока и по этимъ-то вопросамъ? Да не много въ сущности утѣшительнаго. Онъ навелъ справки, что греческая Церковь *обдержно* совершаетъ крещеніе *трехпогружательно* и возстаетъ противъ *латинскаго обливанія*. Но, какъ ужъ выше сказано, греческая Церковь никогда не отрицала и обливательнаго крещенія въ случаяхъ *смотрительныхъ*. Теперь, какъ-же крещенъ Амвросій—трехпогружательно или обливательно? Авторъ объ этомъ не справлялся, да и нѣтъ возможности получить откуда-нибудь такую справку. Если вѣрить словамъ инока Павла, митрополита Амвросій сказалъ: «я извѣстно о себѣ увѣренъ, что крещенъ въ три погруженія, а именно потому, что отецъ мой былъ всеревностный священникъ и всеопасный *хранитель всего того, что изображено въ печатныхъ греческихъ книгахъ*, кольми паче сіе важное дѣло, когда въ требникѣ напечатано крестить въ три погруженія» ¹⁾. Амвросій, по словамъ Павла, увѣренъ въ трехпогружательности своего крещенія (такъ какъ самъ, естественно, его не помнить) только потому, что отецъ его былъ всеопаснымъ *хранителемъ написаннаго въ греческихъ книгахъ* касательно образа крещенія. Но вѣдь въ греческихъ же книгахъ, какъ выше показано, имѣется дозволеніе въ случаѣ болѣзни крещаемаго употреблять и обливательный способъ крещенія. Стало быть, если новорожденный Амвросій былъ слабъ, то могъ быть крещенъ и обливательно. Итакъ, вопросъ, трехпогружательно или обливательно крещенъ Амвросій, остается открытымъ.

IV.

Не большихъ результатовъ достигла поѣздка раскольничьей депутаціи и по второму вопросу, *не былъ-ли митрополитъ Амвросій запрещенъ до своего перехода въ расколъ?* Достоинно прежде всего замѣчанія, что, наводя справки по сему вопросу, депутаты просятъ «отца протосингела высказать все то, что *ему извѣстно*» объ Амвросіи, «*ушедшемъ изъ ихъ*»

1) Письмо въ Торжокъ. «Переп. раск. дѣят.» вып. I, стр. 71.

Церкви къ старообрядцамъ русскимъ» ¹⁾. Почему бы депутатамъ не сообщить протосинкелу прежде всего *самимъ* всего того, что *имъ* извѣстно объ Амвросіѣ, т. е., что онъ *не ушелъ* только къ старообрядцамъ, а оставилъ восточное православіе, торжественно проклялъ грекороссійскую Церковь и, какъ еретикъ второго чина, принялъ перемазаніе отъ бѣглаго попа въ обществѣ, *анавематствованномъ* соборомъ грекороссійскихъ святителей въ 1667 году? Дѣло, полагаемъ, приняло бы другой оборотъ. Сказать же, что Амвросій только *ушелъ* къ старообрядцамъ или старообрядцамъ, не пояснивъ при этомъ, что эти старовѣры считаютъ грекороссійское православіе *ересью* второго чина, значитъ самое большее, дать только мысль объ его (Амвросія) схизматизмѣ, его самовольномъ удаленіи къ обществу *единовѣрныхъ* ему отдѣленцевъ. Такъ, несомнѣнно, дѣло и понято было членами патріархіи и «греческими священниками», имѣвшими бесѣды съ „русскими старовѣрами“, Основаніе для сего имѣется въ самой «поездкѣ». Говоря о «немыслимости», если вѣрить раскольничьимъ депутатамъ, отрицать на Амвросіѣ, *ушедшемъ* къ русскимъ старообрядцамъ, хиротонію, греческіе собесѣдники въ качествѣ основанія для своей мысли указываютъ на то, что «и отъ еретиковъ даже хиротонія признается дѣйствительной». ²⁾ Не ясно ли, что въ своихъ старообрядчествующихъ собесѣдникахъ они вовсе не подозрѣвали *вѣрвой* разности (еретикъ, *иже вѣроу* чуждъ Вас. Вел. I пр.) съ грековосточнымъ православіемъ, въ силу которой Амвросій принятъ въ Бѣлой Кричицѣ, какъ еретикъ второго чина. Они «выясняли» только раскольничьимъ депутатамъ, что патріархія «*ухода* (?) митрополита Амвросія одобрить не можетъ, а безусловно порицаетъ его и осуждаетъ» ³⁾. Какія же, однако, свѣдѣнія получили раскольничьи депутаты въ патріархіи по вопросу о томъ, запрещенъ былъ Амвросій до своего перехода въ расколъ или нѣтъ? Слѣдующія: 1) отецъ протосинкель, «богословъ» и «секретарь» «выяснили» имъ, что «патріархатъ, оберегая свои отношенія къ россійскому церковному управленію, вообще избѣгаетъ давать объясненія какія-либо на поступающія многочисленныя ходатайства русскихъ старообрядцевъ,

¹⁾ «Мисс. Обзоръ», окт., 434.

²⁾ Тамъ же, стр. 438.

³⁾ Тамъ же.

и что въ особенности нельзя рассчитывать на отвѣты официальные и письменные»... 1) «Митрополитъ Амвросій былъ не изверженнымъ и незапрещеннымъ (въ Константинополѣ), а лишь былъ безъ кафедръ, или епархіи, потому что турецкое правительство... принудило патріарха отозвать его изъ Босніи»... 2) «объ изверженіи изъ духовнаго сана или запрещеніи митрополита Амвросія, самовольно *удалившася* къ русскимъ старообрядцамъ... говорить и утверждать не существуетъ никакихъ данныхъ» 3). Вотъ и всѣ свѣдѣнія. И что же? Авторъ «поѣздки» въ восторгѣ отъ нихъ: «эта бесѣда, пишетъ онъ, *окончательно* выяснила намъ ясно всѣ желаемые вопросы». *Окончательно* и *всѣ!*.. Какое, подумаешь, озареніе получилъ раскольничій ходокъ! Изъ *всѣхъ* вопросовъ, которые *окончательно ясно выяснила* ему бесѣда, мы предложили бы ему *только* одинъ, главнымъ образомъ интересующій его: былъ-ли запрещенъ Амвросій до своего перехода въ расколъ? На основаніи полученнаго „авторомъ“ *окончательно яснаго выясненія всѣхъ вопросовъ*, отвѣтъ его можетъ быть только такой: члены патріархіи по этому вопросу «стараятся замалчивать» и боятся сказывать; Амвросій былъ лишень епархіи по распоряженію турецкихъ властей, а былъ-ли онъ запрещенъ до перехода въ расколъ, говорить объ этомъ *не существуетъ никакихъ данныхъ*. Вотъ вамъ *окончательно ясное рѣшеніе* вопроса! Ясность поразительная. Заморскаго «грандіознаго» путешествія стоила!. Болѣе *ясное выясненіе* своего вопроса авторъ могъ бы найти въ документальной «Исторіи такъ наз. австр. или бѣлокр. священства» Субботина. До своего противоканоническаго бѣгства къ раскольникамъ митрополитъ Амвросій былъ только, по этой «Исторіи», безъепархіальнымъ, но не запрещеннымъ въ священнодѣйствіи; когда же о бѣгствѣ его стало извѣстно константинопольскимъ духовнымъ властямъ, то патріархъ Анеимъ III грамотой своею на имя православнаго карловицкаго митрополита Іосифа 4) *запретилъ Амвросія въ архіерейскомъ священнодѣйствіи*. Въ грамотѣ этой патріархъ пи-

1) «Мисс. Обзор.», окт., стр. 437—438.

2) 3) Тамъ же.

4) Патр. Анеимъ полагалъ, на основаніи слуха, что м. Амвросій скрывается въ монастырѣ близъ Вѣны, находящемся въ вѣдѣніи православнаго митр. карловицкаго Іосифа.

саль, что «Амвросій за свое *блѣство* ¹⁾ подлежитъ суду и *не можетъ канонически совершать архіерейскія священнодѣйствія*, почему и онъ, митрополитъ Іосифъ, не долженъ позволять ему совершенія такихъ священнодѣйствій» ²⁾).

Грамота патріаршая помѣчена *14 окт. 1846 г.* А въ расколъ Амвросій былъ принятъ *28 окт. того же* года. Отсюда *окончательно ясно, что бллокриницкіе раскольники приняли за-прещеннаго митрополита!* Итакъ, къ показаннымъ уже достоинствамъ австрійской іерархіи прибавляется еще одно, — что она ведетъ свое начало отъ митрополита *запрещеннаго*! Отъ души скорбимъ о духовной слѣпотѣ «австрійскихъ» старообрядцевъ и прежде всего—автора «поѣздки»!

Оказывается, напрасно авторъ клевететь на Св. Синодъ и греческое церковное священноначаліе, говоря, что послѣднее не даетъ отвѣтовъ на раскольничьи вопрошенія относительно австрійской лжеіерархіи подъ давленіемъ перваго. Какъ ни велика сила раскольничьяго капитала, но ей не удастся погасить правду и совѣсть греческаго священноначалія.

О поведеніи миссіонеровъ православной Церкви, на которыхъ сѣтуетъ авторъ, и раскольничьихъ грамотеевъ, „при мирныхъ собесѣдованіяхъ“, предоставимъ судить тѣмъ, кому случалось присутствовать на нихъ: христіанское терпѣніе первыхъ и дикая ругань (площадная подъ-часъ) вторыхъ—явленія обычныя.

Послѣднія наши слова автору. Въ „итогахъ“ своей поѣздки вы, почтен. авторъ, призываете свою братію „для общей душевной пользы по братски, тихо, безъ колкостей и

1) За одно противокан. *блство* патріархъ *запущаетъ* Амвросія и признаетъ его не имѣющимъ каноническаго права совершать архіерейскія дѣйствія, а слѣдовательно, и происшедшую отъ него іерархію — противоканонической и недѣйствительной (если бы Амвросій убѣждалъ даже къ православнымъ, что предполагалъ п. Анѣимъ). Знаи же патріархъ кромѣ того, что Амвросій убѣждалъ къ обществу *инострному, отступилъ отъ православной Церкви, торжественно проклялъ* ее и принялъ перемазаніе, какъ *еретикъ* 2 чина, судъ его объ Амвросіи и происшедшей отъ него іерархіи, былъ бы, разумѣется, еще болѣе строгимъ.

2) Списокъ этой грамоты на греческомъ языкѣ, сдѣланный въ недавнее время въ патріаршемъ константинопольскомъ архивѣ — имѣется у автора „Исторіи“ (вып. II, стр. 119—121).

дрязгъ житейскихъ... прибѣгнуть къ богатому драгоценному бисеру—священному Писанію, оставленному намъ на нашу душевную пользу и спасеніе святыми отцами, вселенскими учителями... и проповѣдниками ученія Христова, и поразмыслить, поразсудить на основаніи *онаго* свое горестное положеніе“ 1). „Поразмыслите же и поразсудите теперъ, на основаніи Писанія и „по братски, тихо“... Отсутствіе у „часовенныхъ священства „больше *полстольтія*“, по вашей мысли, обнаруживаетъ ихъ сомнѣніе въ обѣтованіяхъ Христа о неодолимости Церкви, каковое вы понимаете, какъ „тягчайшее безразсудство и погрѣшеніе“ 2). А принявшіе австрійщину, неповинны ли въ этомъ „тягчайшемъ безразсудствѣ и погрѣшеніи“, оставаясь цѣлыхъ 180 лѣтъ безъ епископства, а слѣдовательно и полноты церковныхъ таинъ 3)?! Подумайте! Далѣе, вы пишете: „мы приходимъ безусловно къ тому заключенію, что митрополитъ Амвросій былъ принять совершенно правильно согласно *примѣрамъ, бывшимъ въ древней Церкви*“ 4). Что Амвросій принять въ расколъ совершенно не по правиламъ, вамъ это показано; теперъ, хотя *примѣръ и не правило*, потрудитесь найти въ церковной исторіи хоть одинъ такой примѣръ, чтобы *вселенская Церковь*, лишившись *стѣзь* православныхъ епископовъ, *вынуждена* была (какъ это случилось съ „австрійскими“) покупать цѣною лжи и сребренниковъ епископскую благодать у бѣглыхъ *еретиковъ*? Такихъ примѣровъ не было въ Церкви *никогда* и быть *не можетъ*, поелику „врата адовы не одолѣютъ ей“. „Богъ не откажетъ намъ, справедливо полагаете вы, въ помощи просвѣтлѣть разумомъ, познать свое положеніе“ 5) Дай же вамъ, Господи, познать свое пагубное заблужденіе и, памятуя „последняя своя“, возвратиться изъ гибельныхъ скитаній къ истинно-православной греко-россійской Церкви Христовой со словами раскаянія блуднаго сына: «Согрѣшихъ на Небо и предъ Тобою».

„Ищите же прежде Царства Божія и правды Его“.

Н. Гринякинъ.

1) „Мисс. Обзор“, ноябрь 617.

2) „Мисс. Обзор“, ноябрь 613—616.

3) 39 пр. ст., Марг. жит. л. 144 об., Сим. Сол. гл. 77.

4) «Мисс. Обзор», ноябрь 617.

5) Тамъ же.

Можно-ли молиться за умерших инославныхъ христіанъ?

(Справка).

Вопросъ, поставленный въ заглавіи настоящей справки, возбужденъ былъ недавно (не въ первый разъ, впрочемъ,) ежедневной прессой („Гражд.“ № 74, „Новое Время“ № 9542 и д.), по поводу запрещенія панихидъ по генералѣ Гурчинѣ, командующемъ войсками виленскаго округа, въ православномъ соборѣ г. Вильны.

Газеты увидѣли въ этомъ запрещеніи оскорбленіе русской военной семьи, несправедливую жестокость. „Кажется, писать „Новое Время“, и канонами православной Церкви не запрещается молиться за инославныхъ“. „Петербургскія Вѣдомости“ пошли дальше. Съ малопонятнымъ остроуміемъ, тонкимъ, какъ рубашка короля въ Андерсеновской сказкѣ, газета припомнила по этому поводу „Гусса“, его костеръ и старушку, которая съ вязанкой дровъ торопится къ костру и т. д.

„Sancta simplicitas“! Мы съ готовностью повторимъ вмѣстѣ съ сотрудникомъ „СПБ. Вѣд.“ этотъ знаменитый возгласъ.

Странная idee fixe у „СПБ. Вѣд.“, которая заставляетъ газету всюду видѣть костры, дѣйствительно-часто сообщаетъ ей простоватый обликъ прославившейся старухи.

Понимаетъ-ли авторъ статьи „Sancta simplicitas“ смыслъ и причины запрещенія панихидъ? Я не буду повторять разъясненія, какія сдѣлала по данному вопросу виленская епархіальная власть („Свѣтъ“ № 267), и лишь сдѣлаю маленькую справку *по существу*. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ двумя практическими вопросами.

1) *Можно-ли православнымъ вообще молиться за души усопшихъ неправославныхъ христіанъ?* и 2) *Можетъ-ли быть совер-*

шаемо по этимъ усопшимъ заупокойное богослуженіе съ установленными православною Церковью обрядами?

На первый вопросъ, по моему мнѣнію, можетъ быть только отвѣтъ утвердительный ¹⁾. Не только можно, но должно православному христіанину молиться о спасеніи души, какъ живыхъ, такъ и умершихъ ближнихъ его, къ какимъ бы вѣроисповѣданіямъ они ни принадлежали. Въ волѣ Божіей принять наши моленія, наше же дѣло любить ближняго и отъ всего сердца, словомъ и дѣломъ радѣть о спасеніи души его. Было бы противно любви христіанской Церкви отказывать приходящимъ къ ней и просящимъ молитвѣ ея. Спаситель принесъ Себя въ жертву не только за всѣхъ живыхъ людей, но и за всѣхъ умершихъ и сказалъ: „любите другъ друга такъ, какъ Я возлюбилъ васъ“. Апостолы учили, что любовь не умираетъ, но переходитъ съ ея предметомъ и за гробъ. Эта безсмертная любовь и есть основаніе молитвы вообще и заупокойной въ частности. Любовь проявляется прежде всего въ молитвѣ, ходатайствѣ предъ Богомъ за ближнихъ, слѣдовательно молитва за усопшихъ есть плодъ нашей къ нимъ любви. Самъ Господь требуетъ отъ насъ, если мы желаемъ спасти себя, посильнаго нашего участія въ дѣлѣ спасенія ближнихъ, какъ живыхъ, такъ и умершихъ. „Молитесь другъ за друга; просите и дастся вамъ“. Ни въ Писаніи ветхаго завѣта, ни въ евангельскомъ ученіи, ни въ преданіяхъ св. апостоловъ, ни въ ученіи св. отцовъ и учителей Церкви, ни въ постановленіяхъ соборовъ.—нигдѣ нѣтъ запрещенія молиться за христіанъ не православныхъ! Вездѣ говорится о томъ, что мы должны молиться за ближнихъ усопшихъ въ надеждѣ воскресенія жизни вѣчной, молиться обо всемъ, непрестанно, за вся челоуѣки. Но если возможны и душеспасительны молитвы единичныя, то возможны и еще болѣе душеспасительны молитвы общественныя. Если могутъ молиться объ усопшихъ иновѣрныхъ ближнихъ православные міряне, то могутъ за нихъ же молиться лично отъ себя и вмѣстѣ съ мірянами также православные и священники. Во всемъ этомъ едвали можно сомнѣваться.

И Церковь молится. Въ мясопустную родительскую суб-

¹⁾ „Моск. Вѣд.“ 1885 № 91.

боту, когда Церковь напоминаетъ намъ о второмъ пришествіи Христа и о будущемъ страшномъ судѣ, св. Церковь, какъ чадолубивая мать, молится обо *всѣхъ* умершихъ дабы купно съ нами и они стали одесную Судии. При этомъ, въ эту субботу Церковь, по своему челоуѣколюбію, особенно молится о тѣхъ умершихъ, кои, какъ говоритъ синаксарій „*узаконенныхъ псалмовъ и тѣсноплѣнній памяти не получиша*“. Обращаясь къ Спасителю, Церковь въ этотъ день молится, между прочимъ, такъ: „*молимся прилежно: рабы Твоя упокой во дворѣхъ Твоихъ, и въ нѣдрахъ Авраама, отъ Адама даже до днесь, послужившія Тебѣ чисто*“. И далѣе: „*Вся призираай плотскія долги наши, Спасе нашъ, во всякомъ возрастѣ всего рода челоуѣча, предъ судищемъ Твоимъ постави не осуждены Тебѣ, Создателю отвѣщающія*“. Что здѣсь устанавливается молитва, между прочимъ, и за умершихъ *иноувѣрцевъ*, можно видѣть изъ читаемаго въ этотъ день синаксарія, гдѣ, между прочимъ, разсказывается слѣдующее. Св. Макарій Великій, найдя на пути сухой черепъ „*мужа нечестива элина*“, спросилъ его: „*бываетъ-ли когда во адѣ какое-либо чувство утѣшенія*“, и черепъ отвѣтилъ ему: „*большое облегченіе имѣемъ, когда ты, отче, молишься за усопшихъ*“, и *святой отецъ сталъ еще больше молиться о нихъ*. Далѣе, въ томъ же синаксаріи говорится, что богомерзкаго Теофила Теодора царица святыми мужми и исповѣдники отъ мученій исхити и спасе.

Здѣсь же помѣщенъ разсказъ о томъ, что св. Григорій Двоесловъ „*молитвою царя Траяна спасе*“! и т. д.

Поэтому и русская Церковь дозволяетъ (указы 1797 и 1888) провозжать усопшихъ иноувѣрцевъ до могилы священникамъ въ ризахъ, съ рѣніемъ „Св. Боже“. А это значить, полагаю я, что молитва за *инославныхъ не считается грѣхомъ*.

Но можно ли выводить отсюда позволительность совершенія надъ иноувѣрцемъ панихидъ, заупокойной службы.

Можетъ быть, именно содержаніе службъ не позволяетъ совершать ихъ надъ иноувѣрцемъ? Именно такъ.

Укажемъ нѣкоторыя молитвы и обряды погребальнаго чина, неумѣстность употребленія которыхъ по отношенію къ инославнымъ не можетъ подлежать спору. Къ числу такихъ обрядовъ и молитвъ въ чинѣ погребенія, по нашему мнѣнію, относятся: 1) покрытіе тѣла усопшаго церковнымъ

покровомъ, знаменующее собою то, что почившій ставитъ себя подъ покровъ и защиту православной Церкви, ее одну считая истинною и спасительною; 2) возложение Церковію на чело почившаго вѣнчика съ изображеніемъ Спасителя, Божіей Матери и Іоанна Предтечи, какъ свидѣтельство, даваемое Церковію почившему въ томъ, что, *по суду ея*, почившій за свою вѣру и по молитвамъ Богоматери и святыхъ Божіихъ достоинъ того вѣнца правды, который обѣщанъ любящимъ Бога; 3) вложение въ руки почившаго разрѣшительной молитвы, въ которой духовный отецъ почившаго властію іерейской разрѣшаетъ его отъ грѣховъ, по забвенію и немощи не исповѣданныхъ имъ при жизни; 4) тѣ выраженія молитвенныхъ пѣснопѣній чина погребенія и панихиды, въ которыхъ почившему испрашивается у Бога не только оставленіе прегрѣшеній, а и упокоеніе со святыми, со души праведныхъ скончавшихся, идѣже вси святіи упоковаются, въ царствіи небеснѣхъ, въ Церкви первенецъ, на небесѣхъ написанныхъ, и т. п.—и все это испрашивается за то, что почившій согрѣшилъ, *но покался, грѣшилъ волею, а не умомъ, и не отступилъ отъ вѣры православной до послѣдняго своего издыханія*, испрашивается молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ, и 5) возглашеніе Церковію вѣчной памяти почившему, той памяти съ похвалами, которая обѣщана праведникамъ, а особенно 6) совершеніе заупокойной литургіи, гдѣ часть просфоры, знаменуя собою *душу право вѣрующую и стоящую въ союзѣ церковномъ лица*, обагрывается кровью Св. Агнца. Этотъ обрядъ по существу—тайна и символъ единенія въ вѣрѣ живыхъ и усопшихъ, и приобщеніе сюда не возсоединеннаго есть *ложь*.

Но кажется, именно ложью и только *ложью* было бы признаніе къ иновѣрцу и другихъ, выше отмѣченныхъ обрядовъ. Какъ видитъ читатель, одни изъ указанныхъ обрядовъ и пѣснопѣній представляютъ собою какъ-бы самимъ почившимъ выражаемое исповѣданіе принадлежности его къ Церкви православной,—его вѣры православной: таково возложеніе церковнаго покрывала на тѣло почившаго и иконы на перси его; таковы же и тѣ молитвы, въ которыхъ какъ бы самъ почившій молить Господа, указуя Ему на свое покаянiе и правую вѣру. Другіе же изъ указанныхъ обрядовъ

и пѣснопѣній совершаются и произносятся отъ лица Церкви, которая, какъ чадолюбивая мать, въ отвѣтъ на исповѣданіе вѣры усопшаго, не только молить за него Жениха Своего, Христа, а и прямо отъ лица Послѣдняго обѣщаетъ почившему вѣнецъ правды, уготованный истиннымъ вѣрующимъ. Это обѣщаніе, выражаемое не въ смыслѣ простаго желанія а въ формѣ властнаго увѣренія, особенно рѣзко высказывается въ чтеніи разрѣшительной молитвы, возложеніи вѣнчика, въ возглашеніи вѣчной памяти и въ священническомъ отпустѣ. Отпустъ этотъ имѣетъ значеніе священническаго благословенія, поэтому онъ предваряется словомъ: „Христосъ истинный Богъ нашъ молитвами Богородицы... усопшаго раба Своего въ селеніяхъ праведныхъ учинить, въ нѣдрахъ Авраама упокоить и съ праведными причтетъ“...

Въ панихидѣ нѣтъ многихъ обрядовъ изъ только что указанныхъ, но общая идея ея тождественна съ чиномъ погребенія. Здѣсь также Церковь предъ лицомъ всѣхъ свидѣтельствуется правую вѣру усопшаго и выражаетъ твердое упованіе въ спасеніи его по вѣрѣ его.

Отсюда понятно, что Церковь, считая позволительной молитву за иновѣрцевъ, не можетъ позволить ее въ томъ тонѣ дерзновенной, полной упованія вѣры, съ какой она молится за усопшихъ въ правой вѣрѣ.

Она можетъ молиться о прощеніи ихъ грѣховъ и молится объ этомъ, но не словами молитвы, установленной для общецерковныхъ заупокойныхъ службъ.

Совершить панихиду по Гурчинѣ Церковь не могла потому, что она сама правда: она не *можетъ*.

С—изъ.

Разборъ грамоты неокружниковъ отъ 6 мая 7407 лѣта (1899 года), поданной москoвскому окружническому архіепископу Іoанну, съ замѣчаніями Арсенія, епископа уральскаго ¹⁾.

Грамота неокружниковъ (л. 30—34). Далѣе, во второй статьѣ Окружное Посланіе, какъ бы защищая правое вѣрованіе господствующей Церкви, тяжкую ея брань и поношеніе на имя Христа Спасителя „Ісусъ“, учить: и такового ради вѣрованія ея, крещеніе и хиротонія приѣмлетсѣ отъ нея безъ повторенія. Смысль этого ученія такой, что крещеніе съ хиротоніею принимается, якобы, только отъ еретиковъ, правильно вѣрующихъ во Святую Троицу, къ каковой категоріи и подведена Окружнымъ Посланіемъ господствующая Церковь въ данномъ вопросѣ.

Замѣчаніе еп. Арсенія (л. 30—34), Неокружники извращаютъ смыслъ приведенныхъ ими словъ отъ Окружнаго Посланія, которое показывало только то, что крещеніе и хиротонія принимаются только отъ такихъ еретиковъ, которые, по Іосифу Волоколамскому, исповѣдуютъ Святую Единосущную Троицу и Господа нашего Ісуса Христа — истиннаго Бога нарицаютъ. И посему, если грекороссійская Церковь не исповѣдывала Святыя Троицы и Господа нашего Ісуса Христа, въ Его собственномъ лицѣ, рожденномъ отъ Дѣвы Маріи, Богомъ не нарицала, но вѣровала, какъ хочется сказать неокружникамъ, во инаго Бога—антихриста, по разуму безповцевъ, тогда ни крещеніе, ни хиротонія ея не могли бы быть принятыи въ святой Церкви безъ повторенія, по силѣ 19 пр. перваго Всел. собора и толкованія на 68 пр. святыхъ апостоль.

Грамота неокружниковъ (л. 30—34). Такое ученіе Окружнаго Посланія далеко не основательно есть и противорѣчитъ святоотеческимъ ученію и событіямъ, именно: святой Іoаннъ Златоустъ былъ поставленъ во діаконы святымъ Мелетіемъ Антиохійскимъ, бывшимъ аріаниномъ, а потому, по ученію Окружнаго Посланія, Златоусту, какъ воспріавшему хирото-

¹⁾ См. «Мисс. Обзоръ», сентябрь, стр. 86—96.

нію отъ бывшаго аріанскаго епископа, надо бы отнестись въ этомъ случаѣ снисходительно къ аріанамъ и сказать о нихъ, что они-де вѣрують правильно, или, по формосскому посланію м. Кирилла-во-истину. Но Златоустъ, какъ ревнитель и защитникъ святой Церкви, не далъ имъ, аріанамъ, такого пощаковства, какъ вы дали никоніанамъ, а высказалъ объ аріанахъ очень строго и сравнялъ ихъ съ Савелліемъ и іудеями (смотри выше текстъ изъ книги о священствѣ сл. 4, глав. 2).

Замѣчаніе еп. Арсенія. Выше неокружники, дѣйствительно указывали текстъ Златоуста, но не въ оконченномъ смыслѣ святого отца, откуда еще нельзя понять,—сравнялъ ли святой Златоустъ аріанъ съ іудеями и савелліанами? Но, по сущности дѣла, тождественнаго сравненія у аріанъ съ іудеями и савелліанами отнюдь никакъ быти не можетъ. Ибо ни іудеи, ни савелліане не признавали Святыя Троицы. А аріане исповѣдывали Святую Троицу, только единосущіе Сыну со Отцемъ отрицали, и Господа нашего Ісуса Христа, хотя и подъ именемъ твари, но всетаки и Богомъ нарицали. Но если бы у аріанъ никакого исповѣданія Святой Троицы, какъ и у савелліанъ, не содержалось, тогда, конечно, и отъ нихъ такъ же, какъ и отъ савелліанъ, не были бы приняты ни крещеніе, ни хиротонія безъ повторенія. При семъ мы должны замѣтить, что въ священномъ Писаніи не всегда бывають сравненія, но чаще встрѣчаются уподобленія.

Но уподобленіе далече отстоитъ отъ сравненія; сравненіе показываетъ тождество между равняемыхъ предметовъ, а уподобленіе показываетъ въ предметѣ только одну какую-либо черту, подобную какъ и въ другомъ извѣстномъ предметѣ: какъ, на примѣръ, царство небесное уподобляется квасу, неводу, закинутому въ море, купцу, ищущему добрыхъ бисеръ и прочая. Такъ, если святой Златоустъ и сдѣлалъ какое уподобленіе аріанамъ ко іудеямъ и савелліанамъ, то этого еще нельзя брать за тождественное сравненіе, и сказанное объ одномъ всецѣло переносить и на другое, на что именно и покушались здѣсь наши соперники. Имъ желательно такими своими извилистыми доводами показать—какъ іудеи и савелліане, такъ равно и никоніане не исповѣдуютъ Святыя Троицы и Господа нашего, Ісуса Христа, Сына Божія Богомъ не нарицають

Грамота неокружниковъ (л. 30—34). И въ точности (святой Златоустъ) послѣдовалъ святому Василию Великому, который говоритъ: аще же они (т. е. еретики) сохраняють наше крещеніе, сіе да не устыждаеть насъ, ибо мы не обязаны воздавать имъ за то благодарность, но покорятися правиламъ

съ точностію (греческая кормчая, стр. 154, пр. 1); на основаніи сего святая Церковь еретиковъ принимаетъ въ сану и неправо вѣрующихъ во Святую Троицу, но только крестящихся нашими, по Евангелію, словеса, какъ въ Бароніи описываетъ: отсюда познавается, яко инии аріане нашими каеолическими словеса по евангелію крестяшася, понеже крещение ихъ повторяти отцы святіи не хотяху, злѣ о Троицѣ Святѣй мудрствовашу, но словеса обычныхъ ко крещенію употребляху (лѣто Господне 506, число 3). Какъ видите, ученіе второй статьи Окружнаго Посланія о принятіи крещенія и хиротоніи отъ еретиковъ неправильно и противорѣчитъ святому Писанію.

Замѣчаніе еп. Арсенія (л. 30—34). Если заявленіе Окружнаго Посланія, что крещение и хиротонія отъ грекороссійской Церкви потому нами пріемлется безъ повторенія, что она исповѣдуетъ Святую Троицу и Господа нашего Ісуса Христа, рожденнаго отъ Дѣвы Маріи, во дву ествѣхъ въ Его Лицѣ—истиннымъ Богомъ нарицаеть,—по свидѣтельству неокружниковъ есть неправильно и яко бы противорѣчитъ Писанію, то, стало быть, нужно сказать, что крещение и хиротонія пріемлется только отъ такихъ еретиковъ, которые не исповѣдуютъ Святыя Троицы и Господа нашего Ісуса Христа Богомъ не нарицають.—Но можно ли съ этимъ согласиться, когда преподобный Іосифъ Волоколамскій противъ сего, на основаніи священныхъ правилъ, далъ таковое свидѣтельство, что тѣ еретики, которые не вѣрують во Святую Троицу и Господа нашего Ісуса Христа Богомъ не нарицають и плотскаго смотрѣнія Его не пріемлють... о сихъ убо глаголють вся Божественная Писанія, яко, егда приходятъ къ православной вѣрѣ, подобаетъ имъ прежде поститися время доволно и внѣ церкви стояти; потомъ же сихъ крестити, якоже елдины (Просвѣтитель сл. 15). Не явно ли, что сами неокружники противорѣчатъ всѣмъ Божественнымъ Писаніямъ, выступая на пристрастную критику противъ Окружнаго Посланія. Въ словахъ же, указанныхъ неокружниками отъ Баронія объ аріанахъ, что они злѣ о Троицѣ Святѣй мудрствовашу, но словеса обычныхъ ко крещенію употребляху,—того не содержится, чтобы они вовсе не исповѣдывали Святыя Троицы, ибо они хотя и злѣ, но мудрствовашу о Троицѣ. А это значитъ, что они исповѣдывали Святую Троицу только несогласно православнымъ, почему и сказано, что они мудрствовали о Троицѣ не только неправо, но зло, но всетаки потому только и зло, что они о сущей Святой Троицѣ, а не о другомъ чемъ-либо говорили неправильно. Но такое понятіе нисколько не противорѣчитъ Окружному Посланію, которое также говоритъ, что Сынъ Божій во имени Ісусъ злохульно побіенъ бысть въ полемическихъ книгахъ грекороссійской Церкви.

Разборъ. Неокружники въ трехъ приведенныхъ выше пунктахъ своей грамоты утверждаютъ, что крещеніе и хиротонія приѣмлются отъ еретиковъ не только правильно, но и неправильно вѣрующихъ во Святую Троицу, въ подтвержденіе чего ссылаются на примѣръ св. Іоанна Златоустаго, рукоположеннаго во діакона святымъ Мелетіемъ, въ бытность его аріаниномъ, и на ученіе св. Василія Великаго о принятіи крещенія и хиротоніи еретиковъ аріанъ, неправильно мудрствовавшихъ о Святой Троицѣ; послѣ сего они заключаютъ: „ученіе второй статьи Окружнаго Посланія о принятіи крещенія и хиротоніи отъ еретиковъ (только правильно вѣрующихъ во Святую Троицу) неправильно и противорѣчитъ святому Писанію“. Швецовъ же возражаетъ, что „такое понятіе (о крещеніи и хиротоніи отъ еретиковъ) нисколько не противорѣчитъ Окружному Посланію, которое также говоритъ, что Сынъ Божій во имени „Ісусъ“ злохульно побіенъ бысть въ полемическихъ книгахъ грекороссійской Церкви“.

Грекороссійская Церковь до Никона патріарха подъ именами „Ісусъ и Іисусъ“ разумѣла и исповѣдывала одно лицо Спасителя нашего, такъ какъ въ изданныхъ ею книгахъ находится то и другое начертаніе имени. Послѣ Никона, частіѣе—послѣ собора 1667 года, подъ сими начертаніями она разумѣетъ также одно лицо Спасителя нашего. Въ этомъ убѣждаютъ насъ слѣдующія неоспоримыя данныя. Соборъ 1667 года повелѣлъ употреблять при Божественной литургіи просфоры съ именемъ Іс. Хс., Церковь благословляетъ печатать богослужебныя книги съ этимъ же начертаніемъ имени Христа Спасителя, святыя иконы съ тѣмъ же начертаніемъ приѣмлетъ, лобзаетъ и поклоняется имъ, о чемъ свидѣтельствуетъ и Окружное Посланіе. Швецовъ не внимаетъ этимъ свидѣтельствамъ,—онъ утверждаетъ, что „Сынъ Божій во имени Ісусъ злохульно побіенъ въ полемическихъ книгахъ грекороссійской Церкви“. Видно, что онъ никому и ничему не вѣритъ въ ослѣпленіи и ожесточеніи противъ Христовой Церкви. Посмотримъ, вѣритъ ли онъ самому себѣ, или точнѣе—тому, что самъ писалъ по этому вопросу?

Въ 1888 году крещенный раскольниками жидъ Карловичъ напечаталъ за границею „Разборъ Окружнаго Посланія“. Въ этомъ сочиненіи онъ, подобно Швецову, обвинилъ всю Церковь въ хулѣ на Сына Божія, призналъ ее вѣрую-

нцемъ въ иного бога, не Спасителя. Швецовъ тогда написать ему: „назвать еретиковъ вѣрующими въ иного бога можно только тогда, если и на самомъ дѣлѣ вмѣсто Христа обожаютъ кого-либо другого, когда, напримѣръ, татары и турки обожаютъ Моамеа. А грекороссійская Церковь Христа, рожденнаго отъ Дѣвы Маріи, почитаетъ за дѣйствительнаго Христа Сына Божія. А что она допускаетъ хулу на святое наименованіе Его „Исусъ“, то эта хула у ней направлена не къ самому естеству Христову, а только къ единому плотскому наименованію Его. Такъ именно, а не иначе мы должны смотрѣть на это (Братское слово 1891 г. т. 1, стр. 162 и 164). Конечно, Швецовъ говоритъ неправду, утверждая, что будто наша Церковь допускаетъ хулу на святое имя Христа „Исусъ“, но здѣсь важно признаніе Швецова въ томъ, что подобная хула, если бы даже существовала, „направлена не къ самому естеству Христову, а только къ единому плотскому наименованію Его“, и что такъ именно, а не иначе должно смотрѣть на это. Почему же Швецовъ въ настоящемъ случаѣ иначе смотритъ на это? Почему въ полемикѣ съ жидомъ Карловичемъ онъ утверждаетъ, что мнимая хула имени Христа „Исусъ“ относится къ единому только плотскому наименованію Его, а не къ самому естеству; въ полемикѣ же съ неокружниками и православными утверждаетъ, что „Сынъ Божій во имени Исусъ злохульно побіенъ въ полемическихъ книгахъ грекороссійской Церкви? По старческой ли забывчивости онъ такъ поступаетъ, или по лукавству?!..

Еще одно напоминаніе забывчивому Швецову.

Онъ въ своей книгѣ „Истинность старообрядчествующей іерархіи“ пишетъ: „Духъ Святой, ниспедый въ пятьдесятницу, научилъ апостоловъ глаголати величія Божія, а съ ними, безъ сомнѣнія, и спасительное Христово имя, разными языки“. Признавая, такимъ образомъ, различное произношеніе имени Христа Спасителя у разныхъ народовъ, Швецовъ говоритъ далѣе, что у грековъ и болгаръ имя Христа произносилось и произносится „Исусъ“, и что „тѣхъ“, которые нынѣ покушаются измѣнять усвоенное вообще въ какомъ-либо языкѣ произношеніе онаго спасительнаго имени, онъ признаетъ противниками благодати, данной намъ въ пятьдесятницу“ (стр. 195 и 196). Швецовъ вмѣстѣ съ неокруж-

никами и всѣми вообще старообрядцами обвиняетъ греко-россійскую Церковь за произношеніе имени Христа Спасителя „Исусъ“, употреблявшагося и употребляющагося въ сей Церкви по благодати Божіей, данной въ день пятидесятницы и покушается измѣнить сіе произношеніе на Ісусъ. Поэтому онъ со всѣми своими суемудренниками и единомудренниками, по собственному суду, является противникомъ благодати, данной намъ въ день пятидесятницы и, какъ противникъ благодати, естественно, только лукаво и мудрствуетъ.

Грамота неокружниковъ (л. 34 – 37). Затѣмъ довольно странно, почему Окружное Посланіе, признавая правильнымъ вѣрованіе господствующей Церкви во Святую Троицу, якобы по символу ея, совсѣмъ не упомянуло о погрѣшности этой Церкви въ исповѣданіи Бога Духа Святаго, которая исключила: 1) изъ символа слово „истиннаго“; 2) изъ апостола въ посланіи Коринѣянамъ въ 139 началъ: и яко никтоже Богъ инъ, токмо единъ, аще бо и суть глаголеміи бози, или на небеси и на земли, якоже суть бози мнози, и господіе мнози. Но намъ единъ Богъ Отецъ, изъ Него же вся и мы у Него, и единъ Господь Ісусъ Христосъ, Имже вся и мы Тѣмъ, и единъ Духъ Святъ, въ Немъ же всяческая, и мы въ Немъ и т. д. И эти послѣднія слова: „единъ Духъ Святъ, въ Немъ же всяческая и мы въ Немъ“—господствующая Церковь исключила изъ своего апостола, и 3) совсѣмъ уничтожила молитву Святому Духу въ недѣлю пятидесятную, особо положенную послѣ колѣнопреклоненныхъ молитвъ, твореніе Филофея, патріарха Царя-града (и далѣе слѣдуетъ содержаніе молитвы).²¹

Замѣчаніе еп. Арсенія. У насъ препирательство какъ съ безпоповцами, такъ и съ неокружниками состоитъ не въ томъ,—благочестно или неблагочестно грекороссійская Церковь вѣруетъ и почитаетъ Христа Господа нашего и Святую Троицу, но въ томъ собственно, что грекороссійская Церковь, когда проповѣдуетъ о Сынѣ Божіемъ, именуя Его Ісусомъ, и исповѣдуетъ Святую Троицу подъ именемъ Отца и Сына и Святаго Духа, то того ли Христа и ту ли Святую Единосущную Троицу, въ ня же мы вѣруемъ, она нарицаетъ и исповѣдуетъ, или приводитъ какого другого бога—антихриста? Очевидно и изъ подлежащей нашему разсмотрѣнію грамоты ихъ, что имъ желательно сказать послѣднее. Только почему-то не хватаетъ у нихъ рѣшимости говорить о семъ откровенно, почему и приводятъ разные косвенные доводы и свидѣтельства, которыя, по своей общности, могли бы

напомнить и о послѣднемъ антихристѣ. Но всетаки этого ученія ихъ нельзя назвать прямымъ и откровеннымъ, но обходнымъ и прикровеннымъ; говорить о чемъ-то, да не договорить,—учители истины Божіей никогда такъ не дѣлають, но такъ поступаютъ только одни лукавые еретики. Неокружники говорятъ, что за три указанныхъ ими измѣны въ грекороссійской Церкви отнято у нея равночестіе Святаго Духа отъ Святыя Троицы. Конечно, не въ защиту указанныхъ измѣнъ грекороссійской Церкви, но для правильнаго сужденія о дѣлѣ, мы должны сказать, что указанное обвиненіе неокружниковъ грекороссійской Церкви не основательно. Ибо равночестіе Святому Духу не только въ трехъ указанныхъ ими мѣстахъ исповѣдуются, но и въ другихъ многихъ. И если бы грекороссійская Церковь положительно во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ Духъ Святой во Святой Троицѣ наравнѣ съ Отцемъ и Сыномъ словословится, исключила бы, и притомъ еще сказала бы: кто будетъ Его славословить наравнѣ съ Отцемъ и Сыномъ, тотъ да будетъ проклятъ,—вотъ тогда и мы подписали бы ихъ обвиненіе это грекороссійской Церкви. Но какъ теперь намъ извѣстно, что грекороссійская Церковь въ другихъ мѣстахъ повсюду славословить и Святаго Духа со Отцемъ и Сыномъ, то потому еще и нельзя обвинять ее за отнятіе Святому Духу равночестія со Отцемъ и Сыномъ. Но что касается до указанныхъ неокружниками измѣнъ ея, то эти мѣста, можно такъ назвать, спорныя, ибо первыя два въ различныхъ переводахъ пишутся различно, какъ о прилогѣ замѣчено нами выше, а 139 зачало апостола—и святой Златоустъ зналъ въ такомъ только видѣ, какъ оно теперь напечатано въ грекороссійской Церкви, о чемъ смотри толкованіе его на эти слова въ Толковомъ апостолѣ, и въ Бесѣдахъ апостольскихъ. А молитва Филофея патріарха, хотя и принята нашею Святою древлеправославною Церковью за ея трогательныя до глубины души выраженія, но нельзя сказать, чтобы съ оставленіемъ ея отнялось и равночестіе Святому Духу со Отцемъ и Сыномъ. Ибо Филофей патріархъ поставленъ былъ въ патріархи въ 1362 г., слѣдовательно, до него и вся вообще Христова Церковь не читала этой молитвы, но вѣдь этимъ тогда не отнималось равночестіе у Святаго Духа со Отцемъ и Сыномъ.

Грамота неокружниковъ. Хотя ваше Окружное Посланіе и не признаетъ за никоніанами этой погрѣшности, но мы, православные христіане слѣдуемъ ученію евангелія и святыхъ отецъ, гдѣ Самъ Господь нашъ Ісусъ Христосъ неоднократно глагола о Святомъ Дусѣ, всегда нарицалъ Его Духъ истинный, иже отъ Отца исходитъ (Іоан. Зач. 48, 52, 53, 56), и, предупреждая духоборцевъ, возвѣстилъ, что хула на Сына человѣческаго оставится, а хула на Духа Святаго не оста-

вится ни въ семь вѣцѣ, ни въ будущемъ (Мат. Зач. 47). Это великое Божіе имя „Истинный“ выше есть именъ Богъ и Господь, ибо имена эти восхитили себѣ бози и господіе мнози, но имя истинный они не могли себѣ присвоить. Мы же должны видѣть отъ словъ истиннаго Сына Божія Ісуса Христа, егда въ моленіи Своемъ ко Отцу тако глаголаше: да знаютъ вси Тебе Единаго истиннаго Бога (Іоан. Зач. 56). На этомъ основаніи мы признаемъ никоніанъ погрѣшающими противъ правой вѣры въ Духа Святаго, оскорбляющими и умаляющими Его и подражающими латинянамъ, которые прибавили въ символъ слово „и отъ Сына“.

Замѣчаніе еп. Арсенія. Ни мы, ни издатели Округнаго Посланія нигдѣ и никогда не защищали латинянь, что они не погрѣшаютъ въ богословіи, производя исхожденіе Святому Духу отъ Отца и Сына. Но святые отцы, обличая латинянь за приложеніе другаго начала—и отъ Сына—исхожденія Святому Духу, нигдѣ не укоряли ихъ еще и за то, что они не имѣли въ символѣ и слова „истиннаго“ при исповѣданіи Святаго Духа. Но вотъ неокружники и во оставленіи здѣсь слова—„истиннаго“ видятъ равную погрѣшность, какъ и въ приложеніи слова „и отъ Сына“. Очевидно, они разумнѣе древнихъ святыхъ отецъ, и потому болѣе ихъ стали понимать въ богословскихъ погрѣшностяхъ! Но спрашивается, къ чему же ведетъ такое ихъ остроуміе доказать, что грекороссійская Церковь не имѣетъ вѣры во Святую Троицу? Но это значитъ—они куютъ мечъ на свою голову.

Грамота неокружниковъ. Слѣдовательно, ученіе, изложенное во второй статьѣ Округнаго Посланія, признающее правую или истинную вѣру у хулителей имени Сына Божія и оскорбителей Духа Святаго, равно и въ тождественныхъ сему ученыхъ посланіяхъ м. Кирилла въ Формосы и еп. Сильвестра, также учащихъ объ истинномъ вѣрованіи всѣхъ безъ исключенія еретиковъ, является уже новымъ ученіемъ, совсѣмъ непослѣдовательнымъ ученію святыхъ отецъ, а потому и не можетъ быть принято святою православною Церковію въ руководство, но тѣмъ паче подлежитъ окончательному отверженію, какъ ученіе еретическое.

Замѣчаніе еп. Арсенія. Лукаво говорятъ здѣсь неокружники о правой или истинной вѣрѣ у хулителей имени Сына Божія и оскорбителей Святаго Духа. Они знаютъ, что нѣтъ достаточныхъ основаній показать, якобы и въ самомъ дѣлѣ грекороссійская Церковь вѣруетъ во иного бога—Ісуса-антихриста, и если бы кто рѣшился потребовать у нихъ на это надлежащія доказательства отъ ученій святыхъ отецъ, такому они скажутъ: да вѣдь мы-де и не говоримъ, что грекороссійская Церковь вѣруетъ во иного бога-антихриста

Но хотя они теперь и не говорятъ этого, но, тѣмъ не менѣе, сіе самымъ дѣломъ показываютъ, именно же: они ученіе Окружнаго Посланія, опровергающее то мнѣніе, чтобы признавать грекороссійскую Церковь вѣрующею во иного бога—Иисуса—антихриста, называютъ еретическимъ и отвергаютъ. Но когда всѣ опроверженія мнѣнія, что грекороссійская Церковь вѣруетъ во иного бога—Иисуса—антихриста, по суду неокружниковъ, есть еретичество, то явно есть, что въ содержаніи онаго должно быть благочестіе, на чемъ именно и стараются настоять неокружники. Но, чтобы не всгрѣтить себѣ строгой критики за прямую о семъ проповѣдь, они и стараются оную прикрывать двусмысленными выраженіями, каково есть и настоящее: осуждаютъ Окружное Посланіе, акибы признающее правую или истинную вѣру у хулителей имени Сына Божія и оскорбителей Духа. Здѣсь можно понять, что эти хулители имени Сына Божія и оскорбители Святаго Духа вовсе не вѣруютъ въ Сына Божія и Духа Святаго, а не только хулятъ и оскорбляютъ ихъ. А при случаѣ строгой имъ критики за это, неокружники это могутъ истолковать такъ: здѣсь не показывается-де того, чтобы они вовсе не вѣровали въ Сына Божія и въ Духа Святаго, но что-де они не содержатъ по всему правой и истинной вѣры. Но если это ихъ изреченіе понять въ такомъ разумѣ, то имъ не было бы надобности отвергать и ученіе Окружнаго Посланія и посланія въ Формосы м. Кирилла. Ибо и въ сихъ посланіяхъ ясно показано, что какъ грекороссійская Церковь, такъ и прочіе еретики не содержатъ по всему правой или истинной вѣры, но имѣютъ злохуленія и хулы и различныя ереси. Но одно только не пріятно тамъ неокружникамъ, что отречено тамъ инобожіе, противъ чего теперь они и вооружаются всеоружіемъ всякаго лукавства ихъ.

Разборъ. Неокружники видятъ погрѣшность нашей грекороссійской Церкви по вопросу объ исповѣданіи Бога Духа Святаго въ томъ, что она исключила: а) изъ 8-го члена символа вѣры слово „истиннаго“, б) изъ 139-го зачала посланія къ Коринтянамъ слова: „единъ Духъ Святъ, въ Немъ-же всяческая и мы въ Немъ“ и в) совсѣмъ уничтожила молитву Святому Духу въ недѣлю пятидесятную,—молитву, составляющую твореніе Филофея, патріарха Царя-града. Отсюда они заключаютъ: „на этомъ основаніи мы признаемъ никоніанъ погрѣшающими противъ правой вѣры въ Духа Святаго, оскорбляющими, и умаляющими Его и подражающими латиняномъ, которые прибавили въ символъ слово „и отъ Сына“. Швецовъ въ своемъ замѣчаніи совершенно справедливо говоритъ, что наша грекороссійская Церковь

повсюду славословить и Святаго Духа со Отцемъ и Сыномъ, не смотря на указанная неокружниками измѣненія, существовавшія въ первенствующей Церкви и у насъ на Руси до патріарха Никона и что неокружники въ своемъ стремленіи доказать неправоту вѣры грекороссійской Церкви во Святую Троицу куютъ мечъ на свою голову. Совершенная правда,—если грекороссійская Церковь, по мудрованію неокружниковъ, не вѣруеть во Святую Троицу, а по лжеумствованію Швецова, не во всемъ право и истинно вѣруеть во Святую Троицу, то и неокружники въ своей грамотѣ, и Швецовъ въ своихъ замѣчаніяхъ на сію грамоту куютъ острый мечъ на свою собственную голову, и какъ тѣ, такъ и другой, въ силу 19 правила 1-го Вселенскаго собора и толкованія на 68-ое правило святыхъ апостоловъ, должны отказаться отъ своего священства, какъ незаконнаго и безблагодатнаго.

Грамота неокружниковъ (л. 41—46). Третія статья Окружнаго Посланія учить читать и писать по древнему переводу одно имя Спасителя во слице: „Исусъ“ (Дѣян. Зач. 10 и Филип. зач. 240-ое). А потомъ, даѣе въ этой статьѣ начинается сужденіе о пишемомъ имени съ двумя итами „Исусъ“, которое признается также за истинное имя Христа Спасителя, и потому ограждается отъ всякаго гажденія.

Замѣчаніе еп. Арсенія. И здѣсь неокружники лукавствуютъ, говоря, акибы во Окружномъ Посланіи имя Исусъ признается за истинное имя Христа. Въ Окружномъ Посланіи это имя хотя и признано, что, по разуму грекороссійской Церкви, оно относится не къ кому-либо, но къ тому же Христу Сыну Божію, Спасителю нашему,—но всетаки оно признается нововводнымъ и въ приложеніи буквы „и“, по нашему славянскому нарѣчію, погрѣшительнымъ. Но во осужденіи неокружниковъ Окружнаго Посланія, акибы оно имя Исусъ признаетъ за истинное имя Христово, проглядываетъ мысль, что это имя ни по каковому отношенію не можетъ быть именемъ Христа Спасителя. А потому грекороссійская Церковь подъ этимъ именемъ исповѣдуетъ не Христа Спасителя, но кого-то другаго. Но пусть неокружники сбросятъ съ себя личину лукавства и откровенно скажутъ, кого подъ именемъ Исусъ исповѣдуетъ грекороссійская Церковь. И тогда намъ виднѣе будетъ, съ кѣмъ мы ведемъ переговоры.

Грамота неокружниковъ. Подтверждая ученіе этой статьи, еп. Сильвестръ въ посланіи своемъ къ архіепископу Савватію

пишетъ: такимъ образомъ, глаголемые неокружники, соображая со Окружнымъ Посланиемъ, не признають уже нынѣ имя Спасителя со двумя итами за истинное имя Спасителя. И изъ этого видно, что Окружное Посланіе учитъ православныхъ христіанъ нововымышленное никоніанами имя Христу Спасителю „Исусъ“ почитать за истинное, какъ одинаковое съ древнимъ, болѣе 600 лѣтъ произносимымъ въ Россіи, именемъ „Исусъ“.

примѣчаніе еп. Арсенія. Если бы мы признавали одинаково произношеніе Христова имени Исусъ и Иисусъ на нашемъ славянороссійскомъ языкѣ, то и произносили бы то и другое въ своихъ молитвословіяхъ безразлично, но издатели Окружнаго Посланія этого намъ не допускають, и нигдѣ никто изъ насъ въ молитвахъ своихъ имя Иисусъ не произносить. Слѣдовательно, неокружники въ этомъ, якобы имя Исусъ и Иисусъ мы единово признаемъ, явно на насъ клеветууть.

Грамота неокружниковъ. Создавая, такимъ образомъ, два имени Христу Спасителю на славянорусскомъ языкѣ, такое еретическое ученіе Окружнаго Посланія ясно опровергается нижеприведеннымъ святымъ писаніемъ: вѣдый, яко имя Исусово Богъ есть, Ему же Существо едино и имя едино (Толк. апост. л. 21 и Кирил. л. 144). И Маргаритъ на полагающихъ произвольно отъ себя имя Христу Спасителю такъ учитъ: послѣдняго убо будетъ неистовства и имя ему полагати, тоже аще и вѣдомо и знаемо было бы, ниже тако бы намъ безблазненно самимъ отъ себя нареченіе полагати владычнему существу (л. 48). Отражая всякую двусмысленность и непостоянство во мнѣніяхъ, святіи отцы 7 вселенскаго собора учать: Церковь имѣть по преданію не счесть вмѣстѣ и да и нѣтъ, но поистинѣ есть да и останется неповредимымъ и непоколебимымъ на вѣчное время (Дѣян. 7 всел. собора стр. 73). Слѣдовательно, по ученію святыхъ отецъ, во святой Церкви не допускается, во избѣжаніе соблазна, измѣнять имя Христу Спасителю, или имѣть два имени Его, и вообще какихъ либо двоякихъ мнѣній, какъ несправедливо учитъ ваше Окружное Посланіе и еп. Сильвестръ въ своемъ посланіи о дву именахъ Христа Спасителя. Эти ваши учителя—двуименники и двумысленники, равно и ихъ послѣдователи, за любовь къ новосотворенному имени, являются отвѣтственными предъ нижеслѣдующимъ изреченіемъ святыхъ отецъ: всякій бо любящій которую либо вещь, сотворенную паче Творца Бога, прелюбодѣи и идолопоклонникъ именуется, также гнушающаея идолами, святая крадутъ, рекше хвалу Сыну Божию отмещуть и отрицаются Его, всякій бо таковой, яко же писаніе повѣдуетъ, иже отрицаетъ Сына, тогда и Отца не имать (Кирил. л. 333).

Замѣчаніе еп. Арсенія. Неокружники, осуждая насъ за призначіе, что грекороссійская Церковь подъ именемъ Іисусъ нарицаетъ сущаго Христа—Сына Божія, называютъ насъ двуименниками въ такомъ значеніи, какъ и двубожниками. Ибо они, хотя и не понимая значенія смысла, какъ выше замѣтили мы, но привели текстъ Писанія: „вѣдый, яко имя Іисусово Богъ есть, Ему же существо едино и имя едино“, и если мы, по ихъ сужденію, допустили два имя, то это, по ихъ, будто бы и значить, мы допустили два бога, что они своими доводами и показали уже прямо, но, по свойственному имъ лукавству, конечнаго заключенія не договорили, съ тою цѣлью, чтобы, при случаѣ тяжелаго имъ въ томъ обвиненія, можно было увернуться, что-де мы васъ двоебожниками не называли. Правда, они словами не говорятъ это, но и другими доводами подтасовываютъ то же, чтобы довѣряющійся имъ самъ заключилъ объ этомъ. Таковъ доводъ ихъ: всякій бо, любящій которую-либо сотворенную вещь паче Творца—Бога, прелюбодѣй и идолопоклонникъ именуется. — Но этотъ текстъ ко имени Іисусъ не относится, ибо творится только какое-либо вещество, а имена только нарицаются. И посему явно есть, что подъ именемъ Іисусъ, грекороссійскою Церковію относимымъ ко Христу—Сыну Божію, понимается ими какое-то сотворенное вещество. Но что бы это не было, но сотворенная вещь уже не есть Богъ. Тожде подтверждаетъ и дальнѣйшій доводъ, что никоніане, отрекшись Христа именовать Ісусъ единоіотно, этимъ отрицаются Сына Божія, а отрицающіеся Сына ни Отца имѣютъ, чѣмъ и доказано ясно, что грекороссійская Церковь не вѣруетъ не только во Христа—Сына Божія, но не имѣетъ даже и Отца, слѣдовательно, не исповѣдуетъ и Святыя Троицы. А какъ Окружное Посланіе и мы признаемъ, что она исповѣдуетъ Святую Троицу, и подъ именемъ Іисусъ—Христа Господа истиннымъ Богомъ нарицаетъ, то поэтому мы и сдѣлались еретики двуименники, равно какъ и двубожники.— Боже мой, какое глубокое нечестіе содержится въ неокружникахъ!

Грамота неокружниковъ. Соборъ же соединенія согласно сему опредѣляетъ: вся, яже чрезъ церковнаго преданія и учительства и воображенія святыхъ и приснопамятныхъ отецъ новосотворенная и содѣланная, или по семъ содѣются хотящая — анаѰема (Корм. л. 641). А святыи Аѳанасій Великій ересью называетъ то, отъ еже избрати что свое и сему послѣдовати (Отв. 38, въ толкованіи Притчей). Преподобный Максимъ Грекъ пишетъ: иже кто наказанъ бывъ и своему лживому мнѣнію крѣпцѣ прилѣпляется и противу истинѣ жестоцѣ глаголетъ безъ надежды исправленія, таковый еретькъ есть, по божественному апостолу и Златоусту, глаголющихъ: еретькъ есть, кто лживому мнѣнію своему послѣ-

дуетъ и крѣпцѣ прилѣпляется (Слово 78-е). И Викентій Лириинскій говоритъ: каеоликамъ свойственно сохранять преданія святыхъ отецъ, осуждать непотребныя новизны, и, согласно слову апостола, дважды изреченному имъ, анаематствовать того, кто благовѣститъ не то, что принято (гл. 24). И посему, согласно приведенныхъ доказательствъ отъ святаго Писанія, и эта третія статья Окружнаго Посланія, рекомендующая, кромѣ всеобдержно произносимаго въ Россіи болѣе 600 лѣтъ православными христіанами имени Христа Спасителя (нашего) „Исусъ“, и еще другое, тоже якобы истинное, новоположенное никоніанами имя Христу Спасителю „Иисусъ“ на одномъ нашемъ славяно-русскомъ языкѣ, безъ всякаго доказательства на то отъ святыхъ отецъ, не можетъ быть принята святою Церковію въ руководство, а какъ лукаваго бѣса плевель, сѣянный посрединѣ чистыя пшеницы благовѣрія, на прельщеніе и погибель душамъ нашимъ (Максимъ Грекъ Слов. 10), должна быть окончательно уничтожена.

Замѣчаніе еп. Арсенія. Неокружники твердятъ, что имя Исусово Богъ есть. Но какъ кромѣ единаго Бога нѣтъ еще другаго, такъ, по ихъ мнѣнію, и имени другаго допустить Ему ни въ какомъ случаѣ невозможно. Но когда грекороссійская Церковь стала именовать Христа, вмѣсто Исусъ, Исусомъ, то неокружники и замѣчаютъ—она привела себѣ другаго Бога. А когда мы сказали, что она нашего же Христа Господа именуетъ Исусомъ, то мы какъ бы два Бога знаемъ подъ двумя именами,—одного подъ именемъ Исусъ, а другаго подъ именемъ Исусъ. Но такое мнѣніе неокружниковъ болѣе нечестиво, чѣмъ хула, произнесенная отъ никоніанъ на имя Христово „Исусъ“, ибо эти послѣдніе неистовятся только противу одного, по нашему языку вполне правильнаго, наименованія Спасителю нашему, а неокружники неистовятся противу самаго лица Его, не допуская Ему быть ни подъ какимъ другимъ наименованіемъ, кромѣ единаго славянскаго Ему имени.

Разборъ. Неокружники въ своей грамотѣ селятся доказать, что будто грекороссійская Церковь подъ именемъ „Исусъ“ вѣруетъ въ иного Бога, и не во Христа Спасителя и что Окружное Посланіе впадаетъ въ противорѣчіе, признавая одинаково истиннымъ именемъ Спасителя „Исусъ“ и Исусъ. Швецовъ въ своихъ замѣчаніяхъ всѣ доводы неокружниковъ по сему вопросу опровергаетъ и, согласно ученію Окружнаго Посланія, признаетъ имя Христа Спасителя „Исусъ“ только нововводнымъ и, въ приложеніи буквъ

и“ по славянскому нарѣчію, погрѣшительнымъ“. Мнѣніе неокружниковъ о томъ, что будто наша Церковь подъ именемъ „Иисусъ“ вѣруеть въ антихриста, ложно и нечестиво, что основательно доказываетъ въ своихъ замѣчаніяхъ Швецовъ, но и мнѣніе послѣдняго, равно какъ ученіе Окружнаго Посланія о томъ, что имя „Иисусъ“—нововводное и погрѣшительное имя, неосновательно и пріятія не достойно. Имя Христа Спасителя „Иисусъ“ нововводнымъ не можетъ и не должно быть названо, потому что оно такъ писалось и произносилось еще при святыхъ апостолахъ, въ первенствующей Церкви, въ греческой Церкви до отдѣленія отъ нея западной, какъ и въ настоящее время и въ русской Церкви до патріарха Никона, о чемъ свидѣлствуютъ „Выписки изъ старописьменныхъ и старопечатныхъ книгъ А. И. Озерскаго, ч. II-я, стр. 70—133“, гдѣмъ болѣе сіе имя Христа Спасителя не можетъ быть названо погрѣшительнымъ. Слово „Иисусъ“ есть истинное и святѣйшее имя Христа Спасителя, что Самъ Богъ чудодѣйственно показалъ для обличенія всѣхъ старообрядцевъ, какъ свидѣлствуетъ о семъ составитель Окружнаго Посланія въ своемъ сочиненіи „Омышление“. „Бысть обычай“, говоритъ онъ, „во святыхъ монастырѣхъ нашихъ чести, во время трапезнаго вкушенія брати, на жертвенницѣ по вся дни прилучающихся святыхъ житія, положенныя въ Минейхъ-Четіихъ, печатанныхъ въ Кіевѣ (составленныхъ святителемъ Димитріемъ м. ростовскимъ). И чтущіи прилежно тщахуся новоизмѣненныя произношенія рѣчей произносити въ чтеніи сообразно древлепечатнымъ книгамъ (т. е. произносили вмѣсто Иисусъ — Исусъ, вмѣсто во вѣки вѣковъ—во вѣки вѣкомъ и т. п.). Бѣ же во единомъ отъ монастырей (Макаріевѣ) инокъ нѣкій, именовъ Григорій (цареградецъ зовомый: занеже поживе нѣкогда въ предѣлахъ Царя-града). Сей ненавидяше книги оны Мпней-Четіи, понеже въ нѣкихъ мѣстахъ обрѣташеся въ нихъ имя Христово сице: „Иисусъ“, и зѣло часто хуляше и поношаше я, и присно ропташе о семъ, яко по вся дни чтомы суть. И по многѣ времени изступи благо-разумія и, неистовствомъ объять бывъ, вземъ тайно изъ трапезы едину Миней онѣхъ книгу, и вверже оную (оле дерзости!) въ нечистое мѣсто... И абіе, по праведному суду Божію, въ той же часъ постиже его казнь сицева: про-

сѣдѣся внутрь чрево его и не можаше удержати проходъ его облишія, но испражняшеся зѣло часто, гною мерзости съ кровію текущу безпрестанни и, того ради, имяше присно сосудъ на то уготованъ подъ одромъ своимъ, и, на сѣдалищи сѣдя, испражняшеся въ келліи своей. И пребысть въ таковомъ наказаніи седьмъ лѣтъ, даже до смерти, и тако изыде отъ житія сего. Сиде наказана бысть безразсудная ревность и таково воздаяніе получи! Сію повѣсть честнии и боголюбивые иноцы, самовидцы бывшіе тому, сказаша намъ“. Вотъ какъ наказанъ безразсудный ревнитель мнимой старины, вотъ какое воздаяніе онъ получилъ еще здѣсь на землѣ за свой кощунственный поступокъ, вызванный нетерпимостью къ православію и къ правильному чтенію и произношенію святѣйшаго имени Христа Спасителя „Исусъ“. Устрашитесь и вразумитесь, братіе старообрядцы, сего грознаго прещенія, котораго не избѣгъ вапшъ неразумный еднновѣрецъ и единомышленникъ.

Грамота неокружниковъ (л. 46—48). Четвертая статья Окружнаго Посланія учить: подобнѣ же и четвероконечный крестъ не сѣнь есть ветхаго сѣноваго закона, и не упразднися отъ новоблагодатнаго закона Христова. Множае же не есть образъ богопротивника антихриста, и не кумиръ, и не мерзость заустѣнія, стоящая на мѣстѣ святѣ и т. д. Это ученіе противорѣчитъ святому Златоусту, который вѣщааетъ: прообразуя и предписуя божественный Моисей животворящаго и божественнаго креста образъ, жезломъ чермное море пресѣче и жидове немокренно и нескорбно преваде и проч... Аще-ли же жезлъ онъ, образъ токмо и сѣнь начертывая, таковымъ и толикимъ чюдесамъ бысть дѣлатель, что убо есть, еже не имать содѣяти и сотворити той самый честный и животворящій Крестъ (Толк. Еванг. 3-я нед. поста)? Подобнѣ и въ толкованіи 73-го прав. 6 всел. собора греческой кормчей учить: честныхъ крестовъ, съ которыми выходять на общественныя моленія, нигдѣ не полагать, кромѣ благопристойныхъ мѣстъ и проч. На основаніи сихъ ученій св. отецъ православному христіанину нельзя согласиться съ ученіемъ этой статьи Окружнаго Посланія о четвероконечномъ крестѣ, сравненнымъ въ одинаковой степени съ восьмиконечнымъ честнымъ животворящимъ крестомъ. Ибо крестъ четвероконечный, хотя и принятъ въ Церкви, но употребляется какъ несовершенный крестъ (а только какъ сѣнь креста) на весьма ограниченныхъ мѣстахъ, какъ о сѣньясно съ святоотеческими ученіями въ сужденіи о сѣновомъ и Христовомъ крестахъ указано въ Бѣлокриницкомъ

установѣ, съ каковымъ ученіемъ мы только и можемъ согласиться, такъ какъ въ немъ никакой лжи не употреблено въ защиту еретиковъ, пишущихъ испревращенно распятіе Христово и неподобно, а согласно ученія въ Большомъ Потребникѣ, листъ 600, гдѣ указано: кто считаетъ испревращенное распятіе, или допускающіе его въ такомъ изуродованіи полагать на мѣстѣ святѣ—на престолѣ, или ставить за оный, того святая Церковь предаетъ проклятію, какъ неправо мудрствующаго или любителя латинства. Слѣдовательно, эта четвертая статья Окружнаго Посланія написана не отъ Духа Господней истины, но отъ лжи, которая, по словеси Спасителя нашего, отъ діавола есть (Іоан. зач. 32). А потому она требуетъ здраваго смысла и исправленія на основаніи ученій святыхъ отецъ и церковныхъ преданій.

Замѣчаніе еп. Арсенія. Окружное Посланіе креста четвероконечнаго не сравнивало со осмиконечнымъ, но паче назвало первый только образомъ креста Господня, и весьма ясно различило церковное употребленіе и того и другаго,—лучше него ничего не сказали о семъ и сами неокружники. Но неокружникамъ не нравится то, что Окружное Посланіе отрицаетъ отъ четвероконечнаго креста названіе сѣни ветхозавѣтной. Противъ этого хотя они и представили три свидѣтельства, но въ нихъ, если и допустить какое возраженіе, то развѣ только въ послѣднемъ. А первыя два ничего Окружному Посланію не возражаютъ. Но и послѣднее свидѣтельство Бѣлокриницкаго устава о нареченіи четвероконечнаго креста сѣновнымъ нужно относить, что оный часто Церковь употребляетъ только въ осѣненіи, какъ и Моисей въ раздѣленіи Чермнаго моря жезломъ крестъ изобразилъ только въ осѣненіи. Но чтобы четвероконечный крестъ называть въ собственномъ смыслѣ только сѣнію ветхозавѣтнаго завѣта, нельзя согласиться. Потому что святая Христова Церковь нынѣ не содержитъ ветхозавѣтныхъ сѣней, но только слѣдуетъ той истинѣ, которую Христосъ намъ предаль есть. Какъ это отсюду можно примѣтить, что ветхозавѣтный агнецъ, приносимый на жертву сѣвною, прообразоваль Христа и ветхозавѣтные опрѣсноки—страданія Христовы. Но когда римская Церковь приняла во обычай Христа изображать агнцемъ, и, вмѣсто кислыхъ хлѣбовъ, служить литургію на опрѣснокѣ, то шестый всел. соборъ строго воспретилъ это. А когда римляне не стали подчиняться этому, то многія книги написали святіи отцы во обличеніе на нихъ, что они неправильно оставили истину и гонятъ сѣнь ветхозавѣтную. Тоже бы можно было сказать и за употребленіе въ Церкви креста четвероконечнаго, если бы Христосъ не изобразилъ его въ осѣненіи при благословеніи учениковъ Своихъ, когда возносился отъ нихъ на небо

съ горы Елеонской. А потому сами неокружники неистовствуютъ, называя образъ креста Христова четвероконечный съ нью ветхозавѣтною.

Разборъ. Неокружники, наравнѣ съ безпоповцами, называютъ четвероконечный крестъ съ нью ветхозавѣтнаго закона, образомъ богопротивнаго антихриста, кумиромъ и мерзостью запустѣнія, стоящими на мѣстѣ святѣ и т. п., а окружники во главѣ съ Швецовымъ, согласно ученію Окружнаго Посланія, признаютъ этотъ крестъ только образомъ креста Господня, не достойнымъ святолѣпнаго почитанія наравнѣ съ восьмиконечнымъ крестомъ. Неистовствуютъ безпоповцы съ неокружниками, такъ тяжко хулящіе четвероконечный крестъ, тяжко грѣшати и окружники съ Швецовымъ, считающіе сей крестъ недостойнымъ святолѣпнаго почитанія наравнѣ съ восьмиконечнымъ крестомъ.

Святая Церковь считала и считаетъ крестъ Христовъ, какъ орудіе нашего спасенія, достойнымъ святолѣпнаго почитанія и равночестнаго поклоненія безъ отношенія къ числу концовъ. Вотъ какъ учать о семъ святыя отцы 6 вселенскаго собора: „поелику животворящій крестъ явилъ намъ спасеніе то подобаесть намъ всякое тщаніе употреблять, да будетъ воздаваема подобающая честь тому, чрезъ что мы спасены отъ древняго грѣхопаденія“... (Книга правилъ, 73 прав. 6 всел. собора). Частнѣе, — четвероконечнымъ крестомъ ограждается и запечатлѣвается вся жизнь христіанина со дня рожденія и до смерти его, въ Церкви и внѣ Церкви. „Рукою воображаемый крестъ“, говоритъ писатель Кирилловой книги, „освящаетъ вся, на нихъ же полагается: и воду, глаголю крещенія, и масло, и муро, и лица человекъ вѣрующихъ, и тайный хлѣбъ и священную чашу и ина вся“ (Кирил. л. 275 обор.). Какое же, послѣ сего, основаніе имѣютъ безпоповцы и противокружники называть четвероконечный крестъ мерзостью запустѣнія и печатью антихриста, а окружники — только образомъ креста Христова, не достойнымъ святолѣпнаго почитанія наравнѣ съ восьмиконечнымъ крестомъ. Господь Богъ, не желая погибели дерзкихъ хулителей креста Своего, не разъ чудодѣйственно засвидѣтельствовалъ равночестность и святолѣпность почитанія четвероконечнаго креста наравнѣ съ восьмиконечнымъ. Знаменіе четвероконечнаго, креста Господня явилось на небѣ во святомъ градѣ Іе-

русалимѣ при святомъ Кириллѣ, патриархѣ іерусалимскомъ, о чемъ подробно повѣствуется въ Четви-Миней за май мѣсяць, подъ седьмымъ числомъ. Вотъ другой примѣръ, рассказанный составителемъ Окружнаго Посланія въ его сочиненіи—„Омышленіе“. „Нѣци христіане (наши братія), ѣхавши съ товары въ польскихъ предѣлахъ, идѣже поляки, по обычаю своему, поставляютъ на распутіяхъ образъ распятія Христова, по обычаю латинскому устроеннаго по подобію, и видѣвши таковое распятіе извозницы посмѣяшася. Единъ же отъ нихъ, дерзостный нравомъ, обезумися, и въ неистовствѣ нача плетію сѣщи по изображенію распятія того, и къ возбраняющимъ клеветомъ рече: я сему крыжу еще не то сотворю! Спутницы поѣхавше, онъ же остается единъ, и приготовися къ поруганію... И абіе гнѣвомъ Божиимъ пораженъ, вѣчной смерти преданъ бысть. Клевети же его, отѣхавше дальше и видѣша, яко нѣсть подруга ихъ, пождаше его. И яко не приде къ нимъ, идоша нѣци отъ нихъ воззвати его, и обрѣтоша его (о праведнаго суда Твоего, Христе!) мертва и бездыханна отнюдь, безлѣпно на земли сидяща, и во руцѣ платище нѣкое, къ поруганію приготовано, держаща, и со страхомъ многимъ, изрывше яму, закопаша на мѣстѣ преступленія его. Тако наказанъ бысть вседерзый христіанинъ, поругавшійся распятію Христову, аще и не по подобію устроенному. Сію страшную повѣсть слышахомъ отъ нѣкоего достовѣрнаго послуха, съ клятвою утверждающа слово“. Разказъ о семъ событіи былъ напечатанъ М. С. Дударевымъ и въ „Калужскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“. Братіе старообрядцы! Напомню вамъ по сему поводу увѣщаніе составителя Окружнаго Посланія, сдѣланное вамъ въ слѣдующихъ словахъ: „Видяще убо и слышаще сія, вседражайшии и прелюбезнѣйшии друзи, вострепещемъ и содрагнемся, и, чужими бѣдами уцѣломудрившеся, вся дерзкая злохуленія отвержемъ, вражды и раздоры отринувше, распри и несогласія угасимъ, и всякое свое мнѣніе и самомышленіе за индіаны и еѳіопы прогнаше, послѣдуемъ правотѣ церковнаго ученія“.

Съ 48 до 51 страницы разбираемой грамоты неокружники и Швецовъ препираются по вопросу о латинскихъ опрѣсноккахъ и о латинской евхаристіи, т. е. о такихъ предметахъ, которые не имѣютъ ни прямого, ни косвеннаго отношенія къ нашей православной греко-россійской Церкви, а потому

сіи разглагольствія окружниковъ съ неокружниками, безъ ущерба для дѣла, могутъ быть оставлены безъ вниманія и разбора. Съ 51 до 61 страницы неокружники бесѣдуютъ съ Швецовымъ по содержанію шестой статьи Окружнаго Посланія, т. е. по вопросу о томъ, слѣдуетъ-ли въ настоящее время приносить пятую просфору за царей еретиковъ, или не слѣдуетъ. Неокружники называютъ ученіе о приношеніи 5-й просфоры за царей еретиковъ еретическимъ и нечестивымъ, сами не приносятъ сей просфоры и окружниковъ, приносящихъ сію просфору Царя, признаютъ еретиками. Швецовъ довольно основательно опровергаетъ нечестивое мудрствованіе неокружниковъ о семъ предметѣ и справедливо защищаетъ мысль о приношеніи за еретическихъ царей 5-й просфоры. Ошибка Швецова въ разсужденіи по сему вопросу заключается въ томъ лишь, что онъ признаетъ нашу Церковь еретическою. Интересно знать, какую ересь видитъ Швецовъ въ нашей Церкви? Изъ толкованія на 71-е правило кароагенскаго собора видно, что еретики думаютъ, что имъ извѣстна вся глубина священныхъ книгъ, а между тѣмъ сами сплетаютъ басни. Еретикъ Швецовъ, „аще и мнитсѣ вѣдѣти что, ничто же разумѣ, якоже подобаетъ разумѣти“ (Кор. гл. 8 зач. 139-е), о Церкви Христовой, но сплетаетъ о ней разныя басни, которыя при посредствѣ своихъ учениковъ и почитателей устно и письменно распространяетъ весьма усердно среди старообрядцевъ и православныхъ. Еретикъ Швецову легче клеветать на православную Церковь, называя ее еретическою, чѣмъ сознать и признать незаконность отдѣленія отъ нея старообрядцевъ и необходимость для нихъ возвратиться съ раскаяніемъ въ ея материнское лоно.

Грамота неокружниковъ (л. 61—66). Въ заключеніе всего считаемъ долгомъ высказать вамъ, начинателямъ злополучнаго своего посланія, что оно оказывается вообще двусмысленнымъ и совсѣмъ несогласнымъ съ ученіемъ святыхъ отецъ, — неправильно учить почитать за право или истинно-вѣрующихъ еретиковъ, страшно хулящихъ имя Сына Божія, втораго лица Святыя Троицы, и нанесшихъ оскорбленіе Святому Духу—третьему лицу Святыя Троицы, чрезъ отнятіе прилога „истиннаго“ и проч., положившихъ на нашемъ языкѣ новое имя Сыну Божію и другія новодогматствованія новопреданныя, вопреки ученія и преданія Святой каѳолической Церкви.

Замѣчаніе еп. Арсенія. Неокружники, сколько ни винили Окружное Посланіе и насъ еретиками за то, что признали грекороссійскую Церковь подъ нововводнымъ именемъ „Иисусъ“ именующею Христа Сына Божія, но вотъ и сами говорятъ тоже, что написано есть и во Окружномъ Посланіи. Они говорятъ о никоніанахъ, положившихъ на нашемъ языкѣ новое имя Сыну Божію. Явно, что и они подъ новоположеннымъ въ грекороссійской Церкви (Иисусъ) признаютъ Христа Сына Божія, и если за то признаніе мы, окружники, по ихъ суду еретики, то равно и они неокружники по своему самосуду еретики. Вотъ и доказательство во очю всѣхъ, каково трудно имъ прать противу рожна истины, содержащейся въ Окружномъ Посланіи.

Грамота неокружниковъ. Очевидно, что изданіемъ этого соблазнительнаго для православныхъ христіанъ (Окружнаго) Посланія вы желали, видимо, достигнуть какой-то особой привилегіи отъ Правительства, хотя, къ вашему огорченію, вы не получилижелаемаго: наоборотъ же—старообрядчеству вообще это посланіе принесло громадный вредъ и душепагубный раздоръ, стараясь загладить который, вы всюду теперь говорите, что три раза оно у васъ уничтожено соборнѣ и изъ руководства изъято. Но все это неправда. Хотя вы и три раза это посланіе уничтожали, чѣмъ вполне оказалась вся его несостоятельность, но всетаки изъ руководства въ практикѣ оно у васъ не изъято, что доказываютъ многіе истые начинатели его—духовные и міряне, которые, потѣшая себя, хвалятся о немъ, говоря, что оно якобы уничтожило богохульство и крестохульство.

Замѣчаніе еп. Арсенія. Дѣйствительно, по изданіи Окружнаго Посланія, многіе, какъ и самъ пишущій строки сіи, оставили нечестивое мнѣніе безпоповцевъ, чтобы подъ именемъ „Иисусъ“ признавать иного бога—антихриста, и крестъ четвероконечный—мерзостью запусѣнія и печатью антихриста. Да и самымъ яримъ противникамъ онаго, каковы суть писатели разбираемой грамоты, оно постиснуло уста, такъ что они уже открыто не говорятъ, что Иисусъ есть инъ богъ—антихристъ, а только кое-какъ намекаютъ на это, и оно же какъ бы невольно вынудило ихъ сознаться, что грекороссійская Церковь положила новое имя (Иисусъ) Сыну Божію, и хотя крестъ четвероконечный они еще называли сѣнью креста, но отъ большихъ похуленій на него Окружное же Посланіе ихъ удержало. И посему явно есть, что Окружное Посланіе ни въ чемъ не затмило насъ, но паче точію просвѣщаетъ во истинѣ, за что и должны приносить благодареніе Господу, а что противники его произвели раздоръ въ Церкви Божіей, то это были такіе люди, которыхъ и безъ Окружнаго Посланія слѣдовало бы отлучить отъ церковнаго общенія за ихъ ложныя понятія о церковной истинѣ.

Грамота неокружниковъ. Хотя и есть у васъ лица совѣсть не вѣрующія этому еретическому посланію, говоря, что его составилъ не нашей церкви человѣкъ,—который только обманулъ нашихъ архіереевъ и, по словамъ покойнаго архіепископа Савватія, окончилъ жизнь свою внѣ церкви, кромѣ которой нѣсть спасенія, какъ при Ноѣ въ ковчегѣ, кто въ немъ не былъ, погибъ.

Замѣчаніе еп. Арсенія. Неокружники не обошлись безъ того, чтобы не бросить камня поруганія и осужденія на память автора Окружнаго Посланія. Но и это дѣлаютъ они тоже не по заповѣди Господа: праведный судъ судите. Они взяли словесное о немъ свидѣтельство—не тѣхъ лицъ, которыя съ нимъ жили и на рукахъ которыхъ онъ умеръ, но чело-вѣка далеке отъ него отстоящаго, который могъ повѣрить о немъ и невѣрному извѣстію. Но какъ тѣ жители, на рукахъ которыхъ онъ умеръ, живы и доселѣ и даютъ противное сказанному неокружниками свидѣтельство, а потому, для справедливаго суда о семъ дѣлѣ, должно быть еще не малое изслѣдованіе. Но когда кромѣ сего судятъ о немъ неокружники, то этимъ доказывается только, что они не ищутъ правды Божіей ни въ какомъ дѣлѣ, а домогаются одного, чтобы только сказать противное и укорительное.

Грамота неокружниковъ. Дѣйствительно такое ваше Окружное Посланіе, принципиально непослѣдовательное ученію святой Церкви, за свое произвольное и двусмысленное ученіе достойно конечнаго соборнаго опроверженія, по наставленію святаго Тарасія, патріарха Царя-града (Дѣян. 7 Всел. соб. л. 72), вѣщающаго: „Итакъ, призовемъ, священніи мужи, Его (Бога) на помощь и, имѣя въ груди своей страхъ Его, а въ памяти будущій судъ, препояшемъ чресла ума нашего истиною и, подражая во всемъ апостоламъ, будемъ творить судъ нелицепріятный, чтобы безъ всякаго замедленія искоренить всякое нововведеніе и уничтожить всякую двусмысленность и всякое преувеличеніе, какъ примѣшанные въ чистый хлѣбъ, противные истинѣ и враждебные церкви плеveli. То, что Церковь имѣетъ по преданію, не есть вмѣстѣ и „да“ и „нѣтъ“, но поистинѣ есть „да“ и останется неповредимымъ и непоколебимымъ на вѣчное время, потому что неложень Возвѣстившій: „и врата адова не одолѣютъ ей“ (Матѣ. Зач. 67-0е). А апостоль Іаковъ двусмысленность вообще такъ строго осуждаетъ, говоря: „мужъ двоедушень не устроенъ во всѣхъ путѣхъ своихъ“ (Іак. Зач. 50-0е).

Замѣчаніе еп. Арсенія. Неокружники постоянно твердятъ, что Окружное Посланіе двусмысленно, и подыскиваютъ тексты Писанія къ осужденію двусмысленности. Но во Окружномъ Посланіи ко ученію святыхъ отецъ древле-православной Цер-

кви не содержится никакого противорѣчія, какъ это ясно доказывается тѣмъ, что неокружники со всѣмъ усердіемъ потрудились указать это настоящею грамотою, но, какъ мы уже замѣчали на всякомъ пунктѣ ихъ сужденія, нигдѣ ничего основательнаго показать не могли. Но сами до очевидности всякаго говорятъ двусмысленно, какъ напримѣръ, они обличали въ еретичествѣ Окружное Посланіе за то, что оно создало грекороссійскую Церковь, подъ именемъ Иисусъ, именуяще Христа Сына Божія, а потомъ и сами говорятъ, что никоніане положили новое имя Сыну Божію. И отсюда всякому видно, что никоніане чрезъ новое имя „Иисусъ“ именуяютъ Сына Божія. Итакъ не двусмысленность ли это, — свою собственную проповѣдь, сказанную въ Окружномъ Посланіи, называть еретичествомъ? Посему всѣ предосужденія, указанныя неокружниками, падаютъ, собственно, на главу ихъ.

Грамота неокружниковъ. Указавъ по возможности на лживое и еретическое ученіе Окружнаго Посланія вашей церкви, по несогласности коего съ богодухновеннымъ Писаніемъ, намъ православнымъ христіанамъ приходится онаго посланія блюстись, мы убѣждены, что вы, какъ представитель своей окружнической паствы, примете всѣ благія и радикальныя мѣры къ окончательному искорененію этого еретическаго ученія, какъ будто нарочно, только для раздора въ старообрядчествѣ, въ свѣтъ изданнаго соборомъ вашихъ архіереевъ, — за котормъ, на основаніи Кормчей, гл. 71 л. 641, и Никона Черныя горы Тактиконъ л. 2, вѣщающихъ: послѣдуяй же прежде его святымъ соборомъ, той соборъ есть святъ, не послѣдуяй же прежде его святымъ соборомъ — не святъ, но и скверенъ есть и отверженъ, — мы, конечно, вправѣ не послѣдовать, хотя съ своей стороны имѣемъ желаніе, на основаніи апостольскихъ и святоотеческихъ ученій и преданій, содѣйствовать въ принятіи мѣръ къ устраненію раздора, произведеннаго въ старообрядчествѣ чрезъ Окружное Посланіе, изданное въ 1862 году вашими пастыреначальниками.

Замѣчаніе еп. Арсенія. Неокружники называютъ здѣсь Окружное Посланіе не согласнымъ и богодухновеннымъ писаніемъ, и святымъ соборамъ. Но какимъ именно богодухновеннымъ писаніемъ и какимъ святымъ соборамъ оно несогласно, этого во всей грамотѣ не указали. Не сдѣлавъ этому опредѣленнаго указанія, они навели уже на насъ судъ, что нашъ соборъ, издавшій Окружное Посланіе, отверженъ и скверненъ есть. Но вотъ — чтобы осуждать соборъ епископовъ, издавшихъ Окружное Посланіе, не указавши того, какому святому собору онъ не послѣдовалъ, — и есть у самихъ неокружниковъ въ собственномъ смыслѣ непослѣдованіе святымъ

соборамъ. Слѣдовательно, и это осужденіе, которое неокружники приурочили на окружниковъ, всею тяжестью своею падаетъ на нихъ самихъ. И въ точности здѣсь оправдалось оное Христово изреченіе:—„имъ же бо судомъ судите, судяты вамъ, и въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ“.

Разборъ. Неокружники говорятъ, что „злополучное Окружное Посланіе оказывается вообще двусмысленнымъ и совсѣмъ не согласнымъ съ ученіемъ святыхъ отецъ“, и видятъ эту двусмысленность и несогласіе съ ученіемъ святыхъ отецъ въ томъ, что оно насъ, послѣдователей грекороссійской Церкви,—пишущихъ и произносящихъ имя Христа „Иисусъ“, читающихъ восьмой членъ символа вѣры безъ прилога „истиннаго“ и допускающихъ другія, по ихъ мнѣнію, „новодогматствованія“ и „новопреданія“, — счѣтаетъ и признаетъ право или истинно вѣрующими христіанами. Окружное Посланіе, дѣйствительно, исполнено двусмыслія и противорѣчій, но сіи недостатки заключаются не въ томъ, въ чемъ видятъ ихъ неокружники, а въ несоотвѣтствіи содержанія Окружнаго Посланія ученію священнаго и святыхъ отецъ Писанія о Церкви Христовой. Въ этомъ легко можно убѣдиться изъ краткаго обозрѣнія содержанія каждой статьи Окружнаго Посланія.

Въ первой статьѣ говорится о томъ, что святая православно-каеолическая Церковь и священство пребудутъ до скончанія вѣка и до дне суднаго, а, между тѣмъ, то же Окружное Посланіе въ противорѣчіе себѣ признаетъ общество бѣглопоповцевъ, до мит. Амвросія не имѣвшихъ священства 180 лѣтъ, святою православно-каеолическою Церковью. На это вопіющее противорѣчіе въ Окружномъ Посланіи обратилъ вниманіе впослѣдствіи и самъ составитель его, когда онъ, въ извѣстной перепискѣ съ Кирилловыми посланниками, вопрошалъ: „не прекращалась-ли у старообрядцевъ богоучрежденная іерархія? аще прекратится, то како возстановится и гдѣ предсказано о прекращеніи и возстановленіи ея“ (Брат. слово 1884 годъ т. I стр. 302 — 303).

Во второй статьѣ Окружнаго Посланія говорится о томъ, что грекороссійская Церковь въ догматахъ вѣры не погрѣшаетъ, а, между тѣмъ, немного ниже въ той же статьѣ указываются какія-то „важныя и благословныя вины“ къ отдѣленію старообрядцевъ отъ сей непогрѣшающей въ догматахъ

вѣры Церкви. Не явное-ли противорѣчіе здѣсь заключается? Если греко-россійская Церковь благодатна, то не можетъ быть никакихъ важныхъ и благословныхъ винъ къ отдѣленію отъ нея; если же вины къ отдѣленію отъ нея есть и притомъ важныя и благословныя, то, ясно, сама Церковь не можетъ быть благодатною и непогрѣшающею въ догматахъ вѣры.

Въ третьей статьѣ говорится, что „Иисусъ“ есть имя Христа Спасителя, указываются даже примѣры употребленія этого имени задолго до патр. Никона, однако *тутъ же*, нѣсколько ниже, оно называется нововоднымъ и погрѣшительнымъ. Если „Иисусъ“ есть имя Христа Спасителя, то въ употребленіи и произношеніи его нѣтъ и не можетъ быть никакой погрѣшности, тѣмъ болѣе, что употребленіе этого имени, по свидѣтельству самого Окружнаго Посланія, освящено уважаемою старообрядцами древностію.

Въ четвертой статьѣ четвероконечный крестъ признается крестомъ Христовымъ, однако не считается достойнымъ святолѣннаго поклоненія и равночестнаго почитанія съ восьмиконечнымъ крестомъ. Если четвероконечный крестъ—крестъ Христовъ, то онъ достоинъ и святолѣннаго почитанія; если же окружники святолѣпно его не почитаютъ, то, само собою понятно, они на дѣлѣ не признаютъ его крестомъ Христовымъ. Развѣ крестъ Христовъ можетъ быть не достойнымъ святолѣннаго и равночестнаго почитанія? Никогда. Поэтому окружники на дѣлѣ поступаютъ несогласно съ ученіемъ четвертой статьи своего посланія.

Въ шестой статьѣ увѣщываются старообрядцы къ молитвѣ за царя. Но всѣ-ли окружническіе попы и владыки молятся въ царскіе дни о царѣ и приносятъ за него пятую просфору? Далекое не всѣ. Многіе изъ нихъ въ царскіе дни, вмѣсто положенныхъ благодарственныхъ молебновъ, совершаютъ молебны о „бездождіи“. Это фактъ, о которомъ свидѣтельствуютъ присоединяющіеся изъ раскола къ православію. Всѣ окружники поминаютъ Государя, но при этомъ называютъ его не благовѣрнымъ, какъ того требуютъ и старопечатныя книги, а лишь только державнымъ. Вотъ какъ исполняютъ окружники ученіе своего Посланія! Вотъ какое соотвѣтствіе между ученіемъ и самого Посланія съ ученіемъ священнаго Писанія о Христовой Церкви. Окружное посла-

ніе, по своему содержанию, можетъ быть уподоблено мосту, проведенному лишь до половины рѣки, а потому негодному къ переправѣ путниковъ на другой берегъ. Подобно тому, какъ путникъ по указанному мосту можетъ дойти только до половины рѣки и не можетъ достигнуть противоположнаго берега, такъ точно и старообрядцы, при свѣтѣ только **Окружнаго Посланія**, могутъ оставить тьму безпоповскихъ заблужденій и блато неокружническихъ мудрованій, но не могутъ достигнуть тихаго пристанища—Церкви Христовой, закрытой отъ ихъ взора занавѣсью, сплетенною **Окружнымъ Послаіемъ** изъ какихъ-то „новодогматствованій, „нововведеній“, и „важныхъ и благословныхъ винъ“, или, говоря прямѣе,—изъ какой-то мишуры, существующей только въ воображеніи окружниковъ. Самъ составитель **Окружнаго Посланія** сознавалъ негодность созданнаго имъ моста и питалъ сомнѣніе относительно окружническихъ совершителей таинствъ, такъ какъ онъ даже предъ смертью не рѣшился принять къ себѣ кого-либо изъ нихъ въ духовные отцы. **Окружное Посланіе**, исполненное противорѣчій и двусмысленности, не согласно священному и святыхъ отецъ Писанію. Гдѣ въ священномъ и святыхъ отецъ Писаніи сказано, что Церковь Христова можетъ быть нѣкоторое время безъ священства, что допускаетъ **Окружное Посланіе**? Нигдѣ. Гдѣ въ томъ же источникѣ вѣроученія сказано, что можно отдѣляться отъ благодатной, непогрѣшающей въ догматахъ вѣры Церкви Христовой, какъ учить **Окружное Посланіе**? Нигдѣ. Гдѣ сказано, что имя Христа Спасителя „Иисусъ“ погрѣшительно и что оно не должно быть въ употребленіи, какъ учить то же **Посланіе**? Нигдѣ. Гдѣ сказано, что четвероконечный крестъ Христовъ не достоинъ святольпнаго почитанія, какъ учить **Посланіе**? Нигдѣ. Поэтому совершенно справедливо и весьма кстати неокружники привели, для обличенія двусмысленности **Окружнаго Посланія**, слова святаго Тарасія, патріарха Царя-града: „то, что Церковь имѣетъ по преданію, „не есть вмѣстѣ и да и нѣтъ, но поистинѣ да“,—и слова святаго Апостола Іакова: „мужъ двоедушенъ не устроенъ во всѣхъ путѣхъ своихъ“ (Іак. зач. 50).

Это нужно сказать объ **Окружномъ Посланіи** съ одной стороны, съ другой же—оно принесло старообрядцамъ и пользу. Родоначальники раскола представляли, а вслѣдъ за

ними представляют и нынѣ безпоповцы, бѣглоповцы и неокружники виною отдѣленія своего отъ Церкви ея поврежденіе всевозможными ересями. ея паденіе и зараженіе скверною антихриста. Всѣ эти вины, хотя совершенно ложно и злонамѣренно измышлены, однако въ глазахъ раскольниковъ имѣли и имѣютъ важное значеніе, были и считаются несомнѣнно „важными и благословными“. Окружное Посланіе рѣшительно и справедливо отвергло эти лжеизмышленныя обвиненія на Церковь, признавъ ее православно-догматствующею. Справедливо, поэтому, и Швецовъ въ своемъ замѣчаніи говорить, что онъ самъ и окружники, по изданіи Окружнаго Посланія, оставили нечестивое мнѣніе безпоповцевъ объ имени „Иисусъ“, о четвероконечномъ крестѣ и о нѣкоторыхъ другихъ предметахъ—мнѣніе, которое продолжаютъ еще раздѣлять безпоповцы и неокружники; но и симъ послѣднимъ Окружное Посланіе „постигнуло уста“ и „удержало ихъ отъ большихъ похуленій“ на Церковь православную.

Такимъ образомъ, данный нами краткій разборъ грамоты неокружниковъ и замѣчаній на нее Швецова показали, что „яко же Іоанній и Іамврій противистася Моисею, такожде и сіи, окружники и неокружники, противляются истинѣ,—человѣцы растлѣни умомъ и неискусни о вѣрѣ и что безуміе ихъ явлено будетъ всѣмъ, яко же и онѣхъ бысть“ (2 Тимофею 3 гл., 8 ст.). И окружники и неокружники противятся спасительной истинѣ, столпомъ и утвержденіемъ коей является Церковь Бога жива (1 Тим. 3 гл., 15 ст.); и тѣ и другіе, какъ непокорники Церкви Христовой, подобны язычникамъ и мытарямъ (Ев. Матѣ. гл. 18, зач. 75); тѣ и другіе, какъ растлѣнные умомъ и неискусные въ вѣрѣ, всѣмъ являютъ свое безуміе тѣмъ, что неистовствуютъ и проклинаятъ другъ-друга, какъ еретиковъ и „раздорниковъ“; тѣ и другіе, наконецъ неминуемо вѣчно погибнуть, если только не покаются и не придутъ въ покореніе и послушаніе святой Христовой Церкви.

Грамота неокружниковъ (л. 66—68). Подписана: присутствовавшій на чулковскихъ бесѣдахъ священноинокъ Игнатій. 7407 лѣта 6 мая.

Замѣчаніе еп. Арсенія. Почему грамота неокружниковъ подписана однимъ только священноинокомъ Игнатіемъ, тогда

какъ она писана не отъ одного лица? Ибо вездѣ въ мѣстоименіяхъ стоитъ не единственное число „я“, но множественное „мы“. Да и вправдѣ ли писать такимъ повелительнымъ и осудительнымъ тономъ, паче же настоятельными требованіями отъ архіепископа Іоанна, этотъ священникъ, безъ свѣдѣнія и порученія своихъ епископовъ? Но если онъ имѣлъ отъ нихъ порученіе на написаніе и подаваніе архіепископу Іоанну таковой грамоты, то почему же онъ не объяснилъ, что сдѣлалъ по ихъ порученію? Да и какая надобность была епископамъ неокружникамъ, Іову и Кириллу, поручать священноиноку Игнатію, когда они лично въ концѣ февраля настоящаго года бесѣдовали съ архіепископомъ Іоанномъ и обѣщались подать ему на письмѣ,—въ чемъ именно они зазираютъ Окружное Посланіе? Но вотъ, вмѣсто ихъ, подаетъ архіепископу бумагу только одинъ священноинокъ Игнатій. Конечно, всѣ эти недоумѣнія указываютъ не что иное, какъ только одно криводушіе неокружниковъ. По всей очевидности, епископы Іовъ и Кириллъ, хотя послѣдній самъ былъ авторомъ сей грамоты, ибо я отчасти знакомъ со слогомъ его, не были вполнѣ убѣждены во истинѣ того, что было написано въ этой грамотѣ, а потому они и здѣсь рѣшились держаться сроднаго имъ двусмыслія: заставили подписать свою грамоту одного священноиника Игнатія и подать ее архіепископу. И теперь, если кто ихъ спроситъ,—почему де не соглашаетесь со окружниками къ миру церковному?—они отвѣтятъ: дѣло не за нами, но мы подали грамоту окружникамъ и ожидаемъ ихъ согласія, пожалуй выдадутъ и копию этой самой грамоты,—какъ слышно, они уже заказали писать ихъ въ большомъ количествѣ. Но если окружники сдѣлаютъ на ихъ грамоту сильное обличеніе, тогда они скажутъ: да мы-де такъ и не мудствуемъ, а грамоту-де сію писалъ одинъ священноинокъ Игнатій, какъ лицо частное, и мы-де мнѣній его не сораздѣляемъ. И не иначе, какъ только сего (ради) не подписали епископы ихъ сей грамоты.

Въ общее же заключеніе мы должны сказать: хотя и весьма дорогъ миръ церковный, о которомъ и мы, и многіе изъ простосердечныхъ неокружниковъ соболѣзуемъ, но учинить его съ такими людьми, каковы суть сочинители разсмотрѣнной нами грамоты, никакой надежды не имѣется. Но будемъ молить Господа Бога, чтобы Онъ умирилъ Церковь Свою, если и не совсѣмъ безъ вины отъ ней отдѣляющимися, то, по крайней мѣрѣ, хотя съ тѣми, которые скорбятъ о церковномъ раздѣленіи.

При чемъ и остаюсь грѣшный богомолецъ старообрядческой іерархіи Арсеній, епископъ Уральскій и Оренбургскій, 10 іюня 1899 года.

Разборъ. Мнѣніе Швецова о томъ, что грамота неокружниковъ, подписанная однимъ только глаголемымъ священно-

инокомъ Игнатіемъ, не составляетъ произведенія сего лишь послѣдняго, а есть плодъ усиленной работы и неокружническихъ архіереевъ—Іова и Кирилла и составляетъ, такимъ образомъ, выраженіе религіозныхъ вѣрованій всего неокружническаго старообрядческаго міра, я вполне раздѣляю.

Швецовъ, какъ авторитетный апологетъ раскола, отвѣтилъ неокружникамъ по порученію лжеархіепископа московскаго Іоанна Картушина, на имя коего подана была грамота. Такимъ образомъ и отвѣтъ Швецова долженъ быть принять, какъ отвѣтъ отъ имени всѣхъ окружниковъ и какъ выраженіе общаго ихъ религіознаго вѣрованія. Поэтому, въ разобранномъ раскольническомъ произведеніи выступили другъ противъ друга два толка изъ среды старообрядчества—окружники и неокружники, изъ коихъ каждый старался показать полную религіозную несостоятельность и еретичества своего противника. Окружники въ семь сочиненіи называютъ и признаютъ неокружниковъ: 1) „раздоротворцами, раздирающими единство Христовой Церкви“ (л. 25), 2) неистовствующими противъ имени „Іисусъ“ подобно тому, какъ неистовствовали другъ противъ друга еретики Евтихій и Несторій (л. 29), 3) „лукавыми еретиками“ (л. 35 обор.), 4) „содержателями глубокаго нечестія“ (л. 44 обор.) и 5) „самоосужденными еретиками“ (л. 62), съ которыми „нѣтъ никакой надежды учинить церковный миръ“ (л. 68); неокружники, въ свою очередь, называютъ и признаютъ окружниковъ: 1) мудрствующими произвольно и неправильно, по еретически, подобно Евтихію и Несторію (л. 25), 2) содержащими ученіе, подлежащее окончательному отверженію, какъ еретическое (л. 39 обор.), 3) еретиками двуименниками и двубожниками (л. 42 и 44), 4) содержащими нечестивое еретическое ученіе о приносѣ 5-ой просфоры за Царя (л. 59 и 5) и вообще еретическое и лживое ученіе такъ называемаго Окружнаго Посланія (л. л. 63 обор. и 65 оборотъ). Окружники и неокружники дерзаютъ называть себя и устно и письменно единою, святою, соборною и апостольскою церковью въ полемикѣ съ православными, а во взаимной полемикѣ признали другъ друга злочестивыми и самоосужденными еретиками, между коими никогда не можетъ быть учиненъ миръ церковный.

Святѣйшій Василій Великій въ своемъ сочиненіи о „судѣ Божіемъ“ пишетъ о раздорникахъ слѣдующее: „Въ Церкви содержится и сочетаваетъ каждый членъ въ единомысліи съ другимъ единая и истинно единственная глава, которая есть Христосъ: а если между членами нѣтъ единомыслія не сохраняется союзъ мира, не соблюдается кротость въ духѣ, находятся же раздѣленіе, распря и зависть: то очень дерзко было бы назвать таковыхъ членами Христовыми или сказать, что они подѣ управленіемъ Христовымъ“. Между окружниками и неокружниками нѣтъ единомыслія, не сохраняется союзъ мира, не соблюдается кротость въ духѣ; напротивъ, между ними замѣчается раздѣленіе, распря и зависть. Поэтому, было бы очень дерзко съ нашей стороны признать ихъ Церковію Христовою, назвать ихъ членами Христовыми, или же сказать, что они находятся подѣ управленіемъ Христовымъ. Не имѣя истиннаго пристанища, т. е. святѣйшаго апостольскаго Церкви, окружники только кружатся около сего пристанища, близко подходят къ нему, но не входятъ въ него, а неокружники не только не кружатся около Христовой Церкви, не только не подходятъ близко къ ней, но все болѣе и болѣе удаляются въ непроходимыя дебри раскола и въ глубокія пропасти, откуда трудно имъ узрѣть свѣтъ Христовой истины и обрѣсти святую, соборную и апостольскую Церковь, внѣ которой спасеніе невозможно.

Кишиневскій епархіальный миссіонеръ, священникъ
Феодосій Воловей.

Изъ миссіонерскихъ писемъ, дневниковъ и лѣтописей.

Миссіонерская полемика по вопросу о присягѣ.

(Открытое письмо къ Д. И. Боголюбову).

Многоуважаемый Димитрій Ивановичъ!

«Мы не сильны противъ истины, но сильны за истину», говорилъ ап. Павелъ (2 Кор. 13, 8). Не можетъ быть въ должной мѣрѣ плодотворнымъ вліяніе такого служителя истины, который въ пылу борьбы «за истину» иногда допускаетъ обмолвки и «противъ» нея. Такая мысль возникаетъ при чтеніи вашей краткой бесѣды съ сотскими-штундистами въ сентябрьской книжкѣ «Миссіонерскаго Обзорѣнія». Вы извините меня, если я, по долгу служителя Церкви, замѣчу вамъ, что въ словахъ мужичковъ-сектантовъ, какъ будто было больше «за» истину, чѣмъ въ вашихъ.

Бесѣда была о присягѣ. Я не скажу, что не нужно защищать присягу, а спрошу только: хорошо ли вы ее защищаете, въ тѣхъ ли случаяхъ и въ томъ ли духѣ и смыслѣ, въ какихъ можно защищать ее?

«Мы и такъ будемъ служить царю по правдѣ. Чего клясться?..» говорятъ вамъ мужички. Прекрасныя, *рускія* слова; надъ ними должно задуматься: въ нихъ есть мысль очень вѣская. Религіозный человѣкъ поступаетъ по правдѣ; его обязываютъ къ тому совѣсть, религія; дѣла его видитъ и судитъ Богъ; при такихъ сильнѣйшихъ побужденіяхъ къ «правдѣ»—«чего клясться?» говоритъ онъ, клятва—*напрасна*. Человѣкъ нерелигіозный не будетъ такъ разсуждать: онъ присягнетъ легко, потому что не чувствуетъ смысла и силы присяги; онъ отнесется къ ней легкомысленно, механически, формально; она его не много свяжетъ, особенно, если она принудительна; такъ что и въ этомъ случаѣ клятва—*напрасна* («всуе»).

Вы отвѣчаете, что это разсужденіе не должно имѣть силы, потому что клятва нужна въ жизни, она прекращаетъ споры. Почему бы ни заставляли клясться, нужно, по вашему, клясться, потому что, если мы отказываемся, насъ просятъ, бранятъ, получается споръ, а съ людьми не нужно спорить (а съ словомъ Божіимъ?). Для подтвержденія своего мнѣнія вы приводите слова ап. Павла: «люди клянутся высшимъ, и клятва... оканчивается всякій споръ ихъ». Этотъ фактъ изъ жизни св. апостоль взялъ для *сравненія*, а не для узаконенія и заповѣди, какъ и Господь, приводя въ притчѣ домоправителя неправеднаго, не рекомендуетъ намъ поступать неправедно. А что указанный апостоломъ людской обычай грѣшенъ, нѣтъ спора. Противъ него-то и далъ Господь заповѣдь «не клянись вовсе». Основаніе этой заповѣди, конечно, не толстовское, весьма не остроумное, а другое. При посредствѣ присяги нельзя заставить христіанина поступать по волѣ человѣческой, а не по волѣ Божіей; если бы было такъ, какъ утверждаетъ Л. Толстой, то присяга имѣла бы такой смыслъ: «Господи, обещаюсь и клянусь поступать противъ Тебя, если велятъ люди, а если не буду ихъ слушать, то буду виноватъ противъ Тебя, и Ты меня накажешь», что, очевидно, не имѣетъ смысла. Никакая присяга не оправдываетъ и не требуетъ грѣха; присяга невольная или грѣшное требованіе со стороны присяжной власти никакой нравственной или религіозной обязательности не имѣютъ. Основаніе къ заповѣди Спасителя указано другое: величіе Бога, которому мы съ любовью и трепетомъ поклоняемся: «не клянись вовсе: ни небомъ, потому что оно *престолъ Божій*, ни землей, потому что она *подножіе ногъ Его*; ни Иерусалимомъ, потому что онъ городъ *великаго Царя*; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ или чернымъ (т. е. она *во власти Бога*)». Уничижать величіе Божіе противно религіозному чувству и совѣсти. Вообразите: два сосѣда «спорятъ» между собою о клочкѣ земли—одинъ у другого отмежевалъ помойную яму. Разбираетъ на мѣстѣ мировой судья, устанавливая наслѣдственность и давность смежныхъ владѣній. Призываются свидѣтели и священникъ для привода ихъ къ присягѣ. Правда, клятвою трудъ судьи ускорится и облегчится, а «споръ» можетъ прекратиться, но только для разрѣшенія этого пустого, часто злого и своекорыстнаго спора и для

облегченія судьи *средствомъ* берется Высочайшее имя и власть Владыки неба и земли—Бога, Онъ призывается въ судьи и разбиратели въ нашихъ житейскихъ дрязгахъ. Правда ли, что такой клятвы не запрещалъ Господь? Тогда что же Онъ запрещалъ, говоря: «не клянись вовсе; да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ?».

Чтобы не подпасть осужденію, вы совѣтуете христіанамъ не клясться еврейскими клятвами, которыя только будто бы и запретилъ Христось, а христіанской—*именемъ Божиимъ*, каковой клятвы Христось, какъ вы говорите, *не запрещалъ*.

Еврейскими клятвами христіане, кажется, не клянутся, а именемъ Божиимъ нѣкогда клялись и евреи; впродѣмъ, нѣкоторыя еврейскія клятвы универсальны (напр. небомъ). Господь запрещалъ обычныя клятвы не потому, что они «еврейскія», или, какъ вы говорите, «обходныя», а потому, что они—уничженіе славы Божіей, неблагоговѣйны: «клянущійся храмомъ клянется имъ и *Живущимъ* въ немъ, и клянущійся небомъ клянется престоломъ Божиимъ и *Сидящимъ* на немъ (Мѡ. 23, 21—22)». Значить, потому только и запрещалъ Господь «обходныя» клятвы, что они, какъ и вы говорите, «въ сущности—клятвы именемъ Божиимъ». Какъ же вы говорите, что Христось не запрещалъ клясться именемъ Божиимъ? Если нельзя клясться небомъ, потому что оно престоль Божій, то ужъ, конечно, и безъ словъ понятно, нельзя клясться Сидящимъ на этомъ престолѣ. Если Господь разрѣшалъ, какъ вы думаете, клясться именемъ Божиимъ, а запрещалъ клясться небомъ, землею, жертвенникомъ, храмомъ, Иерусалимомъ, то неужели величіе и святыня этихъ предметовъ въ очахъ Его выше величія Бога и имени Его? Повторять для евреевъ заповѣдь, изреченную съ Синая, не было нужды: евреи временъ Спасителя не только для клятвы и «всуе», но и по необходимости-то боялись произносить имя Божіе.

На ваши слова, что ап. Павелъ призывалъ Бога во свидѣтели, мужички отвѣчали: «то во свидѣтели призывать Бога, а то клясться. Это особая статья. На присягѣ насъ заставляютъ клясться именемъ Божиимъ»... Если необходимо нужно кого-нибудь увѣрить въ томъ, что вы не солжете и не поступите противъ совѣсти, то не такъ тяжело для религіозно-нравственнаго сознанія сказать: «я христіанинъ, я постоянно предъ Богомъ, если я солгу или сдѣлаю неправду.

Онъ мнѣ судья; будьте въ этомъ увѣрены, не бойтесь, я свидѣтельствуюсь предъ вами моей вѣрой и совѣстью». Но сказать: «обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ»... да мужички, это нѣсколько «особая статья»...

Совершенно несправедливо ваше замѣчаніе, что, повелѣвая христіанамъ *никакъ* не клясться, а говорить *только да, да, нѣтъ, нѣтъ*, ап. Іаковъ не запрещаетъ самой главной и отвѣтственной клятвы именемъ Божиимъ.

Что касается рекомендуемаго вами подражанія Богу и ангеламъ, то нужно подражать съ разсужденіемъ и соглашаясь съ заповѣдями Божиими, ибо человѣкъ слишкомъ маленькое существо, и грѣшное и суетное, его клятвы нѣчто иное, чѣмъ обѣтованія Божіи и возвѣщенія ангеловъ Его.

И въ цѣляхъ миссіонерскихъ и въ цѣляхъ болѣе общихъ и широко понимаемыхъ необходимо хорошенъко подуматъ надъ вопросомъ о присягѣ. Это — вопросъ забытый, вопросъ соблазняющій многихъ. Присяга иногда — попытка совѣсти; разумѣемъ главнымъ образомъ слишкомъ широкое пользованіе присягой на судѣ. Для простого человѣка присяга — попытка потому, что въ немъ происходитъ борьба: не сказать правду страшно, грѣшно, а сказать — не выгодно, тѣмъ больше, что то, что правда для судьи, для него иногда сомнительно; а матеріальные вопросы слишкомъ болыны для крестьянина; и вотъ онъ или дѣлается клятвopеступникомъ, или изворачивается между правдой и неправдой, или насильно (черезъ насиліе надъ совѣстью) вынуждается сказать горькую для него правду, при томъ правду по подсказу судей, имъ желательную; немного похоже это на духовную пытку. Присяга часто — попытка для священника. Поводъ ничтожный, дѣло ясно, а по требованію буквы закона нужно привести къ присягѣ; священника не спрашиваютъ о его взглядѣ, не излагаютъ ему судебного дѣла, а прямо приказываютъ привести къ присягѣ. Отказаться — иногда значитъ поднять противъ себя опасную бурю; согласиться — иногда значитъ уничтожать то имя Божіе, святить, охранять и величать которое долгъ священника; въ виду этого священникъ дѣлаетъ иногда это, намѣренно какъ бы закрывая глаза, дѣлаетъ какъ судебную формальную процедуру; но это новая неправда и грѣхъ; и идетъ священникъ послѣ этого со стыдомъ и съ самой тяжелой мукой въ своей совѣсти...

Необходимо нужно строго и *въ чисто церковномъ духѣ* разсмотрѣть слѣдующіе вопросы и тезисы:

1) Есть ли дѣйствительно и какіе именно случаи въ жизни, когда, не призвавъ Бога во свидѣтели, человекъ дѣлается виновнымъ противъ духа и прямыхъ требованій Божіихъ заповѣдей о любви. Этихъ случаевъ не можетъ быть много въ жизни, и они должны быть *слишкомъ серьезны*, чтобы служить исключеніемъ изъ божественнаго запрещенія клятвы.

2) Для *кого* и при *какихъ* условіяхъ присяга *не напрасна*? Есть характеры и люди, есть обстоятельства и условія, при которыхъ она завѣдомо бесполезна и особенно грѣшна.

3) Каждый отдѣльный случай присяги долженъ быть отданъ на свободное рѣшеніе совѣсти того или другого представителя Церкви или церковнаго суда; приказаніе въ этомъ случаѣ священнику, хотя бы и со стороны духовной консисторіи, не должно имѣть мѣста, разъ онъ по совѣсти не согласенъ съ рѣшеніемъ, принятымъ на основаніи человѣческихъ, а не божескихъ (церковныхъ) законовъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшающимъ должно быть слово духовника приводимаго къ присягѣ.

4) Должна быть разсмотрѣна и составлена чисто-церковная формула присяги или свидѣтельства совѣсти. Это дѣло исключительно церковной компетенціи; ни одно государственное учрежденіе не можетъ отвергнуть церковной формулы, потому что это, во-1-хъ, будетъ насиліемъ религіозной совѣсти, во-2-хъ, гражданская форма можетъ несоотвѣтствовать церковнымъ требованіямъ, и по этимъ двумъ основаніямъ присяга не будетъ имѣть обязательнаго религіозно-нравственнаго значенія.

Вы, миссіонеры,—служители Церкви Божіей; сослужите ей службу и въ этомъ вопросѣ, не рѣшайте его съ плеча, для минутной побѣды, а поприлежнѣе подумайте. Поднимайте его на своихъ сѣздахъ, разсуждайте и пишите о немъ по церковному, по совѣсти. У васъ много средствъ къ этому: вамъ открываются думы и чувства народныя; не зашумливайте ихъ, а дайте имъ хорошенько высказаться. Видите, какъ чутка религіозная совѣсть простыхъ людей и какъ дороги имъ Божіи заповѣди. Вы не разрѣшили, Дмитрій Ивановичъ, удовлетворительно для нихъ мучитель-

наго вопроса, однако они ушли мрачные, общаясь и еще подумать,—какой прекрасный, безпристрастный и внимательный народъ! Нужно особенно лелѣять, что въ немъ есть добраго и здороваго, чтобы онъ повѣрилъ намъ и въ томъ, въ чемъ онъ боленъ и грѣшенъ!

Да поможетъ вамъ Господь въ вашихъ трудахъ!

Искренно васъ уважающій священникъ Димитрій *Силинг*.

Письмо къ старообрядцу-безпоповцу.

(По поводу бывшихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ собесѣдованій).

Нижегородскія ярмарочныя собесѣдованія въ нынѣшнемъ году носили особый, необычный доселѣ характеръ. Благодаря отпущеннымъ отъ Св. Синода средствамъ, преосвященнымъ Назаріемъ, епископомъ нижегородскимъ и арзамаскимъ были приглашены принять въ нихъ участіе профессоръ казанской академіи Н. И. Ивановскій (въ качествѣ руководителя), казанскій епархіальный миссіонеръ М. И. Васильевскій, миссіонеры: черниговской епархіи — священникъ Родіонцевъ и екатеринославскій священникъ Шалкинскій; на нѣсколько дней пріѣзжалъ и синодальный миссіонеръ, протоіерей К. Крючковъ, а также и самарской епархіи миссіонеръ священникъ Д. Александровъ. Съ другой стороны явились сюда и извѣстные главари раскола: Мельниковъ, ратоборецъ австрійскаго священства, слѣпецъ Коноваловъ, спасова согласія, брачный поморецъ Пичугинъ (изъ Пенз. губ.) и другіе. Такое скопленіе опытныхъ въ собесѣдованіяхъ людей разныхъ упованій придадо этимъ собесѣдованіямъ особую оживленность и приктически-жизненное значеніе.

Но выдающимся обстоятельствомъ было то, что здѣсь открыто предъ всѣми, въ присутствіи православныхъ миссіонеровъ и при наблюденіи за порядкомъ и сдержанностью

въ словахъ и выраженіяхъ руководителя, вели собесѣдованія между собою и старообрядческіе начетчики. Коноваловъ (спасовець, не допускающій перекрещиванія переходящихъ изъ православія) вель двѣ бесѣды съ поморцемъ Пичугинымъ (требующимъ перекрещиванія) и одну бесѣду съ Мельниковымъ. Бесѣды, по производимымъ записямъ, начаты печатаніемъ въ Нижегородскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ и по окончаніи ихъ мы скажемъ свое слово. Теперь же отмѣтимъ лишь одно обстоятельство. Поморець Пичугинъ прислалъ на наше имя письмо, прося дать заключеніе о бесѣдахъ его съ Коноваловымъ, на которое мы и отправили ему свой отвѣтъ.

Считаемъ не безинтереснымъ огласить пока какъ самое письмо, такъ и отвѣтъ нашъ ему.

1) Письмо Пичугина на имя профессора Ивановскаго.

„Ваше Превосходительство,
Многоуважаемый Профессоръ,
Николай Ивановичъ!

Ваше поведеніе во время моей бесѣды, бывшей въ Нижнемъ-Новгородѣ, меня заставляетъ думать о Васъ, какъ о чловѣкѣ гуманномъ, въ полномъ смыслѣ этого слова; повѣрьте,—я говорю правду.

Если Вы не сочтете за трудъ написать мнѣ Ваше безстрастное заключеніе по отношенію моей бесѣды съ Коноваловымъ, я премного обязанъ буду Вамъ за такую справедливость, когда буду имѣть счастье въ полученіи Вашего благороднаго заключенія.

Адресъ мой: Въ с. Никольскій Поимъ, Пензенской губ., Льву Θεоктистовичу Пичугину.

Съ глубокимъ уваженіемъ имѣю честь быть къ Вамъ
Л. Пичугинъ“.

23 Августа 1902 г.

2) Отвѣтное письмо профессора Ивановскаго.

„Поимъ, Пензенской губерніи.

Льву Θεоктистовичу Пичугину.

На письмо Ваше отъ 23 Августа отвѣтствую.

Бесѣды ваши съ Коноваловымъ шли по неразрѣшшмому

для васъ обоихъ вопросу (необходимо ли повторять крещеніе надъ переходящими въ безпоповство отъ россійской Церкви).

На первой бесѣдѣ, когда вы доказывали, что нужно крестить всѣхъ еретиковъ, и во Имя Св. Троицы крещеныхъ, въ три погруженія, вы были положительно не правы, съ общей канонической точки зрѣнія, такъ какъ шли въразрѣзъ съ совершенно ясными и опредѣленными постановленіями соборовъ, вамъ хорошо извѣстными. Послѣ этой бесѣды я и говорилъ, кому случилось, что Пичугинъ совсѣмъ не туда ударилъ. Ему слѣдовало обосноваться только на *антихристу* и въ немъ только найти себѣ *опору*.

Вторая бесѣда, сколько теперь упомяну, съ этого *именно* и началась. Но тутъ пошли уже недоговорки и игра словъ, какъ говорятъ, въ темную для обоихъ. Коноваловъ обосновался на крещеніи въ нашей Церкви, какъ говорится о немъ въ нашемъ Потребникѣ и какъ дѣйствуется на практикѣ, объ антихристѣ же заявилъ, что *особаго антихриста* не будетъ.

Вамъ легко было показать, что предъ послѣднимъ временемъ будетъ „собственнымъ и изъятымъ образомъ“ (слова Іоанна Дамаскина, Богословіе, гл. 26) антихристъ, о которомъ пишется и въ словѣ 105 св. Ефрема Сирина и въ Ипполитовомъ, помѣщенномъ въ Сборникѣ. Но этого вы не сдѣлали, потому что тогда возникъ бы вопросъ о томъ, будетъ ли у антихриста (послѣдняго) крещеніе во Имя Св. Троицы; и пришлось бы вамъ тогда обоимъ плохо въ томъ пунктѣ ученія, который для *всѣхъ* безпоповцевъ *основной*, и безъ котораго они совершенно безпочвенны. И вотъ вы начали ходить кругомъ, да около основного своего вѣрованія, боясь его коснуться, чтобы *не убить публично всю безпоповщину*. Отъ этого и кончилась ваша бесѣда ничѣмъ, и никто изъ нея сущности дѣла не понялъ, а унесли только впечатлѣніе, что Коноваловъ, опираясь на нашъ православный Потребникъ, и здѣсь оказался правѣе, чѣмъ вы.

Для меня это ничуть не удивительно потому, что всѣ внутренніе въ расколѣ вопросы и споры,—возьмите хоть о бракѣ съ бракоборами, или о молитвѣ за царя съ бѣгунами, или о священствѣ поповца съ безпоповцами, или окружни-

ковъ съ неокружниками, или спасовцевъ-отрицанцевъ съ подначальниками и т. д.,—что всѣ эти споры являются непримиримыми и возбуждаемые вопросы въ сущности на почвѣ раскола *неразрѣшимыми*, причемъ спорящіе могутъ только возражать и нападать на своихъ противниковъ, но себя защитить не въ силахъ.

Объ этомъ стоило бы очень и очень подумать всѣмъ старообрядцамъ.

Что *лично* до васъ и до Коновалова, то вы вообще сдержаннѣе; Коноваловъ же—извѣстный уже мнѣ кощунникъ,—едвали во что и вѣрующій, упоминающій болѣе всего о бѣсахъ и діаволахъ, распредѣляющій мѣста въ аду, но о раѣ и о Христѣ, Спасителѣ нашемъ, почти не упоминающій, а только посмѣвающійся надъ дорогими, священными въ глазахъ другихъ, предметами, до св. причастія включительно съ цѣлью запугать малопытныхъ и особенно колеблющихся слушателей. Мнѣ приходилось не разъ его останавливать но слово человѣческое мало на него дѣйствуетъ, пока не постигнетъ судъ Божій надъ посмѣвателемъ и глумителемъ. Писаніемъ онъ прямо злоупотребляетъ, выбирая изъ него лишь то, что въ немъ есть рѣзкаго, и составляя изъ этихъ обрывковъ *свой* букетъ.

Вотъ мое, испрашиваемое [Вами, заключение о бесѣдахъ вашихъ съ Коноваловымъ.

Профессоръ Н. Ивановскій.

Страничка изъ исторіи возникновенія штундизма въ Сквирскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи.

Возникновеніе штундизма въ Сквирскомъ уѣздѣ относится къ 1875 году. Это было время усиленнаго религіознаго броженія въ народѣ, возбужденнаго появленіемъ штундизма въ предѣлахъ Кіевской губерніи. Слухи о „новой вѣрѣ“ съ необыкновенною въ данныхъ случаяхъ быстротою проникли во всѣ, даже самые отдаленные, уголки, повсюду вызывая среди мѣстнаго населенія самые разнородные толки и предположенія. Въ то время, какъ у однихъ, при извѣстіи объ отрицаніи новыми сектантами иконъ, креста, крестнаго знаменія и тайнствъ, съ именемъ штундиста возникало предствленіе о чемъ-то ужасномъ, болѣе похожемъ на сатану и антихриста, чѣмъ на обыкновеннаго человѣка, другіе передавали преувеличенные до крайности рассказы о необыкновенныхъ богатствахъ штундистовъ,—богатствахъ, которыми они щедро надѣляли всякаго, пристававшаго въ ихъ секту; иные, наконецъ, съ штундизмомъ связывали всегда волнующій ихъ вопросъ объ отобраніи у помѣщиковъ земель и надѣленіи ими крестьянъ и даже объ уничтоженіи пановъ и начальства вообще. Все это крайне возбуждало у крестьянъ любопытство и побуждало болѣе нетерпѣливыхъ изъ нихъ самихъ отправляться въ мѣста, уже зараженныя штундизмомъ, чтобы ближе познакомиться съ ученіемъ и бытомъ людей „новой вѣры“.

Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и крестьянинъ с Скибинецъ Тимошей Заяць. Тимошей Заяць былъ изъ категоріи тѣхъ лицъ, у которыхъ, если и есть религіозное чувство, то оно заглушено матеріальными, житейскими расчетами. Пока онъ былъ, или лучше сказать, считался православнымъ, онъ нерадиво и неохотно исполнялъ церковные уставы и то только по необходимости и изъ подражанія другимъ, не находя въ тайнствахъ и священнодѣйствіяхъ Церкви того утѣшенія, которое испытываютъ люди, искренно вѣрующіе

и заботящіеся о своемъ спасеніи. Узнавъ о появленіи штундизма въ сосѣднемъ Таращанскомъ уѣздѣ, Тимоѳеи Заяць рѣшилъ отправиться туда и посмотрѣть „що то за люды, и яка у ихъ віра“. Полная свобода отъ всякихъ обязанностей къ Церкви православной и къ своему приходскому духовенству, простота штундовскихъ молитвъ и пѣсенъ, возможность толковать самому слово Божіе по собственному разумнію и, наконецъ, легкость, съ какою штундизмъ общаетъ спасеніе, пришлись ему по душѣ. Улыбалась ему также и возможность играть первую роль въ своемъ селѣ, быть руководителемъ толпы и, сдѣлавшись пресвитеромъ, получать, по примѣру другихъ пресвитеровъ, немалые доходы. Поэтому Тимоѳеи Заяць недолго думалъ и колебался и возвратился домой уже штундистомъ. Оставивъ православную вѣру самъ, онъ немедленно сталъ распространять новое ученіе среди своихъ родныхъ и односельцевъ. Проповѣдь его была настолько успѣшною, что уже въ 1876 году у него оказалось послѣдователей до 37 человекъ обоого пола. Ободренный такимъ успѣхомъ, Тимоѳеи Заяць скоро дошелъ до открытаго и публичнаго кощунства и издѣвательства надъ православною Церковью и ея святынями, вслѣдствіе чего былъ преданъ суду и сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ. Такой оборотъ дѣла былъ смертельнымъ ударомъ для зарождавшейся штундовой общины с. Скибинець. Лишившись такъ скоро своего главнаго вожака и руководителя, а также напуганные участію, постигшею Заяца, штундисты с. Скибинець совершенно присмирѣли и затихли. Мало-по-малу община ихъ начала разлагаться и скоро представляла печальную картину религіознаго невѣжества и нравственной распущенности. Вслѣдъ за первыми приступами необычайно высокаго религіознаго воодушевленія, выражавшагося въ постоянныхъ молитвенныхъ собраніяхъ съ чтеніемъ и толкованіемъ св. Писанія, устраненіи изъ своей среды такихъ пороковъ, какъ пьянство, воровство, и развитіи широкой взаимопомощи и благотворительности, хотя и въ предѣлахъ лишь только своей секты, наступило полное охлажденіе. Не будучи въ состояніи правильно понять всю необъятную высоту христіанскаго ученія, содержащуюся въ священныхъ книгахъ, наталкиваясь постоянно на противорѣчія между своимъ ученіемъ, отрицающимъ всякую необходимость внѣшнихъ формъ и

проявленій для выраженія религіознаго чувства, съ яснымъ и рѣшительнымъ утвержденіемъ этого со стороны св. Писанія, штундисты с. Скибинець скоро раздѣлились на нѣсколько партій, враждебныхъ другъ другу; прежнее единодушіе уступило мѣсто личной борьбѣ и ссорамъ, поведшимъ къ прекращенію ихъ молитвенныхъ собраній. До какой степени религіознаго невѣжества дошли сектанты,—можно видѣть изъ того, что дочь Тимоея Зайца, Марія, двадцатилѣтняя дѣвица, не имѣетъ никакого рѣшительно представленія о Богѣ, троичности Лиць въ Божествѣ; даже важнѣйшіе моменты изъ жизни и дѣятельности Господа нашего Иисуса Христа ей неизвѣстны; не знаетъ она также ни одной изъ самыхъ общепотребительныхъ христіанскихъ молитвъ, не исключая и молитвы Господней. Родившись въ то время, когда отецъ ея, Тимоей Заяць, уже отрекся отъ православія и принялъ штундизмъ, она лишена была св. крещенія и такимъ образомъ является язычницей въ полномъ значеніи этого слова... Одновременно съ ослабленіемъ религіознаго воодушевленія, охватившаго сектантовъ въ самомъ началѣ поступленія ихъ въ секту, среди нихъ обнаруживается и крайній упадокъ нравственности. Преступныя связи съ чужими женами, при жизни своихъ женъ, воровство, мошенничествъ о лицемѣріе, гордость, жестокосердіе и тайное пьянство сдѣлались пороками болѣе обычными у этихъ сектантовъ, чѣмъ у православныхъ.

Въ с. Капустинцы, находящееся всего въ двухъ или трехъ верстахъ отъ Скибинець, штундизмъ былъ занесенъ также благодаря пропагандѣ Тимоея Зайца. Здѣсь первымъ ученикомъ и послѣдователемъ Зайца былъ его ближній родственникъ, Кирикъ Зубко, который для Капустинецъ явился такимъ же апостоломъ штундизма, какимъ Тимоей Заяць былъ для с. Скибинець. Кирикъ Зубко принадлежитъ къ числу тѣхъ крестьянъ-малороссовъ, у которыхъ упрямство и самолюбіе являются основными и господствующими чертами характера. Познакомившись съ ученіемъ штундистовъ и заучивъ отъ своего наставника много текстовъ изъ ветхаго и новаго завѣта, служащихъ для поддержанія этого ученія, усвоивъ также преподанное ему превратное толкованіе ихъ, Кирикъ Зубко сдѣлался энергичнымъ пропагандистомъ между православными крестьянами штундистскаго

ученія. Вскорѣ за кошуństwo былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ вмѣстѣ съ другими заключенными усердно читалъ св. Писаніе и еще болѣе утвердился въ своемъ лжеученіи. Когда же былъ освобожденъ, то, не смотря на всѣ увѣщанія своего пастыря, продолжалъ еще съ большимъ упорствомъ отстаивать свою новую вѣру. Въ это же время ему удалось обратиться на себя вниманіе нѣкоторыхъ петербургскихъ аристократовъ (Пашковскаго ученія), которые удостоили войти съ нимъ въ переписку, высылая ему деньги на пособіе; но это сочувствіе и поддержка знатныхъ лицъ вскружили голову Кирика Зубко окончательно и отняли всякую надежду на возвращеніе его въ лоно Церкви православной. По возвращеніи изъ тюрьмы Кирикъ прежде всего сталъ принуждать къ переходу въ штунду свою жену и дѣтей, для чего прибѣгалъ къ жестокимъ побоямъ, впрочемъ постоянно и вездѣ практикуемымъ въ такихъ случаяхъ сектантами. Послѣ этого онъ сталъ съ ревностью, достойною лучшей участи, стараться о привлеченіи единомышленниковъ новаго ученія среди своихъ односельцевъ. Но несмотря на всѣ его усилія и труды въ этомъ направленіи, ему въ теченіе почти двадцати лѣтъ удалось совратить въ штунду только четыре семьи. Строгое и быстрое наказаніе, постигшее Тимоѳея Зайца и его самого, подорвало среди крестьянъ довѣріе къ распространяемымъ имъ толкамъ, будто бы даже само правительство сочувствуетъ штундистамъ и позволяетъ имъ безнаказанно глумиться надъ православною Церковью и ея святынями. Со стороны мѣстнаго пастыря также своевременно приняты были весьма цѣлесообразныя и энергичныя мѣры для противодѣйствія пропагандѣ штундизма Кирикомъ Зубкомъ среди крестьянъ с. Капустинецъ. Живя за нѣсколько верстъ отъ этой деревни, онъ понялъ, что одному ему будетъ весьма трудно слѣдить за дѣятельностью Зубка, а посему онъ рѣшилъ организовать изъ среды самихъ крестьянъ нѣчто въ родѣ церковнаго братства. Само собою разумѣется, въ число братчиковъ приглашены были самыя надежныя и извѣстныя своею преданностью вѣрѣ православной лица. Не рекомендуя имъ самимъ входить въ споры и разсужденія по вопросамъ вѣры съ Кирикомъ, онъ поручилъ имъ только слѣдить за всѣми дѣйствіями Зубка и немедленно доносить ему какъ о собраніяхъ, устраиваемыхъ имъ въ своемъ домѣ,

такъ и о всякомъ поколебленномъ его пропагандой. Благодаря организациі такого рода, всѣ усилія Кирика Зубко насадить штундизмъ въ с. Капустинцахъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ въ теченіе почти двадцати лѣтъ оставались тщетными. Лишь только устраивалось какое-либо собраніе штундистовъ, священникъ, извѣщенный объ этомъ, спѣшилъ въ с. Капустинцы, смѣло и энергично обличалъ заблужденія штундистовъ, укорялъ тѣхъ изъ православныхъ, которыхъ находилъ на такомъ собраніи, и приказывалъ разойтись по домамъ. Нерѣдко по окончаніи богослуженія въ ихъ приходской Церкви, при встрѣчахъ во время похоронъ и при исполненіи у нихъ другихъ требъ, священникъ подолгу бесѣдовалъ съ крестьянами, указывая заблужденія штундистовъ и превосходство вѣры православной. Насколько энергично охранялъ этотъ православный пастырь свое духовное стадо отъ происковъ штундоваго учителя, показываетъ уже тотъ фактъ, что московскіе и петербургскіе покровители Кирика Зубка неоднократно присылали ему обидныя письма съ угрозою „стереть его съ лица земли, если онъ не оставитъ въ покоѣ истиннаго христіанина,“ какимъ былъ въ ихъ глазахъ Зубко, т. е. если будетъ мѣшать его пропагандѣ штундизма, и даже доходили до низкой клеветы въ одномъ изъ распространенныхъ сектофильствующихъ журналовъ, обвиняя этого честнаго и истиннаго пастыря своего стада въ жестокости и тиранствѣ. Утомленный, наконецъ, двадцатилѣтнею борьбою со штундою, разстроивъ свое здоровье о. Р...скій началъ просить о выдѣленіи д. Капустинецъ въ самостоятельный приходъ, въ видахъ болѣе тщательнаго надзора и охраненія православныхъ отъ увлеченія въ штундизмъ такимъ опытнымъ и упорнымъ лжеучителемъ, какимъ былъ Кирикъ Зубко. Просьба его была уважена, и въ 1895 году Капустинцы были преобразованы въ самостоятельный приходъ. Къ сожалѣнію, новый пастырь не сумѣлъ пріобрѣсти той любви и уваженія, какими пользовался о. Р...скій. Организованное послѣднимъ братство ревнителей православной вѣры, не встрѣчая прежней поддержки и умѣлаго руководства, распалось. Такая перемѣна въ церковно-приходской жизни Капустинецъ совпала съ послабленіемъ штундизму и со стороны гражданской власти. Кирикъ Зубко понялъ, что настало время дѣйствовать и что жатва будетъ обильна. И дѣйствительно, па-

дежды его оправдались. Въ теченіе одного или двухъ лѣтъ со времени этой перемѣны число штундистовъ въ Капустинцахъ удвоилось. Замѣчательно, что одною изъ первыхъ жертвъ пропаганды Кирика сдѣлалась семья лучшаго изъ православныхъ крестьянъ Я...го. Послѣдній былъ человѣкъ глубоко релігіозный и искренно преданный сынъ православной Церкви. Лучшимъ доказательствомъ его релігіозной настроенности въ духѣ православной вѣры служить тотъ фактъ, что онъ два раза вмѣстѣ съ своею женой былъ въ Іерусалимѣ для поклоненія Гробу Спасителя и почти ежегодно совершалъ паломничество къ кievскимъ святынямъ. Будучи самъ человѣкомъ весьма релігіознымъ, трудолюбивымъ, трезвымъ и честнымъ, онъ и дѣтей своихъ воспитывалъ въ духѣ истиннаго благочестія и повиновенія уставамъ Церкви православной. Какъ преданный сынъ православной Церкви, онъ терпѣть не могъ штундистовъ и, при образованіи церковнаго братства въ с. Капустинцахъ, сталъ однимъ изъ первыхъ и весьма дѣятельныхъ членовъ его, своимъ примѣромъ и авторитетомъ удержавши не одну семью отъ увлеченія штундизмомъ, особенно на первыхъ порахъ появленія его. Казалось поэтому, что его семья прежде и болѣе всѣхъ была застрахована отъ совращенія въ сектанство. Тѣмъ большимъ ударомъ и огорченіемъ было для Я...го переходъ въ штунду его старшаго сына-первенца Василия. Огорченный и смущенный такимъ неожиданнымъ поступкомъ своего сына, Я...вой въ порывѣ оскорбленной отеческой гордости пришелъ въ страшный гнѣвъ и до такой степени избилъ Василия, что только вмѣшательство сосѣдей спасло его отъ ужаснаго преступленія. Видя, что ни его угрозы, ни слезы и просьбы матери, ни, наконецъ, убѣжденія священника не въ состояніи заставить сына, подстрекаемаго къ дальнѣйшему упорству Кирикомъ, отречься отъ штундизма, Я...вой рѣшился на самую крутую мѣру. Опасаясь вреднаго вліянія Василия на остальныхъ членовъ семьи и желая спасти ихъ отъ опасности зараженія гибельнымъ лжеученіемъ, онъ прогналъ Василия изъ своего дома, выдѣливъ ему, впрочемъ часть земли и имущества. Тяжело и горько было его родительскому сердцу производить такую жестокую операцію надъ роднымъ дѣтищемъ, больно и обидно ему было видѣть, что его первенецъ, помощникъ и опора его старости, измѣнилъ

завѣтамъ предковъ, жестоко посмѣялся надъ самою дорогою его святынею и сдѣлался отступникомъ отъ роднаго православія! Стыдно ему было и предъ своими сосѣдями, ему, столько ратовавшему противъ ненавистнаго штундизма, — что не уберечь отъ гибели роднаго сына!.. Но онъ утѣшалъ себя, по крайней мѣрѣ, надеждою, что съ корнемъ вырвалъ зло изъ своего дома, и изгнаніе старшаго сына послужитъ хорошимъ урокомъ и предостереженіемъ для остальныхъ дѣтей. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и Я...го постигъ новый, не менѣе жестокой ударъ. Не любилъ Я...вой и прежде Кирика Зубка за его отступничество отъ вѣры, но еще болѣе возненавидѣлъ его послѣ совращенія въ штунду сына, справедливо видя въ Кирикѣ главнаго виновника своего несчастія. Но можно представить себѣ горе и ужасъ Я...го, когда его второй и послѣдній сынъ Афанасій, увлеченный дочерью его закятаго врага, задумалъ жениться на ней! „Никогда, говорилъ онъ, я не плакалъ, но тутъ слезы сами полились изъ моихъ глазъ и на сердце навалился какъ бы тяжелый камень. Пропали теперь мои дѣти! И зачѣмъ только начальство держитъ между православными христіанами такихъ невѣровъ, которые сбиваютъ съ толку нашихъ дѣтей. Видно за грѣхи мои Господь посылаетъ мнѣ такое искушеніе!“ Чувствуя свое полное безсиліе, Я...вой отправился къ своему прежнему пастырю, повѣдалъ ему свое горе и просилъ совѣта и указанія, какъ поступить въ данномъ случаѣ и что предпринять. Рѣшено было не препятствовать Афанасію жениться на дочери Зубко Аннѣ, но потребовать отъ нея отреченія отъ штундизма и принятія православія. Анна Зубко согласилась на всѣ эти условія тѣмъ болѣе, что и отецъ ея не препятствовалъ этому. Такой поступокъ Кирика немало удивилъ крестьянъ, слышавшихъ отъ него неоднократно увѣренія, что онъ скорѣе рѣшится убить своихъ дѣтей, чѣмъ допустить, чтобы кто-нибудь изъ нихъ принялъ вѣру православную. Возникло даже такое предположеніе, что Кирикъ одумался и хочетъ самъ вернуться въ православіе. Но дальнѣйшіе поступки его показали, что дозволеніе дочери выйти замужъ за Афанасія и принять православіе было только ложнымъ маневромъ, дабы посредствомъ этого брака увеличить штундовую общину на счетъ богатыхъ и вліятельныхъ въ селѣ родныхъ Я...го. На первыхъ порахъ

своего замужества Анна, казалось, совершенно отрелася отъ штундизма и сдѣлалась православной христіанкою. Но потомъ она начала все рѣже и рѣже посѣщать храмъ, отговариваясь то болѣзнію, то недугомъ, то непогодой. Въ то же время она стала чаще посѣщать своего отца, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ и братьями своими пѣла штундовыя псалмы и читала по Библіи излюбленныя сектантами мѣста, въ которыхъ по ихъ мнѣнію, осуждается православная Церковь. Туда же за женой сталъ ходить и Афанасій, причемъ родные его жены старались окружить его самою нѣжной заботливостію и вмѣстѣ съ тѣмъ мало-по-малу напITYвали его ядомъ своего лжеученія. Съ грустью смотрѣлъ отецъ Афанасія на эти заигрыванія родни своей невѣстки около его сына; хорошо понималъ онъ, къ чему могутъ привести эти посѣщенія часто и со слезами на глазахъ просилъ онъ сына и невѣстку не губить своей души, не слушать Кирика, а по ночамъ долго не спать, перебирая въ своемъ умѣ всѣ средства, дабы спасти сына отъ измѣны православію. Подошло время „призыва“, и Афанасія взяли въ солдаты, чему Я...вой искренно обрадовался. „Пусть, говорилъ онъ, послужить въ москаляхъ, повидить свѣта и людей и узнаеть, что и начальство держится православной вѣры,—авось эта дурь и вывѣтрится у него“. Съ отъѣздомъ сына Я...вой взялъ на помощь себѣ своего внука Евдокима, шестнадцатилѣтняго парня, окончившаго министерскую школу въ м. Б...кѣ. Работая въ домѣ и на полѣ своего дѣда вмѣстѣ съ Анной, Евдокимъ мало-по-малу поддался гибельному для чистоты его вѣры вліянію ея; ея насмѣшки зародили сомнѣнія въ юной душѣ Евдокима въ истинности православной вѣры и возбудили интересъ къ штундовому ученію. При помощи Анны онъ вошелъ въ сношенія съ Кирикомъ Зубкомъ и его сыновьями, которые окончательно сбили съ толку мальчика и побудили его перейти въ штунду. Одновременно съ нимъ Анна успѣла завлечь въ свои сѣти еще двухъ молодыхъ парней Антона Л...го 17 лѣтъ и Игнатія Н...на 21 года, окончившихъ мѣстную церковно-приходскую школу и даже получившихъ льготное свидѣтельство. Все дѣло велось такъ ловко и осторожно, что ни приходскій священникъ, ни родные совращенныхъ нисколько не подозрѣвали того, какой страшный переворотъ совершался въ душѣ ихъ дѣтей. Опасаясь, чтобы своевре-

менно принятыми мѣрами со стороны священника и родныхъ эти лица не были спасены отъ увлеченія гибельнымъ ученіемъ. Кирикъ Зубко самъ совѣтоваль имъ посѣщать православные храмы и не обнаруживать своей принадлежности къ сектѣ „до поры до времени“, т. е. пока они окончательно не утвердятся въ штундизмѣ. Въ 1899 году вернулся изъ военной службы Афанасій Я...вой и, подъ давленіемъ своей жены и ея родныхъ, сталъ опять обнаруживать склонность къ штундизму и посѣщать собранія, почти открыто устраиваемыя Кирикомъ. При этомъ обнаружилось, что Евдокимъ, внукъ Я...го, давно уже посѣщаль домъ Кирика и успѣль къ этому времени стать ярнымъ штундистомъ. Едва-ли нужно говорить о томъ, что почувствовалъ дѣдъ Евдокима, когда узналъ объ этомъ... Не видя никакого спасенія для своего сына избѣжать сѣтей Кирика, Я...вой рѣшился все-таки такъ или иначе спасти отъ гибели хоть послѣдняго сына, еще не успѣвшаго вполне заразиться штундизмомъ. Получивъ извѣстіе, что въ Оренбургской губерніи есть свободныя для поселенія мѣста, куда направлялись и многіе православные крестьяне окрестныхъ сель, Я...вой далъ Афанасію денегъ и отправилъ его туда. „Нехай, говорилъ онъ, разставаясь съ роднымъ сыномъ и со слезами благословляя его св. иконой, иде; туда, я чувъ (слышалъ), штунду не пускають и може хотъ тамъ ты будешь христіаниномъ, а не jakimсь (какимъ-то) недовіркомъ; да тамъ никому буде и сбывать его съ толку. А я вже со старою у двухъ будемо-якъсь доживать віку тутъ, де жылы и захованы (погребены) наши діды й батькы“.

Н. Б.

Безпоповщинское поставленіе въ «духовные отцы».

(Разсказъ изъ современной жизни безпоповцевъ поморскаго толка).

Старообрядческій поморскій наставникъ Е. Н. С—въ, занимавшій въ поморской общинѣ хутора С—ва въ Донской области положеніе чуть не [патріаршее, исполняль должность духовнаго отца въ этой общинѣ до тѣхъ поръ, пока его старческія силы и здоровье позволяли это. Но въ 1898 году, почувствовавъ совершенную потерю силъ и здоровья, С—въ рѣшился уйти на покой и передать свою власть другому лицу. Въ послѣднихъ числахъ февраля мѣсяца 1898 года, въ одинъ изъ воскресныхъ дней, по распоряженію С—ва, былъ назначенъ выборъ преемника ему, для чего собраны были всѣ С—вскіе раскольники, а также и представители раскола изъ сосѣднихъ хуторовъ.

Помолившись за утренею и часами, С—въ обратился къ собранію съ такими словами: „Братіе! Я уже старъ сталъ, и трудно мнѣ служить; изберите изъ себя достойнаго чело-вѣка, и я его вмѣсто себя поставлю вамъ „духовнымъ отцомъ“. Собраніе указало С—ву на двухъ кандидатовъ—казаковъ Г—ва и Д—ва. Но С—въ почему-то ни одного изъ нихъ не согласился благословить на должность „духовнаго отца“, а самъ указаль имъ на начетчика С—кихъ раскольниковъ И. Л—ва, какъ чело-вѣка, по его мнѣнію, болѣе достойнаго, чѣмъ другіе. Достоинство Л—ва выразалось въ томъ, что онъ — чело-вѣкъ ловкій, бойкій, начитанный, пѣвецъ и знатокъ устава, а главное то, что онъ еще раньше просиль объ этомъ С—ва и, какъ слѣдуетъ, подпоиль его. Послѣднее-то обстоятельство для С—ва, любившаго выпить, и было самымъ сильнымъ мотивомъ къ избранію въ преемники себѣ именно Л—ва. Но на собраніи далеко не всѣ заговорили въ пользу Л—ва; большинство, въ особенности женщины, просили С—ва не поставлять его, потому что онъ чело-вѣкъ гордый, дерзкій, а главное то, что

онъ вводитъ свои уставы при богослуженіи. С—въ, видя „яко ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ“, взялъ Л—ва за руку и сказалъ: „Иванъ! бери подручникъ и ялады началъ!“ Л—въ повиновался, и началось поставленіе. Когда, при поставленіи, Л—ву нужно было обратиться къ народу и сказать: „простите мя Христа ради“, то большинство голосовъ, въ особенности женщины, разомъ крикнули: „будь ты проклятъ! ты намъ ненуженъ“. И только очень немногіе отвѣтили ему: „Богъ тя проститъ“. Но С—въ, не обращая вниманія на клянущій его и его ставленника народъ, продолжалъ поставленіе, наконецъ, произнесъ совершительныя слова: „Богъ тя благословитъ“, и объявилъ народу Л—ва „духовнымъ отцомъ“. Л—въ былъ въ восторгѣ и на другой же день письменно извѣстилъ о своемъ поставленіи своего друга, наставника раскольниковъ хут. Гр—а, Г—рія П—ва и въ концѣ письма подписался уже не какъ И. Л—въ, а „смиранный Іоаннъ, духовныйотець христіанъ поморскаго согласія“. Сторонники Л—ва признаютъ его „за духовнаго отца“, но противная сторона, выразившая несогласіе при его поставленіи, говоритъ, что онъ не по достоинству получилъ эту власть, а за мзду, и потому не только не признаетъ его духовнымъ отцомъ, но и отъ признающихъ его отдѣлилась, какъ отъ еретиковъ. И по сіе время эти двѣ партіи между собою враждуютъ!

Поставленіе другого наставника происходило такъ. Одинъ изъ наставниковъ хут. Т—ва З—ръ Л—въ былъ заподозрѣнъ въ вѣнчаніи браковъ при живыхъ мужьяхъ и женахъ, за что, по постановленію собора, происходившаго въ хут. Т—вомъ, былъ приговоренъ къ удаленію отъ занимаемой имъ должности „духовнаго отца“. Л—въ не подчинился соборному постановленію, считая его незаконнымъ. Тогда заправила раскола командировали двухъ стариковъ П—ва и Б—а въ Петербургъ, Москву и Тулу къ тамошнимъ наставникамъ для разрѣшенія этого вопроса. Столичные наставники, выслушавъ докладъ довѣренныхъ, подтвердили опредѣленіе Т—скаго собора объ удаленіи Л—ва отъ должности духовнаго отца и написали по этому дѣлу свое опредѣленіе. Возвратившись домой, довѣренные передали посланную съ ними бумагу старикамъ, а старики тотчасъ же объявили ее Л—ву. Хотя Л—ву и непріятно было слышать, что и петербургскіе на-

ставники постановили не въ его пользу, но дѣлать было нечего, нужно было повиноваться верховному суду. Послѣ объявленія Л—ву объ удаленіи его отъ наставничества, С—вцы предложили ему, не можетъ ли онъ, какъ бывшій „духовный отецъ“, указать достойнаго человѣка на свое мѣсто. Л—въ указалъ имъ на казака С. С—ва, который, хотя и малограмотный, но жизни хорошей. С—цы согласились съ избраніемъ Л—ва и обѣщались въ скоромъ времени пригласить наставниковъ изъ сосѣднихъ хуторовъ для поставленія С. С—ва на степень „духовнаго отца“. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней въ моленной, которая помѣщалась въ домѣ Л—ва, собрались всѣ С—скіе раскольники съ своими наставниками И. Л—вымъ и Н. С—мъ; сюда же прибыли наставники изъ другихъ хуторовъ Н—ева, Д—аго и Р—ова. Отслуживъ молебенъ Спасителю и Божіей Матери, Л—въ сказалъ ставленнику: „С. В.! Иди, становись ближе къ намъ; мы будемъ тебя благословлять во отцы“, и поставили его среди моленной. Л—ву въ послѣдній разъ хотѣлось первенствовать въ поставленіи. Но только онъ началъ говорить возгласъ: „За молитвы святыхъ отецъ нашихъ...“, какъ кто-то изъ толпы крикнулъ: „Стой, З. С.! Не благословляй, не губи человѣка! Ты изверженъ и поставлять теперъ не можешь“. А другой подскочилъ, дернулъ ставленника за рукавъ, говоря: „Иди сюда; мы не желаемъ, чтобы З. благословлялъ; онъ негожъ; онъ изверженъ“. Л—въ страшно разсердился, что его такъ оскорбили, да еще въ его же моленной, затопалъ ногами, похваталъ въ кучу стоящія передъ иконами свѣчи и закричалъ: „Вонъ изъ моего дома!“ Старики перепугались и бросились уходить, толкая другъ друга. Л—въ же кричалъ имъ вслѣдъ такія ругательныя и срамныя слова, „о нихъ же не лѣтъ есть человѣку глаголати“. Погоревавъ о случившемся, старики пригласили начетчика П—ва. П—въ посовѣтывалъ имъ идти въ другую моленную, въ которой, говорилъ онъ, И. А. Л—въ съ прочими отцами и благословитъ С. во отцы. Только было поднялись идти, какъ въ собраніи сдѣлался шумъ: „Мы не желаемъ, чтобы Л—въ благословлялъ! Онъ такъ же негожъ, какъ и З.“. Л—въ разсердился и съ бранью пошелъ домой. Тогда старики пошли въ другую моленную и Н. С—въ съ пріѣзжими отцами благословили С. С—ва на должность „духовнаго отца“.

Свящ. Е. О—г.

Изъ миссіонерской полемики.

Собесѣдованіе синодальнаго миссіонера прот. К. Крючкова съ Екатеринбургскими старообрядцами, проеходившее 23 іюня 1902 года.

Приступая къ описываемой бесѣдѣ, о. прот. К. Крючковъ напомнилъ слушателямъ, какъ на предыдущихъ двухъ бесѣдахъ представители и защитники старообрядческихъ толковъ взаимно опровергали и обличали другъ друга, именно—на первой бесѣдѣ Коноваловъ, представитель „Нѣтовщины“, убѣдительно доказалъ безблагодатность австрійской іерархіи, а на второй—Усовъ, защитникъ „австрійства“, обличилъ самого Коновалова въ лживости содержаемаго имъ ученія о возможности мірянину принимать еретиковъ третьимъ чиномъ и о пришествіи пророковъ Іліи и Еноха. Въ настоящій разъ, продолжалъ о. протоіерей, мы побесѣдуемъ съ Коноваловымъ и постараемся доказать ему, что *священство должно вѣчно пребывать въ св. Церкви*, какъ оно и пребываетъ доселѣ въ православной грекороссійской Церкви. Мы начнемъ доказывать вѣчность священства Христова отъ словъ Самого Господа нашего Іисуса Христа, ибо Онъ сказалъ: „слово, еже глаголахъ, то судитъ въ послѣдній день“ (Іоан. XII, 48). Если словомъ Спасителя мы будемъ судиться, то имъ прежде всего должны мы и оправдываться.

Въ Благовѣстномъ Евангеліи, отъ Луки 95 Зач., блаж. Теофилактъ, толкуя слова Господа: „рабомъ же своимъ десять мнась вда“, говоритъ, что эти раби суть тѣ лица, „имъ же церкви поручи. Десять глаголемъ быти совершеннаго ради церковнаго состоянія, ибо въ церкви чинъ совершеніе имать, предстоящими украшеніе: и ни большемъ лѣпо быти, ни мнѣе; еже слова благодатію триє сіи образи въ церкви: очищеніе, просвѣщеніе и совершеніе. Три сія дѣйства наслѣдуема чиновъ: діакони очищаютъ оглашеніемъ

ученія; презвитери, просвѣщающе крещеніемъ; архіереи же священныя чины поставляютъ и совершаютъ, еже есть рукоположеніе“. Такимъ образомъ, по толкованію блаж. Теофилакта, евангельскіе рабы служатъ образомъ трехъ чиновъ іерархіи: діаконовъ, пресвитеровъ и епископовъ; этихъ чиновъ, по Теофилакту, должно быть ни больше, ни меньше, какъ только три. Выше, въ томъ же зачатѣ, бл. Теофилактъ говоритъ, что этимъ рабамъ, образующимъ три чина іерархіи, Господь заповѣдалъ пребывать до скончанія вѣка, повелѣвши имъ: „куплю дѣйте, дондеже прииду„ (95 Зач.). Пусть эти рабы и недостойны будутъ, — только бы не еретики, — но мы должны принимать отъ нихъ дары благодати и слушать ихъ; кто же изъ нихъ „въ лѣности изнуритъ купли“, тотъ, по бл. Теофилакту, осудится при второмъ пришествіи Христовомъ. Таково ученіе евангельское. А о словахъ евангельскихъ Господь говоритъ: „небо и земля мимо идетъ, словеса же моя не мимо идутъ“ (Мѡ. 101 зач., Марк. 62). Пусть, кто хочеть, возстаеть противъ Христова ученія и подвергаетъ себя осужденію; которое изрекъ св. Іоаннъ Богословъ въ одномъ изъ своихъ посланій: „всякій, престаупающій ученіе Христово и не пребывающій въ немъ, не имѣеть Бога; пребывающій въ ученіи Христовомъ имѣеть и Отца и Сына“ (2 Іоан. 1, 9).

Коноваловъ. Добрые слушатели! О. Ксенофонтъ ничего не сказалъ объ устройствѣ Церкви, а началъ прямо о рабахъ. А я начну ¹⁾ съ устройства Церкви. Было время, когда рабовъ и совсѣмъ не существовало въ Церкви. А что касается обѣтованія о нихъ, то мы вѣримъ обѣтованіямъ побольше о. Ксенофонта. Но вѣдь о. о. Церкви растолковали эти ²⁾ обѣ-

¹⁾ Это обычный пріемъ Коновалова уклоняться отъ вопроса о вѣчности священства, чтобы избѣжать обличенія не поддающихся перетолковыванію ясныхъ свидѣтельствъ, утверждающихъ вѣчное пребываніе въ церкви трехчинной іерархіи. Онъ пытается обыкновенно перевести вопросъ на первоначальное устроеніе Церкви, гдѣ легко иногда запутываетъ неопытнаго собесѣдника, благодаря неопредѣленности этого вопроса.

²⁾ Коноваловъ опять уклоняется отъ прямого отвѣта. Онъ говоритъ о. о. Церкви растолковали *эти обѣтованія*, но не говоритъ *это* (см. проsv. сл. 5, 185 стр.); да онъ и не приведетъ ни одного основанія для измышленнаго имъ толкованія указаннаго мѣста. Вообще Коноваловъ очень злоупотребляетъ словами и за нимъ нужно слѣ-

тованія. Слова „куплю дѣйте“, дѣйствительно, сказаны Господомъ, но вѣдь Господь не сказалъ, что рабы на самомъ дѣлѣ будутъ совершать эту куплю. „Дѣйте“—слово только *приказательное*, а приказанія часто не исполняются. И бл. Теофилактъ прямо не сказалъ, что священство будетъ вѣчно. Въ 95 зачалъ Луки сказано, что въ день втораго пришествія *всѣ будутъ* судиться и дадутъ отвѣтъ, а что священство пребудетъ вѣчно, этого не утверждается. Тотъ же бл. Теофилактъ отъ лица Господа говоритъ въ 11 Зач. Мѡ.: „Азъ, рече, зажегохъ свѣтъ сердца вашего и на высотѣ поставихъ свѣтити всѣмъ, а еже не угаснути благодати, сущей въ васъ, на вашемъ подвижѣ будетъ се“. Значить, рабы могли и не совершать купли,—это зависѣло отъ ихъ воли. Да и было, какъ я сказалъ, время въ Церкви, когда этихъ рабовъ, т. е. епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ и совсѣмъ не было. Въ 114 зачалъ евангелія Луки читаемъ: „И бяху выну *въ Церкви*, хваляще и благословяще Бога“. Это было въ Церкви новозавѣтной тотчасъ по вознесеніи Спасителя, до пятидесятницы, а тогда не было никакихъ епископовъ ¹⁾. Господь, дѣйствительно, сказалъ: „созижду Церковь мою и врата ада не одолѣютъ ей“ (Мѡ. 16, 18), но какою Онъ создалъ Свою Церковь,—съ епископами-ли, пресвитерами и діаконами? ²⁾. Объ ап. Петрѣ говорится въ

дить и слѣдить. Особенно нужно быть бдительнымъ къ его выводамъ относительно нечестія его собесѣдника, коими онъ разсчитываетъ подорвать довѣріе къ нему со стороны слушателей.

¹⁾ Коноваловъ, забывая, что окончательное завершеніе спасительнаго корабля—Церкви совершилось по слову Господа (Д. 1, 4; Л. 24, 49) уже въ день пятидесятницы, когда дана была св. апостоламъ полнота Св. Духа (Т. Ап. л. 4; Бл. I. 300 л.), хочетъ въ предуготовительномъ періодѣ Церкви видѣть всю полную благодатныхъ дарованій, вопреки ясному свидѣтельству слова Божія (Іоан. VII, 39). Смотри подробнѣе объ этомъ „Екатеринбургскія Епарх. Вѣдомости“ за 1902 г. №№ 10—13 и отдѣльные оттиски Бесѣды съ Саратовскимъ начетчикомъ—поморцемъ Черчимцевымъ.

²⁾ Коноваловъ представляетъ себѣ созданіе Церкви Христовой какимъ-то моментальнымъ, подобнымъ созданію свѣта однимъ словомъ: да будетъ свѣтъ. Церковь же Христова, какъ мы видимъ изъ св. евангелія, созидалась постепенно, подобно кораблю Ноя (бл. Іер. г. 4, 86), который не сразу былъ состроенъ, а съ теченіемъ времени. И какъ при потопѣ люди спаслись въ кораблѣ вполнѣ законченномъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ спасаются въ Церкви, открывшейся

кн. Кирилловой: „Петръ же отвержеся Христа и Его Церкви“ (456 л.). Какой Церкви отвергся онъ, съ іерархією или безъ іерархіи? А бл. Іеронимъ въ кн. 6, ч. 4 на 87 страницѣ ви-

въ день пятидесятницы, когда ей сообщены были *совершенные дары* Св. Духа. Отсюда, какъ началомъ существованія извѣстнаго дома нужно считать приведеніе дома во вполне законченный видъ, такъ и началомъ Церкви Христовой, въ коей мы можемъ спастись, нужно считать не приуготовительный періодъ ея, а тотъ моментъ, въ который св. Церкви, въ лицѣ ея представителей, сообщены *вполнѣ* дары св. Духа, т. е. съ пятидесятницы. Вопросъ же Коновалова, какую Господь создалъ Церковь,—съ епископами, пресвитерами и діаконами?—совсѣмъ неумѣстенъ. Господь всю полноту благодатныхъ даровъ сообщилъ апостоламъ въ день пятидесятницы (Благ. ев. Іоанн. 300 об.), хотя права на совершеніе св. таинствъ далъ имъ еще ранѣе (Кат. В. 358 л.; Мѣ. 28 г.), апостолы же *по повелѣнію Господа* поставляютъ себя преемниковъ: епископовъ, пресвитеровъ и діаконв. Въ апостолахъ сосредоточивалась первоначально вся совокупность прочихъ дарованій, какъ въ главѣ (Злат. т. 3 кн. I, 1897 г., Спб. 80 стр.); они были и епископы, и пресвитеры, и діаконы, только имена эти вначалѣ еще не были извѣстны. Объ этомъ и говорится въ 16 пр. 6 вѣ. соб. не кстати приведенномъ Коноваловымъ и неправильно истолкованномъ имъ. Самыя же служенія епископовъ, пресвитеровъ и діаконв совершались и въ апостольское время, о чемъ говорится въ толкованіи правила, гдѣ упоминаются мужи, которые имѣли служить при божественномъ священнодѣйствіи. Кто были эти мужи?—спросимъ мы у Коновалова. Не діаконы ли? Значить, и въ Коноваловскомъ смыслѣ мнѣніе, что какъ при началѣ Церкви не было іерархіи, такъ и при концѣ не будетъ, неправильно выведенное изъ отрывочнаго выраженія писателя кн. о вѣрѣ, не основательно. При началѣ Церкви была іерархія—апостолы, а по нихъ—восприемники ихъ пастыри и учителя, архіепископы и епископы, имже и спребывати даже до скончанія вѣка обѣтованіе сотвори (кн. о вѣрѣ 59 об.). Несправедливо говоритъ Коноваловъ, что во время отреченія Петра была уже Церковь. Здѣсь идетъ рѣчь только о созидавшейся Церкви, а не созданной еще, ибо Агнецъ Спасительный въ то время еще не былъ закланъ и Своею кровію не стяжалъ еще Церкви (Дѣян. XX, 28). Неосновательно сослался Коноваловъ и на бл. Іеронима г. 4, 87 стр. Изъ словъ: «родившійся во плоти Христосъ насадилъ Церковь и пострадалъ» вовсе не слѣдуетъ, что съ рожденіемъ Христа уже открылась Церковь со всѣми богодарованными ей средствами спасенія. Христосъ во время всей Своей земной жизни создалъ Церковь, т. е. приобрѣталъ общество послѣдователей, но это общество еще не было возглавлено во Христа (Кол. I, 18 и д. Дѣян. XX, 28; Іер. I, 20 и д.), не было освящено благодатію Св. Духа (Іоан. VII, 39, ср. XVI, 7), слѣдовательно, это общество или Церковь не была еще чистою, святою (Еф. V, 25—27), т. е. тою, о которой рѣчь въ Символѣ вѣрѣ и внѣ которой нѣтъ спасенія.

дить Христову Церковь созданною еще до страданій Спасителя. То же самое подтверждаетъ св. Златоустъ въ толкованіи на Дѣянія (51). Изъ 19 пр. 6 вс. (?) собора также видно, что іерархія—учрежденіе позднѣйшее; Софроній же патріархъ прямо (т. 1, стр. 265) относитъ ея начало ко дню Пятидесятницы. А писатель кн. о вѣрѣ говоритъ (20 об—186 об), что начало Церкви съ концомъ согласуется. Въ концѣ-то своего существованія, каковой мы видимъ нынѣ, Церковь Христова и будетъ, по бл. Иерониму (ч. 6, 275 стр.), грудю мусора, логовищемъ драконовъ и будетъ преобладать въ ней слово еретическое. Такова нынѣ и есть Церковь греко-россійская. Пусть же теперь о. Ксенофонтъ отвѣтитъ намъ: гдѣ сказано въ св. Писаніи, что въ Церкви Христовой священство пребудетъ до 2-го пришествія Христова?

О. Крючковъ. Видѣли, теперь, братіе, какъ Коноваловъ доказалъ намъ проповѣдуемое имъ новое ученіе о временномъ установленіи Господомъ священства въ Церкви новозавѣтной. Я его спрашиваю, а онъ меня спрашиваетъ. На мой-же вопросъ онъ не только не отвѣтилъ, но и близко не подошелъ къ нему. Онъ вычитывалъ свидѣтельства о томъ, когда началась Церковь Христова, а его спрашивали: вѣчное установилъ Христосъ священство или временное? Что касается вопроса Коновалова: „гдѣ сказано, что священство пребудетъ въ Церкви Христовой до 2 пришествія“, то я уже давно отвѣтилъ ему на него,—я, именно, указалъ ему на св. Евангеліе, гдѣ Самъ Господь заповѣдалъ рабамъ своимъ, т. е. пастырямъ: „куплю дѣйте, дондеже прииду“. Коноваловъ говоритъ, что слово „дѣйте“ приказательное только, а не совершительное. Господь сказалъ, умствуешь Коноваловъ, куплю дѣйте, а не сказалъ, что пастыри на самомъ дѣлѣ будутъ ее дѣлать. Выходитъ т. обр., если Богъ сказалъ что, а не прибавилъ, что сказанное исполнится, такъ оно можетъ и не исполниться. Но вотъ Богъ, при твореніи сказавъ челоуѣку „раститесь и множитесь“, при этомъ не прибавилъ, что люди будутъ раститься и множиться, однако люди родятся и множатся доселѣ. Равнымъ образомъ и земля сказала Господь: „да произраститъ земля зелень, траву“, не прибавилъ при этомъ, что трава будетъ расти. Что-же, по Коновалову, земля можетъ захотѣть да и не произращать травы, хотя Господь и повелѣлъ ей произращать?!.. Но утверждать такъ значитъ

не вѣрить всемогуществу Божію. На обѣтованія Спасителя относительно Церкви св. Златоустъ научаетъ смотрѣть именно какъ на творческія слова Божіи (Бес. на посл. ап. Павла. 1 Кор. Нрав. 7, стр. 598.).

Коноваловъ продолжаетъ далѣе: рабамъ-то Господь говорилъ, да и мірянамъ тутъ же, ибо всѣ будутъ судиться-то. Вѣрно, и міряне будутъ судиться, да вѣдь куплю-то дѣлать до скончанія вѣка, по бл. Теофилакту, не имъ поручено. Говоря о куплѣ, бл. Теофилактъ ничего не говоритъ о мірянахъ. Онъ даже перечисляетъ рабовъ, коимъ поручается купля: діаконы... пресвитеры и епископы, при этомъ прибавляетъ: „ни большемъ лѣпо быти ни мнѣ“, а о мірянахъ—здѣсь и помину нѣтъ. Правда, не исполнялись въ ветхомъ завѣтѣ обѣтованія Божіи, но только обѣтованія, данныя условно, поставленныя въ зависимость отъ чего-нибудь. Читалъ Коноваловъ еще 19 пр. 6 вс. собора 1). Но для чего читалъ? Въ правилѣ говорится, что толковать св. Писаніе епископы должны согласно со святыми отцами, а Коноваловъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ: „дондеже прииду“. говоритъ онъ, „слово приказательное только“. Гдѣ же это сказано, что приказательное только? У какого св. отца? Бл. Теофилактъ разумѣетъ здѣсь 2-е пришествіе, когда „положатся врази Его подъ ногама Его. Се же есть *въ скончаніе*, егда вся и неволею повинутся Ему, вѣровавше, яко Господь Иисусъ Христосъ въ славу Богу Отцу“ (Благов. 205 об., зач. Лук. 95); толкованіе же Коновалова выдуманно,—его нѣтъ ни у одного св. отца. А о выдумывающихъ подобныя толкованія въ Благовѣстномъ Евангеліи вотъ что говорится: „мнози убо мнѣша вѣровати, но не якоже рече Писаніе, а яко же тиі своимъ изволеніемъ послѣдоваша, тиі вси *еретичи*“ (Іоан. 125 л., 27 зач. срав. Просвѣтитель 210 стр. и о Вѣрѣ 23 гл. 216 л.).

Коноваловъ. О Ксенофонтъ спрашиваетъ: гдѣ сказано, что Церковь Христова можетъ лишиться пастырей? 2) Я ужъ говорилъ изъ кн. о Вѣрѣ, что начало Церкви съ концомъ

1) Нужно думать, что Коноваловъ ошибочно привелъ 19 пр. VI вс. соб., вмѣсто 16 пр.; на послѣднее же онъ намѣренъ былъ опереться въ доказательство той мысли, что степени іерархіи, будто-бы, не изначальны въ Церкви (см. предыдущее примѣч). (*Прим. ред.*)

2) Не говорить Коноваловъ *всплѣ* пастырей, дабы имѣть возможность увернуться отъ прямого вопроса.

согласуется ¹⁾ (186 об.), а въ началѣ-то Церкви были только міряне ²⁾, никакихъ епископовъ не было. О. Ксенофонтъ ссылается на слова Спасителя: „куплю дѣйте“; да вѣдь я сказалъ ³⁾, что это слово—приказательное. Слова: „раститесь и множитесь“ тоже приказательныя, но они истолкованы святыми отцами какъ не только приказательныя, но и исполнительныя. А истолкованы-ли такъ слова: куплю дѣйте? Прочиталь я и изъ Благовѣстнаго Евангелія отъ толкованія: „азъ, рече, зажегохъ свѣтъ сердца вашего и на высотѣ поставихъ свѣтити всѣмъ: а еже не угаснути благодати, сущей въ васъ, на вашемъ подвижѣ будетъ се“ (Мѣ. 11 зач. 38 л. об.). Кому это сказано? Апостоламъ,—вѣдь они свѣтильники-то. Захотятъ они свѣтити, будутъ; не захотятъ—не будутъ. Вотъ пастыри-то греко-россійской Церкви и перестали свѣтити ⁴⁾. И въ другой разъ сказалъ Господь св. апостоламъ вмѣстѣ и съ Іудео: „сядете и вы на двюнадесяте престолу судяще обѣманадесяте колѣнома; отъ толкованія: «аще сядутъ, и Іуда сѣсти имать» (Благов. Мѣ. 79 зач., 152 об.) А вѣдь Іуда-то не сядетъ ужь теперь, хотя ему и обѣщано. Наконецъ, бл. Іеронимъ, какъ уже говорилъ я, прямо утверждаетъ, что въ послѣднее время Іерусалимъ, т. е. Церковь Христова будетъ грудю мусора и жилищемъ змѣи и возоблаждаетъ въ немъ слово еретическое ⁵⁾ Я доказаль, что пастыри могутъ уклониться всѣ.

) Въ книгѣ о Вѣрѣ не говорится, что это согласованіе начала съ концомъ заключается въ лишеніи пастырей. Нѣтъ, въ 20 главѣ говорится о римской власти, о папахъ, превозносившихся надъ греческою Церковію, бывшею въ турецкой неволѣ. Существованіе же православныхъ епископовъ въ греческой Церкви за описываемое время здѣсь совсѣмъ не отрицается. Напротивъ, папы-то и уклоняются, именно, за превозношеніе надъ епископами греческой Церкви.

²⁾ Не міряне только, а и апостолы, въ лицѣ коихъ сосредоточивалась вся совокупность дарованій, какъ въ главѣ (Злат. 3 т., кн. 1, 80 стр.), и кои поставляются выше даже пророковъ, пастырей и учителей (Ефес. 4, 11—13), каковыми, вопреки Коноваловскому учению, могутъ быть далеко не всѣ (1 Кор. 12, 28), а только нѣкоторые изъ раздаятелей благодатныхъ дарованій.

³⁾ Не достаточно сказать Коновалову, а нужно найти у св. отцовъ.

⁴⁾ А прежде говорилъ Коноваловъ, что апостолы до пятидесятницы были міряне. Зачѣмъ же тогда и приводить всѣ эти свидѣтельства въ приложеніи къ пастырямъ новозавѣтной Церкви, если они сказаны мірянамъ.

⁵⁾ См. ниже примѣчаніе.

Крючковъ. Опять, братіе, Коноваловъ повторилъ свое пустословіе, какъ видно, для того только, чтобы наполнить данное ему время (30 минутъ)! Апостолы, говоритъ онъ, могли свѣтить и не свѣтить; тѣмъ болѣе пастыри Церкви могутъ быть еретиками. Вѣдь вотъ онъ какой толковникъ-то! А нѣтъ, чтобы прочитать хорошенько толкованіе бл. Теофилакта и вникнуть, что здѣсь говорится о *святѣй жизни*, о *добродѣтельной жизни*, возжигаемой благодатію—какъ въ пастыряхъ, такъ и въ мірянахъ. Да и не сказано здѣсь, что всѣ апостолы одновременно могли не свѣтить. Сослался Коноваловъ на 79 зачало Евангелія Мѣ., но вѣдь на мѣсто падшаго Іуды былъ избранъ Матѣй (Дѣян. 1, 17 и д.); значить, чинъ апостольскій не поколебался. Притомъ-же, при паденіи Іуды и не случилось никакого неисполненія обѣтованія Божія, ибо Господь далъ обѣтованіе апостоламъ условно: „вы *шедши* по мнѣ... сядете... на двюнадесяте престолу“... Іуда же не пошелъ во слѣдъ Господу, значить, и не можетъ сѣсть на престолѣ, а вмѣсто него сядетъ Матѣй. Читалъ еще Коноваловъ къ чему-то и изъ кн. бл. Іеронима (ч. 6, стр. 275) мѣсто, гдѣ Іерусалимъ названъ грудю мусора, жилищемъ змѣй и пр. Но вѣдь у пророка Іереміа (въ 11 ст. IX гл. предсказывается запускъ Іерусалима и городовъ окрестъ Іерусалима. Вотъ намъ читаютъ толкованіе этого мѣста. (Миссіонеръ Обтемперанскій читаетъ): „Потомъ пророкъ повелѣваетъ самимъ Іудеямъ оплакивать запускъ путей и горъ. Ибо, говоритъ, что нѣтъ на нихъ не только людей, но и скотовъ и птицъ; потому что птицы любятъ жить въ мѣстахъ обитаемыхъ, а въ мѣстахъ пустынныхъ рѣдко онѣ видны. Угрожаетъ же пророкъ плѣненіемъ и запускъ города и сказуетъ, что онъ обратится (II) *въ жилище змѣи*“... (Твор. бл. Теодорита ч. 6, 155 стр. М. 1859). *О. Крючковъ* (продолжаетъ). Вотъ, братіе, видите, какъ Коноваловъ превращаетъ св. Писаніе. По бл. Теодориту, здѣсь говорится о Іерусалимѣ и его окрестностяхъ, а Коноваловъ говоритъ, что здѣсь предсказывается паденіе іерархіи въ св. Церкви. Кому намъ вѣрить-то—Теодориту или Коновалову? Коноваловъ вычитываетъ изъ писаній бл. Іеронима *неясныя мѣста*, а нѣтъ чтобы прочитать намъ объ устроеніи св. Церкви и установленіи въ ней іерархіи оттуда, гдѣ объ этомъ ясно сказано. Въ кн. о Вѣрѣ, на л. 59 об.

ясно говорится: „Царь царей, и Господь господей, и Пастырь пастырей... положивый душу свою за люди своя, ихъ же честною кровію Своею *искупити*, не восхотѣ достояніе свое оставить неустроено, отходя на небеса, но иземъ два сребренника, *даде гостинникомъ*,—се есть старый и новый завѣтъ. Кому же даль? Кто гостинницы? Апостоли и по нихъ воспріемницы ихъ, пастырие и учителяе, архіепископы и *епископы*... *имже и спребывати даже до скончанія вѣка обѣтованіе сотвори*“¹⁾. Вѣдь вотъ не прочиталъ намъ Коноваловъ это мѣсто, гдѣ ясно говорится, что Господь, впередъ видѣвшій будущее Церкви, обѣщался сохранить іерархію въ ней до 2-го Своего пришествія. Пусть же Коноваловъ покажетъ намъ, что обѣтованіе это когда-нибудь не исполнялось, или можетъ не исполниться?

Коноваловъ. Слышали, добрые слушатели, какъ о. Ксенофонтъ повернулъ на насъ все писанное у бл. Іеронима, а мы вотъ читаемъ хорошенько, такъ писаніе-то и выйдетъ противъ него. О. Ксенофонтъ говорилъ, что у бл. Іеронима говорится объ опустѣннѣ Іерусалима и его священства. Да вѣдь въ Іерусалимѣ-то священство не прерывалось²⁾, значить,—не объ немъ и говорится здѣсь (см. Варуха прор.). Читалъ намъ о. Ксенофонтъ толкованіе бл. Іеронима и бл. Θεодорита на IX гл. Іер., а что у бл. Іеронима сказано въ переносномъ смыслѣ и пропустилъ. А здѣсь въ толкованіи ст. 10 сказано: „въ метафорическомъ смыслѣ поднимется плачь о горахъ и рыданіе о красотахъ пустыни, когда грѣшати князья Церкви и ничего не обрѣтается въ ней изъ стяжанія Божія и не слышится голосъ Господа, Владыки Церкви, чрезъ святыхъ и апостольскихъ мужей“... Здѣсь прямо предсказывается запустѣніе Церкви новозавѣтной³⁾.

¹⁾ Значить, завершеніе дѣла устроенія Церкви поручено св. апостоламъ и ихъ преемникамъ пастырямъ, имѣющимъ пребывать до скончанія вѣка.

²⁾ Если не прерывалось, то значить не должно священство прерваться и въ новомъ завѣтѣ, тѣмъ болѣе, что о запустѣннѣ Іерусалима говорится въ буквальномъ смыслѣ, а о запустѣннѣ новозавѣтной Церкви—въ переносномъ.

³⁾ Прим. Но говорится ли у бл. Іеронима въ данномъ мѣстѣ о прекращеніи во всей вселенской Церкви богоучрежденной іерархіи? Конечно—нѣтъ. Здѣсь говорится только, что когда князья Церкви, т. е. епископы, грѣшати (не сказано даже, какъ грѣшати вѣроу, или по

Также ясно о запусѣннн новозавѣтной Церкви и о паденіи въ ней іерархіи церковной говорить бл. Іеронимъ и

жизни своей), то въ Церкви бываетъ плачь. Сказано ли здѣсь: грѣшати во всей вселенной? Нѣтъ. Да и утверждаетъ ли что—н. бл. Іеронимъ? Нѣтъ, онъ говоритъ условно: когда князья грѣшати. Да и то нужно помнить Коновалову, что слова: и сдѣлаю Іерусалимъ грудями мусора (или въ переселеніе) и въ логовища драконовъ,—находятся въ II стихѣ, а о метафорическомъ смыслѣ прочитано изъ толкованія на 10 стихѣ. Преподобный же Іосифъ Волоцкій въ Провсвѣтителѣ (сл. 5, стр. 185—186) говоритъ: «Сего ради подвигнемся о семъ со страхомъ Вождимъ и упранимся со смиреніемъ въ Божественная писанія, якоже глаголетъ божественный Іоаннъ Златоустый, еже *увѣдѣти намъ куюждо лавизну тако, якоже лежитъ и въ свое время приимати, а не безвремене. Добръ убо рекоша святіи отцы, яко доброе, не въ свое время приемлемо, на злое происходитъ*... Что же касается толкованія 11 ст., то здѣсь также нѣтъ ни слова о паденіи епископскаго чина во св. Церкви вселенской. «Когда», говорится здѣсь, „не будетъ церковныхъ мужей и учителей, тогда Іерусалимъ дается въ переселеніе или обращается въ груды мусора, такъ что въ немъ преобладаетъ слово еретическое и дѣлается онъ логовищемъ драконовъ“... Говорится ли здѣсь, что во св. Церкви падетъ богоучрежденная іерархія? Нѣтъ! Здѣсь сказано только, что когда въ Іерусалимѣ не будетъ церковныхъ учителей, тогда въ немъ бы вають груды мусора и преобладаетъ слово еретическое. Въ какомъ Іерусалимѣ,—не сказано. Если, по Коновалову, въ Церкви новозавѣтной, то вѣдь только въ томъ случаѣ, когда въ ней или въ части ея не бываетъ *церковныхъ* учителей,—нужно, слѣдовательно, еще доказать возможность этого небытія въ Церкви вселенской. Послѣдовательнѣе было бы это мѣсто приложить къ обществу старообрядцевъ, у коихъ именно нѣтъ *законыхъ церковныхъ учителей*, каковы: нѣтовцы, поморцы, австрійцы и пр. Что же касается мнѣнія самого бл. Іеронима, то въ другомъ мѣстѣ онъ ясно говоритъ, что паденіе *всѣхъ* пастырей во святой Церкви не мыслимо. Въ толкованіи на 54 главу пророка Ісаи (стихи 9—10) онъ говоритъ отъ лица Господа: «Какъ въ то время, когда вся вселенная согрѣшила, послѣ того, какъ со- вратилась вся земля съ пути Господня, наведенъ былъ потопъ, и со всѣми виновниками грѣховъ всѣ грѣхи были уничтожены, и чело- вѣчскій родъ [былъ сохраненъ въ лицѣ одного чело-вѣка—Ноя, которому Я поклялся, что болѣе не будетъ наводимъ потопъ на землю и обѣщаніе Мое доселѣ исполнялось, и никогда не сдѣлается недѣй- ствительнымъ (Быт. гл. 8 и 9): такъ *клянусь Церкви Моей*, которую для Себя Я искупилъ Своею кровію, что *Я болѣе не буду тѣтаться на по- мованнхъ* Мною, и милость Моя не переменится ни на какой строгій укоръ. Ибо скорѣе горы и холмы поколеблются, нежели Мое опредѣленіе изменится. Сообразно этому и въ Евангеліи говорить: небо и земля мимоидеть, слова же Моя не мимоидутъ (Мѣ. 24, 35)» (ч. 9 кн. 16 стр. 11, 1883 г.).

въ толкованіи на 22 гл. ст. 1—5. пророка Іереміи ¹⁾. Сказавъ, что за грѣхи царей, не производящихъ суда и правды, не избавляющихъ угнетенныхъ отъ руки клеветниковъ и не подающихъ помощи пришельцу, сиротѣ и вдовѣ, весь городъ обратится въ пустыню, бл. Іеронимъ прибавляетъ: „все, что сказано дому царскому, пусть разумѣютъ епископы и сослужители ихъ пресвитеры и діаконы, и *весь чинъ церковный*,—что если они исполняютъ повелѣнное имъ (Лук. 17, 10), и, между прочимъ, не будутъ проливать невинной крови, соблазняя меньшихъ (Мѣ. 18, 6), и уязвляя совѣсть cadaго (I Кор. 8, 12), то сохранять данный имъ отъ Господа санъ, если же исполнить это они не захотятъ и этимъ пренебрегутъ, то сами обратятъ Церковь Божию въ пустыню“ (ч. 6, кн. 11, стр. 386—387). Да и Самъ Господь, назвавъ пастырей „свѣтомъ міру“, не сказалъ, что этотъ свѣтъ будетъ свѣтити до скончанія вѣка. Бл. Теофилактъ, толкуя данное мѣсто по отношенію къ апостоламъ, прибавляетъ: „а еже не угаснути благодати, сущей въ васъ, на вашемъ подвижѣ будетъ се“ (Мѣ. 11 зач.). Въ Евангеліи Мѣ. 28 гл., положимъ, сказано апостоламъ: „се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка“, но вѣдь св. Іоаннъ Златоустъ истолковалъ это мѣсто по отношенію къ мірянамъ. Златоустъ говоритъ: „не съ ними (апостолами) только будетъ находиться (Господь), но и *со всѣми тѣми, которые послѣ нихъ будутъ впровасть*“ (т. 3 стр. 435. Мѣ.; 1899 г.). Въ другомъ мѣстѣ, объясняя слова: „благодать Господа нашего Іисуса Христа со всѣми вами, аминь“ (2 сол. 3, 18), и желая по-

1) Прим. Бл. Іеронимъ ничего не утверждаетъ здѣсь о возможности паденія въ Церкви всѣхъ епископовъ. Онъ говоритъ условно: если пастыри Церкви—епископы, пресвитеры и діаконы и *прочіе принадлежащіе къ клиру* будутъ служить соблазномъ для своихъ пасомыхъ, то, утрачивая свое пастырское назначеніе, они могутъ превратить Церковь въ пустыню, т. е. погубить вѣрныхъ, заразивъ ихъ грѣхами. Но сказано ли здѣсь, что пастыри непременно всѣ падутъ. Нѣтъ, этого не сказано. Самое выраженіе *«весь чинъ церковный»* Коноваловъ неправильно понимаетъ „всѣ пастыри всей вселенской Церкви“. Бл. Іеронимъ, пересчитавъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконівъ, указываетъ только, что то же самое, что онъ сказалъ объ этихъ лицахъ, могутъ произвести въ Церкви (но во всей ли?) и прочіе причисляемые къ клиру служители, напр., чтецы и псалмопѣвцы и пр.

казать условность обѣтованія Господа ученикамъ, Златоустъ говорить: „сіе Господь завѣща, глаголя ученикомъ: се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка. Но сіе бываетъ, егда мы хотимъ: не бо всячески будетъ съ нами, егда себе далече творимъ. Съ вами, рече, выну буду, да не отгоняемъ прочее благодати“ (Бес. Апост. 2 Тес. 3, 18 бес. 5, 2358 стр., 1892 г.). А въ толкованіи на книгу пр. Даніила, гл. 9, 4 ст. бл. Іеронимъ прямо говоритъ: „не безусловно сбывается то, что обѣщаетъ Богъ, но онъ исполняетъ свои обѣтованія въ отношеніи къ тѣмъ, кои соблюдаютъ повелѣнія Его“ (ч. 12, стр. 76, 1894 г. Кіевъ).

О. Крючковъ. Опять Коноваловъ началъ путать все въ одно: обѣтованія условныя и безусловныя; сказанное о нравственной сторонѣ и сказанное о вѣрѣ. У св. Златоуста въ толкованіи на 2 сол. 3, 18 ст. говорится о нравственной сторонѣ пастырей, о необходимости для нихъ удаляться отъ блуда и прелюбодѣянія, совершеннаго коринтскимъ блудникомъ. Вслѣдъ за словами, приведенными Коноваловымъ, Златоустъ говоритъ: „удалитися намъ, рече, отъ всякаго брата безчинно ходяща... якоже и индѣ пишай къ коринтоумъ глаголаше: съ таковымъ ниже ясти, рече. Но нынѣ не велико сіе быти нещюють множайшии, но вся сляшася, и растлишася съ прелюбодѣйцами, съ блудниками, съ лихоимцами просто“... (Бесѣд. апост. 2 Тес. 3, 18, бес. 5, стр. 2358). Что же касается обѣтованія Господня: „се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка“, то и эти слова Господа Коноваловъ истолковалъ по-своему. По толкованію св. Златоуста на Евангеліе Матѣея, это обѣтованіе утверждаетъ вѣчное пребываніе въ Церкви *какъ пастырей, такъ и пасомыхъ*. „Не видиши ли“, пишетъ онъ, „силы Его?... Не съ ними только (т. е. съ Апостолами) будетъ находиться, но со всеми тѣми, которое послѣ нихъ будутъ вѣровать. Ибо апостолы не могли пребыть до скончанія вѣка; но Онъ говоритъ *со всеми вѣрными* ¹⁾, какъ бы единому тѣлу. Не говорите Мнѣ, сказалъ Онъ, о препятствіяхъ обстоятельствъ; Я съ вами, Я разрушающій всѣ препятствія“ (Бес. на Мѣ. рус. пер. 3 т., 435, изд. Общ. люб. дух. Просв.). Такъ же истолковалъ эти слова и бл. Теофилактъ ²⁾: „не токмо съ Апостолами, говоритъ

¹⁾ Въ средѣ вѣрныхъ должны быть и пастыри.

²⁾ Благов. Еванг. Мѣ. зач. 116, л. 237 об.

блаж. отецъ, но и со всѣми вѣрующими общался Христось быти. Значить, по этому общованію—Христось вѣчно пребудеть въ Церкви, состоящей изъ вѣрующихъ—какъ пасомыхъ, такъ и пастырей—апостоловъ или преемниковъ ихъ (о вѣрѣ л. 59 об.; 14 пр. неок. соб.) епископовъ. Далѣе бл. Теофилактъ еще яснѣе утверждаетъ вѣчность пребыванія епископскаго чина въ Церкви. „Не бо жити Апостолы до конца вѣка имяху, (по-тому) и намъ (т. е. епископамъ) и ученикомъ Своимъ общается Сей (Христось). Не рече убо, до скончанія вѣка сего быти съ нами, потомъ же не быти, мѣсть се; оттолѣ бо паче съ нами будеть, явѣ и свѣтлѣйше. Еже бо рече, до скончанія, сирѣчь вѣка сего, потомъ же въ безконечномъ будущемъ съ нами быти“. Новозавѣтное священство, по свидѣтельству бл. Теодорита (ч. 3, 109), потому уже не можетъ прекратиться, что общованіе о немъ дано не только безусловно, но еще съ клятвою. Въ толкованіи на посланіе къ евреямъ бл. Теодоритъ говорить, что Богъ самое предположеніе о прекращеніи священства отвергъ Своею клятвою (ч. 7, гл. 7, стр. 605). У бл. Иеронима (ч. 6, 275 стр.) сказано въ переносномъ смыслѣ о Церкви только то, что въ ней бываетъ плачь, когда князья Церкви, т. е. епископы погрѣшаютъ.

Коноваловъ. О. Ксенофонтъ говорилъ намъ, что новозавѣтному священству общана вѣчность, а всѣ мѣста о заупустѣннѣи священства относятся къ священству ветхозавѣтному. Въ подтвержденіе своей мысли онъ читалъ изъ бл. Теодорита (ч. 7, стр. 605). А вѣдь вотъ изъ 6 ч. бл. Теодорита не почиталъ намъ, когда общованіе Божіе бываетъ вѣчнымъ. А здѣсь вотъ что сказано въ толкованіи словъ прор. Иереміи 32 гл. 40 ст.: „И завѣщаю имъ завѣтъ вѣчный, еже не отвращу послѣди ихъ. И исполнилось-бы на нихъ и сіе общованіе, если бы только захотѣли. Но, отступивъ отъ Бога, сами себя лишили они сей благодати“ (ч. 6, 244 стр. 1859 г.) ¹⁾. Въ 7 части бл. Теодорита, дѣйствительно, говорится о нескончаемости первосвященническаго служенія, но это говорится о Христѣ. На стр. 606 прямо говорится: Сей

¹⁾ Говорится о наказаніи народа еврейскаго за идолопоклонство, и о преданіи его въ рабство. Но кто не знаетъ, что ветхозавѣтныи общованія были даны условно, хотя и не всѣ. О вѣчности же священства см. 246—247 стр.

же съ клятвою, т. е. Христось, иначе было бы сіе (священство). Условность обѣтованій подтверждаетъ, какъ я уже замѣтилъ, и бл. Иеронимъ (ч. 12, стр. 76) ¹⁾. Въ кн. Кормчей тоже сказано, что въ Римѣ до конца вѣка поищутъ учителя, но это обѣтованіе не сбылось, ибо Римъ палъ. Викентій Лириинскій (131) говоритъ, что обѣтованіями могутъ пользоваться еретики ²⁾. А св. Аѳанасій Великій прямо утверждаетъ возможность неисполненія обѣтованія о новозавѣтномъ священствѣ. Толкуя слова Псалмопѣвца: „не постыдятся во время люто“ (пс. 36, 19), онъ говоритъ: „во времена гоненій, при оскуднѣніи учителей (истинныхъ), Самъ Господь Духомъ Своимъ Святымъ препитаеть вѣрующихъ въ Него“ (кн. 4, 146 стр.). Значить, епископство можетъ оскудѣть ³⁾.

Крючковъ. Св. Андрей Кесарійскій въ толкованіи на Апокалипсисъ говоритъ, что священство будетъ и во времена антихриста. И тогда Церковь, хотя и побѣжитъ въ пустыню, но она будетъ со священствомъ. По толкованію же Коновалова, когда у бл. Феодорита говорится о вѣчности Христова священства, то разумѣется вѣчное царствованіе Самого Христа и вѣчность Его личнаго первосвященническаго служенія. Христось, говоритъ онъ, „не преступное имать священство“ (бес. Апост. 2900 стр.). Онъ никому не передаетъ его (бес. Апост. 2901). Священство же апостоловъ и ихъ преемниковъ передается и доселѣ. Но Коноваловъ самъ не понялъ, о чемъ, о какой передачѣ священства говорится у св. Златоуста. Здѣсь сравнивается подзаконное священство и священство новозавѣтное—Христово. Подзаконные священники умирали,

¹⁾ О какихъ же обѣтованіяхъ говорится здѣсь, Коноваловъ скрываетъ. А выше вѣдь указано, какія обѣтованія не были исполнены. Богъ хотѣлъ, говорится здѣсь, предъ потопомъ пощадить родъ человѣческой, если люди покаются въ теченіе 120 дней, но они не покались, и Онъ наказалъ ихъ и пр.

²⁾ Что же слѣдуетъ изъ этого свидѣтельства? Викентій Лириинскій вѣдь имѣетъ въ виду опредѣленныхъ еретиковъ. Ужъ не Коновалова ли онъ имѣетъ въ виду?!

³⁾ У св. Аѳанасія нѣтъ и мысли о возможности паденія всѣхъ епископовъ Церкви; онъ говоритъ объ уменьшеніи числа ихъ, а не о прекращеніи. При прекращеніи же епископскаго чина, по мнѣнію св. отца, не можетъ быть и самой Церкви и даже истиннаго христіанства (письмо къ Драконтіи ч. 1, стр. 394—395).

но преемниками послѣ нихъ оставались ихъ дѣти. Христось же по плотскому рожденію никому не передалъ Своего священства; Онъ передалъ его духовному потомству,—св. апостоламъ чрезъ рукоположеніе. Передавъ свое священство, Христось съ клятвою обѣщался сохранить его во вѣки. Св. І. Златоустъ (бес. ап. 2900, евр. 7 г.) говоритъ именно, что новозавѣтное священство имѣетъ двоякое отличіе отъ ветхозавѣтнаго: „зане не имать конца, якоже законное, и яко съ клятвою“. Это священство началось на Христѣ, Который, какъ великій Архіерей, единожды принесъ Себя въ жертву за грѣхи людскіе на крестѣ, а затѣмъ заповѣдалъ совершать эту жертву и Своимъ преемникамъ—св. апостоламъ. Посему св. Златоустъ, замѣтивъ въ толкованіи на 7, 27 ст. посл. евреямъ, что „сіе творяи, здѣ предназначаетъ прочее духовныя жертвы превеличество“, тутъ же прибавляетъ: „не испущуй убо того священника слышавъ присно священствовати. Единою бо священствова, и прочее съде“. Это подтверждается и толковымъ апостоломъ. Но особенно ясно о вѣчности новозавѣтнаго священства говорится на 77 л. кн. Кирилловой, гдѣ толкуются слова св. ап. Павла изъ посланія къ Евреямъ. „Христось“, читаемъ здѣсь, „не по ааронову временнаго, но по мелхиседекову вѣчнаго чина, прииде Архіерей вѣчныхъ благъ, и якоже Самъ никогда не умираетъ, тако же *іерейство Его* по чину мелхиседекову не престаеетъ, яко же пишетъ, Ты еси іерей во вѣки почину мелхиседекову. Престало тогда архіерейство аароново, яко временное; востало-же Христово вѣчное, иже изъ мертвыхъ воставъ, апостоловъ Своихъ на се освяти хиротонією, еже есть *руководженіемъ*... Апостоли паки епископовъ освятиша... А епископи паки поповъ“... О личномъ-ли только Христовомъ священствѣ говорится здѣсь? Вѣдь Христось—священникъ не по хиротоніи и не чрезъ руководженіе. Однажды принесши Себя въ жертву за грѣхи міра, Онъ, для усвоенія вѣрующимъ плодовъ этой жертвы, установилъ *вѣчное* священство, когда, воставъ отъ мертвыхъ, „апостоловъ Своихъ на се освяти хиротонією, еже есть руководженіемъ“. Подтверждаемъ вѣчность этого новозавѣтнаго священства, установленнаго по чину мелхиседекову и начавшагося на Христѣ, писатель книги замѣчаетъ: „яко же Христось никогда не умираетъ, тако іерейство его по чину мелхиседекову не пре-

стаетъ“. Пусть теперь Коноваловъ докажетъ сначала, что Христось умеръ, а потомъ ужъ можетъ доказывать, что священство Его прекратилось. Если ужъ онъ не повѣритъ и этому свидѣтельству, то онъ не повѣритъ, если кто и изъ мертвыхъ воскреснетъ.

Коноваловъ. О. Ксенофонтъ сказалъ, кто этой книгѣ не повѣритъ, тотъ не повѣритъ и воскресшему изъ мертвыхъ. А ихъ епископъ, Никифоръ Астраханскій на 6 л. своего сочиненія говоритъ, что въ книгѣ Кирилловой одни только плевелы. Такъ вотъ ихъ самихъ теперь нужно спросить, вѣрятъ ли они этой книгѣ (читаетъ 311) ¹⁾. Для доказательства вѣчности священства сослался о. Ксенофонтъ на толкованіе Апокалипсиса, но толкователь Апокалипсиса сослался на Меоодія, а Меоодій иначе толкуетъ мѣсто о бѣгствѣ жены въ пустыню ²⁾. А что священство прекратится въ послѣднее время, во времена антихриста, объ этомъ говоритъ св. Ипполитъ (68 л.). Приведя слова пророка Исаи: „оставлена будетъ дщи Сіоня, яко сѣнь въ виноградникѣ и яко овоцное хранилище въ вертоградѣ и яко градъ обстоимъ“, — онъ тутъ же прибавляетъ: „не бо о іудеяхъ сіе слово пророчества, ниже о Сіонѣ градѣ, но о святѣй Церкви“. Въ другомъ мѣстѣ онъ же приводитъ слова пророка Осіи: „во дни оны наведетъ Господь вѣтръ жгучъ отъ пустыни на ня, и исушить *жила ея*, и опустошитъ источники ея, и вся тоя сосуды вождельнниі потребятся и подручники ея безвѣсти будутъ“. Жгучій вѣтръ—это, по слову Ипполита,—самъ антихристъ, который и истребитъ все священство, ибо жилы Церкви, по толкованію пр. Нила Синайскаго (2 к., 367, письмо еп. Евфрасію), не иной кто, какъ епископы. О такомъ-то паденіи епископовъ и писали Аѳонскіе монахи благочестивымъ русскимъ людямъ, умоляя ихъ спастись отъ навшихъ епископовъ (читаетъ Акты истор. запад. рус. 241).

Крючковъ. Приводилъ Коноваловъ свидѣтельство и изъ

¹⁾ Развѣ это опроверженіе? Это признаніе полной своей несостоятельности опровергнуть свидѣтельство.

²⁾ Опять Коноваловъ не опровергнулъ свидѣтельства. Мнѣніе св. Андрея Кесарійскаго такъ и остается тѣмъ же, какимъ высказано въ Апокалипсисѣ. Нельзя толкованіе одного отца переносить на другого (см. Пресвѣтитель Іос. Волоцкаго сл. 5, стр. 185, кн. Кириллова л. 401).

кн. Кормчей, изъ грамоты царя Константина къ папѣ Сильвестру, гдѣ сказано, что въ Римѣ до конца поищутъ учителя. А теперь Римъ-де папѣ. Но Коноваловъ забываетъ, что я говорилъ объ обѣтованіи божественномъ и данномъ св. Церкви православной, а не о человѣческихъ обѣтованіяхъ. Царь Константинъ былъ благочестивый человѣкъ, называется даже равноапостольнымъ за свое благочестіе и я чту его, можетъ быть, больше Коновалова, но все же онъ былъ человѣкъ, и его обѣщаніе, какъ человѣческое, могло и не исполниться. Но можетъ ли не исполнить Богъ то, что обѣщаетъ, разъ Онъ обѣщаетъ это не подъ условіемъ? Богъ вѣдь впередъ знаетъ, можетъ ли исполниться то, что Онъ обѣщаль. Да и самую грамоту еще нельзя назвать принадлежащею св. Константину, а только ему приписываемой. Содержаніе этой грамоты направлено къ возвеличенію власти римскаго епископа надъ другими патріархами; римскій епископъ называется здѣсь даже „отцемъ отцевъ“, а въ 6 пр. 1 вс. собора подобныя мысли называются порожденіемъ гордости, и римскій епископъ, по правилу, долженъ владѣть только сущими подъ нимъ. Читалъ еще Коноваловъ о паденіи епископовъ изъ письма Аѳонскихъ монаховъ. „Спасайтесь! спасайтесь!“—взывалъ онъ. Но вѣдь это писалось въ 1595 году при Терлецкомъ (см. о Вѣрѣ 210 л.). Тогда отступили въ унию 6 епископовъ съ Рагозою во главѣ, о которомъ и упоминается въ самыхъ актахъ. Изъ 10-го посланія Мелетія патріарха видно, что все это писалось объ отступникахъ народу, съ 2-мя епископами во главѣ, оставшемуся вѣрнымъ православію; въ 6 посланіи упоминаются имена этихъ епископовъ. Читалъ Коноваловъ для чего-то и изъ слова Ипполита, но вѣдь у Ипполита говорится о каменныхъ храмахъ, а не о св. Церкви ¹⁾. Хоть бы то подумалъ Коноваловъ, что тамъ же на 77 л. об. говорится, что во времена антихриста будутъ стыдиться священниковъ. Значить, священники и тогда будутъ. Не мѣшало бы также помнить

¹⁾ Въ подлинномъ словъ Ипполита (Невостр. Сбор. XII) нѣтъ толкованія въ приложеніи къ Церкви новозавѣтной. Но если принять и толкованіе Соборника, то что же отсюда слѣдуетъ? А только то, что Церковь Христова во времена антихриста будетъ въ гоненіи, обуреваема бѣдами, „яко градъ обстоимъ“, осажденный, но не сказано, что она будетъ побѣждена (Ис. 1 г. 8 ст.).

Коновалову и то, что говорится у св. *Игнатія Богоносца*: „*повинуйтесе епископу и пресвитеромъ. А иже внѣ естъ, и безъ епископа что-либо творитъ: таковый оскверняется совѣстью и невѣрнаго зоршій естъ*“... (Пос. къ *Тралл.* 9 стр.). А какъ же Коноваловъ опровергъ свидѣтельство кн. Кирилловой?! Да никакъ! Онъ сказалъ только, что Никифоръ Астраханскій не вѣритъ этой книгѣ. Но и здѣсь неправду сказалъ Коноваловъ. Преосвященный Никифоръ говоритъ только (см. 14 отв.), что не все содержащееся въ кн. Кирилловой принадлежит св. Кириллу Иерусалимскому, а приведенное нами мѣсто на 77 л. онъ не отвергаетъ. Выходитъ, что не преосвященный Никифоръ не вѣритъ книгѣ Кирилловой а Коноваловъ.

Коноваловъ. О. Ксенофонтъ сослался на 6 пр. 1 вс. собора и говорить, что оно отвергаетъ главенство Римскаго епископа. Но мы читаемъ ему 3 пр. 2 вс. собора, гдѣ говорится: „Константинопольскій епископъ да имѣеть преимущество чести по Римскомъ епископѣ“. Приводилъ о К. изъ посланія къ *Траллианамъ*. Но вѣдь это посланіе, по свидѣтельству Церк. Истор. Геттэ (т. 3, 382 стр., ч. 1) писано Игнатіемъ къ тѣмъ еретикамъ, кои не принимали православныхъ епископовъ, а мы не принимаемъ еретиковъ. Равно какъ и посланіе къ *Филadelphійцамъ* писано къ чистымъ по вѣрѣ, но собравшимся для совершения Евхаристіи отдѣльно. А мы боимся не епископовъ православныхъ, а боимся уклониться отъ истины. Объ этомъ тотъ же св. Игнатій говорить: „аще кто отщетишемуса истины послѣдуетъ сей царствія Божія не наслѣдитъ“... (Къ *Филад.* 19 стр.).

Крючковъ. Итакъ, братіе, заканчиваемъ бесѣду! Въ заключеніе Коноваловъ отвергъ правило 6-е 1-го вс. собора, какъ не согласное съ 3 пр. 2 вс. собора. А если бы онъ повнимательнѣе прочиталъ толкованіе послѣдняго правила, то увидѣлъ бы, что здѣсь нѣтъ никакого противорѣчія. Въ 3 пр. 2-го вс. собора также не устанавливается главенство Римскаго папы надъ прочими патріархами; онъ, напротивъ, уравнивается съ ними въ правахъ и получаетъ преимущество только чести, а не власти, о чемъ пишется въ грамотѣ Сильвестру, и притомъ на тотъ случай, когда они, (т. е. патріархи) сойдутся вмѣстѣ и въ подписаніяхъ, когда въ нихъ будетъ нужда“ (*Зонарь*), такъ какъ не могутъ же они подписываться или сидѣть на одномъ мѣстѣ. Приводилъ Коно-

валовъ изъ Соборника толкованіе Ипполита на слова пр. Исаи и Осіи. Но къ чему это онъ приводилъ? Вотъ какъ толкуетъ приведенное имъ изъ пр. Исаи мѣсто св. Ефрема Сиринъ: „Оставися дщерь Сіоня, т. е. всѣ города іудейскіе и по преимуществу Іерусалимъ, яко куща въ виноградѣ, и яко овощное хранилище въ вертоградѣ. Іудея, по опустѣнію своему, подобна кущѣ въ обранномъ виноградникѣ и овощному хранилищу въ вертоградѣ, въ которомъ плоды уже сняты; потому что въ кущѣ и овощномъ хранилищѣ бывають стражи, пока плоды еще не собраны, а по собраніи плодовъ и стража уже не нужна“ (т. 5 стр. 437—438 Моск. 1887 г.) Подобнымъ образомъ и мѣсто изъ пр. Осіи бл. Теодоритъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „наведеть Господь вѣтръ зноенъ изъ пустыни нанъ и дал. (13 гл. 15 ст.). Черезъ сіе даеть разумѣть персидскаго царя Кира, который ополчился и разрушилъ Вавилонское царство, истребилъ весь царскій родъ, отнялъ способы къ самоуправству. Ихъ-то въ переносномъ смыслѣ называетъ Богъ источниками и жилами“ (бл. Теод. 4 т. стр. 313. М. 1857). Ссылка Коновалова на исторію Геттэ, чтобы защититься отъ жестокаго обличенія твореніями св. Игнатія, показываетъ только безсиліе Коновалова оправдать свое нѣтовское упованіе. Вѣрно, св. Игнатій обличалъ еретиковъ, не принимавшихъ православныхъ епископовъ, но вѣдь Коноваловъ не доказалъ намъ, что онъ удаляется отъ еретиковъ. Какой изъ догматовъ, утвержденныхъ на семи вселенскихъ соборахъ, нарушила св. грекороссійская Церковь? Пусть укажетъ намъ Коноваловъ. Онъ скажетъ,—измѣнила перстосложеніе. Пусть укажетъ, какимъ изъ семи вселенскихъ соборовъ и девяти помѣстныхъ утверждено двоеперстіе, а троеперстіе названо ересью? Бѣгайте, братіе, еретиковъ и ложныхъ раскольническихъ пророковъ и пребывайте съ православными пастырями грекороссійской Церкви, никакимъ соборомъ не осужденной, и Богъ мира и любви да будетъ съ вами.

А. Обтептеранскій.

Миссіонерство, секты и расколъ.

(ХРОНИКА).

Годичный епархіальный съѣздъ миссіонеровъ Херсонской епархіи въ г. Одессѣ.—
Занятія съѣзда.— Кто долженъ отмѣчать поведеніе миссіонеровъ.—
Обойденные новымъ пенсіоннымъ уставомъ іереи-миссіонеры.

23—26 сентября с. г. состоялся въ г. Одессѣ обыч-
ный (годовой) епархіальный съѣздъ миссіонеровъ Херсон-
ской епархіи; отъ прежнихъ съѣздовъ онъ отличался тѣмъ,
что въ составъ его членовъ впервые вошли и благочинни-
ческіе миссіонеры, должность которыхъ открыта въ Херсон-
ской епархіи въ концѣ прошлаго года.

Въ первомъ же своемъ засѣданіи, послѣ молебствія Гос-
поду Богу, были вновь разсмотрѣны, въ виду прибытія на
съѣздъ новыхъ миссіонеровъ, подѣ руководствомъ епархіаль-
наго миссіонера М. А. Кальнева, прежде выработанные планы
и методы бесѣдъ съ сектантами, причемъ выяснилось, что,
за немногими частными измѣненіями и дополненіями, эти
планы и методы бесѣдъ признаются и въ настоящее время
вполнѣ удовлетворительными и потому вновь рекомендо-
вались къ руководству какъ окружнымъ, такъ и благочинни-
ческимъ миссіонерамъ. Съѣздомъ кромѣ того выработаны
новые планы и методы бесѣдъ: о таинствѣ покаянія (про-
тивъ штундистовъ) и таинствѣ брака (противъ хлыстовъ).

Въ одномъ изъ засѣданій съѣзда миссіонеровъ, при уча-
стіи преподавателя семинаріи по каедрѣ расколосектант-
ства, о. Іоанна Стрѣльбицкаго, послѣ критическаго разбора
экспертизы послѣдняго по сектантскимъ судебнымъ дѣламъ,
предложенъ епархіальнымъ миссіонеромъ М. Кальневымъ
образецъ подобной экспертизы, выслушавъ который, съѣздъ

постановилъ принять его въ руководство въ потребныхъ случаяхъ ¹⁾).

Въ виду того обстоятельства, что въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 3 сент. 1894 г. № 24 указаны такіе признаки штундистской секты, которые не приложимы ко всѣмъ штундистамъ, а могутъ характеризовать только отдѣльныхъ, болѣе фанатичныхъ лицъ въ штундѣ (отрицаніе властей, военной службы), а между тѣмъ судьи, руководствуясь преимущественно этимъ циркуляромъ, естественно оправдываютъ штундистовъ, съѣздъ постановилъ предложить епарх. миссіонеру Кальневу войти съ подробнымъ докладомъ по этому вопросу къ мѣстному архіепископу.

Имѣя сужденіе по вопросу объ учрежденіи противосектантскихъ библиотекъ: епархіальной, окружныхъ и приходскихъ, съѣздъ призналъ, что открытіе этихъ библиотекъ весьма желательно и даже крайне необходимо; причемъ съѣздъ нашелъ ²⁾ нужнымъ рекомендовать открывать библиотеки при всѣхъ церковно-приходскихъ школахъ, а въ мѣстахъ, зараженныхъ сектантствомъ, пополнить эти библиотеки отдѣломъ книгъ миссіонерскаго характера, причемъ пріобрѣтеніе этихъ книгъ отнести на мѣстныя средства; что же касается надзора за церковно-приходскими библиотеками, то съѣздъ нашелъ необходимымъ просить высокопреосвященнаго Іустина возложить таковой на мѣстныхъ благочинныхъ съ тѣмъ, чтобы послѣдніе въ годичныхъ отчетахъ о состояніи благочинія давали свѣдѣнія и о приходскихъ библиотекахъ. Для образованія епархіальной и окружныхъ библиотекъ съѣздъ постановилъ отчислять ежегодно съ января будущаго года известную сумму изъ средствъ Одесскаго Андреевскаго Братства, чтобы, по мѣрѣ возможности, пріобрѣтать для вышеуказанныхъ библиотекъ нужныя книги. Съѣздъ призналъ также желательнымъ устройство при названномъ Братствѣ постоянного книжнаго склада, который могъ бы служить нуждамъ какъ самого Братства, такъ и духовенства епархіи.

Изъ заявленій окружныхъ миссіонеровъ на съѣздѣ выяснилось, что о совращеніяхъ въ сектантство многіе изъ

¹⁾ Эта экспертиза вскорѣ будетъ напечатана на страницахъ „Мисс. Обзор.“.

священниковъ не доносить своевременно ни преосвященному, ни епархіальному и окружному миссіонерамъ; какъ это требуется правилами мѣстной миссіи, что лишаетъ возможности принять своевременно необходимыя мѣры къ прекращенію новыхъ отпаденій и вразумленію вновь совратившихся; между тѣмъ, какъ опытъ показываетъ, что отъ своевременно принятыхъ мѣръ очень много зависитъ успѣхъ миссіи, въ смыслѣ успокоенія взволнованныхъ сектантской пропагандой приходовъ. Съѣздъ постановилъ: просить преосвященнаго Лустина обратить на это крайне не желательное явленіе его архипастырское вниманіе.

Въ виду болѣе тѣснаго общенія миссіонеровъ съ сектантскими вожаками и ослабленія ихъ фанатизма въ отношеніяхъ къ первымъ, епархіальный миссіонеръ М. Кальневъ рекомендовалъ всѣмъ миссіонерамъ войти въ возможно живую] переписку ¹⁾ съ главарями мѣстныхъ сектъ по догматическимъ и религіозно-нравственнымъ вопросамъ, что членами съѣзда признано полезнымъ и принято къ должному свѣдѣнію.

Окружными миссіонерами возбужденъ былъ на съѣздѣ вопросъ о томъ, кѣмъ должны аттестоваться ихъ поведеніе и служебная миссіонерская дѣятельность? Имѣя сужденіе по данному вопросу, съѣздъ сдѣлалъ слѣдующее постановленіе: аттестацию поведенія всѣхъ окружныхъ миссіонеровъ предоставить вѣдѣнію того благочиннаго, въ округѣ котораго каждый изъ нихъ состоитъ или приходскимъ, или сверхштатнымъ безприходнымъ священникомъ; что же касается оцѣнки ихъ миссіонерской дѣятельности, то таковая должна принадлежать совѣту Свято-Андреевскаго Братства, по отзыву епархіальнаго миссіонера, который, лично руководя ихъ дѣятельностью, даетъ о ней необходимыя свѣдѣнія означенному миссіонерскому учрежденію.

Наконецъ, епархіальнымъ съѣздомъ миссіонеровъ Херсонской епархіи возбужденъ былъ вопросъ, имѣющій весьма

¹⁾ Совѣтовалось, между прочимъ, членамъ съѣзда быть осматрительными какъ въ выборѣ темъ для переписки съ сектантами, такъ и въ точности выраженій, чтобы не дать повода людямъ злонамѣреннымъ къ искаженію содержанія писемъ. Лучше на первыхъ порахъ касаться въ перепискѣ вопросовъ не догматическихъ, а религіозно-нравственныхъ.

важное значеніе не для одной лишь мѣстной миссіи, но и для миссіонеровъ многихъ епархій, такъ какъ онъ, дѣйствительно, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

Новымъ уставомъ о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ священно- и-церковно-служителямъ предоставлено право на таковыя *только штатнымъ* служащимъ (§ 1); между тѣмъ, въ Херсонской, подобно тому, какъ и во многихъ другихъ епархіяхъ, есть священники-миссіонеры окружные и епархіальный противораскольническій, не занимающіе приходовъ, а причисленные сверхъ штатовъ къ собору и другимъ церквамъ и потому, въ силу изданныхъ правилъ, они въ будущемъ совершенно лишены правъ на пенсію, неся однако одну изъ весьма трудныхъ и много—полезныхъ для Церкви обязанностей въ епархіальномъ вѣдомствѣ. Подвергнувъ этотъ вопросъ обсужденію, сѣзды счелъ крайне необходимымъ и своевременнымъ просить преосвященнаго Лустина, архіепископа херсонскаго и одесскаго возбудить ходатайство предъ св. Синодомъ о зачисленіи срока службы безприходныхъ миссіонеровъ на выслугу пенсіи соотвѣтственно правамъ штатныхъ священно-служителей, въ надеждѣ, что при существованіи во многихъ епархіяхъ безприходныхъ какъ окружныхъ, такъ и епархіальныхъ миссіонеровъ, не имѣющихъ правъ на пенсію по новому о ней уставу, св. Синодъ обратитъ благосклонное вниманіе на этотъ вопросъ и рѣшитъ его въ положительномъ смыслѣ.

М. Кальневъ.

О миссіонерахъ-книгоношахъ.

На миссіонерскихъ сѣздахъ обсуждаются мѣры борьбы съ расколо-сектантствомъ. Можно сказать даже, что основныя мѣропріятія по части этой борьбы теперь выработаны. Нужны только люди для осуществленія миссіонерскихъ предположеній.

Но тутъ-то начинаются затрудненія. Епархіальныя власти, обыкновенно, всю тяжесть миссіонерской борьбы съ церковными отступниками возлагаютъ на епархіальныхъ миссіонеровъ. Это естественно. Епархіальные миссіонеры *особымъ* образомъ приготавливаются къ своему служенію. Они,

чаще всего, учатся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, прилежно изучаютъ данныя для обличенія раскольниковъ и сектантовъ. Поэтому епархіальные миссіонеры, со стороны своей подготовленности къ дѣлу, являются самыми *подходящими* служителями миссіи.

Однако много ли этихъ миссіонеровъ?

Каждая епархія имѣетъ ихъ въ единственномъ и рѣдко въ тройственномъ числѣ. При такомъ положеніи, епархіальные миссіонеры оказываются безсильными. Они бросаются съ проповѣдью въ захоластья своей епархіи, желаютъ *лично* вездѣ побывать и обо всемъ поговорить.

Но такое рвеніе миссіонеровъ не достигаетъ цѣли. Пунктовъ для миссіонерской проповѣди слишкомъ много, а миссіонеръ одинъ. Онъ переутомляется, впадаетъ въ уныніе или неврастенію.

И бѣгутъ люди со службы, разстроивъ свое здоровье...

Кромѣ того: допустимъ, миссіонеръ успѣлъ побывать вездѣ. Но и сектанты не дремлютъ. Они употребляютъ тысячи способовъ для противодѣйствія его проповѣди. Они идутъ по слѣдамъ миссіонера, все замечая, искажая и осмѣивая...

Получается грустная картина: чтó сдѣлалъ миссіонеръ въ одинъ пріѣздъ,—сектанты уничтожаютъ къ другому его посѣщенію. Миссіонеръ, къ примѣру, доказывалъ, что грѣшники *могутъ* оставаться въ Церкви, а сектанты трубятъ въ народѣ, будто миссіонеръ *поощрялъ* людей грѣшить... Сомбазнь большой для православныхъ.

Конечно, на мѣстахъ миссіонерской проповѣди остаются священники. Они являются существеннымъ *оплотомъ* нашей миссіи въ народѣ. Но священники связаны службой. На плечахъ у нихъ приходы православныхъ, школы, письмоводство. Не рѣдко подавлены они бываютъ всякаго рода хозяйственной нуждой. Да и подготовки миссіонерской многимъ священникамъ не хватаетъ. Не достаетъ имъ иногда смѣлости и характера въ сношеніяхъ съ сектантами...

И страдаетъ миссіонерское дѣло, ожидая временъ благопріятныхъ.

Что же при такихъ условіяхъ намъ дѣлать?

Нужно, въ помощь епархіальнымъ миссіонерамъ, выдвинуть *повсемѣстно* новыхъ людей — миссіонеровъ, со-

трудниковъ изъ народа. Этихъ сотрудниковъ надобно заставить ходить по слѣдамъ миссіонеровъ, все разузнавать, обо всемъ собирать *точные* справки, сто разъ повторять мужикамъ то, что было говорено на бесѣдахъ миссіонеровъ. Мало того: миссіонерскіе сотрудники, соображаясь съ нуждой, должны оставлять повсемѣстно подходящія книжки, листки, брошюры. Поэтому такимъ миссіонерскимъ сотрудникамъ приличнѣе всего быть и именоваться *епархіальными миссіонерскими книгоношами*. При помощи этихъ книгоношъ дѣло нашей миссіи значительно углубится въ сознаніе народное. Тогда будутъ у насъ люди, которые слова миссіонеровъ потрудятся растолковать народу его языкомъ, въ доступныхъ ему понятіяхъ и образахъ и при обстановкѣ, для того необходимой,—по домамъ, съ глазу на глазъ...

Въ этихъ видахъ желательно *повсемѣстно* обзавестись миссіонерскими книгоношами. Лучше всего ихъ брать изъ среды бывшихъ сектантовъ, людей „седмерицею искушенныхъ“, знающихъ язвы сектантскія и умѣющихъ обращаться съ ними. Такіе книгоноши, какъ извѣстно, существуютъ во многихъ епархіяхъ. Есть они въ Харьковѣ. Это — бывшіе штундисты, люди хорошо грамотные и благонадежные, любящіе свое дѣло. Харьковскіе книгоноши находятся въ *непосредственномъ* распоряженіи епархіальнаго миссіонера. Отъ него *главнымъ образомъ* они получаютъ указаніе для своей миссіонерской дѣятельности. Эти книгоноши ходятъ по слѣдамъ епархіальнаго миссіонера; усердно бесѣдуютъ съ народомъ о томъ, о чемъ говорилъ миссіонеръ. И это дѣлаютъ они по домамъ, келейно, братски. Результаты ихъ службы—самые утѣшительные...

Такъ какъ несомнѣнно, что не всѣ епархіи обзавелись миссіонерскими книгоношами, то желательно, чтобы съ будущаго года они были повсемѣстно. Содержаніе ихъ стоитъ мало (отъ 100 до 150 р. съ дорожными расходами), а польза отъ нихъ большая.

Наша миссія, чутко слѣдящая за всѣми благопріятными для себя явленіями, обязана призвать къ жизни и миссіонерскихъ книгоношъ. Дѣло наше отъ того окрѣпнетъ и усилится...

Д. Боголюбовъ.

Московский расколъ.

Раскольничій «кабинетъ».—Тульскій «соборъ» и его дѣянiя.—Новыя моленныя.—Самочинный раскольничій «протоіерей».—Судъ надъ безобразникомъ-лжепопомъ.—Подписка среди раскольниковъ на подпольныя изданiя.

Внутренняя жизнь московскаго раскола продолжаетъ свое теченiе по прежнему руслу слишкомъ-свободнаго игнорированiя всякихъ законныхъ ограниченiй оказательства раскола. На нашихъ глазахъ происходитъ цѣлый рядъ событiй, какъ нельзя лучше, къ сожалѣнiю, доказывающихъ, что расколъ дерзко шагаетъ впередъ, не считается съ ограниченiями правительственныхъ законовъ, продолжаетъ обсуждать свои нужды на противозаконныхъ сборищахъ своихъ лжеархіереевъ, громко именуя эти сборища „соборами,“ не стѣсняется, вопреки запрещенiямъ, возводитъ новыя моленныя, открывать противоправославныя братства и распространять въ громадномъ количествѣ подпольныя изданiя, полныя хулы и клеветы на Церковь православную...

Грустно отмѣчать всѣ эти явленiя, которыми снова приходится начинать намъ свою хронику!

Какъ помнятъ читатели, глава московскаго раскола, казакъ Іустинъ Картушинъ, именовавшійся архіепископомъ московскимъ—былъ удаленъ, по распоряженiю власти, на жительство въ городъ Тулу, безъ права вѣзда въ первопрестольную столицу.

Энергическая мѣра эта въ сущности мало отразилась на текущей жизни московскихъ раскольниковъ. Намъ уже приходилось сообщать, что на новомъ своемъ мѣстѣ жительства Картушинъ прекрасно устроился. Доброжелатели обезпечили изгнаннику матеріальное положенiе, и онъ по-прежнему (изъ Тулы) продолжаетъ управлять своею лже-паствою, оставивъ въ Москвѣ для вершенья текущихъ дѣлъ особый комитетъ, въ составъ котораго вошли попы съ Рогожскаго кладбища Елисей Милехинъ, Прокопій Сорокинъ, Алексѣй Новиковъ изъ Каринкинской моленной, Варѣоломей изъ Шибаевской, Иванъ Кошкинъ съ Рогожскаго кладбища и бывший Картушинскій секретарь, діаконъ Алексѣй Богатенковъ.

Правда, на первыхъ порахъ, среди московскихъ раскольниковыхъ поповъ произошло, было, нѣкоторое раздѣленiе,

такъ какъ одни изъ нихъ признали образованіе вышеназваннаго комитета и изгнаннаго руководителя его дѣйствіями Картушина, другіе-же, памятуя, что передъ отъѣздомъ своимъ Картушинъ далъ подписку полиціи не именоваться болѣе „архіепископомъ московскимъ,“ считали его, по правиламъ апостольскимъ, „извергнутымъ сана,“ а потому не желали повиноваться ни ему самому, ни оставленному имъ въ Москвѣ комитету; но мало-по-малу и эти протестанты усмирились и силою вещей начали *volens nolens* подчиняться всѣмъ распоряженіямъ комитета изъ вышеназванныхъ поповъ и все свое недоброжелательство къ нему изливали лишь, при всякомъ удобномъ случаѣ, въ насмѣшкахъ и шуткахъ по адресу этого „кабинета,“ какъ они его прозвали..

Возстановленію Картушинскаго авторитета не мало способствовалъ созданный изгнаннымъ лже-архіепископомъ въ Тулѣ, въ Августѣ мѣсяцѣ сего года, „соборъ“ самочинныхъ раскольническихъ лжеархіереевъ. На соборъ этотъ съѣхалось шесть лже-епископовъ, а именно: Антоній Тобольскій, Арсеній Уральскій, Анастасій Измайлскій, Сильвестръ Балтскій, Θεодосій Казанскій и Порфирій Самарскій и Сызранскій. Одною изъ главныхъ цѣлей этого собора было примиреніе Картушина съ Онисимомъ Васильевичемъ Швецовымъ, именуемымъ Арсеніемъ, епископомъ Уральскимъ.

Если помнятъ читатели „Мис. Обзор.“, по отъѣздѣ Картушина изъ Москвы, раскольническими заправилами предполагалось наградить Арсенія уральскаго именемъ „архіепископа“ и дать ему кафедру въ Нижнемъ. Картушинъ воспротивился этому, утверждая, что онъ одинъ только можетъ быть архіепископомъ, ибо, хотя далъ никоніанамъ подписку не именоваться архіепископомъ, но для старообрядцевъ эта подписка, какъ вынужденная, значенія имѣть не должна и онъ, Картушинъ, по-прежнему для нихъ „Архіепископъ Московскій и всея Россіи“, а потому другого-де архіепископа нигдѣ и не должно быть. Такъ рѣшилъ Картушинъ и послалъ діакона Алексѣя Богатенкова собирать подписи своихъ единомышленниковъ. Происходившій вслѣдъ затѣмъ бурный соборъ по сему предмету въ Нижнемъ-Новгородѣ окончился въ сущности ничѣмъ. Кончиться онъ могъ скорѣе полицейскимъ протоколомъ, которымъ пригрозилъ сторонникамъ Арсенія делегатъ отъ Картушина, чѣмъ признаніемъ Арсенія

архіепископомъ Нижегородскимъ. А вотъ теперь, на созванномъ въ Тулѣ въ августѣ с. г. соборѣ, Арсеній публично отказался отъ архіепископства и помирился съ Карпушинымъ.

Такимъ образомъ, соборъ какъ-бы призналъ Іустина возстановленнымъ въ правахъ „лжеархіепископа московскаго.“

Затѣмъ соборъ имѣлъ сужденіе объ изданномъ Швецовымъ въ своей Уральской епархіи запрещеніи попамъ читать ту изъ входныхъ молитвъ, гдѣ перечисляются всякаго рода грѣхи, іереемъ содѣянные.—„Если кто творитъ такіе грѣхи, какіе тамъ указаны, такъ нетокмо что іереемъ, а и вообще порядочнымъ человѣкомъ того назвать нельзя. Вѣдь я такихъ грѣховъ не творю, зачѣмъ-же мнѣ прощеніе въ нихъ просить—вопрошаль на соборѣ Швецовъ.“ Но соборъ постановилъ: если владыка Арсеній такихъ грѣховъ не творитъ, то пусть молитву указанную не читаетъ, но за всѣхъ поповъ въ своей епархіи онъ ручаться не можетъ, а потому и издавать запрещенія, чтобы *никто* не читалъ этой молитвы—нельзя. На томъ и порѣшили.

Наконецъ, Тульскій соборъ постановилъ извергнуть сана нѣкоего петербургскаго лже-попа, уличеннаго въ прелюбодѣяніи.

Покончивъ съ этими вопросами, всѣ самозваннѣе лжеархіереи, съѣхавшіеся въ Тулѣ, отправились въ Нижній-Новгородъ, гдѣ снова обсуждали всякаго рода вопросы своей незаконной іерархіи въ излюбленномъ для подобныхъ собраній домикѣ на Нижнемъ Базарѣ.

Въ Москвѣ въ недавнее время открыто нѣсколько новыхъ старообрядческихъ моленныхъ домовъ и отремонтировано нѣсколько старыхъ безъ надлежащаго разрѣшенія.

Прежде всего была отремонтирована извѣстная „Апухтинская“ моленная за Покровскимъ монастыремъ, и сюда изъ города Вольска былъ переведенъ попъ Димитрій Сорокинъ, величающій себя „протоіереемъ“ и, въ доказательство такого своего самочиннаго званія, носящій особый крестъ (на подобіе наперстнаго) и надѣвающій во время служенія нѣчто среднее между скуфьею и камилавкою. Такія прерогативы лже-попа Сорокина, какихъ никто изъ Московскихъ поповъ не имѣетъ, возбудили конечно, въ московскихъ лжепопахъ зависть по отношенію къ вольскому выходцу, которая по-

влекла за собою и слухи о томъ, что камилавкой и крестомъ Димитрія Сорокина будто-бы никто не награждалъ, а будто-бы камилавку ему поподья изъ плисовыхъ штановъ скроила, а крестъ попь Димитрій самъ приобрьлъ у какого-то архиваріуса. На самомъ-же дѣлѣ, исторія получения Димитріемъ Сорокинымъ креста и камилавки такова: лжепопъ Димитрій нѣкогда служилъ при старообрядческой моленной въ городѣ Вереѣ, Московской губерніи, и повѣнчалъ тамъ какъ-то—не то по невѣдѣнію, не-то за мзду приличную, родныхъ брата и сестру. Возмущенный этимъ покойный лжеархіепископъ московскій Савватій подвергъ попа Димитрія запрещенію и лишилъ мѣста.

Но у Димитрія нашелся горячій заступникъ въ лицѣ родного дяди Прокопія, занимающаго и до сихъ поръ мѣсто попа на Рогожскомъ кладбищѣ.

Прокопій находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ лжеархіереемъ Саратовскимъ Паисіемъ, котораго и упросилъ дать отрѣшенному Димитрію мѣстечко въ его епархіи, въ городѣ Вольскѣ, обѣщая, что „сей доблестный попь“ незадумавшійся обвѣнчать родныхъ брата и сестру, навѣрное сьумѣетъ быть полезнымъ въ чемъ-нибудь Паисію.

Паисій далъ Димитрію мѣсто, а Прокопій въ благодарность за то началъ выпрашивать у московскихъ богатыхъ раскольниковъ—купчихъ всякаго рода подачки и подарочки для Паисія, которыя и переправлялъ черезъ Димитрія, когда тотъ бывалъ въ Москвѣ, для врученія Паисію. Такими „гостинцами“ отъ московскихъ любительницъ „древняго благочестія“ лжепопъ Димитрій снискалъ расположеніе Паисія и тотъ отблагодарилъ его постепеннымъ пожалованіемъ—камилавки, наперстнаго креста и чина протоіерея. Какъ-бы то ни было, а отрѣшенный покойнымъ Савватіемъ лжепопъ Димитрій сьумѣлъ не только возстановить себя въ прежнемъ санѣ, но и добиться мѣста гораздо лучшаго, чѣмъ прежде и въ Апухтинской моленной считается сейчасъ „главнымъ“ и совершаетъ службы по праздникамъ и три дня въ будни, для другихъ же дней у него есть викарій—попъ изъ Свѣшниковской моленной.

Ремонтъ Апухтинской моленной, о которомъ мы только что вели рѣчь, возбудилъ у сосѣдей большіе толки и разговоры, какъ это старообрядцы ухитрились произвести столь „существенную“ работу безъ надлежащаго разрѣшенія. Въ

большее недоумѣніе повергаетъ какъ православныхъ, такъ даже и самихъ старообрядцевъ, не посвященныхъ во всѣ раскольничьи тайны,—какъ можно было ухитриться воздвигнуть цѣлое новое громадное зданіе, предназначенное для моленной въ Вокзальномъ переулкѣ на землѣ, приобрѣтенной старообрядцами на имя нѣкогого Борисова. Громадное каменное зданіе это, имѣющее даже снаружи подобіе храма—благодаря полуциркульнымъ окнамъ, обошлось, какъ говорятъ, только вчернѣ до 75,000 рублей. Спрашивали или нѣтъ старообрядцы у кого-либо разрѣшеніе на эту постройку, но какъ-бы то ни было, освященіе этой моленной должно состояться въ недалекомъ будущемъ и даже, быть можетъ, когда читатели „Миссіонерскаго Обзорѣнія“ будутъ читать эти строки, освященіе моленной въ Вокзальномъ переулкѣ будетъ фактомъ. Надняхъ состоялось освященіе также богатой моленной, открытой старообрядцами въ специально приобрѣтенномъ для этой цѣли саду, при домѣ Рябушинскаго, у Крымскаго моста.

Диву дадутся православные сосѣди, глядя на подобныя „открытія“ и „освященія“ старообрядческихъ моленныхъ; а московскіе раскольнички только посмѣиваются да поговариваютъ, что пока это только цвѣточки, а ягодки впереди будутъ. „Погодите, говорятъ они, откроемъ еще моленную на Нѣмецкомъ рынкѣ, въ Рыковомъ переулкѣ, на Тверской, да и другія всѣ деревянныя моленные на каменныя переделаемъ, а потомъ, дайте срокъ, и колокола отольемъ!..“

Грустно отмѣчать столь *свободное* отношеніе Московскихъ старообрядцевъ къ давнымъ-давно воспрещенному имъ „оказательству“ раскола.

На постройку новыхъ моленныхъ и обновленіе старыхъ московскіе раскольники, кажется, кромѣ Картушина, разрѣшенія ни у кого и спрашивать не считаютъ нужнымъ.

Не стѣсняются московскіе старообрядцы по-прежнему созывать всякаго рода сборища и „засѣданія“ въ Москвѣ для обсужденія своихъ текущихъ вопросовъ.

Такъ, 11 октября, въ Рогожскомъ Тупикѣ, въ домѣ Рахманова, приобрѣтенномъ нѣкогда для резиденціи лжеархіерея Картушина, подъ предсѣдательствомъ попа Елисея Милехина, состоялось засѣданіе извѣстнаго читателю „комитета“ для обсужденія всякаго рода дѣлъ и дѣлишекъ, предварительно ихъ отсылки въ Тулу для скрѣпленія лжевладыкою. На засѣданіи, кромѣ Милехина, присутствовали лже-

попы Варфоломей Щеголинъ, Алексѣй Новиковъ, Прокопій Сорокинъ, Иванъ Кошаевъ (онъ же и Кошкинъ) и въ качествѣ секретаря діаконъ Алексѣй Богатенковъ. Судили и рядили о давно уже надоѣвшей всѣмъ распущенности московскихъ раскольничьихъ поповъ, которые не только появляются пьяными на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ, но позволяютъ себѣ всенародно кощунствовать и глумиться надъ предметами вѣры православной Церкви, а иногда высмѣиваютъ даже и свои-то якобы „древніе“ обряды. Въ особенности въ этомъ направленіи прославился за послѣднее время нѣкій лжепопъ Ис—ій изъ П—ской моленной.

О попѣ этомъ намъ приходилось какъ-то уже говорить. Біографія его очень интересна. Уроженецъ Нижегородской губерніи, изъ мѣстечка Городецъ, онъ отбывалъ военную службу рядовымъ въ одномъ изъ полковъ, а по выходѣ изъ службы, будучи бѣглопоповцемъ, поступилъ дьячкомъ при бѣглопоповщинской моленной въ Городцѣ. Занимая скромное мѣстечко дьячка, Ис—ій уже и тогда велъ жизнь совсѣмъ ужъ нескромную. Постоянныя попойки, игра въ карты, ухаживаніе за читалками—это были его обычныя занятія. Конечно, дьячковскихъ доходовъ не хватало на разгульную жизнь и Ис—ій изобрѣлъ себѣ доходную статью, занявшись переманиваніемъ къ бѣглопоповцамъ отрѣшенныхъ лжепоповъ австрійскаго согласія, выдавая ихъ за „православныхъ“.

Безпробудное пьянство и развратная жизнь Ис—ія наконецъ надоѣла Городецкимъ бѣглопоповцамъ и Ис—ія съ позоромъ лишили мѣста.

Блуждая безъ мѣста, то тамъ, то здѣсь, онъ попалъ въ Нижній Новгородъ, гдѣ судьба столкнула его съ дьякономъ здѣшней австрійской моленной М—вымъ. Несмотря на то что Ис—ій и М—въ принадлежали къ различнымъ толкамъ, общее ихъ тяготѣніе къ „влагѣ цѣлительной“ или, попросту говоря,—общая ихъ любовь „выпить“—сдѣлала ихъ скоро большими пріятелями. М—въ сталъ уговаривать Ис—ія перейти въ австрійщину, обѣщая за извѣстное вознагражденіе предоставить ему и хорошее мѣсто. Деньжонки у Ис—ія были, за этимъ дѣломъ не стало, и вотъ М—въ везетъ его въ Москву, представляетъ покойному лжеархіерею Савватію, какъ прекраснаго и полезнаго человѣка и дѣло кончается тѣмъ, что Савватій опредѣляетъ Ис—ія попомъ на

Г-ую улицу (въ Преображенскомъ), къ моленной въ домѣ бр. Л-выхъ.

Снова зажилъ припѣваючи Ис—ій и снова началъ свои безобразія, за которыя лишился дьячковскаго мѣста въ Городцѣ. Ежедневное пьянство, перебранки со своими дьячками, обдѣливаніе ихъ, при дѣлежкѣ доходовъ, глумленіе надъ обрядами и пр.—все это давно уже обратило на себя вниманіе лучшихъ въ расколѣ людей и Ис—ію неоднократно приходилось выслушивать резонныя замѣчанія отъ одного изъ наиболѣе уважаемыхъ въ расколѣ поповъ Авива.

— Смотри, Ис—ій, не сносить тебѣ головы, урезониваль его Авивъ, но тотъ себѣ и въ усъ не дулъ, продолжая безобразничать.

Безобразія Ис—ія и неладь съ дьячками дошли до того, что настоятель со своими клириками началъ драться въ буквальномъ смыслѣ слова даже во время службы въ моленной.

Такъ, однажды дьячокъ П-въ, возмущенный непристойнымъ поведеніемъ поповскаго сынишки, выдралъ послѣдняго за уши на клиросѣ при всемъ честномъ народѣ. Сынишка побѣждалъ въ алтарѣ жаловаться отцу, а тотъ, выйдя изъ алтаря, прервавъ службу, завелъ ругань съ дьячкомъ, и разгорячившись побѣждалъ къ клиросу и плюнулъ прямо въ физиономію дьячку П-ву. Оскорбленный такой выходкой, П-въ, недолго думая, ударилъ, что было силы, по щекѣ своего настоятеля.

Въ свое время дьячокъ П-въ былъ строго наказанъ и сосланъ въ Кіевъ, лжепопъ же Ис—ій съумѣлъ выйти сухимъ изъ воды.

Не видя никакой кары за свои безобразія, Ис—ій только усугублялъ ихъ: началось публичное глумленіе надъ иконами плохого письма: Ис—ій называлъ ихъ „кумирами“; а тутъ еще нѣкій Евфимій, дьяконъ изъ Шебуевской моленной на Нѣмецкомъ рынкѣ донесъ „совѣту“, что Ис—ій при немъ пѣлъ величаніе масляницѣ: „Величаемъ тя, широкая-масляница, и чтемъ блинки и свѣтки твои“... Доносчикъ утверждалъ даже, что ему удалось на валикъ фонографа занести это Ис—вское кощунство...

Все это Евфимій подтвердилъ и на собраніи 11-го октября, протоколъ котораго въ настоящее время отослали въ Тулу на разсмотрѣніе Іустина изгнанника...

По-прежнему московскіе раскольники усердно издають всякаго рода подпольныя книжки и брошюрки и даже придумали для большаго обезпеченія ихъ сбыта „предварительную подписку“. Московскіе попы заранѣе записываютъ у издательскаго подпольнаго комитета, сколько желаютъ имѣть экземпляровъ того или другаго изданія, а когда это изданіе выходитъ изъ подполья, стараются распространить его; конечно, попы не забываютъ и собственную выгоду, наживая на каждомъ экземплярѣ...

Алексій В-овъ.

Изъ жизни инославія и изъ міра заграничнаго сектантства.

Въ странѣ факировъ.—Армія спасенія.—Новая секта на островѣ Суматра.—Статистика населенія Индіи по религіямъ.—Новая секта въ Финляндіи.

Франц. газета „Globe“ помѣщаетъ въ № отъ 6-го Ноября, по ея словамъ, чрезвычайно рѣдкій документъ—фотографическое изображеніе факира, который держитъ уже больше десяти лѣтъ лѣвую руку въ вертикальномъ положеніи, не опуская ее никогда ни на одну минуту. Суставы окаменѣли; мускулы почти совершенно исчезли; ногти приняли фантастическую форму; вся рука омертвѣла и представляетъ странный контрастъ съ здоровымъ и повидимому сильнымъ тѣломъ „фанатика—нишаго“. Въ правой рукѣ онъ держитъ колокольчикъ, которымъ привлекаетъ вниманіе сострадательныхъ душъ. Шея его украшена четками.

По поводу портрета этого фанатика газета напоминаетъ, что говорила уже раньше о странной религіи Юги. Последователи этой религіи, распространенной главнымъ образомъ въ Индіи и проникшей оттуда и въ Соединенные Штаты, принимаютъ болѣе или менѣе неудобное положеніе тѣла, въ которомъ и стараются оставаться неподвижно возможно долго. Это дѣлается съ цѣлью подчинить тѣло владычеству

духа, чтобы такимъ путемъ приблизиться къ совершенству. Въ Индіи насчитываютъ до 3-хъ милліоновъ факировъ.

* *
* *

Daily Chronicle сообщаетъ, что 27-го Октября въ Эксетер-голлѣ состоялось замѣчательное собраніе Арміи Спасенія. Члены ея собрались съ цѣлью привѣтствовать офицеровъ, возвратившихся изъ разныхъ частей свѣта и съ тѣмъ, чтобы пожелать добраго пути отрядамъ миссіонеровъ, отправляющимся въ Индію, Востъ-Индію и Южную Африку. Залъ былъ такъ переполненъ, что многимъ желавшимъ не удалось въ него проникнуть. На видномъ мѣстѣ возсѣдали четыре зулуса, только что прибывшіе изъ Южной Африки; они были въ своихъ національныхъ костюмахъ и имѣли весьма воинственный видъ, благодаря щитамъ и копьямъ, которыми они потрясали въ знакъ вниманія къ происходившему передъ ними. Предсѣдатель собранія заявилъ, что пригодность Арміи Спасенія для всѣхъ странъ и способность ея приспособляться ко всѣмъ народамъ и языкамъ отнынѣ безспорно доказаны. Въ 1874 г. Армія насчитывала всего 60 офицеровъ, а въ 1902 уже 14,000 офицеровъ работаютъ въ 45-ти странахъ, распространяя свое ученіе среди 45-ти народовъ.

* *
* *

Нѣмецкая газета Die Zeit (Время) сообщаетъ, что на Суматрѣ, большомъ, принадлежащемъ Голландіи, островѣ Зондскаго архипелага, давно уже сталкиваются между собой три религіозныя міросозерзанія: древнее народное язычество батавовъ, исламъ и христіанство. Изъ этихъ элементовъ образовалось своеобразное смѣшанное ученіе, приверженцы котораго называютъ себя „пармалимами“. Основатель секты, честолюбивый мечтатель Сомалаингъ состоялъ много лѣтъ въ качествѣ главнаго чародѣя при старомъ батавскомъ царѣ-жрецѣ Синга-Манга-Раджѣ. Послѣ пораженія въ 1883 г. этого и доннынѣ высокочтимаго національнаго героя, Сомалаингъ выступилъ уже въ самостоятельной роли. Весьма поверхностно знакомый съ христіанствомъ, онъ примѣшалъ къ чистому евангельскому ученію множество языческихъ и магометанскихъ суевѣрій; при этомъ онъ отдалъ преимущество древней батавской религіи, чтобы тѣмъ возвысить свой народъ и усилить его политическое значеніе. Не имѣя ничего противъ христіанства, пармалимы смотрятъ на голландское правительство, какъ на своего злѣйшаго врага, впрочемъ открыто противъ него не выступаютъ. Тайнственность и скрытность составляютъ вообще отличительный признакъ ихъ ученія. Слово „пармалимъ“ не легко перевести точно, но по всей вѣроятности оно обозначаетъ то, что послѣдователи секты всецѣло подчиняются своему „малиму“, т. е. священнику.

По словамъ французск. журнала—*Comite de l'Asie française*,—прошлогодняя перепись въ Индіи дала интересныя данныя относительно распредѣленія населенія по религіямъ.

Извѣстно, что господствующая религія—браманизмъ, но за послѣднія 10 лѣтъ число его адептовъ уменьшилось: оно сократилось съ 207, 689,000 въ 1891 г. на 207, 075,000. Авторъ приписываетъ это умаленіе не отпаденію индусовъ отъ коренной религіи, а смертности отъ голода и чумы, въ особенности въ Бамбейскомъ округѣ, больше другихъ пострадавшемъ отъ этихъ бѣдствій. Индусы,—понимая это слово въ религіозномъ смыслѣ—будучи самыми многочисленными, естественно понесли и наибольшія потери.

Магометанство, напротивъ, значительно усиливается въ Индіи; за послѣднія 10 лѣтъ число поклонниковъ пророка увеличилось на 9%; однако слѣдуетъ замѣтить, что въ послѣднюю перепись впервые было включено 500,000 мусульманъ Белуджистана, не вошедшихъ въ перепись 1861 г., которая этой страны не коснулась. Авторъ статьи приписываетъ успѣхи ислама отчасти возрастающему благосостоянію населенныхъ магометанами областей, отчасти обращеніямъ изъ другихъ исповѣданій.

Перепись отмѣтила приростъ населенія Бирмы; въ связи съ этимъ приростомъ увеличилось и число буддистовъ. На всемъ протяженіи Англо-Индійскихъ владѣній въ 1891 г. буддистовъ было 6,888,000, а въ 1901 г. ихъ оказалось 9, 184,000; другими словами—буддизмъ усилился на 33%; но слѣдуетъ замѣтить, что собственно въ Индіи буддистовъ насчитывается всего 293,000, всѣ остальные приходятся на Бирму. Въ исповѣданіяхъ различныхъ индусскихъ сектъ, а равно и парсовъ также наблюдается большій или меньшій приростъ послѣдователей. Меньше другихъ усилились евреи (въ 1891 г. 17, 194—въ 1901 г. 18, 228). Христіанъ въ Индіи 2,930,000.

Несмотря на убыль въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, браманизмъ или индуизмъ продолжаетъ занимать въ Англо-Индійской имперіи первое мѣсто—къ нему принадлежать 70% всего населенія; къ исламу причисляется 21%, а остальные 9% дѣлятся поровну—по 3%—между буддистами, прочими индусскими сектами и христіанами.

* *
* *
* *

Англійская газета *Morning Post*. 19 сент. (2 октяб.) сообщаетъ о возникновеніи въ Финляндіи, въ окрестностяхъ города Борго, новой секты. Къ нововведеніямъ, принятымъ этой сектой, относится употребленіе за причащеніемъ хлѣба и кофе.

БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Нычигинъ. Въ области церковнаго устава. Мысли о необходимости и способахъ возвышенія благочинія при богослуженіи. ч. I и II-я. С.-Петербургъ. 1901.

Не мало говорили и писали у насъ о разнаго рода недостаткахъ нашей богослужебной практики. И, дѣйствительно, много темныхъ сторонъ, много упущеній и погрѣшностей встрѣчается въ этой области. О строгомъ соблюденіи церковнаго устава нечего и говорить. Правда, самый уставъ не вездѣ ясенъ и опредѣлененъ и давно требуетъ поясненія и систематизаціи. Но и *обычныя* правила церковно-богослужебнаго порядка, которыя въ большинствѣ случаевъ основываются на принципѣ: „аще изволитъ настоятель“, выполняются крайне небрежно и неблагоговѣнно. „Крайняя неблагоговѣйность, спѣшность и небрежность въ отправленіи общественнаго и частнаго богослуженія въ приходскихъ храмахъ, съ громадными пропусками молитвословій и отступленіями отъ устава есть великое церковное зло“ (стр. 42).

И противъ него требуются неотложныя и энергичныя мѣропріятія, ибо вредъ, наносимый имъ религиозно-нравственной жизни русскаго народа, слишкомъ великъ. Не отсюда ли тотъ религиозный индифферентизмъ, холодность и равнодушіе къ Церкви, которые изъ интеллигентной среды начинаютъ все болѣе и болѣе проникать въ массу простого народа, искони столь набожнаго и усерднаго къ Церкви и церковной службѣ? Не отсюда ли многочисленныя отпаденія отъ Церкви въ расколъ и сектантство, гдѣ маловѣрныя души чають найти удовлетвореніе своихъ религиозныхъ потребностей?

Вотъ тѣ мысли, которыя волнуютъ нашего автора и которыя побуждаютъ его выступить съ цѣлымъ рядомъ статей, начало котораго онъ предлагаетъ въ разсматриваемой брошюрѣ.

Брошюра распадается на двѣ части. Первая посвящена специальному вопросу о поклонахъ при богослуженіи, вторая затрогиваетъ болѣе общіе вопросы о богослуженіи.

Уже и на такой частности, какъ церковныя поклоны, сказывается упадокъ церковной дисциплины. „Не только въ

разныхъ мѣстностяхъ и церквахъ существуютъ нынѣ самыя различныя, взаимно-противорѣчащія, обычаи, мнѣнія и взгляды относительно того, гдѣ именно при богослуженіи слѣдуетъ совершать поклоны и гдѣ не слѣдуетъ, но и въ одномъ и томъ же приходѣ всюду можно наблюдать на этотъ счетъ поразительное разнообразіе и разногласіе... Каждый въ наше время творить поклоны тамъ, гдѣ ему вздумается, а другой и совсѣмъ не кланяется. Молящіяся въ храмѣ, по выраженію Типикона, „мятутся аки тростіе вѣтромъ колеблени, несмотря лучшаго, ниже хотятъ научиться, но елико кто како составилъ свой нравъ, тако и утверждается быти“... (2—3 стр.). „Необходимо поэтому разъ навсегда установить, или вѣрнѣе *привести въ извѣстность и разъяснить общія правила* для всей православной Россіи *относительно поклоновъ*“ (ibid.).

„Тѣмъ болѣе необходимо это (какъ возстановленіе строгой уставности и благочинія самаго богослуженія во всѣхъ приходскихъ храмахъ), что Церковь православная ратуетъ въ наше тяжкое время многочисленными врагами, которые на каждомъ шагу ищутъ повода къ ея обвиненію и злословію, укоряя ея сыновъ даже за малѣйшія упущенія и нерадѣніе“ (ibid.).

Выяснивъ вкратцѣ сущность, значеніе и образъ православныхъ поклоновъ, авторъ переходитъ къ указанію времени ихъ совершенія. При этомъ оказывается, что: 1) по разнымъ древнимъ и болѣе позднимъ уставамъ, общимъ и частнымъ, правила о поклонахъ расходятся между собой какъ въ отношеніи числа послѣднихъ при разныхъ видахъ суточного богослуженія, такъ и времени ихъ совершенія, и 2) несогласны между собой касательно поклоновъ, и принятыя нынѣ нашей Церковью богослужебныя книги и Типиконъ (стр. 12).

Въ виду этого авторъ предпринялъ „не легкую задачу“ — сличить разные уставы и богослужебныя книги для выясненія числа, времени и образа совершенія поклоновъ, при каждомъ изъ 9-ти видовъ суточного богослуженія въ дни простыя и праздничныя, субботы, воскресенія и посты.

Говоря о земныхъ поклонахъ, авторъ останавливается на современномъ обычаѣ стоянія на колѣняхъ безъ приклоненія головы, или безъ поклоновъ (на „Херувимской“, и „Отче нашъ“ и др.) и находитъ, что онъ не согласуется съ установленіями православной Церкви, *особенно въ тѣ дни, когда земные поклоны прямо запрещены канонами вселенской Церкви* (т. е., во всѣ воскресныя, субботніе и праздничныя дни, въ періоды времени отъ Пасхи до Пятидесятницы, отъ Рождества Христова до Богоявленія, въ нѣкоторые предпразднства и попразднства великихъ праздниковъ, а также во

время пѣнія „Херувимской“, „Хвалите имя Господне“, „Великаго славословія“ и т. д. (стр. 33—34).

Авторъ, конечно, правъ съ своей научно-исторической точки зрѣнія, когда осуждаетъ произвольныя уклоненія отъ церковнаго устава и безпорядокъ въ богослуженіи. Но не должно, однако, забывать, что чинное и монотонное однообразіе въ богослужебныхъ дѣйствіяхъ легко можетъ переходить и въ формализмъ, что мы и видимъ въ западныхъ Церквахъ, гдѣ молящійся соблюдаетъ строгій порядокъ во внѣшнихъ знакахъ молитвы. Не желая упрекать автора въ излишнемъ ригоризмѣ, который, ради введенія однообразія въ поклонахъ, готовъ пожертвовать непосредственнымъ и горячимъ религіознымъ чувствомъ, неподдающимся строгой регламентаціи устава, мы укажемъ только на то обстоятельство, что самый уставъ нашъ, по признанію самого же автора, страдаетъ недостаткомъ полноты, систематичности и опредѣленности. А потому, пока эти недостатки не устранены, трудно ожидать однообразія въ богослужебномъ порядкѣ и строгой точности въ соблюденіи буквы правила.

Иное дѣло, конечно, истово-благоговѣнное совершеніе службы. Авторъ совершенно справедливо вооружается во II части своего сочиненія противъ крайней небрежности въ отправленіи богослуженія (47 стр.). Упадокъ благолѣпія и уставности богослуженія онъ объясняетъ вліяніемъ на русское общество западнаго рационализма, отрицающаго церковную внѣшность, и плохимъ религіознымъ воспитаніемъ будущихъ кандидатовъ священства и въ семьѣ и духовной школѣ. Отмѣчая затѣмъ нѣкоторыя частныя обстоятельства, способствующія развитію свободнаго и легкаго отношенія къ требованіямъ церковнаго устава, авторъ затрогиваетъ весьма наболѣвшіе вопросы объ истовомъ церковнослужебномъ пѣніи.

„Современные сельскіе (а нерѣдко и городскіе) хоры рѣдко отличаются правильной организаціей,—пишетъ авторъ. Нерѣдко поютъ по рукописнымъ тетрадкамъ-партитурамъ неизвѣстнаго происхожденія,—съ крикомъ и визгомъ (60 стр). „Хоры эти донельзя произвольно сокращаютъ богослужебный чинъ (напр. вм. 8—10 стихирь на „Господи воззвахъ“ поютъ 1—2), позволяютъ себѣ, несмотря на запрещеніе св. синода, пѣть такія произведенія, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть терпимы въ православныхъ церквахъ по характеру своихъ мелодій, напѣвовъ и исполненія.

Переходя, далѣе, къ указанію мѣропріятій для борьбы съ этимъ „зломъ“ церковной жизни, авторъ вполне резонно замѣчаетъ: „Если бы каждый совершитель (и соучастникъ) общественнаго богослуженія былъ проникнутъ вполне яснымъ сознаніемъ чрезвычайной важности церковнаго бого-

служенія въ дѣлѣ спасенія и религіозно-нравственнаго воспитанія народа, если бы каждый членъ изъ приходскаго духовенства убѣдился въ томъ, что зло, проистекающее отъ небрежности при отправленіи службы Божіей, дѣйствительно, колоссально, то несомнѣнно, эта небрежность была бы у насъ сравнительно рѣдкимъ явленіемъ“ (76 стр.).

Таково содержаніе книжки г. Кычигина.

М. Леоновичъ.

Епископъ Антоній. *Почему Господь Иисусъ Христосъ не называлъ Себя Богомъ?* С.-Петербургъ, 1902 г. іп, 8, 20 стр.

Преосвященный авторъ, подарившій богословской наукѣ немало ученыхъ трактатовъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ касается въ большинствѣ случаевъ такихъ вопросовъ, которые или совершенно не разработаны въ наукѣ, или являются отвѣтомъ на современные запросы жизни.

Въ томъ и другомъ случаѣ авторъ умѣетъ въ свои изслѣдованія внести оригинальность и свѣтлость мысли и новую точку зрѣнія на тотъ или другой разсматриваемый имъ вопросъ. Разсматриваемая нами брошюра преосвященнаго Антонія является нагляднымъ доказательствомъ высказаннаго нами положенія. Вопросъ: „почему Господь Иисусъ Христосъ не называлъ себя Богомъ?“ почти нетронутъ въ нашей богословско-догматической литературѣ—съ одной стороны, а съ другой—онъ является отвѣтомъ на вопросы, составляющіе злобу дня. Говоря это, мы имѣемъ въ виду его миссионерско-апологетическій характеръ: онъ направленъ противъ магометанъ и противъ толстовства. Преосвященный авторъ объ этомъ такъ говоритъ. „Такой вопросъ нужно разрѣшить намъ, сынамъ маловѣрующей современности, въ виду частыхъ возраженій противъ Божества Христова, основанныхъ на томъ, будто Самъ Спаситель никогда не называлъ Себя Богомъ. Особенно искусно разработаны эти возраженія магометанами... Магометане въ тѣхъ изреченіяхъ Евангелія, изъ коихъ видно, что Господь требовалъ вѣры въ Себя, одобрялъ исповѣданіе Себя Сыномъ Божіимъ, Самъ Себя такъ именовалъ и говорилъ о Своемъ единосущіи со Отцомъ, находятъ лишь указаніе на сверхчеловѣческое достоинство Иисуса Христа, но не на Божественное. Раціоналисты же понимаютъ ихъ въ пантеистическомъ смыслѣ,—и эти изреченія, по ихъ мнѣнію, примѣнимы ко всякому человѣку, повинующемуся волѣ Божіей“ (3 стр.). Магометане, признавая Иисуса Христа святѣйшимъ человѣкомъ, зачатымъ чрезвычайнымъ образомъ отъ праведной жены, одареннымъ Духомъ Божіимъ и принесшимъ на землю ученіе небесное,

проповѣдаютъ, что ученики Христовы, особенно ненавистный имъ Павелъ, послѣ вознесенія Христова на небо, исказили ученіе Иисусово и между прочимъ измыслили догматъ о Божествѣ своего Учителя. „Подобнымъ представленіемъ дѣла лукавые руководители магометанъ достигаютъ сразу двухъ цѣлей. Они не препятствуютъ своимъ послѣдователямъ одобрять плѣнительныя истины евангельскаго ученія и такимъ образомъ не понуждаютъ идти противъ явной истины; а съ другой стороны заграждаютъ имъ путь къ рѣшительному слѣдованію ей, чрезъ присоединеніе себя къ христіанскому обществу, объявляя подлинное ученіе Иисуса Пророка утраченнымъ, но возстановленнымъ и усовершеннымъ отъ Бога чрезъ Магомета“ (4 стр.). Что-же касается нашей интеллигенціи, то протестантскій характеръ нашего семейнаго и школьнаго воспитанія приучилъ современнаго интеллигента выдѣлять личность Иисуса Христа не только изъ жизни Его Церкви, не только изъ Посланій Его учениковъ, но даже изъ самыхъ евангельскихъ сказаній, такъ-что вышеприведенная магометанская точка зрѣнія на христіанство нашимъ интеллигентамъ такъ же не чужда, какъ и выработанное въ ученіи Л. Толстого отдѣленіе рѣчей Христовыхъ отъ описанія событій Его жизни евангелистами“ (5 стр.). Такимъ образомъ вопросъ, поставленный нами въ заглавіи статьи, встрѣчаетъ почти одинаковое къ себѣ отношеніе и у магометанъ и у толстовцевъ. Соблазнительный характеръ этого вопроса и вынудилъ преосвященнаго автора заняться его разработкой.

Преосвященный авторъ въ своей брошюрѣ обстоятельно и съ глубокимъ пониманіемъ дѣла провѣряетъ заглавный вопросъ по Евангелію, анализируя всю исторію земной жизни Иисуса Христа, и примиряетъ его со всѣми мнимыми противорѣчійми. Изъ всей евангельской исторіи видно, что *прямо и ясно* Господь нигдѣ не называетъ Себя Богомъ, хотя въ Евангеліи можно много найти Христовыхъ словъ, изъ коихъ видно, что Онъ исповѣдалъ *Себя Богомъ*. Во многихъ рѣчахъ Иисуса Христа красною нитью проходитъ мысль о Его Божественномъ достоинствѣ, т. е. проводится догматъ о Его Божествѣ. Правда, нельзя не замѣтить, что Иисусъ Христосъ во многихъ случаяхъ *тайлъ* Своё Божество. Это видимое противорѣчіе разрѣшается авторомъ вполне обстоятельно и убѣдительно.— Въ резюме своего изслѣдованія авторъ такъ формулируетъ свои положенія. Иисусъ Христосъ то скрывалъ Свои Божественныя качества, то открывалъ. „Онъ скрывалъ ихъ въ началѣ Своей проповѣди, чтобы избѣжать умственного порабощенія своихъ слушателей; скрывалъ особенно тѣ, наиболѣе поразительныя и порабащующія чудеса, которыя явилъ въ Своемъ Преображеніи и во власти надъ тѣмъ, что всего важнѣе для человѣческой толпы, т. е. пищи и питія (въ Канѣ Галилейской). Открывалъ же Господь чудеса Свои и проповѣдывать о

нихъ повелѣлъ тогда, когда умы слушателей были или свободно расположены къ пріятію Его словесъ и такимъ образомъ не насилывались, а только утверждались чудомъ, или уже настолько были вооружены противъ истины Его небесныхъ глаголовъ, что и такія дивныя знаменія, какъ воскресеніе Лазаря, не могли обратить ихъ“ (14 стр.). „Господь исповѣдалъ Себя Богомъ истиннымъ, но желалъ, чтобы истину эту ученики Его усвоили постепенно, возлюбивъ прежде святость Его заповѣдей, поклонившись Его уничиженію и страстямъ Его и, наконецъ, познавъ Его воскресеніе“ (20 стр.).

Такой и окончательный отвѣтъ на заглавный вопросъ даетъ намъ преосвященный авторъ.

Не будемъ много распространяться о томъ, что разсмотрѣнная нами брошюра написана съ глубокимъ пониманіемъ дѣла, что она даетъ ясный и точный отвѣтъ на поставленный вопросъ и что она изложена языкомъ простымъ и удобопонятнымъ,—скажемъ только что она имѣетъ глубокое значеніе для борьбы съ магометанствомъ и не бесполезна въ дѣлѣ опроверженія лжемудрствованій толстовства. Посему не можемъ не рекомендовать ее лицамъ, имѣющимъ соприкосновеніе съ магометанскою миссіей—съ одной стороны, а съ другой—съ дѣломъ борьбы съ нашимъ раціонализмомъ, въ большинствѣ случаевъ принявшимъ оболочку чистѣйшаго пантеизма.

П. Козницкій.

Еще объ изданіяхъ братства св. Петра.

Въ сентябрьской книжкѣ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ за 1902 годъ миссіонеръ-священникъ, о. К. Поповъ, въ замѣткѣ своей „Объ изданіяхъ братства св. Петра митрополита“, указываетъ на неточность въ указаніи мѣстонахожденія выписки изъ учительнаго Евангелія, приведенной въ книгѣ Григорія митрополита „Истинно древняя и истинно православная Христова Церковь“, и на ошибку, вкравшуюся въ сочиненія покойнаго приснопамятнаго учителя всѣхъ миссіонеровъ, о. архимандрита Павла, а именно въ его статью „Краткія извѣстія о существующихъ въ расколѣ сектахъ, касающуюся опредѣленія мѣстонахожденія послѣдователей Филиппова согласія.

Въ дѣляхъ, указанныхъ досточтимѣйшимъ авторомъ замѣтки, въ первой части ея, долгомъ считаю указать и еще одну невѣрную и ошибочную указку въ изданіяхъ братства: со стр. 61 книжицы „О равночестномъ почитаніи святаго креста четвероконечнаго и восьмиконечнаго“, Ивана Арсеньева, изд. 1889 года, начинаются доказательства святости четвероконечнаго креста и его равночестія съ восьмиконечнымъ, взятая изъ твореній св. Григорія Нисскаго. Первое изъ этихъ доказательствъ, начинающееся словами: „на Крестѣ, по моему мнѣнію, указываетъ...“ показываетъ находящимся въ бесѣдахъ св. отца „О блаженствахъ“, расположен-

ныхъ во второмъ томѣ его твореній. Ничего подобнаго въ бесѣдахъ „О блаженствахъ“ нѣтъ. Слова, приведенныя г. Арсеньевымъ, при томъ со значительной разницей въ переводѣ, находятся, напротивъ, въ восьмомъ томѣ твореній святителя, на стр. 52, по изданію 1872 года, въ словѣ (первомъ) „На св. Пасху и о тридневномъ срокъ воскресенія Христова“.

Свящ. *Петръ Златниковъ.*

Прот. А. Дерновъ. Объ истинно-христіанскомъ воспитаніи. Чтенія по Закону Божію для слушательницъ педагогическихъ курсовъ. Изд. 2-е. Спб. 1902 г. Стр. 509. Ц. 3 р.

Предлагаемая вниманію читателей книга представляетъ изъ себя методическое руководство по преподаванію Закона Божія. Изъ всѣхъ методовъ авторъ отдастъ предпочтеніе историческому, который съ авторитетнаго почина преосвященнаго Сильвестра, бывшаго ректора кievской академіи, сдѣлался въ нашей современной богословской наукѣ преобладающимъ. Первые главы книги авторъ посвящаетъ общимъ вопросамъ по методикѣ Закона Божія, какъ-то: о важности Закона Божія, какъ учебнаго предмета; о его составѣ; о первыхъ урокахъ; о постановкѣ учебнаго дѣла въ школахъ по предмету Закона Божія; о наглядномъ способѣ обученія дѣтей св. исторіи. Дальнѣйшія главы посвящены историческому обзору педагогическихъ воззрѣній мужей апостольскихъ (Ермъ, Варнава, Игнатій Богоносець, св. Поликарпъ и др.) и отцевъ Церкви: Тертуллиана, Кипріяна Карфагенскаго, Климента Александрійскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Амвросія Медиоланскаго, бл. Августина и др. Причемъ ихъ воззрѣнія сгруппированы въ пять педагогическихъ приемовъ: 1) проведеніе параллели между Вѣтхимъ и Новымъ Заветомъ (Варнава); 2) жизнь христіанъ и язычниковъ, (св. Лустинъ); 3) разсмотрѣніе творенія (Минуцій Феликсъ); 4) уясненіе границъ разума (Лустинъ философъ) и 5) изученіе церковнаго преданія (св. Иринея). Есть у автора интересныя главы объ отношеніи христіанства къ языческому образованію, о взглядахъ свв. отцевъ на религіозно-нравственное, умственное, эстетическое и физическое воспитаніе. Дальнѣйшіе отдѣлы, составляющіе третью часть книги посвящены педагогическимъ воззрѣніямъ отцевъ и педагоговъ русской Церкви, начиная отъ св. Ольги и Анны Всеволодовны, преп. Евфросиніи Полоцкой и Θεодосія Печерскаго, кончая современными авторитетами: высокопреосвященнымъ митрополитомъ Антоніемъ, о. Іоанномъ Кронштадтскимъ, К. П. Побѣдоносцевымъ, С. А. Рачинскимъ и др. Уже изъ одного краткаго описанія содержанія труда почтеннаго автора читатель можетъ видѣть, что по полнотѣ содержанія и по новизнѣ постановки дѣла книга о. Дернова заслуживаетъ серьезнаго вниманія оо. законоучителей и составляетъ выдающееся явленіе въ нашей литературѣ. Книга выдерживаетъ второе изданіе, что тоже говоритъ въ ея пользу. Хотя трудъ о. Дернова прямыхъ миссіонерскихъ цѣлей не имѣетъ, но истинно-христіанское

воспитаніе въ духѣ св. Церкви есть наилучшее миссіонерство и потому мы на страницахъ органа миссии охотно рекомендуемъ новое изданіе этой полезной книги.

Священникъ *М. Лисицынъ.*

Ф. Шатобріанъ. Мученики. Церковно-историческая повѣсть. Перев. А. Мерказиной. Спб. 1902 г. Изд. Сойкина. Стр. 379. Ц. 50 коп.

Повѣсть Шатобріана не отличается чѣмъ-либо особеннымъ отъ цѣлаго ряда подобныхъ же повѣстей изданія той же фирмы г. Сойкина: «Катакомбы», «Фабіола», «Мученики Колизея» и т. п., тѣмъ болѣе, что захватываетъ и ту же эпоху (конецъ III—начало IV в. послѣднихъ жесточайшихъ гоненій при Діоклетіанѣ. Авторъ относится къ историческимъ лицамъ и событіямъ, мало считаясь съ точными датами хронологіи. У него сведены въ одну эпоху и Діоклетіанъ († 305 г.), и Іеронимъ († 420), и Августинъ († 430), и Константинъ Великій († 337) и даже Павелъ Ефескій (см. стр. 58—65 и 177). Конечно, романъ не исторія, и такія анахронизмы авторами иногда допускаются, но въ исторической повѣсти одобрить ихъ все же нельзя, ибо это смѣшеніе эпохъ способно породить ложныя понятія и представленія у лицъ мало знакомыхъ съ исторіей Церкви. Повѣсть все же представляетъ захватывающій интересъ по близости къ христіанскому сердцу той эпохи, которую она рисуетъ. Языкъ перевода очень легкій и чистый, а по цѣнѣ книга, несмотря на свой объемъ, очень доступна и можетъ быть рекомендована, какъ интересное и поучительное чтеніе для юношества и грамотнаго народа.

С. М. Л.

А. Тихомировъ. Объ основахъ и организаціи средней школы. Спб. 1900 г. Стр. 128. Ц. 85 коп.

Въ вышеозаглавленной книжкѣ авторъ, бывшій директоръ народныхъ училищъ Витебской губ. и нынѣ членъ-ревизоръ учебнаго комитета при св. Синодѣ, касается еще и доннынѣ не разрѣшеннаго вопроса о реформѣ средней школы. Вопросъ этотъ розсмотрѣнъ имъ всесторонне и поставленъ на историческую почву. Г. Тихомировъ разсматриваетъ преждеібывшія реформы средней школы указываетъ мотивы и основанія ихъ, а также и тѣ цѣли, къ которымъ они стремились. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ старается поставить ихъ въ связь съ умственнымъ историческимъ движеніемъ Европы. Въ своихъ выводахъ г. Тихомировъ очень остороженъ и не является сторонникомъ ни классическаго, ни реальнаго образованія, онъ безпристрастно смотритъ на ту и на другую школу философски спокойнымъ и глубоко проникающимъ взглядомъ. Не предрѣшая хода школьной реформы, авторъ однако склоняется къ высказанному въ свое время въ печати и въ работахъ министерскихъ комиссій взглядамъ, что должно быть и то и другое образованіе, и что низшіе классы школы должны отличатся общимъ характеромъ, Серьезный голосъ опытнаго педагога, высказанный въ этой книжкѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Э. О. Л.

Миссіонерскій Вѣстникъ.

Новое окружное посланіе епископа Антонія духовенству Волынской епархіи.

Въ послѣднее время было нѣсколько случаевъ передачи крестьянскихъ зданій, назначенныхъ подѣ церковно-приходскую школу, въ пользу школъ министерскихъ, причемъ церковная школа оказывалась выгнанной на улицу. Явленія эти были бы очень печальны и даже зловѣщи, еслибъ въ основаніи ихъ не лежалъ обманъ бѣднаго народа со стороны лицъ заинтересованныхъ вѣдомствъ, то прямыми приказаніями, какъ значится въ приговорахъ, то сокрытіями сущности дѣла, понуждавшихъ крестьянъ исполнять дѣйствіе, имѣвшее въ глазахъ послѣднихъ лишь одну цѣль: „вмѣсто малой школы устроить большую“. Различіе вѣдомствъ крестьяне узнавали только тогда, когда, черезъ полгода, выяснялось, что дѣтей ихъ перестали учить тому, что для нихъ всего дороже, т. е. церковному пѣнію и чтенію по-славянски. Тогда только начинали раздаваться въ народѣ горькія сожалѣнія о своей довѣрчивости и опрометчивости съ прибавленіемъ малороссійскихъ эпитетовъ, но сдѣлать бывало уже нельзя ничего, а молодое поколѣніе являлось опять отодвинутымъ отъ алтаря Господня и отъ клироса.

„Моихъ прихожанъ безцеремонно обманули!“—жалуется мнѣ священникъ. Вѣрно, но могли-ли бы ихъ обмануть, еслибъ ты былъ добрымъ пастыремъ, знающимъ своихъ овецъ? Смотри, чтобы ихъ не обманули бы и самой вѣрой, какъ обманывали недавно харьковцевъ ложными грамотами.

Правда, священникъ не заинтересованъ лично характеромъ школы. Даже наоборотъ: школа церковная въ приходѣ не даетъ ему никакого вознагражденія, но возлагаетъ на него отвѣтственность предъ различными представителями власти, а школа мірская, освобождая его отъ отвѣтственности, даетъ ему законоучительское жалованіе отъ 60 до 120 рублей въ годъ.

Мнѣ поэтому приходилось слышать, что и самый подмѣнъ школъ происходитъ иногда по тайному соглашенію со священникомъ. Этому нельзя не печалиться, но радуюсь

тому, что всетаки многіе священники остановили у себя такой подмѣнъ своимъ вліяніемъ; а теперь правительство озаботилось, чтобы это безобразное явленіе не повторялось.

Но, всечестные отцы! какъ стыдно принимать отъ гражданской власти то, что такъ легко могли бы мы имѣть сами! О, еслибъ только мы всѣ сознавали свой долгъ, то, конечно, крестьяне сами добивались бы, чтобы всѣ ихъ школы были бы церковными. А теперь, когда на нѣкоторыхъ такихъ школахъ виситъ замѣкъ отъ апрѣля до декабря, мудрено-ли, что дѣятели иныхъ вѣдомствъ оправдываютъ свои притязанія на эти школы?

Мы не унижаемъ гражданской сельской школы: изъ всѣхъ видовъ мірскихъ школъ она, конечно, всетаки наиболѣе религіозная; учителя ея трудятся усердно въ предѣлахъ начертанныхъ имъ обязанностей и они достойны всякаго сочувствія, какъ и ученики ихъ. Не призываю я вась къ тому, чтобы стараться о перечисленіи министерской школы въ церковную: не будемъ льстить нашимъ недоброжелателямъ, хотя бы мы могли вчетверо воздать въ нѣдро ихъ, пользуясь вліяніемъ на народъ. Мы лучше будемъ направлять послѣднее на открытіе новыхъ училищъ, ибо ихъ всетаки страшно мало; однако, знайте, что школа церковная имѣетъ въ своей программѣ огромное преимущество надъ мірскою, что народъ нашъ желаетъ учиться прежде всего тому, какъ молиться и какъ вѣрить. И въ этомъ отношеніи не только гражданская, но и церковная школа недостаточно церковна; еще и отъ ней надо бы убавить много мірскихъ началъ, внушенныхъ нѣмецкой педагогикой. И если бы народные педагоги искренно держались либеральнаго правила—не насиловать народнаго ума, а только облегчать ему путь къ развитію присущаго ему историческаго направленія: то, конечно, они бы не ослабляли церковнаго начала въ школѣ, не изгоняли бы славянскаго языка, псалтири и церковнаго пѣнія,—а намъ-то, учителямъ-пастырямъ, во всякомъ случаѣ надлежитъ возводить школьное преподаваніе на такую высоту духовную, чтобы оно имѣло характеръ какъ бы постояннаго богослуженія. Истинно-народная русская школа должна быть отраслью жизни церковной, должна научить крестьянскаго ребенка прежде всего тому, чтобы ясно понимать, что поютъ и читаютъ въ церкви, и самому участвовать въ пѣніи и чтеніи церковномъ. А вѣдь это—цѣлое богословское и нравственное образованіе, это сознательное усвоеніе св. Библии, ясное усвоеніе Закона Божія, то единое на потребу, что дѣлаетъ рыбаковъ—мудрецами, сильнѣйшими языческихъ риторовъ.

Небезполезна школа мірская, но для усовершенія христіанина въ Церкви она даетъ весьма мало. У ребенка, воспитаннаго въ мірской школѣ, остается раздвоеніе между За-

кономъ Божиимъ школьнымъ, господскимъ и Закономъ Божиимъ церковнымъ, храмовымъ. Тамъ по-русски, по-кашпски, нѣчто то слащавое, то сухо-законническое, а здѣсь славянское, святое, какъ бы съ неба сходящее, нечеловѣческое. Языкъ школьника отучается отъ церковно-славянской рѣчи, отъ речитативнаго чтенія; онъ разучивается правильно—по мужицки—креститься, забываетъ о постахъ, ничего не слышитъ о подвигахъ святыхъ угодниковъ, что рассказываетъ ему бабушка, ни о Кіевскихъ пещерахъ, ни о Почаевской Лаврѣ. Когда старшіе говорятъ обо всемъ этомъ, онъ старается припомнить свои уроки, берется за учебникъ съ картинками, но тамъ находятъ только портреты Пушкина, памятникъ тысячелѣтія, да иллюстраціи къ баснямъ Крылова.

„А це нашъ хлопецъ польскимъ паньчѣмъ зробывся“,—укоризненно замѣчаетъ крестная мать, видя, какъ онъ, по примѣру учительницы становится на одно колѣно, мотаеъ зря рукой по груди взамѣнъ истоваго креста,—а проходящій старый дьякъ прибавляетъ изъ Златоуста: „тому неистовому маханію бѣси радуются“.

Конечно, о. законоучитель могъ бы это отчасти поправить и, конечно, никто бы ему въ этомъ не сталъ препятствовать, но въ своей-то церковной школѣ сколько великаго и преславнаго можетъ онъ сдѣлать!

Когда я проѣзжаю по малороссійской деревнѣ и вижу бѣлыя головки невинныхъ созданій Божіихъ, неизбалованныхъ свѣтскими матерями, не наученныхъ лгать и притворяться, но во всей чистотѣ еще сохранившихъ благолѣпный образъ Божій, какъ я стремлюсь тогда къ нимъ! Какъ радъ бываю выйти хоть не надолго изъ своей неуклюжей кареты, изъ той тяжелой атмосферы, которая неизбежно давитъ всякое высокопоставленное лицо среди его окружающихъ, и подойти къ этимъ Христовымъ любимцамъ. „Дитя! скажи мнѣ молитву, покажи, какъ изображаешь ты рукой спасительную страсть Христа Бога!“

Для дитяти нѣтъ различія между словесіями и положеніями людей. Оно не робѣетъ, если только ласково заговорить съ нимъ, и будетъ говорить тебѣ священныя слова такъ-же просто, какъ говорить ихъ наединѣ со своимъ Небеснымъ Отцемъ. А тутъ насъ окружили взрослые крестьяне. Глаголы молитвъ, внушенные св. отцамъ Огненнымъ Духомъ Божиимъ, произносимые *изъ устъ младенцевъ и сущихъ*, просвѣтляютъ и лица большихъ; послѣднія преобразуются то умиленной улыбкой, то умиленною слезой. Два, три мгновенія такого общаго вниманія дѣтской молитвѣ и всѣ мы, ученые и простые, становимся лучше, ближе къ Богу, дальше отъ грѣха. Здѣсь исполняется слово „Единороднаго: „*иже аще едино отъ таковыхъ отрочать пріемлетъ во имя Мое, Мене*

пріемлетъ; а иже Мене пріемлетъ, не Мене пріемлетъ, но По-славшаго Мя". (Марк. 9, 37).

Смотри, іерей Божій, какъ легко тебѣ принять Христа и Бога! Одно только дитя приласкай во имя Его! Одно дитя,— а вокругъ тебя ихъ сотни, тысячи. Смотри, какія сокровища тебѣ посылаетъ Богъ! Можно-ли не любить ихъ? Вспомни слово западника Некрасова:

«Кто часто ихъ видѣлъ,
Тотъ, вѣрю я, любитъ
Крестьянскихъ дѣтей».

Когда я вхожу въ сельскую школу, когда вижу тѣхъ, кому подобныхъ обнималъ нашъ Спаситель, то не сразу могу говорить отъ приступающихъ къ горлу слезъ. Поистинѣ здѣсь домъ Божій.

Сядемъ же у нихъ и расскажем изъ Христова ученія то, что наиболѣе доступно ихъ сердцамъ: о томъ, какъ Даніиль являлся пастыремъ львовъ; какъ преп. Сергій кормилъ одного медвѣдя; какъ пахалъ на другомъ преп. Савва; какъ цѣломудренный Іосифъ простилъ своихъ братьевъ; какъ обрѣлъ потерянныхъ дѣтей своихъ великомученикъ Евставій. Если хочешь прослѣдить степень вниманія твоихъ слушателей, то начни ходить взадъ и впередъ по хатѣ, и увидишь, что всѣ 40 или 50 личиковъ правильно, какъ бы на веревкѣ, поворачиваются за тобою въ одну и другую сторону, ловя твои слова. Говори имъ все это просто, съ тою картинностью, съ тою выразительностью рѣчи, которая отличаетъ бесѣду малоросса и особенно малороссійскаго священника. Ты пользовался этими свойствами, чтобы восхищать своихъ товарищей на дружеской бесѣдѣ или на пирушкѣ, возбуждать веселый смѣхъ и рукоплесканіе! Отдай лучше Богу этотъ даръ и учащай такіе духовные пиры вѣры съ тѣми, кто всѣхъ насъ предваряетъ въ царствіи Божіемъ по неложному слову Евангелія. Или вотъ въ старшемъ отдѣленіи школы въ Великороссіи тебѣ прочитали молитву за Царя. Кто же это *сопротивные*, спрашиваешь. Мальчикъ подумалъ: „а вотъ Китайцы, Турки“. Зачѣмъ мы съ ними воевали?— „Значить заступались за христіанъ“,— одобрительно говоритъ ребенокъ. О китайцахъ тоже всѣ знаютъ и знаютъ, что ихъ особенность заключается въ томъ, что они носятъ косы. Сообщая объ этомъ, дѣти премило конфузятся. Покойныхъ Царей Александра III и Александрѣ II тоже всѣ знаютъ и знаютъ, что Царь Мученикъ далъ крестьянамъ свободу. Знаютъ и то, что св. градъ Іерусалимъ находится въ рукахъ невѣрныхъ. Какъ все это у нихъ искренно, какъ задушевно, какъ прекрасно!

Священники Божіи! любите дѣтей, умиляйтесь ихъ невинностью, дорожите ихъ вниманіемъ Божественному закону

и, видя все это, сокрушайте сердце свое покаянной молитвой! Вы часто жалуетесь на испорченность прихожанъ. Но вотъ неиспорченные изъ нихъ, погруженные вами въ купель паки-бытія, и теперь приведенные къ вамъ родителями для наученія тайнамъ вѣры. Вѣдь это святыня Божія! это драгоценнѣйшій перлъ нашей святой земли православной! Отъ васъ зависитъ сдѣлать ихъ навсегда поборниками Церкви, или, наоборотъ,—оттолкнуть отъ нея! Пусть святой храмъ всегда оглашается ихъ дѣтскимъ пѣніемъ и чтеніемъ, пусть родители ихъ плачутъ не отъ скорби о ихъ порокахъ вполнѣдствіи, но пусть плачутъ теперь отъ умиленія, слыша ихъ голосъ въ св. храмѣ, куда они входятъ съ благоговѣйнымъ страхомъ. „О чемъ ты плачешь сегодня всю вечерню, добрая женщина?“—„А то мій Опанасъ читаетъ какъ-визьму“.

Старайся объ этомъ десять, пятнадцать лѣтъ, усердный іерей, и у тебя запоетъ вся церковь, и чтеніе будетъ вестись по очереди всѣми прихожанами, какъ монахами въ хорошей обители. Это все въ твоихъ рукахъ, только обрати твое сердце къ народу Божьему, къ дѣтямъ народа твоего...

Давно пришлось мнѣ слышать одно жестокое слово, котораго я никогда не забуду: „то вы, монахи, можете плакать надъ чужими дѣтьми, а намъ свои дѣти—дѣти, а чужія дѣти—поросята“. Дѣти человѣка того скоро сдѣлались хуже поросятъ, но и ты знай, что Господь отмщаетъ на слушникахъ своей воли „до третьяго и четвертаго рода“. Никогда не извиняй своего нерадѣнія къ дѣтямъ твоихъ прихожанъ заботою о собственныхъ дѣтяхъ. Самъ знаешь, сколько теперь священническихъ дѣтей сидятъ по тюрьмамъ, сколько умираетъ пьяными подъ заборомъ, сколько отравленныхъ позорными болѣзнями, постигающими развратниковъ. Всегда, а тѣмъ болѣе въ наше печальное время, никакія родительскія заботы не обезпечиваютъ правильнаго воспитанія своихъ дѣтей. Иногда почти святые юноши развращаются въ высшей или даже въ средней школѣ до неузнаваемости въ какіе-нибудь полгода, теряя совѣсть, отечество, вѣру. Если любишь своихъ собственныхъ дѣтей, если трепещешь за здоровье младенцевъ, за нравственность отроковъ и юношей, то заработай себѣ защиту для нихъ у Бога: „иначе *всѣ бѣдъ стрегій*“. Бойся прогнѣвить Его пренебреженіемъ къ дѣтямъ чужимъ,—не чужимъ: они тоже твои; тѣхъ ты родилъ по плоти, а этихъ по духу благодати; отвѣтъ же долженъ дать и за тѣхъ и за этихъ. Пророки говорили о Навуходносорѣ: „какъ ты не миловалъ дѣтей Израиля, такъ Богъ не помилуетъ дѣтей твоихъ“. То же говорю и тебѣ. Не бываетъ мира и любви въ семьѣ себялюбцевъ. Нѣтъ чести и родителямъ, любящимъ только своихъ дѣтей, ибо и волки и тигры дѣлаютъ тоже. Семья, замкнутая въ себѣ, безучастная къ семьямъ

окужающимъ, лишена взаимной теплой любви; это не домашняя Церковь, а торговый или акціонерный союзъ, гдѣ всѣ хлопочуть о пользѣ своей компании. Напротивъ, Божій Ангелъ не отходитъ отъ семьи, гдѣ родители еще раньше полученія своихъ дѣтей, умѣли любить чужихъ, и на нихъ сбывается слово псалмопѣвца: „Я былъ молодъ и состарѣлся, и не видѣлъ праведника оставленнымъ и дѣтей его, просищими хлѣба“ (Псал. 36, 25).

Любите дѣтей, іереи Божіи, не препятствуйте имъ приходить ко Христу. Бойтесь потопленія съ жерновомъ осельскимъ, къ которому приговорены соблазнитель Вѣчнымъ Судіей. Не будьте безучастны къ училищамъ благочестія; развясняйте прихожанамъ высокое преимущество церковной школы и ограждайте ихъ отъ обмановъ. Но и въ школѣ мірской, какъ законоучители, не оставляйте дѣтей безъ теплаго, сердечнаго участія. Разберите дѣтскія народныя книжки по Закону Божію, соберите все, что есть наилучшаго и назидательнаго для дѣтей и читайте имъ и сами, и чрезъ учителя и псаломщика, а еще лучше, если разговорною простою рѣчью или даже во взаимной бесѣдѣ съ дѣтьми будете раскрывать имъ то, что содержатъ сіи книги. Больше всего раскрывайте имъ о такихъ событіяхъ, въ которыхъ Богъ вывелъ на свѣтъ правду, въ которыхъ положившіеся на Бога оказывались побѣдителями надъ хитрецами, дабы дѣти научились вѣрить въ правду жизни и противостоятъ искушеніямъ силы, искушеніямъ лжи. Рассказывайте имъ еще больше о томъ, какъ люди прощали другъ друга, какъ обиженные не мстили врагамъ, какъ сильные и знатные преклонялись предъ добродѣтельными простецами, какъ святые добровольно отказывались отъ богатства, власти, красивыхъ женъ и уходили въ пустыню, смирялись предъ всѣми и служили нищимъ. Увидите, сколь многіе изъ учениковъ вашихъ сдѣлаются подвижниками добродѣтели у себя-ли въ деревнѣ или въ монастырской обители. Поступая такъ, прилежа школѣ и дѣтямъ, вы и весь народъ приведете въ послушаніе вѣры, какъ нѣкогда святитель Леонтій Ростовскій, изгнанный взрослыми, но возлюбленный дѣтьми, которыхъ потомъ и взрослыхъ къ нему обратили. Я видѣлъ самъ, какъ старый крестьянинъ цѣлуетъ руку учителю-мальчику, уважая въ немъ носителя свѣта Божія. А учителю-священнику народъ цѣлуетъ ноги и края его одежды. О Господи! научи насъ творити волю Твою. Научи насъ оправданіемъ Твоимъ. Да не обуяетъ соль! Да просвѣтитися свѣтъ учениковъ Твоихъ предъ челоуѣки!

Епископъ *Антоній*.

Знаменательное присоединеніе къ Церкви безпоповщинскаго наставника. Въ Моршанскомъ уѣздѣ, Тамбов. губ. одиноко среди православнаго населенія пріютилось большое раскольниковъ селеніе съ малымъ числомъ душъ единовѣрческаго прихода, имѣющаго убогую церковку, но добраго пастыря, подвижника миссіи о. Л—ва. Замѣчательно, что онъ, будучи студентомъ семинаріи, познакомившись на должности учителя съ тяжелою долею единовѣрческаго прихода, принявъ священство, и поступилъ въ этотъ назначенный приходъ буквально *изъ жалости* къ этому малому стаду Христову. И несетъ своей крестъ пастырскаго подвижничества въ страшной скудости вотъ уже около десяти лѣтъ. Средства главныя получаетъ отъ учительства въ мѣстной школѣ. О. Л—ву представлялась не разъ возможность перейти въ приходы съ прекраснымъ обеспеченіемъ,—настаиваетъ на этомъ и семья—но доброму пастырю-миссіонеру все жаль свое малое стадо и убогую церковь, имѣвшую видъ сарая. Супругъ онъ говоритъ: подожди—вотъ какъ выстрою Церковь, тогда перейдемъ. Самъ онъ ѣздилъ въ Москву и Петербургъ по сбору на церковь, терпя всякія огорченія. Единовѣрцы обожаютъ своего пастыря, и раскольники полюбили и присоединяются. Не такъ давно въ этомъ селеніи произошло знаменательное событіе: о. Л—вымъ присоединенъ ко св. пр. Церкви настоятель раскольниковъ-безпоповцевъ поморскаго согласія, деревни Васильевщины, кр. Иванъ Андреевъ Жуковъ. Жуковъ глубокой старикъ; онъ имѣетъ отъ роду болѣе 80 лѣтъ, но еще бодръ и свѣжъ. Съ 1895 г. онъ настоятельствовалъ среди мѣстныхъ поморцевъ, а до того времени, около 30 лѣтъ былъ помощникомъ наставника и постояннымъ его замѣстителемъ. Жуковъ, присоединяясь къ православію, былъ совершенно чуждъ всякихъ земныхъ разчетовъ. Чувствуя свою старость, онъ опасался какъ-бы не умереть въ расколѣ, внѣ прав. Церкви; мысль эта, по его искреннему признанію, пять лѣтъ тяготила его, не давая покоя, и онъ, наконецъ, рѣшился порвать связи съ расколомъ. Всѣ его дѣти,—дочери и сыновья, присоединеніемъ своего родителя были глубоко огорчены и дѣлали ему много непріятностей, но онъ, не падая духомъ, съ терпѣніемъ все переносить.

Изъ миссіонерской практики.

Въ настоящее время, когда расколъ пріемлющихъ т. н. австрійское лжесвященство имѣетъ цѣлый сонмъ лжеархиревъ и лжеіереевъ, когда, такимъ образомъ, онъ обставляется съ внѣшней стороны довольно заманчиво для тѣхъ раскольниковъ сектъ, кои не имѣютъ никакого священства, какъ безпопов-

цы, и когда представители австрійскаго лжесвященства начинают усиленно заботиться о присоединеніи безпоповцевъ къ своему мнимо-истинной Церкви, настоятельно доказывая важность священства въ церкви и невозможность спасенія безъ онаго,—благовременно, пожалуй, было бы обратить надлежащее вниманіе на улучшеніе приемовъ полемики съ безпоповцами, чтобы не допускать перевѣса миссіонерской дѣятельности австрійскаго лжесвященства надъ таковою же дѣятельностью среди безпоповцевъ представителей православной Церкви.

Основываясь на нѣкоторомъ опытѣ, мы держимъ это мнѣніе, что въ настоящее время и при настоящихъ условіяхъ внутренней церковной жизни раскольниковъ, приемлющихъ т. н. австрійское священство, православная миссія должна поставлять своею задачею препятствовать переходу безпоповцевъ въ секту приемлющихъ австрійское священство. Пока безпоповецъ не имѣетъ священства, онъ ощущаетъ, хотя инстинктивно, духовный голодъ въ неимѣніи священства и таинствъ. Но лишь только онъ переходитъ въ австрійскую секту, онъ естественно перестаетъ чувствовать этотъ голодъ, обвораживаемый мнимо-церковною обстановкою австрійской секты съ ея лжеархіереями и лжеіереями, съ ея церковно-богослужебною обстановкою. Въ добавокъ къ этому нужно принять ко вниманію стремленіе расколовождей австрійской секты всячески обособить своихъ кліентовъ отъ столкновеній съ православными миссіонерами, внушивъ къ нимъ чувство отвращенія и даже ненависти. Довольно принять ко вниманію хотя бы циркуляры „Іоанна Московскаго и всея Россіи Архіепископа“ о томъ, чтобы приемлющіе „древнее благочестіе“ не ходили бы на бесѣды съ никоніанами. Итакъ, необходимо, по нашему мнѣнію, въ полемику съ безпоповцами внести элементъ раскрытія предъ безпоповцами всей канонической несостоятельности т. н. австрійскаго священства. Вотъ приемъ, какимъ намъ приходилось не безуспѣха иногда пользоваться въ бесѣдахъ съ безпоповцами.

Бесѣда съ безпоповцами, ведомая уже въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, приближается къ концу. Энергія безпоповцевъ естественно ослабѣваетъ. Они перестаютъ уже предлагать новые вопросы, ища удобной минуты встать и оставить залу собесѣдованія. Вотъ этимъ то моментомъ мы и пользуемся. Сдѣлавъ общій обзоръ произведенной бесѣды и сказавъ вообще о несостоятельности безпоповства съ указаніемъ, конечно, на единую истинную греко-россійскую Церковь, заканчиваемъ свою рѣчь такими, приблизительно, словами: „таково-то безпоповство, говоримъ; но лучше ли, други мои, „австрійская“ секта, въ которую нѣкоторые изъ вашихъ переходятъ? Не хотите-ли я скажу вамъ нѣсколько словъ и объ „австрійскомъ“ священствѣ?“ Безпоповцы всегда съ большою охотою готовы слушать бесѣду объ австр. священствѣ,

а иногда они и сами предлагают о немъ вопросъ. „А австрійская секта, спрашиваютъ они, какъ по вашему, законная или нѣтъ?“ Послѣ этого я начинаю рѣчь объ австрійскомъ священствѣ съ указаніемъ его канонической незаконности.

Намъ приходилось наблюдать отраднѣйшій фактъ, что 20—30 минутъ, посвященные такимъ образомъ въ бесѣдѣ съ безпоповцами австрійскому священству, удерживали безпоповцевъ отъ перехода въ австрійскую секту, слѣдствіемъ чего было, наконецъ, присоединеніе ихъ къ православію, чего и желаемъ безпоповцамъ отъ всей нашей души.

Священникъ Василій Черкесовъ.

По поводу истекшаго 50-ти лѣтняго юбилея графа Л. Н. Толстого.

(Мысли юноши).

Два мѣсяца тому назадъ исполнился 50-ти лѣтній юбилей литературной дѣятельности яснополянскаго лжепророка графа Толстого.

Въ простотѣ своей души я полагалъ, что подобное событіе изъ жизни графа Толстого при настоящемъ положеніи и условіяхъ не найдетъ себѣ отклика въ нашей печати.

Но вышло совсѣмъ другое, произошло то, чего, право, я не ожидалъ—о юбилеѣ Льва Николаевича заговорили, заговорили, главнымъ образомъ, съ хвалебной стороны; въ иныхъ журналахъ ¹⁾ даже дѣлается упрекъ намъ, русскимъ, за то, что мы не отпраздновали подобающимъ образомъ юбилей графа, „этого“, по словамъ о. Іоанна Кронштадтскаго, „антхриста“.

Такое сочувствіе Толстому со стороны печати, говорю откровенно, больно кольнуло меня въ сердце и заставило взяться за перо и изложить на бумагѣ волнующія меня чувства и думы...

Всего Толстого, какъ литературнаго дѣятеля, должно раздѣлить на двѣ части—на Толстого, какъ на творца знаменитыхъ художественныхъ произведеній (напр.—Дѣтство и Отрочество, Анна Каренина, Война и миръ) и на Толстого, какъ на заблуждающагося въ высшей степени религіознаго мыслителя.

Значеніе „второго Толстого“ (религіознаго мыслителя) настолько вредно, что затемнило собою, „загрязнило, ступшевало“ собою ту пользу, которую первый Толстой (беллетристъ) оказалъ своей беллетристикой.

Нельзя, конечно, отрицать, что беллетристика Толстого

¹⁾ Напр., Образованіе. мѣс. Сентябрь.

„знаменита, велика“; но польза отъ нея, *опять повторяю*, оказывается ничтожной въ сравненіи съ тѣмъ вредомъ, какой онъ оказалъ человѣчеству своими „антигосударственными и антирелигіозными произведеніями.“

Такимъ образомъ въ личности Толстого стоитъ на первомъ планѣ эпитетъ—заблуждающійся религіозный мыслитель, къ тому же вредный, сѣющій среди людей только смуту и раздоръ.

А можно-ли такого человѣка „чувствовать“? Слѣдуетъ-ли радоваться, устраивать торжества по поводу его 50-ти лѣтняго юбилея?

Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ: мы должны, напротивъ, сожалѣть и плакать, какъ истинные христіане, о томъ, что Толстой „заблудился“ и погибаетъ. Мы должны ежедневно со слезами на глазахъ просить Бога, чтобы Онъ просвѣтилъ, направилъ на путь истинный и прямой нашего во Христвѣ брата, Льва Толстого.

Напрасно нѣкоторыя газеты (напр. Нов.) называютъ графа Толстого русскою гордостью, честью, славой, утѣшеніемъ: такого Толстого „уже нѣтъ въ живыхъ“—онъ умеръ, лишь только появилось его „христіанское ученіе (1897 г.). Теперешній же Толстой не гордость истиннаго христіанина и патріота, а стыдъ, не честь, а безчестіе, не слава, но безславіе, не утѣшеніе, но горькая печаль—онъ не богатство, но наша нищета.

Мы должны сѣтовать, что въ нашемъ дорогомъ отечествѣ, „въ нашей печальной матушкѣ Руси“ родился и воспитался такой человѣкъ, который сдѣлался ересіархомъ, отцомъ особой странной секты.

Мы должны упрекать себя за то, что допустили Толстого до такого, поистинѣ, ужаснаго паденія, до такого великаго заблужденія,—за то, что мы во время не замѣтили „грѣховнаго, еретическаго направленія“ Л. Н. и не помогли ему „во время“ избавиться отъ своего „губительнаго увлеченія“.

Нѣтъ, говорю опять, не радоваться и веселиться мы должны, а плакать и молить Милосерднаго Господа, чтобы Онъ, „Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи“ (2 кор. 1. 3.), избавилъ Толстого отъ „сѣти ловча и отъ словесе мятежна“ (Пс. 90. 3.).

Въ Мис. Обозр. сообщалось, что извѣстный своимъ благочестіемъ старецъ Амвросій Оптинскій, съ которымъ Л. Н. былъ лично знакомъ и бесѣдовалъ о религіозныхъ вопросахъ, сказалъ, что Л. Н. рано или поздно, но вернется ко Христу и Церкви. Дай Богъ, чтобы это время скорѣе наступило, тѣмъ болѣе, что Толстому уже 74 года—когда онъ уже, слѣдовательно, стоитъ, такъ сказать, на краю могилы. О, какъ желательно и хорошо было бы, если бы Толстой,

отказавшись отъ своихъ губительныхъ произведеній, снова вступилъ на прежній свой путь, на путь великаго труженника, „святеля всего добраго, хорошаго“. Подобною своею дѣятельностью, быть можетъ, онъ и самъ бы спасся. Будемъ же, дорогіе читатели, почаще вспоминать несчастнаго графа и почаще возносить къ престолу Всевышняго молитву о погибающемъ рабѣ Львѣ.

„Господи, вразуми же, вразуми заблуждающагося раба своего Льва и направь его литературную дѣятельность, его жизнь къ прославленію Твоего имени—пусть его уста не возглаголятъ болѣе хулы и ереси, но благодареніе и восхваленіе Тебѣ Единому, Истинному Творцу, Промыслителю и Подателю всяческихъ благъ“.

Помилуй его, Господи, и спаси!

Тихонъ Олейниковъ—восп. 5 кл. Вор. дуг. семинаріи.

Письмо унтеръ-офицера.

Въ 246 № „Курьера“ напечатана статья, восхваляющая дѣятельность графа Льва Толстого до 50-ти-лѣтняго его юбилея.

Обидно, что статья совершенно умалчиваетъ о томъ, какъ графъ отрекся отъ святой православной Церкви, отъ Царицы Небесной и всѣхъ святыхъ угодниковъ Божіихъ. Сколько людей онъ увлекъ за собою по ложному пути! Я живу среди его бывшихъ крестьянъ-духоборовъ, съ которыми мнѣ часто приходится спорить. Они говорятъ, что Левъ Толстой стоитъ выше нашего синода, что его никто не можетъ судить. У васъ, говорятъ, 12 апостоловъ, а онъ, Л. Толстой, тринадцатый и выше вашихъ 12-ти. А я говорю, что онъ лже-учитель и одинъ изъ антихристовъ. Если онъ, наживъ много денегъ, учитъ о томъ, что никто не долженъ имѣть собственности, то онъ бы роздалъ свое имѣніе и шелъ бы въ пустыню. А то кто придетъ къ нему попросить, онъ говоритъ: „я не хозяинъ“.

Этотъ истинный лжеучитель возмутилъ всю Европу.

Меня Господь привелъ послужить своему Царю и отечеству во время турецкой кампаніи въ 1877—78 годахъ. Мы всегда отражали непріятеля, потому что молились святымъ угодникамъ Божиимъ и надѣялись на ихъ помощь. Когда непріятель окружилъ насъ, мы развернули свои священныя знамена, увидѣли Спасителя, Царицу Небесную, отсѣкновенную главу Іоанна Крестителя, чудотворца Николая, Сергія преподобнаго, Георгія Побѣдоносца—всю нашу радость, всю нашу святыню. Обрадованные, ободренные мы прогнали непріятеля. А лжеучитель Левъ Толстой отвергаетъ нашихъ святыхъ, нашихъ постоянныхъ заступниковъ и помощниковъ.

А. С. Козинковъ.

Богословскія чтенія въ столицѣ.

По благословенію высокопреосвященнаго Антонія, Митр. С.-Петербургскаго, Обществомъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія, съ 12 ноября сего года, открылся рядъ учено-богословскихъ и религіозно-публицистическихъ чтеній для образованныхъ слушателей. Чтенія происходятъ въ большой аудиторіи Педагогическаго музея въ Солянскомъ городкѣ по вторникамъ и сопровождаются пѣніемъ лучшихъ столичныхъ церковныхъ хоромъ.

Лекторами выступаютъ профессора С.-Петербургской Духовной Академіи; первыя 4 чтенія велъ нашъ уважаемый сотрудникъ, о. Иеромонахъ Михайль, доцентъ С.-Петербуржской Духовной Академіи на тему „въ поискахъ лика Христа“. Чтенія имѣли огромный успѣхъ.

Главные тезисы чтеній о. Михаила таковы.

1-е чтеніе. Ищущіе. Религіозныя картины, изображающія Господа Иисуса Христа и Его церковный «ликъ». Образъ Христа—у новыхъ богоискателей.

В. В. Розановъ. Ученіе о бракѣ и разводѣ—у него, у другихъ новыхъ учителей и въ Церкви. «Колыбель».

2-е чтеніе. (Вторникъ, 19-го ноября). Пассивно или активно христіанство, исповѣдуемое Церковію. Идеаль аскетическій или идеаль дѣятельный. «Смерть» или «жизнь» проповѣдуетъ Церковь. «Живая жизнь», какъ идеаль Церкви.

3-е чтеніе. (Вторникъ, 26-го ноября). Жива ли Церковь. «Тревожная ночь» Розанова. Въ чемъ жизнь Церкви? Кто виноватъ въ кажущейся безжизненности Церкви. Интеллигенція и ея будущая роль въ Церкви.

4-е чтеніе. (Вторникъ, 3-го декабря). «Христось съ чертами Діониса. Христось—«сверхчеловѣкъ» Мережковскаго. Христось—католическій. Христось Лафона (англійское христіанство).

Въ будущемъ 1903 году о. Михаиломъ будутъ предложены послѣднія чтенія:

5-е чтеніе. Христось Л. Н. Толстого. Христіанство ветхозавѣтное, законническое, рабское.

6-е чтеніе. Ликъ Господа Иисуса Христа, живущаго въ церкви. Черты Божественнаго лика. Божество Христа. Его проповѣдь. Христось на Голгофѣ и Воскресшій. Пойдемъ за Нимъ.

Входъ по платнымъ билетимъ по 2 р., 1 р., 75 к., 50 к. и 30 к. Плата за входные билеты въ пользу благотворительныхъ или религіозно-просвѣтительныхъ учреждений.

Отклики (на запросы ищущей интеллигенции).

I. Ищущие «слѣпые» Метерлинка. Найдутъ-ли? «Тревожная ночь» В. В. Розанова (Альманахъ «Сѣверные цвѣты 1902 г.»).—Жива-ли Церковь?—Кто виноватъ въ кажущемся оскудѣннѣи Церкви. — Наши надежды. II. Ищущие внѣ Церкви.—Обмѣнъ женами у хлыстовъ Воронежской епархіи. — Брошенные дѣти. III. Рождественская елка.

Эпохи повторяются. Всѣмъ извѣстна культурная трагедія, какую переживало человѣчество *наканунѣ* великаго дня явленія Христа міру. Это было тяжелое время жажды хлѣба духовнаго. Интеллигенція Греціи и Рима вдругъ почувствовала, что она потеряла путь. Старые боги были забыты, старыя вѣрованія разрушены и алтари разбиты. А новыхъ боговъ и новыхъ вѣрованій не было. И въ смущеніи, и ужасѣ культурное человѣчество всматривалось въ окружающій его туманъ и тьму, искало отвѣта у будущаго и въ какомъ-то инстинктивномъ предчувствіи истины устремляло взоръ на востокъ, ожидая оттуда свѣта. И „свѣтъ разума пришелъ“ и разсѣялъ мракъ.

Но вотъ теперь чрезъ 19 вѣковъ повторяется то же смутное и тяжелое время. Не богословы только и не одинъ только Брюнетьеръ называютъ нашу эпоху эпохой культурнаго кризиса. Какъ и тогда, люди почувствовали, что они потеряли путь. Уже давно, очень давно люди оставили тотъ свѣтъ, который засіялъ съ востока, и шли своимъ путемъ. Ихъ вожакомъ былъ разумъ, который сталъ на время богомъ. Объявивъ себя единымъ учителемъ и устроителемъ жизни, новый богъ повелъ за собой послушное человѣчество, обѣщая привести его къ *отеческому дому*, ко спасенію, т. е. счастью.

И человѣчество... пошло... Свѣтоносная Изида (знаніе), повела его въ обѣтованную землю „горя и свѣтя“, какъ „столбъ огненный“.

Не одинъ разъ... находились люди... которые, не желая идти за толпой, спрашивали... но куда же идемъ мы?.. Имъ

отвѣчали: впередъ... и искренно думали, что этимъ словомъ что-то сказано. (Л. Толстой. Исповѣдь).

Но куда впередъ? Зачѣмъ?.. *Впередъ!* И *шли* впередъ... Но вотъ, на концѣ дней, запросы этихъ скептиковъ стали слишкомъ громкими и властными. А въ самомъ дѣлѣ—куда же?.. Впередъ, но *куда?*

И вотъ многіе, предоставляя толпѣ идти за слѣпымъ вожакомъ, остановились, чтобы оглянуться кругомъ: видно-ли обѣтованную землю, туда-ли въ самомъ дѣлѣ ведетъ вожакъ. И увидѣли, что путь свѣтель... Электрической свѣтъ освѣтилъ вселенную отъ края и до края... но въ концѣ пути не было видно „земли желанія“. Вожакъ велъ *не туда!*

Онъ долженъ былъ привести къ древу познанія и жизни: онъ долженъ былъ освѣтить не глубину только океана и звѣзднаго неба... а глубину совѣсти, пролить свѣтъ на тайну жизни, указать путь счастья... И оказалось, что онъ не знаетъ пути туда... *Впередъ!* Куда? Зачѣмъ... Зачѣмъ я иду *куда-то*, когда не вижу конца пути. Есть-ли смыслъ въ томъ движеніи, которое зовется жизнью? Зачѣмъ жить, зачѣмъ желать, зачѣмъ что-нибудь дѣлать? Что такое человекъ; *что онъ*, куда онъ идетъ? Кто тамъ вдали, за звѣздами живетъ?

Напрасно уже уставшіе путники обращались къ вожаку, требуя, чтобы онъ вывелъ изъ темноты къ свѣту.

Вожакъ молчалъ... „На то, что ты такое и чѣмъ ты живешь, у меня нѣтъ отвѣтовъ. А вотъ если тебѣ нужно знать законы свѣта, химическихъ соединеній, разстояніе между свѣтилами, я отвѣчу съ несомнѣнной точностью“. Но эта роскошь знанія не была нужна ищущему хлѣба насущнаго.

Жизнь остановилась... Жить стало нечѣмъ. Уже не увѣренные въ своемъ руководителѣ „ищущіе“ путники все таки *вместѣ съ нимъ* ищутъ дороги на угадъ, ощупью. Они пытаются, уже почти въ отчаяніи, свѣтомъ отъ фонаря, какой освѣщаль химическія лабораторіи, освѣтить „лабораторію жизни“, тайну человеческого существованія; пробуютъ прочитывать руны, какими записаны тайны вѣчно-живого знанія, при помощи *того же ключа*, тѣмъ же шифромъ, какимъ они разбирали тайны геологіи... увы, *шифръ оказался не подходящимъ*.

«Напрасно въ смыслъ тайный рунъ

Они старались проникнуть, на всѣ лады раскладывая ихъ.

Случалось слова два подрядъ прочесть,
 Но связи не могли найти межъ ними.
 И тутъ прозрѣли нишіе слѣпцы и поняли,
 Что ложень ключъ къ таинственному шифру.
Истина ключомъ къ разгадкѣ жизни
 Должна служить, а здѣсь ключемъ была лишь ложь.
 (Драма Гедберга «Герхардъ Гримъ»).

И почувствовали люди, что они въ темномъ лѣсу безъ
 вожака...

Это была (и есть) тяжелая, мучительная трагедія.

Страшными красками описалъ ее Метерлинкъ.

Слѣпые ушли далеко отъ пріюта. Въ лѣсу... и вотъ во-
 жакъ умеръ. Куда идти... Холодно... Морозы приближаются.
 Снѣгъ идетъ хлопьями... Гдѣ путь?

Холодно.—„Прижмемся ближе другъ къ другу?.. Всетаки
 холодно... больше всего отъ того, что нѣтъ и *надежды розы-
 скать выходъ*“.

*А говорили, вотъ идѣ-то тамъ колокольня виднѣется высокая,
 съ крестомъ“*.

И они, натываясь другъ на друга, ищутъ выхода изъ
 лѣса.

Найдутъ-ли? Найдутъ-ли его и тѣ... ищущіе истины пути
 и жизни?.. разочаровавшаяся въ обанкротившемся знаніи и
 еще не обрѣтшая иного знанія, интеллигенція. Найдутъ...

„Слѣпые“ Метерлинка обрѣли спасеніе въ плачущемъ,
 зрячемъ ребенкѣ одной женщины. Этотъ ребенокъ, рожден-
 ный изъ отчаянія, была вѣра. Ищущее человѣчество, *мо-
 жетъ быть, найдетъ путь тѣмъ же способомъ*, — тамъ же, въ
 вѣрѣ. Отыскивая ошупью путь, примѣняя всякіе шифры,
 чтобы прочитать руны, какими записаны тайны жизни,
 они, какъ сказали мы, ищутъ пути и тамъ, и здѣсь. И
 въ послѣдніе дни многіе, очень многіе изъ ищущихъ еще
 не увѣренно толкуются въ двери Церкви, хотя иногда и
 сомнѣваясь въ правдѣ ея.

Они найдутъ.

Тѣ, которые ищутъ, всегда находятъ. Для того, чтобы
 найти, нужно только страстное желаніе найти. Они желаютъ
 найти, вложить свои персты и видѣть тайны вѣры, какъ
 Өома. Пусть приходятъ.—только съ такимъ же, какъ у Өомы,
 желаніемъ вѣрить, желаніемъ отыскать и найти истину. Въ
 этомъ поможетъ имъ Младенецъ, родившійся въ Виолеемѣ.

Онъ укажетъ колокольню съ крестомъ, виднѣющуюся изъ за лѣса.

Скоро-ли будетъ это? Косвеннымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить небольшой разсказъ В. В. Розанова, которому мы посвящаемъ всю теперешнюю бесѣду. Разсказъ этотъ носить заглавіе „Тревожная ночь“ ¹⁾. Авторъ его хочетъ символически изобразить Церковь. И вотъ двѣ картины... Пустая церковь. Въ ней совершаетъ службу старикъ священникъ. И церковь освѣщена, ярко освѣщена. Изъ ящика вынули всѣ свѣчи, для того, чтобы освѣтить церковь. И чувствуется, что это сдѣлано намѣренно. Хотятъ освѣтить церковь, потому что иначе въ ней слишкомъ страшно и жутко. А жутко, потому что пусто. И ходитъ священникъ по храму и поетъ: „хвалите раби имя Господне, хвалите раби Господа“. А рабовъ-то и нѣтъ. Всѣ они покинули храмъ. И опустѣлъ онъ. И эта пустота какая-то особенная, вѣковѣчная. Пусть храмъ не случайно какъ-нибудь, а навсегда. Всегда будетъ пустъ...

Другая картина... Плыветъ изъ Соловокъ въ Архангельскъ монашеское судно. Ветхое, полуразвалившееся... На немъ *капитанъ монахъ, лоцманъ монахъ и монахи прислужники*. А время бурное. Разбиваетъ корабль. И страшно монахамъ. Хотя, когда они вышли изъ своей пристани, они и пѣли: „изволися святому Духу и намъ“, но корабль все-таки погибалъ. Потому погибалъ, что на путь его не было изволенія Духа Божія, а только *ихъ* изволеніе. Да и цѣли, ради которыхъ отплылъ корабль, не были святыми цѣлями. Судно вышло для того, чтобы захватить одного богатаго купца, отъ котораго монастырь надѣялся на богатое даяніе. *Корабль разбило*. „И плакали о немъ купцы. И цари плакали, говоря: какое богатство погибло“ (Апокалипсисъ). Ничего не осталось. Мерзость запустѣнія стала на мѣстѣ святомъ. Прекратились жертвоприношенія. Осталась только стѣна плача“.

Читателю нѣтъ нужды разъяснять, о какомъ кораблѣ говорить Розановъ. Онъ хочетъ сказать, что *погибла Церковь*, потому что она живетъ не Духомъ Божиимъ, не произволе-

¹⁾ Зная автора, я хочу думать, что въ своемъ разсказѣ онъ собственно не рѣшаетъ, а только ставитъ вопросъ.

ніемъ Божиимъ. Что значить это? Какъ принять эту новую хулу на Духа Святаго? Жива-ли Церковь?

Я начну свой отвѣтъ призывающимъ Церковь къ своему самозванному суду словами одного изъ корчемниковъ церковнаго корабля, которому я повѣдалъ о новомъ походѣ на Духа Божія. „Не въ первый разъ требуютъ отъ насъ возвращенія пяти талантовъ тѣ, которые не вручали намъ ихъ на храненіе. Но пусть! Если они желаютъ отчета, то мы должны его дать и дадимъ. Потеряла-ли Церковь истину, которая была отдана ей на храненіе? Отвѣтимъ. Среди смуть и вѣковой борьбы противъ истины одна Церковь, которую теперь называютъ погибшей и умершей, сумѣла сохранить истину Христову, идею Церкви, какъ Тѣла Христова, организациі любви въ свободѣ,—*соборной и всенародной Церкви*. Одна эта Церковь всегда учила и учитъ, что Церковь, это *весь церковный народъ*, что жизнь церковная создается жизнью *всего народа*, возглавленнаго Иисусомъ Христомъ. За что упрекаютъ Церковь? За то, что она не захотѣла послѣдовать за искусителемъ, не захотѣла взять въ свои руки власть и объявить рабами тѣхъ вѣрныхъ, которыхъ Христосъ отдалъ въ руководство ей и не захотѣла поработить пропитанной наркомомъ обстановкой, властностью, кострами ихъ совѣсти? Она не захотѣла манить за собой народъ обѣщаніемъ насытить пятью хлѣбами 5 тысячъ человекъ,—обѣщаніями рѣшить и социальный и всѣ другіе вопросы, не гипнотизируетъ массу тайной и авторитетомъ, отнимая у нея Писаніе и оставляя только для іерархіи чашу крови Господней (какъ католичество).

Она не могла и не хотѣла также дозволить *каждому* идти по своему пути, проповѣдая возможность „отъединеннаго спасенія, безъ союза церковнаго, какъ протестантство.

И вотъ ее многіе покинули, одни—отправившись за поисками хлѣба, другіе потому, что хотятъ свободы, желаютъ быть внѣ послушанія и не намъ—корчемникамъ, а *закону единенія и любви Христовой*.

И не есть-ли видимое оскудѣніе Церкви доказательство ея *жизни*: если она смогла до сихъ поръ не слиться съ требованіями міра, не приспособляется къ пожеланіямъ міра, и непередѣлываетъ своего закона, по желанію людей, какъ за

падное христіанство,—то не значить-ли это, что въ ней лежитъ внутренняя сила, дающая ей устойчивость“.

Нѣтъ ли великой правды въ этихъ словахъ? Увидимъ, а для начала сдѣлаемъ одну справку.

Недавно одинъ человѣкъ (В. Соловьевъ) призывалъ Церковь послѣдовать за католичествомъ, потому что принятіе духа Рима и папства дало бы Церкви великолѣпіе и силу, величіе и блескъ. И вотъ что тогда отвѣтилъ этому искусителю одинъ умный, блестяще талантливый писатель, который глубоко понялъ духъ православія и его силу. Да, — приблизительно такъ говорилъ онъ,—православная Церковь не имѣетъ декоративной красоты католичества, не имѣетъ той стройности и внѣшней силы, какую мы видимъ въ католичествѣ; но зачѣмъ намъ эта сила, за которую приходится платить святой истиной, живущей въ Церкви, Духомъ Божиимъ, который обитаетъ въ Церкви? Не нужно намъ красоты декоративной, потому что въ Церкви живетъ истинная, настоящая, подлинная красота—сама жизнь Христова.

Но, впрочемъ, заставимъ продолжать самого защитника. Его имя *Василій Васильевичъ Розановъ*.

Да, это тотъ же г. Розановъ, который написалъ „Тревожная ночь“.

Исторія и жизнь Церкви православной, пишетъ В. В. повидимому скудна и убога. Здѣсь нечего рассказывать, нечѣмъ заполнить огромные томы. Такъ что же?

„Быть рассказаннымъ, это не цѣль для человѣка; для него цѣль — быть правымъ; и *быть рассказаннымъ значитъ всегда почти эту правоту потерять, о ней мучиться и возстановить*. Какъ обильна въ исторіи фактами реформація, и, между тѣмъ, она только срубила то, что нужно было срубить; какъ стучалъ топоръ, сколько вѣтвей падало, и шумъ, и крики кругомъ,—и, однако, это хуже, чѣмъ когда, не зная топора, дерево растетъ въ тиши, видимое Богомъ, нужное человѣку. О нашей, въ частности, исторіи было сказано, что она бѣднѣе событіями, чѣмъ всякая плита на римскомъ форумѣ, и это ея гордость; православіе скудно фактами, *это милость къ нему Божія*; оно не искажалось—какъ это рассказать? не каялось, не пыталось возстановить истину утвержденія своего—какая тутъ повѣсть? Оно молилось; молитва

его у Бога,—что нужно отъ него людямъ? („Русск. Вѣстн.“ 1894 г. июль).

Потому-то, „когда намъ будутъ указывать на неизъяснимое величіе католицизма, на безбрежность мысли, заложенной въ немъ, которою онъ увить и обоснованъ съ сѣдой схоластики и до нашихъ дней,—мы согласимся со всѣмъ этимъ и признаемъ также, что ничего подобнаго нѣтъ въ нашей Церкви и ея исторіи. Если намъ будутъ указывать на всѣ плоды протестантизма: на эту богобоязненность жизни, на свободу критики въ немъ и высокое просвѣщеніе, которое отсюда вытекло—мы скажемъ, что все это видимъ и никогда не закрывали на это глаза. Мы спросимъ только: но христіанство, но духъ евангельскій, но то, чему учили насъ словомъ и жизнью Спаситель? Ничего нѣтъ у насъ: ни высокихъ подвиговъ, ни блеска завоеваній умственныхъ, ни замысловъ направить пути исторіи. Но вотъ передъ нами бѣдная Церковь, вокругъ—разсѣянные, около нея группирующіеся домики. Войдите въ нее и прислушайтесь къ нестройному пѣнію дьячка и какого-то мальчика, Богъ знаетъ, откуда приходящаго помогать ему. Сѣдой высокій священникъ служитъ всенощную. Посреди церкви, на аналоѣ, лежитъ образъ, и неторопливо тянутся къ нему изъ своихъ угловъ нѣсколько стариковъ и старухъ. Всмотритесь въ лица всѣхъ этихъ людей, прислушайтесь къ голосу ихъ. Вы увидите, что то, что *уже утеряно всюду*, что не приходитъ на помощь любви и не укрѣпляетъ надежду—*вѣра* живетъ въ этихъ людяхъ. То сокровище, безъ котораго не удержиимо изсякаетъ жизнь, котораго не находятъ мудрые, которое убѣгаетъ отъ безсильно жаждущихъ и гибнущихъ—оно свѣтится въ этихъ простыхъ сердцахъ, и тѣ страшныя мысли, которыя смущаютъ насъ и тяготятъ міръ, очевидно, никогда не тревожатъ ихъ умъ и совѣсть. Они имѣютъ вѣру, и съ нею надѣются, при ея помощи любятъ. Что въ томъ, что дьячекъ не внятно читаетъ на клиросѣ молитвы: но онъ вѣритъ смыслу ихъ, и тѣ, которые слушаютъ его, нисколько не сомнѣваются, что за этотъ смыслъ онъ умретъ, если будетъ нужно, и внидетъ въ царство небесное, какъ и всѣ они умрутъ и по дѣламъ своимъ примутъ мзду, къ которой готовятся.

Съ этимъ покоемъ сердца, съ этою твердостью жизни

можетъ ли что-нибудь сравниться, могутъ ли сравниться экзальтація протестантизма и всемірные замыслы великой и гибнущей церкви?

Церковь молится, — чего же еще надо?

И Церковь не только молится, но и дѣлаетъ свое дѣло. Она живетъ и творитъ жизнь отъ одного конца міра до другого.

Вотъ на сѣверѣ, въ Новой Землѣ, среди почти вѣчнаго мрака затеплился огонекъ благовѣстія. Это трудъ одного изъ многихъ апостоловъ Церкви—о. Іоны. На югѣ другой Іона—батюшка надъ „каторжниками“. Онъ отдалъ свою душу дѣлу возрожденія павшихъ, подонковъ общества — воскрешая ихъ *живой силой живой Церкви*. Далекю, на другомъ концѣ міра, въ Японіи трудится новый апостоль. И плодъ сѣянія его обилень. Онъ „ангелъ“ цѣлой Церкви, которая видитъ въ немъ святого. И это въ самомъ дѣлѣ святой носитель свѣта живого. И такіе носители свѣта есть и на западѣ, и на востокѣ.

Люди, по словамъ поэта, любятъ умѣютъ только мертвыхъ. И поэтому я назову только *мертвыхъ послѣднихъ дней*. Антонинъ Псковскій, Филиппъ Новгородъ-Сѣверскій, Петръ Пермскій, Амвросій Харьковскій—это все люди живого духа не по официальнымъ только некрологамъ, люди не аскетическаго только подвига, но хранители живой церковной правды. А вотъ какъ описываютъ мнѣ *шестіе одного изъ корчемниковъ Церкви среди паствы ея*. „При вѣздѣ въ каждую деревню святитель, рассказывали мнѣ, выходитъ изъ экипажа, всю деревню до Церкви онъ идетъ въ сопровожденіи народа. Поютъ. Владыка бесѣдуетъ. Бесѣдуетъ онъ въ церкви, потомъ продолжаетъ бесѣдовать со всякимъ желающимъ съ нимъ бесѣдовать. Народъ окружаетъ его,—такъ, какъ, навѣрное, *когда-то давно окружали Поликарпа или Іоанна*. Въ немъ совсѣмъ не видятъ пріѣзжей власти. Это только учитель“. (Макарій Томскій).

И такихъ много, очень много. А Алексѣй Колоколовъ и его Успенскій островокъ, который представляетъ маленькое царство Божіе среди эгоистическаго міра? Не опустѣли храмы. И они полны не равнодушными и случайными посѣтителями, а людьми живой вѣры. Въ тысячѣ мѣстъ всенародное пѣніе оглашаетъ храмъ. Въ тысячѣ мѣстъ раздаются

живое слово. Въ тысячѣ мѣсть храмъ становится школой не въ одни только часы богослуженія. А вотъ, въ одномъ, всѣмъ извѣстномъ уголкѣ, пастырѣ совершаетъ исповѣдь.

— Кайтесь, въ чемъ согрѣшили! — властно возгласилъ священникъ. Что произошло въ эти минуты, — читаемъ мы у одного очевидца, невозможно передать. Напряженіе достигло самой высшей степени и одинаково захватило всю массу. Это былъ ужъ не тихій и спокойный народъ, а море бушующее. Пламя огня, охватившее внутренность зданія, даетъ о себѣ знать сначала незначительными огненными языками, вырывающимися изнутри то тамъ, то здѣсь, и густыми облаками дыма. Потомъ, пробившись наружу, оно съ страшной силой поднимается вверхъ и почти мгновенно распространяется по всему зданію, перелетаетъ быстро на сосѣдніе дома. Въ эти минуты человѣку остается только безмолвно почти смотрѣть на совершающееся предъ нимъ. Нѣчто подобное представляла собою и толпа въ данный моментъ. Стоялъ страшный, невообразимый шумъ. Кто плакалъ, кто громко рыдалъ, кто падалъ на полъ, кто стоялъ въ безмолвномъ оцѣпенѣніи. Многіе вслухъ предъ всѣми исповѣдали свои грѣхи, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что ихъ всѣ слышали:

— Не молимся, ругаемся, сердимся, гнѣвливы, злы и т. п. доносилось изъ всѣхъ частей храма,

Священникъ стоялъ, глубоко растроганный и потрясенный всѣмъ. Онъ стоялъ молча, скрестивши руки на груди, стоялъ, какъ посредникъ между небеснымъ Судіей и кающимися грѣшниками, какъ земной судія совѣстей человѣческихъ. По лицу его катились крупныя слезы. Онъ закрылъ свое лицо руками, но и изъ-подъ нихъ капали на холодный церковный полъ крупныя слезы“. В. М. (Два дня въ Кронштадтѣ).

И дѣятелей на нивѣ Божіей много, кромѣ тѣхъ крѣпкихъ, стоящихъ веру горы. Священники тихо дѣлаютъ свое великое дѣло. Зашелъ я въ одно село въ моей родной епархіи *). Вижу: мужики дѣлаютъ кирпичи, — совершенно необычное занятіе. Притомъ день былъ праздничный. Я и спросилъ, что значитъ эта работа. „Да вотъ батюшка заста-

1) С. Т—о. А. у. Симб. еп.

виль. Зачѣмъ намъ, говорить, на нашъ храмъ деньги собирать по міру? Что дадутъ и пришлютъ—спасибо. А храмъ нуженъ и выстроить его должны мы. Давайте, дескать, сами всю нашу церковь построимъ своими трудами. Тогда и она для насъ будетъ и святѣе, и дороже. И молитва въ ней будетъ до Бога доходчивѣе. И мужики, дѣйствительно, выстроили храмъ собственными руками. И, конечно, этотъ храмъ не будетъ пустымъ. *Рабы Господни будутъ въ этомъ храмѣ.* И молитва ихъ будетъ настоящей горячей молитвой. Въ другомъ проселкѣ той же епархіи священникъ рѣшилъ, что въ ихъ селѣ не должно быть нищихъ. Стыдно, дескать, христіанамъ, когда ихъ же сосѣди у нихъ подъ окнами собираютъ милостыню. И вотъ, ради его, проникнутаго Христовою любовью слова, въ маленькомъ селѣ создается братство, которое дѣйствительно не позволяетъ нищенствовать, да, пожалуй, не однимъ только односельчанамъ. А помните „Попа Елисыя“ въ поэмѣ Случевского, который (попъ) заразился ухаживая за оспенными.

„Въ сѣрый потертый подрясникъ одѣтая
 Всюду виднѣлась фигура его,
 Слышалась рѣчь, теплотою согрѣтая,
 Близилося въ ликѣ попа божество
 Въ самую глубь, въ самый смрадь зараженья
 Попъ Елисей глубоко проникалъ;
 Ядомъ дыша, совершалъ причащеніе,³
 Раны заразные самъ обмывалъ.“

Эти факты не крупные и не кричащіе о себѣ. Но, вѣдь, самъ Василій Васильевичъ и заявилъ: „быть рассказаннымъ—не цѣль для человѣка, для него цѣль быть правымъ“. И среди нашихъ селъ найдутся тысячи такихъ тружениковъ, которые, какъ и Елисей, не желаютъ быть рассказанными, но которые правы предъ Богомъ за дѣло, данное имъ.—Недавно одинъ святитель обратился съ посланіемъ къ своей паствѣ, въ которомъ съ огненной силой упрекаетъ пастырей за то, что они забыли о нуждахъ паствы своей. Я знаю, что не безъ большихъ колебаній подписалъ святитель свое посланіе. Но онъ, наконецъ, рѣшился его послать. И это было выраженіемъ огромнаго довѣрія къ своей паствѣ и увѣренности, что пастыри, къ которымъ онъ обращается, живые дѣятели духа. Онъ зналъ, что это посланіе будетъ для нихъ „раскаленнымъ желѣзомъ“, будетъ принято съ болью, но не какъ оскорбленіе. Онъ зналъ, что говорить

„мудрымъ“ людямъ, которые живутъ для Бога и духа и поэтому станутъ *премудрѣйшими* оттого, что имъ „говорять ихъ вину“. Онъ зналъ, что касается огнемъ къ живой душѣ и душѣ не заснувшей, которая сумѣетъ понять, *отъ какого духа вышло огненное слово.*

И вѣрится, что Церковь, оклеветанная, но вѣчно живая съ каждымъ днемъ будетъ яснѣе для міра проявлять свою скрытую жизнь. Правда, несомнѣнная правда, что не совсѣмъ еще плодоносна церковная нива. Но на комъ лежитъ вина этой неплодоносности? Причина въ томъ, что изъ Церкви вышли, покинули долгъ церковнаго дѣланія тѣ, которые могли бы много сдѣлать для созиданія тѣла Церкви. Уже давно въ „избылыхъ“ русская интеллигенція, которая давно отправилась на страну далече искать другого, культурнаго идеала, внѣ церковнаго идеала русскаго народа. А съ уходомъ избылыхъ, конечно, должна была оскудѣть церковная нива, а еще больше должна была показаться оскудѣвшей потому что вниманіе рѣдко опускается внизъ, въ народъ а скользитъ по поверхности, наблюдая церковную жизнь только тамъ, гдѣ проявленіе ея пока по необходимости слабо или менѣе интенсивно, т. е. среди той же, ищущей иного идеала, интеллигенціи. Розановъ жалуется, что онъ только пассажиръ и не можетъ помочь спастись гибнущему судну. Но въ томъ-то и дѣло, что сдѣлались пассажирами тѣ, которымъ должно быть дѣлателями. На Валаамскихъ и Соловецкихъ корабляхъ, если онъ хочетъ знать, матросы большею частью не послушники монастыря, а *міряне трудники, пришедшіе сюда хотъ на годъ или на два ради спасенія.* И Церковь хочетъ, чтобы такіе же трудники пришли помочь ей раздавать свѣтъ міру, устроить царство небесное среди этого міра. Церковь Православная тѣмъ и отличается отъ католичества или протестантства, что считаетъ каждого вѣрующаго созидателемъ жизни церковной, творцомъ этой жизни. И давно она усиленно зоветъ, съ болью въ сердцѣ, интеллигенцію вернуться къ этому идеалу строенія народнаго, которое предлагаетъ Церковь, быть помощниками Церкви въ этомъ строеніи, вступить въ тѣло Церкви въ качествѣ живыхъ членовъ, восполняющихъ полноту жизни церковной.

Давно уже одинъ народъ, какъ огромный балластъ, лежащій въ глубинѣ нашего корабля, даетъ этому кораблю его

прямое и могучее движеніе, не смотря ни на какія вѣтры и бури? Но для того, чтобы ширилась и богатилась жизнь, нужны и здоровыя силы народныхъ верховъ—интеллигенціи! Нужно помнить, пишетъ Рачинскій, „что мы не католики, что въ церковныхъ вопросахъ мы не имѣемъ права отдѣлять себя въ качествѣ безсильныхъ, ни за что не отвѣтственныхъ мірянъ, отъ непогрѣшимаго, всѣмъ управляющаго клира. Вѣдь Церковь—это также мы... Будемъ откровенны, будемъ искренни. Для многихъ-ли изъ насъ вопросы вѣры—вопросы жизни? Легко ссылаться на петровскія реформы, на цѣлый рядъ правительственныхъ постановленій, будто бы облекшихъ нашу Церковь въ мертвящія формы казеннаго вѣдомства... Зло не въ мѣрахъ правительства, а въ медленномъ, по большей части безсознательномъ отпаденіи отъ Церкви всего, что у насъ есть образованнаго богатаго, властнаго. Дивиться-ли тому, что это отпаденіе, у людей образованныхъ обставленное всѣми приличіями сдержанной недосказанности, въ подражающей имъ полуобразованной массѣ выражается безобразнымъ кощунствомъ или грубымъ лицемѣріемъ? Дивиться-ли приниженному матеріально и нравственно положенію нашего духовенства? Дивиться скорѣе нужно тому, что у насъ встрѣчаются священники, и число ихъ не мало, въ тишинѣ и смиреніи совершающіе свое святое дѣло, за которое никто никогда не скажетъ имъ спасибо! (Сельская школа С. А. Рачинскаго. 40).

„Говорять, что церковь наша безжизненна“ — пишетъ Гоголь, Это ложь.

Церковь—это послѣдняя инстанція въ дѣлѣ нравственнаго развитія человѣка,—это среди насъ единое здоровое тѣло. „Церковь наша—это и есть сама жизнь. Мы трупы, а не церковь наша“. Но можетъ быть кто спроситъ насъ: а сдѣлала ли ваша церковь васъ лучшими? Можетъ быть и не сдѣлала, но она ли виновата, что мы шли все время мимо нашей церкви и едва знаемъ ее даже и теперь?

Мы владѣемъ сокровищемъ, которому цѣны нѣтъ, и не только не заботимся о томъ, чтобы это почувствовать, но не знаемъ даже, гдѣ положили его. Нѣтъ, эта церковь, которая, какъ цѣломудренная дѣва, сохранилась одна только отъ временъ Апостольскихъ въ непорочной первоначальной чистотѣ своей, эта церковь, которая вся, съ своими глубокими догматами и малѣйшими обрядами наружными какъ бы

снесена прямо съ неба для русскаго народа, въ силахъ разрѣшить всѣ узлы недоумѣнія и вопросы наши и только она одна въ силахъ. Свѣтъ христіанской мудрости, который одинъ только можетъ освѣтить мракъ и внести порядокъ въ хаосъ и нестроеніе современной жизни, сохраняется невредимо въ православной восточной церкви. „Какъ евангельская Марія“, эта церковь смиренно сѣла при стопахъ Спасителя и внимала словамъ Его, отложивъ всѣ попеченія о земномъ, въ то время, какъ западная, подобно хлопотливой Марей, „хлопотала“ около людей, примѣняясь ко всѣмъ обстоятельствамъ времени, духа и привычекъ.

Въ нашей церкви сохранилось все, что нужно для общества, просыпающагося отъ оргіи *struggle for life*'а. Въ ней заключено все, что нужно для жизни истинно русской, Христовой жизни во всѣхъ ея отношеніяхъ... Въ ней дорога и путь, она одна можетъ и дать программу жизни и силы выполнить эту программу. Въ ней и путь къ просвѣщенію, къ цѣлостной всесторонней культурѣ. Нѣтъ, церковь не трупъ,—заканчиваетъ Н. В. Гоголь,—она *жива* и, какъ *вѣчно живая*, она совершитъ дѣло свое, подниметъ высоко надъ суетой міра свѣточъ вѣры, огненными буквами на облакахъ напишетъ заповѣди любви. „Уже готовится она“, говоритъ Гоголь, вдругъ вступить въ полныя права свои и засіяетъ свѣтомъ на всю землю... Уже какимъ то невѣдомымъ путемъ наши свѣтскіе люди начинаютъ слышать, что есть какое то сокровище, отъ котораго спасеніе, которое среди насъ и котораго не видимъ.

Блеснетъ сокровище, и на всемъ освѣтится блескъ его. И при помощи Церкви, вѣритъ Гоголь, воскреснетъ для новой, свѣтлой, человѣческой, разумной жизни уставшее отъ сомнѣній человѣчество: „не умретъ изъ нашей старины ни зерно того, что есть въ ней истинно-русскаго, и что освящено Самимъ Христомъ. Разнесется звонкими струнами поэтовъ, развозвѣстится благоухающими устами Святителей, вспыхнетъ померкнувшій свѣтъ любви смиренной и возсіяетъ свѣтъ Христовъ.

Положеніе нашей церкви опасно—но опасно оно не для самой церкви,—ея побѣдоносная жизненность проявляется и теперь для всякаго, кто имѣетъ глаза, чтобы видѣть,—уши, чтобы слышать. Оно опасно для тѣхъ, которые отъ нея отпали. (Рачинскій).

До сихъ поръ интеллигенція еще въ „избыльхъ“—но долго ли это будетъ? Такимъ образомъ, мы вернулись къ вопросу, поставленному въ началѣ нашихъ „откликовъ“. Какой долженъ быть отвѣтъ? Читатель, навѣрное, думаетъ, что нашъ отвѣтъ будетъ отрицательнымъ. «Тревожная ночь», характеризуя отношеніе интеллигентовъ къ Церкви, повидимому, показываетъ, что «избылье» дальше отъ Церкви, чѣмъ когда-либо. Я думаю, что это не такъ. Что значить эта вакханалія на мѣстѣ святомъ? Я такъ понимаю ея смыслъ. Интеллигенція, уставшая въ поискахъ подлинной жизни, поняла, что тотъ путь, которымъ она хотѣла создать народно-культурный идеаль безъ народа, не вѣдая души его, не сливаясь съ этою душою въ одномъ духовномъ сознаніи, не истинный путь. Они увидѣли, что наги, и убоялись. И вотъ предъ ними теперь встала необходимость поклониться тому Богу, алтари Котораго они сжигали, Церкви, какъ единой носительницѣ народнаго сознанія и истинно народнаго культурнаго идеала. Бывшіе избылье уже сознають силу и власть этого церковнаго идеала. И мысль о необходимости поклониться ему пугаетъ ихъ. Колѣна подгибаются насильно—но поклониться не хочется... *И ужасъ предъ необходимостью поклониться вызываетъ богохульство.* «Исусе, Сыне Давидовъ, зачѣмъ Ты мучаешь меня»—это крикъ бѣснующаго передъ тѣмъ, какъ изыти бѣсу. Я думаю, что Василій Васильевичъ котораго я глубоко уважаю и болѣе, чѣмъ уважаю, простить мнѣ это сравненіе.

Пусть пока они поклоняются предъ розовымъ прошлымъ языческой Греціи и падаютъ ницъ предъ Астартой „милой“. Но, вѣдь, это наркозъ, намѣренное одурманиваніе себя, опьяненіе выдуманнмъ язычествомъ. Это пройдетъ, и язычникъ поклонится предъ истиной.

Теперь эта толпа слѣпородженныхъ еще проходитъ мимо церкви, которой не видитъ и не можетъ увидать въ искусственно вызванномъ опьяненіи минуты, она безумствуетъ, закрывъ глаза, слишкомъ пока еще довольная, *слишкомъ слепая* толпа. Пройдутъ эти минуты безумнаго, пьянаго, самовнушеннаго веселья, почувствуется низменность и полная искусственность этого языческаго счастья и «тогда люди сами увидятъ, гдѣ имъ должно быть. Въ храмъ, горящій свѣчами, теплящійся молитвами, о *нихъ* молитвами, они войдутъ и возь-

муть предуготовленные для них свѣчи и поклонятся всѣ Единому Богу».

И когда это будетъ, когда ищущая интеллигенція вступить въ качествѣ трудниковъ на церковное судно, то это судно смѣло и прямо пойдетъ къ тому идеалу, къ какому ведетъ его великій Его Кормчій.

Сіе и буди, буди. Да поможетъ ищущимъ тотъ же Кормчій—Христось и подастъ имъ «свѣтъ разума»! А церковь полная упованія будетъ молиться за нихъ. Она не боится за себя, «Спокойнымъ окомъ зреть она, какъ вѣкъ за вѣкомъ, волна за волною, гроза историческихъ тревоженій, потоки страстей и мыслей человѣческихъ, клубятся и мечутся вокругъ камня, на которомъ она утверждается; зреть и не смущается ибо вѣрить въ его несокрушимость. Камень этотъ —Христось“ (Хомяковъ).

Но да будетъ исканіе ихъ въ церкви.

Исканіе благодати за оградой церкви опасно и бесплодно. Я имѣю два документа о скорбныхъ результатахъ исканія правды не въ церкви. Съ однимъ я хочу познакомить читателя теперь же.

На югѣ, въ предѣлахъ всей Воронежской губ. недавно имѣло мѣсто такое событіе. Хлысты, точнѣе штудно-хлысты (секта полумистическая съ сильно выраженнымъ раціонализмомъ) размѣнялись между собою женами. Ранѣе они жили съ женами, вѣнчаными въ православныхъ церквахъ, но теперь пришелъ указъ Верховнаго Бога бросить ихъ потому что онѣ законныя, а мы, дескать, „нѣсьмы подъ закономъ но подъ благодатію“.

И вотъ, стоящіе подъ воздѣйствіемъ благодати сверхзаконной, бросили женъ и дѣтей. Многіе размѣнялись женами съ родными братьями, близкими родственниками.

Сотни дѣтей оказались на улицахъ, живутъ Христовымъ именемъ, такъ что вновь назначаемый воронежскій, епархіальный миссіонеръ, какъ необходимѣйшую первую мѣру со стороны миссіи видитъ въ учрежденіи *пріюта—яслей для брошенныхъ хлыстовскихъ дѣтей.*

Спасибо ему: едва ли даже враги миссіи что нибудь скажутъ противъ такого *начала* и вообще такого направленія миссіи.

Заговоривши о новомъ миссіонерскомъ методѣ, я рѣшаюсь въ заключеніе „откликовъ.“ отклониться отъ чисто церковныхъ темъ и хочу пригласить всѣхъ къ той же миссіи, примѣръ которой подаетъ Воронежъ.

Хочу призвать ради праздника Рождества Спасителя міра, ради яслей Его, помочь дѣтямъ.

Это—наша общая миссія. „Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга.“—„По сему узнають, что вы ученики мои.“ и значитъ, это „дѣланіе“ будетъ въ тоже время *проповѣдью, миссіонерствомъ.*

Не помню, когда и гдѣ, въ какой то очень распространенной иллюстраціи видѣлъ я картину.

Ярко освѣщенное зало богатаго дома. Среди комнаты горитъ милліонами разноцвѣтныхъ огней красавица елка.

Она вся точно осыпана золотымъ или серебрянымъ дождемъ.

Десятки дѣтишекъ съ возбужденными счастьемъ личиками ждуть праздничныхъ подарковъ. Вдали счастливые родители любятъ радостью своихъ дѣтей.

А за окномъ съ улицы стоитъ женщина въ рубищѣ, съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ. Слезы горя крупными каплями текутъ по щекамъ.

Ребенокъ смѣется и тянется рученками къ свѣтлымъ огонькамъ.

Эта простенькая картинка, не знаю почему, произвела на меня глубокое впечатлѣніе и я „убранныхъ елокъ теперь не люблю“.

Скоро праздникъ. И у васъ, мои слушатели, можетъ быть скоро радостно загорятся веселые праздничные огни, и у васъ засверкаетъ красными и синими огоньками загубленная для дѣтской потѣхи елочка...

Что-же? Я не хочу призывать на васъ грома небесные за то, что вы хотите дать нѣсколько лишнихъ счастливыхъ минутъ своимъ дѣтямъ и сами хотите порадоваться ихъ радостью. Пусть будетъ такъ...

Я хочу только, чтобы среди праздничнаго веселья вы не забывали одного: не забывали, что есть люди, которымъ не такъ весело, какъ вамъ.

Подойдите къ окну и посмотрите туда, на улицу.

Какъ тамъ жутко, темно и холодно.

Тамъ, за окномъ—и голодъ, и холодъ и тьма, безпросвѣтная тьма.

Тамъ городъ—глубокое, бурное море лютыхъ, тяжелыхъ, гнетущихъ невзгодъ, море обмана, разврата и горя...

И какъ много гибнетъ въ мутныхъ волнахъ этого моря
Всмотритесь попристальнѣе... Вонъ, совсѣмъ не далеко отъ вашихъ оконъ и та женщина съ ребенкомъ... Она все еще на улицѣ, потому что ей некуда идти.

Смотрите. Полезно присматриваться къ людскому горю. Можетъ быть, контрастъ между яркимъ свѣтомъ „у васъ“ и „тьмою внѣшнею“ наведетъ васъ на хорошія мысли.

И захочется вамъ избытокъ свѣта, теплоты и счастья отнести туда, въ уличный холодъ и мракъ.

Тамъ ждутъ. И ангелы на небѣ ждутъ счастливой минуты, когда имъ снова можно будетъ запѣть ту великую пѣснь, какой привѣтствовали они рождающагося Бога...

„Слава въ вышнихъ Богу... на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе“.

Г. Михайль.

Читателю К. Н. Ч. Невнимательно читаете вы. Вы обвиняете меня въ томъ, что я „возстаю противъ своего“—(о. Петрова). Я не имѣлъ еще счастья слышать о. Петрова лично. Въ его брошюрахъ, я не нашелъ ничего, что бы позволяло считать его „новымъ христіаниномъ“ безъ Христа и объ этомъ *заявляю* въ примѣчаніи къ статьѣ.

Я очень досадую на о. Петрова за то, что онъ, оригинальный, даровитый поставилъ *свое имя* на бездарномъ романѣ иноземца Шельдона,—но обвинять его въ отступничествѣ отъ Евангельскаго христіанства я не имѣю никакихъ оснований. А я, по возможности, стараюсь не забывать 9-ую заповѣдь: „непослушествоуй надругатвоего свидѣтельства ложна...“

Мало того—я нахожу, что если ранѣе о. Григорій и могъ производить впечатлѣніе тоже—„новаго христіанина“ то это тогда когда онъ еще не сталъ „самимъ собой“—когда онъ еще учился. Его статьи позднѣйшаго времени кажется мнѣ стали и бесконечно глубже—и бесконечно церковнѣе.

Г. Михайль.

Со скрижалей сердца.

Редакціонное послѣсловіе по поводу окончанія седьмой годовщины изданія «Миссіонерскаго Обзорѣнія». — Письмо священника. — Новое наше изданіе сборниковъ: Современный расколъ.

Страницами, посвященными настоящимъ „Скрижалямъ сердца“, заканчиваемъ мы *седьмую* годовщину изданія «Миссіонерскаго Обзорѣнія». Прошло *семь* (священное число) лѣтъ нашего редакторскаго и издательскаго труда,—труда тяжелаго, боевого, — безъ ослабы и передышки надрывавшаго и сердце, и нервы, изнурявшаго силы духа и тѣла!.. Тѣмъ не менѣе мы заканчиваемъ годовщину съ бодрымъ духомъ, съ горячею вѣрою въ правду и пользу миссіонерскаго дѣла, съ благоговѣйною молитвою къ благодѣявшему намъ Господу Богу, съ искренно признательными чувствами къ соротникамъ, читателямъ и почитателямъ «Миссіонерскаго Обзорѣнія»,—архипастырямъ и пастырямъ, давшимъ намъ своимъ безцѣннымъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ нравственныя и матеріальныя силы и средства постепенно развивать, а нынѣ широко и прочно поставить изданіе миссіонерскаго органа...

Напомнимъ читателямъ, что нашъ журналъ до конца этой седьмой годовщины былъ *первымъ* въ русской печати *противосектантскимъ* періодическимъ изданіемъ, а по отзывамъ критики, и *единственнымъ* въ духовной нашей журналистикѣ, по своей программѣ и характеру, миссіонерскимъ органомъ, такъ широко и полно охватившимъ *всю* виды и стороны *внутренней миссіи* нашей Церкви. Предшественниками «Миссіонерскаго Обзорѣнія» были блаженной памяти журналы «Истина», «Другъ Истины» и «Братское Слово». Но эти миссіонерскія изданія служили исключительно интересамъ одной лишь *противораскольничьей миссіи*. Избранный нами для «Миссіонерскаго Обзорѣнія» путь и разставленные на немъ вѣхи, въ формѣ пунктовъ программы (къ слову сказать,—совершенно самостоятельной, незадѣвавшей интересовъ и задачъ другихъ изданій) юнаго тогда миссіонер-

скаго органа, несовпадали съ путями своихъ предшественниковъ, судьба которыхъ и не могла вдохновлять насъ, ибо первыя два изданія завяли, не успѣвши разцвѣсть, почтенное же «Братское Слово», добръ потрудившись, сдѣлавъ безцѣнный вкладъ въ миссіонерскую сокровищницу, въ трудахъ двухъ огромныхъ талантовъ: о. Павла Прускаго и Н. И. Субботина, четыре года назадъ также сложило свое оружіе, утомившись въ борьбѣ за существованіе.

Взятый нашимъ журналомъ путь, мы предварительно изучали и доселѣ внимательно изучаемъ, со стороны его направленія и ближайшихъ насущныхъ нуждъ, стоя у самаго біенія пульса церковно-народной жизни, во время практическаго нашего миссіонерства въ обширномъ районѣ многихъ епархій, въ живомъ служебномъ общеніи съ духовными врачами немощныхъ чадъ Церкви,—съ пастырями-миссіонерами, а равно и съ самими болящими, требующими миссіонерской помощи. Поставивъ нашимъ издательскимъ девизомъ—*журналъ для подписчиковъ и читателей*, мы всемѣрно старались и будемъ впредь стараться, чтобы «Миссіонерское Обзорѣніе» обсуживало *дѣйствительныя* нужды современной церковно-общественной жизни... Можетъ быть труды, помѣщаемыя на страницахъ «Миссіонерскаго Обзорѣнія» вельми ученымъ людямъ и кажутся не всегда учеными и глубокомысленными и вообще — не „академичными...“ Пусть такъ... Но это отъ того, что мы всячески сторонимся сухой схоластики, тяжеловѣсной, пространной учености, и совсѣмъ не считаемъ за науку — переливаніе изъ пустыхъ нѣмецкихъ книгъ въ пустопорожня мѣста русской словесности... Держимся же мы того убѣжденія, что живая мысль, краткій, и по возможности художественный языкъ пріятнѣе длинныхъ рѣченій, что говорить просто и искренно о *злобахъ* дня, о насущныхъ нуждахъ полезнѣе, чѣмъ мудрено трактовать на темы: «что бы было, если бы ничего не было»... Но въ томъ то и тяжесть труда по изданію «Миссіонерскаго Обзорѣнія», что взятое имъ направленіе и путь, оказались въ духовной нашей литературѣ совсѣмъ *непроторенными*, и проходить его нужно то по зыбкой почвѣ, то среди дремучаго лѣса, то между грозныхъ стремнинъ...

Напомнимъ также, что изданіе «Миссіонерскаго Обзорѣнія» началось въ 1896 г., когда уже поднимались и давали

себя чувствовать буйные вѣтры интеллигентнаго антагонизма и предубѣжденности противъ Церкви и ея установленій, противъ духовенства и дѣятелей миссиі. Выразителемъ этого антагонизма явилась свѣтская пресса, энергично взявшаяся объять угнетенную невинность расколо-сектантства и всячески грязнить служителей алтаря, дѣятелей церковной школы и миссиі. Припомните въ 1897 г. газетные громы и молніи, по поводу передернутыхъ, извращенныхъ газетами постановленій 3 всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда въ Казани и походъ по дѣлу, созданному письмомъ гр. Толстого, о самарскихъ отобранныхъ молоканскихъ дѣтяхъ... Казалось, что миссіонерство интеллигенты и писатели избрали „козломъ отпущенія“ за всѣ грѣхи духовнаго вѣдомства, а почтенное имя миссіонера обратили въ ругательную кличку.

«Миссіонерское Обозрѣніе» должно было и само принимать раны и наносить ихъ противникамъ, отстаивая честь и права не оснащенного, никѣмъ и ничѣмъ не защищеннаго молодого миссіонерскаго института и доказывать, что объляемые расколъ и секты—на самомъ дѣлѣ явленіе темное и больное. И за это хвалящіяся свободою, но въ сущности нетерпимые фанатики интеллигенты сопричислили насъ къ лику Торквемадъ, а между строкъ «Миссіонерскаго Обозрѣнія» писателямъ «того» лагеря чудились образы оритыхъ іезуитовъ... А между тѣмъ, жестокость, насиліе, іезуитизмъ такъ же противны открытому, искреннему направленію „Мисс. Обозр.“, какъ ладонь бѣсамъ.

Но вотъ наступило еще болѣе трудное для миссиі время открытаго вызова, по адресу невѣрующей интеллигенціи, провозглашеніемъ гр. Л. Н. Толстого отпадшимъ отъ Церкви еретикомъ. «Миссіонерское Обозрѣніе» и здѣсь должно было выступить передовымъ борцемъ съ толстовствомъ и истолкователемъ смысла и значенія акта св. Синода—съ одной стороны для взволнованной, возмущенной части общества, съ другой—для неосвѣдомленной на счетъ еретичества гр. Толстого. Какъ нашъ органъ выполнилъ задачу этой миссиі, судить не намъ.

Толстовская же эпопея дала намъ поводъ и побужденіе выдвинуть на первый планъ вопросъ о миссиі среди интеллигенціи. Первый призывъ къ этому раздался со страницъ «Миссіонерскаго Обозрѣнія» въ статьѣ нашего почтеннаго сотрудника о. Іосифа Фуделя.

И нужно сказать, что призывъ этотъ оказался какъ нельзя болѣе благовременнымъ: на него охотно отозвались и интеллигенты, съ заявленіемъ своихъ претензій и требованій въ отношеніи къ Церкви и ея представителямъ—духовенству, выливши, конечно, при этомъ много, съ позволенія сказать, помоевъ. Духовенство и защитники Церкви въ свою очередь откликнулись чистосердечнымъ выясненіемъ неправоты интеллигенціи предъ Церковью и народомъ. Завязалась живая духовно-литературная полемика, своего рода гласный судъ надъ той вѣковой тяжбой, которая таится у интеллигенціи или подкрадывается, какъ змѣя подколотная, подъ основы Церкви, подъ авторитетъ духовенства, подъ оплотъ вѣры народа. «Миссіонерское Обзорѣніе, какъ вы, читатели, сами знаете широко раскрыло свои страницы для статей *pro* и *contra*. Мы свято оберегаемъ принципъ «*audiat et altera pars*» и безбоязненно помѣщали статьи *за* и *противъ*, дабы наши читатели сами увидѣли своихъ враговъ и друзей, свои слабости и силу.

Со скорбію сердца помѣщали мы статьи похулительныя въ отношеніи духовенства, зная, что отраженіе въ сущности легковѣсныхъ ударовъ разбудитъ совѣсть вашихъ, отцы-читатели, обвинителей, а главное — освѣтитъ истину. И мы не ошиблись. Въ доказательство того, что „Мисс. Обзор.“ сослужило въ этомъ году свою службу духовенству, приведемъ одно изъ характерныхъ писемъ въ редакцію нашего читателя.

„Спаси васъ Христось, спаси васъ Христось, дорогой нашъ защитникъ Василій Михайловичъ, что правды не таите и неправды не прикрашиваете, спаси васъ Христось, что истина дороже вамъ благочестиваго обмана. Откровенно скажу, люблю я читать въ вашемъ журналѣ тѣ строки, въ которыхъ гг. интеллигенты казнятъ насъ, священниковъ, за нашу лѣнь, за наше нерадѣніе, за наше самомнѣніе, за нашу корыстность. Такъ насъ и надо.

„Спасибо вамъ, братцы, русскіе интеллигенты и русскіе писатели. Не за клевету спасибо, не за намѣренныя, сознательныя и злостныя гиперболы. Спасибо, не за гордое презрѣніе, спасибо—за правду, спасибо за искренность, спасибо за жажду добра и вѣры, спасибо за любовь къ народу русскому.

„Бейте насъ, казните насъ, будите насъ, выставляйте на показъ наши раны. Это намъ полезно. Намъ надо лѣчиться, а нужнѣй всего не заражать прочихъ, А кто скажетъ намъ

объ нашихъ порокахъ и недостаткахъ, кромѣ васъ? Народъ? Да, онъ говоритъ, говоритъ давно и громко, но мы ему не вѣримъ. Мы сами собой довольны. Теперь попробуйте, скажите вы... Судите насъ, обличайте; но при этомъ одного просимъ—не милости, не снисхожденія—*правды*. Не судите на лица, гнѣвайтесь и не согрѣшайте.

„Не клеймите насъ презрѣніемъ—это не по Божью, и не гуманно и по результатамъ вредно.

„Братцы! вѣдь мы такими стали—отъ васъ; каковы вы, таковы *отчасти* и мы; грѣхи 140 миллионнаго народа не возлагайте на плеча 60—70-ти тысячъ священниковъ и не приходите отъ этого въ бѣшенный ужасъ.

„Кто насъ сдѣлалъ такими!..

„Такъ то, братцы—вы къ намъ, мы къ вамъ со всею строгостью, непременно со строгостью, но не съ надмѣнной, не-премѣнно со строгостью, но съ справедливой, внимательной. Пусть въ обоихъ лагеряхъ царствуетъ Богъ и правда, а не сатанинская гордость, злоба и нетерпимость.

„Еще разъ благодарю васъ отъ души, г. редакторъ, за ваше сердечное служеніе Церкви.

„Дай Господи вамъ здоровья, чтобъ долго поработать, дай Господи помощниковъ и защитниковъ свято-русской Церкви.

Аминь.

Сельскій іерей Михаилъ Платоновъ.

Выражая откровенно, эти наши нахлынувшія въ сердце чувства, при воспоминаніи о скорбяхъ и радостяхъ истекшаго *семилѣтія*, мы не на минуту не забываемъ собравшейся подъ знамя миссіи, сплотившейся вокругъ ея литературнаго органа миссіонерской дружины (ежегодно въ „Миссіонерскомъ Обозрѣніи“ работаетъ до *ста* сотрудниковъ), — ей мы обязаны относительнымъ успѣхомъ „Мис. Обозр.“. Благодаря трудамъ этой дружины, одушевленной своимъ миссіонерскимъ дѣланіемъ, какъ славнымъ подвигомъ служенія Церкви и родинѣ, литературно-миссіонерскій издательскій путь теперь уже значительно прочищенъ и углаженъ. Теперь по той же дорожкѣ, по которой пошло „М. О.“, можно безъ особаго опасенія сломать себѣ голову (даже и при густомъ туманѣ) пуститься въ путь, стоять лишь поближе держаться проторенныхъ тропинокъ, да имѣть отвагу... Теперь идти куда ужъ легче... А поприще обширно, — непросвѣтной тьмы въ дебряхъ расколосектантства много, много и сору на миссіонерскомъ

пути и жатва многа... Выходите же, новые жнецы—добро пожаловать...

Всякое *благородное* соревнованіе, ради славы Имени Божьяго, на пути искренняго служенія священнымъ для насъ задачамъ миссіи, дорого „Мисс. Обзорнiю“. Зажигайте *свои* свѣтильники мы не гасители ихъ, давайте свѣту, свѣту побольше въ непроглядную тьму, царящую въ дебряхъ раскола и секты!

Все сіе говоря, опасаемся упрека „въ нещеваніи вины о грѣсѣхъ“. А кто Богу не грѣшенъ, Царю не виновать... И мы вовсе не обольщаемая успѣхами „Мис. Обзор.“ и сами знаемъ, какъ много недочетовъ и грѣховъ въ нашихъ издательскихъ миссіонерскихъ трудахъ. Не одни похвалы намъ пишутъ, но и горькіе упреки. Вотъ, напр., завзятые расколофилы, — они склонны не признавать даже никакого значенія, никакихъ заслугъ за „Мис. Обзор.“ для противораскольничьей миссіи. Горько они плачутся и *воютъ*, что де, съ закрытіемъ „Брат. Слова“, противораскольничья миссія въ безпомощномъ положеніи, что расколовѣдамъ негдѣ ни писать, ни читать, а миссіонеры не умѣютъ, какъ и чѣмъ защищаться, ибо раскольничьи тетрадки и сочиненія, во множествѣ нынѣ появляющіяся, остаются де безъ разбора и опроверженія., что противораскольничій отдѣлъ въ „Мис. Обзор.“ въ запущеніи и проч. и проч.

Особенно хвалиться заслугами предъ раскольничьей миссіей, конечно, не смѣемъ, но возразить на эту, думается намъ, во многомъ фарисейскую іереміаду расколовѣдовъ-специалистовъ кое-что имѣемъ.

Когда достопочтенное „Брат. Слово“ существовало, „Мис. Обзор.“ держалось въ отмежеванной своей полостѣ, какъ органъ противосектантской миссіи. Раскола мы касались только изрѣдка, — выдающихся явленій, какъ равно „Брат. Слово“ изрѣдка только касалось сектантства.

Съ прекращеніемъ изданія „Брат. Слова“, съ разрѣшенія Св. Синода, „Мис. Обзор.“ приняло подъ свою литературную опеку и противораскольничью миссію. *)

Конечно, „Мис. Обзор.“ не могло замѣнить „Брат. Слова“,

*) Веленіе этого отдѣла поручено было нами расколовѣдамъ специалистамъ—СПБ. епархіальному миссіонеру Чельцову, а позже бывшему олонецкому миссіонеру г. Плотникову.

да его и никакой другой журналъ не замѣнить, ибо для этого нужно воскресить о. Павла Пруссаго и возвратить къ дѣлу изданія проф. Субботина. Но вѣдь и у насъ въ журналѣ помѣщались, наравнѣ съ противосектантскими, и статьи по расколовѣдѣнію и обличенію, — всего 5—7 статей въ книжкѣ, или отъ 3—5 печатныхъ листовъ въ мѣсяцъ. Мы не упустили, кажется, изъ виду ни одного новаго выдающагося событія и явленія изъ жизни современнаго раскола? Мы нарочно не выдѣляли въ особый отдѣлъ статьи по расколу, а помѣщали ихъ на ряду съ другими, дабы тѣмъ подчеркнуть въ глазахъ читателей *равноправность* противораскольничьей миссіи съ противосектантской, сдѣлать „Мис. Обзор.“ органомъ *всей* внутренней миссіи и тѣмъ заставить каждаго читателя, ища нужныхъ ему статей, невольно поинтересоваться, нехотя заглядывать и въ раскольничьи труды, которыми по какому-то предубѣжденію мало интересуются наши пастыри, считая все касающееся раскола чѣмъ-то оч. скучнымъ, заплѣснѣлымъ, мертвымъ. Можетъ быть по этой причинѣ спеціально-раскольничьи органы не живучи и не популярны.

А насколько правды, что спеціалистамъ писателямъ о расколѣ якобы негдѣ нынѣ писать, читатели могутъ убѣдиться по журналамъ послѣднихъ лѣтъ. Для хорошихъ противораскольничьихъ писателей, — всѣ журналы открыты, — посмотрите, проф. Субботинъ пишетъ и въ „Вѣрѣ и Церкви“, и въ „Душеполезн. Чтеніи“, и въ „Церк. Вѣд.“. Въ Рязани существуетъ „Мис. Сборникъ“, — въ Кіевѣ „Руководство для сельск. пастырей“, которые очень гостепріимно относятся къ статьямъ по миссіи. По почину миссіонерскихъ сѣвздовъ во многихъ „Епархіальныхъ Вѣдом.“ открыты спеціальные, миссіонерскіе отдѣлы. Такъ что, по нашимъ наблюденіямъ, никогда не было такого оживленія въ миссіонерской литературѣ вообще, въ раскольничьей въ частности — какъ въ послѣдніе годы.

А что касается разбора раскольничьихъ тетрадокъ, то за мухой не угоняешься съ обухомъ и ни одна редакція, дорожащая жизненостью своего журнала, не будетъ заполнять свои страницы этимъ громоздкимъ балластомъ и увѣсистымъ булыжникомъ, какими являются всѣ протяженно-сложенныя произведенія раскольничьихъ апологетовъ и нашихъ изобличителей ихъ. Этого, по правдѣ сказать, и мы

всегда опасались, памятуя свой девизъ—*журналъ для читателей*, а не для писателей.

Однако, говорятъ, нужда, потребность... Расколъ—дерзающая и уповающая сила, съ которою надо сражаться всячески,—не пренебрегая и булыжникомъ... И мы эту силу раскольничью не хуже другихъ и знаемъ, и понимаемъ, а все-таки засорять и отягощать страницы „Мис. Обзор.“ булыжникомъ не станемъ... А разъ нужда, то мы нуждѣ помочь всегда готовы. — Съ 1903 г. мы рѣшили выпускать по-нѣскольку, (смотря по мѣрѣ накопленія матеріала и по количеству требованій) **повременныхъ выпусковъ, посвященныхъ специально расколовѣднію и расколообличенію, подъ заглавіемъ: Современный расколъ.**

Въ сборникахъ „*Современный расколъ*“ мы будемъ помѣщать статьи строго спеціальнаго характера, какъ напр. матеріалы по общей и мѣстной исторіи раскола, разборъ современныхъ сочиненій раскольничьихъ апологетовъ, отвѣты на раскольничьи вопрошенія,—литургическія статьи объ особенностяхъ древле-русскаго православнаго (до-никоновскаго) и нынѣшняго раскольничьяго богослуженія, статьи каноническаго характера.

Въ содержаніе—*перваго выпуска*, (который выйдетъ въ февралѣ), „*Современнаго раскола*“ войдутъ, между прочимъ,—статьи: Нижегород. мис. Ѳ. Д. *Крулова*.— „*Торжество ересей въ австрійскомъ расколѣ*“, Костром. мис. Свящ. І. *Чередникова*.— „*Разборъ Блюкриницкаго устава*“, Минск. мисс. свящ. К. *Попова*.— „*Саратовскій расколъ*“, Ставропол. мисс. свящ. С. *Никольскаго*.— „*Изъ архива раскольничьяго архіерея Силуана*“ и др.

Мы поставили себѣ цѣлью изданіемъ повременныхъ выпусковъ „*Современный расколъ*“ послужить возможно больше интересамъ противораскольничьей миссіи и въ частности нашимъ подписчикамъ, пастырямъ приходовъ, зараженныхъ расколомъ и миссіонерамъ противораскольничьимъ, всемѣрно облегчивъ имъ возможность къ приобрѣтенію всего, что можетъ и должно интересовать специалистовъ по расколовѣднію и расколообличенію.

Подписчики „Мисс. Обзор.“ за сборникъ платятъ *половинную* противъ объявленной цѣны, такъ, если сборникъ будетъ стоить 1 р., то подписчики получаютъ его за 50 к., если ц. выпуска будетъ 50 к., подписчики наши получаютъ

его за 25 к. Высылаются сборники будут *накладным платёжом*, а потому наши подписчики благоволятъ при своихъ требованіяхъ на журналъ заявлять, что желаютъ получать сборники „Современный расколъ“.

Всѣхъ сборниковъ „Современный расколъ“ мы предполагаемъ выпустить въ теченіи года не менѣе 4—6 кн., въ объемѣ отъ 5—10 печат. л., по цѣнѣ самой доступной.

За всѣмъ тѣмъ, на страницахъ журнала статьи по расколу и его обличенію будутъ помѣщаться по-прежнему во всѣхъ отдѣлахъ, на ряду съ статьями по сектантству. Главными же, такъ сказать, боевыми матеріалами въ „Мис. Обзоръ“ 1903 года будутъ статьи, касающіяся вопросовъ миссіи Церкви среди интеллигенціи, какъ искренно ищущей религиозной истины, такъ и упорно отвергающей ее.

Церковь и государство переживаютъ чрезвычайно важный историческій моментъ. всѣми чувствуется какая-то тревога въ сердцахъ и смута въ умахъ... Наступалъ истекающій нынѣ годъ при свинцовыхъ тучахъ на нашемъ родномъ горизонтѣ, не проясняется духовный горизонтъ и при закатѣ дней стараго года... Что годъ грядущій намъ сулитъ, — единому Господу Богу извѣстно!.. Пастырямъ и апологетамъ Церкви нужно бодрствовать на своей стражѣ въ живомъ сознаніи незблемой силы Церкви и крѣпкихъ связей съ нею могучаго русскаго православнаго Царя и народа. Болѣе чуткіе интеллигенціи опознаютъ эту силу, но... почувствуютъ они ея несокрушимость, лишь послѣ, когда мы, отцы и братіе, не воздремлемъ, ниже успнемъ, станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ Божиимъ совершать свое служеніе Нашъ же долгъ и впредь будетъ—посильно будить вашу энергію и бодрить нашу аудиторію, дорогую семью читателей, которымъ отъ всего сердца желаемъ закончить старый и вступить въ новый годъ въ мирѣ и радости о Дусѣ Святѣ! А пока, въ упованіи бесѣдовать съ каждымъ изъ васъ, дорогіе читатели, встрѣтитесь и въ новомъ году, не будемъ говорить *прощайте*, и лишь *до свиданія*.

В. Скворцовъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

статей, помѣщенныхъ въ мѣсячныхъ книжкахъ журнала „Мис-
сіонерское Обозрѣніе“ за 2-е полугодіе 1902 года.

(Томъ II).

Руководственныя статьи по вопросамъ миссіонерства.

	Стран.
Христось на Голгоѣѣ и воскресшіи. (Въ связи съ вопросомъ о страданіяхъ человѣчества). Гером. Михаилъ іюль-августъ	3—25
Религіозное мировозрѣніе и идеалы жизни и личности русскаго народа и отношеніе къ нимъ нашей интеллигенціи. (Къ вопросу объ объединеніи интеллигенціи съ народомъ и Церковью). Свящ. С Четвериковъ. іюль-августъ	26—43
Къ вопросу объ образованіи инородцевъ. П. Износковъ іюль-августъ	66—85
Трагизмъ толстовства и миръ Евангелія. Свящ. Дим. Силинъ сентябрь	194—213
О миссіонерской постановкѣ учебно-религіозно-воспитательнаго дѣла церковной единовѣрческой школы. Свящ. І. Чередниковъ . . . сентябрь	214—221
Новое христіанство. Гером. Михаилъ . октябрь	385—400
Значеніе школьнаго образованія въ дѣлѣ противораскольнической миссіи. Свящ. Л. Смирновъ октябрь	521—428
Христіанская религія и культура. Свящ. І. Филевскій ноябрь	555—558
Психологія таинствъ. (Этюды. Этюдъ I-й о бракѣ Гером. Михаилъ ноябрь	549—479
П. Д. Боборыкинъ и русское сектанство. По поводу повѣсти Боборыкина, „Исповѣдники“) П. Козицкій ноябрь	480—499
	декабрь 755—773
Объ отношеніи къ жизни и смерти въ язычествѣ и христіанствѣ. (3-е религіозно-философское письмо). Свящ. І. Филевскій декабрь	737—754
Можно ли молиться за умершихъ инославныхъ христіанъ?	декабрь 801—805

По расколу и сектовѣднію.

Отношеніе христіанства къ государству по возрѣніямъ гр. Л. Н. Толстого. К. Григорьевъ	юль-августъ 54—65
	октябрь 401—414
Разборъ грамоты неокружниковъ отъ 6 мая 7407 лѣта (1899 года), поданной московскому окружническому архіепископу Іоанну, съ замѣча- ніями Арсенія епископа уральскаго. Сявщен. Ө. Воловей	юль-августъ 86—96
	сентябрь 234—260
	ноябрь 600—611
	декабрь 806—834
Гернгуттерскія братства. Іером. Алексій (Дор- ницынъ)	сентябрь 222—234
Собраніе раскольническихъ безпоповщинскихъ (поморскаго согласія) духовныхъ отцовъ Донской области. Свящ. Евгр. Овсянниковъ	сентябрь 216—275
Итоги сужденій о штундизмѣ на орловскомъ епархіальномъ миссіонерскомъ съѣздѣ.	октябрь 416—429
Поѣздка раскольничьей депутаціи на востокъ въ 1900 году	октябрь 429—448
	ноябрь 612—617
Умопомраченіе странной секты (духоборовъ). В. Скворцовъ	ноябрь 618—629
По поводу «поѣздки раскольничьей депутаціи на востокъ въ 1900 году», Н. Гринякинъ.	декабрь 774—800
Изъ миссіонерскихъ писемъ, дневниковъ и лѣтописей.	
Исповѣдь увѣровавшаго интеллигента. Врачъ С. Апраксинъ.	юль—августъ 97—106
Иночество и старчество въ расколѣ. Свящ. С. Магнусовъ	юль—августъ 107—113
Вопросы религіи въ обсужденіи передовыхъ лю- дей. С. Бронницкій	сентябрь 276—289
	ноябрь 630—639
Еретикъ Кирюшка и графъ Толстой на судѣ раскольничьяго собора. С. К. П.	сентябрь 290—302

Миссіонерскіе очерки.

Разстроенные люди (миссіонерскій очеркъ) Д. Боголюбовъ.	сентябрь 303—306
Распустился міръ. III. Послѣ бесѣды съ моло- канами. Д. Боголюбовъ.	октябрь 448—453
Единеніе въ Сарапулѣ, Вятской губерніи. (Изъ путевыхъ впечатлѣній), Проф. Н. Ивановскій.	октябрь 454—467

	СТРАН.
Наблюденія и мысли православнаго миссіонера (изъ бывшихъ расколоучителей). Мисс. К. Кар- тушинъ.	октябрь 468—475
О новой раскольничьей книгѣ. Мисс. свящ. В. Родіонцевъ.	ноябрь 640—644
Къ вопросу о нравственной порядчности сек- тантовъ. Н. Булгаковъ.	ноябрь 645—646
Къ характеристикѣ современной хлыстовщины. Свящ. М. Тифловъ	ноябрь 647—656
Миссіонерская полемика по вопросу о присягѣ. (Открытое письмо къ Д. М. Боголюбову).	декабрь 835—840
Письмо къ старообрядцу-безпоповцу. Проф. Н. Ивановскій.	декабрь 840—843
Страничка изъ исторіи возникновенія штун- дизма въ сквирскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи. Н. В.	декабрь 844—852
Безпоповщинское поставленіе въ духовные отцы. Свящ. Е. О—въ.	декабрь 853—855

Изъ миссіонерской полемики.

О незаконности австрійской іерархіи (бесѣда вторая съ Усовымъ). С. Шалкинскій.	іюль—август 114—130
	Сентябрь. 307—326
Бесѣда съ штундобаптистами о присягѣ. Д. Боголюбовъ.	сентябрь 327—330
Бесѣда о причинахъ отдѣленія раскольниковъ- старообрядцевъ отъ православной Церкви С. Ша- лкинскій.	октябрь 476—490
	ноябрь 665—681
Изъ моей келейной полемики съ столичными пашковцами. А. Двинская.	октябрь 491—499
Бесѣда съ штундо-баптистами о необходимости для спасенія принадлежать къ истинной Христо- вой Церкви Д. Боголюбовъ	ноябрь 657—664
Собесѣдованіе синодальнаго миссіонера прот. К. Крючкова съ екатеринбургскими старообряд- цами, происходившее 23 іюня 1902 года. А. Обте- перанскій.	декабрь 856—874

Миссіонерство, секты и расколъ (хроника).

Изъ залы засѣданій козельскаго окружнаго миссіонерскаго съѣзда.

Открытіе козельскаго съѣзда.—Численный со- ставъ, толки и очаги раскола и сектантства.—Не-

- обходимость заведенія миссіонерскихъ лѣтописей. Характеристика духовныхъ руководителей мѣстнаго раскола и ихъ пагубное вліяніе на раскольничью массу. — Бытовая и нравственная жизнь у раскольниковъ и отношеніе раскола къ грамотности. — Предпочтеніе церковныхъ школъ. — Религіозная тьма и невѣжество. — Доброе отношеніе раскольничьей массы къ православнымъ пастырямъ и чтимымъ храмамъ и иконамъ. — Улучшеніе положенія православной женщины въ расколничьей семьѣ. — Причина живучести раскола и средства къ ослабленію его. — Раскольники и сектанты въ роли сельскихъ начальниковъ. — Важность церковной школы въ дѣлѣ миссіи. — Сужденія о мѣстной хлыстовщинѣ. іюль—августъ 131—144
- Изъ залы засѣданій боровскаго окружнаго и калужскаго епархіальнаго миссіонерскихъ съѣздовъ. Открытіе Боровскаго съѣзда. — Приглашеніе боровскихъ лжепоповъ и почитателей моленныхъ на братскую бесѣду съ представителями съѣзда. — Пренія по вопросу о хожденіи съ иконами по домамъ раскольниковъ. — О неодинаковости практики въ дѣлѣ присоединенія къ Церкви приходскимъ и монастырскимъ духовенствомъ брачущихся изъ раскола. — О значеніи школы въ дѣлѣ миссіи. — О допущеніи дѣтей раскольниковъ вовто роклассныя школы. — Привлеченіе къ миссіи учителей и низшихъ членовъ клира. — Къ вопросу объ уставности богослуженія сентябрь 331—346
- Вопросы расколо-сектантства на страницахъ свѣтской печати. — Гонимые или гонители? — Сибирскіе раскольники и ихъ отношеніе къ православнымъ. — Н. А. Гурьевъ въ роли защитника скопцовъ. — Скопцы въ с.-петербургской и рязанской епархіяхъ. А. Орловъ. октябрь 500—520
- О полемическихъ приѣмахъ при собесѣдованіяхъ съ раскольниками и сектантами. — По поводу отчета православнаго миссіонерскаго общества. — Современный расколъ. — Непозволительныя затѣи егорьевскихъ старообрядцевъ. — Устраненіе отъ дѣлъ Силуана и благочиннической соборъ для выбора ему преемника. — Служеніе Арсенія Швецова въ Оренбургѣ. — Расколъ въ Омской епархіи. Э. Я. ноябрь 682—696
- Годичный епархіальный съѣздъ миссіонеровъ Херсонской епархіи въ г. Одессѣ. — Занятія съѣзда. — Кто долженъ отмѣчать поведеніе миссіонеровъ. — Обойденные новымъ пенсіоннымъ уставомъ іерей миссіонеры М. Калъневъ. декабрь 875—877

	СТРАН.
О миссіонерахъ-книгоносахъ. Д. Боголюбовъ. декабрь	878—880
Московскій расколъ.—Раскольничій «кабинетъ». Тульскій «соборъ» и его дѣянія. — Новыя молен- ныя.—Самочинный раскольничій „протоіерей“.— Судъ надъ безобразникомъ-лжепопомъ.— Подписка среди раскольниковъ на подпольныя изданія. А. В—овъ. декабрь	881—888

Изъ жизни инославія и изъ міра заграничнаго сентантства.

О католическомъ духовенствѣ.—Римская Цер- ковь и соціаль—демократія. Е. А. Е.—Christian Science въ Германіи.—Новая секта въ Греціи.— Австрійскіе назаряеи.—Новый японскій пророкъ Тэтуажиро.—Фанатизмъ магометанъ въ Марокко.— Чешская академія наукъ и гр. Толстой. А. Ф. . . . сентябрь	347—352
Къ исторіи арміи спасенія.—Расколъ въ франк- масонствѣ. — Съѣздъ методистскихъ пастырей и призывъ къ усиленію миссіонерства.—Новая сек- та.—„Христіано-исламизмъ“.—Секта якобитовъ. — Лондонскій лжемессія Пиготтъ. А. Ф—нъ. ноябрь	697—702
Въ стронѣ факировъ.—Армія Спасенія.—Новая секта на островѣ Суматра.—Статистика населенія Индіи по религіямъ.—Новая секта въ Финляндіи. декабрь	888—892

Библиографія.

Критическое обозрѣніе противъ - раскольниче- скихъ бесѣдъ, помѣщенныхъ въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“. К. П. іюль—августъ	145—158
Бесѣды по Закону Божию въ старшемъ классѣ Свято-Владимірской церковно-учительской женской школы за 1900—1901 учебн. годъ. Свящ. М. Ли- сицынъ. іюль—августъ	158—159
В. П. Лебедевъ. Великій Страдалецъ. Исто- рическая повѣсть. Свящ. М. Лисицынъ. іюль—августъ	159
Прот. В. Бажановъ. —Примѣры благочестія изъ житій святыхъ. М. Лисицынъ. іюль—августъ.	159
Талмудъ, его сущность, значеніе и исторія. Д-ра Бернфельда. Свящ. М. Лисицынъ. іюль—августъ.	159—160
Филаретъ (Гумилевскій). Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣній греческой Церкви. Свящ. М. Лисицынъ. . . іюль—августъ.	160

Послання Ігнатія Богоносца въ рускомъ переводѣ. Свящ. М. Лисицынъ.	юль—августъ	161
Е. В. Богдановичъ. Безгранична милость русскаго Царя. Свящ. М. Лисицынъ.	юль—августъ	161
Мысли о Богѣ. Л. Н. Толстой. (Критико-философскій этюдъ). І. Михайлъ.	сентябрь	353—359
Объ изданіяхъ братства св. Петра. Свящ. Константинъ Поповъ.	сентябрь	359—361
Богословская мораль д-ра Альфонса Марія де-Мауори и страшная опасность этой морали для народной нравственности. (Къ вопросу о целибатѣ рим. іерархіи). М. Леоновичъ	сентябрь.	361—363
П. П. Добромысловъ. Оскопленіе предъ судомъ священнаго Писанія, законовъ церковныхъ и здраваго смысла. Свящ. Е. Овсянниковъ.	сентябрь.	363
Прот. А. П. Мальцевъ. Основаніе педагогики. М. Леоновичъ	сентябрь.	363—364
Архим. Иннокентій. Три искушенія. Свящ. М. Лисицынъ	сентябрь.	364
Антикритика на статью г. Чельцова: „О нѣкоторыхъ писательскихъ приемахъ въ нашей духовной литературѣ“. И. Айвазовъ	сентябрь.	365—368
„Божія Нива“. Троицкій собесѣдникъ для церковно - приходскихъ школъ. В. Барсневъ.	октябрь.	521—524
Прот. Т. Буткевичъ, проф. харьк. унив. Религія, ея сущность и происхожденіе. (Обзоръ философскихъ гипотезъ). В. Леоновичъ	октябрь.	525—528
Свящ. П. Злотниковъ. Бесѣды о св. причащеніи и о св. крестѣ Господнемъ. П. Козицкій.	октябрь.	528—530
Діаконъ Дим. Георгіевскій. Начальное наставленіе въ Законѣ Божіемъ. Свящ. М. Лисицынъ.	октябрь.	530—531
Проф. А. Дмитріевскій. Книга „Требникъ“ и ея значеніе въ жизни православнаго христіанина. М. Леоновичъ	ноябрь.	703—705
Божій Путь. Сборникъ статей свящ. Г. Петрова. П. Козицкій	ноябрь.	705—708
Страсти Христовы. Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа. свящ. М. Лисицынъ.	ноябрь.	708
А. Кычигинъ. Въ области церковнаго устава. М. Леоновичъ	декабрь.	892—895
Епископъ Антоній. Почему Господь Іисусъ Христосъ не называлъ себя Богомъ? П. Козицкій.	декабрь.	895—897
Прот. А. Дерновъ. Объ истинно-христіанскомъ воспитаніи. Свящ. М. Лисицынъ.	декабрь.	898—899

Ф. Шатобрианъ. Мученики. Церковно-историческая повѣсть. С. М. Л. декабрь	899
Д. Тихомировъ. Объ основахъ и организаціи средней школы. Э. О. Л. декабрь	899

Миссіонерскій Вѣстникъ.

Первый калужскій епархіальный миссіонерскій съѣздъ. Э. М. іюль-августъ.	162—169
Расколѣдѣніе и миссіонерство на калужскихъ церковно-школьныхъ курсахъ и паломничество Э. Я. іюль-августъ.	170—175
Къ вопросу о канонизаціи новаго угодника Божія русской Церкви іюль-августъ.	175
О присоединеніи штундистовъ къ православной Церкви въ Харьковской губерніи. Д. Боголюбовъ. іюль-августъ.	176—177
Обрядъ коронованія англійскаго короля іюль-августъ.	177—178
Миссіонерская вакансія іюль-августъ.	178
Распоряженіе Св. Синода о совершеніи въ недѣлю православія молебнаго пѣнія объ обращеніи заблудшихъ ересями и расколомъ. — Архипастырское наставленіе о крестномъ знаменіи. — Миссіонерскіе курсы въ г. Воронежѣ. — Донской епархіальный миссіонерскій съѣздъ. — Сельскій пастырско-миссіонеръ сентябрь	369—373
Тридцатипятилѣтіе служебной дѣятельности В. К. Саблера. — Донской миссіонерскій съѣздъ. — Миссіонерскіе съѣзды въ гг. Перми и Одессѣ. — Нижегородскій всероссійскій съѣздъ старообрядцевъ главарей раскольничьей австрійской секты. — Изъ жизни казанскихъ миссіонерскихъ курсовъ. — Корреспонденціи: изъ Вятки, изъ Царицына, изъ Фастова. — Къ вопросу о матеріальной помощи новообращеннымъ въ лоно пр. Церкви. — Миссіонерское крестное шествіе. — Раскольничья „Заморилковка“ октябрь	532—544
Миссіонерская поѣздка о. Іоанна Кронштадскаго въ Костромскую губернію. — Пятидесятилѣтній юбилей проф. Н. И. Субботина. — Отецъ протоіерей Іоаннъ Добровольскій. — За столомъ причащаются. (Современное безпоповское ученіе о причащеніи). — Миссіонерскія наставленія о Серафима Саровскаго. — Изъ Егорьевска. (Новое миссіонерское братство) ноябрь	709—720
Новое посланіе епископа Антонія духовенству Волынской епархіи. — Знаменательное присоеди-	

ніе къ Церкви безпоповщинскаго наставника. — Изъ миссіонерской практики. Свящ. В. Черкесовъ. — По поводу истекшаго 50-ти лѣтняго юбилея гр. Л. Н. Толстого. (Мысли юноши). Восп. V кл. Вор. дух. семина. Тихонъ Олейниковъ. — Письмо унтеръ-офицера. А. Козинъ. — Богословскія чтенія въ столицѣ декабрь. 899—910

Со скрижалей сердца.

Нѣсколько словъ по поводу дарованія пенсіи духовенству. В. М. Скворцовъ. — Отзывъ „Нов. Вр.“ — Невеселыя думы миссіонера по поводу радостнаго событія. Д. Боголюбовъ . . . іюль-августъ. 179—192

Окружное посланіе духовенству Волынской епархіи. Епископъ Антоній сентябрь. 374—384

Еще и еще о злосчастныхъ духоборахъ. — Кто и насколько виновенъ въ бывшихъ и нынѣшнихъ духоборскихъ безумствахъ. — Закавказскій походъ духоборъ и кн. Шервашидзе. — Недомолвки „Нов. Вр.“ и откровенность „Моск. Вѣд.“ В. М. Скворцовъ. — На именинахъ у о. Іоанна Кронштадтскаго. ноябрь. 723—756

Редакціонное послѣсловіе по поводу окончанія седьмой годовщины изданія журнала „Миссіонерское Обзорѣніе“. — Новое издательское предпріятіе: „Современный расколъ“. В. М. Скворцовъ. декабрь. 928—936

Отклики.

I. Ищущіе „слѣпые“ Метэрлинка. Найдутъ ли? — „Тревожная ночь“ В. В. Розанова. — Жива ли Церковь. — Кто виноватъ въ кажущемся оскудѣніи Церкви? — Наши надежды. — II. Ищущіе въ Церкви. — Обмѣнъ женами у хлыстовъ Воронежской епархіи. — Брошенные дѣти. — III. Рождественская елка. Гером. Михайль декабрь. 911—927

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрѣшается. С.-Петербургъ, 17 декабря 1902 г.

Цензоръ Геромонахъ Александръ.

UNIVERSITY OF CHICAGO

25 857 070

BX 460 MISSIONERSKOE
.M67 OBOZRIENIE
Sept-Dec 1902

1/c

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

U of Chicago

25857070